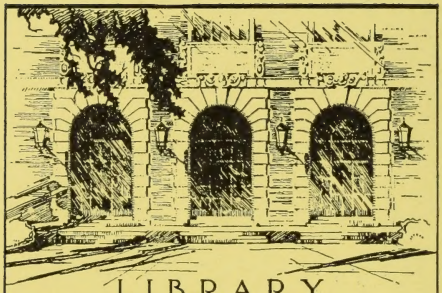

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

944.04
So6eRk
v.1-2

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its renewal or its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below. **You may be charged a minimum fee of $75.00 for each lost book.**

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 25 1998

AUG 12 1998

When renewing by phone, write new due date below previous due date.

L162

А. СОРЕЛЬ

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ GOBERT'A.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРѢЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ НРАВЫ И ТРАДИЦІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1892.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, № 27.

944.04
SoberRk
v.1-2

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

СТР

Введеніе 1

КНИГА I.

Политическіе нравы и реформы.

Глава I. Политическіе нравы 7
„ II. Правительства и реформы 73
„ III. Вліяніе французскаго духа 116

КНИГА II.

Политическія традиціи Франціи.

Глава I. Нація и правительство 147
„ II. Внѣшняя политика 194

КНИГА III.

Политическія традиціи въ Европѣ.

Глава I. Англія 269
„ II. Голландія 286
„ III. Испанія 293
„ IV. Италія 303
„ V. Германія 318
„ VI. Австрія 349
„ VII. Пруссія 367
„ VIII. Россія, Швеція, Польша и восточныя дѣла 397
Заключеніе 420

Lift of Simon Litman

Digitized by the Internet Archive
in 2014

http://archive.org/details/evropaifrantsuzs12sore

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Сочиненіе Сореля «L'Europe et la révolution française», появляющееся въ настоящемъ переводѣ на русскомъ языкѣ, — одно изъ наиболѣе крупныхъ и выдающихся по своимъ достоинствамъ сочиненій, посвященныхъ такой важной эпохѣ въ исторіи не одной Франціи, но и всей Европы, какъ переворотъ конца XVIII вѣка, унесшій «старый порядокъ» и положившій начало новымъ отношеніямъ. Первый томъ этого труда вышелъ въ свѣтъ въ 1885 г. и тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе, какъ серьёзная историческая работа; но послѣ того планъ автора значительно еще расширился. Издавая первый томъ, Сорель думалъ ограничиться эпохой, которая заключается прекращеніемъ дѣятельности Конвента, но уже самое начало введенія указывало на другой предѣлъ взятой авторомъ исторической эпохи; и въ самомъ дѣлѣ сочиненіе, расчитанное первоначально на три тома (I. Les moeurs politiques et les traditions. II. La chute de la royauté. III. La Convention), вышло изъ этихъ рамокъ. То, что́ должно было составить третій томъ, разрослось до двухъ томовъ, и когда въ прошломъ 1891 г. появилась третья часть, охватывающая 1792—93 гг. (La guerre aux rois), читатели узнали о томъ, что готовится и четвертая часть, съ недавнимъ (1892 г.) выходомъ которой подъ заглавіемъ «Les limites naturelles» первоначальный планъ Сореля былъ окончательно выполненъ. Теперь авторъ обѣщаетъ идти далѣе 1795 г., на которомъ предполагалъ остановиться; и имъ уже объявлено о томъ, что готовятся къ печати пятый и шестой томы, которые будутъ заключать въ себѣ исторію двадцатилѣтія между 1796 и 1815 годами.

Альбертъ Сорель (род. въ 1842 г.), secrétaire général de la Présidence du sénat, состоящій въ то же время профессоромъ въ Свободной школѣ политическихъ наукъ (École libre des sciences po-

litiques), началъ свою учено-литературную дѣятельность на поприщѣ науки международнаго права. Ему принадлежатъ: Le traité de Paris du 20 novembre 1815, двухтомная «Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande» (1875), учебникъ международнаго права (1876, второе изданіе 1887), La question d'Orient au XVIII siècle (1878 и 1889), редакція одной изъ частей Recueil des instuctions données aux ambassadeurs de France (1884). Кромѣ того, онъ издалъ Essais d'histoire et de critique (1883) и маленькую книжку о Монтескьё (1887) въ извѣстной серіи Les grands écrivains français. Сочиненіе по французской революціи прямо примыкаетъ къ занятіямъ автора исторіей международныхъ отношеній, такъ какъ Сорель задумалъ въ немъ изобразить не одни внутреннія отношенія Франціи, но главнымъ образомъ значеніе революціи для всей Европы, что прямо ставило передъ нимъ задачу исторіи и международной политики въ эту эпоху, хотя въ то же время онъ обращаетъ вниманіе и на внутреннюю исторію европейскихъ государствъ, не говоря уже объ изображеніи событій, совершавшихся въ самой Франціи. Подобную цѣль уже ставилъ себѣ раньше нѣмецкій историкъ Зибель въ своей Geschichte der Revolutionszeit (переведенной и по-русски), но кто только будетъ сравнивать труды Зибеля и Сореля, самъ увидитъ, насколько выше французскій трудъ и по постановкѣ вопроса, и по общему построенію, и по широтѣ взгляда, и по научному безпристрастію. Пишущій эти строки намѣревается по выходѣ въ свѣтъ всего труда сдѣлать ему подробную оцѣнку, въ которой сравненіе Сореля, какъ историка, съ Зибелемъ должно будетъ особеннымъ образомъ выяснить выдающіяся достоинства книги Сореля.

Во французской исторіографіи трудъ Сореля примыкаетъ къ извѣстному сочиненію Токвиля «L'ancien régime et la révolution» (есть и по-русски). То, что Токвиль сдѣлалъ для Франціи, Сорель примѣняетъ ко всей Европѣ, доказывая, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ—возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе (suite) исторіи Европы, и что у революціи не было ни одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка. Въ этомъ отношеніи особое значеніе имѣетъ первый томъ труда Сореля, который можно было бы назвать обзоромъ внутренней исторіи европейскихъ государствъ въ XVIII вѣкѣ, составленномъ подъ однимъ, опредѣ-

леннымъ угломъ зрѣнія. Притомъ онъ существеннымъ образомъ дополняетъ даже для Франціи ту ея картину въ XVIII вѣкѣ, какую начертываетъ Тэнъ въ первомъ томѣ своихъ «Origines de la France contemporaine» (переведенномъ и на русскій языкъ). Тэнъ—психологъ въ исторіи: соціологическая сторона послѣдней ему мало понятна; Сорель—именно политикъ, распутывающій тѣ отношенія, въ коихъ Тэнъ часто какъ бы теряется. Этого мало: Тэнъ обѣщалъ въ началѣ перваго тома своего труда, пятый томъ коего (Le régime moderne, часть первая) вышелъ недавно, отнестись къ «старому порядку», революціи и новой Франціи какъ натуралистъ, изучающій превращенія насѣкомаго, но онъ даже не сохранилъ безпристрастія судьи, не говоря уже о безстрастіи естествоиспытателя, на которое онъ претендуетъ. Поразительный контрастъ ему въ этомъ отношеніи составляетъ авторъ неоконченнаго (вышло два съ половиною тома) сочиненія, подъ заглавіемъ «La chute de l'ancien régime», Chérest, который, будучи консерваторомъ, приступилъ, какъ самъ онъ заявляетъ, къ изученію эпохи (1787—89 гг.) съ предвзятою мыслью, отъ которой отказался, послѣ того, какъ познакомился съ источниками: хотѣлъ выступить въ роли обвинителя и превратился въ безпристрастнаго судью. Иное дѣло—Тэнъ: его исторія революціи, начатая съ намѣреніемъ автора сдѣлать изъ нея чисто объективное изслѣдованіе, превратилась въ памфлетъ, хотя памфлетъ въ трехъ томахъ, съ массою новаго матеріала, съ блестящими страницами и интересными выводами, съ коими наука будетъ считаться. Сорель тѣмъ и важенъ, что онъ подходитъ къ своему предмету безъ quasi-натуралистическихъ претензій Тэна и безъ предвзятыхъ мыслей въ ту или другую сторону, подходитъ, какъ ученый историкъ, имѣющій передъ собою опредѣленную научную задачу и, нужно замѣтить, основательную подготовку.

Когда пишутся эти строки, въ подлинникѣ существуютъ лишь двѣ трети всего труда, но этой его части совершенно достаточно для того, чтобы съ нетерпѣніемъ ожидать его завершенія. Нужно надѣяться, что и среди русскихъ читателей сочиненіе Сореля будетъ пользоваться такимъ же почетомъ, какимъ оно пользуется у соотечественниковъ талантливаго историка и вездѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить серьезныя произведенія исторической литературы.

Н. Карѣевъ.

С.-Петербургъ,
18 апрѣля 1892 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Война между Европой и французской революціей длилась около четверти столѣтія. Она началась при Вальми и закончилась только при Ватерлоо. Соединенная Европа восторжествовала надъ французскими арміями, но нельзя сказать, чтобъ Франція вышла изъ борьбы побѣжденной. Она предприняла ее, чтобъ отстоять свою національную независимость, неприкосновенность своей территоріи, реформы, проведенныя ею въ своихъ законахъ и политическомъ строѣ. За миръ она уплатила лишь возвращеніемъ завоеванныхъ ею территорій; она вернулась въ свои старые предѣлы: цѣлость націи не была нарушена. Существенные результаты, данные революціей, уцѣлѣли. Франція сохранила гражданскій кодексъ и представительный образъ правленія. Этого было достаточно, чтобъ увѣковѣчить дѣло 1789 года и дать ему возможность принести всѣ свои плоды въ будущемъ.

Я хотѣлъ бы собрать воедино главныя черты этихъ событій и отыскать въ нихъ то, что составляетъ самую сущность ихъ исторіи, отдаленныя причины тѣхъ «великихъ ударовъ, которые отражаются на столь далекомъ разстояніи» [1]). Неожиданныя перипетіи этой долгой трагедіи, обширность театра, заключающаго въ себѣ всю Европу, множество дѣйствующихъ лицъ, рѣзкіе переходы отъ героическихъ сценъ къ ужасающимъ картинамъ, эпизоды, полные увлекательнаго интереса, наконецъ весь трескъ катастрофы смущаютъ душу зрителя и не позволяютъ ему уловить общую нить, связывающую отдѣльные факты. Но какъ ни удивительны эти событія въ моментъ ихъ кризисовъ, еще удивительнѣе соотношеніе между ними и ихъ послѣдовательная связь.

Французская революція, съ самаго начала ея и единственно лишь въ силу своего основного принципа, подрываетъ самыя основанія и разрушаетъ все зданіе старой монархической Европы. Она провозглашаетъ верховенство народа, объявляетъ свои доктрины очевидными и міровыми истинами, угро-

---

[1]) Bossuet. *Discours sur l'histoire universelle,* 3 partie, ch. VIII.

жаетъ всѣмъ установленнымъ властямъ, приглашаетъ всѣ народы къ возстанію и освобожденію. Всего поразительнѣе здѣсь не характеръ ученія, не задоръ пропаганды, а равнодушіе европейскихъ правительствъ. Они не понимаютъ знаменательныхъ признаковъ, указывающихъ на приближеніе грозы; гроза разразилась—они смотрятъ на нее съ эгоистическимъ равнодушіемъ и пугаются лишь тогда, когда потокъ вышелъ изъ береговъ и грозилъ затопить ихъ собственныя владѣнія.

Не съумѣвъ понять опасности, правительства не смогли и отвратить ее. Они противопоставляютъ ей безсвязныя усилія, мѣры, полныя противорѣчій, неудачные планы. Угрожаемыя со стороны возставшаго народа и разрушительнаго ученія, они не имѣли ни консервативнаго принципа, который могли бы противопоставить ученію, ни публичной силы для противодѣйствія возмущенію. Все ниспровергнуто во Франціи, все уцѣлѣло въ Европѣ. У Франціи нѣтъ ни правительства, ни казны, едва сохранились у нея кадры арміи. Старыя монархіи располагаютъ всѣми рессурсами сильныхъ правительствъ: арміи поставлены на военную ногу, генералы, изучившіе войну въ теоріи и на практикѣ, командуютъ опытными и послушными солдатами. На ихъ сторонѣ умѣніе, дисциплина, численность, оружіе, боевые запасы. Казалось бы, что Франція должна была пасть. Но противъ ожиданія анархія организуется, а организованная сила разлагается. Франція побѣждаетъ коалицію, она дѣлаетъ нѣчто еще болѣе удивительное: она ее разъединяетъ. «Эти разбойники,—писалъ одинъ изъ союзныхъ монарховъ [2]), —не хотятъ ни друзей, ни враговъ, имъ нужны только соучастники и жертвы». Кромѣ Англіи, которая впрочемъ завоевала для себя французскія колоніи и надѣялась ихъ сохранить, всѣ союзныя державы по очереди идутъ на мировую сдѣлку и становятся соучастниками побѣдителей, чтобы раздѣлить съ ними наслѣдство, оставленное жертвами. Крестовый походъ противъ революціи, предпринятый королями для защиты установленнаго права, приводитъ къ раздѣлу континента между защитниками монархическаго права и тѣми, кто получилъ свою власть отъ революціи. Старая Европа кончаетъ полнымъ цинизма банкротствомъ.

Чтобъ вступить въ соглашеніе съ революціей, Европа отрекается отъ своего принципа; чтобы поладить со старой Европой, французская революція извращаетъ свой собственный принципъ. Франція торжественно отказывалась отъ завоеваній. Она приносила миръ вселенной, она приглашала народы составить всеобщій союзъ: говорилось, что тиранія ихъ разъединила, свобода должна соединить. Въ чемъ имъ завидовать другъ другу, когда всѣ будутъ равно

---

[2]) Инструкція Екатерины II своему посланнику въ Берлинѣ, отъ 6 іюня 1794. Мартенсъ. *Русско-германскіе трактаты.* Т. II, стр. 167. Петербургъ. 1883.

счастливы? Война разразилась; нѣкоторымъ показалось, что она окончательно утвердитъ господство чудной утопіи. Къ несчастію случилось нѣчто, болѣе согласное съ природою вещей и человѣческими страстями: побѣда внушила революціи воинственныя стремленія. Война, начатая во имя защиты французской территоріи, завершилась вторженіемъ въ чужіе предѣлы; предпринявъ завоеванія съ освободительными цѣлями, Франція приняла участіе въ раздѣлахъ, чтобы ихъ сохранить.

Но, получая выгоды отъ войны, она подчинялась и общему закону войны. Французы вложили въ армію духъ революціи, онъ остался въ ней. Воскресшій Римъ далъ жизнь Цезарю. Бонапартъ предсталъ передъ Франціей и Европой, какъ орудіе революціи. Франція увѣровала въ его миссію: такимъ образомъ объясняется тотъ энтузіазмъ, который онъ возбудилъ къ себѣ. Европа пыталась сопротивляться ему: онъ ее укротилъ не одною силою оружія, но и политикой. Геній сдѣлалъ его мастеромъ войны, алчность его противниковъ отдала миръ въ его распоряженіе, который въ его рукахъ сталъ опаснѣе войны. Тогда Франція и Европа представили одно и то же зрѣлище. И люди, создавшіе революцію, и люди, боровшіеся противъ нея, очутились въ одинаковомъ рабствѣ. Во Франціи изъ рядовъ самыхъ яростныхъ демократовъ возникаетъ цѣлая аристократія цареубійцъ, а въ Тюильри, рядомъ съ графомъ, сочинившемъ законъ о подозрительныхъ, мы встрѣчаемъ принца, предсѣдательствовавшаго въ комитетѣ общественнаго спасенія; въ Европѣ государи, происходящіе изъ самыхъ древнихъ царственныхъ домовъ, принимаютъ королевскую корону изъ той же самой руки, которая раздавала въ Парижѣ эти странныя инвеституры и однимъ почеркомъ пера упраздняла цѣлыя династіи. Въ 1808 революція имѣла на континентѣ только союзниковъ или побѣжденныхъ. Она навязала себя государствамъ, ей оставалось еще сокрушить послѣдній оплотъ, за которымъ еще хоронились эти порабощенные или подкупленные короли—ихъ семью. Революціи оставалось отнять единственное преимущество, которымъ они могли теперь кичиться: чистоту крови, которая составляла ихъ гордость и дѣлала изъ нихъ какъ бы отдѣльную расу среди европейскихъ народовъ. Это совершилось въ 1810. Человѣкъ, въ которомъ Меттернихъ видѣлъ «воплощеніе революціи» [3]), женился на правнучкѣ императрицы Маріи Терезіи. Едва минуло семнадцать лѣтъ съ той поры, какъ Марія Антуанетта погибла на эшафотѣ, и уже другая австрійская эрцгерцогиня возсѣла на ея мѣсто на французскомъ престолѣ, рядомъ съ Наполеономъ. Для старой Европы это было самое необыкновенное событіе въ исторіи революціи.

Для Франціи результаты этихъ событій были еще болѣе достойны удивленія.

---

[3]) *Mémoires*, t. I, p. 51. Paris 1882.

Въ 1792 она возвѣстила войну королямъ и миръ народамъ. Она восторжествовала надъ королями, но пала подъ напоромъ народовъ. Революція остановилась во Франціи и, такъ сказать, застыла въ военномъ деспотизмѣ; но, благодаря этому самому деспотизму, она продолжала распространяться въ Европѣ. Завоеванія распространяли ее среди народовъ. Выродившись и извратившись, она все-таки сохраняла достаточно энергіи, чтобъ волновать ихъ, и какъ ни искаженъ былъ языкъ свободы въ военныхъ лагеряхъ, все же онъ еще глубоко потрясалъ души. Война удивительно упрощала карту Европы. Множество границъ исчезло; націи, недавно еще раздѣленныя, такъ сказать, на части, соединились. Въ то самое время, какъ благодаря своимъ арміямъ Франція сближала такимъ образомъ людей путемъ знакомства съ произведеніями своихъ мыслителей, она учила ихъ, что для націй нѣтъ ничего прекраснѣе независимости, что вѣрнѣйшій путь пріобрѣсти ее—союзъ между ними, что народамъ принадлежитъ верховная власть, и первое употребленіе, которое они обязаны изъ нея сдѣлать,—это стать свободными. Народы безъ труда поняли этотъ языкъ, поняли также примѣръ, данный Франціей въ 1792 г. Не поняли они только того, что, говоря такимъ языкомъ и давая такой примѣръ, Франція стремилась къ тому, чтобы ихъ поработить и извлечь изъ нихъ выгоду. Къ тому же они не дѣлали различія между ею и человѣкомъ, который ею управлялъ; они не разыскивали черезъ какія фазы прошла французская революція и какимъ образомъ республика превратилась въ имперію; они знали революцію только подъ формой завоеванія. Подъ этой формой она распространяла въ средѣ народовъ свои принципы, подъ этой формой, и именно въ силу этихъ самыхъ принциповъ, народы возненавидѣли ее. Они возмутились противъ ея господства.

Короли Европы, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ и своимъ рутиннымъ средствамъ управленія, были побѣждены націей, которая сражалась съ энтузіазмомъ, сначала ради своей независимости, а затѣмъ—ради славы. Когда европейскія націи начали войну, роли перемѣнились: теперь уже Франція была предоставлена исключительно рессурсамъ своего государства, Европа обратила противъ нее ея собственное оружіе. Весьма естественнымъ послѣдствіемъ было то, что европейскія націи не устояли противъ дѣйствія тѣхъ самыхъ страстей, которыя ихъ подняли, и, вооружившись ради собственной независимости, остались вооруженными ради мщенія и завоеванія. Каждая вложила въ борьбу ненависть, злопамятство, честолюбивые виды, которые глухо накопляются вѣками въ душахъ и которые внезапно проявляются во время великихъ кризисовъ, подобно скрытымъ вулканамъ, обнаруживаемымъ во время землетрясеній. Толчокъ былъ такъ силенъ, что Европа и теперь еще продолжаетъ испытывать его влія-

ніе. Конецъ войнъ, вышедшихъ непосредственно изъ французской революціи, обозначаетъ начало революціи въ Европѣ, послѣдствія которой слишкомъ тяжело легли на Францію. Это—выступленіе національнаго принципа. Французская революція ознаменовала его возникновеніе; но вмѣсто того, чтобы принести старому міру принципъ порядка и умиротворенія, новая эра вносила въ него еще болѣе внутренняго разъединенія, отдавала его въ жертву болѣе сильному соперничеству, грозила ему еще невиданными дотолѣ раздорами.

Эти необыкновенные перевороты, этотъ неожиданный ходъ вещей, связывающихъ такія повидимому противорѣчивыя событія, не могутъ однако быть объяснены случайными причинами. Если произвольно сближать отдаленные одинъ отъ другого факты, то кажется, что они совершенно не зависятъ другъ отъ друга; но, разсматривая эти факты въ ихъ послѣдовательной связи, мы увидимъ, что каждый изъ нихъ находится въ тѣсной зависимости съ предыдущимъ, и отъ одного къ другому устанавливается цѣлая ихъ цѣпь. Такъ что относительно этой великой революціи новѣйшаго времени можно повторить слова Боссюэта о революціяхъ древности: «Все кажется удивительнымъ, если разсматривать только частныя причины, и тѣмъ не менѣе все идетъ съ правильною послѣдовательностью».

Вотъ эту-то послѣдовательность и желалъ бы я оттѣнить въ исторіи Франціи и Европы во время французской революціи, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшій періодъ этой революціи, т. е. до конца Конвента. Всѣ причины событій были тогда уже даны, главнѣйшіе результаты выяснились, всѣ основныя отношенія опредѣлились. Чтобъ понять ихъ, необходимо разсмотрѣть, каковы были, въ концѣ стараго режима, отношенія между государствами и состоянія европейскихъ народовъ, на какихъ принципахъ основывалось международное общеніе, какія правила руководили ихъ образомъ дѣйствій, какіе виды общественнаго интереса или частной выгоды управляли ихъ политикой; какія идеи были распространены между націями, какія чувства волновали душу людей, наконецъ, въ какихъ условіяхъ находились правительства и народы, когда началась великая агонія стараго міра, которая потрясла почву, привела въ движеніе арміи и заставила всѣхъ европейцевъ покинуть свои жилища, чтобъ ринуться въ общую схватку. Принципы французской революціи были отвлеченны и всеобщи; это способствовало ихъ быстрому распространенію и это же было причиной того, что они принесли результаты столь различные, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Эти прекрасныя идеи сохраняютъ свою метафизическую чистоту только въ сознаніи философа или въ разумѣ математика. Малѣйшее вліяніе со стороны жизни видоизмѣняетъ и разлагаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ примѣнить ихъ къ дѣлу—отождествляетъ ихъ съ собой и, присвоивая ихъ себѣ, извращаетъ. Діалектика ускользаетъ отъ

большой массы людей. Они не принимаютъ идеи, какъ законъ, по которому обязаны мыслить, они принимаютъ его за форму, въ которую безпорядочно бросаютъ всѣ тѣ инстинкты, чувства, знанія, предразсудки и заблужденія, которые накопились въ нихъ вслѣдствіе плохого воспитанія, отрывочнаго опыта, соединеннаго вліянія семьи и отечественныхъ условій. Химикъ анализируетъ воздухъ и переводитъ его въ формулы; народъ имъ дышетъ и, смотря по зародышамъ, которые содержитъ этотъ воздухъ, смотря по органамъ, въ которые проникаетъ, онъ приноситъ людямъ лихорадку или здоровье.

Чистый разумъ—не дѣло политиковъ, которые руководятся государственной пользой, и не дѣло народовъ, движимыхъ своими страстями. Но какъ для государства, такъ и для народовъ существуютъ традиціи столь же древнія, какъ ихъ исторія, потому что онѣ берутъ начало изъ одного съ нею источника и развиваются параллельно съ нею. Ихъ дѣйствіе на умы чисто инстинктивное; и тѣмъ болѣе оно властно, что умы менѣе всего думаютъ ему подчиняться. Въ кризисахъ, которые захватываютъ человѣка врасплохъ, онъ не находитъ въ себѣ иного рессурса и волей-неволей, сознательно или безсознательно, уступая или сопротивляясь, онъ неминуемо поддается вліянію унаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей. Съ этими-то данными онъ принимаетъ новыя идеи и пытается ихъ осуществить. Французы и другіе европейскіе народы именно такимъ образомъ истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго.

Я не имѣю притязаній на полное и всестороннее объясненіе этихъ великихъ историческихъ явленій, но сочту свой трудъ не безполезнымъ, если съумѣю показать, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ—возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе европейской исторіи, и доказать, что у революціи не было ни одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка.

КНИГА I.

Политическіе нравы и реформы.

ГЛАВА I.

Политическіе нравы.

I.

Принимаясь за чтеніе этой исторіи необходимо освободиться отъ предубѣжденія, въ силу котораго Европу стараго режима представляютъ себѣ рядомъ государствъ, правильно организованныхъ, гдѣ каждый, согласовалъ свое поведеніе съ принципами, признанными всѣми, гдѣ на уваженіи къ установленному праву основывались всѣ соглашенія и трактаты, гдѣ послѣдніе исполнялись со всею добросовѣстностью, гдѣ чувство солидарности между монархіями обезпечивало, вмѣстѣ съ поддержкою общественнаго порядка, прочность обязательствъ, принятыхъ государями. Эта «христіанская республика», какъ ее называли, была, въ новыя времена, не что иное, какъ величавая отвлеченность. Былъ одинъ моментъ въ средніе вѣка, когда она какъ будто осуществилась; но этотъ неопредѣленный обрисъ исчезъ въ то же время, какъ разлеталась великая мечта папства, то есть управленіе католическимъ міромъ посредствомъ теократіи. Возрожденіе уничтожило и эту идею, какъ уничтожало и феодальную систему, и схоластическую философію. Сохранились одни туманныя воспоминанія, которыми убаюкивали себя утописты.

Европа, въ которой права каждаго вытекали-бы изъ обязанностей всѣхъ людей, была чѣмъ-то такимъ страннымъ и непонятнымъ для государственныхъ мужей стараго порядка, что только война, продолжавшаяся четверть столѣтія, самая страшная изо всѣхъ войнъ, дала имъ понятіе о такой Европѣ и доказала ея необходимость. Сдѣланная на вѣнскомъ конгрессѣ и

на слѣдующихъ за нимъ попытка дать Европѣ элементарную организацію была прогрессомъ, а не возвратомъ къ прошлому [1]). Въ восемнадцатомъ вѣкѣ этотъ прогрессъ считался одною изъ самыхъ прекрасныхъ гипотезъ, созданныхъ философами. При наступленіи 1789 г. эта гипотеза начинаетъ, особенно во Франціи, закрадываться въ умы нѣкоторыхъ политиковъ; они считаются мечтателями, и большинство европейскихъ правителей, смѣшивая это стремленіе съ химерой вѣчнаго мира, продолжаетъ относиться къ нему, какъ къ величайшему изъ парадоксовъ [2]).

Но если въ Европѣ не было христіанской монархіи, то были націи и государства. Какъ скоро на-лицо націи и государства, а равно и общеніе между ними, то существуетъ уже и международное право. «Оно есть даже у ирокезовъ», сказалъ Монтескьё [3]). Разсмотримъ то, которое соблюдалось Европой стараго режима. Я не говорю, разумѣется, о томъ публичномъ правѣ, которое реформаторы представляли, какъ идеалъ для будущаго общества. Вольтеръ говоритъ объ этихъ сочиненіяхъ: «Они какъ будто служатъ утѣшеніемъ для народовъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія созданы политикой и силой. Они даютъ понятіе о справедливости, подобно

---

[1]) Вѣнскіе трактаты опредѣлили права владѣнія (état de possession) во всей Европѣ; они были подписаны всѣми европейскими державами, которыя коллективно гарантировали ихъ, и сдѣлали конгрессы нормальнымъ учрежденіемъ, цѣль котораго—предупреждать и рѣшать третейскимъ судомъ державъ и подъ ихъ верховенствомъ несогласія между государствами и народами. Это учрежденіе дѣйствовало съ 1815—1822.—См. *Précis du droit des gens.* Несмотря на неполноту идеи, на эмпиризмъ, произволъ и даже противозаконность нѣкоторыхъ примѣненій ея, тѣмъ не менѣе вѣнскій конгрессъ доставилъ Европѣ періодъ самый благотворный, періодъ мира, какой когда-либо выпадалъ на ея долю. Если хотите, это были только лѣса, но само зданіе было тѣмъ не менѣе наиболѣе прочнымъ изъ всѣхъ, когда-либо воздвигнутыхъ дипломатіей, и трудъ наиболѣе благотворный изъ всѣхъ, ею совершенныхъ.

[2]) Сенъ-Симонъ говорилъ по поводу проекта вѣчнаго міра, составленнаго Сюлли: «Слабое подобіе этого мы видимъ въ Имперіи: придворный совѣтъ, имперская палата, сеймы, порой и самъ императоръ разбирали столкновенія. Опытъ показываетъ, что только мелкіе и незначительные владѣльцы повинуются рѣшенію. Сильные оказываютъ сопротивленіе и ослушаніе, и если обвиняемый можетъ опереться на связи и привести какія-нибудь обстоятельства въ свою пользу, то приговоръ остается безъ силы и исполненія. То же самое, и еще въ большей степени, происходило бы и въ этомъ сенатѣ христіанской республики. Каждый изъ его членовъ сталъ бы руководиться своими выгодами и въ результатѣ получились «постоянные ссоры и расколы».— *Parallèle des trois premiers Bourbons*, par Faugère, Paris, 1880.

[3]) *Esprit des Lois*, liv. II ch. III

тому, какъ мы храним портреты знаменитыхъ людей, которыхъ не можемъ видѣть» [4]).

Видѣть можно только правительственные акты; знать нужно только обычай, который правительства себѣ усвоили и которымъ они регулировали свои отношенія другъ къ другу. Въ ихъ глазахъ этотъ обычай не былъ юридической дедукціей изъ какихъ-нибудь отвлеченныхъ принциповъ, но простымъ опредѣленіемъ отношеній, которыя вытекали изъ сущности вещей. «Общественное право основано на фактахъ,—писалъ одинъ публицистъ, пользовавшійся заслуженнымъ авторитетомъ. Чтобъ понимать его надо знать исторію, эту душу науки, какъ и всей политики» [5]).

II.

Въ этомъ публичномъ правѣ есть одно основное понятіе, понятіе о государствѣ: оно играетъ преобладающую роль въ политикѣ. Это государство въ римскомъ духѣ—существо коллективное, верховный, неограниченный властелинъ [1]). Въ Римѣ оно воплотилось въ государѣ, которому придали аттрибутъ Величества (*Majesté*). Къ этому пониманію присоединилась христіанская идея государя, избранника Божьяго, представителя божества на землѣ и феодальная идея монарха, всемірнаго властителя міра. Такимъ-то путемъ сложилось то понятіе о государѣ, какое даетъ намъ Боссюэтъ, и которое раздѣляетъ съ нимъ весь континентъ. «Все государ-

---

[4]) *Siècle de Louis XIV.* Personnages célèbres. Article Barbeyrack.

[5]) Bielfeldt, *Institutios politiques.* La Haye. 1760, t. I, ch. II, p. 13. Истинное положеніе, въ которомъ находилось общественное право наканунѣ революціи, лучше всего опредѣлилъ Малле-дю-Панъ: «Вытекаетъ война изъ какого-нибудь права или не вытекаетъ—въ сущности безразлично, она будетъ объявлена: государи, составляя свои манифесты, не руководствуются туманной метафизикой философовъ; обыкновеніе и трактаты—вотъ единственныя права, которыя принимаются въ соображеніе. Результатомъ явился кодексъ, искусственный, если хотите, противный естественному праву, разуму и религіи, но которому обычай далъ силу закона. Итакъ, всякая аргументація по поводу этого предмета—безполезна, народное право не что иное, какъ система фактовъ и обычаевъ. Гроцій и его послѣдователи употребили громадную эрудицію на то, чтобъ выяснить ихъ... они хотѣли поставить на пьедесталъ естественное право, сдѣлать справедливость строителемъ и божествомъ, превратить въ право обычаи, построить доктрины на пескѣ и выдать намъ за незыблемыя вѣчныя правила случайные обычаи, мѣняющіеся, сообразно перемѣнамъ въ обществѣ». *Mercure de France*, 1786 № 33—Savous, *Mémoires et correspondance de Mallet du Pan*, t. I, p. 115, Paris 1851.

[1]) Fustel de Coulanges. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, t. I, p. 66, Paris 1875.

ство—въ лицѣ государя. Въ немъ власть, въ немъ воля всего народа» [2]). Потому-то монархъ и облеченъ этимъ величіемъ, что онъ — государство; онъ принимаетъ его отъ государства; государству же оно присуще, если бы и не было монарха, его представителя. Принципъ божественнаго права, въ силу котораго царственныя лица получаютъ свое право отъ Бога [3]), примѣняется сначала къ государству, потомъ къ людямъ и исходитъ изъ ученія, гласящаго: «всякая власть отъ Бога». Это ученіе не различаетъ ни формы, ни способа передачи власти. «Надо оставаться въ томъ состояніи, къ которому народъ привыкъ въ теченіе долгаго времени; поэтому Богъ и беретъ подъ свое покровительство всѣ законныя правительства, какой бы формы они не держались» [4]).

«Его волей царствуютъ всѣ короли, и тѣ, которые царятъ по праву рожденія, потому что Онъ властитель природы, и тѣ, которые царствуютъ по избранію, потому что Онъ предсѣдательствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Нѣтъ на землѣ власти, не утвержденной Богомъ: *Non est potestas nisi a Deo*, говоритъ Священное Писаніе» [5]).

Папа, императоръ германскій и король польскій были избираемыми королями, но между ихъ правами и правами французскаго короля не было никакой разницы. Наполеонъ, возлагая на себя итальянскую корону и произнося торжественныя слова: «Богъ мнѣ ее далъ; горе тому, кто ея коснется», не искажалъ смысла и не боялся скандализировать старую Европу: онъ говорилъ ея языкомъ. «Карлъ Великій, читаемъ въ мемуарахъ Людовика XIV, достигъ высшей степени славы не въ силу избранія кѣмъ-бы то ни было, но собственнымъ мужествомъ и побѣдами, означающими, что его избрало само небо, когда онъ рѣшился подчинить всѣ власти—единой» [6]).

Вотъ почему происхожденіе власти покрыто завѣсой. Въ этомъ правѣ все основано на давности; нѣтъ другого права, основы котораго были бы такъ мало извѣстны. Тайна, благодаря которой узаконивается фактъ, должна быть скрыта отъ взоровъ толпы. Было бы опасно проникать въ этотъ страшный мракъ.

Всего важнѣе, чтобъ народъ не ворвался въ святилище. Паскаль гово-

---

[2]) *Politique*, liv. VI, art. 1, prop. 1. *Cf. ibid.* liv. V, art. 4, prop. 1.

[3]) Они священны, какъ представители Божественной власти, уполномоченные Провидѣніемъ для исполненія его предначертаній. Боссюэтъ, *Politique* I, III, art. 2, prop. 12.

[4]) *Id. ibid.* I, II, art. 1, prop. 12.

[5]) Id. *Troisième Sermon pour le dimanche des Rameaux.* Sur les devoirs des rois.

[6]) *Mémoires de Louis XIV.* Année 1666. ed. Dreyss. Paris 1866, II, p. 449.

рилъ: «Народъ не долженъ знать правду объ узурпаціи: она была введена нѣкогда неразумно, но сдѣлалась разумной: надо, чтобъ ее считали законной, вѣчной и скрывали ея начало, если не желаютъ ея конца» [7]). Эмпирикъ думаетъ объ этомъ такъ же, какъ и философъ. «Право народа и право королей согласуются всего лучше, когда о нихъ молчатъ», писалъ Рецъ [8]). Скептицизмъ XVIII вѣка ведетъ къ тому же заключенію. Вольтеръ могъ сказать, не вызывая осужденія со стороны юристовъ и порицанія при дворѣ: «Время, случай, обычай, давность, сила составляютъ всѣ права» [9]). Это и было основною мыслью людей, управлявшихъ европейскими дѣлами въ концѣ XVIII столѣтія.

Легальность суверенитета въ глазахъ другихъ государствъ зависитъ только отъ признанія его ими. Это признаніе не налагаетъ впрочемъ никакихъ условій на происхожденіе власти. Допускается даже, что между государствами существуютъ сношенія, не зависящія отъ ихъ формы и переворотовъ, могущихъ измѣнить послѣднюю. Де-Бордо, посланникъ Людовика XIV въ Англіи, допущенный 21 декабря 1652 въ Парламентъ республики, сказалъ тамъ слѣдующее: «Союзъ, долженствующій быть между сосѣдними государствами, не регулируется формами правленія, и хотя Провидѣнію угодно было измѣнить ту, которая существовала ранѣе въ этой странѣ, это не уничтожаетъ потребности въ торговыхъ и дружескихъ сношеніяхъ между Англіей и Франціей. Королевство могло измѣнить свой видъ и изъ монархіи превратиться въ республику; но мѣстность не мѣняется, народы продолжаютъ оставаться сосѣдями, съ общими торговыми интересами, и трактаты между націями обязываютъ не монарховъ, а народы, такъ какъ главная цѣль ихъ—обоюдная польза» [10]).

Всѣ формы правленія существовали въ Европѣ и всѣ онѣ считались равно законными [11]). «Чтобъ сохранить наше общество,—пишетъ одинъ историкъ XVI вѣка,—мы ввели три рода республики: королевскую, ари-

---

[7]) *Pensées.* Edition Havet. Paris 1866. Art. III, № 8.

[8]) *Mémoires,* 2 partie, ch. III, См. Tocqueville. *l'Ancien Régime et la Révolution,* liv. II, ch. XI.

[9]) *Annales de l'Empire.* Livre II.

[10]) Guisot, *Cromwell* liv. III. Paris 1860.

[11]) Теократія въ церковной области, самодержавіе въ Россіи, чистѣйшій деспотизмъ въ Константинополѣ, абсолютная монархія во Франціи, Испаніи въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Пруссіи и пр., конституціонная монархія въ Англіи, государство, образовавшееся изъ союзныхъ штатовъ, въ Германіи; федеративная республика въ соединенныхъ провинціяхъ и въ Швейцаріи, республика, съ избираемымъ королемъ во главѣ, въ Польшѣ; въ Венеціи, Женевѣ, Рагузѣ, въ вольныхъ городахъ Германіи—всѣ разновидности республиканскаго правленія, прошедшіе черезъ средніе вѣка.

стократическую и народную. Каждый законодатель считалъ свою республику лучшей [12]). Въ восемнадцатомъ вѣкѣ эти республики назывались: монархія, аристократія и демократія». Соотвѣтствіе этихъ формъ съ ихъ цѣлью—т. е. благомъ государства, служило предметомъ изученія, но никто не думалъ объ установленіи какой-либо іерархіи между ними. Свѣтскіе люди давно рѣшили, что всего разумнѣе и удобнѣе считать ту, въ которой родились, лучшей изъ всѣхъ и подчиняться ей [13]). Это было ученіемъ Церкви [14]), и человѣкъ, изучившій основательно всѣ конституціи и давшій самыя вѣрныя опредѣленія ихъ, Монтескьё, держался этого мудраго правила: «Я—хорошій гражданинъ, говорилъ онъ, но въ какой бы странѣ я ни родился, я вездѣ былъ бы такимъ... Я хорошій гражданинъ, потому что люблю то правленіе, при которомъ родился» [15]).

Идея приписать какому бы то ни было государственному устройству абсолютное превосходство надъ другими, возможность идеальной конституціи, которая была бы примѣнима ко всякой странѣ, и въ особенности идея сдѣлать изъ нея предметъ пропаганды—не приходила на умъ государственнымъ дѣятелямъ. Слова республика и демократія не связывались съ идеей переворота. Полагали, что республика и демократія пригодны только для небольшихъ государствъ: они вели за собой мирные нравы и сдержанную политику [16]). Англійская республика считалась исключеніемъ: своей силой она обязана была единственно Кромвелю. Республики, бывшія передъ глазами, находились болѣе или менѣе въ состояніи упадка; многія повидимому подвергались опасности, но ни одна не казалась опасной. Швейцарскіе кантоны обнаруживали наклонность къ нейтралитету; соединенныя провинціи предавались исключительно своей торговлѣ; Венеція величаво клонилась къ упадку; Польша разлагалась въ анархіи. «Швеція,—писалъ

---

[12]) Etienne Pasquier. *Lettres*, liv. XIX, lettre VII. *Oeuvres*, Amsterdam 1723.

[13]) La Bruyère. *Les Caractères*, ch. X.

[14]) «Въ древности появлялись другія формы правленія (помимо монархіи), относительно которыхъ не имѣется Божественнаго опредѣленія, такъ что каждый народъ долженъ повиноваться установленному въ его странѣ правительству, какъ-бы учрежденному Божественнымъ велѣніемъ». Bossuet. *Politique*, livre II. Conclusion.

[15]) *Pensées.*

[16]) Относительно этого вопроса, Монтескьё согласенъ съ Руссо. Великій наблюдатель говоритъ то же самое, что великій революціонеръ. «Республикѣ свойственно владѣть лишь небольшой территоріей; иначе она не можетъ существовать... Духъ монархіи—война и расширеніе территоріи, духъ республики—миръ и умѣренность». *Esprit des Lois*, I, VII, ch. XVI и I, IX, ch. II. «Монархія пригодна для богатыхъ націй, аристократія—для среднихъ государствъ, демократія—для бѣдныхъ и ничтожныхъ». *Contrat social* I, III, ch. IV, VI, VIII.

Фридрихъ,—испытываетъ участь всякаго монархическаго государства, превращающагося въ республику: она слабѣетъ» [17]). Когда въ концѣ столѣтія установилась великая республика въ Сѣверной Америкѣ, континентальные монархи посмотрѣли на нее именно съ этой точки зрѣнія. «Только время можетъ образовать народъ, стремящійся къ завоеванію... Внушить этотъ духъ завоеванія республикѣ еще труднѣе, чѣмъ главѣ единодержавнаго правительства» [18]). По такимъ-то даннымъ государственные люди старой Европы судили о французской революціи при ея первыхъ шагахъ. Они видѣли въ ней упадокъ французскаго государства и поступали сообразно тому, выгоду или вредъ усматривали они въ этомъ для своего государства.

III.

Государство носитъ въ себѣ самомъ свою цѣль. Оно—верховный властелинъ и не признаетъ иной власти, кромѣ собственной. «Они боги, говоритъ доктрина. Только Богъ можетъ судить ихъ поступки и ихъ самихъ» [1]). Даже католическіе государи не признавали такого рода главенства за самимъ папой. Внѣ вопросовъ о догматахъ онъ такой же государь, какъ и другіе. «Кто можетъ быть судьею въ этихъ дѣлахъ? писалъ Ришелье [2]). Кто можетъ обдумывать ихъ безстрастно и безкорыстно. Не папа, свѣтскій государь, который не на столько отрекся отъ земного величія, чтобъ быть къ нему равнодушнымъ. Богъ единый можетъ быть судьею. И цари грѣшатъ лишь противъ Него одного, Онъ одинъ знаетъ ихъ дѣла». Аппелировать къ Богу въ такихъ выраженіяхъ все равно, что аппелировать къ исторіи, она одна покажетъ, каковы были цѣли Провидѣнія. Въ дѣйствительности строй случайныхъ фактовъ и ходъ жизни требуютъ извѣстнаго направленія и опредѣленныхъ правилъ. Государство можетъ ихъ найти только въ самомъ себѣ. Оно извлекаетъ ихъ изъ своего всемогущества. Главное основаніе всѣхъ его дѣйствій—государственная польза, т. е. старая доктрина общественной безопасности, которую проводилъ Римъ, и которую

---

[17]) *Histoire de mon temps*, ch. I.

[18]) *Examen des motifs et des conditions des traités de paix à faire avec les insurgents, avec les anglais et avec nos alliés.* 1782.—Bancroft, *Histoire de l'indepéndance des Etats-Unis.*

[1]) Bossuet. *Politique*, liv. V, art. 1, pr. 2.

[2]) *Mémoires.* Année 1626. Ed. Petitot, t. III, p. 24. Paris 1823. По поводу предположенія Сантареля, что папа имѣлъ право низлагать королей «за преступленіе, небрежность или неспособность», см. d'Avenel, *Richelieu et la monarchie absolue*, t. 1, p. 180. Paris 1883.

онъ оставилъ въ наслѣдіе позднѣйшимъ государственнымъ организаціямъ [3]). Эта доктрина никогда не исчезала изъ области политики. Эпоха Возрожденія снова ввела ее въ моду, и ея развитіе шло параллельно съ развитіемъ большихъ новѣйшихъ государствъ. Послѣднія заимствовали у Рима политическій духъ и форму своихъ учрежденій.

Имя Маккіавеля справедливо связано съ этой доктриной; но Маккіавель не столько историкъ, сколько наблюдатель, и сила его сочиненія заключается въ томъ характерѣ реальности, который онъ ему придалъ. Онъ описываетъ то, что видитъ, и просто излагаетъ политическіе принципы своихъ современниковъ. Такъ и смотрѣлъ на него Ришелье и тѣмъ не менѣе вдохновлялся имъ и считалъ «необходимыми» правила этого «солиднаго и правдиваго писателя».

Въ *Apologie pour Machiavel*, сочиненной однимъ изъ учениковъ кардинала, стоятъ такія слова: «Его правила такъ же стары, какъ время и государства. Онъ не сообщаетъ ничего особеннаго или неслыханнаго, но просто разсказываетъ о томъ, что было совершено нашими предшественниками и что совершается людьми нашего времени, безъ всякаго грѣха, въ видахъ пользы и неизбѣжности» [4]). Величайшій мыслитель и величайшій политикъ старой Франціи встрѣчаются на этомъ пунктѣ, и встрѣча эта вовсе не случайная. «Государства погибли бы, еслибъ не приходилось часто подчинять законы необходимости... Не умѣя сдѣлать сильной справедливость, сдѣлали силу правомъ», говорилъ Паскаль [5]). Ришелье, примѣнявшій съ такою строгостью ученіе объ общественномъ благѣ, въ своемъ *политическомъ завѣщаніи* доходитъ до крайнихъ выводовъ: «Въ дѣлахъ государства часто тотъ правъ, кто силенъ, и слабому трудно оправдаться передъ судомъ большинства людей» [6]). Царствованіе Людовика XIV не измѣнило мнѣнія свѣта. «Высшій законъ, т. е. польза государства» (raison d'Etat), какъ говоритъ Сенсимонъ, [7]) продолжаетъ управлять государствами. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ я вижу только одно исключеніе, но оно изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что исключеніе подтверждаетъ правило: это Фридрихъ и его *Анти-Маккіавель*. Фридрихъ, сочиняя эту дис-

---

[3]) Благо народа есть высшій законъ, «Salus populi suprema lex esto», Цицеронъ. *De legibus* III. 3. Fustel de Coulanges, *Histoire des institutions*, t. 1, p. 66 и Ferrari, *Histoire de la raison d'Etat*. Paris 1860.

[4]) Céleste, *Louis Machon, apologist de Machiavel. Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux* 1881 p. 446. Отрывки изъ этой апологіи были напечатаны Бюшономъ, въ его изданіи Маккіавеля, Paris 1852. См. Janet, *Histoire de la Science politique* liv. III, ch. I и II. Paris 1872 г.

[5]) *Penseés*, ed. Havet. Art XI № 6 art. VI № 7.

[6]) *Testament*, ch. IX, section IV, Paris 1764.

[7]) *Mémoires*. Année 1703. По поводу Филиппа V и испанскихъ дѣлъ.

сертацію, увлекался честолюбіемъ школьника, но какъ только освободился отъ помочей, то забросилъ свои школьныя тетради и домогался всего, что хотите, кромѣ награды за добродѣтель. Маккіавель восторжествовалъ. Мы увидимъ, что къ концу столѣтія его торжество будетъ еще полнѣе, но фактъ этотъ былъ не новъ, и догадливые умы не должны были удивляться. «Всѣ люди порицаютъ этого автора,—говоритъ одинъ приближенный Мазарини,—а между тѣмъ всѣ слѣдуютъ его ученію, и преимущественно тѣ, которые его порицаютъ» [8]). Въ восемнадцатомъ вѣкѣ уровень идей и характеровъ понизился. Возвышенная иронія Паскаля и жесткая искренность Ришелье замѣнились язвительнымъ глумленіемъ Вольтера и цинизмомъ Фридриха, которыхъ по справедливости слѣдуетъ поставить рядомъ и которые давали тонъ [9]). Продолжая параллель: сообразно съ измѣнившимися условіями мысль стала снисходительнѣе относиться къ поступкамъ болѣе безчестнымъ; но, несмотря на утонченность разврата, на полнѣйшее растлѣніе, государственная польза царитъ еще болѣе деспотично.

Она царитъ повсюду, гдѣ чувствуютъ въ себѣ достаточно силы, чтобъ безнаказанно исполнять внушаемыя ею замыслы.... Она диктуетъ однѣ и тѣ же рѣчи въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ [10]). Ее преподаютъ юнымъ принцамъ и будущимъ министрамъ. Бильфельдъ въ своихъ *Institutions politiques* говоритъ: «Въ какомъ бы положеніи ни находилось государство, основной принципъ государственной пользы остается неизмѣннымъ; этотъ принципъ, принятый всѣми древними и новыми народами, заключается въ томъ, что народное благо должно быть всегда высшимъ закономъ» [11]). «Великія державы, писалъ въ 1791 г. одинъ австрійскій дипломатъ, должны вести себя согласно съ государственной пользой.... Выгода должна перевѣшивать всякое

---

[8]) Рѣчь Габріеля Ноде къ Гюи Патену. Ноде былъ большой маккіавелистъ. Онъ изучалъ политику въ Италіи и сочинилъ небольшой трактатъ о государственныхъ переворотахъ.—*Lettres de Gui Patin*, ed. Réveillé-Parisse, t. II, lettre 351 à M. Spon. Paris 1846 г.

[9]) Тѣ же самыя отношенія наблюдаются въ литературѣ. Сравните Мольеровскаго донъ-Жуана съ Ловеласомъ и Вальмонтомъ.—Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis*, t. VII, article *Alton-Shée*.

[10]) Фридрихъ пишетъ кардиналу Флери 12 сент. 1742. «Все, что можетъ сказать противъ меня легкомысленный и мало образованный свѣтъ, не смущаетъ меня. Только потомство можетъ судить царей». *Politische Correspondenz*, 1742. Berlin 1879 г. — Іосифъ II писалъ своему брату Леопольду, великому герцогу тосканскому 6 мая 1775 г. «Я того мнѣнія, что надо предоставлять людямъ говорить, что хотятъ, лишь бы они позволяли намъ дѣлать, что мы хотимъ». Arneth. *Joseph II und Leopold II von Toscana*, Wien 1872.

[11]) Tome II, ch. V. *Des engagements réciproques de souverains*, § 8 и 9: *De la raison d'Etat*.

чувство обиды, какъ бы справедливо оно ни было» [12]). Какъ скоро государственная польза признается закономъ, увеличеніе государства становится цѣлью политики. «Кто ничего не пріобрѣтаетъ, теряетъ», писала Екатерина II [13]). Идея о величіи государства тѣсно связана съ идеей его обширности. Эти мысли такъ же стары, какъ человѣческія общества. Лишь только люди собрались въ общества, между ними возникла борьба ради завоеванія и самообороны. Хищенье и завоеваніе такъ же стары, какъ алчность, а послѣдняя родилась съ человѣчествомъ. Всегда государи гордились завоеваніями. Маккіавель говоритъ: «желаніе расширить и округлить свои границы крайне естественно и обыкновенно; и людей, могущихъ и желающихъ это сдѣлать, слѣдуетъ хвалить, а отнюдь не порицать» [14]). Апологетъ семнадцатаго вѣка развиваетъ далѣе это ученіе: «Въ основѣ его лежитъ тотъ принципъ и та истина, что все, чѣмъ владѣютъ короли, добыто путемъ захвата, что поэтому сильные предписываютъ законы слабымъ и берутъ все, что имъ удобно взять, считая это справедливымъ, и что единственными предѣлами государства должны быть тѣ, которые служатъ къ его охранѣ и ко вреду сосѣдей» [15]). Это побудило Монтескье сказать слѣдующее: «Духъ монархіи—война и увеличеніе ея предѣловъ» [16]).

IV.

Изъ принципа и цѣли политики извлекаются правила поведенія, а главное изъ нихъ—зорко слѣдить за случайностями, которыми можно воспользоваться. «Тотъ, кто постоянно ведетъ переговоры, найдетъ наконецъ мо-

---

[12]) Записки графа Людовика Кобенцеля, австрійскаго посланника въ Петербургѣ 1791 г. Beer, *Die orientalische Politik Oesterreichs*, p. 761. Прага 1883.—Фридрихъ писалъ въ предисловіи къ *Исторіи моего времени*: Интересы государства должны служить закономъ для государей.

[13]) Изъ письма къ Гримму февр. 1794. Publications de la Société d'histoire de la Russie: *Correspondance de Catherine II avec Grimm*, Pétersbourg 1878.

[14]) *Le Prince*, ch. III. Сравните рѣчи Куріала у Этьена Паскье въ его діалогахъ: *Pourparler du prince* «Мнѣ кажется, что главная философія государя должна состоять въ стремленіи къ своему величію. Я желаю, чтобъ этотъ государь былъ всегда любимъ для того, чтобъ его предѣлы расширялись, а границы были безопасны... Этимъ способомъ онъ открываетъ себѣ путь къ вѣчной славѣ и снискиваетъ уваженіе не только своихъ, но и всей вселенной».

[15]) *Machon*, op. cit.—Сентъ—Эвремонъ пишетъ въ это же время: «Нѣтъ народа, которому не приходилось бы оберегать себя отъ насилія чужеземцевъ, если онъ слабъ, и пріобрѣтать новую славу завоеваніями, если онъ силенъ». *Discours sur les historiens français.*

[16]) *Esprit des lois.* I, IX, ch. II.

ментъ, удобный для своихъ цѣлей [1]). Удача принадлежитъ предусмотрительному и искусному политику. Безъ сомнѣнія, надо принимать въ соображеніе и случай, но случай почти всегда служитъ людямъ высшаго ума. «Не говоря уже о частныхъ случаяхъ, и возникновеніе имперій, и паденіе государствъ—дѣло, повидимому, счастія, и если разобрать хорошенько, то все похоже на игру, гдѣ въ концѣ-концовъ выигрываетъ самый ловкій. Дѣйствительно, въ этой кровавой войнѣ, когда народы спорили о господствѣ и власти, тотъ, кто дальше всѣхъ заглянулъ впередъ, кто больше всѣхъ трудился, кто настойчивѣе работалъ надъ великими предпріятіями, наконецъ тотъ, кто лучше всѣхъ съумѣлъ во-время рискнуть и во-время себя поберечь, въ концѣ-концовъ выигрываетъ и заставляетъ счастье служить своимъ цѣлямъ» [2]). Возвышенность слога этихъ разсужденій не должна вводить насъ въ заблужденіе относительно характера фактовъ. Никогда еще болѣе мягкія выраженія не прикрывали болѣе безсовѣстной политики. Оставимъ галлереи, гдѣ Боссюетъ рисуетъ свои фрески, и перейдемъ въ кабинетъ, гдѣ государственный человѣкъ, покинувши придворный костюмъ и торжественно церемонную осанку, остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Лабрюйеръ рисуетъ намъ законченный портретъ, и понявшій его не нуждается въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о политикѣ того времени [3]). «Министръ—это хамелеонъ или протей», но онъ измѣняетъ физіономію сознательно и когда это ему выгодно. «Онъ соображается со временемъ, мѣстомъ, съ своей силой и своей слабостью, съ духомъ народовъ, съ которыми заключаетъ договоры, съ темпераментомъ и характеромъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Всѣ его мысли, всѣ правила, всѣ тонкости его политики направлены къ одной цѣли—не быть обманутымъ и обмануть другихъ». Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого—говорить правду; это искусство

---

[1]) Ришелье. *Testament politique. Des négociations.*

[2]) Bossuet. *Discours.* Partie III, ch. II. Сопоставимъ опять мыслителя и политика; Ришелье пишетъ въ своихъ мемуарахъ 1632 г.: «Жизнь каждаго человѣка, а въ особенности государя, которому приходится управлять большой монархіей, можно сравнить съ игрою въ кости; для выигрыша необходимо, чтобъ повезло счастье и чтобъ играющій съумѣлъ имъ воспользоваться. Изъ этихъ двухъ условій,—первое не въ нашей власти... но второе—т. е. ловко пользоваться тѣмъ, что намъ посылаетъ судьба, и такъ предусмотрѣть всѣ обстоятельства, что если они хороши, то сдѣлать ихъ весьма выгодными, если дурны, то, по возможности, избѣжать ущерба,—это во власти государя и составляетъ его долгъ».

[3]) *Les Caractères*, Ch. X, *Du Souverain et de la République.* Собирая документы объ европейскихъ правительствахъ восемнадцатаго вѣка, кажется, какъ будто собираешь замѣтки для изданія *Духа законовъ.* Дѣлая выписки изъ писемъ дипломатовъ стараго порядка, замѣчаешь, что это не что иное какъ превосходная характеристика Лабрюйера, раздробленная на мелкіе факты.

онъ изучилъ до тонкости. «Онъ глубокъ и скрытенъ; чтобъ утаить истину, онъ провозглашаетъ ее во всеуслышаніе: для него важно высказать ее такъ, чтобы ей не повѣрили; или же онъ искрененъ и откровененъ для того, чтобы, скрывая то, что не должно быть извѣстно, заставить людей думать, что они все знаютъ и что онъ все сказалъ имъ». Онъ поддерживаетъ своихъ союзниковъ, «если находитъ въ этомъ пользу и опору для своихъ притязаній». Онъ поддерживаетъ даже слабыхъ и соединяетъ ихъ противъ сильныхъ, «чтобъ уровнять вѣсы», что не мѣшаетъ ему потомъ сдружиться съ сильными, чтобъ наклонить чашку вѣсовъ и дорого продать слабымъ свое покровительство и свой союзъ. Впрочемъ, онъ свѣтскій человѣкъ и, главное, порядочный человѣкъ, превосходно знающій всѣ приличія, до тонкости изучившій всѣ оттѣнки языка; онъ основательно выбираетъ тотъ, который пригоденъ для данной минуты, и мастеръ находить благородные предлоги. «Онъ говоритъ о мирѣ, союзахъ, общественномъ спокойствіи, общественныхъ интересахъ, а на самомъ дѣлѣ думаетъ только о своихъ, т. е. объ интересахъ своего властелина или своей республики». Но онъ не обманываетъ себя своими фразами и не гордится собою. «Интригами онъ стремится достигнуть существеннаго и солиднаго и всегда готовъ пожертвовать мелочами и мнимыми вопросами чести».

Въ восемнадцатомъ столѣтіи мѣняется тонъ, но только одинъ тонъ. Эпитеты—составляющіе дѣло моды, предлоги—дѣло мнѣнія — мѣняются сообразно со вкусомъ времени и господствующей доктриной. Насмѣшка въ модѣ, скептицизмъ — законъ. Политикъ прикидывается невѣрующимъ даже въ свой собственный геній. «Каждый, говоритъ Вольтеръ, получилъ отъ природы желаніе возвыситься: и вотъ ему представляется удобный случай: какой-нибудь интриганъ предлагаетъ имъ воспользоваться, женщина, подкупленная деньгами или чѣмъ-нибудь посильнѣе денегъ, противится переговорамъ, другая ихъ возобновляетъ; обстоятельства, прихоть капризъ, ошибка, какая-нибудь бездѣлица рѣшаютъ все» [4]).—«Таковъ свѣтъ,—замѣчаетъ Фридрихъ,—кумъ да кума рѣшаютъ дѣла» [5]). Въ глубинѣ души Фридрихъ этого не думаетъ и хотя публично приноситъ жертвы его священному *величеству случаю*, какъ онъ его называетъ, но остается самымъ обдуманнымъ, мудрымъ и разсчетливымъ политикомъ. За столомъ онъ любитъ поговорить, но въ кабинетѣ руководствуется правилами, которымъ неуклонно слѣдуетъ. Правила эти напоминаютъ Ришелье. «Не будемъ обманывать себя: счастье, случай—это ничего не значущія слова.—Ловить случай и, если онъ благопріятенъ, пользоваться имъ, но

---

[4]) Изъ письма къ Фридриху, 5 авг. 1738 г.

[5]) Изъ письма къ Вольтеру, 6 декабря 1771 г.

не насиловать его, предоставляя все на его волю. Политика требуетъ терпѣнія, и верхъ искусства ловкаго человѣка—дѣлать все въ свое время.— Только тотъ, кто наилучше обдумалъ свое поведеніе, можетъ одержать верхъ надъ тѣмъ, кто дѣйствуетъ менѣе послѣдовательно» [6]). Вотъ та затаенная мысль, которая остается неизмѣнной.

Если вѣтеръ подуетъ въ сторону философіи, политикъ дѣлается философомъ. Онъ любитъ истину, онъ «великодушенъ», онъ называетъ себя «гражданиномъ», проповѣдуетъ терпимость, говоритъ только о счастьи человѣческаго рода; изъ *честнаго* человѣка, какимъ онъ былъ въ минувшемъ столѣтіи, онъ становится *добродѣтельнымъ* ради приличія и житейскаго такта. Впрочемъ эта добродѣтель не затруднительна и носитъ такой же характеръ, какъ честность, которая ее замѣняетъ. Въ ней нѣтъ ничего суроваго; она не налагаетъ никакихъ лишеній. Достаточно казаться человѣкомъ безъ предразсудковъ, быть любезнымъ, сохранять приличія, говорить какъ принято и наблюдать оттѣнки. Не будь скандала съ Тренкомъ, Фридрихъ считался бы «гуманнымъ»; если бы Таллейранъ не оставилъ духовное званіе съ такимъ трескомъ, то считался бы «добродѣтельнымъ». При случаѣ политикъ выкажетъ и чувствительность: будетъ восторгаться, любить природу, проливать слезы. У дипломатіи, имѣвшей своихъ энциклопедистовъ, будетъ и своя *Новая Элоиза*. «Она плакала, а все-таки брала!», говорилъ Фридрихъ о Маріи Терезіи послѣ раздѣла Польши.

Итакъ, въ дѣйствительности, все идетъ по старому, и всѣ эти утонченности ведутъ все-таки къ одной цѣли: «не быть обманутымъ и обмануть другихъ». Политики хорошо это знаютъ и вносятъ въ свои сношенія неизлечимую, хотя и болѣе чѣмъ основательную недовѣрчивость. «Государство, говоритъ одинъ старый министръ иностранныхъ дѣлъ, должно быть всегда на готовѣ, подобно свѣтскому человѣку, вращающемуся среди бреттеровъ и неуживчивыхъ людей. Таковы отношенія европейскихъ націй; теперь болѣе чѣмъ когда-либо переговоры между ними не что иное, какъ ссоры между людьми безъ всякихъ правилъ, смѣло урывающими, что́ можно, и вѣчно алчущими новой добычи» [7]).

V.

Такъ какъ государственная польза управляетъ политикой, то и выгоды государства предоставляютъ единственное ручательство за исполненіе обязательствъ. Иными словами, это равняется отсутствію всякаго ручательства.

---

[6]) *Considérations sur l'état présent de l'Europe*, 1736. *Histoire de mon temps*. Avant-propos, 1775.

[7]) D'Argenson, *Mémoires*, ed. Rathery, t. II, p. 326, année 1739. Paris 1839—1843.

Да его никогда и не было въ шестнадцатомъ вѣкѣ, о чемъ съ грустью заявляетъ Боденъ: «Двѣсти или триста лѣтъ уже какъ установился такой взглядъ, что какъ бы хорошъ ни былъ договоръ, онъ неминуемо будетъ нарушенъ; мнѣніе, что государь, принужденный заключить какой-нибудь невыгодный для себя миръ или трактатъ, можетъ нарушить его, когда представится возможность, мнѣніе это, говорю я, получило силу правила» [1]). Семнадцатый вѣкъ въ этомъ отношеніи не уступаетъ шестнадцатому [2]); восемнадцатый превзошелъ обоихъ. — Фридрихъ въ началѣ своихъ *Мемуаровъ* перечисляетъ «случаи нарушенія союзовъ». Онъ насчитываетъ ихъ четыре: измѣна союзника, необходимость ее предупредить, превосходство силъ, недостаточность средствъ. Онъ забываетъ пятый, самый обыкновенный и знакомый ему по опыту: государственную пользу, или политическій интересъ, назовите его какъ хотите. Подобно Маккіавелю Фридрихъ въ этомъ случаѣ просто описываетъ нравы своего времени, онъ пишетъ не сатиру, а составляетъ только протоколъ [3]). «Когда имѣемъ дѣло съ глупцами, плутами, личными врагами и конкурентами,—говоритъ кар-

---

[1]) Baudrillart, *Bodin et son temps.* Paris 1850.

[2]) «Ни обезпеченности въ настоящемъ, ни вѣры въ будущее. Трактаты, подвергавшіеся торжественному обсужденію, подписаные, ратификованые оставались безъ исполненія, какъ памятники не достроенные и уже расшатавшіеся; другіе болѣе древніе, законченные и освященные всеобщимъ уваженіемъ, какъ основы европейскаго равновѣсія, не только подрывались во тьмѣ, но подвергались дерзкимъ нападеніямъ среди бѣлаго дня». Camille Rousset. Histoire de Louvois, t. III ch. I. Paris 1862. Одинъ изъ самыхъ честныхъ, когда-либо стоявшихъ у дѣлъ, людей, Торси, совѣтникъ Людовика XIV, истощивши всѣ рессурсы и не имѣя возможности дѣлать очень широкія уступки непомѣрнымъ требованіямъ его непріятелей, убѣждалъ короля, что раздробленіе, которымъ ему грозятъ, не разоритъ Францію, что между союзниками начнется разъединеніе; «тогда то Франція найдетъ случай, чтобъ отмстить за договоръ, весьма напоминающій обѣщаніе, которое человѣкъ даетъ ворамъ, когда они собираются убить его въ лѣсу; само собою разумѣется, что совѣсть не обязываетъ его сдержать подобное обѣщаніе, когда наступитъ возможность отъ него избавиться». Frédéric Masson. *Journal inédit du Marquis de Torcy*, 21 Juin 1710, p. 207, Paris 1884 г.

[3]) Въ *Мемуаръ*, написанномъ въ 1741 г. рекетмейстеромъ Манда и названномъ *Новые интересы европейскихъ государей* говорится: «Въ дѣлѣ политики, ни выгоды, ни благодарность, ни трактаты не имѣютъ значенія; сила и корысть создаютъ трактаты; сила и корысть нарушаютъ ихъ». Архивы иностранныхъ дѣлъ.—*D'Аржансонъ* говорилъ: Mémoires, ed. Rathery t. IV p. 245: «Расположеніе королей продается за выгоды»; и въ другомъ мѣстѣ въ 1746 по поводу письма одного Кельнскаго курфирста, который не хотѣлъ подписать договора: «Я предпочитаю это письмо трактату, который соблюдается не больше, чѣмъ честное слово».

диналъ Дюбуа, знатокъ по этой части, «благоразуміе требуетъ не вступать съ ними ни въ какія обязательства безъ большихъ предосторожностей» [4]).

Но никакія предосторожности не спасутъ отъ разнузданной алчности и софизмовъ во имя государственной пользы. Мы видимъ это въ событіи, которое ярко обрисовываетъ нравы того вѣка; я говорю о войнѣ за наслѣдство австрійскаго престола. Императоръ Карлъ VI воспользовался всѣми рессурсами и гарантіями, которые представляло общественное право, чтобъ закрѣпить за своей дочерью Маріей Терезіей права на наслѣдственное владѣніе. Для этого онъ составилъ такъ-называемую *прагматическую санкцію*, которую утвердили всѣ сеймы монархіи. Всѣ претенденты дали клятвенное обѣщаніе отречься отъ своихъ правъ. Затѣмъ прагматическая санкція была сообщена всѣмъ державамъ, которыя признали ее и обязались формальными договорами навѣки и свято блюсти [5]). Между тѣмъ, на другой же день послѣ смерти Карла VI, короли, которые отказались отъ наслѣдства, и тѣ, которые гарантировали его Маріи Терезіи, разорвали свои подписи, нарушили свое слово и составили союзъ, чтобъ раздѣлить наслѣдство Маріи Терезіи. Никогда государственная польза не противополагалась съ большимъ безстыдствомъ самымъ элементарнымъ законамъ чести и справедливости. Одна Англія сдержала свое слово, можетъ быть потому, что ея выгода и стремленія заставляли остаться ему вѣрной. Таковы были нравы той эпохи и всей Европы. Одинъ французскій дипломатъ, весьма любезный свѣтскій человѣкъ, обладающій здравымъ смысломъ и чувствомъ мѣры, разбирая сочиненія одного знаменитаго публициста, ожесточеннаго противника Австріи, писалъ: «Слова Фавье о непрочности трактатовъ и неискренности вѣнскаго кабинета очень справедливы; но къ несчастію исторія доказываетъ, что эта истина приложима ко всѣмъ европейскимъ кабинетамъ» [6]).

Отсюда вытекаетъ то публичное право, которымъ они руководились въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. «Въ политикѣ, говоритъ баронъ де Бильфельдъ, необходимо отбросить отвлеченныя идеи о справедливости, честности, умѣренности, искренности и другихъ добродѣтеляхъ, которыя обыкновенно приписываютъ народамъ и ихъ вождямъ. *Въ концѣ концовъ*

---

[4]) Aubertin, *L'Esprit public au dix-huitième siècle*, p. 100, Paris 1873 г.

[5]) См. *Frédéric II et Marie-Thérèse* par la duc de Broglie. Paris 1883, t. I p. 75. «Еслибъ слова имѣли для королей такое-же значеніе, какъ для простыхъ смертныхъ, и еслибъ обѣщанія трактатовъ обязывали правительства къ добросовѣстному исполненію ихъ, то никто не могъ бы усумниться въ намѣреніяхъ Франціи». То же можно сказать и о другихъ государствахъ.

[6]) Le comte de Ségur. *Notes sur les doutes et questions sur le traité 1756, par Favier*. Oeuvres. Paris, 1824—1830.

все сводится къ силѣ» [7]). Сила все увлекаетъ за собою, даже одобреніе, которое, такъ сказать, подчинено давности, подобно другимъ благамъ, захваченнымъ силою. Циники открыто заявляютъ, что цѣль оправдываетъ средства; мудрецы говорятъ, если она и не оправдываетъ ихъ, то заставляетъ забывать. Одинъ государственный мужъ конца французской монархіи писалъ по поводу предпріятій прусскаго короля. «Не слѣдуетъ успокоивать себя тѣмъ, что онъ сдѣлался ненавистнымъ; со временемъ, ненависть къ средствамъ, благодаря которымъ монархія усилилась, разсѣется, а могущество останется» [8]). Послушаемъ, что говоритъ Монтескье о воспитаніи въ монархическихъ государствахъ [9]): «Обсуждая дѣла людскія, не говорятъ объ ихъ полезности, справедливости, разумности, но только о грандіозности и необычайности. Какъ только честь находитъ въ нихъ что-либо благородное, она или узакониваетъ ихъ, какъ судья, или оправдываетъ, какъ софистъ [10]). Понятіе о чести допускаетъ хитрость, если послѣдняя связана съ идеей о величіи духа или грандіозности дѣла, какъ напримѣръ въ политикѣ, тонкости которой не оскорбляютъ ея. Лесть допускается, если она соединена съ идеей большого успѣха».

Война—великое орудіе царствованія, высшій аргументъ государственной пользы. Какъ скоро необходимость войны признана, она считается справедливой. Ее предпринимаютъ ради завоеваній или въ видахъ обороны, чтобъ защититься отъ нападенія или чтобъ предупредить его.

Колиньи, подстрекая Карла IX напасть врасплохъ на грозившую ему Испанію, заключилъ свою рѣчь словами: «Лучше зажечь домъ сосѣда, чѣмъ ждать, чтобъ онъ зажегъ нашъ» [11]). Генрихъ IV говорилъ: «Великіе короли должны быть или молотомъ, или наковальней, а мнѣ пріятнѣе нанести два удара моимъ врагамъ, чѣмъ получить одинъ отъ ихъ руки» [12]).

---

[7]) *Institutions politiques,* t. II, ch. II. *De la puissance des Etats.*

[8]) *Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France.* 1648—1789, t. I. Autriche. Paris, 1884. *Instruction de Baron de Breteuil* en 1774, par M. de Vergennes. Слова эти имѣютъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что въ томъ же документѣ Верженнъ судитъ Фридриха строго и справедливо: «Союзъ съ этой державой возможенъ только въ томъ случаѣ, если рѣшимся попирать ногами справедливость и человѣколюбіе».

[9]) *Esprit des Lois,* t. IV, ch. II.

[10]) Маршалъ Беллиль, отправляясь на войну, въ которой вопреки всѣмъ правамъ готовились ограбить Марію Терезію, полагалъ, что предпріятіе, возложенное на него королемъ «было одно изъ самыхъ славныхъ и лестныхъ, выпавшее на долю частнаго лица, такъ какъ дѣло шло о томъ, чтобъ создать императора и завоевать царства». Le duc de Broglie, *Frédéric II et Marie-Thérèse.* T. II, p. 7.

[11]) Pierre Matthieu. *Histoire de France, Charles IX,* liv. VI, 1631.

[12]) Sully. *Economies royales,* ed. Petitot, t. VII, ch. VIII, année 1607.

Декартъ, вовсе не увлекавшійся маккіавелизмомъ, находилъ, что подобные принципы не противорѣчатъ философіи.—«Справедливость между государями имѣетъ иные предѣлы, чѣмъ справедливость между частными лицами, говорилъ онъ одной важной дамѣ, спрашивавшей его мнѣніе о «Государѣ» Маккіавеля... Необходимо также отличать подданныхъ, друзей или союзниковъ отъ враговъ, потому что относительно послѣднихъ дозволяется почти все, какъ скоро это выгодно для себя или для подданныхъ, и въ подобныхъ случаяхъ я считаю нелишнимъ соединять мощь льва съ хитростью лисицы. Болѣе того, подъ именемъ враговъ я разумѣю всѣхъ, кто не другъ или не союзникъ; это даетъ право объявить имъ войну, когда это выгодно и когда они становятся подозрительными и опасными» [13]). Знаменитое мѣсто о предупредительныхъ войнахъ въ «*Esprit des lois*» не болѣе, какъ резюме этихъ старинныхъ правилъ.

Если считали законнымъ объявить войну, чтобъ предупредить опасность, то спѣшили ея началомъ, чтобъ напасть на врага врасплохъ и вѣрнѣе разрушить его замыслы. Часто ставили въ примѣръ грубыя провокаціи Фридриха, его нападенія изъ-за угла, его грабительскія завоеванія, но онъ только дерзко предпринималъ и удачно выполнялъ то, что замышляли его современники, не имѣя смѣлости выполнить, или что они пытались сдѣлать, но безъ успѣха.—«Великая держава, имѣющая великую цѣль», говорилъ Людовику XV его тайный совѣтникъ, графъ де Брольи, «стремится къ ней, не обращая вниманія на ропотъ и вопли... Затѣмъ она сводитъ счеты съ сосѣдями, и остатокъ по счету будетъ всегда въ ея пользу» [14]).

Въ 1755 году англичане произвели нападеніе на французовъ, на морѣ, неожиданно и безъ объявленія войны. Въ Версалѣ думали, что они дѣйствовали за-одно съ вѣнскимъ кабинетомъ. По словамъ Берни, военные были того мнѣнія, что въ нападеніи англичанъ слѣдуетъ видѣть начало войны, давно задуманной Англіей сообща съ союзниками и что поэтому слѣдуетъ немедленно уничтожить ихъ замыслы, завладѣвъ австрійскими Нидерландами. Король прусскій подстрекалъ, говоря что у него готово 140.000 солдатъ и что онъ захватитъ Богемію, въ то время какъ французы завладѣютъ Бельгіей [15]). Его не послушали и хорошо сдѣлали, потому что Фридрихъ, дѣлая свои коварныя предложенія своей союзницѣ Франціи—въ то же время велъ съ Англіей переговоры, направленные противъ послѣдней. Эти событія происходили въ іюлѣ и августѣ 1755. Марія-Терезія

---

[13]) Oeuvres de Descartes, ed. Cousin, t. IX, p. 387 и слѣдующ. Lettre à Madame Elisabeth, princesse palatine. Septembre 1646.

[14]) Le duc de Broglie. *Le Secret du Roi,* t. II, p. 83. Paris. 1879.

[15]) Bernis, *Mémoires,* publiés par Frédéric Masson, t. I, p. 210. Paris. 1878.

узнала объ этомъ и въ началѣ сентября раскрыла Людовику XV измѣну Фридриха и предложила королю Франціи напасть на Пруссію, чтобъ «положить законныя границы честолюбію этой державы» [16]. Людовикъ XV отказался, онъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ союзѣ, кромѣ оборонительнаго. Марія-Терезія обратилась къ Россіи, и 25 марта 1756 г. ея посланникъ объявилъ въ Петербургѣ, что она готова аттаковать Фридриха съ 80.000 войска [17]. Она спѣшила «начать дѣло», говоритъ Берни, и была права: Фридрихъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ ждать, когда его враги составятъ коалицію, и тогда начать военныя дѣйствія [18]. «Развѣ мой носъ созданъ для того, чтобъ получать щелчки?», сказалъ онъ англійскому министру. «Эта дама хочетъ войны; пусть будетъ война, мнѣ остается только опередить моихъ враговъ. Войска у меня готовы; надо уничтожить заговоръ, прежде чѣмъ онъ разовьется» [19]. Фридрихъ завладѣлъ Саксоніей и направился въ Богемію. Такъ началась Семилѣтняя война.

Я привелъ этотъ примѣръ по его характеристичности; онъ создалъ прецендентъ, и мы увидимъ впослѣдствіи, что въ 1792 приверженцы войны съ Австріей ставили въ примѣръ поведеніе Фридриха въ 1756 г., чтобъ оправдать предлагаемое ими нападеніе [20].

VI.

Государства признаютъ лишь одного судью—себя самихъ, лишь одинъ законъ—собственную выгоду; но самая крайность этой доктрины содержитъ въ себѣ и противовѣсъ ей. Для парадоксовъ государственной пользы есть противоядіе: здравый смыслъ; для алчности есть узда: правильно понимаемая выгода. Дѣйствительно, государства не знаютъ другого закона и единственно на немъ основывается ихъ справедливость. Честолюбіе диктуетъ

---

[16]) Bernis. *Mémoires,* ch. XIV, p. 223.—*Recueil des instructions.* Autriche. *Instruction du comte de Stainville.* 1757, p. 362 и слѣд.

[17]) Martens. *Traité de l'Autriche et de la Russie,* t. I, p. 190. Pétersbourg. 1875.

[18]) См. Bernis. *Mémoires,* t. I, p. 243 и 289.

[19]) Le duc de Broglie, *Secret du Roi,* t. I, p. 162.

[20]) Находясь въ подобномъ же положеніи, Фридрихъ Великій, деспотизмъ котораго можетъ быть оправданъ только его дарованіями, устоялъ подъ напоромъ соединенныхъ державъ лишь потому, что предупредилъ ихъ дѣйствія. Gensonné, 13 января 1792.—«Не мало примѣровъ, подтверждающихъ справедливость этого нападенія. Вспомните наконецъ славный саксонскій походъ знаменитаго Фридриха... Четыре державы угрожали ему, но, предупредивши ихъ, онъ обратилъ угрозу противъ нихъ. Наше дѣло справедливѣе, чѣмъ его. Для насъ, какъ и для Фридриха, это наступленіе—законъ необходимости». Brissot. 17 января 1792.

планъ; выполненіе его требуетъ осторожности. Фридрихъ считалъ необходимымъ умѣть остановиться во-время: «Насиловать счастье, значитъ утратить его, и желать всегда большаго, значитъ не быть никогда счастливымъ [1]). Это совершенно эмпирическая нравственность, и даже не нравственность, а простой политическій разсчетъ.

Давно уже сказано по поводу Александра Великаго, что мелкихъ воришекъ наказываютъ смертью, а крупнымъ воздвигаютъ алтари. Все дѣло въ оттѣнкахъ и размѣрахъ [2]). Герой, завоевавшій правинцію, счелъ бы себя опозореннымъ, еслибъ взялъ городишко. Жалкая стычка, во время которой сожгли деревню, считается рѣзней, а сраженіе, въ которомъ гибнетъ не одно поколѣніе, называется славнымъ дѣломъ. Необходимо считаться съ людскими предразсудками; если и приходится иногда открыто пренебрегать ими, ради великихъ предпріятій, то не слѣдуетъ раздражать ихъ ради мелочей. Общественное мнѣніе не прощаетъ своимъ героямъ ихъ мелкіе грѣшки. Потому-то совѣсть политиковъ такъ снисходительна къ великимъ несправедливостямъ и такъ щепетильна относительно мелкихъ. «Не хорошо нарушать данное слово безъ причины, говорилъ тотъ же Фридрихъ. Создаешь себѣ репутацію человѣка легкомысленнаго и непостояннаго» [3]). Уже Ришелье находилъ, что въ концѣ концовъ самое мудрое правило заключается въ соблюденіи трактатовъ. «Это высочайшее могущество государей» [4]). И самые захваты необходимо дѣлать съ толкомъ. «Что касается до герцогства Вармійскаго, писалъ король прусскій, я рѣшился не брать его, потому что игра не стоитъ свѣчъ. Эта доля такъ мала, что не вознаградитъ за шумъ, который поднимется изъ-за нея. Погоня за бездѣлицами придаетъ характеръ жадности и ненасытности» [5]). Фридрихъ приходитъ прямо къ этому циничному заключенію и тщеславится имъ.

Марія Терезія послѣ многихъ слезъ и угрызеній совѣсти приходитъ къ тѣмъ же уступкамъ. «Надо умѣть покоряться и ради ничтожной выгоды не губить своей доброй славы передъ Богомъ и людьми», писала она своему министру Кауницу [6]). Насталъ день, когда августѣйшая вѣнская матрона

---

[1]) Письмо къ Подевильсу 11-го іюня 1742. *Politische Correspondenz.*

[2]) Сенъ-Симонъ, *Parallèle*, p. 26.

[3]) Изложеніе причинъ, по которымъ я могу остаться въ союзѣ съ Франціей 1742. *Politische Correspondenz.*

[4]) *Testament politique*, 2 partie, ch. VI.

[5]) Принцу Генриху, 24 янв. 1771. *Oeuvres. Correspondance,* Berlin 1846—1857.

[6]) Отъ 13 января 1772. Arneth, *Geschichte Maria Theresia's* t. VIII p. 596. Vienne 1877. Іосифъ писалъ брату своему Леопольду, 19 іюня 1773 по поводу того же раздѣла Польши: «Мы такъ много сдѣлали и такъ много взяли, что надо взять и остальное, хотя это бездѣлицы, но онѣ важны для

и философъ изъ Сансуси встрѣтились, подали другъ другу руку и подѣлили Польшу. Императрица брала, проливая слезы, король бралъ и подсмѣивался; вся разница между ними состояла въ томъ, что первая потребовала за свои угрызенія совѣсти бо́льшую долю Польши и за свою разборчивость—лишнее число поляковъ. Она ихъ получила, и вотъ единственное удовлетвореніе, какое выпало на долю нравственности въ этомъ дѣлѣ.

Завоеванія, исходная точка и вѣнецъ воинственныхъ предпріятій, могутъ быть ограничены тоже только собственною цѣлью. Злоупотребленіе силою разрушаетъ то, что она создала. Надо быть сильнымъ, чтобъ завоевать, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливымъ и мудрымъ, чтобъ удержать завоеванное. Рабле, видѣвшій во французской монархіи примѣръ завоеваній умно задуманныхъ и искусно выполненныхъ, изложилъ эти принципы своимъ образнымъ языкомъ [7]): «Чтобъ сохранить и сберечь страны, недавно завоеванныя, нельзя грабить, насиловать, терзать, раздражать, разорять народы и управлять съ помощью желѣзнаго прута, какъ думаютъ, къ своему вреду и позору, нѣкоторые тиранническіе умы. Какъ новорожденное дитя,—ихъ надо питать, лелѣять, веселить... Какъ выздоравливающаго послѣ долгой и опасной болѣзни — ихъ надо беречь и подкрѣплять. Только съ помощью любовныхъ напитковъ, чаръ и другихъ средствъ можно мирно удержать то, что съ трудомъ завоевано. Завоеватель можетъ счастливо царствовать, будь онъ король, князь или философъ, только въ томъ случаѣ, если справедливостью замѣнитъ доблесть... Кто иначе поступаетъ, тотъ не только утратитъ пріобрѣтенное, но подвергнетъ себя позору; люди будутъ думать, что онъ дурно и неправедно пріобрѣлъ, потому что пріобрѣтенное погибло въ его рукахъ... И хотя бы онъ всю жизнь мирно наслаждался, а пріобрѣтеннаго лишились его наслѣдники, стыдъ, все-таки падетъ на мертваго, и память его, какъ неправеднаго завоевателя, будетъ проклята».

Рабле проникалъ взглядомъ въ далекое будущее. Опытъ трехъ вѣковъ подтвердилъ сужденія этого оригинальнаго генія. Монтескье, показавши, какимъ путемъ Франція пріобрѣла и сохранила Эльзасъ, Руссильонъ, Фландрію, Франшъ Конте, резюмировалъ свои наблюденія въ слѣдующихъ правилахъ. «Цѣль войны—побѣда; цѣль побѣды—завоеваніе; цѣль завоеванія—сохраненіе.—Завоеваніе есть пріобрѣтеніе; духъ пріобрѣтенія носитъ въ себѣ духъ сохраненія и пользованія, а не разрушенія» [8]). Итакъ, естественный предѣлъ завоеванія—

того, чтобъ взятое получило настоящую цѣну и чтобъ дѣло было сдѣлано не напрасно, иначе оно было бы неполно, жалко и неблаговидно во всѣхъ отношеніяхъ. Id. p. 613.

[7]) *Pantagruel,* liv. VI, ch. I.

[8]) *Esprit des lois,* l. I, ch. III, l. X, ch. III.

ассимиляція. Завоевать слѣдуетъ только то, что можно сохранить, сохранить завоеванное можно только посредствомъ сліянія съ нимъ. «Дѣло завоевателя исправить то зло, которое онъ причинилъ; право завоеванія я опредѣляю слѣдующимъ образомъ: это право необходимое, законное и печальное, за которое приходится уплачивать громадный долгъ человѣческой природѣ, которую оно оскорбило» [9]). Собственно говоря, только уплата этого долга и дѣлаетъ завоеваніе законнымъ. «То право завоеванія, которое начинается силою, говоритъ Боссюетъ [10]), сводится, такъ сказать, съ согласія народовъ и посредствомъ мирнаго владѣнія къ естественному и обычному праву».

Прибавимъ, что государство не можетъ безконечно расти, не ослабляясь въ то же время. Слишкомъ растянутыя границы представляютъ для непріятеля много удобствъ. Кромѣ того, всякое величіе относительно. «Приращая реальную величину, бойтесь уменьшить относительную» [11]). Иногда выгоднѣе имѣть на своихъ границахъ государства слабыя и разъединенныя, чѣмъ завоевать ихъ и потомъ раздѣлить съ сильнымъ сосѣдомъ, который ради какихъ-нибудь эфемерныхъ комбинацій могъ сдѣлаться союзникомъ, но въ сущности не перестаетъ быть соперникомъ. Соперничество честолюбій также ограничиваетъ стремленіе къ завоеванію. Такъ какъ въ Европѣ нѣтъ пустующихъ земель, то разбогатѣть можно только на счетъ ближняго. Но всѣ властелины согласны въ одномъ—не позволять никому изъ нихъ возвышаться надъ остальными. Желающій захватить львиную долю, вооружитъ противъ себя всѣхъ соперниковъ. Такимъ образомъ, между великими государствами образовалось нѣчто въ родѣ общества на паяхъ: они разсчитываютъ сохранять то, чѣмъ владѣютъ, наживать пропорціонально своимъ вкладамъ и не позволяютъ ни одному изъ сочленовъ предписывать законы остальнымъ. Это называется уравновѣшиваніемъ силъ или европейскимъ равновѣсіемъ.

Это фактъ: онъ устанавливается послѣ большихъ войнъ, когда всѣ разорены и истощены. Прекращаются военныя дѣйствія, заключаются мировыя сдѣлки, и изъ взаимно противополагаемыхъ притязаній, изъ силъ, которыя обоюдно ограничиваются—выходитъ нѣчто въ родѣ равновѣсія. Но причины, создавшія это равновѣсіе, сами способствуютъ его уничтоженію. Устойчивость подразумѣваетъ неподвижность, слѣдовательно—невозможное. Для полной устойчивости требовалось-бы измѣнить все на свѣтѣ, чтобъ не было ни сильныхъ, ни слабыхъ, ни скупыхъ, ни расточительныхъ, ни безпечныхъ, ни жадныхъ, ни способныхъ, ни глупыхъ. Доста-

---

[9]) *Esprit des lois,* l. X, ch. IV.

[10]) *Politique,* l. II, art. II, prop. 2.

[11]) *Esprit des lois,* l. IX, ch. IX.

точно одному государству разориться и другому преобразоваться, чтобъ равновѣсіе было нарушено.

Въ одной инструкціи, составленной въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, сказано: «Это дѣло вкуса: каждый истолковываетъ по-своему, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ» [12]).—Вопросъ о равновѣсіи выдвигаютъ противъ тѣхъ, кто стремится къ преобладанію надъ другими: Франція противъ Австрійскаго дома, Англія противъ Франціи. Въ образующихся по этому случаю союзахъ каждый думаетъ только о своей выгодѣ; и хотя эта выгода часто вынуждаетъ къ обуздыванію сильныхъ, которые угрожаютъ, но очень рѣдко заставляетъ поддерживать слабыхъ, у которыхъ хотятъ отнять послѣднее. Политическое равновѣсіе предписываетъ уравновѣшеніе силъ; послѣднее предполагаетъ раздѣлъ; противовѣсомъ служатъ слабые и побѣжденные, и процессъ уравновѣшенія неизбѣжно обратится въ пользу сильныхъ, честолюбивыхъ и ловкихъ. Возвышеніе Пруссіи было логическимъ результатомъ этой системы: она служила противовѣсомъ, пока не почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобъ перетянуть чашу вѣсовъ на свою сторону.

Итакъ, равновѣсіе не можетъ служить ни основой порядка, ни гарантіей права. Современники сознаютъ это такъ отчетливо, что по мѣрѣ того, какъ это выясняется, они усиливаютъ свои вооруженія.—«Новая болѣзнь распространилась въ Европѣ, пишетъ Монтескье, она овладѣла нашими государями и заставляетъ ихъ содержать непомѣрную и безпорядочную массу войскъ... Лишь только одно государство усиливаетъ то, что они называютъ войсками, другія внезапно усиливаютъ свои, и въ результатѣ получается общее ослабленіе. Каждый государь держитъ на готовѣ всю армію, которую ему удалось бы собрать, въ случаѣ опасности, грозящей его народу, и этотъ постоянный напоръ всѣхъ на всѣхъ называется миромъ!» [13]).

Короче сказать, единственная гарантія—это хорошо понятая выгода, и единственная основа порядка—противоположность интересовъ. Обычай сводится къ слѣдующимъ эмпирическимъ положеніямъ: что хорошо взять, то хорошо и удержать за собой, говоритъ страсть и всѣ ей повинуются.—Хорошо брать только то, что легко сохранять, отвѣчаетъ осторожность, и очень немногіе слѣдуютъ ея совѣту.—Надо расширять свои владѣнія, говоритъ честолюбіе, будемъ считаться съ сильными и подѣлимся съ ними, если потребуютъ; самое важное—установить условія торга.—Лучше царить среди разъединенныхъ и слабыхъ, чѣмъ оспаривать власть у могучихъ соперниковъ.

---

[12]) *Recueil des Instructions,* Autriche. *Instruction du marquis d'Hautefort.* 1750 г.

[13]) *Esprit des lois,* l. XII, ch. XVII.

Хорошо предпринимать только то, что способенъ завершить, говоритъ въ заключеніе опытность. Этотъ разсчетъ—единственная охрана государствъ отъ его собственныхъ увлеченій и насилій со стороны другихъ. Не такою представляютъ себѣ Европу стараго режима, но такою она была, и въ этомъ свѣтѣ надо ее видѣть, чтобы понять, какъ она отнеслась къ французской революціи. Перейдемъ отъ ходячей морали къ установившимся правамъ.

VII.

Опредѣливъ политическія правила, изучимъ вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Всѣ они обращаются противъ государства. Это публичное право уничтожаетъ себя само, употребляя во зло собственный принципъ, который имѣетъ за себя лишь одну санкцію, роковую и неумолимую—санкцію силы.

Разъ государство сливается съ особою государя, а суверенитетъ переходитъ по наслѣдству, то и конфликты изъ-за наслѣдства становятся государственными конфликтами. Каждый дипломатъ въ то же время юристъ. Брачные контракты и завѣщанія составляютъ важнѣйшія дѣла въ политикѣ и, за неимѣніемъ суда, который бы разрѣшалъ возникающія изъ-за этого недоразумѣнія, разслѣдованіе ихъ предоставляется войнѣ, а рѣшеніе—силѣ. Царствованіе Людовика XIV называли продолжительной тяжбой, которую вели съ оружіемъ въ рукахъ. Самыя названія войнъ, занимавшихъ Европу въ XVIII столѣтіи, указываютъ на ихъ характеръ: войны за испанское, австрійское и баварское наслѣдства.

Говоря по правдѣ, нѣтъ *права*, которое признавалось и уважалось бы всѣми, но есть *права*, которыя каждый всегда готовъ предъявить. Это путаница феодальныхъ понятій, усложняемая всѣми тонкостями римской юриспруденціи. Къ большинству государей можно примѣнить слова, сказанныя Торси объ императорѣ Карлѣ VI: «онъ смотритъ на всѣ государства, которыми не владѣетъ, какъ на сдѣланные у него захваты» [1]).

---

[1]) *Recueil des Instructions, Autriche.* Instruction du comte du Luc. 1715. Лелонгъ, въ своей *Bibliothèque historique de la France*, посвящаетъ не менѣе 360 статей трактатамъ о *правахъ короля* на иностранныя государства.—Вотъ любопытный и характерный образчикъ этой литературы—это трактатъ: *Intérêts et maximes des états souverains* — изданіе исправленное и дополненное трактатомъ *de l'Intérêt des princes* et *états souverains de la Chretienté* par le duc *Henri de Rohan.* Cologne 1666. Въ этомъ трактатѣ изложены «интересы» или права *императора* на Францію, Англію, Пруссію, Польшу, Силезію; права,

Такъ какъ владѣнія считались неотъемлемою и неотчуждаемою собственностью, то поводовъ къ тяжбѣ всегда было достаточно. «Государи никогда не ссылаются на права давности въ своихъ взаимныхъ тяжбахъ, писалъ одинъ публицистъ семнадцатаго вѣка, по той простой причинѣ, что нѣтъ судьи, которому они могли бы принести жалобу на присвоеніе ихъ владѣній. Они выжидаютъ, когда на ихъ сторонѣ будетъ сила, чтобъ взять то, что имъ принадлежитъ, хотя бы прошло съ тѣхъ поръ болѣе тысячи лѣтъ, говоритъ одинъ старинный юрисконсультъ» [2]). Ришелье сказалъ: великіе государи считаютъ себя «всегда готовыми потребовать свои права у узурпаторовъ и отнять ихъ силою» [3]). Потому-то Мазарини, человѣкъ осторожный и очень опытный во всѣхъ этихъ августѣйшихъ кляузахъ, писалъ 20 января 1646 г., когда бракъ Людовика XIV и Маріи Терезіи еще только носился въ воздухѣ: «разъ инфанта будетъ обвѣнчана съ его величествомъ, мы можемъ разсчитывать на испанское наслѣдство, несмотря на отреченіе, которое ее заставятъ подписать» [4]).

Сто лѣтъ спустя, Фридрихъ, задумавъ овладѣть Силезіей, вспомнилъ, что у него были старинныя права на эту провинцію. Министръ Подвильсъ робко замѣтилъ, что эти права уничтожены торжественными трактатами: «вопросъ о правахъ—дѣло министровъ, отвѣчалъ король-философъ; это ваше дѣло; пора поработать надъ нимъ въ тайнѣ, потому что войскамъ уже отданъ приказъ» [5]).

Такъ какъ всѣ хранили въ своихъ архивахъ права на то, что имъ нравилось, и позволяли себѣ требовать обратно, какъ скоро явится возможность, то не было ни обезпеченнаго наслѣдства, ни спокойнаго обладанія. Такимъ образомъ нравы обращаютъ противъ самихъ династій принципъ династическаго права. Не ограничивая тѣмъ, что отнимаютъ наслѣдство, его и дробятъ еще.

французскаго короля на Наварру, Англію, Фландрію, Геную, Неаполь, Люксембургъ, Лотарингію, Люттихъ, Мецъ, Туль, Вердёнъ, графство Бургундское Тоскану, Авиньонъ, Оранжъ, Ницу, Камбре, Корсику, Кастилію, Геннегау. Права *испанскаго короля*—на герцогство Бургундское, Каталонію, Руссильонъ, Португалію, Наварру, Миланъ, Іерусалимъ, Сіенну, Англію, Тоскану, Мальту, Геную, Парму, Савойю; —*Короля англійскаго*—на Нормандію, Гюйенну, Пуату, и французскую корону. Австрійскаго дома—на Богемію, Утрехтъ, Моравію, Силезію, Фріулъ, Карніолію, Эльзасъ, Бризакъ, Рейнфельдъ, Нюренбергъ, Клевъ, Жюльеръ, Бергъ, Далмацію, Эпиръ, Трансильванію, Молдавію, Морею.

[2]) *Mémoire sus le plus sûr moyen de réunir à la France les duchés de Lorraine et de Bar.* D'Haussonville, *Histoire de la réunion de la Lorraine*, t. I, pièces. Paris. 1854.

[3]) *Mémoire,* année 1633.

[4]) Mignet. *Histoire des négociations relatives à la succession d'Espagne,* t. I, p. 33, Paris. 1835.

[5]) *Politische Correspondenz.* t. I, p. 90.

Права на него зависятъ не отъ давности, а отъ раздѣла. Тѣ, которые опираются на эти права, соединяются, чтобъ потребовать его возврата. Отсюда вытекаютъ формальные контракты и раздѣльные договоры. Принципъ политическаго равновѣсія опредѣляетъ статьи и установляетъ процедуру. Въ 1668 г., еще при жизни короля испанскаго, Людовикъ XIV дѣлитъ его наслѣдство съ императоромъ Леопольдомъ; въ 1698 г. онъ дѣлитъ его снова при посредствѣ третейскаго суда, состоящаго изъ Англіи и Голландіи. Подобныя сдѣлки даютъ тонъ дипломатіи слѣдующаго столѣтія. Въ дѣйствительности, этими комбинаціями руководила одна государственная польза; съ теченіемъ времени въ восемнадцатомъ столѣтіи это дѣлается открыто. Правовыя основанія отодвинуты на второй планъ. Дѣлятъ съ цѣлью уничтоженія и сознаются въ этомъ публично. Война за австрійское наслѣдство есть только шумное проявленіе той политики, которая не знаетъ иного закона, кромѣ своей выгоды. «Смерть императора Карла VI, послѣдняго государя изъ австрійскаго дома, вызвала надежду, что моментъ уничтоженія этой династіи наступилъ, пишетъ герцогъ Шуазель въ одномъ офиціальномъ документѣ [6]). Зависть и тревоги, внушенныя всей Европѣ той громадной массой государствъ, которыя покойный государь постарался собрать для своей старшей дочери; настроеніе многихъ монарховъ, претендовавшихъ на это наслѣдство; императорская корона, которая составляла связь между столькими разсѣянными государствами и которой австрійскій домъ лишился со смертью послѣдняго, владѣвшаго ею, принца этого дома — все, повидимому, благопріятствовало намѣренію уничтожить эту державу, съ помощью раздѣла; сообразуясь съ картой тогдашней Европы, Франція усвоила систему дѣленія государствъ, принадлежащихъ къ австрійскому наслѣдству, согласно съ правами претендентовъ и такъ перемѣшала доли, что новымъ владѣльцамъ приходилось внимательно слѣдить другъ за другомъ, чтобы противодѣйствовать усиленію котораго-либо изъ нихъ и помѣшать возникновенію новой державы, столь же страшной для Франціи и столь же опасной для ея спокойствія, какъ и послѣдняя австрійская династія. Такимъ способомъ можно сдѣлать спокойствіе болѣе прочнымъ и болѣе надежнымъ въ будущемъ».

Такой взглядъ, путемъ логическаго развитія фактовъ и идей, приводитъ къ тому, что въ раздробленіи государства видятъ не сдѣлку между соперниками-претендентами и вынужденный результатъ войнъ за наслѣдство, но нормальный рессурсъ дипломатіи, средство предупреждать войны, удовле-

---

[6]) *Recueil des instructions, Autriche.* Instruction du comte de Choiseul-Praslin 1759. Проектъ этотъ, впрочемъ, былъ не новъ. Первый набросокъ его былъ сдѣланъ въ 1718 г. съ Карломъ XII и въ 1733 г.—съ Сардиніей. См. D'Argenson *Mémoires,* t. I, p. 29. T. IV, p. 218, 273, 275.

творяя заранѣе честолюбіе тѣхъ, которые становятся опасными для общественнаго покоя. Этотъ результатъ принципа равновѣсія, какимъ бы парадоксальнымъ онъ ни казался съ перваго взгляда, вытекаетъ такъ непосредственно изъ этого принципа, что выясняется при первой попыткѣ опредѣлить самый принципъ. Сюлли, составляя свой великій планъ, подразумѣвалъ переворотъ въ правѣ владѣнія, état de possession, Европы. Весь экономическій результатъ вестфальскихъ трактатовъ основывается на экспропріаціи курфиршествъ въ пользу Европы. Секуляризація ихъ составляетъ прецедентъ. Революція нашла ее въ юриспруденціи и воспользовалась ею [7]).

Существовало два государства, которыя по своему географическому положенію и по внутреннему состоянію, такъ сказать, предназначались для этого рода сдѣлокъ. То были: Турція и Польша. Ими можно было удовлетворить всѣхъ. И потому мысль объ ихъ раздробленіи возникла уже очень рано и была ходячимъ мнѣніемъ еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ [8]). Въ 1782 Россія и Австрія условились раздѣлить между собою оттоманскую имперію; въ 1772 онѣ же за одно съ Фридрихомъ II раздѣлили Польшу, потому что не могли договориться относительно раздѣла Турціи. Правда, что задумалъ и довелъ эту операцію до конца король прусскій, но она была у всѣхъ на умѣ. Не было государства въ Европѣ, которое упускало-бы изъ вида Польшу. Менѣе чѣмъ въ теченіе года, между декабремъ 1768 и августомъ 1769 г. предлагались слѣдующія сдѣлки: министръ Кауницъ предложилъ Маріи Терезіи купить, такъ сказать, короля прусскаго цѣною польской Пруссіи; король прусскій потребовалъ отъ Россіи двѣ польскія правинціи въ уплату за свой союзъ, на что Россія согласилась; французское министерство предлагало вѣнскому кабинету раздѣлить Польшу, надѣясь разъединить этимъ Австрію и Пруссію, и то же самое предлагало берлинскому, съ цѣлью отдалить Пруссію отъ Австріи; наконецъ Турція, воевавшая за независимость Польши, готовилась выдать свою союзницу Австріи, чтобъ заручиться ея поддержкой противъ Россіи.

Участники раздѣла 1772 г. ссылались на старинныя права. Въ глубинѣ души они не приписывали имъ ни малѣйшаго значенія и не надѣялись кого-либо обмануть ими. «У меня очень слабая вѣра въ наши права», признавалась Марія Терезія. «Австрійцы берутъ себѣ два староства,—возра-

---

[7]) Въ 1778 г. когда Австрія задумала овладѣть Баваріей, распространился слухъ, что она намѣрена секуляризировать епископство Мюнстеръ, Гильдесгеймъ, Падерборнъ, чтобъ удовлетворить прусскаго короля и склонить его на свою сторону (Иностранныя дѣла). Это именно доля, которую Франція въ 1802 назначила Пруссіи.

[8]) См. *la Question d'Orient au dix-huitième siècle.* Paris, 1878.

жала Екатерина, почему же не брать и другимъ?» Пусть такъ, заключилъ Фридрихъ, и открылъ торгъ: «когда права не очень справедливы, незачѣмъ ихъ подробно разсматривать» [9]). Декларація 1772 подчинила эти мнимыя права принципу выгоды, единственному, на который слѣдовало бы сослаться. «Каковы бы ни были величина и предѣлы обоюдныхъ притязаній, пріобрѣтенія, вытекающія изъ нихъ, должны быть совершенно равны».

«Это первый историческій примѣръ правильнаго и мирно совершившагося раздѣла между тремя государствами», пишетъ Фридрихъ [10]). Онъ не былъ послѣднимъ. Разъ начавши дѣлить, съ цѣлью прекращенія распрей, а затѣмъ, для того, чтобъ ихъ предупредить, неминуемо должны были придти къ тому, чтобъ дѣлить ради простого удобства и въ раздѣлѣ монархій видѣть и цѣль и политическій способъ. Слабыя государства со страхомъ слѣдили за системой, грозившей имъ всѣмъ [11]). Она занимаетъ всѣ умы, ею наполнена вся переписка послѣднихъ лѣтъ стараго порядка. Это система, вполнѣ законченная, вошедшая въ обычаи Европы и замѣнившая угодливую доктрину равновѣсія, которую она дополняетъ и дѣлаетъ болѣе утонченною. У ней есть свое названіе, *système copartageant* (система соразделительная), которое входитъ въ употребленіе въ министерствахъ, пока не найдетъ своего мѣста въ репертуарѣ дипломатіи. У нея свой принципъ, имѣющій подобіе законности: «*пріобрѣтенія должны быть совершенно равномѣрны*» [12]). У нея своя казуистика, смѣшивающая справедливость поступка съ равенствомъ частей [13]), справедливость операціи—съ точностью вѣсовъ, одинаково служащихъ людямъ съ самыми разнородными намѣреніями. У нея своя юриспруденція, которая рѣшила, для «поддержанія вѣрности вѣсовъ» учитывать доли каждаго сообразно съ *плодородіемъ почвы, населеніемъ, политической цѣнностью*; подъ этимъ схоласты понимали не

---

[9]) *La Question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 142, 147, 265.

[10]) *Mémoires*, ed. Boutaric t. II p. 359. Paris 1866.

[11]) «Я съ трепетомъ жду,—пишетъ Густавъ III,—въ недалекомъ будущемъ минуты, когда державы захотятъ воспользоваться нашими смутами, чтобъ подчинить насъ себѣ». Іюнь 1772. Geffroy. *Gustave* III t. I p. 263. Paris 1867. — «Венеція и Швейцарія трепещутъ. Въ нѣкоторыхъ притязаніяхъ Австріи усматривается зародышъ системы удобствъ, которая обнаружилась въ раздѣлѣ Польши». *Recueil des instructions*. Autriche. *Instruction du baron de Breteuil* 1774 г.

[12]) Декларація 19 февраля 1772 г., для Австріи; 28 февр.—для Пруссіи; 5 марта—для Россіи, *Question d'Orient* p. 224. «Это справедливое предложеніе было принято безпрепятственно», говоритъ Фридрихъ въ своихъ *Мемуарахъ*, id. p. 216.

[13]) «Я всегда была противъ этого столь *неравнаго* и безчестнаго раздѣла», писала Марія Терезія—Мерси 1-го февраля 1773.

количество населенія, но его *родъ* и *качество* (espèce et qualité [14]). У нея свое судопроизводство и формулы: *nantissements d'hypothèque réelle* (залогъ дѣйствительной закладной), назначеніе которыхъ—служить гарантіей для правильнаго исполненія условій торга. Наконецъ, у нея и свой рыночный жаргонъ: *обмѣнъ* (*troc*) для возмѣщенія разницы въ цѣнности, *суррогаты чтобъ вознаградить за убытки обмѣна* (*surrogats pour bonifier le désavantage du troc*) [15]).

Я счелъ необходимымъ изложить эти обычаи и опредѣлить ихъ точный смыслъ, потому что французская революція застала ихъ въ старой Европѣ въ полной силѣ и неприкосновенности. Такого-то рода публичное право хотѣли примѣнить къ Франціи, а за недостаткомъ уступчивости съ ея стороны, вторично примѣнили къ Польшѣ. Не Франція ввела эту систему въ Европу въ 1792: она подвергалась опасности испытать ее на себѣ и, если впослѣдствіи вводитъ ее, то не изобрѣтаетъ чего-либо, а только слѣдуетъ старымъ примѣрамъ. Далекая отъ того, чтобъ предписывать старымъ государствамъ эту систему, нарушающую ея права, она сама была поставлена въ необходимость придерживаться ея для того, чтобы вступить въ сношеніе съ этими государствами. Лишь на такихъ условіяхъ она вступаетъ съ ними въ сношенія и получаетъ свое право гражданства въ Европѣ. Она нарушаетъ, искажаетъ, губитъ этимъ свой собственный принципъ и новое право, которому желаетъ доставить преобладаніе, но она не нарушаетъ, не искажаетъ, не губитъ стараго права: старая Европа сама подкопалась подъ его основы. Итакъ, революція не вырыла новаго русла для потока, она только прибавила воды. Это—фактъ, имѣющій большое значеніе. Обычай стараго порядка велъ къ еще болѣе важнымъ и болѣе изумительнымъ результатамъ.

VIII.

Если не стѣснялись дѣлить государства и отнимать владѣнія у монарховъ, то не стѣснялись также обмѣниваться государствами и перемѣщать династіи. Право владѣнія въ Европѣ въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцаго вѣка было въ высшей степени неустойчиво. Имя Альберони характеризуетъ эту систему политической путаницы, какъ имя Маккіавеля характеризуетъ систему государственной пользы. Альберони говорилъ даже, что «политику замѣнилъ капризъ нѣсколькихъ личностей, которыя без-

---

[14]) *Question d'Orient.* 241,—Angeberg, Le congrès de Vienne 1873.

[15]) Всѣ эти термины заимствованы изъ дипломатической переписки того времени. Читатель найдетъ ихъ ниже. Vivenot, *Quellen.* Vienne 1873. Докладъ Кобенцеля отъ 8 августа 1792, t. II p. 164.

смысленно и безосновательно, а можетъ быть даже изъ личныхъ интересовъ, рѣжутъ и кромсаютъ государства и королевства, какъ будто это голландскіе сыры» [1]).

Трактаты Людовика XIV объ испанскомъ наслѣдствѣ ведутъ за собою полный переворотъ въ картѣ Европы, странное передвиженіе династій, перемѣщеніе государей и правительствъ. Въ 1698 Испанія, Индія, Бельгія и Сардинія должны были имѣть своимъ монархомъ баварца; Неаполь, Сицилія, Президы и Гвипускоа—Бурбона, Миланъ—австрійца. Комбинація эта не удается; Людовикъ сейчасъ же составляетъ другую [3]): Баварецъ исчезаетъ; австріецъ беретъ Испанію и Индію; Бурбонъ беретъ Миланъ, который обмѣниваетъ на Лотарингію, кромѣ того беретъ Неаполь, Сицилію и Президы и мѣняетъ ихъ на Савойю, Ницу и Пьемонтъ. Бельгійцы, между тѣмъ, образуютъ республику и неминуемо соединятся съ Голландіей, если не послужатъ добавочной статьей въ счетахъ. Трактатъ, составленный приблизительно въ этомъ смыслѣ, былъ подписанъ въ 1699 г. [4]). Вліяніе даннаго такимъ образомъ толчка отразилось на XVIII столѣтіи. Съ 1731 до 1748, герцогство Парма, гдѣ династія прекратилась, переходило то къ Испаніи, то къ Австріи, и наконецъ вернулось къ младшей Испанской вѣтви. Сардинія, приписанная сначала къ Испаніи, отдана Австріи въ 1714 и Савойѣ—въ 1720. Одинъ польскій король получилъ въ свое пользованье Лотарингію, а герцоги лотарингскіе были переведены въ Тоскану. Неаполь и Сицилія, то раздѣляемые, то вновь соединяемые, претерпѣваютъ самыя странныя превратности и подпадаютъ власти самыхъ непредвидѣнныхъ правителей. Утрехтскіе договоры отдаютъ Неаполь Австріи, а Сицилію—Савойѣ, которая въ 1790 мѣняетъ ее на Сардинію. Былъ одинъ моментъ, когда оба королевства соединяются подъ властью Австріи; пятнадцать лѣтъ спустя они переходятъ къ испанскимъ Бурбонамъ. Въ то время обширнымъ рынкомъ для торговли королевствами была Италія, которая потомъ замѣнилась Польшей, а въ позднѣйшія времена—Германіей. Но движеніе, вызванное первымъ импульсомъ, продолжается и распространяется; французская революція только ускорила его. Благодаря Бонапарту, оно сдѣлалось стремительнымъ. Европа, такъ сказать, сама себя подготовила для завоеванія.

Къ этимъ перемѣщеніямъ привыкли; привыкли даже видѣть низвергнутыхъ и разоренныхъ королей, блуждающихъ безъ пріюта по бѣлу свѣту. «Тотъ, кто вѣрилъ въ дружбу короля англійскаго, короля польскаго и королевы

---

[1]) Письмо, приведенное Сисмонди. *Histoire de France*, t. XXVII, p. 324.

[2]) Трактатъ съ Англіей 11 октября.

[3]) Письмо къ Тальяру 13 февр. 1699. Reynald. *Guillaume III et Louis XIV*, t. I p. 242. Paris 1883.—[4]) *Ibid.*, p. 319.

шведской, могъ ли думать, что у него не будетъ пристанища и убѣжища на свѣтѣ?» говоритъ Паскаль [5]). Семнадцатое столѣтіе видѣло двухъ англійскихъ королей, низвергнутыхъ съ престола. Восемнадцатое столѣтіе представляетъ рядъ государей, которые оспариваютъ одинъ у другого престолъ, изгоняютъ, грабятъ и стараются уничтожить другъ друга [6]). Самую язвительную сатиру на нравы того времени представляетъ та глава *Кандида*, гдѣ Вольтеръ разсказываетъ о странномъ ужинѣ въ Венеціи, за которымъ герою пришлось быть въ обществѣ иностранныхъ королей: Ахмета III, который похитилъ престолъ у своего брата и былъ въ свою очередь низложенъ своимъ племянникомъ; Іоанна, у котораго отняли престолъ въ колыбели, Карла Эдуарда Англійскаго, польскихъ королей Августа Саксонскаго и Станислава Лещинскаго, и наконецъ для контраста— Теодора, короля корсиканскаго. «Когда они выходили изъ-за стола, въ тотъ же отель явились четыре свѣтлости, также потерявшіе свои владѣнія, благодаря случайностямъ войны, и пріѣхавшіе провести остатокъ карнавала въ Венеціи; но Кандидъ уже не обратилъ никакого вниманія на этихъ новыхъ гостей». Весь высшій свѣтъ при дворахъ читалъ этотъ романъ и находилъ крайне забавнымъ этотъ карнавалъ мертвецовъ.

Удивляются легкомысленному равнодушію современниковъ; но что сказать объ ихъ потомкахъ! Вольтеръ шутитъ и преувеличиваетъ ради насмѣшки. Перешагнемъ черезъ нѣсколько лѣтъ, фарсъ воплощается и становится мрачнымъ. Въ 1808 г. въ Эрфуртѣ, передъ «цвѣтникомъ изъ королей», окружавшихъ Наполеона, сдѣлавшагося императоромъ благодаря революціи, на сцену пришлось бы поставить не потѣшный ужинъ Вольтера, а августѣйшій ужинъ, который соединилъ-бы за однимъ столомъ цѣлый легіонъ низложенныхъ государей: Бурбона Французскаго, Бурбона Испанскаго, Бурбона Неаполитанскаго, Браганца, не считая епископовъ, великихъ герцоговъ, аббатовъ, графовъ и разныхъ свѣтлостей.

Но изгнаніе еще не все. Бываетъ хуже. «Я сказалъ: вы боги!», восклицаетъ Боссюетъ, «но, о боги изъ грязи и праха, вы умрете какъ люди. Вы падете, какъ всѣ великіе» [7]). Они падаютъ дѣйствительно, и паденіе ихъ лишь слегка смущаетъ тѣхъ, которые ихъ переживаютъ. Нельзя не удивляться тому, какъ мало шума произвела въ Европѣ смерть Людовика XVI и Маріи Антуанетты; какъ вяло было негодованіе, какъ не глубока печаль, какъ скоро она была забыта, какъ легко установилось соглашеніе между революціей и правительствами, когда первая урегулировалась, пошла на сдѣлки

---

[5]) *Pensées*, ed. Havet, art. VI, p. 35. Онъ намекаетъ на Карла I, на Христину Шведскую и на Іоанна Казиміра, низложеннаго Карломъ Густавомъ X.

[6]) См. эту картину въ ракурсѣ у Michelet, *Précis de l'histoire moderne.*

[7]) *Politique.*, liv., art. IV, prop. I.

и замѣнила политикой раздѣла свою политику пропаганды. Начиная съ 1798, одинъ изъ цареубійцъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ, другой—въ Неаполѣ, а трое были аккредитованы сначала при папскомъ дворѣ, а потомъ на Раштадскомъ конгрессѣ [8]). Племянница Маріи Антуанетты увидѣла знаменитѣйшихъ изъ нихъ стоящими вокругъ ея трона. Эта покладливость правовъ и эта снисходительность со стороны государей—фактъ не новый, и если разсмотрѣть прецеденты стараго порядка относительно этого щекотливаго пункта, то перестаешь удивляться.

Я не говорю здѣсь о политическомъ убійствѣ, которое открыто проповѣдывали и совершали въ шестнадцатомъ вѣкѣ; я разсматриваю только тѣ приговоры, которые объявляетъ государямъ само государство за государственное преступленіе, во имя государственной пользы. Въ новѣйшей Европѣ первымъ прецедентомъ служитъ судьба Маріи Стюартъ: она заключаетъ въ себѣ всѣ другія [9]). Марія Стюартъ была королевой, ее преслѣдовала за государственныя дѣянія другая королева. Когда она оспаривала съ этой точки зрѣнія компетентность комиссіи, которой было поручено судить ее, предсѣдатель этого судилища отвѣчалъ ей: «Оставьте въ сторонѣ эту пустую привилегію королевскаго достоинства, которая не можетъ помочь вамъ теперь; станьте передъ правительствомъ и докажите вашу невинность». Елизавета не удовольствовалась приговоромъ комиссіи: она заставила англійскій парламентъ утвердить его, а шестьдесятъ два года спустя этотъ парламентъ примѣнилъ тотъ же самый законъ ко внуку Маріи Стюартъ, котораго случайности жизни посадили на тронъ Елизаветы. Вопросъ, стоявшій между двумя государями, боровшимися за свои права на суверенитетъ, поднялся въ средѣ англійской націи, которая провозгласила себя монархомъ и королемъ англійскимъ, требовавшимъ возвращенія своихъ суверенныхъ правъ. Повторились сцены изъ процесса Маріи Стюартъ: «Я хотѣлъ бы знать, сказалъ Карлъ I, какая власть вызвала меня сюда.... Англія—почти тысячу лѣтъ наслѣдственная монархія». «Сэръ, отвѣчалъ предсѣдатель верховнаго суда, мы засѣдаемъ здѣсь не для того, чтобъ отвѣчать на ваши вопросы; отвѣчайте: виновны вы или невиновны» [10]). Эти двѣ фразы резюмируютъ весь процессъ Людовика XVI.

Что же между тѣмъ сдѣлали государи въ виду этихъ покушеній на королевское достоинство? Генрихъ III пытался вступиться за Марію Стюартъ: она вѣдь была королевой Франціи. Онъ заявилъ, что будетъ считать оскорбленіемъ себѣ ея осужденіе, находя его противнымъ интересамъ всѣхъ ко-

---

[8]) Сійесъ въ Берлинѣ, Лякомбъ Сенъ-Мишель въ Неаполѣ, Трейлльядъ, Жанъ Дебри, Боннье—въ Раштадтѣ.

[9]) Mignet. *Histoire de Marie Stuart*. Paris, 1854.

[10]) Guizot. *Charles* I, t. II, liv. VIII. Paris 1862.

ролей въ совокупности. Елизавета не обратила вниманія на это заявленіе; Генрихъ III не настаивалъ. Король испанскій, бывшій врагомъ Англіи, хотѣлъ отмстить за шотландскую королеву: Елизавета его побѣдила; и нѣсколько лѣтъ спустя, будучи союзницей французскаго короля Генриха IV, внушая уваженіе или страхъ всѣмъ монархамъ, она мирно оставила свою корону сыну своей жертвы, сдѣлавшемуся ея покорнымъ слугой. Можно сказать, что въ этомъ случаѣ была только ссора королевъ, и королевское достоинство было тутъ не причемъ. Что же касается до Карла I, то споръ идетъ между законнымъ государемъ и возмутившимся народомъ; а рѣшеніе одинаково. Европа была взволнована смертью короля Англіи, но каждый выразилъ свое волненіе въ той мѣрѣ, въ какой дозволяли его интересы. Болѣе всего негодовала Голландія, бывшая республикой, и Россія—государство самодержавное. Между Голландіей и Англіей было отчаянное соперничество; у московскаго царя не было никакихъ точекъ соприкосновенія съ Англіей и онъ ея не боялся. Напротивъ того, Испанія и Франція сначала мягко протестовали противъ процесса и казни короля, а затѣмъ соперничали между собою въ поспѣшности, съ какою признали республику. Напрасно ссылались на то, что Карлъ I царствовалъ на тѣхъ же правахъ, какъ Людовикъ XIV, что королева была дщерь Франціи, что революція, ниспровергшая тронъ въ Англіи, угрожаетъ всѣмъ тронамъ: ничто не устояло противъ того факта, что республика была сильна, и что въ интересахъ Франціи было войти съ нею въ соглашеніе. Неумолимый реализмъ государственной пользы одержалъ верхъ надъ всѣми доводами чести, религіи и установленнаго права. Мазарини писалъ регентшѣ, Аннѣ Австрійской: «Если руководствоваться законами чести и справедливости, то, какъ будто, не слѣдуетъ признавать этой республики; ничто не можетъ такъ повредить славѣ короля, какъ это признаніе, соглашаясь на которое онъ покидаетъ интересы законнаго монарха и близкаго родственника, сосѣда и союзника; ничто не можетъ быть такъ несправедливо, какъ признавать узурпаторовъ, которые запятнали руки кровью своего государя... Но такъ какъ законы чести и справедливости никогда не должны заставить сдѣлать что-либо противное законамъ осторожности, то надо принять въ соображеніе... что дальнѣйшій отказъ признать республику не можетъ увеличить или подтвердить права короля... Сверхъ того, есть причины опасаться того, что испанцы, тѣснѣе сблизясь съ англичанами, помѣшаютъ намъ сойтись съ ними и уговорятъ ихъ если и не вступить съ нами въ открытую войну, то, по крайней мѣрѣ, доставить имъ сильную помощь противъ насъ. Итакъ, мы видимъ, что необходимо безъ отлагательства вступить въ сношеніе съ англійской республикой и признать за ней тотъ титулъ, который

для нея желателенъ»... [11]). Людовикъ XIV призналъ республику, и вся Европа поступила по его примѣру. «О, время! о, нравы! восклицаетъ Лябрюйеръ [12]); о, несчастный вѣкъ! Вѣкъ полный дурныхъ примѣровъ... Одинъ человѣкъ сказалъ [13]): переплыву море, отниму у моего отца его вотчину, выгоню его, съ женою и наслѣдникомъ, изъ его земель и изъ его владѣній,—и какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Ему слѣдовало бы опасаться мести королей, которыхъ онъ оскорбляетъ въ лицѣ одного короля, но они стоятъ за него, они почти сказали ему: переплыви море, ограбь своего отца, покажи всей вселенной, что можно выгнать короля изъ его королевства, какъ мелкаго владѣльца изъ его замка, или фермера—изъ его мызы. Королевское достоинство не имѣетъ болѣе привилегій; сами короли отъ нихъ отказались» [14]). Это были рѣчи краснорѣчиваго меланхолика, но не политика. Только въ глазахъ мыслителей и теологовъ цареубійство остается святотатствомъ; политикъ заботится лишь о безопасности и выгодѣ. Законъ безсиленъ противъ страстей. Въ Шпейерѣ, въ 1689 г., солдаты Людовика XIV разграбили соборъ, гдѣ находились гробницы восьми императоровъ. Ихъ прахъ былъ развѣянъ по вѣтру [15]). Лувуа разсчитывалъ напугать нѣмцевъ и подавить ихъ презрѣніемъ. Не побоялись даже вызвать народную ярость и слѣпой фанатизмъ толпы. Въ 1691 г. разнесся слухъ, что Вильгельмъ III умеръ. «Каждый спѣшилъ разбудить своего товарища, пишетъ Лувуа. Зажгли потѣшные огни и пили много вина». Полиція пыталась умѣрить народный пылъ, народъ окружилъ полицейскихъ, обнималъ ихъ и увлекалъ въ свой хороводъ. Движеніе охватило провинціи. Вездѣ народъ «яростный и безумный», праздновалъ смерть врага. Это будущая *карманьола*; но важнѣе всего то, что эта карманьола была устроена королевской властью. Вотъ что говоритъ одинъ современникъ; слушая его можно подумать, что находишься въ слѣдующемъ вѣкѣ въ полномъ разгарѣ *санкюлотизма*: «Въ продолженіе нѣсколькихъ дней и ночей тѣшились тѣмъ,

---

[11]) Guizot. *Cromwell*, liv. III, p. 234.

[12]) *Des jugements.*

[13]) Принцъ Оранскій, который низвергъ Якова II и сдѣлался королемъ Англіи подъ именемъ Вильгельма III.

[14]) Я прочелъ въ мемуарахъ одного эмигранта, графа Данмартена, слѣдующія слова: «Марія Стюартъ, Карлъ I и Людовика XVI будутъ служить для всѣхъ вѣковъ страшными примѣрами, плоды которыхъ ненадежны. Короли привели народъ къ святотатству цареубійства, потому что не съумѣли согласиться между собою въ томъ, какое уваженіе надлежало оказывать достоинству ихъ сана». *Bibliothèque des mémoires* par. de Lescure, t. XXXIII. *Mémoires sur l'émigration.* Paris. 1877.

[15]) Dareste. *Histoire de France.* t. V, p. 590. Paris. 1875.

что изображеніе принца и принцессы съ оскорбительными надписями вѣшали, четвертовали, рѣзали, волочили по улицамъ, возили на ослахъ; ученики іезуитовъ, одѣтые демонами, рвали эти изображенія на части. И теперь еще галлереи кладбища Св. Иннокентія переполнены эстампами, на которыхъ эти особы представлены въ самомъ неприличномъ видѣ. На радостяхъ много пили и поносили покойнаго; отъ криковъ и проклятій узурпатору стонъ стоялъ въ воздухѣ [16])». Такимъ-то образомъ въ Парижѣ, во время царствованія государя, называемаго «непобѣдимымъ защитникомъ и мстителемъ за попираемое монархическое право» [17]), чернь истолковываетъ, безъ помѣхи со стороны полиціи, доктрины государственной пользы. Она познала, что короли могутъ совершать преступленія, что ихъ можно судить, что король измѣнникъ или король врагъ—уже не король. Пойдите дальше, перемѣстите суверенитетъ—народъ немедленно обратитъ противъ короля прецеденты королевской власти. Король становится узурпаторомъ, измѣнникомъ, главнымъ врагомъ. Это прямой и естественно наклонный путь къ 1793 году.

Восемнадцатый вѣкъ спѣшитъ къ нему со своимъ циническомъ легкомысліемъ. Государственная польза дѣйствуетъ уже не такъ рѣшительно и грубо, какъ въ предыдущемъ вѣкѣ. Она разсуждаетъ, разбираетъ, придумываетъ изящные софизмы и претендуетъ на прекрасный слогъ. Въ 1718 царь Петръ казнилъ своего сына за государственное преступленіе. Нѣсколько моралистовъ протестовало. Вольтеръ призвалъ ихъ къ порядку, напомнивъ исторію доктрины римскаго права и законы классической трагедіи, которые мыслители того времени такъ охотно смѣшивали. «Петръ былъ болѣе монархъ, чѣмъ отецъ, онъ пожертвовалъ своимъ собственнымъ сыномъ интересамъ законодателя и строителя.... Еслибъ Алексѣй царствовалъ, то все совершенное Петромъ было бы уничтожено.... Думая объ этой катастрофѣ, чувствительныя сердца трепещутъ, а суровыя—одобряютъ [18])». Государственная польза умѣетъ при случаѣ выказать чарующую грацію. Въ 1742 г. дочь Петра, Елизавета, благодаря перевороту завладѣла правленіемъ и заточила правительницу. Царемъ былъ Іоаннъ, двухлѣтній ребенокъ. Она была тронута его судьбой и между прочимъ обратилась къ маркизу Шетарди, французскому послу, за совѣтомъ. Шетарди былъ молодъ, нѣженъ и представлялъ при этомъ полуцивилизованномъ дворѣ утонченные нравы Запада. Елизаветѣ онъ не мало помогъ овладѣть трономъ. На ея вопросъ онъ написалъ: «Надо употребить всѣ средства чтобъ стереть самые слѣды Іоанна VI; это—единственная возможность предохранить Россію теперь или потомъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыя

---

[16]) Camille Rousset. *Louvois* IV, ch. XIII, p. 425.

[17]) Bossuet. *Oraison funèbre de la reine d'Angleterre.*

[18]) *Histoire de la Russie*, ch. IX.

могутъ быть вызваны извѣстными обстоятельствами, и которыя особенно опасны въ вашей странѣ, какъ показалъ примѣръ Лжедимитрія» [19]). Все это было высказано въ весьма изящныхъ выраженіяхъ; лицемѣріе формы еще рѣзче обнаруживало безпощадность мысли. Елизавета отступила передъ жестокостью такого совѣта; она пощадила жизнь малолѣтняго Іоанна, и онъ умеръ въ крѣпости двадцать три года спустя. Людовикъ XVII умеръ быстрѣе, будучи менѣе крѣпкаго сложенія; но въ общемъ подчинился тому же закону, и несмотря на мучительную агонію, несмотря на обстоятельства, которыя сдѣлали этотъ жестокій секвестръ ребенка историческимъ событіемъ, заключеніе и смерть произвели не болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ смерть остальныхъ жертвъ государственной необходимости, пресловутой raison d'Etat.

Исторія европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, дала не мало прецедентовъ, но нельзя не удивляться равнодушію, съ какимъ эти государства относятся къ подобнымъ событіямъ. Дипломаты сообщаютъ о дворцовыхъ заговорахъ и заточеніи царственныхъ особъ, какъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ въ мірѣ. [20]). Они не возмущаются, не волнуются; нѣкоторые даже радуются, если видятъ въ подобныхъ событіяхъ выгоду для двора, представителемъ котораго служатъ.

Такимъ именно образомъ отнесся къ событіямъ, сопровождавшимъ воцареніе Екатерины II, австрійскій посланникъ, графъ де-Мерси, тотъ самый, который игралъ впослѣдствіи такую видную роль въ Парижѣ. Для Фридриха, котораго спасла нѣкогда отъ катастрофы дружба Петра III, это былъ «ударъ грома». Для Маріи Терезіи, имѣвшей основаніе быть недовольной образомъ дѣйствій Петра III по отношенію къ Австріи—счастливая случайность. «Я преклоняюсь передъ божественнымъ провидѣніемъ, которое бдило надъ Австріей, Россіей и христіанскимъ міромъ, пишетъ она де Мерси; никакое извѣстіе не радовало такъ моего сердца, какъ это счастливое вступленіе на тронъ»; англійскій король «сердечно» поздравляетъ новую царицу. Что касается до Людовика XV, онъ имѣлъ такія же основанія радоваться, какъ и Марія Терезія, а потому не скупится на выраженія своего восторга и пишетъ своему посланнику, барону Бретейлю: «Скрытность царствующей императрицы и мужество ея въ моментъ исполненія задуманнаго плана доказываютъ, что она способна задумать и совершить великія дѣла. Я убѣжденъ, что не только придворные, но даже иноземцы и посланники, живущіе

---

[19]) Albert Vandal, *Louis XV et Elisabeth de Russie*, ch. II. Paris 1882. Не менѣе жестоко письмо Фридриха отъ 20 апрѣля 1743. *Politische Correspondenz*. Онъ совѣтуетъ сослать Іоанна въ Сибирь, гдѣ онъ могъ-бы исчезнуть незамѣтно.

[20]) См. Труды Россійскаго историческаго общества, т. XVIII.

близъ этой государыни, поспѣшатъ заявить свое почтеніе и даже выдѣлиться между другими, чтобъ крѣпче привязать Россію къ интересамъ своихъ властелиновъ. Это-то уваженіе къ вѣнчаннымъ главамъ должно лечь въ основу вашего поведенія и вашихъ разговоровъ съ императрицей». Что касается до развѣнчанныхъ главъ, то уваженіе, повидимому, не было обязанностью по отношенію къ нимъ. Исторія восшествія на престолъ Екатерины быстро распространилась. Рюльеръ написалъ ее въ 1773, онъ ничего не скрылъ, ни ея политическую, ни частную жизнь. Эта книга надѣлала много шуму. Екатерина захотѣла прочесть и просила Дидро, жившаго тогда въ Россіи, прислать ее. Этотъ философъ, который при случаѣ любилъ щегольнуть безстыдною лестью, счелъ однако необходимымъ выказать нѣкоторую осторожность. «Что касается до васъ, государыня, сказалъ онъ, если вы придаете большое значеніе добродѣтели и благопристойности, этимъ изношеннымъ лохмотьямъ вашего пола, то долженъ сказать, что это сочиненіе—сатира, направленная противъ васъ; но если васъ интересуютъ больше великія цѣли, мужественныя и патріотическія идеи, то авторъ доказываетъ, что вы—великая государыня и, вообще говоря, дѣлаетъ вамъ больше чести, чѣмъ зла».—«Мнѣ тѣмъ болѣе хочется прочесть эту книгу» [21]) отвѣчаетъ царица.

Собственно говоря, между государями все сводится въ этомъ важномъ вопросѣ къ выгодѣ и къ приличію. Соблюдать послѣднее бывало иногда очень трудно: приходилось быть крайне бдительнымъ; такъ въ 1781 г. великій князь Павелъ, наслѣдникъ Петра III, пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ пріемъ былъ чрезвычайно пышенъ: давались парадные спектакли, въ оперѣ ставили *Ореста* съ балетомъ, въ драматическомъ готовили *Гамлета*. Въ *Орестѣ*, несмотря на музыку и танцы, заключалось не мало дерзкихъ намековъ, но *Гамлетъ* превосходилъ всякую мѣру. На это обратилъ вниманіе актеръ Шредеръ, и благодаря его такту избѣжали грубаго нарушенія приличій, за что онъ получилъ подарокъ въ пятьдесятъ дукатовъ.

Дальнѣйшее отношеніе европейскихъ дворовъ къ русскимъ дѣламъ и въ особенности къ событію 1801 г. доказали еще разъ, что, несмотря на катастрофу 1793 года, старыя традиціи ни мало не измѣнились при этихъ дворахъ.

IX.

Отношеніе государей къ дворцовымъ переворотамъ чужихъ государствъ объясняетъ поведеніе правительствъ по отношенію къ нимъ самимъ въ мо-

---

[21]) Докладъ Дюрана 9 ноября 1773 г. *Publications de la Société d'histoire de Russie*, t. XVII, p. 288.

ментъ посягательствъ на ихъ суверенитетъ. Я подразумѣваю революціи. Ихъ было не мало въ Европѣ, но никто даже не воображалъ, чтобъ можно было выдѣлить идею революціи изъ частныхъ событій, среди которыхъ происходили всѣ эти прежнія революціи. Революція, разсматриваемая сама по себѣ, какъ нормальное и непрерывное измѣненіе обществъ, была для государственныхъ людей стараго порядка такимъ же чуждымъ понятіемъ, какъ и понятіе о династической законности, разсматриваемой какъ незыблемый и абсолютный принципъ верховной власти монарховъ. Эти совершенно отвлеченныя понятія сложились въ умахъ не ранѣе, какъ во время французской революціи подъ вліяніемъ одинаковыхъ философскихъ методовъ. Французская революція «есть событіе, единственное въ исторіи», писалъ Жозефъ де Местръ въ 1796 [1]). Поэтому-то люди стараго порядка такъ сильно ошиблись въ опредѣленіи характера этой революціи: они судили о ней по прецедентамъ и поступали сообразно съ такимъ сужденіемъ.

Они знали изъ исторіи и видали воочію мятежи, эти продукты вѣчной бѣдности, преслѣдованій, присущаго человѣческой природѣ безпокойства, алчности, подстрекательствъ крамольниковъ, заговоровъ, наконецъ той анархіи, которая развивается само собой, когда правительство слишкомъ мало удовлетворяетъ потребностямъ страны, или когда власть недостаточно сильна. Они не разъ наблюдали «эти возмущенія, къ которымъ такъ склонны народы» [2]). Они слѣдили за ходомъ ихъ въ итальянскихъ республикахъ, имъ было извѣстно относительное вліяніе и значеніе партій, а равно и средства, которыми онѣ располагаютъ: изгнаніе, конфискація, смертныя казни, возмущенія, междуусобная война. Они видѣли, какъ одни и тѣ же факты, съ одними и тѣми же послѣдствіями повторялись во Франціи и въ Англіи. Они знали, что, предоставленный самому себѣ, человѣкъ становится вновь тѣмъ же жестокимъ, безсмысленнымъ дикаремъ, какимъ создала его природа. Все это было давно извѣстно, и все это казалось весьма простымъ и естественнымъ. То были хроническія болѣзни государствъ, естественная форма ихъ упадка и смерти. Причина болѣзни заключалась въ самихъ государствахъ, въ порчѣ ихъ органовъ отъ дряхлости или вслѣдствіе излишествъ, а не происходила отъ какой-нибудь полученной раны или заразы, занесенной извнѣ. «Политическія тѣла,— пишетъ одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ и разумнѣйшихъ историковъ,— подобно логическимъ предложеніямъ, имѣютъ свое начало, прогрессію и періодъ.... Вполнѣ естественно, что вещи распадаются, благодаря ослабленію того, что служило причиною ихъ усиленія» [3]). Боссюетъ воз-

---

[1]) *Considérations sur la France*, ch. IV.

[2]) Pascal, *Provinciales*, lettre XIV.

[3]) Etienne Pasquier, *Lettres*, liv. XII. lettres VII и VIII à M. de *Sainte Marthe*.

лагаетъ смѣло всю отвѣтственность на правителей: «Какъ бы глубоко ни забирались мы въ исторію за примѣрами великихъ возмущеній, вездѣ мы видимъ, что причина ихъ лежала или въ слабости, или въ жестокости государей. Въ самомъ дѣлѣ, когда государи не хотятъ знать ни своихъ дѣлъ, ни своихъ армій.... не заботятся о законахъ, не соблюдаютъ ни въ чемъ мѣры, теряютъ уваженіе и страхъ, которые должны внушать людямъ, такъ что послѣдніе думаютъ, что страданія, которыя они претерпѣваютъ, нестерпимѣе тѣхъ, которыя могутъ предстоять въ будущемъ, тогда-то крайняя распущенность, или терпѣніе, которымъ слишкомъ долго злоупотребляли, представляютъ страшную опасность для правителей [4]).

Вслѣдствіе такой точки зрѣнія, правительства усматривали въ революціяхъ иностраннаго государства частный кризисъ и судили о немъ согласно со своими интересами: они или возбуждали ихъ, если находили то для себя выгоднымъ, или же содѣйствовали усмиренію. Это было излюбленнымъ полемъ политическихъ маневровъ и классическомъ рессурсомъ дипломатіи.

Великая революція, взволновавшая центральную Европу въ шестнадцатомъ вѣкѣ и затянувшая ее въ войну, длившуюся до половины семнадцатаго столѣтія, оставила въ государственныхъ людяхъ Европы память о наилучшихъ случаяхъ для заключенія выгодныхъ договоровъ. Если хотите, это былъ желѣзный вѣкъ, но онъ-то и удобенъ для войны и переговоровъ. Политическое богатство того времени расхваливали, какъ расхваливаютъ богатство тѣхъ перувіанскихъ рудниковъ, гдѣ приносились въ жертву цѣлыя поколѣнія, чтобъ нагрузить золотомъ нѣсколько испанскихъ гальоновъ. Правители поражались только результатами, настоящій характеръ революціи ускользалъ отъ ихъ вниманія. То же самое произошло двѣсти лѣтъ спустя по поводу французской революціи. Подобно соціальной и политической революціи восемнадцатаго столѣтія, религіозная революція шестнадцатаго вѣка была абстрактна по своему принципу, космополитична по своему дѣйствію; она имѣла исходной точкой міровыя идеи и взывала ко всѣмъ народамъ. Она сблизила то, что́ было разъединено, и раздѣлила то, что́ было соединено, вызвала борьбу и завязала союзы между правительствами; подняла бунты и возбудила междоусобную войну внутри государствъ. Она породила апостоловъ, прозелитовъ, мучениковъ, фанатиковъ,

[4]) *Oraison funèbre de la reine d'Angleterre.* — А вотъ и мнѣніе политика практика, во второй части *Mémoires de Retz*, глава III. «Больныя государства слабѣютъ вслѣдствіе продолжительности зла. Люди предполагаютъ, что оно безконечно, а разъ найдя изъ него выходъ, что всегда возможно, они такъ удивлены, такъ обрадованы, такъ увлечены, что переходятъ внезапно къ другой крайности и не только не считаютъ революціи невозможными, но считаютъ ихъ легкими, и иногда одного этого настроенія достаточно, чтобъ ихъ совершать.

перевернула всю Европу и, такъ сказать, привела снова въ состояніе плавленія ея составные элементы. Но этотъ хаосъ былъ только кажущійся, и когда кризисъ миновалъ, то для всѣхъ стало очевидно, что всѣ элементы расположились по своему природному сродству.

Реформація коснулась всѣхъ націй: каждая толковала ее сообразно со своими личными склонностями, частными традиціями и унаслѣдованными воззрѣніями. Она оживила и даже раздражила народныя страсти, дала имъ новыя формы и новую пищу, но она не создавала ихъ. Въ Германіи, она вызвала взрывъ антагонизма между сѣверомъ и югомъ; въ Англіи—способствовала установленію свободнаго правленія; во Франціи въ одно и то же время, смотря по мѣстности, была аристократической или демократической, служила для знати предлогомъ предъявлять свои права королю, а для народа—требовать своихъ правъ отъ знати. Націи приспособляютъ ее къ своимъ традиціямъ, а правительства—къ своимъ системамъ управленія. Между Испаніей и Франціей существовало жгучее соперничество. Испанія пользуется религіозными войнами, чтобъ вызвать возмущенія во Франціи: она содержитъ на жалованьѣ фанатиковъ и кормитъ демагоговъ. Франція старается отвлечь Германію; Австрійскій домъ борется съ реформаціей, потому что желаетъ единства власти; сѣверные князья поддерживаютъ ее потому, что желаютъ раздѣла власти; Австрія стремится къ всемірному владычеству, но можетъ добиться этого только съ помощью религіознаго объединенія и поддержки со стороны Римской церкви: Карлъ V и Филиппъ II остаются, какъ и прежде, крайними католиками. Французскій король противится преобладанію австрійцевъ: онъ поддерживаетъ нѣмецкихъ реформаторовъ и становится бойцомъ за нѣмецкія вольности. Эти вольности тѣсно связаны съ успѣхомъ реформаціи: нѣмецкіе князья, принимающіе ее, стремятся сдѣлаться независимыми отъ императора и имперіи. Французскій король, помогая имъ изо всѣхъ силъ, напротивъ того подавляетъ у себя реформацію, потому что желаетъ быть у себя властелиномъ и потому что аристократы разсчитываютъ поступить съ нимъ такъ же, какъ имперскіе князья—съ Австрійскимъ домомъ. Такимъ-то путемъ этотъ великій религіозный кризисъ превратился въ политическій; конфликты изъ-за власти одержали верхъ надъ принципіальнымъ столкновеніемъ, и борьба закончилась передѣломъ территорій.

Въ свѣтскомъ и политическомъ по существу характерѣ вестфальскихъ трактатовъ ясно обнаружилось воззрѣніе европейскихъ правительствъ на реформацію. Несомнѣнно, что эти трактаты значительно способствовали установленію свободы совѣсти, но они сдѣлали это лишь косвеннымъ путемъ и скорѣе силою вещей, чѣмъ по доброй волѣ. Къ знаменитому правилу: *Cujus regio, ejus religio* присоединилось понятіе о государ-

ственной религіи, т. е. государственной пользѣ, примѣняемой къ дѣламъ совѣсти, что гораздо ближе къ нетерпимости, чѣмъ къ свободѣ. Въ основу мировой сдѣлки между государствами заложенъ былъ тотъ принципъ, что каждый утверждается въ своей собственной независимости, и великіе міра сего усиливаются въ ущербъ малымъ. Чтобъ добиться мира, католическія государства, представители стараго порядка вещей, вошли въ сдѣлку съ новымъ порядкомъ и согласились на секуляризацію церковныхъ имуществъ. Средневѣковое народное право было нарушено въ принципѣ и на дѣлѣ: единство вѣры и верховное господство римскаго двора исчезли, и въ то же время мелкія феодальныя княжества были поглощены болѣе крупными государствами. Если сравнить трактаты 1648 съ трактатами 1801 и 1803, то неминуемо приходишь къ заключенію, что первые нанесли такой же ударъ публичному праву старой Европы, какъ и вторые, бывшіе только ихъ слѣдствіемъ и подражаніемъ. Дѣло въ томъ, что, стоя лицомъ къ лицу съ французской революціей, которая имѣетъ такъ много общаго съ реформаціей, правительства конца восемнадцатаго вѣка поступали совершенно такъ же, какъ правительства XVI вѣка. Вся юриспруденція стараго порядка въ дѣлѣ революцій вытекаетъ изъ этого прецедента.

Первое и самое богатое послѣдствіями примѣненіе ея заключается во вмѣшательствѣ въ междоусобныя войны. Эти войны слѣдуютъ за домашними войнами феодальнаго режима и сохраняютъ тотъ же характеръ. Феодальный режимъ, ставившій власть господина вмѣсто отечества, раздроблявшій государства, представлялъ необыкновенныя удобства для союзовъ. Феодалы, постоянно враждуя другъ съ другомъ или со своимъ сюзереномъ, не стѣснялись призывать на помощь другихъ владѣльцевъ или даже другихъ сюзереновъ. Тамъ, гдѣ феодальный режимъ еще продолжалъ держаться, какъ въ Германіи, эта привычка увѣковѣчилась, и вестфальскіе трактаты санкціонировали ее; во Франціи, гдѣ королевская власть получила преобладаніе надъ феодальной, обычай пережилъ обстоятельства, давшія ему начало. Къ борьбѣ противъ верховнаго властителя примѣнялись тѣ же обычаи, какимъ слѣдовали въ борьбѣ феодальной. Партіи считали себя въ правѣ приглашать на помощь чужестранцевъ, потому что каждая стремилась къ верховной власти и даже преобладанію надъ остальными. Считая себя государствомъ, каждая мятежная партія считала себя и отечествомъ: эти идеи сливались воедино. Ришелье сражался при Ларошели одновременно съ гугенотами и съ англичанами; Мазарини боролся одновременно противъ испанцевъ и фронды, вступившихъ тогда въ союзъ. Два величайшіе героя Франціи, Конде и Тюреннъ, такъ много сдѣлавшіе для Франціи въ борьбѣ противъ чужеземцевъ, поочередно

соединялись съ чужеземцами противъ французскаго государства. Несомнѣнно, что понятія о государѣ, государствѣ, отечествѣ постепенно становились болѣе точными, болѣе опредѣленными и раздѣльными. Боденъ писалъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ: «Никогда не можетъ быть справедливымъ поднимать оружіе противъ своего государя и отечества». Государственная измѣна становилась болѣе опредѣленнымъ преступленіемъ и вызывала болѣе систематичныя кары [5]). Однако военные обычаи шестнадцатаго вѣка и временъ фронды вовсе не исчезли въ эпоху французской революціи. Какъ скоро представится аналогичный случай, проявятся и старые способы борьбы: вооруженная эмиграція въ союзѣ съ составленной противъ Франціи коалиціей вытекаетъ изъ этихъ самыхъ обычаевъ; это—послѣдній эпизодъ феодальной политики, современный уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ феодализма. Въ этотъ моментъ, благодаря именно вооруженной эмиграціи, произошло выдѣленіе понятія объ отечествѣ изъ понятія о государѣ. Это одно изъ главнѣйшихъ явленій французской революціи, и оно было, безъ сомнѣнія, подготовлено ранѣе. Сама королевская власть поработала надъ нимъ, но оно не было вполнѣ усвоено умами, и особенно умами тѣхъ, надъ которыми оно впослѣдствіи одержало верхъ, а они-то именно и ссылались на феодальные обычаи. Такимъ путемъ и могла возникнуть вооруженная эмиграція, могла организовать государство противъ государства, заключать союзы и нахлынуть на французскую территорію вмѣстѣ съ иностранными арміями, считая это своимъ правомъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, она унесла съ собою государство и отечество и теперь сражается съ узурпаторами.

Таково общее настроеніе умовъ по всей Европѣ; правительства пользуются имъ другъ противъ друга. Мало того, что они поощряютъ возмутителей, они создаютъ ихъ; они не только поддерживаютъ междоусобную войну, но вызываютъ ее; не только эксплуатируютъ революцію, но подготовляютъ ее. «Развѣ благоразуміе и справедливость позволяютъ ожидать, чтобъ съѣли другихъ для того, чтобъ насъ проглотили послѣдними?» сказалъ Ришелье [6]). Въ одной апологіи Людовика XIV, написанной его современникомъ, говорится: «Если для государя позорно разжигать бунтъ подданныхъ противъ законнаго государя, то австрійскій домъ давно показалъ намъ примѣръ... Если же между государями установленъ обычай возможно больше вредить другъ другу, то зачѣмъ ставить въ вину намъ то, что совершается во

---

[5]) Бальзакъ, въ *Le Prince*, горячо высказываетъ чувства современниковъ противъ тѣхъ: «кто отрекся отъ своего государя и хотѣлъ продать свою страну чужеземцамъ».

[6]) *Lettres et papiers d'Etat*, t. VIII, p. 214, année 1635.

всемъ мірѣ?» [7]). Фактъ тотъ, что каждый, по выраженію Сенъ-Симона, хлопочетъ о томъ, чтобы заварить у сосѣда кашу. Англія никогда не упускала случая сдѣлать это на зло Людовику XIII и XIV, которые отплачивали ей съ лихвою. Великій король считалъ выгоднымъ устраивать возмущенія повсюду, гдѣ у него были враги; онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Я поддерживалъ нѣкоторыя сношенія въ Венгріи, чтобъ насолить императору, какъ скоро онъ вздумаетъ вмѣшаться въ мои дѣла [8]). Но самымъ поразительнымъ примѣромъ, самымъ характеристичнымъ прецедентомъ служатъ сношенія французскаго двора съ Англіей во время революцій семнадцатаго столѣтія. Они представляютъ уже всѣ тѣ превращенія въ политикѣ великихъ державъ, особенно Австріи, въ сношеніяхъ съ Франціей, которыя имѣли мѣсто во время французской революціи.

Карлъ I боролся за прерогативы королевской власти; французская монархія выдерживала въ это время такую же борьбу. Торжество революціонной партіи въ Англіи естественно дѣйствовало ободряющимъ образомъ и на французскихъ мятежниковъ. Правительство не смущалось этимъ. Посланникъ Людовика XIII въ Лондонѣ писалъ въ 1637 г. «Обстоятельства, по моему мнѣнію, благопріятствуютъ тому, чтобъ поставить англійскаго короля въ затруднительное положеніе». Ришелье немедленно воспользовался ими. Воодушевляя недовольныхъ, онъ, въ то же время, въ тайнѣ подстрекалъ дворъ. Королева хотѣла бѣжать во Францію, Ришелье ее отговорилъ. «Кто бросаетъ игру при такихъ условіяхъ, тотъ ее проигрываетъ» [9]), писалъ онъ ей. Онъ желалъ безпорядковъ въ государствѣ и въ результатѣ— ослабленія Англіи. Такою же была политика Мазарини. Агенты, которыхъ онъ посылалъ,—д'Аркуръ, въ 1644, Белльевръ, въ 1647,—получили инструкціи запутать дѣла. Парламентъ провозгласилъ себя правительствомъ. Мазарини былъ того мнѣнія, «что теперь не время спорить о формальностяхъ», и призналъ суверенитетъ парламента [10]). Генріетта, сестра французскаго короля, жаловалась, что ее покинули, предали, плакала и возмущалась этой коварной политикой [11]). Однако насталъ моментъ, когда англійская революція показалась опасной даже для континента. Въ ней обнару-

---

[7]) См. Camille Rousset. *Louvois*, t. III, ch. IV.

[8]) 1666 г. *Le Recueil des Instructions*, *Autriche*, инструкціи маркиза де-Витри, 1679, стр. 74, и маркиза де-Себевилля, 1680, стр. 88. Сравните исторію революцій въ Неаполѣ и Мессинѣ 1647 и 1674 г.

[9]) Guisot. *Charles I.* Pièces, № 6.

[10]) Flassan. *Histoire de la diplomatie*, livre VI. Такимъ же образомъ Австрія признала конституцію 1791 г.

[11]) Сравните письма Монтреля, именно письмо отъ 21 марта 1641 у Guizot, *Charles I*, Pièces № 6, съ письмами Мерси-Арженто. Марія Антуанетта была сестрой Іосифа II и Леопольда II; Кауницъ игралъ роль Мазарини.

жился тотъ сектаторскій духъ, который, по словамъ Боссюета, «долженъ уничтожить всѣ королевства и сравнять всѣхъ людей: такова крамольная мечта индепендентовъ и ихъ святотатственная и нечестивая химера».

Во Франціи междоусобная война была въ полномъ разгарѣ. Фрондеры ссылались на примѣръ англійской республики и хвалились ея поддержкой. Это республика какъ будто стремилась вынести за свои предѣлы пламя, пожиравшее ее внутри. Ей приписывали замыселъ присоединить Голландію, имѣвшую одинаковую форму правленія и одинаковую религію. *Faciamus eos unam gentem*, писалъ одинъ парламентскій делегатъ въ Голландіи [12]). Республиканцы становились надменными. Кромвель говорилъ: «Я сдѣлаю имя англичанъ столь же великимъ, какъ имя римлянъ». Онъ задумывалъ создать лигу всѣхъ протестантовъ и стать во главѣ ея. Ему приписывали слѣдующую фразу: «Будь я десятью годами моложе, не было-бы короля въ Европѣ, который не трепеталъ-бы предо мною». Имѣя болѣе благородные мотивы, чѣмъ покойный король Швеціи, Кромвель считалъ еще себя «способнымъ сдѣлать для блага народовъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ шведскій король въ угоду своему честолюбію.»

Получая такого рода предостереженія и угрозы, Мазарини, повидимому, долженъ былъ спѣшить съ образованіемъ контръ-лиги. Онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ; видя, что Кромвель и его республика такъ упрочились, онъ разсчиталъ, что выгоднѣе имѣть ихъ друзьями, чѣмъ врагами. Онъ вошелъ съ ними въ соглашеніе, находя это выгоднымъ и для себя. И вотъ мы видимъ христіаннѣйшаго короля союзникомъ протестантской и цареубійственной республики, и видимъ эту республику воюющей съ единственнымъ государствомъ на континентѣ, съ которымъ должна-бы связывать ее общность религіозной и политической формы,—съ Голландіей. «Я не буду вамъ разсказывать,—восклицаетъ Боссюетъ,—ни о счастливомъ исходѣ всѣхъ его предпріятій, ни о славныхъ побѣдахъ, которыми возмущались добродѣтельные люди, ни о долгомъ спокойствіи, которое удивило вселенную». Удивляться было не въ модѣ, и если гдѣ-либо успѣхи Кромвеля были необъяснимы, то уже никакъ не при дворѣ Людовика XIV. Этотъ, преимущественно дорожившій своими прерогативами, король не колебался назвать Кромвеля *государемъ*, выразить ему, что «считаетъ его однимъ изъ самыхъ великихъ и счастливыхъ людей въ Европѣ» [13]). Престижъ Кромвеля въ Европѣ былъ громаденъ. Читая его исторію, какъ будто читаешь сокращенную исторію Бонапарта. Его боятся, ему удивляются, его дружбы домогаются. Онъ получаетъ посольства изъ Швеціи, Германіи, Италіи и даже Польши. Принцъ Конде пишетъ ему въ 1653: «Я думаю,

[12]) Подробности см. Guisot, *Cromwell*, Paris, 1860.

[13]) Ibid., t. II, p. 369.

что народы трехъ королевствъ находятся наверху счастья, сознавая, что ихъ жизнь и имущество находятся подъ управленіемъ такого великаго человѣка. Что касается до меня, то я умоляю ваше высочество вѣрить, что я счелъ бы себя очень счастливымъ, еслибъ могъ въ чемъ-нибудь служить вамъ». Восхищеніе, которое внушалъ Кромвель, пережило его могущество. Онъ умеръ, республика пала, и въ мемуарахъ людовика XIV за 1662 г., мы встрѣчаемъ такую фразу: «Кромвель, которому его геній, обстоятельства и несчастія родины внушили мысли, далеко несоотвѣтствовавшія его происхожденію....»

Между тѣмъ какъ въ Лондонѣ отовсюду стекались къ протектору иностранныя посольства, законный наслѣдникъ англійскаго трона, Карлъ II, блуждалъ несчастнымъ изгнанникомъ на континентѣ, выпрашивая секретную аудіенцію для своихъ посланниковъ, пенсію для служителей, убѣжище для себя и для своихъ близкихъ. Вездѣ лишній и отовсюду выпроваживаемый, онъ встрѣчалъ лишь тайное соболѣзнованіе и публичныя оскорбленія. Это, такъ сказать, предисловіе къ исторіи Бурбоновъ, начиная съ французской революціи и кончая 1814 г. Карлъ снова вступаетъ на престолъ. «Оскорбленіе королей получило возмездіе». Боссюетъ вмѣняетъ это въ заслугу Людовику XIV; но послѣдній не забываетъ традицій своей политики, и въ его мемуарахъ за 1666 г. мы читаемъ: «Я содержалъ нѣсколькихъ пенсіонеровъ въ Ирландіи, чтобъ поднять тамъ католиковъ, и вступилъ въ переговоры съ перебѣжчиками въ Англіи, обѣщая имъ значительныя суммы, чтобъ вновь призвать къ жизни остатки партіи Кромвеля». Если онъ поступалъ такимъ образомъ съ Карломъ II, законнымъ государемъ, бывшимъ еще недавно его протеже и его наемникомъ, то еще беззастѣнчивѣе поступилъ онъ съ Вильгельмомъ III, государемъ узурпаторомъ и самымъ ожесточеннымъ изъ его враговъ. Эта замѣтка 1666 г. даетъ намъ вѣрный тонъ восемнадцатаго вѣка.

X.

Въ этомъ столѣтіи было много революцій; между ними нѣтъ никакой связи, нѣтъ также никакого соотношенія между формами правительствъ и ихъ поведеніемъ по отношенію другъ къ другу во время всѣхъ этихъ кризисовъ. Такъ какъ каждое изъ нихъ преслѣдовало только свою непосредственную выгоду, то и политика ихъ мѣнялась сообразно съ обстоятельствами. Англія представлялась французамъ, и вообще государственнымъ людямъ континента, страною, разрываемою партіями. «Правленіе этого острова болѣе бурное, чѣмъ море, которое его окружаетъ», говорилъ Вольтеръ [1]). То,

[1]) *Lettres philosophiques.* Lettre VIII.

что становится революціей въ Англіи, въ другихъ мѣстахъ—не болѣе какъ возмущеніе. «Дипломаты рисуютъ ее всегда какъ бы наканунѣ переворота» [2]). Версальскіе политики радовались этому. Де-Шуазель писалъ: «мы совсѣмъ не спѣшимъ видѣть въ Англіи прочно установившееся министерство. Я надѣюсь, что анархія не прекратится такъ скоро, и желалъ бы, чтобъ она продолжалась цѣлый вѣкъ» [3]). Въ 1762 г. (?) распространился слухъ, что русскіе вельможи выказали слабое поползновеніе подражать польскимъ магнатамъ. Людовикъ XV сердился въ это время на Россію. «Все, что можетъ повергнуть ее въ хаосъ и вернуть къ ничтожеству, выгодно для моихъ интересовъ», писалъ онъ своему посланнику [4]).

Вотъ почему сосѣди Польши такъ ревностно оберегали вольности, которыя поддерживали эту республику въ состояніи анархіи и, такъ сказать, открывали доступъ вмѣшательству и раздѣламъ. Благодаря анахронизму ея конституціи, Польша воспроизводила въ Европѣ восемнадцатаго столѣтія смутную и мрачную хронику средневѣковыхъ войнъ. Не было въ ней ни одной партіи, которая не разсчитывала бы на иностранныя государства, и не было ни одного государства, которое не поддерживало бы въ ней своей партіи. Вѣна, Петербургъ и Берлинъ стояли за тотъ принципъ, что надо противиться, во что бы ни стало, всякой реформѣ, которая можетъ укрѣпить въ Польшѣ государственную власть. Самая конституція Польши позволяла ея сосѣдямъ поддерживать въ ней постоянную смуту, а вытекающіе изъ нея безпорядки служили имъ предлогомъ вступиться въ дѣло республики и довершить ея паденіе [5]). Такимъ образомъ они постарались разжечь междоусобную войну въ 1768, а въ 1772 нашли справедливымъ и необходимымъ положить конецъ анархіи, которая возникла въ Польшѣ и становилась опасной для ея пограничныхъ сосѣдей.

У шведовъ была конституція, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходная съ конституціей Польши [6]). Не представляя сосѣдямъ Швеціи такихъ удобныхъ случаевъ къ вмѣшательству, она тѣмъ не менѣе очень интересовала ихъ, и они крѣпко оберегали ее. Враги Швеціи говорили о шведскихъ вольностяхъ тономъ, достойнымъ римскаго сената. Въ инструкціяхъ, данныхъ въ 1767 г. датскому посланнику въ Стокгольмѣ, говорится: [7]) «Каждая власть, каждый человѣкъ, поддерживающій въ Швеціи свободу и законы (т. е олигархиче-

---

[2]) Montesquieu, *Notes sur l'Angletterre*, См. Cornélis de Witt. *La société anglaise et la société française au dix-huitième siècle.* Paris 1864.

[3]) Письмо Дюрану, отъ 4 августа 1767, Cornélis de Witt, *Jefferson.* Pièces. Paris 1861.

[4]) Vandal. *Louis* XV et *Elisabeth de Russie*, p. 424

[5]) *La Question d'Orient au dix-huitième siècle.*

[6]) Geffroy, *Gustave III et la cour de France.*

[7]) *Correspondance ministrielle du comte de Bernstorff.* Copenhague, 1882.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

скую конституцію), имѣетъ право на дружбу короля, на его помощь и поддержку; всякая держава, которая покушается на ихъ цѣлость,—врагъ короля, всякій человѣкъ, который борется противъ нихъ или измѣняетъ имъ, навлекаетъ на себя его немилость». Когда этимъ драгоцѣннымъ шведскимъ вольностямъ угрожала какая-нибудь опасность, Фридрихъ обнаруживалъ такое «великодушіе», которое изумило бы Лафайетта, а Екатерина—такія добродѣтели, которыя могли бы смутить самую г-жу Роландъ. Въ 1764 и 1768 г. сѣверные самодержавцы обязались формальными трактатами противодѣйствовать «возстановленію самодержавія въ Швеціи». Густавъ III хотѣлъ его возстановить, и Франція, нуждавшаяся въ союзникѣ на сѣверѣ, помогала ему. Онъ совершилъ государственный переворотъ, который, конечно, спасъ шведовъ отъ участи поляковъ. Онъ получилъ одобреніе изъ Версаля, угрозы изъ Петербурга и Берлина. Этотъ монархъ, возстановлявшій королевскую власть, принужденъ былъ просить извиненія у сосѣднихъ государей. Взвѣсьте хорошенько выраженія, въ которыхъ онъ оправдывается, и спросите себя, какое значеніе имѣла власть короля, если король долженъ былъ отстаивать ее такимъ образомъ передъ другими королями. «Скажите же, ради Бога,—писалъ Густавъ III своему дядѣ, принцу Генриху Прусскому, брату Фридриха [8])—скажите же, что я сдѣлалъ, чтобъ навлечь на себя грозу, которая по вашимъ словамъ неминуемо разразится надъ мною. Развѣ я не обнаружилъ самымъ очевиднымъ образомъ мои миролюбивыя намѣренія? Если рѣчь идетъ объ измѣненіи въ формѣ правленія моего королевства, то вы слишкомъ справедливы, чтобъ не сознавать, что это дѣло нельзя обсуждать съ иностранными державами. Оно совершено и утверждено шведской націей, которая находитъ въ этомъ свое счастіе. Какое же право имѣютъ иностранныя державы искать ссоры за то, что я сдѣлалъ счастливыми моихъ подданныхъ? Если это можно назвать поводомъ къ войнѣ, то нѣтъ больше правды въ мірѣ.... Какая мнѣ польза отъ трактатовъ и гарантій съ державами, которыя не знаютъ иныхъ правъ, кромѣ своихъ прихотей, и для исполненія ихъ будутъ сообразоваться только съ своими войсками? Я не могу повѣрить, чтобъ вопреки всѣмъ принципамъ права и справедливости могли нападать на меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на права всѣхъ государей и всѣхъ независимыхъ націй».

Болѣе вѣскихъ доводовъ въ пользу своего права на независимость не могла-бы подыскать и нація, изгоняющая своихъ властителей. Но въ то время совсѣмъ не заботились о томъ, что̀ было причиной революціи: свобода народа или власть монарха. Одинаково относились и къ революціи демократической, и къ перевороту въ пользу королевской власти. Такимъ обра-

[8]) Январь 1773. Geffroy, *op. cit.* Государственный переворотъ произошелъ 19 авг. 1772 г.

зомъ Франція, покровительствуя въ Швеціи королевской партіи, въ то же время поддерживала въ Америкѣ возмутившіяся противъ Англіи колоніи. Еще не окончилась эта война, какъ тотъ же самый король и тотъ же самый министръ—Людовикъ XVI и графъ де-Верженнъ—вмѣшались въ женевскія дѣла съ цѣлью противодѣйствовать демократической партіи. Итакъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Франція, поддерживавшая королевскую власть противъ аристократовъ въ Швеціи и Польшѣ и охотно поддержавшая бы аристократовъ противъ верховной власти въ Россіи, боролась въ Женевѣ съ той самой демократіей, которую защищала въ Америкѣ. Ей было бы очень затруднительно установить какую-нибудь принципіальную связь между этими противоположными политическими дѣйствіями. Вся суть въ томъ, что другой связи, кромѣ государственной пользы, не было, и послѣдней было достаточно. «Инсургенты, которыхъ я изгоняю изъ Женевы,—агенты Англіи, писалъ Верженнъ, между тѣмъ американскіе инсургенты надолго останутся нашими друзьями. Я отнесся къ тѣмъ и другимъ, принимая въ соображеніе не политическую систему, но ихъ расположеніе къ Франціи. Вотъ государственный мотивъ моихъ дѣйствій» [9]).

Дѣйствительно такова была основная мысль, и новый примѣръ подтвердилъ ее. Это послѣдній примѣръ, представляемый исторіею стараго порядка, но онъ полонъ значенія. Въ 1787 г. въ австрійскихъ Нидерландахъ и въ республикѣ соединенныхъ провинцій, въ Бельгіи и Голландіи, возникли мятежи, которые грозили переворотомъ въ Бельгіи. Аристократія, опираясь на католическое духовенство, требовала удержанія старинныхъ вольностей, уничтоженныхъ централизующимъ правительствомъ Іосифа II; въ Голландіи демократы и патріоты вооружались противъ штатгальтера, который домогался диктатуры и хотѣлъ уничтожить республику. Въ той и другой странѣ, народы защищали свои національныя вольности, князья домогались неограниченной власти. Поведеніе великихъ державъ при этихъ обстоятельствахъ всего рельефнѣе рисуетъ, до какой степени дошло въ Европѣ отсутствіе опредѣленныхъ принциповъ и общности взглядовъ. Франція поддерживала, слабо въ Бельгіи и открыто въ Голландіи, партію народныхъ вольностей, ту самую, которую давила въ Швеціи. Англія, только что сражавшаяся съ своими мятежными подданными въ Америкѣ, помогала бельгійцамъ, возмутившимся противъ Австріи, но энергично стала на сторону штатгальтера противъ голландскихъ патріотовъ. Итакъ, абсолютная монархія въ Версали требовала для этихъ народовъ національныхъ вольностей; ограниченная монархія въ Англіи помогала честолюбивому принцу уничтожать въ Голландіи ея старинныя вольности; Іосифъ II и Кауницъ, взиравшіе такъ благосклонно на анархію въ Польшѣ, усердно старались отнять

[9]) Soulavie, *Mémoires*, t. V, p. 275. Paris 1801.

у бельгійцевъ тѣ вольности, которыя считали столь драгоцѣнными для поляковъ. Наконецъ Пруссія, подстрекавшая и даже помогавшая деньгами бельгійскимъ революціонерамъ, ввела свое войско въ Голландію, чтобъ задавить тамъ революцію и установить правленіе, котораго не желала допустить ни въ Стокгольмѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Брюсселѣ.

Въ продолженіе всего восемнадцатаго столѣтія только одинъ разъ составилась лига изъ государствъ, съ цѣлью вмѣшательства, и эта лига была противъ королевской власти: я говорю о союзѣ сѣверныхъ державъ противъ Польши и Швеціи. Что касается до западно и южно-европейскихъ государствъ, то они только въ одномъ случаѣ дѣйствовали сообща и преслѣдовали одну общую цѣль, а именно—въ дѣлѣ изгнанія іезуитовъ.

Въ этомъ характерномъ событіи, какъ на барельефѣ, рѣзкими чертами обозначаются политическіе нравы эпохи. Всѣ Бурбоны и Браганцы, Франція, Испанія, Неаполь, Парма, Португалія изгнали іезуитовъ изъ своихъ владѣній. Сдѣлано было это изъ-за чисто политическихъ причинъ. Они поступили такимъ образомъ въ силу своей верховной власти, такъ какъ ни въ одной изъ этихъ странъ не было ни конституціи, ни общественныхъ правъ, которыя бы ограничивали въ этомъ отношеніи абсолютную власть государей. Но недостаточно было изгнать іезуитовъ изъ одного мѣста, если они могутъ собраться въ другомъ. Нужно было лишить ихъ убѣжища по всей землѣ и уничтожить самое ихъ существованіе. Оно зависѣло отъ слабѣйшаго изъ всѣхъ континентальныхъ монарховъ; наиболѣе сильные не задумались составить коалицію, чтобъ заставить его подчиниться своей волѣ. То, что они требовали отъ папы, зависѣло только отъ его духовной власти, и еслибъ они имѣли какое-нибудь уваженіе къ правамъ церкви, то должны были дѣйствовать только путемъ убѣжденія. Ихъ представленія должны бы быть сдержанными, почтительными, словомъ, такими, съ какими прилично обращаться къ святому отцу, когда носишь титулъ короля католическаго, правовѣрнаго и христіаннѣйшаго (Roi très-Fidèle, Roi Catholique et Roi très-Chrétien). Ожидать такого вниманія и такой деликатности — значитъ не знать нравовъ того времени. Требованія надменны, настоятельны, высокомѣрны; мало того, они сопровождаются угрозами и опираются на силу. Хотя Клементъ XIII папа, но въ то же время—государь, и самый безоружный, а потому съ нимъ и не церемонятся.

Но въ качествѣ папы онъ облеченъ двойнымъ характеромъ суверенитета, и узурпація его власти двойная. Отъ него, какъ отъ свѣтскаго государя, требуютъ, чтобъ онъ закрылъ свою границу для изгнаннаго ордена, а какъ отъ духовнаго, чтобъ онъ упразднилъ его; такимъ образомъ, у него отнимаютъ и ту и другую власть. Однако на этомъ не останавливаются: такъ какъ двѣ власти соединены воедино и свѣтская доступнѣе,

то при ея посредствѣ разсчитываютъ принудить духовную власть къ уступкамъ. Церковь, будучи государствомъ, подчинена и государственнымъ законамъ, слѣдовательно перестаетъ быть неприкосновенной. Соединившіяся противъ іезуитовъ державы поступаютъ съ папскимъ престоломъ, какъ Людовикъ XIV, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, поступилъ бы съ голландской республикой, еслибъ изгнанные протестанты не имѣли другого убѣжища и еслибъ голландцы не имѣли для своей защиты ни армій, ни союзниковъ [10]).

Клементъ XIII пытается оказать сопротивленіе. Первое столкновеніе было съ однимъ изъ союзниковъ, самымъ слабымъ, но тѣмъ не менѣе и самымъ смѣлымъ,—инфантомъ, герцогомъ Пармскимъ, который реформировалъ въ своихъ владѣніяхъ духовную юрисдикцію и отвергъ главенство папы. Во имя этого главенства папа, граматою отъ 30 января 1768, объявилъ недѣйствительными декреты инфанта и требовалъ, чтобъ онъ отказался отъ нихъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви. На эту узурпацію правъ государя, принадлежавшаго къ ихъ дому, Бурбоны отвѣтили: французскій представитель—занятіемъ Авиньона и графства Венесенскаго, а неаполитанскій—занятіемъ Беневента и Понте-Корво. Затѣмъ тождественными нотами, сообщенными папѣ въ январѣ 1769, Франція, Испанія и Неаполь требуютъ отъ него, чтобъ онъ упразднилъ іезуитскій орденъ. Нѣсколько дней спустя Клементъ XIII умираетъ. Союзники постарались назначить ему удобнаго для себя преемника. «Если папа будетъ слѣдовать правиламъ Клемента XIII, державы возьмутъ силой то, что просятъ теперь отдать добровольно», писалъ Шуазель [11]). Ганганелли обѣщалъ упразднить іезуитовъ и сдѣлался папой подъ именемъ Клемента XIV. Затѣмъ онъ попытался отсрочить исполненіе своего обѣщанія и боролся болѣе четырехъ лѣтъ; но союзники упорно стояли на своемъ и не уступали. Д'Эгильонъ писалъ 11 января 1773: «Король завладѣлъ Авиньономъ только потому, что домъ Бурбоновъ былъ недоволенъ поступками покойнаго папы съ инфантомъ, и удержалъ его только потому, что король испанскій просилъ его не возвращать, пока папа не удовлетворитъ его требованіямъ относительно іезуитовъ. Какъ скоро требованія эти будутъ исполнены, король возвратитъ Авиньонъ». А посланникъ Людовика XV въ Римѣ,—кардиналъ де-Берни, отвѣчалъ 17 февраля: «Впрочемъ, со стороны Франціи очень политично имѣть всегда подъ рукою средство дѣйствительное, чтобъ поставить римскій дворъ на вѣрный путь, если онъ сойдетъ съ этого пути.

---

[10]) Frédéric Masson, *Le Cardinal de Bernis,* Paris 1884, ch. III, à. XI: *La Suppression des Jésuites.*—Theiner, *Pontificat de Clément XIV.* Paris, 1852.

[11]) Берни—французскому посланнику въ Римѣ, отъ 9 мая 1769 г. Masson, p. 119.

Авиньонъ можно взять всегда, и легкость захвата будетъ держать Римъ въ страхѣ». Неаполь держался того же образа дѣйствій, и возвращеніе Беневента, подобно Авиньону, зависѣло, въ дѣйствительности, отъ упраздненія іезуитовъ. Папа сдался: іезуиты были уничтожены, а папскому престолу возвращены были его владѣнія [12]).

Но для того, чтобъ скептицизмъ старой Европы и анархія христіанской республики проявились во всей ихъ полнотѣ, надо прослѣдить до конца это удивительное дѣло ордена іезуитовъ. Между тѣмъ, какъ католическія правительства изгоняютъ іезуитовъ и оскорбляютъ авторитетъ папы, еретики и схизматики принимаютъ изгнанный орденъ и кичатся тѣмъ, что они болѣе паписты, чѣмъ самъ папа. Фридрихъ нуждался въ учителяхъ для своихъ римско-католическихъ подданныхъ; ихъ можно было дешево достать, и онъ этимъ воспользовался. «Такъ какъ мои братья: католическіе, христіаннѣйшіе, вѣрнѣйшіе и апостолическіе короли ихъ выгнали, то я, король-еретикъ, подбираю ихъ сколько могу», говорилъ Фридрихъ принцу де-Линь [13]). Онъ не боялся іезуитовъ: разсѣянные среди его протестантскаго населенія и окруженные прусскими чиновниками, они не могли не подчиниться. «Я знаю,—писалъ онъ Вольтеру,—что они пропыры и мѣшались во всѣ дѣла; но это—вина правительства, зачѣмъ же оно это дозволяло»? Онъ предписалъ условія, и хотя они были тяжелы, но іезуиты имъ подчинились. Великая Екатерина поступила по примѣру своего сосѣда и, подобно ему, ничего не потеряла [14]). Отцы іезуиты, оказавшіеся такими неподатливыми относительно своихъ католическихъ правительствъ, сдѣлались очень гибкими и почтительными въ рукахъ этихъ двухъ самодержавныхъ иновѣрцевъ [15]), а именно: они проповѣдовали присоединеннымъ полякамъ повиновеніе православной царицѣ и лютеранскому королю.

Собирая эти отдѣльные штрихи, я прихожу къ заключенію, что если что-нибудь кажется неправдоподобнымъ въ концѣ стараго порядка и даже

---

[12]) Избраніе Клемента XIV, май 1769.—Упраздненіе іезуитовъ, іюль 1773.—Возвращеніе Авиньона и графства, декабрь 1773. Относительно этихъ двухъ событій: возвращенія Авиньона и упраздненія іезуитовъ см. Masson, *op. cit passim*, p. 167, 184, 214, 219.

[13]) Prince de Ligne. *Mémoires sur Fréderic* II, p. 39.

[14]) Берни писалъ изъ Рима отъ 1-го декабря 1771: «Король прусскій и Россія, покровительствуя іезуитамъ, пріобрѣли во Франціи и въ владѣніяхъ императрицы-королевы (Impératrice-reine) отъ шести до семи тысячъ шпіоновъ, которые будутъ служить имъ лучше, чѣмъ еслибъ они были на жалованьѣ».—Masson, *op. cit*, p. 246, 329.

[15]) Письмо Екатерины къ великому князю Павлу, въ 1780 г. Между прочимъ она пишетъ ему изъ Полоцка: «Пріѣхавши, я увидѣла то, чего еще никогда не видѣла: іезуитовъ, доминиканцевъ, жидовъ и пр., выставленныхъ,

противорѣчитъ принятому обычаю—такъ это именно союзъ, основанный на публичномъ правѣ и во имя защиты такого права. «Папа, который захотѣлъ бы проповѣдовать крестовые походы, не собралъ бы и двадцати шелопаевъ», говорилъ Фридрихъ. До 1789 г. Священный союзъ былъ бы настоящимъ историческимъ парадоксомъ: старая Европа была на него неспособна, и нужна была французская революція, чтобы дать ей объ этомъ понятіе.

XI.

Дипломатія служитъ выраженіемъ политическихъ нравовъ. Дипломаты стараго порядка составляютъ, среди самаго блестящаго общества Европы, чрезвычайно изящную и утонченную группу. Но здѣсь намъ важно узнать не умъ, не формы и языкъ, а самую сущность; необходимо изучить воззрѣнія и дѣйствія, чтобъ понять, какимъ образомъ эта дипломатія такъ охотно примирились съ революціонными средствами, и какимъ образомъ сами революціонеры такъ легко усвоили себѣ ея образъ дѣйствія.

Дипломатическіе переговоры представляются намъ сложной и серьезной интригой. Это и есть сущность дипломатическаго искусства. Государство руководится исключительно своими выгодами, но есть средство обмануть или разрушить эти корыстные расчеты. Государственная польза царствуетъ, но страсти управляютъ, и съ ихъ помощью можно вести людей, куда угодно. Политика только этимъ и живетъ; другими словами, она очень часто доходитъ до полной низости. Старая Европа не щепетильна и не отличается излишней деликатностью. Впрочемъ восемнадцатый вѣкъ не представлялъ никогда такого скандалезнаго зрѣлища, какое представлялъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, дворъ Людовика XIV: «Этотъ трепетъ могущественнѣйшихъ министровъ и всего, что есть самаго знатнаго»,—короля Англіи, королевы, посланниковъ передъ «жалкой вдовой калѣки Скаррона», гувернанткой побочныхъ дѣтей короля [1]). Въ царствованіе Людовика XV, Марія Терезія не стѣсняется домогаться знакомства съ г-жею де-Помпадуръ. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ сказано: «эта монархиня открывала ей свою сердечную привязанность къ королю» [2]); императрица повѣряла свои чувства любовницѣ Людовика XV, чтобъ добиться союза съ Франціей; она сдѣлала больше, когда ей пона-

---

какъ на парадѣ. Послѣдніе страшно грязны. Первые представляютъ величавый маскарадъ». На другой день, въ праздникъ Тѣла Господня, она посѣтила коллегію іезуитовъ, которые пропѣли Te Deum и три раза прошли мимо нея «съ Св. Дарами».

[1]) Saint-Simon, *Parallèle*, p. 79, id., 24, 377.

[2]) *Recueil des instructions*, *Autriche*. Instructions du comte de Choiseul, 1759. См. *Les mémoires de Bernis*.

добилось, нѣсколько лѣтъ спустя, чтобъ союзникъ призналъ раздѣлъ Польши, заключенный вопреки союзу и съ полнымъ къ нему пренебреженіемъ. Пришлось унижаться и довольно сильно. У Маріи Терезіи была семнадцатилѣтняя дочь, только что вышедшая замужъ за дофина Франціи. Она поручила ей обласкать Дюбарри. «Я не требую низостей, писала она [3]) своему посланнику,—еще менѣе дружескихъ отношеній, но вниманія, которое она обязана оказывать ради своего дѣда и властелина, ради того блага, которое можетъ произойти отъ этого для насъ и для обоихъ дворовъ; можетъ быть отъ этого зависитъ союзъ. Я разсчитываю на васъ и на мою дочь, и надѣюсь, что вы употребите все свое умѣніе, а моя дочь—всю свою любезность, отрѣшившись отъ предразсудковъ, которые могли быть ей внушены. Нѣтъ предразсудка, который перевѣсилъ бы то благо, какое она можетъ сдѣлать».

Когда самая безупречная изъ государынь, дѣйствительно благочестивая и добродѣтельная женщина, доведена до подобныхъ сдѣлокъ, то понятно, что настоящіе скептики, ведущіе дипломатическія дѣла, ничѣмъ не стѣсняются въ своихъ поступкахъ на столь удобно расположенномъ для ихъ маневровъ полѣ. Если при одномъ дворѣ есть фаворитки, то при другомъ могутъ встрѣтиться любимцы. Ихъ расположеніе пріобрѣтается не менѣе унизительнымъ способомъ [4]). Впрочемъ, повсюду та же игра, заходящая порою весьма далеко, по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ, и далеко за предѣлы свѣтской любезности. Въ 1723 кому-то, желавшему смерти польскаго короля, одинъ дипломатическій агентъ писалъ: «Это событіе можетъ быть и не такъ отдаленно; нужно только найти новую, для польскаго короля, любовницу, нѣжную и умную, и оно не заставитъ себя долго ждать» [5]). Дать любовницу королю, любовника королевѣ, императрицѣ, даже наслѣдной принцессѣ, женѣ наслѣдника престола — было излюбленнымъ пріемомъ дипломатіи. Одна личность, долго игравшая важную роль на великой міровой сценѣ, получила на прощальной аудіенціи тайныя инструкціи, которыя могли резюмироваться въ знаменитомъ двустишіи: [6])

Et que m'ordonnez vous, seigneur, présentement?
De plaire à cette femme et d'être son amant.

Орудіемъ всѣхъ этихъ козней было подкупъ. Продажность царила почти повсюду. Маркизъ д'Аржансонъ съ справедливой гордостью указываетъ на

---

[3]) Графу де Мерси, 2 іюля 1772. Arneth et Geffroy, *Correspondance de Mercy-Argenteau*, Paris 1874.

[4]) *Les Mémoires de Ségur.*

[5]) Vandal. *Louis XV et Elisabeth*, p. 62.

[6]) *Le secret du Roi*, герцога де Брольи. Исторія миссіи, данной барону de Бретейлю. Vandal, *op. cit.*

прекрасное исключеніе изъ этой всеобщей испорченности. «Подкупъ не вкрался только въ бюро иностранныхъ дѣлъ; надо сознаться, что это необычайное явленіе—какое-то чудо, тѣмъ болѣе, что служащіе тамъ получаютъ ничтожное содержаніе и имѣютъ мало надеждъ на повышеніе [7]). Д'Аржансонъ увѣряетъ, что эта метода убѣждать въ чемъ бы то ни было не иначе, какъ съ деньгами въ рукахъ, исходитъ изъ Англіи. Дѣло въ томъ, что она тамъ въ большомъ ходу; но она была въ употребленіи и на континентѣ. Самые старинные трактаты объ искусствѣ вести переговоры свидѣтельствуютъ объ этомъ; Лябрюйеръ ставитъ въ число хорошихъ качествъ дипломата умѣнье во время предложить, или по крайней мѣрѣ выказать готовность принять. «Онъ умѣетъ заинтересовать тѣхъ, съ которыми ведетъ дѣло... онъ не хочетъ также, чтобъ его считали неподкупнымъ; онъ выказываетъ нѣкоторую заботливость о своемъ интересѣ; такимъ путемъ онъ открываетъ путь предложеніямъ, которыя обнаруживаютъ ему сокровеннѣйшія намѣренія, затаеннѣйшія цѣли и послѣдніе рессурсы людей, чѣмъ онъ и пользуется».

Въ восемнадцатомъ столѣтіи, большинство дипломатовъ крайне неразборчивы на способы дѣйствія, они даже не кокетничаютъ, а дѣйствуютъ напрямикъ. Въ 1716 Дюбуа велъ переговоры съ Стэнгопомъ. «Я зашелъ очень далеко,—пишетъ онъ регенту,—и былъ въ восторгѣ, видя, что онъ позволяетъ мнѣ говорить все, даже назвать сумму, которую я сразу назначилъ въ 600.000 ливровъ, что́ было выслушано любезно и безъ гнѣва [8]). Въ моментъ начала французской революціи, Тугутъ, бывшій интерпунціемъ въ Константинополѣ и призванный руководить австрійской политикой во время этого великаго кризиса, получалъ отъ французскаго короля пенсію съ 1768 г. [9]). Независимо отъ этого постояннаго торга, періодически открывалось два большіе рынка: сеймы въ Швеціи и сеймы въ Польшѣ. Въ 1763 и въ 1766 шведскіе сеймы стоили Франціи: первый 1.400.000, а второй 1.830.000 франковъ [10]). Въ 1773 г. русскій министръ Панинъ предлагаетъ своимъ товарищамъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ *устроить фонды для подкупа* и «образовать кассы» для операцій сообща. Но главнымъ рынкомъ былъ избирательный сеймъ Священной Имперіи. Тамъ всѣ готовы были давать или получать [11]). Въ 1741, когда нужно было сдѣлать императоромъ баварца, Беллиль поднимаетъ цѣны; однако, будучи человѣкомъ

---

[7]) *Mémoires*, ed. Rathery, p. 150.

[8]) Aubertin. *L'Esprit public au dix-huitième siècle.*

[9]) См. въ *Revue historique*, t. XVII, p. 37, этюдъ подъ названіемъ: *L'Autriche et le Comité de salut publique.*

[10]) Geffroy. *Gustave III*, t. I, p. 25.

[11]) См. Valfrey. *Hughes de Lionne*, t. II, p. 91. Paris, 1881.

осторожнымъ, онъ платитъ только послѣ вотированья. Предосторожность была не лишняя, такъ какъ курфирстъ кельнскій, взявшій 100.000 флориновъ отъ Австріи, получилъ отъ своего духовника разрѣшеніе отречься, не возвращая денегъ [12]). Такой образъ дѣйствій примѣнялся даже къ конклавамъ. Министръ Людовика XIV писалъ: «Король не долженъ пренебрегать ни однимъ изъ средствъ, которыя у него въ рукахъ, и пустить въ дѣло ловкость, инсинуаціи и даже деньги—самое рѣшительное и надежное средство, которое давно въ ходу при римскомъ дворѣ, чтобъ добыть себѣ папу болѣе благоразумнаго и безпристрастнаго, чѣмъ предъидущій» [13]). Статья о тайныхъ фондахъ и пенсіяхъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ бюджетахъ канцелярій [14]).

Повидимому интриги оффиціальной дипломатіи не считались достаточными; и въ этомъ мірѣ подкуповъ, происковъ и надувательствъ нашли полезнымъ организовать еще и тайную дипломатію, которая запутывала ея интриги и сдѣлала изъ исторіи переговоровъ этого вѣка безвыходный лабиринтъ. Во всякія времена существовали тайные агенты для того, чтобъ слѣдить за скабрёзными дѣлами и вести слишкомъ рискованные переговоры, но никогда не были они такъ многочисленны, какъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Какъ будто пресытясь абсолютной властью, монархи получили какую-то страсть къ приключеніямъ, къ заговорамъ, ко всему романическому. Скептицизмъ ихъ пустилъ такіе глубокіе корни, недовѣріе къ людямъ было такъ велико, они такъ много пользовались всякаго рода происками, что начали сомнѣваться во всѣхъ людяхъ и особенно въ своихъ собственныхъ наперсникахъ. Для ихъ успокоенія требуется, чтобъ таинственные незнакомцы подходили къ нимъ съ условными словами и знаками. Установилось нѣчто въ родѣ дипломатическаго франмасонства съ иниціаторами и адептами. То, что было прежде средствомъ, сдѣлалось учрежденіемъ. Людовикъ XV довелъ эту страсть до маніи [15]), но въ сущности онъ ввелъ только нѣкоторую утонченность. Европа была наводнена тайными агентами. Роль эта представлялась такой лестной, что всякій ея домогался. Капиталисты, имѣвшіе повсюду своихъ корреспондентовъ, литераторы, передъ которыми открывались всѣ двери, кичились этимъ амплуа и находили новое удовлетвореніе своему самолюбію, разыгрывая, хотя бы въ переднихъ, посредника и государственнаго человѣка. Вольтеръ былъ жалокъ въ этой роли; Дидро былъ незначителенъ; Гриммъ, будучи нѣм-

---

[12]) Duc de Broglie. *Frédéric II et Marie Thérèse*, t. I, p. 284, t. II, p. 265.

[13]) Рѣчь идетъ объ Иннокентіи XI. Camille Rousset. *Louvois*, t. IV, ch. X.

[14]) Masson. *Le département des affaires étrangères pendant la Révolution*, ch. I. Paris, 1877.

[15]) Duc de Broglie. *Le secret du Roi*

цемъ и имѣя кое-какое понятіе о ремеслѣ оказать услуги своимъ господамъ, былъ даже принятъ въ число дѣйствительныхъ членовъ. Всѣ честолюбцы пытаются подняться этой потайной лѣстницей. Такимъ же путемъ выдвинулся и Дюмурье. Списки тайной дипломатіи усѣяны извѣстными именами. Знаменитѣйшими изъ нихъ были имена двухъ человѣкъ, которымъ ожидаемая смерть Фридриха доставила въ 1786 г. случай дебютировать, сперва въ качествѣ наперсниковъ и на заднемъ планѣ, въ ожиданіи того близкаго будущаго, когда они будутъ играть первыя роли въ великой трагедіи того вѣка. По предложенію Таллейрана Мирабо былъ посланъ въ Берлинъ. Это была импровизированная репетиція, гдѣ упражнялись тотъ и другой: у Мирабо было амплуа посланника, а у будущаго посредника вѣнскихъ трактатовъ—роль министра *in partibus*.

За сценой театра, въ корридорахъ и за кулисами толпились авантюристы. Они наполняли всѣ гостиницы, подслушивали у всѣхъ перегородокъ, крались по всѣмъ корридорамъ, торговали тайнами, продавали новости; настоящія политическія сводни, они готовы были все продать, что покупается, и покупать все, что продается. «Принимаемый въ одномъ городѣ, арестованный въ другомъ», авантюристъ, подобно герою Бомарше, который съ него списанъ, гораздо чаще бываетъ принятъ, чѣмъ выгнанъ. Онъ—главный маклеръ на этой биржѣ контрабандистовъ, онъ—комми-вояжеръ этой тайной торговли. Такой циникъ какъ Казанова, шарлатанъ Каліостро проникаютъ даже ко двору; двусмысленный авантюристъ, что-то въ родѣ Фигаро-гермафродита, Эонъ, становится въ ряды дипломатіи. Маркизъ де-Потра, ажіотеръ и заговорщикъ, за которымъ въ одно время гнались полиція и сыщики, смѣсь плута, шпіона и литературнаго забіяки, изгнанный отовсюду, испробовавшій всѣ поприща, появляется въ Вѣнѣ съ полномочіями отъ правительства директоріи, принятъ и выслушанъ. Нѣкто графъ д'Антрэгъ, такого же сорта человѣкъ, «цвѣтъ негодяевъ», какъ выразился про него одинъ изъ тѣхъ, которые имъ пользовались [16]), сдѣлался «душою эмиграціи». Другой пройдоха, Рокъ де-Монгальяръ, стоялъ во главѣ ея, правда, на одну минуту. Не революція породила ту толпу интригановъ, которая шаталась въ то время по всѣмъ проселочнымъ дорогамъ Европы; они уже прозябали среди подонковъ общества: революція лишь вызвала ихъ на поверхность и выкинула на берегъ вмѣстѣ съ пѣной и отбросами всякаго рода. Они выступили въ походъ; время было благопріятное, зданіе было опрокинуто, проникнуть туда можно было только черезъ подземные ходы. Эти люди годились для такой работы. Услугами подобныхъ имъ привыкли пользоваться, многихъ даже знали, хотя съ довольно дурной стороны. Ихъ употребили въ дѣло, и отсюда возникло то непомѣрное зна-

[16]) Forneron. *Histoire des émigrés*, t. II, p. 78. Paris, 1884.

ченіе, которое они пріобрѣли не только у революціонной партіи, но и у эмигрантовъ и даже при старыхъ дворахъ.

Перехитрить, подкупить агентовъ или переманить на свою сторону было довольно опаснымъ и дорогимъ средствомъ собирать свѣдѣнія. Есть средство болѣе простое и болѣе дешевое открыть дипломатическую тайну: это перехватить письма. «Это вѣроломство, какъ бы освященное обычаемъ,— говоритъ авторъ «*Institutions politiques*» [17]),—такъ извѣстно, такъ банально, что почти вездѣ нашли средства избѣжать его результата посредствомъ условнаго шифра». Но ключъ къ послѣднему можно купить и, по крайней мѣрѣ въ то время, не существовало такой комбинаціи, которая въ концѣ-концовъ не выдала бы своей тайны. *Черный кабинетъ* становится государственнымъ учрежденіемъ; перехваченныя письма составляютъ постоянный источникъ свѣдѣній. Нѣкоторые агенты сдѣлались мастерами въ искусствѣ распечатывать, разбирать шифры и снова запечатывать письма. Парижскіе считались очень ловкими [18]), вѣнскіе не усту-

---

[17]) Т. II, ch. III, § 13. *Correspondance, espions, relations avec le bureau des postes,* ch. II, § 10. Объ искусствѣ шифровать, разбирать шифръ, распечатывать и вновь запечатывать письма. Бильфельдъ говоритъ объ этомъ *ex professo.*

[18]) Въ мартѣ 1794, одинъ служащій въ бывшемъ «черномъ кабинетѣ» представилъ въ комитетъ общественнаго спасенія мемуаръ, съ цѣлью доказать пользу этого учрежденія. Онъ нарисовалъ картину, которая, несмотря на рѣзкіе штрихи и кричащія краски, весьма интересна. «До революціи, во Франціи, равно какъ въ Англіи и въ другихъ государствахъ Европы, существовало учрежденіе общественнаго надзора. Это учрежденіе можетъ служить компасомъ для тѣхъ, кто держитъ бразды правленія; выгоды, представляемыя имъ, зависятъ отъ географическаго положенія различныхъ имперій, гдѣ оно практикуется, и способности подданныхъ, которые въ немъ работаютъ. Въ первомъ отношеніи положеніе Франціи крайне благопріятное, потому что черезъ ея территорію проходитъ самая интересная переписка въ Европѣ; что касается до второго, то отвлеченная теорія дешифрированія политическихъ іероглифовъ достигла такого совершенства, что другія державы не хотѣли даже и вѣрить въ ея возможность. Учрежденіе, о которомъ я говорю, извѣстное подъ именемъ тайнаго почтамта (le secret de poste), скрывало свою дѣйствительную цѣль. Воображали, что это простой полицейскій надзоръ надъ отдѣльными личностями, между тѣмъ, какъ его главною цѣлью были государственныя дѣла... Особымъ механическимъ приспособленіемъ письма вскрывались съ такой быстротой, сохраняя цѣлость печати, что получившіе ихъ никакъ не могли замѣтить, что они были прочитаны». Неискусно составленный шифръ выдавалъ себя самою своею сложностью. Фридрихъ очень гордился своимъ; въ Парижѣ его разобрали. Посвященіе новичковъ въ *почтовыя тайны* заключалось приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ вы допущены къ должности, которая требуетъ большого довѣрія: вы получаете и будете всегда получать большіе оклады, но подумайте о томъ, что это мѣсто нельзя покинуть, когда вздумается и, если по обстоятельствамъ или почему

нали имъ ни въ чемъ. Они владѣли не только ключомъ къ шифру французскаго посольства, но и къ секретной перепискѣ Людовика XV. Благодаря такому окольному пути, министръ иностранныхъ дѣлъ, Д'Эгильонъ, открылъ *тайну короля*, которая давно уже не была тайной для вѣнскаго двора. Кардиналъ де-Роганъ, бывшій тогда посланникомъ при этомъ дворѣ, купилъ одного изъ агентовъ черпаго кабинета и между другими драгоцѣнными документами, показанными послѣднимъ, находились письма графа де-Брольи къ секретарю посольства, посылаемыя безъ вѣдома посланника и министра иностранныхъ дѣлъ [19]).

Существовалъ только одинъ способъ избѣжать «перехватовъ», а именно: довѣрять депеши надежнымъ, храбрымъ и проворнымъ гонцамъ; да и этотъ способъ не всегда былъ надежнымъ. «Тщательно шифруйте ваши депеши,— писалъ въ 1788 графъ де-Монморенъ французскому агенту въ Италіи,— даже тѣ, которыя довѣряете испанскимъ курьерамъ: не говоря уже о другихъ случайностяхъ, могутъ захватить и самихъ курьеровъ; такіе примѣры бывали» [20]). Эти примѣры сдѣлались классическими. Въ іюнѣ 1685 Лувуа, предувѣдомленный о томъ, что императорскій курьеръ долженъ былъ проѣхать изъ Испаніи черезъ Эльзасъ, написалъ страсбургскому коменданту Монкляру: «его величество считаетъ необходимымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, задержать этого курьера и отобрать у него депеши. Поэтому его величество повелѣваетъ вамъ помѣстить въ деревнѣ, ближайшей къ почтовой дорогѣ между Страсбургомъ и Саверномъ, трехъ или четырехъ вѣрныхъ людей, которые могли бы отобрать у него его депеши; послѣднія надо искать чрезвычайно тщательно, какъ на немъ, такъ и въ сѣдлѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ищутъ деньгъ» [21]). Если курьеръ защищался, то могъ лишиться жизни. Иногда его убивали, чтобъ дѣло приписали разбойникамъ по профессіи. Для этого тяжелаго ремесла, гово-

---

либо другому, вы его оставите прежде, чѣмъ старость или болѣзни принудятъ васъ, то вашимъ убѣжищемъ будетъ Бастилія.—*Affaires étrangères.*

[19]) *Le secret du Roi*, t. II, p. 371, 517 и слѣдующія.—Boutaric. *Correspondance secrète de Louis XV.* Paris, 1860, t. I, p. 188 и t. II p. 378.—*Mémoires de l'abbé Georgel.* Paris, 1817, t. I.—Arneth et Geffroy, *Correspondance de Mercy*, t. I, p. 81, 100.—Тугутъ, австрійскій посланникъ въ Неаполѣ, въ 1788 г. сказалъ королевѣ, что онъ знаетъ шифръ главныхъ державъ, заинтересованныхъ въ турецкой войнѣ, и предложилъ завести черный кабинетъ. Baron de Talleyrand. *Précis de mes conversations avec la Reine, relativement à M. de Thugut.* Апрѣль, 1788 г. Affaires étrangères.

[20]) Письмо Монморена къ Какольту, повѣренному въ дѣлахъ въ Неаполѣ, отъ 23 сентября 1788. Какольтъ отвѣчалъ 13 октября: «Будьте спокойны, монсеньоръ, насчетъ мѣръ предосторожности, которыя я соблюдаю: мой шифръ въ кассѣ и замокъ кассы подъ печатью. Я знаю, что можетъ случиться».

[21]) Camille Rousset. *Louvois*, t. III, p. 270.

ритъ мудрый Бильфельдъ, необходимо выбирать людей сильныхъ и вѣрныхъ [22]).

Курьеры принадлежали къ мелкому люду; они исчезали безслѣдно; всѣ знали, что дороги полны разбойниками, и всѣ правительства не скрывали другъ отъ друга, что полиція не въ состояніи съ ними справиться. Труднѣе и рискованнѣе было остановить и ограбить самого посланника; однако и это дѣлалось вопреки знаменитой охранѣ народнаго права. Прецеденты были всѣмъ извѣстны. Похищеніе Семонвилля и Марэ было лишь повтореніемъ покушенія, совершеннаго на томъ же мѣстѣ и при такихъ же обстоятельствахъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Французскіе послы, проѣзжавшіе черезъ Миланъ ко двору Солимана, были убиты по приказу императорскаго намѣстника, который хотѣлъ овладѣть бумагами. Раштадтское покушеніе 1799 имѣло также прецеденты, не такіе давніе, но не менѣе высокаго происхожденія. Во время кельнскаго конгресса 1674 Лувуа писалъ графу д'Эстрадъ [23]): «По всѣмъ видимостямъ, г. де-Лизола (полномочный посолъ императора) долженъ скоро оставить Люттихъ, чтобъ вернуться въ Кельнъ. Для насъ весьма важно захватить его, и еслибъ онъ и его спутники стали защищаться, то можно и убить его, несмотря ни на что, такъ какъ это человѣкъ крайне дерзкій въ рѣчахъ и всѣ свои способности, въ которыхъ нѣтъ у него недостатка, употребляетъ во вредъ Франціи, противъ которой дѣйствуетъ съ ожесточеніемъ. Вы не можете представить себѣ, какъ угодили бы его величеству, еслибъ могли исполнить этотъ проектъ, когда онъ оттуда вернется». Лизола удалось избѣгнуть грозившей ему опасности: но этотъ способъ вести переговоры вошолъ въ обычай, и мѣсяцъ спустя императорскіе солдаты овладѣли княземъ Фюрстенбергомъ, полномочнымъ министромъ кельнскаго курфирста и кліентомъ Людовика XIV; они увезли его въ Вѣну, гдѣ онъ жилъ плѣнникомъ до заключенія мира.

Восемнадцатый вѣкъ только продолжалъ традицію, еще усиливъ злоупотребленіе обычая. Фридрихъ довелъ до послѣдней крайности процессъ собиранія свѣдѣній помощью *перехватыванія*. Въ 1756, подозрѣвая, что противъ него составился заговоръ и что доказательства этого найдутся въ Дрезденѣ, онъ занялъ этотъ городъ безъ объявленія войны и захватилъ всѣ архивы. Урокъ не пропалъ даромъ, и впослѣдствіи мы не разъ увидимъ, какъ онъ примѣнялся на дѣлѣ. Похищеніе герцога Энгіенскаго, быстрый судъ надъ нимъ, его тайная казнь или, вѣрнѣе, ловушка, сопровождаемая убійствомъ, нападеніе на Римъ, задержаніе папы, захватъ архивовъ въ Ватиканѣ—вотъ чѣмъ заканчивается серія злоупотребленій.

---

[22]) *Institutions*, t. II, ch. II, § 25.

[23]) Camille Rousset. *Louvois*, t. II, p. 2.

XII.

Миръ при такихъ условіяхъ—шатокъ и полонъ лжи, война - ужасна. Однако, какъ ни ожесточенны были войны, все же онѣ были лучше такого мира. Война, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе и цѣлесообразнѣе, такъ какъ цѣль ея: торжество силы. Она сохранила даже своего рода благородство, остатокъ рыцарскихъ нравовъ. Если основа ея, право сильнаго, сама по себѣ груба и низменна, то средства, которыми она пользовалась, отчасти возвышаютъ ее. Война требовала отъ человѣка самыхъ высокихъ добродѣтелей. Честь—великая пружина войны; между всѣми, кто носитъ оружіе, возникало нѣчто въ родѣ братства, заставлявшее уважать другъ друга даже въ минуту ожесточенной битвы. Съ этой точки зрѣнія старинное европейское общество, и въ особенности французское, представляется намъ въ наиболѣе величавомъ видѣ. Къ тому же правила военной службы этого благороднѣйшаго изъ поприщъ были одинаковы во всей Европѣ. Войны не были столкновеніями расъ; онѣ были жестоки, но не имѣли жгучести національной борьбы. Множество офицеровъ переходило изъ службы одному государству на службу къ другому, не нарушая вѣрности, не навлекая на себя ничьего порицанія или подозрѣнія. Вслѣдствіе этого, между офицерами, до и послѣ сраженія, возникали крайне учтивыя отношенія, хотя до нѣкоторой степени смягчавшія свирѣпость войны. Война отрѣшаетъ человѣка отъ всего того искусственнаго лоска, которымъ онъ бываетъ покрытъ; она обнажаетъ всего человѣка, обнаруживаетъ всѣ его слабыя стороны, разнуздываетъ всѣ страсти, даетъ волю всѣмъ его порокамъ. Для того, чтобы человѣкъ сохранилъ самообладаніе, необходима высокая культурность, скрытый результатъ очень старой цивилизаціи. Подъ изящной утонченностью люди восемнадцатаго вѣка оставались грубыми и буйными. Большинство тѣхъ, которые такъ мило толковали о «гуманности», были на самомъ дѣлѣ весьма мало гуманны. «Чувствительность» была дѣломъ моды: они пудрятся, наряжаются, но, въ сущности, сохраняютъ грубость нравовъ предыдущаго столѣтія. Будь это иначе—нельзя было бы объяснить ни героизма, ни жестокости войнъ революціи. Эта жестокость—не личное свойство того импровизированнаго войска, которое революція выбросила на поле сраженій; она въ одинаковой мѣрѣ развита и въ арміи эмигрантовъ, состоящей изъ дворянъ, и въ правильныхъ арміяхъ коалиціи. Не забудьте, что война начинается манифестомъ герцога Брауншвейгскаго: этотъ манифестъ представляетъ кодексъ войны стараго порядка.

Исторія войнъ семнадцатаго вѣка—мрачный комментарій въ офортамъ Калло и Ромена де-Гужъ. Солдаты грубы, войска нестройны и недисциплинированны, обычаи военные неумолимы. Война должна кормиться войною.

Реквизиціями доводятъ жителей до полнаго разоренія; казну опустошаютъ безъ всякаго милосердія; не щадятъ даже церковныхъ суммъ [1]). Пока побѣжденный можетъ платить, побѣдитель тянетъ съ него послѣднее. Это не только средство содержать армію, но и средство пополнять казну и дѣлать запасъ для будущихъ войнъ. *Военные чрезвычайные расходы* одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ рессурсовъ капиталистовъ того времени. Прибавьте къ этому грабежъ, надругательство надъ женщинами, пожары [2]). Бремя войны падаетъ на занятую непріятелемъ страну и сокрушаетъ ее. Подозрительныхъ обывателей изгоняютъ [3]). Другіе, спѣша спастись отъ опасности, грозящей не только ихъ имуществу, но самой жизни, чести женъ и дочерей—эмигрируютъ. Отсутствующихъ облагаютъ налогомъ и, наконецъ, разрушаютъ дома тѣхъ, которые его не платятъ [4]). Пожары были обычнымъ средствомъ ускоренія платежей. Въ 1672 г. Люксамбургъ писалъ: «Никогда приступы лихорадки не бываютъ такъ правильны, какъ нашъ обычай жечь черезъ каждый день тѣхъ, которые своей глупостью принуждаютъ насъ къ этому». Курфирстъ Палатинъ протестуетъ не противъ обычая, но противъ злоупотребленій. «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ Тюренню,—что, строго говоря, жгутъ только тамъ, гдѣ отказываютъ въ контрибуціяхъ» [5]). Жгутъ также дома и вѣшаютъ жителей тѣхъ деревень, гдѣ стрѣляли по войскамъ. Въ манифестѣ отъ 25 іюля 1792 сказано: «Жители городовъ, мѣстечекъ и деревень, которые осмѣлились бы

---

[1]) «Такъ какъ это люди безполезные и по большей части дружественно относящіеся къ нашимъ врагамъ, то надо извлечь изъ нихъ всевозможное и такимъ путемъ заставить ихъ служить королю, хотя бы они и не желали этого». Изъ письма Лувуа къ Шаруелю 23 сент. 1667 г. C. Rousset. *Louvois*, t. I, p. 120. Въ 1742, во время осады Праги, Брольи хотѣлъ захватить «цѣнныя вещи» въ церквахъ.—Беллиль его отговорилъ. Le duc de Broglie. *Frédéric II et Louis XVI*, p. 60. Paris 1885.

[2]) Rousset, t. I, ch. V. *Histoire de la guerre de Hollande*, en 1672, p. 392 и слѣд. «Во время 30-лѣтней войны, говоритъ этотъ замѣчательный историкъ,—положеніе странъ, куда переносились главныя силы воюющихъ сторонъ, дѣлалось тѣмъ тягостнѣе, что съ общаго согласія установилось какое-то подобіе народнаго права не для того, чтобъ мѣшать насиліямъ, но для того, напротивъ, чтобъ ихъ санкціонировать, какъ бы подчиняя извѣстнымъ правиламъ». Слѣдуютъ факты и примѣры.

[3]) Король желаетъ, чтобъ принцъ сдѣлалъ всю Лотарингію безопасной, выгоняя изъ Нанси и изъ всѣхъ тѣхъ городовъ, какіе найдетъ опасными, всѣхъ жителей, которыхъ онъ сочтетъ враждебными его величеству.—Ришелье. *Mémoires*, 1865. *Lettres*, t. VI, p. 730, 24 Avril. 1635.

[4]) Слѣдуетъ обложить налогомъ дома отсутствующихъ по столько-то въ день, а за неуплатой, начинайте ихъ разрушать. Лувуа—интенданту Роберту въ октябрѣ 1673. C. Rousset. *Louvois*, t. I, p. 484.

[5]) Ibid. t. I, p. 393; t. II, p. 79.

защищаться противъ войскъ ихъ императорскаго и королевскаго величествъ и стрѣлять въ нихъ въ открытомъ полѣ, изъ дверей, оконъ и отверстій въ домахъ, будутъ немедленно наказаны по всѣмъ строгостямъ военнаго времени, а дома ихъ сожжены или разрушены».

Лувуа былъ неумолимымъ исполнителемъ этихъ кровавыхъ дѣлъ; но онъ ничего не изобрѣлъ; онъ только урегулировалъ установленный обычай и методично примѣнялъ то, что его современники дѣлали безъ всякой системы. Онъ полагалъ, что эта терроризація вѣрнѣе принудитъ враговъ къ повиновенію. «Необходимо образумить этотъ народъ», пишетъ онъ по поводу пфальцграфства, «или вѣшая ихъ, или сжигая ихъ деревни». Нѣмцы упорно сопротивлялись»; репрессаліи раздражаютъ страсти. «Надо превзойти нѣмцевъ въ жестокости и безпощадности, если они не рѣшатся честно вести войну», восклицаетъ Лувуа. Они называютъ французовъ «каннибалами», французы находятъ, что нѣмцы похожи на людей только лицомъ и фигурой. Людовикъ XIV велѣлъ сжечь пятьдесятъ домовъ за каждый сожженый у него. Нѣмцы разстрѣляли двухъ французскихъ плѣнниковъ за одинъ сожженный у нихъ домъ [6]). Если какой-нибудь городъ сопротивляется дольше извѣстнаго срока, то всему гарнизону грозятъ отправить его на галеры. Если тамъ находятся эмигранты или возмутившіеся подданные, ихъ лишаютъ свободы и затѣмъ, если ихъ мало, вѣшаютъ, если много—казнятъ десятаго, оставшихся же въ живыхъ отправляютъ на галеры [7]). «Не могу не сказать вамъ,—говоритъ принцъ Конде въ 1673 г. въ письмѣ къ Лувуа,—что нахожу настроеніе народа совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ прошломъ году... Всѣ они въ изступленіи» [8]). Начиная съ 1793—эти слова, подобно мрачному припѣву, повторяются всѣми генералами, если только они не старые служаки, и всѣми комиссарами, за исключеніемъ однихъ фанатиковъ. Тѣ же сѣтованія встрѣчаются и въ перепискѣ иностранныхъ

---

[6]) C. Rousset.—*Lovoois*, t. IV, p. 394, 183, 239 t. III p. 238, 380.

[7]) «Принявъ въ соображеніе, что крѣпости въ Лотарингіи снабжены недостаточнымъ гарнизономъ, что онѣ не могутъ расчитывать ни на какую помощь и что поэтому защита ихъ есть крайняя дерзость, требующая примѣрнаго наказанія, его величество рѣшилъ, что всѣ находящіеся тамъ лотарингскіе воины, всадники, милиція, равно и жители, способствовавшіе защитѣ города, будутъ посланы на галеры, если черезъ двѣ недѣли послѣ сдачи не внесутъ по сту экю съ души; что же касается французовъ, то повѣсить, если ихъ немного, если много, казнить десятаго, а остальныхъ сослать на галеры; что касается офицеровъ и дворянъ лотарингскихъ, то заключить ихъ въ тюрьму и дворянъ обложить налогомъ пропорціонально ихъ имуществу; за неимѣніемъ послѣдняго—разрушить дома». Письмо Лувуа къ Креки, сентября 1670. Rousset, *Louvois*, t. I, p. 300.

[8]) C. Rousset, *Louvois*, t. I, p. 488.

военныхъ людей и дипломатовъ. Иноземцы примѣняютъ къ Франціи, а революціонеры—къ чужимъ странамъ военный кодексъ Лувуа.

Такимъ то образомъ люди восемнадцатаго столѣтія понимали и вели войну. Д'Аржансонъ, будучи министромъ, часто получалъ жалобы и огорчался ими. «Война и жалость не совмѣстимы» [9]), отвѣчали ему, и были правы. Войны того времени знамениты отсутствіемъ дисциплины въ арміяхъ, жестокими требованіями побѣдителей, неблаговиднымъ обогащеніемъ многихъ вождей. Арміи тянутъ за собою «цѣлую толпу паразитовъ», живущихъ ея добычей, и «походныя лавки», въ которыхъ офицеры и солдаты продаютъ захваченныя вещи и тратятъ деньги [10]). Это—настоящіе опустошающіе караваны, тяжело ложащіеся на страну, которую они разоряютъ и зачумляютъ; они громоздятся повсюду, производятъ безурядицу, послѣ побѣды, и разбѣгаются во всѣ стороны, послѣ пораженія. Въ 1741 одинъ современникъ пишетъ послѣ прохожденія Фридриха черезъ Моравію: «Со временъ готовъ никогда война не велась такимъ способомъ» [11]). Въ 1744 австрійцы доходятъ до границъ Лотарингіи и требуютъ отъ жителей покорности, объявляя, что тѣ, которые окажутъ сопротивленіе, будутъ повѣшены, но прежде будутъ принуждены отрѣзать себѣ носы и уши [12]). Семилѣтняя война превзошла своей жестокостью всѣ предыдущія. Графъ де Сенъ-Жерменъ пишетъ въ 1757: «На тридцать льё кругомъ страна разорена и опустошена, какъ послѣ пожара». «Мы уже окружены повѣшенными,—разсказываетъ другой свидѣтель,—а женщинъ и дѣтей продолжаютъ еще убивать, если онѣ противятся грабежу своихъ домовъ [13]). Фридрихъ причисляетъ плѣнниковъ къ своей арміи и это еще счастіе для нихъ; а то убиваютъ даже тѣхъ, кто пересталъ сопротивляться, какъ при Крефельдѣ. Между пруссаками и русскими ожесточеніе достигаетъ страшныхъ размѣровъ. Русскіе занимаютъ Мемель въ 1757, зачисляютъ гарнизонъ въ свои полки, высылаютъ гражданъ [14]). «Со временъ гуновъ не бывало такого нашествія: жителей вѣшали, обрѣзавши носъ и уши, отрывали ноги и вынимали внутренности и сердце». Пруссаки взяли свой реваншъ при Кюстринѣ въ слѣдующемъ году. «Русскіе потеряли двѣ тысячи плѣнными и по крайней мѣрѣ пятнадцать тысячъ остались на мѣстѣ; наши солдаты не давали пощады», разсказывалъ Фридрихъ. Въ 1788 князь Потемкинъ въ теченіе шести мѣсяцевъ осаждалъ Очаковъ. Это былъ свѣтскій человѣкъ лучшаго тона. Онъ считалъ себя

---

[9]) *Mémoires*, t. VI, p. 403,

[10]) Camille Rousset, *Le comte de Gisors*, Paris, 1868.

[11]) Le dug de Broglie, *Frédéric II et Marie Thérèse*, t. II, p. 210.

[12]) Voltaire, *Siècle de Louis XV*, ch. IX.

[13]) Grimm.—Sainte Beuve, *Causeries du lundi*, t. VII.

[14]) Hermann, *Geschichte des russischen Staates*, Gotha 1832--1866, t. V, p. 142.

знатокомъ литературы. «Жестокости испанцевъ въ новомъ свѣтѣ и англичанъ въ Индіи—пишетъ одинъ русскій [15]), ничего не значатъ въ сравненіи съ нашимъ военнымъ философомъ, который переводилъ Элоизу Руссо, и въ то же время губилъ всѣхъ тѣхъ, кто обладалъ состояніемъ, соблазнявшимъ его корыстолюбіе». 16 декабря Очаковъ быъ взятъ [16]). Изъ двадцати тысячъ турокъ, защищавшихъ его, десять тысячъ было убито. Городъ былъ отданъ на разграбленіе; грабежъ продолжался три дня и болѣе шести тысячъ жителей было убито. «Ожесточеніе русскихъ солдатъ было такъ велико,—разсказываетъ Сегюръ, что даже черезъ два дня послѣ приступа они убивали дѣтей, говоря: «эти по крайней мѣрѣ никогда не сдѣлаютъ зла христіанамъ!»

Заложниковъ брали не только для того, чтобы обезпечить движеніе всей арміи, но и для того, чтобы обезпечить отряды, оставляемые въ городѣ. Въ 1742, Беллиль, оставляя Прагу, уводитъ заложниками шестнадцать именитыхъ людей, изъ которыхъ четверо принадлежало къ дворянамъ, четверо къ духовенству, четверо къ магистратурѣ и четверо къ буржуазіи: они отвѣчали за гарнизонъ, остающійся въ городѣ. Мало того, захватываютъ даже города и занимаютъ цѣлыя страны на тѣхъ же основаніяхъ. Герцогъ Шуазель писалъ изъ Вѣны въ 1757 [17]): «Я поручилъ графу Кауницу сообщить ганноверскому посланнику, что если 15000 англичанъ, высадки которыхъ ожидаютъ во Франціи, предъявятъ тамъ какія-нибудь требованія, противныя правиламъ, установленнымъ между просвѣщенными націями, то ганноверское курфиршество будетъ отвѣчать за убытки, и что поджогъ одной французской деревни, сдѣланный англичанами, вызоветъ, безъ отлагательства, пожаръ ганноверскаго города». Берни, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, вполнѣ одобрилъ эту мѣру: «Предполагать, что мы способны щадить ослабѣвшаго врага,—значитъ имѣть очень худое о насъ мнѣніе... На владѣнія англійскаго короля мы должны нѣкоторымъ образомъ смотрѣть, какъ на залогъ въ нашихъ рукахъ».

Чтобъ понять, до чего доходилъ обычай, надо видѣть, что дѣлалось въ странѣ не непріятельской, но той, которую готовились раздѣлить и которою владѣли въ качествѣ залога [18]). Русскіе солдаты, похожіе «скорѣе на разбойниковъ на большой дорогѣ, чѣмъ на солдатъ», по словамъ Ростопчина, соперничаютъ въ жестокости съ поляками, съ которыми сражаются; съ обѣихъ сторонъ во имя религіи убиваютъ, жгутъ, грабятъ насилуютъ,

---

[15]) Ростопчинъ. *Письма.* Москва 1876.

[16]) Hermann, op. cit. t. VI, p. 178.—Zinkeisen, *Geschichte des osmanischen Reiches*, t. VI, p. 658. Gotha 1859—1863.—Ségur, *Mémoires*, t. III, p. 442.

[17]) *Ambassade de Choiseul à Vienne.* Paris 1872. Извѣстно что Ганноверъ былъ вотчиной короля англійскаго.

[18]) *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 226 и слѣд.

вымогаютъ деньги. Фридрихъ пользуется для военныхъ цѣлей территоріями, которыя захватываетъ; устраиваетъ тамъ магазины, запасается тамъ съѣстными припасами, беретъ контрибуціи, переформировываетъ корпуса, беретъ реквизиціи со всего, даже пересылаетъ цѣлыя толпы полекъ въ Померанію, гдѣ, какъ видно, слишкомъ недостаточенъ женскій элементъ. «Эта суровость,—пишетъ саксонскій резидентъ,—довела жителей до отчаянія». Австрійцы, какъ болѣе цивилизованная нація, кичатся легальностью; передѣлываютъ границы, наводятъ справки о правахъ Польши на земли, требуютъ ихъ обратно и, устроивши это, примѣняютъ къ вновь присоединенному населенію суровое управленіе, введенное въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Въ сущности, этой слащавой внѣшностью и этими формами прикрывается тотъ же безпощадный режимъ. Одинъ историкъ говоритъ: «Именемъ благодѣтельной Маріи-Терезіи, два человѣка—Пергенъ, которому была поручена администрація, и командующій войсками Гадикъ,—ввели въ этихъ злополучныхъ странахъ такъ называемыя революціонныя мѣры и примѣняли къ нимъ кодексъ, далеко превосходившій кодексъ нашей революціи [19]). Эмиграція вмѣнялась въ преступленіе; жителямъ было запрещено покидать территорію; у тѣхъ, которые оставались, забирали, что вздумается, у тѣхъ, которые желали спастись бѣгствомъ отъ ненавистной оккупаціи, конфисковали имущество: Браницкій, котораго польскій король отправилъ съ миссіею въ Парижъ, былъ сочтенъ за эмигранта, имущество его конфисковали. Польскіе судьи должны были присягать Австріи и судить соотечественниковъ, сообразно съ ея желаніями. Большинство изъ нихъ струсило и повиновалось. Однако вѣнскій дворъ находилъ, что эти два проконсула слишкомъ умѣренны и должны быть безпощаднѣе. Іосифъ II писалъ: «Графа Пергена здѣсь упрекаютъ въ томъ, что онъ недовольно дѣятеленъ; по правдѣ сказать, еще ничего не сдѣлано». Гадикъ былъ не лучше: «Онъ слишкомъ старъ для такого дѣла, слишкомъ медителенъ и слишкомъ проникнутъ своими венгерскими предразсудками, которые здѣсь неумѣстны [20]).

Таковы военные нравы въ концѣ стараго порядка. Террористы нашли ихъ удобными и легко къ нимъ приспособились, прибавивъ однако кромѣ своего свирѣпаго фанатизма новое и еще болѣе невыносимое свойство: гуманное лицемѣріе. Чтобъ устоять противъ этого общаго импульса, тиранніи однихъ, заразѣ репрессалій, распространяемой другими, нужна была необычайная сила духа. Она составляетъ чистѣйшую славу нашихъ народныхъ героевъ. Ветераны-философы, какъ Дюгомье, молодые воины-энтузіасты, какъ Марсо или Дезе, съумѣли соединить съ военными доблестями древнихъ армій пылкіе великодушные порывы.

---

[19]) Ferrand, *Histoire des trois démembrements de la Pologne*, liv. V, Paris 1820.
[20]) Arneth, *Maria-Theresia*, t. V, p. 418.

XIII.

Подведемъ итогъ этимъ фактамъ и выведемъ изъ нихъ заключеніе. Два эпизода резюмируютъ обычай Европы наканунѣ французской революціи: война за наслѣдство австрійскаго престола и раздѣлъ Польши. Первая показываетъ, насколько цѣнили обязательства, сдѣланныя государствами; второй—насколько уважали установившіеся суверенитеты. Эти несправедливыя дѣянія составляютъ завѣщаніе старой Европы; подписавши его, ей оставалось только умереть, завѣщая тѣмъ, которые хотѣли ее реформировать и которые, къ своему стыду и къ общественному несчастію, съумѣли только ей подражать, пагубныя злоупотребленія, отъ которыхъ она погибала. Эти злоупотребленія происходили отъ обычая, но обычай никогда не толковался ранѣе съ такимъ цинизмомъ логики и не доходилъ до такихъ постыдныхъ крайностей. Это его *summum jus*, это также его высшая несправедливость, софизмъ и отрицаніе. Старый порядокъ достигъ до тѣхъ двусмысленныхъ границъ, гдѣ извращенное право вырождается въ злоупотребленіе. Примѣръ минувшихъ вѣковъ, ихъ собственные прецеденты, все располагало государства къ этимъ дѣйствіямъ и нечувствительно привело ихъ къ крайностямъ. Ихъ право опиралось только на давности, оно основывалось на совершившемся фактѣ и поддерживалось лишь своею собственной тяжестью: *Mole sua stat*. Они разорвали завѣсу, скрывавшую святая святыхъ государства, и открыли для толпы тайну суверенитета. Они показали націямъ, что двѣ вещи пересиливали право государей и право государствъ, а именно: сила государствъ и выгода монарховъ. Они открыли пути революціи, которой стоило только подражать ихъ примѣру, чтобъ опрокинуть ихъ троны и ниспровергнуть ихъ власть. Такимъ-то образомъ, строго примѣняя установленные обычаи, государи, представлявшіе всего полнѣе старый режимъ, сами приготовили его паденіе, оправдывая, помимо своего вѣдома, глубокую мысль Паскаля: «Обычай кажется справедливымъ только потому, что онъ принятъ: это мистическая основа его авторитета; коль скоро онъ возвращается къ своему источнику, онъ, тѣмъ самымъ, уничтожается [1]).

Государственная польза, какъ основаніе и конечная цѣль, интрига вмѣсто средства, сила вмѣсто закона, вотъ все, что остается отъ общественнаго права. Политики высказываютъ это, не стѣсняясь. «Сила, это высшій законъ», говорилъ одинъ австрійскій дипломатъ [2]). Нельзя объ этомъ ду-

---

[1]) *Pensées*, ed. Havet, art. III, № 8.

[2]) Изъ рѣчи, сказанной на конгрессѣ въ Тешенѣ (1779) и записанной французскимъ агентомъ. Иностранныя дѣла.—«Только небесное царство достигается терпѣніемъ,— говорилъ Фридрихъ,—земныя царства добываются силой. Le duc de Broglie, *Frédéric II et Marie-Thérèse*, t. II, p. 198.

мать безъ страха, и это впечатлѣніе страха встрѣчаешь у всѣхъ современниковъ, которые смотрятъ на событія сверху, которые наблюдаютъ и размышляютъ. Никто не былъ такъ проникнутъ этимъ страхомъ и не высказывалъ его въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ Мале-дю-Панъ, бывшій во время предвидѣннаго имъ кризиса самымъ проницательнымъ, непризнаннымъ совѣтникомъ европейскихъ государей. Онъ писалъ въ 1792 [3]): «Быть можетъ, ни въ одной части свѣта не было столько причинъ для произведенія успѣшнаго соціальнаго переворота. Раздѣленная на множество различныхъ правительствъ, Европа представляетъ мало основъ для общаго сопротивленія. Первая великая континентальная нація, которая измѣнитъ видъ общества, не встрѣтитъ большихъ затрудненій съ разъединенными членами. Судя по характеру, какой приняла европейская политика со времени прошедшаго вѣка, и по сущности договоровъ, на которыхъ она основана, трудно было бы воодушевить, ради общаго блага, тридцать государей, опасающихся другъ друга и пріученныхъ своими министрами въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ основывать свою безопасность на равнодушіи къ гибели всѣхъ государствъ, могущихъ, по ихъ предположенію, когда-либо повредить имъ» [4]). Въ то время, когда союзъ европейскихъ государствъ разлагался среди этой монархіи, когда слабая и искусственная связь, соединяющая правительства, готова была порваться, тѣ же самые принципы разрушенія и разложенія грозили и установленному внутри государства порядку. Все разлагалось и разъединялось въ одно и то же время: одинъ и тотъ же кризисъ разрывалъ внѣшнія связи государствъ между собою и портилъ внутри отношенія между правительствами и гражданами. Онъ происходилъ въ силу тѣхъ же крайностей и развивался въ силу тѣхъ же причинъ. Во внѣшней политикѣ, какъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, старый порядокъ гибнетъ вслѣдствіе злоупотребленія своимъ принципомъ. Одна и та же революція грозила имъ всѣмъ; но они не могли понять ее, какъ не могли уже соединиться противъ нее, еслибъ и поняли опасность. Изучая европейскую политику, мы объясняемъ себѣ, какимъ образомъ эта революція могла безнаказанно развиться въ Европѣ и восторжествовать надъ союзомъ, образовавшимся съ цѣлью раздавить ее. Краткое обозрѣніе правленій и націй позволитъ намъ понять ея своеобразный характеръ и легкость, съ которой она распространилась.

---

[3]) Mercure. Numéro de janvier. *Mémoires et correspondance*, I, p. 251.

[4]) «Европа находится въ состояніи полнѣйшей анархіи и походитъ на Грецію той эпохи, когда Спарта и Аѳины утратили свое преобладаніе въ ней, и каждая республика хотѣла тамъ господствовать». Mably. *Notre gloire ou nos rêves*, 1778. «Со времени паденія Римской Имперіи, Европа еще ни разу не была въ такомъ положеніи, какъ теперь». Linguet. *Annales*, t IV. *Reflections sur l'état de l'Europe en 1779.*

ГЛАВА II.

Правительства и реформы.

I.

«Теперь для всѣхъ государствъ насталъ кризисъ», говорила Великая Екатерина въ 1780 [1]). Сочиненія современниковъ полны мрачныхъ предсказаній о будущности государствъ. Это общій вопль упадка; ждутъ революціи, предвѣщаютъ катастрофы [2]). Во Франціи онѣ представляются неизбѣжными; машина слишкомъ стара и сложна; пружина ослабѣла, машинистъ изнемогъ, государство развинчивается [3]): Франція отъ дряхлости, Пруссія отъ истощенія, вызваннаго быстрымъ ростомъ. Это—«искуственная держава», шаткое строеніе, смѣло воздвигнутое на пескѣ безъ свай и каменнаго фундамента, выступающее въ Европу непрочнымъ и жалкимъ фасадомъ, поддерживаемое однимъ геніемъ строителя. «Если на этотъ престолъ взойдетъ государь неразумный,—пишетъ Мирабо,—то страшный колоссъ внезапно обрушится, и Пруссія падетъ подобно Швеціи [4]). Марія Терезія сокрушается о паденіи своей монархіи: «Всѣ гражданскія и политическія связи порваны; люди и провинціи становятся все несчастнѣе и приходятъ въ упадокъ; все пойдетъ хуже и хуже, если мы не измѣнимъ образъ дѣйствія [5]). Малле-дю-Панъ говоритъ объ Англіи [6]): «она обре-

---

[1]) *Publications de la Société d'histoire de Russie*, t. II.

[2]) Гриммъ пишетъ въ 1757: «Я очень далекъ отъ мысли, что мы приближаемся къ вѣку разума; я скорѣе готовъ думать, что Европѣ грозитъ какая-нибудь роковая революція». Линге пишетъ въ 1779. «Народы страдаютъ; правительства недовольны; все находится въ состояніи того броженія и того волненія, которое предшествуетъ великимъ кризисамъ всякаго рода».

[3]) Taine, *l'Ancien Régime*, Paris 1876.—Rocquain, *L'esprit révolutionnaire avant la révoluton*, Paris 1879.

[4]) *Monarchie prussienne*, Paris 1788, liv. VII. «Зданіе построено на пескѣ, оно вывѣтрится и обрушится», пишетъ Екатерина Гримму (по-нѣмецки), а въ другомъ письмѣ (по-франц.). «Прусская монархія, которая, по вашему мнѣнію, совершенно разрушится черезъ пять лѣтъ»... Письма отъ 24 іюня 1790 и 9 мая 1791.—«Великое зданіе, воздвигнутое имъ...построено, такъ сказать, на пескѣ». Mably, *De la paix d'Allemagne*.—Phillipson, *Geschichte des preussischne Staatswesens*. Berlin 1880.—Räumer, *Beiträge*, 1836, t. V, p. 298.—

[5]) Изъ письма Іосифу II отъ 2 янв. 1778.—Arneth *Maria-Theresia und Joseph* II, Vienne 1867.

[6]) *Annales politiques*, t. III, 1782.

менена долгами, разрываема духомъ партій, развращена жаждою денегъ; всѣ политическіе прорицатели грозятъ, что ее постигнетъ гибель, подобная той, которая сокрушила Венецію». Что сказать объ Испаніи? Причины ея упадка составляютъ общее мѣсто для философовъ, школьное упражненіе—для учениковъ въ политикѣ [7]). Что касается Польши, покинутой врачами, то ей приходится выбирать между формулами алхимиковъ и панацеями эмпириковъ. «Я вижу,—писалъ Руссо въ 1772, что всѣ европейскія государства стремятся къ своей гибели: монархіи, республики, націи съ такими великолѣпными учрежденіями, мудро уравновѣшенныя правительства—все это приходитъ въ ветхость и грозитъ скорой смертью. Всѣ великіе народы, раздавленные собственной массой, стонутъ [8]).

Причины этого паденія стараго режима повсюду однѣ и тѣ же [9]): страшное увеличеніе расходовъ двора и военныхъ издержекъ, роскошныя зданія, расточительность или алчность фаворитокъ; жадность временщиковъ; а главное—постоянно увеличивающаяся потребность вооруженій не посредствамъ. «Европа такъ разорена,—писалъ Монтескье, что еслибъ частные люди находились въ положеніи трехъ богатѣйшихъ державъ этой части свѣта, то имъ нечего было бы ѣсть» [10]) Государства обременены долгами, терпятъ отъ недостатка въ кредитѣ; мелкія государства еще болѣе истощены, чѣмъ крупныя, такъ какъ, обладая мѣньшими ресурсами, они не менѣе расточительны [11]). Только въ одномъ государствѣ финансы находились въ блестящемъ состояніи—въ Англіи; то была заслуга Питта. Пруссія имѣла богатый металлическій фондъ и держала свои счеты въ порядкѣ: этимъ она была обязана неумолимой скупости Фридриха. На самомъ дѣлѣ у нея не было правильнаго бюджета. Достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ мотовства преемника Фридриха для того, чтобъ Пруссія перешла изъ этого относительнаго благосостоянія къ общей несостоятельности. Въ 1791 французскій дворъ готовился оставить Парижъ, образовать правительство въ провинціи, собрать войска на границахъ: требовались денеж-

---

[7]) Бокль, *Исторія цивилизаціи въ Англіи.*

[8]) Rousseau, *Gouvernement de la Pologne.*—Mably, *Du gouvernement et des lois de Pologne.*

[9]) О Франціи Taine, *l'Ancien Régime.*

[10]) *Esprit des lois.* liv. VIII, ch. XVII.

[11]) Erskine May, *Histoire constitutionnelle.* Paris 1865, объ Англіи.—Объ Испаніи: Baumgarten, *Geschichte Spaniens*, Berlin 1861;—о Пруссіи Philippson, *Geschichte des Preussischen, Staatswesens.*—Объ Австріи Arneth, *Geschichte Maria Theresia.*—О Швеціи Geffroy, *Gustave* III.—Объ Италіи Bianchi, *Storia della Monarchia piemontesa*, Turin 1877;—Franchetti, *Storia d'Italia* 1789—1800, Milan 1880.—Allen, *Histoire de Danemark;* Haeusser, *Deutsche Geschichte* 1786—1815, 4 ed. Berlin 1869.—Sybel, *Histoire de l'Europe pendant la Révolution* и пр.

ныя средства; Марія-Антуанета обратилась къ брату. Посланникъ Мерси отвѣчалъ [12]): «императоръ намѣревался сдѣлать заемъ въ Голландіи, но не рѣшился, такъ какъ городъ Амстердамъ произвелъ экстренный сборъ податей въ 12 милліоновъ для своего банка, которому грозило банкротство. Россія собрала отъ 8—10 милліоновъ, Швеція заняла 6 милліоновъ подъ закладную своихъ желѣзныхъ рудниковъ, Польша расчитывала на 4—6 милліоновъ, но не получила ихъ. Всѣ деньги въ Англіи. Извѣстно, что у гессенъ-кассельскаго ландграфа [13]) есть отъ 15—20 милліоновъ флориновъ, часть которыхъ онъ желалъ бы помѣстить, но онъ такъ недовѣрчивъ, что не рѣшается и уже отказалъ двумъ крупнымъ дворамъ».

Государства принуждены дѣлать займы; долгъ поглощаетъ доходъ, дефицитъ становится хроническимъ. Это основной недостатокъ режима, и въ этомъ отношеніи положеніе Европы не лучше, если не хуже, положенія Франціи: тамъ обнаруживаются тѣ же слѣдствія. Въ 1788 г. Мирабо пишетъ: «Подати распредѣлены въ Европѣ никуда негоднымъ образомъ». На континентѣ, какъ и во Франціи, чѣмъ богаче платящій подать, тѣмъ менѣе онъ платитъ. По мѣрѣ увеличенія налоговъ умножаются и льготы, избавляющія отъ платежа. Это система обратно прогрессивнаго налога. Дворяне ускользаютъ, буржуа увольняются отъ платежа, сельскій людъ падаетъ подъ его тяжестью. Къ налогамъ, которыми монархъ отягощаетъ своихъ подданныхъ, присоединяются тѣ, которыми господинъ отягощаетъ своихъ вассаловъ. Феодальныя права вездѣ одни и тѣ же, и во Франціи они еще менѣе тягостны, если не менѣе стѣснительны [14]).

Я не говорю о Россіи, гдѣ крѣпостное право установилось въ шестнадцатомъ столѣтіи, то есть именно въ то время, когда оно падало или ослабѣвало въ остальной Европѣ [15]). Въ Россіи оно умѣрялось относительною мягкостью нравовъ, хорошо понятымъ интересомъ самихъ владѣльцевъ, и въ особенности вмѣшательствомъ государства [16]); въ Польшѣ оно не умѣрялось ничѣмъ; въ Германіи же существовало еще повсюду. Крестьянинъ не можетъ ни покинуть земли своего господина, ни жениться, ни перемѣнить профессіи безъ соизволенія господина. Въ молодости онъ служитъ въ замкѣ; позднѣе онъ долженъ отбывать оброкъ и барщину; послѣдняя до-

---

[12]) Отъ 21 апрѣля 1791. Arneth, *Marie-Antoinette*, *Joseph II et Léopold II*, Vienne 1866.

[13]) Вильгельмъ IX, сынъ знаменитаго торговца людьми, который продавалъ своихъ солдатъ и обогатился отъ вооруженій, разорявшихъ его собратій по престолу.

[14]) Tocqueville. *L'Ancien Régime et la Révolution*, liv. II, ch. I.

[15]) Anatole-Leroy Beaulieu. *L'Empire des Tzars et les Russes*, t. I, p. 387.

[16]) Ségur. *Mémoires*, t. II, p. 233.—Rambaud. *Hhistoire de Russie*, p. 478. Paris, 1878.

ходитъ иногда до трехъ дней въ недѣлю. Только съ большимъ трудомъ онъ можетъ самъ сдѣлаться собственникомъ. Его имущество, во всякомъ случаѣ, остается подъ опекою, и даже его наслѣдство не переходитъ цѣликомъ къ его дѣтямъ [17]). Этотъ порядокъ вызываетъ общія жалобы въ Германіи [18]). Впрочемъ на практикѣ встрѣчаемъ довольно много рѣзкихъ оттѣнковъ. Въ Цвейбрюккенѣ порядки жестоки. Пертцъ сравниваетъ жилище знатнаго мекленбургца съ логовищемъ дикаго звѣря, который опустошаетъ все вокругъ и пожираетъ въ тишинѣ. Въ Лузаціи крестьянинъ—рабъ. Ландграфъ гессенскій продаетъ своихъ солдатъ англичанамъ по сто экю за человѣка. Баварецъ превращаетъ своихъ въ скотовъ: «это—земной рай, населенный скотами», говорилъ Фридрихъ [19]). «Во владѣніяхъ австрійскаго дома,—разсказываетъ одинъ современникъ,—народъ бѣденъ, купцы и среднее сословіе живутъ въ довольствѣ, дворянство и знать страшно богаты, а государямъ почти всегда приходится изъискивать средства, необходимыя для поддержки государства» [20]). Правительство хлопочетъ объ улучшеніи участи крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ объ уплатѣ податей. Благодѣтельная и интеллигентная императрица рисуетъ намъ своихъ подданныхъ «угнетенными и подавленными» въ мирное время [21]). Въ 1769 въ одномъ рапортѣ о Богеміи, поданномъ въ государственный совѣтъ, говорится: «Цѣпенѣешь отъ ужаса и глубокаго волненія при видѣ крайней бѣдности, въ которой изнемогаетъ крестьянинъ подъ тяжестью повинностей, налагаемыхъ на него господиномъ». «Это хуже, чѣмъ въ Венгріи», писалъ другой агентъ, и ему казалось, что болѣе ужаснаго сравненія нельзя придумать. Іосифъ II посѣтилъ страну и вернулся оттуда въ уныніи.

Въ Пруссіи крестьянинъ сравнительно менѣе несчастливъ. Фридрихъ выжималъ, что могъ изъ своихъ подданныхъ, но дѣлалъ это съ умѣніемъ. Онъ требовалъ, чтобъ дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ и занимались своими крестьянами. Каждый изъ нихъ могъ обращаться къ королю, и король читалъ всѣ подаваемыя ему прошенія. Государство берегло земли, улучшало земледѣліе и защищало вассаловъ противъ господъ. Тѣмъ не менѣе участь крестьянина была очень тяжела; прямыхъ налоговъ онъ уплачивалъ въ семь разъ больше, чѣмъ господинъ, а косвенные налоги, бла-

---

[17]) Tocqueville. *Ancien régime,* liv. II, ch. I.

[18]) Häusser, t. I, p. 272, liv. I, ch. II.

[19]) Pertz. *Leben des Ministers Freiherrn von Stein.* Berlin 1849—1855.—Perthes. *Zustände und Personen.* Gotha 1862.—Rambaud. *Les Français sur le Rhin.* Paris 1873.

[20]) Bielfeld. *Institutions.*

[21]) Arneth. *Maria Theresia*, t. IX, ch. XII, XVI. *L'administration et les finances*, t. X. *Les provinces.* Vienne 1879.—Léger, *Histoire de l'Autriche.* Paris 1879.

годаря покровительственной системѣ, доведенной Фридрихомъ до крайности, ложились на его одежду, пищу, даже на орудія его труда. Безчисленныя повинности, еще болѣе сложныя и запутанныя чѣмъ во Франціи, лежали на сельской собственности [22]). Разсчитываютъ, что въ Бранденбургѣ за тридцать акровъ земли, дающей доходу $9^3/_4$ экю, крестьянинъ платилъ государству восемь экю и три гроша, не считая того, что онъ долженъ былъ уплачивать господину и духовенству. Въ Помераніи, гдѣ почва не такъ безплодна, онъ платилъ шестнадцать экю и одинъ грошъ, изъ семнадцати съ половиной экю дохода. Клевъ былъ самой жалкой изъ земель короля прусскаго: крестьяне перестали заниматься тамъ земледѣліемъ и земли оставались подъ паромъ [23]).

Жизнь датскаго крестьянина не отличалась отъ жизни нѣмецкаго. Зато въ сѣверной и центральной Италіи сельскому люду жилось лучше. Крестьяне тамъ прозябали подъ опекой добродушныхъ господъ, смягчавшихъ, особенно въ Пьемонтѣ, строгость режима. Жизнь крестьянина была сноснѣе въ мало-культурныхъ земляхъ, гдѣ владѣльцы не покидали своихъ имѣній [24]). Тѣмъ не менѣе это было тяжелое, полное удивительныхъ злоупотребленій существованіе. Гёте, во время своего путешествія въ 1786, разговаривалъ съ однимъ жителемъ Вероны: «я спросилъ его: развѣ нѣтъ богатыхъ крестьянъ?—Да, конечно есть.—Что-же они дѣлаютъ съ своими деньгами?—У нихъ есть господа, которые берутъ эти деньги».

Во Франціи мелкое дворянство жило въ деревняхъ. но не управляло ими, исключая запада, гдѣ сохранились старинные нравы, чѣмъ и объясняются вандейскія арміи. Крупное дворянство тамъ не жило и не управляло. Нигдѣ, конечно, эти факты не были такъ рѣзки и такъ общи, какъ во Франціи; въ другихъ мѣстахъ оставались болѣе или менѣе глубокіе слѣды феодальнаго правительства; но, за исключеніемъ Англіи, гдѣ въ рукахъ знати была мѣстная администрація, и Пруссіи, гдѣ она ее отчасти сохранила, почти вездѣ знать жила на французскій ладъ: мотала свое богатство, пренебрегала своими обязанностями, съ излишествомъ пользовалась своими правами, которыя должны бы составлять собственно лишь результатъ первыхъ, и утрачивала такимъ образомъ смыслъ своего существованія [25]). Въ Пруссіи, которую король держалъ въ рукахъ и принуждалъ исполнять государственныя обязанности, дворянство, хотя надменное и суровое, внушало уваженіе крестьянамъ и было главнымъ дѣятелемъ націи. То же самое происходило въ Пьемонтѣ. Въ Венгріи, въ Богеміи — въ наслѣдственныхъ

---

[22]) Hillebrand. *La Prusse contemporaine.* Paris 1867.

[23]) Phillipson, t. II, ch. 1, V.

[24]) Bianchi, t. I, ch. VII. Cantu. *Histoire des Italiens*, t. X. Paris 1859.

[25]) Taine, *L'Ancien Régime*, liv. I, *La srtucture de la société.*

австрійскихъ владѣніяхъ,—государство было безсильно содержать знать, и крестьянинъ безпрестанно жаловался на нее государю, надѣясь на его защиту. Но этой защиты не было у крестьянина имперскихъ земель, Швабіи и Франконіи, принадлежащихъ непосредственному дворянству (la noblesse immédiate), такъ называли послѣднее потому, что оно зависѣло только отъ имперіи; въ сущности оно ни отъ кого не зависѣло: тамъ не было ни правительства, ни высшаго правосудія, ни опеки, ни покровительства, ни полиціи, ничего того, что въ большихъ государствахъ умѣряло злоупотребленія режима. За исключеніемъ нѣсколькихъ родовъ, Гагерновъ, Штейновъ, обладавшихъ высокимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, высокой нравственностью, составляющихъ душу и честь Германіи, родовъ, гдѣ отецъ управлялъ патріархально, гдѣ сыновья путешествовали и старались сдѣлать карьеру при большихъ дворахъ, всѣ остальные имперскіе графы и бароны гордились своею изолированностью, своей нравственной скудостью и политической грубостью. Эти свойства были какъ бы признаками ихъ выродившейся власти и значенія и они ими чванились. Настоящіе деревенскіе тираны, тяжеловѣсные подражатели прусскаго деспотизма въ его жестокостяхъ, они образовали въ сердцѣ Германіи какъ бы архипелахъ островковъ, отдѣленныхъ отъ Европы изгородями ихъ вотчинъ; волны океана не могли бы такъ глубоко разъединить ихъ съ Европою, какъ эти загородки. Одинъ нѣмецкій публицистъ, очень привязанный къ стариннымъ обычаямъ, говоритъ: «Во многихъ мѣстностяхъ внѣшній видъ деревень прямо указываетъ на то, что онѣ принадлежатъ имперской знати. Эта знать въ свое время имѣла право на существованіе и оказала большія услуги народамъ въ средніе вѣка; отнынѣ она приноситъ только вредъ. Прежде она защищала крестьянина отъ злоупотребленій, теперь она сама злоупотребляетъ своей силой и гнететъ крестьянина. Привилегіи ихъ болѣе обременительны и невыносимы для крестьянъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Это были самые непопулярные люди въ имперіи» [26]).

Шведскіе дворяне думали только объ удовольствіяхъ; датскіе покидали своихъ вассаловъ на жертву управляющимъ. Въ Испаніи дворяне тратили на разорительную придворную скуку деньги, съ трудомъ извлекаемыя изъ своихъ владѣній. Земли ихъ, худо обработанныя, ничего не приносили, и уваженіе къ нимъ крестьянъ держалось только благодаря лѣни послѣднихъ. Управленіе было мягче въ тѣхъ территоріяхъ, которыми владѣло духовенство; старинные обычаи сохранились тамъ нѣсколько долѣе, но съ мягкостью эксплуатаціи, впрочемъ очень относительной, соединялась большая небрежность. Съ другой стороны, увольненіе отъ налоговъ, которымъ пользовались духовныя имущества, влекло усиленный платежъ со стороны

[26]) Häusser, t. I, liv. I, ch. V.

крестьянина. Результатомъ было недовольство и броженіе, которыя даже въ Испаніи выказывались открыто.

Итакъ, на всемъ континентѣ одни и тѣ же плохіе порядки вызываютъ одни и тѣ же бѣдствія въ государствахъ. Правительства чувствуютъ ихъ вліяніе и стараются его устранить. Мыслители изучаютъ болѣзнь и предлагаютъ лекарства. Одновременно съ этимъ возрастающимъ упадкомъ, пробуждается по всей Европѣ активное стремленіе къ улучшенію. Разсмотримъ прежде всего, какъ задумывались реформы.

II.

Франція—очагъ этихъ идей; лучи ихъ расходятся по всей Европѣ, но необходимо различать ихъ [1]). Среди мыслителей, пробуждающихъ общественную мысль, всего охотнѣе слушаютъ тѣхъ, которые, имѣя въ виду только злоупотребленія, ставятъ себѣ цѣлью реформировать, а вовсе не разрушать государство. Монтескье является самымъ глубокимъ, твердымъ и мудрымъ изъ этихъ мыслителей: онъ изучилъ факты, онъ признаетъ очевидность, онъ подчиняетъ разумъ природѣ вещей. Онъ показываетъ, что всякое правительство носитъ въ себѣ и причины своей прочности и причины упадка. Онъ учитъ, что каждое изъ нихъ можетъ примѣнить къ особенностямъ своей индивидуальности основы цивилизаціи—справедливость и общее благо. Онъ предостерегаетъ государства, указывая на общую опасность, которая имъ грозитъ: эта опасность лежитъ въ злоупотребленіи ихъ основнымъ принципомъ. Но его мысли, по своей высотѣ, недоступны государственнымъ людямъ того времени. Въ Европѣ ему скорѣе изумляются, чѣмъ читаютъ его; и чаще читаютъ, чѣмъ понимаютъ. Онъ не оказываетъ непосредственнаго вліянія: поражаютъ однѣ подробности его сочиненій, а изъ великихъ основныхъ законовъ, имъ начертанныхъ, его современники удерживаютъ въ памяти однѣ отрывочныя формулы [2]).

Для этихъ скороспѣлыхъ, безпокойныхъ, суетныхъ и легкомысленныхъ, несмотря на ихъ культурность, политиковъ,—нужно не сильное зажигательное стекло, концентрирующее большіе лучи, а кристаллъ, призмы котораго разсѣиваютъ свѣтъ снопами искръ. Въ Вольтерѣ сосредоточивается весь геній старой Европы. Онъ ее понимаетъ, онъ умѣетъ ее растрогать, онъ ей всегда доступенъ, заставляетъ ее смѣяться надъ самой собою и поучаетъ, забавляя. Онъ царитъ своими недостатками столько же, сколько хорошими сторонами; энтузіазмъ, который онъ сообщаетъ свѣтскому чело-

---

[1]) Taine, *l'Ancien Régime*, liv. III. *L'Esprit et la doctrine.*

[2]) Такъ Бильфельдъ, называющій себя его ученикомъ, въ своихъ *Institutions* примѣняетъ принципы *Духа законовъ* къ политическимъ нравамъ Европы.

вѣку, не заставитъ его забыть чувство мѣры. Великодушные порывы его освѣжаютъ придворную атмосферу, не возмущая ее. Скептическая складка его ума находитъ откликъ въ читателяхъ и поддерживаетъ постоянно живое общеніе между ними и авторомъ. Удивительная ясность его языка восхищаетъ, умѣренный подъемъ его мысли успокоиваетъ ихъ; имъ кажется, что они узнаютъ себя въ немъ и, восхищаясь имъ, восхищаются и собой. Такого рода геніи весьма рѣдки; можно сказать, что міръ всегда подчинялся ихъ чарамъ. Вольтеръ уживчивъ, милъ, онъ ободряетъ и поддерживаетъ. Онъ не принимаетъ, подобно Монтескье, обезкураживающаго вида врача, который видитъ въ болѣзняхъ лишь отдаленныя причины и находитъ лекарства въ тѣхъ же причинахъ. Государство гибнетъ отъ полнокровія; Монтескье совѣтуетъ ему быть воздержнѣе; вернуть гибкость и гармонію своимъ органамъ посредствомъ благоразумнаго распредѣленія силъ, привлечь къ оконечностямъ кровь, приливающую къ сердцу и причиняющую удушье. Вольтеръ не требуетъ, чтобъ его кліенты мѣняли свои привычки или сдерживали свои страсти; возбуждающая діета, мѣстныя средства, которыя на время облегчаютъ и оживляютъ—вотъ все его леченіе.

Онъ ждетъ всего отъ государства и въ сущности работаетъ только для государства. «Свобода, собственность—это англійскій крикъ, это крикъ природы», но онъ понимаетъ свободу, регулируемую властелиномъ, и собственность, обезпеченную сильнымъ правительствомъ. Его политическій идеалъ—деспотизмъ, умѣряемый «терпимостью» и «просвѣщеніемъ». Монтескье требуетъ сложнаго и стѣснительнаго механизма. Вольтеръ довольствуется меньшимъ. Перечитайте въ *Dictionnaire Pholosophique* статью: *Lois civiles et eclésiastiques*; позже она была напечатана подъ названіемъ *Cahiers de Voltaire aux Etats généraux*: эта полная программа просвѣщеннаго абсолютизма» [3]). «Дѣло не въ томъ,—писалъ Вольтеръ д'Аржансону въ 1769,—чтобъ произвести переворотъ, какъ во время Лютера и Кальвина, но важно сдѣлать переворотъ въ умахъ тѣхъ, которые призваны къ управленію».

Это первое теченіе; но есть другое, болѣе бурное, которое ежедневно растетъ, грозя затопить весь міръ. Оно можетъ и оплодотворить землю, но не иначе, какъ заливъ ее своими водами, и оплодотворяетъ своимъ иломъ лишь страны, предварительно затопленныя и опустошенныя потокомъ этихъ водъ. Эти доктрины соединяютъ съ самыми справедливыми и своевремен-

---

[3]) Налогъ, который ложился бы на всѣ классы и распредѣлялся пропорціонально, единство мѣры и вѣса; единство законовъ, запрещеніе издавать какіе бы то ни было церковные законы безъ разрѣшенія правительства, гражданскій бракъ; церковь подъ управленіемъ государства, упраздненіе аннатовъ, (папскихъ доходовъ), десятинъ, духовныхъ судовъ.

ными предложеніями реформъ, самыя химерическія революціонныя гипотезы. Онѣ приводятъ самые убѣдительные доводы; онѣ вооружаютъ діалектическія тонкости всѣмъ оружіемъ научнаго арсенала. Онѣ овладѣваютъ человѣкомъ, дѣйствуя на его страсти и возводя ихъ въ принципъ; онѣ льстятъ ему, возбуждаютъ его энтузіазмъ, горделивое самоупоеніе и тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на него, что отъ несомнѣнныхъ болѣзней предлагаютъ болѣе соблазнительныя средства.

Въ этомъ отношеніи то, что происходитъ во Франціи [4]), повторяется вездѣ, куда проникаютъ книги, гдѣ люди сходятся для обмѣна мыслей. Въ Германіи особенно я нахожу то же тревожное настроеніе, смѣшанное съ энтузіазмомъ, то же нервное раздраженіе, сопровождаемое восторженными надеждами [5]). Жанъ Поль писалъ въ 1803, что революція болѣе интеллектуальная, болѣе широкая, но такая же убійственная, какъ парижская, трепетала въ сердцѣ міра. Это было дѣйствіе не столько французской революціи, сколько предшествовавшихъ ей движеній, аналогичныхъ съ тѣми, которыя дали ей начало. Въ 1765 г. Николаи и его друзья пытались посредствомъ своей *Всеобщей нѣмецкой библіотеки* совершить то же самое, что дѣлали философы во Франціи: разрушить въ умахъ уваженіе къ прошедшему. Въ 1789 они почти достигли своей цѣли; традиціи не уважались, повсюду говорилось о дряхлости старинныхъ нравовъ, о нелѣпости и обветшалости учрежденій. «Порядокъ вещей не можетъ оставаться такимъ, какъ теперь,—писалъ Форстеръ въ 1779,—всѣ симптомы на это указываетъ». Онъ всѣми силами души призывалъ тотъ спасительный кризисъ, который долженъ былъ обновить міръ. Ему было бы все равно, какой цѣной это будетъ куплено хотя бы цѣною крови. «Мнѣ кажется,—писалъ онъ въ 1782,—Европа находится наканунѣ ужасной революціи. Масса такъ испорчена, что пожалуй потребуется небольшое кровопусканіе». Другой нѣмецкій мыслитель, Якоби, провозглашалъ въ то же время: «Я желалъ бы какого-нибудь наводненія, хотя бы въ видѣ вторженія варваровъ, чтобъ смыть это вонючее болото и обнажить дѣвственную почву». Массы не требовали именно какихъ-нибудь перемѣнъ,—писалъ Штрамбергъ,—но настоящее ихъ оскорбляло. Неясное стремленіе къ чему-то новому, неизвѣстному проникало даже въ нѣдра семьи: даже хозяйки не хотѣли имѣть старой утвари.

---

[4]) Taine, *l'Ancien Régime*, liv. III. *L'esprit et la doctrine;* liv. IV. *La propagation de la doctrine.*

[5]) Heine, *de l'Allemagne* 1855—57.—Hillebrand, *La societé de Berlin* de 1789—1807. *Revue des deux Mondes* 1870.—Perthes, op. cit. I —Häusser, I. liv. I, ch. V.—Schlosser, *Geschichte des* 18 *Jahrhunderts* 1864.—Tocqueville, *Mélanges chapitres enédits*, ch. I.—Forster, *Oeuvres*, *Leipzig* 1863.—Bossert, *Goethe*, *ses précurseurs et ses contemporains; Goethe et Schiller* 1882.

Вскорѣ почувствовались родовыя муки, предшествующія рожденію новыхъ временъ».

Вмѣстѣ съ этими стремленіями въ умахъ развивается мысль о томъ, что разумъ долженъ управлять міромъ, что онъ довлѣетъ самъ себѣ и что онъ можетъ все постигнуть, а слѣдовательно и все совершить. Общественному, праву, опредѣленному Монтескье и основанному на фактахъ, противополагаютъ право естественное, основанное на разумѣ, и это второе право, какъ болѣе простое, болѣе логичное, болѣе доступное умамъ, повсюду, особенно въ Германіи, одерживаетъ верхъ надъ первымъ. Пуффендорфъ читается тамъ очень многими. Вольфъ господствуетъ почти деспотически. Путемъ дедукціи и геометрическихъ формъ онъ учитъ, что есть права, присущія человѣческой природѣ, что каждый долженъ пользоваться ими и что всѣ могутъ противиться тѣмъ, кто покушается на эти права. Верховная власть народа и право на мятежъ неизбѣжно вытекаютъ изъ его ученія [6]).

Фридрихъ прекрасно понялъ это и не особенно уважалъ этого писателя: «Я не говорю о Вольфѣ,—пишетъ онъ въ началѣ своихъ мемуаровъ,—который пережевывалъ систему Лейбница и размазывалъ то, что такъ пламенно и сжато написано Лейбницемъ». Не таково было мнѣніе нѣмцевъ. Бильфельдъ, кичившійся тѣмъ, что прочелъ *Духъ Законовъ* и дѣйствительно почерпнувшій изъ этой книги основныя мысли своихъ *Institutions*, гораздо больше восхищался Вольфомъ и его тяжеловѣсными диссертаціями: «Мы находимъ въ нихъ,—пишетъ онъ,—причину всего, начало, основы всѣхъ законовъ міра, т. е., разумныхъ законовъ... Наконецъ это полная система... Безсмертный авторъ заключилъ свою колоссальную книгу въ небольшой томъ in-octavo и назвавъ ее «*Учрежденіе естественнаго права*». Она пользуется громадной популярностью» [7]).

Однако, благодаря свой туманной формѣ, доктрина эта была доступна только людямъ опытнымъ въ алгебрѣ метафизики. Руссо вдохнулъ въ нее жизнь своимъ удивительнымъ геніемъ и пустилъ живую и трепещущую въ толпу. Тусклый и холодный свѣтъ діалектика не проникалъ въ страстныя души. Благодаря Руссо, она засіяла въ смутѣ страстей и буряхъ человѣческихъ чувствъ: она овладѣла міромъ. Руссо—главный провозвѣстникъ революціи во Франціи: его вліяніе въ Германіи также велико, даже можетъ быть болѣе исключительно и рѣшительно. Одинъ нѣмецкій историкъ сравниваетъ его съ вліяніемъ схоластической философіи въ средніе вѣка. Воспитаніе нѣмцевъ подготовило ихъ къ пониманію

---

[6]) Janet, *Histoire de la science politique* liv. IV, ch. III и IV,—Gierke, *Althusius*, Breslau 1880. ch. III.—Philippson, op. cit.—Funck-Brentano, *Les sophistes*.—Paris 1879.

[7]) *Institutions*, t. I, ch. II.

Руссо; они не только его понимали, но и восхищались имъ. Германія переживала ту эпоху странной тревожности и страстнаго увлеченія, которую назвали эпохой бури и натиска (*Sturm und Drang*). Въ ней образовались неизсякаемые источники сдержанныхъ слезъ, которыя ждали только случая, чтобъ пролиться; накопились потоки энтузіазма, которое готовы были разлиться при первой возможности; души были полны страстей, жаждавшихъ преобразиться въ добродѣтели и очиститься, удовлетворяя сами себя. Нигдѣ Руссо не встрѣтилъ болѣе плодотворной почвы. Его вліянію подчинялись и самые великіе и самые посредственные умы; создавая цѣлое поколѣніе софистовъ, напыщенныхъ декламаторовъ и слезливыхъ развратниковъ, онъ, въ то же время, вдохновлялъ поэтовъ и философовъ: ему мы обязаны Шиллеромъ и Кантомъ; онъ завоевалъ Италію, какъ завоевалъ Германію. Можетъ быть, его власть тамъ не такъ абсолютна, но передовые люди изъ итальянцевъ подпали его вліянію, хотя изъ осторожности и не ссылались на него, таковы: Беккаріа и, въ особенности, Филанджіери [8]).

Подъ вліяніемъ этого импульса, въ Германіи и Италіи возникаетъ полная такихъ же великодушныхъ иллюзій, такого же энтузіазма, какъ во Франціи, религія человѣчества: вѣра въ разумъ, сознаніе труда во имя счастія человѣческаго рода и близости дня, когда съ освобожденіемъ мысли пробудится на вѣки возрожденный человѣкъ. Человѣчество не имѣетъ родины; люди, исповѣдающіе этотъ культъ, не признаютъ болѣе границъ, они космополиты. «Каждый хотѣлъ быть только человѣкомъ, пишетъ Гёте; не занимались ни газетами, ни новостями, наше дѣло было научиться познавать человѣка; что касается до людей вообще, то мы охотно позволяли имъ дѣлать, что хотятъ.» Шиллеръ писалъ въ 1784. «Я пишу, какъ гражданинъ міра. Я рано утратилъ мое отечество, обмѣнявъ его на широкій міръ».—«Нѣмцы!—восклицалъ онъ,—не стремитесь образовать націю, довольствуйтесь тѣмъ, что вы люди!». Лессингъ объявлялъ во всеуслышаніе, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ любовь къ отечеству».

Всѣ націи должны считать себя солидарными; слѣдовательно космополитамъ приходится прославлять всѣ революціи и довольно страннымъ образомъ хвалить у другихъ тѣ патріотическія добродѣтели, отъ которыхъ они сами какъ бы стараются освободиться. Такъ Паоли былъ на минуту героемъ всей Европы. Революція въ Америкѣ воспламенила континентъ. Нѣмцы, за неимѣніемъ солдатъ, которыхъ посылала Франція, посвящали американцамъ цѣлые томы стихотвореній. «Я еще живо помню,—пишетъ

---

[8]) Cantu, *op. cit.* liv. XV.—Villemain, *Historie de la littérature au dix-huitième siècle.*

одинъ норвежецъ,—то, что происходило въ Эльзинорѣ и на рейдѣ, въ тотъ день, когда былъ заключенъ миръ, обезпечивавшій торжество свободы. Рейдъ былъ полонъ кораблей всѣхъ націй... Всѣ они пестрѣли флагами... Всюду раздавались радостные крики матросовъ... Мой отецъ хотѣлъ, чтобъ мы прониклись чувствомъ политической свободы: онъ позвалъ насъ къ столу и заставилъ выпить вмѣстѣ съ нимъ и гостями за здоровье новой республики» [9]).

Такой же восторгъ возбуждали реформы Людовика XVI и министерство Тюрго. Гете пишетъ: «Горячо желали успѣха американцамъ: имена Франклина и Вашингтона сіяли на горизонтѣ... Когда новый французскій король, желавшій добра, обнаружилъ прекрасное намѣреніе ограничить свою власть, чтобъ уничтожить старыя злоупотребленія, достигнуть высокихъ цѣлей, ввести вездѣ порядокъ и правосудіе—самыя радостныя надежды распространились въ мірѣ, и довѣрчивая молодежь вѣрила, что можетъ обѣщать себѣ, обѣщать всѣмъ современникамъ великолѣпное, чудное будущее». Этотъ энтузіазмъ, это опьянѣніе мыслью, какъ называетъ ее г-жа Сталь, нашли въ Шиллерѣ самаго краснорѣчиваго толкователя. Донъ-Карлосъ, напечатанный въ 1787 г. не что иное, какъ поэтически выраженная и поставленная на сцену мечта о человѣчествѣ, бывшая мечтою того вѣка. Маркизъ Поза представляетъ государственнаго человѣка, реформатора міра, котораго призываютъ всѣ сердца и ожидаютъ всѣ умы. «Человѣкъ значитъ болѣе того, что вы думаете; онъ разобьетъ гнетъ долгаго сна... Будьте великодушны, какъ человѣкъ сильный! Пусть изъ вашихъ рукъ льется счастіе... Будьте для насъ примѣромъ всего, что вѣчно и истинно. Посмотрите вокругъ себя на природу въ ея великолѣпіи: въ основѣ ея—свобода, и какъ она богата въ своей свободѣ! Посвятите счастію народа то могущество, которое такъ долго служило только величію трона! Возвратите человѣчеству утраченное имъ благородство!...» [10]).

Эти горячія рѣчи не пустая реторика. Шиллеръ вѣрилъ въ возможность того, чего требовалъ; вѣрилъ вмѣстѣ съ нимъ его вѣкъ, государи, государственные люди и современники. Они позволяютъ развиваться этимъ ученіямъ не изъ одного легкомыслія, равнодушія или увѣренности въ своей силѣ, не потому только, что прелесть языка скрадываетъ отъ нихъ опасность, не потому только, что общественная атмосфера насыщена была этими идеями и всѣ вдыхали ихъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ воздухомъ. Главная сущность въ томъ, что предложенія философовъ соотвѣтствуютъ тайнымъ заботамъ политиковъ; что тѣ и другіе согласны и въ исходной точкѣ, и въ цѣли, которой надо достигать: реформа, которая должна быть

---

[9]) *Mémoires de Steffens*, cités pa Tocqueville, *Mélanges*, p. 70.

[10]) Актъ III, сц. 10.

совершаема государствомъ—и въ интересѣ государства. Понять это чрезвычайно важно для уразумѣнія эпохи.

Въ глазахъ политиковъ, государство всемогуще и государственная польза преобладаетъ надъ всѣмъ. Вся политика философовъ сводится къ тому, чтобъ всемогущество государства подчинить непогрѣшимости разума или, если хотите, замѣнить государственную пользу чистымъ разумомъ. На этомъ принципѣ сходятся всѣ ученія того времени. Вольтеръ подаетъ руку энциклопедистамъ; физіократы, матеріалисты—еретики во всѣхъ другихъ вопросахъ, въ этомъ сходятся съ ортодоксальными философами. «Надо, чтобъ государство управляло согласно съ правилами соціальнаго порядка,—говоритъ Мерсье де-Ларивьеръ,—и тогда оно должно быть всемогуще». «Король долженъ царить не только надъ имуществомъ и жизнью, но и надъ мнѣніями», пишетъ Мирабо. Это понятіе о государствѣ ведетъ ихъ къ самому глубокому презрѣнію англійской конституціи: «Здѣсь,—говоритъ Летроннъ,—можно совершить реформы, моментально измѣняющія положеніе страны, между тѣмъ какъ у англичанъ такія реформы могутъ быть всегда задержаны партіями». Это презрѣніе служитъ соединительной чертой между нимъ и Руссо. «Идея представительства намъ современна, она вытекаетъ изъ феодальнаго управленія, изъ того нелѣпаго и несправедливаго правленія, которое унизило «человѣческій родъ» [11]). Онъ осмѣиваетъ «глупость англійской націи» и ставитъ ее въ видѣ пугала для своихъ современниковъ. Вся его революція состоитъ въ томъ, чтобъ перемѣстить центръ верховной власти, вернуть его къ классическому источнику, т. е. возвратить эту власть народу въ томъ смыслѣ, какой придавался народу въ древнихъ республикахъ. Но понятіе о верховной власти продолжаетъ отождествляться съ идеей государства. Цѣль революціи не уничтожить его, но овладѣть имъ; дѣло не въ томъ, чтобъ заставить его поступиться своимъ всемогуществомъ въ пользу свободы гражданъ, а въ томъ, чтобы во имя этого всемогущества принудить гражданъ принять крещеніе новой религіи. Пусть философамъ дадутъ власть только на нѣсколько часовъ, и силою государственной благодати совершится одно изъ тѣхъ чудесъ, надъ которыми они такъ охотно глумятся, но которыя кажутся имъ въ этомъ случаѣ вполнѣ естественными: измѣнится не только лицо земли, но и самая душа человѣка. Они полагаютъ, что все возможно для власти и все легко для тѣхъ, кто обладаетъ ею, даже возрожденіе Польши, даже упорядоченіе испанскихъ финансовъ, даже установленіе вѣчнаго мира [12]). «Учредите европейскую республику

---

[11]) *Contrat social*, liv. III, ch. XV. *Gouvernement de Pologne*, ch. VII.

[12]) *Сенакъ де-Мейльянъ* писалъ въ 1787: «Испанія, долгое время походила на тѣ города восточныхъ сказокъ, гдѣ все окаменѣло. Чародѣй касается своей палочкой, и все оживаетъ. Пусть только геніальный человѣкъ сдѣлается

на одинъ день, говорилъ Руссо,—и этого достаточно, чтобъ она вѣчно продолжалась... пусть намъ вернутъ Генриха IV и Сюлли, и вѣчный миръ можетъ назваться осуществимымъ проектомъ» [13]). «Идите во главѣ королей Европы,—восклицаетъ Шиллеръ;—одинъ почеркъ пера этой руки—и земля создана вновь!... Государь, вы сдѣлаете вашъ народъ счастливѣйшимъ изъ народовъ, и тогда вашей обязанностью будетъ покорить міръ [14]).

Этотъ взглядъ на государство и его реформы ведетъ реформаторовъ и революціонеровъ ко всѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ привела политиковъ доктрина государственной пользы. Главное изъ этихъ послѣдствій, съ ихъ точки зрѣнія, оправданіе государственнаго переворота; онъ становится законнымъ, коль скоро имѣетъ цѣлью торжество доктрины. Достаточно, чтобъ виновникъ переворота изучилъ философію, чтобъ заслужить одобреніе философовъ. Даже языкъ ихъ, изящный, точный и искренній, спускается до софизмовъ и унижается до странной угодливости государственной пользѣ. Они добровольно смѣшиваютъ добродѣтель съ любовью къ философіи, свободу—съ царствомъ просвѣщенія и царство просвѣщенія—съ царствомъ философовъ. Мы не будемъ удивляться, что пресловутые ученики привѣтствуютъ 18 брюмера какъ наступленіе свободы, когда вспомнимъ, что учители праздновали, какъ величайшіе успѣхи философіи, перевороты, произведенные Екатериной II и Густавомъ III [15]).

Фридриху не зачѣмъ было настроивать въ свою пользу философовъ; они восхищались имъ вполнѣ сознательно. Они ждали всего отъ «просвѣщенныхъ» государей, ни одинъ государь не могъ назваться «просвѣщеннымъ» съ такою справедливостью какъ Фридрихъ. Никогда ни одинъ государь не обладалъ въ такой высокой степени сознаніемъ своихъ правъ и уваженіемъ къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ государству: онъ былъ въ одно и то же время абсолютный властелинъ и самый ревностный служитель государства. Современники одобряютъ его доктрину и восхищаются его поведеніемъ. Отсюда громадный престижъ, которымъ онъ пользовался въ Европѣ. Онъ—король въ духѣ вѣка. Самыя великодушныя стремленія ума соединялись тогда съ самой необузданной распущенностью

министромъ финансовъ въ Испаніи, и эта чудная страна оживетъ». Sainte-Beuve. *Causeries*, t. X.

[13]) *Jugement sur la paix perpétuelle.*

[14]) *Донъ-Карлосъ*, актъ III, сц. X. Шиллеръ говоритъ, въ *письмѣ о Донъ-Карлосѣ*, что онъ хотѣлъ изобразить «самый смѣлый идеалъ республики всего человѣчества».

[15]) Geffroy. *Gustave III*, ch. VII.—Raynal. *Histoire philosophique*, liv. XIX. «Нуженъ былъ только одинъ человѣкъ и одинъ моментъ... Этотъ моментъ насталъ... Этотъ человѣкъ появился, и креатуры враждебныхъ державъ пали ницъ передъ нимъ...»

мысли; энтузіазмъ граничилъ съ цинизмомъ. Цинизмъ Фридриха, который отталкиваетъ насъ, не роняла его, точно также какъ *Дѣвственница* (*Pucelle*) Вольтера не роняла его въ глазахъ «порядочныхъ людей», какъ *Сонъ д'Аламбера* (Le rêve d'Alembert), не роняла Дидро въ глазахъ «добродѣтельныхъ людей», какъ безстыдства, разсказанныя въ *Исповѣди* Руссо, не роняли его въ глазахъ «чувствительныхъ людей». Если Фридрихъ дѣлалъ пошлости, то это было въ обществѣ остроумныхъ и великихъ людей своего времени; а развращенность его мысли только способствовала славѣ его имени. «Онъ дѣйствуетъ исключительно силою страсти и критики,—писала, печально размышляя о себѣ самой, императрица Марія-Терезія,—и однако толпа за него, это непостижимо!... Вотъ что значитъ предубѣжденіе публики! У него вездѣ крупные и мелкіе лазутчики, и бездѣлицами онъ удовлетворяетъ и содержитъ ихъ... онъ импонируетъ всѣмъ...» Эти лазутчики—самый духъ вѣка, и Фридрихъ держится его; вотъ почему у него столько льстецовъ, которые стоили такъ дешево. Въ концѣ концовъ, въ немъ стали видѣть только героя. Семилѣтняя война поставила его выше всѣхъ монарховъ: постоянство въ этой неравной борьбѣ, сила характера, обнаруживаемая имъ при пораженіи, вызвали восхищеніе современниковъ. Какъ для друзей, такъ и для враговъ, онъ сталъ Великимъ Фридрихомъ [16]). Нѣкоторые протестовали противъ раздѣла Польши; масса простила, потому что операція эта явилась шедёвромъ ловкости, и результатъ казался торжествомъ для просвѣщенія и вѣротерпимости. Одинъ только голосъ между дошедшими до насъ голосами детонируетъ въ этомъ концертѣ: это голосъ поэта, итальянца Альфіери; но онъ не былъ философомъ и съ одинаковой ненавистью преслѣдовалъ французскую революцію и короля прусскаго. Его діатрибы противъ Фридриха и его *Misogallo* вдохновлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ.

Самые знаменитые люди пали ницъ передъ Саломономъ и Семирамидой Сѣвера. Вольтеръ, вождь вѣка, открывалъ шествіе и плясалъ передъ ковчегомъ, Рейналь изливается въ восторженныхъ похвалахъ: «...Онъ заставилъ всю землю молчать отъ удивленія и заговорить отъ восхищенія... о Фридрихъ! Фридрихъ! въ тебѣ видѣли образецъ короля-воина. Есть титулъ болѣе славный, титулъ короля-гражданина... Сдѣлай счастіе Пруссіи... Дерзай, и дай покой землѣ» [17]). Королю прусскому недоставало кротости. Дидро находитъ, что Екатерина—совершенство: «О! друзья мои,

[16]) Mirabeau. *Monarchie Prussienne*, t. I, liv. I, p. 98.—Сравните у Боссюета, *Discours*, 3 part., ch. IV, портретъ Александра, классическаго идеала, героя; «Дарій былъ справедливъ, мужественъ, великодушенъ, любимъ своими народами... но сравните его съ Александромъ, и вы легко поймете, на чьей сторонѣ побѣда» и пр...

[17]) *Histoire philosophique*, liv. ch. X.

какая государыня! Вы не можете не сознаться, что это душа Брута при внѣшности Клеопатры!» [18]). Руссо самъ готовъ бы преклониться, но требовалъ лишь небольшой жертвы своимъ богамъ [19]). «Возьмите прочь эту шпагу, которая меня оскорбляетъ... Испытай хорошенько твое сердце, о Фридрихъ! Рѣшишься ли ты умереть, не сдѣлавшись самымъ великимъ изъ людей? Да увижу я, что Фридрихъ, справедливый и внушающій страхъ Фридрихъ, даетъ наконецъ счастіе народу въ своемъ государствѣ и дѣлается его отцомъ! и тогда врагъ королей Жанъ-Жакъ Руссо умретъ отъ радости у подножія его трона». Мирабо, который съ такой удивительной проницательностью понялъ недостатки прусскихъ учрежденій, также начинаетъ пѣть хвалебную пѣснь и прославляетъ «трансцендентальную просвѣщенность» этого Фридриха, отнынѣ славнаго между сынами человѣческими. Онъ восхваляетъ «смѣлость его мысли, проницательность его ума, энергію его благоразумія, твердость его характера, глубину его сужденія, его великую душу». Онъ превозносилъ его за то, что онъ сдѣлалъ свое государство въ смыслѣ науки абсолютизма тѣмъ, чѣмъ былъ Египетъ для древнихъ, желавшихъ научиться мудрому правленію, и заканчиваетъ такими словами: «Если Пруссія погибаетъ, то искусство управлять государствомъ вернется къ младенческому состоянію» [20]).

Реформаторы взываютъ къ государямъ, этого требуютъ ихъ доктрины; кромѣ того, только отъ монарховъ могутъ они ждать приложенія своихъ реформъ. Всѣ сеймы, штаты, совѣщательныя собранія являются врагами новшествъ и ревнивыми охранителями своихъ привилегій. Все, что сдѣлано для улучшенія участи народа и всѣ усовершенствованія системы управленія, сдѣлано государями вопреки представительнымъ собраніямъ. Въ Швеціи, Германіи, Польшѣ, Венгріи и въ Богеміи этому противодѣйствуютъ сеймы и дворянство, подобно тому, какъ во Франціи парламентъ оспаривалъ проектъ Тюрго. «Тамъ, гдѣ провинціальные съѣзды сохранили свою древнюю конституцію, они скорѣе задерживаютъ прогрессъ цивилизаціи, чѣмъ способствуютъ ему, говоритъ Токвилль; они какъ будто чужды и непроницаемы для новаго духа времени. Потому-то и сердце народа ускользаетъ отъ нихъ и стремится къ государямъ [21]). Философы доказываютъ королямъ, что для нихъ нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлаться милосердными, дѣлаясь сильными. Они предлагаютъ имъ средства составить

---

[18]) *Lettres à mademoiselle Voland.*

[19]) *Lettre à Frédéric*, 30 окт. 1762.

[20]) *Monarchie prussienne*, liv. VIII.—Первымъ лозунгомъ Бонапарта, временъ консульства было: Фридрихъ II и Дюгоммье.—Fervel, *Campagnes de la Révolution française dans les Pyrénées orientales.*—Paris, 1861, t. II, p. 196—198.

[21]) *L'Ancien Régime*, liv. I, ch. IV.

счастіе человѣчества, увеличивая свое могущество. Союзъ между королями и философами вполнѣ естественъ. Королямъ нужно увлечь за собою общественное мнѣніе: оно въ рукахъ философовъ; философамъ нужна поддержка сильной руки—короли ея протягиваютъ. Тѣ и другіе работаютъ для себя: короли—для торжества абсолютной власти, философы—для наступленія царства просвѣщенія; но исходная точка у нихъ общая и они за-одно борются противъ обветшалаго прошлаго. Вотъ почему государи такъ спокойно относятся къ дерзости философовъ, и такъ снисходительны къ ихъ задору. Они думаютъ, что держатъ ихъ въ рукахъ и всегда могутъ вести, куда хотятъ; они видятъ въ нихъ вспомогательный корпусъ застрѣльщиковъ, кондотьеровъ своихъ армій; однимъ словомъ, они пользуются ими и не боятся ихъ. Для этихъ государей философія—орудіе власти и забава. Фридрихъ и Екатерина любили французскихъ философовъ, подобно тому, какъ Францискъ I любилъ итальянскихъ артистовъ, а Людовикъ XIV—парижскихъ поэтовъ [22]). Можетъ быть это было въ родѣ склонности Людовика XI и одной изъ Медичи къ алхимикамъ и астрологамъ. Великіе практическіе политики всегда любили поиграть съ пророками. Впрочемъ въ этой любви къ литературѣ былъ и свой расчетъ. Какія газеты могли сравниться съ перепиской Вольтера, Дидро и д'Аламбера? Разносимые этими чудесными вѣстниками, «крылатыя слова» государей облетали всю Европу. Эта «оффиціозная пресса» работала для безсмертія. «Просвѣщенные» государи убѣждались такимъ образомъ, что о нихъ будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока существуетъ французскій языкъ и умные люди.

Но ѳиміамъ философовъ не кружилъ имъ головы; они сохраняли свою серьезность и хладнокровіе. Они вѣрили вліянію звѣздъ только въ томъ случаѣ, если эти звѣзды вели ихъ, куда они сами хотѣли. Въ этомъ отношеніи монархи стояли выше своихъ знаменитыхъ льстецовъ. Если одинъ изъ послѣднихъ забывался до того, чтобъ претендовать на роль государственнаго совѣтника, Екатерина высокомѣрно и насмѣшливо призывала къ порядку, какъ истая нѣмка. Дидро, который вовсе не былъ дипломатомъ, удивлялся однажды, что его рѣчи, къ которымъ царица относилась такъ восторженно, производятъ такъ мало дѣйствія. «Съ вашими великими принципами,—отвѣчала она ему,—вы можете написать много прекрасныхъ книгъ и надѣлать много плохихъ дѣлъ. Вы забываете разницу въ нашихъ двухъ положеніяхъ. Вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ; я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая, напротивъ раздра-

---

[22]) *Catherine II et la Révolution française. Essais d'Histoire et de critique.* Paris, 1883.

жительна и щекотлива» [23]). Она не вѣрила ни во врожденную доброту человѣка, ни въ безконечное совершенствованіе человѣчества. «Моралисты,—говорила она,—стараются исправить злоупотребленія; но вѣрно ли, что люди способны на извѣстное совершенствованіе? Они все усовершенствовали: знанія, искусства, даже природу; но человѣкъ всегда стоитъ на одной точкѣ» [24]). Надъ «чувствительностью» она смѣялась; *Contrat social* возбуждалъ въ ней тошноту. Фридрихъ въ душѣ презиралъ философовъ и давалъ имъ это сильно чувствовать, если имъ приходило въ голову понимать буквально его сарказмы и напоминать прусскому королю разглагольствованія философа Санъ-Суси въ пріятельской бесѣдѣ, за стаканомъ вина и сытнымъ ужиномъ. Онъ имъ напоминалъ тогда о практическомъ разумѣ, о терпимости, которую, по его мнѣнію, они такъ грубо понимали [25]), о потребностяхъ правительства, въ которыхъ они ничего не смыслили. Философы никогда не достигали той высоты трансцендентальнаго скептицизма, съ которымъ онъ судилъ о нихъ.

Зато философы царствовали при дворахъ слабыхъ государей такъ же деспотично, какъ и въ парижскихъ салонахъ. Тамъ за ними ухаживали, ими восхищались и слѣпо слѣдовали за ними. Тамъ подражали Фридриху и Екатеринѣ, которые давали тонъ; брали за образецъ Францію, которая создаетъ моду и, наконецъ, просто плыли по теченію. Вѣтеръ благопріятствуетъ реформамъ, море—реформаторамъ: приглашая Тюрго въ свой совѣтъ и довѣряя ему управленіе государствомъ, Людовикъ XVI слѣдовалъ лишь примѣру королей своего дома и вообще всѣхъ европейскихъ государей.

III.

Это былъ вѣкъ знаній, царствованія просвѣщенныхъ государей и министровъ-философовъ. Разсмотримъ спутниковъ блестящихъ планетъ Петербурга и Берлина. На сѣверѣ былъ одинъ принцъ, въ которомъ всѣ современники видѣли черты великаго человѣка—это Фердинандъ, герцогъ брауншвейгскій, знаменитый пока только трагическими неудачами своей жизни. Мирабо, который сравнивалъ его съ Алкивіадомъ, думалъ, что онъ одинъ способенъ продолжать въ Пруссіи дѣло Фридриха. Въ 1792, главные вожди революціи думали, что только онъ способенъ продолжать дѣло Генриха IV. «Ему недостаетъ только короны,—писалъ впослѣдствіи журналистъ-революціонеръ,—чтобъ быть, не говорю, величайшимъ изъ королей, но возстановителемъ свободы въ Европѣ». До самаго 1799 г. во Франціи были по-

[23]) Ségur. *Mémoires*, t. III.

[24]) *Lettres au comte Chernichef*, 1780. *Publications de la societé d'histoire de Russie*

[25]) Письма къ Вольтеру, а именно письмо отъ 7 августа 1766 г.

литики, осторожные, какъ напримѣръ Талейранъ, и разсудительные, какъ Сійесъ,—желавшіе довѣрить ему дѣло Бонапарта [1]). За герцогомъ Брауншвейгскимъ идетъ цѣлое шествіе нѣмецкихъ государей, покровителей искусства, друзей человѣчества: Карлъ Августъ веймарскій, министромъ котораго былъ Гете; Карлъ Фридрихъ баденскій, изучавшій политику въ школѣ маркиза Мирабо, Жозефъ Эммерихъ, курфирстъ майнцскій, занимавшійся философіей, Клементъ саксонскій, епископъ трирскій, считавшій себя литераторомъ. Густавъ III въ Швеціи, Карлъ III въ Неаполѣ и Испаніи, Леопольдъ австрійскій въ Тосканѣ заключаютъ кортежъ. Іосифъ II группируетъ ихъ вокругъ своего императорскаго трона.

Рядомъ съ Шуазелемъ, Малербомъ, Тюрго, Неккеромъ, которыхъ французскіе философы считаютъ своими людьми, стоятъ имена тѣхъ правителей въ Европѣ, въ которыхъ она видитъ учениковъ или друзей. Въ Пруссіи—это принцъ Генрихъ, братъ Фридриха, большой охотникъ давать совѣты и создавать проекты; главнокомандующій Меллендорфъ; Кармеръ, составитель свода законовъ; Струэнзе, министръ и преобразователь финансовъ; Зедлицъ и Герцбергъ, ученики великаго короля; Домъ, посредникъ Фридриха въ Германіи; Гольцъ—его представитель въ Парижѣ. Монжела задается цѣлью возрожденія Баваріи; Фюрстенбергъ въ Мюнстерѣ, Стадіонъ въ Майнцѣ, Абель въ Штутгардѣ посвящаютъ себя подобному же дѣлу. Струэнзе добивался возрожденія Даніи, Бернсторфъ продолжаетъ его дѣло, Болѣе робкіе, болѣе осторожные, въ особенности, болѣе сдержанные, но проникнутые тѣми же идеями и движимые тѣмъ же дыханіемъ вѣка—Ванъ-Смитенъ, Зонненфельсъ, Мартини и Ригеръ—служили своими совѣтами Маріи-Терезіи. Пламенный философъ Тануччи стоитъ во главѣ правленія въ Неаполѣ. Въ то же правительство приглашаютъ самаго кроткаго и убѣжденнаго изъ реформаторовъ Филанджьери. Вилламарина, Самбукка. Караччіоло пытались цивилизовать Сицилію. Дю-Тилло пользовался большою властью въ Пармѣ, гдѣ Кондильяку поручено было образованіе наслѣдниковъ престола. Съ Верри и Беккаріа совѣтуются въ Ломбардіи; Нери, Таванти, Манфредини участвуютъ въ управленіи Тосканою; къ философамъ принадлежатъ также Помбаль въ Португаліи, Аранда, Гримальди, Флорида-Бланка, Кампоманесъ въ Испаніи, баронъ Крейцъ и баронъ Сталь—въ Швеціи.

Подъ ихъ вліяніемъ повсюду, особенно въ Германіи и Италіи, поощрялась интеллектуальная культура: расширялись школы, открывались университеты; въ Пруссіи господствовала вѣротерпимость. Густавъ III вводилъ ее въ свои владѣнія; даже епископы признали преимущества религіозной терпимости.

---

[1]) *La Revue Historique*, I, p. 154. *La mission de Custine à Brunswick en* 1792. Roederer. *Oeuvres*. Paris 1856. III, p. 449.

Въ 1783 году трирскій курфистъ-епископъ издалъ указъ въ пользу диссидентовъ, въ которомъ говоритъ: «Съ одной стороны, наша святая религія, отдаляя отъ себя всякую тѣнь преслѣдованія, будетъ еще болѣе достойна благоговѣнія; съ другой стороны, благодаря пребыванію богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, разовьется торговля, бѣдняки, не имѣвшіе работы, получатъ ее, и сокровища иностранныхъ земель будутъ привозиться въ наше отечество». Крѣпостное состояніе начинаетъ приходить въ упадокъ; оно слабѣетъ въ Пруссіи при Фридрихѣ; въ Богеміи, въ Моравіи, въ Галиціи и Венгріи—при Іосифѣ II. Въ Баденѣ оно упразднено въ 1783 г., въ Даніи въ 1788 г. Вездѣ стараются уменьшить барщину, смягчить тяжелую участь крестьянина.

Уголовные законы исправляются; употребленіе пытокъ, уничтоженныхъ въ Тосканѣ и въ Швеціи, значительно ограничено въ герцогствѣ Баденскомъ, въ Даніи и Австріи. Реформа гражданскихъ законовъ сложнѣе, потому что обнимаетъ собою реформу основныхъ законовъ государства. Франція показала намъ это въ 1789 г. Тѣмъ не менѣе ею всюду занимаются, и всегда въ одномъ направленіи.

Было много фантасмагорій въ большомъ собраніи, созванномъ Екатериной въ 1766—1768 гг., чтобы выработать россійскій сводъ законовъ, но дань, которую московскіе законодатели отдаютъ идеямъ вѣка тѣмъ не менѣе достойна примѣчанія. «Народъ не созданъ для государя, но государь—для народа. Равенство для гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы повиноваться одному закону, свобода—это право дѣлать все, что не запрещено закономъ. Лучше пощадить десять виновныхъ, чѣмъ погубить невиннаго. Пытка—прекрасное средство погубить невиннаго и спасти виновнаго съ крѣпкимъ здоровьемъ». Даже комитеты конвента не отказались бы отъ этихъ правилъ

Прусскіе законодатели принялись за дѣло несравненно серьознѣе. Хотя кодексъ, выработанный Фридрихомъ съ помощью государственныхъ людей и самыхъ опытныхъ юрисконсультовъ, былъ обнародованъ только въ 1794 г., при его преемникѣ, но онъ принадлежитъ, по своему происхожденію и принципамъ, къ періоду «просвѣщеннаго правительства», мало того, онъ представляетъ самое знаменательное проявленіе этого періода [2]). Для обозначенія верховной власти употребляется только одно слово «государство». Такимъ образомъ, личность государя поглощается государствомъ и сливается съ нимъ. Государь—представитель государства, а государство—представитель общества. Благо государства и его подданныхъ есть цѣль общества и предѣлъ закона. Каждый членъ общества долженъ трудиться для общаго блага, т. е. для блага государства. Права личности должны преклониться передъ

[2]) Tocqueville, *Ancien Régime*, Appendice, Philippson t. I, ch. IV.—t. II, p. 198 202; *Instruction* 1796, pour le gouvernement de Pologne.

общей пользой, государство обязано только вознаградить личность за собственность, которую оно отнимаетъ. Законы и распоряженія государства могутъ ограничивать естественную свободу и права гражданъ только въ виду общей пользы. Общія права людей основываются на естественной свободѣ каждаго стремиться къ тому, что она считаетъ благомъ, если оно не вредитъ праву другого. Миссія главы государства состоитъ въ томъ, чтобы распространять общее благо; онъ уполномоченъ направлять къ этой цѣли всѣ дѣянія личностей. Онъ составляетъ законы, отправляетъ правосудіе и охраняетъ гражданъ. Онъ долженъ доставлять каждому средства для развитія своихъ способностей и рессурсовъ, чтобы каждый воспользовался ими наиболѣе выгодно для себя и для государства.

Это настоящая *декларація правъ государства и государя.* Этотъ типъ правительства въ сущности очень близокъ къ тому, который одержалъ верхъ во Франціи VIII года. Когда одинъ изъ знаменитѣйшихъ пророковъ революціи, Сійесъ, старался примирить съ требованіями абсолютизма доктрины *Contrat social* и формы народнаго суверенитета, онъ былъ вовсе не такимъ новаторомъ, какимъ его считали и какимъ онъ самъ себя считалъ. Въ 1781 г. одинъ тосканскій сенаторъ, Джіанни, составилъ для своего отечества планъ идеальной конституціи; она подвергалась голосованію народа, который на это время получалъ полную свободу [3]). Великій герцогъ Леопольдъ, на разсмотрѣніе котораго она была представлена, и не думалъ ее примѣнять, но восхищался подробностями и одобрялъ ея основы. Это видно изъ очень интереснаго письма его къ сестрѣ Маріи-Христинѣ въ 1790 г., заключающаго какъ бы изложеніе принциповъ просвѣщеннаго государя [4]) «....Я думаю, что всякій государь, даже наслѣдственный, не что иное, какъ делегатъ народа, для котораго онъ созданъ..... Въ каждой странѣ долженъ быть основной законъ или договоръ между народомъ и государемъ, который ограничиваетъ власть послѣдняго; если государь его нарушаетъ, то онъ фактически отказывается отъ того мѣста, которое ему предоставлено только на этомъ условіи; ему не обязаны больше повиноваться. Исполнительная власть въ рукахъ государя; но законодательная въ рукахъ народа и его представителей; народъ при каждой перемѣнѣ государя можетъ прибавлять новыя условія; государь долженъ отдавать ежегодный отчетъ въ распредѣленіи общественныхъ доходовъ, онъ не имѣетъ права вводить произвольно налоги. Онъ долженъ отдавать отчетъ и получать одобреніе для всѣхъ измѣненій въ системѣ, для новыхъ законовъ и проч. Наконецъ, я думаю, что государь долженъ царствовать только по-

---

[3]) Cantu, liv. XV, ch. CLXVII.

[4]) Wolf, *Marie Christine et Léopold II.* Vienne 1867—Franchetti, t. I, note 2, p. 38.

средствомъ закона и что народъ—его помощникъ, что народъ не можетъ отказаться или лишиться по предписанію, ни по молчаливому или вынужденному согласію, неотъемлемаго права, даннаго ему природою; въ силу этого права онъ захотѣлъ имѣть государя, т. е. дать ему преобладаніе, въ виду дополненія счастья и благоденствія, и не такъ, какъ онъ хочетъ, но какъ хочетъ народъ, потому что единственная цѣль общества и правительства заключается въ счастіи отдѣльныхъ личностей».

Я часто цитировалъ книгу *Institutions politique* Бильфельда; въ ней мы находимъ не только описанія правительствъ, но и пожеланія, такъ сказать «записки» правителей. Книга эта, написанная для назиданія одного прусскаго юнаго принца, была поставлена Екатериною Великою въ ея библіотекѣ рядомъ съ книгою Монтескье [5]). Реформы, получившія осуществленіе, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя предполагалось совершить. Повсемѣстная вѣра во всемогущество декрета привела къ убѣжденію въ силу формулъ и дѣйствительность аксіомъ. Политическая наука заключается въ умѣньѣ извлекать изъ нихъ выводы, а практическая политика—въ примѣненіи этихъ выводовъ на практикѣ. Такимъ образомъ, искусство управлять сводится къ элементамъ государственной геометріи. «Ихъ идеальная конституція,—пишетъ нѣмецкій публицистъ Мезеръ, оспаривавшій эти доктрины,—должна обладать единообразной красотой французской трагедіи, и помѣщаться по крайней мѣрѣ въ разрѣзѣ и въ чертежѣ на маленькомъ листочкѣ бумаги, такъ что чиновнику достаточно взять масштабъ, чтобъ вымѣрять размѣры и приступать къ исполненію» [6]).

Въ этомъ отношеніи духъ вѣка сказался всего полнѣе не въ Фридрихѣ, а въ Іосифѣ II. Фридрихъ родился учителемъ, Іосифъ родился ученикомъ, а о школахъ судятъ по ученикамъ. Фридрихъ II сдержалъ, такъ сказать, потокъ запрудою, сберегъ воду и эксплоатировалъ теченіе: Іосифъ бросился въ волны и отдался теченію. Въ личности Фридриха государственный человѣкъ всегда преобладаетъ надъ философомъ: онъ—иниціаторъ и вершитель, философъ играетъ второстепенную роль; онъ даетъ дѣламъ, которыя совершилъ политикъ, отвлеченное raison d'être и теоретическое оправданіе. У Іосифа разсудочное понятіе всегда предшествуетъ политическому расчету и управляетъ имъ. У него былъ довольно широкій, но поверхностный умъ: идеи скользили по немъ; была склонность къ великодушію и страстное стре-

---

[5]) «Онъ рисуетъ намъ съ необыкновенною отчетливостью то состояніе, которое можно назвать политической и административной цивилизаціей Европы въ восемнадцатомъ столѣтіи». Sayoux, *Le dix-huitieme siècle à l'étranger,* liv. III, ch. III, Paris 1861.

[6]) Häusser, liv. I, ch. II.—Geffroy, *Gustave* III, t. I, p. 151. Мысли графа д'Ескаръ о реформахъ, предложенныхъ Баварскому курфирсту Томсономъ, который сдѣлался впослѣдствіи барономъ Румфордомъ.

мленіе къ величію, но глубоко заложено было одно честолюбіе, которое къ тому же всегда подчинялось внѣшнимъ импульсамъ. Онъ хотѣлъ превзойти Фридриха; все поведеніе его представляло неловкое, неосторожное и нелѣпое подражаніе этому государю. Онъ былъ его идеаломъ, его героемъ, а исторія сдѣлала его соперникомъ. котораго онъ копировалъ и въ то же время ненавидѣлъ. Политическій геній Фридриха сотканъ былъ изъ здраваго смысла и чувства мѣры; у Іосифа замѣчалось полнѣйшее отсутствіе сдержанности и умѣренности. Это человѣкъ системъ и широкихъ, но не осуществляемыхъ, замысловъ. Воспитаніе онъ получилъ посредственное и чисто іезуитское по системѣ. Въ эту узкую форму онъ набросалъ понятія, наскоро заимствованныя у французскихъ философовъ, особенно у экономистовъ. Такимъ образомъ составился очень неопредѣленный идеалъ политическихъ стремленій и преувеличенное понятіе о власти, находящейся въ его распоряженіи. «Съ той поры, какъ я вступилъ на престолъ и ношу первую корону въ мірѣ,—писалъ онъ въ 1781,—я сдѣлалъ философію законодательницей моей имперіи. Ея логическія примѣненія преобразятъ Австрію».

Онъ начинаетъ реформы повсюду и всѣ разомъ. Для него исторія не существуетъ, традиціи и историческій опытъ—не дѣйствительны. Нѣтъ ни расы, ни времени ни среды, есть одно государство, и оно всемогуще. Въ 1782 г. онъ пишетъ епископу страсбургскому: «Въ государствѣ, управляемомъ согласно съ моими принципами, должны исчезнуть предразсудки, фанатизмъ, рабство духа, и каждому изъ моихъ подданныхъ будутъ возвращены его естественныя права». Ему нужно единство и, какъ главное условіе, tabula rasa. Но по волѣ судьбы, почвой, надъ которой ему пришлось работать, было государство самое разнородное, безсвязное, изрѣзанное, раздробленное и раздѣленное перегородками, какое только существовало въ Европѣ. Между его подданными не было ничего общаго: ни языка, ни традицій, ни интересовъ. По мнѣнію Іосифа, это было главнымъ недостаткомъ его монархіи. «Нѣмецкій языкъ есть повсемѣстный языкъ моей имперіи. Я—императоръ Германіи, и владѣнія мои не что другое какъ провинціи, составляющія одно тѣло съ тѣмъ государствомъ, во главѣ котораго я стою. Будь Венгрія самымъ важнымъ изъ моихъ владѣній, я не колеблясь ввелъ бы ея языкъ въ другія страны». И такъ онъ навязываетъ нѣмецкій языкъ венграмъ, кроатамъ, чехамъ, полякамъ, всѣмъ славянамъ. Онъ упраздняетъ старое территоріальное дѣленіе, такъ какъ оно напоминаетъ послѣдовательныя накопленія, неправильные наносы, образовавшіе монархію. Іосифъ II установилъ 13 губернаторствъ и раздѣлилъ ихъ на округи. Сеймы исчезаютъ, управленіе переходитъ къ интендантамъ по французскому образцу. Въ городахъ, выбранный го-

сударствомъ бургомистръ становится чиновникомъ. Дворяне теряютъ и то небольшое участіе, какое они имѣли въ управленіи. Онъ налагаетъ на нихъ подать, облагаетъ податями и духовенство; онъ мечтаетъ объ установленіи налога, пропорціональнаго доходу и обязательнаго для всѣхъ классовъ. Онъ покровительствуетъ крестьянамъ, смягчаетъ крѣпостничество, уменьшаетъ барщину, строитъ госпитали, особенно заботится о школахъ, въ которыхъ государство будетъ воспитывать покорныхъ ему питомцевъ. Его идеалъ—равенство подданныхъ подъ единообразной властью его управленія. Онъ объединяетъ законы и учреждаетъ аппеляціонные суды съ однимъ верховнымъ судомъ для всей имперіи; регламентируетъ промышленность, стѣсняетъ торговлю, вводя самую строгую покровительственную систему. Наконецъ, онъ налагаетъ руку на церковь и декретами предписываетъ вѣротерпимость. «Предоставьте свободу вѣрованія,—говорилъ онъ въ 1777—и тогда будетъ только одна религія, та, которая приведетъ всѣхъ ко благу государства». И эта громадная революція была совершена посредствомъ декретовъ менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ. Если сравнить ту сплоченность, къ которой правленіе Бурбоновъ привело Францію въ 1789, съ отсутствіемъ связи въ австрійской монархіи въ моментъ смерти Маріи-Терезіи въ 1780, то надо признаться, что революція, которую сдѣлало Учредительное собраніе очень мало значитъ въ сравненіи съ той, которую Іосифъ II намѣревался совершить [7]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ послѣдніе годы стараго режима въ континентальныхъ правительствахъ обнаруживается стремленіе къ реформамъ, аналогичное съ тѣмъ, которое наблюдается во Франціи; эти реформы, требуемыя и ожидаемыя философами отъ установленной власти, дѣлаются и въ интересахъ самой власти. Онѣ клонятся къ тому, чтобъ сдѣлать болѣе счастливыми подъ властью болѣе могущественнаго и благодѣтельнаго властелина; онѣ нигдѣ не клонятся къ тому, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе независимыми при болѣе ограниченномъ правленіи. Повсюду, на европейскомъ континентѣ, я вижу приготовленія къ соціальной и гражданской реформѣ, совершаемой государствомъ въ пользу государства, нигдѣ не вижу приготовленій къ политической реформѣ съ цѣлью ограниченія верховной власти. Я вижу повсюду элементы просвѣщеннаго абсолютизма, я вижу вездѣ прогрессъ вѣротерпимости и гражданской свободы; я не вижу нигдѣ элементовъ свободы политической. Тѣ, которые

---

[7]) Объ Іосифѣ II: Häusser, Sybel, Perthes; корреспонденціи, напечатанныя д'Арнтомъ; *Histoire d'Autriche-Hongrie par* Léger; замѣтка Fournier въ *Die deutsche Biographie*; Laveleye, *la Prusse et l'Autriche*, Paris 1860. Кромѣ того, я дѣлалъ справки въ перепискѣ и мемуарахъ, находящихся въ архивахъ иностранныхъ дѣлъ.

еще оставались со времени среднихъ вѣковъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ послѣдними слѣдами феодальной системы.

IV.

Въ средніе вѣка феодальныя учрежденія господствовали во всей Европѣ: если они еще продолжаютъ держаться теперь въ нѣкоторыхъ странахъ, то, во всякомъ случаѣ, потрясены до основанія и близки къ разрушенію [1]). Римская идея государства, распространившаяся въ Европѣ, благодаря изученію римскаго права и вліянію законовѣдовъ, стремится къ преобладанію во всей Европѣ, подобно тому, какъ одержала верхъ во Франціи. Счастіе французскихъ королей, могущество и величіе ихъ монархій ослѣпляютъ всѣхъ государей; они завидуютъ и подражаютъ имъ. Римское право, крѣпостное право, римскія учрежденія, которыя всѣ комбинированы въ видахъ интереса государства, созданы «не для свободы, но для повиновенія людей» [2]), и удивительно способствуютъ ихъ намѣреніяхъ. Легисты, толкователи этого права, становятся самыми вліятельными совѣтниками государей: они оправдываютъ ихъ страсть къ господству; ревностные министры усердно потворствуютъ страстямъ своихъ повелителей. Если я представляю себѣ государство такъ, какъ его организовалъ Римъ и какъ его понимаютъ легисты, то въ срубѣ его и главныхъ частяхъ я узнаю то же самое зданіе, которое воздвигаютъ или мечтаютъ воздвигнуть «просвѣщенные» министры, ученики философовъ, прикрывая его фасадомъ и новѣйшими украшеніями смѣшаннаго стиля. «Въ Римѣ не признаютъ границъ для реальнаго могущества государя, какъ не признавали ихъ для теоретическаго суверенитета народа» [3]). Государь командуетъ арміями, заключаетъ миръ, объявляетъ войну, взимаетъ налоги, опредѣляетъ ихъ размѣры, регулируетъ расходы. Онъ имѣетъ право конфискаціи, онъ создаетъ аристократію, онъ—верховный судья и первосвященникъ: «онъ держитъ религію въ рукахъ и имѣетъ право надзора надъ всѣми жрецами». Онъ совмѣщаетъ въ себѣ администрацію, правосудіе, законъ, религію; онъ—властелинъ всего и опекунъ всѣхъ. Его помощникъ, сенатъ, не что иное, какъ государственный совѣтъ, совѣщательная комиссія. Это государство Людовика XIV, это государство Фридриха, это государство Іосифа II.

Во всѣхъ критическихъ положеніяхъ правительства прибѣгаютъ исключительно къ одному средству: натянуть посильнѣе пружину и продолжить ея дѣйствіе, уничтожить все, что ей мѣшаетъ, даже все, что ее задерживаетъ или стѣсняетъ. Государство желаетъ имѣть только дисциплинирован-

---

[1]) Tocqueville. *L'Ancien Régime*, liv. I, ch. IV; *Mélanges du Consulat à l'Empire.*

[2]) Fustel de Coulanges. *Histoire des Institutions*, t. I, p. 66.—[3]) Ibid., p. 73.

ныхъ, молчаливыхъ и подобострастныхъ агентовъ для отправленія своихъ функцій. Казна (фискъ) служитъ поставщикомъ, полиція—двигателемъ государственной машины; все остальное—не что иное, какъ передаточные ремни. Эта машина все поглощаетъ: она мететъ территорію и сглаживаетъ ее. Такъ Петръ I завелъ ее въ Россіи, такъ она работаетъ въ Пруссіи, такъ Іосифъ II ввелъ ее въ Австрію, такъ повсюду однимъ и тѣмъ же заступомъ расчищаются ланды, непроходимые лѣса, подкапываются стѣны старыхъ замковъ; одинъ и тотъ же плугъ проходитъ по однѣмъ и тѣмъ же развалинамъ и однѣ и тѣ же грабли выравниваютъ почву. Монтескье пугается этого; онъ видитъ, что рушатся всѣ преграды, отдѣлявшія монархію отъ произвола; онъ видитъ, что монархія подрываетъ свои собственныя основы и шатается подъ своей собственной тяжестью. Изумительно-глубокія главы своего *Духа законовъ* [4]), гдѣ говорится объ извращеніи принциповъ, онъ посвящаетъ государственнымъ людямъ, но государственные люди его времени не внимаютъ ему, а тѣ, которые за ними слѣдуютъ, внимаютъ еще менѣе.

Въ Германіи, императоръ австрійскій стремится поглотить имперскія владѣнія подобно тому, какъ во Франціи первый изъ Капетовъ поглотилъ крупныхъ феодаловъ и крупныхъ вассаловъ. Онъ работаетъ надъ расширеніемъ своихъ прерогативъ, подобно тому, какъ французскіе короли расширяли свою юрисдикцію и свое верховное главенство. Онъ оспариваетъ имперскую конституцію и гарантировавшіе ее трактаты 1648 г., старается отмѣнить ее по мелочамъ, отучить отъ пользованія ею и, тѣмъ самымъ, сдѣлать ее негодною; силится подорвать ее рядомъ послѣдовательныхъ нарушеній. Въ инструкціи, составленной въ 1774, для одного французскаго агента, посланнаго въ Вѣну, говорится [5]): «Императорскіе публицисты называютъ этотъ основный и священный законъ настоящимъ *палладіумомъ* германской свободы,—одряхлѣвшимъ, полуразрушеннымъ отъ перемѣнъ, вызванныхъ временемъ и обстоятельствами, актомъ. Они хотѣли бы взять за образецъ управленія законы, созданные римскими императорами, которымъ германскіе только подражали. Эти публицисты были бы не прочь, чтобъ пустыя почести и пустыя формулы, сохранившіяся, благодаря педантству и невѣжеству, сдѣлались формальными правами абсолютной власти». Въ Богеміи, Марія-Терезія собираетъ сеймъ только для того, чтобъ онъ утвердилъ ея декреты или вотировалъ новыя субсидіи. Всѣ административныя дѣла собранія перенесены въ государственный совѣтъ, который засѣдаетъ въ Вѣнѣ. Венгерскій сеймъ, долженствовавшій засѣдать ежегодно, собирается только три раза во все время царствованія Маріи-Тере-

[4]) Liv. VIII, ch. VI, VII, VIII.

[5]) *Récueil des instructions, Autriche.* Le baron de Breteuil 1774.

зіи, т. е. въ продолженіе сорока лѣтъ. То же самое происходило и съ другими съѣздами: Марія-Терезія отняла у нихъ права, Іосифъ II совсѣмъ пересталъ ихъ созывать. «Въ Германіи только второстепенные князья еще сдерживаются штатами въ назначеніи налоговъ,—пишетъ Мирабо въ 1788 г. —Прусскій король освободился отъ всякой помѣхи въ этомъ отношеніи» [6]). Второстепенные князья горѣли желаніемъ освободиться по примѣру прусскаго короля и по подобію императора. Въ человѣкѣ они видятъ только подданнаго, а въ подданномъ—матеріалъ для управленія. «Вербуютъ въ солдаты и назначаютъ налоги совершенно произвольно», съ грустью пишетъ защитникъ старинныхъ учрежденій Мозеръ; «пусть протестуютъ подданные и собранія, сколько угодно, лишь бы платили; если же платить отказываются, то самыя справедливые и самыя смиренныя возраженія вмѣняются въ преступленіе, неповиновеніе и мятежъ». Собранія, которымъ позволяется пережить самихъ себя, стараются, подобно саксонскимъ и баварскимъ штатамъ, угождать для того, чтобъ ихъ терпѣли. Въ Вюртембергѣ и Мекленбургѣ проявляются безсильныя попытки къ сопротивленію; но онѣ только раздражаютъ власть и вызываютъ репрессію. Въ имперскихъ городахъ муниципальная жизнь заглохла, и отъ республиканскихъ учрежденій остается одинъ пустой призракъ и ничего не значущія формулы [7]).

Кортесы въ Испаніи уцѣлѣли; но сзываются они только за тѣмъ, чтобъ признать государя и передать ему власть, посредствомъ которой онъ отнимаетъ у нихъ прерогативы. Королевскіе эдикты гласили: «Законъ будетъ имѣть такую же силу, какъ еслибъ кортесы его вотировали и обнародовали». Вотъ все, что оставалось отъ испанскихъ вольностей. Съ 1713 г. ни одно важное дѣло не подвергалось обсужденію кортесовъ. «Какъ ни важны нужды государства,—говорилъ Флорида-Бланка, одинъ изъ просвѣщенныхъ министровъ того времени,—берегитесь призывать на помощь кортесы; они сдѣлаются тогда вашими властителями и судьями» [8]). Такъ же думалъ Помбаль, одинъ изъ просвѣщенныхъ министровъ и любимцевъ своего вѣка: «Въ его управленіи проявлялось только желаніе присвоить себѣ власть, унизить дворянство и держать націю въ самомъ рабскомъ повиновеніи» [9]). Абсолютное правленіе, установившееся въ Даніи въ 1660 окрѣпло. Благодаря государственному перевороту Густава III, оно устано-

---

[6]) Объ установленіи и прогрессѣ централизаціи въ Пруссіи, Treitschke, *Deutsche Geschichte*, т. I. Лейпцигъ, 1882.

[7]) Perthes, t. I, ch. II.—Haeusser, t. I, liv. I, ch. II.

[8]) Baumgaten, liv. I, ch. II.

[9]) Malouet, *Mémoires*, t. I, p. 10. Paris 1874.—Marc Monnier, *Gorani*. Paris 1885 p., ch. V.

вилось и въ Швеціи. Въ Россіи не было государственныхъ сословій, и Петръ I, своею знаменитою *табелью о рангахъ*, установилъ въ ней іерархію, которая составляетъ переходъ отъ китайскаго мандаринства къ демократическому дворянству Наполеона [10]). Старинныя учрежденія сохранились въ одной Польшѣ; но всѣ добрые граждане видѣли въ нихъ худшее изъ золъ; одни враги республики поддерживали ихъ, а всѣ друзья ея старались, для пользы государства, ограничить старинныя вольности.

Въ своемъ стремленіи расширить свою власть, католическія державы встрѣчаютъ только одного грознаго противника—церковь, которая со времени среднихъ вѣковъ занимаетъ господствующее мѣсто и надѣется сохранить его за собою. Развитіе ея политическихъ принциповъ и ея учрежденій шло тѣмъ же ходомъ, какъ развитіе государства. Значеніе собора уменьшается и сглаживается, подобно остальнымъ представительнымъ собраніямъ среднихъ вѣковъ. Папство, которое первенствуетъ на немъ, старается его поглотить и стремится къ абсолютизму и непогрѣшимости. Папскіе теологи, воспитанные въ той же школѣ, какъ и королевскіе легисты, задаются тою же цѣлью. Церковь, какъ они ее понимаютъ, есть римское государство въ области религіи. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ антагонизмъ между этими двумя могуществами, которыя постоянно соприкасаются, взаимно проникаютъ другъ друга, требуютъ главенства. Сверхъ того, государство обременено долгами и вѣчно нуждается; церковь богата; ея имущества не подлежатъ фиску и служатъ для государства постояннымъ предметомъ раздраженія и вожделѣнія. Большинство политиковъ находятъ, что въ этомъ отношеніи схизма имѣетъ свои преимущества, и даже самая ересь не лишена нѣкоторыхъ основаній. «Католическіе государи,—писалъ Вольтеръ одному русскому,—не настолько смѣлы, чтобъ объявить, что церковь должна зависѣть исключительно отъ законовъ монарха.... Только ваша знаменитая монархиня съумѣла удержать въ повиновеніи духовенство» [11]). Государи, поработившіе знать, подчинившіе или разсѣявшіе собранія, не допускали, чтобъ въ ихъ имперіи существовало многочисленное, богатое, могущественное и дисциплинированное сословіе, признававшее верховную власть государя, который считался главою всѣхъ католическихъ государей, управлялъ совѣстью, распоряжался душою своихъ подданныхъ и, для отправленія своей грозной власти, входилъ въ святилище, недоступное для ихъ полиціи. Людовикъ XIV пытался, если не ворваться въ него силой, то по крайней мѣрѣ окружить его и овладѣть путями сообщенія. Онъ не переставалъ воевать на границахъ церкви и не разъ переступалъ ихъ и овладѣвалъ ею. Не для того изгналъ онъ гугенотовъ изъ королевства,

[10]) Anatole Leroy-Beaulieu, *l'Empire des Tsars*, t. I, p. 351.

[11]) Письмо къ Шувалову, 3 декабря 1768.

чтобъ отнять его въ руки ультрамонтановъ: онъ не хотѣлъ имѣть въ своемъ государствѣ ни партій, ни интриганствъ и особенно властелиновъ отмѣна папскаго «Index», и исключеніе изъ французскаго лексикона, это двѣ главы одной и той же книги. Въ такой-то школѣ молодые Бурбоны научились регулировать отношенія между государствомъ и церковью.

Съ самаго начала царствованія Филиппа V до конца царствованія Карла III, т. е. болѣе семьдесятъ лѣтъ, они не переставали бороться за главенство короля противъ главенства церкви. Они съуживаютъ предѣлы ея юрисдикціи, отмѣняютъ ея право убѣжища, уничтожаютъ ея исходъ, уменьшаютъ ея правоспособность въ дѣлѣ пріобрѣтенія имущества, лишаваютъ духовныхъ большинства, чтобъ лишить ее добычи [19]. Арандъ, Флоридъ-Бланка, Кампоманесъ принимаютъ участіе въ этой борьбѣ: они употребляютъ всѣ усилія, чтобы, вырвавши изъ рукъ попаству, вырвать преподаваніе. Помбаль выгоняетъ ихъ изъ Португаліи. Карлъ III, будучи на испаньолскомъ престолѣ, начаръ то тѣмъ, которое принадлежалъ на мадридскомъ. Тануччи, министръ-фаворитъ этого «просвѣщеннаго» государя, «пользуясь высшей независимой властью, которую король получалъ непосредственно отъ Бога, неразрывно связанной съ суверенитетомъ, въ силу его всемогущества», изгналъ духовенство изъ школъ и школъ, сдѣлалъ бракъ гражданскимъ договоромъ и запретилъ печатать папскія буллы безъ разрѣшенія королевской власти. Фердинандъ IV, наслѣдовавшій въ 1759 королю Карлу, закрылъ монастыри и запрещалъ епископамъ рукополагать другъ друга. Въ Пармѣ Дю-Тилло, министръ Фердинанда, совершаетъ съ Тануччи одинъ отдѣльности въ роли, которую Парма должна увеличивать папскому престолу, задерживаетъ буллы, жалуетъ бенефиціи, запрещаетъ духовнымъ учрежденіямъ, наслѣдовавшимъ вымершимъ имѣнія, пріобрѣтать недвижимости; запрещаетъ монахамъ получать наслѣдства. Леопольдъ Тосканскій представляетъ собѣ попеку папскихъ буллъ, уничтожаетъ суть инквизиторы, упраздняетъ монастыри, конфискуетъ и ограничиваетъ публичные школы. Дошелъ это переходъ даже венеціанской республикѣ, которая принимается подрывать монастыри [20].

Германскіе князья-епископы поступаютъ такъ же, какъ свѣтскіе государи въ Италіи. Въ своихъ отношеніяхъ съ Римомъ, они часто объявляютъ, что они епископы, но никогда не забываютъ, что они государи. Великій курфюрстъ, младшій братъ Іосифа II и Леопольда, преобразуется въ

[19] Съ 1746 до 1760 онъ сожгъ только десять человѣкъ, съ 1759 п. 1786—четырехъ.

[20] Саутт. т. X, разныя.

своемъ курфиршествѣ съ правилами старшихъ братьевъ. Въ 1785 епископы трирскій, майнцскій, кельнскій и страсбургскій сообщили римскому двору, какія прерогативы желаютъ сохранить: одною изъ главныхъ была цензура буллъ. Они грозятъ созвать національный соборъ, если имъ не сдѣлаютъ этой уступки [14]). Марія-Терезія была набожна, даже ханжа, но прежде всего была императрицей. Она запретила нунціямъ путешествовать въ своихъ владѣніяхъ, епископамъ—переписываться непосредственно съ Римомъ, священникамъ—участвовать въ составленіи завѣщаній. Изъ одного донесенія, сдѣланнаго ей въ 1769 канцлеромъ Кауницомъ, видно, какъ власть, выказывавшая наибольшее уваженіе къ правамъ церкви, думала регулировать свои сношенія съ ней [15]). Напомнивъ, что «въ продолженіе многихъ вѣковъ невѣжества и суевѣрія» папы, избавившись зависимости отъ императоровъ, сами хотѣли подчинить ихъ себѣ, канцлеръ прибавилъ: «Желаютъ ли принудить къ соблюденію законовъ, существующихъ относительно пріобрѣтенія выморочныхъ имуществъ, столь вредныхъ для необходимаго имущественнаго равновѣсія? Желаютъ ли обложить налогомъ свѣтскія имущества духовенства, которыя, по праву и по разуму, въ этомъ отношеніи уравнены съ имуществомъ остальныхъ подданныхъ и гражданъ государства? Желаютъ ли положить предѣлъ вліянію духовенства на цензуру, на гражданскія послѣдствія брака, на наслѣдства, сократить число праздниковъ, уничтожить «ужасный трибуналъ инквизиціи», ограничить «чрезмѣрныя богатства духовныхъ лицъ, или же намѣрены лишь преградить имъ путь къ дальнѣйшему накопленію, чтобъ избѣжать, по крайней мѣрѣ, полнаго разоренія гражданскаго общества... всегда на каждомъ шагу препятствуетъ тому папа и духовенство... Если въ возможно скоромъ времени не прекратятъ эти ложныя сомнѣнія и неопредѣленность границы верховной власти, то можетъ возникнуть схизма, и въ скорости государства и цѣлыя націи совершенно отдѣлятся отъ римскаго престола, къ великому ущербу католичества».

Марія-Терезія сдерживала своихъ сыновей и своего канцлера. Когда власть перешла въ ихъ руки, они перестали стѣсняться. Леопольдъ мечталъ о томъ, чтобъ устроить австрійскую церковь по плану галликанской и вмѣсто хартіи дать ей знаменитую декларацію Боссюета. Іосифъ боялся, что тогда она будетъ слишкомъ независима; сверхъ того, епископы на это не пойдутъ. Онъ обошелся безъ нихъ, все время увѣряя, что не коснется «ни догмата, ни обряда, ни внутренней дисциплины». Его дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ представляющее предисловіе къ *граж-*

---

[14]) Perthes, t. I, liv. I, ch. III и IV.

[15]) Arneth, *Maria-Theresia*, t. IX, ch. I, VI и VIII.—*Le Mémoire de Kaunitz.*

данской конституціи духовенства, основано на противорѣчіи, которое дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый принципъ: Іосифъ II, какъ и всѣ его подражатели, впослѣдствіи полагалъ, что остается римско-католикомъ даже тогда, когда личной властью, безъ содѣйствія епископовъ, безъ признанія святого отца, онъ сверху до низу переворачивалъ церковный строй въ своихъ владѣніяхъ. Само собой разумѣется, онъ предоставлялъ себѣ право цензуры папскихъ буллъ; абсолютно запрещалъ ссылаться на буллы, въ которыхъ описываются прерогативы папы; онъ увеличилъ число сельскихъ священниковъ, ввелъ гражданскій бракъ и разводъ, издалъ указъ о терпимости къ диссидентамъ и объявилъ ожесточенную войну монашескимъ орденамъ. Онъ запрещалъ имъ признавать главою человѣка, имѣвшаго резиденцію въ Римѣ, и имѣть какія-либо сношенія внѣ монархіи. Въ 1781 г. закрылъ разомъ шестьсотъ монастырей, всѣ такъ называемые созерцательные ордена; число монаховъ упало съ шестидесяти трехъ тысячъ приблизительно до двадцати тысячъ; нѣсколько времени спустя, исчезли монашествующіе ордена. Я не упоминаю здѣсь о чисто-ребяческихъ деталяхъ, о ссорахъ изъ-за чисто-формальныхъ вопросовъ, но нельзя забывать денежный вопросъ, который такъ важенъ и даетъ возможность окончательнаго вывода. Марія - Терезія запретила монахамъ высылать деньги за-границу, а именно въ Римъ; Іосифъ запретилъ это епископамъ и конфискованныя монастырскія имѣнія обратилъ въ капиталъ на веденіе войны и на политическія цѣли, наименовавъ его церковнымъ фондомъ. Операція была не особенно удачна. Монастыри были въ долгахъ; за уплатою послѣднихъ, осталось немного, но для насъ важенъ самый поступокъ и принципъ, руководившій имъ.

Великой Екатеринѣ не надо было отдавать отчета Риму и незачѣмъ было стѣсняться. Она не довольствовалась тѣмъ, что разогнала монаховъ, закрыла монастыри и обложила налогомъ церковныя имѣнія: она ихъ секуляризовала, опережая такимъ образомъ французскую революцію. Русское духовенство владѣло милліономъ душъ; царица ихъ конфисковала и поручила комиссіи управлять церковными помѣстьями; монастыри, сдѣлавшись пенсіонерами казны получали отъ государства деньги на свое содержаніе [16]).

Всѣмъ этимъ насильственнымъ поступкамъ церковь противится самымъ упорнымъ образомъ. Уничтоженіе ордена іезуитовъ—только одинъ эпизодъ. «Іезуиты,—говорилъ Фридрихъ д'Аламберу, передовые часовые римскаго двора». Этотъ знаменитый орденъ сильно способствовалъ установленію абсолютной власти въ католическихъ державахъ. Помогая государству уничтожить всѣхъ диссидентовъ, онъ расчитывалъ сохранить свою независимость. Государство, съ своей стороны, не могло допустить, чтобъ это пре-

[16]) Rambaud, ch. XXXI.

пятствіе осталось, когда всѣ остальныя были уничтожены. То, что соединило ихъ противъ общаго врага, послужило къ разъединенію, коль скоро они стали лицомъ къ лицу. Но борьба, начатая противъ іезуитовъ, продолжалась уже противъ Рима и, разсѣявши авангардъ, напали на главный корпусъ церковной арміи. Рѣдко церковь подвергалась такимъ опасностямъ, какъ при концѣ стараго порядка. Философы затрогивали ея ученія, государи—ея благочиніе; папы должны были отстаивать свой духовный авторитетъ противъ первыхъ и свѣтскія прерогативы—противъ вторыхъ. Въ виду того, что свѣтское и духовное начала перемѣшивались между собою; что государи вербовали себѣ въ совѣтники философовъ, а философы ссылались на покровительство государей; что папа вездѣ, гдѣ имѣлъ возможность, призывалъ свѣтскую власть на помощь противъ своихъ враговъ и не стѣснялся возбуждать въ ихъ государствѣ политическій расколъ; что министры, не церемонясь, нарушали его владѣльческія права, чтобъ принудить его поступиться убѣжденіями, и обезпечивали себя отъ нравственнаго противодѣйствія первосвященника матеріальными захватами его свѣтскихъ владѣній; что въ Беневентѣ, Авиньонѣ и Венессенскомъ графствѣ они находили средства примѣнять къ упорствующему святому престолу нѣчто въ родѣ нравственной пытки;—въ виду всего этого, повторяю я, церковь, угрожаемая схизмой въ своихъ основахъ, непріятельскимъ нашествіемъ на свою территорію, чувствовала, какъ колеблется ея духовная и политическая власть.

Съ Франціей церковь находилась въ болѣе миролюбивыхъ отношеніяхъ. Послѣ весьма бурныхъ столкновеній, возстановилось доброе согласіе; Людовикъ XV заключилъ миръ и возвратилъ Авиньонъ; Людовикъ XVI искренно уважалъ религію и щадилъ духовенство [17]). Внѣ Франціи католическая церковь повсюду терпѣла пораженіе. Три самыя могущественныя державы—Англія, Россія, Пруссія, а за нею половина Германіи, ускользали изъ-подъ власти церкви. Она была въ открытой борьбѣ или въ тайной враждѣ съ католическими дворами: Австріей, Пармой, Тосканой, Португаліей. Отношенія съ Испаніей были сносныя, но съ Неаполемъ—крайне враждебныя. «Папа,—писалъ по этому поводу одинъ итальянскій государь [18]), не назначаетъ епископовъ ни на одно изъ сорока двухъ вакантныхъ мѣстъ; подъ рукой онъ возбуждаетъ народъ, и особенно вельможъ, при содѣйствіи Галеппи [19]), а въ провинціяхъ—при помощи нищенствующихъ орденовъ». Обратите вниманіе не столько на поступки, сколько на тонъ. «Упор-

---

[17]) Masson. *Le cardinal de Bernis*, ch, XI—XIII.

[18]) Леопольдъ Іосифу II, отъ 17 декабря 1787.

[19]) Графъ Галеппи, аудиторъ нунціатуры.

ство и упрямство папы непонятны,—писалъ Леопольдъ Тосканскій [20]) лучше бы онъ вспомнилъ, что въ первые вѣка церкви епископы назначались народомъ, представителями епархій и уполномоченными государя; что ихъ посвящали архіепископы и что уже послѣ того они посылали благодарственое письмо римскому епископу, а затѣмъ папамъ; послѣдніе считались только старшими между ними и никогда не были ихъ властелинами и абсолютными духовными государями, какъ утверждаетъ Римъ, заставляя епископовъ давать при посвященіи такую неприличную и нелѣпую клятву». Іосифъ II находилъ, что римскій дворъ сдѣлался съ 1768 г. почти «достойнымъ презрѣнія» [21]). Оставшись единственнымъ правителемъ, онъ не переставалъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ, не щадя угрозъ [22]), а тѣмъ болѣе насмѣшекъ и дерзостей. Пій VI пріѣхалъ въ Вѣну въ 1782 году. «Я ѣздилъ за Нейштатъ ему на встрѣчу,—пишетъ Іосифъ,—и чтобъ избѣжать всякихъ церемоній и овацій, я встрѣтилъ его на большой дорогѣ, въ присутствіи однихъ почтальоновъ, и, пересадивъ его изъ его кареты въ свою двухмѣстную, прямо привезъ въ Вѣну».

Такого же взгляда на отношенія къ Риму и такого же языка будутъ придерживаться въ началѣ и концѣ своей борьбы съ церковью власти, созданныя французской революціей при Учредительномъ собраніи и во время управленія Бонапарта. Оно и не могло быть иначе. Понятія ихъ о верховной власти государства, въ сущности своей, не отличались отъ воззрѣній на этотъ предметъ со стороны правительства XVIII вѣка, а философы одушевляли на борьбу съ церковью.

V.

Этотъ походъ правительствъ на учрежденія прошлаго времени вызываетъ противодѣйствіе; ихъ наклонность къ присвоенію себѣ исключительной иниціативы и, съ другой стороны, наклонность общественнаго мнѣнія ждать всего отъ этой иниціативы, порождаютъ смуты.

Унижая дворянъ и воюя съ церковью, государство расчитываетъ примириться съ общественнымъ мнѣніемъ и опереться на него: дѣйствительно, оно льститъ народнымъ страстямъ, но одновременно возбуждаетъ ихъ и, въ концѣ концовъ, онѣ обращаются противъ него. Считая, что все возможно для государства, не столько пользуются тѣмъ, что оно дѣлаетъ, сколько раздражаются тѣмъ, чего оно не дѣлаетъ... Не полныя, неопредѣленныя, частныя реформы не удовлетворяютъ желаніямъ, а скорѣе возбуждаютъ

[20]) Іосифу II, 6 марта 1789.

[21]) Arneth. *Maria-Theresia.* T.IX, p. 551.

[22]) «Что касается до папы, священниковъ и монаховъ... ихъ очередь наступитъ».. Письмо къ Леопольду, отъ 19 іюля 1787.

новыя надежды. Онѣ лишь подтверждаютъ ту идею, что старый міръ одряхлѣлъ и надо его обновить, пріучаютъ народъ къ быстрымъ перемѣнамъ, развиваютъ любовь къ послѣднимъ и потребность въ нихъ. Идея о порядкѣ въ жизни націй исчезаетъ повсюду, прогрессъ видятъ только въ неустойчивости. Въ націи распространяется глухое безпокойство, глубокая тревожность.

Особенно ярко выразилось это настроеніе въ Германіи [1]), даже въ наилучше организованномъ изъ ея государствъ. Само просвѣщенное правительство способствовало его развитію. Фридрихъ терялъ свое обаяніе при близкомъ знакомствѣ. Теоретики, формулами которыхъ онъ пользовался, восхищались имъ безконечно сильнѣе, чѣмъ его собственный народъ, которому онъ ихъ толковалъ на практикѣ. На всемъ земномъ шарѣ не было мѣста, гдѣ бы величіе прусскаго короля ослѣпляло менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Гнетъ, давившій всѣхъ, сдерживалъ энтузіазмъ. «Струны такъ натянуты,—писалъ Мирабо въ 1786 году,—что не могутъ не ослабѣть. Народъ былъ такъ притѣсненъ, раздраженъ, гонимъ, что его невозможно не облегчить» [2]). Фридриха слишкомъ сильно боялись, и народъ его не оплакивалъ. Великая пустота, оставленная его смертью, показалась избавленіемъ. Въ Берлинѣ произошло нѣчто подобное тому, что было во Франціи, когда исчезъ Ришельё. «Всѣ угрюмы, никто не печаленъ,—говоритъ Мирабо.—Всѣ заняты, никто не огорченъ. Ни одного сожалѣнія, ни одного вздоха, ни единой похвалы... Двѣ трети Берлина напрягаютъ теперь всѣ силы, чтобъ доказать, что Фридрихъ II былъ человѣкъ обыкновенный, и даже ниже другихъ!..» Итакъ, вотъ результатъ этого великаго царствованія: всѣ желали его конца! «Настоящее утомило и стало нестерпимо», писалъ австрійскій министръ [3]). Однако въ Пруссіи Фридрихъ внушилъ такую идею о величіи государства, что народъ ожидалъ и надѣялся всего отъ его преемника, и послѣдній считалъ, что ему будетъ по плечу удовлетвореніе всѣхъ этихъ надеждъ.

Напротивъ того, въ Австріи, среди правителей и управляемыхъ царствовалъ всеобщій упадокъ духа. Благожелательный и сравнительно умѣренный режимъ Маріи-Терезіи оставляетъ такое же чувство усталости, какъ и крайности Фридриха. Этою великою императрицею овладѣваетъ подъ старость глубоко-печальное настроеніе. Ея письма наполнены жалобами: «Тридцать пять лѣтъ я жертвовала собою для народа,—пишетъ она въ 1775;—я подавлена уныніемъ, утратила спокойствіе духа и дѣ-

---

[1]) Perthes. Т. I. Это сочиненіе не что иное, какъ собраніе доказательствъ и критика фактовъ.

[2]) *Histoire secrète de la cour de Berlin*, Paris 1789.

[3]) Wolf, *Oesterreich und Preussen*, p. 50.—Philippson, op. cit.

лаю болѣе зла, чѣмъ добра [4]). По словамъ свидѣтеля, народъ выказалъ почти неприличную радость на ея похоронахъ [5]). Начиная съ 1782, Іосифъ испытываетъ такое же отвращеніе отъ своихъ реформъ и разочарованіе въ своемъ царствованіи, какъ и его мать въ концѣ своей жизни [6]). «Надо плыть на этой каторжной галерѣ,—пишетъ онъ въ 1786 своему министру Кауницу.—Надо плыть, пока это не кончится; можетъ быть что-нибудь и выйдетъ изъ этого». Результатомъ выходитъ только хаосъ въ государствѣ; смятеніе въ народахъ. Во всѣхъ классахъ, во всѣхъ странахъ имперіи господствовало въ 1789 г. сознаніе, что все не на своемъ мѣстѣ; чувство безопасности исчезло [7]).

Вспыхиваютъ мятежи. Марія-Терезія пыталась смягчить судьбу богемскихъ крестьянъ. Въ 1773 она издала указъ о барщинѣ: крестьяне вообразили, что королева хотѣла ихъ освободить изъ всякихъ повинностей, что дворяне этому противятся, и что государственные чиновники не исполняютъ повелѣній государыни. Они взбунтовались: древній фанатизмъ гусситовъ, единственная форма чешскаго патріотизма, пережившая другія, проснулась въ душахъ. Къ фанатикамъ присоединилась голытьба. Шайки бунтовщиковъ терроризировали страну. «Они грабятъ замки, похищаютъ и разрушаютъ все, что попадется имъ въ руки, бросаютъ поля не засѣянными, принуждаютъ другихъ поступать такъ же... Они ограбили нѣсколько церквей, разбили алтари и образа святыхъ, похитили сосуды и выбросили на землю Святые Дары»—пишетъ одно должностное лицо въ 1775. Они двинулись на Прагу, гдѣ, по слухамъ, измѣнники спрятали освободительную грамоту. Войска разсѣяли ихъ съ великимъ трудомъ и спасли городъ отъ грабежа, который ему угрожалъ [8]). Волненіе охватило Моравію, затѣмъ и другія страны. «Я очень опасаюсь безпорядковъ,—писала императрица въ 1778;—въ Штиріи уже не хотятъ ни платить, ни работать... тоже и въ Венгріи. Эти люди дѣлаютъ ужасныя вещи» [9]). Іосифъ приписывалъ все зло колебаніямъ правительства, «обѣщаніямъ, которыя никогда не сдерживаются, угрозамъ, которыя никогда не исполняются». Онъ вступилъ на престолъ, и стало еще хуже.

Если робкія и мудрыя реформы Маріи-Терезіи вызвали такія серьезные безпорядки, то коренныя и произвольныя реформы Іосифа II, выра-

---

[4]) См. ея переписку съ Мерси и Arneth, t. IX. ch. XII.

[5]) Wolf id. p. 21. -Ranke, *Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*, t. I, p. 51. Лейпцигъ 1871.

[6]) Изъ писемъ къ Леопольду.—Beer, *Joseph II, Leopold II und Kaunitz*. Vienne, 1873.

[7]) Perthes, t. II, liv. III, ch. V.

[8]) Arneth, t. X, ch. XII.—Léger, ch. XXI.

[9]) Arneth. *Maria-Theresia und Joseph II.*

женныя въ суровыхъ указахъ, но вяло исполняемыя, возбудили всеобщія возстанія, почти революціи. Духовенство потребовало возвращенія своихъ льготъ, дворянство—своихъ привилегій, народъ—своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Дворянство и духовенство, раздражаемыя властью, покинули ее. Народъ рѣшилъ, что ему все дозволено. Государственные чиновники, сбитые съ толку, измученные противорѣчивыми инструкціями государя, ошеломленные различными перемѣнами, которыя они навязывали народамъ, не понимая ихъ, повиновались неохотно и перестали приказывать. Жестокія и неожиданныя репрессаліи, за которыми слѣдовала необъяснимая мягкость, раздражали умы, вмѣсто того чтобъ успокоить. Подъ гнетомъ германской централизаціи, которую хотѣли навязать населенію, разноплеменное населеніе вспомнило о своемъ происхожденіи и стало доискиваться въ своихъ національныхъ традиціяхъ правъ на самостоятельное существованіе. Въ Богеміи начали снова говорить по-чешски и потребовали созванія штатовъ; въ Венгріи—сеймовъ. Въ Галиціи возстали дворяне. Въ 1789 броженіе разрослось до крайности во всѣхъ австрійскихъ провинціяхъ. Революція, которая грозила Богеміи, Венгріи, Галиціи, разразилась въ Нидерландахъ [10]).

Съ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ государей восемнадцатаго вѣка произошло то же самое, что съ однимъ изъ самыхъ фанатичныхъ деспотовъ шестнадцатаго. Философскія реформы Іосифа II дали въ результатѣ то же, что и католическая тираннія Филиппа. Произошло это потому, что тотъ и другой, испанскій и германскій монархи, преслѣдуя весьма различныя цѣли, дѣйствовали съ одинаковымъ непониманіемъ интересовъ этихъ народовъ и съ одинаковымъ презрѣніемъ къ ихъ традиціямъ. Бельгійцы не измѣнились; страстно влюбленные въ свою національную независимость, горячо привязанные къ своимъ обычаямъ, восторженные въ дѣлѣ религіи, они соединяли со своей набожностью, легко переходящею въ суевѣріе, старинный духъ возмущенія, такъ долго волновавшій общины во Фландріи. У каждой провинціи были: своя администрація, свои штаты, своя хартія; каждая имѣла право назначать налоги, и хотя сама не издавала законовъ, но и государь не имѣлъ права ихъ измѣнять безъ согласія штатовъ. Принимая на себя власть, онъ клялся поддерживать «права, привилегіи и конституціи» провинцій. Самой знаменитой изъ этихъ бельгійскихъ хартій была та, которую называли *La Joyeuse Entrée* (Радостное вступленіе).

---

[10]) Относительно исторіи Бельгійской революціи см.: Borgnet.—*Histoire des Belges à la fin du dix-huitième siècle*, Bruxelles 1844.—Juste. *Histoire du règne de Joseph II* et *de la révolution belge*. Bruxelles 1846;—de Pradt, *de la Belgique depuis* 1789 *jusqu'en* 1814. Paris 1820.—Wolf, *Marie Christine*. Vienne 1863 et les Correspondances publiées par Arneth et Beer.

Одинъ изъ правителей Бельгіи писалъ [11]): «Правда, что эти страны очень привязаны къ своимъ привилегіямъ и даже, смѣю сказать, доводятъ это до безумія; но всѣ онѣ воспитаны въ этомъ предразсудкѣ, и было бы очень опасно трогать эту струну, тѣмъ болѣе, что всѣ государи не только подтверждали эти привилегіи, но и клялись соблюдать ихъ, а потому народъ и видитъ въ нихъ основные законы государства. Смѣю сказать, что этими странами весьма легко управлять при помощи кроткихъ мѣръ, и если ваше величество соблаговолите выказать благожелательство какимъ-либо знакомъ вниманія, изъ этихъ провинцій можно будетъ сдѣлать все, что вамъ угодно». Правительство могло быть тѣмъ болѣе покойно за Бельгію, что соціальное положеніе ея было лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Дворяне жили въ своихъ имѣніяхъ; духовенство, обладавшее большими помѣстьями, хорошо управляло ими и пользовалось популярностью; словомъ, сословія были менѣе разъединены и феодальное управленіе менѣе тягостно, чѣмъ въ остальной Европѣ. Марія-Терезія, укажавшая бельгійцевъ, съумѣла ихъ понять. Она была, по словамъ де Прадта, кумиромъ Бельгіи; но даже въ ея царствованіе австрійскій домъ видѣлъ въ Бельгіи только «континентальную колонію», выгодную ферму, которую цѣнили только за доходы, приносимые ею. Іосифъ II только съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ на нее; онъ всегда былъ готовъ «промѣнять» ее на Баварію, которая была для него удобнѣе. Такъ какъ промѣнять не удалось, то онъ вздумалъ ввести въ нее реформы, чтобъ увеличить доходность. Онъ не зналъ страны, а потому въ 1781 г. съѣздилъ туда на короткое время, и послѣ этого поверхностнаго знакомства и нѣсколькихъ недѣль импровизированнаго труда, онъ принялся за свои реформы. Онѣ коснулись прежде всего религіи; начиная съ 1781 и до 1786 г. указы слѣдовали за указами и отдали церковь въ руки государства. Послѣ этого насталъ чередъ гражданскихъ учрежденій и указомъ отъ 1 января 1787 года у провинціальныхъ штатовъ отняты администрація и отправленіе правосудія; страна раздѣлена на округи, въ которыхъ учреждены интендантства, суды первой инстанціи и суды апелляціонные. Это было уже рѣзкимъ нарушеніемъ утвержденныхъ подъ присягою хартій. Религіозныя реформы раздражили страну, административная—вызвала въ ней возстаніе. Іосифъ II былъ въ открытой войнѣ съ церковью; противъ него соединились всѣ, дорожившіе національными льготами и старинными бельгійскими учрежденіями.

Во главѣ возмутившихся является человѣкъ, имя котораго мы не разъ встрѣтимъ въ этой книгѣ: Генрихъ Ванъ-деръ-Ноотъ. Это былъ адвокатъ

[11]) Изъ письма принца Карла Лотарингскаго Маріи-Терезіи, писаннаго въ 1763 году.

Брабантскаго совѣта. Онъ не отличался ни особенно возвышенными взглядами, ни особенно твердымъ характеромъ, ни особенно вѣрнымъ сужденіемъ, но онъ обладалъ очень важными свойствами для предпринимаемаго имъ дѣла: пламеннымъ патріотизмомъ и энергіей. Онъ былъ агитаторъ по природѣ, но мы увидимъ, что онъ былъ не способенъ управлять. Подъ его вліяніемъ Брабантъ вооружился. Другія провинціи послѣдовали его примѣру; монахи и священники уговаривали народъ защищаться и проповѣдывали сопротивленіе. По всей Бельгіи собирались ополченія. У нѣкоторыхъ былъ планъ составить конфедерацію, сдѣлаться независимыми, подобно Соединеннымъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, и обратиться за поддержкой къ Франціи; извѣстіе объ этомъ заставило Іосифа задуматься; но вмѣсто того, чтобъ понять, что эти смуты—результатъ его неосторожныхъ реформъ, онъ, напротивъ, приписывалъ встрѣченное ими противодѣйствіе кознямъ державъ, которымъ было выгодно вызвать волненія. Онъ думалъ, что это—дѣло рукъ Франціи, «поповъ» и римскаго двора, который пользовался священниками, и въ особенности капуцинами, чтобъ возмущать простой народъ и сѣять смуты посредствомъ исповѣди [12]). Но какова бы ни была дѣйствительная причина опасности, онъ обратилъ на нее вниманіе и лѣтомъ 1787 г. отмѣнилъ свои указы; успокоенный тревожнымъ положеніемъ французскаго правительства въ концѣ 1787 года, онъ возстановилъ тѣ распоряженія, которыя касались церкви, и приказалъ брюссельскому коменданту генералу д'Альтону прибѣгнуть, въ случаѣ сопротивленія, къ «прискорбнымъ средствамъ, которыя называются пушками и штыками». Подъ вліяніемъ этой угрозы, брабантскій совѣтъ, игравшій почти ту же роль, какую во Франціи игралъ парижскій парламентъ, уступилъ. Семинаріи въ Мехельнѣ и Антверпенѣ были заняты войсками, епископы взяты подъ арестъ; объявлено, что сборища будутъ разгоняемы картечью. Войска расположились, какъ въ завоеванной странѣ. Ужасъ сковалъ всѣмъ уста, и д'Альтонъ могъ написать въ сентябрѣ 1788 года: «Спокойствіе продолжаетъ царствовать».

Подчиненіе было кажущееся. Эта революція была не изъ тѣхъ, которыя кончаются вспышками; она зрѣла медленно. Бельгійскія войска отказались выступить въ походъ противъ своихъ соотечественниковъ. Въ Брабантѣ и Геннегау штаты отказались утверждать субсидіи [13]). Іосифъ объявилъ, что этимъ отказомъ они нарушали хартіи и освобождали его отъ присяги. Брабантскіе штаты уступили, и онъ оставилъ имъ власть, но распустилъ упорствующіе штаты Геннегау. Вслѣдъ затѣмъ онъ измѣнилъ хартіи Брабанта, говоря, что «находитъ справедливымъ возвратить

[12]) См. его переписку съ Леопольдомъ за іюль 1787 г.

[13]) Ноябрь 1788.

маленькимъ городкамъ и мѣщанскимъ совѣтамъ, которые платятъ такіе большіе налоги, ихъ общественныя и конституціонныя права [14]), надѣясь этой приманкой привлечь на свою сторону большинство и съ помощью демократическаго маневра разстроить оппозицію дворянъ, духовенства и буржуазной олигархіи. Онъ расчитывалъ подавить большія общины мелкими, но брабантскій совѣтъ и провинціальные штаты отказались принять новые указы, несмотря на то, что войска окружали со всѣхъ сторонъ ихъ совѣщанія. Тогда императоръ обнародовалъ декретъ объ уничтоженіи самой хартіи и отмѣнѣ *Joyeuse Entrée* (радостнаго вступленія). Д'Альтону былъ данъ приказъ дѣйствовать безпощадно. «Не надо принимать въ расчетъ большее или меньшее количество крови, которое потребуется подобной операціей,—писалъ ему Іосифъ 7 іюня 1789 г.,—когда дѣло идетъ о томъ, чтобы все спасти и разъ на всегда прекратить эти вѣчныя насилія».

Мятежи начались. Эта революція, развивавшаяся параллельно съ французской, имѣла совершенно другія причины и обратное распредѣленіе ролей. Здѣсь роль революціонера игралъ государь, а народъ защищалъ старый режимъ, но, въ сущности, вопросъ былъ въ народныхъ вольностяхъ и національной независимости. Защищаясь, бельгійцы употребляли тѣ же средства и говорили тѣмъ же языкомъ, какъ французы. Въ собраніи брабантскихъ штатовъ одинъ депутатъ изъ дворянъ воскликнулъ, въ 1787 г.: «На эту великолѣпную страну политики смотрятъ, какъ на недвижимость, которую можно продавать, покупать, которую и въ кабинетахъ государей мѣняютъ то на одну провинцію, то на другую». Брабантскіе штаты, чтобъ поддержать древній обычай и старыя вольности, ссылаются на «естественное право». Когда депутаты выказали сопротивленіе, имъ рукоплескали, называли ихъ *отцами отечества*; раздавались народныя кокарды и чернь, подстрекаемая монахами, грабила дома тѣхъ жителей, которыхъ подозрѣвали въ привязанности къ правительству. Эта революція, вызванная для поддержки стараго порядка, дѣйствовала совершенно одинаково съ той, какую совершили во Франціи во имя его ниспроверженія.

Однако, рядомъ съ партіей старинныхъ обычаевъ, составлявшей большинство, образовалась другая, болѣе проникнутая идеями вѣка, партія, состоящая изъ адвокатовъ, врачей и бѣлаго духовенства. Партія эта требовала участія въ правленіи, расширенія избирательнаго права, уничтоженія привилегій. Реформы Іосифа были для нея непріятны только потому, что исходили отъ него и что, навязывая ихъ, онъ уничтожалъ народныя вольности. Они, напротивъ, желали ихъ расширенія. Эта партія, во главѣ которой стоялъ адвокатъ, по имени Вонкъ, желалъ демократической революціи; партія Ванъ-деръ-

[14]) 29 апрѣля 1789 г.

Ноота требовала возстановленія аристократіи. Впослѣдствіи эти партіи спорили за управленіе Бельгіей, но вначалѣ онѣ соединились, чтобъ овладѣть имъ. И та и другая состояла изъ пламенныхъ патріотовъ, одушевленныхъ одинаковою ненавистью къ Австріи. Итакъ, Іосифъ II возстановилъ противъ себя всѣхъ бельгійцевъ какъ разъ въ то время, когда французская революція готовилась пригласить всѣ народы соединиться противъ своихъ притѣснителей. Впослѣдствіи мы увидимъ, какія важныя послѣдствія произошли отъ различія, можно даже сказать, отъ антагонизма этихъ двухъ революцій. Здѣсь достаточно показать одновременное ихъ возникновеніе.

И въ другихъ странахъ революціи казались неизбѣжными. Голландскіе патріоты, порабощенные прусскими войсками, волновались, устраивали тайныя организаціи, горѣли желаніемъ отомстить штатгальтеру, возвратить, и если можно, расширить свои народныя вольности. Въ Швеціи Густавъ IV раздражилъ всѣхъ: дворянъ—тѣмъ, что коснулся ихъ привилегій; народъ—тѣмъ, что не облегчилъ его тяготы [15]). Наконецъ и въ Женевѣ началось возстаніе, и оно заслуживаетъ особеннаго вниманія: «Я изучаю распри женевцовъ—говорилъ Верженнъ,—потому что боюсь, что сочиненія, породившія среди нихъ междуусобіе, не вынесли бы за предѣлы ихъ отечества тотъ фанатизмъ, которымъ они пропитаны, и чтобъ сосѣди ихъ не перешли отъ любопытства къ подражанію [16]). Это странныя рѣчи въ устахъ государственнаго человѣка стараго порядка; его предчувствіе было плодомъ политической проницательности. Дѣйствительно, въ 1782 въ Женевѣ подготовлялась французская революція и ее, такъ сказать, репетировали въ сокращенномъ видѣ на этомъ маленькомъ театрѣ [17]).

Починъ принадлежитъ Руссо. *Contrat social* представляетъ программу, *Lettres de la Montagne*—боевой кличъ революціонеровъ. Борьба происходитъ не столько между двумя партіями, которыя оспариваютъ другъ у друга власть, сколько между двумя классами, полными взаимной ненависти, и изъ которыхъ каждый стремится господствовать и устранить другой: съ одной стороны — царящая олигархія, патриціатъ, завладѣвшій всѣми должностями; съ другой стороны — буржуазія, господствующая въ принципѣ, но въ дѣйствительности лишенная всякаго участія въ управленіи и страстно желающая властвовать въ свою очередь. Вождями недовольныхъ были Дюровере, Дюмонъ, Клавіеръ, Рейба, Маратъ. Въ виду ихъ энергической пропаганды, аристократы думали обратиться

---

[15]) Geffroy. *Gustave,* III, t. II, ch. IIV et X.

[16]) Soulavie, *Mémoires*, t. V, p. 227.

[17]) Mallet du Pan, t. I, ch. I и III.—Sayous *Le dix-huitième siècle à l'étranger,* t. I, *Rousseau.*—Soulavie, t. I, ch. V. Densoresterres, *Voltaire et J. J. Rousseau.* Paris 1875.

къ вмѣшательству державъ, гарантировавшихъ конституцію. Въ этомъ обращеніи къ иноземцамъ революціонеры увидѣли измѣну и предупредили ее государственнымъ переворотомъ: арестовали наиболѣе опасныхъ изъ своихъ противниковъ и пригласили болѣе робкихъ сдаться. «Остатки сената собираются, чтобъ выслушать приговоръ о проскрипціи сенаторовъ и подписать его,—разсказываетъ Малле Дюпанъ. Они получаютъ приказъ о приведеніи его въ исполненіе».

Побѣдители образовали изъ себя *коммиссію безопасности* и организовали «диктатуру по римскому образцу». Терроръ царствовалъ въ Женевѣ, обращенной въ тюрьму для побѣжденныхъ. Мало того, что ихъ лишили имущества и свободы, ихъ еще поучали. Недостаточно было ихъ подчинить, надо еще ихъ обратить въ свою вѣру. Это—новая черта, это—стрѣла, которая пущена въ Женевѣ, но которая летитъ гораздо дальше. «Это хвастовство добродѣтелью, соединенное съ преступными страстями, это деспотизмъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, требующій отъ него, во имя разума и справедливости, одобренія чудовищныхъ поступковъ, это значитъ видѣть въ послѣднихъ священныя обязанности; говорить о гуманности съ руками, обагренными кровью, писать оды отечеству, и въ то же время терзать его; ссылаться на права народовъ, оскорбляя свободу личности» [18]). Царствованіе этихъ мрачныхъ болтуновъ кончилось, благодаря ихъ собственной зависти. Пока они ссорились между собой, французы, сардинцы и швейцарцы, гарантировавшіе конституцію, сочли необходимымъ вмѣшаться, чтобъ возстановить ее. *Комиссія безопасности* рѣшаетъ защищаться до послѣдней крайности и объявляетъ декретомъ, что женевцы послѣдуютъ примѣру сагунтцевъ. Церкви загромождаютъ боченками съ порохомъ; готовятъ разрушеніе города; затѣмъ, въ ожиданіи непріятеля, спорятъ, подвергаютъ другъ друга изгнанію и устраиваютъ рѣзню. Между тѣмъ непріятель занимаетъ городъ, и революція заканчивается военнымъ *coup d'Etat*. Революціонеры, изгнанные въ свою очередь, ищутъ убѣжища въ Англіи, пока для нихъ не откроются двери Франціи. Они дѣлаются учителями и маклерами космополитической революціи, преподавая ученикамъ философовъ практику народнаго мятежа. Всѣхъ, начиная съ Дюмона, друга Таллейрана и сотрудника Мирабо, до Марата мы встрѣтимъ вскорѣ въ Парижѣ.

VI.

Итакъ, мы видимъ, что кризисъ охватилъ всю Европу; почва превосходно подготовлена для соціальныхъ и политическихъ революцій въ тотъ

---

[18]) MALLET DU PAN, t. I, p. 68.

моментъ, когда готовилась французская революція. Если революція, видимо неизбѣжная повсюду, разразилась во Франціи, то это произошло не потому, что злоупотребленія были тамъ вольнѣе, что феодальный режимъ тяжелѣе ложился тамъ на населеніе, что правительство было тамъ менѣе интеллигентно, болѣе смѣло или болѣе деспотично, бѣдность болѣе ощутительна, и люди болѣе возмущены тягостнымъ гнетомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Поводы, ускорившіе ходъ событій, были прямо противоположны этому [1]). Революція, имѣвшая цѣлью уничтожить старинныя учрежденія, начинается въ странѣ, гдѣ эти учрежденія уже готовы были исчезнуть и рушились сами собой. Гнетъ казался нестерпимымъ именно потому, что его часъ пробилъ и остатки его тѣмъ сильнѣе раздражали людей [2]). Слѣды крѣпостного права существовали только въ забытыхъ уголкахъ восточныхъ провинцій. Крестьянинъ не только пересталъ быть крѣпостнымъ, онъ сталъ собственникомъ. Земля была раздроблена на такіе мелкіе участки, что агрономы уже сѣтовали на это. Мѣстныя, вѣчно придирчивыя, власти были подчинены центральной власти. Явилось единство въ законахъ. Даже феодальныя права, подъ вліяніемъ нападокъ со стороны легистовъ, притѣсненія, со стороны королевской власти, сравнительно были облегчены. Самыя противозаконныя и самыя обидныя изъ нихъ тѣ, которыя оскорбляли личность человѣка, его достоинство, его честь, уже вышли изъ употребленія. По словамъ одного современника: «во Франціи, въ Португаліи притѣсненіе было слабѣе, чѣмъ въ Испаніи, въ Австріи, въ Турціи, однако эти страны остались вполнѣ спокойными, а Франція произвела революцію» [3]). Именно потому она ее и произвела.

Феодальная барщина и повинности всею тяжестью ложились непосредственно на трудъ и имущество крестьянина-собственника; онъ страдалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ въ то время, когда работалъ на помѣщика [4]). Для него было тяжелѣе жертвовать своимъ временемъ и трудами съ тѣхъ поръ, какъ онъ могъ отдавать то и другое своей собственной землѣ и плоды

---

[1]) Токвиль прекрасно разъяснилъ этотъ фактъ; изученіе этихъ странныхъ соотношеній составляетъ самую оригинальную часть его книги; достаточно отослать къ ней читателя, а здѣсь представить лишь результатъ его превосходныхъ доказательствъ.

[2]) *Ancien Régime*, liv. II, ch. I. Почему феодальныя права сдѣлались для французскаго народа ненавистнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.—Гл. XII: Какимъ образомъ, несмотря на успѣхи цивилизаціи, положеніе французскаго крестьянина было иногда хуже въ восемнадцатомъ вѣкѣ, чѣмъ въ тринадцатомъ.

[3]) Adrien Lezay, *Des causes de la Révolution*, 1797. Roederer, *Oeuvres*, t. IV, Opuscules.

[4]) Aimé Chérest, *la Chute de l'Ancien Régime*. Paris 1884, именно т. II, стр. 500 и слѣдующія.

своихъ усилій оставлять въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Дворянинъ, эксплуатирующій его, бралъ и ничего не возвращалъ; крестьянинъ не получалъ отъ него ни одной изъ тѣхъ услугъ, которыя въ былое время оправдывали до нѣкоторой степени права дворянина [5]). Теперь, французъ-крестьянинъ, пользуясь услугами и покровительствомъ исключительно со стороны государства, считалъ себя обязаннымъ только одному государству и не хотѣлъ признавать, чтобъ дворянинъ, получавшій отъ государства болѣе выгодъ, чѣмъ онъ, платилъ меньше его. «Уничтожая одни изъ средневѣковыхъ учрежденій,—говоритъ Токвилль,—сдѣлали остававшіяся въ силѣ во сто разъ ненавистнѣе прежняго». Первая половина дѣла была выполнена государствомъ, отъ него же ожидали и требовали его завершенія тѣмъ нетерпѣливѣе, что дѣло казалось болѣе подвинутымъ и легкимъ. Вѣрность этого факта доказывается тѣмъ, что революція проявилась съ наибольшей силой и страстностью именно въ той части Франціи, гдѣ прогрессъ былъ всего замѣтнѣе. Единственныя провинціи, гдѣ, въ извѣстной мѣрѣ, обнаружилась привязанность къ старому порядку, были именно тѣ, въ которыхъ этотъ порядокъ уцѣлѣлъ въ наибольшей неприкосновенности: а именно Бретань, Вандея, Пуату. Тамъ вмѣстѣ съ старинными злоупотребленіями сохранились и старинные нравы, а вмѣстѣ съ привилегіями дворянъ сохранились и ихъ обязанности. Дворянинъ жилъ среди своихъ крестьянъ, входилъ въ ихъ дѣла; они знали другъ друга; связь между ними уцѣлѣла, и они дѣйствовали заодно. Въ другихъ мѣстахъ дворянинъ считался узурпаторомъ, котораго надлежало изгнать.

Благоденствіе, какимъ пользовались во Франціи въ первые годы царствованія Людовика XVI, ускорило движеніе, потому что сдѣлало людей болѣе чувствительными къ притѣсненіямъ и развило пламенное стремленіе избавиться отъ нихъ [6]). Наконецъ, ни въ одной странѣ идеи реформы не были такъ распространены, умы такъ развиты, люди сходны между собою, управленіе такъ централизовано, дворянство такъ уменьшено, промежуточныя сословія такъ ослаблены, нація такъ однородна, государство такъ сплочено, какъ во Франціи: поэтому необходимость революціи представлялась тамъ съ большей очевидностью, и въ то же время средства совершить ее казались болѣе доступными [7]).

То были черты, свойственныя французскому народу; онѣ объясняютъ, почему французы совершили свою революцію ранѣе другихъ европейскихъ націй. Остается показать, какимъ образомъ французская революція дала толчокъ всѣмъ остальнымъ движеніямъ и пріобрѣла значеніе европейскаго событія.

---

[5]) Тэнъ, *Ancien Régime*: *La structure de la sociétè.*

[6]) Tocqueville, liv. III, ch. IV.

[7]) Ibid., ch. II, VIII, liv. III, ch. VIII.

ГЛАВА III.

Вліяніе французскаго духа.

I.

Европа имѣетъ свою собственную интеллектуальную атмосферу. Однѣ и тѣ же идеи распространены въ ней повсемѣстно. Происхожденіе этихъ идей чисто-французское, а потому совершенно естественно, что онѣ нигдѣ не находятъ себѣ такого полнаго выраженія, какъ именно во Франціи. Европейское государство и европейское общество, формы правленія и формы мысли—все это имѣетъ источникомъ Грецію; изъ Греціи эти формы проникли въ Римъ, а изъ Рима, чрезъ посредство Франціи,—въ новѣйшія европейскія государства. Духъ, оживляющій эти формы, принято называть классическимъ, l'esprit classique. Отвлеченная мысль замѣняетъ въ немъ принципъ, чистая логика служитъ ему методомъ [1]). Онъ проникъ въ новѣйшее общество путемъ трехъ великихъ факторовъ: религіознаго обученія, юридическаго и литературнаго образованія.

Церковь воспользовалась формой, въ которую вылилась античная мысль: она хранитъ и, въ свою очередь, завѣщаетъ ее новѣйшей мысли. Церковь не только провозглашаетъ, что міръ долженъ управляться идеей, но и воспитываетъ въ умахъ, вмѣстѣ съ идеей объ абсолютной истинѣ и общемъ благѣ, понятіе о высшей добродѣтели, заключающейся въ безграничной вѣрѣ въ незыблемый принципъ. Она побуждаетъ человѣчество стремиться къ осуществленію идеальнаго общества, гражданами котораго были бы народы, объединенные единымъ общимъ началомъ и продолжающіе имъ руководиться [2]). Церковь поддерживаетъ своимъ примѣромъ традицію космополитическаго и демократическаго общества, въ которомъ находится мѣсто для каждаго и гдѣ послѣдній и смиреннѣйшій можетъ стать во главѣ людей. Она учитъ, что Богъ есть источникъ верховной власти въ государствѣ, а народъ—ея проводникъ; что, исходя отъ Бога, она проявляется въ народѣ, что короли не могутъ быть неотвѣтственными предъ своими подданными, потому что если власть ведетъ начало свое отъ Бога, это еще не значитъ, что человѣкъ, въ рукахъ котораго она находится, и употребленіе, которое онъ изъ нея будетъ дѣлать, необходимо обладаетъ божественною

---

[1]) Taine, *L'Ancien Régime*, liv. III, ch. II: *L'Esprit classique*.—Guizot, *Civilisation en France*, t. II, leçon XXX.

[2]) Guisot. *Civilisation en France*, t. II, leç. XXVII, *Civilisation en Europe*, leç. IX.

непогрѣшимостью [3]); что не народы созданы для королей, а короли—для народовъ [4]), и, наконецъ, что «законъ», по словамъ св. Ѳомы, «есть разумный порядокъ, установленный ради общаго блага» [5]). Церковь сходится, въ этомъ случаѣ, съ юристами, такъ часто возстающими и вооружающимися противъ нея, но ученіе которыхъ, въ сущности, беретъ отчасти свое начало изъ одного съ нею источника, слѣдуетъ по тому же направленію и распространяется тѣми же путями. Римское право для нихъ—своего рода священное писаніе. Авторитетъ Дигестовъ *) основанъ на томъ, что онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ свода ученія о естественномъ правѣ. Именно въ такомъ смыслѣ относится къ нему знаменитый французскій юристъ Домà, современникъ и другъ Паскаля. Буало называетъ его «возстановителемъ разума въ юриспруденціи«; д'Агессо находитъ, что этотъ сводъ даетъ «наиболѣе совершенный планъ устройства гражданскаго общества» [6]). Домà—писатель, по преимуществу проникнутый духомъ классицизма. Въ написанномъ имъ въ 1694 году трактатѣ, *les Lois civiles dans leur orde naturel*, онъ кладетъ въ основу публичнаго права—право римское, усматривая въ немъ хранителя естественнаго права и духа законовъ. «Всѣ люди равны по своей природѣ» [7]); но правительство необходимо для поддержанія порядка въ человѣческомъ обществѣ; и въ такомъ правительствѣ слѣдуетъ различать два рода законовъ: тѣ, которые установлены властью и носятъ наименованіе «произвольныхъ», и тѣ, которые проистекаютъ изъ естественнаго права и, какъ «неизбѣжныя послѣдствія справедливости и правосудія, остаются незыблемыми, повсюду и всегда неизмѣнными» [8]).

Таковы доктрины; знакомство съ античной литературой дало имъ форму. Отъ древнихъ унаслѣдованъ былъ методъ, регулирующій мысль и управляющіе обществомъ законы; у нихъ же заимствованы примѣры, подкрѣпляющіе и иллюстрирующіе доктрину, и литература, ихъ пропагандирующая. Одинъ и тотъ же духъ господствуетъ въ церкви и государствѣ, въ религіи и политикѣ, въ философіи и словесности, въ законахъ и вкусѣ; вотъ почему литература является столь мощною его носительницею.

Духъ этотъ можетъ быть названъ французскимъ, по преимуществу.

---

[3]) Rohrbacher, *Histoire universelle de l'Eglise catholique*. Paris, 1866, t. XIII, p. 247, t. X, p. 240—1. T. IX, p. 742. T. VI, p. 260—1.

[4]) Saint Thomas. *De regimine principis* III, c. XI.

[5]) *Somme théologique*, 2 partie, quest. 90.—Janet, *Science politique*, liv. II, ch. III.

*) Дигесты—сводъ рѣшеній римскихъ юристовъ.
(*Примѣч. переводч.*).

[6]) Viollet.—*Précis de l'histoire du droit français*.

[7]) *Le droit publique*, tit. I, sect. I.

[8]) *Avertissement et Préface du traité du droit public*.

равно какъ и литература эта есть форма преимущественно французскаго духа. И то и другое развивается во Франціи параллельно съ выработкой языка, ростомъ народнаго сознанія, усовершенствованіемъ государственнаго строя и выясненіемъ политическихъ традицій.

Изучая революціи эпохи Возрожденія, мы находимъ въ нихъ страсти, духъ и языкъ французской революціи. Брутъ судитъ тирановъ, лигисты противопоставляютъ протестантскому королю древнее правило о господствѣ народа. Даже отвергавшіе вліяніе Рима кальвинисты утверждали, что они вернулись къ чистому источнику христіанской мысли; они ссылаются на догматы, вдаются въ отвлеченности и приходятъ къ выводамъ, руководясь тою же методою, какъ и ихъ противники, и ни мало не смущаясь сю. Этотъ духъ, въ одно и то же время восторженный и тонко-аналитическій, разсудочный и страстный, встрѣчаемъ мы у героевъ Корнеля, несмотря на ихъ роскошную классическую драпировку. Съ наибольшею пылкостью онъ проявляется въ мемуарахъ Реца. «Народъ издавалъ громкіе крики: нѣсколько голосовъ кричали даже: Республика!» [9]).

Въ 1648 г. въ церкви св. Людовика у іезуитовъ одинъ прелатъ, проповѣдуя передъ дворомъ, приводилъ въ качествѣ неотразимаго аргумента «естественное право, стоящее выше всѣхъ законовъ [10]). Прелатъ этотъ былъ Гонди, и вотъ на основаніи какихъ разсужденій онъ кинулся, очертя голову, въ революцію: «Я припоминалъ себѣ все, что мое воображеніе представляло наиболѣе яркаго и широкаго по своему замыслу; я допустилъ разсудокъ увлечься ролью вождя партіи, которая всегда такъ плѣняла меня въ жизнеописаніяхъ Плутарха... и отдался всѣмъ волненіямъ славы» [11]).

Эта характерная черта достигаетъ своей зрѣлости въ поэзіи Корнеля, въ политикѣ Ришельє, въ философіи Декарта. Затѣмъ она какъ бы собирается съ силами, сосредоточивается, углубляется въ себя и достигаетъ своего апогея у Людовика XIV, но затѣмъ начинаетъ ослабѣвать. Абсолютная монархія, *Политика* Боссюета, трагедія Расина—все это плоды, происшедшіе изъ того же зародыша и возросшіе на одномъ же стволѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи они падаютъ, вянутъ, сохнутъ и разлагаются. Государство мельчаетъ, мысль становится утонченнѣе; по улетучиваясь и паря высоко надъ земнымъ міромъ, въ то же время она распространяется съ бо́льшей быстротой и становится всеобщей. Но и эта выродившаяся мысль остается все-таки французской; такого рода эволюція совершенно въ духѣ языка и характера этого народа.

---

[9]) 2 partie, ch. XIII. 1649. Ed. Champollion. Paris, 1873.

[10]) Ibid., ch. I, p. 153, note.

[11]) Ibid., ch. IV. 1648.

Жозефъ де-Местръ говорилъ французамъ: [12]) «Двѣ особенности отличаютъ васъ отъ всѣхъ народовъ: духъ ассоціаціи и духъ прозелитизма. Всѣ ваши идеи національны и полны страстности. Мнѣ сдается, что пророкъ нарисовалъ именно васъ своей чудесной кистью, когда сказалъ, двадцать пять столѣтій тому назадъ: «всякое слово этого народа—заговоръ»... Каждое мнѣніе, высказываемое вами передъ лицомъ Европы, подобно тарану, двинутому тридцатью милліонами человѣкъ. Вѣчно движимые жаждой успѣха и вліянія, вы живете какъ бы исключительно для удовлетворенія этой потребности; а такъ какъ нація всегда обладаетъ и необходимыми для свершенія предопредѣленныхъ ей судебъ средствами, то и вы находите ихъ въ языкѣ, съ помощью котораго вы царите несравненно болѣе, чѣмъ посредствомъ вашего оружія, хотя послѣднее и покоряло вселенную. Это господство языка не зависитъ отъ его формы, оно такъ же старо, какъ и самъ языкъ, и еще въ тринадцатомъ столѣтіи одинъ итальянецъ писалъ по-французски исторію своего отечества, *потому что французскій языкъ употребляется въ свѣтѣ и пріятнѣе для чтенія и слуха, чѣмъ всякій другой языкъ*».—«Опасная книга, написанная по-французски, равняется объявленію войны всей Европѣ»,—сказалъ Бона [13]).

Дѣло въ томъ, что вся Европа говоритъ на этомъ языкѣ и понимаетъ его. «Большинство нѣмецкихъ ученыхъ—черпорабочіе, — пишетъ Фридрихъ; — французскіе же — артисты; вотъ почему французскія книги распространились такъ повсемѣстно и французскій языкъ замѣнилъ латинскій. Въ настоящее время, зная французскій языкъ, можно путешествовать по всей Европѣ» [14]). Французскій языкъ подходитъ къ характеру восемнадцатаго вѣка, какъ латинскій — къ среднимъ вѣкамъ. Онъ упрощаетъ и обобщаетъ, онъ усвоивается всѣми, какъ удачное математическое выраженіе. Это распространеніе французскаго языка и французскаго духа можно считать совершившимся фактомъ уже съ 1750 г., предшествовавшее столѣтіе подготовило его. Крайности и ошибки Людовика XIV способствовали этому не въ меньшей степени, чѣмъ самая слава его царствованія. Изгнанные Нантскимъ эдиктомъ французы, разойдясь по Европѣ, посѣяли въ ней духъ французскаго народа и работали для славы своей родины въ то самое время, когда она отвергала ихъ. Сами того не подозрѣвая и страстно желая сражаться съ ней, они открывали новые пути для ея могущества. Они образовали въ Пруссіи колоніи, которыя въ моментъ великой революціонной борьбы сдѣлались центромъ французской партіи, нерѣдко даже очагомъ пропаганды, и во всякомъ случаѣ друже-

---

[12]) *Soirées de St.-Pétersbourg*, 6-me entretien.

[13]) Sainte-Beuve. *Causeries du Lundi*, t. IV, статья *Bonald*.

[14]) *Histoire de mon temps*., ch. I.

скимъ пріютомъ [15]). Когда власти, порожденныя революціей, вздумали вернуться къ политическимъ традиціямъ Ришелье, примѣняя ихъ къ своимъ принципамъ и страстямъ, они нашли въ Германіи замѣчательное сочувствіе къ своимъ намѣреніямъ, и это было весьма понятно: государственные люди, съ которыми они вели переговоры, учились исторіи у того же историка и заимствовали у своихъ учителей-эмигрантовъ вмѣстѣ съ языкомъ и традиціи французской политики.

Въ 1783 г. берлинская академія предложила на конкурсъ вопросъ: «Что сдѣлало французскій языкъ всемірнымъ?» Ривароль отвѣчалъ: «Искренность, соединенная съ духомъ этого языка и дѣлающая его единственнымъ въ мірѣ. Точный, общественный и разумный, онъ пересталъ быть французскимъ, сдѣлавшись языкомъ всего человѣчества». Сочиненіе Риваролля было признано лучшимъ, и онъ получилъ премію. Такимъ образомъ берлинская академія санкціонировала прерогативы французскаго духа, которыми Франція давно владѣла въ цивилизованномъ мірѣ.

Французскій языкъ—языкъ мыслителей, интернаціональное выраженіе міровыхъ идей. Желающій подѣлиться своей мыслью съ человѣчествомъ, излагаетъ ее по-французски. Такъ Формей, ученикъ Вольфа, напечаталъ *La belle Wolfienne* и *Abregé* сокращенное изложеніе сочиненій своего учителя; Бильфельдъ пишетъ по-французски свои *Institutions politiques*, назначенныя для поученія германскихъ государей и дипломатовъ. Гиббонъ пишетъ на французскомъ языкѣ свою первую книгу; Ваттель, служа при саксонскомъ дворѣ и обращаясь преимущественно къ нѣмцамъ, пишетъ по-французски свой знаменитый трактатъ *Du droit de la nature et des gens*. Можно было бы составить очень поучительную и интересную книгу о французской литературѣ за-границей въ 18-мъ столѣтіи [16]).

Кромѣ того, французскій языкъ—языкъ государей и дипломатіи. Отправляя въ 1770 г. посланника въ Берлинъ, Кауницъ считаетъ необходимымъ написать инструкцію на французскомъ языкѣ, такъ какъ «съ королемъ прусскимъ принято говорить на этомъ языкѣ». Тому же обычаю слѣдуютъ при дворахъ польскомъ, шведскомъ, почти по всей Германіи и даже при вѣнскомъ дворѣ.

Фридрихъ, Екатерина II, Марія-Терезія, Іосифъ II, Леопольдъ, несмотря на свое германское происхожденіе, пишутъ другъ другу по-французски. На этомъ же языкѣ пишетъ и Мерси свои конфиденціальныя донесенія императрицѣ-матери о Маріи-Антуанетѣ и ея жизни въ Франціи. Элегантное

---

[15]) Schickler. *Les églises du refuge*. Paris, 1882.—Sayous. *Histoire de la littérature à l'étranger depuis le commencement du dix-septième siècle*. Paris, 1853.

[16]) Sayous. *Le dix-huitième siècle à l'étranger*.

общество не знаетъ иного языка. Дипломаты въ своихъ совѣщаніяхъ пользуются имъ же. Французскій языкъ — языкъ разговорный, а въ дипломатіи бесѣды имѣютъ первенствующее значеніе. Манифесты, ноты, трактаты пишутся на французскомъ языкѣ: желая обратиться къ Европѣ, пользуются опять-таки французскимъ языкомъ, и притязанія соперниковъ смолкаютъ передъ этимъ признаннымъ превосходствомъ. Кромѣ того, въ важныхъ случаяхъ необходимо быть яснымъ и понимать другъ друга; если этого не бываетъ, то только умышленно [17]). Нельзя сказать, чтобъ обычай употребленія французскаго языка происходилъ вслѣдствіе хотя бы безмолвнаго соглашенія. Его ввела самая сила вещей. Отъ времени до времени поднимаются протесты, ссылаются на права и привилегіи другихъ языковъ, при чемъ, создавая новые прецеденты, объявляютъ, что ихъ не надо принимать въ расчетъ. Таковъ союзный трактатъ между Франціей и Австріей 1757 г.: къ нему прибавляютъ секретную статью, гласящую, что договоръ написанъ по-французски только потому, что нѣмцы этого желаютъ [18]). Тѣмъ не менѣе обычай установился, и основаніе его очень ясно обрисовано въ депешѣ французскому уполномоченному на германскомъ сеймѣ. Нѣмцы жаловались, что имъ не писали на латинскомъ языкѣ, который былъ оффиціальнымъ языкомъ Священной Имперіи. «Напрасно стали бы предполагать, — говорило по этому поводу французское правительство,—что мы, сохраняя прежній обычай, имѣемъ притязаніе дать преобладаніе французскому языку и принудить къ тому другія націи: онѣ вольны употреблять свой собственный, какъ и мы вольны говорить на своемъ. Если за это послѣднее время французскій языкъ получилъ

---

[17]) Трактаты о раздѣлѣ Польши составлены на французскомъ языкѣ: косвенная дань политики честности языка.

[18]) Отдѣльная статья трактата 1-го мая 1757: «Рѣшено, что употребленіе французскаго языка въ экземплярахъ трактата, подписаннаго сегодня, а также въ актахъ соглашенія, послужитъ примѣромъ, могущимъ нанести ущербъ которой-нибудь изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, и что впредь будутъ сообразоваться съ тѣмъ, что соблюдается и должно соблюдаться относительно и со стороны тѣхъ державъ, которыя имѣютъ обыкновеніе и желаніе давать и получать экземпляры подобныхъ трактатовъ не на французскомъ, а на другомъ языкѣ».—Ср. статью CXX окончательнаго акта вѣнскаго трактата 1815: «Такъ какъ французскій языкъ исключительно употреблялся во всѣхъ экземплярахъ предлежащаго трактата, то державы, участвующія въ немъ, признали, что употребленіе этого языка не должно имѣть послѣдствій въ будущемъ, и каждая держава предоставляетъ себѣ въ будущихъ переговорахъ и конвенціяхъ употреблять тотъ языкъ, которымъ пользовалась до сихъ поръ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, при чемъ нельзя ссылаться на настоящій трактатъ, какъ на примѣръ, противный установившимся обычаямъ».

преобладаніе, то только потому, что онъ распространенъ по всей Европѣ. потому что онъ отличается точностью и потому, что латинскій языкъ... уже не принятъ въ политическихъ сношеніяхъ и, такъ сказать, сосланъ въ коллегіи и университеты» [19]): Авторъ *Institutions politiques* констатируетъ этотъ фактъ и говоритъ, что государственному мужу уже не можетъ быть дозволено ломать французскій языкъ. Тѣмъ не менѣе, въ искаженіяхъ не будетъ недостатка. Подъ вліяніемъ чужеземныхъ условій, разливаясь по свѣту, языкъ теряетъ чистоту и прозрачность первоначальнаго источника. Въ разноплеменномъ обществѣ европейскихъ государствъ каждый приспособляетъ къ индивидуальнымъ, расовымъ особенностямъ этотъ иностранный инструментъ, которымъ научился владѣть. Съ французскимъ языкомъ случилось то же, что и съ замѣненнымъ имъ латинскимъ. Явился стиль *рефюжье*, стиль европейскій, добродѣтельный, чувствительный и философскій, который относится къ языку Вольтера и Руссо, какъ средневѣковый жаргонъ къ языку Цицерона.

Но здѣсь дѣло не въ словарѣ или грамматикѣ; важно то, что всякое слово, идущее изъ Франціи, находитъ доступъ къ человѣческому сердцу. Это фактъ, который даетъ удивительные результаты даже въ области политики. «Просвѣщенная» Европа не ограничивается тѣмъ, что мыслитъ по-французски о всемірныхъ идеяхъ, изучаетъ по-французски міровую науку, учитъ по-французски свою собственную исторію. *L'Essai sur les moeurs* и *Le siècle de Louis XIV*—блестящія руководства, изъ которыхъ свѣтскіе люди, государи и политики черпаютъ общій запасъ своихъ историческихъ знаній. Несмотря на то, что съ теченіемъ времени отпечатокъ поистерся, слѣды его еще замѣтны. Справедливо указывали на слабыя стороны Вольтера, на его дурные поступки по отношенію къ родинѣ, но историкъ въ немъ гораздо выше человѣка. Главная идея, особенно въ *Le siècle de Louis XIV*, вполнѣ французская. Образованная Европа разсматриваетъ собственную исторію именно съ этой точки зрѣнія, и это даетъ въ результатѣ въ высшей степени благопріятное для Франціи положеніе. Когда послѣ пропаганды своихъ дѣйствій, она захотѣла впослѣдствіи расширить свое владычество, то нашла Европу столь же близко знакомой съ ея политическими воззрѣніями, какъ нѣкогда съ ея соціальными идеями и столь же дисциплинированною, такъ сказать, для ея управленія, какъ нѣкогда по отношенію къ сдѣланной ею революціи.

Однѣ книги не могли дать такого результата, нужно было горячее слово, живая пропаганда, наконецъ эмиссары. Ихъ легіонъ, они разсыпаются по всей Европѣ; Вольтеръ подаетъ сигналъ: Дидро путешествуетъ по Голландіи и проникаетъ въ Россію; д'Аламберъ возитъ по свѣту свой

[19]) Отъ 18 февраля 1792 г. Иностранныя дѣла.

лучезарный умъ, Рейналь свое «провидѣніе», Кондильякъ—свою методу и свои изумительные способы точнаго изслѣдованія. Что касается до бродячихъ полубоговъ, то списокъ ихъ былъ бы слишкомъ длиненъ. Какой нибудь Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ отправляется въ Россію, чтобъ играть тамъ роль законодателя: бродитъ по Польшѣ и въ этихъ неблагодарныхъ странахъ, среди неудачъ и разочарованій, ищетъ самого себя и развиваетъ свою геніальность, которая проявится въ полномъ блескѣ лишь позднѣе, на Иль-де-Франсѣ. Какой-нибудь Дюмурье шатается по всѣмъ проселочнымъ дорогамъ и останавливается во всѣхъ трактирахъ; то отправляется съ котомкой за плечами и палкой въ рукѣ въ Италію; то упражняется въ интригахъ въ Испаніи; то участвуетъ въ междоусобной войнѣ на Корсикѣ; то—въ польскихъ волненіяхъ, въ ожиданіи того часа, когда случай передастъ въ его руки честь и счастіе его родины. Къ учителямъ, которыхъ приглашаютъ и чествуютъ, къ незнакомцамъ, которые гранятъ мостовую и стучатся въ двери, присоединяются любопытные, которые хотятъ посмотрѣть свѣтъ и поучиться. Прибавьте еще иностранцевъ-космополитовъ, дипломатовъ-военныхъ, ученыхъ, философовъ, публицистовъ, которые изъ этой разсѣянной по лицу Европы Франціи создаютъ себѣ нѣчто въ родѣ условнаго отечества; со временъ Морица Саксонскаго до эпохи Гримма, Франція призываетъ къ себѣ всѣхъ; шла даже рѣчь о томъ, чтобъ заманить Гете, еще въ бытность его студентомъ, въ секретари нѣмецкаго посольства въ Версалѣ. Наконецъ, мутный и шумный рой вѣстовщиковъ, журналистовъ, спекуляторовъ, тайныхъ агентовъ, всякаго рода ажіотеровъ и факторовъ, которые, работая въ подпольяхъ, тѣмъ не менѣе роютъ русло, по которому потекутъ великія воды.

«Настало время сказать: французскій міръ», говоритъ одинъ современникъ [20]). Подобно всѣмъ завоевателямъ, французы возбуждаютъ въ одно и то же время и восхищеніе и страхъ. Имъ льстятъ и завидуютъ, ихъ господство выносится съ глухимъ раздраженіемъ и тайнымъ стремленіемъ избавиться отъ него. Французы удивляютъ, импонируютъ, порою приводятъ въ восторгъ, но чаще забавляютъ; не могу сказать, что ихъ любятъ, а въ особенности, чтобъ любили ихъ отечество. Только крайнее непостоянство и частыя недомоганія версальскаго правительства успокоиваютъ Европу насчетъ политическихъ послѣдствій такого необычайнаго распространенія французскаго генія. Европа пользуется этимъ и злорадно торжествуетъ, думая что, разбрасываясь, французы ослабляютъ себя. Это сужденіе страдаетъ близорукостью. Интеллектуальное лучеиспусканіе Франціи въ восемнадцатомъ столѣтіи не есть уклоненіе отъ правильнаго роста—напротивъ—это его естественное и послѣдовательное развитіе. Франція продол-

[20]) Rivarol, *Discours sur l'univevsalité de la langue française.*

жаетъ царствовать въ томъ духѣ, который приличенъ времени. Ея счастіе, что великія эпохи ея исторіи были великими эпохами и для новѣйшаго общества. Она предложила Европѣ высшій типъ національной и государственной цивилизаціи; нація продолжаетъ и завершаетъ трудъ государства. «Въ семнадцатомъ вѣкѣ, на Европу вліяетъ французское правительство, въ восемнадцатомъ—французское общество», сказалъ Гизо [21]). Прежде чѣмъ столѣтіе кончилось, государство собрало то, что посѣяла нація.

II.

Для того чтобы подчиниться этому чисто нравственному господству Франціи, необходимо была предварительная подготовка и дисциплина. Такою подготовкою послужило единообразіе воспитанія. Никогда еще сходство между образованными людьми не достигало такой степени. Руссо указывалъ на этотъ фактъ и находилъ его прискорбнымъ. «Въ настоящее время, писалъ онъ въ 1772 году, нѣтъ ни французовъ, ни нѣмцевъ, ни испанцевъ, ни даже англичанъ, есть только европейцы. У всѣхъ одни и тѣ же вкусы, тѣ же страсти, тѣ же нравы, потому что никто не получилъ національнаго воспитанія въ своеобразномъ учрежденіи» [1]). Всѣ они выходятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же школъ, въ которыхъ методъ обученія былъ совершенно отвлеченный, а преподаватели принадлежатъ къ космополитическому ордену. До 1762 г. великими воспитателями Европы были іезуиты: изгнанные изъ католическихъ государствъ, они продолжаютъ учить диссидентовъ, и даже тамъ, гдѣ ихъ изгнали, продолжаютъ имъ подражать. Іезуиты представляютъ шедёвръ классическаго духа; они всего сильнѣе способствовали его распространенію и подготовили его господство. И такъ какъ это духъ самаго вѣка, то самые пламенные противники іезуитовъ были ихъ самыми рабскими подражателями. Философы обращаютъ противъ іезуитовъ ихъ собственные логическіе пріемы. Якобинцы усвоятъ ихъ мудрую организацію, безпощадную дисциплину и воспользуются всѣми ихъ средствами пропаганды для распространенія революціонныхъ принциповъ [2]).

Незнатные дворяне и буржуа поступаютъ въ учебныя заведенія; у аристократовъ и принцевъ преподавателями состоятъ священники-философы или философы, вышедшіе, въ большинствѣ случаевъ, изъ духовныхъ школъ. Кондильякъ составляетъ для герцога Пармскаго *Курсъ наукъ* и въ своемъ

---

[21]) Guizot, *Civilisation en Europe*, leçon XVI.

[1]) *Gouvernement de la Pologne*, ch. III, et IV.

[2]) Mallet du Pan, *Mémoires et correspondance*. t. II, p. 135.—Taine, *La Révolution*. t. II, *Psychologie du jacobin*.—André Chénier, *Oeuvres en prose*, p. 311. Paris, 1872.

Трактатъ объ искусствѣ писать даетъ своему августѣйшему ученику, какъ примѣръ слога, слѣдующія фразы: «Просвѣщенный государь убѣжденъ, что всѣ люди равны» [3]). По словамъ Рюльера, «въ Петрѣ III воспитывали любовь къ равенству». У внука его Александра воспитателемъ былъ Лагарпъ, другъ человѣчества и просвѣщенія. Въ Швеціи, при Густавѣ III, высшій свѣтъ восторгается «Эмилемъ», который становится программой просвѣщеннаго воспитанія.

По окончаніи средняго образованія, всѣ тѣ, кто не избираетъ поприщемъ военную службу, поступаютъ въ университеты, съ цѣлью изученія юридическихъ наукъ. Страсбургскій университетъ былъ особенно знаменитъ во всей средней Европѣ; профессорами тамъ были, между прочимъ, Шеффлинъ и Кохъ. Молодые французы пріѣзжали туда знакомиться съ Европой. Мы встрѣчаемъ въ числѣ студентовъ: Талейрана, Нарбонна, Сегюра, Траси, Рейневаля, Биньона; они сталкивались съ мододыми нѣмцами, пріѣзжавшими изучать Францію, и рядомъ съ именами Гете и Гердера мы встрѣчаемъ не мало будущихъ дипломатовъ, между прочимъ Меттерниха, который жилъ въ Страсбургѣ въ 1788, и Кобенцеля. Такимъ-то путемъ французскія доктрины проникли въ Германію; такъ подготовлялась школа профессоровъ и легистовъ, которая сдѣлалась ядромъ французской партіи въ Майнцѣ, и образовались тѣ связи, которыя впослѣдствіи облегчили завоеваніе лѣваго берега Рейна.

Чисто французское воспитаніе, которое получали свѣтскіе люди, завершаетъ дѣло коллежей и университета. «Я много разъ повторялъ и искренно думаю,—пишетъ лордъ Честерфильдъ,—что если французъ соединяетъ съ добродѣтелью, эрудиціей и здравымъ смысломъ манеры и вѣжливость, отличающія его отечество, то онъ—совершенство человѣческой природы». Европейское общество воспроизводитъ болѣе или менѣе совершенно общество французское. Даже въ Веймарѣ, гдѣ послѣднюю треть столѣтія преобладалъ германскій геній, мы находимъ всѣ черты, отличающія образованное общество Парижа, хотя несомнѣнно въ болѣе серьезной и сдержанной формѣ. Та же страсть къ наукѣ, то же увлеченіе новшествами, то же стремленіе къ развитію ума, та же жизнерадостность, то же опьяненіе иллюзіями, нерѣдко смѣшанное съ такимъ же насмѣшливымъ и язвительнымъ скептицизмомъ. Умиляются и издѣваются; смѣются съ Вольтеромъ, возвращаясь послѣ прогулки съ Руссо. Чувствительность царила вездѣ, но безвѣріе было всеобщимъ. Академія, основанная въ 1786 кельнскимъ курфирстомъ, была философской. Въ католической Германіи небрежность религіознаго образованія, въ соединеніи съ легкостью нравовъ, порождаетъ религіозный индифферентизмъ. Легкомысліе французовъ служитъ имъ охраной отъ край-

[3]) Livre I, ch. II.

ностей ихъ собственной мысли, и въ Европѣ эта мысль царитъ деспотичнѣе, чѣмъ въ самой Франціи.

Не только духъ революціи, но и излюбленныя выраженія ея господствуютъ въ образованномъ европейскомъ обществѣ еще до революціи, благодаря французскимъ писателямъ, которые сами перевели эти слова съ латинскаго: *Sous un roi citoyen*, *tout citoyen est roi* (при королѣ гражданинѣ, всякій гражданинъ—король) принадлежали сыну Расина [4]).

Боссюетъ въ своей *Politique* [5]), въ главѣ *о любви къ отечеству*, объявляетъ: «Надо быть гражданиномъ и жертвовать отечеству всѣмъ, что есть самаго дорогого». Трагедіи Вольтера пропагандировали эти формулы; Руссо придалъ имъ новую свѣжесть. Прежде чѣмъ сдѣлаться очереднымъ вопросомъ въ революціонныхъ собраніяхъ, добродѣтель была вопросомъ моды въ высшемъ европейскомъ свѣтѣ. Только и было рѣчей, что о гражданахъ и патріотахъ [6]). Государи гордятся этими наименованіями. «За королеву стоятъ всѣ имперскіе князья, эти истинные патріоты»,—пишетъ въ 1742 одинъ агентъ лотарингскаго дома [7]). Въ письмѣ, адресованномъ русскимъ правительствомъ австрійскому посланнику въ С.-Петербургѣ и сообщающемъ о низложеніи Петра III, говорится: «Ея Величество Императрица, вступивши сегодня на престолъ всея Россіи, чтобъ исполнить желанія всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ и истинныхъ патріотовъ имперіи, повелѣла сообщить объ этомъ всѣмъ иностраннымъ резидентамъ при ея дворѣ» [8]). Просматривая переписку государей, ихъ манифесты и въ особенности пасквили, которые они сочиняли или поручали сочинять по адресу своихъ противниковъ, представляешь себя въ Парижѣ, среди самаго разгара революціонной трагедіи.

Прислушайтесь къ этимъ словамъ: «Неужели его величество можетъ подавать мнѣ одною рукою свое царственное сердце, а другою—кинжалъ». Вамъ кажется, что вы слышите министра «патріота», покинутаго и отданнаго на жертву дворомъ. Нѣтъ—это германскій императоръ, легкомысленный баварецъ Карлъ VII, обращается къ Флери, жалуясь, что его покинули. «Съ какой подлой дрянью приходится намъ имѣть дѣло,—восклицаетъ другой,—и какимъ образомъ можемъ мы, окруженные такими низкими

---

[4]) Слова эти были сказаны королю при возвращеніи его изъ Меца въ Парижъ въ 1744 году.

[5]) Livre I article 6.

[6]) «Vauban, aussi bon patriote, que grand preneur de places», Saint-Simon, *Parallèle*, p. 277. Littré, art. *Patriote*. Въ 1746 въ Брестѣ спустили на море корабль *Citoyen*.

[7]) Отъ маркиза Стенвилля Флёри, приведено герцогомъ Брольи въ его книгѣ *Frédéric II et Louis XV*, t. II, p. 43.

[8]) Archives des Affaires étrangères.

и продажными негодяями, поддержать конституцію... и противиться отчаянному разбою этого вѣнскаго тирана» [9]). Не думайте, что это Бриссо обвиняетъ съ трибуны *австрійскій комитетъ*;—это прусскій король пишетъ одному изъ своихъ министровъ [10]). А вотъ рѣчи, которыя могъ бы произнести въ концѣ 1792 какой-нибудь великодушный жирондистъ, обращаясь къ чужеземному народу, борющемуся за свою независимость: «Противиться гнету, спасать отечество отъ несправедливыхъ захватовъ, сражаться за свободу—вотъ въ чемъ заключается ваша дѣятельность передъ лицомъ Европы въ теченіе долгихъ лѣтъ. Обязанность каждаго человѣка повелѣваетъ поддерживать тѣхъ, кто проявляетъ такія высокія, благородныя и естественныя чувства. Счастливъ тотъ, кто въ состояніи въ лицѣ вашемъ поддержать добродѣтель истинныхъ гражданъ, великихъ душъ!..» Это великая Екатерина поздравляетъ Паоли [11]). А, наконецъ, въ заключеніе прочтите страничку изъ памфлета Фридриха, написаннаго въ 1760 [12]), и скажите, развѣ не слышится въ ней тонъ Камилля Демулена, пишущаго о заговорѣ королей противъ Франціи, въ его *Révolutions de France et de Brabant*: «Какая разница между сообществомъ какихъ-то неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые совершатъ нѣсколько убійствъ и ограбятъ нѣсколькихъ честныхъ людей, и союзомъ, украшенномъ громкими именами, цѣль котораго опустошить Европу войной, чтобъ ограбить государя, опирающагося единственно на свои собственныя силы? Ваши министры дѣйствуютъ подкупами и происками при европейскихъ дворахъ, добывая соучастниковъ для своихъ преступленій; они увѣряютъ однихъ, что добыча будетъ богата, другимъ обѣщаютъ львиную долю и, наконецъ, возбуждая честолюбіе и корысть третьихъ, имъ удается образовать союзъ, гибельный для спокойствія Европы» [13]).

Республиканская реторика переходитъ изъ французской литературы въ иностранную. Альфіери пишетъ противъ ненавистныхъ для него французовъ сочиненія, въ которыхъ имъ же подражаетъ. Его театральныя пьесы чисто классическія; дѣйствующія лица въ нихъ совершенно абстрактны;

---

[9]) Впрочемъ обычай называть тиранами своихъ противниковъ беретъ свое начало у классиковъ, и самые серьезные авторы пользуются имъ. Бальзакъ въ своей книгѣ *le Prince*, представляющей панегирикъ Людовику XIII расхваливаетъ его итальянскій походъ. Въ главѣ XVIII онъ разсказываетъ, что, перейдя Альпы, «онъ открываетъ двери темницъ цѣлой націи и возвѣщаетъ тѣмъ, которые страдаютъ отъ тирановъ, что ихъ освободитель пришелъ». Однимъ изъ политическихъ правилъ д'Аржансона было: «Унижать тирановъ, *Mémoires*, t. IV, p. 135.

[10]) Ranke, *Die deutschen Maechte*, t. II, p. 242.

[11]) Rambaud, *Etudes sur Catherine II* (Revue des deux Mondes).

[12]) *Lettres d'un Suisse*. Oeuvres, t. XV.

[13]) Сравните въ *Louvois*, Руссе, пасквили Шамлэ противъ коалиціи, t., I, p. 5, 26. t. III, p. 221; t. IV, p. 376, 377, 395, 398.

посредствомъ своихъ трагедій онъ думаетъ сдѣлать людей «свободными, сильными, великодушными», возбудить въ нихъ энтузіазмъ «добродѣтели, любовь къ отечеству», научить ихъ сознанію своихъ правъ. Въ 1789 онъ пишетъ трактатъ противъ тиранніи [14]). Въ Германіи поэты величаютъ Фридриха «отцомъ отечества». Другіе, менѣе льстивые, какъ напримѣръ, Штольбергъ, воспѣваютъ наступленіе свободы и изображаютъ ее въ видѣ потока, переполненнаго кровью тирановъ.

Сочиненія Шиллера въ эту эпоху—не что иное, какъ пламенная ода человѣчеству, искренняя и восторженная пѣснь свободы. Но блестящій стиль и новизна образовъ не должны закрывать сущности идеи: она вполнѣ республиканская, т. е. римская и классическая, какъ онъ самъ это высказалъ однажды [15]). Разбивая ветхую форму трагедіи, обновляя и оживляя обветшавшій театръ, Шиллеръ все-таки не избѣжалъ французскаго вліянія, и его стихи одушевлены тѣмъ же духомъ, какимъ впослѣдствіи были проникнуты ораторы Учредительнаго собранія. *Разбойники*—драма слѣпой и фанатичной революціи [16]). *Коварство и Любовь*—горячая сатира противъ злоупотребленій власти, пороковъ знати, подлостей мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, грабившихъ свои государства и торговавшихъ своими подданными. «Въ глубинѣ души маркиза Позы лежитъ республиканская добродѣтель», писалъ Шиллеръ по поводу *Донъ-Карлоса*. Эту добродѣтель онъ проповѣдуетъ въ *Фіеско* и доводитъ ее до убійства тирана. Пьеса не имѣла успѣха. Шиллеръ приписывалъ это германской апатіи и суровой дисциплинѣ нѣмцевъ. «Республиканская свобода у насъ—пустыя слова,—говорилъ онъ,—въ жилахъ этого народа не течетъ ни одной капли римской крови!»

Англичане хвалились тѣмъ, что у нихъ этой крови меньше, чѣмъ у кого-либо, но тѣмъ не менѣе дыханіе вѣка повѣяло и на нихъ. Возникла философія прирожденныхъ идей, философія Локка, прозрачный и приторный ликеръ, который Вольтеръ дестиллируетъ и разливаетъ по всей Европѣ. Мутныя воды проникаютъ и въ Англію и текутъ тамъ ручьями. Онѣ порождаютъ ту же горячку разрушенія и возсозданія, которая овладѣла континентомъ: «Деизмъ, атеизмъ, матеріализмъ, скептицизмъ, идеологія, теорія

---

[14]) *Vita di Alfieri*. Epoca III, ch. IV, Ep. VI, ch. XIII.

[15]) Письма о Донъ-Карлосѣ Шиллера, письмо II.

[16]) «Законъ еще никогда не создавалъ великаго человѣка, говоритъ Карлъ Мооръ, только свобода рождаетъ колоссовъ. О! Еслибъ духъ Арминія тлѣлъ подъ пепломъ. Стоило бы ему собрать отрядъ изъ такихъ какъ я, и Германія стала бы республикой, рядомъ съ которой Аѳины и Спарта показались бы женскимъ монастыремъ». *Разбойники*, актъ I, сцена II, 1782. Брошюра вышла въ свѣтъ съ фронтисписомъ, изображающимъ бѣшенаго льва и съ надписью: *In Tirannos*.

возврата къ природѣ, провозглашеніе правъ человѣка, всѣ смѣлыя положенія Болингброка, Тиндаля, Мандевилля, вся отвага Гартлея, Бентама, однимъ словомъ вся наличность революціонныхъ ученій [17]). Прибавьте къ этому вліяніе ораторовъ на государственное управленіе. При немъ такъ возможны злоупотребленія дутой реторики и отвлеченной логики. Это самая пригодная среда для преобладанія классицизма. Англичане знаютъ это по опыту [18]). При такомъ управленіи, по словамъ Маколея «въ политическомъ дѣятелѣ выше всего цѣнится даръ слова, а этотъ даръ можетъ быть въ высшей степени развитъ у человѣка, который не обладаетъ ни разсудительностью, ни мужествомъ, ни способностью понимать характеръ людей и знаменія времени, у человѣка, не знающаго основъ законодательства или политической экономіи и не имѣющаго никакихъ дипломатическихъ или военныхъ дарованій. Изъ королевскаго альманаха можно извлечь интересный списокъ канцлеровъ, не имѣвшихъ понятія о принципахъ справедливости, первыхъ лордовъ Адмиралтейства, не знакомыхъ съ первыми основами мореплаванія, министровъ колоній и лордовъ казначейства, не знающихъ разницы между консолидированнымъ и простымъ займомъ, секретарей индійскихъ дѣлъ, не знавшихъ кто такіе махраты *)—мусульмане или индусы».

Важно было не знаніе дѣлъ, а умѣніе говорить о нихъ въ томъ тонѣ, который нравится большинству собранія. Въ этомъ вожди парламента достигли совершенства. Фоксъ былъ краснорѣчивъ отъ природы; съ неглубокимъ знаніемъ политической исторіи онъ соединялъ полное невѣжество въ естественныхъ наукахъ, финансахъ и торговлѣ, но онъ обладалъ великодушной душой, увлекательной рѣчью, характерностью, обаяніемъ, а главное—тщательнымъ изученіемъ образцовъ древности. Такова же была сущность таланта Борка, соединенная съ рѣдкой силой діалектики. Въ своихъ рѣчахъ или, вѣрнѣе сказать, диссертаціяхъ онъ побивалъ революціонныя отвлеченности отвлеченностями монархическими, и въ этомъ надо искать причину того сильнаго впечатлѣнія, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ и даже на французовъ. Эрскинъ и Шериданъ были патетичны и умѣли потрясать свою аудиторію великими трагическими эффектами. Дебаты англійскаго парламента знамениты и заслужили свою славу, но его ораторы витійствовали на классическій ладъ, и это важно выяснить.

---

[17]) Taine. *Histoire de la littérature anglaise* liv. IV, ch. I. Paris 1863.

[18]) Маколей. *Вильямъ Питтъ, Лордъ Чатамъ*. Т. 5. May, t. I.—Stanhope, *Vie de Pitt*. t. I.—Rémusat. *L'Angletterre au dix-huitième siècle*. Paris 1856.

*) Махраты или маграты—весьма могущественное въ XVIII вѣкѣ племя въ Индостанѣ, нынѣ покоренное, бо́льшею частью, англичанами. Это воинственное племя происходитъ отъ раджпутовъ. Исповѣдуетъ браманизмъ.

Одинъ молодой французъ, путешествуя по Англіи въ 1754 году, отправился въ парламентъ. Лордъ Эгмонтъ возставалъ противъ билля, требующаго усиленія арміи, и называлъ его опаснымъ для свободы. Онъ «говорилъ съ гордостью истиннаго республиканца», писалъ нашъ путешественникъ, только что вышедшій изъ коллежа [19]).

Вглядимся теперь не въ ораторовъ оппозиціи, а въ представителей правительства и знаменитѣйшихъ политиковъ. Та же основа, та же культура, приносящая плоды еще болѣе существенные и растущіе на болѣе крѣпкомъ стволѣ. Лордъ Чатамъ не зналъ ничего вполнѣ хорошо, онъ не изучалъ никакого предмета; юридическія науки были ему такъ же чужды, какъ и финансы, онъ даже не зналъ устава палаты общинъ. Но это былъ дивный ораторъ: онъ имѣлъ все, что плѣняетъ собраніе. Онъ обладалъ «необыкновенной способностью внушать массамъ любовь и довѣріе краснорѣчіемъ, которое плѣняло слухъ, горячило кровь въ жилахъ и наполняло глаза слезами». Онъ излагалъ плохо, расточалъ смутные образы и разливался въ пылкихъ упрекахъ; эти «театральныя привычки» такъ въѣлись въ него, что онъ не могъ отъ нихъ избавиться даже въ совѣтѣ. Его смерть въ парламентѣ, въ самый разгаръ войны, во время кризиса, среди торжественныхъ дебатовъ, была послѣднимъ театральнымъ эффектомъ. Ни одна классическая трагедія не давала своимъ зрителямъ такой грандіозной катастрофы, какъ та, которая въ тотъ самый день поразила ужасомъ палату лордовъ.

Лорда Чатама сравнивали съ Демосѳеномъ; онъ воспиталъ своего сына на рѣчахъ аѳинскихъ ораторовъ Образованіе Вилльяма Питта было исключительно классическое: древніе авторы съ примѣсью элементарныхъ математическихъ понятій. Его отецъ давалъ ему читать избранные образцы краснорѣчія, проповѣди, упражнялъ его въ искусствѣ произносить общія мѣста и многословныя рѣчи, упражнялъ его также въ мимикѣ и театральныхъ жестахъ. Поступивъ въ Кембриджъ, Питтъ занимался только ораторскимъ искусствомъ; изучалъ Квинтиліана, разбиралъ рѣчи Ѳукидида, Саллюстія, Тита Ливія; онъ выписывалъ изъ нихъ цѣлыя тетради блестящихъ фразъ и удачныхъ выраженій. Въ промежуткахъ между ученіемъ сочинялъ трагедію и, чтобъ укрѣпить умъ, читалъ *Опытъ* Локка о разумѣ. Вотъ и весь умственный багажъ, съ которымъ онъ въ двадцать три года вступилъ въ парламентъ и ринулся въ битву. Съ этого времени онъ пересталъ учиться, не имѣя времени; онъ пріобрѣталъ знанія, изо дня въ день урывками, разговорами, смотря по тому, что требовалось политикой и что было нужно въ данную минуту. У него были секретари, которые опустошали для него архивы и дѣлали выписки изъ книгъ. Изъ ихъ записокъ

[19]) Rousset. *Le comte de Gisors.* p. 58.

онъ почерпалъ сильные доводы и элементы рѣчи, а его краснорѣчіе дѣлало остальное. «Законодательство и администрація были для него вопросомъ второстепеннымъ,—говоритъ Маколей.—Онъ не хотѣлъ жертвовать остатками своего времени или крохами своего блестящаго ума на обдумываніе законовъ, трактатовъ, на организацію флота, войска и экспедиціи. Вся сила и энергія его духа направлялись въ другую сторону. Когда требовалось увлечь и убѣдить палату общинъ, всѣ его способности проявлялись въ полной силѣ. Въ искусствѣ управлять при парламентскомъ режимѣ никто не достигалъ такого совершенства». Это заставляетъ насъ вернуться ко Франціи и ея революціи.

III.

Общность образованія и интеллектуальной культуры создаетъ близкое сродство между современниками. «Я съ удовольствіемъ вижу,—писалъ Вольтеръ одному русскому въ 1767 г.,—что въ Европѣ образуется громадная республика просвѣщенныхъ умовъ». Французскіе философы и ихъ ученики—первые граждане этой республики; всѣ признаютъ за ними это качество и во всякомъ образованномъ обществѣ они свои люди, если только не нарушаютъ приличій, являясь въ него. Разъ это вошло въ обыкновеніе, оно останется и тогда, когда революція поставитъ учениковъ этихъ философовъ во главѣ правленія. Какъ только она организуетъ правильную власть, старая Европа войдетъ охотно въ сношенія съ тѣми, кто будетъ держать эту власть въ своихъ рукахъ; собственно говоря, она только возобновитъ со старыми знакомыми прерванную на время связь. Какъ ни жестокъ былъ кризисъ, онъ не могъ порвать единенія, созданнаго вѣковою цивилизаціей. Всмотрѣвшись ближе въ это положеніе вещей, мы уяснимъ себѣ наиболѣе изумительные съ перваго взгляда факты исторіи революціи.

Плебейское происхожденіе французскихъ республиканцевъ не пугаетъ Европу. Она уже давно привыкла къ выскочкамъ. Я говорю здѣсь не только о людяхъ, которыхъ выдвинуло богатство,—за тѣми всегда ухаживали [1]),—или интриганахъ, которыхъ всегда охотно принимали; я говорю о тѣхъ, кто возвысился, благодаря своимъ политическимъ и военнымъ дарованіямъ или своему мужеству. Государство научилось отъ церкви брать своихъ слугъ отовсюду; разъ оно возвышало ихъ до себя, оно считало ихъ достойными довѣрія. Ве-

[1]) Въ эту пору всеобщаго разоренія за ними ухаживали болѣе, чѣмъ когда-либо. «Одержать побѣду—ничего не значитъ,—писала Великая Екатерина;—имѣть землю—это уже что-нибудь, деньги—это все. Богатство имѣетъ очень странную власть надъ человѣческимъ родомъ, такъ какъ сами монархи уважаютъ разбогатѣвшихъ». *Изданіе россійскаго историческаго общества.* Т. II.

ликіе политики временъ Возрожденія—Хименесъ, Вольсей, Лопиталь, были разночинцы. Папа Сикстъ V происходилъ изъ крестьянъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ Европа въ продолженіе десяти лѣтъ подчинялась волѣ англійскаго *country gentleman*'а и неаполитанскаго авантюриста. Тотъ и другой стояли на равной ногѣ съ королями. Кромвель выдалъ своихъ дочерей за лордовъ, изъ которыхъ одинъ — Фоконбриджъ былъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, а Мазарини вся Европа называла тайнымъ супругомъ Анны Австрійской.

Самые знаменитые министры, напримѣръ Ришелье, не важные господа: большинство изъ нихъ—адвокаты или разночинцы, какъ Лувуа, Кольберъ, Ліоннъ и весь этотъ кортежъ «презрѣнной буржуазіи», которымъ окружалъ себя Людовикъ XIV. Нужно ли напоминать ставшія классическими имена тѣхъ посредниковъ, которые, начиная съ президента Жанена и кончая Бартелеми, образуютъ непрерывную цѣпь дипломатовъ изъ буржуазіи. Дюбуа былъ плутъ, тѣмъ не менѣе папа сдѣлалъ его кардиналомъ, а регентъ—первымъ министромъ. Штратманнъ, канцлеръ Священной Имперіи при Леопольдѣ I, былъ простымъ адвокатомъ въ Жюльерѣ; Стелла, неаполитанецъ, котораго Карлъ VI сдѣлалъ своимъ совѣтникомъ, былъ сначала погонщикомъ муловъ, потомъ гайдукомъ, потомъ солдатомъ; въ 1715 г. мы встрѣчаемъ его при вѣнскомъ дворѣ съ титуломъ графа. Тамъ въ совѣтѣ онъ знакомится съ маркизомъ Перла̀, который началъ свою карьеру простымъ сельскимъ нотаріусомъ въ окрестностяхъ Барцелоны. Бартенштейнъ, умершій въ 1767 г. съ титуломъ барона и блиставшій въ Вѣнѣ, былъ сыномъ учителя въ Страсбургѣ. Шпильманъ, бывшій довѣреннымъ лицомъ въ эпоху революціи, былъ сыномъ башмачкина, а Тугутъ, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ это критическое время, былъ сыномъ мелкаго чиновника и воспитывался изъ милости. Я привожу въ примѣръ вѣнскій дворъ, такъ какъ онъ справедливо считался самымъ разборчивымъ. Прусскій же отличался полнѣйшимъ свободомысліемъ въ этомъ отношеніи; почти всѣ его агенты были люди не знатнаго происхожденія, получившіе дворянство или титулы [2]). Въ Испаніи, Альберони былъ сыномъ садовника, а Монино, министръ Карла III,—сыномъ нотаріуса; въ 1780 году ему дали титулъ Флорида-Бланка за заключеніе договора который передавалъ колонію этого имени во владѣніе Испаніи. Помбаль, всемогущій министръ въ Лисса-

[2]) Фридрихъ-Вильгельмъ II, вступивши на престолъ, создалъ въ Кенигсбергѣ тринадцать графовъ; между ними былъ его министръ Герцбергъ; въ Берлинѣ—пять графовъ: изъ нихъ двое, Блументаль и Шуленбургъ, были министрами; двухъ бароновъ, двадцать четыре кавалера, между ними были Вельнеръ и Домъ; въ Бреславлѣ—одного принца и шесть графовъ, въ числѣ которыхъ былъ Гаугвицъ. Были еще другіе, получившіе дворянство. Ихъ прозвали «изъ восьмидесяти шести». Philippson, t. I, p. 178.

бонѣ, былъ мелкимъ дворяниномъ; ему дали титулъ графа, а потомъ маркиза. Струензе въ 1770 г. сдѣлался любимцемъ королевы и былъ назначенъ первымъ министромъ въ 1771 г. Я не буду говорить о Годоѣ; о его скандалезной судьбѣ будетъ еще рѣчь впослѣдствіи; не перечисляю также многочисленныхъ фаворитовъ еще болѣе низкаго происхожденія, бывшихъ соучастниками дворцовыхъ заговоровъ и даже убійцами.

«Если при назначеніи на постъ министра принимаютъ въ расчетъ предразсудокъ происхожденія, то такой образъ мыслей я назову нефилософскимъ,—писалъ Бильфельдъ [3]). Воображаемыя преимущества должны исчезнуть передъ мыслью о благѣ государства, и руководительство общественными дѣлами должно вручать даровитымъ людямъ, а не тѣмъ, на сторонѣ которыхъ одна сомнительная заслуга происхожденія». Разночинцевъ дѣлали дворянами. Петръ Великій установленіемъ *чина* только систематизировалъ для новаго и полуварварскаго общества то, что дѣлалось въ старыхъ обществахъ континента. Не безъ ироніи принимала этихъ неофитовъ и пришлецовъ старинная аристократія, не вдругъ впускались они въ ея замкнутый кругъ. Но эта замкнутость, исключительно свѣтская и партійная, соблюдалась только дома. За-границей, въ политическихъ сношеніяхъ и среди дипломатовъ были не такъ разборчивы. Тамъ не справлялись ни о древности титула, ни о древности рода. Чинъ замѣнялъ происхожденіе, а должность давала чинъ.

Вступленіе плебеевъ въ общество было все-таки исключеніемъ, но эти исключенія были такъ часты, что никто не удивился, когда Франція сдѣлала его правиломъ. Сверхъ того, государственные люди, выдвинутые революціей, установившіе ея главные принципы въ началѣ и организовавшіе ее по окончаніи анархіи, вышли именно изъ тѣхъ семействъ образованной буржуазіи и изъ того парламентскаго міра, изъ среды котораго старый порядокъ уже давно выбиралъ своихъ интендантовъ, совѣтниковъ и даже министровъ. Они обладали той умственной культурой, которая сдѣлалась повсюду признакомъ свѣтскаго человѣка и благодаря которой всѣ свѣтскіе люди такъ сходны между собою, не только во Франціи; но и повсюду въ Европѣ [4]).

---

[3]) Bielfeld, t. II, ch. II, § 25.

[4]) «Буржуа былъ такъ же просвѣщенъ, какъ дворянинъ, и, что особенно важно, источникъ этого просвѣщенія былъ одинъ и тотъ же... Одинъ и тотъ же свѣтъ свѣтилъ обоимъ... Еще можно было замѣтить разницу между манерами дворянства и буржуазіи... Но, въ сущности, всѣ люди, стоящіе выше народа, походили одинъ на другого; у нихъ были однѣ и тѣ же идеи, одни и тѣ же вкусы, привычки и удовольствія. Они читали однѣ и тѣ же книги и говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Они отличались другъ отъ друга только по своимъ правамъ». Tocqueville. *L'Ancien Régime*, liv. II, ch. VIII.

Они вполнѣ подходили къ политическому обществу того времени, которое приняло бы ихъ къ себѣ даже до революціи [5]); послѣдняя заставила принять ихъ. Какой кабинетъ и какой совѣтъ въ Европѣ могъ сравняться по обширности знаній и политическихъ дарованій съ правительствомъ, считавшимъ въ числѣ своихъ слугъ Порталисовъ, Молліеновъ, Редереровъ, Трейльгардовъ, Мерлиновъ, Лебреновъ, Симеоновъ, Тронше и Рейнгардовъ? Наполеонъ, дѣлая ихъ баронами и графами, только подражалъ рутиннымъ пріемамъ старыхъ правительствъ. Потому-то послѣднія не выказывали удивленія и такъ легко даровали права гражданства новымъ дворянамъ. Европа, собственно говоря, не имѣла и права быть требовательной: она давно перестала быть щепетильной по этому предмету; предразсудки, которые уступали передъ простой удачей, нерѣдко обрызганной кровью, могли умолкнуть и передъ силою таланта.

Что касается до военныхъ, то дворянство признавало единство происхожденія съ ними. Не скупились на восхищеніе тѣми, кто не щадилъ жизни ради славы. Никогда Европа не допытывалась у героевъ, какая кровь течетъ у нихъ въ жилахъ. Герои республиканской арміи возбуждали въ ней искренній восторгъ. Погребеніе Марсо напоминаетъ лучшія черты рыцарскихъ временъ. Одинаковыя почести воздаются одинаковой доблести. А позже, когда воинственная республика, превратившись въ военную монархію, сдѣлала императоромъ самаго знаменитаго изъ своихъ солдатъ—какой государь не позавидовалъ-бы штабу, который его окружалъ? Какой вождь собиралъ когда-либо около себя совѣтъ, подобный тому, который собрался въ утро аустерлицкаго сраженія, чтобъ выслушать приказъ Наполеона? Мюратъ, Ланнъ, Бернадоттъ, Сультъ, Даву. «Если я проживу до кончины міра, то и тогда впечатлѣніе отъ подобнаго зрѣлища не изгладится изъ моей памяти!» [6]),—пишетъ очевидецъ. Всѣ были родоначальниками герцоговъ; двое даже сдѣлались королями и одинъ изъ нихъ, Бернадоттъ, сталъ королемъ не силою оружія и не по капризу властелина, а по свободному избранію шведскаго народа и съ согласія старой Европы, которая хотѣла даже одно время посадить его на престолъ Бурбоновъ. Многіе изъ этихъ воиновъ—очень темнаго происхожденія, получили самое элементарное образованіе и въ военномъ лагерѣ учились и войнѣ, и политикѣ, и свѣтскости. Но въ такомъ положеніи бывалъ не

---

[5]) «Плебей не только вступаетъ въ гостиную, если онъ привыкъ къ свѣтскимъ обычаямъ, но онъ и царитъ въ ней, если обладаетъ талантами». Taine. *L'Ancien Régime*, liv. IV, ch. III.

[6]) Генералъ Филиппъ де-Сегюръ. *Histoire et Mémoires*, t. II, p. 463. Paris. 1873.

одинъ знаменитый вождь старыхъ армій [7]), и оно не возбуждало ничьего удивленія. Прибавьте къ этому всеувлекающее теченіе вѣка, всеблизкающее франмасонство оружія, и вы поймете, почему даже во время самой ожесточенной борьбы честь и обоюдное уваженіе поддерживали тѣ традиціи военной вѣжливости между сражающимися арміями, которыя смягчали жестокость войны и подготовляли миръ.

Тогда-то можно было измѣрить силу и глубину той связи, которую восемнадцатый вѣкъ создалъ между Франціей и Европой. Какъ только революція утратила свой острый характеръ, умы вернулись къ Франціи и примиреніе показалось возможнымъ. Нашлись люди, которые надѣялись на него даже въ эпоху самаго пламеннаго антагонизма; они взялись облегчить, а потомъ и устроить это примиреніе. Иначе нельзя объяснить переговоры, завязавшіеся между республикой и ея врагами. Французы съумѣли защитить себя и побѣдить: это уже много значило, они умѣли заставить выслушать и понять себя, это было еще важнѣе. Въ сущности, и враги и они говорили одинаковымъ языкомъ.

Таковы были тѣ пути, которые старая Франція открывала новой. А теперь въ Европѣ, подготовленной такимъ образомъ культурой цѣлаго столѣтія, представьте себѣ французскія арміи съ ихъ энтузіазмомъ, съ ихъ побѣдами и пламеннымъ стремленіемъ завоевать старый міръ, въ видахъ его обновленія. Они провозглашаютъ великодушные принципы; уничтожаютъ злоупотребленія, которыя считались бы нестерпимыми, еслибъ народы не выносили ихъ такъ долго, возвѣщаютъ реформы, къ которымъ стремятся мыслители и которыхъ жадно ждетъ смиренный людъ. Солдаты, составляющіе эти арміи и пропагандирующіе этотъ переворотъ, принадлежатъ къ той расѣ, всѣ идеи которой «національны и страстны». Они убѣждены, что одни французы—существа разумныя [8]); патріотизмъ, ставшій у нихъ религіею, видитъ въ спасеніи республики — спасеніе цивилизаціи, они убѣждены, что все, пріобрѣтенное для Франціи, завоевано для человѣчества. Импульсъ, данный имъ, будетъ такъ могущественъ, что Европа не найдетъ силъ ему противиться.

---

[7]) Одинъ нѣмецкій принцъ, супругъ австрійской эрцгерцогини Альбрехъ-Саксъ-Тешенъ въ моментъ своего назначенія на постъ венгерскаго губернатора пишетъ слѣдующее: «Имѣя до сихъ поръ самыя слабыя и поверхностныя понятія обо всемъ, что относится къ правительственнымъ дѣламъ, не имѣя никакихъ юридическихъ познаній, а въ изученіи латинскаго языка дойдя только до синтаксиса, я очутился, какъ легко себѣ представить, въ затруднительномъ положеніи, когда занялъ то мѣсто, на которое меня назначили». Arneth. *Geschichte Maria-Theresia's*, t. X, p. 767.

[8]) Stendhal. *Vie de Napoléon*. Paris. 1876.

IV.

Между тѣмъ революція не ограничилась распространеніемъ свѣта посредствомъ нашествія, установленіемъ просвѣщеннаго правленія посредствомъ завоеваній и пропагандою свободы посредствомъ войны. Это было только политическое освященіе вліянія, оказаннаго Франціей въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Государство довершало, ради своей славы и выгоды, дѣло, начатое націей. Съ начала революціи замѣтно было, что, рядомъ съ широкимъ и спокойнымъ потокомъ, который, такъ сказать, вытекалъ изъ всей исторіи Франціи, образовался другой—мутный, бурный, стремительный, воды котораго, пополняясь послѣ грозъ, разлились шире перваго, вытѣснили его изъ русла и, смѣшавшись съ нимъ, затопили и опустошили сосѣднія земли. Патріотическій порывъ замѣнился яростнымъ прозелитизмомъ, энтузіазмъ выродился въ фанатизмъ. Революція перестала быть событіемъ, рядомъ случайныхъ и реальныхъ фактовъ; она становится доктриной, религіей, богомъ. Подготовившіе революцію философы отвергали «бѣшеную страсть къ завоеваніямъ, это религіозное безуміе, мрачное и жестокое» [1]). Они называли себя противниками христіанства, даже тщеславились своимъ атеизмомъ. Между тѣмъ ихъ ученики дѣйствуютъ, какъ самые узко-фанатичные сектанты: ихъ кровавыя миссіи, ихъ свирѣпая инквизиція, ихъ страшные аутодафе нельзя даже сравнить съ крестовыми походами противъ альбигойцевъ; только въ исторіи ислама и его завоевательной пропаганды можно найти примѣры такихъ бѣшеныхъ взрывовъ, такихъ грозныхъ обращеній въ свою вѣру. «Въ одной рукѣ они держатъ саблю, а въ другой—права человѣка», восклицаетъ одинъ современникъ [2]). У нихъ есть свои пылкіе миссіонеры, свои новопосвященные и свои мученики. Дѣло въ томъ, что ихъ ученіе, какъ и религіозные догматы, имѣетъ всемірный, исключительный и деспотическій характеръ [3]). Они убѣждены, что истина одна, и они—ея пророки, міръ развращенъ, ихъ долгъ его обновить. Они—воплощенная добродѣтель: они призваны основать царство добродѣтели. Фанатизмъ всегда одинаковъ; че-

---

[1]) Voltaire. *Dictionnaire philosophique.* Article *Fanatisme*, sect. I et II.

[2]) Mallet du Pan, t. II, p. 135. Tocqueville. *Ancien Régime*, liv. I, ch. III Это сравненіе такъ естественно, что я встрѣтилъ его при другомъ случаѣ, въ другомъ мѣстѣ и высказанное людьми совершенно противнаго лагеря. Таллейранъ, въ докладѣ Директоріи въ 1797, о договорѣ при Кампо-Форміо, говоритъ: «Враги смотрятъ на договоры, которые они заключаютъ съ нами, какъ на перемиріе, подобное тому, какое мусульмане заключаютъ съ врагами своей вѣры».

[3]) Taine. *L'Ancien Régime*, liv III, *la Propagation de la doctrine*, ch. III., § 1.

ловѣческій духъ обладаетъ лишь одной формой для этого безумія, и вотъ фанатизмъ разума неизбѣжно выливается въ форму фанатизма вѣры.

Но отвлеченный и общій характеръ доктрины недостаточно объясняетъ пропаганду, такъ какъ онъ присущъ всѣмъ доктринамъ, даже тѣмъ, которыя остались чистымъ умозрѣніемъ. Если доктрины восемнадцатаго вѣка породили этотъ духъ прозелитизма, то это потому что въ душахъ людей существовало особенное настроеніе, что къ революціоннымъ стремленіямъ примѣшивался мистицизмъ и что въ глубинѣ фантазіи бродила закваска чувственной и сентиментальной религіозности. Та же самая рука, которая написала *Profession de foi du vicaire savoyard* и грозный *Contrat social*, изгнала атеистовъ изъ республики и наказала смертью богохульниковъ. Пламенные патріоты, не отвергавшіе государственныхъ переворотовъ и закрывавшіе глаза на рѣзню, видѣли десницу Провидѣнія въ удачномъ исходѣ великихъ революціонныхъ дней [4]). Эти черты проявляются очень рѣзко во французской революціи въ худшихъ крайностяхъ террора: начиная съ мистерій разума, культа природы и его презрѣнныхъ жрецовъ и кончая глупымъ гностицизмомъ Катерины Тео, праздникомъ въ честь верховнаго Существа и первосвященничествомъ Робеспьера.

Подобно тому, какъ при Людовикѣ XIV между каѳедрой Боссюета и молельной Поръ-Ройяля образовался скрытый, «но прямой и непрерывный потокъ вольномыслія, который привелъ, по выраженію Николя, «къ великой ереси послѣднихъ временъ, именуемой невѣріемъ», и подготовилъ появленіе Вольтера [5]), такъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ эпоху крестоваго похода противъ религіи, который проповѣдывали философы и вели короли, какое-то безпокойство терзаетъ умы людей [6]); тамъ и сямъ обнаруживаются тѣ неопредѣленные колебанія барометра, которыя всегда указываютъ на перемѣну вѣтра. Причудливый мистицизмъ и сектаторскій фанатизмъ революціи суть знаменія времени и симптомы кризиса, ускоряемаго революціей. Вслѣдъ за рѣшительными и абсолютными теоріями, которыя дѣлаютъ изъ революціи своего рода религію, внезапно возникаютъ новыя, не менѣе абсолютныя и

---

[4]) См. *Дневникъ буржуазки*, изданный Локруа. Это настроеніе ума сказывается очень искренно. Напримѣръ, 16 іюня 1792 г. она пишетъ: «Ни малѣйшей тревоги за Парижъ. Четыре года, въ продолженіе которыхъ Провидѣніе чудесно охраняетъ народъ, должны внушить вѣру даже невѣрующимъ». Отъ 4 іюля 1792 г.: «Все предвидѣно и взвѣшено. Небо за насъ». Отъ 15 августа 1792 г.: «Были приняты всѣ мѣры для устройства Варѳоломеевской ночи, такъ что совершенно несомнѣнно чудо Верховнаго Существа, вступившагося за народъ, что будетъ для меня священнѣйшимъ догматомъ вѣры».

[5]) Sainte-Beuve. *Port-Royal*, liv. III, ch. XVI. Paris 1867.

[6]) J. de Maistre. *Considérations sur la France*, ch. II.

рѣзкія теоріи, которыя придадутъ самой религіи революціонный характеръ [7]). Культъ разума принадлежитъ 1793 году, культъ верховнаго Существа—1794 году; Бона написалъ свою первую статью въ 1796 г., въ томъ же году и Жозефъ де-Местръ выпустилъ въ свѣтъ первую книгу [8]). Рядомъ съ ними, помимо ихъ вѣдома и почти наперекоръ ихъ направленію, уже предчувствуется вдохновеніе, которымъ впослѣдствіи будетъ проникнутъ *Génie du Christianisme.* Оно внезапно и непосредственно овладѣваетъ настроеніемъ людей. Сенъ-Мартенъ, «оффиціальный защитникъ Провидѣнія», какъ онъ самъ себя впослѣдствіи назвалъ, жилъ какъ бы въ ожиданіи новой эры: «Мнѣ необходимъ Богъ!» Онъ отыскивалъ его въ себѣ, въ природѣ и хотѣлъ все обоготворить вокругъ себя [9]). Балланшъ мечталъ объ откровеніи и возрожденіи. Письма Ампера пролили яркій свѣтъ на маленькій, мистическій и сантиментальный кружокъ, собиравшійся въ окрестностяхъ Ліона [10]). Этотъ кружокъ—переходная ступень къ женевскому протестантству. Онъ проникнутъ мыслью Руссо: «Религія безъ храмовъ, алтарей, безъ обрядовъ должна ограничиваться внутреннимъ культомъ Верховнаго Существа, чистымъ и простымъ ученіемъ Евангелія». Это тоже реакція, и реакція весьма важная, такъ какъ изъ нея вытекаетъ религіозная мысль цѣлаго столѣтія. Она ведетъ прямо къ раціональному и сентиментальному христіанству Шлейермахера. Въ 1788 г. Неккеръ навлекъ на себя насмѣшки Риваролля и всего высшаго общества своимъ сочиненіемъ *О важности религіозныхъ мнѣній.* Въ этой-то средѣ родилась г-жа Сталь. *Религія энтузіазма* зрѣла въ ея мысли по мѣрѣ того, какъ она распространялась въ Германіи. Г-жа Сталь только потому такъ хорошо поняла ее и такъ краснорѣчиво разъяснила, что издавна посвящена была въ нее и непосредственно примкнула къ ней.

Религіозное возрожденіе Германіи предшествуетъ французской революціи. Впрочемъ въ Германіи невѣрующими были только аристократы; народъ прусскій, храня вѣру отцовъ, протестовалъ противъ странныхъ проповѣдей Вольтеровъ въ пасторскомъ одѣяніи, высылаемыхъ ему перестроенными по собственной фантазіи консисторіями Фридриха [11]). Вслѣдъ за смертью этого короля въ 1786 г. началась грубая реакція противъ философіи. Правительство ханжей, смѣнившее по смерти Фридриха II прави-

---

[7]) Scherer. *Mélanges de critique religieuse*, étude sur J. de Maistre. Paris 1860.

[8]) Бона, родившійся въ 1754 г. печатаетъ въ 1796 г. *la Théorie de pouvoir.* Ж. де Местръ, родившійся тоже въ 1754 г., печатаетъ въ 1796 г. *Considérations sur la France.* Относительно впечатлѣній Ж. де Местра во время революціи, см. Costa de Beauregard. *Un homme d'autrefois.*

[9]) Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. X. Article *Saint-Martin.*

[10]) *Journal et correspondance d'André-Marie Ampère*, Paris 1872.

[11]) Philippson, t. I, ch. 1, t. II, ch. VI.

тельство атеистовъ, видѣло въ этой реакціи средство для пріобрѣтенія популярности. Въ Германіи, даже тамъ, гдѣ благочестіе видимо слабѣло и исчезало, сохранилась та страстная религіозность, благодаря которой Руссо и его послѣдователи нашли готовую почву, подобно тому, какъ нашли ее и католическіе новаторы: Штольбергъ и тѣ, кто пытался провести въ Германіи воззрѣнія, аналогичныя съ шатобріановскими. Но всего ярче эта реакція выразилась въ Англіи, гдѣ впервые зажглась философія невѣрія [12]). Господствующая религія ничего не говорила сердцу, католицизмъ былъ запрещенъ, скептицизмъ царилъ въ просвѣщенныхъ классахъ. Стремленіе къ пробужденію и религіозному обновленію проявляется впервые въ народѣ. Методисты Веслей и Уитфильдъ ходятъ по всей странѣ, проповѣдуя евангеліе и нравственно-религіозную реформу. Ихъ вѣра глубока и проникаетъ въ общество. Вся Англія наполняется ихъ миссіонерами и повсюду вокругъ нихъ толпится народъ, который съ жадностью ловитъ ихъ слова. Данный ими толчокъ передается и господствующей церкви; она оживаетъ и старыя секты, пресвитеріанцы, индепенденты, баптисты, подстрекаемые примѣромъ, оспариваютъ жадно ищущую вѣры паству у новоявленныхъ проповѣдниковъ.

Безъ этого особаго настроенія умовъ въ Европѣ, событія, происходящія во Франціи, остались бы причудливыми, грандіозными или мрачными эпизодами странной драмы, но не перешли бы за предѣлы своего театра и не нашли бы отзвука въ душахъ. Задоръ самаго пламеннаго прозелитизма не въ силахъ объяснить обращенія и успѣха пропаганды, для этого необходимо то внутреннее предрасположеніе, которое подготовляетъ увлеченіе и просвѣтленіе. Если его нѣтъ, то являются только возмущеніе и отвращеніе и они тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣе было принужденіе. Самымъ удивительнымъ», говоритъ Токвилль [13]), «были не пріемы, которые пускала въ ходъ французская революція, и не идеи, которыя она породила; ново было то, что настроеніе народовъ дошло до такой точки, когда эти пріемы могли оказаться дѣйствительными, а новые принципы могли быть легко усвоиваемы.

Дѣло въ томъ, что умы были не только подготовлены къ принятію этихъ принциповъ, но и достаточно дисциплинированы для такого рода пріемовъ. Французскіе революціонеры заимствовали свою систему пропаганды у религіозныхъ сектъ, усвоили себѣ организацію могущественнѣйшей изъ ассоціацій, когда-либо возникавшихъ въ средѣ церкви. Но

---

[12]) Это прекрасно выяснено у Cornelis de Witt: *La société anglaise et la société française au dix-huitième siècle. Etudes*, II, ch. V.—Erskine May, t. II, ch. XII.

[13]) Tocqueville. *Mélanges*: De la constituante au 18 Brumaire, p. 187.

и въ этомъ они далеко не новаторы. До революціи мы видимъ Европу, покрытой тайными ассоціаціями; всѣ онѣ построены по тому же образцу и одушевлены тѣмъ же духомъ. Историкъ, отличающійся самыми широкими воззрѣніями на этотъ предметъ, говоритъ: [14]) «Большинство этихъ ассоціацій были чисто-философскими и религіозными, но, съ теченіемъ времени, всѣ обратились къ политикѣ и поглотились ею. Несмотря на различіе средствъ, у нихъ была общая цѣль — обновленіе общества и реформа въ государственномъ управленіи. Главная изъ этихъ ассоціацій— франкъ-массоны. Центръ ихъ—въ Англіи, но они были распространены повсюду: во Франціи, въ Италіи, въ Швеціи, даже въ Россіи, и особенно въ Германіи. Государи и вельможи считали за честь быть предсѣдателями отдѣльныхъ группъ и гордились титуломъ Великаго Магистра. Въ Пруссіи, послѣ Семилѣтней войны, образовалось общество подъ названіемъ *Друзей Отечества*, къ которому поспѣшилъ присоединиться Фридрихъ Великій.

Въ одной изъ студенческихъ ассоціацій, которыми кишѣла Германія, беретъ свое начало и знаменитая секта *Иллюминатовъ*. Основатель ее— баварецъ Вейсгауптъ, бывшій профессоромъ каноническаго права. Масонство казалось ему слишкомъ неопредѣленнымъ въ своихъ стремленіяхъ и недостаточно сплоченнымъ организаціей своихъ ложъ. Онъ предложилъ болѣе простое и болѣе послѣдовательное ученіе, но открыто революціонное по своимъ принципамъ: въ основѣ его положены свобода и равенство, какъ права естественныя и неотъемлемыя; общество мѣшаетъ ими пользоваться, слѣдовательно служитъ препятствіемъ для совершенствованія человѣка; личная собственность противозаконна, гражданскіе и церковные законы—не что иное, какъ покушенія на первобытныя права человѣка, которыя необходимо ему возвратить, а для этого необходимо разрушить соціальное зданіе и отстроить его за̀-ново [15]). Таковы принципы иллюминатовъ; въ теоріи они не допускаютъ никакого послабленія, но на практикѣ—они противники насилія и внезапныхъ переворотовъ, считая ихъ неосторожными. По ихъ мнѣнію, благоразумнѣе прокрасться въ крѣпость, чѣмъ брать ее приступомъ. Не имѣя возможности уничтожить общественное зданіе, они находятъ удобнымъ для себя помѣститься въ немъ; домогаются вліятельныхъ мѣстъ, получаютъ ихъ и обнаруживаютъ при этомъ необыкновенныя стратегическія способности. Эти обновители міра—очень искусные политики и за ихъ общими трапезами собиралось не мало лов-

---

[14]) Tocqueville. *Mélanges.*

[15]) Philippson, t. I, ch. I.—Geffroy, t. II, ch. X.—Tocqueville, *Mélanges.*— Stael. *De l'Allemagne*, IV partie, ch. VII. — Perthes, t. I, liv. I, ch. I. — Fournier. Les études въ *Allgemeine Zeitung.* 1883. — Mirabeau. *Monarchie prussienne*, liv. VIII.

кихъ интригановъ. Они попадаются всюду, съумѣютъ добиться высокихъ должностей, съумѣютъ обойти и монарха, и просвѣщеннаго министра. Они смягчаютъ свой языкъ; ихъ ученіе допускаетъ оговорки и, умалчивая о тиранахъ, они расхваливаютъ демократическихъ государей. Множество иллюминатовъ тѣснилось при дворѣ баварскаго курфирста. Большинство государственныхъ людей и дипломатовъ при мелкихъ дворахъ принадлежали къ этой сектѣ. Между ними встрѣчались даже католическіе священники, каноники изъ Майнца, коадъюторъ Дальбергъ, кураторъ Бензель и многіе другіе, замѣнявшіе въ своихъ кабинетахъ священныя изображенія символическими картинами. Но не всѣ адепты могли получить выгодныя казенныя пребенды; кромѣ того, было много горячихъ головъ, которые не хотѣли ждать, а потому въ 1759 г., они открыто отдѣлились отъ Вейсгаупта, основали отдѣльныя ложи и стали подготовлять войну противъ дворянъ, священниковъ и королей. Французская пропаганда, встрѣтившая въ первыхъ иллюминатахъ угодливыхъ друзей, во вторыхъ—нашла помощниковъ. Они были особенно распространены въ прирейнскихъ странахъ, имѣли филіаціи въ Италіи и въ Швеціи, примкнули къ заговору, который привелъ къ цареубійству 1792.

Между тѣмъ, къ концу столѣтія и подъ вліяніемъ реакціи, глухо волновавшей умы, многіе изъ тѣхъ, которые нѣкогда склонялись къ масонамъ и иллюминатамъ, начали страшиться и самаго ученія и его послѣдствій. Послѣдствія, казалось имъ, ведутъ къ анархіи, ученіе показалось сухимъ и безплоднымъ. Практика пугала, а теорія не удовлетворяла. Безпокойное воображеніе не могло примириться съ теоріей чистаго разума, нетерпѣливый умъ находилъ работу науки слишкомъ медленной, склонность къ религіи еще не проснулась, и они ударились въ мистицизмъ и суевѣріе. Масоны, и въ особенности ортодоксальные, ввели цѣлую систему торжественныхъ и вмѣстѣ ребяческихъ обрядовъ, которые они будто бы получили съ Востока и которые, въ силу какой-то масонской благодати, читатели Вольтера могли исполнять безъ смѣха. Андре Шенье говоритъ объ иллюминатахъ, какъ о людяхъ, «примѣняющихъ къ идеямъ своей секты всю массу старинныхъ суевѣрій, проповѣдующихъ свободу и равенство какъ какія-нибудь елевзинскія или эфесскія таинства, и природныя права человѣка объясняютъ мистическимъ языкомъ какъ какое-нибудь тайное ученіе» [16]).

Суевѣріе, которое гнѣздится всегда въ глубинахъ души, всплыло внезапно на поверхность. Человѣкъ былъ ослѣпленъ своимъ собственнымъ свѣтомъ и упоенъ своей гордостью. Онъ представлялъ себѣ, что міръ, существуетъ только силою его мысли и долженъ повиноваться его волѣ; что

[16]) *De l'esprit de parti.* 1791.

если разумъ можетъ все постигнуть, то можетъ и все совершить. Но міръ управлялся собственными законами и природа не хотѣла слушать велѣній человѣческаго ума. Человѣкъ раздражился; избаловавшіе его учители не могли удовлетворить его невозможныхъ требованій, и онъ возсталъ противъ ихъ дисциплины, разбилъ ихъ реторты, слишкомъ грубыя для того, чтобы можно было дестиллировать въ нихъ сущность вещей, сломалъ вѣсы, неспособные взвѣшивать атомы, забраковалъ книги, повѣствовавшія лишь о робкихъ результатахъ несовершенныхъ опытовъ и кинулся въ объятія алхимиковъ. Упрощая формулы, отняли у міра его обаяніе. Скудный лучъ свѣта, озарявшій по временамъ отдѣльныя точки, оставлялъ слишкомъ глубокій мракъ вокругъ этой свѣтящейся точки. Этотъ мракъ имѣлъ притягательную силу. Стремленіе къ таинственности, которое хотѣли вырвать изъ человѣческаго ума, взяло тогда верхъ, и человѣчество опять уклонилось въ сторону; старыя заблужденія, повидимому на вѣки забытыя, появились вновь подъ румянами философіи и подъ маскою науки, и успѣхъ какого-нибудь Каліостро сдѣлался возможнымъ. Таинственный чанъ Месмера возбуждалъ гораздо болѣе волненій, чѣмъ открытія Лавуазье. Самые благородные, самые утонченные умы, какъ напримѣръ Лафатеръ, склонялись къ кабалистикѣ. Самъ Гёте заблудился на этихъ ненадежныхъ дорогахъ, чуть не погибъ среди неизвѣданныхъ вершинъ и пережилъ свою Вальпургіеву ночь; нужна была вся твердость его генія, чтобы противодѣйствовать искушенію и удержаться отъ головокруженія.

Тогда-то выступила изъ безвѣстности одна секта, о которой никто не говорилъ, хотя она образовалась въ Германіи еще въ предшествующее столѣтіе—это были Розенкрейцеры. Оказалось, что ихъ ученіе отвѣчало смутнымъ стремленіямъ умовъ, и они этимъ воспользовались. Теурги и философы розенкрейцеры предлагали доктрину и союзъ для безпокойныхъ умовъ, которыхъ не удовлетворялъ ни раціонализмъ, ни чистое христіанство, и которые примѣшивали неясную потребность чудеснаго къ гуманитарнымъ стремленіямъ, волновавшимъ Европу. Полные уваженія къ предержащей власти, открытые враги реформаторовъ и революціонныхъ сектъ, въ особенности иллюминатовъ, которыхъ они старались вытѣснить изъ министерствъ и дворовъ, розенкрейцеры проповѣдывали государямъ и совѣтывали имъ укрѣплять свою власть и тѣмъ составить счастіе человѣчества. Льстя въ одно и то же время и воображенію и честолюбію, они примиряли деспотизмъ съ добродѣтелью; возвѣщали, что обладаютъ секретомъ дѣлать золото,—драгоцѣнное знаніе въ то время, когда всѣ сокровищницы были пусты,—и тайной преобразованія управленія безъ ослабленія авторитета государей,—секретъ, не менѣе драгоцѣнный въ эпоху, когда

недовольство, если не возмущеніе, таилось повсюду. По заявленію розенкрейцеровъ, они располагали силами природы; наука давала это умѣнье очень скупо, и они отвергали науку, какъ отвергли въ политикѣ традиціи и опытъ; они непосредственно сообщались съ природой и отдавали ее въ распоряженіе своихъ адептовъ. Мало того, розенкрейцеры установляли связь между собою и мужами минувшихъ временъ, такъ что послѣдніе становились ихъ мистическими совѣтниками и тайными сотрудниками. Для розенкрейцеровъ, этихъ теософовъ-шарлатановъ, тартюфовъ гуманности, лицемѣровъ чувствительности, снисходительныхъ къ слабостямъ великихъ міра, куртизановъ и интригановъ, всѣ средства казались хороши, и ихъ грубый мистицизмъ служилъ имъ средствомъ сдѣлать карьеру. Ландграфъ кассельскій платилъ очень дорого за видѣнія, которыя ему устраивали эти хитрые мошенники. Густавъ III былъ пламенный и убѣжденный адептъ; у него была ворожея, съ которой онъ совѣтовался во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни; онъ занимался кабалистикой и вѣрилъ видѣнію Карла XI. Но нигдѣ вліяніе розенкрейцеровъ и ихъ роль престидигитаторовъ не были такъ велики, какъ при прусскомъ дворѣ, послѣ смерти Фридриха. Эти грубые и хитрые мистификаторы устроились съ своими фокусническими приборами въ кабинетахъ Потсдама, тѣхъ самыхъ кабинетахъ, въ которыхъ король-философъ забавлялся съ Вольтеромъ изученіемъ всей глубины человѣческой глупости. Розенкрейцеры вкрались въ дружбу его наслѣдника Фридриха-Вильгельма, завладѣли его довѣріемъ, и какъ только онъ воцарился, они съумѣли похитить его власть, управлять его именемъ и господствовать надъ Пруссіей. Въ 1789 г. они были всемогущи, и мы увидимъ впослѣдствіи, что былъ моментъ, когда розенкрейцеры имѣли рѣшительное вліяніе на важнѣйшія дѣла Европы.

Итакъ, въ то время, какъ въ Европѣ повсюду развивались зародыши революціи и все способствовало облегченію революціонной пропаганды—въ то же самое время организовались элементы реакціи и сопротивленія. Это лишь противоположные результаты одной и той же работы человѣческаго ума, и эта работа совершается не въ одной Франціи. Однѣ и тѣ же причины потрясаютъ всѣ европейскія государства; аналогичные кризисы представляются неминуемыми для всѣхъ европейскихъ народовъ.

V.

Революція разразилась во Франціи, но затѣмъ она распространяется и повсюду: одни народы сразу усвоиваютъ ея принципы; другіе — отъ нихъ отрекаются; одни правительства падаютъ потому, что боролись съ ней,

другія, напротивъ, укрѣпляются въ борьбѣ противъ революціи; наконецъ, третьи, не переставая противодѣйствовать ея завоеваніямъ, нашли средство слиться съ ея духомъ и обновиться, подражая ея примѣру. Если французская революція усвоила такой характеръ пропаганды и если эта пропаганда такъ различно вліяетъ, смотря по мѣстности, гдѣ обнаруживается, то причину этого нельзя искать въ господствующихъ ученіяхъ и идеяхъ, потому что они вездѣ одинаковы. Причина лежитъ исключительно въ характерѣ націй. Ученіе и идеи распространялись такимъ образомъ только потому, что ученіе было отвлеченно, а идеи всеобщи: каждый могъ ихъ принять, потому что каждый толковалъ ихъ согласно со своимъ темпераментомъ, своими страстями и своими унаслѣдованными понятіями. Отсюда произошло то, что однѣ и тѣ же формулы привели къ совершенно несходнымъ чувствамъ, подъ одинаковыми терминами скрывались весьма различныя мысли, что именно смыслъ этихъ общихъ положеній составлялъ предметъ спора, и очень часто обнаруживалось, что попытка объясниться вызоветъ взаимное непониманіе. Это чрезвычайно важный фактъ для послѣдующей исторіи и необходимо его хорошенько выяснить.

Истолковывая такимъ образомъ преподаваемую ей доктрину, рисуя отвлеченнаго человѣка по своему образу и подобію, каждая нація только приводила доктрину къ ея исходной точкѣ и отвлеченнаго человѣка—къ его происхожденію. И доктрина и человѣкъ вернулись къ дѣйствительности тѣмъ же путемъ, какимъ изъ нея вышли. Въ сущности, эти знаменитыя системы — я говорю преимущественно о политическихъ — были всеобщи только по формѣ. Эта форма была во вкусѣ времени, но никто этого не понялъ, и всѣ приняли за принципъ то, что́ чаще всего было просто пріемами классическаго сочиненія. Подвергая нѣсколько строгому анализу знаменитѣйшія изъ этихъ теорій и изслѣдуя ихъ начало—мы находимъ въ нихъ нѣсколько частныхъ фактовъ, которые были наблюдаемы съ бо́льшею или меньшею проницательностью, затѣмъ изолированы, лишены своего личнаго характера, абстрагированы съ изумительною силою обобщенія. Мы видимъ это у Гоббса, въ его Левіаѳанѣ, и у Локка—въ его *Трактатѣ о гражданскомъ управленіи*; тотъ и другой имѣютъ въ виду одну Англію и ея правительство; у перваго—наклонность къ абсолютизму вызвана зрѣлищемъ революціи, у второго склонность къ свободѣ—лично испытанными неудобствами абсолютизма. Боссюетъ, описывая монархію Людовика XIV, идеализируетъ ее, чтобъ свести къ правиламъ Св. Писанія. Аббатъ де-Сенъ Пьеръ знаетъ только священную имперію, и вѣчный миръ, который онъ проповѣдуетъ, — не что иное, какъ исправленная и разъясненная конституція этой имперіи. Кантъ помышляетъ только объ одной Германіи.

Но всѣ эти примѣры затмеваются примѣромъ Руссо. *Contrat social* былъ написанъ только для Женевы, это—страстное желаніе блага своей родинѣ со стороны женевскаго демократа [1]). Съ этой точки зрѣнія все становится яснымъ, и какъ ни радикальна реформа, предлагаемая Руссо, она нисколько не утопична. Женева—городъ на античный ладъ; республиканскіе нравы сдѣлались въ ней традиціонными; при расширеніи городскихъ правъ, всѣ граждане могутъ даже дѣйствительно принимать участіе въ управленіи. Въ Женевѣ непосредственное участіе народа въ управленіи страною можетъ не имѣть характера фикціи или мистификаціи. Руссо идеализировалъ всѣ свои страсти, онъ видѣлъ вселенную въ своей душѣ и созерцалъ человѣчество въ своемъ отечествѣ. Въ дѣйствительности онъ наблюдалъ и знаетъ только одну Женеву. «Что подумали вы,—писалъ онъ одному женевцу,—читая этотъ краткій и вѣрный анализъ моей книги? Я догадываюсь, вы сказали себѣ: вотъ исторія женевскаго правительства!... Я взялъ вашу конституцію за образецъ политическихъ учрежденій, находя ее прекрасною, и ставилъ васъ въ примѣръ Европѣ, не только не желая вамъ повредить, а стараясь васъ охранить» [2]). Слѣдуетъ-ли изъ этого, что онъ считаетъ эту систему вполнѣ безукоризненной и годной для всѣхъ государствъ? Вовсе нѣтъ. Хотя онъ и былъ вскормленъ Плутархомъ, но зналъ, что Спарта исчезла съ лица земли и что ея образъ и подобіе не воскреснетъ нигдѣ, даже среди женевцевъ [3]). Руссо полагаетъ, что республиканскій образъ правленія пригоденъ только для маленькихъ и небогатыхъ государствъ [4]). Что касается до крупныхъ государствъ, то единственно возможная для нихъ реформа заключается въ федеративной системѣ [5]). По его мнѣнію, «каждая конституція можетъ быть лучшей въ одномъ случаѣ и худшей въ другомъ» [6]). Самое важное для народовъ то,

---

[1]) Sayous, *Le dix-huitième siècle à l'étranger*, t. I, p. 226 et suiv.—Desnoiresterres, *Voltaire et J. J. Rousseau. Voltaire et Genève.*—Mallet du Pan t. I, ch. III.—Janet, liv. IV, ch. VII.—Viry, *Origines des idées politiques de Rousseau*, *Correspondant*, t. CXII, p. 359.—*Revue historique*, t. XV, p. 517.

[2]) *Lettres de la Montagne*, lettre VI.

[3]) «Древніе народы перестали служить образцами для новѣйшихъ: они имъ слишкомъ чужды во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно вы, женевцы, вы—не римляне не спартанцы, вы даже не аѳиняне»... *Lettres de la Montagne.*

[4]) «Монархія пригодна только для богатыхъ націй; аристократія—для государствъ, богатство и величіе которыхъ не превышаетъ средняго уровня; демократія—для мелкихъ и бѣдныхъ государствъ». *Contrat social*, liv. III, ch. VIII.

[5]) *Contrat social*, liv. III, ch. XV.—«Старайтесь расширить и усовершенствовать систему федеративныхъ правительствъ, это единственная система, которая примиряетъ выгоды великихъ и малыхъ государствъ, а потому единственная, для васъ пригодная.—*Gouvernement de la Pologne*, ch. V.

[6]) *Contrat social*, liv. III, ch. III.

чтобы они оставались вѣрными самимъ себѣ. Въ этомъ отношеніи Руссо называетъ себя самымъ некосмополитичнымъ человѣкомъ въ мірѣ. «Устройте такъ, чтобы ни одна національность не поглощалась другою, ей чуждою, и я ручаюсь, что не будетъ завоеванныхъ и подавленныхъ народовъ. Только національныя учрежденія образуютъ геній, характеръ, вкусы и нравы народа, только они дѣлаютъ его такимъ, а не инымъ; они внушаютъ ему пламенную любовь къ отечеству, основанную на привычкахъ, которыя невозможно искоренить, и которыя заставляютъ его умирать отъ скуки среди другихъ народовъ, среди наслажденій, которыхъ онъ былъ лишенъ дома... *Ubi patria, ubi bene*».

Вотъ основная мысль Руссо, обнаженная отъ всякихъ слоговыхъ прикрасъ. Потому-то всюду, кромѣ Женевы, поняли только формулу и усвоили только отвлеченности. Осуществляя доктрину—исказили ея смыслъ, но и это совершено было различнымъ образомъ, смотря по характеру и свойствамъ отдѣльныхъ націй. Во Франціи, напримѣръ, непосредственное участіе народа въ управленіи привело къ передачѣ власти въ руки вооруженныхъ скопищъ и парижскихъ клубовъ, принципъ суверенитета народа, истолковываемый съ помощью римскихъ традицій, примѣняемый въ централизованномъ государствѣ, сведенъ былъ къ деспотизму нѣсколькихъ сектантовъ. Прошедшее Франціи, требованія ея исторіи сдѣлали то, что федерализмъ явился тамъ преступленіемъ, а слѣдовательно система утратила свой смягчающій характеръ и свою силу и сдѣлалась парадоксомъ тиранніи. Напротивъ того, въ Германіи, гдѣ учрежденія были федеративныя, гдѣ существовали мелкія княжества и гдѣ главный недостатокъ государства происходилъ отъ разсѣянія власти и раздѣленія націи — ученіе Руссо вело къ укрѣпленію государства и объединенію націи; оно естественно вступало въ русло исторіи. Ученики Руссо, революціонеры во Франціи, сдѣлались реформаторами въ Германіи.

Такимъ образомъ изученіе націй приводитъ насъ къ тому же результату, какъ изученіе государствъ, а изслѣдованіе идей даетъ тѣ же выводы, какіе дало изслѣдованіе политическихъ обычаевъ. Въ готовящейся революціи, правительства будутъ руководствоваться государственной пользой, т. е. своими интересами, какъ они научились понимать ихъ на опытѣ. Націи будутъ руководствоваться только своимъ наслѣдственнымъ геніемъ, т. е. характеромъ, страстями, инстинктами, которые развивались въ нихъ вѣками. Народы, начиная съ французовъ, будутъ смотрѣть на революцію, сообразно со своими національными традиціями, правительства—со своими политическими традиціями. Итакъ, чтобы понять отношенія между Франціей и Европой, во время революціи, надо вернуться къ этимъ традиціямъ, онѣ даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію всей исторіи этого времени.

КНИГА ВТОРАЯ.

Политическія традиціи Франціи.

ГЛАВА I.

Нація и правительство.

I.

Много было споровъ о томъ, имѣла ли Франція конституцію при старомъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что можно было перерыть самые тайные архивы королевства и не найти ея текста, что короли въ нее не вѣрили и что сами легисты отрицали ея существованіе [1]).

Необходимо прибѣгнуть къ основнымъ законамъ,—восклицаютъ со всѣхъ сторонъ,—когда въ государствѣ царятъ смуты и власть колеблется, но этихъ законовъ нигдѣ не находятъ. Всѣ на нихъ ссылаются и никто ихъ не знаетъ. Самые проницательные умы едва различаютъ «сгладившійся образъ той мудрой середины между своеволіемъ королей и распущенностью народа,

---

[1]) Въ парламентскомъ засѣданіи 19 ноября 1787 г. Людовикъ XVI сказалъ: «Принципы, о которыхъ я желаю напомнить вамъ, касаются самой сущности монархіи, и я не допущу, чтобъ ихъ нарушили или измѣнили».—Хранитель печати Ламуаньонъ изложилъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Эти принципы, признанные всей націей, свидѣтельствуютъ, что *одному королю принадлежитъ верховная власть въ его государствѣ*, что отчетъ въ пользованіи этой верховной властью онъ отдаетъ одному Богу, что король—верховный вождь націи и составляетъ одно съ нею и что законодательная власть исключительно и нераздѣльно заключается въ особѣ государя... Изъ этихъ старинныхъ національныхъ принциповъ, засвидѣтельствованныхъ каждою страницею нашей исторіи, вытекаетъ, что одному королю принадлежитъ право сзывать Генеральные штаты, что онъ одинъ можетъ судить, насколько полезенъ и необходимъ этотъ созывъ; что онъ не нуждается ни въ какой экстраординарной власти для управленія своимъ королевствомъ, что *въ представителяхъ трехъ сословій государства король можетъ видѣть только болѣе обширный совѣтъ, состоящій изъ избранныхъ членовъ фамилій, главою которой онъ состоитъ*, и что онъ всегда останется *верховнымъ рѣшителемъ ихъ жалобъ и просьбъ*».—Рѣчь короля въ парламентѣ; рѣчь Ламуаньона, хранителя государственной печати во время засѣданія короля въ парламентѣ, 19 ноября 1787.—*Archives parlementaires*, publiées par Mavidal et Laurent, t. I, p. 264. Paris, 1868.

которую умѣли соблюдать наши предки» [2]). За этимъ неяснымъ свѣтомъ опасно идти, онъ ведетъ къ движущимся пескамъ: кто отважится ступить на нихъ, тотъ погибнетъ. «Пробудившись отъ бездѣйствія, принялись ощупью искать законы, но ихъ не нашли», пишетъ Рецъ по случаю агитаціи 1647 г. [3]). «Это лучшее средство для того, чтобъ все погубить», говоритъ Паскаль... «народъ охотно прислушивается къ этимъ рѣчамъ. Онъ стряхнетъ иго, какъ скоро его почувствуетъ. Ему не слѣдуетъ знать правды объ узурпаціи; она была нѣкогда введена неразумно, но сдѣлалась разумной: пусть ее считаютъ подлинной, вѣчной; пусть скроютъ ея начало, если не желаютъ ея конца» [4]). Итакъ, необходимо, чтобъ принципъ власти былъ облеченъ тайною и если гдѣ-нибудь существуетъ основной законъ, то въ основѣ его лежитъ правило, которое даетъ возможность обойтись безъ всѣхъ другихъ: «Народное и королевское право всего легче согласовать, когда о нихъ ничего не говорятъ» [5]).

Однако такой могущественной монархіи, какъ французская, которая въ продолженіе восьми послѣдовательныхъ вѣковъ побѣждала столько внѣшнихъ враговъ и, переживая внутренніе перевороты, продолжала развиваться въ блескѣ и силѣ, такой прекрасный ростъ, говорю, я, долженъ же имѣть свой raison d'être и свои правила, изъ него проистекающія. Рядъ прецедентовъ можетъ создать обычай, а изъ обычая можно выдѣлить какіе нибудь принципы общественнаго права, но все это—одна теорія. Весь ея авторитетъ покоится на исторіи прошедшаго, а ея санкція заключается въ исторіи будущаго. Для настоящаго она не имѣетъ значенія, и политики не принимаютъ ее въ расчетъ. Монтескье написалъ въ такомъ духѣ нѣсколько главъ своего прекраснаго сочиненія; но, несмотря на всю свою геніальность, *Духъ законовъ* не могъ замѣнить билль *habeas corpus* для французскаго подданнаго и оградить его отъ произвола lettre de cachet, приказовъ о конфискаціи имущества или произвольнаго же введенія налоговъ. Желая разложить на составные элементы обычай древней монархіи, неизбѣжно приходишь къ той формулѣ, которая резюмируетъ въ себѣ весь духъ тогдашней политики подобно тому, какъ политика предшествовавшаго времени резюмировала духъ публичнаго права слѣдующими словами: мудрый монархъ и способные слуги—министры. «Только присутствіе властелина можетъ побѣдить легкомысліе и непостоянство французовъ, го-

---

[2]) Retz, *Mémoires*, 2 partie, ch. II, 1646,—Etienne Pasquier и въ особенности письма его къ Сенъ-Марту. Начиная съ XVI столѣтія, раздаются одни и тѣ же сѣтованія.

[3]) Id. 2 partie, ch. III.

[4]) *Pensées*, ed. Havet, art. III, № 8.

[5]) Retz, id. 2 partie, ch. III.

ворилъ Ришелье [6]). Они способны на все, если только повелители ихъ съумѣютъ научить ихъ тому, что они должны дѣлать. Смѣю ручаться вашему величеству, что если вы найдете вождей, достойныхъ того, чтобъ повелѣвать, то найдете и подданыхъ, готовыхъ повиноваться. Вѣрно одно, что повсюду распространенное мнѣніе о неспособности французовъ къ порядку и дисциплинѣ основано только на неспособности вождей, которые не умѣютъ выбрать средства, необходимыя для ихъ цѣлей». Вотъ дѣйствительная основа стариннаго монархическаго учрежденія, и можно прибавить—всѣхъ причинъ, вызвавшихъ величіе и паденіе королевской власти во Франціи.

Нужны великіе короли, имѣющіе хорошихъ слугъ или, по крайней мѣрѣ, благоразумные короли, имѣющіе великихъ министровъ. Генрихъ IV и Сюлли, Людовикъ XIII и Ришелье представляютъ совершеннѣйшіе образцы того стараго управленія, гдѣ лица — все, а учрежденія — ничто. Отсутствіе выдающихся людей равняется пустотѣ, такъ какъ нѣтъ законовъ, которые позволяли-бы обойтись безъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, ждать ихъ, и за блестящими и плодотворными царствованіями слѣдуютъ длинные періоды смутъ и безплодія.

Не капризъ какого-нибудь деспота и не случайный переходъ власти въ руки честолюбцевъ составляютъ причину этого явленія, нѣтъ, его вызываютъ общія условія развитія націи и государства и самая сила вещей [7]). Одинъ историкъ сказалъ, что, начиная ужъ съ четырнадцатаго вѣка, было рѣшено, къ несчастію для королевской власти и для народа, что монархія будетъ абсолютной и что старая Франція не познаетъ свободы [8]). Причины восходятъ до самаго происхожденія монархіи и нѣкоторымъ образомъ вытекаютъ изъ самаго смыслъ ея существованія. Во Франціи нація и государство образовались одновременно и развивались совмѣстно, не опережая и не отставая другъ отъ друга. Феодализмъ раздроблялъ государство и страну, нація стремилась къ единенію, а королевская власть способствовала этому. Разрушеніе феодальной системы было первымъ условіемъ для успѣха ея работы. Королевская власть не могла-бы усилить своего значенія, а нація не могла-бы сплотиться иначе, какъ въ ущербъ феодаламъ. Король видѣлъ въ нихъ соперниковъ или мятежни-

[6]) *Testament*, ch. VI.

[7]) Vuitri, *Etudes sur le régime financier de la France.*—Fustel de Coulanges, *Histoire des institutions*—Luchaire, *Institutions des premiers Capétiens.*—Guisot. *Essai sur l'histoire de France, Civilisation en France.*—Augustin Thierry. *Considérations.*—Mignet, *Formation territoriale de la France* въ его *Mémoires historiques.*

[8]) Lavisse, *Du pouvoir royal en France sous Charles V.* (Revue politique 1880 et Revue historique 1884).

ковъ, буржуа и крестьяне—своихъ притѣснителей. Буржуа и крестьяне обратились къ королю. Эта ненависть французовъ къ феодализму составляла главную силу короля въ его борьбѣ противъ сеньеровъ. Она составляетъ основу національной исторіи и обусловливаетъ единство этой исторіи, начиная отъ среднихъ вѣковъ и кончая революціей [9]). Параллельные импульсы, заставлявшіе королевскую власть сосредоточивать свое вліяніе: а націю—группироваться вокругъ короля, находятъ одно и то же орудіе легистовъ, которые выходятъ изъ рядовъ буржуазіи, дѣлаются министрами короля и проводятъ въ управленіе принципъ королевскаго всемогущества.

Въ этомъ отношеніи исторія Франціи и Англіи представляетъ величайшій контрастъ, который обнаруживается съ самаго ея начала [10]). Во Франціи все напряженіе роста направлено противъ феодальной системы: существенный элементъ націи, среднее сословіе, работаетъ на короля противъ знати. Въ Англіи всѣ усилія направлены противъ королевской власти: главный элементъ націи, *джентри*, т. е. мелкое сельское дворянство находилось въ союзѣ съ буржуазіей противъ короля. Во Франціи все способствуетъ къ объединенію власти—въ Англіи къ ея раздѣленію. Національное чувство старой Англіи выражается въ словахъ: сильный парламентъ; національное чувство старой Франціи въ словахъ: великій король. Кромѣ того, англичане не боялись вторженія иностранныхъ войскъ; въ борьбѣ, которую они выдерживаютъ противъ королевскаго абсолютизма, въ внутреннихъ смутахъ, происходящихъ отъ этого, мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ не тревожитъ ихъ. Напротивъ того у французовъ эта забота преобладаетъ надъ остальными во время междоусобныхъ распрей. Угроза завоеванія всегда тяготѣетъ надъ ними, и опасность подпасть подъ чужеземный гнетъ не оставляетъ досуга для ссоры. Періодами смутъ и анархіи англичане пользуются для истребованія своихъ правъ у королевской власти; французы, въ подобныхъ случаяхъ, не имѣютъ ни свободы времени ни выбора. Они могли-бы воспользоваться своими смутами, чтобы ограничить короля, но чужеземецъ воспользовался-бы междоусобицей еще ранѣе для подчиненія ихъ своей власти. Они обращаютъ свои усилія на то, что въ данную минуту является первою необходимостью, и стремленіе къ огражденію національной независимости беретъ у нихъ верхъ надъ желаніемъ гражданской свободы.

Всѣ эти характерныя черты окончательно опредѣляются во время великаго кризиса, пережитаго въ XVI вѣкѣ. Обѣ монархіи выходятъ изъ

---

[9]) Guizot. *Civilisation en France*, t. III, l. I.

[10]) Id. *Essai sur l'histoire de France*, *Civilisation en Europe*, l. XIV.—Vuitry. *Régime financier*, 2 serie, t. II.—Бокль. *Исторія цивилизаціи въ Англіи*, гл. IX.

него зрѣлыми; они достигли своего полнаго развитія и установили, такъ сказать, свои характерныя особенности. Причины, помѣшавшія Франціи имѣть свою *великую хартію* и свою *палату общинъ* помѣшали и успѣху Реформаціи во Франціи. Реформація ссылается на разумъ противъ католическаго догматизма; она обращалась въ особенности къ совѣсти и благодати. Ей нужна была свобода; она ее потребовала и очень ускорила ея воцареніе, но не свобода была ея прямой и главною цѣлью. Реформація была реакціей христіанства противъ невѣрія и вольнодумства Возрожденія, усиленіемъ вѣры, грозившей исчезнуть въ мирномъ скептицизмѣ Рима; протестомъ противъ языческой невозмутимости и итальянской жизнерадостности; возвратомъ къ душевной тоскѣ и тревогѣ, къ укоризнамъ совѣсти, отступленіемъ назадъ черезъ всѣ средніе вѣка, къ эпохѣ св. Августина или св. Павла. Въ области религіи—реформація нарушала единство церкви; въ области политики—она вела, посредствомъ автономіи приходовъ, къ автономіи общинъ, и слѣдовательно стремилась къ разъединенію. Такъ какъ понятія о вѣротерпимости еще не существовало, то диссидентская церковь не могла поддерживаться исключительною помощью вооруженной партіи. Религіозный расколъ велъ за собой расколъ политическій: государство не могло допустить раздѣла, оно должно было или принять Реформацію, или допустить, чтобъ реформаты образовали государство въ государствѣ. Эти условія рѣшили исходъ событія.

Классическая культура во Франціи была такъ высока, влеченіе къ раціонализму было такъ естественно и пристрастіе къ чистой логикѣ такъ сильно, что она не могла остановиться на мистической сдѣлкѣ между вѣрой и разумомъ. Въ средѣ ея правителей, умѣренные или политики, какъ ихъ называли, были индифферентны въ дѣлѣ религіи, зато вѣрующіе были фанатиками. Первымъ Реформація казалась излишней, вторымъ—преступной. Кромѣ того, тѣ и другіе стояли за единство государства и въ этомъ смыслѣ единодушно порицали Реформацію. Послѣдняя была пріятна знати только потому, что доставляла случай возобновить борьбу противъ королевской власти. Къ этимъ феодальнымъ стремленіямъ присоединялась еще въ нѣкоторыхъ городахъ склонность къ республиканскимъ учрежденіямъ. Успѣхъ знатныхъ и республиканцевъ, еслибъ они составили союзъ и дѣйствовали за одно, повелъ бы, по всей вѣроятности, не къ укрѣпленію общественной свободы и образованію парламента на англійскій ладъ, но—къ федеративному раздробленію государства. Иначе говоря, пришли-бы не къ англійскимъ порядкамъ 1688 года, а къ германскому устройству, ведущему свое начало отъ Вестфальскаго мира [11]).

---

[11]) *Discours politiques et militaires* de Lanoue, 1587. Одна королевская власть способна спасти Францію,—говоритъ Лану;—разъ вмѣшаются англи-

Иностранныя державы были на готовѣ и ждали случая, которымъ немедленно и воспользовались. Испанцы и англичане, призываемые партіями, возбуждали ихъ и разжигали междоусобную войну. Они расчитывали на добычу. Король не имѣлъ въ виду раздѣлить ни свою власть съ вождями Реформаціи, ни свое королевство—съ союзниками Лиги; защищая отъ первыхъ единство государства, а отъ вторыхъ цѣлость территоріи, онъ оправдывалъ тайныя надежды націи. Она не хотѣла ни иностраннаго вмѣшательства, ни аристократическаго правительства, а предпочла тому и другому диктатуру. Она дѣйствовала согласно своему инстинкту, и послѣдній еще разъ проявился, жизненный и страстный, въ революціи. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ диктаторомъ сдѣлался король. Между гугенотами, заподозрѣнными въ стремленіи къ федерализму, и членами Лиги, заподозрѣнными въ вассальныхъ связяхъ съ Испаніей, онъ былъ единственнымъ представителемъ національнаго преданія. По своему духу Реформація шла противъ интеллектуальнаго теченія Франціи, а по своимъ послѣдствіямъ—противъ политическаго, а потому и не могла восторжествовать. Я не хочу сказать, что это было счастіемъ для Франціи и что ее слѣдуетъ съ этимъ поздравить. Но предполагать, что во Франціи была возможна *великая хартія* и реформація—значитъ переносить въ нее Англію и слѣдовательно измѣнить всѣ условія исторіи.

Итакъ, слѣдуетъ сокрушаться не столько о «великомъ отказѣ» Франціи, сколько о весьма старинныхъ причинахъ, сдѣлавшихъ его неизбѣжнымъ. Эти же причины, единственно силою вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій, толкнули старую монархію на путь, который закончился катастрофой и, поставивъ французовъ въ безвыходное положеніе, не дали другого средства выйти изъ него, кромѣ революціи.

Такова скрытая сила великихъ историческихъ импульсовъ. Во Фран-

---

чане, испанцы, нѣмцы, она распадется на части. «И такимъ образомъ это громадное тѣло распадется на части, для безопасности которыхъ узурпаторы примутъ покровительство иностранныхъ державъ. Достаточно одному государю овладѣть провинціей, и сеньоръ захватитъ нѣсколько городовъ. Одни главные города образуютъ аристократію въ парламентѣ, а другіе—введутъ у себя республику».—Saint-Simon въ *Parallèle,* p. 21, рисуетъ намъ партію лиги и гугенотовъ при Людовикѣ XIII, причемъ первая состоитъ въ сношеніяхъ съ Испаніей и ультрамонтанами; вторымъ—съ германскими, англійскими и голландскими протестантами. Далѣе онъ говоритъ: «Первымъ трудно было отдѣлаться отъ властолюбиваго духа, столь долгое время проявляемаго ихъ партіей и имѣвшаго столь пагубное вліяніе; вторымъ—отъ духа независимости и гибельнаго стремленія постепенно и медленно образовать государство въ государствѣ и своего рода республики въ королевствѣ; та и другая партія опирается на иностранныя державы, съ которыми поддерживала тѣсную и опасную борьбу, и та и другая прикрывается именемъ своей религіи».

ціи Реформація грозитъ національному единству и абсолютной королевской власти, тѣмъ самымъ укрѣпляя ихъ; въ Англіи она направлена противъ народныхъ вольностей, а между тѣмъ подтверждаетъ ихъ. Она исходитъ изъ деспотизма короля. Предписывая ее путемъ декрета, Генрихъ VIII руководствуется лишь своими страстями: желаніемъ сбросить римское иго, захватить церковныя имѣнія и присвоить себѣ неограниченную власть. Онъ полагалъ, что, становясь главою церкви, онъ поработитъ души англичанъ. Но независимость — неотъемлемое свойство англійскаго духа. Реформація освобождала, совѣсть и всѣ ухищренія королевской власти не помѣшали англичанамъ видѣть въ Реформаціи религіозную *великую хартію*. Реформація не только не подчинила ихъ королю, но напротивъ придала борьбѣ, которую они отнынѣ повели за общественныя вольности, новый характеръ глубокаго убѣжденія и гордости. Подобно ихъ конституціи, она стала національной и, такъ сказать, сдѣлала послѣднюю еще дороже и ближе для англичанъ, пріобщивъ ее къ ихъ вѣроисповѣданію. Реформація нашла въ свободѣ свою естественную гарантію, а королевская власть встрѣтила въ сектахъ, изъ нея возникшихъ, болѣе опасныхъ и ожесточенныхъ противниковъ, чѣмъ какія-бы то ни было политическія партіи.

Исходъ этой революціи рѣшилъ судьбу и всѣхъ послѣдующихъ. Въ Англіи, какъ и во Франціи, онѣ были результатомъ національныхъ традицій; въ Англіи, традиція представляла собою развитіе средневѣковыхъ учрежденій и борьбу противъ попытки королей ввести абсолютную власть, во Франціи традиція представляла собою сильнѣйшую ненависть къ этимъ самымъ учрежденіямъ и борьбу противъ феодальной аристократіи, которая пыталась возстановить ихъ въ свою пользу. Англійскія революціи семнадцатаго вѣка подготовили окончательное торжество свободного правительства; безтолковая попытка Фронды во Франціи дала торжество абсолютной власти.

Но для того, чтобъ выдерживать эту великую роль, монархія должна постоянно черпать свои силы въ томъ источникѣ, изъ котораго вышла. Она не должна ошибаться насчетъ смысла своего существованія (raison d'être) и условій своего успѣха. Чѣмъ менѣе контроля она чувствуетъ надъ собою, тѣмъ болѣе умѣренности должна проявлять въ пользованіи своею властью. Нація отрекается отъ своихъ правъ, но никогда не отречется отъ своихъ сужденій и, отдавая все, требуетъ многаго. Она желаетъ, чтобы ею управляли благоразумно, толково и съ чувствомъ мѣры. Въ надеждѣ на такое управленіе она ввѣряетъ свою судьбу королю. Генрихъ IV понялъ это. Чтобъ сохранить единство государства, онъ сдѣлался католикомъ, но даровалъ гугенотамъ свободу совѣсти, насколько ее допускали нравы той эпохи. Нантскій эдиктъ служитъ дополненіемъ его

обращенія въ католицизмъ; эти два акта нераздѣльны. Перемѣна религіи доставила ему корону, эдиктъ обезпечилъ ему покорность всего королевства. Генрихъ IV узаконилъ вѣротерпимость, которая представлялась чѣмъ то туманнымъ для тогдашнихъ умовъ. Онъ основалъ управленіе, которое будетъ всегда самымъ популярнымъ во Франціи—правленіе здравомыслящихъ и умныхъ людей; мало того, онъ почувствовалъ, что, принимая верховную власть, становясь главой и представителемъ націи, онъ обязанъ думать за нее и совершить то, что она смутно желаетъ, не имѣя силы исполнить. Онъ былъ королемъ-реформаторомъ и тѣмъ самымъ проникалъ въ глубину монархическихъ традицій.

Думать, что Франція того времени относилась индифферентно къ дѣламъ государства и была способна только повиноваться, значитъ не понимать характера націи. Жертвуя свободой общественному благу, она не утратила любви къ ней. Черезъ всю ея исторію проходитъ постоянная традиція независимости, а потому французы никогда не терпѣли долго непрерывнаго деспотизма. Духъ демократической свободы нигдѣ не имѣлъ столь рѣзко выраженнаго характера, какъ въ коммунахъ; инструкціи депутатамъ, т. н. *cahiers* генеральныхъ штатовъ, начиная съ XIV до XVII вѣка, заключаютъ въ себѣ всю сущность запросовъ 1789 г. [12]). Попытки штатовъ взять въ свои руки управленіе не удавались только потому, что штаты сзывались во времена великихъ бѣдствій, смутъ и возмущеній. Они не обладали ни опытностью, ни силой, столь необходимыми для управленія; они могли только формулировать свои желанія. Королевская власть осуществляетъ ихъ; извлекая изъ ихъ мотивированныхъ пожеланій практическія реформы, она умѣло и отчетливо исполняетъ то, что штаты смутно пытаются осуществить. Обезпечивая народу главные результаты, которые онъ ждетъ отъ свободы, королевская власть заставляетъ его забывать на время о самомъ принципѣ этой свободы. «Самый текстъ этихъ *cahiers* находился передъ глазами

---

[12]) Picot. *Histoire des États généraux*, t. IV. *Résumés généraux*, p. 197.—*Cahiers* средняго сословія представляютъ цѣлые планы конституціи и администраціи. Всѣ принципы на лицо: суверенитетъ исходитъ отъ народа, народъ—всѣ жители страны, штаты—хранители народной воли; раздѣленіе власти между королемъ и штатами; періодическіе созывы собраній; необходимость голосованія налоговъ; допущеніе всѣхъ сословій къ занятію общественныхъ должностей; независимость королевской власти отъ Римскаго двора, національное духовенство, абсолютное право государства на церковныя имущества, уничтоженіе продажности должностей, уничтоженіе придворныхъ пенсій, реформа злоупотребленій, упраздненіе феодальныхъ судовъ и феодальныхъ правъ, избираемость муниципальныхъ совѣтниковъ, объединеніе и кодификація обычаевъ, упраздненіе внутреннихъ таможенъ.

тѣхъ, кто редижировалъ узаконенія Карла V и Людовика XII» [13]). Такъ, послѣ смутъ, происходившихъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, появились реформы Лопиталя и, подъ вліяніемъ собранія нотаблей,—реформы Сюлли, сдѣлавшія величайшую честь царствованію Генриха IV; такъ, послѣ агитаціи начала XVII вѣка и созыва штатовъ 1614 г., Ришелье заложилъ обширныя основы королевства; такъ, послѣ Фронды, наступили мирные года плодотворной реорганизаціи, съ которыми такъ тѣсно связана память о Кольберѣ. Одинъ великій историкъ сравнилъ ихъ съ временами консульства: это сближеніе объясняетъ успѣхъ Бонапарта [14]).

При Людовикѣ XIV, королевская власть достигла своего апогея. Королю воздавали всевозможныя почести, воздвигали статуи, онъ какъ бы принадлежалъ къ числу тѣхъ римскихъ императоровъ, которыхъ возводили въ боги. «Тогда настало,—говоритъ Мишле [15]),—полнѣйшее торжество королевской власти, полнѣйшее воплощеніе народа въ одномъ человѣкѣ». Во второй половинѣ царствованія и въ концѣ столѣтія, потокъ, несшій королевскую власть, незамѣтно замедлилъ свое теченіе и воды поднялись, какъ бы возвращаясь вспять. Обнародованіе Нантскаго эдикта Генрихомъ IV знаменуетъ зрѣлость монархіи, отмѣненіе этого эдикта, сдѣланное его внукомъ, указываетъ на ея упадокъ. Монархія была доселѣ послѣдовательна, но не систематична; отнынѣ она создаетъ систему и извлекаетъ изъ нея догматъ. Она существовала сдѣлками и затѣмъ становится исключительной. Умѣренность сдѣлала ее очень сильной, излишества ее погубятъ. Переставъ царствовать для націи, для государства, она царитъ для себя и для себя одной ставитъ самую себя своею конечною цѣлью, своимъ Богомъ. Предавшись этому культу она уничтожается въ немъ. Монархія росла, подобно величественному дубу, который вбираетъ въ себя всѣ соки прилегающихъ земель и отдаетъ имъ, взамѣнъ, свѣжесть своей тѣни и воздухъ, очищенный и оздоровленный таинственной работой его листвы. Въ то время, когда онъ, повидимому, находится въ полномъ блескѣ своего величія среди лѣта, соки внезапно останавливаются въ его вѣтвяхъ и онѣ постепенно опадаютъ, какъ бы парализованныя. Стволъ его сохнетъ, и онъ медленно чахнетъ. Его сгнившіе корни не могутъ больше извлекать питаніе изъ почвы, его обнаженныя вѣтви не по-

---

[13]) Picot, *op. cit.* t. IV, p. 296. T. I, p. 208, 537. О Генрихѣ IV, t. III, p. 274: *Résultat de l'Assemblée des notables.*

[14]) Guizot. *Civilisation en Europe*, leçon XIV. «Побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, порядокъ внутри, послѣ всѣхъ треволненій, сильная власть, вполнѣ опредѣлившаяся, молодой популярный король и громадная законодательная дѣятельность: указы по уголовному судопроизводству, по торговому праву, пользованію водами и лѣсами и проч.

[15]) *Précis de l'histoire moderne.*

лучаютъ его изъ воздуха; дожди губятъ вершину, паразиты поѣдаютъ корни. Нѣкогда онъ представлялъ защиту отъ урагановъ, отнынѣ онъ имъ не будетъ противиться: первый порывъ бурнаго вѣтра вырветъ и низвергнетъ его.

Для того, чтобъ королевская власть могла держаться на прежней высотѣ и обновляться, она должна продолжать дѣло преобразованій и національной эмансипаціи, чтобъ она управляла съ блескомъ, но соблюдала мѣру, остерегаясь крайностей, чтобъ государство благоденствовало и народъ былъ удовлетворенъ, чтобъ она преслѣдовала злоупотребленія и, отмѣнивъ управленіе феодаловъ, упразднила бы и права, которыя служили имъ вознагражденіемъ и которыя потеряли уже свое raison d'être; чтобы она, сдѣлавши землю свободной, докончила дѣло освобожденія человѣка. Въ XVI вѣкѣ отъ монархіи требовалась вѣротерпимость, въ XVII—могущество, въ XVIII—«просвѣщенность». Если она уклонится и откажется отъ этой задачи, то въ народѣ уже настолько выработалось самосознаніе и знаніе своихъ правъ, что онъ можетъ потребовать то, на что надѣется, и во главѣ его станутъ тѣ самые легисты, которые въ теченіе пяти вѣковъ боролись за короля противъ дворянъ. Завоевавши нѣкогда для короля власть, они захотятъ раздѣлить ее съ нимъ и, въ случаѣ его сопротивленія, воспользоваться ею противъ него.

Королевская власть сложила предъ ними оружіе: она принуждена была срыть укрѣпленія и сдать апроши: сопротивленіе становится для нея невозможнымъ, разъ оно направлено противъ самой націи. «Tout est devenu peuple devant lui», — говоритъ Сенъ-Симонъ о Людовикѣ XIV. Этотъ государственный колоссъ стоялъ одиноко среди толпы: ничто не охраняло его. Людовикъ XI подчинилъ удѣльныя династіи, Генрихъ IV—религіозныя партіи, Ришелье—политическія, Людовикъ XIV—парламенты; что касается дворянства, то королевская власть въ продолженіе четырехъ вѣковъ старалась отнять у него всякое вліяніе, организацію и политическую роль. Государственное зданіе построено съ неподражаемою смѣлостью и великолѣпіемъ, но оно напоминаетъ готическій соборъ, въ которомъ главный корпусъ и стрѣльчатые своды доведены до несоразмѣрной высоты, въ ущербъ толщинѣ стѣнъ. Затѣмъ, для доставленія ему простора и воздуха, внезапно уничтожаютъ боковыя постройки и контрафорсы, поддерживавшіе главное зданіе. Оно колеблется на своемъ основаніи и при первомъ ударѣ тарана рушится подъ подавляющею тяжестью собственныхъ сводовъ и башенъ.

Людовикъ XIV довелъ до крайнихъ предѣловъ монархическій принципъ и злоупотреблялъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Умирая, онъ оставилъ Францію, изнемогавшую подъ бременемъ войнъ, истощенную проскрипціей, нетерпѣливо стремящуюся сбросить гнетъ, сознавъ всю его разоритель-

ность. Люди были исчерпаны, казна пуста, всѣ пружины лопались отъ чрезмѣрнаго напряженія, и въ этомъ громадномъ государствѣ не осталось ни одного прочнаго учрежденія: спасти его могло лишь случайное появленіе генія. Дѣла дошли до того, что только великій король могъ предотвратить революцію.

II.

Революція медленно назрѣвала въ продолженіе всего восемнадцатаго вѣка. Симптомы слѣдуютъ за симптомами; слышится глухой гулъ, замѣчаются странныя трещины въ почвѣ и тѣ таинственныя ящерицы на стѣнахъ, которыя предвѣщаютъ землетрясенія. Тогда началось то, что наиболѣе тягостно и нестерпимо для народа, а именно: нерѣшительность всевластія, анархія въ централизаціи. Каждый тянетъ въ свою сторону. Всѣ виды власти приходятъ въ столкновеніе. Епископы ссорятся съ парламентомъ; правительство воюетъ съ духовенствомъ и судебной властью [1]); пасквили распространяются во множествѣ; авторитетъ власти ослабѣваетъ. Распри вождей вызываютъ неповиновеніе народа, который пріучается презирать ихъ, видя ихъ обоюдную ненависть. Только министерство Флери представляетъ минуту затишья, но эта сонная власть была болѣе продолжительна, чѣмъ послѣдовательна. Людовикъ XV, освободясь отъ опекуна, оказался безпокойнымъ, лѣнивымъ и робкимъ государемъ, ревниво оберегавшимъ свою власть. Онъ не управлялъ самъ, но и не выносилъ, чтобы министры управляли его именемъ и, не смѣя имъ противорѣчить, онъ составлялъ заговоры противъ нихъ и изподтишка мѣшалъ имъ. Кромѣ того, они интриговали другъ противъ друга и шумно ссорились. «Въ комитетахъ министровъ во времена маршала Ноаля было такъ много шума и гвалта, что мы не услышали бы ударовъ грома»,—пишетъ д'Аржансонъ. Эти аристократы препираются, какъ демагоги. «Маршалъ изъ себя выходилъ, если съ нимъ спорили, кидалъ свою шляпу по комнатѣ, топалъ ногами и измѣнялъ свои воззрѣнія на каждомъ засѣданіи. Де-Морепа кричалъ визгливымъ голосомъ, смѣялся и выдавалъ свои эпиграммы за несомнѣнные государственные принципы. Кардиналъ Тенсенъ прибѣгалъ къ словарю Морери за справками о самыхъ обыкновенныхъ, но неизвѣстныхъ ему, вещахъ, что случалось довольно часто». За этими комитетами слѣдовали совѣты подъ предсѣдательствомъ короля; они были не лучше. Одинъ изъ министровъ пишетъ: «Члены совѣта ненавидятъ и презираютъ короля больше, чѣмъ ненавидѣли бы его самые фанатическіе республиканцы [2]). Людовикъ XV платитъ имъ тою же

---

[1]) Rocquain, *L'Esprit révolutionaire avant la Révolution.* Paris, 1878.

[2]) D'Argenson, *Journal et mémoires*, t. IV, p. 139—146.

монетою; онъ мѣняетъ ихъ по капризу или произволу своихъ любовницъ. Неустойчивость французскаго правительства и его анархія вошли въ пословицу у иностранцевъ [3]). Къ концу царствованія, одинъ очень умный авантюристъ, конспирировавшій съ королемъ противъ его правительства, имѣлъ полное право отвѣчать допрашивавшему его судьѣ, когда по ошибкѣ попалъ въ Бастилію: «Я отъ самого короля научился отличать его священную особу отъ особы его министровъ, потому что въ теченіе семнадцати лѣтъ, которыя я провелъ на службѣ, его величество уволилъ 26 министровъ» [4]).

Финансы поддерживаются только помощью банкротствъ. Армія разлагается. Она попрежнему можетъ проявлять чудеса храбрости и даже рѣдкой стойкости, что доказало напримѣръ отступленіе отъ Праги. Но въ общемъ, это—испорченная машина, приводимая въ движеніе проволокой, которую дергаютъ въ Версали. Генералы находятся постоянно подъ страхомъ отставки, немилости, суда, изгнанія или Бастиліи. Они помышляютъ не о побѣдахъ, а объ угожденіи начальству, не о сраженіяхъ, а о переговорахъ, не о томъ, какъ безпокоить непріятеля, а о томъ, какъ вести интригу при дворѣ. Политика завладѣла лагеремъ; она создаетъ въ немъ ненавидящія другъ друга партіи, и въ сѣтяхъ интригъ гибнетъ дисциплина [5]). Самъ по себѣ солдатъ хорошъ, но благодаря тѣмъ примѣрамъ, которые онъ видитъ передъ собой, онъ становится грабителемъ, мародеромъ, наглецомъ [6]). Это уже полнѣйшій упадокъ. Одинъ маршалъ писалъ: «Главная причина заключается въ совершенномъ незнаніи обязанностей своего званія, которымъ страдаютъ всѣ, начиная отъ подпоручиковъ до генералъ-лейтенантовъ включительно... Поручики и капитаны не умѣютъ ни управлять, ни командовать своими ротами, а вслѣдъ за ними и полковники

---

[3]) Одинъ русскій писалъ 3 мая 1774: «Перевороты во французскомъ министерствѣ происходятъ черезъ довольно правильные періоды.. Каждому министру дается шесть мѣсяцевъ царствованія». Tourneux. *Revue critique*, 1884, № 21. *Correspondance du comte de Bernstorff*, отъ 31 января 1755, I. Copenhague 1882.

[4]) Dumouriez. *Mémoires*, liv. II, ch. I.

[5]) *Le Secret du Roi*, par le duc de Broglie, t. I, ch. IV: *la Diplomatie secrète à l'armée.—Frédéric II* et *Marie Thérèse*, t. I, p. 211—217, 305—307. *Frédéric II* et *Louis XV*, t. I, p. I et suiv: *La Retraite de Prague.*

[6]) Маршалъ Беллиль писалъ 6 ноября 1742: «Уныніе овладѣло умомъ и сердцемъ всѣхъ офицеровъ; съ глубокой скорбью я слышу ежедневно, что не только они произносятъ самыя преступныя рѣчи передъ войсками, но не исполняютъ никакихъ приказаній и, къ стыду націи, первые начинаютъ грабить и хватать все, что попадается подъ руку...» Pajol. *Les guerres sous Louis XV.*—Yung, *Bonaparte*, t. I, ch. VIII. *État de l'armée* en 1785. Paris 1880. Bernis, *Mémoires*, p. 152, 206, 212, 241.

начальники бригадъ, генералъ-маіоры; генералъ-лейтенанты не умѣютъ вести своихъ полковъ, бригадъ, дивизій... Всѣ наши офицеры, отдѣльно взятые, такъ же мужественны, какъ непріятельскіе офицеры, болѣе талантливы и умны, чѣмъ они, но всѣ страдаютъ однимъ, очень важнымъ, недостаткомъ: почти всѣ они, начиная съ самыхъ нижнихъ чиновъ, создаютъ планы сраженій для армій, критикуютъ генерала и считаютъ свое положеніе слишкомъ низкимъ для себя» [7]).

Итакъ, вотъ зло, составляющее первую причину всѣхъ революцій: разнузданность, паденіе и банкротство власти [8]). Что касается духа мятежа, то онъ всегда присущъ человѣческой душѣ. Стоитъ плотинѣ прорваться, чтобъ анархія разлилась повсюду. Парижъ наполненъ трибунами, любящими ораторствовать передъ толпою, несчастными, негодяями или безумцами, готовыми идти вслѣдъ за ними. Демагогическая легенда распространяется въ средѣ темной массы; у нея имѣется свое живое преданіе. Французскія революціи во время столѣтней войны служатъ прототипомъ всѣхъ остальныхъ. Мы видимъ, что вожди корпорацій, организовавшись и образовавъ муниципальную общину, захватываютъ власть; они овладѣваютъ дворцомъ и съ оружіемъ въ рукахъ провозглашаютъ, какъ исходящую отъ народа, волю сопровождающей ихъ шайки; убиваютъ министровъ на глазахъ государя, объявляютъ диктатуру и управляютъ посредствомъ террора. Этьенъ Марсель напоминаетъ Дантона; Кабошъ предвѣщаетъ Мальяра. Въ XVI вѣкѣ Лига примѣшиваетъ къ духу анархіи религіозный фанатизмъ. Въ Лигѣ уже проявляется грозная организація якобинцевъ, ее боятся и на нее доносятъ, какъ будутъ впослѣдствіи доносить на знаменитое общество. Сенъ-Симонъ говоритъ о сообщникахъ Гиза такимъ тономъ, какимъ Жозефъ де-Местръ могъ бы говорить о приверженцахъ Робеспьера: «Эти яростные проповѣдники, эти подонки фанатизма, которые внесли столько смуты въ невѣжественный умъ и слабую совѣсть тѣхъ, кто составляетъ народъ... За этой гидрой Лиги, пожирающей Европу, гонится смерть, и всѣ ея замыслы будутъ ниспровергнуты» [9]).

У мятежей есть свои прецеденты и рутинныя формы. Рецъ говоритъ, что въ 1648, «движеніе было подобно внезапному и сильному пожару, охватившему весь городъ. Всѣ вооружились: у пяти и шестилѣтнихъ дѣтей видѣли въ рукахъ кинжалы, которые приносились имъ самими матерями. Менѣе, чѣмъ въ два часа въ Парижѣ возникло болѣе тысячи двух-

---

[7]) Донесеніе маршала де-Брольи въ 1759. *Le Secret du Roi*, t. I, p. 343.

[8]) Докладъ венеціанца Пизани о причинахъ революціи. Romanin, *Storia di Venezia*. Venise 1859, t. IX.—Franchetti, t. I, p. 50.

[9]) *Parallèle*, p. 47 и 121.

сотъ баррикадъ, съ знаменами и всѣмъ оружіемъ, которое уцѣлѣло отъ рукъ Лиги».

Столѣтіемъ позже, одинъ министръ Людовика XV писалъ: «Парижъ полонъ горючаго матеріала: уличный мятежъ можетъ перейти въ возстаніе, возстаніе—въ полную революцію, во время которой будутъ избраны настоящіе народные трибуны, комиціи и коммуны...» [10]). «Парижане находятся въ большомъ волненіи...» Одинъ чиновникъ сказалъ мнѣ, что если упразднятъ Шатле, то онъ не сомнѣвается, что воздвигнутъ баррикады, и это будетъ началомъ революціи» [11]).

Въ серединѣ столѣтія, политическое возбужденіе проявляется повсюду [12]). Въ 1749, появился памфлетъ съ такимъ обращеніемъ къ королю: «Людовикъ! Если ты и былъ нѣкогда предметомъ нашей любви, то только потому, что твои пороки были намъ еще неизвѣстны; въ этомъ королевствѣ, которое обезлюдѣло, благодаря тебѣ, и отдано въ добычу скоморохамъ, царствующимъ вмѣстѣ съ тобою, французы остаются только для того, чтобъ ненавидѣть тебя!» Въ тотъ же годъ появился другой пасквиль, начинающійся словами: «Проснись, тѣнь Равальяка!» [13]). Еще въ 1720 г., въ городѣ были разбросаны прокламаціи съ слѣдующими словами: «Убейте тирана и не заботьтесь о послѣдствіяхъ». Несмотря на кажущуюся веселость, любезность и пріятность, французы, и въ особенности парижане, способны разсвирѣпѣть и перейти, какъ говорилъ Вольтеръ, «отъ оперы къ Варѳоломеевской ночи» [14]). Причиною служили страшная бѣдность, частое повтореніе неурожаевъ, мятежи въ провинціяхъ, разбои на дорогахъ и то, что Парижъ является очагомъ всѣхъ волненій [15])

Коноводамъ и поджигателямъ стоило только, по выраженію Редерера, обратиться къ голоду, чтобъ вызвать жестокость. Справедливость этихъ словъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ 1754 г. д'Аржансонъ предполагалъ, что дѣло начнется «убійствомъ нѣкоторыхъ священниковъ, даже, можетъ быть, парижскаго архіепископа». Въ 1750 г. разнесся слухъ о похищеніи дѣтей для населенія колоній. Предмѣстья возстали. Многіе полицейскіе убиты. Толпа собралась передъ домомъ начальника полиціи. Она кричала, что надо убить его и *съѣсть его сердце*; заговорили о томъ, чтобы идти сжечь Версаль. Начальникъ полиціи, «блѣдный, какъ утопленникъ», спасся только тѣмъ, что выдалъ бунтовщикамъ одного полицейскаго, котораго

---

[10]) D'Argenson. *Journal*, 1751.—[11]) Ibid., 1753.

[12]) *Journal de Barbier*. 1748.

[13]) Rocquain, *l'Esprit révolutionnaire*, liv. IV.

[14]) Письмо отъ 1776. *Lettres inédites*, publiées en 1856 par M. de Cayrol Sainte-Beuve. *Causeries*, t. XVIII, статья: *Voltaire*.

[15]) Taine, *l'Ancien Régime*, liv. V. *Le Peuple*.—Desnoiresterres, *Voltaire et J. J. Rousseau*, p. 464.

тотчасъ-же затащили въ канаву и убили [16]). Закончимъ словами двухъ министровъ Людовика XV: «Все разсыпается на части».—«Все разлагается: напрасно чинятъ зданіе съ одной стороны, оно рушится—съ другой. Мы доживаемъ до послѣдняго періода упадка» [17]).

Всѣ эти факты существуютъ, всѣ эти причины дѣйствуютъ и всѣ эти послѣдствія проявляются еще до Семилѣтней войны. Философы только что начали свой походъ. *Духъ Законовъ* вышелъ въ свѣтъ въ 1748 г.; первые томы энциклопедіи появились въ 1751 г.; Вольтеръ жилъ тогда въ въ Пруссіи, работая надъ своей книгой *Вѣкъ Людовика XIV*; Рейналь былъ почти неизвѣстенъ; Руссо знали только по его рѣчи въ Дижонѣ, а Мабли—какъ компилятора по публичному праву. Но духъ свободнаго изслѣдованія, духъ критики носился въ воздухѣ, къ нему примѣшивалось чувство безпокойства и неудовлетворенности. Когда парламенты играли въ римскій сенатъ, когда въ 1726 г. въ юридическихъ консультаціяхъ громко читали о томъ, что «законы представляютъ собою договоры между правителями и управляемыми» [18]), когда въ одномъ изъ главнѣйшихъ учрежденій государства рѣшительно возвѣщалось, что «если подданные обязаны повиноваться королямъ, то и короли, съ своей стороны, обязаны повиноваться законамъ», что «нація выше королей, подобно тому, какъ церковь выше папы» [19]), тогда, говорю я, общество уже созрѣло для пропаганды революціонныхъ ученій, и она являлась кстати, чтобъ поднять духъ людей [20]). Умы были къ ней расположены и государство, такъ-сказать, открыло всѣ пути своимъ противникамъ. Бѣдствія Семилѣтней войны послужили окончательнымъ толчкомъ. Философы дали революціи, подготовленной ошибками правительства, вождей, кадры, доктрину, направленіе, увлекательность иллюзій, пламенную надежду. Философы не создали причинъ этой революціи; они лишь открыли ихъ, способствовали ихъ проявленію, одушевили ихъ страстью, ускорили ихъ развитіе, но не они—причина разложенія стараго общества; они потому только и могли вызвать революцію, что это общество уже разлагалось.

Что революція не разразилась въ царствованіе Людовика XV—объясняется тѣмъ, что Франція осталась страною глубоко-ройялистскою и, какъ выразился одинъ современникъ, она уважаетъ надежду на новое царствованіе.

---

[16]) Rocquain. *L'Esprit revolutionnaire*, p. 136.

[17]) D'Argenson, 1752, VII, p. 295.—Bernis, 1858, p. 221, 238.—Rocquain, p. 161.

[18]) Rocquain, p. 56—57.

[19]) Remontrances 1753, 23 мая.

[20]) Исторія этой пропаганды написана такъ блистательно, что къ ней не стоитъ возвращаться.—Тэнъ. *Старый порядокъ*, т. IV. *Распространеніе ученія.*

Въ этомъ кризисѣ, какъ и въ предыдущихъ, сбившаяся съ пути нація аппелируетъ къ королю. Она всего ждетъ отъ него, вѣруя, что онъ можетъ все сдѣлать. Многіе, конечно, говорятъ о политической свободѣ, но у большинства только смутное представленіе о ней, и никто не знаетъ ея по опыту. Къ ней стремятся только ради ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, т. е. реформъ, которыя само государство можетъ совершить по доброй волѣ [21]).

Наиболѣе существенная и важная изъ нихъ есть то, что называется гражданской свободой [22]), т. е свобода личности и собственности, самая основа свободы, безъ которой немыслима всякая другая; она состоитъ единственно въ уничтоженіи послѣднихъ слѣдовъ феодализма. Второй видъ свободы заключается въ правильномъ распредѣленіи налога между всѣми гражданами. И то и другое выгодно для государства: первое доставляетъ ему преданныхъ подданныхъ, второе—обильные доходы. Этого рода свобода невыгодна только для привилегированныхъ классовъ — для дворянъ и духовенства, т. е. для тѣхъ классовъ, которые государство въ продолженіе пяти вѣковъ старается привести къ повиновенію. Оно найдетъ средство обогатиться, сдѣлавшись популярнымъ. Это вѣнецъ его работы. А потому совѣтниковъ и легистовъ государства постоянно волнуетъ этотъ вопросъ. Ихъ портфели наполнены проектами: комитетамъ собраній и государственнымъ совѣтникамъ VIII года оставалось только пользоваться ими.

Идея составленія кодекса была не нова [23]). Д'Агессо приглашаетъ всѣ парламенты принять участіе въ этомъ великомъ трудѣ. «Совершенство законовъ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ ихъ возможной простотѣ и общедоступности. Законъ долженъ быть выраженіемъ принципа». Потье взялъ на себя часть работы; его сочиненія сдѣлались хлѣбомъ насущнымъ для редакторовъ гражданскаго кодекса. Машо обдумывалъ реформу налоговъ [24]); Молльенъ, совершившій ее впослѣдствіи, изучалъ ее въ бюро министерствъ. Лебренъ, получившій титулъ герцога, когда Молльенъ получилъ графское

---

[21]) Tocqueville. *L'Ancien Régime*, liv. III, ch. III. *Comment les Français ont voulu des réformes avant de vouloir des libertes*.

[22]) «Прежде всего и больше всего интересуется народъ гражданскими и обыденными законами: они захватываютъ его съ колыбели и проходятъ черезъ всю жизнь; въ нихъ та свобода, которая служитъ правиломъ и основой обиходной жизни гражданъ; изъ законовъ онъ узнаетъ границы своихъ правъ и систему своихъ обязанностей. Только гражданскіе законы создаютъ гражданъ». Mallet du Pan. *Mémoires et Correspondance politique*, 1796. — Saxous, t. II, p. 242.

[23]) Viollet. *Précis*, p. 169.

[24]) René Stourm, *Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution*. Paris, 1885.

достоинство, еще въ 1769 г. приготовилъ для Мопу, у котораго былъ секретаремъ, цѣлый планъ реорганизаціи судебнаго вѣдомства. Этотъ самый планъ, за немногими исключеніями, былъ принятъ въ началѣ того столѣтія [25]). Лашалоте, Гюйтонъ де Морво и президентъ Роландъ предлагаютъ передать народное просвѣщеніе въ руки государства; въ ихъ статьяхъ содержится въ зародышѣ французскій университетъ, съ его высшимъ совѣтомъ, инспекторами, нормальными школами [26]).

Нѣкоторые идутъ еще далѣе и помышляютъ о преобразованіи всѣхъ учрежденій; если это полезно для гражданъ, то еще полезнѣе для государства. Я не говорю объ утопистахъ: вотъ, напримѣръ, какимъ языкомъ говоритъ съ королемъ бывшій интендантъ, опытный въ государственныхъ дѣлахъ и сдѣлавшійся впослѣдствіи министромъ, Тюрго: «Пока ваше величество будете держаться справедливости, вы можете считать себя неограниченнымъ законодателемъ и расчитывать, что вашъ добрый народъ будетъ неуклонно исполнять ваши повелѣнія» [27]). Цѣлью Тюрго было соединить въ рукахъ короля всѣ силы націи и такимъ путемъ облегчить дѣло управленія народомъ [28]). Образованіе дисциплинируетъ народъ и образуетъ людей. «Ваше величество нашли бы повсюду таланты, добродѣтель, безкорыстіе, честь и усердіе. Быть хорошимъ человѣкомъ стало бы обыденною вещью. Связь, соединяющая всѣ части вашего королевства, естественно способствовала бы его расширенію и всѣ силы его какъ бы удесятирились» [29]). Въ видахъ содѣйствія выполненію такой задачи, Тюрго придумалъ цѣлую іерархію муниципальныхъ собраній, которая, постепенно возвышаясь, заканчивалась бы «великимъ муниципалитетомъ королевства», собирающимся вокругъ короля разъ въ годъ на шесть недѣль; это собраніе должно было вести дѣло не управляя, излагать свои желанія, не создавая законовъ, и обсуждать принципы, не устанавливая никакихъ правилъ для ихъ примѣненія. «Королевская власть, узнавая такимъ путемъ желанія народа, не будетъ стѣснена, и общественное мнѣніе будетъ удовлетворено, не подвергая отечество опасности» [30]). Лебренъ предлагалъ штаты, которые были бы совѣтомъ короля. «Тогда никакая власть не можетъ измѣнить, ни-

---

[25]) Flammermont. *La Réforme judiciaire et le chancelier Maupeou.* Paris, 1880. *Le Chancelier Maupeou et les Parlements.* Paris, 1884.—Lebrun (duc de Plaisance), *Opinions, rapports et choix d'écrits politiques.* Paris, 1829.

[26]) Albert Duruy. *L'Instruction publique et la Révolution.* Parls, 1882.

[27]) Turgot. *Oeuvres*, t. VII, p. 389.—[28]) Id. t. II, p. 506.—[29]) Id. t. VII, 682.

[30]) *Mémoire de* 1775.

какое препятствіе остановить королевскую волю, просвѣщаемую мнѣніями штатовъ» [31]).

Это духъ просвѣщеннаго правительства, духъ вѣка, духъ французской монархіи въ годы ея благотворнаго развитія. Только, усвоивая идеи своего времени и согласуя желанія націи съ интересами государства, Карлъ V, Людовикъ XII, Генрихъ IV, Людовикъ XIV сдѣлались великими государями и основали такую могучую династію. Въ этой задачѣ нѣтъ ничего, что превышало бы силы монархіи и нарушало бы ея достоинство [32]). Токвиль говоритъ: еслибъ на престолѣ Франціи былъ тогда государь съ характеромъ Фридриха Великаго, то я не сомнѣваюсь, что онъ совершилъ бы и въ обществѣ и въ правительствѣ многія изъ тѣхъ великихъ реформъ, которыя совершены были революціей, причемъ не только не утратилъ бы своей короны, но еще значительно увеличилъ бы свое могущество [33]).

Это было понято единственнымъ великимъ политикомъ той смутной эпохи. Мирабо писалъ въ 1790 г. [34]): «Королевская власть наслѣдственная въ династіи Бурбоновъ; законодательный корпусъ, періодически избираемый на продолжительное время и обязанности котораго ограничиваются составленіемъ законовъ; единство и обширность высшей исполнительной власти во всемъ, что касается администраціи королевства, исполненія законовъ, направленія народныхъ силъ; налоги, переданные въ исключительное вѣдѣніе законодательнаго корпуса; новое раздѣленіе королевства; безплатное правосудіе, свобода печати, отвѣтственность министровъ, продажа вотчинъ и церковныхъ имѣній, установленіе королевскаго бюджета и упраздненіе сословныхъ привилегій и сословныхъ поборовъ; ни феодализма, ни парламентовъ, ни дворянства, ни духовенства, какъ сословій; устраненіе мѣстныхъ штатовъ и провинціальныхъ совѣтовъ; вотъ что я понимаю подъ основами конституціи. Онѣ ограничиваютъ королевскую власть только затѣмъ, чтобы сдѣлать ее сильнѣе; онѣ совершенно гармонируютъ съ монархическимъ правительствомъ».

Въ 1774, когда умеръ Людовикъ XV, желанія были гораздо скромнѣе. Народъ довѣрялъ королю, и общественное мнѣніе не стало бы торговаться съ нимъ изъ-за власти, если бы онъ воспользовался ею для желанныхъ

---

[31]) *La voix du citoyen*, 1789.

[32]) «Надо постоянно повторять себѣ ту великую истину, что монархія начинается съизнова, а потому необходимо прибѣгнуть къ элементамъ, т. е. извлечь изъ средняго сословія ту пользу, какую извлекли изъ него первые короли Франціи». Rivarol, *Mémoire à Louis XVI*, 1791.—Lescure, *Rivàrol*. Paris, 1883.

[33]) *L'Ancien Régime*, l. III, ch. III.

[34]) Bacourt, *Correspondance entre Mirabeau et le comte de la Marc*. Trentième note pour la cour. Paris, 1851.

реформъ. Никогда еще не говорили такъ много о Генрихѣ IV и никогда не расхваливали въ такой степени Ришельe. Воображеніе рисовало идеальный образъ короля-законодателя и, въ силу какого-то страннаго атавизма, философы придавали государю будущаго черты легендарнаго героя среднихъ вѣковъ. При возникновеніи династіи, легисты первыхъ Капетинговъ вызывали передъ этими слабыми государями великій образъ Карла Великаго, рисуя его какъ основателя имперіи, и въ смутныхъ воспоминаніяхъ о его царствованіи искали правъ королевской власти [35]). Восемь вѣковъ спустя, философы опять ставятъ его въ примѣръ и ждутъ, что примѣръ его научитъ Людовика XVI, какъ преобразовать государство. Одинъ современникъ говоритъ: «Мабли рисуетъ намъ Карла Великаго какъ философа, патріота, законодателя. Онъ показываетъ намъ этого государя отрекающимся отъ самовластія, всегда пагубнаго для государей. Карлъ признавалъ вѣчныя права человѣка, права, нынѣ забытыя» [36]). Эта величавая фигура, поднявшаяся на зарѣ монархіи, стояла еще во весь ростъ, когда день ея склонялся къ вечеру. Филиппъ Августъ былъ весь проникнутъ ею; она вполнѣ овладѣла воображеніемъ Бонапарта. Взгляды Людовика XVI не уносились такъ далеко.

III.

Задача была трудная. Направлять эти безпокойные умы, сдержать безпорядочный потокъ общественнаго мнѣнія, въ то же время пользоваться имъ для своихъ цѣлей, господствовать надъ народомъ, освобождая его, одолѣть сопротивленіе привилегированныхъ классовъ и, лишая ихъ привилегій, удержать въ повиновеніи, подводить, такъ сказать, новый фундаментъ подъ зданіе и, разрушая старые столбы, воздвигать въ то же время новые; вотъ дѣло, требовавшее смѣлаго, широкаго и гибкаго ума. Тутъ нуженъ былъ человѣкъ закала Генриха IV, сильный и ловкій, отважный политикъ, изобрѣтательный и предпріимчивый умъ [1]). Хотя Людовикъ XVI былъ одаренъ всѣми качествами, пригодными для того, чтобъ сдѣлать династію популярной въ спокойныя времена, но не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы для утвержденія или обновленія ея въ смутныя времена. Онъ былъ, такъ сказать, королемъ идиллій или тенденціозно-

[35]) Guizot. *Civilisation en France*, t. IV, leçon XIII.

[36]) *Eloge de Malby*, par l'abbé Brisard, couronné par l'Académie des inscriptions. 1787.—Mably. *Observations sur l'Histoire de France*, t. I, ch. II.

[1]) Мопу говорилъ Лебрёну въ 1769: «Только король, обладающій энергическимъ характеромъ, окруженный славою, господствующій надъ общественнымъ мнѣніемъ, можетъ задумать и довести до конца подобное предпріятіе; такой король найдетъ министровъ, которые ему помогутъ, и націю, которая будетъ ему повиноваться». Lebrun. *Opinions*.

нравственныхъ повѣстей, но не годился въ герои той суровой трагедіи, которую несъ въ себѣ вѣкъ. У него были знанія и здравый смыслъ, но лѣнивый и нерѣшительный умъ и никакого характера. Онъ казался тяжеловатымъ, скромнымъ и покорнымъ судьбѣ. «Слабость и нерѣшительность короля превосходятъ всякую мѣру,—негодовалъ его братъ, графъ Прованскій. Представьте себѣ, что вы тщетно стараетесь удержать вмѣстѣ шары изъ слоновой кости, смазанныя масломъ» [2]). Люди дѣлали, что хотѣли, событія шли своимъ чередомъ, онъ не мѣшалъ первымъ, не предупреждалъ вторыхъ вслѣдствіе небрежности, оптимизма или недовѣрія къ себѣ и другимъ. Полный трогательнаго, но безсильнаго стремленія къ добру, неспособный, непослѣдовательный въ своихъ желаніяхъ, вѣчно готовый мѣнять свои намѣренія по добродушію, апатичности или чувству совѣстливости, онъ пытался примирить противорѣчія, которыя были не примиримы.

За неимѣніемъ великаго короля, Франція нуждалась въ великомъ министрѣ. Но Людовикъ XVI, не обладая геніальной смѣлостью Генриха IV, не обладалъ и знаніемъ распознавать людей и умѣньемъ царствовать,—которыя замѣняли прочія дарованія Людовику XIII. Не зная людей, а потому равнодушный къ нимъ, боясь больше всего людей съ рѣзкимъ опредѣленнымъ характеромъ, смущаясь и пугаясь въ другихъ той рѣшимости, которой онъ стыдился не находить въ себѣ самомъ, Людовикъ XVI не отличилъ бы и ни за что не сталъ бы поддерживать напримѣръ такого человѣка, какъ Ришелье. Имѣть министра на англійскій ладъ показалось бы униженіемъ. Онъ не вынесъ бы опеки какого-нибудь Питта, а между тѣмъ непосредственное пользованіе своей властью устрашало его. Энергичныя мѣры внушали ему отвращеніе; онъ любилъ народъ, считалъ себя популярнымъ, и мысль о жестокихъ мѣрахъ возбуждала въ немъ ужасъ. Перенесясь отъ идилліи къ драмѣ, онъ съ тоскою отвратилъ взоры и отступилъ передъ пролитіемъ крови. Только сердечное чувство и религіозныя вѣрованія были въ немъ опредѣленны и тверды. Вмѣсто королевской доблести у него были всѣ добродѣтели частныхъ людей: сердце, полное нѣжности, вѣрность въ привязанностяхъ, скромность, доходящая до самоотреченія, кротость, доходящая до самопожертвованія. Когда коснулись его душевнаго строя, онъ внезапно воспрянулъ, кровь святого Людовика, уцѣлѣвшая въ немъ, ожила и онъ выросъ до величавости. «Король—ничто», писалъ одинъ иностранный посланникъ [3]). Этотъ дипломатъ ошибался. Людовикъ XVI былъ честнымъ человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ; но онъ не былъ королемъ. Онъ умѣлъ любить, прощать, страдать, умереть. Онъ не умѣлъ царствовать. Онъ не

---

[2]) Bacourt, *Mirabeau et la Marc.*

[3]) M. de Stael 22 Octobre 1789. *Correspondance*, publiée par. M. Léouzon Leduc. Paris 1881.

способенъ былъ направлять революцію, онъ ее только выносилъ. Самая слабость его управленія ускорила кризисъ. Противорѣчія, въ которыхъ онъ запутался, возникли при самомъ началѣ его царствованія. Онъ попробовалъ управлять при содѣйствіи общественнаго мнѣнія; созвалъ парламенты и довѣрилъ министерство реформаторамъ. Парламенты были упразднены вслѣдствіе того, что отказывали въ повиновеніи. Возстановленіе ихъ придало имъ смѣлости, и такъ какъ реформы, которыя предполагалось ввести въ государство, пришлись имъ не по вкусу, они воспротивились имъ тѣмъ упорнѣе что сознавали свое могущество.

Тюрго, который привлекъ Людовика XVI на сторону своихъ идей, представлялъ собою все, что было наиболѣе благороднаго и возвышеннаго въ стремленіяхъ государственныхъ людей того времени. Никто не былъ достойнѣе его занять постъ «просвѣщеннаго министра» «добродѣтельнаго государя». Начатое въ предыдущіе вѣка дѣло централизаціи онъ продолжалъ, сообразуясь съ формами, свойственными его времени. Цѣлью всѣхъ этихъ проектовъ было объединеніе въ націи и управленіи. Тюрго началъ съ экономическихъ и соціальныхъ реформъ. Людовикъ XVI издалъ указъ о свободѣ зерновой торговли, объ уничтоженіи барщины и цеховыхъ корпорацій. Это была цѣлая революція въ торговлѣ, промышленности, земледѣліи, слѣдовательно—во всѣхъ общественныхъ интересахъ. Тюрго расчитывалъ довести ее до конца съ помощью двухъ факторовъ, которые оба разомъ обманули его надежды; то были: общественное мнѣніе, требовавшее реформъ, но вовсе не подготовленное принимать ихъ практическія послѣдствія, и королевская власть, не обладавшая прежнимъ обаяніемъ, необходимымъ для того, чтобъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, а при случаѣ и сопротивляться ему. Самъ Тюрго, хотя опытный администраторъ, слишкомъ увлекался несбыточными надеждами и не отдавалъ себѣ достаточнаго отчета въ могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ. Онъ былъ резонирующій идеалистъ и, работая какъ бы на *tabula rasa*, пренебрегалъ исторіей, что въ политикѣ всегда приводитъ къ непониманію силы вещей.

Онъ хотѣлъ, чтобъ король былъ «самовластнымъ законодателемъ». Это было діаметрально противоположно тому, чего хотѣли парламенты; они отказались внести указы въ книгу законовъ. И однако указы отвѣчали желаніямъ общественнаго мнѣнія; но послѣднее не имѣло ни центра, ни органа: это были всѣ и никто. Сопротивленіе же исходило отъ вліятельной государственной корпораціи—это было лишь нѣсколько человѣкъ, но они были все. Большинство сопротивляющихся сознавало необходимость реформъ, ихъ требовали вообще, но противились тѣмъ пунктамъ каждой отдѣльной реформы, которые затрогивали ихъ интересы. Въ цѣломъ, планъ Тюрго былъ популяренъ, но каждая детальная мѣра, принимаемая для его вы-

полненія, вызывала организованное противодѣйствіе, задерживавшее его выполненіе. А между тѣмъ это противодѣйствіе не было непреодолимо. Можно было парализовать его вліяніе, противопоставляя ему тѣ самые элементы, изъ которыхъ оно было составлено. Въ самомъ дѣлѣ, если котеріи и продолжали существовать, то люди, составлявшіе ихъ, сдѣлались очень схожими; на нихъ-то и надо было дѣйствовать ихъ общими идеями, а не затрогивать частныхъ интересовъ. Если, съ одной стороны, каждый стоялъ за свои личныя привилегіи, то, съ другой—каждый готовъ былъ уничтожить привилегіи другого: всѣ единогласно осуждали самый принципъ привилегій [4]). Потому-то частныя реформы столкнулись съ такими препятствіями, какихъ не встрѣтила полная революція, и привилегированные классы въ теченіе одной ночи сами сдали народу ту крѣпость, входъ въ которую такъ упорно защищали отъ короля.

Король долженъ былъ, во что бы то ни стало, сломить сопротивленіе; Людовикъ XVI не отважился на это; онъ пожертвовалъ своимъ министромъ. Тюрго вступившій въ министерство въ 1774 г. среди самыхъ блестящихъ надеждъ, вышелъ изъ него два года спустя, среди всеобщаго разочарованія. Его министерство только увеличило число недовольныхъ. Онъ обнаружилъ передъ глазами народа двѣ истины, одинаково пагубныя для монархіи: необходимость великой реформы и безсиліе совершить ее со стороны королевской власти. Съ нимъ исчезла всякая надежда на обновленіе управленія, сохраненіи его старой формы, и попробовали прибѣгнуть къ палліативамъ. Не имѣя возможности добраться до причины болѣзни, постарались уничтожить ея симптомы. Неккеръ пытался улучшить финансы. Въ его распоряженіи было только два средства: порядокъ и экономія. Но, употребляя эти средства, онъ натолкнулся на злоупотребленія, а косвенно—на привилегіи. Онъ потерпѣлъ такую же неудачу и въ силу такихъ же причинъ, какъ Тюрго, вышелъ въ отставку въ 1781 г. Монархіи оставалось лечиться сдѣлками, рутинными и эмпирическими средствами. Послѣ старика Морепа она прибѣгаетъ къ низшимъ должностнымъ лицамъ: Жоли де Флери и д'Ормессону, и, отчаявшись въ успѣхѣ, въ 1783 г. отдается въ руки политическому шарлатану, Калонну, легкомысленному расточителю денегъ и проектовъ, который льститъ капризамъ придворныхъ, ослѣпляетъ высшій кругъ своимъ фанфаронствомъ, наконецъ, обезумѣвъ отъ собственной самонадѣянности, соритъ государственными доходами, губитъ послѣднія ставки въ дипломатической игрѣ и съ самонадѣяннымъ нахальствомъ ведетъ монархію къ окончательной катастрофѣ [5]).

---

[4]) Tocqueville, *L'Ancien Régime*, l. II ch. IX.

[5]) Droz, *Histoire de Louis XVI*. Paris, 1839—42. — Cherest, *La chute de l'Ancien Régime*.

Такъ какъ попытка снова привлечь народъ на свою сторону не удалась, благодаря сопротивленію привилегированныхъ классовъ, то правительство попробовало опереться на ихъ содѣйствіе. Заставивши его отступить, они тѣмъ самымъ внушили ему довѣріе въ свою прочность, и оно попыталось снова соединить ихъ вокругъ себя. Началась реакція въ пользу дворянства, ее примѣнили прежде всего къ арміи: въ 1781 г. приказомъ по войскамъ требовались доказательства дворянства для полученія высшихъ чиновъ. Разночинцы были глубоко оскорблены; всѣ, кого затронула эта мѣра, видѣли въ революціи единственную надежду на повышеніе по службѣ. Кромѣ того, армія фрондировала и офицеры изъ дворянства интриговали противъ двора не меньше другихъ. Постоянныя перемѣны въ дисциплинѣ раздражали начальство и утомляли солдатъ; недовольство вело къ упадку субординаціи. Одинъ современникъ разсказываетъ, что въ 1788 году на учебномъ полѣ принца Конде «предпріятія министерства Бріенна были предметомъ всѣхъ разговоровъ, причемъ сопротивленіе парламентовъ вызвало громкое одобреніе, поведеніе двора—безпощадное порицаніе, а недостатки и пороки послѣдняго сильно преувеличивались» [6]). Судили и рядили о правахъ народа, восхищались англійскими офицерами и завидовали имъ, говоря, что они «люди свободные, а не солдаты-машины короля-деспота». Словомъ, армія дезорганизовывалась, и такимъ путемъ подготовлялось то распаденіе, которое, по выраженію Ривароля, не причина революціи, но сама революція.

Оба парламента проявляли вполнѣ мятежное настроеніе. Не заботясь объ укрѣпленіи государства, они, напротивъ, старались расшатать его. Они находили, что правительство еще слишкомъ сильно и что необходимо пособить этому злу, ослабивъ его власть. Потому-то и защищали они съ такимъ рвеніемъ свои привилегіи. Но, требуя возврата тѣхъ преимуществъ, которыми кичились и съ помощью которыхъ расчитывали играть роль англійскаго парламента, они одновременно ссылались на тѣ знаменитые основные законы, на которые нельзя было опираться, не подрывая всего зданія монархіи. Неспособные руководить народомъ, они могли, однако, волновать его [7]). Въ ихъ собраніяхъ раздавались громкія требованія созванія Генеральныхъ штатовъ, на которыя откликнулась вся Франція. Это былъ призывъ къ надеждѣ, и всѣ сердца были переполнены ею. Всѣми чувствовалось, что настоящее положеніе не можетъ продолжаться, что кризисъ неминуемъ и что правительство не стояло на высотѣ своей за-

---

[6]) Miot de Mélito, *Mémoires*, t. I, p. 3. Paris, 1873. Mio былъ тогда военнымъ комиссаромъ.—Cherest, *Chute de l'Ancien Régime*, t. II. p. 87.

[7]) Tocqueville, *Mélanges*, chapitres inédits, ch. III. *Comment le Parlement à l'aide des précédents renversa la monarchie.*

дачи. Отдѣльныя личности могли заблуждаться и сталкиваться въ своихъ интересахъ. Всѣмъ казалось, что общая воля не подвержена заблужденіямъ; что достаточно собрать людей, чтобы они согласились между собою дать слово народу для того, чтобы всѣ подчинились его приговору, который неизбѣжно будетъ приговоромъ разума и справедливости. Королевская власть отклонила отъ себя эту работу; рѣшили сдѣлать ее сами. Неудачи власти и затрудненія правительства перестали тревожить, коль скоро явилась надежда завоевать свободу, а при свободѣ, какъ полагали, все станетъ легкимъ и возможнымъ, къ ней воспылали восторженной страстью, слѣпо повѣрили въ ея силу и отъ ея наступленія ждали вознагражденія за всѣ неудачи. Гласъ народа во всѣхъ умахъ дѣйствительно сдѣлался Божіимъ гласомъ, который понижаетъ горы, усмиряетъ океаны и преображаетъ души [8]).

Правительство между тѣмъ колебалось. Какъ-бы то ни было, въ этомъ призывѣ къ неизвѣстному было что-то, пугавшее его. Оно боялось пристать къ тому таинственному берегу къ которому его неудержимо несло теченіемъ. Оно попыталось плыть вдоль берега и созвало провинціальныя собранія; въ этихъ собраніяхъ преобладало третье сословіе; въ нихъ оно и организовалось. Правительство, которое не могло само совершить реформы, «дало право ихъ требовать тѣмъ самымъ сословіямъ, которыхъ наиболѣе раздражило своимъ отказомъ даровать эти реформы» [9]). Собранія довершили гибель всѣхъ учрежденій стараго режима и сдѣлали созывъ генеральныхъ штатовъ болѣе неизбѣжнымъ, показавши, что онъ не только необходимъ, но и не затрудителенъ [10]). Только министерство рѣшилось прибѣгнуть къ послѣднему палліативу и въ 1787 г. созвало нотаблей; это собраніе пришло къ тому же заключенію и высказало его въ еще болѣе настоятельной формѣ Ничего не оставалось дѣлать; пришлось рѣшиться на эту крайнюю мѣру.

Всѣ эти колебанія и перемѣны окончательно ослабили государственную пружину. Начиная съ верхнихъ ступеней іерархіи до низшихъ, начиная отъ центровъ до краевъ—все было парализовано. Пораженіе правительства, ослабленіе общественной власти, отсутствіе авторитета, ослабленіе дисциплины въ арміи и, какъ результатъ—нежеланія командовать и повиноваться, невозможность репрессалій—вотъ итогъ стараго порядка, когда насталъ моментъ свести счеты. Онъ истомилъ всѣхъ и истощилъ всѣ свои средства и способы. Не находя рессурсовъ въ самомъ себѣ, онъ искалъ

---

[8]) M-me de Stael, *Considerations sur la révolution française.*

[9]) D'Arbois de Jubainville, *L'Administration des intendants.*

[10]) Léonce de Lavergne, *Les Assemblées provinciales*, ch. XXXV. Paris, 1860.

ихъ извнѣ и просилъ ихъ у страны. Генеральные штаты были созваны на 1789 г.

IV.

Французы стали возлагать всѣ свои надежды на свободу, послѣ того какъ ранѣе возлагали ее на короля. Языкъ свободы былъ новъ. Они говорили на немъ со страстнымъ увлеченіемъ, но истинный смыслъ его, въ большинствѣ случаевъ, ускользалъ отъ нихъ, подобно тому, какъ ускользаетъ отъ мертвыхъ языковъ дѣйствительный смыслъ чуждыхъ имъ понятій, которыя хотѣли-бы передать чрезъ ихъ посредство. Мысль продолжала еще охранять привычки деспотизма. Нѣсколько человѣкъ, болѣе просвѣщенныхъ, болѣе проницательныхъ, опередившихъ свой вѣкъ, склонялись, по примѣру Монтескье, къ конституціи, сходной съ англійской. Но это были отборные люди, люди науки; общій потокъ стремился въ другую сторону. Англійская конституція, какъ результатъ вѣковыхъ сдѣлокъ, была наименѣе раціональной по своему замыслу. Большинство французовъ считали ее дѣломъ низшаго порядка, видѣли въ ней странные остатки какого-то грубаго средневѣковаго зданія и также мало способны были понять ее въ деталяхъ и обнять въ цѣломъ, какъ оцѣнить красоту готическихъ соборовъ. Они надѣялись сразу создать нѣчто несравненно лучшее. Сверхъ того, англійская конституція была аристократичной, и одного этого довольно было, чтобъ сдѣлать ее непопулярной. И дѣйствительно, она была непримѣнима къ Франціи, потому что элементы, изъ которыхъ она сложилась въ Англіи, уже перестали существовать во Франціи, а задачей французской революціи было именно уничтоженіе ихъ послѣднихъ слѣдовъ.

Революція эта была направлена противъ дворянства; несмотря на дальновидное великодушіе нѣкоторыхъ дворянъ, нельзя было ожидать, чтобъ всѣ дворяне приняли въ ней участіе и чтобъ революціонеры довѣрили имъ руководительство новымъ движеніемъ. Представители дворянства были самыми пламенными противниками конституціонной монархіи англійской системы [1]). Они не желали верхней палаты, потому что для всѣхъ

---

[1]) M-me de Staël, *Considérations*, 1-re partie, ch. XIV: De la résistance des privilégiés aux demandes du tiers-état en 1789.—Duvergier de-Hauranne. *Histoire du gouvernement parlementaire.* Paris. 1857, t. I, ch. I.—Chérest, *Chute de l'Ancien Régime: Comment la noblesse résiste aux essais de réforme de Louis XVI*, t. I, p. 38, 49.—Chapitre VIII, t. I, p. 504: *Troubles de Bretagne* en 1788.—Chapitre XIII, t. II, p. 289: *Troubles en Franche-Comté, Languedoc, Provence, Bretagne.*—Chapitres XIV et XV, t. II, p. 394. *Les Cahiers; les priviléges; les deux Chambres.*

не хватило бы въ ней мѣста, и, по ихъ мнѣнію, возвышать нѣсколькихъ дворянъ надъ другими значило уничтожить все сословіе дворянства [2]: Кромѣ того, они не имѣли ни кадровъ, ни вліянія. Аристократіи уже давно не было во Франціи. Дворяне заплатили кровью за свою блестящую долю въ военной славѣ Франціи, но если они могли справедливо гордиться военною доблестью въ качествѣ офицеровъ славной арміи, въ политикѣ они составляли только оппозиціонную партію, притомъ наиболѣе слабую и ненадежную, такъ какъ она не имѣла ни опоры въ прошедшемъ, ни поддержки въ настоящемъ, не могла ссылаться ни на историческія традиціи, ни на новѣйшія доктрины. Противъ нея говорили всѣ монархическіе прецеденты и всѣ народныя страсти. Какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ проницательныхъ и справедливыхъ судей старинной Франціи, странное явленіе представляло это сословіе, которое, «существуя тысячу лѣтъ, вдругъ оказалось лишеннымъ корней; этотъ высшій классъ, который не могъ опереться ни на одинъ изъ классовъ, составляющихъ націю, чтобъ дѣйствовать сообща, очутился въ положеніи корпуса офицеровъ, въ которыхъ стали бы стрѣлять всѣ солдаты [3]). Этимъ и закончилась его историческая роль. Съ самаго начала революціи вожди дворянства покинули свое дѣло въ собраніяхъ; видя единственное спасеніе въ силѣ и не находя этой силы ни въ націи ни въ себѣ, они искали ее въ союзахъ съ чужестранцами и тѣмъ окончательно погубили себя.

Логика вещей доставила перевѣсъ среднему сословію. Оно составляло большинство въ собраніяхъ штатовъ, скоро стало господствовать въ нихъ и быстро поглотило другія сословія, завершая свою исторію этимъ преобладаніемъ, какъ дворянство заканчивало свою неудачей. Идеи людей средняго сословія, въ основѣ своей, чисто-демократическія. Свобода, какъ они ее понимаютъ, прежде всего есть свобода гражданская: свобода политическая—только средство и гарантія. Они стремятся къ ней не столько ради ея самой, сколько ради своей цѣли, т. е. уничтоженія феодальнаго режима и установленія равенства. Это не только граждане, требующіе своихъ правъ, но люди, желающіе занять государственныя должности.

---

[2]) Въ инструкціяхъ (cahiers) блуасскаго дворянства читаемъ: «Депутаты генеральныхъ штатовъ ни подъ какимъ предлогомъ не должны выслушивать никакихъ предложеній, цѣлью которыхъ будетъ образованіе особой дворянской палаты съ креслами, могущими сдѣлаться наслѣдственными въ извѣстныхъ фамиліяхъ, лишая такимъ образомъ все сословіе дворянства принадлежащаго ему права избирать и быть избираемымъ; оно провозглашаетъ измѣнниками отечеству не только тѣхъ, которые будутъ засѣдать въ такой палатѣ, но и тѣхъ, которые согласятся на ея образованіе». *Archives parlementaires*, t. II, p. 335.

[3]) Tocqueville, *Mélanges: Notes et pensées.*

Личное честолюбіе вызывало страстное отношеніе къ принципамъ. Одинъ изъ самыхъ проницательныхъ современниковъ этого поколѣнія говоритъ [4]: «Для людей, чувствовавшихъ, что они призваны къ великимъ дѣламъ, для молодежи, которая томилась потребностью затратить громадный избытокъ силъ, которая считала неоспоримымъ правомъ и какъ бы обязанностью дать полный ходъ всѣмъ дарованіямъ, полученнымъ отъ природы, нужно было равенство правъ, которое открывало бы для честолюбія доступъ ко всякому нравственному и политическому первенству, доступъ къ высшимъ судебнымъ функціямъ, къ высшимъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, словомъ, ко всѣмъ отличіямъ, которыя соціальное положеніе можетъ предоставить таланту, добродѣтелямъ, заслугамъ высшаго порядка... Революція была дорога французамъ не потому, что она улучшала ихъ благосостояніе или увеличивала ихъ личную безопасность, но потому, что она была торжествомъ національной гордости; не потому, что она была полезна, а потому, что она была почетна».

Людямъ третьяго сословія недостаточно было имѣть участіе въ управленіи страной: они хотѣли, чтобъ власть принадлежала исключительно имъ. «Третье сословіе представляетъ собою всю націю,—восклицаетъ Сійесъ.—Завоеваніе разстроило всѣ отношенія, и дворянство стало на сторону завоевателей. Пусть же оно перейдетъ на другую сторону; третье сословіе, въ свою очередь, дѣлаясь завоевателемъ, становится дворянствомъ». Рабо-Сентъ-Этьенъ въ то же время писалъ [5]: «Третье сословія представляетъ собою полное общество, все остальное есть безполезный наростъ. Дворяне не только не должны господствовать, они едва ли имѣютъ право быть согражданами». Эти демократы понимаютъ свободу не такъ, какъ понимаетъ ее англійскій подданный, который соглашается ограничить свои собственныя права, чтобы ограничить права другого; они понимаютъ ее, какъ понималъ король французскій, который не признавалъ ничьего права, кромѣ своего собственнаго, и не допускалъ, чтобъ на свѣтѣ существовалъ авторитетъ выше его собственнаго. Свобода въ глазахъ третьяго сословія была синонимомъ верховной власти.

Это и было именно то, что называлось римской свободой, и эта идея, обновленная Руссо и всей женевской школой, превосходно согласовалась съ классическими формулами, давно усвоенными французской монархіей. Она была въ нравахъ и въ традиціяхъ французовъ [6]. Изученіе древнихъ

---

[4]) Roederer, *L'Fsprit de la Révolution*, ch. I.. *Oeuvres*, t. III.

[5]) *Considérations sur les interêts du tiers*, 1788. Tocqueville, *Mélanges*, chapitres inédis. Ch V.

[6]) Малле-Дю-Панъ, въ своихъ статьяхъ по поводу книги Делольма объ *англійской конституціи*, нападаетъ на идею, которая, по его словамъ, господ-

классиковъ способствовала ея распространенію; она уцѣлѣла и во время международной войны, и въ эпоху парламентской борьбы. Сверхъ того, эта свобода, «извращенная и сокращенная», все-таки была плодотворна. По словамъ Токвиля, «въ то время, когда благодаря централизаціи сглаживались и тускнѣли всѣ характеры, она сохранила въ частныхъ людяхъ ихъ природную оригинальность, колоритъ и рельефъ, поддерживала въ сердцѣ гордость собою и любовь къ славѣ. Благодаря ей сложились тѣ сильныя души, тѣ гордые и смѣлые умы, которые сдѣлали французскую революцію предметомъ удивленія и ужаса для послѣдующихъ поколѣній» [7]).

У многихъ эта римская гордость соединялась съ силою характера, мужествомъ и постоянствомъ: они боролись за свои принципы, падали съ стоической вѣрой или съ достоинствомъ удалялись послѣ пораженія своей партіи. У другихъ, наиболѣе многочисленныхъ, это была скорѣе государственная гордость ревнивая и подозрительная относительно соперниковъ, безпощадная съ побѣжденнымъ, надменная съ иностранцами, но гибкая и податливая передъ силой и очень способная примириться съ покорностью какому бы то ни было властелину, будь это толпа, партія, диктаторъ или глава арміи, назовите его народомъ или комитетомъ, Робеспьеромъ или Бонапарте. Они обладали первой добродѣтелью демократическихъ государствъ, въ которой любовь къ родинѣ сливается съ любовью къ равенству [8]). Но имъ не доставало необходимой для республиканцевъ добродѣтели, которая состоитъ, какъ говоритъ Монтескье въ Духѣ Законовъ, въ отреченіи отъ самого себя [9]). Аббатъ Сійесъ, составляя свою знаменитую статью *Третье сословіе*, конечно не подозрѣвалъ, что она дастъ ему барское помѣстье и титулъ графа; однако вся система дворянства, созданнаго имперіей, находится въ зародышѣ въ его брошюрѣ. Эта смѣсь высокихъ чувствъ и великодушныхъ идей съ личными страстями и острымъ честолюбіемъ производила въ душѣ людей то кипучее волненіе, которое было одной изъ главныхъ силъ революціи. Потому-то мы и видимъ тамъ

ствуетъ уже десять лѣтъ, «что вездѣ, гдѣ народъ не отправляетъ самъ функцій верховной власти, онъ или рабъ, или готовъ имъ сдѣлаться; что свобода состоитъ исключительно въ демократіи». Sayous, t. I, p. 160. Этюдъ Леруа Больё о Тэнѣ въ «Revue des Deux Mondes», 1883.

[7]) *L'Ancien Régime*, t. II, ch. XI.

[8]) Montesquieu, *Esprit des Lois*: Предувѣдомленіе читателю: «Для того, чтобы понять первыя четыре книги, надо замѣтить, что то, что я называю добродѣтелью въ республикѣ, есть любовь къ отечеству, т. е. любовь къ равенству». Это опредѣленіе также необходимо для пониманія революціи, какъ и для пониманія *Духа Законовъ*.

[9]) «Политическая добродѣтель состоитъ въ самоотреченіи», l. IV, ch. V. *De l'éducation dans le gouvernement républicain.*

высочайшій героизмъ бокъ-о-бокъ съ величайшей подлостью, возвышенную добродѣтель и вмѣстѣ съ нею снисходительность къ самымъ низкимъ жестокостямъ.

Этимъ духомъ третьяго сословія особенно проникнуты легисты [10]). Они преобладаютъ среди депутатовъ буржуазіи, а слѣдовательно и въ собраніяхъ. Этотъ фактъ рѣшилъ судьбу революціи. Идеи принадлежатъ философамъ: они установили принципы, легисты же превратили ихъ въ статьи законовъ. Вся практическая часть, вся реальная работа революціи, все, что въ ней было худшаго и все, что въ ней было лучшаго, начиная отъ закона о подозрительныхъ до *гражданскаго кодекса*, было подготовлено и совершено ими. Страна выбирала изъ ихъ среды множество представителей, потому что трудъ, который предстояло выполнить, былъ прежде всего трудомъ законодательнымъ, и потому что они пользовались извѣстностью во всякомъ городѣ и въ каждой деревнѣ и считались наиболѣе способными людьми. Народъ, присвоивъ себѣ верховную власть, самымъ выборомъ этихъ людей продолжалъ традиціи монархіи. Онъ бралъ своихъ представителей изъ тѣхъ же самыхъ преторій, откуда короли брали своихъ совѣтниковъ и агентовъ.

Избранные такимъ образомъ легисты отнеслись къ революціи совершенно такъ же, какъ ихъ предшественники относились къ монархіи, т. е. дали ей ту же рутинную римскую форму. Вѣрные принципамъ могучей школы, изъ которой они вышли, и пропитанные ея ученіемъ, они примѣнили къ новой верховной власти всѣ традиціи стараго суверенитета [11]). Какъ будто они думали, что въ дѣлахъ государства все дѣло сводится къ перемѣнѣ названія. Суверенитетъ переходитъ отъ короля къ народу, но, мѣняя принципъ, не мѣняетъ своего характера. Въ сущности, все возвращается къ своей исходной точкѣ. У римлянъ республика или государство было чѣмъ-то «въ родѣ самодержавнаго монарха, передъ которымъ все преклонялось» [12]), императору принадлежала вся власть, принадлежавшая

---

[10]) Bardoux, *les Légistes*. Paris 1877.

[11]) «Въ нѣсколько дней, благодаря усиліямъ Тарже, Туре и Шапелье, законодательный комитетъ закончилъ большой трудъ, въ который вошли отчасти старые законы, старые указы, старые обычаи Франціи и основныя положенія котораго пережили всѣ наши революціи». Duvergier de Hauranne. *Histoire du Gouvernement parlementaire*, t. I, ch. II. Судя объ этой работѣ по ея результатамъ, Францискъ Невшательскій писалъ въ 1800: «Раздѣленіе страны, муниципальные суды, субсидіи и пр. тѣмъ болѣе достойны нашего вниманія, что, пройдя длинный циклъ политическихъ уклоненій, мы повидимому приходимъ къ плану, принятому римлянами». Augustin Thierry, *Considérations*, ch. IV.

[12]) Fustel de Coulanges. *Histoire des Constitutions*, t. I, l. II, ch. I.— Augustin Thierry. *Considérations*, ch. III.

республикѣ: «Если императоръ всевластенъ, говорятъ юристы, то только потому, что народъ римскій передалъ ему свое собственное всевластіе. Въ Римѣ создали имперію, передавши права народа государю; во Франціи создали республику, передавши народу права короля [13]). Король легистовъ равносиленъ императору Дигестовъ; въ его особѣ заключалось государство. Въ 1792 его упразднили, но государство осталось тѣмъ же, чѣмъ было прежде: «всевластнымъ монархомъ, передъ которымъ все преклонялось». Этимъ объясняется, какимъ образомъ изъ республики создалась такъ быстро имперія, представлявшая собою копію съ римской.

Возвративъ народу верховную власть—его сдѣлали какимъ-то отвлеченнымъ и безличнымъ тираномъ, къ которому и относились согласно съ этимъ понятіемъ. Какъ скоро всемогущество народа было признано и утверждено, нашлись придворные, льстецы и лакеи. Такимъ образомъ пороки кончающейся монархіи развратили демократію при самомъ ея рожденіи. «Знайте, что вы короли и больше, чѣмъ короли. Развѣ вы не чувствуете, какъ власть течетъ въ вашихъ жилахъ?» восклицалъ одинъ демагогъ [14]). Люди, выражающіеся такимъ образомъ, не обращаются къ народу вообще, а говорятъ передъ кучкой отдѣльныхъ личностей, каждый изъ слушателей буквально понимаетъ и приписываетъ себѣ хвалу этого грубаго льстеца. Первый встрѣчный, котораго привѣтствуютъ такимъ образомъ, объясняетъ свой суверенитетъ не съ помощью *Contrat social*, котораго онъ не читалъ, не съ помощью римскаго права, котораго бы онъ не понялъ; онъ объясняетъ его просто своими впечатлѣніями и инстинктами. Онъ чувствуетъ себя властелиномъ, какъ тотъ царственный ребенокъ, которому нѣкогда говорили, указывая на дворцы, поля, солдатъ и собравшуюся толпу: «Государь, все, что вы видите, принадлежитъ вамъ!» И онъ пользуется всѣмъ этимъ. Вотъ причина внезапнаго появленія мелкихъ тирановъ всюду, гдѣ имъ представляется случай проявить свою власть, вручила ли имъ послѣднюю республика или сами они отняли ее у республики [15]). Имъ объявляютъ послѣдовательно, что они англичане, американцы, римляне, спартанцы; а они остаются на слѣдующее утро тѣмъ же, чѣмъ были наканунѣ—французами восемнадцатаго столѣтія, и духъ стариннаго

---

[13]) Въ одной *запискѣ о генеральныхъ штатахъ*, изданной въ 1788 г. говорится: «*Третье сословіе—это самъ народъ; народъ составляетъ государство; въ народѣ заключается національное могущество; имъ должно существовать все государство.* Это формулы Боссюета, переиначенныя ученикомъ Руссо. Авторъ этой записки, Д'Антрегъ, былъ тогда пылкимъ демократомъ; вскорѣ потомъ онъ сталъ пылкимъ роялистомъ.—Chérest, t. II, p. 267.

[14]) Taine.—*La Révolution*, t. II, l. IV, ch. I, § 4.

[15]) Ibid., t. I, l. IV, ch. III, § 3.

управленія проявляется даже въ учрежденіяхъ, созданныхъ съ цѣлью его уничтожить.

V.

Та же самая теорія или, скорѣе, вліяніе тѣхъ же самыхъ привычекъ быстро привело къ тому, что Національное собраніе сосредоточило въ себѣ всю власть. Оно провозгласило себя высшей властью и понимало свой суверенитетъ, какъ понималъ его Людовикъ XIV, т. е. облекло себя всѣмъ авторитетомъ государства. Король сдѣлался чѣмъ то въ родѣ управляющаго, который, какъ подчиненный, руководитъ низшими приказчиками, министрами и ихъ писцами. Но Собраніе было само народомъ; будучи слишкомъ многочисленнымъ, чтобъ управлять непосредственно, оно поступило какъ народъ—выбрало депутатовъ. Идея коллективныхъ правительствъ не была чуждой для французовъ: такой опытъ былъ уже сдѣланъ въ началѣ столѣтія, и въ послѣднее время провинціальныя собранія снова ввели его въ моду. Руссо возводилъ его въ принципъ для большихъ государствъ, гдѣ существуютъ верховныя собранія. Онъ совѣтовалъ польскому сейму вручить исполнительную власть мѣнявшимъ составъ совѣтамъ, члены котораго, постоянно мѣняясь, дѣйствовали бы на глазахъ законодателя и подъ его руководствомъ [1]). Учредительное собраніе управляло посредствомъ своихъ комитетовъ, которые распоряжались министрами: оно *de facto* смѣшивало исполнительную власть съ законодательной и, такимъ образомъ, доходило до послѣднихъ крайностей централизаціи именно тогда, когда требовало децентрализаціи [2]).

Въ этихъ странныхъ эволюціяхъ болѣе всего виновны легисты; сами они не замѣчали ихъ и воображали, что вѣрны себѣ. Дѣло въ томъ, что они имѣли въ виду только государство, хотя подъ другимъ названіемъ, только государству они служили, понимая его одинаково и служа ему одинаково. Они совершенно естественно перешли «со ступеней трона, съ котораго желчный и грозный Ришелье скорѣе громилъ людей, чѣмъ управлялъ ими» [3]) къ кресламъ конвента, гдѣ ихъ голосами народъ присвоилъ себѣ ту же ужасную власть и управлялъ людьми, громя ихъ.

Событія передали власть въ ихъ руки слишкомъ внезапно; если у нихъ, была склонность къ свободѣ, то не было времени ей научиться. Въ началѣ революціи умы стремительно погнались за идеаломъ; все было разрушено, все было обновлено: Францію, какъ будто, создавали сызнова предварительно уничтоживъ ее. Дѣйствительность не поддается такого рода

---

[1]) *Gouvernement de Pologne*, ch. VII.

[2]) Tocqueville. *L'Ancien Régime*, l. III, ch. VII.

[3]) *Memoires de Retz*, t. I, p. 94.

операціямъ. Франція продолжала жить, повинуясь своему темпераменту, какъ жила и ранѣе. Соки, которымъ не позволили двигаться по старому направленію, не пошли по новому пути, а, скопившись въ одномъ мѣстѣ, пробили кору и дали начало безобразнымъ наростамъ и искривленіямъ, и все было выбито изъ колеи. Въ результатѣ получились безпорядки, анархія, внутренняя война, къ которой присоединилась внѣшняя; революція подвергалась опасности, Франція—иностранному нашествію. Республиканцамъ приходилось защищать одновременно и независимость націи, и территорію родины, и принципы революціи, и главенство своей партіи, и даже свою собственную жизнь. Тогда нужно было на что-нибудь рѣшиться.

У войны имѣются непосредственныя требованія, и нужды; она не допускаетъ утопій, и умозрѣнія въ дѣлѣ войны влекутъ за собою бѣдствія. Чтобъ собрать людей, вооружить ихъ, питать, вести въ битву—необходимо правительство,—во Франціи же не было правительства; фантазерамъ предоставили придумать, какое будетъ лучше; когда имъ показалось наконецъ, что они пріискали эту великую специфическую форму государства, они рѣшили, что не настало еще время примѣнить ее къ дѣйствительной жизни, а въ ожиданіи этой поры управляли, какъ умѣли, смотря по требованіямъ времени. Такъ какъ нужно было дѣйствовать быстро, то и выбрали самое несложное правительство, то, которое было, такъ сказать, подъ рукой, и сила вещей заставила остановиться не на томъ, что подсказывало воображеніе, а на томъ, что подсказывала сила привычки. Видя неурядицу, созданную погоней за чистымъ разумомъ, кинулись въ грубый эмпиризмъ: инстинктивно вернулись къ обычаю, рутинѣ, къ прецедентамъ: причемъ на сторонѣ свободы не имѣлось ни одного прецедента, а на сторонѣ деспотизма они были безчисленны. Тогда-то въ революцію вкрались всѣ правительственные пріемы стараго порядка. Завладѣвъ позиціей, они остались тамъ хозяевами. Все искусство теоретиковъ пошло на то, чтобъ маскировать и скрывать эти пріемы. Было собраніе, которое представляло народъ. Нашли, что власть въ немъ была слишкомъ разбросана и сосредоточили ее въ комитетѣ, состоящемъ изъ двѣнадцати членовъ, затѣмъ въ директоріи—изъ пяти, далѣе въ консульствѣ—изъ двухъ и наконецъ и въ императорѣ. При старомъ порядкѣ, душою государства, центральнымъ двигателемъ, былъ королевскій совѣтъ: онъ былъ высшимъ судилищемъ, приготовлялъ и издавалъ законы, назначалъ налоги, регулировалъ высшую полицейскую власть въ королевствѣ и рѣшалъ всѣ важныя дѣла. Интендантъ былъ его помощникомъ; въ лицѣ послѣдняго соединялось нѣсколько должностей; «въ провинціи онъ былъ единственнымъ исполнителемъ всякой правительственной воли [4]).

[4]) Tocqueville, *L'Ancien Régime*, l. II, ch. II.

Отсюда происходитъ его первоначальное названіе *commissaire départi* [5]). Когда въ 1793 г. поняли, что правительство запуталось въ сѣти департаментскихъ, окружныхъ и общинныхъ собраній, то рѣшили вернуться къ системѣ непосредственныхъ агентовъ. Полагали, что подражаютъ римскому сенату, на дѣлѣ оказалось, что подражали только кардиналу Ришелье [6]). Комитеты общественной безопасности и общественнаго спасенія замѣнили совѣтъ, а коммиссары замѣнили интендантовъ [7]). Это былъ лишь первый черновой набросокъ; нѣсколько лѣтъ спустя изъ него вышелъ государственный совѣтъ VIII года, совѣтники и вся іерархія префектуръ [8]). Эволюція эта совершилась легко и какъ бы сама собой. Люди, возстановившіе эти должности и занявшіе ихъ, были тѣ самые, которымъ онѣ ввѣрялись при старомъ порядкѣ [9]). Они не получали эти мѣста, а брали ихъ; что касается до второстепенныхъ чиновниковъ, то стоило только открыть кадры, они сами вступали въ нихъ толпою.

На практикѣ, и въ особенности въ финансахъ, составляющихъ язву стараго порядка, всякое средство, исходящее отъ произвола, равняется за-

---

[5]) Gabriel Hanotoux, *Origines de l'insiitution des intendants des provinces*. Paris, 1884.

[6]) Ривароль писалъ въ 1791 г.: «Римскій сенатъ не разсылалъ другихъ сенатовъ управлять провинціями, а посылалъ консуловъ, проконсуловъ, квесторовъ и всегда посылалъ простыхъ агентовъ». Конвентъ послѣдовалъ совѣту, который Ривароль давалъ королевской власти.

[7]) Аното въ своемъ изслѣдованіи сообщаетъ, что интенданты провинцій происходятъ отъ полицейскихъ, судебныхъ, финансовыхъ и военныхъ, что происхожденіе послѣднихъ связано съ «объѣздами рекетмейстеровъ»; что институтъ интендантовъ возникъ во второй половинѣ шестнадцатаго и развился въ первую треть семнадцатаго столѣтія, «въ моментъ великой внутренней борьбы»; что «первыя провинціи, въ которыхъ они появились, были жертвою внутренней или внѣшней войны»; что «возникновеніе этого института обусловливалось потребностью государства защищаться и централизоваться, ихъ можно сравнить только съ комиссарами конвента»; что «они были внѣ закона, т. е. выше закона»; что «границы и принципы ихъ власти опредѣляла абсолютная власть, которая ихъ и установляла».

[8]) «По окончаніи смутъ, интендантъ оставался еще нѣкоторое время въ странѣ и дѣлался интендантомъ провинціи. Вскорѣ безъ нихъ не могли уже обходиться, и ихъ существованіе, вначалѣ чисто случайное, было торжественно провозглашено въ одномъ изъ самыхъ важныхъ актовъ». Hanotaux, p. 46, 113. Множество комиссаровъ конвента сдѣлались такимъ же способомъ государственными совѣтниками или префектами.

[9]) Королевскій совѣтъ состоялъ не изъ вельможъ, но изъ людей средняго и даже низкаго происхожденія, изъ старыхъ интендантовъ и другихъ людей, умѣющихъ вести дѣла... Интендантами были молодые люди простого происхожденія, стремившіеся сдѣлать карьеру. Tocqueville, id.

кону [10]). Произволъ, въ этомъ случаѣ, можетъ доходить до конфискаціи. Такъ, церковнымъ имуществамъ она грозитъ постоянно. Въ случаѣ неурожая, прибѣгаютъ къ «максимуму». Во время войны,берутъ что́ могутъ. Война питаетъ войну, а иногда и государство [11]). Ее направляютъ изъ Версаля или Парижа, и обыкновенно не военные рѣшаютъ судьбу армій. Одинъ историкъ принцевъ Конде пишетъ, что Ришелье отъискивалъ своихъ генераловъ повсюду. «Онъ бралъ ихъ изъ среды духовенства, изъ своей семьи, среди неизвѣстныхъ людей; смѣщалъ, перемѣщалъ, стараясь поддерживать своихъ креатуръ, иногда очень долго, и, разъ замѣтивъ свою ошибку, бросалъ ихъ; посылалъ однихъ къ палачу, другихъ—въ Бастилію, третьихъ предавалъ забвенію, доставивъ имъ синекуры» [12]). При Людовикѣ XIV организаторомъ войны былъ простой приказный. *Лувуа* и его комми считали, что «генераловъ необходимо держать въ рукахъ». Имъ не разрѣшалось побѣждать безъ согласія бюро [13]). Эта традиція соблюдалаеь и въ комитетахъ конвента.

Правительство въ критическіе моменты своего существованія прибѣгаетъ къ государственнымъ переворотамъ [14]); дѣйствуетъ *днями* «journées»; слово это весьма стариннаго происхожденія и даже въ роковомъ своемъ смыслѣ. Итакъ, сама власть пріучаетъ народъ къ рѣзкимъ перемѣнамъ, къ сюрпризамъ, которые устраиваетъ сила. Не восходя уже ко времени штатовъ, къ исторіи Гизовъ и маршала д'Анкръ, даже въ XVIII вѣкѣ, почти наканунѣ революціи, подобнымъ же образомъ поступали съ судьями, когда послѣдніе осмѣливались противиться волѣ короля. Вооруженные солдаты заполняли залу засѣданій и выгоняли судей. Въ маѣ 1788 г. парижане еще разъ увидѣли бивуачные огни вокругъ Palais de Justice. По прекрасному выраженію одного историка, старѣйшее правительство въ Европѣ учило народъ «презирать самыя старинныя учрежденія и нарушать наиболѣе почтенныя права» [15]).

По отношенію къ церкви, революція, на первый взглядъ, представляется болѣе смѣлой въ своихъ нововведеніяхъ; но на самомъ дѣлѣ и здѣсь не вводитъ ничего новаго. Въ наиболѣе трудной изъ предстоявшихъ ей за-

---

[10]) Tocqueville, l. II, ch. II. *Sur la centralisation administrative et les procedés du gouvernement.*

[11]) Rousset, *Louvois*, t. IV, p. 397, 443.

[12]) Le duc d'Aumale, *La première campagne de Condé*, *Revue des deux mondes*, 1883.

[13]) Rousset, t. I, p. 177; t. IV, p. 389.

[14]) Относительно этого вопроса есть любопытная статья Gabriel Naudé, *Considérations politiques sur les coups d'Etat*, 1639, перепечатанная въ 1757 г. съ замѣтками и опроверженіями Дюме (Dumay).

[15]) Tocqueville, *Mélanges*, p. 12.

дачъ, она опять-таки подражаетъ старому порядку. Но податливые до сихъ поръ новымъ импульсамъ и ученіямъ прецеденты, на этотъ разъ отказались служить революціонерамъ. Оружіе, на которое расчитывали послѣдніе, разорвалось въ ихъ рукахъ: оно и было такъ устроено, что не могло не испортиться при употребленіи. Весь механизмъ государства былъ простъ и несложенъ, и старый порядокъ какъ бы сгладилъ путь для всѣхъ крайностей, но въ области религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ онъ былъ принужденъ соблюдать умѣренность, отъ которой отказался въ другихъ дѣлахъ; малѣйшее злоупотребленіе въ примѣненіи разрушало всю доктрину.

Правда, король и его легисты считаютъ церковь подвластною королевской власти въ мірскихъ дѣлахъ, а имущества, уступленныя королями, могутъ быть ими взяты обратно, если они найдутъ это нужнымъ [16]). Когда духовенство противится, государство отнимаетъ у него доходы. Если папа упрямится, король занимаетъ войсками Авиньонъ и даже грозитъ занять Римъ. У него въ рукахъ еще болѣе опасное средство это—оппозиція французскаго духовенства, которая можетъ повлечь за собою разрывъ и расколъ. Это факты, но тотъ кто изолируетъ ихъ такимъ образомъ, извращаетъ ихъ, и если разсчитываетъ извлечь изъ нихъ государственныя правила противъ церковнаго духовенства и Рима, рискуетъ надѣлать множество очень серьезныхъ промаховъ.

На практикѣ государство идетъ на компромиссъ. Въ принципѣ оно заявляетъ свои права на владѣніе церковными имуществами, но фактично довольствуется *добровольнымъ даромъ* (don gratuit) со стороны церкви. Послѣдняя сохраняетъ свои права, однако платитъ, потому что нуждается въ государствѣ, которое, если и управляетъ ею, за то охраняетъ ее. Король—это, какъ говорится, мірская рука церкви, ея епископъ по внѣшнимъ дѣламъ. Онъ предоставляетъ церкви руководить дѣломъ обученія и управлять душами; она, въ свою очередь учитъ подданныхъ повиноваться ему. Затѣмъ, обладая недвижимой собственностью, она привязана къ землѣ; она національна и если охраняетъ свои привилегіи отъ притязаній короля, то одинаково охраняетъ ихъ и отъ папы. Весь успѣхъ государства въ его столкновеніяхъ съ папскимъ престоломъ проистекаетъ именно изъ поддержки, которую оказываетъ ему французское духовенство. Эти несогласія иногда очень рѣзки, но въ сущности—это ссоры изъ за предѣловъ власти: и съ

---

[16]) Въ Мемуарахъ Людовика XIV за 1666 г. говорится: «Короли—неограниченные властелины и, разумѣется, вполнѣ и свободно располагаютъ всѣми имуществами, какъ свѣтскими, такъ и церковными, чтобы пользоваться ими, подобно мудрымъ домоправителямъ, т. е. согласно съ нуждами государства». I, p. 209, II. 77.—Dareste, *Histoire de France*, t. V. Paris, 1875, l. XXXIII, *Louis XIV et le clergé*, p. 526.

тей и съ другой стороны принципы остаются внѣ спора. Ни король не оспариваетъ главенства папы въ церкви; ни папа не оспариваетъ свѣтскаго главенства короля въ его королевствѣ. Это просто два сосѣда, которые владѣютъ на равныхъ правахъ; и весь процессъ между ними сводится къ какимъ-нибудь спорнымъ чрезполоснымъ землямъ лежащимъ на границѣ. Хотя король иногда очень высокомѣрно требовалъ своихъ правъ, но во всякихъ религіозныхъ дѣлахъ считалъ за честь оставаться христіаннѣйшимъ и старшимъ сыномъ церкви [17]).

Вотъ этого-то и не поняли легисты революціи. Они дѣйствовали по буквѣ и исказили духъ этой политики, когда, отнявъ у французскаго духовенства его имущества и его нравственное главенство, задумали насильно образовать изъ него лигу противъ Рима, а затѣмъ, лишенные этихъ необходимыхъ союзниковъ, захотѣли употреблять противъ папскаго престола тѣ средства, которыя были дѣйствительны только благодаря поддержкѣ французскаго духовенства. Всѣ части этого сложнаго зданія держались вмѣстѣ, благодаря обоюдной зависимости и взаимной поддержкѣ: государственная религія, національное духовенство, христіаннѣйшій король. Галликанская церковь была привилегированной и обладала недвижимою собственностью. Утративъ земли и привилегіи, она искала точку опоры внѣ Франціи въ Римѣ и сдѣлалась ультрамонтантскою.

Странно было примѣнять къ режиму, основанному на индифферентизмѣ государства къ религіознымъ вопросамъ и проникнутому антирелигіозной философіей—юрисдикцію, опирающуюся цѣликомъ на принципъ государственной религіи. Эта ошибка была причиною одного изъ важнѣйшихъ кризисовъ, вынесенныхъ революціей. Сопротивленіе духовенства и вѣрующихъ смутило всѣхъ революціонеровъ. Оно привело въ ярость самыхъ пылкихъ, изъ нихъ, не хотѣвшихъ знать тонкихъ компромиссовъ стараго порядка. Они вздумали принудить церковь къ повиновенію и просто примѣнили къ духовенству и къ непокорнымъ католикамъ мѣры, употребляемыя старинной монархіей для укрощенія еретиковъ. Эти мѣры проистекали изъ доктринъ, слишкомъ доступныхъ для грубыхъ умовъ и съ практическимъ примѣненіемъ которыхъ были фанатически настроенные люди слишкомъ знакомы.

---

[17]) Бурдалу въ своей *Проповѣди въ день св. Людовика* очень хорошо опредѣлилъ этотъ духъ старой монархіи въ ея отношеніяхъ къ церкви: «Римскій дворъ хотѣлъ посягнуть на права короны: вы знаете, какъ энергично защищалъ ихъ Святой Людовикъ; но какъ защищалъ? съ помощью удивительнаго соединенія авторитетности и благочестія; онъ поддерживалъ права своей короны въ качествѣ короля и старшаго сына церкви, властно, какъ король, и въ духѣ набожности и религіи, какъ старшій сынъ церкви, доказывая тѣмъ, что хотя, какъ король, онъ не признаетъ ничьей власти, но, какъ старшій сынъ церкви, онъ всегда готовъ повиноваться ей и чтить ее какъ свою мать.

Со временъ Ришелье не существовало болѣе государства въ государствѣ. Правительству удалось достигнуть единства власти, но Людовику XIV этого было недостаточно: ему нужно было еще единодушное одобреніе. Его не удовлетворяло повиновеніе фактическое, ему нужна была и покорность человѣческой совѣсти. Одинъ изъ его интендантовъ пишетъ: «Желаніе отличать обязательства совѣсти отъ повиновенія, которымъ подданные обязаны королю есть не что иное какъ пустая иллюзія, проистекающая изъ слѣпого предубѣжденія» [18]). Одна вѣра, одинъ законъ, одинъ король—вотъ правило, къ которому сводилась вся доктрина стараго режима. Въ мысли якобинцевъ законъ соединялъ въ себѣ короля и вѣру; онъ не терпѣлъ противниковъ подобно тому, какъ церковь не терпѣла еретиковъ, а монархія—претендентовъ. Для якобинцевъ противникъ былъ хуже еретика: онъ нелѣпъ и противоестественъ, онъ долженъ стоять внѣ закона. И вотъ, для того, чтобы преслѣдовать и подчинить его, обратятся къ страшнымъ способамъ инквизиціи и репрессіи, во множествѣ накопленнымъ старой монархіей. Комитетамъ можно было черпать изъ этого арсенала полными горстями [19]).

Въ эдиктахъ Людовика XIV, направленныхъ противъ протестантовъ, мы находимъ всѣ прецеденты законовъ противъ священниковъ и дворянъ. У протестантовъ оставалось только одно средство къ спасенію: изгнаніе; оно было поставлено имъ въ преступленіе [20]); имущества конфисковались; ихъ преслѣдовали даже въ лицѣ ихъ дѣтей [21]). Если они оказывали сопротивленіе, ихъ убивали. Война въ Севеннахъ носитъ тотъ же характеръ, какъ и вандейская война. Терроръ уже обрисовывается въ этомъ кровавомъ предисловіи, въ немъ какъ бы предвкушаешь приторныя пошлости

---

[18]) *Mémoires de Foucault*, publiés par. M. Baudry, p. 139. Paris 1862.

[19]) Quinet, *la Révolution*, l. XVII, ch. II. Paris 1869, 6 ed.

[20]) *Nouveau Recueil des édits et déclarations, arrêts et réglements du Conseil rendus au sujet des gens de la religion prétendue réformée*; avec privilège du Roi, 1752.—*Édit d'août, 1669*, запрещеніе реформаторамъ эмигрировать.—*Déclarations d'octobre 1685, et de mai 1686,* запрещеніе уѣзжать изъ королевства подъ страхомъ вѣчной каторги для мужчинъ, вѣчнаго заточенія—для женщинъ.—*Déclaration du 12 octobre 1687*, смертная казнь тѣмъ, кто помогаетъ эмиграціи. — Часть имущества эмигрантовъ отданы доносчикамъ (20 августа 1685).—Имущества эмигрантовъ конфискуются. (Октября 1685).

[21]) *Declaration de juin* 1681. Дѣтей протестантовъ можно обращать, начиная съ семи лѣтъ.—Протестанты не должны воспитывать дѣтей за границей.—Дѣти протестантовъ должны имѣть опекунами католиковъ (14 августа 1685). Ихъ слѣдуетъ добровольно воспитывать въ католической религіи (октябрь 1685). Если родители не воспитываютъ ихъ въ этой религіи, то помѣщать дѣтей въ коллегіи или монастыри, а если родители не могутъ платить, то въ пріюты. (Письмо короля отъ 2 мая 1686).

Баррера. Одинъ прелатъ пишетъ королю: «Только привязывая къ себѣ сердца еретиковъ, вы укротите упорство ихъ духа... Они, можетъ быть, никогда не вступили бы въ лоно церкви, еслибъ не *усѣянный цвѣтами* путь которой вы имъ указали» [22]). Старый порядокъ преслѣдуетъ не только ересь, но и всякаго рода диссидентство. Янсенисты подвергаются такому же гоненію, и эти законы о конфискаціи, разсѣяніи и изгнаніи до того входятъ въ нравы, что въ 18 вѣкѣ примѣняются къ іезуитамъ. Люди революціи познали въ этой школѣ, что надо сдѣлаться безпощаднымъ, чтобъ быть неотразимымъ. Ришелье говорилъ: «Наказаніе,—болѣе вѣрное средство удержать каждаго на пути долга, такъ какъ оно дѣйствуетъ на наши чувства, а потому не забывается» [23]). Ради этихъ-то страшныхъ примѣровъ и были установлены исключительныя судилища, въ которыхъ судили, имѣя въ виду одну пользу государства. Королевскіе бланки (lettres de cachet) поддерживали эту традицію еще въ XVII вѣкѣ и передали ее комитетамъ.

Я излагаю эти факты и стараюсь ихъ объяснить, но я не смягчаю и не извиняю ихъ. Я не имѣю намѣренія ссылаться, какъ на смягчающія обстоятельства для революціонеровъ, на худшія злоупотребленія того порядка, который они низвергли, но которому сами подражали. Я хочу показать только продолжительность импульса, живучесть старыхъ, накопившихся вѣками, привычекъ, силу традицій. Крайности террора и крайности стараго порядка не компенсируютъ другъ друга; нельзя даже сказать, что они были порождены другъ другомъ: но тѣ и другіе проистекаютъ отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, что составляетъ большую разницу. Террористы совсѣмъ не думали мстить за жертвы Людовика XIV; сентябрьскіе убійцы не помышляли о реваншѣ за Варфоломеевскую ночь; утопленія (noyades) Каррера не были отплатой за драгоннады. Но въ шестнадцатомъ, семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ одинаковый фанатизмъ приводилъ къ одинаковымъ результатамъ [24]). Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, терроръ лишается того ложнаго обаянія, которымъ пытались окружить его защитники. Колоссальнымъ остается только чрезмѣрность плагіата.

Что было бы дѣйствительно необыкновеннымъ въ революціи—это господство свободы. Старый порядокъ не имѣлъ никакихъ притязаній на нее. Въ принципѣ онъ не признавалъ ни свободы совѣсти, ни свободы по-

---

[22]) Puaux, *Les précurseurs français de la tolérance au dix-septième siècle*, p. 19. Paris, 1881.

[23]) *Testament*, ch. IV.

[24]) То же самое можно сказать о бѣломъ террорѣ 1815 г. Онъ совершенно самостоятеленъ, это воскресшій духъ лиги. *Les lettres de Madame de Rémusat*. Paris, 1884.

литической, ни даже свободы гражданской, но допускалъ, болѣе или менѣе снисходительно, то и другое на практикѣ [25]). Практика часто смягчала строгость доктрины. Несмотря на жестокость законовъ, которые наказывали смертью авторовъ книгъ, затрогивающихъ религію и королевскую власть [26]), никто изъ философовъ не умеръ на эшафотѣ; Дидро не раздѣлилъ участи Андре Шенье. При господствѣ террористовъ мы видимъ совсѣмъ другое: сантиментальную и гуманную доктрину и варварское примѣненіе ея. Одна за другой отнимались всѣ тѣ вольности, которыя предписаны были принципіально множествомъ декретовъ. Уже не *нантскій эдиктъ*, т. е. не актъ терпимости и гарантіи въ пользу одной части націи былъ отмѣненъ въ 1793 г., а *декларація правъ человѣка*, т. е. самый смыслъ (raison d'être) революціи и общее право всѣхъ французовъ. Какъ ни объясняйте эти прискорбныя противорѣчія между дѣйствіями и ученіемъ революціонеровъ—прецедентами, нравами и воспитаніемъ стараго порядка,—но нельзя же на основаніи одного сходства въ нѣкоторыхъ излишествахъ одинаково судить о правительствахъ, основанныхъ на діаметрально противоположныхъ принципахъ. Если старый порядокъ былъ послѣдователенъ въ своемъ деспотизмѣ, то революція, подражая ему, не была послѣдовательна. Прискорбно видѣть, что Боссюетъ изгоняетъ гугенотовъ, но сознаемъ, что онъ логиченъ и вѣренъ своей доктринѣ; нельзя безъ негодованія представить себѣ Декарта, изгоняющаго Паскаля. Однако мы это видѣли.

VI.

Философы и литераторы были великими вдохновителями революціи. Она обязана имъ и самыми великодушными идеями, и самыми пагубными изобрѣтеніями, своей гуманностью при началѣ, свирѣпостью—при дальнѣйшемъ развитіи, своимъ энтузіазмомъ и своимъ фанатизмомъ. Это извращеніе прекрасныхъ принциповъ, эта ожесточенная ненависть между людьми, которыхъ все должно было соединять, эта ужасающая борьба ради того, чтобъ вырвать другъ у друга то, что завоевано сообща, эти мелкія несогласія, ведущія къ гоненіямъ, останутся необъяснимыми для человѣка, передъ умственнымъ взоромъ котораго не рисуется исторія философской и литературной борьбы въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Напротивъ, все становится просто и ясно, если примемъ во вниманіе, что писатели, ринувшись въ политику, внесли цѣликомъ въ собранія то страстное соперничество и тотъ разладъ, которые раздирали литературную республику того времени.

---

[25]) Tocqueville, *L'Ancien Régime*, l, V, ch. XI. *De l'éspèce de liberté qui se rencontrait sous l'ancien Régime*, et l. Ш, ch. П.

[26]) *Déclaration* du 16 Avril, 1757. Rocquain, p. 204.

Школы превратились въ секты, котеріи въ партіи. «Эти партіи,—сказалъ однажды Сенъ-Жюстъ, одинъ изъ самыхъ фанатичныхъ сектаторовъ,—родившіяся до революціи, сопровождали ее въ ея движеніи впередъ, подобно тѣмъ пресмыкающимся, которыя слѣдуютъ за теченіемъ рѣкъ» [1]). Еще въ то время, когда споръ между ними шелъ лишь изъ-за господства надъ общественнымъ мнѣніемъ, они уже проявляли этотъ духъ искательства и ѣдкой зависти. Они шпіонятъ и подсматриваютъ другъ за другомъ, доносятъ и взводятъ всякаго рода обвиненія другъ на друга и, наконецъ, изгоняютъ изъ своей среды, причемъ преслѣдуется не только различіе воззрѣній, но и сама личность человѣка. Всѣ средства для нихъ хороши, и такъ какъ единственнымъ судьей является публика, сидящая на галереяхъ, такъ какъ надо или взволновать или разсмѣшить ее, то они не стѣсняясь указываютъ на личности или отдѣлываются дерзостью и грубою бранью. Отсюда происходятъ обвиненія въ наглости, воровствѣ, отравленіи, убійствѣ, которыми такъ богата ихъ полемика,—цѣлый словарь зловѣщихъ ругательствъ, полный словъ: *измѣна*, *злодѣйство* съ ихъ синонимами, который какъ будто составленъ для доносчиковъ революціоннаго клуба или преторіи. Доказательства имъ не нужны: достаточно одного подозрѣнія. Всякій, кто противорѣчитъ,—плутъ, всякій соперникъ—безчестный человѣкъ, всякій противникъ—«врагъ добродѣтели» [2]). Одинъ свидѣтель того времени говоритъ: «Я видѣлъ затаенную сосредоточенную ненависть и всѣ другіе результаты вліянія партій» [3]). Это самая ужасная ненависть, въ ней поклоненіе своему *я*, софизмы эгоизма, преувеличенное тщеславіе соединяются съ фанатизмомъ секты и ослѣпленіемъ доктрины, это недугъ разума, болѣе опасный и жалкій, чѣмъ всѣ недуги страстей.

Анализируйте эти чувства и этотъ стиль: въ нихъ чувствуются всѣ неистовства революціи. «Этотъ вѣкъ полонъ особеннаго зложелательства и ненависти»,—восклицаетъ самый краснорѣчивый, самый желчный и самый

---

[1]) Sainte-Beuve, *Causeries du Lundi*, t. V, article *Saint-Juste*.

[2]) Desnoiresterres, *Voltaire et la société française au dix-huitième siècle*. Самый характеристичный этюдъ представляетъ борьба между Вольтеромъ и Руссо изъ-за Женевы; здѣсь политическія фракціи играютъ въ руку литературнымъ. Это уже переходъ къ революціи. Отсылаю читателя къ книгѣ: *Voltaire et J. J. Rousseau*. Объ этомъ эпизодѣ см. Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. XIII, article *Voltaire*.—Sayous, *Mallet du Pan*, t. I, ch. I.—Sainte-Beuve, t. II, article *Malesherbes*.—Brunetière, *Etudes sur* M. *de Malesherbes*, *Revue des deux Mondes*. Относительно духа партій—прекрасныя главы Тэна, *Старый порядокъ*, кн. III, гл. IV; объ ихъ вліяніи на революцію.—Mallet du Pan, *Mercure britannique*, t. II. *Du degré d'influence qu'a eue la philosophie française sur la Révolution*.

[3]) Soulavie, *Mémoires*, t. VI, ch. XIV. *La République des lettres*.

пламенный трибунъ этой мятежной литературной республики [4]). Фреронъ умеръ. Кто составитъ его эпитафію? «Первый, кто плюнетъ на его могилу...» «Горделивый деспотизмъ новѣйшей философіи довелъ эгоизмъ самолюбія до послѣднихъ предѣловъ. Всей молодежи понравилась столь удобная доктрина, она восторженно приняла ее, горячо проповѣдывала, обнаруживая крайнюю нетерпимость. Она привыкла говорить въ обществѣ тѣмъ же властнымъ тономъ, какимъ произноситъ изреченія своей секты, и съ наружнымъ презрѣніемъ, подъ которымъ скрывается еще болѣе наглая злоба, относится ко всѣмъ, кто смѣетъ не сразу подчиниться ея рѣшенію... Ставши рабами для того, чтобы стать тиранами, они кончили тѣмъ, что во всякомъ сопротивленіи видѣли бунтъ. Цѣлое поколѣніе деспотовъ не можетъ быть ни очень кроткимъ, ни очень мирнымъ... Отсюда и происходятъ злобныя наклонности, которыя отличаютъ это поколѣніе. Нѣтъ ни спокойствія въ душѣ, ни искренности въ привязанностяхъ. Каждый ненавидитъ все, что не онъ, и ненавидитъ другого даже больше, чѣмъ любитъ самого себя. Кончается тѣмъ, что умѣютъ только ненавидѣть, и своей собственной партіи держатся не въ силу привязанности, еще менѣе уваженія, а единственно изъ ненависти къ противной партіи. Жолчь, которою пропитаны статьи учителей, наполняютъ и сердца учениковъ».

Эти самые ученики, сдѣлавшись четверть вѣка спустя властителями Франціи, будутъ бороться за управленіе Франціей тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что вопросъ уже не въ репутаціи и славѣ, но въ господствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственномъ существованіи [5]). Когда души дошли до такого изступленія, то остается лишь сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ перейти отъ полемики и литературнаго остракизма къ политическимъ про-

---

[4]) J. J. Rousseau, *Deuxième dialogue*, 1775—1776.

[5]) Всѣ характерныя черты сохранились. Сравните напр. этотъ отрывокъ изъ Руссо, съ отрывкомъ изъ *Андре Шенье*, *L'esprit de parti*, гдѣ онъ говоритъ о соперничающихъ обществахъ: «Они шпіонятъ, нападаютъ и обвиняютъ другъ друга; малѣйшее различіе во взглядѣ на вещи или въ выраженіяхъ считается ересью... они походятъ на древнія монашескія конгрегаціи, которыя, проповѣдуя спасеніе и враждуя между собой, спорили только изъ-за власти и вліянія... Вотъ какого рода политическія распри, веденныя въ томъ же духѣ и съ помощью тѣхъ же софизмовъ, какъ и предшествовавшія имъ схоластическія и теологическія распри, разжигаютъ общества, разъединяютъ семьи и вносятъ такія сѣмена ненависти и клеветы, что самыя нелѣпыя обвиненія въ кражахъ, тюремныхъ заключеніяхъ, тайныхъ убійствахъ—дѣло обычное для всѣхъ партій и никого не удивляютъ. Каждый въ своемъ ребяческомъ тщеславіи, называя любовь къ собственнымъ мнѣніямъ добродѣтелью, мудростью, честностью, объявляетъ безчестнымъ каждаго, кто мыслитъ иначе, чѣмъ онъ».

скрипціямъ и кровавымъ убійствамъ [6]). «Врожденная свирѣпость не можетъ надѣлать столько преступленій, какъ самолюбіе», сказалъ Ларошфуко. При старомъ порядкѣ и при старыхъ законахъ литераторы принуждены были ограничиваться словесною войною; когда они очутились у власти, то прежде всего осуществили свои метафоры и стали убивать другъ друга. Преемственность была такъ рѣзка, что ученики утрачиваютъ власть или овладѣваютъ ею въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ учители господствовали въ республикѣ литературы. Впереди всѣхъ Монтескье съ приверженцами умѣренной монархіи на англійскій ладъ: маленькая группа, полная высокаго нравственнаго достоинства, но съ очень ничтожнымъ вліяніемъ и вскорѣ совершенно устраненная. Вслѣдъ за нимъ идетъ Вольтеръ съ приверженцами конституціи, потомъ Руссо первой манеры, Руссо—авторъ *Елоизы* и *Эмиля* съ частью Жиронды, энциклопедисты съ Кондорсе, Дидро съ Дантономъ и опять Руссо, но уже вполнѣ опредѣлившійся, Руссо,—авторъ *Contrat* и *Dialogues* съ Робеспьеромъ. И подобно тому, какъ у двери и въ окрестностяхъ великихъ школъ кишѣла толпа «неизвѣстныхъ учениковъ» [7]), смѣльчаковъ, фанатиковъ миссіонеровъ и инквизиторовъ атеизма, анархіи, коммунизма, убійства; такъ и въ клубахъ и даже въ собраніяхъ, волнуя чернь и терроризуя представителей народа, тѣснилась шайка бѣсноватыхъ и яростныхъ безумцевъ, начиная отъ Гебера и кончая Маратомъ. Но это не все, паденіе было еще глубже. Восемнадцатый вѣкъ, въ лицѣ маркиза де-Сада, представлявшаго собою безобразный наростъ, какое-то чудовищное вырожденіе этого вѣка, довелъ свою ужасающую доктрину до ея крайнихъ выводовъ и какъ будто хотѣлъ доказать тѣмъ отвращеніемъ, которое она внушаетъ, нелѣпость *Système de la nature*. Въ воздухѣ какъ будто разлитъ тонкій ядъ чувственности, который проникаетъ повсюду. Это болѣзнь вѣка; ею страдалъ Дидро, Руссо не избѣгъ ея заразы, лучшіе годы Мирабо были отравлены ею. Иные, подобно Лакло, присоединяютъ къ ней расчитанный развратъ, жестокую утонченность страстей. Маркизъ де-Садъ усиливаетъ ее безсовѣстностью и неистовствомъ, которое доводитъ до пре-

---

6) «Еслибъ революція совершилась при Людовикѣ XIV,—говорилъ Риваролъ,—Котэнъ велѣлъ бы гильотинировать Буало, а Прадонъ—Расина. Я самъ, только благодаря эмиграціи, спасся отъ якобинцевъ, попавшихъ въ мой *Almanach des grands hommes*». Дѣло въ томъ, что въ этомъ альманахѣ нашло мѣсто большинство корифеевъ, тогда еще приторныхъ, франтоватыхъ и напудренныхъ: Сенъ-Жюстъ, Колло, Карра, Камилль Демуленъ, Фабръ д'Еглантинъ, Лакруа, Майлье, Ріуфъ, Ронсенъ и пр. но Робеспьера тамъ нѣтъ, хотя онъ имѣлъ на это право, такъ какъ написалъ достаточно плохіе стихи. Lescure, *Rivarol*.

7) Taine. *L'Ancien Régime*, l. III, ch. III.—Quinet, *la Révolution*, l. XIV, ch. IV.

ступленія. Его можно назвать фанатикомъ порока. Чтобъ дополнить эту связь между книгами и людьми, между мыслями и дѣйствіями, упомянемъ о свирѣпомъ и гнусномъ Карерѣ, какъ о заключительномъ явленіи XVIII вѣка.

VII.

Такимъ образомъ, дряхлость стараго порядка, банкротство правительства и утрата имъ довѣрія страны, иллюзіи, обольщавшія умы, страсти, волновавшія души, ярость, которая таилась и тлѣла въ массахъ—все подготовило къ тому, что революція разразилась, что она была радикальна, что она породила анархію, выродилась въ фанатизмъ и наконецъ дошла до возмутительныхъ жестокостей. И однако Франція вышла изъ всего этого побѣдительницею. Гражданскія и соціальныя реформы, главный *raison d'être* революціи, сдѣлались незыблемыми съ момента ихъ провозглашенія. Франція вышла изъ анархіи болѣе энергичной, болѣе мужественной, съ болѣе пламеннымъ стремленіемъ ко всему великому, чѣмъ когда-либо; ея вліяніе въ свѣтѣ никогда еще не достигало такой высоты. Она, правда, утратила свое преобладаніе въ качествѣ сильнаго государства, но взамѣнъ того вернула съ блескомъ, напоминавшимъ ея лучшую пору, то вліяніе на литературу, искусства и науки, которымъ она пользовалась прежде. Во время мира она стала выше того, чѣмъ была во время войны. Она какъ бы освятила свою новую судьбу, установивши у себя представительное правительство, первый камень котораго положила революція.

Революція вовсе не прервала теченіе исторіи Франціи, какъ это принято говорить: она не болѣе, какъ эпизодъ, можетъ быть эпизодъ крайне необычайный, но только эпизодъ. Подобно тому, какъ Франція не измѣнила своего мѣста въ Европѣ, такъ и французская нація, переживши великій кризисъ, не измѣнила ни темперамента, ни характера. Въ теченіе своего долгаго существованія, она перенесла не одно испытаніе такого рода, и эти-то превратности сдѣлали ее націей, связанной традиціями, отождествившейся съ государствомъ болѣе, чѣмъ всякая другая нація въ Европѣ. Она образовалась медленно, попеременно подвергаясь приливамъ и отливамъ, страдая то избыткомъ жизни, то безплодіемъ. Бывали лѣта палящаго зноя и страшныхъ грозъ, зимы, полныя бѣдствій и бурь, но почва была плодотворна, и какъ скоро небо прояснялось, жизненная энергія увеличивалась и растительность была богаче прежняго [1]).

---

[1]) Не разъ бывали такіе моменты, когда катастрофа казалась неминуемой, а между тѣмъ это былъ моментъ возрожденія. Николай Паскье писалъ Дю-Веру въ первыхъ годахъ XVII вѣка: «Такъ какъ всякая болѣзнь неизбѣжно оканчивается или смертью, или выздоровленіемъ, то и безпорядки,

Французъ, «чувствительный до энтузіазма и способный на всѣ крайности въ своихъ привязанностяхъ и въ своемъ недовольствѣ» [2]), то фанатично обожающій, то слѣпо ненавидящій своихъ вождей, доходящій въ своей страсти къ свободѣ до своеволія, а въ исканіи спокойствія—до рабства, подъ лоскомъ утонченности сохраняющій пылкія страсти, въ глубинѣ души таитъ настоятельную, такъ сказать, инстинктивно-аттическую потребность въ порядкѣ, методичности и въ чувствѣ мѣры. Только умъ и здравый смыслъ не могутъ пресытить его. Ни одна нація не упивалась такъ парадоксами и вслѣдъ затѣмъ не возставала такъ пылко противъ софизмовъ, не была такъ постоянна и вѣрна себѣ при кажущемся непостоянствѣ и такъ практична при кажущемся сумасбродствѣ. Она возстала, чтобъ завоевать невозможное, но успокоилась, какъ скоро достигла разумнаго. Она стремительно гналась за самыми умѣренными результатами, и если ни одинъ народъ не ставилъ себѣ такихъ широкихъ задачъ, какъ французскій, зато ни одинъ не удовлетворялся столь малымъ [3]).

Эта традиціонная упругость поддержала Францію въ революцію 1789 г., какъ поддерживала ее въ предыдущія. Нація кинулась въ революцію и низвергла короля только потому, что королевская власть не давала реформъ, но, тѣмъ не менѣе, она осталась такою, какъ ее воспитала монархія [4]). Всемогущество, какимъ обладало государство, повело къ злоупотребленіямъ, губившимъ правительство; но именно потому, что государство поглощало отечество, нація почувствовала, что, разлагая первое, она сама уничтожается, и снова организовалась въ одно цѣлое. И эта страсть къ единству, которую такъ постоянно развивалъ старый порядокъ, спасла революцію отъ ея собственныхъ крайностей. Достаточно было, чтобъ передъ глазами французовъ мелькнули два непоправимыхъ бѣдствія: завоеваніе чужеземцами и междоусобныя распри, чтобы они очнулись и верну-

составляющіе истинную болѣзнь государствъ, ведутъ или къ окончательному паденію государства, или къ его полному преобразованію. Наша Франція достигла крайней старости, сдѣлалась болѣзненной, слабой и упавшей духомъ отъ постоянной острой болѣзни, которая дѣлаетъ ее нерѣшительной и неустойчивой и грозитъ близкой кончиной». N. Pasquier, *Lettres*, l. VIII, lettres V. Amsterdam. 1723.

[2]) Voltaire, *Siècle de Louis XIV*, ch. XII.

[3]) «Франція въ теченіе четырнадцати вѣковъ переносила самые рѣзкіе переходы отъ анархіи къ деспотизму, отъ иллюзій къ разочарованію; она никогда не отрекалась надолго отъ порядка и свободы... Вотъ что дѣлаетъ нашу исторію, утѣшительной, несмотря на многіе печальные эпизоды». Guizot. *Préface de la sixième édition de l'Histoire de la civilisation en France.* Paris, 1882

[4]) «Эта великая французская королевская власть была такъ высоко-національна, что на другой день послѣ ея паденія нація имѣла возможность держаться и безъ нея». Rnane, *Qu'est-ce qu'une nation?* p. 12. Paris, 1882.

лись къ самообладанію и разуму. У нихъ сохранилось то, что составляетъ душу націй,—единственно-истинную основу народнаго блага: любовь къ отечеству; она ожила и поднялась до энтузіазма къ революціи, которая была ихъ спасеніемъ: обѣ идеи соединились въ одно, такъ что французы защищали и и свою національную самостоятельность и завоеванную ими свободу.

Они занялись наиболѣе неотложнымъ дѣломъ: чтобъ избавиться отъ чужеземнаго порабощенія и возстановленія стараго порядка, они перенесли все, даже унизительную тираннію Террора. Все вниманіе ихъ устремилось на непріятеля. Но, отвративши опасность, грозившую извнѣ, они почувствовали къ анархіи такое же отвращеніе, смѣшанное съ ужасомъ, какое испытывали къ чужеземному нашествію; они отвергли гнетъ террористовъ съ такою же ненавистью, какъ иго чужестранцевъ, и оттолкнули съ омерзѣніемъ остатки кровожадныхъ партій, раздиравшихъ отечество подъ предлогамъ защиты. Та же сила импульса, которая побудила ихъ ниспровергнуть старый порядокъ, преобразовать строй общества и государства, защитить страну отъ иностраннаго нашествія, помогла устранить правительства, неспособныя гарантировать имъ тотъ результатъ, къ которому они такъ упорно стремились: гражданскую свободу, которою они могли бы пользоваться въ мирѣ и порядкѣ. Принеся все въ жертву государству, чтобы оно могло защитить революцію, они потребовали отъ него, чтобъ оно организовало послѣднюю.

Кризисъ, пережитый французами, породилъ людей, способныхъ привести его къ окончанію. Тѣ изъ революціонеровъ, которые проникнуты были духомъ государственности, развивались въ періодъ бурь. Въ эпоху грозныхъ кампаній мѣсяцы борьбы считаются за годы, проведенные на маневрахъ въ мирныя времена. «Надо бы измѣнить наши нравы,—въ отчаяніи воскликнулъ одинъ министръ Людовика XV [5]),—и это дѣло, для котораго въ другой странѣ потребовались бы цѣлые вѣка, совершилось бы у насъ въ теченіе одного года, еслибъ были дѣлатели». Дѣлатели родились, и младшіе изъ нихъ были уже совершеннолѣтними въ 1789 г. Революція открыла имъ доступъ въ собранія. Когда буря улеглась, въ ихъ трудахъ приняли участіе и руководительство множество личностей, которыхъ старый порядокъ пріучилъ къ дѣламъ и идеи которыхъ соотвѣтствовали новому порядку [6]). Это могучее поколѣніе было душою консульства, оно же сдѣлалось душою представительнаго правительства послѣ Реставраціи.

Послѣ долгаго обхода, разныхъ уклоненій и суроваго опыта, люди 1789 г. вернулись къ той основной идеѣ, которая какъ бы затерялась въ революціи, а именно: что политическая свобода есть единственная

---

[5]) Bernis, *Lettre à Choiseul*, 31 mars 1768, t. II, p. 168.

[6]) Порталисъ, Симеонъ, Лебренъ, Молльенъ, Бёньо, Малуе. D'Arbois de Jubainville, op. cit.

гарантія для всякой другой. Они удовольствовались тѣмъ, что основали демократію, они считали ее надежной, потому что сами управляли ею. Видя, что она подвергается опасности, они поняли, что единственно вѣрное средство защитить ее—свобода и сдѣлались пламенными борцами за послѣднюю. Такова была сила новаго духа времени, что монархіи приходилось прибѣгнуть для своего переустройства къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ прибѣгала демократія для своего поддержанія. Личности, желавшія остановить революцію, и личности, желавшія ее продолжать, приверженцы умѣренной и приверженцы чистой монархіи, конституціонисты, республиканцы, демократы имперіалисты, бонапартисты и ройялисты — всѣ нуждались для охраны своихъ правъ или своихъ притязаній въ одинаковой гарантіи. Тогда проснулись благородныя страсти 1789 г. [7]): страсти еще пылкія, но созрѣвшія и укрѣпившіяся опытомъ. И поколѣніе, начавшее революцію, могло питать надежду на ея благополучный исходъ. Итакъ, старая Франція носила въ себѣ вмѣстѣ съ зародышами разложенія и элементы возрожденія и нравственнаго подъема. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ кризисѣ, равно какъ и въ сходныхъ съ нимъ кризисахъ четырнадцатаго, пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ—Франціи приходилось считаться съ Европой. За революціей 1789 г. слѣдовала война, которая, можно сказать, продолжалась до 1815 г., такъ какъ перемирія, временное прекращеніе военныхъ дѣйствій, нельзя назвать миромъ. Революція сдѣлалась воинственной—это было причиной и ея величія и ея паденія. Арміи заглушили націю, и война поглотила государство. Этотъ фактъ рѣшилъ не возстановленіе правительства, оно возстановилось бы во всякомъ случаѣ,—но форму, въ которую оно облеклось, и характеръ, въ какомъ оно проявилось.

Съ этой то стороны и совершились самыя необычайныя явленія; впрочемъ въ минувшемъ Франціи мы находимъ причины и объясненія этихъ явленій; въ этомъ прошедшемъ, какъ внутреннія такъ и внѣшнія дѣла обусловливались постоянной исторической необходимостью и вытекающемъ изъ нея строемъ мысли очень давняго происхожденія. У французовъ мы видимъ постоянно, какъ въ сношеніяхъ съ Европой, такъ и во внутренней исторіи страны — рядомъ съ тѣмъ духомъ умѣренности и мудрости, которыя создаютъ великія правительства и цвѣтущія эпохи, порывъ романическаго честолюбія, родъ завоевательнаго упоенія, капризную склонность къ славѣ и приключеніямъ. Вмѣстѣ съ уравновѣшенностью въ силѣ, которая составляетъ всю сущнóсть французскаго генія, мы находимъ ту жажду невозможнаго, которая составляетъ его недо-

[7]) Наиболѣе краснорѣчивымъ выразителемъ ихъ была госпожа де-Сталь. «*Considérations sur la Révolution française*».— *Mémoire de Talleyrand à Louis XVIII* въ «*Перепискѣ*», изданной Pollain. Paris, p. 436.

статокъ. Франція сохраняла въ себѣ эти противоположные инстинкты, и революція по очереди пробуждала ихъ въ умахъ. Д'Аржансонъ писалъ: «Говорятъ, что французская республика была-бы не мудрѣе монархіи, правившей нами въ теченіе четырнадцати вѣковъ, что національный духъ остается тѣмъ же... А этотъ національный геній и составляетъ всю силу королевства», прибавляетъ онъ [8]). Попытаемся его опредѣлить.

---

[8]) *Mémoires*, éd. Rathery, t. IV, p. 216.

ГЛАВА II.

Внѣшняя политика.

I.

Политика Капетинговъ, разсматриваемая въ ея послѣдовательной связи и ея традиціяхъ, имѣла двѣ главныя цѣли, внутреннюю и внѣшнюю: образовать однородную націю и сплоченное государство внутри и обезпечить надежными границами независимость и могущество этого государства и націи—извнѣ. Короли, отвѣчавшіе стремленіямъ націи, основывая государство, удовлетворяли національнымъ же стремленіямъ, закладывая основанія будущему величію Франціи въ средѣ европейскихъ державъ. Дѣло, совершаемое внѣ государства, гармонируетъ съ тѣмъ, которое совершается внутри его, являясь его естественнымъ слѣдствіемъ и дополненіемъ. Капетинги находятъ Францію раздробленною и уменьшенною. Только общія традиціи и одинаковыя стремленія народностей цѣлой страны, разъединенныхъ феодальнымъ строемъ, позволили королю собрать французскій народъ воедино, несмотря на разлагавшій его порядокъ, сосредоточить власть, несмотря на систему, благодаря которой она была децентрализована, словомъ, составить государство вопреки началамъ, ведущимъ къ его разложенію. Исторія французскаго народа въ этомъ первомъ ея періодѣ, сливается съ исторіей королевскаго домена; нація образуется по мѣрѣ того, какъ расширяется королевскій доменъ, она объединяется по мѣрѣ усиленія верховной власти короля [1]). Разъ королевство сложилось, короли старались его расширить, подобно тому, какъ расширяли свои домены. То, что совершалось въ тѣсныхъ предѣлахъ монархіи, продолжается и за этими предѣлами. Короли встрѣчали тамъ населеніе, которое своимъ происхожденіемъ и традиціями связано съ управляемымъ ими народомъ. То были народности древней Галліи, соединенныя и сгруппированныя Карломъ Великимъ. Онѣ черпали цивилизацію изъ одного и того же источника, получили одинаковый отпечатокъ, сохранили однѣ и тѣ же воспоминанія. Въ результатѣ получилась общая почва, несмотря на пограничныя столкновенія,

---

[1]) Объ образованіи домена и о прогрессѣ королевской власти см. *Les Études sur le régime financier de la France* par M. de Vuitry. Première série, p. 523—526. Paris, 1878.

враждебность сосѣдей и борьбу вождей—почва, на которой съ успѣхомъ могла дѣйствовать королевская политика.

И цѣль и пріемы этой политики вытекаютъ изъ самой природы вещей. Французская королевская власть, остановленная въ своемъ стремленіи расширяться—океаномъ, Пиренеями, Средиземнымъ моремъ и Альпами, могла распространяться лишь къ востоку и сѣверу, во Фландріи и мѣстностяхъ, которыя въ эпоху воцаренія Капетинговъ, составляли королевства: Лотарингское и Бургундское. Къ этому привели ее естественный ходъ событій и необходимость. Въ результатѣ получилось, послѣ образованія французской монархіи, неизбѣжное столкновеніе съ Германіей за обладаніе тѣми промежуточными территоріями, на которыя оба эти государства заявляли одинаковыя притязанія. Ожесточенныя войны ради ихъ завоеванія, безпощадныя войны ради ихъ сохраненія,—вотъ что заполняетъ исторію Европы, начиная съ XV вѣка. Эта борьба, сообразно съ духомъ времени, облекалась въ различныя формы. Различные мотивы приводились, чтобъ поддерживать притязанія; теоріи видимо мѣнялись вмѣстѣ съ системами публичнаго права; но мѣнялись одни средства, цѣль оставалась неизмѣнной. Это постоянство идеи, это упорство въ преслѣдованіи одной и той же цѣли, несмотря на всѣ перевороты въ воззрѣніяхъ и событіяхъ, объясняется только тѣмъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, которое порождаетъ и поддерживаетъ великія традиціи народовъ и государствъ. Въ этомъ-то и заключаются тѣ таинственныя соотношенія, которыя устанавливаются при возникновеніи націй и изъ которыхъ впослѣдствіи выдѣляются законы ихъ исторіи. Во Франціи они появляются съ самыхъ первыхъ лѣтъ ея существованія [2]).

Французская политика была обусловлена географическимъ положеніемъ страны: національный инстинктъ подсказалъ ее ранѣе, чѣмъ государственная польза. Она основывается на единственномъ фактѣ: на имперіи Карла Великаго. Исходною точкою великой тяжбы, наполняющей всю исторію Франціи, служитъ неразрѣшимый споръ за наслѣдство Карла Великаго. Короли находили въ ней поводъ для честолюбивыхъ стремленій, легисты—начало правовыхъ отношеній; въ ней заключается главный источникъ народной традиціи, которая принудитъ королей повышать свои притязанія, а легистовъ пріискивать для этихъ притязаній правовыя основы. Едва королевская власть выступила изъ мрака, историки и поэты стали напоминать королямъ объ исчезнувшемъ величіи ихъ предшественниковъ. Въ началѣ один-

[2]) Luchaire, *Institutions des premiers Capétiens*, 1884. *La question nationale*, *Hugues Capet et l'empire allemand*, t. II, p. 204.—*Robert et le duché de Bourgogne*, p. 212, *et les Lorrains*, p. 216.—*Henri I*, *l'Allemagne et la Lorraine*, p. 227,—*Louis le Gros et l'Allemagne*, p. 256.

надцатаго вѣка, Адалберонъ въ поэмѣ, посвященной королю Роберту, прославляетъ могущество королей Франціи, «первыхъ изъ сословія королей». «При нашихъ отцахъ, королевство французское подчинило себѣ королей другихъ государствъ» [3]). Всѣ королевства были подъ властью Франціи. Она обладала верховной властью; это подтверждаетъ хроникеръ того времени Глаберъ, говоря: «Короли Франціи, самые могущественные и сильные изъ христіанскихъ королей, отличались справедливостью... и имперія, подчинившись имъ, долго украшала ихъ тріумфъ» [4]). Съ теченіемъ времени, образъ великаго императора выростаетъ до колоссальныхъ размѣровъ. Отъ времени Филиппа-Августа до Наполеона онъ какъ бы паритъ надъ исторіей Франціи. Въ эпохѣ Карла Великаго надо искать начало политической традиціи, которая, какъ бы возвратомъ минувшаго, реализировала въ девятнадцатомъ вѣкѣ передъ пораженной Европой Западную Имперію, которая, благодаря средневѣковымъ поэтамъ, рисовалась въ народномъ воображеніи какъ дивная легенда:

Quand Dex eslut nonante et dix royaumes,
Tot le meillor torna en doce France.
Li muidre reis ot à nom Charlemaine:
Cil aleva volentiers doce France.
Dex ne fist terre qui envers lui n'appende:
Il ala prendre Bavière et Allemaigne
Et Normandie et Anjou et Bretaigne,
Et Lombardie et Navarre et Tosquane...
Rois qui de France porte corone d'or
Prendons doit etre et vaillant de son cors;
Et s'il est hom qui li face nul tort
Ne doit garir ne à plain, ne à bos
Deci qu'il l'ait ou recreant ou mort;
S'ainsi nel fet, dont pert France son los:
Ce dist l'estoire, coronez est à tort [5]).

---

[3]) Guisot, *Collection des mémoires, relatifs à l'histoire de France*, t. VI

[4]) *Chronique de Raoul Glaber*, liv. I, ch. IV. Guisot. *Id.*

[5]) *Couronnement Loys* cité par Gaston Paris, *Charlemagne*, p. 353.

«Когда Богъ раздѣлилъ землю на сто королевствъ, въ милую Францію Онъ помѣстилъ лучшее. Лучшій король назывался Карлъ Великій: послѣдній очень полюбилъ величіе милой Франціи. Богъ не создалъ земли, которая не принадлежала бы ему: онъ взялъ Баварію, и Германію, и Нормандію, и Анжу. и Бретань, и Ломбардію-Наварру, и Тоскану... Король, обладающій золотой короной Франціи, долженъ быть осторожнымъ и мужественнымъ, и если какой-нибудь человѣкъ ему повредитъ, онъ не долженъ избѣжать мщенія ни въ долинѣ, ни въ лѣсу; и король не смѣетъ останавливаться, пока не убьетъ его или онъ не попроситъ пощады; а если онъ поступитъ иначе, Франція утратитъ свою честь и исторія скажетъ, что его напрасно короновали».

Но время, когда эпосъ прославлялъ это минувшее величіе, было мрачнымъ временемъ для Франціи. Британецъ занималъ одну часть ея территоріи. Необходимо было изгнать его. Въ этомъ намѣреніи упрекаетъ французовъ нормандецъ Весъ въ своемъ *Le Roman de Rou* [6]):

Si li Franceis poeient lur pensez achever,
Ja li reis d'Engleterre n'avreit rien deça mer:
A hunte l'en fereient, s'il poeient, passer.

(И если бы французы могли довершить свое дѣло, король англійскій ничего не получилъ бы по ту сторону моря и стыдъ бы принялъ, если бы его переплылъ).

Эта первичная необходимость, о которой я говорилъ, не мѣшала Филиппу-Августу предаваться мечтамъ. Ему не было и двадцати лѣтъ, когда на вопросъ одного барона, который, видя его разсѣянность, спросилъ, о чемъ онъ думаетъ: «я думаю объ одномъ,—отвѣчалъ онъ,—даруетъ ли Богъ мнѣ или одному изъ моихъ наслѣдниковъ счастіе поднять Францію на ту высоту, на которой она стояла при Карлѣ Великомъ [7]). То, что у Филиппа Августа было грезами и безсильнымъ желаніемъ, превратилось, сто лѣтъ спустя, у Филиппа Красиваго въ намѣреніе и твердую волю. Для него увеличеніе королевства было цѣлью постоянной заботы. Историки рисуютъ его какъ государя, вѣчно преслѣдуемаго воспоминаніемъ о Карлѣ Великомъ, наслѣдникомъ котораго онъ себя считалъ; постоянно стремившагося расширять вліяніе Франціи въ Германіи, пріобрѣтать города и назначать пенсію прирейнскимъ принцамъ» [8]). Это царствованіе имѣетъ большое значеніе для исторіи Франціи, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Политика перестаетъ быть гадательной и бродить ощупью: она выступаетъ во всемъ своемъ реализмѣ, такой, какой она отнынѣ будетъ при всѣхъ честолюбивыхъ государяхъ, съ своею цѣлью — завоеваніемъ, съ своимъ средствомъ—прававою процедурой и съ своимъ орудіемъ—легистами. Такимъ образомъ, одновременно съ выясненіемъ великой цѣли королей, появляется поколѣніе людей, которые совмѣстно съ духовенствомъ, и даже усерднѣе послѣдняго, образуетъ школу, гдѣ вербуются посредники и крючкотворцы, составители плановъ и поставщики благовидныхъ предлоговъ. Они выступаютъ въ полномъ вооруженіи, готовые къ борьбѣ. Они выходятъ изъ своихъ провинціальныхъ преторій и внезапно появляются на великой политической сценѣ, гдѣ дѣлаютъ предложенія, служатъ посредниками, ведутъ переговоры, хорошо знаютъ Европу и ея государей, Францію и своего вал-

---

6) *Chronique ascendante*

7) Guisot, *Histoire de France*, t. I, p. 456.

8) *Histoire littéraire de la France*, t. XXVI. *Pierre du Bois, légiste*, par Renan. См. Boutaric. *La France sous Philippe le Bel.* Paris, 1861.

стелина. Эти люди—живое свидѣтельство традиціи, установившейся въ народѣ, иначе, т. е. безъ этой традиціи, ихъ существованіе было бы необъяснимо.

Таковъ, напримѣръ, главнѣйшій между ними и первый по старшинству, Пьеръ Дюбуа. Родившись въ Нормандіи, онъ изучалъ юриспруденцію въ Парижѣ, въ 1300 г. былъ королевскимъ адвокатомъ въ Кутансѣ. Тамъ онъ написалъ для короля Филиппа Красиваго свой трактатъ о сокращеніи войнъ и тяжбъ (*Traité de l'abrégement des guerres et des procès*). «Этотъ трудъ, говоритъ его ученый біографъ, свидѣтельствуетъ объ обширномъ знаніи политическихъ дѣлъ Европы и тайнъ французскаго дома [9]). Хорошо знакомый съ Дигестами, которые онъ постоянно цитируетъ, Дюбуа «особенно проникся народной поэзіей эпоса Карла Великаго, которому онъ приписывалъ великое историческое значеніе». Лучшимъ примѣромъ для королей онъ считаетъ Карла Великаго, который, по преданію, царствовалъ сто двадцать пять лѣтъ и «не имѣлъ себѣ равнаго» [10]). Легенда и Дигесты—вотъ два источника его воззрѣній. Легенда внушаетъ ему непомѣрно широкіе и химеричные замыслы; Дигесты снабжаютъ его доводами и формами, часто тонкими и благовидными, но всегда коварными и практичными. Господствующая идея Дюбуа—расширеніе королевской власти; онъ страстно преслѣдуетъ свою цѣль—высокое положеніе Франціи въ Европѣ. Когда прошелъ слухъ, что король пріобрѣлъ «доменъ Арля, земли, лежащія по сю сторону Рейна (*citra rivum coloniensem*) и Ломбардіи, отъ южнаго до сѣвернаго морей», Дюбуа поздравляетъ его [11]), но, не довольствуясь этимъ, мечтаетъ объ императорской коронѣ для своего властелина, которая «перешла отъ грековъ къ германцамъ, въ лицѣ Карла Великаго». Филиппъ, по мнѣнію Дюбуа, долженъ сдѣлать ее наслѣдственной. Князья избиратели имперіи получатъ, въ вознагражденіе за утрачиваемый ими санъ, земли и деньги, которыя можно взять изъ церковныхъ имуществъ Германіи [12]). Мы видимъ, что система секуляризацій, которая казалась столь удобной авторамъ Вестфальскихъ трактатовъ и которая такъ правилась дипломатамъ-юристамъ революціи—не новое изобрѣтеніе; способъ вознагражденія за завоеванія на счетъ Германіи такъ же старъ, какъ идея этихъ завоеваній.

Дюбуа не ограничивается этимъ. Вмѣстѣ съ короною Карла Великаго онъ желалъ бы передать королямъ Франціи власть надъ всѣмъ міромъ. Филиппъ долженъ повсюду, включая и Константинополь, посадить на престолы

---

[9]) Renan *Histoire littéraire de la France*, t. XXVI, а также *Mémoire de* M. N. de Wailly. *Mémoire de l'Académie des inscription*, t. XVIII.

[10]) *De recuperatione Terrae Sanctae* (*Histoire litt.*).

[11]) *Traité de l'Abrégement cité par* de Wailly.

[12]) *Pro jacto Terrae Sanctae* (*Histoire litt.*) id.

сыновей, братьевъ, племянниковъ и кузеновъ. Онъ сдѣлается общимъ сюзереномъ стараго и новаго свѣта. Папа будетъ въ зависимости отъ него и отдастъ ему Церковную Область, будетъ рѣшать въ его пользу сомнительные вопросы и отлучитъ отъ церкви ослушныхъ князей. Взамѣнъ король доставитъ ему богатые вклады и освободитъ Святую Землю отъ ига невѣрныхъ. Но для совершенія этого великаго предпріятія необходимо содѣйствіе Европы. Европа дастъ его только въ томъ случаѣ, если владѣтельные князья ея будутъ увѣрены, что ихъ не принудятъ вернуться съ Востока для отраженія пограничныхъ нападеній. И потому необходимо, чтобы вѣчный миръ царствовалъ между христіанскими государями. Единственное средство для этого — повелѣніе папы, которое король Франціи заставитъ уважать. Идеи вѣчнаго мира и крестовыхъ походовъ прикрываютъ этотъ обширный планъ порабощенія. Если королю удастся привести его въ исполненіе, то онъ удовольствуется тѣмъ, что посадитъ на престолъ Германіи одного изъ своихъ братьевъ, оставитъ для себя «всѣ земли по сю сторону Рейна и какъ свой непосредственный доменъ— Провансъ и Савойю подъ своею верховной властью» [13]).

Въ этихъ планахъ много химерическаго, но они представляютъ благовидную форму для тѣхъ идей, которыя волновали умы того времени. Эти идеи распространились повсюду—и самая спутанность свидѣтельствъ, указывающихъ на ихъ существованіе, доказываетъ на сколько онѣ былѣ повсемѣстны. Жители Валансьена требуютъ въ 1291 г. покровительства короля: они называютъ себя французами, ссылаются на свои титулы, указываютъ на хартіи и напоминаютъ Филиппу, что многіе изъ его предшественниковъ были императорами [14]). Но всего характеристичнѣе исторія мнимаго Вокулерскаго договора съ Альбертомъ австрійскимъ, будто бы подписаннаго Филиппомъ въ 1299 г. Гильомъ де Нанжи пишетъ» [15]): «говорятъ, что съ согласія короля Альберта, бароновъ и прелатовъ Германіи, рѣшено, что французское королевство, простиравшееся съ этой стороны только до Мааса, расширитъ свои предѣлы до Рейна». Другіе хроникеры также сообщаютъ объ этомъ фактѣ и хвалятъ за него короля [16]). Однако есть полное основаніе думать, что трактатъ этотъ подложенъ [17]); тѣмъ не менѣе онъ увеличилъ славу Филиппа Красиваго. Двѣсти лѣтъ спустя одинъ адвокатъ приводилъ его въ своей защитительной парламентской рѣчи [18]). Этотъ трактатъ былъ популяренъ, и слава его заключенія, приписываемаго Филиппу, подтвер-

[13]) *De recuperatione Terrae Sanctae* (*Hist. litt.* id., t. XVII, p. 737, notes).

[14]) Boutaric, p. 386.

[15]) *Chronique*, année 1299.

[16]) Girardus de Frachetto, *Historiens de France*, t. XXI, p. 17.

[17]) Boutaric, *loc cit.* См. Vuitry, *Etudes*, 2 série, t. I, p. 12, 25, 29. Paris, 1883.

[18]) Boutaric, *loc. cit.*

дила высокое понятіе подданыхъ объ его могуществѣ. Въ *Eloge de Paris* (похвала Парижу) 1323 г. написано [19]). «Монархическое управленіе всею вселенной принадлежитъ славнѣйшимъ и верховнѣйшимъ королямъ Франціи, по крайней мѣрѣ, въ силу того права, которое даетъ врожденное стремленіе ко всему лучшему (*ex nativae pronitatis ad melius jure*)».

Въ принципѣ это—благородное право, но на практикѣ оно поддается всякимъ толкованіямъ. Нѣтъ такого притязанія, котораго нельзя было бы оправдать, основываясь на подобномъ правѣ. Однако мы должны признать, что было много великодушнаго и наивнаго въ патріотическихъ увлеченіяхъ этихъ французовъ старыхъ временъ. Для нихъ счастіе всего міра связано съ величіемъ Франціи. Не только они сами не сомнѣваются въ этомъ, но, по ихъ мнѣнію, и никто другой не можетъ усомниться. Но чѣмъ справедливѣе кажется имъ цѣль, тѣмъ индифферентнѣе становятся они къ средствамъ. Въ ихъ глазахъ всѣ пріемы для достиженія этой великой цѣли законны, всѣ доводы справедливы. Они приводятъ всѣ тексты, какіе даетъ имъ смутная эрудиція эпохи, чтобъ оправдать мѣры, внушаемыя грубыми нравами вѣка. Къ услугамъ неразборчивой политики они предлагаютъ науку, не провѣренную критикой. Въ ихъ умѣ понятія король и государство сливаются въ одно; ради короля и государственной пользы, всякая хитрость позволительна, всякое насиліе законно; противорѣчія не останавливаютъ ихъ никогда. «Въ глазахъ Дюбуа, папа—итальянецъ и врагъ Франціи—безсиленъ, но папа французъ и креатура короля—всесиленъ» [20]). Такъ напримѣръ грозятъ чужеземцамъ тѣми самыми папскими буллами, на которыя сами не обращаютъ никакого вниманія, когда эти буллы касаются ихъ лично. То же самое относится къ принципамъ римскаго права. Знаменитое изреченіе *Si veut le Roi, si veut la loi* (если хочетъ король, хочетъ и законъ), резюмируетъ ихъ судопроизводство, политику и философію. Ловкіе агенты и опасные совѣтники, они очарованы королевской властью и стараются ослѣпить ею и самихъ властелиновъ. Послушайте, какъ Петръ Дюбуа говоритъ Филиппу Красивому [21]): «Вы обладаете неистощимымъ сокровищемъ: это сокровище—ваши солдаты, которыхъ хватитъ на всѣ могущія представиться въ будущемъ войны. Да, еслибъ ваше величество знали всѣ силы своего народа, то не колеблясь приступили бы къ широкимъ предпріятіямъ, на которыя я указалъ... конечно, руководствуясь справедливыми намѣреніями, т. е. желаніемъ общаго блага».

---

[19]) *Tractatus de laudibus Parisiis*, par Jean de Jandun. *Histoire générale de Paris. Paris et ses historiens au quatorzième et quinzième siècle*, par. M. Leroux de Lincy. Paris, 1867, p. 61.

[20]) *Histoire litt.* См. выше.

[21]) См. *Traité de l'Abrégement*, de Wailly.

Таковы системы и характеры въ ихъ оригинальной и первобытной формѣ. Остается прослѣдить рядъ идей въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Совѣтники Филиппа Красиваго—родоначальники этой странной и могущественной расы, людей кляузы и борьбы, вполнѣ оправдывающихъ странный титулъ, который они сами себѣ выбрали: *рыцари закона* (chevaliers ès loi). Мы можемъ прослѣдить черезъ всю исторію то средство, которое связываетъ членовъ этого племени. Лувуа былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ представителей этого семейства, имѣющаго въ числѣ своихъ предковъ Дюбуа и Ногаретовъ. Стоитъ вспомнить Петра Флотта, который сражался и умеръ «какъ рыцарь» въ битвѣ при Куртре [22]), чтобъ понять, въ силу какой удивительной преемственности два адвоката, Дантонъ и Мерленъ Тіонвилль, сдѣлались въ 1793 иниціаторами и дѣятельными агентами наступательной войны.

Легисты Филиппа Красиваго опередили свое время. Его слабымъ преемникамъ было не до того, чтобъ заявлять притязанія на чужія земли, а приходилось отстаивать свои права на французскій престолъ и вновь завоевывать у англичанъ свое собственное королевство. Эта великая борьба заняла собою пять царствованій и заполнила цѣлое столѣтіе; она сблизила народъ и королевскую власть и содѣйствовала усиленію ихъ взаимнаго довѣрія. Національное чувство окончательно опредѣляется и выясняется [23]): всѣ сословія королевства содѣйствуютъ его освобожденію, рѣшительный эпизодъ этой борьбы—исключительно народное дѣло. Вдохновенная дѣва, спасшая Францію, вышла изъ народа. Существовала Франція и эта Франція была такъ жизненна и такъ любима, что смиреннѣйшая изъ ея дщерей принесла себя въ жертву, чтобъ ее освободить. Патріотизмъ незамѣтно вырабатывался въ душахъ, патріотическая вѣра беретъ свое начало въ этой эпохѣ; Іоанна д'Аркъ была ея первымъ откровеніемъ.

II.

Вскорѣ послѣ окончанія войны за независимость, началась война за границы. Традиція такихъ войнъ не заглохла, ее поддерживали поэты. Одинъ изъ тѣхъ, которые, въ началѣ Столѣтней войны, возбуждали Филиппа Валуа противъ англичанъ, посвятилъ ему слѣдующее стихотвореніе [1]):

---

[22]) Michelet. *Histoire de France,* t. Ш, p. 49.

[23]) Оно формируется, родится, растетъ одновременно съ королевской властью. «Въ десятомъ вѣкѣ, въ первыхъ *пѣсняхъ героическаго эпоса* (Chansons de geste), говоритъ Ренанъ, всѣ жители Франціи—французы. Идея расовыхъ отличій въ средѣ французскаго населенія, столь очевидная у Григорія Турскаго, совсѣмъ не проявляется у писателей и французскихъ поэтовъ, писавшихъ послѣ Гуго Капета». *Qu'est-ce qu'une nation?* p. 7.

[1]) Jubinal. *Nouveau Rcueil de contes,* t. I, p. 73.

Fais leur tantost apercevoir
Que Gascoingne est de toy tenue
Et te fais seigneur droit clamer
De tout ce qui est deça mer;
Soit la mer borne et dessevrance
De l'Engleterre et de la France...
Flandre aussi deça soit vostre.

(Дай имъ почувствовать, что Гасконія должна принадлежать тебѣ и сдѣлаетъ тебя господиномъ всего, что находится по сю сторону моря; пусть море будетъ границей между Англіей и Франціей... Фландрія также должна быть твоей).

Не успѣло королевство освободиться отъ англичанъ, не успѣла Франція свободно вздохнуть, какъ честолюбцы начинаютъ убѣждать короля попытать счастія въ новыхъ походахъ. Вспомнили, что восточныя территоріи, Бургундія и Лотарингія, которыя какъ будто сами открываютъ объятія для французскаго завоеванія, нѣкогда зависѣли отъ короны и что было бы справедливо и законно потребовать ихъ обратно. Въ 1434 Гильбертъ де-Мецъ [2]), славя превосходство французскаго королевства, писалъ, «Я не говорю ничего о всѣхъ короляхъ Франціи и ихъ боковой линіи, члены которой были королями Австразіи, и главное мѣстопребываніе которыхъ былъ Мецъ въ Лотарингіи, носившей въ древнихъ хроникахъ наименованіе старой Фланціи». Онъ говоритъ о высокихъ подвигахъ Карла Великаго и, резюмируя его завоеванія, чертитъ программу тѣхъ, которыя предстоятъ его преемникамъ. «Люттихъ, Фландрія, Генегау, Брабантъ, Гёрль, Жюлльеръ, верхняя и нижняя Бургундія, Провансъ, Савойя, Лотарингія, Люксамбургъ, земли—Меца, Туля, Вердюна, Трира, Кёльна, Майнца и Страсбурга.

Вотъ болѣе яркое свидѣтельство. принадлежащее той же эпохѣ. Это *Le Débat des hérauts d'armes de France et d'Angleterre* (Споръ между герольдами Англіи и Франціи) [3]). Герольдъ старается доказать превосходство французской храбрости надъ англійскою. Какъ образецъ французскихъ воиновъ опять приводится Карлъ Великій: «Карлъ Великій, сынъ Пепина, который былъ благороднѣйшимъ королемъ и совершилъ столько храбрыхъ подвиговъ, особенно въ войнѣ съ сарацинами, который обратилъ всю Испанію въ католическую вѣру и завоевалъ столько земель, какъ въ Германіи, такъ и въ Ломбардіи... Да еще вышереченный Карлъ Великій былъ императоромъ, и вы сами, англичане, были ему покорны». Чудесныя

---

[2]) *La Description de la ville de Paris et de l'excellence du royaume de France. Paris et ses historiens*, p. 144, 146.

[3]) Написано между 1453 и 1461.

приключенія, эпическіе походы, завоеванія цѣлыхъ имперій—вотъ такъ называемыя *guerres de magnificence* (великолѣпныя войны или великія). Что касается до другихъ войнъ за границы—это *обыкновенныя* войны и, по мнѣнію герольда, о нихъ не стоитъ говорить.

Однако короли со своими совѣтниками находятъ, что стоитъ предпринимать и такія войны. Поэтамъ и авторамъ рыцарскихъ романовъ предоставляютъ они великія мечты и легендарные подвиги Карла Великаго. Они же отстаиваютъ ту часть наслѣдства, которая имъ доступна, и какъ только почувствуютъ, что руки развязаны, немедленно протягиваютъ ихъ въ этомъ направленіи. Король собралъ солдатъ, юристы подобрали тексты... Пора начать дипломатическія препирательства и военныя дѣйствія. Германія или, какъ тогда говорилось, Нѣмецкія земли представили случай и предлогъ къ войнѣ. Священная имперія страдала глубокимъ разъединеніемъ: князья боролись съ императоромъ; города—съ князьями. Союза съ Карломъ VII одновременно искалъ императоръ, противъ швейцарцевъ, и герцогъ Лотарингскій—противъ имперскихъ городовъ. Карлъ VII обѣщалъ помощь и поддержку тѣмъ и другимъ. Граница, отдѣлявшая Священную имперію отъ лотарингскихъ монархій, была крайне неустойчива и неопредѣленна, имперскіе города, такъ сказать, висѣли между Германіей и Франціей. Въ этихъ областяхъ не было ни одного князя, ни одного феодала, который не былъ бы вассаломъ короля и императора въ одно и то же время. Дѣло шло о томъ, чтобы проникнуть въ эти спорныя земли, завести тамъ тяжбу и запастись залогами. «При дворѣ говорили, повѣствуетъ Эней Сильвій [4]), что надо воспользоваться обстоятельствами, чтобъ вернуть старыя права французской короны на всѣ земли, лежащія по сю сторону Рейна». Такъ и поступили. Въ 1444 году, Дофинъ, впослѣдствіи Людовикъ XI, пошелъ въ Швейцарію, разбилъ союзниковъ, заключилъ съ ними миръ, вступилъ въ Эльзасъ и объявилъ, что онъ явился «вытребовать права Галльскаго королевства, простиравшагося до Рейна» [5]). Между тѣмъ Карлъ VII во главѣ другой арміи, вступилъ въ Лотарингію и пригласилъ города, лежащіе между Маасомъ и Вогезами, признать его авторитетъ. «Даемъ знать всѣмъ настоящимъ и будущимъ поколѣніямъ,—объявилъ онъ 11 сентября 1444,—что мы пришли въ мархіи Барруа, Лотарингіи и въ нѣмецкія земли ради важныхъ дѣлъ, касающихся насъ и нашей королевской власти, а равномѣрно для того, чтобъ помѣшать дальнѣйшей узурпаціи правъ нашего королевства и французской короны въ земляхъ и городахъ, и вотчинахъ, по сю сторону

---

[4]) Henri Martin, t. VI, p. 413.

[5]) *Jacobi Wimpfelingii Germania ad rempublicam Argentinensem.—Thomae Murneri ad rempublicam Argentinam Germania nova.* Strasbourg, 1874.

Рейна, издревле привыкшихъ принадлежать нашимъ предшественникамъ королямъ Франціи» [6]).

Туль и Вердюнъ признали его своимъ покровителемъ. Мецъ сопротивлялся, ссылаясь на свои привилегіи. Королевскіе легисты конечно приготовились ихъ оспаривать. «Вышереченный король Франціи и его совѣтники, разсказываетъ одинъ хроникеръ [7]),—думали, что война эта справедлива, и говорили, что такой-то и такой городъ издавна признавалъ и долженъ признавать верховную власть французскаго короля».

Президентъ парламента, Жанъ Работо, далъ знать Мецу, что онъ въ состояніи доказать этотъ фактъ «хартіями, хрониками и исторіей». Города промежуточнаго пояса, обращаясь по очереди къ королю за поддержкой противъ императора и къ императору противъ короля, на самомъ дѣлѣ только старались сдѣлаться независимыми отъ того и другого, на подобіе швейцарскихъ лигъ и кантоновъ. Жанъ Работо говоритъ; что «королю хорошо извѣстно, что они—мастера прибѣгать къ хитростямъ и уловкамъ и что когда нѣмецкій императоръ пришелъ съ большой силой, чтобъ принудить ихъ повиноваться ему, то для своей защиты они признавали себя зависимыми отъ французскаго королевства; подобно тому, какъ въ прежнее время, когда короли, предшественники нынѣшняго короля Франціи,—требовали ихъ повиновенія, они утверждали, что принадлежатъ къ имперіи и называли себя подданными императора» [8]). Однако жители Меца не убѣдились такими доводами; нѣмцы выразили протестъ, и король отступилъ, но тяжба началась и надолго оставалась открытой. Вопросъ о бургундскомъ, наслѣдствѣ, поднятый въ слѣдующее царствованіе, снова выдвинулъ эту тяжбу на сцену. Король не могъ, не нарушая интересовъ Франціи, покинуть французскія провинціи, составлявшія часть этого наслѣдства; естественно, что ему было желательно присоединить къ нимъ и территоріи, входившія въ это наслѣдство, но не находившіяся подъ верховной властью Франціи. Получивши вѣсть о смерти герцога, Людовикъ XI собралъ войска, призвалъ побочнаго Бурбона и Филиппа Комминскаго, «вручилъ имъ необходимыя полномочія, чтобъ привести къ повиновенію всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ этого». Къ этому заявленію онъ присоединилъ войско, достаточно сильное, чтобъ принудить тѣхъ, которые не захотятъ. Онъ вторгался всюду, ссылаясь къ каждой мѣстности на особое право», отличное отъ другихъ. Такъ, въ Аббевилѣ онъ объявилъ, что эти земли, отданныя Карломъ VII въ 1435 г., «должны быть возвращены Франціи за неимѣніемъ наслѣдника мужескаго пола»; въ Аррасѣ, что «ко-

---

[6]) *Ordonnances des rois*, t. XIII, p. 408.

[7]) Mathieu de Coussy, ch. III.

[8]) Тамъ же.

роль считаетъ этотъ городъ своимъ въ силу конфискаціи». Страна подверглась той же участи, какъ и городъ. Въ Бургундіи онъ ссылался на почетную охрану [9]). Генегау и имперскія земли Людовикъ занялъ въ видѣ предварительнаго залога, съ тѣмъ чтобъ возвратить ихъ, если потребуется. Во Фландріи онъ аппелировалъ къ національному чувству и привелъ аргументъ, которому суждено играть впослѣдствіи такую большую роль; ссылаясь на свои права, онъ прибавилъ. «Будь у моей кузины умные совѣтники, она бы вышла за Дофина. Вы, валлоны, говорите по-французски и вамъ надо французскаго принца а не нѣмца [10]).

Наслѣдница Бургундіи вышла замужъ за Максимиліана австрійскаго. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого брака было соперничество французскаго и австрійскаго домовъ. Интересы Франціи требовали этой борьбы, національный инстинктъ настойчиво подсказывалъ ее, и неудивительно, что короли, слѣдовавшіе этой политикѣ, были популярны: она исходила изъ самой глубины традиціи. Одинъ историкъ семнадцатаго вѣка говоритъ [11]), что этотъ бракъ «породилъ войну, которая тянется болѣе двухсотъ лѣтъ и повидимому будетъ тянуться еще гораздо дольше. Истощеніе сражающихся сторонъ прерывало ее иногда, но, подобно перемежающейся лихорадкѣ, она снова и снова возобновлялась. Потоки крови и безконечное множество пожаровъ, грабежей и бѣдствій—вотъ результаты этого брака. Франція и австрійскій домъ втянули въ свою ссору почти всѣхъ христіанскихъ государей. И пока остается хоть вершокъ земли, который можно пріобрѣсть, онъ будетъ неминуемымъ поводомъ для новыхъ войнъ». Война, разразившаяся въ 1792 г. и начавшая собою грозную борьбу между французской революціей и Европой, имѣла если не причиной, то предлогомъ столкновеніе изъ-за верховной власти надъ прилегающими средними территоріями. Она была лишь однимъ изъ эпизодовъ долгаго вооруженнаго процесса, который, начиная съ четырнадцатаго вѣка, вели между собою дома австрійскій и французскій. Это столкновеніе обусловливалось территоріальнымъ положеніемъ Франціи; событія очень быстро сдѣлали его необходимымъ условіемъ существованія французскаго государства. Филиппъ Красивый, сынъ Максимиліана и Маріи Бургундской, женился въ 1496 г. на Іоаннѣ Безумной, наслѣдницѣ испанской короны, а сынъ ихъ Карлъ, наслѣдовавъ престолъ отца, соединилъ въ своихъ рукахъ Испанію, Неаполь, Сицилію, Нидерланды, Франшъ Конте, Индію и присоединилъ еще императорскую корону. Съ той поры Франція, стѣсненная испанцами и австрійцами, встрѣчала ихъ повсюду на своемъ пути [12]).

[9]) Commines. liv. V, ch. X, XI.
[10]) Guisot, *Histoire de France*, t. 2, p. 432.
[11]) Bayle, *Dictionnaire Historique*, article *Louis XI*, note.
[12]) *Le recueil des instructions*, t. I. Autriche. Introduction.

Прежде чѣмъ потребовать своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ, Франція подвергла ихъ обсужденію. Королевскіе совѣтники справились съ документами. Начинается громадная подготовительная работа, слѣдствія и судопроизводства; даются принципы и устанавливаются прецеденты. Расширивъ нѣкогда королевскій доменъ съ помощью обвиненій въ преступленіяхъ противъ короля, рѣшили прибѣгнуть къ этому же средству въ настоящемъ случаѣ. Запутанность феодальныхъ отношеній служила вѣчнымъ предлогомъ для политическихъ тяжбъ. Внимательно изучаемое римское право доставляетъ неистощимый запасъ аргументовъ и правилъ, и изъ этихъ правилъ и обычаевъ создаются разныя комбинаціи. Главенство короля подкрѣпляется традиціями римскаго цесаризма. Доменъ провозглашается нераздѣльнымъ, неприкосновеннымъ и неотъемлемымъ [13]). Рѣшено, что король не можетъ уступить ни одного изъ своихъ правъ, и въ то же время оказывается, что повсюду они нарушены и онъ обязанъ возвратить ихъ себѣ.

Возрожденіе классицизма было могучей поддержкой королевскаго дѣла. Книгопечатаніе распространило знакомство съ произведеніями писателей, которые признавались не только образцами, но и авторитетами. Не довольствуясь постояннымъ указаніемъ на Карла Великаго и на легенду о немъ, предполагали создать болѣе солидные и глубокіе устои для исторіи и политики. Восходя къ началу великой имперіи, законники расчитывали найти въ самомъ ея возникновеніи права на наслѣдство великаго императора. Наконецъ, восходя до Галліи, припомнили, что Цезарь, свидѣтель происхожденія націи, обозначилъ границы Галліи Пиренеями, Альпами и Рейномъ. Это неоспоримый фактъ, изъ котораго прямой выводъ—неотъемлемое право. *Комментаріи Цезаря*, предметъ восхищенія ученыхъ, сдѣлались настольной книгой политиковъ [14]). Короли и ихъ легисты заимствовали у римлянъ границы Галліи, точно также, какъ заимствовали у нихъ принципъ публичнаго права. У римлянъ же вмѣстѣ съ формой, въ какую должна отлиться монархія, они находятъ и рамку, въ которую она должна уложиться. Они крѣпко держались за нее тѣмъ болѣе, что она проста, обширна, обрисована симой природой, ходомъ исторіи и открываетъ столь широкое поле для національнаго честолюбія, лучше котораго нельзя и вообразить. Сочиненія Страбона переводятся на латинскій языкъ [15]) и всякій просвѣщенный фран-

---

[13]) Окончательный указъ о неотъемлемости домена вышелъ въ 1566, но легисты постоянно старались выдвигать этотъ принципъ. Vuitry, *Etudes*, 1 partie, p. 226.

[14]) *Coesar. Opera*, 1469, *De Bello Gallico*, 1471.—Его приводятъ Вимпелингъ и Мюрнеръ.

[15]) Venetiis, 1516; Базель, 1571; Женева, 1587.

цузъ можетъ прочесть тѣ страницы, изъ которыхъ будутъ извлечены историческіе прецеденты, государственные принципы и система политической философіи. Галлія ограничена Пиренеями, Альпами и Рейномъ; это—«природныя границы», географія не знаетъ другихъ. «Что касается до границъ, поставленныхъ государями въ различныя эпохи и подъ различными политическими мотивами, онѣ такъ же измѣнчивы, «какъ эти мотивы». Даже въ расположеніи рѣкъ и горъ Галліи видна рука Провидѣнія. Въ этой странѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія удобство сообщенія между различными кантонами, благодаря рѣкамъ, которыя ихъ орошаютъ, и двумъ морямъ, въ которыя послѣднія изливаются... Этого счастливаго расположенія мѣстностей, которое кажется работою разумнаго существа, а не простой случайностью, было бы достаточно, чтобъ доказать участіе Провидѣнія» [16]).

Такимъ образомъ выходитъ, что само божество начертало королевскія права въ природѣ, подобно тому, какъ человѣческая рука вписала ихъ въ исторію, трактаты и хартіи. Но, несмотря на свою многочисленность, они очень запутаны. Въ политическихъ процессахъ ежеминутно обнаруживаются затрудненія и противорѣчія, которыя удивляютъ и смущаютъ. Необходимо изобрѣсти высшее правило, съ помощью котораго можно объяснить сомнительные случаи, примѣнять къ спорамъ принципы римскаго права и смущать противниковъ. Это и есть тотъ высшій законъ, который преобладаетъ уже въ общественномъ правѣ: государственная польза; она руководитъ совѣстью королей, управляетъ политикой дипломатовъ и вдохновляетъ легистовъ. Это главное и послѣднее слово во всѣхъ преніяхъ, во всѣхъ рѣшеніяхъ, основаніе всѣхъ намѣреній, оправданіе всѣхъ предпріятій, верховный и безапелляціонный законъ: *salus populi suprema lex esto.*

Такой же яростной логикой и неумѣренной эрудиціей отличались легисты и публицисты Германіи въ своихъ требованіяхъ и спорахъ. Они ссылались на тѣ же тексты и выдвигали тѣ же авторитеты. Это была война цитатъ и силлогизмовъ, въ которой тонкости Дигестовъ соединялись съ тонкостями схоластики. Географія и астрономія, исторія и легенда, комментаріи Цезаря и эпосъ Карла Великаго, кодексъ Феодосія Великаго и законы варваровъ, прецеденты изъ римской имперіи и средневѣковыя хартіи—все годились, всѣ аргументы казались хорошими; худшіе изъ нихъ служили для того, чтобъ подавить численностью приводимыхъ доказательствъ. Рабле оставилъ намъ пародіи на эти варварскія полемики. Въ сущности, животрепещущій вопросъ, возбуждавшій полемику, былъ не изъ тѣхъ, которые разрѣшаются съ помощью текстовъ и правилъ. Шаткость и ничтожность доводовъ, приводимыхъ съ той и другой стороны, прямо

[16]) Strabon, traduction Letronne, liv. IV.—См. Lavallée, *Les frontières de la France*, ch. I.

указываютъ на то, что завязавшійся споръ не содержитъ въ себѣ правовыхъ или юридическихъ вопросовъ.

Эти тягостные споры выражались всегда въ формѣ столкновеній. Собственно говоря, они были результатомъ той борьбы, которая составляетъ сущность всякой исторіи. Ни римское, ни феодальное право не могли разрѣшить вопроса о границахъ. Границы отмѣчаются тѣми пунктами, гдѣ останавливаются націи, т. е. гдѣ кончаются аналогичныя традиціи, тождественныя стремленія, общность цивилизаціи. Великая задача, развивавшаяся при усложненіяхъ и неясности политической процедуры, заключалась именно въ томъ, чтобы узнать, съ которымъ изъ двухъ государствъ и двухъ народовъ, оспаривающихъ эти промежуточныя территоріи, расположено слиться и образовать одну націю и одно государство населеніе этихъ территорій.

Пока эти идеи вырабатывались для будущаго, въ настоящемъ политика королей уклонилась отъ правильнаго пути и ступила на опасную дорогу. Карлъ VIII соблазнился примѣромъ легендарныхъ преданій и покинулъ имперію, чтобъ слѣдовать за тѣнью императора въ Италію. «Я помогу вамъ сдѣлаться болѣе великимъ, чѣмъ Карлъ Великій», говорилъ ему Людовикъ Мавръ [17]). Карлъ VIII отправился завоевывать Неаполь и Константинополь. Этотъ походъ заслуживаетъ упоминанія только потому, что представляетъ одно изъ самыхъ опасныхъ уклоненій французской политики. Кромѣ того, этотъ рыцарскій романъ повторится въ войнахъ восемнадцатаго столѣтія. Мы увидимъ, что въ самый разгаръ борьбы вооруженной революціи съ Европой, демократическая республика будетъ, подобно Валуа, дѣйствовать противъ австрійскаго дома въ Италіи; увидимъ, какъ Бонапартъ доведетъ до конца великій замыселъ Карла VIII; встревоженный папа обратится въ бѣгство. Неаполь попадетъ въ руки французовъ, Шампіонне напомнитъ подвиги сына Людовика XI и наконецъ все предпріятіе обратится очень быстро противъ побѣдителей, которымъ, благодаря врожденному непостоянству, завоеванія наскучили скорѣе, чѣмъ итальянцамъ ихъ владычество. Итальянскія экспедиціи вполнѣ подходили подъ понятіе о *guerre de magnificence* или великихъ войнъ; онѣ были въ то же время и крайне бѣдственными. Совѣтники короля понимаютъ это. «Величіе и покой королевства зависятъ отъ обладанія Нидерландами», говорилъ Кревкеръ Карлу VIII [18]). Полезнѣе было-бы стремиться къ сѣверу и востоку. «Для французовъ было-бы выгоднѣе направляться въ эту сторону, а не къ Италіи» писалъ столѣтіемъ спустя авторъ *Mémoires de Gaspard de Saulx*. Это, если хотите, «обыденныя войны», но это—истинно королевскія войны. Суро-

[17]) Commines, liv. VII, ch. VI.

[18]) Guisot, *Histoire de France*, t. II, p. 475.

вый опытъ подтвердилъ это, и самое уклоненіе въ сторону французской политики только содѣйствуетъ укрѣпленію національной традиціи. Генрихъ II нашелъ ее болѣе твердой, чѣмъ когда-либо, вернулся къ ней, и она на долго воцарились во Франціи.

III.

Австрійскій домъ владѣлъ частью Европы, Карлъ V стремился къ всемірной монархіи. Онъ не только задерживалъ Францію въ ея движеніи, но сжималъ ее со всѣхъ сторонъ и надѣялся уничтожить. Франція искала себѣ повсюду союзниковъ и, наконецъ, нашла ихъ въ лицѣ турокъ, бывшихъ тогда во всемъ блескѣ своего могущества и во всей силѣ своего натиска на христіанскую Европу. Они завладѣли Венгріей, въ 1529 году осаждали Вѣну и угрожали ей еще разъ въ 1532. Въ Германіи князья, принявшіе реформацію, защищали отъ Карла V свою религіозную и политическую независимость. Франція пришла имъ на помощь. Она нашла въ нихъ очень дѣятельныхъ союзниковъ, но на извѣстныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ. Франція вмѣшалась въ германскія дѣла, чтобъ обезпечить князьямъ ихъ вольности; князья поддерживали Францію въ ея борьбѣ съ Австрійскимъ домомъ, въ видахъ обезпеченія этихъ самыхъ вольностей. Франція не могла поддерживать и въ то же время порабощать Германію; она должна была отказаться отъ завоеваній, которыя приносятъ ущербъ ея союзникамъ. Изъ этого слѣдовало, что Франція могла ждать отъ своихъ союзниковъ только «вознагражденія и удовлетворенія», преимущественно въ видѣ уступки промежуточныхъ территорій. Если Франція заявляла притязанія на бо́льшее и казалась слишкомъ опасной, то нѣмецкіе союзники обращались противъ нея и присоединялись къ австрійцамъ, чтобы выгнать ее изъ Германіи. Такая перемѣна отношеній, принимавшая часто форму измѣны, наблюдается съ самаго начала въ сношеніяхъ между Франціей и германскими князьями.

Въ 1552 г. многіе изъ этихъ князей, «оскорбленные гнетомъ императора, обратились за помощью»,—говоритъ одинъ современникъ [1]). Они сообщили Генриху II, что Карлъ V хотѣлъ занять Мецъ, Туль, Вердюнъ, Страсбургъ и другіе города на Рейнѣ. «Это будетъ конечной гибелью имперіи» [2]), говорили они и умоляли Генриха II отвратить опасность. На совѣтѣ, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, маршалъ Вьельвилль сказалъ: «Итакъ, овладѣвайте понемногу,—благо представляется случай,—вышеназванными городами, что составитъ сорокъ лье земли, которую мы пріобрѣтемъ, не

[1]) Brantôme, *Le Grand Roy Henry II.*

[2]) Vincent Carloix, *Mémoires sur la vie du maréchal de Vieilleville*, liv. IV ch. VIII.

теряя ни одного человѣка и не утративъ ни одной крѣпости въ Шампани и въ Пикардіи; кромѣ того, мы откроемъ себѣ прекрасный путь въ герцогство Люксамбургъ и страны, лежащія ниже, до самаго Брюсселя. Мало того, это дастъ возможность овладѣть современемъ прекрасными и большими городами, оторванными отъ вашей короны, и завладѣть верховною властью во Фландріи, которую у васъ измѣннически похитили и которая принадлежала королямъ Франціи болѣе тысячи лѣтъ, съ незапамятно древнихъ временъ». Нѣсколько лѣтъ спустя, Вьельвиль возставалъ противъ одной мѣры, выгодной для него лично, но которую онъ считалъ вредной для этой великой цѣли; онъ отказывался отъ блестящаго поста, говоря: «предпочитаю лучше умереть, чѣмъ заслужить упрекъ себѣ и своему потомству, что ради честолюбія я лишилъ французскую корону обширныхъ территорій, включающихъ въ себѣ королевство Австразію, составляющую первую державу нашихъ древнихъ королей» [3]).

Такимъ образомъ, завоеванія, дѣлаемыя ради безопасности государства, становятся какъ бы возвращеніемъ правъ, отнятыхъ у того же государства. Умы этихъ воиновъ полны классическихъ воспоминаній. Въ древности находятъ они и примѣры для подражанія, и документы для оправданія своихъ поступковъ. Рабютенъ озаглавливаетъ свой разсказъ объ экспедиціи: *Коментаріи послѣднихъ войнъ въ Галліи Бельгійской* и посвящаетъ свою книгу принцу Клевскому: «Вспомните,—пишетъ онъ ему, говоря объ ихъ походѣ,—какія хвалы воздавали вы Юлію Цесарю». Война популярна; Рабютенъ восхваляетъ «великое усердіе къ королю», Винцентъ Карлуа рисуетъ намъ молодежь, покидающую родную семью, чтобы поступить на военную службу; лавки закрыты за неимѣніемъ ремесленниковъ, «такъ страстно желаютъ люди всякаго званія совершить это путешествіе и увидѣть Рейнъ». Но всѣ эти картины ничто передъ той, какую нарисовалъ Рабле въ своемъ прологѣ къ *Пантагрюэлю*: «Ставя выше всего благороднѣйшее французское королевство... каждый долженъ немедленно приняться за работу: одни будутъ укрѣплять свое отечество и защищать его; другіе—отражать непріятеля и побивать его; вся эта политика такъ прекрасна, распоряженія такъ чудесны и такъ очевидно выгодны для будущаго (потому что отнынѣ Франція получитъ великолѣпныя границы и французы будутъ наслаждаться покоемъ), что немногаго недостаетъ, чтобы я сталъ раздѣлять мнѣніе добраго Гераклита, утверждавшаго, что война—мать всѣхъ благъ, и думать, что война называется по-латыни *belle* [4]) просто потому, что въ войнѣ проявляется всякаго рода красота и доброта...» Король взялъ Мецъ, Туль и Вердюнъ. Это былъ боль-

[3]) Vincent Carloix ch. XIV.

[4]) Игра словъ: *belle*—по-фр. значитъ прекрасная.

шой шагъ впередъ, но этого было мало для честолюбцевъ. Жанъ де-Сотованнъ въ запискахъ о жизни своего отца, написанныхъ пятьдесятъ лѣтъ спустя, упрекаетъ короля за то, что тотъ не завладѣлъ Эльзасомъ и Лотарингіей [5]). «Это было бы возстановленіемъ королевства Австразіи, присоединеннаго къ Франціи. У короля не хватило умѣнья, коннстаблю же, который желалъ бы этого, сталъ бы препятствовать Гизъ, уже подрывавшій въ ту пору королевскую къ нему милость». Впрочемъ нѣмцы не дали времени на исполненіе подобнаго плана. Они примирились съ императоромъ, когда увидѣли французовъ въ Страсбургѣ, и послѣднимъ пришлось остановиться, изъ опасенія дать поводъ къ образованію враждебной для себя лиги [6]).

То, чего не совершилъ отецъ, Колиньи убѣждалъ исполнить сына. Завоеваніе Фландріи было господствующей идеей и основою его политики, направленной противъ австрійскаго дома. «Кто препятствуетъ испанской войнѣ,—говорилъ онъ,—у того красный крестъ въ животѣ» [7]). Колиньи увѣрялъ Карла IX, что жители сами подчинятся изъ ненависти къ испанцу. «Безъ большихъ затратъ они его сдѣлаютъ властелиномъ всѣхъ Нидерландовъ, которыя нѣкогда принадлежали французской державѣ и несправедливо отняты у предшественниковъ короля; вполнѣ справедливо возстановить съ помощью оружія то, что было утрачено оружіемъ» [8]), говорилъ онъ. Брантомъ разсказываетъ, что за нѣсколько дней до смерти, возвращаясь къ вопросу о Фландріи, составлявшемъ предметъ его постоянныхъ думъ, Колиньи сказалъ: «Слава Богу, все идетъ хорошо: скоро мы изгонимъ испанца изъ Нидерландовъ и сдѣлаемъ нашего короля властелиномъ или умремъ всѣ; я первый не буду жалѣть о своей жизни, если утрачу ее ради такого хорошаго дѣла». Фанатики не дозволили этого. Варфоломеевская ночь замѣнила экспедицію во Фландрію, и самъ адмиралъ палъ жертвою рѣзни. «Эта смерть была несчастіемъ для Франціи,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Брантомъ,—онъ завоевалъ и присоединилъ бы къ королевству страну, равную ему по объему» [9]).

Отнынѣ цѣль честолюбивыхъ стремленій вполнѣ опредѣлена. При Ген-

---

[5]) *Mémoires de Gaspard de Saulx*, année 1552.

[6]) «Видя, какъ они вооружены противъ сыновей Генриха II,—пишетъ Брантомъ,—вы сказали бы, что эта нація никогда не видѣла ничего хорошаго отъ Франціи, такъ охотно эти добрые нѣмцы грабятъ и разоряютъ ее, а между тѣмъ прежде, когда просили помощи у короля Генриха, то главнымъ поводомъ представляли, что они братья, а поэтому должны помогать и поддерживать другъ друга. Хороши братья!» *Le grand Roy Henri II.*

[7]) *Mémoires de Gaspard de Saulx*, 1552.

[8]) Pierre Matthieu, *Histoire de France*, t. I, p. 338. Paris, 1631.

[9]) Brantôme, *M. l'amiral de Chastillon.*

рихѣ IV королевская власть достигла полнаго развитія своихъ силъ и значенія. Національная традиція укрѣпилась, опредѣлилась, упростилась; она освободилась отъ легенды и несбыточныхъ мечтаній. Наступило царство политиковъ. Роль легистовъ становится возвышеннѣй, по мѣрѣ того какъ ихъ умъ сбрасываетъ съ себя грубость и жестокость первыхъ временъ. Знанія становятся болѣе ясными, мысль очищается; также горячо чувствуя величіе своей страны, они проникнуты бо́льшимъ, чѣмъ прежде, уваженіемъ къ ея достоинству; справедливо взвѣшивая ея обязанности, они тѣмъ сильнѣе убѣждены въ ея правахъ. Они дали Франціи перваго изъ ея великихъ историковъ и перваго изъ великихъ дипломатовъ: Этьена Паскье и президента Жанена. Нельзя сказать, чтобъ легисты не знали легенды и были равнодушны къ обаянію воспоминаній. Паскье доказалъ это въ своемъ сочиненіи: *Les Recherches de la France*; Бонгаръ, которому Генрихъ IV поручалъ столько важныхъ дѣлъ, былъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Пьера Дюбуа [10]) и самъ прославляетъ великія королевскія предпріятія въ своей *Gesta Dei per Francos*. Но всѣ сознаютъ, что существуетъ необходимый предѣлъ честолюбію—правильно-понятая выгода и что надо завоевывать только то. что можно сохранить, что излишнія завоеванія истощаютъ силы государства, создавая ему соперниковъ. Отнынѣ установится извѣстная степень могущества, которой можно достичь, не подвергаясь опасности имѣть противъ себя грозную коалицію. Франція не должна навлекать на себя такой же непріязни, какою сама преслѣдуетъ австрійскій домъ.

Сюлли полонъ опасеній за будущее; онъ постоянно возвращается къ нимъ въ своихъ письмахъ и въ бесѣдахъ съ Генрихомъ IV. На этомъ основана вся политическая наука въ его *Œconomies royales* [11]). «Всякій король Франціи, кто бы онъ ни былъ, долженъ думать и заботиться о томъ, чтобъ пріобрѣтать вѣрныхъ друзей, союзниковъ, связанныхъ общими интересами, самыми надежными изъ всѣхъ, а не составлять планы, исполненіе которыхъ превосходитъ собственныя силы, навлекаетъ на себя непримиримую ненависть и заставляетъ нападать другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ». Этьенъ Паскье, расхваливая Генриха II за его побѣды въ Лотарингіи [12]), считаетъ однако необходимымъ прежде всего соразмѣрять свои замыслы съ силами и интересами государства. Въ *Pourparler du prince* онъ заставляетъ говорить своего философа: «Я знаю, ты мнѣ скажешь, что расширяешь границы; но увы! несчастный, развѣ ты не знаешь, что для того, чтобъ поставить хорошія границы своему государству, ты долженъ прежде всего ограничить свои желанія и надежды».

---

[10]) *Histoire littéraire*, t. XXVII, p. 738.

[11]) T. IX, ed. Petitot, p. 33.

[12]) *Lettres*, liv. I, lettre XI.

Гдѣ эти границы? Сюлли не отрицаетъ, что при Карлѣ Великомъ Франція возстановила въ Европѣ «западную монархію», что при короляхъ третьяго колѣна «она вернулась въ тѣ узкіе предѣлы, въ которыхъ находится» [13]); онъ подтверждаетъ мнѣніе, что сама природа начертила нѣкоторыя границы, какъ напр. Пиренеи [14]). Онъ сознаетъ, что «единственное средство вернуть Франціи прежній блескъ и поднять ее надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ [15])—это возвратить то, что ей нѣкогда принадлежало и что можно назвать надлежащими границами, а именно: Савойю, Франшъ-Конте Лотарингію, Артуа, Геннегау, Нидерланды, считая въ томъ числѣ Клевъ и Жюльеръ [16]), но есть ли возможность удержаться въ нихъ, не вызывая ожесточеннаго соперничества и разорительныхъ войнъ, а главное, не возбуждая въ династіи честолюбія, болѣе опаснаго для Франціи, чѣмъ вся ненависть чужестранцевъ? «Примите во вниманіе,—писалъ онъ королю [17]),—мысли государей менѣе мудрыхъ, умѣренныхъ и скромныхъ чѣмъ вы, какими могутъ оказаться ваши преемники... могутъ ли они удержаться въ этихъ границахъ, и обширность послѣднихъ не породитъ ли въ нихъ честолюбивыхъ желаній и ненасытной жадности къ увеличенію французскаго преобладанія, для того чтобъ современемъ назвать Францію западной монархіей». Сюлли, въ ту минуту, какъ онъ писалъ эти строки, какъ бы предугадывалъ Людовика XIV и Наполеона.

Онъ боялся этого излишка могущества. По его мнѣнію, Франція довлѣла самой себѣ и была настолько сильна, чтобъ не опасаться другихъ государствъ и внушать опасенія всѣмъ. Но умѣряя страсть къ пріобрѣтенію, Сюлли не отказывался отъ любви къ господству. Онъ былъ слишкомъ влюбленъ въ величіе своей страны, слишкомъ привязанъ къ славѣ своего короля, слишкомъ проникнутъ старыми національными преданіями, чтобъ желать ограниченія міровой роли Франціи. Напротивъ, онъ надѣялся расширить и поднять ее на такую высоту, съ которой Франція могла бы господствовать надъ христіанскимъ обществомъ и цивилизованнымъ міромъ. Отсюда возникла та странная и обширная комбинація, которую неправильно называютъ великими замыслами Генриха IV и которую было бы справедливѣе назвать великими замыслами Сюлли. Низвергнуть австрійскій домъ и ограничить его власть однимъ испанскимъ полуостровомъ, раздѣлить Европу на нѣсколько владѣній, которыя бы сдерживали другъ друга, основать изъ нихъ республику христіанскихъ государствъ, президентомъ которой былъ бы папа, а правительствомъ—Франція; ослабить соперниковъ Франціи, укрѣпить ея кліентовъ, опоясать нейтральными державами, кото-

---

[13]) *Oeconomies*, t. VIII, ch. XI, p. 183.—[14]) Id. t. IX, p. 471.—[15]) Id. t. VII, ch. X.—[16]) Id. t. VIII, ch. XII, p. 258, t. IX, ch. 11, p. 28.

[17]) Id. t. IX. ch. II, p. 28.

рыя *de jure* находились бы подъ ея протекторатомъ, а *de facto* были бы ея вассалами; служили бы ей и оплотомъ и средствомъ распространенія ея вліянія, затѣмъ, когда водворится миръ между христіанами, выгнать татаръ и турокъ изъ Европы и возстановить константинопольскую монархію; вотъ въ главныхъ чертахъ знаменитый планъ Сюлли. Въ сущности, это конституціонная европейская монархія, присвоенная Франціи, и хотя она замаскирована ученой и сложной конституціей, тѣмъ не менѣе, это есть не что иное, какъ всемірная монархія.

Подъ этой формой Добинье безъ всякихъ околичностей рисуетъ намъ послѣдніе замыслы Генриха IV [18]). Онъ готовился «сразу надѣть на свою голову императорскую корону». Правительства «судили о достоинствѣ плана по достоинству составителя» и рѣшили способствовать побѣдамъ, которыхъ не въ силахъ были остановить: «Согласіе народовъ, которое можно считать гласомъ Божіимъ, казалось сулило ему Божіе благословеніе. Націи забывали свою ненависть и хотѣли срыть пограничные столбы изъ любви къ Генриху...Нѣмцы вооружались подобно французамъ,чтобъ сражаться подобно имъ же. Маркизъ Брандебургскій собиралъ померанскихъ дворянъ, а швейцарцы оживляли присутствіемъ войскъ свои неподвижныя скалы. И все это для того, чтобъ создать христіанскаго императора, который своей угрозой могъ бы остановить турокъ, преобразовать Италію, укротить Испанію, вновь завоевать Европу и заставить трепетать вселенную».

Петръ Дюбуа еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ представилъ намъ въ своемъ *De Recuperatione Terrae Sanctae* этотъ проектъ христіанской имперіи подъ неуклюжей и неопредѣленной формой политическаго искусства своего времени. Сюлли воспользовался идеей; онъ очистилъ ее отъ грубой алчности, скрывавшейся подъ личиною фантастическихъ измышленій средневѣковаго легиста и скрасилъ ее мистической прелестью утопіи. Три столѣтія спустя, мы ее снова признаемъ подъ суровыми формами идеологія. Это широкій планъ Сійеса: Франція, окруженная вассальными республиками, господствующая надъ Европой благодаря своимъ союзамъ, управляющая ими посредствомъ своей политики, предписывающая миръ государствамъ и распространяющая между народами принципы революціи. Отнынѣ семья умовъ, исторію которыхъ я пытался очертить, раздѣляется на нѣсколько вѣтвей. Одни будутъ усиливать, другіе умѣрять честолюбіе королей; одни совѣтники станутъ подстрекать ихъ къ обширнымъ завоеваніямъ, другіе отговаривать отъ нихъ. Все захватывающая сила найдетъ своихъ апологетовъ, благоразуміе и справедливость—защитниковъ. Одни будутъ преслѣдовать обширныя химеры или будутъ прикрывать мирными

---

[18]) *Appendix ou Corollaire des Histoires.*

утопіями софизмъ своего честолюбія. Во всѣхъ легко признать наслѣдственный признакъ расы; у всѣхъ увидишь главную характеристичную родовую черту: умѣнье основать на новыхъ мотивахъ вѣковыя притязанія и оправдать съ помощью установленнаго права и модной философіи цѣль, къ которой одни стремятся со слѣпою страстностью, другіе съ грубой алчностью, а третьи—съ терпѣливой проницательностью истинныхъ политиковъ.

Къ этому послѣднему классу принадлежатъ основатели новѣйшей французской дипломатіи, тѣ, которые резюмируютъ и уясняютъ традиціи прошлаго и опредѣляютъ политику будущаго: Генрихъ IV, Мазарини, Ришелье—безсмертные работники, потрудившіеся надъ великимъ европейскимъ актомъ старинной Франціи, выразившимся въ вестфальскихъ трактатахъ.

Генриха IV ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать мечтателемъ, но онъ любилъ тонкій умъ Сюлли и его разсужденія и съ удовольствіемъ выслушивалъ его диссертаціи. Однако въ планѣ министра было два условія, которыхъ король не допускалъ: миръ, по его мнѣнію, невозможный, и безкорыстіе, которое было не въ его вкусѣ. «Какъ же вы хотите,—говорилъ онъ Сюлли,—чтобъ я издержалъ шестьдесятъ милліоновъ, чтобъ завоевать земли для другого и ничего не оставить себѣ; это вовсе не входитъ въ мои намѣренія [19]). Неизвѣстно на чемъ бы остановился Генрихъ, еслибъ ему удались великія предпріятія, которыя онъ подготовлялъ въ тотъ моментъ, когда былъ похищенъ у Франціи. Этотъ мудрый государь конечно взялъ бы только то, что считалъ полезнымъ сохранить, но можно заключить, что его виды простирались довольно далеко, во всякомъ случаѣ, до Фландріи и на всю Лотарингію. Сандразъ де Куртиль говоритъ даже въ сочиненіи, написанномъ въ 1688 г. [20]), что «Генрихъ IV хотѣлъ вернуть Францію въ ея прежніе предѣлы и перенести восточную границу къ берегу Рейна, южную—къ Альпамъ, западную—къ Пиренеямъ, сѣверную—къ океану». Въ 1600 и 1630 г. появились *Lettres savoisiennes* (Савойскія письма), въ которыхъ оправдывалось присоединеніе Савойи. По мнѣнію автора, Франція должна была ее присоединить для того, чтобъ отдѣляться Альпами отъ Италіи, подобно тому, какъ Пиренеи отдѣляютъ ее отъ Испаніи [21]). Матье передаетъ слѣдующія замѣчательныя слова Генриха IV. Въ 1601 г. этотъ король, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Брессъ и Жексъ, принималъ депутаціи отъ своихъ новыхъ подданныхъ. «Между словами, съ которыми король обратился къ депутатамъ», такъ

---

[19]) Sully, t, VIII, ch. VIII, p. 124.

[20]) Charles de la Combe, *Henri IV et sa politique*, p. 394. Paris, 1877.

[21]) Lelong, *Bibliothèque historique*, № 29088.

разсказываетъ историкъ [22]), слѣдующія были записаны: «Справедливо, чтобъ вы, говорящіе на природномъ французскомъ языкѣ, были подданными французскаго короля. Я совершенно согласенъ на то, чтобъ говорящіе на испанскомъ языкѣ принадлежали Испаніи, на нѣмецкомъ—Германіи, но всѣ, говорящіе по-французски, должны принадлежать мнѣ». Матье прибавляетъ: «Это могло случиться, благодаря его доблести и мужеству, столь возвышенному, что безъ вѣроломства французовъ онъ сдѣлалъ бы цѣлую часть свѣта французской, какъ Пробъ сдѣлалъ ее римской».

IV.

Такова традиція Генриха IV; Ришелье воспитался на ней. Въ началѣ своихъ мемуаровъ въ 1610 г., говоря о проектахъ великаго короля, онъ прибавляетъ: «Можетъ быть, по пословицѣ: *L'appétit vient en mangeant* онъ, кромѣ Италіи, рѣшился бы напасть на Фландрію, о которой онъ порою помышлялъ, и захотѣлъ бы перенести границы Франціи къ Рейну»... Не одинъ Ришелье былъ проникнутъ этой традиціей: ее раздѣляла цѣлая партія, весьма націоналистическая и роялистская,—а именно партія политиковъ. Ришелье только потому и достигъ такъ быстро власти и такъ прочно укрѣпился въ ней, что опирался на эту партію и опредѣлилъ ея тенденцію съ такой силой и блескомъ. Въ 1612 г. онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Что касается до нашихъ внѣшнихъ бѣдъ, то я окрестилъ бы ихъ другимъ именемъ, если онѣ дали бы намъ случай расширить наши предѣлы и покрыться славой на счетъ враговъ Франціи» [1]). Современники говорятъ, что онъ любилъ читать *Argenis* Барклея [2]) и въ этой темной аллегоріи признавалъ основаніе своей политики. Дѣйствительно, въ заключительной главѣ, озаглавленной *Prédiction de felicitez*, (предсказанія счастія) Поліархъ «величайшій король Галліи» женится на Аргенисѣ, и одинъ пророкъ, между прочими блаженствами, предсказываетъ ему: «Ты расширишь предѣлы твоей державы; съ одной стороны Рейнъ узритъ тебя побѣдителемъ, а съ другой—океанъ. Въ 1627 г. Малербъ писалъ Ракану: «Въ этомъ человѣкѣ есть что-то, превышающее человѣчество... Пространство между Рейномъ и Пиренеями кажется ему слишкомъ малымъ полемъ для лилій. Онъ хочетъ, чтобъ онѣ цвѣли на берегахъ Средиземнаго моря и чтобъ оттуда запахъ ихъ доносился до предѣльныхъ странъ Востока. Измѣряйте широтою его замысловъ великость его отваги». Ришелье былъ главнымъ строителемъ этого дѣла. У него были

---

[22]) *Histoire de Henry IV*, Paris, 1631.

[1]) Avenel, *La jeunesse de Richelieu* въ *Revue des questions historiques*, 1869. А также Gabriel Hanotaux, въ *La République française*, 1880.

[2]) Paris, 1621.

опредѣленныя намѣренія, ясные, простые и проницательные виды. Онъ обладалъ великимъ искусствомъ пользоваться удобными случаями и дѣйствовать всегда кстати, предлагать только то, что своевременно, пробовать только то, что возможно, и оставлять только то, что прочно. Въ 1633 г. (когда въ королевствѣ былъ водворенъ миръ и гугеноты приведены къ повиновенію, онъ имѣлъ право думать, что если онъ поддерживалъ дѣло протестантскихъ нѣмецкихъ князей противъ австрійскаго дома, то эти князья отдадутъ королю «все, чѣмъ владѣютъ по сю сторону Рейна». Въ запискѣ, составленной для Людовика XIII, онъ особенно подчеркивалъ слѣдующую мысль: «Казалось бы, что въ этомъ случаѣ выгоды короля велики, а опасность мала: онъ расширялъ свое королевство до Рейна, не нанося ни одного удара». Но надо было сначала открыть путь, т. е. овладѣть Лотарингіей, герцогъ которой сталъ на сторону императора. «Разъ это сдѣлано,—прибавлялъ Ришелье нѣсколько мѣсяцевъ спустя,— можно нечувствительно расширить предѣлы Франціи до Рейна и пріобрѣсть часть Фландріи, если, вслѣдствіе всеобщаго возстанія или очевиднаго упадка испанскихъ дѣлъ, весною представится къ этому случай» [3]).

Это былъ планъ политическій. Оставалось опредѣлить вопросы права, т. е. найдти оправданія, предлоги и процедуру. Съ этой цѣлью Ришелье поручилъ одному изъ своихъ совѣтниковъ составить записку подъ такимъ заглавіемъ: «*Какое самое вѣрное средство присоединить къ Франціи герцогства Лотарингію и Баръ* [4]). Въ ней говорится: «Императоръ владѣетъ землями по сю сторону Рейна безъ всякихъ правъ, только въ силу захвата, тѣмъ болѣе, что эта рѣка служила границею Франціи въ продолженіе пятисотъ лѣтъ. И когда графство Шампань было присоединено къ французской коронѣ, посредствомъ брака наслѣдницы Шампани съ Филиппомъ Красивымъ, послѣдній заключилъ въ Вокулерѣ трактатъ съ императоромъ Альбертомъ, прелатами и баронами имперіи, въ которомъ было сказано, что границы Франціи будутъ простираться до рѣки Рейна, по старымъ примѣрамъ». Легисты доставили документы, они же дадутъ средства и обсудятъ дѣло. Король внесетъ въ парламентъ жалобу на герцога лотарингскаго; во время процесса онъ завладѣетъ территоріей въ видѣ залога, и если, послѣ рѣшенія дѣла, герцогъ откажется признать верховенство Франціи, король будетъ въ правѣ присоединить герцогство «законнымъ способомъ, согласно съ правилами леннаго права, и такимъ образомъ преградитъ

---

[3]) *Mémoires*, 1633. Сравн. относительно проектовъ Ришелье, составленныхъ въ 1635 г. насчетъ Нидерландовъ, и раздѣла, который бы далъ Франціи Люксамбургъ, Намюръ, Геннегау и Фландрію на лѣвомъ берегу Шельды, Valfrey, *Hugues de Lionne*, t. II, p. 240.

[4]) D'Haussonville, *Réunion de la Lorraine*, t. I, pièces, № LIX.

путь всѣмъ жалобамъ, мольбамъ и заступничеству иностранныхъ принцевъ, къ которымъ прибѣгнетъ лотарингскій герцогъ, тѣмъ болѣе, что королю стоитъ только предъявить приговоръ своего парламента».

Ришелье не довольствовался тѣмъ, что проводилъ свои планы съ помощью войнъ и договоровъ. Онъ желалъ, чтобы его политика была національной и чтобы ее поддерживало общественное мнѣніе. Вслѣдствіе этого появилась цѣлая серія сочиненій, написанныхъ подъ его вліяніемъ и вышедшихъ отчасти при немъ, отчасти при его преемникѣ. Цѣлью ихъ было просвѣтить французовъ насчетъ мотивовъ и послѣдствій обширнаго плана войнъ и переговоровъ, который долженъ былъ привести къ трактатамъ 1648 г. Аргументы были готовы; оставалось только собрать ихъ и настроить въ тонъ съ требованіями вѣка. Это было дѣломъ публицистовъ семнадцатаго вѣка, прямыхъ и законныхъ потомковъ публицистовъ четырнадцатаго столѣтія. Мы перестанемъ удивляться по поводу того, что легисты Конвента, Мерленъ, Камбасересъ, Трейльгардъ, Рьюбелль, едва достигнувъ власти, приняли и такъ легко примѣнили къ новымъ формуламъ публичнаго права старую традицію королевскихъ завоеваній, когда вспомнимъ, что люди, основавшіе въ четырнадцатомъ вѣкѣ систему, и люди, развившіе ее въ семнадцатомъ, имѣютъ общее происхожденіе, получили одинаковое воспитаніе и выходили изъ преторій, канцелярій, интендантствъ и архивовъ проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ.

Первымъ въ ряду этихъ королевскихъ публицистовъ Ришелье стоитъ Шантеро-Лефевръ, служившій прежде въ соляномъ акцизѣ и назначенный впослѣдствіи интендантомъ герцогствъ: Лотарингскаго и Барскаго. Въ 1642 г. онъ напечаталъ *Considérations historiques sur la généalogie de la maison de Lorraine avec une carte de l'ancien royaume d'Austrasie, le vrai et primitif héritage de la couronne de France* (Историческій взглядъ на генеалогію лотарингскаго дома съ картой древняго королевства Австразіи, истиннаго и первоначальнаго наслѣдства французской короны). Книга посвящена Франціи. «Я одинъ изъ ея самыхъ ничтожныхъ питомцевъ, но все-таки осмѣливаюсь сказать, что извлекъ изъ мрака истину, важную для ея спокойствія». Эта важная истина заключается въ томъ, что франки сдѣлались властителями Галліи, т. е. «великаго материка, который лежитъ между океанскимъ моремъ (la mer Océane) и Средиземнымъ, ограниченъ рѣкою Рейномъ, Пиренейскими, Альпійскими и Апеннинскими горами и извѣстенъ издавна подъ именемъ Галліи Бельгійской, цельтической и аквитанской».

Шантеро-Лефевръ исходитъ изъ той мысли, что для отечества полезно знать свои права и что счастіе вселенной связано съ благоденствіемъ Франціи. Вотъ еще черта публицистовъ восемнадцатаго вѣка, общая съ

ихъ предшественниками четырнадцатаго вѣка и ихъ учениками временъ революціи. Въ своемъ трактатѣ *l'Abrégement des guerres*, Пьеръ Дюбуа предлагалъ королю французскому главенство въ Европѣ; позднѣе законодатели III года, усиливая французское могущество въ Европѣ, будутъ искренно думать, что работаютъ для спокойствія міра. Шантеро Лефевръ не сомнѣвается, что разъ вопросъ о границахъ будетъ рѣшенъ, между французами и нѣмцами воцарится вѣчный миръ. «Возстановленіе этихъ границъ,—говоритъ онъ,—дастъ почетный и надежный миръ не только Франціи, но всей христіанской республикѣ, покой которой непрерывно возмущался въ теченіе ста сорока лѣтъ тѣми, которые, захвативши у французской короны множество важныхъ и прекрасныхъ государствъ, употребляли всѣ усилія, чтобы похитить остальное и поработить всѣхъ христіанскихъ государей подъ громкимъ названіемъ пятой монархіи, которая должна была поглотить весь Западъ».

Шантеро Лефевръ честолюбецъ, но онъ въ то же время и политикъ: его понятія точны и опредѣленны. Дени Годефруа, исторіографъ Франціи, сынъ и внукъ юрисконсультовъ, поддерживаетъ тотъ же тезисъ въ своихъ *Mémoires et instructions pour servir dans les négociations et affaires concernant les droits du Roy* [5]) (Мемуары и инструкціи для заключенія договоровъ и рѣшенія дѣлъ, касающихся правъ короля).

Въ эпоху вестфальскихъ трактатовъ, было уже принятымъ фактомъ, что, присоединяя Эльзасъ и Лотарингію, Франція дѣйствовала законно [6]). Въ сочиненіи, написанномъ въ 1648 г. и озаглавленномъ: *Les affaires qui sont aujourd'hui entre la France et l'Autriche*, находится характеристичная фраза о европейскихъ государяхъ. «Въ числѣ ихъ мы назовемъ короля Франціи, держава котораго заключается въ нарбонской, аквитанск кельтической, бельгійской Галліяхъ; однако онѣ не всѣ принадлежатъ ему». Если онѣ ему не принадлежатъ, значитъ, онъ имѣетъ право ихъ потребовать, когда представится выгодный случай. А между тѣмъ права и притязанія не ограничиваются давностію. Разъ попавши на этотъ скользкій путь, воображеніе и пустословіе не могутъ удержаться на немъ. Легисты

---

[5]) Paris. 1645. Th. Lavallée. *Les frontières de la France*, ch. III.

[6]) Ліоннъ писалъ барону Бойнебургу отъ 7 іюня 1659. «Намъ останется нѣсколько хорошихъ кусковъ, которые стоитъ удержать; по этому поводу я сдѣлалъ одно замѣчаніе, котораго вы, можетъ быть, не сдѣлали, а именно: что со времени завоеваній Карла Великаго Франція ни при одномъ договорѣ какъ и теперь (пиренейскій договоръ) ничего не удержала по праву завоеванія, и если пріобрѣтала что-нибудь отъ другихъ, то только то, что принадлежало уже раньше нашимъ королямъ по праву наслѣдства, конфискаціи, обмѣна или даже покупки». Valfrey, t. II, стр. 269.

заявляютъ притязанія вездѣ, гдѣ видятъ выгоду, и отъищутъ права вездѣ, гдѣ заявили притязанія.

Королевскій адвокатъ уѣзднаго суда въ Безье, Жакъ де-Кассанъ, издалъ въ 1643 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: *La recherche des droits du Roy et de la couronne de France sur les royaumes, duchés, comtés, villes et pays occupés par les princes étrangers* (Изслѣдованіе правъ короля и французской короны на королевства, герцогства, графства, города и страны, занятые иностранными государями). Оказывается, что эти права распространяются почти на всю Европу. Нѣтъ ни одной страны, которая была бы ограждена отъ этихъ притязаній; ни Испанія, ни Португалія, ни Сицилія, ни Неаполь, ни Миланъ, ни Сардинія не остались бы неприкосновенными. Эрудиція автора отличается своенравіемъ, а доктрина — сбивчивостью; важна общая цѣль и практическіе взгляды. Здѣсь мечтатель сходится съ политиками. Прежде чѣмъ начать эту безконечную тяжбу, необходимо опредѣлить въ точности, въ чемъ именно долженъ заключаться искъ. Франки наслѣдовали Галлію со всѣми землями; значитъ, они должны присоединить Ниццу и Савойю; взять обратно Лотарингію, какъ одну изъ территорій, лежащихъ по сю сторону Рейна, «отнятыхъ у Франціи»; это было королевство Австразія. «Какъ бы оно ни называлось», прибавляетъ нашъ легистъ, слогъ котораго, обыкновенно тяжелый и плоскій, оживляется и возвышается подъ вліяніемъ патріотическаго чувства, оно составляло богатое достояніе французской короны. Это былъ драгоцѣнный камень, извлеченный изъ той же скалы и изъ того же рудника, подобно золоту, вышедшему изъ земли». Надо еще прибавить Фландрію и Нидерланды, такъ какъ Цезарь включилъ ихъ въ галльскій доменъ. Надо присоединить къ нимъ Руссильонъ, и мы должны обратить вниманіе на приведенный аргументъ: онъ составляетъ переходъ къ тому порядку идей, который Конвентъ позднѣе заимствовалъ у господствующей философіи, можетъ быть, не подозрѣвая, что онъ взятъ у Страбона и у адвоката времени Людовика XIII, служившаго въ уѣздномъ судѣ города Безье.

Вотъ наконецъ самое сильное доказательство того, какъ эти политическія цѣли были популярны при кардиналѣ. Въ латинскомъ завѣщаніи Ришелье находится знаменитая фраза: «Цѣлью моего управленія было вернуть Галліи границы, назначенныя ей самой природой, возвратить галламъ галльскаго короля, слить Галлію съ Франціей и всюду, гдѣ была старинная Галлія, возстановить новую». Подлинность этого *Testamentum politicum* не безъ основанія подвергалась сомнѣнію; но съ точки зрѣнія національнаго преданія, самое существенное заключается въ томъ, что редакторъ, кто бы онъ ни былъ, объясняетъ именно такимъ образомъ мысль

кардинала и, желая почтить его память, находитъ, что ничто не можетъ возбудить большаго восхищенія со стороны французовъ. Вуатюръ пишетъ [7]: «Когда двѣсти лѣтъ спустя наши потомки узнаютъ, что во время его министерства англичане были побиты и изгнаны, Пиньероль взятъ, король спасенъ, вся Лотарингія присоединена къ нашей державѣ, большая часть Эльзаса подчинена нашей власти, и поймутъ, что, въ эпоху его управленія нашими дѣлами, у Франціи не было сосѣда, отъ котораго она не пріобрѣла бы городовъ и не выиграла сраженій, то могутъ ли они, имѣя хотя каплю французской крови въ жилахъ и любовь къ славѣ своего отечества, не полюбить его?»

Такова память о Ришелье. Благодаря поданному имъ примѣру и его политическимъ правиламъ, онъ сдѣлался, какъ для правителей, такъ и для управляемыхъ, высшимъ типомъ государственнаго человѣка старой Франціи. Его мысль получила такое широкое распространеніе, что полтораста лѣтъ спустя мы ее встрѣтимъ въ людяхъ, которыхъ судьба революцій призвала въ 1794 г. къ управленію Франціей, хотя они не имѣли иной подготовки, кромѣ образованія, какимъ обладали всѣ просвѣщенные французы того времени. У этихъ людей не было ни знанія государственныхъ дѣлъ, какимъ обладалъ Ришелье, ни его тактичности въ сношеніяхъ съ людьми, ни его здраваго смысла, ни его устойчивости, ни необыкновенной проницательности его взглядовъ, ни удивительнаго чувства мѣры, какимъ онъ отличался; они будутъ лишь неосторожными подражателями и безтолковыми учениками. Отъ Ришелье у нихъ сохранились только общія правила, выродившіяся въ систему софистическихъ отвлеченностей; но это не помѣшаетъ имъ ссылаться на его примѣръ, приписывать себѣ честь происхожденія отъ него, и хотя въ ихъ жилахъ течетъ болѣе острая и болѣе горячая кровь, они тѣмъ не менѣе и въ существенныхъ чертахъ могутъ считать его своимъ родоначальникомъ.

Мазарини продолжалъ и дополнилъ его дѣло; благодаря ему Франція могла воспользоваться тѣмъ, что сдѣлалъ для нея Ришелье. Традиція послѣдняго была такъ живуча, что, только опираясь на его внѣшнюю политику, Мазарини могъ поддерживать внутреннее управленіе страной [8]. Ученіе Ришелье установилось съ такою прочностью, что перешло изъ полемикъ въ государственные документы. Въ трактатѣ 1659 г. есть статья, гласящая: «Пиренейскія горы, отдѣлявшія нѣкогда Галлію отъ Испаніи, будутъ отнынѣ раздѣлять оба королевства». Мазарини произвелъ цѣнныя присоединенія и задумывалъ еще болѣе обширныя. Въ 1646 г.

---

[7]) 24 декабря 1636 г. письмо LXXIV.

[8]) Chéruel, *Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV*, t. II, p. 380, 485. Paris. 1879.

онъ добивался, чтобы уступили Франціи, путемъ договора, Ниццу и Савойю [9]). Изъ всѣхъ своихъ плановъ онъ въ особенности дорожилъ планомъ пріобрѣтенія Бельгіи. «Тогда,—писалъ онъ 20-го января 1646 года,—мы расширили бы наши границы до Голландіи, а со стороны Германіи, которая для насъ всего опаснѣе,—до Рейна, удерживая за собой Лотарингію и Эльзасъ, овладѣвъ Люксамбургомъ и Бургундіей (Франшъ-Конте). Это былъ бы такой блистательный и плодотворный исходъ настоящей войны, что даже самые злобные противники не могли бы ничего возразить; пролитая кровь и потраченная казна считались бы хорошо употребленными даже въ глазахъ всѣхъ порицателей, когда къ этой державѣ присоединится древнее королевство Австразія...»

Миръ, заключенный въ 1659 г., далеко не оправдалъ этихъ блистательныхъ надеждъ. Критики нашли много поводовъ къ порицанію, и ихъ злоба выразилась въ ѣдкихъ остротахъ. Они укоряли Мазарини за его робость и осторожность. Извѣстно полное ироніи письмо Сентъ-Эвремона маркизу де-Креки о Пиренейскомъ мирѣ: «Какая разница между этой глубокой мудростью и безпорядочностью кардинала Ришелье!..» Это была самая кровавая насмѣшка: хваля или порицая, желая, посредствомъ сравненія, унизить или возвысить современниковъ, не шли дальше этого примѣра. Менѣе предубѣжденное потомство признало заслуги обоихъ кардиналовъ и раздѣлило между ними свое восторженное удивленіе. Дѣло, которому служили они оба, показалось тѣмъ болѣе величавымъ, что потомство имѣло возможность вѣрнѣе оцѣнить размѣры и прочность ими совершеннаго.

V.

Австрійскій домъ былъ ослабленъ и униженъ. Франція отстранила одну за другой обѣ вѣтви—нѣмецкую и испанскую. Хотя и не произошло большихъ перемѣщеній суверенитета, но всѣ отношенія измѣнились. Нѣкогда австрійскій домъ стѣснялъ Францію, отнынѣ Франція разъединяла его Испанія была легко уязвима въ Нидерландахъ и въ Франшъ-Конте, она была страшна только своими союзами. Препятствуя господству нѣмецкой линіи въ Германіи, Франція лишала Испанію самой твердой опоры: рейнскій союзъ преграждалъ австрійцамъ путь къ Франціи и Нидерландамъ. Права германскаго союза были гарантированы Франціей, которая находила въ Германіи болѣе кліентовъ, чѣмъ враговъ. Германія въ такомъ видѣ превратилась изъ угрожающей въ миролюбивую, и главное препятствіе къ величію Франціи въ Европѣ сдѣлалось орудіемъ господства. Франція увеличила свое могущество гораздо болѣе, чѣмъ расширила свои территоріи

[9]) Chéruel t. II, p. 176.

и, помимо австрійскаго дома, никто не завидовалъ этому могуществу, такъ какъ цѣлью его, повидимому, было охраненіе правъ каждаго, и Франція, съ помощью своихъ союзовъ, даже внушила Европѣ желаніе поддержать ея могущество. Внѣшняя политика вернулась, такимъ образомъ, къ принципу, который создалъ внутреннее благоденствіе монархіи: *умѣренность при могуществѣ*. Необходимо хорошо понять это при изученіи такъ называемой «классической системы» французской дипломатіи. Этотъ характеръ ея и составляетъ ея экономію; если пружина слишкомъ сильно натянута — она портится. Эта крайне тонкая сѣть союзовъ была грозна только благодаря какой-то силѣ притяженія, которая соединяла всѣ части. Нѣмецъ, шведъ, голландецъ, савоецъ, полякъ, даже турокъ какъ бы поддерживали въ этомъ союзѣ другъ другъ противъ общаго врага. Но чуть Франція начинала угрожать имъ самимъ, они немедленно соединялись противъ нея, и всѣ связи распадались. Какой-нибудь нѣмецъ, безъ колебаній принявшій сторону французовъ, чтобы раздѣлить съ ними клочекъ Германіи, обращался противъ нихъ, чтобы войти въ милость къ своимъ соотечественникамъ и, защищая то, что осталось отъ имперіи, получить позволеніе сохранить то, что отнято имъ самимъ отъ той же имперіи; онъ, такъ сказать, выкупалъ свои собственные захваты, содѣйствуя отнятію у Франціи тѣхъ завоеваній, которыя были цѣною этихъ захватовъ.

Благодаря вестфальскимъ трактатамъ, нѣкоторые князья возвысились; но они еще настолько зависѣли отъ Франціи и настолько были разрознены, что нечего было бояться ни измѣны одного, ни коалиціи всѣхъ, но не слѣдовало выходить изъ предѣловъ мудрой умѣренности. Только совершенное непониманіе и отступленіе отъ политики Ришелье могло заставить довести ее до крайности: упразднять слишкомъ большое число княжествъ, епископствъ, аббатствъ и графствъ въ Германіи, слишкомъ сосредоточивать въ ней власть и, наконецъ, воздвигать передъ лицемъ австрійскаго дома, подъ предлогомъ сдерживанія послѣдняго, новую державу, которая постарается его низвергнуть, чтобы стать на его мѣсто.

Ришелье смотрѣлъ на Италію такъ же, какъ на Германію: если онъ задумывалъ основать въ ней конфедерацію, то только для того, чтобы обезпечить общественную свободу отъ постоянныхъ нашествій испанцевъ» [1]), а не для того, чтобы замѣнить опасное, но косвенное и нетерпѣливо сносимое вліяніе испанцевъ гораздо болѣе опаснымъ для Франціи главенствомъ какого-нибудь итальянскаго дома.

Въ этой политикѣ, державшейся сдѣлками, неизмѣннымъ было только одно основное положеніе: выгода Франціи. Одна эта выгода составляла ея

---

[1]) *Lettres et papiers d'Etat*, ed. Avenel, t. IV, p. 668. См. Chéruel, *Minorité, de Louis XIV*, t. I, p. 51.

единство; но эта связь стоила всего другого. Генрихъ IV, Ришелье, Мазарини не были ни богословами, ни философами. Мысль подчинить государственную политику догмату или абстрактному принципу была для нихъ абсолютно чуждой. Ришелье защищалъ нѣмецкихъ протестантовъ по той же причинѣ, по какой преслѣдовалъ французскихъ. Протестанты составляли государства въ государствѣ; кардиналу было удобно, чтобы это совершалось по ту сторону Рейна въ ущербъ австрійскому дому, но неудобно было по сю сторону Рейна, во вредъ французскому дому. Словомъ, у этихъ великихъ политиковъ былъ свой методъ, хотя не было систематичности. Задуманные ими планы принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые, по выраженію Боссюета, поддерживаются своей собственной послѣдовательностью.

Эти планы соотвѣтствовали духу націи. Французы, въ своихъ внѣшнихъ войнахъ, таковы же, какъ въ домашнихъ дѣлахъ. Въ нихъ всегда бродитъ закваска крестовыхъ походовъ, но дѣйствуетъ она недолго и не глубоко. Они любятъ войну и славу, но скоро утомляются; и если театръ войны отдаленъ, нетерпѣливо ждутъ возвращенія домой. Во времена аустерлицкой битвы, при апогеѣ военнаго могущества Франціи, командуя солдатами, фанатизированными его геніемъ, Наполеонъ, признавалъ этотъ фактъ. «Соберите сегодня голоса арміи,—сказалъ онъ одному изъ своихъ поручиковъ,—и вы увидите, что всѣ они будутъ стремиться во Францію» [2]). При такихъ условіяхъ пораженіе легко переходитъ въ бѣгство, и для того, чтобы французы опомнились, они должны быть вновь во Франціи. Они не устаютъ защищать свое отечество, но скоро устаютъ его расширять. Они рѣшительно не созданы для великихъ завоеваній. Одинъ англійскій писатель семнадцатаго вѣка говорилъ о нихъ [3]). «Эта нація обладающая высокимъ мужествомъ у себя дома, представляетъ непобѣдимую массу; но, переходя за свои предѣлы, она мѣняется. Отсюда происходитъ то, что она никогда не могла удержать господства надъ чужимъ народомъ и ея могущество приноситъ ей только несчастіе». Ришелье это зналъ. Отчего они такъ нетерпѣливы? «Если бы ихъ мужество соединялось съ терпѣніемъ,—говорилъ онъ,—то вся вселенная не была бы достаточно велика для ихъ завоеваній».

Во внѣшнихъ предпріятіяхъ была извѣстная мѣра, которую не слѣдовало переступать, и есть крайности, которыхъ Европа не допустила бы и которыхъ сами французы не могли бы поддержать. Въ этомъ сущность классической системы: Людовикъ XIV извратилъ ее.

---

[2]) *Mémoires du général de Ségur*, t. II, p. 459.

[3]) Barclay. *Icon animorum*, ch. III. Josephe de Maistre. *Considérations*, ch. VII.

VI.

Прежде всего онъ хотѣлъ, продолжая политику Ришельє, превзойти его. Первыя, начатыя имъ, войны были войны за границы. Всѣ права кажутся ему одинаково благовидными, и онъ ссылается на каждое изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, но не иначе, какъ опираясь на государственную пользу. Идетъ ли дѣло о Лотарингіи,—онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ за 1662 годъ: «она служила проходомъ для нашихъ войскъ черезъ Эльзасъ въ Германію, дверью, которою чужеземцы входили въ наши владѣнія; мѣстопребываніемъ для сосѣдней державы, вмѣшивающейся постоянно во всѣ смуты королевства; наконецъ, Лотарингія была старинная вотчина нашихъ предковъ и ее надлежало присоединить къ монархіи, съ которой она была такъ долго разлучена». То же самое говорится о территоріи въ Нидерландахъ, которую Людовикъ XIV пріобрѣлъ въ 1668 г.: «это—страны, искони принадлежавшія королямъ французскимъ»; то же самое о Франшъ-Конте, присоединенной имъ въ 1678 г.: «эта большая, плодоносная и важная провинція, которая, по своему языку и по справедливому и старинному праву, должна была составлять часть королевства; пріобрѣтая ее, я открываю себѣ доступъ въ Германію и закрываю въ то же время входъ въ нее моимъ врагамъ» [1]). Права на Люксамбургъ менѣе ясны, но принципъ государственной пользы всемогущъ; современникамъ кажется, что онъ довлѣетъ самъ себѣ и доказывается своей очевидностью. «Это—самое блестящее и славное завоеваніе, когда-либо сдѣланное королемъ, оно всесторонне устраиваетъ его дѣла», пишетъ Вобанъ Лувуа, и Лувуа ему отвѣчаетъ: «Это завоеваніе кажется мнѣ неоцѣненнымъ для славы короля и для блага его подданныхъ» [2]).

Не довольствуясь ссылкою на выгоду націи, опирались еще на ея непосредственное чувство и если не обнаруживали особеннаго желанія принимать его во вниманіе во внутреннихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе пользовались этимъ чувствомъ, какъ орудіемъ противъ чужеземцевъ. Такъ, въ 1644 г. регентша, отказываясь возвратить Лотарингію Карлу IV, говорила, «что не могла этого сдѣлать, чтобы не повредить своей репутаціи, не дать французамъ случай ее порицать» [3]). Такъ въ 1685 г., король, посылая въ Вѣну графа де-ла-Вогюйонъ, поручаетъ ему объявить вѣнскому двору,—«что во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, который бы не считалъ Лотарингію неотъемлемымъ, неразрывно связаннымъ членомъ ко-

---

[1]) *Mémoires de Louis XIV.*—Lavallée. *Les frontières de la France*, ch. IV.

[2]) C. Rousset. *Louvois*, t. III, ch. IV.

[3]) D'Haussonville, t. II, p. 212.

ролевства, что отнынѣ нельзя предлагать королю ни малѣйшаго раздробленія ея, не навлекая негодованія всѣхъ добрыхъ французовъ» [4]).

Внѣшняя политика Людовика XIV находитъ очень дѣятельныхъ помощниковъ въ парламентѣ. Мотивы и средства, которые онъ пускаетъ въ ходъ, строго юридическіе. Чтобы установить свое право на одну часть Нидерландовъ, онъ ссылается на мѣстный обычай; по словамъ Минье [5]), онъ извращаетъ его, переноситъ изъ гражданской области въ политическую и обусловливаетъ имъ переходъ короны или, по меньшей мѣрѣ, провинцій. Его судьи рѣшаютъ споры, возникающіе изъ-за границы; ихъ же помощью онъ пользуется, чтобы установить исключительный суверенитетъ государства въ спорныхъ территоріяхъ: «знаменіе королевской власти—юрисдикція; Людовикъ XIV требуетъ, чтобы государства уважали рѣшенія его парламентовъ» [6]). Парламенты объявляютъ свои рѣшенія; Лувуа приводитъ ихъ въ исполненіе. Палаты присоединеній (Chambres de réunion) произносятъ окончательный приговоръ въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ королевскимъ судамъ, то-есть по преступленіямъ противъ особы короля. Это идея Лувуа. «Я долго бесѣдовалъ съ интендантомъ о томъ, что онъ долженъ предпринять, для того, чтобы расширить власть вашего величества согласно съ истиннымъ смысломъ Мюнстерскаго трактата», писалъ онъ королю въ 1679 г. Легисты принимались за дѣло, рылись въ документахъ, парламенты произносили свой приговоръ, и заинтересованная сторона должна была выбирать между подчиненіемъ и конфискаціей [7]).

Въ этомъ вооруженномъ процессѣ, каждая новая стадія въ ходѣ дѣла отмѣчена битвой. Нужны войны, чтобы заставить Европу и имперію зарегистровать рѣшенія королевскихъ легистовъ, и каждый новый трактатъ, который ихъ зарегиструетъ, становится предлогомъ къ новой войнѣ. Въ основномъ документѣ, Мюнстерскомъ трактатѣ, вызывавшемъ вѣчные споры, были неясно обозначены права на безусловный суверенитетъ Франціи надъ тѣми изъ уступленныхъ территорій, которыя не принадлежали австрійскому дому и до уступки зависѣли непосредственно отъ имперіи. Отсюда для Австріи, которая, уступивши провинцію, всегда старалась ее вернуть, вытекала возможность оспаривать права короля, колебать его авторитетъ, вовлекать въ распрю имперію и склонять ее къ поддержкѣ притязаній нѣмецкихъ князей, которые, владѣя землями въ Эльзасѣ, пытались уклониться изъ-подъ верховной власти Франціи [8]).

---

[4]) *Recuil des Instructions.* Autriche, p. 109.

[5]) *Introduction à l'histoire de la succession d'Espagne.*—Camille Rousset. *Histoire de Louvois*, t. I, ch. II.

[6]) Michelet. *Précis de l'Histoire moderne*, ch. XIV.

[7]) C. Rousset. *Louvois*, t. III, ch. I.

[8]) Bougeant. *Histoire du traité de Westphalie.* Paris. 1767. Stipulations du

Король приводилъ тѣ же тексты, чтобы подчинить ихъ своей юрисдикціи [9]). Въ большинствѣ случаевъ это и удавалось ему; тѣмъ не менѣе распря продолжалась въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка [10]), и протестъ нѣмцевъ противъ упраздненія феодальныхъ правъ въ 1789 г. былъ послѣднимъ эпизодомъ этой борьбы [11]); и на этотъ разъ только война разрѣшила споръ.

Къ несчастію, Людовикъ XIV не удовольствовался этими удачными и практичными «обыденными войнами». У него были широкіе замыслы и стремленіе къ «великимъ войнамъ» (guerre de magnificence). Войны этого рода были даже его преобладающею мыслью. «Дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ», говоритъ великій историкъ этихъ переговоровъ [12]), заполнило собою почти все царствованіе Людовика XIV. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ оно давало работу его арміямъ и дипломатамъ: оно создало величіе, ознаменовавшее начало его царствованія, и бѣдствія, испытанныя въ его послѣдніе годы». Борьба эта едва не погубила дѣло Ришелье. Людовикъ, увлекаясь своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ, также деспотически злоупотреблялъ своей властью во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ и во внутреннихъ. Его союзники ускользнули отъ него и вскорѣ вступили съ нимъ въ борьбу. Въ Германіи не осталось ни одного союза, кромѣ того, который составился противъ Франціи. Отмѣна Нантскаго эдикта отдалила отъ него протестантскихъ князей, пожары въ Палатинатѣ соединили ихъ съ католиками въ общей ненависти. Императоръ соединился съ имперіей и выступилъ противъ Франціи, что окончательно разрушило зданіе 1648 г. [13]).

Ожесточеніе голландцевъ равнялось ожесточенію нѣмцевъ. Лишенный своихъ природныхъ союзниковъ, имѣя противъ себя коалицію Англіи и Австріи, которыхъ поддерживала вся Европа, Людовикъ XIV, дошедшій до такого положенія, потому что угнеталъ слабыхъ, не нашелъ иного сред-

---

traité de Munster, t. III, p. 530, 535; изложеніе правъ короля, p. 441—464 Himly. *Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale.* Paris. 1876, p. 268—272. *Recueil des Instructions*, t. I. *Autriche*, p. 69, 78, 127. *Instructions* de M. de Vitry apres la paix de Nimwègue en 1679, p. 75, de M. de Sebeville en 1680, p. 85, de M. de Cheverny en 1684, p. 94.

9) *Considérations touchant l'intervention des garants de la paix de Westphalie.* 1792. Affaires étrangères.

10) *Recueil des Instructions*, *Autriche.* Instructions du duc de Richelieu 1795, p. 224, du baron de Breteuil, 1774, p. 499.

11) См. доклады и рѣчи Майлье, 25 февр. 1792. *Moniteur*, t. XI, p. 478, и Пасторе, 1 марта, 1792. *Moniteur*, t. X, p. 520. У нихъ, особенно у второго, найдете весь рядъ прецедентовъ и резюме процесса.

12) Mignet. *Histoire des négociations relatives à la succession d'Espagne.* Introduction.

13) *Recueil des Instructions.* Autriche. Introduction, p. 11.

ства удовлетворить своему честолюбію, какъ подѣлиться съ сильными. Онъ и прибѣгъ къ этому средству, дѣлясь съ Австріей и Англіей. Наконецъ, желая все сохранить, онъ едва не лишился всего.

Періодъ господства Лувуа даетъ намъ какъ бы репетицію войнъ директоріи. Періодъ испанскаго наслѣдства можетъ служить предисловіемъ къ имперіи. Мы видимъ ту же самую коалицію, душою которой была Англія, а поставщицею войскъ — Германія; Франція, предоставленная самой себѣ, послѣ столькихъ побѣдъ, подвергается нашествію непріятеля и опасности раздробленія собственныхъ владѣній; отзвукъ непріятельскихъ пушекъ доносился до Марли. Эти прискорбныя обстоятельства вытекаютъ изъ одного и того же источника: крайней гордости и парадоксальнаго величія.

Лувуа писалъ Людовику XIV. «Если когда-либо девизъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ справедливъ, то это именно тотъ, который написанъ для вашего величества: *Одинъ противъ всѣхъ*» [14]). Въ этихъ словахъ ярко сказывается заимствованный у древнихъ духъ преувеличенныхъ гиперболъ, прикрывающій всякія безпорядочныя увлеченія честолюбія всѣми добродѣтелями патріотизма. Боссюетъ говорилъ дофину: «У Рима не было ни арміи, ни вождей; тѣмъ не менѣе въ этомъ печальномъ положеніи, когда онъ могъ всего опасаться, появился вдругъ смѣлый декретъ сената, гласившій, что лучше погибнуть, чѣмъ уступить вооруженному врагу и что этому врагу предложатъ справедливыя условія только тогда, когда онъ положитъ оружіе... Сенатъ стойко держался своего правила—ничего не уступать силѣ, и это правило сдѣлалось основнымъ закономъ римской политики... Они всегда были гораздо сговорчивѣе будучи побѣдителями, чѣмъ побѣжденными [15]). Это—краснорѣчіе Конвента въ его героическомъ періодѣ; но прослѣдите рѣчь до конца и вы увидите всѣ заблужденія Имперіи во время ея упадка. «Повсюду распространенное мнѣніе о томъ, что ничто не могло имъ противиться, заставляло враговъ бросать оружіе и дѣлало союзниковъ непобѣдимыми. Вы видите, какое дѣйствіе оказываетъ въ Европѣ подобное же мнѣніе о французскихъ арміяхъ, и весь свѣтъ, изумленный подвигами короля, сознаетъ, что онъ одинъ можетъ положить предѣлы своимъ завоеваніямъ».

Людовика XIV спасла не только его стойкость, твердость его совѣтниковъ [16]), вѣрность его народа и то славное сопротивленіе, которое облагородило конецъ его царствованія, его спасъ также случай—смерть императора Іосифа I; передъ глазами Европы внезапно воздвигся колоссъ, на-

---

[14]) *Testament politique.—Introduction à l'histoire de la succession d'Espagne.*

[15]) *Discours sur l'Histoire universelle.* 3-me partie, ch. VI.

[16]) *Le Journal de Colbert, marquis de Torcy,* publié par Frédéric Masson Paris. 1884.

зываемый монархіей Карла Пятаго [17]). Эта опасность показалась тѣмъ страшнѣе, что безъ Франціи никто не могъ бы поколебать могущества Австріи на континентѣ. Миръ сдѣлался возможнымъ. Людовикъ XIV благоразумно заключилъ его. Испанскіе Бурбоны навсегда утратили права на французскій тронъ; обѣ короны остались совершенно обособленными; но Франція сохранила, что было всего важнѣе, тѣ границы, которыя ей отвоевалъ Людовикъ XIV въ первые годы своей славы.

VII.

Людовикъ XIV сдѣлалъ Францію ненавистною для сосѣдей и подозрительною для всей Европы. Много осторожности и мудрости нужно было имѣть его преемникамъ, чтобы смягчить чувство страха и зависти, которыя внушило это долгое царствованіе, переполненное войнами и завоеваніями. Къ счастію, требуемая отъ нихъ умѣренность оставалась самой искусной и выгодной для Франціи политикой. Франція сохранила Эльзасъ, Франшъ-Конте, Фландрію, Руссильонъ и, благодаря этой расширенной границѣ, прежніе враги перестали ей угрожать. Утрехтскіе трактаты измѣнили равновѣсіе силъ.

Отнынѣ австрійскій домъ остался только въ Германіи. Говоря объ этомъ домѣ и его соперничествѣ съ французскимъ, очень часто забываютъ, что самый пламенный очагъ ненависти находился въ Испаніи. Испанія воспитала ту жестокую злобу, которую переносятъ, вслѣдствіе ошибочнаго пониманія словъ и идей, на одну Австрію. Теперь Испанія была не страшна, она ослабѣла и сдѣлалась зависимой. Одинъ изъ младшихъ сыновъ Франціи, Бурбонъ, воцарился въ Мадридѣ, и съ этой стороны роли перевернулись. Что касается до самой Австріи, то она, конечно, увеличилась; она завладѣла Нидерландами, Ломбардіей, Неаполемъ, присоединила вскорѣ Сицилію; но она разбросалась; умноживъ число своихъ аванпостовъ, она представила своимъ противникамъ большее число уязвимыхъ пунктовъ. У Франціи были подъ рукою Нидерланды: Савойя угрожала Милану, а въ Германіи— Пруссія, могущество которой постоянно росло, группировала вокругъ себя

---

[17]) Испанскій король Карлъ II сдѣлалъ герцога Анжуйскаго своимъ наслѣдникомъ. Европа, опасаясь всемірнаго преобладанія Бурбоновъ, составила союзъ противъ нихъ и поддержала въ Мадридѣ притязанія эрцгерцога Карла, брата императора Іосифа I. Послѣдній умеръ въ 1711 г., не оставивъ сына. Наслѣдникомъ становился эрцгерцогъ. Если бы онъ вступилъ на испанскій престолъ—это былъ бы второй Карлъ V во главѣ всемірной монархіи австрійскаго дома. Европа такъ же мало желала этой монархіи, какъ и монархіи Людовика XIV.

противниковъ имперіи [1]). Франція завершила свое дѣло присоединеніемъ Лотарингіи. Жителей Лотарингіи перевели въ Тоскану, и, въ силу того же вѣнскаго трактата, Неаполь и Сицилія перешли къ испанцамъ. Кажется, что отнынѣ Франціи остается только сберегать добытое, такъ какъ на материкѣ она представляетъ самое сплоченное государство. Могущество ея главнаго врага значительно ослабѣло. Она окружена болѣе слабыми, чѣмъ она сама, государствами, которыя боятся ея и ищутъ ея покровительства; снова предоставляется ей прекрасная роль умѣрительницы воинственныхъ стремленій Европы и опекунши мира, подготовленнаго ей кардиналомъ Ришелье, и снова дается возможность нести за море, въ другое полушаріе, тотъ избытокъ силъ и обиліе соковъ, которые составляютъ для великихъ націй необходимое условіе здоровья.

Будущность ея величія отнынѣ лежитъ въ колоніяхъ. Но тамъ она сталкивается съ Англіей, и на этомъ новомъ поприщѣ ихъ соперничество разгорается сильнѣе, чѣмъ въ Столѣтнюю войну. Чтобъ поддержать эту борьбу, распространившуюся на весь міръ, Франціи не хватаетъ всѣхъ ея рессурсовъ. Ведя войну одновременно въ Канадѣ и Индіи, Франція не должна была вести свои арміи на Рейнъ. Миръ на материкѣ былъ необходимымъ условіемъ успѣховъ, которыхъ могли ожидать въ Америкѣ и Азіи. Ради этого мира она должна была отказаться отъ континентальныхъ завоеваній. Она могла это сдѣлать, обладая громадными оборонительными средствами. Вблизи ея никто не смѣлъ произвести пушечнаго выстрѣла безъ ея дозволенія. Но увы! Франція была далека отъ подобнаго благоразумія и, желая одновременно устроивать колоніи и распоряжаться европейскими государствами, она подвергала опасности свое могущество въ обѣихъ частяхъ свѣта.

Французы желали колоніальныхъ завоеваній, но не могли воздержаться отъ европейскихъ, чѣмъ и пользовалась Англія. Австрія сдѣлалась ея естественной союзницей противъ Франціи и своими маневрами отвлекала ее отъ колоній. Однако французы могли еще сдерживать Австрію: при нуждѣ, они могли обратиться къ Пруссіи, Савойѣ, Польшѣ и Турціи. Это уже дѣло дипломатіи, но французскіе политики не удовлетворялись дипломатіей. Ненависть къ австрійскому дому пережила причины къ соперничеству. Этотъ домъ и есть то *чудовище*, о которомъ говоритъ Бальзакъ [2]). Его укротили, но этого мало: только смерть его можетъ дать покой. По словамъ Д'Аржансона [3]), «главное правило политиковъ состоитъ въ томъ, чтобъ ослабить эту державу и сдѣлать императора такимъ же землевладѣльцемъ, какъ бо-

---

[1]) *Recueil des Instructions*, *Autriche*, Introduction, p. 14 et suiv.—*Instruction du duc de Richelieu*, 1725, p. 208.

[2]) *Le Prince*, ch. XIX.

[3]) *Mémoires*, t. IV, p. 218.

гатѣйшій изъ избирательныхъ князей». Карлъ VI умираетъ въ 1740, оставляя одну дочь; Франція видитъ въ этомъ удобный случай [4]) и съ трубнымъ звукомъ отправляется во главѣ всѣхъ охотниковъ за наслѣдствомъ: «создать императора, завоевать царства!» [5]). Баварецъ, котораго посадили на престолъ, былъ фиктивнымъ императоромъ, а что касается до завоеваній, то приходилось радоваться, что Морицъ Саксонскій сохранилъ для Франціи завоеванія Людовика XIV. Единственнымъ результатомъ коалиціи было расширеніе Пруссіи.

Между тѣмъ Франція дала себя побить на морѣ и предоставила Дюплэ, который съ горстью людей основывалъ имперію, исключительно однимъ рессурсамъ своей изобрѣтательности [6]). Мало того: рискнувши Канадой, чтобъ завоевать Силезію для короля прусскаго, потеряли ее только для того, чтобъ доставить себѣ удовольствіе возвратить эту провинцію венгерской королевѣ. Франція съиграла въ руку Англіи въ войнѣ за испанское наслѣдство и въ руку Австріи—въ Семилѣтней войнѣ.

Фридрихъ былъ самымъ ненадежнымъ изъ союзниковъ. Въ 1755 онъ цинично измѣнилъ своимъ союзникамъ и перешелъ къ англичанамъ, которые возобновили войну съ Франціей. Такъ какъ на сторонѣ Англіи была Пруссія, то, для поддержки равновѣсія, Франція должна была сойтись съ Австріей. Марія-Терезія предложила свой союзъ и Франція приняла его. Такимъ путемъ заключенъ былъ знаменитый трактатъ 1-го мая 1756. Это чисто оборонительный союзъ. Но Франція не поняла его и хотя перемѣнила своихъ партнеровъ, но была попрежнему ими обманута. Людовикъ XV сдѣлался защитникомъ Австріи съ такимъ же слѣпымъ увлеченіемъ, съ какимъ былъ ранѣе ея противникомъ. Континентальная война, изъ побочной, сдѣлалась главной. Съ роли руководящей державы Франція перешла на роль второстепенной. Она не достигла даже того побочнаго результата, которому пожертвовала своими драгоцѣннѣйшими интересами. Фридрихъ сохранилъ Силезію, Франція утратила Канаду и оставила Луизіану; владычество надъ Индіей перешло въ руки англичанъ. Такимъ образомъ Людовикъ XV обезпечилъ торжество Англіи съ помощью той политики, единственной цѣлью которой было пораженіе Англіи [7]).

«Въ особенности старайтесь, чтобъ король не попалъ въ рабскую зависимость отъ своихъ союзниковъ,—писалъ Берни Шуазелю, бывшему посланникомъ въ Вѣнѣ.—Это было бы самое худшее» [8]). Это худшее Франція

---

[4]) *Recueil des Instructions*, t. I, p. 383.

[5]) *Mémoires de Belle-Isle.* Duc de Broglie. *Marie-Thérèse et Frédéric II*, p. 8.

[6]) Hamont. *Dupleix.* Paris 1881.

[7]) *Essais de critique et d'histoire*: *Bernis et l'alliance autrichienne* de 1756.

[8]) Отъ 29 октября 1758 г. *Mémoires de Bernis,* publiés par *Frédéric* Masson, t. II, p. 321.

испытала въ послѣдніе года царствованія Людовика XV. Союзъ 1756, бывшій въ своей первоначальной формѣ искусной уловкой, сдѣлался самой бѣдственной политической системой. Не пріобрѣтя ни одной территоріи, Франція утратила свое значеніе въ Европѣ. Прежде она группировала вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кого тревожило могущество Австріи: принужденная выбирать между ними и Австріей, она предоставила австрійцамъ полную свободу дѣйствій. Верхомъ униженія было для Франціи то, что послѣ войны, въ которой она всего лишилась, чтобъ быть орудіемъ ненависти Маріи-Терезіи къ Фридриху, непримиримые нѣмцы, безъ ея вѣдома и въ ущербъ ей, сблизились, сговорились и заодно съ Россіей раздѣлили остатки Польши, одной изъ самыхъ давнишнихъ кліентокъ французской монархіи [9]).

У Франціи осталась одна союзница—Испанія. Ихъ связалъ въ 1761 *Семейный договоръ*—единственное благодѣтельное дѣло, совершенное въ эти бѣдственные года. Союзъ этотъ былъ проченъ, потому что Франція и Испанія имѣли одного общаго врага—Англію. Побѣдоносная, но вѣчно ревнивая и вѣчно на-сторожѣ, Англія была, въ глазахъ француза восемнадцатаго столѣтія, наслѣдственнымъ врагомъ и безпощадной соперницей. Трактаты считались простымъ перемиріемъ, и вражда таилась подъ наружнымъ согласіемъ. Вѣковая ненависть, раздражаемая постоянными ранами, наносимыми самолюбію, поддерживала у французовъ пламенное желаніе реванша. Современники сравнивали отношенія между Англіей и Франціей съ отношеніями между Римомъ и Карѳагеномъ. «Англія,—говоритъ одинъ знаменитый публицистъ,—также поставила себѣ правиломъ не давать намъ подняться, постоянно наблюдать за нашими портами, верфями, арсеналами, слѣдить за нашими проектами, приготовленіями, нашими малѣйшими движеніями и останавливать ихъ съ помощью надменныхъ инсинуацій или же грозныхъ демонстрацій» [10]). Неискусныя усилія Людовика XV исправить съ помощью секретной дипломатіи бѣдствія, причиненныя его оффиціальной политикой, происходили отъ безполезнаго безпокойства усталаго ума. Въ нихъ проявляется одна тревога, свойственная слабымъ характерамъ. Благородный человѣкъ, котораго онъ принесъ въ жертву ради этой неблагодарной и двусмысленной работы, вложилъ въ нее всѣ силы души, способной задумать великія дѣла и, быть можетъ, при другомъ царствованіи, даже совершить ихъ [11]). Жераръ де-Рейневаль, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и достой-

---

[9]) См. *La question d'Orient au dix-huitième siècle* статью *L'Entrevue de Neisse*, 1769.

[10]) Favier, *Conjectures raisonnées*, ch. X. Объ Англіи. Boutaric, *Correspondance secrète de Louis XV.*

[11]) Le comte de Broglie. См. *Le secret du Roi* par le duc de Broglie. *Les Essays de critique et d'histoire: La diplomatie secrète de Louis XV.*

ныхъ дѣятелей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писалъ: «Тогда-то у всѣхъ націй возникло мнѣніе, что во Франціи не стало ни силы, ни рессурсовъ; зависть, которая прежде служила политическимъ двигателемъ относительно Франціи, выродилась въ презрѣніе. У версальскаго кабинета не было ни кредита, ни вліянія при другихъ дворахъ. Вмѣсто того, чтобъ быть центромъ всѣхъ великихъ дѣлъ, онъ сдѣлался ихъ простымъ зрителемъ. Даже его одобреніе или порицаніе ни во что не ставились» [12]).

Нація сознавало этотъ упадокъ [13]). Онъ тѣмъ сильнѣе раздражалъ ее, что новая государственная система разстраивала всѣ ея традиціи. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія въ націи воспитывали ненависть къ австрійскому дому. Необходимость унизить этотъ домъ, и какъ средство для достиженія такой цѣли—союзъ съ протестантскими государствами, и преимущественно съ Пруссіей,—считались основными правилами внѣшней политики. Имъ учили въ коллегіяхъ, они считались столь же очевидными, какъ философія просвѣщенія и правила классической комедіи. Никогда прежде Ришелье не стоялъ такъ высоко въ общественномъ мнѣніи, никогда прежде не восхищались такъ сильно вестфальскими трактатами. Война за австрійское наслѣдство пробудила и оживила эти великія воспоминанія. Франція боролась сразу противъ двухъ традиціонныхъ соперницъ. Битва при Фонтенуа продлила монархію на сорокъ лѣтъ, сказалъ Наполеонъ [14]). Въ началѣ Семилѣтней войны, публика, въ виду отпаденія Фридриха, сознала необходимость измѣнить тактику, чтобъ сдерживать Пруссію: она думала, что поняла цѣль австрійскаго союза и рукоплескала ему. Она воображала, что, благодаря этому ходу, Франція, освободившись отъ пруссаковъ, можетъ собрать всѣ свои рессурсы противъ Англіи. Но когда Франція увидѣла, что война перенесена въ Германію, что сражаются не за ея собственные національные интересы, а «за австрійскій домъ, что жертвуютъ Канадой для Силезіи и что подъ предлогомъ мстить за обиды Маріи-Терезіи подвергаютъ берега Франціи нападеніямъ англичанъ, она перестала понимать и увидѣла въ этомъ измѣну себѣ.

Она не обвиняла прусскаго короля; онъ былъ популяренъ; все въ немъ восхищало: его геній, его управленіе, даже его завоеванія [15]); философія

---

[12]) *Situation politique de la France à l'Avènement du Roi au trône* 1774. Affaires étrangères.

[13]) Bernis. *Mémoires.* Наиболѣе формальныя доказательства такого настроенія общественнаго мнѣнія мы найдемъ въ письмахъ Берни къ Шуазелю въ 1757 и 1758.

[14]) *Mémoires de madame de Rémusat*, t. III, p. 288, Paris, 1882.

[15]) «Эта война и это завоеваніе (нашествіе на Силезію въ 1740 г.) были справедливы, насколько могутъ быть справедливыми войны и завоеванія». Mirabeau, *Monarchie prussiene*, t. I, l. I, p. 97.

окружила его своимъ ореоломъ. Стойкость, обнаруженная Фридрихомъ въ борьбѣ, примирила съ нимъ тѣхъ, кого раздражило его вѣроломство. Ненависть къ Австріи пересилила тѣ чувства, какія заслужила Пруссія [16]). «Французы болѣе чѣмъ когда-нибудь негодуютъ на войну,—писалъ Берни въ апрѣлѣ 1758 г.—Здѣсь до безумія любятъ прусскаго короля, потому что всегда любятъ тѣхъ, кто хорошо устраиваетъ свои дѣла; ненавидятъ вѣнскій дворъ, потому что видятъ въ немъ піявку государства». Чувство это было справедливо и выраженіе не натянуто. «Наша роль была нелѣпа и позорна», говоритъ въ заключеніе этотъ министръ Людовика XV, и вся Франція раздѣляла это мнѣніе [17]). Негодованіе достигло крайней степени, когда узнали о раздѣлѣ Польши и когда увидѣли, до какой «рабской зависимости» [18]) передъ австрійскимъ домомъ король довелъ Францію [19]).

Гнѣвъ и злоба, которые испытывала нація отъ сознанія, что ее эксплуатировали въ войнѣ [20]) и обманули при заключеніи мира, увеличивались боязнью, что такой жадный и безсовѣстный союзникъ можетъ современемъ и ограбить. «Я предвижу, писалъ Мабли нѣсколько лѣтъ спустя, что императоръ потребуетъ Лотарингію, Эльзасъ и все, что ему вздумается» [21]).— «Кто можетъ поручиться Франціи за то, что въ случаѣ неудачной войны

---

[16]) *Mémoires secrets de Duclos.* «Король прусскій—писалъ Мирабо въ 1786 г. созналъ, что единственное спасеніе отъ опасности заключалось въ самой опасности, и, какъ великій человѣкъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ. Нельзя признать, что никогда война не была такъ справедлива». *Monarchie prussienne*, t. I, liv. 1. «Развѣ не безуміемъ было съ его стороны сражаться послѣ того, какъ цѣль была достигнута? И чѣмъ онъ обязанъ былъ Франціи, безъ участія которой онъ началъ войну и которая только случайно сдѣлалась его союзницей. Guibert, *Eloge du roi de Prusse*, 1787.—Le duc de Broglie, *Marie-Thérèse et Frédéric*, t. II, ch. VI. *La défection de Frédéric*, и относительно Семилѣтней войны письма Вольтера Фридриху въ октябрѣ 1757 г.—«Этотъ государь, не имѣющій себѣ равныхъ въ исторіи со времени Александра, не будучи самъ воспитанъ греками, съумѣлъ однако воспитать спартанцевъ». Raynal, liv. III, ch. XXXIX.

[17]) Bernis, *Mémoires II*, p. 17, 202.

[18]) Берни Шуазелю отъ 29 окт. 1758. Bernis, *Mémoires II*, p. 322.

[19]) *Vanae sine viribus virae!*—говорилъ Кауницъ о робкихъ замѣчаніяхъ Людовика XV. Онъ довелъ наглость до того, что обвинялъ Францію въ томъ, что она была причиною раздѣла. «Франція надоѣла всѣмъ!» — писала Марія-Терезія по поводу признаковъ неудовольствія, о которыхъ сообщалъ ея посланникъ Мерси. См. *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 246 и слѣд.

[20]) «Повидимому, хотѣли извлечь изъ насъ все лучшее, не заботясь о томъ, что̀ станется съ нами впослѣдствіи»,—писалъ Берни Шуазелю въ 1758 году. *Mémoires*, t. II, p. 263.—Это было справедливо. См. *Recueil des Instructions*, Autriche, p. 387, 398 и въ особенности 419.

[21]) *Notre gloire et nos rêves*, 1778.—*Id. De la paix d'Allemagne*, 1778.

императоръ не потребуетъ возвращенія Эльзаса и даже другихъ провинцій?» говорилъ одинъ изъ министровъ Людовика XVI [22]). Такимъ-то образомъ Австрія, употребивши во зло союзъ съ Франціей, оживила въ умахъ всѣ традиціи соперничества. Прибавьте къ этому, что Марія-Терезія была ханжа, что всѣмъ была извѣстна ея дружба съ іезуитами, ея вражда къ философіи, а что фаворитки при дворѣ короля были, по общему мнѣнію, подкуплены Австріей: такъ все способствовало къ тому, чтобъ сдѣлать ненавистнымъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія союзъ, который уже самъ по себѣ былъ въ высшей степени непріятенъ. Въ то время, когда приверженцевъ новыхъ идей начинали называть *патріотами*, противниковъ этихъ идей соединяли воедино подъ названіемъ *австрійская партія*.

Но ненависть къ этому союзу была еще не такъ пламенна среди философовъ и образованной публики, какъ при дворѣ и даже въ семьѣ самого короля. Дофинъ, хотя человѣкъ очень религіозный, стоялъ за старую систему. Онъ относился очень враждебно «къ Шуазелямъ; «это—лотарингцы по духу и происхожденію», и къ союзу, который «мѣшаетъ намъ быть французами». «Я долженъ,—писалъ онъ,—постараться узнать изъ исторіи моихъ предковъ, какими средствами удалось имъ взять у этого дома Испанію, Неаполь, Лотарингію, часть Нидерландовъ, Эльзасъ, Франшъ-Конте, Руссильонъ и не забывать, что безъ наблюдательной политики съ моей стороны Австрія вновь отниметъ у меня все то, что взяла у моихъ предковъ съ самаго начала своего существованія, которое нельзя назвать очень древнимъ. Невольно вспоминаешь о томъ, чѣмъ была Франція при Карлѣ Великомъ» [23]). Дочери Людовика XV питали такія же чувства [24]). Графъ Прованскій былъ ими проникнутъ. Это былъ король всѣхъ политиковъ, которые считали себя знатоками по части традицій. Относительно этого пункта господствовало полное единомысліе среди министровъ, изъ которыхъ Людовикъ XVI составилъ впослѣдствіи свой совѣтъ. Это—«крикъ самой націи», какъ выразился одинъ изъ нихъ [25]). Таково было мнѣніе тѣхъ знаменитыхъ бюро иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ,

---

[22]) См. *Мемуары*, читанные въ королевскомъ совѣтѣ въ 1784 и 1785 г., изданныя Трачевскимъ. *La France et l'Allemagne sous Louis XVI.* Paris, 1880.—Приведенная цитата находится въ *мемуарахъ* Д'Оссуна, 11 ноября 1784.—*Mémoires du comte* de Ségur, 1784, и de Castries, 2 января 1785 г.

[23]) Soulavie, *Mémoires*, t. I, p. 111. Paris, 1801.

[24]) Arneth et Geffroy, *Correspondance de Marie-Thérèse et du comte de Mercy*, Introduction XV et rapports de Mercy, *passim*.

[25]) См. *Мемуары*, изданные Трачевскимъ: мемуары Верженна, Субиза, Оссуна, Кастри, Калонна, Сегюра, Бретейля, въ ноябрѣ 1784; Сегюра, Кастри, Бретейля, Калонна, Субиза, Оссуна, въ 1785.

по выраженію современника, старая традиція хранилась «какъ священный огонь весталокъ» [26]).

Въ эпоху революціи, это чувство было столь общимъ, что эмигранты въ этомъ отношеніи раздѣляли страсти республиканцевъ. «Австрійскій комитетъ» возбуждалъ одинаковое недовѣріе въ Кобленцѣ и въ Конвентѣ. Одинъ эмигрантъ офицеръ, составляя для Екатерины II мемуаръ о причинахъ паденія королевской власти, приписывалъ ихъ «бѣдственному союзъ 1756 г. [27]). Въ 1795 г. при дворѣ графа Прованскаго, въ Веронѣ, объ «австрійской партіи» говорили съ такой же горечью, какъ въ комитетѣ общественнаго спасенія» [28]). Бракъ Маріи-Антуанеты съ дофиномъ навсегда закрѣпилъ союзъ 1756 г. Несчастная принцесса собрала на свою голову всю ненависть и предубѣжденія, накопившіяся въ теченіе трехъ вѣковъ соперничества и еще болѣе обострившіяся подъ жгучимъ впечатлѣніемъ недавнихъ обидъ. Самая причина ея прибытія во Франціи дѣлала ее подозрительной въ глазахъ французовъ; они вмѣнили ей въ преступленіе ея привязанность къ союзу, хотя онъ и составлялъ единственный смыслъ ея брака. Надо измѣрить всю ярость страстей, возбужденныхъ ея матерью и ея родиной, чтобъ понять ту страшную непопулярность, которая ее преслѣдовала во Франціи; эта непопулярность, задолго до революціи, резюмировалась въ одномъ словѣ, которое для Маріи-Антуанеты равнялось смертному приговору: австріячка.

VIII.

Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, французская монархія была еще болѣе унижена въ Европѣ, чѣмъ во Франціи; внѣшнія дѣла были еще болѣе запутаны, чѣмъ внутреннія. Людовикъ XVI пытался поправить тѣ и другія одинаковыми средствами, возвращаясь къ традиціямъ монархіи и пытаясь примирить ихъ съ требованіями времени. Онъ возложилъ на Верженна, которому поручилъ веденіе иностранныхъ дѣлъ—такую же задачу, какую возложилъ на Тюрго. Но Тюрго былъ человѣкъ съ дарованіями—Верженнъ обладалъ только здравымъ смысломъ, опыт-

---

[26]) Soulavie. *Mémoires*, t. I, ch. I. — Flasson, *Histoire de la diplomatie. Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état*, t. I. Paris, 1828. — Въ мемуарѣ Рейневаля, извлеченіе изъ котораго я приводилъ выше, трактатъ 1756 г. названъ роковымъ для Франціи: «Онъ низвергъ политическую систему Европы въ ущербъ Франціи».

[27]) *Mémoires sur les affaires présentes*, par le comte de Langeron, 1792. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[28]) *L'Angleterre et l'émigration* par André Lebon, p. XXVI, 339. Paris, 1882.

ностью въ дѣлахъ, твердымъ, проницательнымъ и дальновиднымъ патріотизмомъ. У него было трезвое сужденіе, просвѣщенный умъ, любовь къ добродѣтели. Его упрекали въ нерѣшительности [1]); но кто не заслужилъ бы этого упрека въ Европѣ, вышедшей изъ колеи, съ обязательствами и интересами, которые противорѣчили другъ другу? На него падало обвиненіе въ измѣнчивости, даже въ двуличности, въ противорѣчіи между принципами, которые онъ высказывалъ, и инструкціями, которыя давалъ своимъ агентамъ; но при этомъ забывали, что онъ жилъ въ мірѣ развратниковъ и скептиковъ, что его обязанностью было привлечь ихъ на свою сторону и что для этой цѣли онъ долженъ былъ говорить ихъ языкомъ. Роль его была довольно щекотлива: блюститель нравовъ и придворный, моралистъ и дипломатъ плохо уживались между собою и мѣшали одинъ другому. Прибавьте нѣкоторую напыщеность и склонность къ разглагольствованіямъ въ духѣ того времени. Впрочемъ, несмотря на эту легкую окраску педантизма, Верженнъ былъ очень порядочный человѣкъ, мудрый министръ, какого давно уже не было во Франціи, и честнѣйшій изъ всѣхъ европейскихъ дипломатовъ.

Всю свою карьеру онъ сдѣлалъ при посольствахъ и принадлежалъ къ той королевской оппозиціи, которую направлялъ графъ де-Брольи. Онъ былъ, какъ говорили, «допущенъ въ секретъ». Съ нимъ вступила въ министерство тайная дипломатія Людовика XV. Верженнъ не имѣлъ въ виду нарушить союзъ 1756 г., но расчитывалъ свести его къ его дѣйствительной цѣли, и изъ системы, которая, благодаря слабости Людовика XV и безсилію его министровъ, сдѣлалась системой австрійской, создать систему французскую [2]). Это было именно то, чего искалъ Людовикъ XVI. Если Верженну удалось его предпріятіе въ то время, какъ Тюрго потерпѣлъ неудачу въ своемъ, то этого не надо приписывать различію задачъ, крайней сложности внутреннихъ дѣлъ, относительной простотѣ внѣшнихъ, но преимущественно поддержкѣ, которую встрѣтилъ Верженнъ въ общественномъ расположеніи и въ довѣріи короля. Мнѣнія о реформахъ Тюрго раздѣлялись: частные интересы соединились противъ него и порализовали его дѣятельность. Между тѣмъ общественное мнѣніе единогласно желало возстановленія престижа Франціи и видя, что министерство работаетъ надъ этимъ, рукоплескало ему. Наконецъ, чтобъ поддержать Тюрго, а при случаѣ противорѣчить ему въ интересахъ его же дѣла, нуженъ былъ высшій умъ;

---

[1]) См. Cornelis de Witt. *Waschington.* Paris, 1859. *Jefferson.* Paris, 1861. Трачевскій *Франція и Германія при Людовикѣ XVI.*

[2]) Эти взгляды развиты съ замѣчательной полнотой въ инструкціяхъ, данныхъ барону Бретейлю въ 1774 г.—*Recueil*, t. I. Австрія: «О взаимныхъ выгодахъ нашего союза съ вѣнскимъ дворомъ».

чтобъ оцѣнить и принять политику Верженна, достаточно было обладать здравымъ смысломъ и пониманіемъ интересовъ Франціи въ Европѣ. Людовикъ XVI обладалъ тѣмъ и другимъ.

Онъ зналъ европейскія дѣла несравненно личше, чѣмъ французскія, потому что его учили первымъ и оставили въ невѣдѣніи относительно вторыхъ. Впрочемъ, кто бы сталъ его учить? Будь такой преподаватель, онъ долженъ былъ бы сдѣлаться тѣмъ великимъ министромъ, въ какомъ такъ нуждалась Франція. Сложность внутренняго управленія пугала слабый и нерѣшительный умъ Людовика XVI. Кромѣ того, съ его королевской точки зрѣнія, а также во мнѣніи двора, это были второстепенныя дѣла, интересы мелкаго люда, которые предоставляются обыкновенно интендантамъ. Внѣшнія дѣла были дѣла его собратьевъ королей, его касты, его семейства, наконецъ его собственныя дѣла. Отъ природы трудолюбивый, онъ добросовѣстно занимался ими. Онъ зналъ исторію своего дома и исторію другихъ династій Европы; онъ ее изучилъ не въ сухихъ и педантичныхъ урокахъ, но изъ разсказовъ, изъ разговоровъ, изъ естественнаго хода своей жизни, какъ царствующаго монарха. Всѣ его понятія объ Европѣ сводились къ нѣсколькимъ элементарнымъ логическимъ предложеніямъ, которыми онъ былъ вполнѣ проникнутъ. Къ нимъ онъ присоединялъ очень возвышенное чувство достоинства своего сана. Съ такою подготовкой, онъ способенъ былъ принимать хорошіе совѣты и высказывать весьма мудрыя мнѣнія.

Самая его робость и недовѣріе оказали ему услугу въ этомъ случаѣ. Онъ опасался вліянія королевы, и хотя слишкомъ часто допускалъ его во внутреннихъ дѣлахъ, потому что не всегда былъ на-сторожѣ, но съумѣлъ уберечься отъ него во внѣшнихъ [3]). Съ самаго начала своего царствованія, онъ показалъ, что понимаетъ внѣшнюю политику совершенно иначе, чѣмъ его дѣдъ [4]).

«Соблаговолите припомнить, государь,—писалъ Верженнъ въ 1782 г.,—въ какомъ положеніи была Франція относительно другихъ европейскихъ державъ, когда ваше величество взяли въ свои руки бразды правленія и сдѣлали мнѣ честь поручить управленіе иностранными дѣлами. Жалкій миръ 1763 г., раздѣлъ Польши и многія другія, равно прискорбныя, причины нанесли глубокій ущербъ достоинству вашего трона. Франція, нѣкогда предметъ ужаса и зависти для другихъ державъ, возбуждала совершенно противоположное чувство; прежде она была первой державой въ

---

[3]) Переписка между Мерси и Маріей-Терезіей не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно этого пункта. Письма прусскаго министра Гольца вполнѣ подтверждаютъ этотъ фактъ.

[4]) См. инструкціи Бретейлю, составляющія обдуманную политическую программу. *Recueil des Instructions*, t. I.

Европѣ; теперь ей неохотно даютъ мѣсто среди второстепенныхъ» [5]). Чтобъ поставить ее на прежнее мѣсто, нужно было освободить ее отъ первенства Англіи и сбросить австрійское иго. Случаи къ тому и другому представились одновременно.

Англійскія колоніи Сѣверной Америки возмутились, Франція ихъ поддержала; Іосифъ II расчитывалъ овладѣть Баваріей; Франція помѣшала ему. Тщетно предлагалъ Іосифъ Франціи сдѣлать ее участницей въ предпріятіи и выдѣлить ей долю въ Нидерландахъ. Какъ ни выгодно было это предложеніе но въ глазахъ короля оно не вознаграждало за тотъ вредъ, который былъ бы нанесенъ французской монархіи, еслибъ онъ допустилъ распространеніе австрійскаго могущества до центра Германіи, далъ имперіи возможность удовлетворять всѣмъ ея алчнымъ стремленіямъ, отказался отъ гарантій, представляемыхъ вестфальскими трактатами, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ арміямъ императора дорогу въ Италію. Плата, полученная Франціей, только еще рѣзче обнаружила бы въ глазахъ Европы ея зависимость [6]). Тешенскіе трактаты, заключенные при посредничествѣ Людовика XVI въ 1779 г., вернули подъ ея покровительство второстепенныя государства. Франція выказала себя рѣшительной и безкорыстной; Европа, переставшая было считаться съ нею, вернула ей прежнее уваженіе. Ущербъ, который Франція наносила въ то же время англичанамъ, коалиція, которую она составила противъ нихъ съ Испаніею и Голландіею, и успѣхъ войны за независимость окончательно подняли ея престижъ.

Отнынѣ она стала заботиться только о поддержаніи мира на континентѣ. Задача была не легкая. Правда, что Фридрихъ, старѣясь, сдѣлался консерваторомъ: онъ удалялся отъ дѣлъ и желалъ только наслаждаться своими пріобрѣтеніями; но Екатерина Великая, его смѣлая и непокорная ученица, но императоръ Іосифъ, его отважный соперникъ и подражатель, нашли удобнымъ воспользоваться американской войной, чтобъ приняться за раздѣлъ турецкой имперіи. Миръ, заключенный въ 1783 г. между Франціей и Англіей, очень кстати остановилъ этихъ смѣлыхъ завоевателей. Россіи впрочемъ удалось сохранить Крымъ, какъ задатокъ въ счетъ наслѣдства, но вѣнскому двору дали понять, что Франція не пожертвуетъ ей имперіею Оттомановъ. «Какую бы цѣну ни придавалъ король союзу,

---

[5]) Верженнъ Людовику XVI, 1782. *Affaires étrangères.*

[6]) «Король почувствовалъ необходимость положить конецъ нестерпимому злоупотребленію, со стороны вѣнскаго кабинета, его снисходительностью, его привязанностью къ союзу, его дружбой къ ихъ величествамъ, словомъ возстановить равенство отношеній между двумя дворами». *Situation politique à l'Avènement du roi* par Gerard de Rayneval, Affaires étrangères.—Fournier. *Gentz et Cobenzl.* Introduction. Vienne, 1880.

писалъ Верженнъ [7]), онъ, не колеблясь, откажется отъ него, когда потеряетъ надежду охранить самый принципъ этого союза, и убѣдится, что его союзникъ, не обращая вниманія на убѣжденія, рѣшается на предпріятія, которымъ его величество не можетъ потворствовать, не утрачивая уваженія, пріобрѣтеннаго десятью годами мудрости и не нанося неисправимаго ущерба существеннымъ интересамъ своего королевства». Такъ какъ трудно было ожидать, чтобъ Іосифъ II отказался отъ своихъ завоевательныхъ намѣреній, то Верженнъ пришелъ къ заключенію, что «союзъ былъ крайне шатокъ» и что «въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ ему грозитъ переворотъ.

Этотъ переворотъ наступилъ очень быстро. Іосифъ II, потерпѣвшій неудачу въ своихъ планахъ по отношенію къ Турціи, обратился противъ голландцевъ и потребовалъ уничтоженія трактатовъ, закрывавшихъ плаваніе по Шельдѣ. Это было одною изъ статей великой торговой хартіи республики. Она аппелировала къ союзникамъ: Франція ее защитила, и трактатъ, подписанный въ 1785 г. въ Фонтенебло, обезпечилъ республикѣ сохраненіе ея правъ. Эта неудача, крайне раздражившая Іосифа II, еще болѣе утвердила его въ составленномъ замыслѣ, отдѣлаться отъ Нидерландовъ Онъ придумалъ перемѣстить туда баварскій домъ, который взамѣнъ уступилъ бы ему свои владѣнія въ южной Германіи. Нидерланды, присоединенныя къ землямъ Палатината на лѣвомъ берегу Рейна, образовали бы государство подъ именемъ Бургундіи или Австразіи. Чтобы заручиться согласіемъ Франціи на эту комбинацію, Іосифъ предложилъ ей Люксамбургъ; но ни комбинація эта, ни названіе государства не могли понравиться Людовику XVI. Онъ не только отказалъ въ своемъ согласіи, но поддержалъ лигу или *конфедерацію князей*, которую Фридрихъ образовалъ въ Германіи съ цѣлью противодѣйствовать захватамъ австрійскаго дома [8]).

Французское министерство могло, по справедливости, поздравить себя съ тѣмъ, что ему удалось возстановить въ Германіи значеніе и вліяніе, которыя нѣкогда были упрочены за Франціей вестфальскими трактатами [9]). Такимъ образомъ Людовикъ XVI сталъ на тотъ путь, который дѣлалъ его охранителемъ мира въ Европѣ. Верженнъ завершилъ великое дѣло, заключивъ въ 1786 г. торговый договоръ съ Англіей, цѣлью котораго было установленіе мирныхъ отношеній между обѣими націями. Такого же рода трактатъ съ Россіей, подписанный въ 1787 г., закрѣпилъ между петербургскимъ и

---

[7]) Instruction du marquis de Noaille, 1783. *Recueil*, t. 1, p. 523.

[8]) См. Ranke, *die deutschen Maechte und Fürstenbund.*—Malmesbury, *Diaries.* Лондонъ, 1842.

[9]) Инструкція Беренжеру, посланнику при сеймѣ, 1786. Affaires étrangères.

парижскимъ дворами согласіе, необходимость котораго повидимому всѣ сознавали. Эта прекрасная политика, говоритъ одинъ современникъ, «ставила насъ снова на ту высокую степень, откуда мы спустились, вслѣдствіе безсильнаго царствованія Людовика XV. Благодаря этой политикѣ, Людовику XVI выпало на долю то первенство, которое соотвѣтствовало его добродѣтельному характеру, первенство монарха миротворца, умѣреннаго и могущественнаго [10]). Это было время великодушныхъ иллюзій и великихъ надеждъ. По словамъ графа Сегюра [11]), королевство имѣло такой цвѣтущій видъ, что, не обладая печальнымъ даромъ пророчества, невозможно было предвидѣть бездну, къ которой насъ несло быстрымъ потокомъ... Каждый думалъ, что идетъ къ совершенству, не смущаясь препятствіями и не опасаясь ихъ. Мы гордились тѣмъ, что мы французы, а еще больше тѣмъ, что мы французы восемнадцатаго вѣка, который считали золотымъ вѣкомъ, вернувшимся на землю, благодаря новой философіи... Въ самомъ дѣлѣ, когда я вспоминаю эту эпоху обманчивыхъ словъ и ученыхъ глупостей, я сравниваю состояніе, въ которомъ мы находились тогда, съ состояніемъ человѣка, стоящаго на верху башни и при видѣ безграничнаго горизонта испытывающаго головокруженіе, которое лишь нѣсколькими минутами предшествуетъ самому ужасному паденію».

Однако это паденіе было неизбѣжно, и такъ глубоко сидѣла болѣзнь, точившая старый порядокъ, что даже этотъ послѣдній блескъ только ускорилъ его погибель. Верженнъ былъ хорошій дипломатъ, но не былъ государственнымъ человѣкомъ; внутреннее управленіе ускользало отъ него, а между тѣмъ, при этой страшной запутанности дѣлъ, для Франціи былъ бы нуженъ Ришелье или Кольберъ. Несомнѣнно, усилія Верженна поднять Францію въ глазахъ Европы были успѣшны; но ему нужны были деньги для того, чтобъ вести войну и платить за оружіе, съ помощью котораго онъ поддерживалъ свою дипломатію. Онъ боролся съ Тюрго, проекты котораго мѣшали его планамъ, и съ Неккеромъ, который проповѣдовалъ экономію. Самъ того не подозрѣвая, Верженнъ вовлекалъ государство въ расходы, ведшіе его къ банкротству. Его министерство было и не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ блестящей интермедіей среди упадка, минутной диверсіей, которая отвлекла Францію отъ заботъ о домашнихъ дѣлахъ, какъ будто для того, чтобъ она затѣмъ сильнѣе почувствовала всю ихъ тяжесть. Безпорядочность финансовъ дѣлала необходимой реформу правительства: чтобъ отвлечь отъ нихъ общественное вниманіе, увеличили долгъ. Тогда необходимость реформъ заявила о себѣ такъ настойчиво, что ради нихъ должны были внезапно отказаться отъ преобладанія, которое снова за-

[10]) Ségur, *Mémoires*, t. II. p. 7.—[11]) Ibid.

воевали въ Европѣ. Верженнъ умеръ 13 февраля 1787 г.; смерть избавила его отъ горя видѣть, что самый успѣхъ его дѣла погубилъ послѣднее.

IX.

Отъ *австрійской системы* не осталось ничего, и самый союзъ существовалъ только по имени. Никто не сомнѣвался относительно этого въ Европѣ и въ особенности при вѣнскомъ дворѣ; но противникамъ правительства во Франціи было выгодно не понимать этого. Имъ недостаточно было освободиться отъ ига, они хотѣли, чтобы былъ нарушенъ и самый договоръ. Не довольствуясь тѣмъ, что дѣйствіе трактата ограничено его первоначальною цѣлью, они требовали его уничтоженія. Наконецъ, они проповѣдывали новую систему, которою хотѣли вполнѣ замѣнить существующую государственную систему. Такъ какъ эта оппозиція разразилась съ крайней ожесточенностью съ того момента, когда политика министерства ослабѣла и вновь сдѣлалась шаткой; такъ какъ оппозиція приписала внезапный упадокъ значенія Франціи въ Европѣ не финансовому бѣдствію, его дѣйствительной причинѣ, но ошибочной политикѣ правительства, которую они вмѣнили ему въ преступленіе; такъ какъ это было исходною точкою обвиненія короля, королевы и министровъ въ измѣнѣ націи, и такъ какъ оппозиція, достигнувъ власти, ввела свою систему и вся политика революціонной Франціи была ея результатомъ, то необходимо разсмотрѣть ближе школу и доктрину, имѣвшія пріобрѣсть такое могущественное вліяніе.

Начало имъ положили два человѣка, которые пользовались тогда одинаковой репутаціей, хотя въ настоящее время на нихъ смотрятъ разно; эти два человѣка были Дюкло и Фавье. Тотъ и другой были такъ поставлены, что могли быть компетентными судьями. Дюкло былъ исторіографомъ короля, а Фавье—однимъ изъ главныхъ агентовъ тайной дипломатіи. Скорѣе литераторъ, чѣмъ политикъ, Дюкло не задавался теоретическими вопросами, но его *Mémoires secrets* популяризировали во всемъ читающемъ мірѣ исторію Семилѣтней войны. Они возбудили негодованіе противъ «позорнаго мира 1763 г.»; они пропагандировали ненависть къ Австріи и къ союзу съ ней, изъ котораго, по словамъ автора мемуаровъ, проистекали всѣ бѣды французскаго государства и восторженное поклоненіе прусскому королю, дружба съ которымъ могла бы все спасти. Строгость, съ какою авторъ обвинялъ Марію-Терезію за злоупотребленіе союзомъ съ Франціей, могла сравниться только съ его снисходительностью къ вѣроломству Фридриха. Изъ этого повѣствованія, самыя неточности котораго льстили ихъ страстямъ, современники научились судить о политикѣ Людовика XV. *Mémoires secrets* долго ходили по рукамъ въ рукописномъ видѣ и когда

ихъ напечатали въ 1790 г., они уже пользовались извѣстностью, и публика, готовая слѣпо восхищаться ими, читала ихъ нарасхватъ. Разсказы Дюкло подготовили общественное мнѣніе; Фавье взялся окончательно убѣдить его. Ему-то принадлежитъ доктрина. Дюкло сыгралъ въ этой кампаніи только роль застрѣльщика; истиннымъ вождемъ и главнокомандующимъ былъ Фавье.

Фавье былъ своего рода неудачникомъ. Родившись въ началѣ столѣтія, онъ занималъ дипломатическія должности и проявилъ несомнѣнныя дарованія. Но безпорядочность его жизни, циничность его рѣчей, слишкомъ явная склонность къ интригѣ, слишкомъ большая снисходительность къ полицейскимъ мѣрамъ и подкупу, испортили его карьеру. Отстраненный отъ почетныхъ должностей, онъ перешелъ на второстепенныя и двусмысленныя и принужденъ былъ вести скудную и жалкую жизнь. Онъ много путешествовалъ, многое видѣлъ, многому научился. Съ весьма точными и обширными познаніями онъ соединялъ замѣчательный талантъ изложенія. Догматическая форма, которую онъ умѣлъ придавать своимъ идеямъ, соотвѣтствовала умственнымъ привычкамъ его читателей; техническія детали и доказательства, которыми онъ подкрѣплялъ свои теоріи, невольно заставляли убѣждаться. Живѣйшее чувство величія Франціи, патріотизмъ, который разогрѣвался еще злобою за свои собственныя обиды, возвышали его языкъ и его писательскую личность. Онъ уснащалъ сверхъ того свои статьи тѣмъ цинизмомъ, который ввелъ въ моду Дидеро [1]). Собственно говоря, его дипломатическая школа недалеко отстояла отъ того мѣста, гдѣ племянникъ Рамо преподавалъ эстетику.

Въ этой школѣ изучалъ политику и дипломатію Дюмурье [2]) въ началѣ своей бродяжнической, бездомной жизни. Они подружились и впослѣдствіи Фавье втянулъ его въ тайную дипломатію, которая привела ихъ обоихъ въ Бастилію. Было время, когда они очутились, одинъ—главою, другой — исполнителемъ одного изъ тѣхъ странныхъ заговоровъ, которые Людовикъ XV составлялъ противъ своего собственнаго правительства. Кабинетные политики и тайные агенты, въ одно и то же время составлявшіе въ своемъ воображеніи грандіозные планы и принужденные

[1]) «Фавье былъ геніаленъ въ своемъ родѣ: глубокій мыслитель, но циничный и безпринципный человѣкъ, изобрѣтательный и находчивый на всякаго рода проекты и коварныя комбинаціи. Своими знаніями, остроуміемъ, цинизмомъ, онъ возбуждалъ и кружилъ головы юныхъ адептовъ, посвящаемыхъ имъ въ тайны политики». *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 266. Paris. 1828.

[2]) Фавье былъ «самымъ искуснымъ политикомъ въ Европѣ. Демурье у него научился всему, что самъ зналъ въ политикѣ». Dumouriez. *Mémoires*, liv. I, ch. III.

довольствоваться въ своей практической дѣятельности самыми жалкими средствами, видя только закулисную стороны великихъ дѣлъ и совершая только подпольную работу, утописты и заговорщики въ одно и то же время, соединявшіе любовь къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и широковѣщательнымъ системамъ со страстью къ интригѣ и маніею къ таинственности, Фавье и Дюмурье вербовали и поучали толпу непризнанныхъ дипломатовъ, которые, начиная съ первыхъ дней революціи, выступили въ клубахъ и газетахъ, въ ожиданіи того времени, когда они всѣми возможными окольными путями разсѣятся по Европѣ.

Существенный тезисъ доктрины Фавье — гибель Англіи. Одна Англія препятствуетъ расширенію французскаго преобладанія въ колоніяхъ, на морѣ и даже на материкѣ;—надо ее блокировать и запретить ей вылазки на континентъ. Франція можетъ опасаться помѣхи со стороны Австріи — слѣдовательно, необходимо начать съ уничтоженія Австріи. Союзъ, заключенный съ нею, поставилъ политику на ложный путь и породилъ всѣ бѣдствія: единственное спасеніе отъ нихъ—союзъ съ Пруссіей. Вотъ суть этой теоріи, и въ этомъ ея ошибка. Въ дѣйствительности новая система— только противовѣсъ старой; она грѣшитъ тѣми же недостатками, какъ и прежняя; та же отвлеченная логика, примѣняемая къ государственнымъ дѣламъ; то же непониманіе политической необходимости и человѣческаго характера. Фавье обвиняетъ австрійскій союзъ въ томъ, что онъ нарушаетъ французскія традиціи на сѣверѣ и востокѣ и жертвуетъ старыми союзниками и кліентами Франціи честолюбію австрійскаго дома. Съ этой стороны онъ правъ, но въ то же время поддается самому странному ослѣпленію, надѣясь, что Пруссія порветъ съ Россіей, соединится съ Швеціей, поможетъ туркамъ и поддержитъ въ Германіи, вмѣстѣ съ равновѣсіемъ мелкихъ государствъ, протекторатъ Франціи. Это значило требовать отъ Пруссіи того же, что требовалъ отъ Австріи Людовикъ XV, а именно, чтобы она перестала быть сама собой и на отвергаемый софизмъ отвѣчать самымъ страннымъ парадоксомъ.

Этотъ парадоксъ былъ въ духѣ времени и соотвѣтствовалъ ходу идей. Онъ опирался на традиціи и въ то же время льстилъ страстямъ данной минуты. Бранденбургъ былъ однимъ изъ орудій политики Ришелье; прусскій король былъ философомъ. Каждая изъ его побѣдъ считалась успѣхомъ просвѣщенія: «просвѣщенные пруссаки выказывали такую глубокую ненависть къ Австріи, что никто въ Парижѣ не сомнѣвался въ ихъ расположеніи къ Франціи». «Человѣкъ,—говорилъ Ривараль,—всегда будетъ считать друзьями враговъ своихъ враговъ». Пруссія была естественной союзницей; укрѣпляя ее, Франція какъ бы укрѣпляла самую себя, испытывая, сверхъ

того, рѣдкое счастіе работать для блага человѣчества и примирять политическіе расчеты съ философскими принципами» [3]).

Les Conjectures raisonnées [4]), главное сочиненіе Фавье, въ которомъ онъ сосредоточилъ все свое ученіе, было написано для Людовика XV. Фавье обращался къ государю, снисходительность котораго къ австрійскому дому была слишкомъ извѣстна, и не побоялся показаться непозволительно систематичнымъ и независимымъ въ своихъ положеніяхъ. Онъ былъ рѣзокъ, зная, что ухо короля весьма слабо воспріимчиво. Это сочиненіе, написанное въ такомъ духѣ, что отъявленный приверженецъ союза прочелъ бы его невнимательно и неохотно, пожиралось публикой, крайне враждебной къ тому, на что нападалъ авторъ. Слова, разсчитанныя на то, чтобъ расшевелить патріотизмъ Людовика XV, воспламенили страсти противниковъ его политики. Фавье сдѣлался ихъ божествомъ. «Всѣ предсказанія этого великаго человѣка являются пророчествами, оправданными временемъ», писалъ въ 1789 старый проконсулъ Пейсоннель [5]). «Я съ дѣтства былъ вскормленъ статьями Фавье», говорилъ въ 1793 Семонвилль, уѣзжая въ Константинополь въ качествѣ посла. Мабли былъ весь проникнутъ ими и хотя былъ менѣе пристрастенъ къ Фридриху и не стоялъ такъ упорно за союзъ съ Пруссіею,

---

[3]) Не будемъ презирать эти заблужденія иного времени. Нашъ вѣкъ знакомъ съ такими же, если не худшими, и источникъ ихъ еще не изсякъ. Все сказанное Фавье и его учениками о Пруссіи и человѣчествѣ—мы читали по поводу вопроса о національностяхъ, о савойскомъ домѣ и итальянцахъ, о Пруссіи и нѣмцахъ, о Россіи и славянахъ. Когда наконецъ поймутъ ту простую и полную здраваго смысла истину, которую умный человѣкъ и истинный французъ написалъ внизу одной изъ страницъ Фавье. «Политическій дѣятель въ Парижѣ не долженъ дѣлаться ни испанцемъ, ни англичаниномъ, ни австрійцемъ, ни пруссакомъ, ни русскимъ, ни туркомъ; онъ долженъ быть французомъ, расчитывать, что́ выгодно для отечества и устроивать для него союзы, принимая въ соображеніе время, относительное могущество иностранныхъ державъ, а въ особенности *геній тѣхъ, которые ими руководятъ*». Примѣчаніе графа Сегюра въ изданномъ имъ сочиненіи Фавье: *Politique de tous les cabinets de l'Europe*, 1801.

[4]) Фавье напечаталъ въ 1756 брошюру: *Doutes et questions sur le traité de 1756. Conjectures raisonnées sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe* были написаны въ 1773, по просьбѣ графа Брольи (см. *Le secret du Roi*, t. II, ch. VIII). Многочисленные экземпляры этого сочиненія обращались въ Парижѣ. Оно было напечатано въ 1793 подъ названіемъ: *Politique de tous les cabinets de l'Europe*. Въ 1801 графъ Сегюръ сдѣлалъ новое изданіе съ комментаріями. Это—Фавье, критически разобранный ученикомъ Верженна. Бутарикъ воспроизвелъ текстъ *Conjectures raisonnées* съ бо́льшею частью этихъ примѣчаній въ *Correspondance secrète de Louis XV*. Paris, 1866.

[5]) *Situation politique de la France, et ses rapports actuels avec toutes les puissances*, 1789.

однакоже подобно автору *Conjectures raisonnées* пришелъ къ заключенію, что Австрія—естественный врагъ, а Пруссія—необходимая союзница Франціи [6]). Сулави распространялъ тѣ же идеи въ *Mémoires du maréchal de Richelieu*, «исторіи паденія французской монархіи», которыя появились въ 1790 [7]).

Но самымъ ярымъ пропагандистомъ новой политики, настоящимъ пророкомъ революціонной дипломатіи былъ Рейналь. Афоризмы Фавье превратились у него въ напыщенныя фразы. Доктрина *Conjectures raisonnées* перешла къ людямъ революціи въ высокопарныхъ словоизверженіяхъ *Histoire philosophique et politique des deux Indes* [8]). Несмотря на разницу въ людяхъ, можно сказать, что дипломатія, имѣвшая своего Монтескье, нашла своего Ришелье. Политики революціи берутъ свое начало отъ Фавье, риторы, фантазеры и сектаторы—отъ Рейналя. Фавье создавалъ учениковъ, а Рейналь—прозелитовъ [9]). «Сюда европейскія державы по очереди призываются на судъ предъ лицомъ всего человѣчества, чтобъ содрогаться отъ ужаса при видѣ варварскихъ жестокостей, совершаемыхъ въ Америкѣ; призываются на судъ философіи, чтобъ краснѣть отъ предразсудковъ, среди которыхъ они оставляютъ коснѣть свои народы; къ суду политики, чтобъ понять свои дѣйствительные интересы, основанные на счастьѣ народовъ». А между тѣмъ писатель, сказавшій это въ 1783, былъ врагъ софизмовъ и не терпѣлъ высокопарности [10]).

Здѣсь мы встрѣчаемъ уже ту странную смѣсь воззваній къ миру и воинственныхъ рѣчей, гуманныхъ словоизверженій и воинственнаго задора, патріотической экзальтаціи и космополитическаго энтузіазма, словомъ, то сочетаніе противоположностей, которое лежитъ въ основѣ рѣчей Конвента. Слушая эти странные и трескучіе диѳирамбы въ честь Ришелье, неожиданно

---

[6]) См. *Le droit public de l'Europe fondé sur les traités*, ch. XV (послѣднее изданіе). «Сражаясь за себя, прусскій король будетъ сражаться за насъ; сохраняя Силезію, онъ обезпечитъ намъ Эльзасъ и Лотарингію и, быть можетъ, мы поймемъ современемъ, что должны видѣть въ немъ нашего естественнаго союзника.... Что бы ни говорилъ кардиналъ Берни, мы должны видѣть въ австрійскомъ домѣ нашего естественнаго врага... Для блага Европы желательно сохраненіе прусскаго могущества». *Notre gloire et nos rêves*, 1778.

[7]) См. Soulavie, *Mémoires*, t. I, предисловіе.

[8]) См. Libri, *Souvenirs de la jeunesse de Napoléon*, *Revue des deux Mondes*, 1842. Рейналь—одинъ изъ тѣхъ авторовъ, сочиненія которыхъ входили въ составъ походной библіотеки Наполеона, когда онъ отправлялся въ Египетъ. *Mémoires de Bourrienne*, Paris, 1829.

[9]) Такимъ образомъ, по мѣткому замѣчанію одного современника, образовалось «дипломатическое сектанство». Ségur, *Commentaires aux doutes et questions de Favier*.

[10]) Rivarol, *De l'universalité de la langue française*.

прорывающіеся между двумя страницами высокопарныхъ нападокъ на тирановъ, предвкушаешь рѣчи авторитетныхъ демократовъ Комитета. «Монархіямъ нужны миръ и безопасность, республикамъ—тревога и грозный непріятель. Риму былъ нуженъ Карѳагенъ». Однако Карѳагенъ долженъ подчиниться или погибнуть. «Англичане, вы злоупотребили побѣдой. Насталъ моментъ быть справедливыми, иначе этотъ моментъ будетъ минутой мести. Европа устала выносить тирановъ, она вступаетъ наконецъ въ свои права!»—Вотъ какъ заговорилъ бы съ ними тотъ Ришелье, котораго всѣ граждане должны ненавидѣть, потому что онъ былъ кровожадный убійца, потому что, желая быть деспотомъ, онъ прибѣгалъ къ помощи палача, чтобъ отдѣлаться отъ враговъ, но котораго, какъ министра, государство должно чтить, потому что онъ первый указалъ Франціи на ея величіе и заставилъ ее заговорить въ Европѣ тѣмъ тономъ, который былъ приличенъ ея могуществу». Рейналь прибавляетъ даже, и мы увидимъ впослѣдствіи, что якобинцы оправдали его слова: «Такъ бы сказалъ имъ тотъ Людовикъ XIV, который въ продолженіи сорока лѣтъ съумѣлъ быть достойнымъ своего вѣка, самыя ошибки котораго носили печать величія и который никогда, даже въ несчастіи и паденіи, не опозорилъ ни себя, ни своего народа».

Однако союзы, каковы бы они ни были, служатъ только орудіемъ политикѣ. Цѣль ихъ—граница. Разсмотримъ же, что́ такое была эта граница тогда и въ какомъ видѣ представлялась эта вѣковая задача людямъ того времени.

X.

Въ 1789 постоянная цѣль политики Капетинговъ повидимому была близка къ достиженію. Несомнѣнно, что сѣверная граница была совершенно искусственна; но опытъ доказалъ, что желѣзный поясъ Вобана стоилъ рѣкъ и горъ. Сверхъ того, важна не столько граница сама по себѣ, сколько тѣ страны, которыя она отдѣляетъ. Въ этомъ отношеніи никогда еще Франція не была такъ благопріятно поставлена въ Европѣ, какъ теперь. По сю сторону, на французской почвѣ—самая однородная нація, самое централизованное государство на всемъ континентѣ [1]); по ту сторону—слабые или разъединенные сосѣди. Австрійскіе Нидерланды, Бельгія и Люксамбургъ, такъ сказать, открыты для завоеванія: Франція можетъ ихъ занять, прежде

---

[1]) Датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Бернсторфъ, писалъ въ 1755: «Этотъ могущественный дворъ управляетъ почти съ неограниченною властью самымъ обширнымъ государствомъ, которое когда-либо было въ Европѣ со времени паденія монархіи Карла Великаго». *Correspondance du comte de Bernstorff*, t. I, p. 111.

чѣмъ посланная изъ Вѣны на помощь армія выступитъ изъ наслѣдственныхъ земель австрійскаго дома. На востокѣ мы встрѣчаемъ курфирстовъ, баварскаго палатина, герцога цвейбрикенскаго, мирныхъ, хилыхъ государей, обремененныхъ долгами или продажныхъ, естественныхъ кліентовъ Франціи, которая можетъ смѣло расчитывать на ихъ нейтралитетъ, если не станетъ покушаться на цѣлость ихъ владѣній. Позади нихъ, за Рейномъ, лежитъ разъединенная Священная имперія, обширное тѣло безъ нервовъ и души, которое ничего больше не желаетъ, какъ мирно прозябать подъ охраною своихъ сосѣдей. Пруссія и Австрія ревниво охраняютъ ее отъ обоюдныхъ поползновеній на преобладаніе въ ней, и Франція, опираясь на мелкія государства, можетъ предписывать тамъ законы подъ однимъ условіемъ— не дѣлать въ ней захватовъ. Швейцарія нейтральна и дружественна. Алчность и страхъ заставляютъ Пьемонтъ держаться за Францію—алчность— потому что онъ желаетъ завладѣть Ломбардіею, и страхъ—потерять Савойю. Далѣе, въ раздѣленной между двумя соперничествующими династіями Италіи, группа пармскихъ и неаполитанскихъ Бурбоновъ можетъ со временемъ, при умѣломъ руководительствѣ, уравновѣшивать австрійское могущество. Наконецъ, самый тѣсный договоръ, когда-либо заключаемый между двумя монархіями, соединяетъ Испанію и Францію.

При этихъ условіяхъ, политики спрашиваютъ себя: благоразумно ли ставить систематичною задачею для будущаго—постоянное увеличеніе государства. Отнынѣ становится очевиднымъ, что въ Европѣ никто не можетъ дѣлать завоеваній безъ посторонней помощи. Рѣшительнымъ доказательствомъ тому служитъ Польша. Но помощниками могутъ быть въ этомъ случаѣ только честолюбцы, которые, помогая другъ другу, становятся соперниками; выгода получается въ ущербъ слабымъ, которыхъ приносятъ въ жертву сильнымъ. Это значило бы уничтожить всю систему вестфальскихъ трактатовъ, которая основываетъ преобладаніе Франціи на покровительствѣ государствамъ средней величины. Не лучше ли оставаться самой могущественной монархіей среди раздробленной Европы, чѣмъ дѣлить съ равными и вѣчно враждебными соперниками управленіе Европою, сведенной къ нѣсколькимъ крупнымъ государствамъ? Развѣ граница, хотя не точная въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но обставленная такимъ образомъ, не укрываетъ государства лучше, чѣмъ граница, научно очерченная, но за которой лежатъ монархіи съ сильной организаціей, вѣчно готовыя выступить противъ Франціи? Такимъ образомъ благоразумные политики возвращаются къ правилу Этьена Паскье: «Чтобъ создать хорошія границы твоему королевству, ты долженъ, прежде всего, установить надлежащія границы своимъ надеждамъ и своему желанію».

Эта проблема, важнѣйшая изъ тѣхъ, которыя можно было задать для

будущности Франціи—не нова. Уже Людовику XIV Вобанъ и Тюрѣнъ совѣтовали брать съ помощью войны только то, что онъ могъ бы сохранить въ мирное время. «Если мы хотимъ долго держаться противъ столькихъ враговъ, то надо подумать о томъ, чтобъ не расширять нашихъ владѣній», писалъ Вобанъ въ 1676 [2]). Въ 1694 онъ предлагаетъ возвратить все, что было завоевано по ту сторону Рейна и въ Италіи [3]). Онъ говорилъ: «Если все, что находится по сю сторону Рейна, удобно для Франціи, то и по ту сторону его ничто ей не мѣшаетъ». Онъ не высказывался насчетъ обширности будущихъ завоеваній на лѣвомъ берегу Рейна. Это былъ чисто политическій вопросъ: время и случай могли рѣшить его. Но если Вобанъ отчетливо указывалъ на неосторожность нѣкоторыхъ завоеваній, если онъ намѣренно оставлялъ невыясненнымъ вопросъ о будущихъ завоеваніяхъ, то тѣмъ съ большею энергіею опредѣлялъ завоеванія необходимыя. Къ нимъ принадлежали: Страсбургъ, Люксамбургъ, Монсъ, линія отъ Ипра до Куртрэ. Возвратить эти мѣста,—«значило дать непріятелю ножъ, которымъ онъ перерѣжетъ намъ горло». «Страсбургъ нельзя отдать, какъ нельзя отдать Сенъ-Жерменское предмѣстье» [4]).

Вобанъ заботился только о прочномъ строѣ и хорошей защитѣ королевства. По его мнѣнію, это было главною цѣлью истинной политики, и этимъ должны были ограничиваться всѣ надежды. Въ слѣдующемъ столѣтіи надежды эти становятся еще уже, потому что политическій строй Европы дѣлаетъ всякое расширеніе затруднительнымъ и потому что положеніе внутреннихъ дѣлъ Франціи не дозволяетъ ей пускаться въ рискованныя и опасныя предпріятія. Вотъ тотъ грустный выводъ, къ которому приходитъ д'Аржансонъ. До своего вступленія въ министерство, онъ сохранялъ надежду «исполнить нашу прекрасную задачу: не имѣть на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ другой границы, кромѣ Рейна». Послѣ двухлѣтняго опыта онъ пишетъ: «Теперь не время завоеваній... Франція можетъ быть довольна величиною и округленностью своихъ владѣній. Пора наконецъ начать управлять послѣ столь долгихъ заботъ о расширеніи предѣловъ, подлежащихъ управленію» [5]). Монтескье приходитъ къ тому же заключенію, но, разсматривая вещи съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, не печалится ими. Онъ находитъ, что между величиной государствъ и ихъ составными частями существуетъ необходимая связь: природа опредѣлила ихъ границы не рѣками или горами, но характеромъ ея обитателей и экономическими интересами. Счастіе Франціи, что ея обширность пропорціональна ея могуществу и умѣренному ха-

---

[2]) C. Rousset, *Louvois*, t. II, ch. IX.

[3]) «Города, отъ которыхъ король могъ бы отдѣлаться». *Oisivetés de M. de Vauban*, Paris, 1843.—[4]) Ibid.

[5]) *Mémoires*, t. I, p. 29, 371.

рактеру націи. Чрезмѣрно-обширную имперію трудно оборонять; она можетъ поддерживаться только съ помощью деспотизма. «Хотя мудрые монархи должны увеличивать свое могущество, но они должны умѣть во́-время остановиться. Разъ прекращаются неудобства, причиняемыя малыми размѣрами, необходимо постоянно обращать вниманіе на неудобства, проистекающія отъ обширности» [6]).

Этотъ взглядъ лежалъ въ основѣ мысли Верженна и онъ имѣлъ случай высказать его, когда Іосифъ II, чтобы убѣдить Францію—не препятствовать его захвату Баваріи, далъ понять, что заплатитъ за снисходительность частью Нидерландовъ. «Смѣю представить вашему величеству, говоритъ Верженнъ [7]), что ничто не можетъ вознаградить за тотъ вредъ, который причинитъ всякое усиленіе австрійскаго дома; если даже онъ уступитъ вамъ всѣ Нидерланды и пріобрѣтетъ домены меньшихъ размѣровъ, то и тогда потеря будетъ поистинѣ велика, не говоря уже о потери въ смыслѣ общественнаго мнѣнія—самой прискорбной изъ всѣхъ». Это главнѣйшій пунктъ. Раздѣлъ Польши былъ ли злоупотребленіемъ стараго права или примѣненіемъ новаго? Порицать его или воспользоваться имъ? Какъ отнестись къ Фридриху? Восхищаться имъ, оправдать его, подражать ему, войти въ «сообщество съ нимъ и потребовать себѣ долю? Если въ Версали провозгласили во всеуслышаніе, что «всякая связь съ этой державой невозможна для тѣхъ, кто не хочетъ попирать ногами справедливость и гуманность» [8]), то нельзя уже, подобно Іосифу II, принимать Пруссію за образецъ. Прирейнскія страны весьма соблазнительны; онѣ превосходно приспособлены къ округленію Франціи [9]), но надо подумать о послѣдствіяхъ присоединенія; вредъ, проистекающій изъ него, значительно пересилитъ выгоду. Франція очутилась бы лишенной политическаго направленія среди преданной анархіи Европы. Каждый счелъ бы себя въ правѣ слѣдовать примѣру другихъ, и единственнымъ принципомъ была бы выгода, а единственнымъ закономъ—сила. «Что будетъ съ Европой,—восклицаетъ Верженнъ,—если, чего не дай Богъ, эта чудовищная система когда-нибудь распространится? Всѣ политическія связи распадутся, общественная безопас-

---

[6]) *Esprit des lois*, liv. IX, ch. VIII.

[7]) Мемуаръ Людовику XVI, 12 апр. 1777. Flassan, t. VI, p. 126.

[8]) Инструкція барону Бретейлю. 1774. *Recuil*, t. I, p. 495.

[9]) «Если несчастныя обстоятельства когда-нибудь заставятъ ваше величество согласиться на раздѣлъ, то ваши виды должны естественно простираться на верхній Рейнъ Политическія неудобства будутъ безконечно меньше, а выгоды реальнѣе; но при мысли о вопіющихъ несправедливостяхъ, которыя пришлось бы совершить, ни одна честная душа не можетъ остановиться на этомъ проектѣ». *Mémoire de Vergennes.* Flassan, *loc. cit.*

ность исчезнетъ, и Европа будетъ театромъ безпорядковъ и смутъ». Франція должна положить этому конецъ.

Она извлечетъ свою новую систему изъ тѣхъ самыхъ условій, которыя предписаны ея политикѣ, и въ тѣхъ причинахъ, которыя препятствуютъ ей расширяться; она найдетъ элементы новаго могущества или, лучше сказать, она будетъ продолжать свою традицію, примѣняя ее къ потребностямъ времени. Отрекаясь отъ завоеванія, Франція и другихъ принудитъ отказаться отъ него. Она станетъ велика своимъ безкорыстіемъ. Интересы второстепенныхъ государствъ, группирующихся вокругъ нее и покровительствуемыхъ ею, гарантируютъ ей ихъ союзъ, и тогда она станетъ во главѣ оборонительной коалиціи настолько сильной, чтобы принудить отступить всѣхъ честолюбцевъ. Окруженная такимъ образомъ, Франція сохранитъ свое мѣсто въ первомъ ряду, и Европа поможетъ ей на немъ удержаться. Она будетъ посредникомъ мира и отъ нея будетъ зависѣть сохраненіе равновѣсія между державами, которое она не можетъ нарушить безъ ущерба для себя, какъ бы ни велика была доля, которую ей предлагаютъ» [10]). Мудрость совѣтуетъ принять этотъ планъ, справедливость поддерживаетъ его, правильно понятая выгода требуетъ его осуществленія. Трудясь для всеобщаго мира, Франція трудится для своего собственнаго блага и обезпечиваетъ за собою первенство. «Франція, въ своемъ теперешнемъ составѣ,—такъ заключаетъ Верженнъ [11]),—должна скорѣе бояться, а не желать увеличенія. Всякія новыя пріобрѣтенія были бы тяжестью на окраинахъ и ослабляли бы центръ. Франція обладаетъ всѣмъ, что составляетъ истинное могущество: плодородной почвой, дорогими продуктами, безъ которыхъ не могутъ обойтись другія націи, покорными и усердными подданными, страстно преданному своему властелину и своей родинѣ. Находясь въ центрѣ Европы, Франція имѣетъ право вліять на всѣ великія дѣла. Ея король, подобно верховному судьѣ, можетъ смотрѣть на свой тронъ, какъ на судилище, установленное Провидѣніемъ, чтобы заставить уважать права и владѣнія государей. Если ваше величество, тщательно работая надъ возстановленіемъ внутренняго порядка въ домашнихъ дѣлахъ, своею политикою внушите увѣренность, что ни жажда захвата, ни честолюбивое стремленіе не закрадутся въ вашу душу и что ваше величество желаете

[10]) «Король долженъ смотрѣть на себя, какъ на опекуна слабыхъ государей. Эта политика въ продолженіе многихъ вѣковъ составляла величіе, безопасность и славу французскаго престола... Эта система, обезпечивающая вліяніе французской монархіи на всѣ европейскія дѣла, сдѣлалась для нея правомъ и долгомъ». *Mémoire du baron de Breteuil* 11 novembre 1784.

[11]) *Мемуаръ де-Кастри* отъ 5 января 1785 г. «Король, обладающій прекраснѣйшимъ королевствомъ въ мірѣ, не можетъ желать увеличенія территоріи на континентѣ».

только порядка и справедливости, то примѣръ вашего величества сдѣлаетъ больше, чѣмъ оружіе. Миръ и справедливость будутъ царить повсюду, и вся Европа будетъ признательна за благо, которому будетъ обязана мудрости, добродѣтели и великодушію вашего величества».

Никогда дипломатія не говорила такимъ возвышеннымъ языкомъ [12]). Никогда не дѣлалось болѣе благороднаго предложенія справедливому государю. Здѣсь передъ нами рисуется совершенно новая черта: она отмѣчаетъ переходъ отъ стараго публичнаго права, разлагавшагося вслѣдствіе злоупотребленія его принципомъ, къ новому праву, которое стремилось освободиться отъ умозрѣній мыслителей и перейти отъ теоріи къ практической политикѣ. Чтобы измѣрить всю глубину подготовляющейся перемѣны, надо сравнить мотивы Верженна съ тѣми, которые нѣкогда руководили сѣверными дворами въ ихъ переговорахъ о Польшѣ; въ особенности сравнить съ тѣми, на которые ссылалось французское министерство въ 1740 г., въ видахъ раздробленія австрійской монархіи. Это уже не цинизмъ Фридриха, не язвительность Лувуа и не безпощадный расчетъ Ришелье. Теперь стараются найти въ общей пользѣ выгоду каждаго: деспотизмъ государственной пользы смягчается, и соображенія чисто нравственнаго порядка замѣняютъ грубый реализмъ старой политики. Въ дипломатію проникаетъ нѣчто, отзывающееся *Духомъ Законовъ*.

«Король-завоеватель, безъ сомнѣнія, не могъ бы не сожалѣть объ утратѣ такого положенія,—писалъ Верженнъ въ началѣ царствованія Людовика XVI [13]),—но король-гражданинъ можетъ только радоваться, что поставленъ въ обстоятельства, благопріятствующія его миролюбивымъ и благожелательнымъ видамъ». Духъ 1789 г. уже проявляется въ иностранной политикѣ. Учредительное собраніе будетъ впослѣдствіи заявлять тѣ же мнѣнія.

Мирабо и Талейранъ, оба воспитанные въ этой школѣ, были проник-

---

[12]) Сравните прекрасныя строки Ривароля: *Discours sur l'universalité de la langue française* 1783... «Франція, носящая въ своихъ нѣдрахъ средства къ обезпеченному существованію и безсмертныя богатства, поступаетъ противъ своихъ интересовъ, не понимаетъ своего собственнаго характера, когда предается духу завоеваній. Ея вліяніе на войну и миръ такъ велико, что, сознавая за собою власть даровать то и другое, она должна испытывать сладкое чувство при мысли, что держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы имперій и можетъ сливать воедино спокойствіе Европы и свое собственное. По своему географическому положенію, она прилегаетъ ко всѣмъ государствамъ, законное пространство, занимаемое ею, не переступаетъ ея естественныхъ границъ. Итакъ, Франція должна оберегать и быть оберегаемой: вотъ что отличаетъ ее отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ».

[13]) Vergennes. *Instruction de Breteuil* 1774. *Recueil*, t. I, p. 487.

нуты этими принципами, когда появились въ Собраніи. Чтобы совершить великія реформы, необходимъ внѣшній миръ. Мирабо считалъ Францію неистощимой [14]); чтобы возвратить ей былой блескъ, надо только дать ей время оправиться. «Внутренняя сила есть самая существенная часть внѣшней политики,—писалъ онъ въ 1787 г. [15]).—Я уже давно сказалъ, что дѣла Франціи будутъ идти дурно до тѣхъ поръ, пока министръ иностранныхъ дѣлъ будетъ въ ней главнымъ министромъ». Мирабо порицаетъ раздѣлы, находя ихъ безчестными, скандальными и вредоносными. Онъ думаетъ, что Пруссія достаточно сильна, что способствовать ея увеличенію неблагоразумно, что надо сохранить Германію, какъ главный элементъ того равновѣсія, которое даетъ преобладаніе Франціи. Что касается союзовъ, то онъ, вопреки всѣмъ предразсудкамъ, склоняется къ союзу съ Англіей; обѣ націи, создавая у себя одинаковыя учрежденія, будутъ имѣть равную выгоду защищать ихъ; торговый договоръ между ними, соединяя въ одно ихъ интересы, удесятеритъ ихъ силы съ помощью конкуренціи; освобожденіе испанскихъ колоній, какъ слѣдствіе освобожденія англійскихъ, откроетъ громадные рынки для сбыта; ихъ соперничество успокоится въ Новомъ Свѣтѣ, и они раздѣлятъ власть надъ нимъ и эксплуатацію его богатствъ [16]).

Талейранъ руководится подобными же идеями. Раздѣлъ Польши привелъ его въ негодованіе и открылъ ему глаза [17]). Франція, по его мнѣнію, должна отнынѣ отказаться отъ старинныхъ идей *первенства и примированія*: «Истинное богатство состоитъ не въ захватѣ чужихъ владѣній, но въ томъ, чтобы увеличить цѣнность своихъ хорошимъ управленіемъ». Тѣ, которыми владѣетъ Франція, достаточно обширны для нея, и расширять ихъ было бы опасно для нея и для европейскаго мира [18]). Такія воззрѣнія лежали въ основѣ политики Бартелеми, человѣка одареннаго тактомъ и здравымъ умомъ, который будетъ въ 1795 г. настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ республики, счастливымъ и искуснымъ посредникомъ при заключеніи Базельскаго мира [19]).

---

[14]) «Франція, въ которой природа сдѣлала все для правительства вопреки ему самому; Франція — это королевство, въ которомъ и люди и деньги неистощимы, если только съумѣютъ выпросить послѣднія и пустить въ дѣло первыхъ». *Histoire secrète de la cour de Berlin*, juin 1786, t. I, p. 40. Paris. 1789.

[15]) *Lettres à un des ses amis en Allemagne* (Mauvillon), Brunswick 1792. Письмо отъ 17 января 1787.

[16]) *Histoire secrète*, t. II, p. 157.—*Lettres à Mauvillon*, 5 сентября 1786.

[17]) *Essais d'histoire et de critique: Talleyrand au congrès de Vienne*. См. *Correspondance de Talleyrand et de Louis XVIII*, publiée par Pallain p. 311. Paris. 1880.

[18]) *Mémoire de novembre 1792*. Affaires étrangères.

[19]) Бартелеми, племянникъ автора *Анахарсиса*, родившійся въ 1747 г.,

Итакъ, Франція въ моментъ своей революціи могла основать миръ, въ которомъ нуждалась, на уваженіи къ провозглашаемымъ ею правамъ и примирить свои новыя начала публичнаго права со своими постоянными интересами въ Европѣ. Въ этомъ случаѣ теорія рѣдкимъ образомъ подтверждалась опытомъ. То, что наиболѣе проницательнымъ политикамъ стараго порядка подсказывала хорошо понимаемая выгода, благоразуміе и разсудительность, идеалистамъ-законодателямъ революціи подсказывалъ чистый разумъ. Первый ихъ принципъ—суверенитетъ народа, и какъ выводъ изъ него—право націй располагать своей участью. «Государственные обмѣны такое же безчестное дѣло, какъ округленія,—писалъ Мирабо въ своей книгѣ *Monarchie prussienne* [20]);—производить такіе обмѣны, не спрашивая жителей, значитъ совершать актъ насилія и тиранніи». Все народное право 1789 г. резюмируется въ этой фразѣ. Одного добросовѣстнаго примѣненія этого принципа достаточно, чтобы предупредить всѣ злоупотребленія, къ которымъ ведутъ завоеванія; но они хотятъ предупредить самую возможность завоеванія. Намѣренія могутъ мѣняться, практическая мудрость и совѣты эмпиризма не представляютъ безусловныхъ гарантій; политика великаго государства должна руководствоваться «простыми и неоспоримыми принципами» [21]), положительными правилами, ненарушимыми обязательствами: законодатели 1789 г. поставлены были въ необходимость превратить предложенія Верженна въ торжественные декреты и сдѣлать отреченіе отъ завоеваній основнымъ закономъ государства [22]).

Это—послѣднее слово и почти парадоксальное заключеніе политики умѣренности. Ни Франція, ни Европа еще не созрѣли для такой радикальной реформы въ ихъ политическихъ нравахъ. Духъ прозелитизма быстро воцарился въ революціи; духъ завоеванія продолжалъ управлять Европой. Въ результатѣ возникла ожесточенная война. Патріотизмъ французовъ помогъ имъ отстоять ихъ независимость; разъединеніе, царившее въ Европѣ, дало республиканцамъ возможность завоевать ее, а энтузіазмъ послѣднихъ довершилъ завоеваніе. Когда въ 1795 г. миръ сдѣлался возможнымъ, то конституціонисты 1789 г. давно исчезли со сцены и отъ духа, которымъ они были проникнуты, не осталось слѣдовъ. Ихъ замѣнили грозные легисты, облеченные въ желѣзо и вооруженные имъ,—прямые потомки *рыцарей*

былъ секретаремъ при посольствѣ Верженна въ Швеціи; съ 1784 г. онъ былъ при посольствѣ въ Лондонѣ.

[20]) Т. VI, liv. VIII, заключеніе.

[21]) Предисловіе къ конституціи 1791 г.

[22]) «Французская нація отрекается отъ всякой войны съ цѣлью завоеваній и никогда не употребитъ свою силу для посягательства на свободу какого бы то ни было народа». Декретъ 22 мая 1790 г., ст. 4. — Конституція 1791 г.

отъ закона (chevaliers ès lois) Филиппа Красиваго, крайніе ученики Ришелье, черезчуръ усердные продолжатели системы Лувуа. Они относятъ къ народу все то, что относили къ его величеству государю; они будятъ въ немъ жажду славы, толкаютъ на войну и на его страстяхъ основываютъ власть, которою пользуются во имя народа. Въ сборникѣ «О правахъ короля» ищутъ они комментарія къ правамъ націи, и такимъ образомъ политика мира и умѣренности уступила мѣсто политикѣ завоеваній.

XI.

Исторія распространяетъ традицію этой политики въ народѣ. Соображенія, сдерживающіе политиковъ, не останавливаютъ ученыхъ. Государственнымъ людямъ приходится вступать въ сдѣлку съ фактами; ученые заботятся о сохраненіи правъ и уничтоженіи давности. Донъ-Мартинъ Буке издаетъ въ 1738 г. первый томъ *Recueil des historiens des Gaules et de la France*: въ предисловіи онъ напоминаетъ, что «наша Галлія, т. е. то, что собственно называется Галліей, заключалось между океаномъ, Средиземнымъ моремъ и Альпами и простиралось отъ Пиренеевъ до береговъ Рейна». Права и притязанія, традиціи и трактаты, всѣ документы и всѣ бумаги, относящіеся до процедуры, ничто не забыто въ сочиненіи, которое становится настольной книгой историковъ Франціи [1]) и архивомъ для ея дипломатовъ: это—*Bibliothèque historique* Лелона. Авторъ открылъ для государственныхъ людей и политическихъ юристовъ весь арсеналъ совѣтниковъ старыхъ королей. Въ статьѣ, посвященной правамъ французской короны на сосѣднія государства, упоминается не менѣе чѣмъ о 360 сочиненій, напечатанныхъ или рукописныхъ. Обсуждая въ 4-й книгѣ своего сочиненія *Гражданскую исторію Франціи*, онъ включаетъ въ послѣднюю «всѣ провинціи, которыя нѣкогда зависѣли отъ нея какъ отъ древней Галліи». Ихъ можно раздѣлить на три категоріи, говоритъ онъ: «Однѣ составляютъ двѣнадцать генеральныхъ намѣстничествъ... другія, зависѣвшія нѣкогда отъ Франціи, были вновь присоединены послѣдними королями; наконецъ есть такія, которыя не входятъ въ настоящее время въ составъ королевства». Съ 1727 до 1751 г. Бужанъ разсказываетъ о переговорахъ семнадцатаго вѣка: его исторія Вестфальскаго трактата раскрываетъ во всей ихъ обширности планы, составляемые обоими кардиналами съ цѣлью расширенія Франціи [2]). Въ 1764 г. Фонсманъ издаетъ *Testament politique*

---

[1]) P. Lelong. *Bibliothèque historique de la France*, I vol. Paris. 1719.

[2]) Говоря о видахъ Мазарини на Нидерланды (Бельгію), Бужанъ прибавляетъ: «Онъ съ удовольствіемъ излагалъ великія выгоды, которыя Франція должна была извлечь изъ этого и для внѣшнихъ, и для внутреннихъ дѣлъ и, проникая въ будущее, чтобы предвкусить заранѣе плоды такой счастли-

Ришелье, изъ котораго до сихъ поръ были извѣстны неточные отрывки. Принципы великаго министра распространяются повсюду. Ихъ страстно обсуждаютъ. Наконецъ, Вольтеръ своимъ *Опытомъ о нравахъ* и *Вѣкомъ* Людовика XIV озаряетъ этотъ вѣкъ домогательствъ и завоеваній сверкающимъ блескомъ своего ума.

Традиція никогда не исчезала изъ народнаго сознанія. Вотъ характерная фраза, подтверждающая послѣднее. Въ 1748 г. появился пасквиль, обвинявшій Францію за то, что она не присоединила Бельгіи. «Невозможно, пишетъ д'Аржансонъ, сохранить это прекрасное завоеваніе на зло всей Европѣ, которая уже и безъ того завидуетъ Франціи. Это только чернь можетъ имѣть такія необдуманныя желанія!» [3]).

Правительство очень неохотно отказывалось отъ нихъ. Оно присоединило Лотарингію и всегда мечтало о Нидерландахъ. Бельгія, которая предназначалась въ награду Франціи, когда Людовикъ XV помогалъ Пруссіи завоевать Силезію, должна была служить вознагражденіемъ и тогда, когда Людовикъ XV, мѣняя политику, брался возвратить Силезію Австріи. Это было главною цѣлью Берни при составленіи трактатовъ 1756 и 1757 г. [4]), это было также цѣлью тѣхъ, которые критиковали австрійскій союзъ и проектировали новую комбинацію, противоположную этому ненавистному союзу [5]). Оккупація и завоеваніе Бельгіи и Люксамбурга составляли тогда общую основу всѣхъ политическихъ плановъ.

Поддерживаемая изученіемъ классиковъ, возобновляемая историками, распространяемая литераторами, преподаваемая въ военныхъ школахъ, сохраняемая въ архивахъ парламента,—традиція передавалась такимъ путемъ двумъ классамъ людей, имѣвшимъ наибольшее вліяніе на внѣшнюю политику французской революціи,—легистамъ и военнымъ. Они дошли до нихъ въ упрощенномъ и очищенномъ анализомъ видѣ, безъ малѣйшей подмѣси умо-

---

вой политики, онъ видѣлъ уже въ своемъ воображеніи Парижъ центромъ королевства, Францію, округленную со всѣхъ сторонъ и защищенную непроницаемыми границами, недовольныхъ и бунтовщиковъ—усмиренными, благодаря отсутствію убѣжища, Англію—безсильную вредить, соединенныя провинціи—поставленныя въ необходимость бережно относиться къ Франціи и даже, можетъ быть, принужденныя, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ раздоровъ, подчиниться ея преобладанію». Кн. 5, гл. III.

[3]) Edgar Zévort. *Le Marquis d'Argenson*, p. 409. Paris. 1880.

[4]) См. у Bernis *Mémoires* t. I, p. 211, планъ занятія Бельгіи въ случаѣ войны съ Австріей, t. I, p. 285, о выгодахъ, которыя расчитывали извлечь изъ союза съ Австріей.—t. I, p. 375 и 469—переговоры о трактатѣ 1-го мая 1757 по поводу предполагаемой уступки части Нидерландовъ. *Recueil des instruction*, Autriche p. 355, 362, 365, инструкція графу Стэнвиллю 1757; 386 инструкція графу де-Шуазёлю 1759.

[5]) Favier. *Doutes et questions sur le Traité* 1756, Article II, section II.

зрѣній. Между системой Вобана и Монтескье и блестящимъ планомъ завоеванія, который былъ въ теченіе вѣка любимой національной мечтой, разница только въ размѣрахъ и современности. Съ той и другой стороны приводятся одни и тѣ же реальные мотивы и практическія соображенія. Необходимость нападенія и защиты для военныхъ, необходимость внутренняго управленія для политиковъ, необходимость европейскаго мира для дипломатовъ — вотъ единственные элементы, которые подвергаются обсужденію. Въ опредѣленіи крайнихъ границъ полное согласіе; Савойя и Ницца, съ одной стороны, Маасъ и Рейнъ—съ другой. Пріобрѣтеніе лѣваго берега Рейна ни для кого не составляетъ прямой и опредѣленной политической цѣли. Эта цѣль идеальная, возможная только въ будущемъ, какъ завершеніе длиннаго ряда завоеваній. Если еще продолжали ставить эту цѣль, то лишь потому, что всему долженъ быть положенъ предѣлъ, а этотъ—какъ будто обозначенъ географіей, исторіей и политикой. Самое простое размышленіе показываетъ, что если опасно доходить до этого пункта, то, идя далѣе этого конечнаго предѣла, Франція переступитъ мѣру могущества, согласнаго съ равновѣсіемъ всѣхъ европейскихъ силъ, что она перешагнетъ за границу домена, которымъ можетъ съ успѣхомъ управлять, защищать и охранять. Достигнувъ этой границы, можно остановиться, стать въ оборонительное положеніе и, удовлетворившись своими великими завоеваніями, не позволять никому другому совершать подобныхъ. Въ мемуарѣ, составленномъ для короля однимъ изъ рекетмейстеровъ его государственнаго совѣта, стоитъ: «Франція дѣйствительно должна считать своей настоящей границей Рейнъ и никогда не думать о завоеваніяхъ въ Германіи. Еслибы она поставила себѣ правиломъ не переступать какъ этой преграды, такъ и тѣхъ, которыя природа поставила ей со стороны запада и юга: океанъ, Пиренеи, Средиземное море, Альпы, Маасъ и Рейнъ, она сдѣлалась бы посредницей Европы и была бы въ состояніи охранять миръ, а не нарушать его» [6]).

Но для того, чтобъ осуществить эти прекрасные планы и заставить Европу принять ихъ, надо или покорить ее цѣликомъ, что представляется невозможнымъ, или разъединить ее, т. е. создать себѣ въ ней друзей и союзниковъ. Наслѣдствомъ же послѣ побѣжденныхъ можно платить по счетамъ. Есть врагъ, котораго необходимо побѣдить и раздробить на части—это Австрія; есть союзникъ, который, повидимому, всегда готовъ участвовать въ выгодномъ дѣлѣ, отзывается на всякій намекъ на завоеваніе и склоненъ къ раздѣламъ—это Пруссія. Церковныя территоріи Германіи уже не разъ служили, въ подобныхъ случаяхъ, добавочной статьей для пополненія вѣса и возстановленія равновѣсія. Въ крайнемъ случаѣ, есть вѣдь

[6]) *Nouveaux interêts des princes de l'Europe.* Mandat, Archives des Affaires étrangères.

Польша; у нея нѣтъ болѣе границъ, это, такъ сказать, государство вакантное: можно закрыть глаза и предоставить Пруссіи дѣлать съ нею все, что она захочетъ.

Вотъ условія завоевательной политики; генералы республики и легисты Конвента переносятъ традицію этой политики въ лагери и комитеты. Но поколѣніе, къ которому они принадлежатъ,—поколѣніе философовъ. Оно порицаетъ войну, порицаетъ завоеванія, оно хочетъ построить на непоколебимыхъ основахъ государство и отношенія между человѣческими обществами: оно провозглашаетъ суверенитетъ націй и неотъемлемость ихъ правъ. Оно не желаетъ болѣе заключать сдѣлки ненадежныя, какъ та интрига, которая ихъ устраиваетъ, и корысть, которая ихъ регулируетъ. Нужны соглашенія, основанныя на абсолютномъ, первичномъ, очевидномъ правѣ: миръ, заключаемый для счастія человѣчества, долженъ быть вѣченъ. Совершеннѣйшая простота расчетовъ Ришелье недоступна этимъ сложнымъ умамъ, они не желаютъ быть коварными. Для нихъ недостаточно ссылаться на факты, они ссылаются на права; недостаточно историческаго права, они ссылаются на право естественное. Ученіе ихъ требуетъ, чтобъ выгода согласовалась со справедливостью и государственная польза—съ чистымъ разумомъ.

Эта проблема однако допускаетъ только одно честное рѣшеніе. Оно невольно входитъ въ сознаніе всѣхъ философовъ, и французская революція дѣлаетъ изъ него одно изъ своихъ благороднѣйшихъ правилъ испрашивать согласія народовъ и присоединять къ государству лишь тѣ, которые того пожелаютъ. Принципъ вѣренъ, но примѣненіе его крайне неудобно. Могутъ встрѣтиться непокорныя населенія. Возможно также, и это всего вѣроятнѣе, что иностранные государи, съ которыми заключаются сдѣлки и раздѣлы, откажутся принять, когда это коснется ихъ интересовъ, принципъ, опровергающій ихъ авторитетъ. Къ счастію, учители предвидѣли этотъ случай, и какъ ни всеобщъ и абсолютенъ принципъ верховенства націй, есть другой еще болѣе, если возможно, общій и абсолютный, который царитъ самодержавно. Послушаемъ, что говоритъ Рейналь [7]). «Передъ судомъ нравственности всегда будетъ считаться преступленіемъ продавать или дарить гражданъ чужому государству. По какому праву, въ самомъ дѣлѣ, государь можетъ распоряжаться народомъ, не желающимъ мѣнять властелина? Чѣмъ должны быть націи? всѣмъ или ничѣмъ? И развѣ короли ничѣмъ не обязаны націямъ? Что означаетъ народное право? Касается ли оно однихъ государей?» Тѣмъ не менѣе на практикѣ народное право не всегда ясно: подъ вліяніемъ вѣроломныхъ совѣтовъ или отупѣвъ отъ продолжительнаго деспотизма, націи могутъ иногда ошибаться въ самихъ себѣ. Рейналь преподаетъ тѣмъ, кто дер-

[7]) *Histoire philosophique*, liv. XVI, ch. VII.

житъ въ своихъ рукахъ ихъ судьбу, непогрѣшимое правило: «Благо и счастіе народа, вотъ тотъ высшій законъ, отъ котораго зависятъ всѣ другіе, и который не признаетъ ничего выше себя».

Но этотъ законъ, который выдаютъ за высшій—очень неясенъ. Кто будетъ его толковать? Кто урегулируетъ этотъ опасный вопросъ о завоеваніяхъ и кто обозначитъ предѣлъ? Дѣло идетъ о томъ, чтобъ начертить тѣ границы общественнаго блага, на которыя Европа не можетъ заявлять притязаній и дальше которыхъ Франція никогда не пойдетъ. Отъ нихъ будетъ зависѣть миръ вселенной, онѣ будутъ неизмѣнны: чтобъ ихъ опредѣлить—надо руководствоваться принципомъ, который сталъ бы выше произвольныхъ комбинацій политиковъ, эгоистическихъ страстей завоевателей, даже ослѣпленія населеній, не знающихъ своихъ правъ. Авторъ *Contra social* опредѣлилъ этотъ принципъ, почерпнутый, какъ и другіе главные принципы, изъ источника всякой мудрости и добродѣтели—природы [8]). «Положеніе европейскихъ горъ, морей и рѣкъ, которыя служатъ границами для живущихъ въ нихъ націй, повидимому опредѣляетъ численность и величіе послѣднихъ, и можно сказать, что политическій порядокъ этой части свѣта, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, есть дѣло самой природы... Это не значитъ, что Альпы, Рейнъ, море и Пиренеи представляютъ неодолимыя преграды честолюбію, но эти препятствія поддерживаются другими, которыя усиливаютъ ихъ или возвращаютъ государства въ прежніе предѣлы, если чьи-нибудь мимолетныя усилія отклонили ихъ оттуда».

Запомнимъ эти правила, въ нихъ весь духъ Конвента въ дѣлѣ европейскаго международнаго права. Рѣчи Дантона и доклады комитета III года не что иное, какъ разсужденія на ту же тему. Члены Конвента, провозглашая конституцію республики, другимъ декретомъ опредѣляютъ ея окончательныя границы. Такъ какъ права націи берутъ свое начало въ природѣ, то пользованіе этими правами кончается тамъ, гдѣ сама природа поставила имъ предѣлъ. Доктрина, которая изъ принциповъ естественнаго права извлекла и публичное право республиканской Франціи, основываетъ народное право на принципѣ естественныхъ границъ.

Эти границы, начерченныя природою, и суть тѣ самыя границы, которыя намѣчены были преданіемъ и которыя въ теченіе многихъ вѣковъ дорисовывала исторія. То самое, что изученіе минувшаго подсказывало политикамъ, размышленіе подсказываетъ и философамъ; эмпиризмъ однихъ ведетъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и раціонализмъ другихъ,—а выводы эти тѣ самые, которые, начиная съ четырнадцатаго вѣка, послѣдовательно извлекались изъ права феодальнаго, изъ права римскаго и изъ трактатовъ.

---

[8]) *Extrait du projet de paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre*, 1760.

XII.

Однако, несмотря на обширность этихъ проектовъ, это были только планы «обыденной войны» (la guerre commune). Великая война (guerre de magnificence) имѣетъ также свою традицію, которую необходимо опредѣлить, такъ какъ наступитъ чередъ и для ея преобладанія. Къ началу 1789 крупные честолюбивые замыслы являются, какъ всегда и повсюду, подъ двумя формами: утопіей и парадоксомъ—вѣчный миръ, всемірная монархія; и то и другое какимъ-то чудомъ уживается съ новымъ духомъ времени. Какой-нибудь политическій утопистъ, напримѣръ Сіэсъ, мечтаетъ перестроить всю Европу, оставивъ въ ней однѣ республики; организовать ихъ всѣ на одинъ ладъ, затѣмъ составить изъ нихъ союзъ и, съ помощью сложной игры замысловатыхъ учрежденій, установить между ними полную гармонію. Онъ не замѣчаетъ, что, вставляя въ эту однообразную форму столь различныя по характеру и происхожденію націи, онъ можетъ подчинить ихъ своей системѣ только съ помощью силы. Сіэсъ, думая перенести въ Европу Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты,—воскрешаетъ въ ней Римскую Имперію. Подготовляемый имъ миръ—это римскій миръ, августѣйшій, который у древнихъ народовъ происходилъ не изъ уваженія къ ихъ взаимной независимости, но изъ общаго подчиненія одному властелину. Такъ какъ подобный переворотъ можетъ совершиться не иначе, какъ путемъ завоеванія, то наиболѣе счастливый или наиболѣе ловкій завоеватель займетъ тронъ, всѣ пути къ которому ему такъ остроумно облегчили.

Роковой проектъ измѣнить составъ Германіи гнѣздится уже во многихъ умахъ. Собираются упростить карту Европы, группировать націи. Уже не императоровъ и королей, какъ прежде, а народы и республики хотятъ создать въ старой Германіи. Запутанная мозаика Священной имперіи оскорбляетъ геометрическіе умы. Это полуцарственное дворянство и всѣ аттрибуты феодализма скандализуютъ умы юристовъ. Философскіе умы не могутъ долѣе выносить зрѣлище церковныхъ правительствъ. «Нѣмцы жалуются, говоритъ Рейналь,—что, нося одинаковое имя, говоря однимъ языкомъ, образуя цѣльную націю, управляясь однимъ вождемъ, они, какъ имперія, не обладаютъ ни тѣмъ могуществомъ, ни тѣмъ значеніемъ, которое должны были бы имѣть» [1]). Почему бы нѣмцамъ не образовать націи и государства подобнаго Франціи? Почему бы большимъ владѣтельнымъ домамъ не сдѣлать для счастія германскаго народа того, что Капетинги сдѣлали во Франціи? Нашлись французы, которымъ понравилась эта идея. Одинъ изъ

---

[1]) *Histoire philosophique*, l. XIX, ch. II.

нихъ пишетъ, что Австрія и Пруссія, «эти счастливыя державы, поглотили бы всѣ низшіе и паразитные суверенитеты: «курфиршества, архіепископства, аббатства, баронетства Германіи подвергнутся той же участи, какой подверглись во Франціи герцогства, графства, маркизаты, и страна вмѣсто того, чтобъ выносить тираннію въ мирное и разореніе въ военное время во имя двухъ тысячъ призрачныхъ государей, будетъ выносить тяжесть только двухъ троновъ, которые ради собственной выгоды, должны будутъ заботиться о ея спокойствіи» [2]).

Той же болѣзнью страдаетъ Италія и требуетъ того же леченья, но прежде надо выгнать изъ нея иностранцевъ и освободить итальянцевъ отъ нѣмецкаго ига. Еще Карлъ VIII составилъ этотъ проектъ, бывшій однимъ изъ параграфовъ *великаго замысла*, который и Сюлли внушалъ Генриху IV: онъ предлагалъ выкроить для савойскаго дома королевство изъ Ломбардіи, Пармы и Монферрата и затѣмъ сгруппировать вокругъ папы союзныя итальянскія государства. Бальзакъ въ своей книгѣ *Le Prince* очень высоко чтитъ Людовика XIII за его попытку освободить Италію отъ ея «тирановъ». Вобанъ былъ того мнѣнія, что эта прекрасная политическая комбинація дастъ Франціи Савойю [3]). Шовлепъ снова выдвинулъ этотъ проектъ въ 1733,—это же было господствующей идеей министерства д'Аржансона. «Давно уже въ Европѣ не обсуждалось такого крупнаго дѣла,—пишетъ онъ въ своихъ *мемуарахъ* [4])—какимъ въ настоящее время представляется образованіе республики или вѣчнаго союза итальянскихъ государствъ, подобно тому, какъ существуетъ германскій, батавскій и швейцарскій». Онъ желалъ, чтобъ въ Италіи былъ сеймъ и чтобъ главою лиги былъ сардинскій король, словомъ, Франція устраивала вторую Германію у самыхъ дверей своихъ [5]). Республиканцы воспользовались этими предложеніями; стоило только переставить слова, чтобъ изъ этихъ монархическихъ плановъ извлечь идею освобожденія итальянскаго народа и образованія у него федеративной республики.

Но для чего возрождать Италію и дѣлать ее союзницей, если не для того, чтобъ открыть Франціи дорогу къ Востоку и пути къ великимъ завоеваніямъ? Это—«задняя мысль» всѣхъ мечтателей и прожектеровъ. Лейбницъ, какъ истый нѣмецъ, желая удалить французовъ отъ Рейна, пытался искусить Людовика XV, внушая ему идею побѣдить турокъ и получить въ награду Египетъ. Д'Аржансонъ, раздумывая о паденіи оттоманской имперіи въ 1738, проектировалъ замѣнить господство невѣрныхъ—господ-

---

[2]) Linguet, *Annales politiques*, 1777—1792, t. IV.

[3]) *Oisivetés de M. de Vauban.*

[4]) Tome IV, p. 266, 464.

[5]) См. въ *Mémoires d'Argenson*, проекты трактата 1745.

ствомъ нѣсколькихъ христіанскихъ государствъ, при которыхъ «вновь расцвѣтетъ древняя Греція и чудный нильскій край». Посадятъ королей въ Грецію, въ Македонію, Палестину, Сирію, Египетъ, даже въ Марокко и Варварійскія владѣнія, а во главѣ этихъ королей будетъ стоять императоръ, имѣющій резиденціей Константинополь. Наконецъ, «соединятъ каналомъ Левантское море съ Краснымъ». Екатерина Великая, выступивъ противъ турокъ въ 1768, воспользовалась благосклонностью, которою пользовались эти заманчивые планы. Вольтеръ страстно увлекался дѣломъ Греціи [6]; Шенье сдѣлалъ его дѣломъ всѣхъ поэтовъ [7].

Между тѣмъ политики думаютъ о барышахъ и Египетъ продолжаетъ ихъ соблазнять. Увѣряютъ, что еще Шуазель имѣлъ его въ виду и что взятіе Корсики—только первый этапъ этой экспедиціи. Въ 1782 Іосифъ и Екатерина обдумываютъ свой обширный планъ раздѣла Турціи, разсчитывая задобрить Францію Египтомъ. «Я думаю,—писалъ императоръ,—хотя не имѣю полной увѣренности, но предполагаю, что есть средство убѣдить французскій дворъ, предоставивъ ему, подъ благовидными предлогами, завладѣть землями Порты и въ особенности Египтомъ» [8]. Шесть лѣтъ спустя, въ 1788 г., Вольней [9], въ одномъ изъ своихъ сочиненій, разоблачилъ передъ публикой эти проекты и пренія, которымъ они подверглись въ королевскомъ совѣтѣ, гдѣ былъ поднятъ вопросъ, не принять ли участіе въ раздробленіи Турціи, такъ какъ помѣшать ему Франція не въ состояніи, причемъ одни называли Морею и Кандію, другіе Кипръ и, наконецъ, третьи указывали на Египетъ. «Одно, что можетъ вознаградить Францію, говорили они,—одно, что достойно ея честолюбія, это —обладаніе Египтомъ... Египетъ приведетъ насъ къ Индіи, мы возобновимъ старинный путь черезъ Суэцъ и путь къ мысу Доброй Надежды опустѣетъ».

Эти грандіозныя мечты волновали умъ Бонапарта, когда онъ проникъ въ Италію. Востокъ притягивалъ его и увлекалъ за моря и горы. «Въ двадцать четыре часа можно пріѣхать отсюда въ Македонію», писалъ онъ изъ Анконы. И нѣсколько времени спустя, обнаруживая вполнѣ свою мысль, онъ прибавилъ: «Для того, чтобъ дѣйствительно уничтожить Англію,

---

[6]) См. *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 59.

[7]) Salut, dieux d'Euxin, Hellé, Sestos, Abyde,
Et nymphe du Bosphore et nymphe propontide,
Qui voyez aujourd'hui du barbare Osmanlin
Le croissant oppresseur toucher à son déclin.
Elégie orientale, 1784.

[8]) Изъ письма Іосифа къ Екатеринѣ II, отъ 13 ноября 1782.—Arneth, *Joseph II und Catherine von Rùssland.*

[9]) *Considerations sur la guerre des Turcs*, 1788.

надо завладѣть Египтомъ» [10]). Онъ это и выполнилъ и, будучи послѣдовательнымъ, рѣшилъ идти на Константинополь: «Я низвергну оттоманскую имперію, отмѣчу свое мѣсто въ потомствѣ и, можетъ быть, тогда вернусь въ Парижъ черезъ Вѣну, уничтоживши австрійскій домъ» [11]).

То, что сдѣлалъ Бонапартъ, превзошло «грандіозностью» все, что самое пламенное воображеніе могло придумать со времени Карла Великаго. Героическій эпосъ стараго императора сталъ былью и, осуществляясь, такъ сказать, превзошелъ самого себя. Еслибъ въ 1790 предсказали какому нибудь члену учредительнаго Собранія, влюбленному въ народныя вольности, какому-нибудь мудрому и умѣренному ученику Верженна, напр. Таллейрану, что онъ работаетъ надъ реставраціей имперіи Цезарей, что онъ будетъ главнымъ орудіемъ чудовищныхъ захватовъ, и что это чудо могущества произведетъ та самая революція, которая провозгласила своимъ главнымъ принципомъ отреченіе отъ завоеваній, онъ, безъ сомнѣнія, возмутился бы и, горячо протестуя, сослался бы на уроки исторіи, на систему равновѣсія, на сопротивленіе Европы и изъ невозможности подобнаго событія вывелъ бы заключеніе о нелѣпости предсказанія. Тѣмъ не менѣе парадоксъ восторжествовалъ надъ здравымъ смысломъ, но чуда тутъ не было и то, что отрицалъ *a priori* остроумный вольтеріанецъ, слишкомъ презрительно относившійся къ предкамъ, не сталъ бы оспаривать какой-нибудь ученый, несомнѣнно тяжеловѣсный, даже заподозрѣнный въ «суевѣріи», но воспитанный на изученіи прошедшаго и пропитанный традиціей, какимъ былъ напримѣръ отецъ Лелонъ.

Причины того, что революція выродилась въ кровавую анархію и могла организоваться лишь въ формѣ деспотизма, установились ранѣе, чѣмъ разразилась революція; тогда же опредѣлились и причины, которыя сдѣлали деспотизмъ завоевательнымъ и дали ему проникнуть въ Европу. Рѣка, переполненная дождевыми водами, превращается въ потоки, водопады, наводненія, однако, не мѣняетъ своего вѣковаго теченія и русла и продолжаетъ течь по старому наклону; ея разливъ знаменуетъ только избытокъ силы. Когда буря утихнетъ, рѣка, такъ сказать, входитъ сама въ себя и мирно течетъ въ своихъ прежнихъ берегахъ. Тогда-то осторожные и догадливые, тѣ, которые во время потопа удалились на гору или покорно заперлись въ своемъ ковчегѣ, отомстили смѣльчакамъ и безумцамъ, вообразившимъ, что управляютъ ураганомъ, тогда какъ онъ увлекалъ ихъ за собою. Они не боялись ошибиться, зная, что такой колоссъ могущества не можетъ долго поддерживаться и рано или поздно обрушится подъ своей собственной тяжестью. На это и разсчитывали тѣ, кто въ Европѣ противился завоева-

[10]) Изъ писемъ къ Директоріи отъ 16 февраля и 16 августа 1797.

[11]) Philippe de Ségur, *Histoire et Memoires*, t. I, p. 440.

тельной революціи, и не теряли надежды ввести Францію въ ея старыя границы. Это приводитъ насъ къ вопросу о томъ, что думали о Франціи иностранцы въ послѣднее время стараго порядка.

XIII.

Если они какъ будто радовались при началѣ этой революціи, то лишь потому, что, по ихъ мнѣнію, она должна была надолго парализовать всѣ силы французскаго государства, заставить его сосредоточиваться въ себѣ и хотя временно нарушить традиціи его внѣшней политики. Чувство удовлетворенія, съ которымъ смотрѣли на начало кризиса, и страхъ, внушаемый его дальнѣйшимъ развитіемъ, происходятъ отъ одинаковыхъ мотивовъ; а именно: отъ идеи, которую они себѣ создали о рессурсахъ Франціи и удивительной гибкости національнаго темперамента. «Ходячія фразы о томъ, что война истощила Францію или Англію, никогда не должны исходить изъ устъ политика. Эти двѣ державы неистощимы», писалъ въ 1761 авторъ *Institutions politiques* [1]).

Такое сужденіе о Франціи и, кромѣ того, знаніе предпріимчиваго и гордаго духа расы внушало къ ней страхъ. Упадокъ ея во второй половинѣ царствованія Людовика XV только на время успокоилъ враговъ. Блескъ, которымъ она озарилась послѣ вступленія на престолъ Людовика XVI, показалъ имъ, что они были бы не правы, вѣря въ ея вырожденіе. Они не вѣрятъ въ него, и самая преувеличенность и несправедливость ихъ мнѣній о ней служатъ какъ бы косвенной данью могуществу французовъ, энергіи ихъ національнаго характера и твердости ихъ намѣреній. Въ глубинѣ души и желая, чтобы Франція, быстро падая, разочаровала ихъ, иностранцы, тѣмъ не менѣе, рисуютъ Францію тѣми же красками, какими рисовали ее противники Людовика XIV. Они шпіонятъ и слѣдятъ за ней, усердно отмѣчая всѣ признаки слабости, всѣ симптомы проявляемаго ею недуга; какъ только возвращается къ ней внѣшній видъ крѣпости и здоровья, для всѣхъ становится несомнѣннымъ, что вернутся и блестящіе года ея могущества. Вотъ какою рисуется она въ одной изъ картинъ великой классической эпохи [2]). «Правительство ея держится слѣ-

---

[1]) T. I, ch. X. *De l'opulence de l'Etat en général*, § 13. T. II, ch. IV: *De la puissance des États* § 14.—Въ статьѣ *La France*, t. III, ch. III, онъ прибавляетъ. «Стоитъ только подумать объ ея обширности и ея географическомъ положеніи, какъ становится очевиднымъ, что ея положеніе прекрасно и могущество громадно... Къ ней стекаются обильной волной золото и серебро другихъ, болѣе лѣнивыхъ, народовъ.. Поистинѣ можно сказать, что это одна изъ богатѣйшихъ націй въ мірѣ».

[2]) *Bouclier d'État*. 1667. См. Rousset. *Louvois*. t. I, p. 22.

дующихъ правилъ: во-первыхъ, всегда поддерживать внѣшнюю войну... Несомнѣнно, что духъ націи не выноситъ, чтобы остальной міръ наслаждался праздным покоемъ; этому огню нужна пища, и если не доставлять ее извнѣ, то внутри скопляются горючіе матеріалы. Необходимо отуманивать ихъ дымомъ завоеваній и имѣть постоянно подъ рукою предлогъ, чтобы оставаться вооруженными и съ помощью силы поддерживать королевскій авторитетъ, который какимъ-то страннымъ образомъ выступилъ за предѣлы основныхъ законовъ страны. Второе правило заключается въ томъ, чтобы вмѣшиваться во всякія дѣла направо и налѣво, и всюду силою или ловкостью домогаться роли посредника. Третье правило—руководиться единственно государственной выгодой, не стѣсняясь ни честнымъ словомъ договоровъ, ни благомъ религіи, ни узами крови, ни узами дружбы. Четвертое правило – поддерживать постоянный разладъ и разъединеніе въ иностранныхъ державахъ и постоянно втягивать ихъ въ войну другъ съ другомъ. Всѣ эти правила, собственно говоря, правила завоевателей и признаки глубокаго и обширнаго давно задуманнаго замысла.

Такъ думалъ еще въ восемнадцатомъ столѣтіи великій Фридрихъ, и радость его, когда онъ впослѣдствіи получилъ возможность презирать Людовика XV, еще сильнѣе подтверждаетъ то высокое мнѣніе, которое онъ составилъ о Франціи. «Ваше сравненіе Франціи съ богатымъ и осторожнымъ человѣкомъ, который окруженъ расточительными и несчастными сосѣдями, очень удачно», писалъ онъ Вольтеру въ 1738 г.; «оно рельефно выставляетъ могущество французовъ и слабость окрестныхъ державъ; оно разоблачаетъ причину этого могущества и позволяетъ воображенію проникать въ глубину вѣковъ, которые пройдутъ послѣ насъ, и видѣть тамъ постоянное усиленіе французской монархіи, истекающее изъ ненарушимаго единообразнаго принципа монархіи съ деспотическимъ вождемъ во главѣ и которой по всей вѣроятности суждено поглотить, современемъ, всѣхъ своихъ сосѣдей».

Что касается до плана, который приписываютъ Франціи по отношенію къ Европѣ, то это тотъ самый планъ, который предписываетъ ей традиція. Послѣдняя остается столь очевидной и несомнѣнной, что даже иностранцы, оспаривая ее, тѣмъ не менѣе признаютъ ее государственнымъ принципомъ французской политики. Въ мемуарѣ, редактированномъ Фридрихомъ II въ 1738 г., сказано [3]): «На востокѣ Франція не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ своей умѣренности и справедливости. Эльзасъ и Лотарингія, отдѣлившись отъ имперіи, раздвинули предѣлы ея власти. Слѣдуетъ желать, чтобы Рейнъ продолжалъ оставаться рубежомъ для этой монархіи... Для этой цѣли

---

[3]) *Considérations sur l'état présent du corps politique en Europe.*

стоитъ только завладѣть маленькимъ герцогствомъ Люксамбургскимъ, прихватить маленькій Трирскій электоратъ путемъ какого-нибудь договора, а герцогство Люттихъ—по праву приличія; Барьеръ, Фландрія и другія бездѣлицы въ этомъ родѣ, конечно, включаются въ это число, и тогда Франціи нуженъ только умѣренный и мягкій министръ, который придастъ такой же характеръ политикѣ двора и подъ благовидной внѣшностью приведетъ свои замыслы къ благополучному концу». Этотъ отрывокъ, очевидно, написанъ въ ироническомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе для Фридриха несомнѣнно, что подобный проектъ существуетъ и что всякій добрый французъ долженъ ему сочувствовать, а ужъ дѣло Пруссіи противиться ему или воспользоваться имъ, смотря по обстоятельствамъ.

Въ 1760 г. Бильфельдъ [4]), обсуждая систему государствъ, говоритъ о Франціи въ видѣ примѣра: «Если политическая система Франціи сводится къ тому, чтобы сдѣлать моря, Альпы, Пиренеи и Рейнъ границами своего государства, то можно сказать, что этотъ планъ внушенъ самою мудростью». Но это уже крайній предѣлъ, и если Европа позволитъ Франціи достигнуть его, что сомнительно, то надо опасаться, что тѣ самыя причины, которыя обезпечивали бы за Франціей эти широкія завоеванія, не помѣшали бы и сохранить ихъ и не привели бы къ ихъ утратѣ. Авторъ *Institutions* прибавляетъ [5]): «Здравый смыслъ говоритъ намъ, что Франція должна бы заботиться о томъ, чтобы сохранить за собой положеніе обширнѣйшаго и сильнѣйшаго, но не единственнаго государства въ Европѣ и поставить себѣ цѣлью раздвинуть свои предѣлы до береговъ Рейна, который долженъ стать границею ея владѣній, подобно тому, какъ онъ былъ нѣкогда рубежемъ древней Галліи. Если она этого достигнетъ, то станетъ слишкомъ грозной для остальной Европы; если же распространитъ свои честолюбивые виды далѣе, то возбудитъ зависть всѣхъ другихъ націй, и ей будетъ слишкомъ трудно охранять свои завоеванія по ту сторону Рейна: малѣйшая превратность судьбы, изъ тѣхъ, какія выпадаютъ на долю и самыхъ могучихъ государствъ, будетъ эпохою ея паденія».

Вопросъ, поставленный въ 1792 г. и составляющій главную сущность разлада между Франціей и Европой въ эпоху революціи и имперіи, именно въ томъ и заключается: въ состояніи ли Франція достигнуть этой степени могущества и удержаться на ней, не насилуя своего характера, не превращая государства въ укрѣпленный лагерь и не предавая республики въ руки военныхъ диктаторовъ; согласится ли побѣжденная или закупленная Европа признать миръ, заключенный при такихъ условіяхъ, дѣйствительнымъ миромъ.

---

[4]) *Institutions*, t. II, ch. IV, § 20.—A. Cloots.—*Voeux d'un gallophile*. 1785. Онъ утверждаетъ, что Рейнъ—естественная граница Франціи.

[5]) Bielfeld. *Institutions*, t. III, ch. III. *De la France*, § 40.

а не перемиріемъ; откажется ли Англія, грозная своимъ морскимъ могуществомъ, отъ союзовъ съ другими державами, чтобы отнять силой то, что завоевано съ помощью силы; не придется ли Франціи, чтобы разрушить замыселъ Англіи, переманить или уничтожить ея союзниковъ, заключать противъ нее союзы, приступать къ раздѣламъ, предпринимать новыя войны и до безконечности раздвигать свои аванпосты; и не сдѣлаетъ ли неизбѣжное сопротивленіе англичанъ безусловною необходимостью для французовъ—гибель самой Англіи; словомъ, не будетъ ли *blocus continental* роковымъ послѣдствіемъ завоеванія Франціей лѣваго берега Рейна.

Система, приводившая къ такимъ крайностямъ, уничтожала самую себя. Допустивъ даже, что есть возможность довести ее до ея крайняго предѣла, т. е. до господства на континентѣ, все-таки часъ ея успѣха будетъ часомъ ея паденія. Это понялъ единственный великій противникъ, котораго имѣли революція и Наполеонъ: Вилльямъ Питтъ. Это же прозрѣлъ тонкій и изворотливый умъ Метерниха. Въ борьбѣ, которую началъ первый и окончаніемъ которой гордился второй, у нихъ не было иного руководителя, иной опоры, иного плана. Мы, французы, увлекшіеся этими великими мечтами, вслѣдствіе восторженности нашего духа, можемъ утѣшаться тѣмъ, что наши дальновидные политики предвидѣли эту катастрофу. Мы обмануты тѣми иллюзіями, отъ которыхъ эти проницательные совѣтники старались излечить насъ. Ихъ воззрѣнія до такой степени соотвѣтствовали силѣ вещей, что когда Франція, послѣ двадцати-двухлѣтней непрерывной борьбы, согласилась принять предписываемый ей миръ и примириться съ Европой, не утрачивая своей чести и своего историческаго значенія, ей достаточно было вернуться къ тѣмъ планамъ, какіе составляли для ея будущности лучшіе министры и совѣтники наканунѣ революціи, чтобъ вернуть довѣріе, уваженіе, значеніе, даже престижъ своего былого вліянія въ Европѣ.

Все вдохновеніе прекрасныхъ нотъ Верженна мы находимъ въ инструкціяхъ, данныхъ именемъ Людовика XVI, но составленныхъ Таллейраномъ, бывшимъ впослѣдствіи французскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1814 году. «Могущество Франціи такъ велико, что только надежда на ея умѣренность можетъ успокоить другіе народы; они уже получили доказательство ея справедливости и тѣмъ скорѣе убѣдятся и въ ея умѣренности. Франція такъ счастливо поставлена, что ей не приходится отдѣлять справедливость отъ своего интереса и искать выгоды внѣ справедливости, составляющей общее благо».

Такова истинная традиція Франціи. Въ слѣдующихъ частяхъ этой книги мы увидимъ, что̀ заставило ее отдалиться отъ этой традиціи, какія страсти руководили ею, какая доля въ этихъ увлеченіяхъ падаетъ на полученные ею примѣры и случайное стеченіе обстоятельствъ, встрѣченное ею сопро-

тивленіе и предлагаемое ей соучастіе, внушаемыя ей иллюзіи и испытанныя разочарованія—словомъ, мы увидимъ ту роль, которую сыграла Европа въ излагаемыхъ нами событіяхъ; исторія Европы неразрывно связана съ исторіей Франціи. Весь конфликтъ между ними былъ только рядомъ непрерывныхъ взаимныхъ воздѣйствій. Европа въ теченіе этого періода, перенесла такой же глубокій кризисъ и пережила такія же удивительныя превратности судьбы. Я пытался выяснить то настроеніе, которое вносила въ борьбу Франція; изучимъ и настроеніе Европы, и тогда останется только выяснить ихъ взаимныя отношенія.

КНИГА III.

Политическія традиціи въ Европѣ.

ГЛАВА I.

Англія.

I.

Англія—торговый островъ; этимъ фактомъ обусловливается вся ея политика. Увеличивать свои владѣнія англичане могутъ только посредствомъ колоній; они производятъ больше, чѣмъ потребляютъ, а слѣдовательно нуждаются въ рынкахъ для сбыта. Ихъ флотъ—орудіе ихъ богатства, цѣль ихъ—преобладаніе на морѣ. Меркантильный характеръ интересовъ англичанъ и зависть, проистекающая изъ нихъ; національный характеръ, отъ природы надменный и исключительный, характеръ ихъ господства, ихъ островная изолированность, которая позволяетъ имъ, по словамъ Монтескье, «оскорблять вездѣ» [1]), все соединяется, чтобъ придать ихъ политикѣ тотъ духъ высокомѣрія и соперничества, благодаря которому ихъ боятся въ Европѣ [2]). Они вносятъ въ управленіе своими меркантильными интересами ту же суровость и гордость, какую Людовикъ XIV вносилъ въ управленіе своими династическими интересами. Политическая экономія замѣняетъ у нихъ государственную пользу. Такимъ образомъ, вводя монополію для своихъ колоній, что было впрочемъ повсемѣстнымъ обычаемъ того времени [3]); Англія разсчитываетъ на свободную торговлю въ чужихъ колоніяхъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобъ ввести тамъ контрабанду, которую крайне энергично преслѣдуетъ въ своихъ собственныхъ территоріяхъ. Такъ какъ ей невозможно входить въ сдѣлки съ другими націями относительно этого пункта, то она гнететъ слабыхъ, презирая ихъ, и ожесточенно борется съ сильными. Она не допускаетъ, чтобъ Франція раздѣляла съ нею господство надъ

---

[1]) *Esprit des Lois*, liv. XIX, ch. XXVII.

[2]) *Par les vagues jetés sur cette île farouche.* André Chénier. *Oeuvres*, t. II. p. 217, Paris 1874.

[3]) Montesquieu, liv. XXI, ch. XXI. Esquine May, t. II, ch. XVII.

морями, владычество надъ колоніями и міровую торговлю; отсюда вытекаетъ то неумолимое сопротивленіе всякой комбинаціи, благодаря которой расширялись бы побережныя владѣнія Франціи въ Европѣ и открывали бы ей новые выходы къ океану. Она расчитываетъ присвоить исключительно себѣ заботу о продовольствіи въ Германіи и особенно не позволяетъ, чтобъ французы водворились въ Антверпенѣ: отсюда—ея систематичное рѣшеніе никогда не допускать присоединенія къ Франціи Бельгіи и лѣваго берега Рейна. Одинъ французскій агентъ писалъ изъ Лондона въ 1677: «Въ нижней палатѣ единогласно рѣшили, что англичане продадутъ послѣднія рубашки (такъ именно сказали они), чтобъ вести войну съ Франціей за удержаніе ею Нидерландовъ» [4]).

Эти враждебныя чувства были очень живы и страстны до 1789; реваншъ, взятый Франціей въ Америкѣ, не могъ ихъ смягчить [5]). Они составляютъ политическій принципъ, raison d'Etat, которымъ послѣдній буржуа Сити проникнутъ не менѣе, чѣмъ самый опытный королевскій совѣтникъ [6]). Сдерживать, ослаблять, унижать если можно, и во всякомъ случаѣ приковать Францію къ материку, составляетъ главное основаніе ихъ плановъ. Такъ какъ за неимѣніемъ арміи, они не могутъ достигнуть этого прямымъ путемъ, то обдѣлываютъ это дѣло посредствомъ союзовъ и поддерживаютъ союзниковъ субсидіями. Подъ вліяніемъ такого мотива былъ заключенъ союзъ съ Австріей. Вѣнскій дворъ получалъ плату отъ Англіи за то, что сражался противъ Франціи, своей соперницы, и защищалъ свою собственность—Нидерланды.

Между тѣмъ, со времени воцаренія Георговъ, Англія утвердилась на материкѣ. Король былъ курфирстомъ ганноверскимъ и очень дорожилъ своимъ курфиршествомъ, которое составляло его доменъ. Хотя, съ точки зрѣнія права, союзъ былъ совершенно личный и не касался Англіи, тѣмъ не менѣе эта привязанность короля къ Ганноверу сдѣла-

---

[4]) Camille Rousset. *Louvois*, t. II, p. 309.

[5]) Malmesbury. *Diaries et correspondance*, *Mémoires de* 1785.

[6]) «Пятьсотъ лѣтъ соперничества, писалъ Линге, сдѣлали то, что соревнованіе, обострившее отношеніе между этими народами, сдѣлалось личнымъ для каждаго отдѣльнаго лица». *Annales*, t. IV, p. 53.—«Это напоминаетъ отношенія древняго Рима и Карѳагена между второй и третьей пунической войной». Favier, *Conjectures raisonnées*, ch. X, *de l'Angletterre*. Boutaric, t. II, p. 182. «Англія природный врагъ Франціи, алчный, честолюбивый, несправедливый и вѣроломный врагъ: неизмѣнной и любимой цѣлью ея политики было если не уничтоженіе Франціи, то во всякомъ случаѣ ея ослабленіе, униженіе и разореніе... Эта государственная польза ставится выше всякаго другого соображенія, и когда она заговоритъ, всѣ средства становятся справедливыми, законными и даже необходимыми, лишь бы они достигали цѣли. *Mémoires de* Gérard de Rayneval, 1774, publié par *Cornélis de Witt. Jefferson.*

лась не малой помѣхой для англійской политики. Это залогъ, которымъ Франція можетъ завладѣть въ случаѣ столкновенія; такимъ образомъ, она имѣетъ въ рукахъ средство уравновѣсить своими арміями превосходство морскихъ силъ Британіи. «Мы ничего не можемъ получить отъ Англіи иначе, какъ черезъ Ганноверъ», писалъ Д'Аржансонъ въ 1745. Это было тогда главною связью Франціи съ Пруссіею, желавшею въ свою очередь завладѣть Ганноверомъ. Съ 1756 партнеры перемѣнили мѣста, но партія осталась та же. Пруссія успокоила ганноверскаго короля насчетъ Ганновера и они составили союзъ; Франція и Австрія соединились противъ Пруссіи, но Англія всегда имѣла въ своемъ распоряженіи армію на континентѣ, чтобъ бороться съ французами. Эти переходныя комбинаціи не измѣняютъ взаимныхъ интересовъ. При самомъ началѣ революціи мы видимъ, что Франція отрывается отъ Австріи и угрожаетъ Нидерландамъ; вѣнскій дворъ вновь сближается съ лондонскимъ; а Пруссія, балансируя между обоими, испытываетъ, по отношенію къ Ганноверу, вновь пробудившееся чувство алчности.

Въ 1789 Англія, опираясь на Пруссію, покровительствуетъ Голландіи, господствуя надъ ней. Они соперничаютъ въ дѣлѣ морского владычества, но если ихъ торговые интересы противоположны на моряхъ, то въ Европѣ они не противорѣчатъ другъ другу. Подобно англичанамъ, голландцы не хотятъ, чтобъ Шельда была французской рѣкой, и не только французской, но даже свободной рѣкой, открытой для всѣхъ націй. Португалія, въ глазахъ англичанъ, есть нѣчто въ родѣ континентальной колоніи, откуда они грозятъ испанцамъ. Италія ихъ интересуетъ только со стороны торговли, которую они навязываютъ ея слабымъ правительствамъ. Они уравновѣшиваютъ силы Франціи на Средиземномъ морѣ своими и оспариваютъ у нея торговлю съ Востокомъ. Они пытаются отнять у нея и торговлю съ Сѣверомъ, а потому то оберегаютъ, то угрожаютъ Даніи и Швеціи. Что касается до Россіи, то независимость, съ какою она держала себя во время Американской войны, значительно охладила дружбу англичанъ [7]). Они долго считали, что у нихъ общіе интересы съ Россіей и только тогда поняли, что они расходятся. Водвореніе въ Индіи, движеніе русскихъ вдоль береговъ Чернаго моря измѣняли всѣ отношенія между этими двумя, нѣкогда союзными, державами. Дѣлаясь азіатской державой, Россія неминуемо становится соперницей Англіи: она съ тревогой видитъ, что Россія угрожаетъ Оттоманской Портѣ, и не можетъ допустить, чтобы новая первостепенная держава открыла бы себѣ непосредственный доступъ къ Средизем-

---

[7]) Относительно этой дружбы, см. *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, ch. VI. *L'Angleterre et la question d'Orient.*

ному морю. Что касается до Польши, то англичане о ней не заботятся: вѣдь на выгодную съ ней торговлю нельзя расчитывать.

Итакъ, своими союзами они стремятся достигнуть двойного результата: расширить свое морское владычество и стѣснить, а если можно то и уничтожить французское. Это постоянная мысль, но самый характеръ такой политики заставляетъ ихъ преслѣдовать эти цѣли съ перерывами. Англичане объявляютъ войну единственно ради торговыхъ интересовъ: война задерживаетъ торговлю и вредитъ ей, а потому они рѣшаются на нее только въ такомъ случаѣ, если ихъ интересамъ грозитъ дѣйствительная опасность. Но разъ рѣшившись на борьбу, они вносятъ въ нее серьезную и сосредоточенную страсть, враждебность, которая тѣмъ упорнѣе, чѣмъ эгоистичнѣе поводъ къ ней. Въ исторіи, ихъ равнодушіе, заставляющее вѣрить въ упадокъ, смѣняется увлеченіемъ, которое поражаетъ ихъ противниковъ; они то покидаютъ Европу, то распоряжаются ею, то пренебрегаютъ самыми крупными дѣлами континента, то стремятся направлять самыя мелкія, и переходятъ отъ мира во что бы то ни стало къ ожесточенной войнѣ.

Дѣло въ томъ, что, будучи побѣжденными, они хотятъ оправиться, будучи побѣдителями, стараются воспользоваться побѣдой: въ томъ и другомъ случаѣ они хотятъ свести свои счеты. Богатство позволяетъ имъ дѣлать громадные долги; но именно потому, что они богаты, они чувствуютъ всю тяжесть этихъ долговъ, и разстроенные финансы для нихъ невыносимы. Прибавьте къ этому заботу объ общественныхъ вольностяхъ, которыя во время войны всегда подвергаются большой опасности. Такимъ образомъ, послѣ своихъ великихъ успѣховъ во время Семилѣтней и неудачи въ Американской войнѣ, они сосредоточиваются и исключительно отдаются заботѣ о своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Тогда они переживаютъ тяжелый кризисъ. Англичанамъ дорого достается суровая наука свободы. Они завоевали ее, но нравы еще не приспособились къ ней, привычка къ ней еще не пріобрѣтена. Они перестаютъ бороться съ чужеземцемъ только для того, чтобъ возобновить борьбу другъ съ другомъ. Эта борьба заполняетъ все восемнадцатое столѣтіе. Во время Семилѣтней и даже Американской войны, она доходитъ до такой напряженности, какая не замѣчалась со времени роковыхъ годовъ великой англійской революціи [8]). «Нація, говоритъ Маколей,—находилась въ такомъ состояніи мрачнаго и горькаго отчаянія, подобнаго которому можетъ быть не бывало въ исторіи». Парламентъ, утратившій довѣріе, король, внушающій ненависть, непрочная власть, безпощадныя партіи, вооруженныя всѣми

[8]) Macaulay, *le comte de Chattam. William Pitt.*—Erskine May, *op. cit.*—Cornelis de Witt. *La Société anglaise au dix-huitième siècle.*—Mallet du Pan, t. I, ch. IV.

орудіями анархіи и съ помощью подкупа отнимающія другъ у друга власть. Политическая агитація проникаетъ даже въ семью. «Женщины, дѣти, слуги называли себя вигами или торіями. Проповѣди, равно какъ комедіи и маскарады, имѣли политическую окраску». Такъ какъ одной прессы уже было мало, чтобъ раздуть огонь, то принялись основывать общества, организовывать клубы, словомъ, обложили всю страну сѣтью, концы которой соединялись въ Лондонѣ. Эта пропаганда «поддерживалась дѣятельной корреспонденціей, ассоціаціями и движеніями, концентрированными въ Англіи. Различныя графства избирали комитеты ассоціацій, которые поддерживали агитацію и делегатовъ, которыхъ посылали въ Лондонъ, чтобъ концентрировать ее». Прибавьте къ этому грубость языка, грубость привычекъ. Взаимныя обвиненія во лжи, наглости, низкой хитрости—обычны. Это ходячій словарь въ парламентѣ. Стремленіе къ кровопролитію и къ конфискаціямъ обнаруживается повсюду. «Во время Семилѣтней войны, депутаты предлагали поступить съ директорами Южной компаніи, какъ поступали въ Римѣ съ отцеубійцами и кидать ихъ въ Темзу» [9]).

Коммуны захватываютъ власть въ свои руки, предписываютъ аресты, угрожаютъ министерству обвиненіемъ. Населеніе отъ природы расположено къ жестокимъ увлеченіямъ и опьяненіямъ, коноводы возбуждаютъ его и ведутъ въ бой [10]). Въ 1780 г. бунтовщики едва не завладѣли зданіемъ парламента; былъ такой моментъ, когда депутаты принуждены были защищаться и проложить себѣ дорогу со шпагою въ рукѣ. Въ 1782 году толпа окружаетъ палаты, говоритъ дерзости перамъ, преслѣдуетъ епископовъ, оскорбляетъ посланниковъ, открываетъ тюрьмы, поджигаетъ дома знати. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Лондонъ имѣетъ видъ города, занятаго непріятелемъ. Возмущенія отличаются яростью. «Характеръ англичанъ требовалъ кровавыхъ трагедій», писалъ Фридрихъ. Имъ нужны жертвы. Въ 1757 году такою жертвою былъ Бингъ. Процессъ Варена Гастингса показываетъ, что въ 1786 году нравы не измѣнились къ лучшему. Къ политическимъ страстямъ присоединяется религіозный фанатизмъ. Въ 1778 г. эдинбургская чернь, возбужденная противъ католиковъ, разрушила ихъ часовни; въ Глазго разрушены ихъ жилища. Католики трепетали за свою жизнь и имущество. Ирландцы, ободряемые примѣромъ американцевъ, составляютъ заговоры и вооружаются. Вѣчное требованіе

---

[9]) Macaulay, op. cit.

[10]) «Народный быкъ бросался всею массою на первую красную тряпку. Человѣкъ-звѣрь, воспламененный политическими страстями, разражается криками и насиліемъ, находится подъ рукою каждой партіи, готовый въ своемъ слѣпомъ порывѣ уничтожить общество... При каждомъ политическомъ инцидентѣ слышенъ глухой ревъ возмущенія». Taine, *Histoire de la littérature anglaise*, t. III, p. 25.

національной независимости усложняется религіозными несогласіями и аграрными столкновеніями. На этомъ островѣ всегда таится возмущеніе. «Нація, потрясаемая партіями, престолъ, расшатанный самыми грубыми нападками, палата, презираемая и ненавидимая націей, Англія, возбужденная противъ Шотландіи», такими чертами заканчиваетъ Маколей свою картину въ эти бурныя времена. Англичане обезглавили Карла I, ненавидѣли Карла II, изгнали Іакова, съ трудомъ выносили Вильгельма, презирали первыхъ двухъ Георговъ. Третій, вступившій на престолъ въ 1760 году, процарствовалъ уже двадцать-три года, когда его подданные начали привязываться къ нему. Министерства рушились одно за другимъ. Въ 1771 г. составился уже седьмой кабинетъ въ теченіе десяти лѣтъ. Со времени восшествія на престолъ Георга III, единственный государственный человѣкъ Англіи, великій политическій вождь и организаторъ побѣды во время Семилѣтней войны, лордъ Чатамъ, оставилъ власть. Его удаленіе еще рѣзче подчеркнуло посредственность его преемниковъ.

Георгъ III не былъ лишенъ нѣкоторыхъ царственныхъ качествъ. Онъ обладалъ достоинствомъ, послѣдовательностью, даже упрямствомъ, и очень живымъ чувствомъ британской чести. Онъ ревниво оберегалъ свою власть, но не всегда былъ способенъ царствовать; порою его умъ отуманивался. Въ 1765 г. у него былъ первый приступъ безумія, и онъ остался навсегда причудливымъ и пугливымъ. Нетерпѣливо вынося опеку партій, но не умѣя создать свою собственную, онъ долго управлялъ посредствомъ своихъ фаворитовъ, а фавориты—посредствомъ подкупа. Это было хронической язвой Англіи. Въ предшествовавшее царствованіе Вальполь создалъ изъ подкупа цѣлую систему администраціи. Лордъ Бьютъ возвелъ его въ общественную функцію и называлъ это «ощупываніемъ палаты общинъ».

Общественные нравы падали такъ низко потому, что частные нравы были не лучше. То же безстыдство, какъ въ Парижѣ, только развратъ былъ циничнѣе и тяжелѣе, больше пьянства, меньше утонченности, меньше вкуса, словомъ, меньше лицемѣрія. Георгъ III соблюдалъ относительное приличіе. Его сынъ, принцъ Уэльскій, долги котораго превышали долги многихъ мелкихъ континентальныхъ государствъ [11]), велъ открыто скандальную жизнь. Въ 1789 г. поднимался вопросъ о томъ, чтобъ вручить управленіе дѣлами Шеридану. Французскій посланникъ писалъ по этому поводу: «Хотя въ этой странѣ приличія считаются за ничто, все-таки странно,

[11]) Онъ получалъ 60000 ливровъ ежегодной пенсіи по государственной росписи. Въ 1787 г. парламентъ вотировалъ 161000 ливровъ на уплаты его долговъ и 83000—на постройку дворца. Тѣмъ не менѣе,въ 1795 у него оставался еще долгъ въ 650000 ливровъ

чтобъ человѣкъ съ самой дурной репутаціей, бывшій актеръ, сынъ актера, женатый на актрисѣ и, кромѣ того, банкротъ, сдѣлался министромъ Великобританіи. А между тѣмъ, еслибы принцъ Уэльскій господствовалъ надъ своей партіей, а не подчинялся ей, то Шериданъ сталъ бы во главѣ администраціи»: Это письмо можетъ служить примѣромъ переписки иностранныхъ дипломатовъ и взглядовъ на Англію континентальныхъ политиковъ.

II.

Говоря правду, они совсѣмъ не понимали ея, разсматривали ее только съ внѣшней стороны, со взорами, омраченными завистью или страхомъ съ тайнымъ желаніемъ отыскать симптомы какой-нибудь болѣзни, пагубной для англичанъ и успокоительной для ихъ соперниковъ. Государственные люди континента могли и должны были сказать себѣ, что переживаемый Англіей кризисъ былъ не первымъ. Исторія учила ихъ, что Англія, перенося жестокіе приступы лихорадки, за которыми слѣдовала долгая спячка, тѣмъ не менѣе продолжала играть большую роль въ свѣтѣ. Но исторія, подобно всякому продолжительному опыту, не пользовалась большимъ уваженіемъ въ министерствахъ: противъ нея были лѣность и гордость—два порока, которые, къ несчастію, очень уживаются съ свѣтскимъ духомъ и политическимъ искусствомъ. При этихъ дворахъ говорили, что, допустивши раздѣлъ Польши, завоеваніе Крыма, освобожденіе Соединенныхъ штатовъ, Англія отреклась отъ своего значенія и что наступаетъ время, когда серьезныя и прочныя правительства замкнутъ ее на ея островѣ и перестанутъ считаться съ ней.

Народъ считался буйнымъ отъ природы, въ англійской конституціи видѣли ниспроверженіе всякаго авторитета [1]). Накакой послѣдовательности ни въ людяхъ, ни въ дѣлахъ, а потому нельзя было расчитывать ни на правильную политику, ни на надежные союзы. «Ничто не можетъ быть измѣнчивѣе политики сенъ-джемскаго кабинета: она слишкомъ подчинена минутному вліянію министерства, почти ежедневная перемѣна котораго мѣшаетъ сенъ-джемскому кабинету имѣть опредѣленные принципы по отношенію къ континентальнымъ дѣламъ»,—писалъ Верженъ въ 1783 г. «Съ такимъ страннымъ правительствомъ,—замѣчаетъ Кауницъ,—нельзя

[1]) Таковы рутинные взгляды. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Англійскій народъ легкомысленъ и не можетъ выносить ига». *Testament de Charles de Lorraine*, 1687.—«Англія, — писалъ Петръ Великій, — держава, разрываемая внутри и непостоянная въ своихъ замыслахъ». Vandal, *Louis XV et Elisabeth.*—«Изъ всѣхъ странъ, которыя заключаетъ въ себѣ Европа, нигдѣ принципы правительства не мѣняются такъ часто, какъ въ Англіи». Torcy, *Instruction du comte de Luc*, 1715. *Recueil*, t. I. Autriche, p. 166.

расчитывать ни на что». Въ глазахъ этихъ политиковъ Англія стоитъ на пути, чтобъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ островной Польши, богатой, разсудительной, сосредоточенной, но сохраняющей свою самостоятельность только потому, что, благодаря счастливой случайности, она не имѣетъ сосѣдей [2]). Одинъ французскій агентъ, описывая въ письмѣ изъ Лондона, отъ 1766 г., всѣ признаки слабости Англіи, прибавляетъ: «Вотъ что ускользаетъ отъ взоровъ чужеземцевъ, которые видятъ въ Англіи только громадный флотъ и магазины чудовищныхъ размѣровъ. Эта внѣшность импонируетъ, и немногіе понимаютъ, что какіе-нибудь пустяки, ложный слухъ, самая дерзость врага могутъ повредить кредиту, вносятъ безпорядокъ въ сложную машину и обнаруживаютъ слабость, которую вполнѣ понимаетъ только заинтересованная сторона» [3]).

Великая Екатерина находитъ, что англичане лишены «нервовъ». Она обращается къ нимъ съ тѣмъ банальнымъ упрекомъ, какимъ прикрывается зависть бѣдныхъ и деспотичныхъ государствъ къ тѣмъ, которыя находятъ средства быть свободными и богатыми: «Они слишкомъ богаты!» [4]). Фридрихъ думаетъ то же самое и говоритъ о нихъ съ презрѣніемъ: «Эти богатства, эти безмѣрные и смѣшные расходы, роскошь, духъ продажности—все вмѣстѣ способствовало къ развращенію этого правительства, нѣкогда столь достойнаго» [5]). ІосифЪ прямо говоритъ объ ихъ паденіи, во-первыхъ, Фридриху, въ ихъ разговорахъ въ Нейссе въ 1769 г., потомъ своему брату Леопольду въ 1783 г. [6]). «И вотъ, это великое государство, державшее въ равновѣсіи Францію, пало навсегда, потеряло всякое значеніе и силу и добровольно снизошло въ ряды второстепенныхъ державъ, подобно Швеціи и Даніи, и, вѣроятно, вскорѣ подчинится Россіи, какъ они».

Это сужденіе величайшихъ государей того времени оправдывало предсказанія знаменитѣйшихъ ученыхъ. Мабли указывалъ на «полнѣйшій упадокъ Англіи» [7]). «Очень легко предвидѣть, что черезъ двадцать лѣтъ Англія будетъ разорена и, мало того, утратитъ свою свободу», пишетъ Руссо въ 1760 г. [8]). Наконецъ, Фавье, который считаетъ англичанъ еще

---

[2]) «Правительство Польши можно сравнить отчасти съ правительствомъ Англіи», пишетъ Бильфельдъ, обыкновенно столь проницательный въ континентальныхъ дѣлахъ.

[3]) Дюранъ Шуазелю въ августѣ 1766 г. Издан. Cornelis de Witt, *Jefferson.*

[4]) Письмо къ Вольтеру 13 дек. 1770 г.

[5]) Письмо къ герцогу Брауншвейгскому, августъ 1782 г. Ranke, t. II.

[6]) Arneth, *Joseph II et Léopold II.*

[7]) *Notre gloire et nos rêves*, 1778.

[8]) *Extrait du Projet de paix perpétuelle.*

очень грозными, съ удовольствіемъ анализируетъ всѣ элементы разложенія, которые грозятъ уничтожить ихъ могущество. «Непропорціональность и нескладность частей зданія, ихъ естественное стремленіе распасться; конвульсивныя движенія Ирландіи, утомленной гнетомъ Англіи, опасность неминуемаго разрыва между колоніями и метрополіей въ будущемъ, велиь кость національнаго долга, постоянный сбытъ золота и серебра на покрытіе траттъ иностранныхъ домовъ; неизбѣжное банкротство и при этомъ необходимость увеличивать этотъ долгъ, за невозможностью создавать новые налоги»...

Американская война, казалось, самымъ положительнымъ образомъ подтвердила точность этихъ заключеній. Говорилось повсюду, а въ особенности въ Парижѣ, что англійское могущество—искусственное и что оно уже распадается. Успѣхами въ Семилѣтней войнѣ Англія обязана не столько своему превосходству, сколько политической и военной неспособности правительства Людовика XV. Самые эти успѣхи погубили ее, и побѣда ослабила ее больше, чѣмъ Францію ея пораженіе. Чтобъ ее уничтожить, слѣдуетъ предоставить ее самой себѣ, ея продажности, ея распрямъ и только поддерживать подкупъ и разжигать ссоры. Хорошо задуманная интрига въ парламентѣ, возмущенія въ Лондонѣ, возстаніе въ Ирландіи, отвлеченіе военныхъ силъ въ Индію,—и Англія погибла. Если, наконецъ, запереть ее на островѣ, обратить противъ нея ту изолированность, которою она такъ гордилась и этимъ путемъ пресѣчь ея торговлю, гибель ея будетъ окончательной. Идея уничтожить Англію была ходячей идеей въ концѣ стараго режима; ее находили простой и естественной и серьезно обсуждали. Архивы полны планами высадки въ Англію, и множество политическихъ авантюристовъ предлагаютъ свои услуги для устройства въ ней заговоровъ. По странному противорѣчію, часто наблюдаемому въ тѣхъ поверхностныхъ и страстныхъ мнѣніяхъ, какія одинъ народъ составляетъ о другомъ, Англіи преувеличенно опасались въ настоящемъ и съ невѣроятной развязностью уничтожали ее въ будущемъ.

Съ такими же чувствами, во всей ихъ сложности, будутъ относиться къ англичанамъ и дѣятели революціи. Идея войны 1793 г. и позже идея континентальной блокады (blocus), которыя проглядываютъ уже въ Комитетѣ общественнаго спасенія, вытекаютъ логически изъ этихъ ошибочныхъ понятій. Исполинское уклоненіе Наполеона въ 1812 г.—только преувеличеніе этихъ воззрѣній. Англія не что иное, какъ тѣнь имперіи, призракъ государства; достаточно коснуться до него, чтобъ онъ исчезъ. Наполеонъ брался преслѣдовать ее до глубины Индіи. Русскіе снѣга остановили его, и вся громадная военная сила, которую французы готовили противъ Англіи съ 1793 года, погибла въ нихъ вмѣстѣ съ его арміей.

Однако, Монтескье предостерегалъ своихъ современниковъ. Онъ показалъ имъ, что дружба съ Англіей полезнѣе, и враждебность ея опаснѣе, чѣмъ можно было бы предполагать по непостоянству ея правительства и внутреннимъ треволненіямъ, что «судьба исполнительной власти въ этой странѣ—быть тревожимой изнутри и уважаемой извнѣ», и что «если какая нибудь иностранная держава угрожала государству и подвергала опасности его богатство или славу, то мелкіе интересы уступили бы крупнымъ, и все сгруппировалось бы вокругъ исполнительной власти» [9]). Это и случилось, когда Европа пыталась бороться противъ Франціи, потрясенной ужаснѣйшей изъ революцій и руководимой величайшимъ изъ военныхъ геніевъ новѣйшихъ временъ. Повсюду въ старыхъ монархіяхъ крупные интересы уступали мелкимъ. Придворныя интриги и соперничество главныхъ штабовъ парализовали дѣйствіе власти. Классическія правительства встрѣтили въ своей, по внѣшности столь простой, организаціи неодолимыя помѣхи. Сначала они долго мѣшали другъ другу, а потомъ, одни за другими, покинули общее дѣло. Одна Англія, оторвавшись отъ своего минутнаго равнодушія, съумѣла ихъ соединить и направить. Теперь ее не упрекали въ богатствѣ, такъ какъ всѣ нуждались въ ея субсидіяхъ. Она оказалась болѣе дисциплинированной, чѣмъ Пруссія, болѣе послѣдовательной, чѣмъ Россія, болѣе постоянной, чѣмъ Австрія; она обнаружила могущество, которое превзошло честолюбивыя стремленія всѣхъ трехъ государствъ; петербургскій, вѣнскій и берлинскій дворы, соединившись всѣ вмѣстѣ, не способны были создать исполнительную власть, которую можно было бы сравнить по энергіи, разумности и упорству съ правительствомъ второго Питта.

III.

Вилліамъ Питтъ сталъ у кормила правленія въ декабрѣ 1783 г. Ему было двадцать-четыре года. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ показалъ, на что способенъ; всѣмъ стало ясно, что Англія нашла въ немъ величайшаго министра, какого когда-либо имѣла [1]). Его министерство продолжалось и въ 1789 г., съ нимъ приходилось считаться Европѣ и Франціи во время революціи. Роль, которую онъ взялъ на себя въ 1793 и сыгралъ до своей отставки въ 1801 г., удивила политическихъ дѣятелей континента; отъ нихъ ускользнули великіе успѣхи Питта въ началѣ его карьеры. Произошло это потому, что никогда еще государственный человѣкъ не былъ такъ исключительно англійскимъ, такъ мало интересуясь европейскими

---

[9]) *Esprit des lois*, liv. XIX, ch. XXVII.

[1]) Guisot, *Introduction à la vie de Pitt* par lord Stanhope.—Macaulay, *William Pitt.*—Rémusat, *l'Angleterre au dix-huitième siècle.*

дѣлами. Сдержанный, «умѣренный» даже въ расходахъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ страсти къ гигантскимъ планамъ, которые вовлекли отца его въ рискованныя предпріятія. Онъ плохо зналъ Европу, вовсе не заботился о томъ, чтобы лучше изучить ее и, подобно Вальполю, очень ясно показывалъ, что дипломатія докучала ему. «Это поразительно, какіе невѣжды англичане», восклицалъ Кауницъ. Питтъ зналъ Англію,—этого было для него достаточно, и въ этомъ заключалась тайна его превосходства надъ государственными людьми школы Кауница, знавшими всѣ дѣла въ мірѣ, кромѣ дѣлъ той націи, которою они управляли [3]).

Въ противоположность этимъ политикамъ, управлявшимъ своею страною извнѣ и двигавшимъ внутреннія дѣла съ помощью внѣшнихъ толчковъ, Питтъ управлялъ Европою посредствомъ Англіи, потому-то онъ и внесъ въ нее столько силы и послѣдовательности. Его точка опоры была непоколебима: его власть въ Европѣ была, такъ сказать, продолженіемъ той власти, которою онъ пользовался на родинѣ. Вотъ въ чемъ его оригинальность среди современниковъ. «Ни для своей родины, ни для себя,—говорилъ Гизо,—Питтъ не искалъ великихъ дѣлъ, случаевъ къ соперничеству и борьбѣ; онъ ихъ принималъ не колеблясь, когда они представлялись неизбѣжными, но не шелъ навстрѣчу имъ и не вызывалъ ихъ съ честолюбивыми цѣлями и съ помощью хитро задуманныхъ комбинацій. Усиленіе внѣшняго владычества Англіи посредствомъ дипломатіи и войны не было его преобладающимъ желаніемъ. Внутреннія дѣла государства, благоденствіе, усовершенствованіе его учрежденій, прогрессъ справедливости, общей для всѣхъ, и благосостоянія всего населенія—вотъ что было первой и постоянной заботой Питта. Онъ, въ особенности, принималъ къ сердцу хорошее управленіе внутри и миръ извнѣ, убѣжденный, что хорошее управленіе внутри составитъ, когда наступитъ время, величіе и силу его отечества». Постоянство было его характеристическимъ свойствомъ, и это постоянство опиралось на непоколебимую вѣру въ торжество здраваго смысла. Когда онъ принялъ на себя веденіе дѣлъ, послѣднія переживали великій кризисъ: унизительный миръ, громадный долгъ, разстроенные финансы, яростныя партіи, разъединенная нація, очень ненадежный парламентъ и во главѣ оппозиціи, нападающей на власть,—первоклассные ораторы: Боркъ, Фоксъ, Шериданъ. Разсматривая дѣло только съ внѣшней стороны, положеніе Англіи очень напоминало положеніе Франціи девять лѣтъ тому назадъ, при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Разница въ томъ, что происходившія во Франціи смуты были результатомъ разло-

---

[2]) Меттернихъ—знаменитѣйшій представитель этой школы. «Я иногда держалъ Европу въ рукахъ, Австрію—никогда», говорилъ онъ Гизо во время ихъ общаго изгнанія, въ Лондонѣ, въ 1848 г.

женія государства и дряхлости монархіи; въ Англіи они были жестокимъ но здоровымъ и жизненнымъ кризисомъ, сопровождавшимъ ростъ націи и образованіе государства. Англія обладала учрежденіями, которыя могла развивать и въ которыхъ національныя страсти могли и должны были регулироваться. Эта борьба была только послѣдствіемъ и завершеніемъ болѣе старинной борьбы, въ которой сформировался характеръ Англіи и изъ которой она почерпнула всю свою энергію и крѣпость. Кромѣ того, это была борьба партій, а не класса общества; каждая партія стремилась управлять государствомъ, но ни одна не желала его поглотить въ себѣ или уничтожить. И, наконецъ, Англія нашла то, чего недоставало Франціи,—государственнаго человѣка.

Король Георгъ считался непостояннымъ, даже коварнымъ, завистливо относящимся къ своимъ министрамъ и снисходительнымъ къ интригамъ, которыя вели его друзья противъ его собственнаго кабинета. Въ Питтѣ не было ничего, напоминающаго придворнаго; онъ былъ крутъ, повелителенъ, онъ не нравился королю, но король любилъ свою власть, а Питтъ поднялъ престижъ этой власти и потому господствовалъ надъ королемъ. Партіи оказались безсильными управлять страною; вигъ по происхожденію и принципамъ, Питтъ управлялъ съ помощью торіевъ, и управлялъ такъ удачно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на его сторонѣ оказалось большинство голосовъ, безпримѣрное въ исторіи парламента. Онъ внесъ въ палаты разумный бюджетъ, успокоилъ тревогу, причиненную финансовымъ положеніемъ страны, привелъ въ порядокъ счеты и оживилъ торговлю, возстановивъ довѣріе и кредитъ. Англія утратила американскія колоніи; онъ организовалъ индійскія и приготовилъ для Ирландіи указы о вѣротерпимости. Эти вполнѣ практическія, разумныя и національныя реформы сдѣлались популярными и обратились на пользу государства. Власть Питта, вполнѣ легальная, основанная на свободныхъ учрежденіяхъ, равнялась, по словамъ Маколея, власти Ксименеса или Ришелье. «Онъ былъ самымъ могущественнымъ гражданиномъ въ Европѣ того времени. Никогда подданный короля не пользовался подобнымъ вліяніемъ въ Англіи... Онъ былъ полнымъ хозяиномъ кабинета и любимцемъ короля, парламента и народа въ одно и то же время. Ни его отецъ, ни Вальполь, ни Мальборо не достигали такой власти, хотя бы на одинъ моментъ».

Пламенная злоба къ Франціи еще разъ обнаружилась во время преній о торговомъ договорѣ 1786 г. Съ англійской точки зрѣнія, этотъ договоръ былъ однако замѣчательнымъ дѣломъ; цѣлью этого трактата было заставить Францію уплатить косвеннымъ путемъ Англіи часть военныхъ издержекъ послѣдней въ Американскую войну. Но это мирное удовлетвореніе не казалось достаточнымъ англійскимъ патріотамъ. Фоксъ, который впо-

слѣдствіи съ такимъ блескомъ поддерживалъ идею соглашенія съ Франціей, теперь стоялъ за соперничество, восклицая: «Франція—природный политическій врагъ Великобританіи. Конечно, я не стану утверждать, что она должна навсегда остаться непримиримымъ врагомъ Англіи и что она не чувствуетъ тайнаго желанія жить въ дружбѣ съ этимъ королевствомъ. Это возможно, но невѣроятно». Питтъ отвѣчалъ: «Мой умъ отказывается понять это утвержденіе, какъ что-то чудовищное и невозможное. Думать, что одна нація можетъ быть вѣчнымъ врагомъ другой—ребячество и слабость». Въ этомъ эпизодѣ ихъ эпической борьбы оба противника очень далеки отъ той роли, которую они должны были сыграть впослѣдствіи во время войнъ революціи. Хотя, въ сущности, измѣнивши языкъ, они не измѣнили своему характеру: Фоксъ остался ораторомъ, а Питтъ—государственнымъ человѣкомъ. Большинство оправдало его, но онъ былъ осыпанъ оскорбленіями, наиболѣе для него тягостными. Говорили, что этотъ выродившійся сынъ Чатама—угодникъ Франціи.

Питтъ обладалъ властью, но ему недоставало обаянія и онъ могъ пріобрѣсти его не иначе, какъ давши англійской гордости случай отомстить Франціи. Голландская революція 1787 г. доставила ему этотъ случай. Франція поддерживала патріотовъ, Питтъ сдержалъ штатгальтера и принудилъ Францію отступить. Договоръ о тройственномъ союзѣ, который онъ заключилъ въ 1788 г. съ Пруссіей и Голландіей, завершилъ это дѣло, обезпечивая за Англіей, вмѣстѣ съ грозной системой оборонительныхъ средствъ, возможность имѣть рѣшительный голосъ въ дѣлахъ континента, когда онъ найдетъ это удобнымъ. Эти успѣхи позволили Питту пережить тяжелое испытаніе, которое обрушилось на его правительство: король сошелъ съ ума. Виги и друзья принца Уэльскаго хотѣли захватить власть: Питтъ смѣло пошелъ противъ нихъ и принудилъ парламентъ ограничить права регента. Въ началѣ 1789 г. король выздоровѣлъ. Всеобщая радость, вызванная этимъ, показала, какіе успѣхи сдѣлала королевская власть въ сердцахъ народа. Династія окончательно утвердилась. Что касается до Питта, онъ былъ популярнѣе, чѣмъ когда-либо. Европа не могла не видѣть, что въ Англіи установилось сильное правительство, съ могущественнымъ министромъ во главѣ. Это правительство было свободно, его сила была чисто національна, вотъ что дѣлало его такимъ грознымъ. Такимъ образомъ, Англія поднималась и возрождалась въ то самое время, когда все, повидимому, распадалось во Франціи, и между тѣмъ, какъ въ послѣдней единственнымъ средствомъ противъ государственныхъ бѣдствій считали революцію, Англія пересоздавала себя съ помощью нормальнаго развитія и правильнаго прогресса въ своихъ учрежденіяхъ.

IV.

Этотъ контрастъ обнаруживалъ то различіе, которое началось одновременно съ исторіей двухъ странъ и сдѣлалось, нѣкоторымъ образомъ, ея закономъ.

Англичане обладали политическимъ духомъ, котораго совершенно лишены французы; они имѣли конституцію и традиціи свободы. Старый режимъ, создавшій во Франціи лишь касту дворянъ, создалъ въ Англіи аристократію [1]). Эта аристократія сохранила только тѣ изъ своихъ привилегій, на которыя давали ей право ея заслуги передъ страной; она высоко цѣнила эти заслуги, считала ихъ честью для себя, и для того, чтобъ оказывать ихъ государству и пользоваться своей долей власти, умѣла жертвовать самими привилегіями. На ней лежали самыя тяжелыя повинности. Она дорого платила за свою власть. Кромѣ того, общая борьба во имя защиты одинаковыхъ политическихъ правъ сближала ее съ народомъ. Во Франціи люди сдѣлались очень сходными между собою, но различались по своимъ правамъ, и разница была тѣмъ тягостнѣе для непривилегированныхъ, что въ принципѣ они считали себя равными ноблямъ. Въ Англіи общность политическихъ правъ заставляла забывать различіе состояній, и, чувствуя себя свободными, люди не заботились о томъ, чтобы казаться равными. Сверхъ того, въ ряды ихъ аристократіи былъ открытъ свободный и широкій доступъ. Старинныя мѣстныя учрежденія, лежащія въ основѣ остальныхъ, существовали во всей своей силѣ, постоянно обновлялись и освѣжались. Политическая свобода не была отвлеченной формулой, которую философы поставили во главѣ идеальной конституціи, которую политики и публицисты развили и искусственно примѣнили ко всѣмъ законамъ народа, не имѣвшаго ни опытности въ ней, ни даже опредѣленнаго о ней понятія: она была констатированіемъ факта, перешедшаго въ привычку. Политическая свобода была, такъ сказать, продуктомъ національной почвы. Она не спускалась произвольно отъ государства къ общинѣ, а рождалась въ общинѣ, оплодотворялась въ ней, пускала ростки и, въ силу естественнаго роста, поднималась къ государству и концентрировалась въ немъ въ конституцію. Чтобы ввести ее во Франціи, нужно было сдѣлать революцію въ государствѣ, въ нравахъ, въ инстинктахъ націи; въ Англіи же потребовалась бы подобная революція, чтобы ее уничтожить. До тѣхъ поръ, пока цѣлью революціи было введеніе общественной свободы во Франціи и уничтоженіе стараго режима, англичане были къ ней равнодушны: она была безполезна для нихъ; но когда революція захотѣла реформировать

---

[1]) Tocqueville, *l'Ancien Régime*, liv. II, ch. IX et X.

общество и упразднить религію, она показалась опасной для ихъ собственныхъ учрежденій и вѣрованій, и они ее осудили; когда она выродилась въ вооруженную пропаганду и въ завоеваніе, они сочли ее пагубной для своихъ интересовъ и начали съ ней борьбу, которая велась тѣмъ ожесточеннѣе, что на этотъ разъ затронуты были не одни интересы корысти и преобладанія, какъ въ предыдущихъ войнахъ. Къ нимъ присоединялись наиболѣе высокіе интересы, когда-либо одушевлявшіе націю. Вѣковое соперничество обоихъ народовъ проявилось даже въ пониманіи ими права и свободы. Они предприняли двадцатитрехлѣтнюю войну столько же ради этихъ идей, сколько и ради мірового владычества.

Если судить по внѣшности, принимая во вниманіе платье, манеры, языкъ высшаго свѣта, то этотъ антагонизмъ между Франціей и Англіей конца XVIII вѣка кажется необъяснимымъ. Но сходство между ними было поверхностное, въ глубинѣ все было различно. Одинаковый потокъ философскихъ идей пронесся по обѣимъ странамъ: въ Англіи онъ коснулся однѣхъ высотъ, во Франціи взрылъ почву, и между тѣмъ какъ въ первой онъ оставилъ за собой легкую и блестящую пѣну на верхушкахъ большихъ деревьевъ, во второй—онъ легъ густымъ и плотнымъ слоемъ, который покрывалъ и пропитывалъ всю землю [2]). Въ Англіи невѣріе было дѣломъ моды и хорошаго тона, трансцендентальнымъ развратомъ, аристократической аффектаціей и утонченностью; во Франціи оно было господствующей и всеобщей страстью; все среднее сословіе было имъ одушевлено, и многими своими сторонами невѣріе проникло въ массы. Въ Англіи «джентри» буржуазія, крестьяне, работники, военные оставались религіозными [3]), пламенно вѣрующими и всегда способными доводить вѣру до фанатизма. «Фанатизмъ породилъ вѣру, фанатизмъ ее поддерживаетъ, фанатизмъ ее разрушитъ», говорила Екатерина Великая [4]). Но фанатизмъ не разрушилъ вѣры, а сохранилъ ее, такъ какъ это былъ духъ сектантства, а не невѣрія. Самые яростные уравнители семнадцатаго вѣка ссылались на св. писаніе. Въ Англіи оказались неистощимые источники ереси, но въ ней не образовалось глубокаго потока атеизма. Всѣ заблужденія вѣры находили приверженцевъ, одинъ культъ разума не нашелъ ни одного неофита. Словомъ, въ Англіи было безконечно болѣе диссидентовъ, чѣмъ революціонеровъ; люди, желавшіе перемѣнъ, искали вдохновенія въ библіи, а не въ *Contrat social.*

---

[2]) Cornelis de Witt, *La société anglaise et la société au dix-huitième siècle.*

[3]) «Ни одна нація не нуждается такъ въ религіи, какъ англичане». Montesquieu, *Pensées.*

[4]) Письмо къ Чернышеву 1770 г. Труды Россійскаго историческаго общества, т. II.

Война съ церковью, приведшая Францію къ поглощенію церкви государствомъ, а затѣмъ къ упраздненію всякой церкви и государственному безвѣрію, породила въ Англіи, въ силу реакціи, различныя секты вѣрующихъ, методистовъ и вызвала усиленіе вѣры въ установленной церкви. Въ 1779 году диссидентамъ разрѣшено проповѣдывать и обучать съ единственнымъ условіемъ—исповѣдывать христіанскую религію. Въ 1789 году, въ моментъ начала революціи, въ Лондонѣ обсуждалось предложеніе объ отмѣнѣ *акта о корпораціяхъ—акта отреченія* (acte du test) и допущеніи католиковъ къ занятію всѣхъ должностей [5]). Диссиденты и католики не покушались ниспровергнуть конституцію; они требовали лишь одной свободы, и, чтобы даровать имъ ее, парламенту стоило только согласовать свои дѣйствія съ духомъ англійскихъ учрежденій. Кромѣ того, всѣ секты были единодушны, коль скоро дѣло шло о борьбѣ противъ невѣрія, и французская революція встрѣтила, въ этомъ отношеніи, одинаковую враждебность во всѣхъ оттѣнкахъ англійскаго диссидентства. Такимъ образомъ, духъ сектантства и фанатизма, сдѣлавшійся революціоннымъ во Франціи, оказался консервативнымъ въ Англіи, и главный элементъ народныхъ волненій обратился противъ французской революціи. Что касается до невѣрующихъ по профессіи, то опытъ, произведенный во Франціи, заставилъ ихъ призадуматься; увидя послѣдствія доктринъ, они стали серьезно сомнѣваться въ самомъ ихъ принципѣ. Сверхъ того, это были, прежде всего, свѣтскіе люди и скептики; безвѣріе вышло изъ моды и скептицизмъ обратился противъ безвѣрія.

Подобная же эволюція совершилась и въ политикѣ. За послѣднее время въ Англіи появилась очень бойкая партія демократовъ, которая производила много шума своими рѣчами и митингами, щеголяя новизною своихъ воззрѣній. Въ глазахъ англичанъ она была «жалкой партійкой, безъ денегъ, безъ оружія, безъ организаціи, безъ вождей». Связи съ французскими революціонерами, которыя они, будто бы, завязали, сдѣлали демократовъ ненавистными народу, считавшему ихъ вслѣдствіе этого измѣнниками и соучастниками врага. Патріотизмъ англичанъ, столь же ревнивый и подозрительный, какъ патріотизмъ французовъ, преслѣдовалъ единомышленниковъ якобинцевъ съ такой же яростью, съ какою послѣдніе преслѣдовали во Франціи «союзниковъ и наемниковъ Питта». Англійскіе демократы не создали прозелитовъ въ Англіи, но многихъ ввели въ заблужденіе во Франціи. Они сильно способствовали ускоренію войны между двумя народами, возбуждая въ однихъ надежду на англійскую революцію, параллельную французской, а въ другихъ—страхъ передъ нею. Они зашли такъ далеко, что виги, привѣтствовавшіе французскую революцію какъ новую

[5]) Erskine May, t. II, ch. XII.

эру, съ которой начинается миръ для всего человѣчества, утратили свою популярность, благодаря именно своей симпатіи и поклоненію революціи. Нѣкоторые изъ нихъ, покинутые друзьями и кліентами, упорствовали въ своихъ убѣжденіяхъ. Самымъ благороднымъ и знаменитымъ между ними былъ Фоксъ; большинство же послѣдовало за Боркомъ и вмѣстѣ съ нимъ проклинало Францію. Однако, это были люди опредѣленныхъ принциповъ и великихъ теорій; но, въ противоположность французамъ, которые начинали съ того, что ставили принципъ *a priori* и старались подгонять факты къ доктринѣ, англичане «всю силу своихъ способностей тратили на то, чтобы во всѣхъ случаяхъ выводить теорію изъ практики и находить для фактовъ подходящія философскія воззрѣнія [5]). Это и привело къ тому, что одно и то же воспитаніе и однѣ и тѣ же доктрины создали по одну сторону пролива пламенныхъ разрушителей, а по другую—крайнихъ консерваторовъ.

Англійская нація съ страстной горячностью высказалась за консерваторовъ. Какъ ни мятежны и безпокойны англичане, но они крѣпко держатся за свои учрежденія и производятъ много шума, чтобъ достигнуть очень ничтожныхъ реформъ. Между тѣмъ какъ французъ презиралъ свое правительство, ненавидѣлъ свое духовенство и дворянство и возмущался противъ своихъ законовъ, англичанинъ гордился своей религіей, своей конституціей, своимъ королемъ, своей аристократіей, своей палатой лордовъ. Все это были башни той грозной бастиліи, за стѣнами которой онъ укрывался для того, чтобъ подъ британскимъ знаменемъ судить Европу и подавлять ее своимъ презрѣніемъ. Онъ допускалъ, что внутри крѣпости могли спорить о командованіи, но чужеземецъ не долженъ къ ней приближаться. Англійскія дѣла его не касаются и общественное мнѣніе возстало бы противъ него.

Подобно тому, какъ въ политической борьбѣ среднихъ вѣковъ, бароны соединялись съ народомъ противъ королевской прерогативы, такъ и теперь коммуны соединились съ аристократіей, чтобъ защищать противъ революціоннаго духа хартію и королевскую власть. Борясь противъ революціи, Англія слѣдовала постояннымъ традиціямъ своей исторіи; оборонительная война была всегда войной народной. Англія была единственнымъ грознымъ противникомъ французской революціи, потому что только она могла противопоставить ей аналогичныя силы: національные принципы и народныя страсти. Англичане потому только играли видную роль въ великомъ кризисѣ, гдѣ континентальная Европа оказалась такой жалкой, что они оправдывали сужденіе, высказанное нѣкогда Монтескье: «Ни одинъ народъ въ мірѣ не съумѣлъ лучше англичанъ воспользоваться тремя великими вещами: религіей, торговлей и свободой» [6]).

---

[5]) Rémusat, *l'Angleterre au dix-huitième siècle*, t. II, p. 449.

[6]) *Esprit des lois*, liv. XX, ch. VII.

ГЛАВА II.

Голландія.

I.

«Вслѣдъ за Англіей идетъ Голландія, какъ шлюпка повторяющая движеніе военнаго корабля, къ которому привязана. Голландцы, какъ граждане, ненавидятъ штатгальтерство, видя въ немъ шагъ къ тиранніи, а какъ купцы, они въ дѣлѣ политики руководствуются только своими интересами» [1]). Эти строчки Фридриха резюмируютъ и мнѣніе современниковъ и все, что необходимо знать для правильной оцѣнки той роли, которую сыграла республика Соединенныхъ провинцій въ первомъ кризисѣ французской революціи. Эта республика заключала въ себѣ семь провинцій [2]): Гельдернъ, Голландію, Зеландію, Утрехтъ, Фрисландію, Гренингенъ, Обериссель. Каждая составляетъ олигархію, въ которой дворянство имѣетъ весьма слабое значеніе, а богатая буржуазія—всесильна: у нея свои штаты и самостоятельное управленіе. Для общихъ дѣлъ провинцій—штаты выбираютъ депутатовъ, которые собираются въ Гагѣ въ качествѣ представителей республики предъ иностранными державами, рѣшаютъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. *Leurs hautes puissances les états généraux* (ихъ величества генеральные штаты), какъ ихъ называютъ, имѣютъ соперника по власти въ лицѣ штатгальтера, адмирала Союза и намѣстника пяти провинцій: Зеландіи, Голландіи, Утрехта, Гельдерна и Оберисселя. Облеченный этимъ высокимъ саномъ, принцъ Оранскій не обладаетъ относительно генеральныхъ штатовъ прерогативами государя—въ отношеніяхъ къ парламенту, но стремится къ этому; не довольствуясь принадлежащей ему военной властью, онъ мечтаетъ о политической, и въ результатѣ являются постоянныя столкновенія между штатгальтеромъ и штатами.

Франція, при Генрихѣ IV и Людовикѣ XIII сильно способствовала установленію этой республики и въ концѣ шестнадцатаго вѣка въ Голландіи существовала очень дѣятельная и очень вліятельная французская партія. Но въ самомъ принципѣ союза между Франціей и Голландіей таился за-

---

[1]) Frédéric II. *Mémoires. Introduction.*

[2]) См. Himly. *Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale*, liv. VII, ch. II.

родышъ враждебности. Голландцы прежде всего—нація независимая и торговая; они искали покровительства Франціи, чтобъ обезпечить свою національную самостоятельность отъ австрійскаго дома и свободу своей торговли отъ англичанъ. Франція покровительствовала Голландіи, чтобъ удалить австрійскій домъ отъ устьевъ Шельды и Рейна, ослабить англійское вліяніе и открыть себѣ путь въ Нидерланды. Этого болѣе всего опасались голландцы; имъ казалось, что если Франція откроетъ доступъ своимъ кораблямъ въ Антверпенъ и овладѣетъ Фландріей, то она представитъ бо́льшую опасность для ихъ политической независимости и свободы ихъ торговли, чѣмъ Англія и австрійскій домъ. Отсюда произошло то, что, призвавши сначала на помощь Францію, Голландія стала впослѣдствіи противодѣйствовать ей, и Франція, освободивши ее сначала, захотѣла потомъ поработить. Отсюда же произошло и то, что чувства ненависти, съ одной стороны, и гнѣва—съ другой замѣнили чувства признательности и пріязни. Голландцы стряхнули иго испанцевъ, чтобъ замѣнить его игомъ французовъ; они приписывали тиранніи всѣ притязанія, которыя считали враждебными своимъ интересамъ; французы въ каждомъ противодѣйствіи видѣли неблагодарность [3]). Быть можетъ Франція могла бы примирить голландцевъ съ своими планами, еслибъ заинтересовала ихъ ими и успокоила насчетъ послѣдствій, которыя могутъ возникнуть лично для нихъ; но чтобъ дать подобныя обезпеченія—нужна была снисходительность, которая не была во вкусѣ Людовика XIV, и умѣренность, которая не согласовалась съ его политикой.

Чтобъ вполнѣ понять всѣ послѣдствія сношеній Голландіи съ властями, исшедшими изъ французской революціи, необходимо постоянно памятовать о сношеніяхъ этой республики съ Людовикомъ XIV. Это два эпизода одной и той же исторіи. Со времени первой попытки Людовика XIV овладѣть Нидерландами, т. е. такъ называемой войны за испанское наслѣдство (*guerre de dévolution*), голландцы, испугавшись успѣховъ Франціи и желая ихъ остановить, соединились съ англичанами и шведами; миръ въ Ахенѣ 1668 былъ заключенъ при ихъ совокупномъ посредничествѣ. Хотя этотъ трактатъ принесъ Людовику не мало выгоды и славы, но онъ не могъ простить голландцамъ ихъ вмѣшательства и въ 1672 напалъ на республику. Тюреннъ и Конде предводительствовали арміями, и голландцы сознавали, что не въ

---

[3]) Людовикъ XIV писалъ въ 1672: «Хотя для государей, какъ и для частныхъ лицъ, неприлично упрекать за благодѣянія, которыми они осыпали своихъ друзей или сосѣдей, однако мы имѣемъ право, не боясь впасть въ эту ошибку, приписать причины и начало войны, возгорѣвшейся въ настоящее время между Франціей и Соединенными провинціями, неблагодарности и нестерпимому тщеславію голландцевъ». Camille Rousset. *Louvois*, t. I, ch. V.

силахъ сопротивляться, а потому смирились, согласились на присоединеніе Бельгіи къ Франціи и предложили уступить Маастрихъ, Буа ле-Дюкъ, Бреду, Бергенъ-опъ-Цумъ, голландскій Брабантъ и принадлежащую имъ часть Фландріи съ уплатою десяти милліоновъ. Лувуа нашелъ это однако недостаточнымъ. Онъ полагалъ, что республика, сохраняя свою цѣльность, будетъ всегда служить очагомъ сопротивленія французской политикѣ и крѣпостью, доступной всѣмъ врагамъ Франціи. «Единственный способъ завоевать Нидерланды состоитъ въ томъ, чтобъ унизить Голландію и, если можно, уничтожить ее», писалъ онъ въ 1671. Онъ потребовалъ Нимвегенъ, Гельдернъ, торговыя выгоды, двадцать четыре милліона, свободу католическаго вѣроисповѣданія и наконецъ вассальство семи провинцій. Это было уже порабощеніе, если не завоеваніе.

Голландцы возмутились. Они отняли власть у партіи умѣренныхъ, обвиняя ихъ въ слабости; возстановили штатгальтерство со всѣми полномочіями революціонной диктатуры; партизаны Франціи были умерщвлены. Наконецъ, голландцы прорвали плотины; Людовикъ XIV собирался уничтожить ихъ страну, они ее затопили. Этотъ героизмъ подготовилъ ихъ спасеніе; избранный ими вождь довершилъ его. Кругомъ нихъ возникалъ великій Европейскій союзъ противъ Людовика XIV, и Вильгельмъ Оранскій принялъ начальство надъ этимъ союзомъ. Борьба закончилась только Утрехтскимъ договоромъ, который, присоединивъ Нидерланды къ Австріи, отдалъ ихъ подъ охрану Голландіи и гарантировалъ послѣдней то что она цѣнила выше всего, а именно: закрытіе устьевъ Шельды для торговли бельгійскихъ провинцій.

Эти геройскія усилія какъ будто истощили ихъ энергію. Послѣ упорной борьбы для спасенія своей свободы, они сочли ее обезпеченной навсегда и думали только о томъ, чтобъ изгладить слѣды этой продолжительной войны. Мужественно пожертвовавъ, ради своей независимости, торговыми интересами, они всецѣло отдались теперь заботѣ о торговлѣ и мало-по-малу принесли ей въ жертву и самую независимость. Восшествіе Вильгельма на англійскій престолъ сдѣлало изъ голландцевъ сначала товарищей, потомъ сателлитовъ, потомъ подчиненныхъ этой союзной державы, которая продолжала соперничать съ ними въ торговлѣ и колоніяхъ. Восемнадцатый вѣкъ—эпоха ихъ благосостоянія и удачныхъ торговыхъ операцій, но въ то же время паденія достоинства и могущества страны. Дидеро, посѣтившій Голландію въ 1773, восхищался торжественностью, царившею въ Собраніи генеральныхъ штатовъ. «Купцы и банкиры принимаютъ тамъ импонирующій тонъ и величавый видъ королей». Но принужденъ былъ прибавить, что «честолюбіе республики состояло въ томъ, чтобъ разбогатѣть,

а не въ томъ, чтобъ увеличиться» [4]). Фавье, ближе изучавшій Голландію, не обманывается этой величавой внѣшностью. «Голландія боится всего, жалуется на все и не обезпечиваетъ себя ничѣмъ!» пишетъ онъ.

Вполнѣ спокойная за свою колоніальную торговлю, она вела въ Европѣ только финансовую политику, помѣщая свои капиталы, давая въ долгъ за большіе проценты нуждающимся государствамъ. Честолюбіе ея состояло въ томъ, чтобъ сдѣлаться биржей континентальной Европы. Но та политика, отъ которой Голландія такимъ образомъ открещивалась, должна была рано или поздно охватить ее, и самое усиліе освободиться и тѣ денежныя операціи, которыя она совершала въ Европѣ, связывали ее безъ помощи трактатовъ и противъ ея желанія дѣлали солидарной съ европейскими державами. Послѣднія третировали ее, какъ важные, но нуждающіеся въ деньгахъ, господа третируютъ своихъ банкировъ,—надменно послѣ заключенія условія и подобострастно до этого заключенія. Денегъ голландскихъ еще добивались, но на правительство не обращали никакого вниманія, а переходъ отъ презрѣнія къ государству къ нарушенію его правъ дѣлается очень быстро. «Эта республика, нѣкогда очагъ войнъ, центръ мирныхъ переговоровъ, ожидаетъ съ трепетомъ рѣшенія своей участи отъ рѣшенія участи Европы; отнынѣ ея безопасность и могущество зависятъ отъ столкновенія между великими державами, среди которыхъ она перестала числиться», такъ говоритъ въ заключеніе Фавье [5]). «Батавцы!—восклицаетъ Рейналь,—судьба всякой коммерческой націи быть богатой, подлой, подкупной и порабощенной!» Такъ судила о нихъ французская революція и сообразно съ такими взглядами относилась къ нимъ.

II.

Однако, эта революція, которая должна была повлечь за собою пораженіе, подчиненіе и, наконецъ, уничтоженіе голландцевъ, нашла среди нихъ при своемъ началѣ восторженныхъ учениковъ, убѣжденныхъ подражателей и безчисленныхъ поклонниковъ. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка остатки старой республиканской партіи образовали партію, которую почтили названіемъ «патріотической и французской», въ противоположность аристократической, опиравшейся на Англію, поддерживавшую штатгальтера. Однако, патриціатъ богатыхъ буржуа, составлявшихъ эту «патріотическую» партію, нельзя было назвать демократичнымъ. «Насколько они были республиканцы въ присутствіи штаттальтера, настолько же высокомѣрны въ отношеніяхъ

---

[4]) *Voyage de Hollande.—Oeuvres*, Paris 1875—7.

[5]) *Conjectures raisonnées*, sect. II, art. IX de la Hollande.

къ другимъ классамъ» [1]). Бокъ-о-бокъ съ ними, въ низшихъ рядахъ буржуазіи, между людьми, которыхъ олигархи исключили изъ управленія, организовалась новая группа, которая не ограничивалась тѣмъ, что требовала старинныхъ вольностей, но открыто высказывала намѣреніе измѣнить республиканскія учрежденія и придать имъ демократическій характеръ. Эта группа, проникнутая философскими идеями, царившими во Франціи, относилась одинаково враждебно и къ буржуазной олигархіи, и къ деспотизму штатгальтера.

Французское министерство, которое со времени воцаренія Людовика XVI возобновляло повсюду традиціи, поддерживало патриціатъ; оно не ободряло немократовъ, но и не отрекалось отъ нихъ, и эта партія, которая своимъ противодѣйствіемъ штатгальтеру и англійскому союзу служила, въ сущности, интересамъ французской политики, ожидала отъ Франціи существенной помощи. Установленіе республики Соединенныхъ штатовъ укрѣпило эти надежды. Примѣръ этотъ оживилъ всѣхъ патріотовъ, патриціевъ и демократовъ, и такъ какъ захваты власти со стороны штатгальтера постоянно усиливались, то обѣ оппозиціонныя партіи, несмотря на несогласіе въ принципахъ, соединились противъ него. Волненіе, которое начало проявляться въ 1784 г., перешло въ 1787 году въ настоящую революцію.

Франція, силы которой были парализованы внутренними затрудненіями, не могла оказать поддержки патріотамъ. Англія имъ угрожала; Пруссія, довый король которой былъ зятемъ Вильгельма Оранскаго, послалъ ему на помощь армію подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго. Патріоты не оказали серьезнаго сопротивленія. Олигархическіе буржуа не отличались воинственностью, а крайняя слабость демократовъ обнаружилась при первомъ столкновеніи съ регулярными войсками. Сверхъ того, національная независимость не подвергалась риску; въ Голландіи всѣмъ было извѣстно, что ни Англія, ни Пруссія не стремились завоевать Голландію и что въ основѣ борьбы лежалъ только вопросъ о прерогативахъ внутренняго управленія. Революціонные виды демократовъ пугали робкіе умы, и купцы, образовавшіе большинство, совѣтовали покориться. Штатгальтеръ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ короля на англійскій ладъ, и республиканская Голландія постепенно перерождалась въ королевство. Отнынѣ политика соединенныхъ провинцій была тѣсно связана съ политикой Англіи и Пруссіи.

Благодаря своей слабости, Франція лишилась союза съ Голландіей; но надменность англичанъ и слишкомъ очевидные планы Вильгельма Оранскаго задавить республику снова вернули французамъ расположеніе голландцевъ. Ихъ перестали бояться и вновь повѣрили въ ихъ могущество, когда они

[1]) Albert Réville, *La Hollande et le roi Louis. Revue des deux Mondes*, 1870.

съ такимъ энтузіазмомъ предприняли полную реформу всего государства [2]). Изгнанные въ большомъ числѣ послѣ событій 1787 года, патріоты и демократы нашли убѣжище во Франціи. Они видѣли въ революціи общее дѣло. Сильно космополитическій характеръ новыхъ французскихъ принциповъ возбуждалъ въ нихъ пламенныя надежды: искренно вѣря, что успѣхъ революціи во Франціи ускоритъ часъ освобожденія ихъ родины, они горячо желали ей этого успѣха.

Такимъ образомъ, французская революція встрѣтила въ Голландіи враждебное правительство и сочувственный народъ, власть, готовую бороться съ ней, и партію, готовую помогать ей. Торжество послѣдней обезпечивало за Франціей дружбу республики. Древній союзъ французской монархіи съ голландской олигархіей могъ возобновиться между двумя націями, которыя, освободившись отъ стараго режима и съ помощью аналогичныхъ революцій, преобразовались въ два демократическихъ государства.

Но и самыя полныя революціи не измѣняютъ ни характера народовъ, ни ихъ міровыхъ интересовъ. Мало того, чѣмъ демократичнѣе становятся конституціи, тѣмъ рѣзче проявляется національный характеръ политики и тѣмъ деспотичнѣе господство народныхъ интересовъ. Когда двѣ демократическія республики—одна въ Гагѣ, другая въ Парижѣ, стали вести переговоры, то Франція и Голландія очутились въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ онѣ были во времена Людовика XIV, наканунѣ войны за испанское наслѣдство. Голландскіе демократы не могли смотрѣть съ бо́льшею довѣрчивостью чѣмъ патриціи на то, что Франція простерла свою границу до Мааса и Рейна; открытіе для торговли устьевъ Шельды, провозглашенное французскими республиканцами, казалось столь же разорительнымъ для ихъ торговли, какимъ оно было, когда его требовали французскіе короли. Наконецъ, они были прежде всего патріоты, ревниво оберегавшіе независимость своей страны. Имъ было все равно, какъ титуловались чужеземные властители, коль скоро они собирались поработить Голландію. Франція попрежнему могла только или привлечь ихъ на свою сторону умѣренностью, или подчинить силой своего оружія. Голландцамъ было крайне выгодно оставаться союзниками правительства, которое защищало ихъ отъ враговъ, не угрожая ни ихъ торговлѣ, ни самостоятельности; они не могли согласиться на то, чтобы сдѣлаться вассалами завоевательнаго деспотизма, который сводилъ все ихъ значеніе на роль казначеевъ и адмираловъ своего государства. Это равнялось бы разоренію и самоубійству. Какъ ни сурово и даже невыгодно было преобладаніе Англіи, все таки оно казалось имъ

[2]) См. Kampen, *Geschichte der Niederlande.* Hambourg, 1833, liv. VII, ch. III. Также *Mémoire sur la révolution de Hollande* par Caillard, publié par Ségur, *Décade historique*, t. III,—Rèville, см. выше.

предпочтительнѣе; по крайней мѣрѣ, англичане обезпечивали за ними миръ и благосостояніе.

Сентъ-Эвремонъ говорилъ: «Приходишь къ убѣжденію, что голландцы любятъ свободу и ненавидятъ лишь одинъ гнетъ» [3]). Они просили Питта спасти ихъ отъ Наполеона, какъ нѣкогда просили Вильгельма III спасти ихъ отъ Людовика XIV. Несмотря на различіе въ перипетіяхъ и эпизодахъ этой борьбы, несмотря на вынужденную покорность голландцевъ и неслыханное торжество Франціи, кризисъ разрѣшился для Голландіи такъ же, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, еще съ большею честью и болѣе несомнѣнными выгодами. Въ 1713 г. имъ поручили охрану Бельгіи, въ 1814 г. въ ихъ руки передали управленіе ею. Въ томъ и другомъ случаѣ ихъ злоба противъ Франціи казалась такой сильной, а ихъ интересы столь очевидными, что соединенная и побѣдоносная Европа не нашла ничего лучшаго, какъ довѣрить голландцамъ свои самые передовые посты и сдѣлать изъ нихъ авангардъ противъ Франціи. Такимъ образомъ, на разстояніи цѣлаго вѣка и при совершенно иныхъ условіяхъ сила вещей, которая нѣкогда соединила, а потомъ разъединила Францію и Голландію, заставила французовъ, въ силу логическаго сцѣпленія послѣдствій, сначала освободить, потомъ завоевать, потомъ расчленить, разорить и, наконецъ, вычеркнуть изъ числа націй голландцевъ, изъ которыхъ они сдѣлали враговъ только потому, что не съумѣли сдѣлать ихъ друзьями.

---

[3]) *Discours sur les historiens français.*

ГЛАВА III.

Испанія.

I.

Голландія, въ силу игры собственныхъ интересовъ, колебалась между Франціей и Англіей. Испанія, въ концѣ стараго порядка, казалась неразрывно связанною съ Франціей. Обѣ династіи, оба правительства и оба народа были объединены тѣснѣйшимъ изъ союзовъ, когда-либо заключеннымъ между двумя государствами, а именно, такъ называемымъ *Семейнымъ договоромъ*, трактатомъ, скрѣпившимъ 15 августа 1761 г. союзъ, политическій и торговый, среди бѣдственнѣйшаго кризиса Семилѣтней войны. Франція обязана была Испаніи тѣмъ, что не была поставлена въ еще болѣе унизительное положеніе. Добросовѣстность, съ которою испанцы выполняли принятыя ими на себя обязательства, не осталась непризнанною со стороны французовъ. Въ то время, какъ австрійскій союзъ подвергался всеобщему и рѣзкому порицанію, Семейный договоръ одобрялся всѣми, по крайней мѣрѣ въ своемъ принципѣ. И это потому, что самая сила вещей сближала оба государства такъ же, какъ узы крови соединяли обѣ династіи. Возраженія, направляемыя противъ Семейнаго договора, касались лишь частныхъ вопросовъ, и они проистекали изъ того, впрочемъ довольно правильнаго понятія, которое сложилось во Франціи относительно Испаніи и испанскаго народа.

Вопреки стараніямъ Карла III и его министровъ, стремившихся поднять эту страну, настроить ее на общеевропейскій ладъ и, какъ тогда выражались, вывести изъ летаргическаго сна, Испанія обнаруживала явные признаки упадка [1]). По недостатку денегъ и людей, армія была состоятельна только по внѣшности. Все приносилось въ жертву флоту. Въ 1778 г., испанскій флотъ насчитывалъ 67 линейныхъ кораблей и 32 фрегата. Такой флотъ былъ необходимостью для страны: извлекая главные рессурсы свои изъ колоній, испанцы принуждены были защищать ихъ побережье въ военное время, а въ мирное—охранять торговлю, которой постоянно грозила англійская и голландская контрабанда. Сверхъ того приходилось кон-

---

[1]) См. Rosseeuw-Saint-Hilaire, *Histoire d'Espagne,* t. XIII.—Baumgarten, *Geschichte Spaniens.*—Lafuente, *Storia general de Espana*, t. XXI, Madrid, 1858.

вопровать пресловутые галіоны, привозившіе въ Испанію золото американскихъ рудниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ военный флотъ, обезпечивавшій такимъ образомъ государственные доходы, поглощалъ на свое содержаніе большую часть этихъ самыхъ доходовъ. Испанія не имѣла торговаго флота. Она почти ничего не производила, она ввозила слитки золота и вывозила товары и фабрикаты въ постоянно уменьшавшемся количествѣ, Вслѣдствіе такого положенія торговли контрабанда являлась серьезною опасностью [2]). Даже въ Средиземномъ морѣ каботажное судоходство велось подъ иностраннымъ флагомъ: фрахтовая плата, комиссія, промѣнъ поглощали всю прибыль. «Европейскіе народы, писалъ Монтескье,—ведутъ на глазахъ испанцевъ всю торговлю ихъ монархіи» [3]).

Внутри страны, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и каналовъ, не производилось никакой торговли; не было возможности отправляться за хлѣбомъ въ тѣ края, гдѣ онъ росъ въ изобиліи, такъ что земледѣлецъ разорялся, а прибрежныя мѣстности продовольствовались иностраннымъ хлѣбомъ. Кромѣ того, слѣдствіемъ духа независимости и сравнительной автономіи различныхъ провинцій являлись внутреннія таможни. Испанцевъ упрекали за то, что они не обработываютъ своихъ земель: имѣя ограниченныя потребности и считая земледѣліе менѣе почетнымъ трудомъ, они дѣйствительно пренебрегали своими естественными богатствами; однако не слѣдовало и преувеличивать размѣра этихъ богатствъ. «Одна треть этой страны воздѣлывается», читаемъ мы у одного публициста, писавшаго въ 1773 г.; «другая треть могла бы быть воздѣлана съ теченіемъ времени, при помощи большихъ затратъ и усилій; остальное не воздѣлывается и навсегда останется въ дикомъ состояніи» [4]). Тѣ же причины, которыя обусловливали жалкое положеніе земледѣлія не позволяли развиваться и промышленности. Населеніе уменьшалось вслѣдствіе нравовъ и всеобщей изнѣженности, маіоратовъ и чрезмѣрнаго умноженія монашескихъ орденовъ. Фавье называлъ испанцевъ «романическою, непредусмотрительною націей», ненавидящей иностранцевъ, управляемой монахами, лѣнивой и дерзкой, «на двѣсти лѣтъ отставшей отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ». Неисправимое управленіе умножало налоги и по мѣрѣ увеличенія ихъ тяготы усиливало составъ своихъ агентовъ, а слѣдовательно и притѣсненія, взимая тѣмъ неуспѣшнѣе, чѣмъ болѣе хотѣло взимать. Въ 1788 г. цифра населенія до-

---

[2]) Въ 1790 г. было вычислено, что «на 200 милліоновъ товаровъ всякаго рода, требовавшихся испанскими колоніями у своей метрополіи, она могла доставить имъ этихъ товаровъ не болѣе какъ на 70 милліоновъ. См. *Mémoires de Mirabeau*, t. VII, p. 422.

[3]) *Esprit des Lois*, liv. XIX, ch. X.

[4]) Favier, *Conjectures raisonnées*, art. XII: *de l'Espagne*.

ходила до 11 милліоновъ, а общая цифра государственнаго дохода равнялась 200 милліоновъ франковъ. Испанскій король, по выраженію Монтескье, есть не что иное, какъ «очень богатое частное лицо въ очень бѣдномъ государствѣ [5])». Главный рессурсъ казны составляли американскіе золотые слитки, накопленные на случай войны; но и это былъ рессурсъ плохой, потому что онъ оставался непроизводительнымъ и потому что въ случаѣ морской войны непріятельскія суда, преграждая путь въ колоніи, помѣшали бы и его возобновленію.

Впрочемъ американскіе доходы уменьшались по мѣрѣ того, какъ давали себя чувствовать послѣдствія никуда негоднаго режима эксплуатаціи, которому подвергались колоніи, и ослабленія метрополіи. Раздираемыя глухою расовою борьбою, волнуемыя духомъ мятежа подъ вліяніемъ Соединенныхъ штатовъ, угнетенныя и истощенныя, лишенныя всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ сношеній, эти колоніи содѣйствовали всѣмъ причинамъ паденія Испаніи, не обладая въ самихъ себѣ пассивною силою сопротивленія, которую Испанія почерпала въ своемъ прошломъ и въ своихъ традиціяхъ. Англія готовила себѣ въ испанскихъ колоніяхъ блистательный реваншъ за ту поддержку, которую Испанія имѣла дерзость оказать освобожденію сѣвероамериканцевъ. До 1789 года уже была попытка возстанія въ Перу; революція, которая вспыхнула двадцать пять лѣтъ спустя, уже начинала подготовляться. Этому содѣйствовали самыя разнородныя причины. Іезуиты держали исключительно въ своихъ рукахъ и нравственную и религіозную дисциплину этихъ странъ; они одни проповѣдывали и учили покорности метрополіи; упраздняя ихъ, Испанія уничтожала главное орудіе своего господства, и распущеніе іезуитскаго ордена сдѣлало для независимости Южной Америки не менѣе, чѣмъ примѣръ Соединенныхъ штатовъ, пропаганда французской революціи и поощренія со стороны англичанъ. Такимъ образомъ Испанія, жившая на счетъ своихъ колоній, эксплуатируя ихъ, разоряла и колоніи и себя.

Публицисты, изучавшіе въ послѣдніе годы стараго порядка отношенія Франціи и Испаніи, полагали, что возстаніе въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи весьма вѣроятно; однако же они находили, что это можетъ быть и предотвращено измѣненіемъ колоніальной системы метрополіи [6]). Они охотно преувеличивали рессурсы Испаніи и легкость, съ которою искусное правительство могло бы улучшить въ ней положеніе торговли, земледѣлія, промышленности и финансовъ. Они находили, что союзъ полезенъ для фран-

---

[5]) Книга XXI, гл. XXII.

[6]) См. Raynal, *Histoire philosophique*, liv. VIII, ch. XXXV: *la Domination espagnole a-t-elle une base solide dans le nouveau monde?*

цузовъ и необходимъ для испанцевъ [7]), но, по ихъ мнѣнію, Франціи должно быть предоставлено руководительство общею политикою обоихъ королевствъ. «Надо оставить старую моду испанскаго вліянія на Францію», писалъ Фавье; «необходимость и дѣйствительно низшая степень могущества должны заставить младшую вѣтвь занять подобающее ей мѣсто; другая должна руководить, подавая ей примѣръ и вернувъ себѣ, такъ сказать, свое право старшинства». Между обѣими націями существовалъ чрезвычайно болѣзненный пунктъ,—то была Луизіана, которую Людовикъ XV нашелъ нужнымъ уступить Испаніи въ видѣ вознагражденія, въ 1763 году. «Принуждены были не только уступить, но и употребить насиліе для передачи Испаніи Новаго Орлеана», писалъ одинъ современникъ.—«Эти вѣрные родинѣ французы должны были покориться испанскому игу; опустимъ завѣсу на эту трагедію: новые хозяева, по своему обыкновенію, пріобрѣли лишнюю пустыню» [8]).

Франція желала возвратить себѣ Луизіану; Испанія еще болѣе страстно желала снова овладѣть Гибралтаромъ. Она мечтала также и о присоединеніи Ямайки, утраченной въ 1655 г., и питала тайную и опасно-честолюбивую надежду захватить Португалію. Этотъ захватъ былъ постояннымъ намѣреніемъ и какъ бы секретомъ испанской политики. «Я пытался, по мѣрѣ возможности, поддерживать добрыя отношенія съ Португаліей,—писалъ Карлъ III въ 1787 г.—Такого образа дѣйствій слѣдуетъ держаться до той поры, когда представится возможность присоединить это королевство» [9]). Эти честолюбивыя поползновенія связывали Испанію съ Франціей, а классическое ухищреніе французской дипломатіи заключалось въ пользованіи ими для вовлеченія Испаніи въ собственныя предпріятія противъ Англіи. Такимъ-то образомъ, несмотря на опасность примѣра и очевидную пагубность дѣла для его колоній, Карлъ III далъ увлечь себя къ оказанію поддержки сѣверо-американцамъ во время ихъ возстанія противъ Англіи.

---

[7]) «Это,—писалъ Фавье въ 1773 г.—естественныя, необходимыя и неразрывныя связи, основанныя на обоюдной и неизмѣнной выгодѣ обѣихъ державъ, отъ которой зависитъ ихъ внѣшняя морская безопасность, т. е. безопасность торговли». Бывшій французскій консулъ и пріятель Фавье заявлялъ въ 1789 г., что «Семейный договоръ (Pacte de famille) всегда долженъ почитаться священнымъ средствомъ огражденія общественнаго благополучія». *Situation Politique de la France: vues et développements des avantages que le Pacte de amille peut donner à la France*, 1789.

[8]) Favier, Boutaric, *Correspondance secrète de Louis XV*, t. II, p. 218.

[9]) Baumgarten, liv. I, ch. I.

II.

Карлъ III умеръ въ самомъ началѣ французской революціи [1]). Испанія давно не имѣла такого достойнаго государя. Онъ оставилъ хорошихъ министровъ: Аранду, Кампоманеса, Флориду Бланка; но имъ не дано было продолжить дѣло его царствованія. Благодѣтельное правленіе смѣнилось другимъ, самаго противоположнаго свойства. Испанія, поднятая на нѣкоторое время умнымъ королемъ, была опутана нѣсколько лѣтъ спустя сѣтью гнуснѣйшей интриги, начало которой относится къ самому времени вступленія на престолъ новаго короля. Карлу IV было сорокъ лѣтъ: тучный тѣломъ и ограниченный умомъ, добродушный и вспыльчивый, неспособный повѣрить злу, потому что самъ неспособенъ былъ его совершить, влюбленный въ жену, цѣломудренный, набожный, а потому еще болѣе рабъ жены, чѣмъ рабъ своего темперамента [2]), онъ слѣпо вѣрилъ королевѣ всю свою жизнь. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, онъ весь отдался охотѣ, физическому труду, чревоугодію, музыкѣ, бою быковъ и утомлялся послѣ получасового занятія государственными дѣлами [3]).

Небольшого роста и некрасивая собой, но не лишенная граціи и привлекательности, Марія-Луиза Пармская была въ одно и то же время суевѣрной и страстной, невѣжественной, безпокойной по своему нраву, упрямой и безхарактерной, ограниченной и хитрой, склонной къ интригѣ, но безъ всякой послѣдовательности, скорѣе алчной, чѣмъ честолюбивой, пустой по уму и еще болѣе пустой по своему сердцу. Мужъ показался ей грубымъ и невоспитаннымъ: она стала относиться къ нему съ презрѣніемъ. Она ненавидѣла своего старшаго сына и весьма мало заботилась объ остальныхъ дѣтяхъ. Ей было тридцать четыре года, когда она вступила на престолъ и встрѣтилась съ Годоемъ. Воображеніе ея было разстроено, чувства не сдерживались ни религіозными, ни нравственными понятіями. Провинціальный дворянчикъ, Годой семнадцати лѣтъ поступилъ въ королевскую гвардію, за неимѣніемъ надеждъ на другое поприще. Ему былъ двадцать одинъ годъ, когда его въ первый разъ увидѣла королева. Замѣчательно-красивый собою, съ правильными строгими чертами лица, такъ часто встрѣчающимися у южанъ и придающими въ молодости выраженіе сдержанной страсти и властности, а въ зрѣломъ возрастѣ—видъ непроницаемости и внушительности, замаскировывающій скудость ума, сухость сердца, деспотиче-

---

[1]) 14 декабря 1788 г.

[2]) См. Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. V: *la princesse des Ursins.*

[3]) См. любопытный документъ, изданный Юнгомъ: *Mémoires de Lucien Bonaparte.* Paris, 1882, t. II, p. 10.

скій эгоизмъ и всѣ ухищренія испорченности, тѣмъ болѣе опасной, что она, повидимому, безсознательна. Королева безъ памяти влюбилась въ красавца; онъ воспользовался этимъ безъ стыда и совѣсти. Она не удовольствовалась тѣмъ, что онъ сдѣлался ея любовникомъ; она вздумала возвысить его, сдѣлать его министромъ, пріобщить его къ власти. Она ввела его въ придворный кругъ и въ свою семью, а Карлъ IV, въ свою очередь, восхитился имъ.

Вначалѣ Марія-Луиза еще соблюдала нѣкоторую постепенность въ дарованіи ему почестей, скандалезно возраставшихъ по мѣрѣ усиленія страсти королевы. Но скоро власть фаворита сдѣлалась неограниченной. Годой имѣлъ такое же вліяніе на Марію-Луизу, какое она оказывала на Карла IV. Королева была ревнива и вспыльчива, фаворитъ — невозмутимъ и полонъ самомнѣнія; онъ, не стѣсняясь, хвалился своими успѣхами у женщинъ и оскорблялъ ее своею невѣрностью, какъ оскорбляла она сама короля. Такимъ-то образомъ, наканунѣ революціи, эти три дѣйствующія лица начинали разыгрывать въ придворныхъ костюмахъ и при суровой обстановкѣ дворцовъ Филиппа II старую, какъ самъ порокъ и человѣческая глупость, комедію, въ которой жена обманываетъ добряка-мужа, а старая любовница эксплуатируется возлюбленнымъ. Пьеса начинается въ 1787 году, на подобіе главы изъ Жиль-Блаза; она закончится двадцать лѣтъ спустя развязкой въ шекспировскомъ вкусѣ. Осмѣянные, а затѣмъ и презираемые всѣми дворами, эти несчастные шли путемъ всевозможныхъ униженій и низостей къ зловѣщей катастрофѣ, разразившейся въ Байоннѣ. Въ началѣ царствованія Карлъ IV, королева и Годой ударились въ ханжество: король, вслѣдствіе укоровъ совѣсти, королева—изъ лицемѣрія, а Годой—по политическому расчету. Марія-Луиза желала власти ради фаворита, а фавориту эта власть желательна была ради наживы. Имъ необходимо было удалить прежнихъ совѣтниковъ Карла III. То были люди свободомыслящіе, но Испанія осталась вѣрною католицизму: Марія-Луиза и Годой стали опираться на старый испанскій религіозный фанатизмъ. Министры скоро утратили всякое вліяніе, а затѣмъ, благодаря королевѣ, подверглись и полной опалѣ. Предлогомъ послужила французская революція.

Въ Испаніи совершалась полная реакція. Церковь возвращала себѣ прежнее вліяніе; инквизиція была возстановлена. Повидимому, Испанія должна была отнестись къ революціи съ неизбѣжною враждебностью: король изъ рода Бурбоновъ и погруженное въ ханжество правительство могли только ненавидѣть революцію. Но король сознавалъ себя не столько Бурбономъ, сколько мужемъ королевы, а Марія-Луиза надѣвала личину благочестія только для того, чтобы замаскировывать свои интриги. Подъ вліяніемъ страсти она желала войны для того, чтобы дать Годою случай про-

славиться, и затѣмъ—мира, чтобъ доставить ему популярность. Развращенный, малодушный дворъ какъ бы заранѣе обреченъ былъ на всѣ внушенія страха и соблазны алчности. Всѣ, кому пришлось имѣть дѣло съ испанскимъ дворомъ, пользовались его слабостью, чтобы господствовать надъ нимъ. Мы видимъ его связаннымъ съ Англіей, затѣмъ—съ Франціей; онъ, то щадитъ революцію, то рѣзко порицаетъ, то слабо противодѣйствуетъ; онъ ищетъ союза съ Директоріей, затѣмъ предается въ руки Наполеона, который уничтожаетъ его.

Франція видѣла въ Мадридѣ полную покорность своимъ намѣреніямъ; иллюзіи, на этомъ построенныя, были болѣе пагубны для Франціи, чѣмъ неспособность и низость испанскихъ правителей для самой Испаніи. Въ силу привычки и традицій стараго порядка, французы относились къ испанцамъ какъ къ второстепенной націи, предназначенной къ роли помощницы. Парижскіе политики считали испанскій дворъ трусливымъ и продажнымъ и не принимали въ соображеніе испанскаго народа. Они полагали, что съ этимъ народомъ можно сдѣлать все, что угодно. Нельзя сказать однако же, чтобы они презирали его, или завѣдомо намѣревались поработить, но они находили, что послѣдніе короли австрійскаго дома истощили и ослабили испанцевъ, что Бурбоны спасли ихъ отъ окончательнаго упадка, но, въ свою очередь, вырождаются, что только другое иностранное, болѣе просвѣщенное, болѣе способное и болѣе энергическое, правительство можетъ возродить Испанію при помощи рѣшительныхъ и цѣлесообразныхъ средствъ. То, что было предпринято Людовикомъ XIV въ исключительныхъ интересахъ деспотизма, Франція, возрожденная революціей, имѣетъ право и возможность совершить во имя блага Испаніи и всего человѣчества. Подобныя соображенія, упускавшія изъ вида существенный элементъ, то есть характеръ испанскаго народа, ввели въ заблужденіе и ошибку сначала Конвентъ, позднѣе Директорію, а затѣмъ вовлекли Наполеона въ самое роковое изъ его предпріятій. Такимъ то путемъ онъ вернулся къ плану Людовика XIV и пришелъ къ мысли посадить на тронъ Филиппа V, одного изъ своихъ братьевъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ своихъ, Наполеонъ только развилъ и до крайности расширилъ политическіе планы, унаслѣдованные революціей отъ стараго порядка.

«Вы смотрите, повидимому, на испанскаго короля какъ на вице-короля или провинціальнаго намѣстника», говорилъ въ 1778 г. Флорида Бланка посланнику Людовика XVI графу Монморену. До тѣхъ поръ, пока въ Испаніи царствовали государи, покорявшіеся такому подчиненному положенію, дѣла шли безпрепятственно, и пока Карлъ IV оставался на испанскомъ престолѣ, расчеты парижскихъ политиковъ оказывались вѣрными: они приказывали, а Испанія, болѣе или менѣе охотно, повиновалась. Но когда, не

довольствуясь такимъ повиновеніемъ, Наполеонъ нашелъ возможнымъ овладѣть тѣмъ самымъ трономъ, который Бурбоны занимали уже только по его милости, онъ увидѣлъ себя предъ лицомъ самого испанскаго народа, и всѣ расчеты были ниспровергнуты.

III.

Духъ вѣка лишь слегка коснулся Испаніи; народъ не дышалъ воздухомъ свободы. Въ этой странѣ, гдѣ инквизиція сдѣлалась государственнымъ учрежденіемъ въ то самое время, когда во Франціи установлялся парламентъ [1]), власть церкви усиливалась одновременно съ ослабленіемъ ея во всѣхъ остальныхъ государствахъ [2]). Реформы Карла III, введенныя имъ безъ всякой постепенности, оставались всегда чуждыми и даже враждебными испанскому народу. Онѣ не перешли въ жизнь, потому что не согласовались съ нравами страны. Вокругъ Карла III и его «просвѣщенныхъ министровъ группировался весьма малочисленный кружокъ людей, правда, почтенныхъ и выдающихся, но не пользовавшихся никакимъ вліяніемъ за предѣлами совѣта министровъ и государственнаго совѣта. Народъ ускользалъ отъ ихъ вліянія и его сдерживала только правительственная власть. Упраздненіе іезуитскаго ордена было въ высшей степени непопулярно; лишенные этихъ руководителей, которые, въ концѣ концовъ, еще умѣряли ихъ, испанцы отдались въ руки монаховъ и сдѣлались фанатичнѣе прежняго. Серьезною оппозиціей въ Испаніи была только та, которая противилась реформамъ. Реакція, послѣдовавшая за воцареніемъ Карла IV, была привѣтствована какъ мѣра общественнаго спасенія. Когда кортесы собрались въ 1789, чтобы признать короля и измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, они вполнѣ покорились Карлу IV, который явился только для того, чтобы распустить ихъ. Сильно привязанные къ династіи, равнодушные къ политическимъ вольностямъ, противящіеся нововведеніямъ, испанцы страстно преданы были только своей вѣрѣ и вольностямъ провинціальнымъ. Подъ ихъ внѣшнею покорностью установленной власти скрывался закоренѣлый духъ независимости. Въ сущности, они «покорялись не столько правительству, сколько собственнымъ нравамъ и обычаямъ». До тѣхъ поръ, пока правительство ничего не измѣняло въ этомъ отношеніи, они предоставляли ему распоряжаться всѣмъ остальнымъ; но если оно касалось этихъ нравовъ и обычаевъ, оно поражало ихъ въ самое сердце и вызывало возмущеніе. «Невѣжественный, бѣдный, лѣнивый [3]),—пишетъ объ

---

[1]) Guizot, *Civilisation en Europe*, leçon XI.

[2]) Buckle, Gervinus, Malouet, *Mémoires*, Baumgarten.

[3]) *Mémoires du général de Ségur*, t. III, p. 745.

испанцахъ одинъ современникъ,—но гордый, воздержный, серьезный, упорный и честный, способный къ мощному импульсу и великодушнымъ порывамъ и непоколебимой преданности, этотъ народъ, изолированный и по своему характеру, и по своему географическому положенію, остался чуждымъ и равнодушнымъ къ успѣхамъ европейской цивилизаціи. Этотъ народъ враждебно относился ко всякимъ внѣшнимъ сношеніямъ, былъ доволенъ своею отчужденностью, усиливаемою суевѣрною религіозностью и покорностью по отношенію къ своему духовенству».

Подъ вліяніемъ чужеземнаго вторженія и революціи, низлагавшей династію, грозившей религіи, нарушавшей и насиловавшей ихъ нравы и обычаи, эти испанцы, которыхъ ни во что не ставили въ Европѣ и которые служили лишь предметомъ размышленій для философовъ и живымъ примѣромъ національнаго упадка,—внезапно вышли изъ своего оцѣпенѣнія и проявили такой фанатизмъ и такую страстную любовь къ родинѣ, которые привели въ смущеніе всѣхъ европейскихъ политиковъ. Ихъ героизмъ однако же проистекалъ изъ одного источника съ ихъ политическимъ упадкомъ. Испанія осталась неподвижной среди преобразовывавшейся Европы. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—писалъ Ришелье,—что испанцы превосходятъ насъ твердостью и постоянствомъ, усердіемъ и вѣрностью своимъ королямъ и отечеству». Наполеонъ нашелъ ихъ такими, какими оставались они послѣ изгнанія мавровъ. Если, вопреки мнѣнію философовъ, испанскій народъ не утомился плохимъ государственнымъ управленіемъ со времени Карла V [4]), это произошло отъ того, что всѣ вынесенныя имъ правительства одинаково льстили и наклонности его къ героическому романтизму, и неисправимой умственной лѣни. Въ особенности же остерегались они нарушать укоренившіеся обычаи.

Испанцы возмутились противъ вторженія французовъ въ силу тѣхъ самыхъ причинъ, которыя побуждали ихъ терпѣть и покоряться власти собственныхъ королей. Недостатки, содѣйствовавшіе ослабленію и упадку, превратились въ доблести. Ранѣе мы видѣли ихъ «угрюмыми, суровыми, странными и негостепріимными»; теперь презрѣніе къ чужеземцамъ превратилось въ свирѣпую ненависть. Въ глубинѣ души у нихъ всегда таилась ненависть къ французамъ. «Отецъ мой вышелъ бы изъ гроба, если бы предвидѣлъ войну съ французами» [5]), говорилъ одинъ испанецъ-крестьянинъ еще до революціи. Привычка къ бѣдности помогла имъ безропотно переносить военныя лишенія; религіозный фанатизмъ воспламенилъ ихъ противъ угнетателей. Благодаря страсти къ приключеніямъ и независимой жизни, Испанія кишѣла бродягами, контрабандистами и разбойниками: изъ

---

[4]) **Письма Екатерины къ Гримму, стр. 575.**

[5]) Ferguson, цитир. Janet въ его *Histoire de la science politique*, t. II, p. 549.

нихъ-то, при первомъ призывѣ, образовались шайки непобѣдимыхъ, потому что были неуловимы, *гверильясовъ*. Фанатичные и неистовые священники жили въ этой средѣ: увлекши свою паству въ битву, они стали во главѣ отрядовъ. Экзальтированные испанскіе крестьяне сражались на подобіе турокъ, разсѣеваясь по долинамъ предъ регулярными войсками и оказывая непріятелю упорнѣйшее сопротивленіе въ горахъ, за зубчатыми стѣнами.

Инстинктъ крестовыхъ походовъ, уцѣлѣвшій со средневѣковыхъ временъ вмѣстѣ съ свирѣпыми нравами той эпохи, свирѣпость въ соединеніи съ утонченнымъ чувствомъ чести, жестокая мстительность и духъ самопожертвованія дѣлали изъ нихъ героическихъ и неумолимыхъ бойцовъ противъ вторгнувшагося чужеземца. Все, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ препятствовало проникновенію къ нимъ современной цивилизаціи, все, что удерживало ихъ въ летаргическомъ состояніи и, такъ сказать, ставило внѣ круга цивилизованныхъ націй, сговорилось съ цѣлью сдѣлать ихъ неодолимыми въ родныхъ горахъ въ ту минуту, когда отдѣлявшая ихъ отъ остального міра гордость была поругана, когда подверглись нападенію ихъ предразсудки, когда опасность стала грозить ихъ единственному сокровищу — національной независимости.

Революція, даже въ самомъ мирномъ и благодѣтельномъ смыслѣ, могла только оскорблять ихъ. Но въ видѣ вооруженнаго вторженія и иностраннаго завоеванія она привела ихъ въ ярость. Но еще сильнѣе завоеванія и иностраннаго правительства ненавидѣли они примѣненіе *«Правъ человѣка»*. Вотъ почему, принявъ Филиппа V—француза, но католика, они выгнали Іосифа—короля въ силу революціи. Испанія, такимъ образомъ, сдѣлалась преградой, предъ которой остановилась пропаганда Конвента, а Наполеонъ, захотѣвшій силою заставить покориться Испанію, принужденъ былъ сложить оружіе. Наполеоновское завоеваніе натолкнулось на то же препятствіе, которое встрѣтилъ и революціонный прозелитизмъ: народныя страсти. Много времени потребовалось для того, чтобы успѣлъ проникнуть въ Испанію духъ революціи. Когда, наконецъ, онъ проникъ въ эту страну, онъ сдѣлался въ свою очередь національнымъ, а духъ свободы только усилилъ ненависть къ французамъ. Этотъ духъ торжествовалъ въ Испаніи лишь въ ущербъ Франціи. Условіемъ успѣха французской революціи въ этой странѣ было устраненіе господства въ ней французовъ.

ГЛАВА IV.

Италія.

Все то, что отдаляло испанцевъ отъ французовъ, способствовало сближенію французовъ съ итальянцами, по крайней мѣрѣ итальянцами сѣверной и средней Италіи. Революція встрѣчала среди нихъ восторженное сочувствіе, самое завоеваніе совершилось безъ особыхъ затрудненій [1]). Причиною было то, что чужеземное господство было въ Италіи далеко не новостью, а соціальныя условія были весьма сходны съ французскими. Итальянцы могли быть только въ выигрышѣ отъ торжества французовъ. Они составляли націю; у нихъ имѣлись традиціи; они культивировали память объ этихъ традиціяхъ и стремились возстановить порванную съ ними связь. Италія была раздроблена, но это были части одного цѣлаго, и самыя трещины этого цѣлаго свидѣтельствовали о древней связи и общности.

Конецъ восемнадцатаго вѣка въ Италіи имѣетъ отдаленное сходство съ временами, предшествовавшими Возрожденію, когда пробудилась въ итальянцахъ страсть къ литературѣ, искусству, наукамъ, самой политикѣ, когда они мечтали возсоздать себѣ отечество; когда они призывали Цезаря и когда Италія снова обратила на себя міровое вниманіе [2]). Къ чести итальянцевъ слѣдуетъ сказать, что какъ бы ни были они порабощены, они никогда не забывали о своихъ правахъ. За неимѣніемъ оффиціальныхъ уполномоченныхъ, они всегда находили поэтовъ для отстаиванія этихъ правъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Италія не имѣетъ національной политики, но у нея есть общій языкъ, національные историки и поэты. «Настанетъ день»,—восклицаетъ Алфіери, «когда итальянцы возродятся и мужественно воспрянутъ на полѣ битвы». Онъ призываетъ ихъ къ такому возрожденію своими поэмами, своими проникнутыми древнимъ римскимъ патріотизмомъ драматическими произведеніями. Муратори и Денина напоминаютъ имъ о славномъ происхожденіи и стремятся путемъ

---

[1]) См. Franchetti, *Storia d'Italia*, dopo il 1789. Milano, 1880. Cantu, *Histoire des Italiens*. Paris, 1859, trad. franç.—Botta, *Histoire d'Italie*, Paris, 1824. Bianchi, *Storia della monarchia Piemontese*.

[2]) См. Ferrari, *Histoire de la raison d'état*.—Rendu, *l'Italie et l'Empire d'Allemagne*, Paris 1859. Marc Monnier, Histoire générale de la littérature moderne; *La Renaissance, de Dante à Luther*, Paris 1884.

историческихъ воспоминаній воспитать національное самосознаніе. Открывая человѣчеству широкіе горизонты, Вико созерцалъ въ этомъ славномъ будущемъ возрожденную Италію.

Петръ Верри издавалъ сборникъ, въ 1765 — 1766 г., по примѣру англійскаго «*Spectator'a*». Въ одной изъ статей этого сборника разсказывается, что однажды въ Миланѣ пришелъ человѣкъ въ незнакомое общество.—Вы иностранецъ?—спросили незнакомца. — Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ.—Вы, можетъ быть, миланецъ?»—Нѣтъ. Спрашивавшій изумился, а когда онъ продолжалъ настаивать на своемъ вопросѣ, незнакомецъ отвѣчалъ, что онъ *итальянецъ*. Итальянецъ столь же мало чужеземецъ въ Италіи, пояснилъ онъ, сколько французъ во Франціи, англичанинъ въ Англіи, голландецъ въ Голландіи. Затѣмъ онъ развиваетъ свою мысль, доказывая, что раздробленіе Италіи убиваетъ въ ней всякую интеллектуальную жизнь. Общество находитъ, что онъ правъ, что онъ говоритъ какъ образованный человѣкъ, что рѣчи его здравомысленны и патріотичны. Всѣ начинаютъ сокрушаться о плохихъ временахъ, о томъ, что случайность, по которой одинъ родится на берегу моря, а другой—у подошвы Апеннинскихъ горъ, дѣлаетъ этихъ людей чуждыми другъ другу. Тогда незнакомецъ продолжаетъ свою рѣчь; онъ доказываетъ, что итальянцевъ связываетъ не одна общность происхожденія, но и одинаковый національный характеръ и тождественные гражданскіе законы; они обладали ими во времена славнаго Рима; они продолжали имѣть ихъ при Карлѣ Великомъ, а въ эпоху республикъ временъ Возрожденія показали, что память объ этомъ не утрачена ими. Онъ сравниваетъ Италію съ созвѣздіемъ: каждая планета живетъ самостоятельною жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ она подчинена общему закону притяженія и содѣйствуетъ образованію всей планетной системы. «Будемъ сообразоваться съ этимъ примѣромъ въ нашей національной политикѣ», заключаетъ онъ свою рѣчь. «Хотя мы разсѣяны и подчинены различнымъ государямъ, образуемъ во имя успѣховъ знанія и искусства единую систему. Патріотизмъ, т. е. любовь къ общему благу нашего народа, будетъ солнцемъ, насъ освѣщающимъ! Станемъ вновь итальянцами, если не хотимъ перестать быть людьми!»

Они выражаютъ это стремленіе; Европа знаетъ о немъ. Ихъ литература и ихъ искусство, поддерживающія связь между ними вопреки земельной разрозненности хранятъ повсюду, гдѣ только есть любознательные умы и воображенія, способныя очаровываться прекраснымъ, воспоминаніе о великомъ прошломъ и предчувствіе лучшаго будущаго. Все, даже чудный климатъ и благодатная почва, способствуетъ распространенію традиціи объ общемъ отечествѣ, связанной съ лучезарнымъ именемъ

Италіи [3]). Ея права на высокорожденность—права самой европейской цивилизаціи. Это извѣстно всѣмъ. «Италія ждетъ и надѣется», писала Екатерина II въ 1780 году. Авторъ *Коринны* высказываетъ уже весьма распространенную въ концѣ XVIII столѣтія мысль, когда, говоря о «тайнѣ» Италіи, прибавляетъ: «Итальянцы несравненно болѣе замѣчательны своимъ прошлымъ и возможностью иного будущаго, чѣмъ тѣмъ, что представляютъ въ настоящее время».

Озабоченные судьбами отечества, итальянцы, за исключеніемъ подданныхъ Сардинскаго короля, съ полнымъ равнодушіемъ относились къ правительствамъ, между которыми распредѣлились. За исключеніемъ Пьемонта, мы видимъ въ Италіи или выборныхъ государей, какъ въ Римѣ или республикахъ, или же кочующія династіи, какъ въ Пармѣ, Неаполѣ и Тосканѣ. Эти государи являлись какъ бы коронованными арендаторами; именно въ такомъ смыслѣ и относилось къ нимъ населеніе, уважавшее ихъ сообразно съ ихъ административною заслугою. Такое отношеніе прекрасно подготовило итальянцевъ къ воспринятію революціи, только усилившей чувства, которыми они уже были проникнуты, и способствовало ниспроверженію учрежденій и династій, которыми никто не дорожилъ. Французская революція провозглашала гражданскія реформы, бывшія предметомъ страстныхъ пожеланій огромнаго большинства народа; эта революція ставила принципомъ національную независимость, она клонилась къ тому, чтобы освободить и сгруппировать народы, объединяя ихъ путемъ новыхъ гражданскихъ законовъ и любви къ отечеству: итальянцы могли только горячо привѣтствовать такой переворотъ. Правительства же ихъ, за исключеніемъ единственнаго національнаго—пьемонтскаго, были лишены всякой возможности бороться противъ такой революціи.

II.

Королевство обѣихъ Сицилій было предоставлено въ силу вѣнскаго трактата 1738 года одной изъ младшихъ вѣтвей Бурбонскаго дома [1]). Донъ Карлосъ, первый изъ королей этой династіи, былъ просвѣщеннымъ государемъ. Онъ попытался улучшить управленіе государствомъ, которое, съ

---

[3]) «Belle encor, l'Italie attire l'univers». André Chénier, *Elégies*, XXVIII.

[1]) Донъ Карлосъ, сынъ Филиппа V и Елизаветы Фарнезе, род. въ 1716. Онъ отвоевалъ у Австріи Неаполитанское королевство во время войны за польское престолонаслѣдіе. Онъ былъ признанъ королемъ обѣихъ Сицилій вѣнскимъ трактатомъ въ 1738 г. Царствовалъ подъ именемъ Карла IV до 1759 г. Въ этомъ году, по смерти брата своего Фердинанда VI, онъ вступилъ на испанскій престолъ подъ именемъ Карла III и занималъ этотъ престолъ до 1788 года.

незапамятныхъ временъ, «не умѣло ни управлять своими подданными, ни цивилизовать ихъ» [2]). Но ему удалось лишь слегка измѣнить его съ внѣшней стороны, соціальный же бытъ продолжалъ оставаться въ самомъ жалкомъ положеніи: внутри страны свирѣпствовало разбойничество, а въ прибрежныхъ краяхъ, въ Калабріи, варварійскіе пираты еще продолжали опустошать селенія. Народъ подчинялся преобразованіямъ въ силу своей апатіи, но смыслъ и значеніе реформъ вполнѣ ускользали отъ его пониманія. Напротивъ того, насильственная революція была ему вполнѣ понятна. Этотъ вялый, апатичный народъ подъ впечатлѣніемъ перваго толчка становился свирѣпымъ и необузданнымъ. Въ сущности, въ этой странѣ имѣлись элементы только для анархіи или деспотизма: здѣсь французская революція лишь ускорила переходъ отъ крайней подавленности къ яростному бунту.

Въ 1759 г. смерть Фердинанда VI, старшаго брата Дона Карлоса, призвала этого государя на испанскій престолъ. Онъ передалъ королевство обѣихъ Сицилій сыну своему Фердинанду IV, которому было въ то время восемь лѣтъ. Министры Дона Карлоса образовали совѣтъ регенства, и правительство осталось просвѣщеннымъ и благодѣтельнымъ. Достигнувъ совершеннолѣтія въ 1767 г., Фердинандъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Маріи-Терезіи и сестрою французской королевы, принцессою Маріей-Каролиною. Королю было въ эту пору семнадцать, а королевѣ—шестнадцать лѣтъ; имъ потребовалось нѣсколько лѣтъ для того, чтобы стряхнуть опеку регентовъ. Отставка Тануччи, бывшаго душою регентства, показала въ 1776 году, что юная королевская чета желаетъ управлять государствомъ самостоятельно. Это было самое жалкое изъ правительствъ.

Фердинандъ отличался невѣжествомъ, грубостью и лѣнью. Онъ никогда не писалъ. О немъ говорили, что чернильницы невозможно было найти у него нигдѣ, даже въ залѣ совѣта. Онъ любилъ грубыя удовольствія, тривіальные кутежи и шумныя народныя оваціи. Въ сущности, это былъ вульгарный деспотъ, способный подъ вліяніемъ гнѣва или страха становиться свирѣпымъ. Однако, несмотря на свою ограниченность, онъ обладалъ смутнымъ чувствомъ королевскаго достоинства и королевскаго долга. Энергическая и добродѣтельная женщина могла легко пріобрѣсти вліяніе надъ этимъ избалованнымъ, тщеславнымъ и податливымъ большимъ ребенкомъ. Она могла бы давать ему если не добрые совѣты, то добрыхъ совѣтниковъ. Марія-Каролина была страстной, надменной и мстительной австріячкой [3]). Она мечтала обратить на себя вниманіе цѣлой Европы:

---

[2]) *Mémoires du général de Ségur*, t. II, p. 528.

[3]) См. о молодости и воспитаніи Маріи-Каролины: Arneth, *Maria-Theresia*, t. VII, ch. XI: о ея политической роли.—Helfert, *Koenigin Carolina*, Wien, 1787: о домашней жизни ея. — Helfert, *Maria-Carolina, u. Vertheidigung.*

слава Екатерины Великой постоянно занимала ее и возбуждала ея честолюбіе. Она обладала нѣкоторымъ образованіемъ, умомъ и въ особенности наклонностью къ интригѣ и кокетству. Она безъ труда пріобрѣла большое вліяніе на мужа. «Моя жена все знаетъ», говорилъ онъ съ восхищеніемъ; онъ допустилъ ее завладѣть правительственною властью. Однако, несмотря на свою лѣность и небрежное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ, несмотря на постоянную потребность въ развлеченіяхъ, Фердинандъ гордился своимъ авторитетомъ и желалъ сохранить внѣшній престижъ; королева могла вліять на него, лишь потакая его страсти къ удовольствіямъ [4]). Такимъ образомъ онъ окончательно опустился; но, обезпечивъ за собою управленіе государствомъ, она не подняла престижа королевской власти. У нея не было никакого опредѣленнаго плана и никакой послѣдовательности: она обладала только властолюбіемъ; власть ея проявлялась прихотливо, переходя къ фаворитамъ. Прибавимъ, что она была фривольна, неблагоразумна, безпечна относительно скандала. Въ эпоху революціи, близость ея съ первымъ министромъ Актономъ была извѣстна всѣмъ [5]). Еще болѣе толковъ вызвало странное расположеніе ея къ англичанкѣ-авантюристкѣ, женщинѣ весьма красивой, плѣнительной и двусмысленной, сдѣлавшейся по волѣ случая женою британскаго посланника въ Неаполѣ лорда Гамильтона.

При своемъ самовластномъ нравѣ, Марія-Каролина не могла долго выносить опеку испанцевъ. Она устранила, одного за другимъ, совѣтниковъ Карла III. Отношенія между Фердинандомъ и его отцомъ въ послѣдніе годы жизни этого государя были чрезвычайно натянуты. Постоянно ссо-

---

Wien, 1884. Гельфертъ—апологистъ и защитникъ Маріи-Каролины—излагаетъ и до мельчайшихъ подробностей оспариваетъ всѣ обвиненія, взводимыя на эту королеву.

[4]) Король хочетъ управлять по своему усмотрѣнію, писалъ 9 апрѣля 1789 г. французскій повѣренный въ дѣлахъ, Какольтъ. «Его величество спокоенъ только тогда, когда полагаетъ, что все обстоитъ благополучно въ его владѣніяхъ и что онъ исполнилъ свой королевскій долгъ; если бы онъ открылъ, что его обманываютъ хотя-бы въ мелочахъ, гнѣвъ его былъ бы ужасенъ. Итакъ, для поддержанія кредита приходится постоянно занимать короля самыми разнообразными способами и средствами. Слѣдовательно, главный трудъ заключается не въ занятіи дѣлами....»; надо слѣдить за королемъ, занимать его, окружать его.

[5]) Тотъ же Какольтъ сообщаетъ Монморену 23 авг. 1788 г. слѣдующій фактъ, почерпнутый изъ столь достовѣрнаго источника, что «нельзя не дать знать о немъ, не нарушая долга службы». «Сцены, происходящія между королемъ и королевой, становятся все болѣе и болѣе рѣзкими. Король подозрѣваетъ Актона. Въ припадкѣ бѣшенства, его величество сказалъ королевѣ: я ищу случая застать васъ вмѣстѣ; я васъ убью обоихъ и велю выбросить ваши трупы за окно.—Королева въ страшнѣйшемъ безпокойствѣ.

рясь съ Испаніей, Неаполь находился въ весьма холодныхъ отношеніяхъ и съ Франціей. Въ началѣ 1789 года не оставалось ни малѣйшей надежды на привлеченіе его къ «Семейному договору». Испанія, говорили въ Неаполѣ, дала себя одурачить и не время теперь, когда Франція видимо слабѣетъ, слѣдовать ея внушеніямъ. Вліяніе ускользало отъ Бурбоновъ, но Австрія, отнявъ у нихъ это вліяніе, не успѣла сохранить его за собою. Въ этомъ отношеніи расчетъ, которымъ руководилась Марія-Терезія, выдавая замужъ свою дочь за Фердинанда, оказался ошибочнымъ. Въ послѣдніе годы стараго порядка, Неаполь находился во власти Англіи. Нетерпѣливое желаніе сбросить семейный гнетъ, держаться самостоятельной политики и въ особенности ослѣпленіе, въ которомъ держалъ Марію-Каролину ея фаворитъ—министръ, заставили ее предпочесть союзъ съ Англіей и подчиниться вполнѣ вліянію этой державы.

Актонъ, хотя и ирландецъ по происхожденію, былъ совершеннымъ англичаниномъ по своимъ вкусамъ: онъ не любилъ Австріи и ненавидѣлъ Францію. Посредственный политикъ, преисполненный самомнѣнія, чопорный и пустой, скорѣе упрямый, чѣмъ энергичный, онъ обладалъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыми способностями къ государственному управленію. Онъ успѣшно завѣдывалъ морскимъ и военнымъ министерствами. Благодаря его заботамъ, Неаполь могъ выставить двадцать пять тысячъ войска и пустить въ море сорокъ кораблей; но эти силы имѣли лишь чисто показное значеніе, что́ и было хорошо извѣстно правительству, не желавшему пускаться въ слишкомъ отважныя предпріятія. Впрочемъ Неаполь враждовалъ только со святымъ престоломъ; то была старая, традиціонная тяжба, возникновеніе которой относилось еще ко времени основанія неаполитанскаго государства. Неаполь былъ старинным удѣломъ церкви, и Римъ, даровавъ инвеституру, требовалъ за это почетнаго вознагражденія. Это вознагражденіе заключалось въ ежегодной дани золотомъ, равнявшейся 40000 франковъ, и въ доставленіи каждые три года бѣлаго иноходца. Послѣднее было простымъ символомъ, но Римъ настолько же старался поддержать этотъ обычай, насколько Неаполь стремился его упразднить. Обладая фактически верховною властью, неаполитанскій дворъ желалъ пользоваться ею и по праву. Ему было желательно сверхъ того захватить герцогство Беневентское. Фердинандъ поддерживалъ изъ духа самовластія церковный конфликтъ, возбужденный при Карлѣ III, вслѣдствіе тяготѣнія послѣдняго къ свободомыслію. Въ 1789 г. враждебность между Римомъ и Неаполемъ была въ полномъ разгарѣ: мы увидимъ впослѣдствіи, какую пользу извлекли изъ нея правительства, вышедшія изъ французской революціи.

Римъ находился въ состояніи полнаго упадка. По духу своему это

былъ еще тотъ Римъ, о которомъ Сенъ-Симонъ сказалъ, что «тамъ предпринимаютъ все, что́ могутъ, и смѣются надъ тѣми, кто это терпитъ» [6]); но предпринимать уже не приходилось, какъ не приходилось и смѣяться надъ простодушіемъ и довѣрчивостью. Римъ уже тѣснили со всѣхъ сторонъ. Клементъ XIV вынужденъ былъ смирить папство предъ католическими монархіями. Въ этомъ «департаментѣ вѣры», какъ выражался Фридрихъ Великій,—единственномъ еще оставленномъ церкви, Пій VI постоянно принужденъ былъ защищать свои предѣлы. Защищалъ онъ ихъ слабо. Дѣло въ томъ, что по самой силѣ вещей, папа становился болѣе государемъ, чѣмъ главою церкви; управленіе церковью перепутывалось съ управленіемъ наслѣдіемъ Св. Петра. Громадная духовная власть поглощалась, такъ сказать, хилымъ тѣломъ свѣтскаго государства; она заимствовала у него всѣ его немощи, и параличное состояніе церковнаго государства охватывало управленіе церковью. «Римскій дворъ», писалъ Іосифъ II въ 1768 г., довелъ себя до того, что почти заслуживаетъ презрѣнія. Внутри государства народъ находится въ величайшей нуждѣ, въ полномъ упадкѣ, финансы дискредитированы и разрушены». «Внутреннія дѣла Папской Области находятся въ величайшемъ безпорядкѣ,—сообщалъ въ 1783 г. венеціанскій посланникъ Зуліанъ;—правительство съ каждымъ днемъ утрачиваетъ силу и авторитетъ».

Пій VI отличался строгостью нравовъ, умственною ограниченностью и славолюбіемъ. Величественный и красивый собою, онъ любилъ празднества, церемоніи, церковное великолѣпіе, роскошныя зданія, все, что бросается въ глаза. Онъ управлялъ и церковью и свѣтскими владѣніями единственно по внушенію своего произвола, заботясь главнымъ образомъ о процвѣтаніи своего семейства и руководясь преимущественно тщеславіемъ. Это управленіе было бездарно, — разорительно внутри и лишено всякаго значенія и вліянія во внѣшнихъ дѣлахъ.

Извлекая наиболѣе вѣрную часть своихъ доходовъ изъ католическихъ государствъ, онъ былъ вынужденъ щадить ихъ даже по отношенію къ дѣламъ вѣры. Онъ зависѣлъ отъ Неаполя, по причинѣ Беневента, и отъ Франціи, по причинѣ Авиньона; велъ постоянную тяжбу съ Венеціанской республикой, по поводу легацій. Достаточно было этимъ тремъ государствамъ согласиться между собою, съ цѣлью поддержанія взаимныхъ притязаній, чтобы уничтожить бо́льшую часть папскихъ владѣній. Мы видѣли, что папа даже по церковнымъ дѣламъ враждовалъ почти со всѣми католическими державами. Въ послѣдніе годы стараго режима, только одна Франція поддерживала съ папой дружественныя отношенія. Поэтому-то посланникъ христіаннѣйшаго короля игралъ при папскомъ дворѣ весьма

[6]) *Parallèle des trois premiers rois Bourbons.*

важную роль. «Я—всегда второе лицо въ Римѣ», писалъ Берни отъ 5 августа 1789 года. Французская революція совершенно измѣнила такое положеніе вещей: враждебность Франціи возвратила папскому престолу симпатіи Европы; несчастное положеніе церкви вернуло ей уваженіе правительствъ. Нападая непосредственно на религію, и въ то же время разоряя Церковную Область, революція возвращала папскому правительству утраченныя имъ силу и вліяніе. Уничтожая свѣтскаго владыку, она подняла папу.

Тоскана обладала, быть можетъ, лучшимъ изъ европейскихъ правительствъ [7]). У нея не было внѣшней политики; она нуждалась въ нейтралитетѣ и умѣла его соблюдать. Леопольдъ, царствовавшій во Флоренціи, былъ слишкомъ кровнымъ австрійцемъ для того, чтобы сочувствовать Франціи, но ему приходилось ограждать торговые интересы Ливорно противъ англійскихъ предпріятій, и это обстоятельство создало между обоими государствами связь, прочность которой была ясно доказана событіями революціонной эпохи. Представители правительства были люди просвѣщенные, сочувствовавшіе французскимъ воззрѣніямъ; они подготовляли населеніе къ ихъ воспріятію. Династія же не имѣла времени пустить въ странѣ прочные корни; къ тому же, несмотря на благодѣтельность власти Леопольда, эту власть находили порою безпокойной. Народъ съ полнымъ равнодушіемъ простился со своимъ государемъ, а когда война низложила лотарингскую династію, Тоскана требовала отъ своихъ новыхъ повелителей разумнаго и тихаго управленія [8]). Этою цѣною они могли пріобрѣсти расположеніе тосканцевъ, помимо своего происхожденія и принадлежности къ той или иной династіи.

Генуя опасалась Австріи, выказывавшей притязаніе на захватъ, и искала покровительства Франціи. Вся ея политика ограничивалась желаніемъ быть оставленною въ покоѣ сосѣдями. По словамъ Бильфельда, ни одно засѣданіе генуэзскаго сената не обходилось безъ слѣдующихъ вступительныхъ словъ дожа: «Не забывайте, сенаторы, что спасеніе республики зависитъ отъ ея нейтралитета». Революція поставила Геную между Англіей и Франціей: она слабо защищалась отъ этого двойного давленія. Англія намѣревалась подчинить, а Франція завоевала ее.

Венецію постигла такая же судьба. Эта республика погибла вслѣдствіе избытка внѣшняго благоденствія. Завоеванія истощили ея торговыя при-

---

[7]) Предоставленная въ 1738 г. лотарингскому дому, она управлялась супругомъ Маріи-Терезіи Францемъ, сдѣлавшимся затѣмъ германскимъ императоромъ. Второй сынъ его Леопольдъ наслѣдовалъ ему въ 1765 г.

[8]) Леопольдъ уѣхалъ изъ Флоренціи въ 1790 г. Ему наслѣдовалъ сынъ его Фердинандъ. Тоскана образовала королевство Этрурское, отъ 1801—1807, съ испанскими государями. Въ 1807 г. она была присоединена къ Франціи.

были и для поддержанія искусственнаго могущества, которое она для себя конституировала, потребовались деспотическое правительство и стѣснительные законы; но это государство подорвало въ корнѣ національные рессурсы и истощило своею расточительностью рессурсы казны. Доходы республики умалялись по мѣрѣ расширенія ея территорій. Въ восемнадцатомъ столѣтіи все сгладилось и смягчилось. Хотя въ Венеціи еще продолжали трепетать, но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ веселились какъ нигдѣ въ остальной Европѣ. При этомъ деспотическомъ правленіи, умѣряемомъ карнаваломъ, власть государственныхъ инквизиторовъ была страшна только для сумасбродовъ, кутилъ и любителей скандаловъ. Извнѣ эта власть не импонировала никому. Вся ея дѣятельность ограничивалась парализованіемъ внутренней жизни государства. Послѣ долгихъ войнъ съ турками, Венеція дошла до необходимости искать у нихъ защиты противъ Австріи. Ея судьба напоминаетъ судьбу Польши. «Плохо управляемое государство приглашаетъ чужеземцевъ заняться его устройствомъ», говорилъ въ 1780 году дожъ Ренье, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ въ эпоху раздѣла. «Если есть государство, нуждающееся въ мирѣ и согласіи, то это именно наше, лишенное войска, флота и союзниковъ, существующее по волѣ случая и въ силу репутаціи благоразумія и осторожности венеціанскаго правительства. Въ этомъ все наше могущество». Эта осторожность была только слабостью и давала въ результатѣ неувѣренность и необезпеченность, то есть худшую изъ неосторожностей. Венеціанцы дрожали передъ Австріей [9]), ожидавшей только случая, чтобы завладѣть ими. Единственною надежною опорой для нихъ была Франція. Соперничество между обоими государствами давало Венеціи возможность существованія; война, послѣдовавшая между ними, принудила республику высказаться за ту или другую сторону. Но Венеція способна была на одни колебанія; она доставила поводы ко вмѣшательству обѣимъ сторонамъ, сражавшимся на ея границѣ, а когда онѣ утомились борьбой, то помирились на счетъ Венеціи.

---

[9]) Въ 1796 г. Гёте посѣтилъ Верону. Ему захотѣлось срисовать старый зáмокъ; вокругъ него тотчасъ же собралась толпа; онъ навлекаетъ подозрѣніе, его арестуютъ и ведутъ къ начальству: онъ говоритъ по-нѣмецки: очевидно, что это австрійскій шпіонъ! Гёте заявляетъ, что пріѣхалъ осмотрѣть развалины. «Если это только развалины», говоритъ начальство, «то что же можетъ быть въ нихъ замѣчательнаго?» Гёте пытается объяснить это. Его не понимаютъ. «Приставъ отвѣчаетъ, что все это прекрасно, но императоръ Іосифъ—государь безпокойный, что у него, по всей вѣроятности, дурные замыслы противъ республики и что я, быть можетъ, одинъ изъ его подданныхъ и эммиссаръ, присланный для наблюденій на границѣ.—Я не только не подданный императора,—говоритъ Гёте,—но могу похвалиться, что подобно вамъ состою гражданиномъ республики: я изъ Франкфурта на Майнѣ». Его отпускаютъ.—*Путешествіе по Италіи.*

Я не стану говорить о Луккѣ, Пармѣ и Моденѣ: это были территоріи, а не государства. Именно такъ и посмотрѣла на нихъ революція; она продолжала обращаться съ ними, какъ обращались и при старомъ порядкѣ: она раздѣлила ихъ на доли и распорядилась ими по своему усмотрѣнію.

Въ цѣлой Италіи было только одно государство, имѣвшее самостоятельную политику и хвалившееся традиціями; то была Сардинія. Политика ея заключалась въ расширеніи предѣловъ, а традиція—въ поперемѣнномъ союзѣ то съ Франціей, то съ Австріей, причемъ союзъ съ первой служилъ видамъ на приращенія своей территоріи, а со второй—на сохраненіе пріобрѣтеннаго. Казалось бы, что Пьемонтъ долженъ быть неминуемо задавленъ двумя крупными, надвигавшимися на него державами, но онъ, напротивъ, врѣзался въ нихъ клиномъ и расширился, отодвинувъ ихъ. «Государи Савойскаго дома», читаемъ въ инструкціяхъ, данныхъ одному сардинскому агенту въ 1794 г. «вступая въ союзъ то съ одною, то съ другою державою, смотря по требованію обстоятельствъ и высшимъ государственнымъ соображеніямъ, успѣли расширить предѣлы своего государства въ сторону Италіи, сдѣлавшейся предметомъ ихъ видовъ на приращеніе территоріи». Условія, въ которыхъ находилась Сардинія, дѣлали для нея, такимъ образомъ, правиломъ—непостоянство въ союзахъ. Разсказываютъ, что въ одной небольшой столицѣ, дипломаты, во время войны, имѣли обыкновеніе спрашивать у сардинскаго посланника: «На чьей сторонѣ сегодня вашъ повелитель?» Честолюбивыя стремленія Савойи имѣли прежде всего въ виду Миланъ: «Это—артишокъ,—говорилъ Карлъ-Эммануилъ,—его надо съѣдать листокъ за листкомъ». Послѣ Милана савойцы всего болѣе жаждали пріобрѣсти Геную. Въ 1777 г. Пьемонтъ предложилъ Австріи подѣлить эту республику. Австрія не соглашалась. Сардинія осталась не при чемъ и, потерпѣвъ неудачу въ Вѣнѣ, попыталась повліять на берлинскій дворъ.

Уже съ давнихъ поръ влекло ее къ Пруссіи, вслѣдствіе сходства въ судьбахъ этихъ двухъ государствъ. Они росли одновременно и почти одновременно получили королевскую корону въ награду за вѣроломство. Параллель между обѣими монархіями была классическою темой литературной аргументаціи. «Сардинскій король въ Италіи представляетъ для австрійскаго дома совершенно то же, чѣмъ является для него прусскій король по отношенію къ Германіи: онъ можетъ расширять свои предѣлы не иначе, какъ на счетъ Австріи», писалъ д'Аржансонъ во время войны за наслѣдство австрійскаго престола. «Половина миланскаго герцогства осталась за Карломъ-Эммануиломъ, какъ осталась за прусскимъ королемъ Силезія», писалъ Фавье послѣ этой войны; «такія вещи не прощаются». Австрія дѣйствительно не прощала, и это-то и сблизило ея враговъ. Союзъ съ

Пруссіей есть для Савойскаго дома союзъ будущаго, писалъ въ 1777 г. графъ Перронъ, бывшій въ ту пору министромъ иностранныхъ дѣлъ [10]).

Ко времени 1789 года отношенія между Франціей и Сардиніей были какъ нельзя болѣе дружественны. Бракъ обоихъ братьевъ Людовика XVI съ дочерьми Виктора-Амедея связалъ оба дома тѣсными семейными узами. Мудрая политика Верженна укрѣпила союзъ между обоими государствами. Когда Австрія и Россія стали грозить Оттоманской имперіи, сардинцы, съ рѣдко измѣнявшимъ имъ чутьемъ, почувствовали, что должны принять участіе въ этомъ восточномъ кризисѣ для возвышенія собственнаго значенія въ Европѣ и что интересы ихъ требуютъ союза съ Франціей и Англіей для сдержанія честолюбивыхъ притязаній императорскихъ дворовъ.

Революція, слѣдовательно, застала Сардинію въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Франціей. Необходимость, скрѣпившая это соглашеніе, казалась независимой отъ формы правленія въ обоихъ государствахъ. Дипломаты революціи полагали, что достаточно заинтересовать Сардинію въ пріобрѣтеніяхъ республики для того, чтобы обезпечить за собою ея покорность. Они слишкомъ сильно расчитывали на алчность туринскаго двора и недостаточно приняли въ соображеніе его благоразуміе и осмотрительность. Революція, предлагавшая ему расширеніе предѣловъ, начинала съ того, что уничтожала самый принципъ его правительства. На это Пьемонтъ не могъ согласиться, не отрекаясь отъ себя. Географически онъ былъ слишкомъ близокъ къ Франціи, слишкомъ въ сферѣ ея вліянія, для того чтобы по примѣру Пруссіи присоединиться къ предпріятіямъ революціи, не боясь ея пропаганды. Итакъ, революція измѣняла всѣ отношенія, существовавшія между Франціей и Сардиніей. Попытавшись слѣдовать въ этомъ дѣлѣ, и при столь различныхъ условіяхъ, королевской традиціи, революція только порвала эту традицію.

Главною цѣлью Савойскаго дома было сгруппированіе вокругъ себя всѣхъ итальянскихъ государствъ. Въ 1780 г. графъ Напіоне предлагалъ Виктору-Амедею образовать *Итальянскую Конфедерацію*, которая «оживила бы духъ итальянскаго патріотизма и связала бы страны родственнаго происхожденія» [11]). Планъ этотъ существовалъ уже ранѣе у французскихъ политиковъ. Излагая его въ своихъ мемуарахъ, д'Аржансонъ опредѣляетъ необходимыя для его проведенія условія. Цѣль этого плана, говоритъ онъ, «сконцентрировать итальянскія государства, прогнать чужеземцевъ и показать примѣръ отреченія отъ какого-либо господства надъ Италіей».

---

[10]) D'Argenson, *Mémoires*, IV, p. 278.—Favier, éd. Boutaric, *Corresp. secrète*, t. II, p. 329.—Bianchi, t. I, p. 564—570.

[11]) Bianchi, t. I, ch. VIII, § 4.

Относительно подобной итальянской конфедераціи можно было сказать то же, что и о германскомъ союзѣ: Франція могла найти въ ней орудіе для своего вліянія, но она не могла сдѣлать изъ нея орудія для завоеваній, не вознаграждая сильныхъ въ ущербъ слабымъ; она не могла сдѣлать изъ нея орудія для господства, не вызывая отпора, то есть не уничтожая въ принципѣ всей комбинаціи. Проекты устройства итальянской независимости были въ большомъ ходу у публицистовъ и политическихъ дѣятелей временъ революціи [12]). Они, естественнымъ образомъ, включали ихъ въ кругъ своей пропаганды и пришли къ той мысли, что итальянскій народъ долженъ самъ выполнить то, что во времена стараго порядка предлагалось итальянскимъ правительствамъ. Но при новыхъ условіяхъ становилось болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ припомнить и вникнуть въ слова д'Аржансона. Освобождая Италію, Франція не могла и не должна была сохранять на нее притязаній. Это было прямымъ слѣдствіемъ пропагандируемой тамъ Франціей революціи, и изъ этого получились въ результатѣ неожиданныя затрудненія для французской политики.

III.

Въ сѣверной и средней Италіи ненависть къ феодальному строю была почти такъ же сильна, какъ и во Франціи; въ этихъ краяхъ ненавидѣли и духовенство. Въ просвѣщенныхъ классахъ общества господствовалъ духъ свободомыслія. Но, какъ говоритъ одинъ итальянскій историкъ [1]), «если большинство желало реформъ, то мысль о революціи никому не приходила въ голову; индивидуальное честолюбіе молчало, всѣ ждали отъ времени и отъ мудрости государей необходимыхъ и желательныхъ преобразованій». Франція принесла имъ и навязала готовую и выработанную во всѣхъ частяхъ революцію, которой они не ожидали, а также и реформы, которыхъ желали. Они встрѣтили реформы съ радостью, потому что были подготовлены къ нимъ. Что касается революціи, то большинство привѣтство-

---

[12]) Въ *Encyclopédie méthodique: Economie politique et diplomatique*, par Démeunier, 1784, въ статьѣ «Италія» читаемъ: «Если бы частные интересы могли уступить общему благу, ничего не было бы легче, какъ установить спокойствіе Италіи на прочномъ основаніи. Стоило бы только раздѣляющимъ господство надъ ней государямъ составить тѣсный союзъ и образовать оборонительную лигу, во главѣ которой стоялъ бы папа, причемъ каждый государь сохранилъ бы свою верховную власть, отвергая всякій союзъ съ иностранными державами; но этотъ столь простой планъ никогда не дождется осуществленія».

[1]) Вотта, liv. I.

вало ее со страстнымъ воодушевленіемъ; но привѣтствовали не господство Франціи, а освобожденіе Италіи.

Итальянцы именно такъ понимали революцію и въ такомъ смыслѣ толковали *провозглашеніе правъ человѣка* и водвореніе республики. Философскія ученія, служившія предисловіемъ революціи, встрѣтили горячее одобреніе въ Италіи только потому, что возбуждали мысль о національной независимости и давали форму стремленіямъ къ этой независимости. Выражая пожеланія въ пользу эманципаціи человѣчества, итальянцы думали преимущественно объ освобожденіи Италіи. Подобно французской, итальянская литература была вполнѣ классической; но греческія и римскія изреченія о свободѣ, переведенныя на итальянскій языкъ, возбуждали въ умахъ пламенное желаніе итальянской свободы. Содержаніе и декораціи трагедіи были такія же, какъ и во Франціи, но публика была иная, и въ этой самой литературѣ, которая такъ пріятно ласкала французскую гордость, потому что въ ней видѣли освященіе и признаніе величія родины, итальянцы искали лишь намековъ на былую славу и поощреній для своихъ надеждъ на лучшее будущее. Міровыя идеи, которыя въ Парижѣ казались предназначенными для установленія всемірнаго господства французской мысли, въ глазахъ итальянцевъ должны были вызвать, по крайней мѣрѣ въ Италіи, возрожденіе мысли итальянской. Альфіери былъ горячимъ и весьма исключительнымъ патріотомъ. «Мы рабы», говорилъ онъ, «но рабы, постоянно жаждущіе сбросить съ себя иго». По его собственнымъ словамъ, онъ «писалъ въ припадкѣ лихорадочной и фанатической свободы». У него всегда были предъ глазами: Италія и итальянцы. «Если слова: нація и отечество не лишены всякаго смысла», говорилъ въ 1791 г. пьемонтецъ, графъ Напіоне [2]), «если каждое гражданское общество должно отличаться свойственнымъ ему характеромъ, которымъ долженъ быть проникнутъ каждый отдѣльный гражданинъ, то необходимо работать надъ этимъ стремленьемъ, изучать языкъ, обработывать и любить его; это важнѣйшій элементъ общественнаго блага, лучшій и прочнѣйшій цементъ для политическаго тѣла». Итакъ, мы видимъ, что у итальянцевъ не было никакихъ космополитическихъ тенденцій, и если французская революція такъ легко принялась въ Италіи, то именно потому, что получила тамъ характеръ національной революціи. Когда итальянцамъ говорили о родинѣ и республикѣ, они поняли, что имъ говорятъ объ Италіи и могли понимать только это.

Тогда-то начались недоразумѣнія. Они были неизбѣжны. Приглашая итальянцевъ къ освобожденію, Франція думала привязать ихъ къ себѣ,

---

[2]) *Dell'uso e dei pregi della lingua italiana.* Torino, 1791.—Bianchi, t. I, p. 452.

на самомъ же дѣлѣ они отвернулись отъ нея. Политики революціи вообразили, что общность принциповъ и тождественность политическихъ формъ укрѣпятъ между націями узы, образовавшіяся стараніями королей, что Франція, господствовавшая надъ итальянскими правительствами, оказывая имъ покровительство, еще удобнѣе можетъ властвовать надъ итальянскими народами послѣ того, какъ дастъ имъ свободу. Это было глубокое заблужденіе, и будущее должно было показать, насколько такая иллюзія была и опасной. Чувство, заставившее итальянцевъ допустить чужеземное вторженіе, которое несло имъ освобожденіе, весьма скоро привело ихъ къ ненависти по отношенію къ своимъ освободителямъ. Призывая ихъ къ независимости, освободители что бы ни дѣлали и ни говорили, вселяли въ итальянцахъ недовѣріе и ненависть ко всякому чужеземцу, который захотѣлъ бы управлять ими.

Франція возвратила итальянцамъ ихъ права, она вернула имъ родину, она сдѣлала ихъ гражданами. Но, сдѣлавшись гражданами, они стали исключительными; сознаніе правъ разбудило и сознаніе своихъ интересовъ; они нашли отечество лишь для того, чтобы видѣть его свободнымъ, славнымъ и могучимъ. Всѣ пробудившіяся въ нихъ страсти были чисто-итальянскія, и одной изъ самыхъ закоренѣлыхъ—была ненависть къ французамъ, которую, писалъ Бонапартъ въ 1797 г. «они сохранили вслѣдствіе предразсудка, вѣковой привычки и характера» [3]). Такимъ-то путемъ подготовлялась та странная эволюція идей, вслѣдствіе которой Франція, воскрешая итальянскій народъ, не только не упростила своей собственной политики, но создала для нея новыя усложненія. До тѣхъ поръ ей приходилось считаться въ Италіи лишь съ разъединенными государствами, нерѣдко слабыми государями и почти всегда нуждавшимися въ деньгахъ правительствами; отнынѣ она будетъ находить тамъ народъ, не перестающій стремиться къ независимости и поставляющій свою честь въ томъ, чтобы не терпѣть чужеземныхъ властителей.

Мы увидимъ далѣе, какое именно участіе принимали въ этомъ преобразованіи отношеній между Франціей Италіей различныя власти, исшедшія изъ французской революціи. Здѣсь же важно было установить точку отправленія дальнѣйшихъ событій и связать съ первичной причиной кризиса выводъ, сдѣланный въ 1814 году Массимо д'Азеліо, а съ нимъ и всѣми итальянскими патріотами. «Мнѣ не легко высказать это», передаетъ онъ въ своихъ *Мемуарахъ* [4]), «потому что никто сильнѣе меня не чувствуетъ той благодарности, которою мы обязаны Наполеонидамъ; никто не

---

[3]) Бонапартъ Талейрану, 26 сентября 1797 г.

[4]) *I mie Ricordi*, t. I, ch. IX. Firenze, 1866.

цѣнитъ болѣе меня каждой капли крови великодушнаго французскаго народа, пролившейся на итальянской землѣ и искупившей Италію; но,—да позволено будетъ мнѣ сказать это, потому что это сама святая истина—видѣть уходившихъ французовъ было безграничнымъ, несказаннымъ блаженствомъ». Тѣ же причины породили въ Германіи еще болѣе необыкновенныя и несравненно болѣе пагубныя для Франціи послѣдствія.

ГЛАВА V.

Германія.

I.

Германія [1]) доставила поводъ для той борьбы, которая загорѣлась въ 1792 г. между Франціей и Европой; она сдѣлалась главнымъ театромъ и войны и мира; ея территоріи служили поочередно и полями битвъ, и полемъ раздѣловъ; послѣ того какъ она была самымъ дѣятельнымъ орудіемъ французскаго могущества, она стала наиболѣе энергичнымъ агентомъ разрушенія и паденія этого могущества; однимъ словомъ, начиная съ Вальми и до самаго Ватерлоо, отъ столкновенія съ эльзасскими владѣтельными князьями и до парижскаго трактата 1815 года, она постоянно на сценѣ: ей принадлежитъ и первый и послѣдній импульсъ. Среди великаго потрясенія въ европейскихъ дѣлахъ, ни одна страна не подверглась такому перевороту, какъ Германія. Но и въ теченіе всѣхъ этихъ изумительныхъ превратностей судьбы, она не переставала развивать свой собственный, историческій ходъ, слѣдовать своимъ традиціямъ и продолжать путемъ вѣнскихъ трактатовъ дѣло, начатое вестфальскими.

Въ 1789 г. трактаты 1648 года еще лежали въ основѣ германскаго публичнаго права [2]). Они установляли, вмѣстѣ со смысломъ существованія Священной Имперіи, всѣ причины грозившаго ей распаденія. Между тѣмъ какъ во Франціи и въ Англіи феодальная система исчезала, уступая монархической власти — ограниченной въ Англіи и абсолютной во Франціи, но и въ той и другой управляющей объединеннымъ государствомъ,—въ Германіи, вслѣдствіе отсутствія національныхъ и политическихъ традицій, составные элементы клонили къ образованію обособленныхъ государствъ. Во Франціи, королевская власть подчиняла и поглощала феодализмъ; въ Германіи—крупные феодалы вторгались и экспропріировали самую имперію. Въ одну и ту же эпоху, въ царствованіе Лудовика XIV, во Франціи одер-

---

[1]) См. Haeusser, *Deutsche Geschichte.* — Perthes, *Politische Zustände in Deutschland.*—Treitschke, *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert.*—Sybel, *Geschichte der Revolutionszeit.* — Ranke, *Die deutschen Mächte und der Fürstenbund.*

[2]) См. Himly, *Formation territoriale des États de l'Europe centrale,* liv. II, ch. IV—V.—Bielfeld, *Institutions,* t. III, ch. VIII. *De l'Allemagne.*

жали верхъ притязанія королевской власти, а въ Германіи восторжествовали требованія представителей княжескихъ династій. Правило, гласящее, что не можетъ быть терпимо государство въ государствѣ, было принято во Франціи; въ Германіи же торжественно провозгласили принципъ почти безусловной верховной власти государствъ, входящихъ въ составъ имперіи. Иностранные союзы, начинавшіеся во Франціи государственной измѣной, становились для имперскихъ князей существеннѣйшею изъ ихъ прерогативъ.

Стремленіе, побуждавшее германскихъ князей добиваться независимости отъ имперіи, заставляло ихъ также стараться объ усиленіи своего могущества и расширеніи своихъ территорій. По мѣрѣ ослабленія политическихъ узъ, географическая карта Германіи упрощалась. Государи, работавшіе надъ своимъ освобожденіемъ отъ императорской супрематіи, заботились въ то же время о сосредоточеніи собственной власти. Они старались и развивать автономію собственнаго государства, и включать въ него менѣе значительныя территоріи, находившіяся или по сосѣдству, или въ черезполосномъ владѣніи съ ними. Конфискація, или—какъ смягчали это слово на оффиціальномъ языкѣ, секуляризація церковныхъ земель въ сѣверо-германскихъ государствахъ,—ввела въ политическіе обычаи Священной Имперіи новый и плодовитый прецедентъ округленій. Вестфальскіе договоры санкціонировали эти факты и обратили ихъ въ права. «Эти договоры», замѣчаетъ одна французская инструкція конца восемнадцатаго вѣка, «утвердили свободу отдѣльныхъ государствъ и придали несомнѣнную силу общему управленію германской имперіи, уравновѣшивая авторитетъ главы властью членовъ и противопоставляя постоянную преграду его честолюбію [3]). Договоры были дѣйствительно охранительнымъ средствомъ для сосѣдей Германіи, но, по правдѣ сказать, имѣли разрушительное дѣйствіе на самую Германію. Часто цитировали слѣдующія слова Вольтера: «Германскій союзъ зовется священной римской имперіей, на самомъ же дѣлѣ онъ не священный, не римскій и не можетъ быть названъ имперіей». Священнымъ онъ никогда не былъ и только имѣлъ претензію имъ быть; римскимъ онъ сталъ лишь для того, чтобы угнетать Римъ; имперіей же онъ бывалъ, по временамъ, въ средніе вѣка, но не былъ ею во время французской революціи. Если мы станемъ искать эту имперію, то не найдемъ ее нигдѣ. Германія не имѣла ни учрежденій, ни даже самыхъ основъ государства.

Она простиралась въ теоріи на 660000 квадратныхъ километровъ и насчитывала отъ 28 до 30 милліоновъ жителей. Ея карта, въ особенности въ центрѣ и въ Швабіи, верхне-рейнскихъ земляхъ и Вестфаліи,

---

[3]) Инструкціи французскаго уполномоченнаго при германскомъ имперскомъ сеймѣ 1774, 1775, 1786. Формула повторяется въ трехъ документахъ: она сдѣлалась ходячей.

являла собою настоящую мозаику: вокругъ этихъ земель существовали болѣе или менѣе плотныя массы. Онѣ виднѣются тамъ и сямъ, подобно крупнымъ пятнамъ на мелкомъ рисункѣ матеріи. Границы вырѣзаны весьма причудливыми зубцами. Все представляется страннымъ и произвольнымъ въ этой пестротѣ государствъ. Феодальная іерархія присутствуетъ въ полномъ составѣ. Начиная отъ рыцаря и кончая императоромъ, въ ней находятся представители всѣхъ типовъ феодальной сеньоріи; рядомъ съ аббатствами имѣются и республики. Однако, несмотря на такую крайнюю раздробленность, Германія мало-по-малу сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ болѣе могущественныхъ властителей, стремящихся подчинить себѣ остальныхъ. Владѣнія болѣе крупныхъ государей занимаютъ около пяти седьмыхъ имперіи: города и церковныя княжества составляютъ, приблизительно, одну седьмую, остальное распредѣляется между мелкими владѣльцами. На первомъ мѣстѣ и много выше другихъ стоитъ австрійскій домъ: онъ имѣетъ въ имперіи десять съ половиною милліоновъ подданныхъ, но прибавляетъ къ этому около четырнадцати милліоновъ венгерцевъ, поляковъ и итальянцевъ. За нимъ слѣдуетъ Пруссія съ двумя съ половиною милліонами нѣмецкихъ подданныхъ и такимъ же количествомъ силезцевъ, поляковъ и пруссаковъ, находящихся внѣ предѣловъ имперіи. Далѣе идутъ: баварскій и саксонскій домъ, брауншвейгскій, виртембергскій, гессенскій, мекленбургскій, нассаусскій и баденскій: они насчитываютъ до двухсотъ тысячъ подданныхъ и примыкаютъ къ церковнымъ владѣніямъ. Изъ этихъ послѣднихъ наиболѣе крупныя: Майнцъ, съ 350000 подданныхъ, Триръ, Кельнъ, Вюрцбургъ, и Бамбергъ—населеніе которыхъ колеблется между 200 и 325 тысячами [4]).

На этой послѣдней ступени государства не обладаютъ ни силою, ни уваженіемъ: они имѣютъ значеніе, поскольку служатъ добавочною суммою при раздѣлахъ и политическихъ комбинаціяхъ.

Германія была имперіей безъ подданныхъ, безъ учрежденій и безъ го-

---

[4]) Въ имперіи насчитывалось всего 360 государствъ, включая сюда и медіатизированное дворянство, владѣвшее не болѣе 200 квадр. милями земли и 450.000 населеніемъ. Вольные города (ихъ 51) представляли только 700.000 жителей, а церковныя княжества—3.100.000. По населенности всѣ эти государства распредѣляются въ такомъ порядкѣ: Австрія 10.500.000 жителей (въ предѣлахъ имперіи); Пруссія, 2.500.000 (въ предѣлахъ имперіи); Палатинатъ—Баварія, 2.100.000; Саксонія, 2.100.000; Брауншвейгскій домъ, 1.100.000; Виртембергъ, 650.000; Гессенъ-Кассель, 460.000; Гессенъ-Дармштадтъ, 300.000; Датское королевство, 400.000; Мекленбургскій домъ, 350.000; Нассау, 200.000; Баденъ, 200.000; архіепископство Майнцское, 350.000; курфиршества: Трирское и Кельнское, каждое по 230.000; епископства: Вюрцбургское и Бамбергское—325.000 и 200.000. Himly, t. I, p. 286—297.

сударя. Учрежденія ея были лишь формами безъ содержанія. Для процессовъ по дѣламъ, рѣшеніе которыхъ предоставлялось императору, имѣлась имперская палата въ Вецларѣ и авлическій судъ въ Вѣнѣ. Они продолжаютъ засѣдать, но рѣдко постановляютъ рѣшенія. Въ 1772 году, когда Гёте причисленъ былъ къ Вецларской канцеляріи, тамъ было 20.000 неконченныхъ дѣлъ [5]). Существовали, въ видѣ рамокъ для мелкихъ территорій, десять округовъ съ сеймами, которымъ ввѣрялась общая ихъ защита, а равно и приведеніе въ исполненіе имперскихъ законовъ. Исключая мѣстностей, прилегавшихъ къ Франціи и гдѣ энергія возбуждалась страхомъ, всѣ эти собранія лишены были всякаго значенія, а округа имѣли смыслъ развѣ для географовъ. Для завѣдыванія общеимперскими дѣлами существовалъ имперскій сеймъ. Сеймъ, засѣдавшій въ 1789 г., былъ созванъ въ Ратисбоннѣ и продолжалъ засѣдать безпрерывно съ 1663 года. Этотъ сеймъ не дѣйствовалъ, а обсуждалъ или, вѣрнѣе, выслушивалъ доклады. Это былъ конгрессъ дипломатическихъ нотаріусовъ или повѣренныхъ, для которыхъ процедура важнѣе самой тяжбы. Императоръ ставилъ вопросъ, каждый изъ делегатовъ сообщалъ о немъ своему правительству, которое отвѣчало, когда ему заблагоразсудится, нотою, передававшеюся сейму делегатомъ. Сеймъ состоялъ изъ равноправныхъ коллегій, которыя подавали голоса, каждая отдѣльно [6]). Для рѣшенія или conclusum'а требовалось большинство двухъ сеймовыхъ коллегій. Голосованіе было формальностью: въ сущности сеймъ только заносилъ въ списки рѣшенія, принятыя въ отдѣльности каждымъ изъ присылавшихъ делегатовъ государствъ. Прибавимъ къ этому, что три иностранныхъ государя имѣли при сеймѣ своихъ уполномоченныхъ: англійскій король—за Ганноверъ, шведскій—за Померанію, датскій—за приэльбскія герцогства. «Делегатъ, присылаемый государемъ на это собраніе, равносиленъ дворовому псу, лающему на луну», говорилъ Фридрихъ II. Поэтому сеймъ весьма мало посѣщался. Въ 1788 на сто занесенныхъ въ списки голосовъ въ коллегію имперскихъ князей, на лицо оказалось въ Ратисбоннѣ не болѣе четырнадцати. Изъ пятидесяти одного города прислали делегатовъ только восемь; общее же число представителей въ сеймѣ равнялось двадцати девяти.

Императоръ являлся лишь пышнымъ подобіемъ монарха. Онъ—главно-

---

[5]) См. Bossert, *Goethe, ses précurseurs et ses contemporains*, p. 238, 2 éd Paris, 1882.

[6]) 1) Избирательная коллегія: ей принадлежало право избранія императора; она состояла изъ восьми избирателей, трехъ духовнаго званія (Майнцъ, Триръ, Кельнъ) и пяти свѣтскихъ (Богемія, Палатинатъ Баварія, Саксонія, Бранденбургъ, Ганноверъ). 2) коллегія князей, имѣвшая двѣ палаты: одну для свѣтскихъ и другую для церковныхъ; 3) коллегія вольныхъ городовъ.— См. Himly, t. I, p. 275.

командующій войсками, которыя собираются не иначе, какъ по приказу имперскаго сейма и могутъ выступать въ походъ только съ согласія окружныхъ сеймовъ. Финансы имѣются у императора только въ случаѣ ассигнованія ему имперіей чрезвычайныхъ кредитовъ. Нормальный же бюджетъ его не превышаетъ 13884 флориновъ. Правительство его состоитъ изъ вице-канцлера и нѣсколькихъ секретарей. Функціи его заключаются въ представленіи дѣлъ на разсмотрѣніе сейма, въ ратификаціи и объявленіи сеймовыхъ рѣшеній. Въ сущности, онъ—президентъ конфедераціи почти самостоятельныхъ государствъ. Онъ былъ бы несравненно менѣе значущъ, чѣмъ президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, если бы не совмѣщалъ съ императорскимъ званіемъ титула короля Богемскаго и Венгерскаго, что дѣлало его монархомъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ вся остальная Германія вмѣстѣ взятая, и позволяло господствовать надъ нею не по закону, а во имя силы.

Разсматривая тогдашнюю Германію, мы должны, слѣдовательно, принимать въ соображеніе не обветшавшую хилую имперію и ея устарѣлыя учрежденія, а государства, входившія въ ея составъ, и политическія группы, изъ нихъ образованныя. Германія ничтожна, если эти государства остаются разъединенными, но она можетъ представить грозную силу въ случаѣ тѣснаго союза между ними. Но объединить и связать ихъ можетъ лишь общая опасность, а для поддержанія союза требуется желѣзная рука. Возможность подобнаго союза составляетъ предметъ постоянныхъ опасеній сосѣдей Германіи, а вестфальскіе договоры имѣли главною цѣлью—сдѣлать его невозможнымъ. Они возводятъ въ имперскій законъ антагонизмъ, такой же старый какъ и сама имперія [7]).

Какъ бы далеко ни заглядывали мы въ исторію—сѣверъ и югъ Германіи всегда враждуютъ, всегда разъединены. Это несогласіе проявляется во всѣхъ видахъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, сѣверъ принимаетъ протестантизмъ, а югъ остается католическимъ; и съ 1648 года мы видимъ въ Германіи *союзъ католиковъ* [8]) и *союзъ евангелическій* [9]), которые оффиціально дѣлятъ между собою имперію. Австрійскій домъ стремился въ видахъ под-

---

[7]) «Во времена заключенія вестфальскихъ трактатовъ тѣ, кто принимали въ этомъ дѣлѣ главнѣйшее участіе, нашли, что существенный пунктъ для равновѣсія въ Европѣ составляютъ права и преимущества, доставленныя имперскимъ государямъ и государствамъ для того, чтобы воспрепятствовать сліянію германскаго союза съ вѣнскимъ дворомъ, что̀ представило бы несомнѣнно серьезную опасность для всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ». *Instructions du duc de Richelieu*, 1725. *Recueil*, t. I. *Autriche*, p. 208.

[8]) Наслѣдственныя владѣнія австрійскаго дома, Богемія, Баварія, часть Швабіи и Франконіи, епископства.—[9]) Бранденбургъ-Пруссія, Саксонія, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Гессенъ, Виртембергъ.

держанія своего господства къ единству религіи: въ 1530 году, протестанты образовали противъ него Шмалькальденскую лигу. Потерпѣвъ пораженіе на этой почвѣ, Австрія пытается управлять Германіей, сосредоточиваясь въ ней: въ 1785 г. тѣ же государства, въ видахъ оказанія ей противодѣйствія, образуютъ *конфедерацію князей*,—новая попытка созданія *сѣверо-германской конфедераціи*, которая сдѣлается господствующею задачей прусскихъ политиковъ и главнымъ рычагомъ Пруссіи въ ея широкомъ планѣ завладѣнія Германіей. Но въ тѣ времена, не будучи еще въ силахъ поглотить ее, Пруссія защищаетъ и отстаиваетъ ея вольности противъ Австріи: это—вѣрнѣйшее средство для ослабленія австрійскаго дома и устраненія его власти.

Второстепенныя государства не любятъ ни Пруссіи, ни ея воинственнаго правительства, ни ея властолюбивой политики, ни надменности ея духа, ни настойчивости притязаній; но она нужна имъ для отпора Австріи: они пользуются Пруссіей и поддерживаютъ ее въ ея стараніяхъ разъединить имперію. Ничего не опасаются они такъ сильно, какъ мира и согласія между Австріей и Пруссіей, соглашенія ихъ честолюбивыхъ замысловъ для полюбовнаго раздѣла Германіи. Мелкія государства держатся за имперскую конституцію, потому что она обезпечиваетъ имъ и существованіе и автономію, но, полагая, что отстаиваютъ эту автономію, они безсознательно и не менѣе успѣшно чѣмъ Австрія и Пруссія работаютъ надъ ея уничтоженіемъ. Двѣ страсти господствуютъ у германскихъ государей: духъ автономіи и алчность! И та и другая сводятся къ эгоизму, который и руководитъ ихъ образомъ дѣйствій. Каждый заботится исключительно о себѣ, и Германія ускользаетъ ото всѣхъ. Въ особенности же ускользаетъ она отъ обѣихъ крупныхъ державъ: Пруссіи и Австріи. Въ своихъ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ славянъ, онѣ ищутъ лишь новыхъ силъ для захвата Германіи, а въ преобладаніи Германіи видятъ средство для господства въ цѣлой Европѣ. Мелкія государства подражаютъ имъ по мѣрѣ силъ. Гвельфъ сдѣлался англійскимъ королемъ; саксонецъ былъ королемъ польскимъ. Всѣ стремятся къ королевской коронѣ и изыскиваютъ за предѣлами имперіи средства управлять этой имперіей, и въ особенности раздроблять ее. Имъ кажется, что для сдерживанія Австріи и Пруссіи всего цѣлесообразнѣе подражать имъ, то есть увеличивать свое могущество и расширять предѣлы своихъ владѣній.

Такимъ образомъ они стремятся къ образованію нѣсколькихъ среднихъ государствъ, уравновѣшивающихъ другъ друга и составляющихъ, вмѣстѣ взятыя, противовѣсъ двумъ крупнѣйшимъ державамъ. Они не замѣчаютъ, что, упрощая Германію, облегчаютъ ея подчиненіе. Поглощеніе однихъ государствъ другими шло своимъ чередомъ и силою своего принципа раз-

рушало систему пресловутыхъ вѣнскихъ трактатовъ. Честолюбиво-алчныя поползновенія были всеобщими, и опасности, съ ними сопряженныя, не устрашали даже и самихъ духовныхъ владѣтелей. «Кельнскій епископъ, передаетъ Фридрихъ II, надѣлъ на свою голову столько митръ, сколько могъ себѣ присвоить». Свѣтскіе государи вели постоянныя рѣчи о секуляризаціяхъ. Въ 1778 г. въ рейнскихъ провинціяхъ разнесся слухъ о томъ, что Пруссія позволитъ Австріи овладѣть Баваріей, и что въ вознагражденіе за это Австрія предоставитъ ей епископства: мюнстерское, гильдесгеймское и падерборнское. Король прусскій желалъ овладѣть Саксоніей, а герцогъ брауншвейгскій—Ганноверомъ. Мирабо писалъ въ 1786 году: «Единственное, ясно выраженное мнѣ герцогомъ, желаніе заключалось въ отдѣленіи курфиршества ганноверскаго отъ англійской монархіи и въ секуляризаціи нѣкоторыхъ земель, которыя могли бы со временемъ служить эквивалентомъ для Саксоніи». Эти слухи дѣлались періодическими въ годы, предшествовавшіе революціи. Фридрихъ резюмировалъ положеніе Германіи въ слѣдующемъ краткомъ изреченіи: «Слабые были рабами, сильные—свободными». Германія стремилась, такъ сказать, пожрать сама себя.

Французская революція смутила и еще сильнѣе возбудила страсти германскихъ государей, но не измѣнила ихъ характера. Она грозила самому ихъ существованію: однако они усмотрѣли въ ней лишь случай привести въ исполненіе свои замыслы, относительно расширенія своихъ владѣній и своей независимости. Въ началѣ кризиса Австрія и Пруссія возымѣли претензію защищать Германію отъ общаго врага: они принялись за это дѣло такъ, что Германія стала бояться ихъ несравненно болѣе, чѣмъ самого врага. Впрочемъ онѣ не замедлили проявить соперничество и разладъ; преслѣдуя каждая лишь собственную выгоду, онѣ кончили тѣмъ, что предоставили Германію ея собственной судьбѣ, т. е. раздѣлу и завоеванію. Пруссія первая подала примѣръ отступничества: нарушивъ союзъ, она уничтожила то, что еще уцѣлѣло отъ священной имперіи, отдѣливъ линіей нейтралитета сѣверо-германскія государства отъ южныхъ, что́ было, въ сущности, новымъ планомъ *сѣверной конфедераціи*; она санкціонировала начало распаденія Германіи, согласившись на уступку лѣваго берега Рейна, подъ условіемъ вознагражденія путемъ секуляризаціи церковныхъ земель, лежащихъ на правомъ берегу Рейна. Австрія противилась этому довольно долго, но въ концѣ концовъ уступила.

Что касается мелкихъ государствъ, то они не дожидались ратификаціи Австріи, чтобы послѣдовать примѣру Пруссіи [10]). Они послѣдовательно

---

[10]) Договоры и конвенціи: 28 августа 1795 г. съ Гессенъ-Касселемъ, 25 сентября 1795 г. съ Виртембергомъ, 25 іюня 1796 г. съ Баденомъ, 27 іюля

вступали въ договоры съ республикой. По теоріи, сеймъ оставался единою компетентною инстанціей и, подписывая договоры о мирѣ или о перемиріяхъ, нѣмецкіе государи оговаривали согласіе имперіи. Но послѣ того, какъ главные члены имперіи приняли на себя отдѣльныя и независимыя обязательства, ратификація сейма сдѣлалась простою формальностью. Нѣмецкіе государи вели переговоры о мирѣ такъ же, какъ вели и военныя операціи. Ихъ взаимное недовѣріе помѣшало имъ въ дѣлѣ самозащиты, алчность заставила ихъ грабить одинъ другого. Война повлекла за собою пораженіе имперіи, миръ привелъ къ ея распаденію.

Дѣло въ томъ, что каждый давно намѣтилъ свою долю: французамъ пришлось только распредѣлять эти доли. Подъ вліяніемъ мощнаго импульса республики, и въ особенности Бонапарта, Германія испытала кризисъ, въ которомъ всѣ оппозиціонные элементы, въ ней содержавшіеся, пришли въ нѣкотораго рода броженіе. Имперія была потрясена отъ вершины до основанія; но ни республика, ни Бонапартъ не создали причинъ этой революціи: они нашли ихъ готовыми въ Германіи и только ускорили ихъ дѣйствіе. Вотъ почему это необычайное дѣло было въ сущности весьма нетруднымъ: оно сводилось на торговую и статистическую операцію. Чтобы властвовать надъ нѣмецкими государями, Франціи стоило только предоставить ихъ ихъ собственнымъ алчнымъ поползновеніямъ. Уступка лѣваго берега Рейна, сдѣланная республикѣ герцогомъ Виртембергскимъ, доставила ему взамѣнъ званіе электора и цѣлый округъ вольныхъ городовъ и аббатствъ, вдвое обширнѣе того, что было имъ уступлено. Въ 1805 г. этотъ герцогъ, получивъ извѣстіе о прибытіи французовъ, съ негодованіемъ протестовалъ противъ вторженія въ свои владѣнія. «Я дамъ отпоръ этому разбою»! сказалъ онъ офицеру, присланному Наполеономъ для заключенія съ нимъ сдѣлки. Офицеръ просилъ его успокоиться; герцогъ успокоился весьма быстро и въ концѣ разговора шепнулъ французу, что «нѣкоторыя сосѣднія владѣнія стѣснительны для его государства, что если бы онъ пріобрѣлъ ихъ въ собственность и если бы его герцогство возведено было на степень королевства, то все могло бы устроиться. И дѣйствительно все устроилось. Этотъ герцогъ, котораго революція застала съ 650.000 подданныхъ, увидѣлъ себя при Наполеонѣ королемъ 1.350.000. Правда, что тѣмъ временемъ исчезла священная имперія. Когда въ 1806 г. Наполеонъ рѣшилъ ея разрушеніе, достаточно было объявить объ этомъ: фактически она давно перестала существовать.

1796 съ Швабскимъ округомъ, 7 августа 1796 съ Франконскимъ округомъ, 22 августа 1796 съ Баденомъ, 7 сентября 1796—съ Баваріей.

II.

Въ конституированной такимъ образомъ имперіи, государства были всѣмъ, а сама германская нація не имѣла ни малѣйшаго значенія. Отечества не было, партій не существовало; ихъ замѣняли соперничествующія династіи. Во время войнъ семнадцатаго вѣка, кто не австріецъ и не испанецъ, тотъ шведъ, французъ, даже англичанинъ. И тѣмъ не менѣе среди этой разладицы, въ умахъ присутствуетъ смутное чувство единства. Оно проявляется въ воспоминаніяхъ о темномъ, далекомъ прошломъ и порываніяхъ къ иному неопредѣленному еще будущему; однимъ словомъ, національный инстинктъ тлѣетъ подъ пепломъ и ищетъ исхода. Сосѣди Германіи сознавали присутствіе этой еще не организовавшейся силы и эта сила уже и тогда внушала имъ опасенія. «Кому неизвѣстно», писалъ одинъ современникъ Ришелье [1]), «что если разъединенная испанцами Германія захочетъ объединиться и нѣмцы устанутъ помогать врагу и проливать за него кровь ради порабощенія собственной родины, то всѣ трофеи, воздвигнутые этимъ врагомъ, разлетятся въ клочья, а десятилѣтнее процвѣтаніе сведется къ нулю». Людовикъ XIV сдѣлалъ такой опытъ въ ущербъ Франціи, и восемнадцатый вѣкъ начался подъ впечатлѣніемъ грозныхъ войнъ, въ которыхъ, по выраженію Флешье [2]), «Германія, это обширное и громадное государственное тѣло, составленное изъ столькихъ народовъ и націй, развернула всѣ свои знамена и двинулась на наши границы, чтобы подавить насъ своей силой, послѣ того какъ устрашила насъ своей многочисленностью».

Несмотря на то, что нѣмцы были распредѣлены между столькими соперничествующими династіями, они сохранили и развивали свой народный духъ. «Это обширное государство», писалъ Вольтеръ, не имѣетъ внѣшняго могущества, но оно одарено внутреннею силой, потому что народъ въ немъ всегда былъ трудолюбивъ и воинственъ». Нѣмцы славились своею дисциплиной, которая дѣлала ихъ въ высшей степени пригодными для военной службы. «Господствующая черта у нѣмецкой націи—страсть къ войнѣ, писалъ нѣмецъ Бильфельдъ; они готовы ради нея пожертвовать всѣмъ, даже своею свободой». Множество нѣмцевъ нанималось въ военную службу; нѣкоторые же государи продавали своихъ подданныхъ цѣлыми полками. Они сражались подъ всѣми знаменами и на всѣхъ поляхъ сраженія; но тѣмъ не менѣе они не забыли, что въ былыя времена нѣмцы проливали кровь ради самой Германіи, покрывали себя славой, дѣлали обширныя за-

---

[1]) Balzac, *Le Prince,* ch. XXXI.

[2]) *Oraison funèbre de Turenne.*

воеванія, приносили домой богатую добычу, устрашали сосѣдей и наполняли міръ громомъ своего могущества. Малая доля престижа, сохраненнаго имперіей, и остатки прежней славы, связанныя съ именемъ германцевъ, представляли собою лишь отблескъ прежняго величія. Сеймъ былъ смутнымъ символомъ этого прошлаго. Во Франкфуртѣ сохранилось нѣчто въ родѣ историческаго музея старой Германіи и его отъ времени до времени выставляли напоказъ народу во время празднествъ, по случаю коронованія императоровъ: эти празднества поддерживали традицію. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Германія замѣтно пробуждается. Слова *отечество*, *патріотъ* появляются въ дипломатическихъ документахъ и манифестахъ. Патріотическое чувство очевидно существуетъ, если на него ссылаются. Даже тѣ, кто спѣшитъ подѣлить Германію, прикидываются ея защитниками и кичатся ролью покровителей ея независимости. Въ 1740 г., когда австрійскій престолъ остался свободнымъ, это служитъ аргументомъ врагамъ Маріи-Терезіи. «Слышится бурный ропотъ,—пишетъ одинъ венеціанскій посланникъ,—говорятъ, что нація не должна быть управляема женщиной и что общій интересъ требуетъ избрать нѣмецкаго государя». Фридрихъ, въ письмѣ къ баварцу Карлу VII, хвалится, что онъ «добрый и вѣрный нѣмецкій патріотъ».

Патріотизмъ этотъ выражается преимущественно въ соперничествѣ, недовѣріи и ненависти къ французамъ. «Будьте осторожны»,—говоритъ Фридрихъ посланнику Людовика XV, Валори, «единственное, что можетъ повредить вашему другу, курфирсту баварскому, это его сношенія съ вами». Когда Фридрихъ завладѣлъ Силезіей и желалъ оправдать этотъ поступокъ въ глазахъ своихъ товарищей, нѣмецкихъ государей, онъ обращался къ ихъ патріотическому чувству. «Въ Ганноверѣ, въ Майнцѣ и Ратисбоннѣ слѣдуетъ говорить, что этого требуетъ патріотизмъ и что я желаю поддерживать имперію», пишетъ онъ своему посланнику. Марія-Терезія отвѣчаетъ тѣмъ же оружіемъ, и когда въ 1742 г. она пытается возбудить нѣмцевъ противъ французовъ, находившихся въ Богеміи, она восклицаетъ: «Доколѣ будутъ допускать чужеземца попирать землю дорогого германскаго отечества? Не теперь ли настала минута освободить родину отъ вѣковаго гнета?» Призывъ былъ услышанъ: чѣмъ ревностнѣе возбуждаетъ Марія-Терезія противъ Франціи, тѣмъ благожелательнѣе относятся къ ней нѣмцы. Фридрихъ находилъ нужнымъ защищать имперію, заключая союзъ съ Франціей, ради завоеванія Силезіи; но для того, чтобы получить ратификацію своего завоеванія со стороны нѣмцевъ, онъ внезапно покидаетъ французовъ и объясняетъ свою измѣну тѣмъ же мотивомъ: интересомъ Германіи.

Такова классическая игра союзниковъ Франціи въ Германіи. «Моихъ подданныхъ истощаютъ поборами, которыхъ не имѣютъ никакого права съ

меня требовать», пишетъ герцогъ виртемберскій въ 1745... Г. маркизъ д'Аржансонъ сказалъ вамъ, что Швабія до такой степени ненавидитъ французовъ, что если бы могла перерѣзать ихъ всѣхъ, то не замедлила бы это сдѣлать». Въ то же время Фридрихъ говорилъ маркизу Валори: «Вы боитесь связываться съ Германіей, любезные друзья,... будьте увѣрены, что на другой же день по переходѣ вашихъ войскъ черезъ Рейнъ, большая часть Германіи будетъ противъ васъ».

Съ теченіемъ времени эти тенденціи мало-по-малу выясняются; нѣмецкіе государи эксплуатируютъ ихъ въ свою пользу, но никому не удавалось это въ такой мѣрѣ, какъ Фридриху II. Въ 1769 году, послѣ Семилѣтней войны, въ которой Франція такъ безразсудно жертвовала своей славой и своими интересами ради нелѣпой идеи возвращенія Силезіи Маріи-Терезіи, австріецъ и пруссакъ, желая унизить Францію и не довольствуясь тѣмъ, что обманули ее, примиряются и приходятъ къ соглашенію въ ущербъ Франціи, и средствомъ къ тому служитъ «система германскаго патріотизма». Они соперничаютъ другъ съ другомъ въ дѣлѣ утонченнаго патріотизма, и это потому, что слово это имѣетъ магическое дѣйствіе: употребляя его во-время и кстати, можно расчитывать быть выслушаннымъ всею Германіей.

Какъ странна и необычайна исторія прусскаго дома! Германское національное чувство и стремленіе къ независимости пробуждены были въ наиболѣе значительной степени главою наименѣе нѣмецкаго государства Германіи, государемъ, наиболѣе чуждымъ германской цивилизаціи и германскимъ традиціямъ, какъ по своимъ склонностямъ и характеру, такъ и по своему воспитанію. У Пруссіи было не мало враговъ; Росбахъ навербовалъ ей повсюду сторонниковъ. Забыто было, что большинство бѣглецовъ во время этого пресловутаго погрома были нѣмцы; достаточно было того, что другіе нѣмцы обратили ихъ въ бѣгство, чтобы гордиться славнымъ днемъ, какъ однимъ изъ капитальныхъ событій исторіи. Къ тому же европейскій престижъ окружалъ короля-философа: ему усердно льстили самые выдающіеся умы того вѣка, и политическіе дѣятели признавали превосходство его правленія. Онъ поднималъ значеніе Германіи и въ глазахъ Европы и въ ея собственномъ мнѣніи. Гёте разсказываетъ, что строгая критика «единственнаго въ своемъ родѣ человѣка, человѣка, очевидно превышавшаго всѣхъ своихъ современниковъ», впервые внушила ему мысль о несправедливости общественнаго мнѣнія. «Я стоялъ за Пруссію, — говоритъ онъ,—или, вѣрнѣе, за Фридриха. Какое намъ дѣло до Пруссіи? Насъ восхищала личность ея государя. Я вмѣстѣ съ отцемъ радовался нашимъ побѣдамъ». Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Семилѣтней войны, онъ возвращается къ этой мысли и съ гордостью указываетъ на Фридриха, «опираю-

щагося на собственную силу и продолжающаго являться третейскимъ судьею Европы и цѣлаго міра». Популярность эта распространялась и за океаномъ; одинъ французскій агентъ писалъ въ 1766 г. по поводу нѣмцевъ, служившихъ въ Америкѣ: «они боготворятъ прусскаго короля [3])». Въ этомъ-то и заключалась истинная основа прусскаго величія: вопреки многимъ и глубокимъ несогласіямъ, разъединявшимъ ихъ во внутреннихъ дѣлахъ имперіи, нѣмцы ссылались на его побѣды предъ иностранцами и привыкали связывать мысль о его могуществѣ съ чувствомъ своей возрождавшейся національной гордости.

«Патріотическая система» и прусская партія становились почти синонимами на языкѣ дипломатическихъ канцелярій [4]). *Конфедерація государей* давала осязательную форму этимъ тенденціямъ. Обсуждались проекты федеральной реформы, искали способовъ возвратить имперіи утраченную силу, посредствомъ измѣненій въ ея конституціи. Нѣмцы старой Германіи, и во главѣ ихъ Гарденбергъ и Штейнъ, служили Пруссіи и страстно увлекались планами будущаго, лучшаго устройства [5]). Фридрихъ-Вильгельмъ II искалъ въ этой политикѣ возможности выдержать тяжелую роль, выпавшую на его долю [6]). «Король,—писалъ Мирабо,—возымѣлъ мысль и надежду сдѣлаться великимъ человѣкомъ, превратившись въ кровнаго нѣмца и дразня такимъ образомъ французское превосходство». Апологеты короля прославляли его по этому поводу. Одинъ изъ нихъ писалъ въ 1789 г.: «Насколько презирали Германію, когда она была разъединена, когда политика ея сосѣдей сѣяла въ ней раздоры и безпорядки,—настолько сдѣлалась она могущественна, благодаря прусскому покровительству и настолько сдѣлался желательнымъ союзъ съ нею [7]).

И противники и сторонники Пруссіи, всѣ объявляютъ себя патріотами, указываютъ на опасность, грозящую отъ раздробленія Германіи, и требуютъ реформъ. Ко времени 1789 года это является главною темою политическихъ брошюръ, которыми начинаютъ кишѣть оба берега Рейна [8]).

---

[3]) C. de Witt, *Jefferson*, p. 410.

[4]) Въ одной инструкціи, данной французскому уполномоченному при сеймѣ въ 1772 г., читаемъ: «Необходимо отличать тѣхъ, кого принято называть министрами-наушниками Австріи отъ тѣхъ, кто держится патріотической системы. Вы скоро научитесь отличать кліентовъ австрійскаго дома отъ кліентовъ Берлина».

[5]) Ranke, *Die deutschen Mächte und das Fürstenbund*; *Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*, Leipzig, 1877. Pertz, *Leben des Ministers Freiherrn von Stein.*

[6]) Фридрихъ II умеръ 17 августа 1786. Его племянникъ наслѣдовалъ ему подъ именемъ Фридриха-Вильгельма II.

[7]) Trenck, *Examen de l'histoire secrète de la cour de Berlin.*

[8]) «*Немножко патріотизма въ германской имперіи*», *Нѣмца*, 1788. Авторъ—

Даже самъ Іосифъ II лелѣетъ мечту о возстановленіи великой имперіи. Австрія и Пруссія должны совершить это дѣло соединенными усиліями. «Развѣ онѣ не принадлежатъ къ одной и той же національности? Развѣ у нихъ не общій языкъ»? Изъ всего этого онъ заключалъ, что онѣ должны раздѣлить между собою господство и надъ Германіей и надъ цѣлымъ міромъ.

Противорѣчіемъ такому настроенію общественнаго мнѣнія являлись отношенія между Германіей и Франціей. Авторъ *Политическихъ учрежденій* Бильфельдъ, становясь на французскую точку зрѣнія, объявлялъ, что планъ завоеванія рейнской границы внушенъ Франціи «самой мудростью», но, принимая во вниманіе интересы Германіи, находитъ, что «важнѣйшимъ дѣломъ имперской политики» должно быть противодѣйствіе этому плану. «Если справедливо», замѣчаетъ онъ, «что Франція ищетъ расширенія своего господства до береговъ Рейна, то германскій союзъ долженъ употребить всѣ свои усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать Франціи расширять свои предѣлы въ эту сторону и стараться сохранить вещи, по крайней мѣрѣ, въ ихъ настоящемъ положеніи». Впрочемъ, прибавляетъ этотъ писатель, Франція нѣкоторымъ образомъ обезпечиваетъ нѣмецкія вольности; безъ ея вліянія эти вольности давно сдѣлались бы «отвлеченнымъ понятіемъ». Изъ этого онъ заключаетъ, что нѣмцы должны «весьма бережно» относиться къ Франціи, избѣгать вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, но, съ другой стороны, и «не терпѣть вмѣшательства версальскаго двора во внутреннія дѣла Германіи и похищенія имъ какой бы то ни было частицы ея территоріи». Въ такомъ именно смыслѣ объяснялся съ Мирабо въ 1786 г. герцогъ Брауншвейгскій: «онъ неоднократно повторялъ мнѣ, что вся протестантская Германія и значительная часть остальной будутъ за Францію, если она успокоитъ германскій союзъ относительно своихъ намѣреній».

Однако германскій союзъ не ограничивается требованіемъ гарантій и обезпеченій, онъ заявляетъ и притязанія. Въ сущности эти притязанія не новы, но они возникаютъ вновь съ развитіемъ германскаго патріотизма и распространяются среди нѣмцевъ одновременно съ воспоминаніемъ о быломъ могуществѣ Германіи. Нѣмецкіе законники и ученые преслѣдовали ту же цѣль, какъ и легисты французскихъ королей; ихъ архивы, не менѣе парижскихъ, богаты документами, касающимися правъ и интересовъ Германіи. Это, въ иномъ видѣ, вѣковая тяжба о наслѣдіи Карла Вели-

---

противникъ Пруссіи и конфедераціи государей.—*Соображенія по поводу сейма*», 1789.—*Соображенія по поводу свободы и благоденствія Германской имперіи и средствъ возстановленія ея значенія*, *Патріота*, 1789. *Свободныя замѣтки по поводу германскаго законодательства*, 1790. См. Haeussser, liv. II, ch. II.

каго, вѣчное требованіе возстановленія пресловутой Австразіи. «Нѣмецкіе публицисты», писалъ Фавье [9]), «не менѣе французскихъ юрисконсультовъ ничего не хотятъ знать объ отреченіи. Въ Германіи притязанія эти вѣчны и несокрушимы». Нѣмцы дѣйствительно никогда не переставали требовать возвращенія того, что у нихъ взяли, и даже того, что добровольно уступали сами, въ награду за оказанныя имъ услуги.

Тѣ самые государи, которые поспѣшили уступить Франціи Эльзасъ и всѣ три епископства, для обезпеченія независимости своей отъ австрійскаго дома, выказали наибольшее усердіе въ поддерживаніи стремленій этого дома ограничить и, если возможно, уничтожитъ права французскаго короля на эти территоріи. Въ 1709 г., когда побѣжденный европейскою коалиціей Людовикъ XIV, казалось, готовъ былъ на капитуляцію, а Франція, занятая чужеземцами, находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи, они явились наиболѣе алчными на добычу, которую считали почти вѣрной [10]). «Нѣкоторые ученые, замѣчательные скорѣе своей эрудиціей, чѣмъ здравымъ смысломъ и проницательностью,—писалъ Бильфельдъ,—увѣряли, что Турція и Франція—наслѣдственные враги германцевъ. Они внушили это воззрѣніе юношеству, а такъ какъ школьные предразсудки весьма трудно искоренимы, то это воззрѣніе перешло въ поговорку; австрійскій же домъ нашелъ для себя выгоднымъ поддерживать этотъ предразсудокъ» [11]).

Франціи извѣстно было о такомъ настроеніи, и она не упускала его

---

[9]) *Doutes et questions sur le traité de* 1756. Онъ прибавляетъ: «За исключеніемъ вѣнскихъ договоровъ». Такое исключеніе могло показаться простою ироніей. Легисты австрійскаго дома были не менѣе своихъ иностранныхъ коллегъ свѣдущи по части старинныхъ правъ, не менѣе изобрѣтательны и остроумны. Раздѣлъ Польши и дѣло о баварскомъ престолонаслѣдіи болѣе чѣмъ достаточно доказали это. См. *Question d'Orient au dix-huitième siècle*, Himly, t. II, p. 168.

[10]) Сеймъ требовалъ Лотарингію, Эльзасъ, три епископства, Франшъ Конте и полосу земли вокругъ Франціи: «въ такихъ, приблизительно, словахъ выражалось собраніе грубыхъ, невѣжественныхъ народовъ, поощренное неожиданными благами, доставленными имъ союзниками, безъ сколько-нибудь значительнаго участія Имперіи». *Journal inédit de Torcy*, publié p. Masson, p. 73. Это—предвѣстники дѣлежа добычи въ 1815 г. См. *Traité du 20 novembre 1815*, Paris 1872.

[11]) *Institutions politiques*, t. III, ch. VIII. Въ *Завѣщаніи Алберони* читаемъ: «Епископства, Эльзасъ и Страсбургъ, притязанія сестры короля на Палатинатъ и притязанія Палатъ возсоединенія — вотъ предметы постоянныхъ неудовольствій противъ Франціи».—«Система завоеваній Людовика XIV испугала нѣмецкихъ государей и внушила имъ недовѣріе къ поручительницѣ до такой степени, что Францію стали причислять къ категоріи наслѣдственныхъ враговъ Германіи». Инструкціи французскаго уполномоченнаго при германскомъ сеймѣ 1772.

изъ вида въ своей политикѣ. Необходимо было принимать въ соображеніе этого рода патріотизмъ нѣмецкихъ государей, и тѣмъ болѣе серьезно, что онъ не только не умѣрялъ ихъ традиціонной алчности, но постоянно доставлялъ къ ней новые поводы. Слѣдовало ожидать, что если придется съ ними торговаться, они если и не окажутся неприступными, то, во всякомъ случаѣ, будутъ болѣе требовательны по вопросу о вознагражденіяхъ. Отнынѣ, для согласія ихъ на новую территоріальную уступку, потребуется не одно матеріальное, но и нравственное вознагражденіе: придется не только заплатить за уступаемыя земли, но и за то дискредитированіе, которое повлекъ бы за собою для нихъ договоръ съ наслѣдственнымъ врагомъ имперіи. Вознагражденіе должно быть соразмѣрно жертвѣ. Притязанія ихъ неминуемо будутъ возрастать съ развитіемъ патріотизма, и для того, чтобы получить отъ нихъ нѣсколько полосокъ земли на германской окраинѣ, пришлось бы предоставить имъ расширять предѣлы свои въ самомъ сердцѣ имперіи. То были для проницательныхъ дипломатовъ соображенія большой важности. Совѣтники Людовика XVI были проникнуты ими и видѣли въ нихъ серьезные мотивы настаивать на принятой ими системѣ умѣренности.

Къ 1789 году эта система принесла уже свои, дѣйствительно благіе, плоды; можно сказать, что никогда еще отношенія между Франціей и Германіей не были такъ прочно установлены, такъ благопріятны и для общаго мира, и для интересовъ самой Франціи, какъ именно въ это время. Прирейнскія государства искали ея покровительства, находились подъ ея вліяніемъ и вообще расположены были слѣдовать ея совѣтамъ [12]). Враждебнымъ оставался одинъ кельнскій курфирстъ; это былъ австрійскій эрцгерцогъ, братъ королевы. Король не только находилъ союзниковъ и кліентовъ въ этой области, но даже вербовалъ тамъ войска. Младшіе сыновья лучшихъ домовъ, а нерѣдко и наслѣдники престоловъ считали за честь служить Франціи. Тѣмъ не менѣе не слѣдовало слишкомъ сильно полагаться на ихъ сердечное расположеніе. Нѣмецкій патріотизмъ, дозволявшій имъ все принимать, повелѣвалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все забывать. Такъ полагалъ, напримѣръ, Людовикъ Баварскій, родившійся въ Страсбургѣ [13]),

---

[12]) «Майнцскій курфирстъ прекрасно держитъ себя по отношенію къ Франціи. Трирскій—желалъ бы быть французомъ. Кёльнскій ненавидитъ Францію и французовъ. Цвейбрюкенскій привязанъ къ Франціи искренно: изъ благодарности и расчета. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій терпѣть не можетъ Франціи. Люттихскій князь-епископъ привязанъ къ Франціи». *Résumé de l'état actuel* etc. par Gérard de Rayneval, 1787. (Архивъ франц. министерства иностранныхъ дѣлъ).

[13]) Максимиліанъ-Іосифъ, род. въ 1756 г. Людовикъ XVI, какъ говорили, уплатилъ его долги, доходившіе до 945000 ливровъ. Онъ эмигрировалъ во

гдѣ отецъ его командовалъ французскимъ полкомъ. Людовикъ XVI былъ его воспріемникомъ, Франція спасла въ 1779 г., на тешенскомъ конгрессѣ, его наслѣдіе, а позднѣе, по милости Наполеона, оно превратилось въ королевство. Въ 1806 г. онъ пріѣхалъ въ Эльзасъ и униженно привѣтствовалъ императрицу Жозефину: сестра его выходила замужъ за ея брата, принца Евгенія Богарне. Но если онъ, какъ царедворецъ, усердно гнулъ спину, то патріотъ тайно протестовалъ въ немъ, и между двумя посѣщеніями своихъ покровителей, нѣмецкій принцъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Для меня было бы наилучшимъ праздникомъ, если бы этотъ родной городъ мой снова сталъ когда-нибудь нѣмецкимъ городомъ!»

Франція нашла *конфедерацію государей* благопріятной для своей политики комбинаціей; такъ оно и должно было быть до тѣхъ поръ, пока она держалась своей роли державы-поручительницы за вестфальскіе трактаты. Но если Франція захочетъ дѣлать завоеванія въ Германіи, эта конфедерація, образовавшаяся почти подъ ея покровительствомъ, превратится въ грозный союзъ противъ французовъ. Въ этомъ заключается одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ плана федеральной реформы, волновавшаго Германію въ 1787 и 1788 годахъ. Въ письмѣ къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму II, герцогъ Саксенъ-Веймарскій, по поводу того же плана, извѣщалъ его о надеждѣ на присоединеніе къ ихъ лигѣ швабскаго округа: «Это доставило бы намъ немаловажныя силы (Швабія могла доставить до 30000 солдатъ), которыя присоединились бы къ верхне и нижне-рейнскимъ войскамъ. Все это, вмѣстѣ взятое, подкрѣпленное англійской, ганноверской и гессенской кавалеріей и артиллеріей, составило бы грозный корпусъ для защиты прирейнскихъ земель противъ Франціи. Маркграфъ Баденскій, весьма сочувствующій этому проекту, не дастъ устрашить себя могущественному сосѣду; онъ работаетъ надъ планомъ защиты, основанномъ на выше указанныхъ началахъ».

Таковы были заботы нѣмецкихъ государей въ то время, когда Франція всего менѣе безпокоила ихъ и когда они выказывали наибольшую готовность къ союзу съ нею. Не зная этихъ государей, невозможно было бы объяснить ни странныхъ эволюцій ихъ политики, ни неудачъ, которымъ подверглась французская политика, расчитывая на ихъ благодарность, послѣ того, какъ спекулировала на ихъ алчность. «Наша политика,—съ ядовитой ироніей писалъ Форстеръ въ 1791 г.,—заключается въ томъ, чтобы всѣхъ обманывать, вести со всѣми переговоры и никогда не держать

время революція. По смерти брата сдѣлался герцогомъ Цвейбрюкенскимъ, въ 1795 г., а по смерти двоюроднаго брата—курфирстомъ баварскимъ, въ 1799. Королемъ сдѣлался въ 1806. Сынъ его Людовикъ родился въ Страсбургѣ, въ 1786, наслѣдовалъ ему въ 1825.

своего слова. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока будутъ придавать намъ какое-нибудь значеніе». Такимъ-то образомъ создала Пруссія восемнадцатаго столѣтія прецедентъ измѣнъ девятнадцатаго. Такимъ-то образомъ, послѣ того, какъ гнули спину передъ Франціей, съ цѣлью полученія доли въ великомъ дѣлежѣ германскихъ территорій, эти государи повернули противъ нея тѣ самыя силы, которыя она имъ доставила, какъ только убѣдились въ шаткости ея положенія. Тогда они потребовали у патріотизма санкціи для своего вѣроломства. Но патріотизмъ, къ которому взывали они въ 1813 г., былъ уже не тѣмъ своекорыстнымъ и двусмысленнымъ патріотизмомъ, которымъ они нѣкогда чванились и который высоко цѣнили лишь для того, чтобы выгоднѣе имъ эксплуатировать; это было уже искреннее, пламенное, какъ всѣ первобытныя страсти, патріотическое чувство. Громкое слово, которое при старомъ порядкѣ находило себѣ мѣсто только въ сомнительномъ словарѣ европейскихъ канцлерствъ, отнынѣ распространялось въ народныхъ массахъ, входило въ народный языкъ. Очищенное у самаго своего источника, оно получало свой первоначальный смыслъ, становилось естественнымъ выраженіемъ сознанія великой націи. Теперь выступалъ въ поле самъ нѣмецкій народъ, грозная сила, существованія которой почти не подозрѣвали въ прежнее время и вмѣшательство которой должно было измѣнить всѣ условія для французской политики въ Европѣ. А между тѣмъ именно Франція, по странному слѣдствію собственной революціи, нѣкоторымъ образомъ возбудила эту силу во вредъ себѣ самой.

III.

При поверхностномъ взглядѣ, Германія 1789 года представляетъ зрѣлище, довольно сходное съ тѣмъ, которое видимъ во Франціи. И въ Германіи замѣчается та же смутная тревога умовъ, тотъ же оптимистическій энтузіазмъ, отвращеніе отъ настоящаго и вѣра въ лучшее будущее; та же склонность къ универсализму въ идеяхъ, тѣ же гуманитарные порывы и тѣ же стремленія къ радикальному и раціональному преобразованію общественнаго строя; то же отсутствіе узаконенной свободы и та же фактическая свобода въ преніяхъ, книгахъ и брошюрахъ [1]); наконецъ, такая же оппозиція установленнымъ правительствамъ, выражающаяся въ декламатор-

[1]) Мирабо въ своей *Прусской монархіи* писалъ: «Легальной свободы мысли здѣсь нѣтъ нигдѣ; но почти вездѣ можно обсуждать, по крайней мѣрѣ теоретически, всякій теологическій, философскій, экономическій и политическій вопросъ. Позоръ ожидалъ того, кто желалъ бы подавить силою или карать свободу мысли. Государи и писатели сдерживаютъ другъ друга».

ской формѣ [2]). Но если заглянуть глубже въ строй нѣмецкаго мышленія, если проанализировать національные инстинкты, они окажутся весьма отличающимися отъ французскихъ: одни и тѣ же слова имѣютъ не одинаковый смыслъ и однѣ и тѣ же идеи производятъ на умы противоположное впечатлѣніе. И это потому, что характеръ народа и условія германской соціальной жизни не имѣли ни малѣйшаго сходства съ французскими. Во Франціи, гдѣ населеніе отличалось однородностью, а правленіе было весьма централизовано, народная мысль абстрактна только по формѣ; въ сущности, она вполнѣ конкретна: французъ мыслилъ понятіями и движимъ былъ инстинктами, накопленными имъ въ теченіе восьми вѣковъ національной жизни и монархическаго воспитанія. Когда ему сказали: «верховная власть принадлежитъ народу», первымъ движеніемъ его было заключить, что «народъ—это я самъ!» И онъ представляетъ себя на тронѣ Людовика XIV. Нѣмецъ видѣлъ въ своей странѣ лишь отдѣльныхъ индивидуумовъ, раздѣленныхъ до безконечности переплетающимися перегородками; онъ перечисляетъ королей, герцоговъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, аббатовъ, гражданъ, подданныхъ, даже крѣпостныхъ, но не находитъ ни народа, ни единаго монарха. Онъ не могъ ни олицетворять ихъ, ни составлять о нихъ точнаго общаго представленія: образъ ихъ смутно рисовался въ его воображеніи, а не жилъ въ немъ. Понятіе о нихъ оставалось, въ сущности, отвлеченнымъ.

Идеи француза были, прежде всего, страстны и національны; у нѣмца самыя страсти оставались въ области умозрѣній и національное чувство было еще только теоретическимъ и литературнымъ. Духа общественности, формирующаго характеры, не существовало, политическіе нравы и традиціи, могущіе его поддерживать, отсутствовали. Мышленіе у выдающихся умовъ было свободно и мощно, но въ общемъ личность оставалась порабощенною и подавленною. «Въ Германіи», по замѣчанію г-жи Сталь, «слишкомъ много новыхъ идей и слишкомъ мало идей популярныхъ». А между тѣмъ, эти-то популярныя идеи и служатъ объединяющею, группирующею связью между людьми. Онѣ-то и образуютъ обширныя, національныя группы. Въ Германіи той эпохи существовали лишь философскія и литературныя школы, и онѣ ставятъ себѣ въ заслугу свою оригинальность, иначе говоря, свою изолированность. Къ этому ведетъ и крайняя раздробленность территоріи.

---

[2]) «Какой исходъ найти этой воинственной доблести?» писалъ Гёте по поводу возраставшаго патріотическаго энтузіазма. «Внѣшнихъ враговъ не было, и вотъ придумали тирановъ: государи и ихъ слуги олицетворяли ихъ сперва вообще, а затѣмъ, мало по малу, и въ частности... Замѣчательно, что въ стихотвореніяхъ того времени проявляется тенденція уничтоженія всякаго превосходства, монархическаго и аристократическаго». (*Мемуары Гёте*, часть II, кн. IX и часть III, кн. XII).

Нѣтъ центра, къ которому притекали бы впечатлѣнія и изъ котораго свѣтили бы обобщенныя стремленія. Все остается смутнымъ и разбросаннымъ: идеи универсальны, интересы остаются частными; страсти съуживаютъ мысль; всѣ традиціи говорятъ противъ національнаго единства. Построенія философской мысли грандіозны, мысли жалки и ничтожны.

Нѣмецъ держится за свои обычаи и гордится своимъ уваженіемъ къ нимъ. «Человѣка образуетъ обычай, обычай—его кормилецъ» [3]), говоритъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ революціи величайшій изъ энтузіастовъ и поэтовъ Германіи, наиболѣе проникнутый ученіемъ Руссо, наиболѣе пламенно стоявшій за великодушныя новшества и благородныя иллюзіи,—Шиллеръ. «Горе тому, кто смущаетъ человѣка въ его преданности старинѣ, драгоцѣнномъ наслѣдіи предковъ! Время налагаетъ на вещи своего рода санкцію; то, что̀ было почтенно въ глазахъ стариковъ, становится священнымъ для дѣтей!» Нововведенія должны согласоваться съ обычаемъ, въ противномъ случаѣ народъ не приметъ ихъ. Такое воззрѣніе есть прямая противоположность революціоннаго духа. Слѣдуя этому воззрѣнію, нѣмцы останавливаются на полдорогѣ, разсѣеваются, такъ сказать, по сосѣднимъ полямъ, между тѣмъ, какъ французы, исходя отъ одной съ ними точки отправленія и слѣдуя вначалѣ по одному съ ними пути, доходятъ до конечныхъ предѣловъ, до краевъ пропасти.

Нѣмцы сохранили религіозныя традиціи. Сами невѣрующіе относятся къ религіи съ нѣкоторымъ уваженіемъ: она составляетъ для нихъ предметъ изученія, поэзіи и всегда служитъ поводомъ для нравственнаго назиданія. Волтеріанскій скептицизмъ захватываетъ лишь верхушки общества, онъ не проникаетъ въ народную массу и въ глазахъ большинства германцевъ бросаетъ тѣнь на славу Великаго Фридриха. Антирелигіозность во Франціи предшествуетъ революціи, подготовляетъ ее и придастъ ей противохристіанскій характеръ; въ Германіи раціонализмъ становится благочестивымъ. Нѣмцы пытаются согласовать новыя идеи со своими старыми вѣрованіями. Протестантизмъ обладаетъ для этого необыкновенною гибкостью; сѣверогерманцы изучили именно въ этой великой школѣ науку благодѣтельныхъ компромиссовъ. «*Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія*», которое повлекло за собою парадоксъ гражданской конституціи духовенства, въ Германіи подало поводъ къ своего рода религіозному возрожденію. Сравните «Верховное Существо» Робеспьера съ Богомъ Шлейермахера [4]), реторику одного съ энтузіазмомъ другого, зловѣщее и комическое мертворожденіе Преріальскаго культа съ широкою эволюціей германскаго протестантизма, и вы измѣрите

---

[3]) *Валленштейнъ*, актъ I, сцена IV, 1799.

[4]) Шлейермахеръ род. въ 1768 г., напечаталъ въ 1799 г. свои *Рѣчи о религіи, обращенныя къ образованнымъ людямъ, ею пренебрегающимъ.*

все разстояніе, отдѣлявшее обѣ націи въ концѣ восемнадцатаго вѣка, и постоянно растущее уклоненіе угла, открывающееся между ними, по мѣрѣ того, какъ онѣ отдаляются отъ общей исходной точки. Такое настроеніе ума такъ свойственно нѣмцамъ, что мы встрѣчаемъ его и у нѣмцевъ-католиковъ; Іосифъ II остается на лонѣ церкви; онъ протестуетъ противъ всякаго заподозрѣванія его въ атеизмѣ или даже наклонности къ философіи. Война его противъ Рима не доставляетъ ему популярности. Нигдѣ не находимъ мы въ Германіи элементовъ государственнаго атеизма. Точно также не имѣлось въ ней и элементовъ для демократіи. Вся исторія французовъ подготовляетъ и ведетъ ихъ къ демократіи; демократія у нихъ въ нравахъ, подобно тому, какъ національное единство у нихъ въ характерѣ. Въ 1789 г. достаточно было одного декрета для того, чтобы эти начала перешли въ законы: и это потому, что, предлагая эти законы, констатировали весьма старинные факты, которые только получали такимъ путемъ окончательное утвержденіе. Въ Германіи общество такъ же разрознено, какъ и государство; въ основѣ общественнаго порядка не заложена ни аристократія, ни демократія: существуетъ одна служебная іерархія.

Общественный духъ пропитанъ провинціализмомъ, и притомъ самымъ мелкимъ и узкимъ. Когда нѣмецъ пытался составить себѣ понятіе о Германіи, она являлась въ его воображеніи безконечно раздвинутымъ маленькимъ провинціальнымъ отечествомъ. Партикуляризмъ кажется ему основою конституціи. Во Франціи, при національномъ единствѣ, существуютъ политическія партіи, рекрутирующія своихъ приверженцевъ среди всей совокупности націи; въ Германіи, при національной раздробленности, вовсе не имѣется развѣтвляющихся по всей странѣ политическихъ партій. Въ ней есть только государства, съ различными интересами и разнородною политикою. Для нѣмца политическая партія резюмируется въ государствѣ, подданнымъ котораго онъ состоитъ; политическая свобода означаетъ для него независимость этого государства. Поэтому онъ гордится всѣмъ, что расширяетъ значеніе правящей имъ династіи. Само собою разумѣется, что многимъ желательно получить болѣе совершенное управленіе; но весьма немногіе имѣютъ представленіе о такомъ правительствѣ, гдѣ они управляли бы самостоятельно. Къ тому же имъ хорошо извѣстно, что это невозможно: они слишкомъ разбросаны, слишкомъ лишены средствъ для того, чтобы взять приступомъ и овладѣть государственною властью. Государство отдѣлено отъ нихъ слишкомъ глубокими рвами и высокими стѣнами: оно ускользаетъ отъ ихъ вліянія. Впрочемъ, они не только не могутъ, но и не желаютъ такого захвата. Просвѣщеніе, преобразованія—все получено ими отъ государей. У нихъ существовали потребности, ихъ должно удовлетворять государство; они выражаютъ пожеланія, государю предостав-

ляется осуществленіе этихъ пожеланій. Они продолжаютъ возлагать всѣ свои надежды на просвѣщенный деспотизмъ, а если у деспотизма не хватаетъ просвѣщенія, то, не имѣя возможности пополнить такой пробѣлъ, они мудро рѣшаются ждать и терпѣть. Нѣмцы если и не любятъ, то уважаютъ своихъ государей. Если сердца ихъ отвращаются отъ государя, то лишь для того, чтобы обратиться къ его престолонаслѣднику, и самое недовольство становится подтвержденіемъ верховной власти.

Сами философы, создающіе новыя ученія, толкуютъ ихъ практическое примѣненіе именно въ этомъ смыслѣ. Они съ большимъ уваженіемъ относятся къ установленной власти, и это не изъ-за одной благоразумной осторожности, но и по убѣжденію. Они полагаютъ, что, преобразовывая, слѣдуетъ утверждать, а не расшатывать власть. Общественная нивеллировка имъ противна, анархія—внушаетъ ужасъ и отвращеніе. Они не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока не удается примирить обычай съ естественнымъ правомъ. Взгляните на самаго революціоннаго изъ нѣмецкихъ мыслителей—Канта [5]): онъ ведетъ своихъ учениковъ на головокружительныя высоты, гдѣ царитъ его критика, лишь для того, чтобы еще болѣе заставить восхищаться искусно возведенными загородками, парапетами, которыми озаботился оградить ихъ отъ пропасти. Чистый разумъ повелѣваетъ сомнѣваться во всемъ, но практическій разумъ велитъ все уважать. Несравненный діалектикъ, измѣряющій безконечное, оспаривающій у самого Бога смыслъ его существованія и опровергающій существованіе вселенной,—въ дѣйствительной жизни является самымъ сговорчивымъ изъ людей, самымъ покорнымъ и смирнымъ подданнымъ, самымъ умѣреннымъ политикомъ. Онъ заключаетъ въ пользу всеобщей сдѣлки и всеобщаго примиренія. Наиболѣе радикальныя предложенія разрѣшаются правилами житейской мудрости. Онъ приводитъ къ соглашенію законъ и свободу, нравственность и политику [6]). Онъ не смѣшиваетъ право ни съ добродѣтелью, которую каждый себѣ приписываетъ, ни съ силой, которую всѣ могутъ проявлять. Онъ

[5]) «Болѣе страшный, чѣмъ самъ Робеспьеръ», говоритъ Гейне,—«потому что убилъ Бога деистовъ». «Дѣлаютъ слишкомъ много чести Максимиліану Робеспьеру,—прибавляетъ Гейне,—сравнивая его съ Эммануиломъ Кантомъ. Великій разиня улицы Сентъ-Оноре, конечно, впадалъ порою въ припадокъ разрушенія, когда дѣло шло о королевской власти, и довольно страшно корчился въ своей цареубійственной эпилепсіи; но какъ только заходила рѣчь о Высшемъ Существѣ, онъ отиралъ пѣну съ своихъ губъ, полоскалъ ротъ, вымывалъ окровавленныя руки, вынималъ изъ коммода воскресный голубой фракъ съ ясными пуговицами и затыкалъ цѣлый снопъ цвѣтовъ за свой широкій жилетъ». *Германія,* 3 ч. *Отъ Канта до Гегеля.*

[6]) «Право состоитъ въ возможности согласованія общаго и взаимнаго принужденія съ свободой каждаго отдѣльнаго лица». Janet, *Science politique*, liv. IV, ch. II. Gierke, *Althusius.*

сторонникъ разграниченія властей, онъ восхищается издали представительнымъ образомъ правленія. Но каковъ бы ни былъ поставленный идеалъ, онъ идетъ къ нему размѣренными шагами, такъ-сказать, въ тактъ, безъ скачковъ и толчковъ. Онъ не признаетъ за народомъ права на возмущеніе. Повиноваться властямъ есть для него *категорическій императивъ*. Онъ не находитъ удобнымъ поручать власть даже самимъ философамъ: «Практика власти извращаетъ свободное сужденіе разума», говоритъ онъ. Однимъ словомъ, германскимъ философамъ можно предоставить предаваться умозрѣніямъ сколько угодно; это не опасно. «По самымъ основнымъ свойствамъ своимъ, эти люди неспособны образовывать скопища и клубы, а слѣдовательно ихъ нельзя подозрѣвать въ пропагандѣ».

Таковъ духъ Германіи въ ту эпоху. «Не выливайте мутной воды», замѣчаетъ Лессингъ, «ранѣе, чѣмъ можете замѣнить ее чистою водою; не разрушайте храма, но стройте рядомъ иной храмъ». Гёте будетъ учить, что каждый долженъ воздѣлывать свое поле, а что касается реформъ, то, по его мнѣнію, должно сообразоваться не столько съ пожеланіями, сколько съ потребностями, потому что желанія безконечны, а потребности ограничены. Не революціи слѣдуетъ желать, а мирнаго развитія естественныхъ стремленій: все искусство правительствъ заключается въ этомъ развитіи. Именно такъ смотрѣлъ на вещи тотъ Юстусъ Мозеръ, котораго Гёте провозглашалъ «несравненнымъ» и который уже съ самаго начала революціи выступаетъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ ея противниковъ. Общество, основанное на семьѣ, государство, основанное на общинѣ, духъ традиціи и духъ преобразованія, взаимно пополняющіе и исправляющіе другъ друга— таковы будутъ начала, на которыя станутъ опираться величайшіе дѣятели Германіи: Штейны, Гарденберги и Гумбольдты; въ этой-то формѣ проникнутъ на германскую почву и оплодотворятъ ее идеи восемнадцатаго вѣка и революціи. Во Франціи, гдѣ почва уже подверглась нивеллировкѣ, потокъ разливается и затопляетъ страну. Въ Германіи его задерживаютъ запруды: онъ образуетъ озера и выходитъ изъ нихъ успокоеннымъ.

Это обусловлено было національнымъ характеромъ и нравами. Когда приходится выражать въ дѣлахъ политическія ученія, характеръ и нравы имѣютъ первенствующее значеніе. Въ нѣмцахъ нѣтъ элементовъ ни для созданія революціонеровъ, ни для порожденія гражданъ-героевъ. «Они», замѣчаетъ нѣсколько лѣтъ спустя г-жа де-Сталь, «добродѣтельны, неподкупны въ частной жизни, какъ отцы семействъ и администраторы; но прискорбно видѣть ихъ раболѣпство и снисходительность по отношенію къ власти. Они льстятъ съ энергіей и подчиняются съ изумительнымъ усердіемъ... Они рѣзки въ выраженіяхъ и мягки въ чувствахъ; философическими разсужденіями пользуются они для объясненія того, что́ имѣетъ

наименѣе связи съ философіей: уваженія къ силѣ и умиленія трусости, превращающей это уваженіе въ восхищеніе». Тѣмъ не менѣе, духъ вѣка волнуетъ ихъ, и даже глубоко. «Вижу», пишетъ Мирабо пріятелю своему Мовильону, «что есть броженіе въ головахъ въ вашей Германіи и знаю, что если искра заронится въ горючій матеріалъ, то дастъ пламя каменнаго угля, а не соломы, какъ у насъ... Взрывъ произойдетъ много позднѣе чѣмъ у народа, у котораго все драматично и у котораго одна и та же четверть часа можетъ представить и героизмъ свободы, и обоготвореніе рабства». Но это волненіе умовъ, интенсивность котораго предчувствуетъ Мирабо, не различая его свойства, клонится не къ сближенію нѣмцевъ съ французами, а скорѣе къ ихъ отдаленію другъ отъ друга.

Великій импульсъ восемнадцатаго вѣка возбуждалъ освободительныя стремленія. Французы, обладая болѣе выработанною исторіей и достигшіе, такъ сказать, зрѣлаго возраста въ своей соціальной жизни, представляли тѣсно сплоченную націю; у нихъ общій языкъ и литература, они владѣютъ всѣми кадрами государства; освобожденіе означало для нихъ свободу мысли, свободу совѣсти, личную и имущественную свободу, наконецъ, свободу политическую, то есть революцію въ гражданскихъ законахъ и въ конституціи государства. Въ Германіи ростъ націи былъ задержанъ и прерванъ; народы ея разбросаны, изолированы одинъ отъ другого; единственною связью между ними служатъ смутныя воспоминанія; для германцевъ освобожденіе означало пробужденіе національнаго сознанія. Прежде чѣмъ спросить себя: будемъ ли свободны и чѣмъ обезпечимъ свою свободу, надо еще существовать, сознавать, что существуешь, собраться, обмѣниваться словомъ, прійти къ соглашенію. Первою необходимостью является мыслить самостоятельно и говорить на своемъ языкѣ, однимъ словомъ, выдѣлить первоначальные органы народной жизни. Прежде всего предстоитъ сбросить иго не законовъ, а иго учителей. Изъ этого слѣдуетъ, что самымъ рѣшающимъ результатомъ пропаганды французскихъ идей въ Германіи было желаніе освободиться отъ французскаго вліянія въ литературѣ, философіи и искусствѣ. Вся исторія германскаго общества въ концѣ восемнадцатаго столѣтія сводится къ слѣдующему, лишь, повидимому, парадоксальному тезису: чѣмъ болѣе Германія испытываетъ вліяніе французской мысли, тѣмъ глубже становится разрывъ между нею и Франціей.

Такъ какъ революція означаетъ для нѣмцевъ стремленіе къ національному объединенію, то есть къ самостоятельному существованію, то всѣ страсти, направленныя французами къ разрушенію стараго соціальнаго зданія, обращаются въ Германіи прежде всего противъ классической культуры, т. е. именно противъ культуры французской. Этого-то рода иностранное вторженіе надлежитъ отразить прежде всего. Нѣмцы страстно и стремительно бросились

на приступъ позицій, которыя столь долгое время были заняты французами: начали писать и говорить по-нѣмецки. Французскій языкъ остался языкомъ аристократовъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и на немъ будутъ говорить только въ салонахъ, реакціонеры и люди стараго порядка. Все, что молодо и полно энтузіазма, все, что горитъ любовью къ родинѣ и пламенѣетъ великими общечеловѣческими идеями свободы и доблести, однимъ словомъ, все, что соотвѣтствуетъ революціонной партіи во Франціи, утоляетъ жажду у того же потока и вдохновляется тѣмъ же духомъ, все это отнынѣ будетъ говорить по-нѣмецки, а слѣдовательно—ускользнетъ отъ Франціи. А между тѣмъ кто же, какъ не Франція, отворила имъ двери и указала путь, побуждая разбить старыя формы, отбросить условность, вдохновляться природой, какъ началомъ всякой красоты, всякой добродѣтели и справедливости. Но природа для нѣмца—это вѣдь тотъ край, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ; это языкъ, на которомъ онъ лепеталъ въ дѣтствѣ; это раса, которой онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ; это онъ самъ и то, что́ есть въ немъ самаго непосредственнаго въ впечатлѣніяхъ, чувствахъ, страстяхъ. Онъ начинаетъ любоваться небомъ своей родины; самая грубость едва успѣвшаго выработаться языка плѣняетъ его ухо; геній его изсыхалъ въ безплодныхъ пошлостяхъ подражанія классическимъ образцамъ; онъ освѣжаетъ его у вѣчнаго источника поэзіи: личной эмоціи и народной пѣсни. Всѣ эти вліянія, вмѣстѣ взятыя, содѣйствуютъ развитію у нѣмцевъ характера, рѣзко отличающагося отъ французскаго. Нѣмцы сознаютъ это и гордятся этимъ; всѣ работаютъ въ этомъ направленіи: и ненавистникъ французовъ Гердеръ, и восторженный поклонникъ французской свободы Шиллеръ, и наиболѣе свободный отъ предразсудковъ и мощный умомъ Гёте. Лессингъ, считающій себя космополитомъ и находящій, что патріотизмъ съуживаетъ душу, болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствуетъ пробужденію у своихъ согражданъ понятія объ отечествѣ тѣмъ, что горячо преслѣдуетъ чужеземное господство въ литературѣ и искусствѣ.

«Нѣмецкой поэзіи недоставало основы, и основы національной», говоритъ Гёте. Нѣмецкой же націи недоставало общей основы для мышленія и поэзіи. Литература и нація родились одновременно. Какъ ни принижено и двусмысленно было политическое положеніе Германіи около 1789 года, она могла приложить къ себѣ пресловутое изреченіе Декарта и, нѣсколько измѣнивъ его, сказать озадаченной ея появленіемъ на сценѣ Европѣ: «Я говорю, значитъ существую!» Тѣ бурные годы были годами самаго пышнаго расцвѣта нѣмецкаго генія [7]). Тотъ, кто не признаетъ мощи этого им-

---

[7]) Гёте написалъ *Гёца* въ 1773, *Вертера* и *Клавиго* въ 1774, *Тасса*, *Эгмонта*, *Ифигенію*—отъ 1786 до 1788.—Шиллеръ далъ *Фіэско* въ 1785, *Ко-*

пульса и не замѣтитъ, до какой степени миновало здѣсь царство Вольтера и псевдо-классической трагедіи, тотъ ничего не пойметъ изъ послѣдующихъ событій и не въ состояніи будетъ объяснить себѣ отношенія нѣмцевъ къ французской революціи.

При существовавшемъ уже броженіи, первый взрывъ революціи не могъ не встрѣтить глубокаго отклика въ Германіи. Когда тамъ услышали великодушный призывъ, обращенный Франціей ко всѣмъ народамъ, нѣмцевъ охватило волненіе. Великій примѣръ, поданный людямъ въ ту самую минуту, какъ провозглашали права человѣка, восторгъ народа, провозглашаемаго властелиномъ, любовь къ родинѣ, прославляемая какъ величайшая изъ добродѣтелей,—все это слишкомъ отвѣчало ихъ собственнымъ стремленіямъ и не могло не вызвать у нихъ глубокое, страстное волненіе. Но чувство, охватившее ихъ, было чисто-германское, и они перевели на свой возрожденный языкъ великія слова, которыя французы бросали во всѣ концы Европы. Любовь къ родинѣ, любовь къ Германіи—вотъ что́ казалось имъ первою и главнѣйшею изъ обязанностей; быть нѣмцами- вотъ первое изъ правъ. Но эту родину приходилось искать, она затеряла свои документы, забыла и затемнила свое происхожденіе. Пришлось брести ощупью и искать призрака этой Германіи во мракѣ среднихъ вѣковъ. Съ правами человѣка и патріотизмомъ произошло то же самое, что и съ свободою мысли и возвращеніемъ къ природѣ. Пропаганда французскихъ идей внушила нѣмцамъ любовь къ своему языку, народной поэзіи, родинѣ, культъ отечественной исторіи, самоуваженіе, однимъ словомъ, она вернула ихъ во всѣхъ смыслахъ къ германскимъ традиціямъ. Революція, заключавшаяся во Франціи въ разрушеніи связи съ прошлымъ и возведеніи въ принципъ презрѣнія къ этому прошлому,—въ Германіи побудила возстановить порванную въ теченіе вѣковъ связь и культъ предковъ.

Французы разрушали свои бастиліи и жгли свои хартіи; нѣмцы подновили свои зàмки и привели въ порядокъ архивы. Революція была классической во Франціи и съ первыхъ шаговъ сдѣлалась романтической въ Германіи. И это потому, что французы продолжали лишь въ новой формѣ наиболѣе блестящую изъ своихъ традицій: интеллектуальное завоеваніе міра. Никогда не проявляли они болѣе широко своего національнаго характера, какъ въ тотъ день, когда предприняли этотъ изумительный крестовый походъ и приступили къ новому богатырскому эпосу. Нѣмцы же, напротивъ, какъ бы лишенные родины въ теченіе вѣковъ, принуждены были вернуться къ прошлому для того, чтобы, такъ сказать, найти самихъ себя. Совершая національную революцію, они не шли на призывъ

варство и любовь въ 1785, *Донъ-Карлоса* въ 1787. — Лессингъ издаетъ свою *Драматургію* отъ 1767 до 1768, *Эмилію Галотти* въ 1772, *Натана* въ 1779.

къ уничтоженію обломковъ средневѣковья, а прежде всего и первѣе всего къ разрыву съ офранцуженнымъ семнадцатымъ и восемнадцатымъ столѣтіемъ.

Начала французской революціи не только не основали въ Германіи космополитическаго общества, подчиняющагося французскому вліянію, но призвали къ жизни сперва недовѣрчивую и подозрительную, а затѣмъ враждебную и мятежную,—когда она почувствовала себя достаточно свободною и увѣренною въ своихъ силахъ—націю. Примѣненныя такимъ образомъ прекрасныя французскія отвлеченности съузились и исказились [8]). Тѣмъ не менѣе онѣ не могли распространяться въ Германіи, не оставляя въ ней плодотворныхъ сѣмянъ. Онѣ нѣкоторымъ образомъ акклиматизировались и дали впослѣдствіи обильные всходы. Но когда французы, нѣсколько лѣтъ спустя, явились для собиранія плодовъ и снятія жатвы, они встрѣтили тернія и непроходимыя чащи: поле, которое было ими вспахано, не приняло ихъ, и сами они не узнали деревьевъ, которыя посадили.

IV.

Эти своеобразныя послѣдствія французской революціи въ Германіи проявлялись не одинаково въ различныхъ ея районахъ. Имперія обнимала собою весьма разнородное населеніе, какъ по племенному составу, такъ и по традиціямъ. Еще болѣе усиливалось это различіе разнообразіемъ правительствъ. Установивъ общія данныя, необходимо глубже проникнуть въ страну, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ и почему одна и та же причина породила, смотря по мѣстности, противуположные результаты.

Прежде всего встрѣчаемъ изолированный отъ остальныхъ областей имперіи районъ, имѣвшій въ революціонную эпоху свою особенную судьбу: это край, лежащій по лѣвому берегу Рейна и распредѣлявшійся между крайне разнообразными владѣтелями. Кромѣ мелкихъ владѣній, мы находимъ здѣсь владѣнія палатинской вѣтви баварскаго и вѣтви цвейбрюккенскаго домовъ; прусскія земли: Юлихъ и Клевъ; наконецъ, церковныя государства: архіепископства шпейерское, вормское, майнцское, трирское, кельнское, люттихское, съ врѣзывающимися въ нихъ имперскими городами:

---

[8]) «Патріотизмъ француза заключается въ томъ, что сердце его согрѣвается, расширяется и растягивается, въ томъ, что это сердце включаетъ въ себя не только близкихъ, но и цѣлую Францію, весь цивилизованный міръ; напротивъ того, нѣмецкій патріотизмъ состоитъ въ томъ, что сердце нѣмца съуживается, какъ кожа на морозѣ; нѣмецъ перестаетъ быть гражданиномъ свѣта, европейцемъ и дѣлается только узкимъ нѣмцемъ». Гейне, *О Германіи*, ч. 4.

Кёльномъ, Ахеномъ, Вормсомъ и Шпейеромъ. Населеніе, распредѣляющееся между этими княжествами, представляетъ значительныя различія. Въ нижне-рейнскомъ краѣ, около Бонна, Кёльна, Юлиха, Клева, гдѣ земля представляетъ плоскую равнину, крестьянинъ занимался исключительно земледѣліемъ; онъ трудолюбивъ, бережливъ, покоренъ и равнодушенъ къ политическимъ дѣламъ. Въ верхне-рейнскомъ краѣ зрѣлище совершенно мѣняется. Мѣстность здѣсь живописна, воздѣлываютъ виноградъ, населеніе отличается живостью, подвижностью, бойкостью и безпечностью; оно обладаетъ болѣе гибкимъ умомъ и воспріимчиво къ политическимъ страстямъ и увлеченіямъ. Первые покоряются революціи, вторые горячо привѣтствуютъ ее. Эти края съ давнихъ поръ открыты были французскому воздѣйствію. Ихъ правительства искали во Франціи поддержки и покровительства, дворяне—карьеры, люди мыслящіе—интеллектуальнаго руководительства. Въ Майнцѣ же образовалась группа людей, жаждавшихъ свободы, увлекавшихся новыми идеями, подобно Форстеру и корифеямъ рейнской республики. Въ составъ этой группы входили профессора, юристы, журналисты, книгопродавцы; короче говоря, это былъ зародышъ третьяго сословія, на подобіе французскаго *tiers-état*, а слѣдовательно и почва для образованія французской партіи.

Населеніе этого края почти не имѣетъ сношеній съ остальною Германіей; революція, которую оно встрѣтило съ энтузіазмомъ, окончательно порвала всякія связи съ послѣдней. Въ прирейнскихъ областяхъ мечтали объ основаніи мелкихъ автономныхъ республикъ, по образцу швейцарскихъ кантоновъ; но если пришлось бы избрать властелина, они предпочли бы французское господство, стоящее за ихъ излюбленныя начала, нѣмецкому государю, который сталъ бы ихъ душить. Сельское населеніе, само собою разумѣется, мало смыслило въ дѣлѣ принциповъ, но вполнѣ подготовлено было къ оцѣнкѣ результатовъ. Участь крестьянина здѣсь имѣла много общаго съ положеніемъ французскаго земледѣльца. Онъ—собственникъ и пользуется достаточною гражданскою свободою для того, чтобы желать ея дальнѣйшаго расширенія. Феодальная власть уже настолько ослаблена, что даетъ возможность помышлять о полной эмансипаціи. Въ виду всего этого, здѣсь поймутъ и будутъ привѣтствовать французскую революцію не менѣе, чѣмъ въ самой Франціи. Идеи и интересы заставятъ тяготѣть это населеніе въ сторону Франціи, и оно тѣмъ легче дастъ присоединить себя, что связи съ Германіей уже крайне слабы и ничтожны.

Бо́льшая часть этого населенія не имѣетъ никакихъ историческихъ традицій, а въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ и дин.стій, замѣнявшихъ бы ему отечество. Единственный древній царствующій домъ это—домъ палатиновъ; но именно въ его-то владѣніяхъ и даетъ себя особенно сильно

чувствовать французское вліяніе и тяготѣніе къ Франціи. Къ тому же правительство палатината болѣе чѣмъ посредственно. Цвейбрюккенское же въ высшей степени негодно и пользуется заслуженною ненавистью. Жители Клева почти не знаютъ и по имени своего прусскаго властителя: они такъ часто мѣняли своихъ государей, что весьма равнодушно относятся къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ этого рода. Таково же въ сущности настроеніе и большинства населенія лѣваго берега Рейна, именно населенія, управляемаго духовными князьями. Эти князья были избираемы, и политическія комбинаціи приводили ихъ сюда со всѣхъ концовъ Германіи. Вслѣдствіе такого порядка, не существовало ни малѣйшей связи между ними и ихъ подданными, готовыми принять и другихъ князей совершенно такимъ же образомъ, какъ принимали прежнихъ. Архіепископы, комиссары, администраторы, префекты—ко всѣмъ относились они безразлично: все это—пришлецы, чужеземцы; ихъ привыкли и встрѣчать и провожать. Къ подчиненію они привыкли и будутъ продолжать покоряться. Къ тому же ожидается секуляризація, то есть присоединеніе къ какому-либо свѣтскому государству. Кто будетъ новый государь—неизвѣстно: можетъ быть, прусскій король, котораго они не знаютъ, или императоръ, котораго никогда не видали, или англійскій король, о самомъ существованіи котораго они, быть можетъ, и не подозрѣваютъ. Французскій властитель не будетъ имъ ни болѣе чуждъ, ни болѣе близокъ, чѣмъ, напримѣръ, пруссакъ, саксонецъ, австріецъ или гвельфъ. Они будутъ судить о своемъ правительствѣ по его дѣламъ: расположеніемъ ихъ будетъ пользоваться то, которое улучшитъ ихъ участь.

Архіепископы правятъ вяло. Фактическій нейтралитетъ, которымъ они пользуются въ политикѣ, освобождаетъ ихъ отъ наиболѣе настоятельныхъ государственныхъ заботъ, т. е. отъ военной защиты своихъ предѣловъ, а слѣдовательно и отъ попеченія о хорошемъ управленіи своими финансами и прочими рессурсами. Они думаютъ лишь о безпечальномъ и веселомъ существованіи при помощи своихъ роскошныхъ королевскихъ доходовъ. «Избавленные отъ всякаго рода обязанностей и почти отъ всѣхъ аттрибутовъ королевскаго могущества, они пребываютъ какъ бы въ вѣчномъ дѣтствѣ» [1]). Тотъ же изъ нихъ, кто по примѣру архіепископа майнцскаго, Фридриха-Карла-Іосифа Эртальскаго, пытается вводить реформы, призываетъ способныхъ людей въ составъ своего правительства, тѣмъ самымъ поощряетъ стремленіе къ новшествамъ и подготовляетъ пути для революціи.

---

[1]) Le duc de Broglie, *Marie-Thérèse*, t. I, ch. III. Эта книга содержитъ весьма яркое и весьма точное изображеніе духовныхъ княжествъ около 1740 г. Въ 1789 г. въ нихъ ничто не измѣнилось. См. также Geffroy, *Gustave III*, t. II, ch. IX.—Rambaud, *Les français sur le Rhin*, ch. III.

Что касается до имперскихъ городовъ, то въ нихъ все ветхо и дряхло; власть ничтожна, олигархія дискредитирована, чернь бурлива, буржуазія безоружна, по причинѣ своихъ раздоровъ. Здѣсь не замѣчается элементовъ ни для самостоятельнаго существованія, ни для отпора иностранному вторженію. Все созрѣло для присоединенія, а малая группа разбросанной тамъ демократіи можетъ только съ радостію встрѣтить французское господство. Слѣдовательно Франціи не трудно будетъ овладѣть и утвердиться на лѣвомъ берегу Рейна: не здѣсь пробудятся національныя чувства, и не здѣсь будутъ отражены удары французской революціи. Для того, чтобы увидѣть это изумительное пробужденіе, намъ придется перейти въ настоящую Германію, т. е. на правый берегъ Рейна.

Нѣкоторыя изъ государствъ лѣваго берега тянутся и по другому берегу Рейна; таковы: баварскій палатинатъ, трирское курфиршество и въ особенности майнцское; здѣсь встрѣчаемъ и другія духовныя княжества, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, и цѣлый рой графствъ, баронствъ и рыцарствъ въ Вестфаліи, Франконіи и Швабіи. При первомъ взглядѣ кажется, что политическія условія здѣсь ничѣмъ не отличаются отъ условій другого берега. Раздробленность земель здѣсь еще значительнѣе. Но если духовныя правительства здѣшнія сходны съ лѣво-бережными, то населеніе имѣетъ совершенно иной характеръ. Здѣсь не видимъ ни агитаціоннаго центра, подобнаго тому, который образовался вокругъ майнцскихъ профессоровъ, ни революціонныхъ элементовъ, представляемыхъ подвижнымъ верхнерейнскимъ населеніемъ. Населеніе здѣшнее не напоминаетъ даже и апатіи нижне-рейнскихъ крестьянъ; «здѣсь мы встрѣчаемъ грубо-животное спокойствіе, непробудный сонъ», о которыхъ говоритъ Гейнрихъ Гейне въ своей Германіи. Они болѣе нѣмцы, болѣе далеки и чужды Франціи, менѣе доступны ея вліянію и несравненно менѣе испытали воздѣйствіе цивилизаціи. Крѣпостное состояніе, уже исчезнувшее съ лѣваго берега, здѣсь продолжаетъ существовать. Феодализмъ гнететъ еще со всею своею желѣзною силой: крестьянинъ не представляетъ себѣ даже возможности отъ него избавиться. Весьма слабо привязанные, или вполнѣ равнодушные къ своимъ князьямъ, и эти нѣмцы, подобно соотечественникамъ лѣваго берега, легко согласятся перемѣнить властителей, но, подчиняясь завоеванію, они возмутятся противъ ассимиляціи: французъ, даже принося имъ освобожденіе, останется для нихъ врагомъ и чужеземцемъ. При помощи времени, мира, хорошаго управленія, Франція можетъ превратить во французскихъ гражданъ обитателей лѣваго рейнскаго берега, но на правомъ берегу ей удастся создать лишь нѣмцевъ, враждебность которыхъ можетъ только расти по мѣрѣ того, какъ они будутъ чувствовать себя болѣе свободными. Принесенная имъ идея реформы

внушитъ имъ желаніе ввести эту реформу для Германіи и посредствомъ Германіи.

Здѣсь-то, въ Нассаускомъ краѣ, родился знаменитый германскій преобразователь, баронъ Фридрихъ-Карлъ фонъ-Штейнъ, величайшій изъ государственныхъ людей своего отечества и одинъ изъ благороднѣйшихъ и проницательнѣйшихъ умовъ, когда-либо руководившихъ своими согражданами [2]). Онъ вышелъ изъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ семействъ имперскихъ бароновъ, которые оправдывали свою феодальную власть, узаконяя ее, подобно средневѣковымъ предкамъ своимъ, тѣмъ, что постепенно освобождали и вызвышали до человѣческаго достоинства подданныхъ, которыхъ дѣды ихъ нѣкогда защищали отъ нужды, бѣдствій и разбойничества [3]). Въ самыхъ семейныхъ традиціяхъ своихъ Штейнъ почерпнулъ чутье общегерманской традиціи, что дало ему возможность руководить Германіей во времена рѣшающаго кризиса. Онъ былъ главнымъ агентомъ великой метаморфозы, благодаря которой изъ космополитической революціи и необычайнѣйшихъ раздѣловъ, когда-либо испытанныхъ имперіей, возродилась нація, страстно жаждущая единства. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался самымъ опаснымъ противникомъ Франціи на континентѣ, обращая противъ нея ею же скованное орудіе и разоряя ее, такъ сказать, самими послѣдствіями ея собственныхъ благодѣяній. Имъ-то внушенъ былъ нѣмецкимъ государямъ простой и въ то же время мудрый планъ: совершить самостоятельно и въ пользу своихъ династій то, что революція совершала въ ущербъ имъ и въ пользу Франціи, а именно—упраздненіе феодальнаго строя. Этотъ планъ давалъ возможность предупредить революцію дарованіемъ реформъ, приспособленныхъ къ нравамъ страны, и возбудить патріотическое чувство, являясь корифеями того самаго патріотизма, который Франція возбудила своей пропагандой лишь для того, чтобы оскорбить его затѣмъ завоеваніемъ.

Въ районахъ, гдѣ, по примѣру Франціи, были уже разрушены средневѣ-

---

[2]) Штейнъ родился 26 октября 1757 г. См. Pertz, *Leben des Ministers Freiherrn*, v. Stein, и Seeley, *Life and times of Stein*. London, 1879.

[3]) Порталису пришлось встрѣтить нѣсколько такихъ просвѣщенныхъ феодаловъ, во время изгнанія, приведшаго его въ Голштейнъ въ 1798 г. «Нравы здѣсь мягки,—пишетъ онъ;—среди высшаго сословія не мало образованныхъ людей и еще встрѣчается искренняя религіозность; помѣщики постепенно освобождаютъ своихъ крѣпостныхъ; они дѣлаютъ ихъ собственниками, улучшаютъ ихъ бытъ, безъ потрясеній, и стараются внушить имъ не страсть къ перемѣнамъ, а любовь къ земледѣльческому труду и промышленности. Довольно необычайное зрѣлище представляетъ такое возрожденіе человѣческаго достоинства среди хаоса феодальнаго порабощенія». Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. V, *Portalis*.

ковыя традиціи, революція сдѣлалась радикальной: такъ было на лѣвомъ берегу Рейна. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ еще продолжали держаться старинныя традиціи и гдѣ онѣ могли приспособиться къ новымъ вѣяніямъ, тамъ были введены реформы и не послѣдовало революціи. Впрочемъ, духъ преобразованій замѣчается у многихъ правительствъ. Они поняли, какъ много можетъ выиграть государство, усвоивая то, что было дѣйствительно практическаго во французскихъ принципахъ. Населеніе, требовавшее вначалѣ отъ своихъ государей защиты отъ завоеваній, потребовало затѣмъ и тѣхъ благъ, которыя приносило это завоеваніе, и наконецъ пожелало избавиться отъ завоевателя и прогнать чужеземныхъ пришельцевъ. Германія привыкла всего ждать и все получать отъ своихъ государей; она ждала отъ нихъ и своего освобожденія, а потому революція привела къ тому странному результату, что германскій народъ укрѣпился въ привязанности къ своимъ династіямъ. Это произошло въ Баваріи, Виртембергѣ, Саксоніи, Брауншвейгѣ и Гессенъ-Дармштадтѣ. Въ другихъ государствахъ праваго берега Рейна, гдѣ завоеваніе произведено было непосредственно, гдѣ Франція накроила себѣ департаментовъ или вассальныхъ княжествъ, какъ напримѣръ въ Вестфаліи, населеніе приведено было самыми дѣйствіями французскаго правительства къ желанію освобожденія отъ французскаго господства. Оно познало его преимущества лишь для того, чтобы пожелать ими пользоваться подъ управленіемъ соплеменныхъ государей.

Этой революціи содѣйствовало и корыстолюбіе государей, и патріотизмъ населенія; ее ускорилъ также расчетъ французскихъ политиковъ столько же, сколько и революціонная пропаганда. Упрощая карту Германіи, какъ то было сдѣлано въ 1795 и 1803 годахъ, Франція устранила тѣ препятствія, которыя не допускали соединенія германскихъ народовъ. Путемъ секуляризацій и медіатизацій, она отняла у духовныхъ правительствъ и владѣтельныхъ князей населеніе, которое обособлялось ими и отрывалось отъ остальной Германіи: присоединенное къ свѣтскимъ государствамъ, оно немедленно слилось съ ними. Франція сосредоточивала и скучивала народы, открывая пути для національнаго духа, который возбуждала своею пропагандой. Въ 1806 г. Священная Имперія была сведена къ нулю, но Германія начала возрождаться. Связь, которую порывали въ то время, была давно истерта: взамѣнъ создана была другая, неразрывная связь между народами. Упраздняя имперію, представлявшую лишь призракъ государства, собирали въ единую націю нѣмцевъ, которые стали сильнѣйшимъ изъ народовъ Европы. Разъединенность германскаго населенія дала возможность Франціи такъ легко упразднить имперію; объединяя нѣмцевъ, она подготовила возстановленіе послѣдней.

ГЛАВА VI.

Австрія.

I.

Если слова «австрійскій домъ» возбуждаютъ въ умахъ людей 1789 г. представленіе о государствѣ, въ которомъ никогда не заходитъ солнце, то это лишь по старой памяти и въ силу исторической фантасмагоріи. Австрійскому дому, конечно, присвоено императорское достоинство, но это достоинство блещетъ лишь собственнымъ блескомъ. На картѣ австрійское государство является разорваннымъ, хотя и колоссальнымъ тѣломъ, увѣчнымъ, раздробленнымъ и члены котораго разбросаны по европейской поверхности. Это—безформенныя части существа, лишеннаго остова, мозга и внутренностей. Оно не имѣетъ даже и имени. Обычай установилъ въ обществѣ, а мало-по-малу и въ канцлерствахъ, привычку именовать эту совокупность владѣній по имени царствующаго дома: Австріей. Въ сферѣ публичнаго права и теоріи, это государство остается безъ названія: это, говорятъ, наслѣдственныя владѣнія австрійскаго дома. Глава его титулуется королемъ Венгріи и Богеміи; если его изберетъ коллегія, онъ становится императоромъ; но съ его смертью умираетъ и титулъ и преемнику требуется новое избраніе для того, чтобы имѣть право носить его.

Наслѣдственныя владѣнія австрійскаго дома не что иное, какъ аггломератъ различныхъ территорій. Къ юго-востоку—Венгрія, съ зависящими отъ нея областями: Кроаціей, Трансильваніей, Славоніей и Буковиной; къ сѣверу—Галиція, только что отдѣленная отъ Польши, и Богемія съ частью оставшейся за Австріей Силезіи; далѣе, связывая венгерскую группу земель съ богемскою,—австрійское эрцгерцогство Моравія. На югѣ—Штирія, Карніолія, Каринтія и Тироль. Миланская область отдѣлялась отъ этихъ территорій Вальтелиной, съ одной стороны, и венеціанскими владѣніями—съ другой. Къ этому слѣдуетъ прибавить отдѣльные города и земли въ Швабіи и, наконецъ, отрѣзанные отъ всего остального Нидерланды или Бельгія и герцогство Люксембургское, между которыми врѣзывалось еще архіепископство Люттихское. Все это составляло 140000 квадратныхъ километровъ, приблизительно съ 24 милліонами жителей. Размѣры эти приближались къ размѣрамъ Франціи; но во Франціи все однородно, въ смыслѣ населенія,

все сплочено—въ смыслѣ государства; въ Австріи все сложно и разбросано. Окраины ея видимъ вездѣ, но центра не усматривается нигдѣ. Для охраненія этой громадной пограничной линіи, для удержанія въ повиновеніи этой толпы разноплеменныхъ народовъ необходима значительная армія, поглощающая бо́льшую часть государственныхъ доходовъ въ мирное время и не могущая быть сконцентрированной во время войны. Если направить ее къ Германіи, турки станутъ грозить венгерской границѣ, а безпокойное и полуварварское населеніе окраинъ, почувствовавъ ослабленіе узды, немедленно предастся свойственному ему духу мятежа и непокорства. Въ 1778 году грозила неминуемая война съ Фридрихомъ, по поводу Баваріи, которою хотѣли завладѣть австрійцы. Приходилось воевать съ одною Пруссіей: австрійцы напрягаютъ всѣ свои силы, и вслѣдствіе этого имперія подвергается сильнѣйшей опасности [1]). «Всѣ наши силы, за исключеніемъ нидерландскихъ войскъ, будутъ собраны и поставлены, такъ сказать, на одну карту», пишетъ Іосифъ II. Едва удалось собрать 170000 человѣкъ, да и то не болѣе половины выступили въ походъ. «Вы говорите, что необходимо воевать во что бы то ни стало,—говорила Марія-Терезія;—но я не вижу никакой возможности: у насъ будетъ на 30 или 40000 солдатъ менѣе, чѣмъ у непріятеля». «Что же сталось бы съ имперіей, если бы пришлось имѣть дѣло съ какой-либо коалиціей и если бы турки присоединились къ ней? Наши границы остались бы беззащитными!» [2]).

Сверхъ того, чувствуется недостатокъ и въ денежныхъ средствахъ. Во время великихъ европейскихъ кризисовъ, Австрія поставляла солдатъ, союзники же ея доставляли денежные фонды. Во время Семилѣтней войны она извлекла изъ Франціи болѣе 75 милліоновъ ливровъ [3]). Во время революціонныхъ

[1]) Марія-Терезія пишетъ Іосифу II 5 іюня 1778 г.: «Я опасаюсь большихъ безпорядковъ въ странѣ; въ Штиріи уже отказываются и работать, и платить. Какъ ихъ принудить? Нѣтъ ни одного человѣка. Въ Венгріи то же самое, и вотъ причина, почему рекруты не идутъ въ Трансильванію. Еще не собрано и половины и вся молодежь въ лѣсу; некому будетъ убирать жатву, и эти люди предаются страшнымъ дѣламъ. Въ Польшѣ удалось собрать нѣсколько тысячъ, но при переходѣ убѣжало нѣсколько сотъ человѣкъ послѣ того, какъ они взбунтовались и офицеръ принужденъ былъ стрѣлять по нимъ... Въ Банатѣ грабители становятся все болѣе и болѣе дерзкими: они перебили нѣсколько семействъ. Въ рудникахъ, подававшихъ такія прекрасныя надежды, не хочетъ оставаться ни одинъ управитель, ни одного человѣка для ихъ огражденія, это печально»... Arneth, *Correspondenz v. Maria-Theresia und Ioseph II.*

[2]) Arneth, апрѣль—іюль 1778. Въ Галиціи остается только 200 лошадей и 7 батальоновъ инвалидовъ.

[3]) Boutaric, *Correspondance secrète*, t. II, p. 107. — Bernis, *Mémoires.* — Arneth: «Благодаря французской субсидіи, мы только и могли вести послѣднюю войну».

войнъ платила Англія. Изъ этого вытекаетъ то, что Австрія не можетъ вести войны по своему усмотрѣнію, если не встрѣтитъ государя, настолько ослѣпленнаго, какъ напримѣръ подчинявшійся ей Людовикъ XV. Если же она предприметъ войну, опираясь на свои собственные рессурсы, то не будетъ въ состояніи вести ее долгое время. Сосредоточить силы государства и избавить себя отъ необходимости заключать союзы, такова постоянно озабочивавшая австрійцевъ задача [4]). Іосифъ мучился рѣшеніемъ этой задачи всю жизнь и едва не потерялъ своей имперіи.

Австрійскому государству недоставало существеннѣйшаго элемента, наиболѣе жизненнаго органа государственнаго существованія. Зданіе грѣшило самимъ своимъ фундаментомъ и построено было на зыбкой почвѣ, не допускавшей иной, болѣе глубоко заложенной основы. Австрійской націи не существуетъ и нѣтъ способа создать ее. Габсбурги не могутъ взять себѣ за образецъ ни Капетинговъ, ни прусскихъ Гогенцоллерновъ. Нація и государство должны или образовываться совокупно, какъ то было во Франціи, или же государство должно создать націю, какъ то видимъ въ Пруссіи. Къ Австріи непримѣнимъ ни тотъ ни другой спосооб. Габсбургскій домъ, вмѣстѣ съ цѣлыми народами, какъ напримѣръ венгерскій, чешскій и бельгійскій, имѣющими особыя традиціи и интересы, включилъ въ свое наслѣдіе и отдѣльные фрагменты народовъ, каковы галиційскіе поляки, почитающіе за честь оставаться вѣрными своему происхожденію. Одинаково невозможно и слить въ однородное цѣлое эти различныя народности, и дать имъ тождественное управленіе. Если пытаются подчинить ихъ одинаковымъ законамъ и централизаціи, онѣ немедленно даютъ отпоръ и возмущаются. Если же, напротивъ, даютъ имъ нѣкоторую автономію и группируютъ на федеративномъ началѣ—слишкомъ недавняя независимость, которою онѣ пользовались, побуждаетъ ихъ желать ея возстановленія, и относительная свобода, которую имъ даруютъ, отрываетъ ихъ отъ короны. Какія бы ни прилагали старанія, но лишь только коснутся одной изъ составныхъ частей этого страннаго аггломерата, всегда можно опасаться, что, по выраженію Монтескьё, всѣ части монархіи посыплются одна на другую.

Къ этому сложному и запутанному правительству прибавьте еще Германскую имперію, съ неисходнымъ лабиринтомъ ея пружинъ и колесъ, и вы уясните себѣ конституціональныя помѣхи, постоянно являющіяся на

[4]) «Дай Богъ, чтобы монархія могла когда-нибудь сосредоточить свои силы, не имѣя необходимости охранять отдаленныя, оторванныя провинціи, могла бы держаться собственною силою, сдѣлать себя неуязвимой, заставить себя уважать и бояться, не имѣя надобности заискивать у своихъ *естественныхъ враговъ, переряженныхъ союзниками* и которые болѣе вредятъ, чѣмъ открытые враги!» Леопольдъ Іосифу, въ декабрѣ 1784. Arneth, *Ioseph II u. Leopold v. Toscana.* Слова, обозначенныя курсивомъ, намекаютъ на Францію.

пути этой, повидимому, столь могущественной державы. Она—все, кромѣ того, чтобы быть самой собою; она повсюду, кромѣ собственнаго дома; космополитическая, по самой своей сущности, она является въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ какъ бы иностранной державой, и внутреннія дѣла ея приходится вести на подобіе иностранныхъ дѣлъ въ централизованной имперіи. Это не государство, въ собственномъ смыслѣ слова, потому что оно не имѣетъ учрежденій; это даже не правительство, это, такъ сказать, административная дипломатія. Австрія управляетъ своими областями, лишь имѣя въ виду Европу; она сносится съ Европой, лишь въ виду этихъ областей. Она обладаетъ лишь однимъ способомъ удержанія ихъ, а именно тѣмъ, которымъ держится и Европа: уравновѣшиваніемъ противоположныхъ силъ. Къ этой имперіи какъ нельзя болѣе приложимо опредѣленіе, данное Мишле Германіи: «маленькая Европа среди большой Европы». Существуетъ австрійское равновѣсіе, подобно тому, какъ существуетъ равновѣсіе европейское; но такъ какъ въ австрійскихъ государствахъ имѣется единый монархъ, располагающій военной силой, то равновѣсіе въ нихъ становится дѣйствительностью и заступаетъ мѣсто конституціи. Равновѣсіе это влечетъ за собою тѣ же послѣдствія, какія видимъ въ «европейской республикѣ». Австрійская монархія вынуждена примѣнять къ себѣ самой ту тактику, которой слѣдуютъ европейскія державы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, при постоянномъ антагонизмѣ интересовъ и непрестанномъ соперничествѣ. Иначе говоря, ея публичное право составлено изъ противорѣчій. По своему происхожденію она должна бы быть державою консервативною по преимуществу во всемъ, что касается установленнаго права, обычая и другихъ политическихъ нравовъ. Она основана исключительно на контрактахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ. Во Франціи публичное право можетъ быть потрясено въ самой своей основѣ, верховная власть народа можетъ замѣнить таковую же власть короля, и все-таки государство не будетъ поколеблено; изъ австрійской же монархіи, въ подобномъ случаѣ, не осталось бы ровно ничего [5]). Внѣ сферы архивныхъ документовъ, владѣнія ея не имѣютъ никакого смысла своего существованія, такъ какъ они не поддерживаются народомъ. Всякое нарушеніе права, на которомъ покоится власть, компрометируетъ самое государство. Обращаться къ входящимъ въ ея составъ народамъ, значитъ объявлять объ ихъ не-

---

[5]) Сравните искусственныя приращенія Австріи съ ассимилирующими расширеніями Франціи: присоединеніе Ломбардіи съ присоединеніемъ Эльзаса; присоединеніе Франшъ-Конте съ аннексаціей Нидерландовъ; присоединеніе Лотарингіи съ захватомъ Галиціи; пріобрѣтеніе Бретани съ пріобрѣтеніемъ Богеміи; отношенія къ Венгріи и конфискаціи или завоеванія территорій нормандцевъ и Плантагенетовъ.

совмѣстимости. Во Франціи народная революція отнесется къ федерализму, какъ къ преступленію противъ націи; въ Австріи всякая революція, чтобы быть народной и національной, необходимо должна быть федералистической. Сверхъ того Австрія—самая династическая изъ европейскихъ державъ: она остается *домомъ*, и законы о престолонаслѣдіи, въ концѣ концовъ, являются основными законами государства; слѣдовательно, ни одинъ дворъ не могъ бы болѣе крѣпко держаться династическаго права. Но странная формація Австріи требуетъ, чтобы эта держава, стремясь къ возвышенію своего могущества, неизбѣжно колебала самую свою основу. Для того, чтобы связать разбросанныя части монархіи, защищать ее и исправлять урѣзанныя границы, необходимо пріобрѣтать новыя владѣнія; для того, чтобы находить престолы для младшихъ сыновей, приходится, опять-таки, пріобрѣтать; наконецъ, надо пріобрѣтать и для того, чтобы сдержать наплывъ алчныхъ сосѣдей. Если они захватываютъ, Австрія также должна захватывать, иначе она утратила бы свое относительное верховенство и, что еще опаснѣе, навлекла бы на себя вторженіе. Эти причины побуждаютъ ее если не всегда къ прямой узурпаціи, то, по крайней мѣрѣ, къ снисходительному отношенію къ чужимъ узурпаціямъ, въ виду участія въ выгодахъ захвата. Однимъ словомъ, заставляютъ ее вольно и невольно слѣдовать системѣ раздѣловъ и присоединяться къ нимъ и тогда, когда они не ею вызваны.

Таково было участіе ея въ раздѣлѣ Польши; такъ обсуждала она одновременно раздѣлъ Турціи; такъ захватила она у своихъ союзниковъ турокъ Буковину, въ 1775 г., послѣ того, какъ отняла у друзей своихъ поляковъ Галицію, въ 1772; такъ, въ 1778 г., замышляя овладѣть Баваріей, она предложила, въ видѣ приманки, Фридриху принадлежавшую саксонскому курфирсту Лузацію. Марія-Терезія тяготилась этимъ постояннымъ противорѣчіемъ между австрійскими интересами и нравственными принципами. Въ ея совѣсти шла борьба между ними, но въ концѣ концовъ принципы оставались всегда побѣжденными, и она съ горестью видѣла, какъ царствованіе, начавшееся защитой права, завершалось самою вопіющею изъ несправедливостей [6]). Никто болѣе этой государыни не цѣ-

[6]) «Сознаюсь», писала Марія-Терезія въ запискѣ, продиктованной секретарю Пихлеру въ февралѣ 1772 года, въ моментъ рѣшенія относительно раздѣла Польши, «сознаюсь, что никогда въ жизни не испытывала я такой печали. Когда опасность грозила всѣмъ моимъ владѣніямъ, я опиралась на свое право и на Божью помощь. Но теперь, когда не только право не на моей сторонѣ, но когда обязательства, справедливость и здравый смыслъ, все противъ меня, я лишилась всякаго спокойствія. Мнѣ остается только тревога совѣсти, не привыкшей ни затуманивать себя, ни выдавать двоедушіе за искренность. Увѣренность въ себѣ и вѣра навсегда утрачены, а съ ними

пилъ добросовѣстности и не страшился грѣха. Однако она грѣшила и сознательно, хотя затѣмъ слѣдовали жестокія угрызенія совѣсти, въ которыхъ она видѣла искупленіе. Отъ сдѣлки къ сдѣлкѣ, она незамѣтно приходила къ сомнительнымъ и прямо несправедливымъ поступкамъ [7]) и къ тому заключенію, что обиліе выгодъ покроетъ порочность операціи. Изобрѣтательная діалектика императрицы приводила ее къ мнѣнію, что самый предметъ согрѣшенія долженъ искупить его и, извращая текстъ священнаго писанія, она полагала, что много будетъ отпущено тому, кто много узурпировалъ [8]). Казуистика ея усложнялась еще и изумительнымъ комедіантствомъ [9]). Но это никого не вводило въ заблужденіе, и вѣнскій дворъ постоянно обвинялся въ двоедушіи, ухищреніяхъ и ненасытной алчности. Императрица жаловалась на это, скорбѣла и признавалась, что въ сущности общественное мнѣніе не ошибается. Она била себя въ грудь, изливалась въ іереміадахъ и продолжала идти тѣмъ же путемъ. «Хотѣли», писала она однажды въ минуту искренняго покаянія, «хотѣли подражать Пруссіи и въ то же время желали сохранять подобіе честности!» [10]).

и самыя чистыя сокровища и истинная сила государя предъ лицомъ остальныхъ». Arneth, t. VIII, p. 365.

[7]) Она писала Кауницу, по поводу Польши (31 окт. 1770): «Я имѣю весьма нелестное понятіе о нашихъ правахъ». Arneth: *Maria-Theresia*. И по поводу Баваріи—Іосифу II (2 янв. 1778): «Права, плохо констатированныя и устарѣлыя, по мнѣнію самихъ министровъ, и это вамъ извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ».

[8]) «Надо умѣть себя поставить и ради ничтожной выгоды не портить своей доброй славы въ глазахъ людей, и не терять прямодушія предъ лицомъ Всевышняго». Марія-Терезія Кауницу, 13 января 1772. Arneth, t. VIII, p. 596.—Въ 1808 г., при сходныхъ обстоятельствахъ, Меттернихъ писалъ въ своихъ мемуарахъ (т. II, стр. 149): «Мы должны бы многимъ пожертвовать для сохраненія Порты; но наше существованіе и политическое значеніе, главные элементы жизни крупнаго государства, должны поставить предѣлы нашимъ пожеланіямъ. Мы не можемъ спасти Турціи; слѣдовательно надо содѣйствовать ея раздѣлу и постараться получить возможно бо́льшую долю».

[9]) Дюранъ писалъ изъ Вѣны въ 1772 г.: «Отъ природы живая и чувствительная, она горячо отзывается на событія, но впечатлѣнія ея не глубоки и стираются съ такою же быстротою, какъ и воспринимаются. Воображеніе, которое оказало ей не мало услугъ, есть источникъ тѣхъ, кажущихся сердечными, выраженій, которыя дѣйствуютъ на самыхъ неподатливыхъ. Однажды, выходя изъ театра, гдѣ пѣла Тези, она воскликнула: «Нѣтъ, никогда не было болѣе великой актрисы!»—«Послѣ васъ», замѣтилъ покойный императоръ.

[10]) «Сознаюсь, хотя это мнѣ и трудно, что ничто не было мнѣ столь тягостно, какъ потеря нашей доброй славы. Къ несчастію, я должна сказать между нами, что мы это заслужили»... Марія-Терезія Іосифу, 23 янв. 1772. Arneth.

Въ этомъ выражается вся политическая нравственность Австріи, и ни одинъ изъ ея государей не олицетворялъ духа своего дома полнѣе этой императрицы. Тотъ же характеръ, за вычетомъ высокихъ государственныхъ дарованій, встрѣтимъ мы у внука Маріи-Терезіи, Франца. У Іосифа II, царствовавшаго въ самомъ началѣ революціи, присоединялся къ нему оттѣнокъ цинизма во вкусѣ Фридриха [11]); но при меньшемъ лицемѣріи въ выраженіяхъ и бо́льшей рѣзкости въ поступкахъ, онъ только продолжалъ, доводя до крайности, дѣло своихъ предшественниковъ. Большинство его предпріятій было начато еще при Маріи-Терезіи и приведено въ исполненіе министромъ, который гордился точнымъ соблюденіемъ преданій классическаго царствованія—Кауницемъ.

II.

Всѣ эти предпріятія, такъ же, какъ и дальнѣйшія, были лишь приведеніемъ въ исполненіе плановъ, давно задуманныхъ вѣнскимъ дворомъ. Мы находимъ ихъ выработанными и рѣшенными съ замѣчательною предусмотрительностью въ весьма любопытномъ документѣ конца семнадцатаго вѣка: *Завѣщаніи герцога Карла Лотарингскаго* [1]). Прежде всего предполагалось овладѣть Германіей и установить имперію. Для этого необходимо, путемъ возбужденія духа завоеваній и исканія славы, истощить всѣхъ нѣмецкихъ государей, низвести ихъ до роли простыхъ областныхъ намѣстниковъ, подобно тому, какъ весьма политично сдѣлано во Франціи Бурбонскимъ домомъ. Истощивъ такимъ образомъ Германію, австрійскій домъ воспользуется швейцарцами, итальянцами и венгерцами, ненавидящими нѣмцевъ, чтобы разрушить имперію и посредствомъ завоеванія превратить ее въ монархію, что́ всегда менѣе трудно и болѣе прочно, чѣмъ дипломатическіе пути [2]). Справившись съ Германіей, слѣдуетъ «отказаться отъ

---

[11]) «Съ волками жить, по волчьи выть; лишь бы была польза, все равно, какимъ путемъ она достигнута». Кауницу, 9 янв. 1781. Arneth, *Ioseph II und Catharina*, стр. 35.

[1]) «Политическое завѣщаніе герцога Барскаго и Лотарингскаго Карла, врученное Леопольду въ Пресбургѣ, 29 ноября, 1687 г., для короля Венгріи и его преемниковъ, будущихъ императоровъ». Напечатано въ Лейпцигѣ въ 1696 г. См. по исторіи, анализу и многочисленнымъ выдержкамъ изъ этого документа: «*Histoire de la réunion de la Lorraine à la France*» *par le comte d'Haussonville,* t. III, p. 372. Paris, № LV, манускриптъ, находящійся въ архивѣ.

[2]) Сравн. въ *Correspondance diplomatique de M. de Bismark* (переводъ съ нѣмецкаго изд.). Paris. 1883, t. II. p. 423, планы, приписываемые Бисмаркомъ Шварценбергу, и которые позднѣе были частію выполнены имъ самимъ. Это все та же федеративная болѣзнь, поддающаяся только леченію *желѣзомъ и огнемъ*.

права, дарованнаго завоеваніемъ, подъ условіемъ, что германскій союзъ долженъ предоставить наслѣдственную власть царствующему дому, съ полнымъ ему подчиненіемъ и съ упраздненіемъ ратисбонскихъ штатовъ». Вѣна сдѣлается главою имперіи «и изъ нея будутъ исходить лишь деспотическіе и абсолютные законы». Тогда наступитъ время направить на внѣшняго врага грозную силу соединенной Германіи и приступить къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Прежде всего надлежитъ укрѣпиться въ Сициліи, Неаполѣ и Ломбардіи [3]). Затѣмъ стать твердою ногою въ Венеціи [4]), завладѣть которой необходимо для связи этихъ завоеваній съ центромъ имперіи. Далѣе, когда итальянскіе государи низведены будутъ на степень простыхъ губернаторовъ, предпринято будетъ ограниченіе владѣній папы однимъ Римомъ, что также будетъ совершено вооруженною рукою [5]). «Папа, безъ сомнѣнія, будетъ протестовать, то есть пуститъ въ ходъ громы церкви, но слѣдуетъ озаботиться пріисканіемъ ученыхъ людей, которые дѣйствовали бы на народъ живымъ и печатнымъ словомъ, разъясняя безполезность и недѣйствительность церковныхъ отлученій въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о земныхъ благахъ, никогда не предназначавшихся церкви Іисусомъ Христомъ».

Какъ ни былъ дальновиденъ авторъ *Завѣщанія*, виды его не простирались однако же на Турцію. Въ тѣ времена турки были еще слишкомъ грозны для того, чтобы можно было распоряжаться ихъ наслѣдствомъ. Но начиная съ Карловицкаго договора, въ 1699 г., австрійскій домъ, вытѣснивъ ихъ изъ своихъ предѣловъ, намѣревался вторгнуться въ занимаемыя ими территоріи. Именно въ этомъ смыслѣ давалъ совѣты Карлу VI Евгеній Савойскій [6]). Всѣ вышеупомянутые планы, разъ принятые австрійцами, уже не покидались ими.

Если сравнить эти политическія традиціи австрійскаго дома съ тѣми, которыя завѣщаны были Бурбонскому дому Генрихомъ IV и Ришелье, то приходится констатировать, что намѣренія обоихъ государствъ находились почти въ безусловномъ противорѣчіи между собою. Довести

---

[3]) Сравните политическіе планы Меттерниха, относительно Италіи, во время пражскаго конгресса 1813 г., планы, осуществленные имъ въ значительной мѣрѣ послѣ 1815 г. См. Oncken, *Oesterreich u. Preussen im Befreiungskriege*, Berlin. t. II. p. 462.

[4]) Ее взяли отчасти въ 1797 и овладѣли ею вполнѣ въ 1815.

[5]) См. Bianchi, t. I. Въ Парижѣ, въ 1814 г. Меттернихъ вручилъ записку Кастльри, съ цѣлью отклонить его отъ мысли полнаго возстановленія свѣтской власти папы, причемъ онъ ссылался на права имперіи на легаціи.— См. также договоръ между Австріей и Мюратомъ 11 янв. 1814 г. по поводу раздробленія папскихъ владѣній.

[6]) *Instruction du comte de Luc*, 1715. *Recueil des Instructions*, *Autriche*, t. I, p. 168.

Францію до подчиненія ея замысловъ австрійскимъ, заставить ее пожертвовать своими вѣковыми интересами ради видовъ соперницы, это было для вѣнскихъ дипломатовъ совершенно неожиданной удачей. И однако эта удача выпала на долю Маріи-Терезіи. Понятно, что ея канцлеръ Кауницъ видѣлъ верхъ искусства своей политики въ той самой «австрійской системѣ», которую находили бѣдствіемъ государства всѣ просвѣщенные французы. Антагонизмъ проявился съ полною силой немедленно послѣ того, какъ Франція, подъ руководствомъ Людовика XVI и Верженна, возвратила себѣ независимость въ этомъ отношеніи, снова стала отстаивать свои особые интересы и пожелала занять въ Европѣ подобающее ей мѣсто. Съ той поры Австрія испытываетъ постоянныя неудачи, и въ каждой изъ нихъ даетъ себя чувствовать рука Франціи. Іосифъ II не хотѣлъ съ этимъ мириться. Какъ только явилась возможность [7]), онъ обратился къ Россіи. Его планы совпадали съ намѣреніями Екатерины: они вступили въ соглашеніе въ 1781 г. [8]). Виды, которыхъ держалась Австрія въ этомъ союзѣ, руководили всею ея политикою въ эпоху революціи.

Господствующею идеей постоянно является мысль о германской имперіи; слѣдствіемъ этого было то, что Пруссія осталась непримиримо-враждебною соперницею Австріи. Пруссія постоянно преграждаетъ ей путь къ распространенію ея владѣній въ Германіи, Турціи и Польшѣ. Въ послѣднемъ случаѣ она требуетъ раздѣла. Уничтоженіе, или, по крайней мѣрѣ, расчлененіе Пруссіи составляетъ необходимое условіе успѣха австрійскихъ замысловъ: это—постоянная задняя мысль и точка отправленія Австріи въ ея политикѣ. Дружба между этими державами могла быть не иначе, какъ лицемѣрною, тревожною и эфемерною. Въ сущности, какъ то ясно выражалъ Кауницъ, не можетъ существовать «искреннихъ отношеній» и искренняго соглашенія по вопросу объ интересахъ, которые всегда были и останутся противоположными до тѣхъ поръ, пока одной изъ этихъ державъ не удастся подчинить себѣ другую. Пока пруссаки будутъ въ силѣ,—говорилъ Кауницъ,—у Австріи никогда не будутъ развязаны руки на Востокѣ.

---

[7]) Марія-Терезія умерла 29 ноября 1780 г. Іосифъ былъ императоромъ германскимъ и соргентомъ австрійской монархіи съ 1765 г.

[8]) Союзъ заключенъ былъ путемъ обмѣна писемъ: письмо Іосифа помѣчено 18 или 21 мая 1781 г., письмо Екатерины—24 мая. См. Arneth, *Ioseph II u. Catharina v. Russland.* Относительно прецедентовъ этого союза: Martens, *Traités de l'Autriche et de la Russie*, t. I et II.—Ranke, *Die deutschen Mächte.*—Metternich. *Mémoires.* Въ *Question d'Orient au dix-huitième siècle* находится отчетъ о переговорахъ, происходившихъ въ царствованіе Маріи-Терезіи и имѣвшихъ цѣлью раздѣлъ Турціи; эти переговоры послужили предисловіемъ къ союзу, заключенному въ 1781 г. Другіе переговоры ведены были въ 1775 г.

Въ ожиданіи возвращенія отъ Пруссіи Силезіи, Іосифъ округлялъ свои границы въ Германіи; онъ постоянно возвращался къ своей излюбленной идеѣ захвата Баваріи. Отказавшись же отъ ея завоеванія, онъ пытался обмѣнять ее на Нидерланды. Этотъ обмѣнъ избавилъ бы Австрію отъ отдаленныхъ владѣній, трудно-защищаемыхъ и всегда открытыхъ для французскихъ нападеній; вмѣсто нея онъ пріобрѣлъ бы вполнѣ германскую страну, которая придвинула бы монархію къ самому центру имперіи и связала бы ея германскія владѣнія съ итальянскими. Потерпѣвъ неудачу въ 1785 г. вслѣдствіе отпора Пруссіи и недоброжелательства Франціи, Австрія, тѣмъ не менѣе, не отказалась отъ своего намѣренія; она продолжала преслѣдовать свою цѣль при всѣхъ своихъ политическихъ комбинаціяхъ въ эпоху революціи, и тревога, которую это обстоятельство внушило нѣмцамъ, оказала значительное вліяніе на ихъ отношенія къ Франціи.

«Я полагаю,—писалъ въ 1778 году французскій посланникъ въ Вѣнѣ,—что если императоръ пожелаетъ поправить свои честолюбивыя стремленія на Италію, то прежде всего обратитъ свои виды на венеціанскія владѣнія. Все, что онъ найдетъ удобоисполнимымъ, будетъ найдено имъ и справедливымъ». Италія казалась ему достаточно подготовленной для его господства: одинъ эрцгерцогъ уже царствовалъ во Флоренціи, другой ожидалъ престола въ Моденѣ; пармскій Бурбонъ, женатый на эрцгерцогинѣ, слылъ весьма покорнымъ супругомъ; неаполитанскій же находился вполнѣ подъ вліяніемъ жены. Расчлененіе венеціанской республики довершило бы дѣло. Это была одна изъ долей, которую предназначалъ себѣ Іосифъ въ планѣ раздѣла, составленнаго имъ съ Екатериной II: «Владѣнія континентальныя, а равно венеціанскія: Истрія и Далмація доставили бы мнѣ единственное средство дать цѣну произведеніямъ моего государства». Къ тому же эти венеціанскія владѣнія послужили бы связью съ тѣми, которыя Іосифъ намѣревался пріобрѣсть въ Турціи. Онъ предполагалъ потребовать отъ Турціи исправленія границъ, въ видахъ защиты и огражденія Галиціи и Буковины, затѣмъ уступки Валахіи до Алуты, Виддина, Оршовы, Бѣлграда, съ трехмильнымъ райономъ на лѣвомъ берегу Дуная; изъ Бѣлграда «протянули бы наиболѣе прямую и краткую линію, сообразуясь съ территоріей, тянущеюся къ Адріатическому морю, и включая Дринскій заливъ», что обезпечило бы за Австріей вмѣстѣ съ частью Сербіи—Боснію, Герцеговину и Черногорію.

Что касается до Польши, австрійцы, повидимому, были сильно заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить ее въ видѣ препятствія между собою и Россіей; все побуждало ихъ защищать ее отъ посягательствъ Пруссіи. Къ несчастію, вѣнскій дворъ опасался, чтобы польская республика, преобразовавшись, не сдѣлалась бы опасной для Австріи, и потому онъ нахо-

дилъ нужнымъ сохранить Польшу, на всякій случай, открытой для раздѣловъ. Поэтому этотъ дворъ почиталъ наиболѣе цѣлесообразнымъ поддерживать въ Польшѣ анархію и имѣть въ виду средства накроить себѣ въ ней провинцій.

Всѣ эти замыслы отдаляли Австрію отъ Франціи; но для ихъ выполненія Австрія нуждалась во французскомъ нейтралитетѣ. Она въ особенности нуждалась въ сохраненіи вліянія на Россію и знала по опыту, что потеряетъ его, какъ только Россія почувствуетъ, что она необходима. «Если бы она нашла возможность заставить меня порвать съ Франціей,— писалъ Іосифъ II,—то увидѣла бы, что мнѣ пришлось бы быть у нея въ полномъ подчиненіи, что было бы весьма удобно для нея, но весьма мало пригодно для меня; поэтому ничего такого не будетъ». Такимъ образомъ онъ поддерживалъ союзъ 1756 г., но, покоряясь этой необходимости, съ ненавистью относился къ этому союзу. Онъ, въ сущности, ненавидѣлъ Францію и завидовалъ ей. Если въ Версалѣ можно было встрѣтить ярыхъ противниковъ «австрійской системы», то въ Вѣнѣ имѣлись непреклонные враги «системы французской».

Вѣковая вражда была весьма слабо смягчена слѣпою снисходительностью Франціи во время Семилѣтней войны. Австрія продолжала находить, что была принесена въ жертву. Политика Верженна еще болѣе раздражила ее. Марія-Терезія заявила о томъ, что дорожитъ союзомъ съ Франціей. Она любила Францію, какъ любила Польшу, вѣроятно потому, что много злоупотребляла и тою и другою: подъ этимъ расположеніемъ скрывалось презрѣніе. Іосифъ и братъ его Леопольдъ раздѣляли это презрѣніе. Ихъ письма полны жалобъ на Францію, на ея «фальшивость и желаніе вредить», на ея «ужасный, непослѣдовательный, оскорбительный, достойный ея самой образъ дѣйствій». Франція «пользовалась правами союзницы, правами родства и дружбы лишь для того, чтобы обманывать изъ-подъ руки и оскорблять безнаказанно». Австрія, напротивъ, поступала всегда «съ полнѣйшею искренностью, дружелюбіемъ, довѣрчивостью и сердечностью», а Франція постоянно злоупотребляла этимъ для нанесенія всевозможнаго зла». Австрія питала тайное намѣреніе отомстить союзницѣ, имѣвшей слабость пожертвовать ради нея своими интересами, а теперь совершавшей, по ея мнѣнію, преступленіе, позволяя себѣ защищать эти интересы. «Если бы только намъ удалось *промѣнять* Нидерланды, тогда мы вышли бы изъ ея когтей и можетъ быть удалось бы заставить ее когда-нибудь и раскаяться, въ случаѣ войны съ англичанами». «Но теперь не время выказывать неудовольствіе. Не слѣдуетъ забывать ее, надо помнить о ея поступкахъ и сообразно съ этимъ дѣйствовать; но пока мы

въ ней нуждаемся, слѣдуетъ сносить ея дурное расположеніе духа и не выказывать своихъ истинныхъ чувствъ».

Проникнутая такими чувствами по отношенію къ Франціи и замышляя противъ турокъ предпріятіе, противъ котораго Франція могла создать непреодолимыя препятствія, Австрія зорко слѣдила за признаками ослабленія, проявлявшимися во Франціи, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ видѣла усиленіе внутреннихъ французскихъ смутъ. «Высокомѣріе Франціи,—писалъ Іосифъ,—можетъ быть укрощено только отсутствіемъ средствъ къ приведенію въ исполненіе ея честолюбивыхъ замысловъ. Французы могутъ повредить себѣ только сами, и они въ этомъ отношеніи на хорошей дорогѣ... Если у Франціи будетъ много хлопотъ и она будетъ ощущать недостатокъ въ деньгахъ и средствахъ, то король прусскій, оставшись одинъ, не посмѣетъ ничего предпринять, и его могутъ сдержать два императорскіе двора. Тогда можно будетъ дѣйствовать свободно, и турки погибли». Вотъ объясненіе всей австрійской политики по отношенію къ Франціи въ первое время французской революціи.

Въ 1788 г. Іосифъ II нашелъ, что кризисъ въ Версалѣ достаточно созрѣлъ для того, чтобы можно было «дѣлать на Востокѣ, что хочешь», и онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Екатериной II завоеваніе оттоманской имперіи. Съ этой минуты, въ его интересѣ было, чтобы Франція, сохраняя подобіе государства, не возвратила бы себѣ прежняго могущества, жизненности и энергіи. Революція показалась ему въ высшей степени своевременнымъ событіемъ. Его политика, также какъ политика его брата Леопольда, наслѣдовавшаго ему въ 1790 г. и царствовавшаго до марта 1792 г., покажется сложной и запутанной по формѣ; въ сущности же она была вполнѣ послѣдовательной: Австрія была вѣрна своей традиціи. До тѣхъ поръ, пока французская революція парализовала монархію, не уничтожая ея, и не грозила Европѣ вооруженной пропагандой, Австрія смотрѣла на нее снисходительно; когда же революція перешла въ анархію, когда она вторглась въ сосѣднія государства и показалась опасной для континента, Австрія ополчилась на нее; но заднія мысли, замедлившія вмѣшательство, стѣснили ея дѣятельность. Австрія не желала содѣйствовать возстановленію во Франціи сильнаго правительства; она находила для себя полезнымъ, чтобы монархія, которую возстановятъ въ ней, оставалась бы ограниченной, слабой и нуждающейся въ чужой помощи. Стараясь поднять французскій тронъ, она помышляла о раздѣлѣ самаго французскаго государства. Въ то самое время, какъ она становилась на сторону короля, она озабочена была возвращеніемъ себѣ тѣхъ двухъ провинцій, которыя принуждена была уступить Франціи и отъ которыхъ она никогда не думала навсегда отказаться: Эльзасъ и Лотарингія были двой-

нымъ наслѣдіемъ ея династіи. Вѣрная своимъ вѣковымъ традиціямъ, она увидѣла въ великомъ кризисѣ лишь случай привести въ исполненіе замыслы относительно расширенія своихъ предѣловъ.

Эти традиціи объяснятъ намъ, почему, обманувшись въ своихъ расчетахъ вслѣдствіе побѣдъ французовъ, Австрія весьма скоро отказалась отъ консервативной политики и вернулась къ системѣ раздѣловъ. Мы увидимъ, какъ она вознаградила себя за убытки на счетъ Польши, которая и не думала нападать на нее; на счетъ Венеціи, которая недвижно лежала у ея ногъ, и на счетъ нѣмецкихъ духовныхъ князей, которыхъ обязана была защищать; какъ, теряя репутацію честности, которую безосновательно себѣ присвоила, но которую такъ выгодно было бы заслужить, она дѣлалась сообщницей коварныхъ и насильственныхъ предпріятій, перевернувшихъ въ Европѣ всю систему владѣній стараго порядка; какъ, желая обмануть всѣхъ, она была обойдена всѣми и кончила тѣмъ, что запуталась въ непомѣрно обширныхъ замыслахъ, которые преслѣдовала одновременно повсюду; какъ, не успѣвъ погубить Францію, она сдѣлалась ея союзницею для того, чтобы съ большею безопасностью ждать удобной минуты для измѣны; какъ, для усыпленія и умиротворенія побѣдителя, она рѣшилась отдать въ руки вѣнценоснаго представителя революціи одну изъ своихъ эрцгерцогинь; какъ, потерпѣвъ пораженіе во всѣхъ кампаніяхъ, отъ 1792 до 1809 г., отъ Жеммапа до Лоди, Арколя, Маренго, Гогенлиндена, Аустерлица и Ваграма, она успѣла, тѣмъ не менѣе, при помощи терпѣнія и гибкости, настойчивости и коварства, доставить себѣ мѣсто среди третейскаго суда, рѣшившаго одинъ изъ величайшихъ кризисовъ современной Европы; какъ, наконецъ, она вышла изъ него болѣе вліятельной, болѣе богатой, болѣе могущественной, чѣмъ когда-либо была, обманувъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка, такъ же, какъ и въ восемнадцатомъ—расчеты своихъ враговъ. Говорили, что она всегда запаздываетъ и въ мышленіи и въ движеніи войска; но у нея всегда была идея и всегда было войско; такова ея главная традиція, и эта-то традиція дозволила ей поддержать всѣ остальныя.

III.

Въ 1740 г. можно было ожидать, что, за неимѣніемъ главы, австрійская монархія придетъ къ полному разложенію. Въ 1789 г. самъ императоръ подвергъ ее опасности такого разложенія. Въ своихъ попыткахъ преобразовать государство, Іосифъ II встрѣтилъ отпоръ и со стороны различныхъ народностей, входящихъ въ составъ этого государства, и со стороны агентовъ самого правительства. Въ нѣсколькихъ провинціяхъ произошли возстанія; повсемѣстно замѣчалось тревожное настроеніе. Обманувшись во

всѣхъ своихъ надеждахъ, Іосифъ впалъ въ уныніе и признавалъ себя почти побѣжденнымъ. «У меня нѣтъ людей», писалъ онъ брату, «людей, способныхъ понимать, такихъ, которые желали бы что-нибудь дѣлать и, наконецъ, почти никого близъ меня не одушевляетъ стремленіе ко благу отечества». Такого рода сѣтованія начались еще въ царствованіе Маріи Терезіи и продолжались до великихъ катастрофъ въ монархіи во время войны съ Франціей. Дѣло въ томъ, что если императрицѣ удалось найти для веденія внутренняго управленія нѣсколькихъ способныхъ министровъ, то общій составъ ихъ подчиненныхъ былъ ниже своей задачи [1]).

По внѣшней политикѣ, крупныя дѣла обсуждаются императоромъ и государственнымъ канцлеромъ, княземъ Кауницемъ. Въ 1789 г. Кауницу было уже семьдесять восемь лѣтъ: онъ устарѣлъ вмѣстѣ съ вѣкомъ, и никто лучше него не олицетворялъ упадка стараго режима. Преисполненный самомнѣнія, убѣжденный въ своей геніальности и превосходствѣ своихъ принциповъ, онъ кичился широкими замыслами и возвышенными соображеніями; онъ былъ большой мастеръ на пустыя формулы, тонкіе софизмы и не лишенъ былъ нѣкотораго кокетства по отношенію къ чистому разуму. Въ немъ соединялась дерзость царедворца съ смѣсью педанта; развращенный человѣкъ, большой скептикъ во всемъ, что не касалось его собственныхъ достоинствъ, искусившійся во всевозможныхъ политическихъ ухищреніяхъ, но слишкомъ самодовольный, слишкомъ узкій умомъ, слишкомъ пустой и изношенный, онъ не былъ способенъ понять духа новаго времени и правильно судить о немъ. Онъ умѣлъ мыслить не иначе, какъ силлогизмами, и говорить диссертаціями. Съ годами онъ превратился въ стараго болтуна. Революція озадачила его пустой эмпиризмъ. Онъ зналъ Францію только такою, какою она была во времена Людовика XV; онъ вообразилъ, что имѣетъ передъ собою вторую Польшу, и поступалъ сообразно съ такимъ взглядомъ. Подобное чудовищное заблужденіе повлекло за собою бѣдственные результаты. Преемники же Кауница неспособны были помочь бѣдѣ. За исключеніемъ Мерси, который былъ смущенъ событіями, обезкураженъ, обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ и умеръ въ 1794 г., вѣнскій дворъ не располагалъ ни единымъ человѣкомъ, способнымъ руководить имъ во время революціоннаго кризиса, обладающимъ хотя бы яснымъ взглядомъ, твердою волей

[1]) См. по этому вопросу: Van Swieten, Riegger, Martini, Sonnenfels, Arneth. Іосифъ II писалъ Кауницу 1-го августа 1786 г. (Beer): «Вслѣдствіе національнаго характера или воспитанія, у большинства должностныхъ лицъ не замѣчается ни энергіи, ни преданности чему бы то ни было; они работаютъ ровно настолько, чтобы не быть уволенными отъ службы; они проявляютъ усердіе только въ дѣлѣ созданія затрудненій или замедленія и нарушенія въ исполненіи предписаній... Это до такой степени общее явленіе, что не знаешь, гдѣ взять болѣе удовлетворительныхъ агентовъ».

и послѣдовательностью въ своихъ намѣреніяхъ. Лишенный совѣтниковъ, австрійскій домъ могъ возлагать надежды исключительно на своихъ государей. Неосмотрительныя предпріятія Іосифа могли погубить государство. Братъ его Леопольдъ, умный, твердый, даже глубокій, способенъ былъ исправить дѣла монархіи. Но Леопольдъ исчезъ со сцены въ ту минуту, когда былъ всего необходимѣе, и оставилъ престолъ молодому, неопытному сыну. Францу II потребовались годы испытаній для того, чтобы выработать ту настойчивость и постоянство, которыя были его единственною государственною добродѣтелью.

Если это постоянство оказалось достаточнымъ для поддержанія австрійской монархіи среди опаснѣйшаго кризиса и позволило ей ожидать болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ искусство Меттерниха со временемъ извлекло столь значительныя преимущества, то нельзя не предположить, что сама эта монархія обладала большею долею жизненности и прочности, чѣмъ это привыкли ей обыкновенно приписывать. Именно то, что́ подвергало ее опасности при старомъ порядкѣ, спасло ее въ эпоху революціоннаго кризиса. Умственная культура въ ней находилась на весьма низкой ступени; въ ней мало цѣнилось просвѣщеніе: оно почиталось даже прямо опаснымъ. До 1764 г. іезуиты были главными руководителями умовъ. Они наполняли школы, коллежи и университеты. Они же регулировали цензуру. Преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ было небрежно, сухо, формально. Потребовался спеціальный указъ императрицы для того, чтобы допущенъ былъ изъ-за-границы «Духъ Законовъ» Монтескьё. Научное образованіе отсутствовало; философія была запрещена, а литература стѣснена. Духъ эмансипаціи, независимости, пылкія стремленія къ лучшему, одушевлявшія Германію, скандализировали императрицу. Впрочемъ почва была слишкомъ старательно очищена іезуитами, и зловредныя сѣмена не могли и приняться на ней. Въ 1774 г. въ Вѣнѣ попытались основать академію и пропагандировать въ ней нѣмецкую литературу; призвали даже Лессинга, но это не оказало никакого воздѣйствія на общественное мнѣніе. Австрія, въ моментъ всеобщаго увлеченія идеями, порождала однихъ музыкантовъ и стремилась лишь къ наслажденію. Послѣднее стремленіе было особенно ярко, и пресловутая «Комиссія Цѣломудрія», учрежденная императрицей, также какъ и суровость, которую проявляла Марія-Терезія, карая за безнравственность своихъ приближенныхъ, не оказали никакого сдерживающаго вліянія на распространеніе въ Вѣнѣ крайней разнузданности нравовъ. Эта столица могла назвать себя истинной обѣтованной землею веселыхъ интригъ и безпутства [2]).

---

[2]) См. письма Маріи Терезіи къ де-Мерси въ 1772 г., по поводу кардинала де-Рогана: «Наши женщины ужасны, онѣ забыли всякую благопристой.

Къ этому чувственному разврату не имѣлось добавленія въ видѣ интеллектуальныхъ вольностей, которыя сопровождали нравственную распущенность во Франціи, Англіи и Германіи. Вѣнцы не заботились объ утонченности своихъ удовольствій; они не имѣли ни малѣйшей претензіи возродить человѣчество, отдаваясь волѣ своихъ прихотей. Это были веселые повѣсы, безсознательно предававшіеся разврату грубому и матеріальному. Ихъ умственная пустота и легкомысліе предохраняли ихъ отъ заразы философскихъ ученій болѣе дѣйствительно, чѣмъ какая бы то ни было суровая цензура. Іосифъ II мѣшалъ имъ веселиться своими реформами; они покорялись ему неохотно и съ нѣкотораго рода страхомъ. Французская революція привела ихъ въ ужасъ; они весьма одобряли борьбу противъ нея собственнаго правительства. Большинство, впрочемъ, ничего не понимало въ этой революціи, что однако не мѣшало ему ненавидѣть ее. Мирабо, наблюдавшій вѣнцевъ мимоходомъ въ 1786 г., писалъ по поводу Іосифа II: «Онъ идетъ противъ силы вещей; поэтому ему ничто не удается». Тотъ же отпоръ, который встрѣтилъ Іосифъ въ дѣлахъ внутреннихъ реформъ, создалъ и непреодолимыя препятствія для вліянія французской революціи. Противъ нея въ австрійскихъ владѣніяхъ было именно то, что доставляло ей успѣхъ въ другихъ странахъ—т. е. общественный импульсъ.

Національнаго духа не было въ этой нескладной монархіи; зато не приходилось опасаться и національной революціи. Революціонная пропаганда будила въ пестромъ населеніи Австріи лишь воспоминанія о былой независимости, то есть такія традиціи, которыя ставили эти различные народы во враждебное отношеніе другъ къ другу. Идея свободы не только не объединяла ихъ, а сѣяла между ними раздоръ. Эта идея смѣшивалась ими съ идеей объ автономіи; а такъ какъ ни одинъ изъ подвластныхъ Австріи народовъ не былъ достаточно силенъ для того, чтобы добиться ея безъ посторонней помощи, такъ какъ они слишкомъ рѣзко различались по своему происхожденію и традиціямъ и не могли поэтому соединиться во имя общаго освобожденія, такъ какъ не могли въ отдѣльности ограждать себя отъ иностранцевъ и всѣ нуждались въ защитѣ, то самое столкновеніе ихъ интересовъ привязывало ихъ къ царствующему дому. Достаточно было государю явиться къ каждому изъ этихъ народовъ въ качествѣ ихъ національнаго властителя, чтобы расположить къ себѣ всѣ сердца; такимъ образомъ онъ пользовался для поддерживанія цѣлаго тѣми самыми тенденціями, которыя влекли отдѣльныя части къ отпаденію [3]).

ность...» И далѣе: «И это не подонки народа, а наше дворянство, которое такъ же развращено... и все это у меня передъ глазами». Arneth, Geffroy.

[3]) Мабли давалъ именно такой совѣтъ Іосифу II, вскорѣ послѣ смерти Маріи-Терезіи: «Я бы приложилъ стараніе къ тому, чтобы сдѣлать своихъ

Проницательный государь, а именно такого нашла Австрія въ Леопольдѣ II. долженъ былъ воспользоваться распространявшимся среди народностей его имперіи свободолюбивымъ духомъ для укрѣпленія своей власти.

Эти народы понимали свободу лишь въ освященныхъ ихъ исторіей формахъ: они требовали своихъ собраній, вольностей, хартій. Возвращая имъ все это, пришлось бы возстановить у нихъ вполнѣ аристократическія учрежденія, воскресить старыя традиціи, и результатомъ получилось бы не упраздненіе стараго порядка, а возобновленіе его въ первобытномъ видѣ. Въ этихъ краяхъ духъ національной независимости и политической свободы естественнымъ образомъ становился враждебнымъ ученіямъ французской революціи и благопріятствовалъ партіи, заинтересованной въ борьбѣ противъ нихъ. Вотъ почему въ народѣ, и въ особенности у крестьянъ, идея такой свободы не вызывала энтузіазма и пользовалась весьма слабымъ кредитомъ. Система, усиливающая аристократію и предоставляющая ей правительственную власть, не могла быть популярна въ этой средѣ; они предпочитали непосредственное правленіе государя. Единственной, интересовавшей ихъ, реформы—смягченія феодальнаго строя—они ждали только отъ государства. Они находились въ томъ странномъ положеніи, что возвращеніе ихъ странѣ политической свободы казалось отдаленіемъ отъ гражданской свободы. Такимъ образомъ, гражданскія реформы, совершенныя правительствомъ, обратились на пользу государства и династіи.

Династическій духъ заступалъ мѣсто національнаго, въ которомъ ощущался недостатокъ. «Всѣ австрійскія провинціи кишатъ жителями», писалъ Бильфельдъ. «Это—неистощимый разсадникъ рекрутъ». Народы эти воинственны и вмѣстѣ съ тѣмъ легко поддаются дисциплинѣ. Для многихъ изъ нихъ война не приноситъ даже большого измѣненія въ привычкахъ. Торговля незначительна, промышленность слабо развита, такъ что война не причиняетъ въ Австріи тѣхъ глубокихъ пертурбацій, которыя являются ея слѣдствіемъ въ Англіи и Франціи. Казна бѣдна, дворянство богато; въ случаяхъ серьезной опасности, дворяне приходятъ на помощь государству, сознавая, что его гибель будетъ и для нихъ разореніемъ. Австрія есть скопленіе наслѣдствъ, но ея разнородная конституція позволяетъ выносить раздѣлы съ меньшимъ ущербомъ, чѣмъ другія государства, и совершать присоединенія съ большею легкостью. Всѣ элементы пригодны для ея состава.

подданныхъ счастливыми... управляя различными народами, соперничающими другъ съ другомъ и которые не могутъ смотрѣть на Австрію, какъ на отечество, за неимѣніемъ объединяющаго интереса; я бы желалъ чтобы любовь ихъ ко мнѣ объединяла ихъ и замѣняла имъ любовь къ родинѣ, связывающую во едино волю отдѣльныхъ гражданъ» (*De la mort de l'Impératrice reine* 1780. Mably).

Единственною связью является династія, и если она порвалась въ одномъ мѣстѣ, ее можно снова связать въ другомъ; династія мѣняетъ мѣсто, но продолжаетъ существовать. Австрія жила на подобіе тѣхъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, которые можно рѣзать безнаказанно и которые возстановляются изъ собственныхъ частей, потому что у нихъ нѣтъ центра, нѣтъ главнаго органа и въ сущности ихъ тѣло и не затронуто. Для этой монархіи было безразлично, какія наименованія носили фрагменты націй, входившихъ въ ея составъ, лишь бы общая сумма и общая масса оставались неизмѣнными. Это была единственная держава, основывавшаяся на чистой статистикѣ.

Наконецъ, вынужденная самыми условіями своего существованія вести только внѣшнюю политику, не имѣя внутренней политики въ собственномъ смыслѣ этого слова, Австрія хотя и лишена была той пружины, которую національная конституція давала Франціи и Англіи, за то ей не приходилось и опасаться тѣхъ кризисовъ, которые, отъ времени до времени, парализовали государственныя силы этихъ двухъ странъ. Ни одно правительство не могло сравняться съ австрійскимъ въ умѣньѣ пользоваться чужими ошибками, выжидать событій и извлекать выгоды изъ сцѣпленія обстоятельствъ. Австрія жила для Европы, Европою и на счетъ Европы; неискусный политикъ могъ погубить ее, но достаточно было ловкой руки, чтобы и поднять ее. Невзгоды, постигшія ее во время правительствъ Тугута и Кобенцеля, настолько же согласуются съ логикою ея исторіи, какъ и удачи, послѣдовавшія при Меттернихѣ. Изъ одной и той же причины вытекали ея затменія, заблужденія, паденія, возвышенія та неизсякаемая живучесть, которую можно назвать тайной ея исторіи.

ГЛАВА VII.

Пруссія.

I.

«Въ настоящее время», писалъ Мирабо въ 1786 г. [1]). «Пруссія есть тотъ стержень, на которомъ держатся и война и миръ». Въ послѣдніе годы стараго порядка она занимаетъ всѣ умы во Франціи; политика Пруссіи служитъ предметомъ страстныхъ споровъ, и всѣ, кто стремится къ славѣ и завоеваніямъ, стоятъ за союзъ съ нею. Любители историческихъ параллелей сравниваютъ ее съ Македоніей [2]). Публицисты, проповѣдующіе необходимость реформъ, прославляютъ и ставятъ въ примѣръ эту монархію—«великій и прекрасный механизмъ, надъ которымъ въ теченіе вѣковъ трудились люди необычайныхъ дарованій». Мирабо заключилъ свой трактатъ о *Прусской монархіи* слѣдующимъ афоризмомъ: «Если Пруссія погибнетъ, искусство управленія государствами вернется къ младенческому состоянію [3]). А между тѣмъ эта гибель, по его мнѣнію, близка; онъ разъясняетъ ея причины и предсказываетъ: «Ни одну монархію не ожидаетъ такое быстрое паденіе. Прусская монархія конституирована такимъ образомъ, что не будетъ въ состояніи вынести никакого бѣдствія, ни даже—неизбѣжнаго съ теченіемъ времени—плохого правительства». Такое противорѣчіе встрѣчается во взглядахъ всѣхъ современниковъ. И прославленіе

---

[1]) *Histoire secrète*, juillet 1786.

[2]) Mably, *Notre gloire et nos rêves*, 1778: «Смуты грековъ возвысили Македонію; наши смуты (т. е. анархія въ Европѣ) дали случай новому Филиппу выдвинуть новую могущественную державу». «Восемнадцать лѣтъ спустя, Шатобріанъ развиваетъ тотъ же тезисъ въ своемъ *Essai sur les Révolutions*, LV: «Около Ѳракіи находилось небольшое королевство, Македонія, судьба котораго представляетъ замѣчательное сходство съ судьбою Пруссіи... Невозможно предвидѣть, до какой степени могущества можетъ дойти Пруссія, слѣдуя своей нынѣшней системѣ. Одинъ и тотъ же духъ воодушевляетъ государей обоихъ королевствъ. Война и политика были ихъ главнымъ занятіемъ. Исторія описываетъ намъ, какъ македонскіе короли мѣняли союзниковъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, усыпляя сосѣдей договорами и тотчасъ по ихъ заключенію вторгаясь въ предѣлы этихъ государствъ.

[3]) Mirabeau, *Monarchie prussienne*, liv. VIII, 1788.

и критика были одинаково справедливы. Исторія эпохи французской революціи попеременно подтверждала оба воззрѣнія.

Это государство, являвшееся въ глазахъ философовъ идеаломъ «просвѣщеннаго правительства», становится яростнымъ противникомъ революціи, совершенной однако же учениками философовъ и имѣвшей цѣлью распространеніе просвѣщенія по всей Европѣ. Враждебно встрѣтивъ революцію при ея возникновеніи, оно сдѣлается пособникомъ и сообщникомъ революціи торжествующей; наиболѣе щедро надѣленное и обласканное изъ всѣхъ союзниковъ республики, оно внезапно возстанетъ противъ имперіи и будетъ ея знаменитѣйшею жертвою. Казалось, оно возвысилось съ такою быстротою лишь для того, чтобы упасть съ бо́льшимъ грохотомъ; но оно возвысится снова и еще съ бо́льшимъ блескомъ, и тѣ, кого такъ долго величали въ Парижѣ именемъ естественныхъ и необходимыхъ союзниковъ, будутъ отнынѣ считаться самыми непримиримыми врагами новой Франціи. Эти превратности прусскихъ судебъ тѣсно связаны съ судьбами французской революціи. Разъясненіе этого факта мы найдемъ въ прошломъ Пруссіи. Слѣдя за ея странными эволюціями, мы увидимъ, что это государство тѣмъ не менѣе послѣдовательно развивало въ нихъ своеобразный характеръ политики, высказывающійся съ самаго возникновенія Пруссіи.

Трудно было бы представить себѣ государственный укладъ, менѣе сходный съ тѣмъ, который мы только что изучали въ Австріи. Антагонизмъ между этими двумя государствами можно назвать прирожденнымъ. Между тѣмъ какъ въ Австріи все содѣйствуетъ образованію космополитической монархіи, главною пружиною которой является дипломатія, которая живетъ реакціями и движется воздѣйствіемъ внѣшней политики на внутреннюю, въ Пруссіи всѣ соціальные и политическіе факторы клонятъ къ сосредоточенію весьма компактной націи въ тѣсно сплоченное государство, которое не только не зависитъ отъ внѣшнихъ толчковъ, но напротивъ само дастъ импульсъ окружающимъ его странамъ. Домъ Гогенцоллерновъ, подобно дому Габсбурговъ, отличается честолюбіемъ, алчностью и подвижностью; но болѣе твердый въ своихъ замыслахъ и менѣе разбрасывающійся въ своихъ стремленіяхъ, онъ съ большею методичностью и настойчивостью преслѣдуетъ свои точнѣе опредѣленныя цѣли. Онъ сосредоточивается по мѣрѣ того, какъ Австрія разбрасывается. И это потому, что онъ нашелъ съ самаго начала своего поприща то, въ чемъ всего болѣе нуждалась Австрія: элементъ для образованія единой націи и единаго государства.

Прусская монархія образовалась въ шестнадцатомъ вѣкѣ посредствомъ сліянія маркграфства Бранденбургскаго съ Пруссіей. Между этими двумя странами находится прусская Польша; но несмотря на то, что ихъ раз-

дѣляетъ эта территорія, онѣ безъ труда сливаются подъ властью одного главы, такъ какъ ихъ связываетъ и общность происхожденія, и одинаковая историческая судьба. Это, такъ сказать, двѣ нѣмецкія колоніи среди славянскихъ земель. Въ бранденбургской маркѣ завоевываетъ и кладетъ начало государству династія Асканіевъ; въ Пруссіи это совершено было рыцарскимъ орденомъ, а именно Тевтонскимъ; но одна и та же политическая необходимость заставляетъ и эту династію и этотъ орденъ держаться одинаковыхъ способовъ дѣйствія. И тѣмъ и другимъ приходится подчинять славянъ и эксплуатировать земли, имѣющія одинаковыя свойства. Орденъ предается занятію земледѣліемъ и торговлею; династія организуетъ свое войско по образцу воинскаго ордена: съ той и другой стороны обрисовывается одинъ и тотъ же воинственный и колонизаторскій, практическій и вмѣстѣ съ тѣмъ мистическій характеръ.

Они дѣйствуютъ на невоздѣланной еще почвѣ. Покоренные ими народы находятся на ступени почти варварской, не имѣютъ ни исторіи, ни традицій. Тѣ, которые не подверглись истребленію, подчиняются; они сливаются съ нѣмецкими поселенцами, навязывающими имъ свою религію и обычаи. Но и сами нѣмцы испытываютъ вліяніе окружающей ихъ среды, и изъ этой помѣси возникаетъ особая раса, значительно отличающаяся и отъ славянъ и отъ германцевъ: эта раса болѣе трудолюбива, болѣе серьезна, болѣе упорна, чѣмъ первые; она опредѣленнѣе, предпріимчивѣе и гибче вторыхъ; какъ политическій элементъ, она превосходитъ и тѣхъ и другихъ, потому что инстинкты ея менѣе сложны, а интеллектъ болѣе ясенъ и способенъ къ подчиненію. Надъ этимъ плотнымъ и въ то же время податливымъ населеніемъ возвышается аристократія, цѣликомъ ведущая свое происхожденіе отъ завоевателей. Товарищи по оружію этихъ завоевателей селятся въ краѣ и становятся господами надъ остальными поселенцами. Въ Пруссіи, Тевтонскій орденъ представляетъ собою совершенную армію и заключаетъ въ себѣ всѣ кадры военнаго дворянства. Въ Бранденбургѣ дворянство исходитъ изъ войска и остается его естественнымъ главою. Крупныхъ помѣстій, леновъ, здѣсь не было: ни гроссмейстеры, ни маркграфы не заботились объ ихъ созданіи. Труболюбивое, бережливое, воинственное по склонности и необходимости, это небогатое дворянство разбросано по неблагодарной территоріи; оно не объединено, не имѣетъ традиціи независимости, а потому нуждается въ поддержкѣ и защитѣ государя; оно предано и покорно служитъ ему и не помышляетъ объ оспариваніи у него власти, благодѣтельность которой испытываетъ больше всѣхъ. Государь можетъ полагаться на это дворянство и ему не приходится считаться съ нимъ, какъ то видимъ въ другихъ странахъ Европы. Такимъ-то образомъ и въ Пруссіи и въ Бранденбургѣ все было цѣликомъ

создано государствомъ, и оно сдѣлалось всѣмъ: въ немъ смыслъ и главная причина существованія. Церковь, сливающаяся съ государствомъ въ Пруссіи, въ Бранденбургѣ покоряется государству, потому что нуждается въ немъ. Покорность эта доведена до такой степени и смѣшеніе религіозныхъ и мірскихъ интересовъ такъ полно, что когда маркграфъ обращается въ реформатство, а гроссмейстеръ, дѣлается свѣтскимъ государемъ, то ихъ примѣру слѣдуетъ духовенство, а затѣмъ и все населеніе. Оно становится лютеранскимъ, какъ ранѣе стало изъ языческаго христіанскимъ. Этимъ довершено было завоеваніе и ассимиляція. Выходя изъ католическаго міра, эти двѣ колоніи еще рѣзче подчеркиваютъ и опредѣляютъ свой особый характеръ. Когда, въ силу событій, секуляризованный гроссмейстеръ, сдѣлавшись герцогомъ прусскимъ, становится одновременно и маркграфомъ бранденбургскимъ, сліяніе происходитъ само собою и между населеніемъ и между правительствами обоихъ государствъ. Всѣ элементы прусскаго народа были уже на-лицо и всѣ элементы прусскаго государства были готовы. Оставалось только провозгласить ихъ единство; это было совершено Гогенцоллернами. Слѣдуя традиціи маркграфовъ и Тевтонскаго ордена, монархи—помазанники Божіи, поставленные во главѣ мірского государства, мистическіе вожди вполнѣ воинскаго дворянства и привыкшаго къ военной дисциплинѣ народа,—явились искусными и добросовѣстными правителями страны, наиболѣе подчиненной государственной власти и наиболѣе податливой такому подчиненію.

Исторія ихъ продолжается такъ же, какъ началась. У нихъ нѣтъ границъ: все, что лежитъ по сосѣдству, можетъ быть взято, но дѣло въ томъ, что все, что взято, трудно сохранить. Отсюда проистекаетъ вынужденное преобладаніе военнаго элемента. Но самая опасность обращается имъ на пользу, потому что они алчны и мощны: обширныя равнины, на которыхъ они поселились, открыты для вторженій, но онѣ представляютъ открытый путь и для ихъ собственныхъ завоеваній. Польша разрѣзываетъ ихъ на два куска: они не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не экспропріируютъ Польшу. Начавши съ завоеванія по необходимости, они остаются завоевателями по склонности и темпераменту. «Война», говоритъ Мирабо, «есть національная промышленность Пруссіи». «Физическій складъ этой монархіи дѣлаетъ для нея честолюбіе необходимостью», писалъ позднѣе одинъ французскій дипломатъ [4]). «Всякій предлогъ для нея пригоденъ. Ее не останавливаетъ никакой укоръ совѣсти. Ея право—выгода». Предлоги же она всегда умѣла выбирать наиболѣе широкіе, многообѣщающіе, а также и блестящіе. Ни одна династія не умѣла такъ ловко пользоваться духомъ

[4]) Instruction de Talleyrand, pour le congrès de Vienne, 1814, въ сборникѣ Ангеберга: *Le Congrès de Vienne*, t. I, Paris, 1864.

вѣка. Прусскіе монархи порождены были крестовыми походами и выросли благодаря реформаціи. Послѣ того, какъ они дѣлали завоеванія на пользу церкви, они стали секуляризовать эти страны въ пользу государства. Ловко пользуясь предлогами, они не менѣе быстро пользуются и удобнымъ случаемъ. Ихъ репутація въ этомъ отношеніи составлена уже въ весьма раннюю пору. «Все пойдетъ хорошо», писалъ одинъ изъ агентовъ Франциска I, «если мы будемъ въ состояніи насытить маркграфа бранденбургскаго; онъ и его братъ, майнцскій курфирстъ, съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе алчными». Съ тѣхъ поръ торгъ былъ открытъ и уже болѣе не закрывался.

Прусскіе государи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, взаимно пополняли другъ друга. Фридрихъ соединилъ въ себѣ всѣ ихъ свойства и превзошелъ ихъ: онъ завершаетъ дѣло своихъ предшественниковъ и открываетъ преемникамъ всѣ пути къ будущему. По мнѣнію философовъ, этого государя можно назвать прусскимъ по преимуществу. Онъ получилъ отъ предковъ элементы небольшого государства и оставилъ послѣ себя кадры великой державы. Онъ взялъ у Австріи Силезію, у Польши—польскую Пруссію; онъ увеличилъ число своихъ подданныхъ съ 2 милліоновъ до 5 съ половиною. Онъ расширилъ и сосредоточилъ свою монархію. Сверхъ территорій, накопленныхъ въ восточной Европѣ, онъ владѣлъ еще и нѣкоторыми въ Остъ-Фризѣ и Вестфаліи, на лѣвомъ берегу Рейна; онъ ожидалъ получить въ наслѣдство Ансбахъ и Байрейтъ въ центральной Германіи. То были фундаменты для новыхъ зданій, аванпосты, въ виду будущихъ пріобрѣтеній. Но Фридрихъ предоставилъ честь и случайности этихъ завоеваній своимъ преемникамъ. «Вы раздѣлите имперію съ императоромъ, по примѣру Октавія и Антонія», сказалъ ему однажды его братъ, принцъ Гейнрихъ. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ находилъ, что императорская корона не будетъ неумѣстной на челѣ Гогенцоллерна; что Саксонія хорошо уложилась бы на картѣ его владѣній; что весьма удобно было бы присоединить къ Бранденбургу вестфальскія, т. е. прирейнскія территоріи, подобно тому, какъ присоединили Бранденбургъ къ старой Пруссіи; но онъ отвѣчалъ не безъ ироніи: «Не мнѣ придется довести до полной зрѣлости соглашеніе съ австрійскимъ домомъ!» И онъ продолжалъ борьбу съ этимъ домомъ; не будучи въ силахъ раздѣлить съ нимъ имперію, онъ сталъ защищать противъ него права этой имперіи. Такъ былъ составленъ имъ въ видѣ политическаго завѣщанія планъ *Конфедераціи государей*, замыселъ, которой былъ возобновленъ въ слѣдующемъ вѣкѣ однимъ изъ его племянниковъ и привелъ Пруссію къ вершинѣ такого успѣха, на который, какъ на слишкомъ отдаленный и недоступный, не расчитывалъ и самъ Фридрихъ.

Онъ намѣтилъ цѣль, поставилъ вѣхи, указалъ путь и назначилъ станціи. Всѣ дальнѣйшія судьбы Пруссіи были предусмотрѣны имъ. Если онъ указывалъ на наслѣдственнаго врага, съ которымъ необходимо бороться и котораго слѣдуетъ экспропріировать, то указывалъ и на полезнаго союзника, традиціоннаго пособника. Успѣхи Россіи сильно озабочивали его. «Это—страшная сила», писалъ онъ брату Гейнриху, 8 марта 1769 г. «Происходя отъ гуновъ и гепидовъ, которые разрушили восточную имперію, они пожалуй примутся въ скоромъ времени и за западную... Не вижу иного средства, кромѣ образованія, со временемъ, лиги изъ самыхъ крупныхъ монарховъ для противодѣйствія этому опасному потоку». Но этой лиги, также какъ раздѣлу имперіи между Октавіемъ и Антоніемъ, не суждено было осуществиться: время для нея еще не наступило. Эта задача предстояла правнукамъ. Взоры Фридриха не проникали далѣе столѣтія; онъ находилъ это для себя достаточнымъ, и не очень многіе политическіе дѣятели съумѣли выказать такую проницательность. «Русскій потокъ», собственно говоря, казался ему опаснымъ лишь въ тѣхъ отдаленныхъ раіонахъ, гдѣ терялся среди тумановъ; но насколько глазъ могъ обнять его теченіе, Фридрихъ находилъ, что выгоднѣе канализировать его воды и эксплуатировать ихъ силу въ пользу прусской монархіи, чѣмъ разоряться на ихъ задержаніе. «Было два исхода», читаемъ въ его «Мемуарахъ»: «или остановить Россію на пути къ ея обширнымъ завоеваніямъ, или, что всего разумнѣе, попытаться извлечь изъ нея пользу». Это послѣднее и было выполнено имъ съ изумительною ловкостью во время перваго раздѣла Польши, и это было примѣромъ, оставленнымъ преемникамъ для подражанія.

Не питая ни малѣйшей симпатіи другъ къ другу и даже смутно сознавая, что ихъ судьбы приведутъ въ отдаленномъ будущемъ къ возобновленію легендарныхъ битвъ между Западомъ и Востокомъ, пруссаки и русскіе понимали, что въ настоящемъ ихъ соединяетъ общій интересъ. И тѣ и другіе желали овладѣть Польшей, а пока она еще существовала, было удобнѣе заключить союзъ для ея раздѣла, чѣмъ воевать изъ-за исключительнаго въ ней господства. Далѣе—русскіе стремились только на востокъ, а пруссаки—на западъ; первые двигались только въ сторону Турціи, а вторые—въ сторону Германіи; слѣдовательно они не препятствовали другъ другу и ихъ замыслы не находились въ противорѣчіи. Наконецъ, у нихъ былъ общій соперникъ и врагъ—Австрія. Слѣпая непріязнь и невѣрный расчетъ могли конечно породить между ними временное столкновеніе; но сила вещей «неминуемо должна была заставить ихъ соединиться въ виду общихъ противниковъ».

Если бы опытъ Фридриха нуждался въ подтвержденіи, то онъ нашелъ

бы его въ превратностяхъ судьбы Пруссіи, пережитыхъ ею въ теченіе войнъ эпохи французской революціи. Фридрихъ умеръ 17 августа 1786 г., то есть въ тотъ моментъ, когда уже начинался во Франціи великій кризисъ, имѣвшій для его дома столь необычайныя послѣдствія.

II.

Фридриху удалось преодолѣть обѣ трудности, предстоящія завоевателю: онъ сохранилъ завоеванное и умѣлъ слить со своими наслѣдственными владѣніями присоединенныя провинціи [1]). Онъ вѣрилъ въ прочность своего дѣла и хотя соглашался съ тѣмъ, что его смерть будетъ кризисомъ для прусскаго государства, «но» прибавлялъ онъ, «монархію не такъ-то легко уничтожить, а моя монархія хорошо устроена. Если даже захотятъ, такъ не съумѣютъ испортить». Въ этомъ случаѣ онъ ошибался. Онъ сознавалъ собственную цѣну и не преувеличивалъ ея; но онъ заблуждался относительно превосходства своего правительства. Онъ олицетворялъ собою Пруссію, и ни одинъ монархъ не могъ съ такою справедливостью сказать: «государство—это я». Въ этомъ сила, но въ этомъ и недостатокъ прусской монархіи. Государство—это государь; государь—великій государственный человѣкъ. Недостатки произведенія происходятъ изъ самихъ достоинствъ создавшаго его художника. Неутомимая дѣятельность Фридриха, его самовластіе, его военныя привычки побуждали его направлять, приказывать и дѣлать все по своему усмотрѣнію. Онъ пригналъ ко всему мѣрку собственныхъ умственныхъ дарованій, а они превосходили средній уровень дарованій. Онъ управлялъ государствомъ, какъ помѣщикъ управляетъ имѣніемъ. Вся его правительственная система сводится къ слѣдующей элементарной задачѣ: эксплуатація обширнаго помѣстья умнымъ хозяиномъ.

«Фридрихъ Великій», говоритъ человѣкъ [2]), занимавшій второстепенную должность въ его кабинетѣ, «одинъ управлялъ всѣми колесами государственнаго механизма. Министры письменно спрашивали его приказаній, и онъ однимъ почеркомъ пера рѣшалъ какъ самыя важныя дѣла, такъ и мельчайшія подробности... Презрѣніе къ людямъ, отъ котораго онъ не могъ воздержаться... сдѣлало его совершенно равнодушнымъ къ чужимъ сужденіямъ, и никогда въ своихъ двустрочныхъ приказахъ онъ не приводилъ мотивовъ. Двухъ-трехъ секретарей, посредственныхъ и работавшихъ какъ машины, было ему достаточно для такого труда». Онъ не хотѣлъ совѣто-

---

[1]) Philippson, *Geschichte des Preussischen Staatswesens*, Leipzig, 1880—1882.—Treitschke, *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert.*

[2]) Lombard, Matériaux pour servir à l'histoire des années 1805, 1806 et 1807. Leizig, 1808.

ваться съ кѣмъ-либо, ни довѣрять кому-бы то ни было своихъ государственныхъ тайнъ. Онъ не потерпѣлъ-бы около себя даже такихъ приближенныхъ совѣтниковъ, какихъ допускалъ Людовикъ XIV. Поэтому-то онъ не образовалъ учениковъ. Среди людей, привыкшихъ молча покоряться его вліянію и переводить на общедоступный языкъ его непогрѣшимые приказы, были однако образованные, выдающіеся люди того вѣка, «просвѣщенные министры», каковы напримѣръ: Герцберги, Зедлицы, Кармеры, Струэнзе, Шуленбурги, Финкенштейны. Но обрекая ихъ на подчиненную роль, Фридрихъ лишалъ ихъ увѣренности въ своихъ силахъ и довѣрія публики. Въ тяжеломъ механизмѣ канцелярій воля уничтожалась, характеры унижались. Отъ старшаго чиновника до послѣдняго писца, всѣ способны были только къ пассивному повиновенію. Бюрократія, обволакивавшая всѣ отрасли государственнаго управленія своею запутанною сѣтью, была орудіемъ, а не учрежденіемъ. Въ энергическихъ и искусныхъ рукахъ она несла жизнь отъ центра къ окружности, но сама по себѣ она была ничто и не имѣла никакой цѣны. Она была готова съ одинаковою покорностью передавать противорѣчивыя приказанія и безпорядочные импульсы. Отсюда проистекали послѣдовательность и единство въ управленіи, пока управлялъ Фридрихъ; путаница и безпорядокъ—въ случаѣ воцаренія слабаго умомъ и неспособнаго на обдуманныя рѣшенія короля. Фридрихъ оставилъ послѣ себя дисциплинированныхъ агентовъ, но не оставилъ ни совѣтниковъ, ни администраторовъ. Въ этой странѣ, еще не имѣвшей правительственной традиціи, послѣ него оставалась одна рутина.

У Фридриха не было бюджета: онъ самъ былъ министромъ финансовъ и контрольной палатой. Извѣстно, до какой степени былъ онъ скупъ на расходы и какъ платилъ тѣмъ, кто работалъ для его славы. Но предположите на его мѣстѣ расточительнаго государя, окруженнаго корыстолюбивыми фаворитами, и вся система обратится въ хищеніе и разореніе. Существуютъ, дѣйствительно, сбереженія, но нѣтъ ни кредита, ни источниковъ дохода. Затраченныя деньги ничѣмъ не пополняются. Фридриху пришлось дѣлать чудеса бережливости для покрытія двухъ продолжительныхъ войнъ: въ этой бѣднѣйшей изъ всѣхъ странъ въ Европѣ, въ такое время, когда задолженность тяготѣла на всѣхъ государствахъ, онъ съумѣлъ, при доходѣ, равнявшемся только 17 милліонамъ, скопить фондъ въ 60 милліоновъ и содержать армію въ 160.000 человѣкъ.

Эта армія была наиболѣе искусно устроеннымъ и прилаженнымъ колесомъ всего механизма; но все-таки это было лишь колесо. Вся двигательная сила заключалась въ душѣ самого короля. Онъ требовалъ слѣпого и механическаго повиновенія. Иниціатива въ офицерѣ казалась ему почти столь же преступною, какъ отсутствіе дисциплины у солдата. Онъ требо-

валъ раболѣпнаго послушанія и ни во что не ставилъ воинскую доблесть. Цѣлая треть его арміи состояла изъ иностранцевъ, наемныхъ или навербованныхъ солдатъ. Остальные солдаты изъ пруссаковъ были отрѣзаннымъ ломтемъ отъ своихъ единоплеменниковъ. Фридрихъ находилъ это удобнымъ, потому что война, веденная внѣ страны, не нарушала теченія государственной жизни; но если бы война оказалась неудачной, государство не въ силахъ было бы себя защищать. «Въ Пруссіи одна армія», писалъ Мирабо, «и одинъ фондъ... Уничтоженная армія ея такъ же неспособна возродиться, какъ и этотъ фондъ». Лишенная оживлявшей ее души, въ которой заключалась вся ея сила, умъ и жизнь, эта армія должна была распасться. Всѣ выучились въ ней повиноваться, никто не выучился командовать. Когда исчезъ Фридрихъ, никто уже не командовалъ, и многіе перестали повиноваться. Солдаты были слѣпыми орудіями: у нихъ не было отечества. Офицеры были космополитами. Предоставленные самимъ себѣ, они стали разсуждать о философіи и политикѣ. Они были людьми своего вѣка, и самъ король не запрещалъ имъ спорить и насмѣхаться. Когда у нихъ исчезъ глава или когда глава оказался неспособнымъ къ твердому руководительству, среди нихъ обнаружилось болѣе непризванныхъ дипломатовъ, чѣмъ командировъ. Они храбро дрались, но въ то же время были преисполнены самомнѣнія, нерѣшительности и педантизма. Это нерѣдко мѣшало имъ одерживать побѣды, а въ 1806 г. было главною причиною пораженія.

Тѣмъ не менѣе въ ихъ средѣ сохранились военные нравы и привычки; армія отличалась удивительною выправкою въ мирное время и еще не разъ отличалась на поляхъ сраженій. Но у дипломатовъ не было ни идейной выдержки, ни политической нравственности. Ученики Фридриха подражали только его недостаткамъ: они были каррикатурою великаго человѣка. Геній Фридриха набрасывалъ покрывало на его политическія средства; исчезъ геній и остались одни эти обнаженныя, то есть гнусныя средства. Чувство мѣры Фридриха, политическій здравый смыслъ, которымъ онъ обладалъ въ столь высокой степени, искупали недостатки его правилъ въ глазахъ людей, нерѣдко извиняющихъ преступленіе, но не прощающихъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, и по его собственному сознанію, онъ достигалъ своихъ цѣлей исключительно путемъ «происковъ и интриги». Интрига осталась послѣ его смерти единственной основой прусской политики. Корыстолюбіе, которое онъ удовлетворялъ въ мѣру, послѣ него разлилось во всѣ стороны и распространилось на все. Пруссіей овладѣла алчность. Она полагала, что можетъ дозволить себѣ все не колеблясь, забывая, что если Фридрихъ имѣлъ успѣхъ, то только потому, что желалъ возможнаго; за неимѣніемъ совѣстливости, онъ обладалъ осторожностью. Тѣ, кто замѣнилъ его, опья-

ненные его удачей и кичась своимъ могуществомъ, стали удовлетворять свое необузданное честолюбіе при помощи безсовѣстной дипломатіи. Даже въ лучшихъ дѣлахъ Фридриха гнѣздилась скрытая порча и ферментъ разложенія. Религіозная терпимость прусскихъ королей пользовалась большою славой: о ней можно сказать, и еще съ бо́льшимъ правомъ, то, что говорилъ Мирабо о войнѣ, когда называлъ ее прусскою національною промышленностью. Ошибка, сдѣланная Людовикомъ XIV отмѣною нантскаго эдикта, ущербъ, послѣдовавшій затѣмъ для Франціи, выгоды, извлеченныя изъ этого Пруссіей, все это служило предметомъ поученія въ Берлинѣ и ставилось государственнымъ правиломъ. Іезуиты воспользовались этимъ обстоятельствомъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ такъ же, какъ воспользовались имъ протестанты въ семнадцатомъ. Изгнанные Людовикомъ XIV протестанты дали Пруссіи инженеровъ, офицеровъ, ученыхъ и артистовъ; іезуиты, высланные Людовикомъ XV, доставили ей педагоговъ, механическій способъ преподаванія которыхъ весьма быстро приспособился къ прусской дисциплинѣ; они оказали весьма существенную помощь Фридриху въ дѣлѣ ассимиляціи присоединеннаго католическаго населенія въ Польшѣ и Силезіи.

Свобода совѣсти, которою пользовались подданные прусскаго короля и которой еще нигдѣ не существовало въ остальной Европѣ, была неоцѣнимымъ для нихъ благодѣяніемъ; но для короля это было простое орудіе, средство привлеченія поселенцевъ и сліянія воедино разноплеменнаго состава его государства. Вѣротерпимость Фридриха проистекала не изъ уваженія къ свободѣ совѣсти, не изъ любви къ свободѣ вообще, «а изъ скептицизма и нравственнаго индифферентизма. Противники ортодоксализма, писалъ одинъ французскій дипломатъ [3]), «полагаютъ, что каждый долженъ быть свободенъ въ своихъ вѣрованіяхъ и что добрыя дѣла и помимо вѣры ведутъ къ спасенію. Фридрихъ II покровительствовалъ имъ и никогда не дозволялъ, чтобы ихъ безпокоили. Правиломъ его было, что въ дѣлѣ выбора пастыря должно сообразоваться исключительно съ желаніями паствы. Неоднократно смѣщаемы были по его приказу неортодоксальные священники, вслѣдствіе желанія прихожанъ имѣть пастырей, придерживающихся господствующей церкви. Что касается самихъ вѣроученій, то онъ былъ вполнѣ равнодушенъ къ ихъ распространенію, лишь бы была довольна паства... Шульцъ, священникъ въ Гильсдорфѣ, близъ Берлина, весьма любимый прихожанами, въ теченіе десяти лѣтъ проповѣдывалъ матеріализмъ». Высшее лютеранское духовенство открыто придерживалось раціонализма. Въ большихъ городахъ проповѣдь сводилась къ нравственности, гуманности, чувству. Одинъ изъ высшихъ чиновниковъ консисторіи, Шпальдингъ, находилъ, что изъ религіознаго обученія долженъ быть устраненъ мистическій и

[3]) Кюстинъ-сынъ, 1 апрѣля 1792 г.

сверхъестественный элементъ. Сущность ихъ вѣрованій сводилась къ англійскому деизму, по толкованію и въ передачѣ *Dictionnaire philosophique*: «Это—Вольтеры въ пасторскомъ платьѣ», писалъ Форстеръ о прусскихъ священникахъ. Нѣкоторые до конца подражали королю и разнообразили свои проповѣди балагурствомъ. Фридрихъ не запрещалъ этого, лишь бы только они прославляли короля и учили его подданныхъ повиновенію. Съ его стороны это была политика, но онъ присоединялъ къ ней цинизмъ безвѣрія и браваду распущенности.

Подобный низшій сортъ вѣротерпимости имѣлъ разлагающее дѣйствіе. Не вытекая изъ уваженія къ вѣрованіямъ, онъ породилъ презрѣніе къ нимъ, а такъ какъ въ этомъ новомъ еще обществѣ не существовало кромѣ религіозной узды никакой традиціи соціальной нравственности, то развращеніе сдѣлалось всеобщимъ. Скептицизмъ короля перешелъ къ подданнымъ, и они перевели его въ жизнь. Это былъ высшій тонъ, всѣ усвоивали его себѣ въ Берлинѣ и сообразовали съ нимъ свое поведеніе. Ферментъ нравственной распущенности и чувственности, которымъ пропитана была литература вѣка, безпрепятственно забродилъ въ мало-культурныхъ душахъ. Скороспѣлая цивилизація встревожила воображенія и чувственность, не смягчивъ грубости первобытныхъ инстинктовъ. Въ Пруссіи отсутствовали изысканность вкуса, изящныя привычки, легкое остроуміе, скрадывавшіе во Франціи развращенность той эпохи. Здѣсь эта развращенность приняла форму грубаго разврата. Чиновники, дворяне, женщины, начитавшись Гольбаха и Ла-Меттри, понимали ихъ ученіе въ буквальномъ смыслѣ и примѣняли его къ жизни. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ новой столицѣ искусственно созданное общество, импровизованная амальгама разнородныхъ элементовъ, было особенно склонно къ нравственной порчѣ. Берлинъ кишѣлъ безсемейными военными, у которыхъ парады отнимали конечно не цѣлый день литераторами, авантюристами всякаго рода, привлеченными славой Фридриха, жившими происками и сдѣлками; тутъ было и небогатое дворянство, но гордое и исключительное, тяготившееся королевскою дисциплиной и скучавшее, и образованная, разбогатѣвшая, но устраненная отъ политическихъ дѣлъ, буржуазія; промежуточное пространство между этими обособленными между собою этикетомъ и предразсудками группами образовало своего рода полусвѣтъ,—гдѣ люди этихъ группъ встрѣчались, бесѣдовали и непринужденно веселились, гдѣ былъ очагъ «французскихъ идей», центръ дѣловыхъ свиданій и интригъ,—еврейское общество, самое богатое и единственно элегантное общество въ Берлинѣ. Съ изумительною, свойственною расѣ, гибкостью оно усвоило себѣ новую цивилизацію и мстило за устраненіе отъ политики, собирая въ своихъ салонахъ весь контингентъ берлинскихъ умныхъ головъ, любезныхъ женщинъ, людей, жаждавшихъ сво-

боды и лишенныхъ предразсудковъ. Таковъ былъ Берлинъ во времена Фридриха. «Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ Европѣ», писалъ Форстеръ въ 1779 г., «но берлинцы! Общительность и любовь къ удовольствіямъ вырождаются у нихъ въ глубокую чувственность, въ свирѣпый, если можно такъ выразиться, развратъ; свобода мысли и любовь къ просвѣщенію переходятъ въ безстыдную вольность и бѣшеную распущенность ума. Женщины почти всѣ—погибшія созданія». Это впечатлѣніе раздѣлялъ и англійскій дипломатъ Джонъ Гаррисъ, а позднѣе лордъ Мальмсбери: «Берлинъ—городъ, гдѣ, если перевести слово *fortis*—честный, нѣтъ *vir fortis nec femina casta*, то есть «ни честныхъ мужчинъ, ни цѣломудренныхъ женщинъ». Если принять во вниманіе, что у многихъ, исключая евреевъ, мало денегъ, а соблазны тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе средствъ къ ихъ удовлетворенію, то становится понятнымъ, какимъ образомъ у этихъ многихъ вслѣдствіе безпорядочности въ идеяхъ и нравственной испорченности развилась опаснѣйшая и, безъ сомнѣнія, наиболѣе отталкивающая язва—продажность. Въ своей *Histoire secrète*, Мирабо заклеймилъ неизгладимыми штрихами пороки «благороднаго притона», то есть Берлина. Въ этомъ отношеніи пресловутый памфлетъ его рѣзокъ до крайности, но правдивъ. Цинизмъ обусловленъ въ немъ мѣстнымъ колоритомъ: «Порча ранѣе зрѣлости; боюсь, чтобы это не сдѣлалось девизомъ прусскаго могущества... Чего не могутъ деньги въ такомъ бѣдномъ домѣ!»

Нужна была желѣзная рука Фридриха для того, чтобы приводить въ дѣйствіе эти сложныя пружины, регулировать ходъ тяжеловѣсной машины, сдерживать искусственно собранные и готовые распасться элементы. Но рука его была тяжела и жестка. Въ высшихъ классахъ общества,—которыми только и занимались въ то время и которые одни были только извѣстны, — замѣчался глухой протестъ противъ неумолимой дисциплины. Впрочемъ пруссаки питали странныя иллюзіи относительно будущаго. Фридрихъ обманулъ своихъ подданныхъ, такъ же какъ обманывалъ себя, возлагая надежду на прочность своего дѣла. Они не понимали до какой степени ихъ могущество зависѣло отъ личности короля. Гордясь до высокомѣрія ролью, которую онъ заставилъ ихъ сыграть, они воображали, что сыграли ее самостоятельно и что геній Фридриха будетъ жить въ нихъ и послѣ его смерти. Они ждали отъ новаго царствованія той же славы извнѣ, той же безопасности внутри, того же относительнаго благоденствія, при менѣе суровомъ гнетѣ, менѣе строгой дисциплинѣ, не понимая, что эта суровость и строгость были необходимыми условіями прочности самаго дѣла, Меркантильная и покровительственная система, создавшая промышленность. акцизная система, заставлявшая деньги притекать въ государственную казну, бережливость, удерживавшая ихъ тамъ, все это мѣшало и раздражало всѣхъ,

кто желалъ торговать и трудиться, всѣхъ, кто разсуждалъ о естественныхъ условіяхъ торговли и промышленности; но эти-то условія и дозволили бѣднѣйшему изъ европейскихъ правительствъ быть вооруженнымъ лучше самыхъ богатыхъ и давать имъ отпоръ. Короче говоря, желали, чтобы ослабла пружина, но не отдавали себѣ отчета въ томъ, что ослабить пружину—значило уничтожить самое государство. Для того, чтобы преобразовать монархію Фридриха, потребовался бы не меньшій геній чѣмъ тотъ, которымъ она была создана. А между тѣмъ такое преобразованіе было необходимо, такъ какъ никто кромѣ самого Фридриха не въ силахъ былъ бы поддержать сложное зданіе, имъ воздвигнутое. Отсюда вытекала неизбѣжность грозной катастрофы. «Все будетъ идти по прежнему и почти само собою до той поры, пока внѣшняя политика останется спокойной и однообразной», писалъ Мирабо послѣ смерти короля. «Но при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ или при первомъ бурномъ событіи всѣ эти посредственности растеряются. Какъ умалятся всѣ эти второстепенные министры! Какъ всѣ, отъ тюремщика до командора, въ испугѣ станутъ звать кормчаго! Но кто будетъ этимъ кормчимъ?»

III.

Призванный наслѣдовать Фридриху, племянникъ не былъ созданъ для такой великой роли. Онъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ полный контрастъ съ государемъ, отъ котораго долженъ былъ принять не легкое наслѣдство. Фридрихъ отличался не крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и воздержностью; все обаяніе его внѣшности заключалось во взглядѣ его большихъ глазъ, которые, по словамъ Мирабо, «внушали по произволу его героической души—очарованіе или ужасъ». Фридрихъ-Вильгельмъ былъ хорошъ собою, крѣпко сложенъ, сангвиникъ и съ большою охотою предавался грубымъ удовольствіямъ и физическимъ упражненіямъ, требовавшимъ мускульной силы. «У него ростъ и сила швейцарскаго солдата», писалъ о прусскомъ королѣ не особенно одобрявшій Фридриха-Вильгельма французскій посланникъ д'Эстерно. «Это—громадная махина мяса», говорилъ о немъ одинъ австрійскій дипломатъ, имѣвшій случай видѣть его въ Пильницѣ въ 1791 г. «Истинный типъ короля,—по мнѣнію Меттерниха, который былъ представленъ ему въ Кобленцѣ въ 1792 г., при самомъ началѣ крестоваго похода нѣмцевъ противъ Франціи и революціи,—ростъ его можно было назвать гигантскимъ, тучность соотвѣтствовала росту. Во всѣхъ собраніяхъ онъ цѣлою головою былъ выше окружающихъ. Манеры его были благородны и привѣтливы». Онъ выражался съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и говорилъ всегда короткими, точно рубленными фразами. Ничто не напо-

минало въ немъ великой и безпощадной ироніи Фридриха II. «Взглядъ его не свидѣтельствуетъ о геніальности, но на челѣ его сіяетъ нѣмецкое чистосердечіе», говоритъ одинъ изъ апологетовъ Фридриха-Вильгельма. Чистосердечіе въ этомъ случаѣ слѣдуетъ понимать не въ прямомъ смыслѣ, а какъ сочетаніе наивности съ нецѣломудріемъ, добродѣтели съ развращеннымъ воображеніемъ и сердцемъ, то есть именно такъ, какъ переводили на свои нравы Руссо нѣмцы того времени. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ восторженъ и сладострастенъ, набоженъ и распущенъ; страсти волновали его, совѣсть мучила угрызеніями. Онъ былъ суевѣренъ и развратенъ, вѣрилъ въ духовъ, имѣлъ склонность къ кабалистикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ добродѣтели и религіозности. Онъ говорилъ о религіи съ уваженіемъ, со страхомъ и съ умиленіемъ. Это происходило отчасти по природной склонности, отчасти служило наслѣднику престола средствомъ отличить себя отъ царствующаго монарха и этимъ противорѣчіемъ вызвать къ себѣ симпатію. Хотя безбожіе Фридриха нашло себѣ не мало подражателей среди офранцузившихся пруссаковъ, но оно сильно скандализировало тѣхъ изъ пруссаковъ, которые остались нѣмцами и которые, несмотря на общую склонность къ развращенности, не довольствовались рѣзкимъ и жесткимъ вольномысліемъ. Для нихъ требовалось нѣчто болѣе меланхолическое, пища для мечтательности, иллюзія чувства, сладострастіе раскаянія, разгулъ, омоченный слезами. Свѣтлое, играющее вино Вольтера не удовлетворяло ихъ; ихъ тянуло къ разжиженному перебродившему меду Руссо. Въ самыхъ развлеченіяхъ они искали какого-то нѣмецкаго реванша противъ французскаго вліянія, деспотически царившаго при Фридрихѣ. Новый король испытывалъ вліяніе этихъ тенденцій и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался ими. Онъ щеголялъ тѣмъ, что говорилъ только по-нѣмецки, ненавидѣлъ Францію, французовъ, ихъ легкомысліе, принципы, литературу, старался противодѣйствовать ихъ вліянію и осуждалъ ихъ нравы.

Можетъ быть и онъ самъ, и окружающіе вѣрили искренности пресловутаго «нѣмецкаго чистосердечія». Но Фридрихъ II не питалъ такой иллюзіи. Вотъ какъ описываетъ онъ племянника въ 1765 г., когда послѣдній двадцати-одного года только что вступилъ въ бракъ съ Елизаветой Брауншвейгской: «Юный и безнравственный супругъ, преданный грязному разврату, ежедневно измѣнялъ женѣ. Принцесса, бывшая тогда во всемъ цвѣтѣ своей красоты, оскорблялась малымъ вниманіемъ, которое оказывалось ея прелестямъ. Весьма скоро и она предалась излишествамъ, ни въ чемъ не уступавшимъ распутству мужа». Они развелись въ 1769 году. Фридрихъ-Вильгельмъ женился на дармштадтской принцессѣ. Второй бракъ былъ не счастливѣе перваго. Принцъ продолжалъ вести разгульную жизнь, къ которой привыкъ. Кромѣ безчисленныхъ мимолетныхъ связей, у него

была и постоянная, такъ сказать, титулованная фаворитка. Эта особа, съумѣвшая сохранить до конца если не любовь, то милости Фридриха-Вильгельма, была дочерью мало извѣстнаго музыканта. Она вышла замужъ за камердинера короля, превратившись въ г-жу Рицъ, а затѣмъ получила титулъ графини Лихтенау. Отъ перваго брака у него была дочь, принцесса Фредерика. Посѣщая дочь, король влюбился въ одну изъ ея фрейлинъ. То была дѣвица Фоссъ, изъ хорошаго дома, двоюродная сестра одного изъ министровъ, Финкенштейна; одинъ изъ ея братьевъ былъ президентомъ палаты. «Эта красавица, которая по моему мнѣнію очень дурна собою, — писалъ Мирабо, — представляетъ смѣсь жеманства и цинизма, аффектаціи и наивности... она не лишена своего рода природнаго ума, до нѣкоторой степени образована, скорѣе капризна, чѣмъ обладаетъ твердою волей, и старается маскировать свою неуклюжесть аллюрами простодушія... Единственная прелесть ея заключается въ національно-нѣмецкомъ цвѣтѣ лица, который я нахожу однако скорѣе блѣднымъ, чѣмъ бѣлымъ, и въ роскошномъ бюстѣ. Смѣсь вольнаго обращенія и выставляемой напоказъ наивности и строгости весталки, какъ говорятъ, и очаровала короля».

Фридрихъ-Вильгельмъ принадлежалъ къ числу тѣхъ развратныхъ натуръ, которыя находятъ въ искусномъ сопротивленіи и особую прелесть, и облегченіе для укоровъ совѣсти. Игра дѣвицы Фоссъ тянулась два года. Перипетіи этого страннаго романа были извѣстны всему двору; онъ еще не пришелъ къ развязкѣ, когда смерть Фридриха Великаго прервала на нѣсколько недѣль его развитіе. Сдѣлавшись королемъ съ 17-го августа 1786 г., Фридрихъ-Вильгельмъ, казалось, погрузился исключительно въ государственныя дѣла. Но уже 8 сентября Мирабо констатируетъ, «что рвеніе неофита, повидимому, охлаждается». Дѣвица Фоссъ, прибавляетъ онъ, готова уступить. Чтобы имѣть возможность видаться съ нею безъ помѣхъ, король устроилъ для дочери отдѣльный домъ; хозяйкою тамъ была Фоссъ. Однако прошелъ еще годъ, и весталка не покидала своей суровости. Она любила короля, но выше всего ставила честь семьи. Къ тому же она ставила условія: морганатическій бракъ, согласіе королевы и удаленіе титулованной фаворитки, г-жи Рицъ. Король уступилъ по двумъ первымъ пунктамъ, но относительно третьяго остался непоколебимымъ. Королева дала согласіе подъ тѣмъ условіемъ, что не будетъ гласнаго развода: она желала сохранить титулъ королевы и званіе законной супруги. Ко всему остальному она была повидимому равнодушна. Оставалось только заключить бракъ, но это было дѣломъ щекотливымъ и рискованнымъ при данныхъ условіяхъ. Затрудненія разрѣшены были, однако, берлинскими казуистами и лютеранскими піэтистами, которые оказались не менѣе изобрѣтательными и находчивыми чѣмъ берлинскіе судьи. Консисторія обсудила, поры-

лась въ архивахъ, собрала прецеденты; одинъ изъ этихъ послѣднихъ найденъ былъ рѣшающимъ.

Въ 1539 г. Филиппъ Гессенскій, не поладивъ съ женой, влюбился въ дѣвицу де-Сааль. Дѣвица требовала законнаго брака. Филиппъ, читавшій библію въ общедоступномъ переводѣ, не понималъ, почему нѣмецкій государь не могъ бы позволить себѣ то, что позволяли себѣ ветхозавѣтные патріархи. Сама церковь выказывала первоначально снисходительность въ этомъ отношеніи, и императоръ Валентиніанъ II испыталъ благодѣтельность ея терпимости. Намѣреніе лютеранскаго государя поставило протестантовъ въ большое затрудненіе. Лютеръ и Меланхтонъ, у которыхъ онъ спросилъ объ ихъ мнѣніи, сначала совѣтовали ему обуздать свои страсти, но въ концѣ концовъ рѣшили, что въ Новомъ Завѣтѣ не находится никакихъ запрещеній тому, что дозволялось въ Ветхомъ. Филиппъ женился на дѣвицѣ де-Сааль и сдѣлался двоеженцемъ, что произвело большой скандалъ какъ въ предѣлахъ реформированной церкви, такъ и за ея предѣлами, Меланхтонъ едва не умеръ отъ угрызеній совѣсти; Лютеръ взялъ назадъ свое мнѣніе.

Прусская консисторія обратила вниманіе только на фактъ. Она сослалась на букву, игнорируя духъ, разрѣшила бракъ и не только не взяла назадъ своего мнѣнія, но, какъ увидимъ вскорѣ, вслѣдъ за тѣмъ впала и въ рецидивъ. Свадьба была отпразднована въ іюлѣ 1787 г. въ Шарлотенбургской часовнѣ; дѣвица Фоссъ получила титулъ графини Ингенгеймъ. Счастье ея было непродолжительно: она умерла въ мартѣ 1789 г. «Смерть ея была оплакана всѣмъ Берлиномъ,—писалъ д'Эстерно.—Графиню Ингенгеймъ оплакиваетъ народъ, королевская семья и даже сама королева, и всѣ оплакиваютъ не столько за ея личныя заслуги, сколько изъ опасенія, что ея смерть усилитъ кредитъ бывшей фаворитки Рицъ извѣстной своею алчностью и интригами». Литература того времени умилялась по поводу королевской печали, прославляла «добродѣтель» «чувствительнаго» монарха и противопоставляла сухому скептицизму Вольтера и преступному легкомыслію французовъ нѣжныя увлеченія Фридриха-Вильгельма. «Враги женскаго пола», писалъ баронъ Тренкъ, «были всегда бичами человѣчества. У короля прусскаго великая и нѣжная душа; въ любви онъ способенъ на нѣжную привязанность: онъ умѣетъ уважать любовницу. Если предположить, что онъ дастъ ей милліонъ, это богатство распредѣлится между членами ея семейства, которые—наши сограждане. Онъ не отниметъ у честнаго человѣка жены, составляющей его счастіе, онъ не пожертвуетъ Римомъ Клеопатрѣ. Онъ желаетъ нравиться въ силу своихъ личныхъ достоинствъ». Онъ почти два года ухаживалъ за дѣвицею Фоссъ, вступилъ съ нею въ бракъ, былъ

ей вѣренъ и «плакалъ на ея могилѣ». Каждый понимающій человѣческія слабости гражданинъ долженъ желать, чтобы, въ случаѣ новаго выбора, этотъ выборъ палъ на столь же достойный его сердца предметъ. «Предоставимъ же ему пользоваться счастьемъ, которое равно доступно и простому земледѣльцу и королю!» Подобная лицемѣрная галиматья и развращенная казуистика были въ большомъ ходу въ Германіи и считались въ высшей степени бонтонными.

Развлеченіе, котораго Тренкъ желалъ опечаленной душѣ короля, не заставило себя долго ждать. Въ 1790 г., въ годовщину смерти графини Ингенгеймъ, была представлена ко двору дѣвица Денгофъ. При дворѣ весьма заботились о доставленіи утѣшенія Фридриху-Вильгельму. Выставляли даже «кандидаткой» нѣкую дѣвицу Фирекъ, подругу дѣвицы Фоссъ, замѣнившую ее въ должности фрейлины принцессы Фредерики. Къ несчастію для друзей этой дѣвицы, она была брюнетка и нисколько не напоминала покойницу. Напротивъ того, дѣвица Денгофъ—совершенная блондинка, писалъ французскій посланникъ, «такъ что, будучи хороша собой при вечернемъ освѣщеніи, она желта какъ лимонъ при дневномъ свѣтѣ». Отличаясь тѣми же прелестями, какъ и Фоссъ, она была одарена тою же склонностью къ піэтизму и добродѣтели. Ей также необходимо было предложить законный бракъ. Король впрочемъ не видѣлъ къ тому препятствій. «Я разлученъ съ королевой, я овдовѣлъ послѣ смерти госпожи Ингенгеймъ, я предлагаю вамъ руку и сердце», писалъ онъ дѣвицѣ Денгофъ. Онъ громко заявлялъ, что у него имѣются причины отвергать королеву, но что онъ не высказываетъ ихъ, щадя достоинство престола. Консисторіи на этотъ разъ не предстояло большихъ хлопотъ; прецеденты были уже установлены, оставалось имъ слѣдовать. Бракосочетаніе происходило 10 апрѣля 1790 г. Брачное благословеніе давалъ придворный проповѣдникъ Цельнеръ, вѣнчавшій и дѣвицу Фоссъ. Королева подарила невѣстѣ алмазныя серьги. Разведенная королева приняла ее, и весь дворъ привѣтствовалъ Денгофъ какъ законную супругу. Тѣмъ не менѣе и ей не удалось добиться отставки г-жи Рицъ. Эта фаворитка, получивъ 70000 экю отступного, осталась при дворѣ, взяла въ любовники офицера и даже исходатайствовала у короля повышеніе этому офицеру.

Такимъ образомъ, въ 1790 году, овдовѣвъ по смерти Фоссъ, у прусскаго короля оказалось три жены: принцесса Брауншвейгская, съ которой онъ развелся, принцесса дармштадтская, сохранявшая титулъ королевы, и морганатическая супруга, дѣвица Денгофъ. Эта третья жена не будетъ послѣднею, сообщалъ одинъ дипломатъ, «потому что всѣ, кого онъ выберетъ, пожелаютъ законнаго брака». Впрочемъ король былъ не прочь жениться. Полигамія была въ его глазахъ прерогативою верховной власти.

Вслѣдствіе придворной интриги онъ разстался съ Денгофъ въ 1792 году, завершая этимъ разводомъ съ лѣвой стороны странную серію своихъ супружескихъ эволюцій. Послѣ того онъ предложилъ руку и сердце дѣвицѣ Бэтманъ, дочери банкира, съ которой онъ какъ-то познакомился во Франкфуртѣ и которая пришлась ему по вкусу. По увѣренію лорда Мальмсбери, эта молодая дѣвушка—«вся огонь и чувство»; но у нея были принципы и правила: ее взяло сомнѣніе относительно доброкачественности брака и постоянства будущаго супруга. Она отказала ему, избавляя берлинскихъ казуистовъ отъ затрудненій новаго и еще болѣе скандальнаго рѣшенія. Неизвѣстно, насколько серьезно относились къ этой серіи браковъ сговорчивые богословы, воспитанные въ школѣ Вольтера и Фридриха; за предѣлами же Пруссіи они возбуждали не мало насмѣшекъ. «Толстякъ Гю», писала Екатерина, обозначавшая этимъ именемъ Фридриха-Вильгельма въ своихъ письмахъ къ Гримму, «только что женился въ третій разъ; этому гулякѣ все мало законныхъ женъ; можно про него сказать, что онъ гуляка добросовѣстный».

Фридрихъ-Вильгельмъ, несмотря однако на свое женолюбіе, не подчинялся вліянію женщинъ. Но если онъ ускользалъ отъ вліянія фаворитокъ, то подпадалъ вліянію фаворитовъ, и народъ ничего не выигрывалъ вслѣдствіе этого обстоятельства. Плохо воспитанный, устраняемый отъ дѣлъ дядей, не довѣряя другимъ, потому что не довѣрялъ и самому себѣ, онъ былъ совершеннымъ невѣждой въ дѣлѣ государственнаго управленія и лелѣялъ какіе-то неопредѣленные планы реформъ. Министры, оставленные Фридрихомъ II, стѣсняли его: онъ боялся, что станутъ говорить о преобладаніи этихъ людей и о томъ, что они руководятъ имъ; къ тому же эти министры были представителями идей и системы, по отношенію къ которымъ онъ выказывалъ неодобреніе. «Королемъ будутъ руководить именно потому, что онъ этого-то и боится», писалъ Мирабо. Страхъ предъ такимъ руководствомъ министровъ отдалъ его въ руки лицъ второстепенныхъ. Эти послѣдніе быстро пріобрѣли надъ нимъ вліяніе, унижаясь передъ нимъ, успокаивая его недовѣріе и гордость, потакая его страстямъ и въ особенности эксплуатируя слабыя стороны его ума. Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ блага государству, у него было смутное, но довольно живое чувство необходимости реагировать противъ излишествъ правленія Фридриха II; но намѣренія его путались, и стремленіе къ реформамъ, болѣе мистическимъ, чѣмъ политическимъ, имѣли источникомъ не столько понятіе о государственныхъ интересахъ, сколько вліяніе тайнаго ученія, которымъ онъ былъ проникнутъ. Онъ былъ адептомъ мистическихъ ученій и взялъ себѣ въ министры шарлатановъ. Ловкіе фокусники замѣнили въ Потсдамѣ «про-

свѣщенныхъ министровъ» Фридриха. Это одна изъ самыхъ любопытныхъ чертъ той смутной эпохи.

Мистикъ-авантюристъ Вельнеръ, вліяніе котораго было особенно пагубно для Пруссіи, былъ чистѣйшимъ интриганомъ. Сынъ деревенскаго пастора изъ Бранденбурга, онъ втерся въ семью генерала Иценплитца; обольстивъ мать, онъ женился затѣмъ на дочери. Фридрихъ II, строго относившійся къ неравнымъ бракамъ, заключилъ его въ берлинскую тюрьму. Съ этого ведетъ свое начало ненависть Вельнера къ королю-философу. Въ то время онъ былъ еще раціоналистомъ и послѣдователемъ Вольфа; затѣмъ онъ сдѣлался масономъ. Но въ нѣмецкомъ большомъ свѣтѣ уже начали отворачиваться отъ чистаго деизма. Вельнеръ, бывшій всегда скептикомъ, измѣнилъ свои убѣжденія. Онъ рѣшилъ, что не хуже другихъ можетъ войти въ сношенія съ духами и заняться промышленностью таинственныхъ явленій, служа «честнымъ маклеромъ» между сильными этого міра и сильными другого, горняго, міра. Онъ присоединился къ розенкрейцерамъ и вскорѣ сдѣлался одною изъ надеждъ ордена. Такимъ-то путемъ познакомился онъ съ человѣкомъ, съ которымъ пришлось ему впослѣдствіи дѣлить власть и вліяніе въ Берлинѣ. Саксонецъ Бишофсвердеръ былъ также незнатнаго происхожденія. Отецъ его былъ мелкимъ дворяниномъ. Бишофсвердеръ, подобно многимъ, пріѣхалъ искать службы въ Пруссію, къ наслѣдному принцу, и очаровалъ его. Онъ отличался отъ своего сотоварища Вельнера тѣмъ, что былъ искренно суевѣренъ, вѣрилъ въ свои панацеи и, какъ увѣряютъ, былъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, обманутъ его фантасмагоріями. Въ то время, какъ алчный, корыстолюбивый Вельнеръ искалъ только карьеры, Бишофсвердеръ домогался не показнаго, а дѣйствительнаго вліянія на государственныя дѣла. Наконецъ онъ былъ искренно преданъ Фридриху-Вильгельму. У Вельнера было лицо сторожа или сыщика; Бишофсвердеръ былъ придворнымъ и свѣтскимъ человѣкомъ, со скромными, изящными манерами, съ глубокимъ взглядомъ, таинственною улыбкой; онъ умѣлъ согласовать внѣшнее достоинство съ раболѣпіемъ и скрывать подъ маской скромности ненасытное честолюбіе.

Бишофсвердеръ представилъ Вельнера наслѣдному принцу и при ихъ содѣйствіи Фридрихъ-Вильгельмъ былъ принятъ въ 1781 г. въ среду розенкрейцеровъ. Съ той поры афильяція къ этому ордену сдѣлалась вѣрнѣйшимъ средствомъ снискать благорасположеніе короля. Игравшій такую вліятельную роль Гаугвицъ началъ именно съ этого. Розенкрейцеры поддерживали и выдвигали другъ друга, давали совѣты, а порою и прямые приказы Фридриху-Вильгельму, выдавая ихъ за внушенія, полученныя отъ являвшихся имъ и бесѣдовавшихъ съ ними духовъ. Несмотря на таин-

ственность, которою они себя окружали, тайна ихъ была извѣстна всему Берлину. Графъ д'Эстерно говорилъ въ 1790 г. о Бишофсвердерѣ, какъ о вызывателѣ привидѣній, что̀ возбуждало много толковъ. Другой саксонецъ Линденау и Вельнеръ, по его словамъ, заправляютъ департаментомъ привидѣній. По разсказамъ Бирона, они по мѣрѣ надобности пускали въ ходъ голосъ Св. Духа или Фридриха Великаго. Одинъ чревовѣщатель игралъ роль покойнаго короля и получалъ за это пятьсотъ червонцевъ. Бишофсвердеръ дослужился до полковничьяго чина и былъ наканунѣ производства въ генералы, когда сдѣлался признаннымъ фаворитомъ. «Въ сердцѣ монарха,—писалъ Кюстинъ въ 1792 г.,—онъ занимаетъ болѣе обширное мѣсто, чѣмъ фаворитка. Онъ всегда беретъ верхъ надъ министрами. Онъ посредникъ между ними и королемъ. Вы можетъ быть думаете, что онъ одинъ работаетъ съ ними; нѣтъ, очень часто король самъ работаетъ съ министрами и затѣмъ докладываетъ Бишофсвердеру и вмѣстѣ съ нимъ постановляетъ окончательное рѣшеніе»... Впрочемъ всѣ эти лица, близкіе къ королю, фаворитки и фавориты, розенкрейцеры и слуги, теософы и веселыя женщины, жили въ добромъ согласіи и вполнѣ понимали другъ друга. Отъ лабораторіи розенкрейцеровъ до будуара г-жи Рицъ былъ только одинъ шагъ, и всѣ эти таинственныя личности заключили тѣсный союзъ съ камердинеромъ и его женой, которая съумѣла, вопреки всѣмъ матримоніальнымъ увлеченіямъ короля, поддержать свой кредитъ тѣми способами, которые такъ долго поддерживали въ Версалѣ вліяніе госпожи Помпадуръ.

Вокругъ этого мірка толпились второстепенные интриганы, «клика», какъ называли ихъ въ Берлинѣ, готовые на всякія закулисныя дѣла при дворѣ, въ войскѣ, въ области политики, дипломатіи и въ особенности финансовъ. Нуждающіеся и корыстолюбивые, они пользовались въ Европѣ установившеюся репутаціей продажности. «Несомнѣнно», писалъ д'Эстерно, «что существуетъ большое различіе между министерствомъ и близкими людьми короля прусскаго. Министры понимаютъ дѣло и имѣютъ опытность, остальные ниже всего, что только можно себѣ представить. Они руководятся одною страстью къ наживѣ». «Я увѣренъ», писалъ Мирабо, «что за тысячу луидоровъ можно при случаѣ узнать всѣ тайны берлинскаго кабинета... Императоръ ведетъ дневникъ всѣмъ поступкамъ короля и всегда будетъ знать, что̀ онъ замышляетъ». Это было, впрочемъ, обычное средство дипломатовъ того времени; по свидѣтельству Кюстина, въ 1792 г., въ Берлинѣ всѣ иностранные резиденты пользовались имъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо». И когда въ томъ же году захотѣли дискредитировать посланника Людовика XVI, графа Сегюра, въ глазахъ прусскаго короля, то достаточно было публично обвинить его въ намѣреніи подку-

пить фаворитку и фаворитовъ; всѣ повѣрили этому въ Берлинѣ и во всей Европѣ; король, министры, и въ особенности фавориты и фаворитки.

Такова была странная шайка, бравшая приступомъ монархію и казну Фридриха Великаго. Ей удалось овладѣть причудливымъ, суевѣрнымъ и женолюбивымъ королемъ. Она пользовалась политическимъ вліяніемъ, потому что съумѣла подчинить себѣ болѣе благородныя склонности короля, потворствуя его низменнымъ страстямъ. Хотя Фридрихъ-Вильгельмъ и является посредственностью среди Гогенцоллерновъ, однако же ему нельзя отказать въ нѣкоторыхъ положительныхъ королевскихъ достоинствахъ. Онъ былъ храбръ, добръ или, вѣрнѣе, «чувствителенъ»; онъ желалъ общественнаго блага; онъ такъ же, какъ и народъ прусскій, страдалъ отъ безпощаднаго режима Фридриха II и вмѣстѣ съ этимъ народомъ желалъ преобразовать государство, смягчивъ гнетъ этого режима. Онъ вѣрилъ въ то, что призванъ свыше для возстановленія доброй нравственности и вѣры, которая, какъ ему говорили и какъ онъ убѣжденъ былъ самъ, погибала вслѣдствіе скептическаго направленія умовъ и упадка нравовъ. Но какимъ же образомъ согласовалъ онъ свои идеи со своими склонностями, свои стремленія со своими страстями, свои вѣрованія съ собственною распущенною жизнью? Именно въ этомъ познается слабый и мистическій умъ Фридриха-Вильгельма; вслѣдствіе этой-то слабости онъ примыкалъ къ таинственнымъ сектамъ вмѣсто того, чтобы подчиняться церкви; вѣрилъ видѣніямъ болѣе, чѣмъ евангелію, слушалъ чревовѣщателя, поддѣлывавшагося подъ голосъ Фридриха Великаго, вмѣсто того, чтобы выслушивать министровъ, учениковъ этого великаго государя; не довѣрялъ, наконецъ, разумнымъ, разсудительнымъ людямъ и довѣрялся шарлатанамъ, фаворитамъ и слугамъ.

IV.

Результаты не заставили себя ждать, и они были, поистинѣ, бѣдственны. Во внутреннихъ дѣлахъ государства, Вельнеръ, сдѣлавшійся министромъ и весьма быстро добившійся преобладающаго вліянія, предпринялъ полнѣйшую реакцію противъ системы Фридриха, притомъ съ ожесточеніемъ чисто личной мести. Эта реакція прежде всего выразилась въ свирѣпомъ преслѣдованіи свободы мысли. Въ 1788 г. издано было два указа противъ свободы совѣсти и свободы печати. Деистамъ и философамъ запрещено было отстаивать публично и излагать свои мнѣнія. Сектантство стали преслѣдовать наравнѣ съ безбожіемъ. Суровая цензура наблюдала за книгами и рѣчами. «Установлена настоящая инквизиція, доходящая до мельчайшихъ подробностей,—передавалъ Кюстинъ;—главное орудіе этого министра-богослова—полиція». Философскія сочиненія подвергнуты

были просмотру ортодоксальныхъ священниковъ; медицинскія сочиненія— врачей, состоящихъ на правительственной службѣ. О политическихъ вопросахъ перестали писать. Наука была задушена. Репрессія распространилась и на университеты. А для того, чтобы замаскировать ея настоящій характеръ, чтобы не вызвать слишкомъ сильнаго недовольства, этой репрессіи приданъ былъ характеръ національной нѣмецкой реакціи противъ французскаго вліянія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, дѣйствовали наперекоръ политикѣ Фридриха Великаго.

Люди, очутившіеся у власти по вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма, были противниками Франціи не только въ политическомъ отношеніи, но и противниками ея духу и воззрѣніямъ. Они съ гнѣвомъ и досадой выносили преобладаніе французовъ при дворѣ Фридриха II. Этотъ государь не допускалъ, чтобы благовоспитанные люди говорили не по-французски. Французы пріѣзжали въ Берлинъ учиться военному искусству и дѣлу государственнаго управленія. Публицистъ, политикъ, военный, желавшіе сдѣлать болѣе или менѣе блестящую карьеру, находили необходимымъ пробыть нѣкоторое время въ Берлинѣ. Въ особенности же замѣчался приливъ офицеровъ. Лозенъ, будущій генералъ Биронъ, жилъ въ Берлинѣ, оба Кюстина встрѣтились тамъ съ Мирабо въ 1786 г. Французскій посланникъ даже жаловался на излишнюю многочисленность своихъ соотечественниковъ въ прусской столицѣ. Когда ему объявили о прибытіи второго Мирабо, Мирабо-Тонно (впослѣдствіи эмигранта), путешествовавшаго въ то время по Германіи, онъ написалъ: «Довольно и перваго. Позвольте вамъ замѣтить, что большая часть пріѣзжающихъ сюда французовъ оказываютъ плохую услугу своей націи. Одни, охваченные смѣшнымъ восторгомъ, восхваляютъ Пруссію превыше небесъ и хулятъ во всѣхъ отношеніяхъ правительство и военное устройство Франціи. Другіе держатся противоположнаго образа мыслей и притомъ съ такою горячностью, что говорятъ пруссакамъ такія дерзости, которыя не могли бы перенести и болѣе флегматическіе характеры». Тѣмъ не менѣе эти дерзости переносились, потому что такъ приказывалъ Фридрихъ; послѣ его смерти захотѣли отомстить за нихъ, но Пруссія отъ этого не выиграла. Отъ французовъ ли исходило зло, или оно имѣло другія причины, во всякомъ случаѣ инквизиція Вельнера способствовала лишь къ его усиленію. Основанная на индифферентизмѣ терпимость Фридриха породила скептицизмъ и презрѣніе къ вѣрѣ; лицемѣрная нетерпимость, грубый мистицизмъ и извращавшее религію ханжество Фридриха-Вильгельма внушили къ вѣрѣ положительное отвращеніе. Нѣтъ закона, который могъ бы восторжествовать надъ нравами, нѣтъ цензуры, которая могла бы перевѣсить вліяніе примѣра. Цинизмъ великаго короля умалялъ значеніе его терпимости, распущенность

его преемника парализовала самую его инквизицію. Нравы не сдѣлались чище, но развратъ надѣлъ маску. Набожность, казавшаяся только смѣшною при Фридрихѣ, показалась ненавистною, когда пожелали ее навязывать. Прикидываясь набожнымъ, берлинское общество еще болѣе развратилось. Прибавимъ также, что оно перестало мыслить. Философія Фридриха могла съуживать умы, но она держала ихъ по крайней мѣрѣ открытыми для точныхъ идей и ясныхъ сужденій. Суевѣрная религіозность, вошедшая въ моду при его преемникѣ, затуманила умы. Авторитетъ ослабѣлъ, престижъ королевской власти упалъ, оффиціальное фарисейство унизило духъ.

Министры Фридриха играли при немъ второстепенную роль, но то были образованные, вѣрные и преданные люди; ихъ замѣнили креатурами фаворитовъ. Эти могли только разрушать, они были неспособны къ созиданію. Бюрократія пришла въ упадокъ; она утратила единственныя хорошія качества, которыми отличалась: слѣпое уваженіе власти и дисциплину, не пріобрѣтя взамѣнъ духа истинной независимости. Сохранили всѣ неудобства предшествовавшаго царствованія и потеряли его преимущества: механическій порядокъ и пассивную точность исполненія. Плохо управляемые государственные доходы были расхищены. Дезорганизація, подтачивавшая государство, проникла даже въ войска. «Если когда-нибудь перестанутъ обращать заботливое вниманіе на армію, государство погибнетъ», говорилъ Фридрихъ. Теперь армію предоставили самой себѣ. Она сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ республики, гдѣ каждый тянулъ въ свою сторону, интриговалъ и фрондировалъ. Во времена великаго короля, военные разсуждали о политикѣ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ они стали принимать активное участіе въ ней. Единство исчезло, правительство разложилось. Королемъ руководила шайка темныхъ личностей; противъ нихъ составлялись заговоры. Фавориты интриговали противъ министровъ, недовольные стали подкапываться подъ фаворитовъ.

Оппозицію составляли представители традиціи Фридриха Великаго. Такъ какъ реакція противъ его царствованія выразилась въ особенности во враждебности къ французамъ, то при новомъ королѣ оппозиція старалась показать, что стоитъ за Францію, ищетъ союза съ нею и распространяетъ французскія идеи. Это было ядро французской партіи, которая имѣла весьма мало вліянія въ первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма, но усилилась съ 1792 г. и оказывала въ слѣдующіе годы значительное воздѣйствіе на прусскую политику.

Въ первомъ ряду этой партіи стоялъ дядя короля, братъ Фридриха II, принцъ Генрихъ, одинъ изъ героевъ и любимцевъ восемнадцатаго вѣка. «Доблестный воинъ, даровитый генералъ, глубокій политическій умъ,

другъ справедливости, наукъ, искусствъ, покровитель слабыхъ, избавитель несчастныхъ», какъ говоритъ о немъ Сегюръ, принцъ Генрихъ былъ своего рода меценатомъ для французовъ въ Берлинѣ. Но въ то время онъ приносилъ имъ болѣе вреда чѣмъ пользы, такъ какъ его самого подозрѣвали во фрондерствѣ и заговорѣ. «Его галломанія оказала намъ плохую услугу», писалъ Мирабо. Знаменитый трибунъ даетъ не особенно лестный портретъ этого принца: «Онъ двоедушенъ и не умѣетъ хорошо притворяться; преисполненный идеями, умомъ, талантами, у него нѣтъ ни въ чемъ собственнаго мнѣнія. Его способы дѣйствія и средства мелки; страсти, замыслы—все мелко въ душѣ этого человѣка несмотря на обширный его умъ». Екатерина II отзывалась о принцѣ слѣдующимъ образомъ: «Это—кумушка хлопотунья и больше ничего». Онъ никогда не могъ утѣшиться, что первая роль миновала его. Чтобы хоть въ чемъ-нибудь быть первымъ, этотъ философъ не гнушался хвалиться тѣмъ, что имъ была соткана коварная основа перваго раздѣла Польши. Въ 1795 г. онъ былъ однимъ изъ главныхъ агентовъ заключенія мира между Франціей и Пруссіей и всегда оставался вѣрнымъ идеѣ союза между обоими государствами. Въ знакъ своей симпатіи онъ подарилъ въ V году Институту рукопись *Jacques le fataliste*. Въ благодарность за этотъ даръ, Директорія прислала ему почетное оружіе и переплетенные экземпляры сочиненій Дидеро. Другимъ «французомъ», стоявшимъ на виду въ Берлинѣ и пользовавшимся большою популярностью въ Парижѣ, былъ герцогъ Брауншвейгскій, котораго Мирабо называетъ Алкивіадомъ.

Въ числѣ людей, раздѣлявшихъ идеи принца Генриха и герцога Брауншвейгскаго, считался Струэнце, который, по словамъ Кюстина, «настолько сторонникъ революціи, насколько можетъ имъ быть прусскій министръ»; затѣмъ Мёлендорфъ, одинъ изъ блестящихъ офицеровъ Фридриха. Всѣ эти люди, извѣстные и популярные въ генеральныхъ штабахъ, университетахъ и въ особенности въ средѣ берлинской буржуазіи, наканунѣ революціи не имѣли никакого вліянія при прусскомъ дворѣ. Герцогъ Брауншвейгскій поднялъ свой кредитъ при этомъ дворѣ только цѣною отреченія отъ своихъ принциповъ. Остальныхъ стали выслушивать только тогда, когда несчастныя, бѣдственныя событія оправдали ихъ опасенія и критику.

V.

Какъ то предвидѣлъ Мирабо, разложеніе началось съ дипломатіи. Удививъ Европу своей смѣлостью, Фридрихъ удивилъ ее затѣмъ и умѣренностью. Въ старости онъ сдѣлался отшельникомъ и консерваторомъ. Живя въ дружбѣ съ Англіей, кокетничая съ Франціей, покровительствуя мелкимъ

германскимъ государствамъ, онъ остался союзникомъ Россіи. Австрія же боялась его. Фридрихъ-Вильгельмъ могъ мирно пользоваться своими досугами по милости своего предшественника. Но онъ жаждалъ славы, у него была армія въ сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ и полная казна денегъ. Онъ считалъ армію непобѣдимой, а казну—неистощимой и хотѣлъ заставить говорить о себѣ. Его министръ иностранныхъ дѣлъ, Герцбергъ, побуждалъ его къ великимъ дѣяніямъ. Когда совѣтники говорили съ нимъ въ такомъ духѣ, онъ ихъ выслушивалъ. Первымъ дебютомъ было подавленіе возмущенія въ Голландіи въ 1787 г. Франція поддерживала партію голландскихъ патріотовъ; англичане стояли за штатгальтера. Фридрихъ-Вильгельмъ увидѣлъ въ голландскихъ дѣлахъ случай унизить Францію и воспользовался имъ. Онъ послалъ въ Голландію армію, которая почти безъ сраженія обратила въ бѣгство голландскихъ патріотовъ, причемъ Франція не посмѣла этому противиться. Предпріятіе удалось противъ всякаго ожиданія. «То, чего не могли сдѣлать въ Голландіи ни Людовикъ XIV, ни Тюреннъ, Конде, Люксембургъ, Лувуа и 200.000 французовъ, того не сдѣлаетъ и Пруссія подъ зоркимъ наблюденіемъ императора и при поддержкѣ Голландіи со стороны Франціи», писалъ Мирабо до экспедиціи. Голландцы покорились: пруссаки почли себя непобѣдимыми. Ихъ природное самомнѣніе удвоилось. Не принимая въ соображеніе ни мотивовъ, заставлявшихъ Францію воздерживаться отъ вмѣшательства, ни причинъ, побуждавшихъ большинство голландскаго народа отказаться отъ сопротивленія, пруссаки приписали успѣхъ своей военной прогулки ужасу, внушаемому славою ихъ оружія. Они сочли Францію пораженною на смерть, перестали считаться съ нею и повѣрили, что ничего не можетъ быть проще и легче, какъ возстановить въ ней тронъ и подавить революцію. Страшная неудача ихъ кампаніи въ 1792 г. имѣетъ источникомъ успѣхъ экспедиціи 1787 года.

Трактаты тройного союза, заключенные Пруссіей съ Англіей и Голландіей, усилили ея самонадѣянность. Она выдвинулась въ первый рядъ. Герцбергу казалось, что онъ держитъ въ рукахъ всю Европу. Мы увидимъ, въ какія запутанныя приключенія онъ вовлекъ Пруссію въ ту минуту, когда, вслѣдствіе французской революціи, вспыхнула въ 1792 г. война между Франціей и Австріей. Сложныя комбинаціи Герцберга принесли Пруссіи одни разочарованія: приступая къ войнѣ противъ французской революціи, она мечтала о блестящемъ реваншѣ и крупныхъ выгодахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ присоединился къ крестовому походу королей, онъ даже командовалъ передовымъ отрядомъ; но неожиданно измѣнивъ свою политику, онъ не могъ измѣнить своего характера и внесъ въ новое предпріятіе свою нерѣшительность, свои поползновенія играть великую роль и свои скрытыя мысли о барышахъ. Безусловное безкорыстіе могло быть единствен-

нымъ основаніемъ войны, на которую онъ рѣшался, и условіемъ ея успѣха. Война обманула всѣ его надежды, разочаровала во всѣхъ ожиданіяхъ. Ни онъ, ни его совѣтники не оказались на высотѣ положенія тѣхъ грозныхъ событій, съ которыми они стали лицомъ къ лицу. Грозный отпоръ, данный Франціей, безучастіе Россіи, отсутствіе сплоченности въ старой Европѣ вызвали въ нихъ полное смущеніе. Они напрасно искали руководства и поддержки въ самихъ себѣ; они нашли у себя одну страсть къ наживѣ и привычку къ интригамъ. Гнилое въ корнѣ предпріятіе потерпѣло неудачу. Колебанія дипломатіи препятствовали движенію арміи. Сложность ожидаемыхъ пріобрѣтеній вызвала противорѣчія въ мѣропріятіяхъ. Ища исключительно выгодъ, они упустили ихъ повсюду. Отсюда вытекала двусмысленность обязательствъ, двоедушіе въ поступкахъ, неудача плохо задуманныхъ плановъ и отступленія, которыя справедливо сочтены были измѣной.

Такъ, обѣщавъ защищать Польшу, они кончили тѣмъ, что участвовали въ ея раздѣлѣ; они конспирировали противъ Австріи и внезапно покинули ее послѣ того, какъ сами искали союза съ нею и побудили ее къ войнѣ; они первые подали сигналъ къ капитуляціи, послѣ того, какъ начали проповѣдью крестоваго похода королей; они присоединились къ расчлененію Германіи, взявшись вначалѣ за оружіе для ея защиты и сдѣлались первыми пособниками революціи послѣ того, какъ были ея первыми врагами. Они сочетали въ себѣ прусское коварство, за вычетомъ геніальности Фридриха Великаго, съ австрійскимъ лицемѣріемъ, безъ доблестей Маріи-Терезіи. Вызвавъ всеобщее недовѣріе, Фридрихъ-Вильгельмъ подготовилъ изолированность Пруссіи въ Европѣ; своей внутренней политикой онъ ускорилъ упадокъ прусскаго государства.

Десять лѣтъ мира, послѣдовавшіе за заключеніемъ трактата 1795 г., только задержали на время катастрофу; но причины, дѣлавшія ее неизбѣжной, не переставали дѣйствовать, и онѣ вполнѣ выяснились еще въ 1792 г. «Въ военномъ мірѣ», говоритъ нѣмецкій историкъ Филиппсонъ, замѣчается произволъ, самомнѣніе, эгоизмъ, отсутствіе духа самопожертвованія и никакой преданности ни родинѣ, ни королю; въ администраціи—происки, небрежность, рутина, соперничество, неумѣлость и отсутствіе усердія; въ высшихъ классахъ общества—стремленіе къ наслажденію и отвращеніе отъ труда; духъ догматизма, рубившій съ-плеча и критиковавшій все на свѣтѣ, при отсутствіи всякой мощи въ дѣлѣ мысли и воли; вотъ какова была Пруссія въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Строгая дисциплина, поставившая ее такъ высоко, исчезла и въ правительствѣ и въ народѣ. Безъ сомнѣнія, въ націи оставалось еще много силъ и великіе источники энергіи, но они оставались безплодными при существованіи правительства, составленнаго изъ

шайки безсовѣстныхъ пройдохъ, жалкихъ посредственностей и тщеславныхъ распутниковъ». Такимъ-то образомъ предъ лицомъ торжествующей Франціи очутилась Пруссія съ распатаннымъ правительствомъ, съ неурядицей внутри и съ потерявшей движеніе дипломатіей. Отъ зданія, возведеннаго Фридрихомъ II, осталась одна армія: ее уничтожилъ Наполеонъ.

VI.

Казалось, что прусское государство должно неминуемо рухнуть среди этой катастрофы и самое имя Пруссіи исчезнуть съ карты Европы. Паденіе рѣшено было уже давно; это былъ умирающій, которому всѣ политическіе доктора того вѣка вынесли безусловно смертный приговоръ и которому Наполеонъ нанесъ послѣдній ударъ. И однако Пруссія все-таки поднялась и даже возродилась послѣ страшнаго испытанія. Люди, совершившіе великое дѣло этого возрожденія, элементы, при содѣйствіи которыхъ оно могло совершиться, существовали и въ то время, когда подготовлялось паденіе, но они оставались незамѣченными. «У Пруссіи есть только одна лицевая сторона, обращенная къ Европѣ,—говорилъ аббатъ де-Прадтъ.—Этотъ фасадъ, наскоро выведенный изъ разнороднаго матеріала, покрытъ былъ трещинами еще во времена Фридриха; не трудно было предвидѣть его разрушеніе. Не замѣтили только того, что подъ этимъ непрочнымъ зданіемъ глубоко въ землѣ покоился крѣпкій фундаментъ, на которомъ, по расчисткѣ мусора искусные строители могли выстроить новое зданіе, болѣе прочное, чѣмъ первое, и матеріалы котораго были собраны вокругъ терпѣливою рукою прежнихъ государей.

Прусская нація была такъ же искусственна, какъ и прусское государство. По мѣткому выраженію одного историка, это была ловко сложенная мозаика; но мозаика была плотна и прочна, она составляла нѣчто цѣльное. Учрежденія слили воедино всѣ эти разнороднаго происхожденія населенія. Государство этой страны было и раціонально и національно. Подъ бюрократическою сѣтью, подъ волнующеюся поверхностью и пѣною большихъ городовъ оставалось въ провинціи множество людей, воодушевленныхъ одинаковыми стремленіями, привыкшихъ жить бокъ-о-бокъ, любить родину и обладавшихъ общественнымъ духомъ, которому еще во времена Мирабо, какъ говорили, могли бы позавидовать сами англичане. Въ Германіи этотъ духъ называли «прусской жилкой». Испорченность высшихъ классовъ была дѣйствительно велика, но она ограничивалась столицей. Мелкаго дворянства, составлявшаго самый нервъ государства, не коснулась порча. Оно было бѣдно и трудолюбиво. На него-то намекалъ Фридрихъ, когда писалъ герцогу Брауншвейгскому въ 1782 г.: «Вамъ, въ ва-

шей Нижней Саксоніи, и мнѣ, въ моей песочницѣ, намъ нечего бояться, что роскошь развратитъ чувства нашихъ согражданъ»... Дворянство это жило среди крестьянъ, принимало участіе въ мѣстномъ управленіи, его уважалъ народъ, надъ которымъ оно не только начальствовало, но которому и оказывало услуги. Населеніе отличалось первобытностью и нѣкоторою грубостью; образованіе у него стояло на довольно низкой ступени; но инвалиды унтеръ-офицеры, которыхъ Фридрихъ охотно назначалъ школьными учителями, если и не сильны были въ наукахъ, зато учили практическому патріотизму. Пруссаки привыкли уважать короля, отождествляли отечество съ королевской фамиліей и дисциплину—съ долгомъ.

Нація не распалась вслѣдствіе того, что разбилась форма, въ которую ее отлили. Навербованная изъ чужеземцевъ, армія была уничтожена, но оставался народъ, котораго можно было призвать къ оружію; сельское дворянство было вполнѣ подготовлено къ образованію кадровъ новой арміи. Военная связь подкрѣплялась въ ней и связью феодальной и національнымъ духомъ. Бюрократія была безсильна и немощна, но въ провинціи можно было найти болѣе живую, бодрую и лучше приспособленную къ народнымъ нуждамъ администрацію. Государство разлагалось, но въ народѣ жила сила, способная создавать государства. Полагали, что Пруссія должна погибнуть вслѣдствіе искусственности и новизны своего зданія: именно это и спасло ее. Въ составъ ея вошли разнокалиберные элементы, народы разнаго происхожденія. Государство пощадило если не ихъ автономію, то, по крайней мѣрѣ, обычаи. Притягивая и поглощая, оно не уничтожило или, точнѣе говоря, не успѣло уничтожить вполнѣ старинный обычай мѣстнаго управленія, провинціальнаго и, въ особенности, общиннаго. Память о прошломъ, привычка, традиція сохранились. Однимъ словомъ, административная централизація не пошла далѣе поверхности, она не проникла въ глубь. Когда государство было поколеблено, не потребовалось усиливать централизаціи для его укрѣпленія и доводить до крайности, подъ предлогомъ преобразованія, систему, которая и вызвала необходимость реформы. Стоило только вернуться къ прошлому и, отказавшись отъ искусственной организаціи,—которая, къ тому же и рушилась,—искать средства возрожденія государства въ естественномъ развитіи національныхъ элементовъ монархіи. Вотъ причина, почему такъ различны между собою революція, совершенная во Франціи въ 1789 г., и реформа, произведенная въ Пруссіи послѣ 1807 г. Въ Пруссіи оказалось возможнымъ то, что не было осуществимо во Франціи, а именно: согласованіе съ уваженіемъ къ прошлому и сохраненіемъ устарѣлыхъ учрежденій съ столь глубокими преобразованіями, которыя были проведены Штейномъ и его сотрудниками:—постепенное упраздненіе феодальнаго строя, уравненіе налоговъ, обязательность для всѣхъ

военной повинности, доступъ къ общественнымъ должностямъ для людей всѣхъ классовъ. Тѣ же причины объясняютъ, почему, несмотря на глубокія потрясенія, которымъ подверглась Пруссія, она не выказала никакой воспріимчивости къ духу французской революціи. Эта революція исходила изъ принципа централизаціи и приводила къ системѣ государственной централизаціи, то есть именно къ тому, противъ чего протестовала страдавшая отъ такой системы Пруссія и отъ чего стремились избавить ее реформаторы.

Прусская нація не была подготовлена къ возстаніямъ и возмущеніямъ; иностранное завоеваніе не только не вызвало революціи, но, напротивъ, породило усиленіе и пробужденіе монархическаго чувства. Въ минуту бѣдствія, нація, государство и король слились воедино; пораженіе, оживившее національный духъ, въ то же время оживило преданность къ государству и привязанность къ династіи. Пруссаковъ побѣдила французская революція вооруженная и олицетворяемая завоевателемъ; ихъ реформа имѣла цѣлью и побужденіемъ возстаніе противъ военнаго господства Франціи; она была реакціей противъ интеллектуальнаго и политическаго преобладанія французовъ. А между тѣмъ то, что было наиболѣе возвышенно и благородно въ замыслахъ прусскихъ реформаторовъ и что имъ удалось примѣнить къ своей родинѣ, составляетъ самую суть идей восемнадцатаго вѣка, очагомъ которыхъ была Франція. Штейнъ и его ученики усвоили эти идеи и примѣнили ихъ къ возрожденію прусскаго государства, подобно тому, какъ поступили ихъ предшественники шестнадцатаго вѣка съ протестантизмомъ. Оригинальность тѣхъ и другихъ заключается именно въ томъ искусствѣ, съ которымъ они умѣли примирить уваженіе къ монархическимъ традиціямъ съ великими политическими и религіозными нововведеніями. Принявъ лютеранство, гроссмейстеръ Тевтонскаго ордена думалъ не столько о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, сколько объ основаніи великой династіи; религіозная реформа доставляла къ тому случай, и онъ принялъ ее. Примѣняя къ нуждамъ Пруссіи нѣкоторыя практическія воззрѣнія французской революціи, прусскіе министры 1807 года вовсе не мечтали о созданіи идеальнаго государства или о работѣ на благо человѣчеству: они думали только о преобразованіи прусскаго государства; соціальная и политическая реформа давала имъ средства къ тому, и они стали реформаторами.

Эти люди родились въ царствованіе Фридриха II; въ молодости они были свидѣтелями упадка монархіи. Катастрофа уяснила имъ причины зла ранѣе, чѣмъ они сами извѣдали его послѣдствія. Они принадлежали къ поколѣнію, которое, не испытавъ растлѣвающаго вліянія нравовъ XVIII вѣка, было однако же проникнуто его духомъ. Они достигли высокой интеллектуальной и политической культуры; бѣдствіе, постигшее ихъ родину, принудило ихъ къ здра-

вости сужденія, чувству мѣры и практическому такту. Испытаніе закалило характеры. Такимъ-то образомъ въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ, отъ 1786 до 1806 г. развились причины, доведшія Пруссію и до глубокаго паденія, и до блестящаго возвышенія. Ея изумительный упадокъ порожденъ былъ эпохой ея величія, а еще болѣе изумительное возрожденіе выросло изъ упадка.

Когда умеръ Фридрихъ, его племяннику и наслѣднику было сорокъ-два года, а внучатному племяннику, который долженъ былъ въ свою очередь наслѣдовать—шестнадцать лѣтъ. Фридрихъ-Вильгельмъ II довелъ Пруссію почти до полной гибели, Фридрихъ-Вильгельмъ III укрѣпилъ и преобразовалъ ее. Первый соединялъ въ своей личности всѣ причины разоренія, второй носилъ въ себѣ элементы возстановленія. Мирабо, обладавшій революціоннымъ чутьемъ и геніальною проницательностью въ государственныхъ вещахъ, основательнѣе чѣмъ кто-либо съумѣлъ различить то, что́ было прочнаго и что́ было слабаго въ созданіи Фридриха. Онъ предрекъ крушеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предчувствовалъ и возрожденіе Пруссіи. «Быть можетъ,—писалъ онъ послѣ встрѣчи съ наслѣднымъ принцемъ, которому предстояло царствовать подъ именемъ Фридриха-Вильгельма III [1]),—быть можетъ, этому юношѣ предстоитъ великая будущность, и если со временемъ онъ сдѣлается центромъ какого-нибудь достопамятнаго переворота, это не удивитъ людей дальновидныхъ.

---

[1]) *Histoire secrète*, 30 décembre, 1786.

ГЛАВА VIII.

Россія, Швеція, Польша и восточныя дѣла.

I.

Турція, Польша и Швеція занимали значительное мѣсто въ системѣ Франціи стараго порядка. Онѣ были своего рода противовѣсомъ на европейской окраинѣ и доставляли возможность облегчать центръ. Онѣ же служили орудіями и театромъ крупныхъ диверсій. Ту же роль продолжали онѣ играть и во время революціонныхъ французскихъ войнъ и диверсіи, ими навлеченныя, оказали рѣшающее вліяніе на судьбы Франціи. Именно на сѣверѣ и на востокѣ Европы начался кризисъ, который отъ 1789 до 1795 года возстановлялъ другъ противъ друга великія европейскія державы, обнаружилъ антагонизмъ ихъ притязаній, вызвалъ проявленіе ихъ соперничества, обличилъ несостоятельность ихъ публичнаго права, отвлекалъ до самаго конца 1791 г. ихъ вниманіе отъ французскихъ дѣлъ, долгое время задерживалъ ихъ коалицію, парализовалъ ее немедленно послѣ ея образованія и кончилъ тѣмъ, что разрушилъ ее.

Въ то самое время, какъ на западѣ совершалась политическая и соціальная революція, территоріальный переворотъ готовился на востокѣ. Эти двѣ революціи не имѣютъ другъ къ другу никакого отношенія: онѣ исходятъ изъ совершенно различныхъ причинъ и ведутъ къ самымъ разнороднымъ результатамъ; но онѣ возникли одновременно и развивались параллельно. Однѣ и тѣ же державы заинтересованы и въ той и въ другой, а поэтому одна изъ этихъ революцій реагировала на другую. Въ ту минуту, когда Франція находилась въ самомъ критическомъ положеніи и когда Европа готова была задушить ее, внезапно отливаютъ военныя силы по направленію къ польскимъ равнинамъ, и облегченная Франція получаетъ возможность вздохнуть свободнѣе. Это было нѣкоторымъ образомъ механическое дѣйствіе, но Франція извлекла изъ этого отвлеченія соковъ громадныя для себя преимущества. Въ этой, такъ сказать, европейской контръ-революціи Швеція играла лишь эпизодическую роль, Турція доставляла одни поводы, такъ же какъ и Польша, которая, тѣмъ не менѣе, изнемогла въ этой борьбѣ. Россія руководила всѣмъ, и потому-то эта держава, войска которой приняли участіе въ войнѣ противъ Франціи не ранѣе какъ въ 1799 г., тѣсно связана со всей исторіей французской рево-

люціи. Ея хотя и косвенное вмѣшательство является господствующимъ при нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ событій. Заканчивая нашъ эпизодъ о Европѣ до 1789 г., мы должны, для окончательнаго уясненія европейскихъ дѣлъ, осмотрѣть это обширное сѣверное и восточное поле сраженія, указать, по крайней мѣрѣ, на главныя позиціи и свойства мѣстностей.

Начало политической роли Россіи и ея поступательнаго движенія къ центру Европы совпадаютъ по времени съ упадкомъ Турціи и ея отступленіемъ въ сторону Азіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, если судить по внѣшности, эти оба государства представляютъ нѣкоторую аналогію. Вольтеръ находилъ, что русскіе стрѣльцы «напоминаютъ янычаръ, такъ какъ, подобно этимъ послѣднимъ, совершаютъ иногда дворцовые перевороты и потрясаютъ государство почти всегда въ той же мѣрѣ, какъ и поддерживаютъ его» [1]). Но въ Турціи безпрестанные дворцовые перевороты, шаткость власти, распущенность политическихъ и частныхъ нравовъ при тираннической и въ то же время слабой власти, все это составляетъ какъ бы норму, и дальнѣйшаго развитія не предвидится; между тѣмъ какъ въ Россіи тѣ же явленія указываютъ лишь на смутное броженіе среди великой націи, которая конституируется и пытается пробить себѣ болѣе широкій путь.

Турецкой націи собственно и не существуетъ, а есть только завоеватели, стоящіе лагеремъ среди враждебнаго населенія; турки составляютъ не государство, а армію, пригодную лишь для завоеваній и склонную къ распаденію, какъ только она вынуждена остановиться. Европейская цивилизація имъ недоступна, потому что они не могутъ вводить у себя реформъ, не порывая съ своими традиціями, то есть не уничтожая главной пружины своего могущества. Религія роетъ между ними и покоренными народами непереходимую пропасть: они умѣютъ царить только силою, а сила идетъ на убыль. Напротивъ того, въ Россіи населеніе связано наибобѣе сильными изъ первобытныхъ узъ: узами одинаковыхъ религіозныхъ вѣрованій [2]). Эти вѣрованія сближаютъ Россію съ староевропейскимъ міромъ и открываютъ доступъ къ его цивилизаціи. Русскіе такъ же склонны воспринимать эту цивилизацію, какъ турки неспособны иначе относиться къ ней, какъ враждебно и отрицательно. Турки утвердились на развалинахъ, и почва вокругъ нихъ остается безплодною; русскіе разселяются на обширныхъ еще дѣвственныхъ равнинахъ, ожидающихъ воздѣлыванія. Время, все изсушающее въ Турціи, работаетъ надъ оживленіемъ всего въ

---

[1]) *Histoire de la Russie*, ch. II.

[2]) См. A. Leroy-Beaulieu, *l'Empire des tsars et les russes*, t. I, liv. II, III, IV.

Россіи. Между этими двумя странами все содѣйствуетъ развитію антагонизма и ненависти. Русскіе получили свою вѣру изъ Византіи, это ихъ метрополія, а турки оскверняютъ ее своимъ присутствіемъ. Турки угнетаютъ ихъ единовѣрцевъ, и каждый русскій считаетъ дѣломъ вѣры и благочестія избавленіе братьевъ по вѣрѣ. Въ этомъ случаѣ народныя чувства вполнѣ совпадаютъ съ внушеніями политическаго расчета: русскіе государи тяготѣютъ вообще къ Черному морю, Дунаю и Константинополю: освободить и завоевать становиться для нихъ синонимомъ.

Существенныя черты русской политики особенно ярко проявлялись по отношенію къ Турціи, но мы ихъ встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ и узнаемъ во всѣхъ направленіяхъ, по которымъ двигалась Россія. Вообще, русская политика отличалась обширностью и вмѣстѣ съ тѣмъ несложностью своихъ задачъ. Россія не могла расти и развиваться, не открывая себѣ путей для торговли и доступа къ цивилизаціи. Путь для торговли это значило—Балтійское море, а его запирали шведы; путь къ цивилизаціи, это была старая Европа, а Польша стояла поперекъ дороги. Отсюда вытекалъ коренной антагонизмъ между русскими, поляками и шведами, такъ же какъ между русскими и турками.

Швеція обращала на себя не малое вниманіе Европы въ семнадцатомъ вѣкѣ и въ первые годы восемнадцатаго, но затѣмъ роль ея стала только эпизодическою. Первый изъ ея воиновъ, Густавъ-Адольфъ оставался лишь знаменитымъ пособникомъ; второй—Карлъ XII—королемъ-авантюристомъ. Онъ потерялъ Балтійскія провинціи, отдалъ сѣверную монархію въ руки Россіи и оставилъ Швецію истощенною, утратившею мужество и внутренно-разъединенною. Роль ея была сыграна. Шведы много терпѣли отъ прихотей своихъ государей: они стали искать оплота въ своихъ старыхъ вольностяхъ; но отъ этихъ вольностей оставались однѣ формы. Онѣ принадлежали средневѣковью и соотвѣтствовали суровымъ и простымъ нравамъ. Шведы внесли въ нихъ мятежный духъ восемнадцатаго вѣка и всѣ интриганскія привычки, проникшія подъ покровомъ деспотизма. Этотъ мнимый возвратъ къ свободѣ былъ только впаденіемъ въ анархію. Партіи лишены были почвы въ странѣ; онѣ искали внѣшней поддержки. Продажность испортила учрежденія, и нація казалась открытою для чужеземнаго вмѣшательства. Однако, не будучи повидимому способными къ самостоятельному управленію, шведы сохранили способность къ дисциплинѣ. Раздоры хотя и отличались яростью, но они не могли заглушить патріотическое чувство. Шведы сознавали опасность, которую могло навлечь на нихъ разъединеніе. Наконецъ они не утратили склонности къ войнѣ: блестящія военныя экспедиціи могли отвлечь ихъ отъ внутреннихъ распрей. Это-то и объясняетъ успѣшность государственнаго переворота, совершеннаго Густавомъ III

въ 1772 г., который и спасъ независимость Швеціи. Философы рукоплескали: Густавъ былъ изъ ученикомъ; онъ любилъ «просвѣщеніе», онъ «ниспровергалъ алтари фанатизма»; онъ пользовался присвоенною себѣ верховною властью для искорененія злоупотребленій [3]). Но эти мирные успѣхи не удовлетворяли Густава: ему было двадцать шесть лѣтъ, онъ былъ безстрашенъ, любилъ славу и горѣлъ нетерпѣніемъ удивить міръ и заставить прогремѣть свое имя въ пресловутыхъ парижскихъ салонахъ, которые посѣщалъ и которые и вблизи и издалека оказывали на него чарующее вліяніе. Къ тому же его одолѣвала скука; характеръ у него былъ безпокойный и среди внушеній пустого тщеславія являлись проблески рыцарскаго воображенія [4]). Это рыцарство и исканіе крестоваго похода уживалось въ немъ съ политикой, философіей и раболѣпіемъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Образъ Густава-Адольфа по временамъ какъ бы овладѣвалъ его воображеніемъ. Но ему недоставало и рессурсовъ и интересовъ. Единственнымъ интересомъ Швеціи была самозащита, а рессурсы приходилось занимать, и она не могла вооружаться, не прибѣгая къ субсидіямъ. Вынужденная сражаться ради чужихъ дѣлъ, она играла въ крупныхъ предпріятіяхъ роль помощницы. Ея экспедиціи, даже наиболѣе народныя, должны были быстро оканчиваться и имѣть счастливый исходъ. Король, отправляясь воевать, всегда могъ опасаться происковъ партій, и непріятель слишкомъ легко могъ найти союзниковъ въ средѣ его подданныхъ. Тѣмъ не менѣе Швеція существовала, она казалась даже поднявшейся; для нея было много уже и того, что она была слаба только для наступательнаго образа дѣйствій и что чувствовала себя связанной только по отношенію къ безразсуднымъ предпріятіямъ. Къ несчастію этого нельзя было сказать о Польшѣ.

Польша была, такъ сказать, разсѣяна по обширнымъ равнинамъ; она являла собою большое государственное тѣло, занимавшее громадное пространство, но не имѣвшее точно-опредѣленныхъ границъ. Государство ея было непрочно, народъ разъединенъ, территоріи—открыты для враговъ. Уцѣлѣвшія учрежденія способствовали только ослабленію государства, а національныя традиціи—разъединенію націи. Устройство Польши совмѣ-

---

[3]) Geffroy, *Gustave III*, t. I, ch. III; *le Coup d'Etat*, *Gustave et la société française.*

[4]) «Ему недоставало сердца,—говорилъ одинъ изъ его приближенныхъ, Ферзенъ, отецъ Акселя Ферзена, такъ тѣсно связаннаго съ французскимъ дворомъ во время революціи.—Это было безпокойное и скучающее существо, подвижное и непостоянное; онъ только и мечталъ, что о перемѣнахъ; вообще его ничто не интересовало кромѣ того, что можетъ польстить его тщеславію и поднять престижъ его короны». Léouzon-Leduc, *Correspondance du baron de Staël*, Paris 1881.

щало въ себѣ недостатки самаго противоположнаго свойства. Польская аристократія существовала и заправляла дѣлами, но, по выраженію Монтескье, «это была наименѣе совершенная изъ всѣхъ аристократій», такъ какъ народъ оставался въ рабствѣ у дворянства. По своему складу, Польша была республикой, но самой анархической и въ то же время наименѣе свободной: законы ея клонили къ независимости отдѣльныхъ лицъ и къ утѣсненію всѣхъ [5]). Сто тысячъ дворянъ управляли Польшей по своему произволу: они уже забыли о тѣхъ временахъ, когда начали царствовать въ ней ихъ предки [6]). Нѣсколько болѣе вліятельныхъ и болѣе богатыхъ семействъ подчиняли себѣ остальныя. Крестьянское населеніе находилось въ крѣпостномъ состояніи; промежуточнаго класса, буржуазіи, собственно не было въ Польшѣ, такъ какъ этимъ именемъ нельзя было назвать ненавидимыхъ и устраняемыхъ отъ всякаго вліянія нѣмецкихъ поселенцевъ и евреевъ, безправное положеніе которыхъ сходствовало съ ихъ положеніемъ во Франціи времени Филиппа Красиваго. Иноплеменные скучивались въ городахъ, но не были объединены и оставались изолированными въ этой дворянской республикѣ, на подобіе «капель масла на поверхности пруда» [7]).

Такимъ образомъ нація сводилась къ арміи дворянъ, жившихъ какъ въ завоеванной странѣ и безнаказанно дававшихъ волю всѣмъ своимъ страстямъ. Эти дворяне любили праздновать и наслаждаться: для покрытія расходовъ они разоряли крестьянина и собственныя имѣнія. Государство принадлежало имъ, и они дѣлили между собою доходы. Король существовалъ только по имени: дворяне избирали его, и еще до выборовъ налагали на него обязательство (Pacta conventa), равнявшееся заблаговременному отреченію отъ власти, внѣшніе признаки которой онъ имѣлъ получить. Когда король былъ избранъ, дворянство держало его въ зависимости, при помощи сейма, помимо котораго онъ ничего не могъ предпринимать и на которомъ значеніе его было ничтожно. Представители сейма соперничали между собою и относились другъ къ другу съ такою же враждебностью, какую проявляли по отношенію къ королю. Власть принадлежала всѣмъ; каждый имѣлъ возможность парализовать ея дѣйствіе. Такъ какъ для рѣшеній требовалось единогласіе, то *liberum veto* отдавало судьбу республики на произволъ каприза всякаго сумасброда или расчета злодѣя. Анархія, вслѣдствіе такой конституціи государства, была его нормой, и

---

[5]) *Esprit des lois*, liv. II, ch. III.

[6]) Rulhière, *Histoire de l'anarchie de Pologne*, t. I, Paris, 1807.—Ferrand, *Histoire des trois démembrements de la Pologne*, t. I, Paris, 1820. Introduction. Herrmann, *Geschichte des russischen Staates*, t. VI, ch. III.

[7]) Anatole Leroy Beaulieu, *l'Empire des tsars et les russes*, t. I, p. 289.

единственнымъ средствомъ избавленія отъ нея была гражданская война, то есть леченіе, бывшее еще опаснѣе самой болѣзни. Составлять государство въ государствѣ, пріостанавливать дѣйствіе законовъ, навязывать силою произволъ партіи, однимъ словомъ, дѣлать то, что въ другихъ странахъ называлось мятежомъ, считалось въ Польшѣ лишь пользованіемъ публичнымъ правомъ. Это называлось составлять *конфедерацію*, и это было единственнымъ способомъ ограниченія анархіи. Инсуррекція была необходимымъ дополненіемъ основныхъ постановленій этого государства. Что же касается до темной народной массы, то она была раздавлена гнётомъ и загрубѣла въ невѣжествѣ и нуждѣ. «Ваши крестьяне,—писалъ Мабли полякамъ,—обречены на самое жестокое рабство. Господа заботятся о нихъ менѣе, чѣмъ о своихъ лошадяхъ» [8]). Пренебреженіе къ нимъ со стороны господъ вызвало и съ ихъ стороны полное равнодушіе къ судьбѣ этихъ господъ. Правительство было имъ чуждо. Они не сознавали себя гражданами; ихъ отвергали и ставили внѣ націи. Къ перемѣнамъ въ правительствѣ они относились безразлично, если власть сохраняла прежній характеръ; они радовались перемѣнѣ, если она смягчала ихъ участь. Они пробуждались изъ своего оцѣпенѣнія лишь для того, чтобы предаваться самому слѣпому фанатизму, и первый взрывъ ихъ бѣшенства обращался на господъ. Вооружая ихъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, подвергались всегда внутреннимъ бунтамъ.

Въ Европѣ восемнадцатаго вѣка Польша была анахронизмомъ. Въ то время, какъ она, въ силу самаго устройства и положенія своего, открыта была кознямъ и вторженіямъ своихъ сосѣдей, сосѣди эти сосредоточивались въ своей власти. Они предпринимали осаду этого средневѣковаго государства, вооруженные всѣми рессурсами знанія и мощной организаціи государствъ новѣйшаго времени. Артиллеріи и инженерному искусству непріятеля Польша могла противопоставить только устарѣлый способъ обороны: полуразрушенныя укрѣпленія, толпу героическихъ, но не дисциплинированныхъ паладиновъ, а за ними, въ городахъ, переполненныхъ заговорами и мятежными партіями,—испуганныхъ горожанъ и полудикое, голодное и жаждущее рѣзни и грабежа населеніе.

Пруссія, Австрія и Россія раздѣлили Польшу въ 1772 г. Швеція приняла къ свѣдѣнію этотъ примѣръ; въ свою очередь и Польша была, по видимому, поражена примѣромъ шведскихъ преобразованій. Всѣ истинно преданные родинѣ поляки поняли, что спасти Польшу можно только путемъ великихъ преобразованій. Необходимо было упразднить это разъединяющее націю *liberum veto*, эти капитуляціи, эти *pacta conventa*, свя-

---

[8]) *Du gouvernement et des lois de le Pologne*, 1781.—Ségur *Mémoires*, t. II, p. 233. Rambaud, *Histoire de Russie*, p. 478.—Philippson.—Sybel.

зывавшія власть, и эти *конфедераціи*, раздиравшія государство. Надо было регулировать налоги, пополнять казну, вмѣсто того чтобы расхищать ее, замѣнить нестройныя полчища регулярными войсками и артиллеріей, предъ которыми польское войско играло такую же роль, какъ англійскіе стрѣлки предъ лицомъ французскихъ рыцарей при Креси и Азенкурѣ. Наконецъ необходимо было пробудить къ гражданской жизни и заинтересовать въ судьбѣ родины эту исключенную изъ гражданскихъ правъ массу населенія, дать ей права, если хотѣли призывать ее на защиту государства. Таковы были планы, волновавшіе польскихъ патріотовъ въ то время, когда собрался въ Варшавѣ знаменитый сеймъ 1788 г., который казался призваннымъ къ возрожденію республики, и который вмѣсто того довершилъ ея порабощеніе.

Поляки глубоко чувствовали подтачивавшее ихъ зло, горячо любили родину, вѣрили въ ея будущее, обладали традиціей энтузіазма и самоотверженія, безкорыстія и приверженности къ благороднымъ предпріятіямъ. Вотъ почему исторія не можетъ не сочувствовать ихъ бѣдствіямъ. Къ сожалѣнію и къ несчастію Польши, каждый изъ ея сыновъ служилъ исключительно своей партіи. Каждая партія считала себя всѣмъ; ни одна изъ нихъ не стѣснялась призывать на помощь иностранцевъ, и всѣ смотрѣли на соперническія партіи, какъ на враговъ. Иностранныя державы пользовались внутренними распрями поляковъ. Можно сказать, что въ Польшѣ у всѣхъ была партія, за исключеніемъ самой республики, не имѣвшей никакой опоры, и что поляки надѣялись на всѣхъ, кромѣ себя самихъ. У государства этого не было, такъ сказать, души. Король Станиславъ Понятовскій не обладалъ ни твердостью воли, ни истинною преданностью интересамъ своей страны. Къ тому же, при анархическомъ состояніи Польши, попытки преобразованій давали поводъ къ новымъ раздорамъ. Опасность только усиливала разъединеніе: каждый сваливалъ отвѣтственность за нее на противниковъ, и самый патріотизмъ становился партійнымъ дѣломъ. Мы увидимъ, какъ вопреки великодушнымъ рѣшеніямъ, внушеннымъ полякамъ принципами и примѣромъ Франціи, революція французская лишь усилила своею пропагандою раздоры польскихъ партій; въ той мѣрѣ, въ какой она проникла въ народъ, пропаганда усилила его ненависть къ господамъ. Все въ Польшѣ содѣйствовало распространенію анархіи и все способствовало паденію республики, и въ то же время все клонило къ укрѣпленію и возвышенію Россіи.

II.

Революціонная пропаганда не могла коснуться Россіи и подвергнуть ее серьёзной опасности. Не одно разстояніе спасало ее, но и самый характеръ

цивилизаціи этой имперіи. Въ ней не было почвы ни для политической, ни для гражданской свободы. Въ Россіи отсутствовали всѣ три наиболѣе существенные элементы французской революціи: привилегированное и безсильное дворянство, честолюбивая и вліятельная буржуазія, крестьяне-собственники [1]). Революція 1789 года была, прежде всего, переворотомъ въ организаціи собственности; она имѣетъ точкой отправленія начало личной собственности. Русскіе крестьяне не имѣли даже понятія о собственности, а слѣдовательно отъ нихъ ускользалъ весь смыслъ революціи. Собственникомъ въ Россіи былъ только дворянинъ, но русскій дворянинъ не имѣлъ ничего общаго съ западнымъ. Ничего феодальнаго мы не замѣчаемъ у русскаго дворянства; это была просто іерархія, созданная исключительно царями и открытая для всѣхъ повышающихся въ чинѣ должностныхъ лицъ государства. Это дворянство было создано съ цѣлью поглощенія и уничтоженія того, что оставалось въ странѣ отъ древней аристократіи. Новое дворянство не давало никакихъ политическихъ правъ. Оно не составляло корпораціи. Города, несравненно болѣе рѣдкіе и менѣе населенные, чѣмъ во Франціи, заключали купцовъ, ремесленниковъ и въ особенности чиновниковъ; но они не имѣли никакого элемента буржуазіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова. То были люди, вполнѣ подчиненные государству, весьма мало доступные западнымъ идеямъ и скорѣе склонные давать имъ отпоръ.

Правда, позднѣе, около 1789 г. образовалась группа «патріотовъ», мечтавшихъ о «просвѣщенномъ правительствѣ», обсуждавшихъ и прославлявшихъ гуманитарныя преобразованія; но эти люди не выражали своихъ воззрѣній въ поступкахъ, не имѣли вліянія на правительственныя дѣла и добились такого вліянія только въ царствованіе Александра I. Весьма мало демократичные и весьма исключительные въ своемъ націонализмѣ, они стали восхищаться французскою революціей только послѣ 18-го брюмера, въ *Code Civil*'ѣ и въ деспотической формѣ консульства Бонапарта. Тогда они вдохновлялись ею лишь въ видахъ укрѣпленія власти посредствомъ преобразованія государства.

Большинство русскихъ современниковъ французской революціи видѣло во французскихъ событіяхъ отъ 1789 до 1799 г. лишь рядъ сатурналій, нелѣпыхъ или гнусныхъ. За исключеніемъ побѣдъ, кажущихся имъ необъяснимыми, Франція являлась въ ихъ глазахъ второю Польшею, то есть самымъ жалкимъ государствомъ на свѣтѣ. Такого взгляда держалось просвѣщенное русское дворянство, начитавшееся однако произведеній французскихъ философовъ. На первый взглядъ это возбуждаетъ удивленіе. Но слѣ-

[1]) Anatole Leroy Beaulieu, *l'Empire des tsars et les russes*, t. I, l. V: *la Hiérarchie sociale*, liv. VI: *la Noblesse et le Tchine*.

дуетъ принять во вниманіе, что образованіе этихъ русскихъ дворянъ было крайне поверхностно. Они скорѣе повторяли заученыя французскія фразы, чѣмъ говорили по-французски. Въ сущности, они оставались весьма близкими къ варварскому состоянію, неустойчивыми и глубоко-презиравшими все иностранное, касавшееся ихъ лишь издали и косвеннымъ образомъ. «Вы постоянны только въ вашемъ непостоянствѣ», говорилъ имъ Жозефъ де-Местръ. Мода на философовъ прошла, и ее легко и непосредственно замѣнила мода на эмигрантовъ. Въ до-революціонной Франціи нравилось имъ преимущественно старо-французское общество, съ его вольномысліемъ, утонченною цивилизаціей, рыцарствомъ чувствъ и стремленій; въ 1793 г. имъ показалось, что герцогъ Ришелье—болѣе достойный представитель Франціи, чѣмъ Робеспьеръ. Собственно говоря, поворота въ мнѣніяхъ не было. Говорили по-французски и щеголяли философіей лишь для того, чтобы отличить себя отъ другихъ, изъ кастоваго чувства, изъ стремленія къ изысканности; какъ только философія сдѣлалась революціонною, демократическою, а Франція стала означать французскій народъ, русскіе аристократы съ одинаковою ненавистью и высокомѣріемъ осудили философію, революцію и Францію. Масса же русскаго народа осталась при своемъ полномъ равнодушіи. Русскіе государи нерѣдко встрѣчали затрудненія, когда желали привить своему народу западную цивилизацію; но въ дѣлѣ отпора революціонной пропагандѣ русское правительство не встрѣтило никакихъ препятствій. Самою крѣпкою связью въ Россіи той эпохи были религіозныя вѣрованія; самою страстною идеей—расширеніе предѣловъ имперіи, а слѣдовательно и распространеніе этихъ вѣрованій. Русскіе развиваютъ параллельно съ Франціей весьма различное, но не менѣе грозное могущество. Несмотря на новѣйшее вооруженіе, русское войско имѣло еще весьма примитивное устройство. Со своимъ обширнымъ обозомъ, множествомъ отстающихъ солдатъ, опустошеніями, его сопровождающими, оно двигалось на подобіе древнихъ азіятскихъ полчищъ. Но натура солдата была превосходна; изумительная выносливость, покорность судьбѣ восполняли недостатокъ въ образованныхъ офицерахъ. Генералъ, умѣющій затронуть чувства такихъ людей, причудливый и фанатическій Суворовъ, напримѣръ, могъ повести ихъ на край свѣта. Русскія войска выступили на сцену только въ 1799 г. и уже съ перваго столкновенія французы могли убѣдиться, какъ опасна была эта сила.

Русскіе государи стремились лишь къ полезнымъ завоеваніямъ; они предпринимали только популярныя войны; они составляли, въ интересахъ государства, только такіе планы, которые могли быть поддержаны національнымъ чувствомъ. Ихъ политика, внушаемая природою вещей, проста и ясна: именно это и объясняетъ ея неизмѣнность, вопреки перемѣнамъ царствованій и вопреки рѣзкимъ различіямъ въ индивидуальности госуда-

рей, наслѣдовавшихъ престолъ послѣ Петра Великаго. Традиція этой политики не поколебалась среди самыхъ критическихъ для страны обстоятельствъ. Движимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, русскіе государи стремились къ Черному и Балтійскому морямъ, а затѣмъ—къ центру Европы. Всѣ имѣли намѣреніе расширить предѣлы свои въ сторону Турціи, Швеціи и Польши. Когда Екатерина II вступила на престолъ, пути были уже намѣчены. Екатерина приводила въ исполненіе традиціонные планы русской политики съ изумительной энергіей Судьба, готовившая для Россіи великую будущность, дала ей государыню, наиболѣе способную воспользоваться благопріятствовавшими случайностями.

Въ 1789 г. Екатеринѣ было шестьдесятъ лѣтъ. Она поражала величавостью своей наружности и энергіей, которою дышали черты ея лица. Философы восхищались ея умомъ. Еще болѣе изумительна была ея твердость. Въ 1789 г. она была еще вполнѣ бодра духомъ. Никогда, быть можетъ, не было въ Россіи государя до такой степени ярко представлявшаго традиціи русской политики. Между тѣмъ какъ Петръ Великій положилъ столько усилій для того, чтобы сдѣлаться европейцемъ, Екатерина употребила всю гибкость своего ума и всю рѣшимость своего характера, чтобы сдѣлаться русской. Она проводила только возможныя реформы, и потому онѣ ей и удавались [2]). Въ своей перепискѣ съ парижскими мыслителями она выказываетъ болѣе ума, чѣмъ ея знаменитые корреспонденты, напримѣръ Гриммъ и Вольтеръ; но если судить о Екатеринѣ только по этимъ письмамъ, то можно составить о ней лишь весьма поверхностное понятіе и не отдать должной справедливости ея геніальности. Въ особенности же лишаешься возможности уясненія ея политики въ эпоху французской революціи. Дѣйствительно, трудно объяснить себѣ, какъ эта «Семирамида» восемнадцатаго вѣка, съ самыхъ первыхъ шаговъ революціи явилась ея ожесточеннымъ врагомъ, несмотря на то, что эта революція была осуществленіемъ идей тѣхъ самыхъ людей, о которыхъ императрица открыто говорила, какъ о своихъ друзьяхъ и наставникахъ. Еще болѣе изумительнымъ и непонятнымъ является то, что она поддерживала въ Польшѣ

---

[2]) Мельхіоръ де Вогюэ: «Не внѣшнія завоеванія и не похвалы иностранцевъ обезпечивали императрицѣ ея лучшую популярность: главная заслуга ея заключалась во внутреннихъ преобразованіяхъ. Намѣченныя въ общихъ чертахъ Петромъ Великимъ, эти преобразованія были выполнены при Екатеринѣ... Въ ея царствованіе пародія Запада стала искуснымъ подражаніемъ... Въ провинціи колеса администраціи вертятся довольно свободно, бюджетъ общественныхъ учрежденій обезпеченъ, правосудіе дѣлается доступнѣе, торговля пользуется покровительствомъ и поощреніемъ... И на этотъ разъ реформа совершается безъ потрясеній и насилій, гуманными средствами и при всеобщемъ содѣйствіи.

то, противъ чего возставала во Франціи, и съ одинаковымъ усердіемъ поддерживала анархію въ Варшавѣ и чистую монархію—въ Парижѣ. Если вывести изъ такого образа дѣйствій, что Екатерина не руководствовалась принципами, то съ этимъ нельзя не согласиться, но если полагать, что она была непослѣдовательна въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ, то это будетъ большою ошибкой.

Принципіальнаго, дѣйствительно, ничего не было въ этихъ дѣлахъ, но Екатерина относилась къ принципамъ весьма равнодушно. Французская революція разстраивала ея планы и соображенія, и она отнеслась къ ней враждебно; польская же анархія совпадала съ ея проектами, и она поддерживала ее. Она строго порицала мятежныхъ французовъ, но она предоставляла нѣмцамъ бороться противъ нихъ дѣйствіемъ. Ни одного солдата не направила она противъ Франціи, не желая отвлекаться отъ своихъ русскихъ задачъ. Настроеніе русскаго населенія и географическое положеніе Россіи ограждали отъ вліянія пропаганды. Екатеринѣ нечего было опасаться, и въ великомъ европейскомъ кризисѣ она видѣла рядъ случайностей, которыя могли служить ея политическимъ видамъ. Она всегда вѣрно опредѣляла положеніе вещей и дѣйствовала съ изумительною твердостью и рѣшимостью. Екатерина въ высочайшей степени обладала главными качествами великихъ политиковъ: яснымъ умомъ и постоянствомъ характера. Отличаясь отъ Фридриха складомъ ума и отъ Маріи-Терезіи—отсутствіемъ сентиментальности, Екатерина сходствуетъ съ ними въ дѣлѣ яснаго, здраваго пониманія вещей, стремленія къ вѣрному и презрѣнія къ невозможному. Среди хаотическаго состоянія Россіи, она, безъ труда и усилія, выдѣляетъ дѣйствительныя нужды, жизненныя силы и пріурочиваетъ все къ размѣрамъ своего уравновѣшаннаго и въ высшей степени послѣдовательнаго ума. Такъ какъ она постоянно вѣрна своей мысли, а мысль эта всегда отличается точностью и твердостью, то противорѣчія въ ея рѣчахъ и поступкахъ, указываемыя иностранцами, нисколько не затрудняютъ ее. Она ищетъ послѣдовательности исключительно въ проведеніи своихъ плановъ. Ея сила и искусство заключаются именно въ томъ, что она направляетъ самые противоположные элементы къ осуществленію одного и того же плана. Она говоритъ языкомъ своего времени, но сохраняетъ простоту воззрѣнія, гибкость ума и интенсивность примитивныхъ натуръ. Идеи вѣка проходятъ по поверхности ея души какъ лучъ, сверкающій на поверхности водъ, не согрѣвая ихъ глубины [3])...

---

[3]) Весьма ошибались тѣ, кто изображаетъ ее какою-то парижанкой того времени. Вотъ что писала она, напримѣръ, одной изъ своихъ пріятельницъ, г-жѣ де Бильке, по поводу Густава III: «Онъ французъ до конца ногтей, во всемъ подражаетъ онъ французамъ; я же, за малыми развѣ исключеніями,

«Вы великій политикъ», писала она однажды Гримму, «вы на двухъ страницахъ уложили всю Европу; но такъ какъ всѣмъ этимъ вы сказали только то, что я должна поступать согласно съ моими интересами, то я очень вамъ обязана и увѣряю васъ, что не премину послѣдовать совѣту».

III.

Екатерина, дѣйствительно, никогда не теряла изъ вида интересовъ русской политики, и въ то самое время, когда готова была вспыхнуть французская революція, она задумывала обширную комбинацію, извѣстную подъ именемъ *греческаго плана*, который остался и въ будущемъ политическою задачею Россіи. Она не удовольствовалась пріобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи отъ поляковъ и Крыма отъ турокъ, ей казалось недостаточнымъ то, что русскія войска поили лошадей своихъ въ волнахъ Дуная, а русскіе корабли побѣдоносно прошли Средиземное море, Адріатическое и Архипелагъ, что она призвала грековъ къ священной войнѣ и явилась защитницею порабощенныхъ султаномъ христіанъ: Екатерина хотѣла довести до конца традиціонный замыселъ русскихъ царей, осуществить мечту русскаго народа, вытѣснивъ невѣрныхъ изъ Европы и возвративъ православію его очищенную метрополію. Возстановить въ Константинополѣ греческое владычество въ пользу внука своего Константина, котораго предназначала къ тому съ самаго его рожденія, образовать между этимъ простиравшемся бы до Дуная государствомъ и Россіей, ограниченной Днѣстромъ, промежуточное государство подъ именемъ Дакіи [1]); таковъ былъ планъ императрицы еще въ въ 1782 г. [2]). Она надѣялась привести его въ исполненіе при помощи своего союза съ Австріей [3]). Іосифъ II былъ готовъ оказать содѣйствіе, расчитывая на громадныя выгоды, и оба союзника, дружба которыхъ становилась тѣснѣе съ каждымъ годомъ, ожидали лишь благопріятствующихъ обстоятельствъ, чтобы предпринять завоеваніе этого новаго золотого руна.

Они ждали до осени 1787 г. Грозное до этого времени небо начало тогда, повидимому, проясняться для нихъ. Серьезныхъ препятствій можно

представляю нѣчто совершенно противоположное: никогда въ своей жизни не терпѣла я подражательности и могу сказать о себѣ, что я такой же оригиналъ, какъ самый завзятый англичанинъ». *Письма къ госпожѣ де Бильке. Труды русскаго историческаго общества.*

[1]) Русской границей служилъ Бугъ. Россія такимъ образомъ пріобрѣла бы край между Бугомъ и Днѣстромъ съ городомъ Очаковымъ. См. Стрельбицкій, *Турецкія владѣнія на европейскомъ материкѣ отъ 1700 до 1879 г.* Петербургъ, 1879.

[2]) Arneth, *Ioseph II und Catharina,* Письмо Екатерины къ Іосифу II, 10 сентября 1782 г.

[3]) Мартенсъ, Австро-русскіе договоры, т. II, стр. 96 и слѣд.

было опасаться лишь со стороны Франціи, а Франція, такъ высоко поднявшаяся нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, вступала на путь внутренняго кризиса, который долженъ былъ надолго отстранить ее отъ дипломатической сцены. Верженнъ умеръ въ февралѣ 1787 г., а въ октябрѣ Франція вынуждена была стушеваться въ Голландіи передъ Пруссіей и Англіей. Этотъ инцидентъ указывалъ Европѣ на затрудненія, важности которыхъ никто и не подозрѣвалъ до той поры. Враги Франціи радовались тому и охотно преувеличивали его послѣдствія. Имъ показалось, что Франція впала въ дряхлость и что Европѣ отнынѣ уже не придется считаться съ нею.

Подобное сужденіе, повлекшее за собою весьма гибельныя послѣдствія для старыхъ европейскихъ монархій, стало высказываться въ концѣ 1787 г. Все, что происходило во Франціи отъ этого времени до конца 1793 г., только подтверждало это сужденіе тѣмъ, кто его себѣ составилъ. «Франція», писалъ пруссакъ Герцбергъ, «потеряла союзъ съ Голландіей и остатокъ престижа, которымъ пользовалась въ Европѣ». Іосифу II приписывали слѣдующія слова: «Франція упала; сомнѣваюсь, чтобы она когда-нибудь могла подняться». «По этому можно судить», писалъ онъ брату своему Леопольду, «въ какое короткое время даже государство, обладающее такими большими рессурсами и счастливымъ положеніемъ, можетъ потерять кредитъ, вліяніе и могущество, вслѣдствіе недостатка въ способномъ государѣ и отсутствія порядка». Екатерина писала Гримму въ ноябрѣ 1787 г.: «Нельзя сказать, чтобы польстили Людовику XVI. Сдѣлали все возможное, чтобы убѣдить его, что онъ ничего не смыслитъ, и заставить согласиться на опеку. И однако онъ трудолюбивъ, добръ, здравомыслящъ, желаетъ добра... Если отступили лишь для того, чтобы лучше прыгнуть, то это еще хорошо; но если отступили и вовсе не прыгнутъ, а дадутъ путать и портить всѣмъ этимъ *Ге* и *Гю* [4]), по ихъ усмотрѣнію, о, тогда прощай уваженіе, которымъ пользовались цѣлыя двѣсти лѣтъ, и кто же станетъ довѣрять людямъ безъ воли, безъ энергіи и нервъ?»

Ослабленіе вліянія Франціи могло быть только выгоднымъ для союзниковъ. Удобная минута наступила и представлялся давно ожидаемый благопріятный случай. Этотъ случай даже превосходилъ, если не ихъ ожиданія, то, по крайней мѣрѣ, ихъ подготовленность. Турки, предвидя опасность, потребовали объясненій. 13 августа 1787 г. русскій посланникъ въ Константинополѣ, Булгаковъ, былъ приглашенъ на совѣщаніе. Турки потребовали возвращенія Крыма, а на отказъ съ его стороны заперли его въ Семибашенный замокъ—торжественный способъ объявленія войны по турецкому публичному праву. Русскіе не были готовы къ войнѣ. Іосифъ считалъ себя готовымъ, и хотя турки не совершили никакого враждебнаго

[4]) Ге—Георгъ III, Гю—Фридрихъ-Вильгельмъ II.

дѣйствія противъ Австріи, но онъ нашелъ удобнымъ рѣшительнымъ ударомъ заявить свои намѣренія по отношенію къ Турціи. Этимъ ударомъ было внезапное нападеніе на Бѣлградъ, въ которомъ у него были связи и которымъ онъ надѣялся овладѣть въ нѣсколько часовъ. Попытка была сдѣлана 3 декабря 1787 г. и оказалась неудачной. Пришлось начать правильную войну. Іосифъ объявилъ ее 9 февраля 1788 г.; но такъ какъ время года не дозволяло приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, то дипломаты воспользовались свободнымъ временемъ, чтобъ искать союзниковъ и интриговать.

Несмотря на затруднительность своего положенія, Франція не переставала озабочивать политиковъ Россіи и Австріи. Фактическій нейтралитетъ ея не казался имъ достаточнымъ; они хотѣли скомпрометировать ее и имѣть, такъ сказать, въ своемъ распоряженіи. Въ то время посланникомъ въ Петербургѣ былъ графъ Сегюръ, весьма умный и симпатичный человѣкъ и хорошій патріотъ. Русскій дворъ всячески старался расположить его въ пользу четверного союза между Австріей, Россіей, Франціей и Испаніей, который можно было бы противопоставить коалиціи Англіи, Пруссіи и Голландіи. Проектъ договора въ этомъ смыслѣ былъ составленъ въ концѣ 1787 г. Французское министерство выслушивало предложенія, но ничего не отвѣчало, а когда Сегюръ потребовалъ отвѣта, то оно продолжало уклоняться.

Графъ Монморенъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами по смерти Верженна, выказывалъ при этомъ осторожность, переходившую въ робость. Онъ находилъ, что Франціи безусловно необходимъ миръ для возстановленія порядка въ финансахъ и совершенія государственныхъ преобразованій. Заключить союзъ съ Австріей и Россіей, значило одобрить ихъ намѣренія, облегчить осуществленіе послѣднихъ и ускорить, а не отсрочить наступленіе военныхъ дѣйствій. Сверхъ того, такой союзъ поставилъ бы Францію во враждебныя отношенія къ Англіи и Пруссіи, которыя не угрожали ей въ ту минуту. Наконецъ, Франціи пришлось бы предоставить въ распоряженіе Россіи и Австріи — Турцію, Польшу и Швецію, то есть своихъ старыхъ союзницъ; она примкнула бы къ системѣ раздѣловъ, противъ которой нѣкогда такъ энергично возставала. Монморенъ стоялъ за нейтралитетъ. Но роль примирительницы, которую Франція выполняла съ такимъ достоинствомъ при Верженнѣ, требовала въ 1788 г. преодолѣнія большихъ трудностей. Нейтралитетъ, силою вещей, становился безсиліемъ; вскорѣ Франціи пришлось ограничиться предложеніями миролюбивыхъ совѣтовъ всѣмъ европейскимъ дворамъ, но этихъ совѣтовъ никто не просилъ и не расположенъ былъ выслушивать.

Экспедиціи сѣверныхъ государей во всѣ времена охватывали пламенемъ

всю Европу. Не въ одной Вѣнѣ и Петербургѣ настроены были воинственно. Союзники полагали, что имѣютъ возможность пренебрегать Пруссіей; но Пруссія находила, что слѣдуетъ считаться съ нею и, расчитывая на поддержку со стороны Англіи и Голландіи, имѣла претензію ни болѣе ни менѣе, какъ на руководящую роль при предстоявшихъ раздѣлахъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ считалъ себя призваннымъ управлять Европой. Графъ Герцбергъ безъ труда увлекъ его перспективой блестящей и выгодной роли третейскаго судьи. Этотъ неловкій, непослѣдовательный и полный самомнѣнія ученикъ Фридриха II, повидимому, сдѣлалъ основою своей политики ироническія выходки учителя по поводу *его священнаго величества случая.* «Прусская система,» говорилъ онъ, «заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой системы, а дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ». Фридрихъ ждалъ отъ случая только поводовъ къ дѣйствію, а такъ какъ онъ всегда былъ готовъ ими пользоваться, то случай и служилъ ему на пользу. Герцбергъ старался измышлять запутанныя комбинаціи, вычисляя при этомъ до мелочей долю непредвидѣннаго; но такъ какъ непредвидѣнное, по самому свойству своему, не укладывается ни въ какія формулы, то счастье, такъ благоволившее къ Фридриху, оказывалось весьма капризнымъ по отношенію къ Герцбергу и сѣяло безчисленныя засады на его пути. Русскій посланникъ С. Румянцевъ, впрочемъ весьма отрицательно и враждебно смотрѣвшій на Герцберга, сравнивалъ его съ Донъ-Кихотомъ, питающимъ свои пустыя бредни газетными политическими романами.

Герцбергъ задумалъ обширный и туманный планъ во вкусѣ Альберони: зажечь и раздувать огонь по всей Европѣ, а затѣмъ требовать хорошаго вознагражденія за услуги, оказанныя при потушеніи пожара. Горючихъ матеріаловъ было въ Европѣ болѣе, чѣмъ достаточно. Іосифъ II привелъ своихъ подданныхъ въ состояніе значительнаго раздраженія, путемъ своихъ реформъ; поляки также готовы были возстать противъ Россіи; Густавъ III ждалъ только свалки, чтобы броситься въ нее. И шведовъ и поляковъ увлечь было нетрудно. Турокъ можно было поощрить субсидіями и нѣкоторыми ловкими внушеніями. При нападеніи съ трехъ сторонъ, Екатеринѣ трудно было бы защищаться съ успѣхомъ. Что касается Австріи, то, возбудивъ двойной мятежъ—въ Бельгіи и Венгріи,—можно было бы заставить ее отозвать войска. Разъединенные и отвлекаемые столькими диверсіями союзники принуждены были бы капитулировать предъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ Пруссіи, поддерживаемой Голландіей и Англіей. Пруссія продиктуетъ тогда условія мира къ своему собственному и всеобщему удовольствію, за исключеніемъ шведовъ, на долю которыхъ достанется одна честь, и турокъ, которымъ придется нести расходы по этой сдѣлкѣ. Россія пріобрѣла бы побережье Чернаго моря до Дуная, то есть

Очаковъ и Бессарабію. Австрія возьметъ Молдавію и Валахію; взамѣнъ она отдастъ Галицію полякамъ, которые въ видѣ вознагражденія могутъ уступить Пруссіи Торнъ и Данцигъ; это пріобрѣтеніе дополнитъ то, что получено было въ 1772 г., доставивъ прусской торговлѣ доступъ къ низовьямъ Вислы. Францію Герцбергъ считалъ неспособною къ вмѣшательству. Однако, для того чтобы вѣрнѣе заручиться ея бездѣйствіемъ, онъ далъ секретную инструкцію прусскому посланнику въ Парижѣ, графу Гольцу, и уполномочилъ его войти въ сношенія съ оппозиціей, обнадеживать возможностью союза съ Пруссіей, возбуждать противъ Австріи, однимъ словомъ, тайно подрывать конституцію государства и изолировать Францію въ Европѣ.

Замыселъ былъ тщательно обработанъ, но великія усилія привели къ ничтожнымъ результатамъ. Начало войны, казалось, оправдывало расчеты Герцберга. Кампанія 1788 г. началась самымъ несчастнымъ образомъ. Русская армія не была достаточно организована; болѣзни опустошали ея ряды еще до открытія военныхъ дѣйствій. Потемкинъ уже заговорилъ объ очищеніи Крыма; буря застигла севастопольскій флотъ и принудила остаться въ портѣ для исправленія аварій. Вся тяжесть войны падала на Австрію. Одержимый желаніемъ подражать Фридриху Великому, Іосифъ захотѣлъ самъ командовать войсками, а такъ какъ онъ неспособенъ былъ къ такому командованію, то армія оставалась безъ главнокомандующаго. Всѣ бѣдствія, которымъ подвергается Австрія во время революціонныхъ войнъ, уже даютъ себя чувствовать въ этой кампаніи. Мы видимъ въ ней всѣхъ генераловъ, которые потомъ сражались противъ Франціи: Ласія, Кобурга, Клерфе, Вартенслебена и самого Макка, дебютирующаго на театрѣ войны, задумывающаго свои первые планы и вынесшаго изъ турецкой войны репутацію геніальности, оказавшуюся столь пагубной для Австріи. Всѣ эти генералы показали себя на берегахъ Дуная такими же нерѣшительными, вѣчно разсуждающими, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, и интригующими, какими мы увидимъ ихъ позднѣе и на берегахъ Рейна. «Я не нахожу у нашихъ генераловъ», писалъ Іосифъ II Леопольду, «ни твердой воли, ни рвенія, ни энергіи. Всѣ въ отчаяніи, что имъ приходится воевать; они хотѣли бы спокойно сидѣть дома и двигаются только, когда ихъ толкаешь. Одинъ сваливаетъ отвѣтственность на другого; никакого единенія...»

Іосифъ II успѣлъ поставить на ноги около 180000 солдатъ. Никогда еще австрійскій домъ не дѣлалъ такого усилія. Но эта армія была разбросана на громадной пограничной линіи. Эпидеміи свирѣпствовали въ войскахъ; въ іюнѣ насчитывали до 12000 больныхъ; въ іюлѣ ихъ было уже 20000. Едва успѣла Австрія начать войну, какъ уже увидѣла себя въ опасности. «Если сверхъ того», писалъ Іосифъ, «вмѣшаются Пруссія и

Англія и принудятъ насъ воевать съ ними одновременно, монархія погибла, потому что пришлось бы уменьшить количество войскъ, выставленныхъ противъ Порты, хотя бы только для того, чтобы помѣшать прусскому королю занять Богемію и Моравію и идти на Вѣну».

Путемъ перехватыванія депешъ и дешифрированія ихъ въ черномъ кабинетѣ, Іосифъ узнавалъ о всѣхъ маневрахъ Герцберга. Онъ чувствовалъ себя не въ силахъ давать одновременный отпоръ двумъ непріятелямъ. Чтобы сдерживать Пруссію, приходилось стягивать войска къ Германіи. 28 августа и 14 сентября австрійцы потерпѣли пораженія, изъ которыхъ второе было настоящей катастрофой. «Мы вынуждены отступить», писалъ императоръ, «предоставить непріятелю весь Банатъ; мы не имѣемъ даже возможности прикрыть Трансильванію, которая также будетъ опустошена,—и все это не давъ ни одного крупнаго сраженія; эти господа побросали приготовленныя, выгодныя позиція...» Завоевательная экспедиція начиналась отступленіемъ; Австрія предприняла ее съ цѣлью раздѣлить Турцію; вмѣсто того ей грозило вторженіе турокъ въ ея собственные предѣлы.

Положеніе Россіи, быть можетъ, было еще хуже, потому что Іосифъ только боялся войны съ Пруссіей, а Екатеринѣ уже приходилось выдерживать войну съ шведами. Густавъ III объявилъ войну 1-го іюля; онъ потребовалъ возвращенія Финляндіи и Кареліи Швеціи, а Крыма—Турціи; онъ заключилъ договоръ съ турками 12-го іюля и двинулъ шведскія войска къ Петербургу, черезъ Финляндію. Подобно учителю своему Фридриху, Екатеринѣ пришлось пережить годину испытаній, напоминающую трудныя минуты Семилѣтней войны. Она, какъ и Фридрихъ, выказала въ эту эпоху все величіе своего характера. Тѣснимая на югѣ турками, на сѣверѣ—шведами, а на западѣ—польскимъ мятежемъ, она дала отпоръ всѣмъ своимъ врагамъ. Всѣ главныя силы русской арміи были на югѣ: 37000 командовалъ Румянцевъ, которому предстояло дѣйствовать въ Молдавіи; 80000 находились подъ начальствомъ Потемкина, который долженъ былъ взять Очаковъ. Они колебались; Екатерина поддержала ихъ мужество и дала примѣръ твердости духа. Съ великимъ трудомъ удалось ей собрать 16000 солдатъ для прикрытія Петербурга; всѣ средства защиты противъ шведовъ заключались въ семнадцати корабляхъ и семи фрегатахъ. Въ русской столицѣ уже слышна была канонада шведскихъ орудій. Для императрицы приготовлены были 500 лошадей, на случай необходимости отъѣзда въ Москву: 17 іюля дано было морское сраженіе при Готландѣ: исходъ его остался неопредѣленнымъ.

Опасность была велика, но ее устранила политика. У Екатерины были преданные люди въ Швеціи: тамъ разразился заговоръ, и часть финляндскихъ войскъ измѣнила шведскому королю. Въ то же время датчане,

которыхъ успѣла расположить къ себѣ Россія, перешли норвежскую границу и грозили Готенбургу. Густавъ вынужденъ былъ вернуться въ Швецію; съ этой стороны кампанія 1788 г. была закончена [5]). Тѣмъ временемъ Потемкинъ рѣшился приступить къ осадѣ Очакова. Операціи, предпринятыя еще въ концѣ іюля, тянулись до декабря. Турки держались крѣпко, русскіе начинали утомляться. Войска ихъ терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и топливѣ: только отчаянное дѣйствіе могло поправить ихъ дѣло. Потемкинъ приказалъ идти на приступъ; крѣпость была взята 17-го декабря, послѣ кровавой борьбы, за которой послѣдовала страшная рѣзня.

Этотъ успѣхъ ободрилъ Іосифа II; но онъ уже измѣнилъ свои намѣренія; онъ думалъ теперь исключительно о Пруссіи. Въ этомъ отношеніи предстояло рѣшить одинъ предварительный вопросъ. «До тѣхъ поръ, пока не будетъ ослаблено могущество Пруссіи», писалъ Кауницъ, «она будетъ всегда препятствовать и разрушать всѣ планы, замыслы и предпріятія обоихъ дворовъ». Екатерина не сомнѣвалась въ этомъ, и 21-го декабря она дала знать императору, что ничего не имѣетъ противъ заключенія имъ мира съ турками, для того, чтобы онъ имѣлъ возможность немедленно напасть на пруссаковъ. Что касается посредничества, то она не хотѣла и слышать о немъ. Англичане дѣлали ей довольно странныя предложенія, она горделиво отвергала ихъ. «Надо признаться», писала она Гримму, «что братецъ Ге—великій политикъ; мнѣ очень нравится его предложеніе—согласить два пункта, а именно: чтобы одна сторона осталась владычицею Индіи, а другая—Леванта и его торговли, и это послѣ подписанія великолѣпной декларацiи о разоруженіи».

Объ этомъ планѣ дѣлежа восточнаго міра не разъ шла рѣчь между Лондономъ и Петербургомъ; это служило англичанамъ предлогомъ затягивать переговоры. Между тѣмъ они искали болѣе серьезныхъ выгодъ и актомъ 13 августа 1788 г. обязались дѣйствовать совмѣстно съ Пруссіей во всѣхъ восточныхъ и сѣверныхъ дѣлахъ. Пруссаки озаботились ободрить турокъ, избавить Густава III отъ датской диверсіи и возбудить Бельгію. Герцбергъ надѣялся, что мятежъ въ Нидерландахъ заставитъ Іосифа II соблюдать болѣе осторожности, по отношенію къ Пруссіи. Что касается Россіи, то съ этой стороны можно было предоставить дѣйствіе полякамъ.

Сеймъ, отъ котораго польскіе патріоты ожидали возрожденія Рѣчи Посполитой, собрался въ Варшавѣ 6 октября 1788 г. Онъ поспѣшилъ образовать *конфедерацію*, то есть революціонное собраніе съ цѣлью замѣнить единогласныя рѣшенія рѣшеніями большинства, такъ какъ первыя дѣлали

---

[5]) Въ августѣ. Норвегія принадлежала въ то время Даніи.— См. Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 69. Herrmann, t. VI. Allen, Histoire de Danemark t. II, p. 217.

невозможною какую бы то ни было реформу. Прусскій агентъ въ Варшавѣ убѣждалъ «всѣхъ добрыхъ и просвѣщенныхъ польскихъ гражданъ» опираться на прусскаго короля для разрушенія коварныхъ расчетовъ Россіи. «Они могутъ», писалъ онъ имъ, «быть твердо увѣренными, что его величество окажетъ необходимую поддержку для сохраненія независимости, свободы и безопасности Польши». Движенія войскъ и ловко розданные 100000 дукатовъ подтверждали эти завѣренія. Польскіе патріоты были преисполнены ненависти къ Россіи и достаточно было польстить ихъ чувству для того, чтобы они довѣрились искренности Пруссіи. Пруссаки были весьма искусны въ такой игрѣ и давно практиковали ее въ Парижѣ противъ Австріи. Это была классическая уловка; и русскіе уже начинали весьма тонко обращать ее противъ самихъ пруссаковъ. Полякамъ показалось, что они не компрометируютъ себя, выслушивая прусскаго короля: онъ считался «добродѣтельнымъ», обѣщалъ все и не требовалъ взамѣнъ ничего. Они повѣрили обѣщаніямъ и, опираясь на внушенное имъ королемъ довѣріе, рѣшили вооружить 100000 человѣкъ.

Екатерина не могла не понять ихъ намѣреній; она заявила имъ о своихъ собственныхъ: она считала «нарушеніемъ договоровъ малѣйшія измѣненія въ конституціи 1775 г. [6]). Это равнялось невозможности предпринимать желательныя для польскихъ патріотовъ реформы. Сеймъ отвѣтилъ требованіемъ очищенія польской территоріи отъ еще занимавшихъ ее русскихъ войскъ. Въ то время прусскимъ агентомъ въ Варшавѣ былъ одинъ изъ самыхъ хитрыхъ агентовъ канцеляріи Фридриха II, итальянецъ Луккезини. Онъ объявилъ сейму, путемъ ноты 19 декабря, что его государь готовъ все сдѣлать «для обезпеченія независимости республики, не желая однако же вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, ни вообще стѣснять ея свободы, которую будетъ стараться оградить всѣми силами». 8-го декабря, сеймъ рѣшилъ начать переговоры съ прусскимъ королемъ, относительно заключенія союза, и послать уполномоченныхъ ко всѣмъ дворамъ, съ цѣлью разъясненія предпринимаемыхъ въ странѣ преобразованій. Сеймъ объявилъ, что будетъ засѣдать непрерывно до окончанія этихъ реформъ. Онъ искренно надѣялся выработать ихъ не позднѣе 1789 года. Поляки расчитывали на дружбу Австріи; Пруссія предлагала имъ свое покровительство, а Россія не казалась имъ особенно опасной, такъ какъ у нея было не мало другихъ заботъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія недѣли 1788 года русскія войска дѣйствительно начали выступать изъ Польши. Это была чисто военная мѣра: Екатеринѣ необходимы были войска, и она ихъ отзывала. Она не намѣревалась дѣлать какія бы то ни было уступки полякамъ. Но поляки надѣялись, что послѣ того, какъ Пруссія содѣйствовала удаленію русскихъ

[6]) Русская нота 5 ноября 1788 г.

войскъ, она съумѣетъ и помѣшать ихъ возвращенію. Польша была благодарна пруссакамъ и ослѣплена ихъ обѣщаніями. «Въ Варшавѣ съ такимъ фанатизмомъ предаются дружбѣ съ Пруссіей,—писалъ французскій агентъ,—что многіе поляки нашли бы не слишкомъ убыточнымъ заплатить за эту дружбу цѣною Торна и Данцига».

IV.

Поляки созрѣли для осуществленія замысловъ Герцберга. Онъ сталъ дѣятельно трудиться надъ подогрѣваніемъ венгерцевъ. Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, Якоби, находился въ сношеніяхъ съ оппозиціей и подстрекалъ ее къ мятежу; мадьяры уже требовали возвращенія венгерскихъ полковъ, посланныхъ Іосифомъ II въ Богемію съ цѣлью защиты отъ Пруссіи. Въ Галиціи прусскіе эмиссары возбуждали національную агитацію; обѣщая тамошнимъ полякамъ скорое возсоединеніе съ родною Польшей. Другіе агенты сулили бельгійцамъ поддержку въ случаѣ возстанія противъ Австріи, а люттихцамъ—противъ ихъ архіепископа. Впрочемъ, это былъ обычный способъ дѣйствія правительствъ стараго порядка по отношенію другъ къ другу, и никто не слѣдовалъ этой маккіавелистической традиціи съ такимъ усердіемъ, какъ графъ Герцбергъ въ началѣ 1789 г. «Онъ хочетъ, чтобы имъ занималась Европа», писалъ французскій дипломатическій агентъ, графъ д'Эстерно: «а если удастся, то и его государемъ». Главныя затрудненія исходили именно отъ этого государя. Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ славу, но еще болѣе дорожилъ своими удовольствіями. Герцбергъ дѣйствовалъ на его честолюбіе, а фавориты—на его суевѣрность. «Всѣ эти люди», писалъ д'Эстерно, не желаютъ выпустить изъ рукъ прусскаго короля, что неизбѣжно случилось бы, если бы этотъ монархъ сталъ во главѣ своей арміи. Поэтому и они и фаворитка, безъ сомнѣнія, стоятъ за миръ, а еще болѣе желаетъ его Англія.

Питтъ дѣйствительно не поддавался на маневры Герцберга, но по совершенно инымъ причинамъ, чѣмъ прусскій король. Въ Англіи предпринятъ былъ цѣлый рядъ реформъ, и миръ былъ необходимъ для ихъ довершенія. Никогда процвѣтаніе Англіи не казалось болѣе совершеннымъ. Премьеръ былъ всесиленъ. «Его популярность такъ велика,—писалъ французскій посланникъ,—что въ настоящую минуту онъ можетъ предпринять все, чего пожелаетъ». Именно для того, чтобы не утратить этой популярности, Питтъ и не рѣшался начать войну. Его успокоивалъ внутренній кризисъ Франціи, и онъ не только не стремился къ борьбѣ съ нею, но, напротивъ, искалъ сближенія. Въ Петербургѣ его агенты старались противодѣйствовать четверному союзу; онъ предложилъ даже непосредственно французскому посланнику соглашеніе для возстановленія спокойствія на

востокѣ и сѣверѣ. Франція и Англія, сказалъ онъ де-ла-Люцерну, придерживаются одного и того же принципа воздержанія отъ расширенія своихъ предѣловъ и одинаково заинтересованы въ поддержкѣ Турціи и Швеціи противъ Россіи. Питтъ желалъ дѣйствовать въ полномъ согласіи «съ французскимъ правительствомъ и въ видѣ подтвержденія своихъ намѣреній», воспрепятствовалъ Даніи продолжать враждебныя дѣйствія противъ Швеціи.

Между тѣмъ какъ Англія приглашала Францію высказаться противъ Россіи и Австріи, Россія побуждала ее высказаться противъ Пруссіи и Англіи. Планъ четверного союза снова подвергся обсужденію: это было нѣчто въ родѣ союза 1756 г., и Испанія должна была подписать договоръ одновременно съ Франціей. Чтобы ускорить рѣшеніе Испаніи, Екатерина послала въ Мадридъ агента своего князя Нассау Зигенскаго: предлогомъ къ этой поѣздкѣ послужило вступленіе на престолъ Карла IV. Императрица ждала отъ Франціи и Испаніи, что онѣ покинутъ Швецію и Турцію и дадутъ отпоръ прусскому королю. Вице-канцлеръ Остерманъ торопилъ Сегюра. «Мы желали бы, чтобы вы были съ нами, сказалъ онъ ему,—но если вы ничего не можете для насъ сдѣлать, мы будемъ вынуждены прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ». Подъ этими мѣрами подразумѣвалось непосредственное соглашеніе съ Англіей. Сегюръ писалъ Монморену: «Если нашъ союзъ будетъ замедленъ, мы быстро утратимъ здѣсь нашъ кредитъ и наше вліяніе. Намъ предстоитъ единственный случай заручиться лишнимъ союзникомъ противъ Англіи». Этотъ доводъ долженъ былъ всего сильнѣе подѣйствовать на Монморена. Онъ слишкомъ хорошо знакомъ былъ съ Европой и съ нравами того вѣка, чтобы не подозрѣвать англичанъ въ содѣйствіи всѣми возможными мѣрами ослабленію французскаго могущества. Эта боязнь, преслѣдовавшая до галлюцинацій французскихъ революціонеровъ 1793 г., была традиціонною и инстинктивною во французскомъ министерствѣ. Какъ только разражался какой-нибудь кризисъ во Франціи, тотчасъ же усматривали въ немъ происки Англіи и англійское золото. Лондонская корреспонденція 1789 г. переполнена этого рода подозрѣніями. «Этотъ дворъ завидуетъ намъ и ненавидитъ насъ», писалъ Монморенъ ла Люцерну 8 февраля 1789 г.; «если мы сблизимся съ нимъ, онъ захочетъ господствовать надъ нами; если мы не поддадимся ему, онъ безъ зазрѣнія совѣсти предастъ насъ». Французскій министръ избѣгалъ подавать Англіи малѣйшій поводъ къ подозрѣніямъ». Узнавъ о волненіяхъ въ Ирландіи, онъ немедленно даетъ слѣдующую инструкцію французскому посланнику: «Главное, мы не можемъ и не должны принимать въ этомъ участія какимъ бы то ни было образомъ. Мы слишкомъ обращаемъ на себя вниманіе нашими собственными смутами для того, чтобы желать возбуждать ихъ у другихъ». Точно также не сомнѣвался онъ и въ существованіи тайныхъ происковъ Прус-

сіи; но, не дѣлая себѣ ни малѣйшихъ иллюзій относительно дружбы этой державы, онъ находилъ ее необходимою для поддержанія равновѣсія и не хотѣлъ содѣйствовать ея разрушенію.

Впрочемъ Франція и не имѣла возможности дѣйствія. Приближалось время открытія генеральныхъ штатовъ, и обстоятельства мало способствовали вмѣшательству, плоды котораго могла собрать одна Россія. Монморенъ предложилъ только свое посредничество по отношенію къ Турціи; что касается союза, то онъ отложилъ его заключеніе, въ чемъ согласно было съ нимъ и испанское правительство. Франція ничего не имѣла противъ сущности договора, но не допускала его примѣненія къ настоящимъ войнамъ, въ которыхъ ни въ какомъ случаѣ не желала принять участія; однако, такъ какъ союзъ ея съ Швеціей истекалъ въ 1790 г., она обѣщала не возобновлять его. Людовику XVI тяжело было отказаться отъ старинной союзницы. Но Россія требовала еще болѣе тяжелой уступки: признанія раздѣла Польши. Одно время Монморенъ пытался добиться въ Вѣнѣ и Петербургѣ отмѣны акта, почитавшагося во Франціи несправедливымъ. Союзники отвѣчали Людовику XVI требованіемъ рѣшительнаго признанія этого акта. «Не скрою отъ васъ,—писалъ Монморенъ Сегюру,—что его величество лишь съ крайнимъ отвращеніемъ согласился гарантировать предѣлы этого королевства (Польши) и что его величество уклонился отъ разъясненныхъ мною въ началѣ переговоровъ основаній, лишь для того, чтобы удостовѣрить оба императорскіе двора въ искренности своихъ чувствъ и показать, какую высокую цѣну придаетъ союзу съ ними». Была-ли взаимною эта искренность? Монморенъ полагалъ, что оговорка, сдѣланная Франціей по поводу настоящей войны, будетъ «пробнымъ камнемъ, по которому обнаружатся истинныя намѣренія Россіи» и выяснится, насколько дѣло идетъ о прочномъ, искреннемъ союзѣ, или же только о договорѣ, «который долженъ наложить на Францію одни обязательства». «Если намѣренія петербургскаго двора искренни, а не зависятъ исключительно отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ,—писалъ онъ,—то этотъ дворъ приметъ нашъ способъ дѣйствія безъ малѣйшихъ затрудненій; если же, напротивъ, онъ не одобритъ его, то будетъ очевидна эфемерность его желанія сближенія съ нами, и въ такомъ случаѣ мы можемъ только поздравить себя, и въ настоящемъ и въ будущемъ, по поводу разъясненія его истинныхъ намѣреній».

Екатерина II была весьма недовольна такимъ оборотомъ дѣла. «Этотъ дворъ»,—писала она Гримму,—теряетъ всякое уваженіе къ себѣ, вслѣдствіе своего бездѣйствія». Сегюру императрица выразила свое полное неудовольствіе, когда онъ заговорилъ о томъ, что желательно было бы отложить до окончанія войны практическія послѣдствія союза; равно непріятны были ей и соображенія Людовика XVI относительно Польши. По-

темкинъ, весьма враждебно относившійся къ Франціи, не переставалъ ее дискредитировать. Сегюръ, за которымъ такъ ухаживали въ былое время, былъ поставленъ въ самое непріятное положеніе. «Я слишкомъ хорошо понимаю,—писалъ онъ де-Ноалю,—до какой степени мое положеніе щекотливо, тревожно и тягостно. Сближеніемъ нашимъ съ Россіей мы раздражили противъ себя лигу (т. е. Англію, Пруссію и Голландію), а также и Польшу, Швецію и Турцію. Теперь, не подписывая договора, мы вызываемъ неудовольствіе обоихъ императорскихъ дворовъ. Такимъ образомъ, намъ достаются одни шипы, а не плоды союза. Вотъ послѣдствія нашихъ смутъ. Если Англія и Пруссія будутъ дѣйствовать съ достаточною ловкостью, онѣ могутъ доставить Россіи выгодный миръ, сблизиться съ нею и окончательно разрушить здѣсь вліяніе, осколки котораго я отстаиваю насколько могу».

Таковы были отношенія между Франціей и Европой въ моментъ созванія генеральныхъ штатовъ. Если охватить эти отношенія въ ихъ цѣломъ, мы увидимъ Францію временно парализованную, но возбуждающую въ другихъ державахъ зависть своими рессурсами, опасенія, внушаемыя интенсивностью ея національнаго духа и заставляющую тревожно слѣдить за ея внутренними смутами. Далѣе увидимъ Англію, переходящую отъ пассивнаго равнодушія къ страстному участію въ континентальныхъ дѣлахъ, изумляющую своею слабостью тѣхъ, кто преувеличиваетъ ея силы, и своими внезапными пробужденіями—тѣхъ, кто не достаточно сознаетъ могущество этой державы; тревожную, безпокойную и алчную Пруссію, обладающую самымъ плотнымъ ядромъ арміи въ Европѣ и самою притязательною дипломатіей; Россію, озабоченную только восточными дѣлами и Польшей и ищущую въ европейскихъ кризисахъ случая для расширенія своихъ предѣловъ; Австрію, всегда соблазняемую крупными предпріятіями и постоянно колеблющуюся, когда дѣло идетъ объ ихъ осуществленіи, подавляемую нестройною массой подвластныхъ ей народовъ, на каждомъ шагу встрѣчающую препятствія въ соперничествѣ и мятежахъ этихъ народовъ, съ трудомъ ею управляемыхъ; Польшу, близкую къ своему концу; Турцію, расшатанную и открытую для нападеній. Всѣ эти факты и отношенія были уже далеко не новы въ концѣ восемнадцатаго вѣка, и однако они не разъ повторяются и въ девятнадцатомъ. Одного этого указанія уже достаточно для того, чтобы вполнѣ выяснить, до какой степени было могуче и упорно дѣйствіе тѣхъ историческихъ традицій, опредѣлить которыя я взялъ на себя въ настоящей книгѣ.

Заключеніе.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, начинающихся въ маѣ 1789 года, резюмируемъ только что собранные нами факты и отмѣтимъ въ общихъ чертахъ ихъ взаимныя отношенія и вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Это—остовъ всей разсматриваемой нами исторической эпохи.

Революція, грозившая почти всѣмъ европейскимъ государствамъ, разразилась во Франціи по нижеслѣдующимъ причинамъ: старый порядокъ въ этой странѣ болѣе обветшалъ и менѣе терпѣливо переносился, возбуждалъ бо̀льшую ненависть и былъ легче устранимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; образъ правленія дѣлалъ необходимыми преобразованія, которыя не въ силахъ было выполнить правительство; власть, лишенная способности руководить общественнымъ мнѣніемъ, въ то же время неспособна была и дать ему отпоръ; банкротство правительственной власти сопровождалось банкротствомъ финансовымъ; перемѣны казались неизбѣжными, и всѣ пути были открыты для новаторовъ; наконецъ, философскія ученія, болѣе популярныя, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, глубже проникли въ народныя массы и болѣе отвѣчали ихъ духу. Духъ этотъ, придающій французской революціи такой особенный отпечатокъ, былъ въ своихъ наиболѣе характерныхъ чертахъ духомъ всей исторіи Франціи. Духъ классицизма, направляющій революцію, и абсолютизмъ, вызвавшій ее, сгруппировавшій элементы и опредѣлившій ея форму, развивались во Франціи параллельно: они явились результатомъ извѣстнаго воззрѣнія на личность, общество, государство, философію и искусство. Люди, стоявшіе во главѣ французской революціи, были естественнымъ образомъ проникнуты этимъ духомъ. Они стремились къ распространенію за предѣлами отечества и своихъ принциповъ и своей правительственной системы. На этотъ путь увлекалъ ихъ не столько универсальный характеръ ихъ воззрѣній, сколько свойства ихъ собственнаго характера. Тѣ же идеи имѣли распространеніе въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ: если бы въ этихъ центрахъ созвано было національное Собраніе, оно, быть можетъ, по примѣру американцевъ поставило бы во главѣ своихъ законовъ провозглашеніе правъ человѣка, но никогда и не подумало бы сдѣлать изъ него евангеліе для всего человѣчества, а еще менѣе предпринять крестовый походъ во имя обращенія и освобожденія другихъ народовъ. Предлагая, а затѣмъ и предписывая Европѣ національ-

ный типъ демократическаго общества, французы восемнадцатаго вѣка слѣдовали тому же импульсу, въ силу котораго ихъ предки сдѣлались, по преимуществу, носителями новѣйшей цивилизаціи. Они возобновляли, сообразно съ духомъ своего времени, то дѣло, которое совершили ради блага человѣчества ихъ мыслители, легисты и художники въ средніе вѣка, въ эпоху Возрожденія и въ семнадцатомъ вѣкѣ. Они совершали для народа то, что отцы ихъ сдѣлали для государства, и продолжали оказывать на Европу то воздѣйствіе, къ которому, повидимому, предназначены были своей исторической судьбой. Но именно потому, что они оказались столь послѣдовательными и вѣрными своимъ традиціямъ, идеи ихъ сохранили исключительно національный и страстный характеръ: усвоивая новыя ученія, они глубоко измѣняли ихъ смыслъ и значеніе. Формулы были отвлеченны: мысль осталась конкретной и чисто-французской. Національный характеръ весьма быстро измѣнилъ всемірный характеръ принциповъ. Пока дѣло шло о разсужденіяхъ, оставались при неопредѣленности и метафизическихъ выводахъ; когда же пришлось дѣйствовать, вернулись къ дѣйствительности, то есть къ исторіи Франціи. Это проявилось съ особенною яркостью уже съ самаго начала, а именно по поводу существеннаго понятія въ ученіи и практикѣ революціи,—понятія объ отечествѣ.

При старомъ порядкѣ, король отождествлялся съ государствомъ; онъ олицетворялъ собою Францію, и любовь къ отечеству сливалась съ преданностью королю. Когда верховная власть перенесена была на народъ, нація заступила мѣсто короля и любовь къ родинѣ слилась съ уваженіемъ къ законамъ. Но такъ какъ законъ долженъ былъ основываться на справедливости, а справедливость—на разумѣ, революція же должна была установить его господство и совершалась не ради одного народа, а ради блага всего человѣчества, то понятіе объ отечествѣ обобщалось такъ же, какъ и понятіе о законности. Явилась общечеловѣческая родина; ее стали видѣть вездѣ, гдѣ царилъ разумъ: патріотизмъ смѣшался съ приверженностью къ «правамъ человѣка». Патріотъ сдѣлался гражданиномъ всего міра. Великое понятіе объ отечествѣ, внѣдренное предшествовавшими вѣками въ каждаго француза, затерялось въ тонкостяхъ абстракцій и, казалось, утратило и реальность и смыслъ своего существованія.

Между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ французовъ, отвергая все прошлое своей расы, создали себѣ понятіе объ отечествѣ, лишенномъ границъ, историческихъ воспоминаній и національности, другіе, исходя изъ противоположной крайности, но движимые тѣмъ же импульсомъ, замѣняли это универсальное и неосязаемое отечество своего рода личнымъ и, такъ сказать, кочующимъ отечествомъ, которое каждый уносилъ съ собою повсюду. Введенные въ заблужденіе тѣмъ же духомъ отвлеченія и логики, который за-

ставлялъ революціонеровъ смѣшивать идею объ отечествѣ съ идеей революціи, эмигранты смѣшали ее съ идеей королевской власти. Они, въ свою очередь, создали въ своемъ воображеніи королевскую власть безъ королевства, короля безъ государства, государство безъ народа и народъ безъ территоріи; они создали химерическую Францію, «истинную Францію», сопровождавшую ихъ повсюду и которую они противопоставляли Франціи реальной и исторической, которую они вынуждены были покинуть.

Достаточно было пушечнаго выстрѣла для того, чтобы разсѣять эти пагубныя бредни. Громадное большинство французовъ ничего не понимало въ нихъ и ему не было до этого никакого дѣла. Въ революціи оно видѣло нѣчто весьма реальное и практическое, а именно: уничтоженіе феодальнаго строя, что и было ея существенною стороною; въ эмиграціи это большинство увидѣло попытку, клонящуюся къ насильственному возстановленію того же ненавистнаго строя, и въ этомъ оно также не ошибалось. Революція совершалась для того, чтобы обезпечить французамъ свободное пользованіе французскою землей; иностранное нашествіе предпринималось для того, чтобы подавить революцію, расчленить Францію и поработить французовъ: естественнымъ образомъ въ умахъ ихъ отождествилась любовь къ Франціи съ любовью къ революціи совершенно такъ же, какъ въ былыя времена сливалась она съ любовью къ королю. Старое патріотическое чувство пробудилось въ сердцахъ съ тою же силою и непосредственностью, какъ и во времена войнъ съ Англіей и великихъ бѣдствій конца царствованія Людовика XIV. Къ этому чувству не примѣшивалась ни малѣйшая доля чего-либо абстрактнаго: это былъ инстинктъ, страсть, присущіе каждому французу, живущіе въ его крови и вибрирующіе, такъ сказать, въ каждомъ біеніи его сердца. Родина осталась для нихъ тѣмъ, чѣмъ была для ихъ отцовъ: страною, гдѣ они родились и гдѣ хотѣли умереть, центромъ всѣхъ привязанностей, воспоминаній, надеждъ, однимъ словомъ, Франціей, независимость которой они желали сохранить [1]).

Въ этихъ стремленіяхъ заключалась вся сила революціи. Они же породили ея излишества, заблужденія и погибель. Ненависть и отвращеніе къ эмигрантамъ и иностранцамъ отдали Францію въ руки террористовъ.

---

[1]) Въ августѣ 1792 г., сынъ одного крестьянина, служившій садовникомъ у монаховъ, выучившихъ его читать и писать, завербовался въ волонтеры: «Сколько разъ,—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ, — я узнавалъ изъ газетъ извѣстія о томъ, что нашу армію разбиваютъ повсюду... Я часто говорилъ себѣ: «Возможно-ли, что я буду слышать лишь однѣ худыя вѣсти?» Мнѣ казалось, что если бы я былъ тамъ, бѣдствіе не было бы такъ велико. Я не считалъ себя болѣе хорошимъ солдатомъ, чѣмъ мои соотечественники, но я чувствовалъ въ себѣ храбрость и думалъ, что храбрость можетъ все преодолѣть!» Вотъ патріотизмъ въ его чистой и примитивной формѣ и глав-

Они узурпировали республику, подъ предлогомъ ея защиты, и благороднѣйшее дѣло прикрыло ненавистнѣйшую изъ тираній. Они не ограничились профанированіемъ свободы, они внушили къ ней ужасъ, связавъ съ нею воспоминаніе о преступленіяхъ. Изъ всего великаго дѣла 1789 г. народъ удержалъ однѣ гражданскія реформы; какъ только успѣхъ этихъ реформъ показался ему обезпеченнымъ, онъ отнесся къ анархіи съ такою же ненавистью, какую ранѣе проявилъ по отношенію къ вторженію чужеземцевъ, и страхъ предъ террористами предалъ его въ руки военачальниковъ. Онъ также легко допустилъ изгнаніе революціонеровъ, какъ допустилъ и ихъ господство. Якобинцы сами открыли всѣ пути военному деспотизму; онъ установился тѣмъ удобнѣе, что революція, отвлекая національныя страсти отъ политической свободы, направила ихъ къ военной славѣ и завоеваніямъ. Иностранное вторженіе вернуло идею отечества къ ея первоначальной и естественной формѣ; побѣда пробудила въ душахъ дремавшіе старые инстинкты: стремленіе къ крестовымъ походамъ, страсть къ приключеніямъ, жажду несбыточнаго, духъ романтическаго рыцарства и богатырскаго эпоса, которые таятся на днѣ души каждаго француза и которые каждое столѣтіе подновляются новой легендой.

Французскіе республиканцы считали себя космополитами, но они были ими только въ рѣчахъ; они чувствуютъ, мыслятъ, дѣйствуютъ, истолковываютъ свои универсальныя идеи и отвлеченные принципы при помощи традицій воинственной монархіи, въ теченіе восьми вѣковъ созидавшей Францію по своему образцу. Они отождествляютъ человѣчество съ собственною родиною, а свое національное дѣло—съ дѣломъ всѣхъ народовъ. Поэтому они, естественнымъ образомъ, смѣшиваютъ распространеніе новыхъ ученій съ расширеніемъ французскаго могущества, освобожденіе человѣчества—съ величіемъ республики, царство разума—съ владычествомъ Франціи, эманципацію народовъ—съ завоеваніемъ государствъ, европейскую революцію—съ господствомъ французской революціи въ Европѣ. Они слѣдуютъ импульсамъ всей французской исторіи, и это до такой степени вѣрно, что страны, которыя они стремятся сперва освободить, а затѣмъ покорить, присоединить, и дѣйствительно такъ легко сливающіяся съ Франціей, оказываются тѣми самыми, на которыя въ теченіе вѣковъ заявляли притязанія французскіе короли, методически подготовлявшіе ихъ аннексацію. За предѣлами

ный секретъ торжества революціи. Въ бумагахъ этого самаго человѣка нашли «молитву солдата-республиканца». Въ ней прочли слѣдующее: «Боже Предвѣчный и Высшій Судія, Владыка судьбы всѣхъ людей... прими подъ святой покровъ Свой великодушный народъ, идущій на борьбу только во имя равенства...» Lorédan Larchey, *Mémoires patriotiques. Journal de marche du sergent Fricasse.*

Франціи они основываютъ подчиненныя имъ второстепенныя республики и держатъ ихъ подъ опекой, примѣняя къ нимъ, вмѣстѣ съ обычаями феодальныхъ сюзереновъ, то правило древнихъ республикъ, что только свободные граждане созданы для управленія окружающими народами.

Революція выродилась въ вооруженную пропаганду, а затѣмъ и въ завоеваніе; военная диктатура беретъ верхъ надъ гражданской; республика вынуждена опираться на внѣшнее могущество и жить военной силой. Въ концѣ концовъ эта сила вторгается и овладѣваетъ самою республикою. Эти заблужденія издавна были знакомы французскому народу. Углубляясь въ его исторію, начинаешь менѣе изумляться при видѣ того, какъ на разстояніи немногихъ лѣтъ этотъ народъ съ одинаковою страстностью бросался на столь противоположные пути, проявлялъ такое постоянство въ самозащитѣ и такую неосмотрительность въ завоеваніяхъ, разрушая ихъ излишествомъ великіе результаты этой защиты. Если вспомнить о прославляемыхъ великихъ войнахъ пятнадцатаго вѣка, если обратить вниманіе на то, что французскіе короли, на другой день послѣ Столѣтней войны предприняли итальянскіе походы, то становится понятнымъ, какъ Бонапартъ,—привѣтствуемый народомъ потому, что побѣдилъ чужеземцевъ, заключилъ миръ, возстановилъ порядокъ, закрѣпилъ гражданскую революцію и обезпечилъ независимость республики прекрасными границами,—привязываетъ къ себѣ Францію, отнимая у нея ея свободу, и увлекаетъ ее вглубь Россіи, въ погоню за безразсуднымъ идеаломъ величія и блеска.

II.

Французская революція застала Европу врасплохъ. Европа безсильна противодѣйствовать ей, потому что неспособна понять ее. Не новизна факта и не внезапность событія смутили государственныхъ людей стараго порядка; французская революція перевертываетъ ихъ политическія понятія и разрушаетъ расчеты именно потому, что не удивляетъ ихъ. Они видятъ въ ней кризисъ, подобный многимъ другимъ, знакомымъ имъ по опыту или традиціи. Они судятъ о ней на основаніи ложныхъ аналогій и основываютъ свое отношеніе къ ней на превратныхъ заключеніяхъ. Въ Европѣ было не мало революцій, въ особенности въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ; но ни одна изъ нихъ не принимала такого универсальнаго характера, какъ французская революція. Именно эта особенность и ускользнула отъ сознанія Европы въ началѣ революціи; но Европа продолжаетъ обманывать себя и тогда, когда событія должны были разсѣять всѣ ея иллюзіи. Это первоначальное заблужденіе и дальнѣйшая слѣпота объясня-

ются укоренившимися понятіями и сужденіями, составленными по старымъ примѣрамъ.

Европа смотритъ прежде всего на французскую революцію, какъ на чисто-внутренній кризисъ, парализующій французское государство. Она ищетъ средствъ, чтобы воспользоваться имъ, и поступаетъ, соображаясь съ прецедентами Ришелье, Мазарена и Людовика XIV, по отношенію къ Англіи, и съ прецедентами современныхъ правительствъ, относительно Польши. Между тѣмъ, во Франціи возникаетъ грозное общество, которое путемъ безчисленныхъ развѣтвленій распространяетъ по всей Европѣ подрывающее всякій авторитетъ ученіе. Европа видитъ въ якобинцахъ тѣхъ же іезуитовъ и дѣйствуетъ согласно съ такимъ сужденіемъ. Она ведетъ переговоры и основываетъ лигу, долженствующую задушить это общество въ его очагѣ и изгнать отовсюду его эмиссаровъ и участниковъ. Но съ Франціей нельзя такъ легко справиться, какъ со Святымъ Престоломъ. Чтобы уничтожить якобинство, она принуждена вести борьбу съ могущественной, воинственной и издавна привыкшей къ военной дисциплинѣ націей. Духъ независимости и революціонный фанатизмъ удесятеряютъ силы Франціи: приходится вести противъ нея регулярную войну и организовать коалицію. Съ этой минуты каждый вноситъ въ эту коалицію свои притязанія, заднія мысли, интересы и взаимное недовѣріе.

Разъединенная Европа успѣваетъ собрать лишь нестройныя арміи. Она пытается подѣйствовать на умы и прибѣгаетъ къ принципамъ. Но тѣ, на которые она ссылается, извѣстны исключительно по нарушеніямъ, которымъ подвергались. Она противопоставляетъ праву народа право государей; но истолковываетъ это право по традиціи нѣсколькихъ вѣковъ зависти, посягательствъ на чужое достояніе, конфликтовъ, безпорядковъ и узурпацій. Европа говоритъ о правѣ, но дѣйствуетъ кознями и насиліемъ. Еще ни разу не сразившись съ врагомъ, союзники уже спорятъ о добычѣ. Побѣда ускользаетъ отъ нихъ; они стремятся лишь къ покрытію убытковъ, и предпріятіе является чисто барышническимъ, то есть сообразнымъ съ худшими обычаями стараго порядка.

Тогда Европа предлагаетъ Франціи миръ или покоряется необходимости получить этотъ миръ изъ ея рукъ. Франція хочетъ положить конецъ революціи, преобразовать государство, скрѣпить результаты своихъ побѣдъ; но какъ она ни могущественна, она не въ силахъ одна предписывать законы цѣлой Европѣ. Она восторжествовала надъ коалиціей только вслѣдствіе разъединенности послѣдней, и съ врагами, хотя и пришедшими въ уныніе, тѣмъ не менѣе приходится еще считаться. Не имѣя возможности уничтожить всѣ монархіи, она должна идти на компромиссы съ монархами. Она побѣдила своихъ враговъ, она преслѣдовала ихъ на ихъ собственной тер-

риторіи, она сдѣлала блестящія завоеванія; но для того, чтобы мирно пользоваться ими, надо договориться, а для этого необходимо вести переговоры и вернуться, такимъ образомъ, къ старымъ обычаямъ. Старый порядокъ и революція идутъ на сдѣлку, не относительно своихъ принциповъ, которые непримиримы между собою, а относительно матеріальныхъ границъ, которыя подвержены измѣненіямъ. Существуетъ лишь одно понятіе, по поводу котораго республиканская Франція и старая Европа еще могутъ придти къ соглашенію, это государственная польза. Она-то и регулируетъ ихъ соглашенія. Такъ какъ территоріи остались на прежнихъ мѣстахъ и притязанія государствъ не измѣнились, то всѣ традиціи старой политики сами собою всплываютъ вмѣстѣ съ переговорами. Эти традиціи слишкомъ хорошо согласовались съ замыслами революціонеровъ. Старо-европейскіе обычаи даютъ просторъ ихъ страстямъ. Имъ извѣстно, что въ этой побѣжденной ими и разъединенной соперничествомъ Европѣ тотъ, на чьей сторонѣ сила, можетъ дѣлать все, что ему угодно и приказывать другимъ. Прецеденты указываютъ лишь на хрупкіе трактаты, неопредѣленныя обязательства, постоянно возобновляющіяся войны, раздѣлы, кочующія династіи и внутреннія распри. Подобно всѣмъ политикамъ, съ которыми они имѣютъ дѣло, они воспитались въ школѣ Фридриха и Екатерины; поэтому они пользуются средствами и способами стараго порядка, въ пользу побѣдоносной революціи. Они не разрушаютъ традицій этого порядка, а присвоиваютъ ихъ себѣ. Они не вводятъ ничего новаго, а продолжаютъ старое. Европа охотно ведетъ съ ними переговоры, и среди этихъ сдѣлокъ не старое, а новое право подвергается опасности.

Россія и Пруссія обсуждали второй раздѣлъ Польши ранѣе, чѣмъ Франція объявила войну Австріи. Этотъ раздѣлъ совпадаетъ, по времени, съ первою коалиціей противъ Франціи; можно даже сказать, что онъ ея необходимое условіе... Раздѣлъ этотъ не могъ считаться средствомъ возстановленія, въ пользу сѣверныхъ державъ, равновѣсія, нарушеннаго завоеваніями Франціи. Этихъ завоеваній еще не существовало весною 1792 г., когда русскія войска вступили въ Польшу, а пруссаки рѣшили взять себѣ долю изъ ея владѣній [1]). Договоръ, заключенный союзниками, не только не имѣлъ цѣлью компенсацію за чрезмѣрное расширеніе Франціи, но снабженъ былъ тайнымъ дополненіемъ, въ которомъ заключался планъ раздѣла Франціи

[1]) Объявленіе войны съ Австріей послѣдовало 20-го апрѣля 1792 г. Первыя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Екатерины II относительно второго раздѣла Польши и переговоровъ съ Пруссіей встрѣчаются въ отчетахъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ отъ 3 и 29 февраля того же года. Рѣшеніе короля прусскаго, по поводу начатія переговоровъ, относится къ 12 марта. 30 апрѣля Екатерина отдала приказъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу. Herrmann *Diplomatische Correspondenzen*, Gotha 1867.

въ пользу союзниковъ [2]). Напротивъ, именно Франція, во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію мира въ 1795 г. увидѣла передъ собою громадное перемѣщеніе власти, какъ слѣдствіе раздѣла 1793 г. и того, который довершилъ его въ 1795 г. [3]), Именно Франція, согласно съ обычаемъ стараго порядка и основываясь на ученіи о равновѣсіи, имѣла право требовать расширенія, могущаго обезпечить за нею степень вліянія, которымъ она пользовалась въ Европѣ въ прежнее время. Она это и сдѣлала, а такъ какъ у нея были въ рукахъ территоріи, которыя она намѣревалась оставить за собою, то дѣло и не представило затрудненій. Но такъ какъ эти территоріи оказались весьма обширными, то прочія державы, въ свою очередь, потребовали эквивалента, и Франція изъявила на то согласіе.

Договоры республики и имперіи трактуютъ не объ однихъ завоеваніяхъ; въ нихъ идетъ рѣчь о раздѣлахъ и компенсаціяхъ. Въ этомъ отношеніи они ни въ чемъ не противорѣчатъ обычаю европейскихъ монархій; противорѣчатъ они только духу французской революціи. Поддаваясь на этотъ торгъ, являвшійся единственнымъ средствомъ сохранить завоеванное, Франція нарушала свой основной принципъ—верховную власть народа. Населенія, предоставленныя ею другимъ государямъ, остаются подчиненными старому режиму: ихъ не спрашиваютъ, желаютъ ли они перемѣнить властителей. И однако таково могущество идеи, таково одряхлѣніе старо-европейскаго права и такова сила распространенія новаго, что принципы революціи овладѣваютъ, нѣкоторымъ образомъ, Европою этимъ окольнымъ путемъ и одерживаютъ верхъ путемъ тѣхъ самыхъ сдѣлокъ, которымъ, казалось, они приносились въ жертву. Такой переворотъ въ Европѣ, совершившійся согласно съ обычаемъ стараго режима, долженъ былъ неминуемо подорвать этотъ режимъ.

Въ странахъ, присоединенныхъ Франціей къ своей территоріи или конституированныхъ ею по своему образцу, она провозглашала свои принципы, упраздняла феодальную систему и вводила свои законы. Послѣ неизбѣжныхъ во время войны безпорядковъ и излишествъ завоеванія, эта ре-

---

[2]) Эти планы раздѣла совпадаютъ во времени съ первыми попытками коалиціи. Уже 28 іюля 1791 г. прусскій король писалъ своему представителю въ Вѣнѣ о томъ, что слѣдуетъ обсудить съ Австріей вопросъ о возможномъ покореніи Эльзаса и Лотарингіи. Herrmann, Sybel. См. у Vivenot, въ *Quellen zur deutschen Politik Oesterreichs*, Wien, 1874, протоколъ министерской конференціи 17 іюля 1792 г., въ которомъ идетъ рѣчь о присоединеніи къ Австріи Геннегау или Фландріи, или же Страсбурга и Эльзаса.

[3]) Трактатъ о второмъ раздѣлѣ Польши между Россіей и Пруссіей 23 января 1793 г.; трактатъ о третьемъ раздѣлѣ между Россіей и Австріей 3 января 1795 г. Базельскій трактатъ, заключенный между Франціей и Пруссіей 5 апрѣля 1795 г.

волюція была благодѣяніемъ для покоренныхъ народовъ. Вотъ почему завоеванія республики не слѣдуетъ смѣшивать съ завоеваніями стараго порядка. Они отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что несмотря на злоупотребленіе принципами и на уклоненія отъ провозглашенныхъ революціей идей, Франція все-таки имѣла въ виду благо народовъ. Народы были, помимо своего вѣдома, главною живою силой, главнымъ содержаніемъ исторіи: французская революція призвала ихъ къ самосознанію и подготовила ихъ сознательное существованіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Франція не совершала этого своими руками, она вызывала этотъ результатъ косвеннымъ образомъ.

Уничтожая мелкія государства, объединяя подъ властью одного правительства народы, связанные общностью происхожденія и нравовъ, Франція уменьшала въ Европѣ число раздроблявшихъ народы границъ и въ то же время пропагандировала идеи, всего болѣе способныя произвести подобное объединеніе. Когда исчезла анархія и организовалась умиротворенная республика, Франція собственнымъ примѣромъ указала Европѣ, что наиболѣе драгоцѣнныя для народовъ реформы прямо выгодны и для государствъ; что главнѣйшее дѣло революціи, то, которое сдѣлало ее столь популярной и могущественной—отмѣна феодальнаго строя—не только не потрясало власти, а благопріятствовало ея сосредоточенію и твердости; что слѣдовательно ничего нѣтъ легче для государей, какъ явиться самимъ освободителями своихъ народовъ и устранить такимъ образомъ причины революціи; что управлять народами возможно будетъ не иначе, какъ въ качествѣ ихъ представителей; наконецъ, что будущее принадлежитъ тѣмъ, кто, умѣя различать великія историческія теченія, съумѣетъ воспользоваться ихъ силою. Такимъ-то путемъ французская революція привела къ замѣчательному упрощенію карты Европы, и вмѣсто распространенія всеобщей анархіи и общаго возстанія народовъ противъ монарховъ она содѣйствовала, напротивъ, увеличенію могущества государствъ и преданности націй государямъ

Новыя перспективы открывались передъ Европой: она была къ нимъ подготовлена. Ученія восемнадцатаго вѣка, возбудившія во Франціи революцію, въ Европѣ привели къ просвѣщеннымъ монархическимъ правительствамъ. Ко времени 1789 г. Европа тяготѣла къ просвѣщенному абсолютизму; Франція вернулась къ нему при консульствѣ Бонапарта. Въ этой-то формѣ утверждалась, повидимому, революція; въ этой-то формѣ и Европа поняла ее и стала ей подражать. Государи, усвоивавшіе французскія реформы, и народы, съ благодарностью принимавшіе эти реформы изъ ихъ рукъ, слѣдовали импульсу, данному всѣмъ восемнадцатымъ вѣкомъ.

Франція не только побѣдила Европу, она сдѣлала лучше: она ее преобразила. Французская цивилизація, подготовившая побѣды французскихъ армій, пережила военные успѣхи. Она пробила пути, по которымъ наши

войска проникли въ Европу; отступая, эти войска открыли для французской революціи еще болѣе широкій и глубокій доступъ. Побѣдоносные, въ самомъ своемъ пораженіи, французы привили свои идеи даже тѣмъ народамъ, которые возставали противъ ихъ господства. Они потрясали своею политикою старыя границы лишь для того, чтобы преобразовать своими идеями устарѣлые законы. Наиболѣе враждебные революціи государи, наиболѣе энергично стремившіеся локализировать ее во Франціи для того, чтобы поразить однимъ ударомъ, увидѣли, по возвращеніи изъ своего крестоваго похода, что эта революція пустила ростки на землѣ ихъ собственныхъ государствъ, которую такъ долго вспахивали французскія арміи, орошая своею кровью. Французская революція не переставала быть поводомъ къ борьбѣ между Франціей и Европой,—борьбѣ, послужившей лишь къ тому, чтобы зародить на европейскомъ континентѣ ту политическую и соціальную революцію, которая менѣе чѣмъ въ полвѣка измѣнила весь строй европейскихъ государствъ.

III.

Но и самые успѣхи революціи и французскаго могущества имѣли свои предѣлы. Вся мощь революціи во Франціи происходила отъ ея національнаго харкатера; тотъ же характеръ національности и ту же силу вызвала революція и у другихъ европейскихъ народовъ. То самое чувство, которое доставило побѣду французамъ повсюду, гдѣ они только распространяли свои принципы, возбуждало въ народахъ страсть къ независимости, а слѣдовательно и стремленіе свергнуть чужеземное иго, хотя бы то было иго освободителей. Эти народы такъ же ревниво оберегали свои прерогативы, такъ же нетерпѣливо жаждали славы, такъ же тревожились за свои интересы, стояли за свою честь и престижъ, какъ и французы.

Ни одинъ изъ этихъ народовъ, слушая рѣчи о «Правахъ человѣка» и верховной власти народа, не думалъ объ отвлеченномъ человѣкѣ, лишенномъ тѣла и души, объ идеальной націи безъ территоріи и обитателей; ни одинъ изъ нихъ не бросался въ погоню за призракомъ, метафизической свободы среди неосязаемаго человѣчества. По примѣру французовъ каждый народъ принялъ великія идеи, брошенныя ими въ міръ, на основѣ уже накопленныхъ понятій и облекалъ ихъ въ образы, собранные и унаслѣдованные отъ предыдущихъ поколѣній; онъ питалъ ихъ, такъ сказать, своею кровью и давалъ имъ жизнь лишь для того, чтобы одушевить ихъ всѣми страстями, свойственными его расѣ.

Вслѣдствіе столкновенія притязаній и историческихъ интересовъ, самихъ требованій жизни и особенностей характеровъ, эти страсти боролись въ теченіе вѣковъ; борьба, которую глухо вели между собою народы подъ

покровомъ соперничества своихъ государей, продолжалась между ними непосредственно, а потому еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ. Такимъ-то образомъ революція, опиравшаяся на общечеловѣческія начала и приглашавшая въ свое идеальное государство гражданъ всего міра, замѣнила сравнительно космополитическую Европу восемнадцатаго вѣка пламенно-національною, но и такъ глубоко разъединенною Европою девятнадцатаго столѣтія. Франція пострадала отъ этого и въ своихъ интересахъ, и въ своей славѣ. Вокругъ нея возникли державы-соперницы, которыя, послѣ того какъ оспаривали у нея преобладаніе, составили для нея грозную конкурренцію. Такъ какъ языкъ есть одно изъ главныхъ проявленій національности, то, вслѣдствіе самаго распространенія французскихъ идей, вліяніе и престижъ французской рѣчи ослабѣли въ Европѣ, а столкновенія между народами выразились въ конфликтахъ изъ-за преобладанія языка.

Но эта европейская революція была изнанкой французской. Ей недоставало именно того, что составляло оригинальную сторону Франціи въ этомъ грандіозномъ эпизодѣ, того, что осталось причиною ея величія и въ то же время извиненіемъ ея заблужденій: недоставало энтузіазма, великодушнаго порыва и вѣры въ то, что работаешь для блага всѣхъ. Подражатели думали только о себѣ самихъ: какъ ни было законно ихъ стремленіе къ независимости, какъ ни была велика преданность отдѣльныхъ лицъ, служившихъ національному дѣлу, это дѣло носило оттѣнокъ чего-то завистливаго и жесткаго, какой-то осадокъ злопамятства и ферментъ алчности, которые затемняютъ и унижаютъ его: недоставало свѣтлаго луча безкорыстія. Правда, этотъ лучъ свѣтилъ во Франціи только на зарѣ бурнаго и мрачнаго дня, но какъ ни было преходяще и недолговременно его сіяніе, отъ него остался отблескъ, освѣщающій всю эту эпоху и дѣлающій ее однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ моментовъ въ исторіи всего человѣчества. Утѣшеніемъ и честью Франціи служитъ то, что даже въ ту минуту, когда на нее бросались какъ на дикаго звѣря, ненавидѣли и отрекались отъ нея, европейскіе народы тѣмъ не менѣе, помимо своей воли, испытывали ея вліяніе и, такъ сказать, вырывали у нея самой оружіе, которымъ боролись съ нею. Въ ту самую минуту, когда они обращали противъ нея ею же посѣянныя идеи свободы и національной независимости, они слѣдовали однако великодушному импульсу ея духа.

Къ тому же эти горькія неудачи, эти жестокія ошибки и обратное движеніе революціи противъ Франціи не имѣли въ себѣ ничего неизбѣжнаго. Ничто въ широкомъ теченіи, которое несло французскую мысль, не вызывало этого безпорядочнаго отлива водъ. Въ великихъ положеніяхъ 1789 г. не было ничего несовмѣстимаго со всеобщимъ миромъ, ничто не мѣшало существованію могущественной, благоденствующей и сво-

бодной Франціи среди Европы, мирно приглашаемой послѣдовать ея примѣру. Франція до 1789 года была самымъ населеннымъ, богатымъ и счастливымъ по своему составу государствомъ; она обѣщала сдѣлаться и самымъ свободнымъ, поддерживая оказываемое ею вліяніе на Европу добрымъ примѣромъ благодѣтельныхъ реформъ. Ея престижъ могъ только усиливаться съ теченіемъ времени. Именно этого и ожидалъ Мирабо, когда писалъ въ 1790 г. строки, въ которыхъ резюмируются лучшія надежды современниковъ: «Рано или поздно, непреодолимое вліяніе 24-хъ милліоннаго народа, говорящаго на одномъ языкѣ и сводящаго соціальное устройство къ простымъ понятіямъ свободы и справедливости, обладающимъ неотразимымъ обаяніемъ для человѣческаго сердца и находящимъ миссіонеровъ и прозелитовъ во всѣхъ краяхъ міра,—вліяніе такого народа, безъ сомнѣнія, завоюетъ всю Европу въ пользу истины, умѣренности и справедливости, но, конечно, не всю одновременно, не въ одинъ часъ и не въ одно мгновеніе».

Идеи сами по себѣ и однимъ своимъ воздѣйствіемъ должны были покорить весь міръ. Такой замыселъ исключалъ всякую мысль о войнѣ. Въ этомъ существенномъ пунктѣ принципы революціи согласовались съ опытомъ наиболѣе проницательныхъ и разумныхъ политиковъ. Это и было понято людьми 1789 года, когда они поставили основнымъ закономъ государства, что Франція не нападетъ ни на одинъ народъ, если не нападутъ на нее самоё, и что она отказывается отнынѣ отъ какихъ-либо войнъ, имѣющихъ цѣлью завоеваніе. Революцію 1789 года можно было весьма легко примирить съ политикою какого-нибудь Генриха IV и Ришелье, но ее нельзя было согласовать съ тенденціями Людовика XIV и Лувуа. Странная судьба французской революціи сдѣлала то, что эта революція обратилась во вредъ Франціи, какъ только сами французы нарушили одинъ изъ ея принциповъ и превратили ее въ орудіе господства и завоеванія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	50,	строка	6	людовика	вмѣсто	Людовика
„	69	„	5	быъ	„	былъ
„	81	„	22	указываетъ	„	указываютъ
„	82	„	27	свой	„	своей
„	96	„	27	сдѣлать болѣе	„	сдѣлать людей болѣе
„	97	„	13	намѣреніяхъ	„	намѣреніямъ
„	111	„	39	желалъ	„	желала
„	179	„	17	Hanotoux	„	Hanotaux
„	190	„	42	Rnane	„	Renan
„	202	„	22	Фланція	„	Франція
„	238	„	4	личше	„	лучше
„	290	„	11	немократовъ	„	демократовъ
„	—	„	22	довый	„	новый
„	348	„	10	чравительства	„	правительства
„	—	„	26	поторыя	„	которыя
„	399	„	8	становиться	„	становится
„	400	„	2	изъ	„	ихъ

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА. 1877—1892 ГГ.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакціею профессора **И. И. Мечникова**. Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. **Н. Н. Страхова**.

Томъ I-й: Исторія матеріализма до **Канта**. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ **Канта**. 495 стр.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Сочиненія **ДАВИДА РИКАРДО**. Пер. *Н. Зибера*, съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р

ИСТОРІЯ ТЕОРІИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ **Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе**. Пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями проф. **Янсона**, съ 3-мя таблицами чертежей, 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ, 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Эллинская эпоха, съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

СТЕНЛИ ДЖЕВОНСА.

Пер. съ англ. **М. А. Антоновича**. 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, СЪ ВОПРОСАМИ И ПРИМѢРАМИ. Пер. съ англ. **М. А. Антоновича**. 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ЗВУКЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. **Альфреда Маршалля Майера**. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СВѢТЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. **А. Майера и Барнара**. Съ 29 рис. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к. съ пересылкою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекціи **Роско**: Изъ чего составлена земля.—**Локаеръ**: Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть.—**Уильямсонъ**: Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекціи проф. Эдинб. унив. **П. Г. Тэта.** Пер. подъ редакц. **И. М. Сѣченова.** Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго **М. А. Антоновича.**

Введеніе. Проф. **Гексли.** Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Химія.** Проф. **Роско.** Съ 36 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Физика.** Проф. **Бальф. Стьюарта.** Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—**Физическая географія.** Проф. **Гейки.** Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. **Геологія** Проф. **Гейки.** Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Физіологія.** Д-ра **Фостера.** Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Астрономія. Нормана Локаера.** Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО БОТАНИКѢ И ЗООЛОГІИ.

ГЕКСЛИ И МАРТИНА. Пер. съ англ. **А. Я. Гердъ.** Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ **А. Я. Гердъ.**

Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій. Въ 3 част. съ 207 рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. 257 стр. Ц. 1 р. 60 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. БОЛЬ

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Пер. съ англ. подъ ред. **Н. Н. Любавина.** Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. **А. Гейки.** Пер. съ англ. **А. Я. Гердъ.** Съ 78 рис. въ текстѣ и 10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА, ОСКАРА ГУТМАНА.

ОСНОВАННАЯ НА ФИЗІОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія.

128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ

И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Проф. **И. Р. Тарханова.** Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕИНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра **Курвуазье,** Съ предисл. проф. **Манассеина.** Съ рис. въ текстѣ. Пер. съ 3-го нѣмецк. изд. **М. Ловцовой.** Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗІОЛОГІИ,

Кратко и общедоступно изложенные В. Прейеромъ, ординарн. проф. физіологіи. Пер. **И. Р. Тарханова.** 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. **А. Н. Бекетова.** Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.
Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ. Пер. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

И. П. Минаевъ. ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА и ИНДІИ.
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.
2 части. 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНІИ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ
И. М. Сѣченова. 164 стр. больш. форм. Ц. 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

СКОТОВОДСТВО.
Заттегаста. Перев. подъ редакціею Д-ра **О. А. Гримма.** 2 тома. съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. 7 руб. съ пересылкою.

Е. СМАЙЛЬСЪ.
ИСТОРІЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА
Томаса Эдварда.
Перев. **С. И. Смирновой.** 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.
А. Н. Бекетовъ. Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.
Абеля Овелака. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМБРІОЛОГІИ.
Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подъ ред. **С. А. Грима** 350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.
шесть лекцій, читанныхъ въ королевскомъ институтѣ въ 1873 г., и
единство исторіи.
Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, **Эд. Фримана.** Перев. съ англ. **Н. Коркунова.** 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ.
Пер. съ англ. **С. В. Пантелѣевой.** 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70к.

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ
современнаго культурнаго человѣка. **М. М. Манассеиной.** Ц. 1 р. 25 к.

Клазіусъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. *Флугъ*; ц. 30 к.

КЛЕРКЪ-МАКСУЭЛЛЬ.
МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.
Пер. съ англійск. **М. А. Антоновича.** Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

РУДОЛЬФЪ АРЕНДЪ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ
Съ 178 рис. въ текстѣ, пер. съ нѣм. подъ ред. проф. **Тавилдарова.** Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпентеръ.
ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.
Пер. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Пер. съ англ. подъ ред. *А. Н. Энгельгардта* Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ. (Женщина-врачъ.)

УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.

Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

Г. Д. ВАХТЕЛЬ. РУКОВОДСТВО КЪ ТЕХНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.

Цѣна 5 р.

РЭМСЕНЪ. ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОЕДИНЕНІЙ УГЛЕРОДА.

(Органическая химія.) Пер. **Н. С. Дрентельна.** Ц. 2 р.

П. ТЭТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.

Перев. съ англ. **И. М. Сѣченова.** Ц. 2 р. 50 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промысла. Пер. *К. Флугъ.* Ц. 2 р.

Вахтель Г. Д. Руководство къ техническому анализу. Подъ ред. проф. Спб. Технолог. Инст. *Н. И. Тавилдарова.* Цѣна 5 ру.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ, пер. *С. И. Серебренникова.* Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Учебникъ географіи. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Ц. 50 к. Ч. II. Азія. Ц. 50 коп. Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.

„ „ „ Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.

„ „ „ Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная механика. Ц. 2 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химій. Ц. 1 р.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Ц. 1 р. 50 к.

Лёббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора *А. Бекетова.* Переводъ съ англійскаго *А. Гердъ.* Цѣна 1 р. 25 к.

Сѣченовъ, И. М. Физіологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Спб. Технол. Инстит. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами политипажей, томъ II съ 36 табл. политипажей. Цѣна за два тома 8 р.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гигіены ребенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента *В. Ф. Якубовича.* Ц. 2 р. 50 к.

Эммингаусъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Ф. Якубовича,* Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжной торговлѣ Н. П. Карбасникова. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 46

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 11 января 1892 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

А. СОРЕЛЬ

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EU OPE ET LA RÉVOLUTION FANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ GOBERT'A.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРѢЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ПАДЕНІЕ МОНАРХІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **Л. Ф. Пантелѣева.**
1892.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, № 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Паденіе королевской власти.

КНИГА I.

Новые принципы.

стр.

Глава I. Національное собраніе и Европа 1789—1790. 1
„ II. Бельгійская революція. 1789—1790 41
„ III. Право мира и войны. 1790 65

КНИГА II.

Людовикъ XVI и эмиграція.

Глава I. Замыслы двора. 1790 96
„ II. Настроеніе Европы. 1790—1791 120
„ III. Эмигранты. 1790—1791 137
„ IV. Вареннъ. 1791 172

КНИГА III.

Конфликты.

Глава I. Пильницъ. 1791 194
„ II. Конституція. 1791 223
„ III. Партіи и война. 1791 252
„ IV. Австро-прусскій союзъ. 1792 289

КНИГА IV.

Война.

Глава I. Разрывъ съ Австріей. 1792 330
„ II. Низложеніе. 1792 378
„ III. Франція и Европа въ 1792 г. 421

ПАДЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Новые принципы.

ГЛАВА I.

Національное собраніе и Европа 1789—1790 г.

I.

«Собраніе», писалъ Мирабо [1]), «какъ и народъ, представителемъ котораго оно являлось, пріобрѣло привычку дѣйствовать порывами, всегда страстно и всегда стремительно». Собраніе само было, такъ сказать, народомъ, и притомъ народомъ, совершавшимъ революцію. Выбранное, нѣкоторымъ образомъ, всеобщимъ голосованіемъ, оно дало все, что заключалось въ предѣлахъ націи, и представило собою вѣрный и точный образъ цѣлой страны [2]). Во Франціи обладали весьма яснымъ пониманіемъ гражданскихъ реформъ, которыхъ требовали, и весьма твердою волею провести ихъ въ жизнь; напротивъ, въ дѣлѣ преобразованій собственно политическихъ проявлялись одни смутныя порыванія и неопредѣленныя, полныя непослѣдовательности, стремленія.

Гражданская свобода вошла въ нравы, и режимъ, продолжавшій изгонять ее изъ законодательства, сдѣлался окончательно ненавистнымъ. Въ ней видѣли основы права и соціальную необходимость. Каждый могъ опредѣлить ее, стоило только спросить себя, чего требуетъ собственное человѣческое достоинство, собственные интересы, и вспомнить, что́ прихо-

---

[1]) *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck*, publiée par M. de Bacourt. Paris. 1851, 47 note pour la cour, t. II, p. 414.

[2]) См. т. I, кн. II, гл. 1.

дилось терпѣть и на что сѣтовать [3]). Чтобъ положить основаніе гражданской свободѣ, достаточно было минуты энтузіазма и нѣсколькихъ декретовъ. Феодальныя права были уничтожены въ одну ночь, и стало очевиднымъ, что, начиная съ этой ночи, Франція поднимется противъ всякаго, кто захотѣлъ-бы ихъ возстановить.

Политическая свобода была нововведеніемъ. Всѣ прецеденты говорили противъ нея. Для того, чтобы понятіе о ней проникло въ народъ, надо было разрушить всѣ усвоенныя путемъ опыта идеи; чтобъ установить ее, надо было подвести новый фундаментъ подъ государство; чтобъ ввести ее въ употребленіе, необходимо было измѣнить не только привычки, но и самые инстинкты народа. Каждый составилъ себѣ отвлеченный идеалъ свободы, никто не зналъ ея на опытѣ. Всеобщее соглашеніе касалось лишь провозглашенія верховенства народа и разрушенія всего, что являлось тому преградой. Не трудно уничтожить старыя учрежденія: они рушились уже сами, и требовалось только убрать обломки. Мѣсто очистили, но оно осталось пустымъ. Такъ какъ для упраздненія феодальнаго режима достаточно было провозгласить его конецъ, то предположили, что и для основанія политической свободы достаточно уничтожить правительство стараго режима; но дѣло въ томъ, что французы не знали никакой иной формы правленія, и форма монархическая была единственною, извѣстною имъ на практикѣ; съ исчезновеніемъ ея, ничто не явилось къ ней на смѣну, и вмѣсто ожидаемой свободы возникла анархія.

Анархія происходила отъ тѣхъ же причинъ, которыя привели къ неизбѣжности революціи [4]). Успѣхъ мятежа, испугъ, уныніе и отступленіе робкихъ, составляющихъ большинство; дерзость буйныхъ, господство агитаторскихъ группъ, тираннія насильниковъ, составляющихъ меньшинство; внезапное вторженіе въ страну той арміи нищихъ и толпы негодяевъ, которые немедленно собираются, какъ только пружина власти слабѣетъ и распущенность обнаруживается въ полиціи, — все это только симптомы кризиса. Настоящая причина — это дезорганизація государства, неспособность короля, его министровъ, всего правительства, всѣхъ привилегированныхъ — желать чего-либо со всей энергіей, дѣйствовать съ единодушіемъ, защититься наконецъ противъ этого потока, которому дали выйти изъ береговъ, потому что не съумѣли ни отвести его въ сторону, ни сдержать. Собственно говоря, не революція ниспровергла правительство, но революція побѣждаетъ потому, что правительство было ниспровергнуто. При первомъ нападеніи бунтовщиковъ, должностныя лица госу-

---

[3]) Tocqueville, *Mélanges*. Paris., 1865, p. 140.

[4]) См. т. 1.

дарства, растерянные, сбитые съ толку, безъ руководителя, безъ опоры, ограничиваются ролью жертвъ или пассивныхъ свидѣтелей крайностей черни. Созывъ Штатовъ есть не что иное, какъ торжественное сознаніе власти въ своемъ безсиліи.

Министерству не подъ силу его задачи, и оно падаетъ подъ ихъ бременемъ. «Мы такъ задавлены собраніями и комитетами,—пишетъ Монморенъ отъ 25 января,—что у меня нѣтъ ни одной свободной минуты» [5]). Всѣ завалены дѣлами. Ни вожди не умѣютъ повелѣвать, ни подчиненные повиноваться. Администрація упразднена; армія исчезла. Отъ страшнаго орудія королевской власти, выкованнаго Ришелье и усовершенствованнаго Людовикомъ XIV, остается только инертная и вялая масса, которая душитъ тѣхъ, кто пытается ее расшевелить. Штаты собираются 5 мая. Вскорѣ дворъ начинаетъ тревожиться ихъ требованіями и народными движеніями, которыя ихъ поддерживаютъ. Въ принципѣ весь авторитетъ еще вмѣщается въ особѣ короля: онъ—верховный властитель, дворянство его окружаетъ, оно стоитъ во главѣ войска, оно занимаетъ важнѣйшія должности. Тѣ, кого страшитъ революція, совѣтуютъ Людовику XVI устроить государственный переворотъ и прибѣгнуть къ классическому средству «королевскаго дня». Въ послѣдній разъ монархія является передъ народомъ во всемъ своемъ величіи, но это величіе—только тѣнь прежняго. Достаточно нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ депутатомъ, чтобы разсѣять этотъ призракъ правительства. «Насъ можетъ разогнать только сила», отвѣчалъ Мирабо церемоніймейстеру, который предлагалъ Собранію разойтись [6]). Сила не явилась, и вся Франція узнала, что королевская власть уже не располагала ею.

Не располагало ею и Собраніе. Вслѣдствіе неопытности, самонадѣянности, идеализма, оно оказалось столь же непредусмотрительнымъ и неспособнымъ управлять, какъ и сама монархія, вслѣдствіе рутины и дряхлости. Недовѣріе къ престолу заставило депутатовъ захватить всю власть въ свои руки, самое отношеніе ихъ къ принципамъ власти не позволяло имъ воспользоваться ею. Новое правительство было очень скоро доведено до такой же крайности, какъ и старое. Надъ министерствами властвовало Собраніе, надъ Собраніемъ—клубы, надъ клубами—демагоги, а надъ демагогами—вооруженная фанатическая и голодная чернь, которую они думали увлечь за собой и которая въ дѣйствительности гнала ихъ впереди себя. Это страшное давленіе началось 14 іюля: при первомъ напорѣ оно взло-

---

[5]) Изъ письма къ ла-Люцерну, посланнику въ Лондонѣ.—Эта цитата какъ и всѣ другія, происхожденія которыхъ я не указываю, взята изъ архивовъ министерства Иностранныхъ дѣлъ.

[6]) Засѣданіе 23 іюня 1789 г.

мало двери Бастиліи и раскрыло передъ народомъ всю хилость монархіи. Октябрьскіе дни были лишь прямымъ послѣдствіемъ 14-го іюля.

Отнынѣ король сдѣлался плѣнникомъ въ своей столицѣ и узникомъ въ своемъ дворцѣ. Остались служители, но двора уже не стало. 18 іюля его младшій братъ, графъ Д'Артуа, его двоюродные братья, принцъ Конде, герцогъ Бурбонскій, герцогъ Энгіенскій, поспѣшили оставить Францію. Вслѣдствіе крестьянскихъ возстаній (жакерій) въ деревняхъ, мелкое дворянство бѣжитъ въ города. Придворная знать удаляется за-границу. Послѣ 6-го октября, вожди правой стороны: Мунье, Лялли, Бергассъ и сто двадцать депутатовъ, вотировавшихъ вмѣстѣ съ ними, выходятъ изъ Собранія и отказываются отъ борьбы. Новый потокъ эмигрантовъ несется къ границѣ, и отнынѣ начинается просачиванье, которому уже не суждено остановиться. Тѣ, которые бросаютъ родину въ первые часы,—не жертвы, а недовольные. Они уѣзжаютъ не столько для того, чтобы бѣжать отъ опасности, сколько для того, чтобы приготовить возмездіе. Появляясь при маленькихъ дворахъ, гдѣ ихъ принимаютъ—въ Савойѣ, на Рейнѣ, — они не представляются бѣглецами, которые просятъ пріюта, но политической партіей, которая ищетъ союзниковъ. Они во всеуслышаніе заявляютъ, что нѣтъ другого средства противъ кризиса, переживаемаго французской монархіей, какъ полнѣйшая контръ-революція, наказаніе бунтовщиковъ, отмѣна мятежныхъ законовъ, реставрація короля во всей полнотѣ его власти, дворянства — во всей полнотѣ его привилегій и, наконецъ, безусловное возстановленіе стараго режима въ государствѣ и синьоральнаго режима въ обществѣ. Они бросили игру только для того, чтобъ вѣрнѣе выиграть ее: покинули Францію только для того чтобы вступить въ нее хозяевами; предоставили свободу дѣйствій революціи только для того, чтобъ зайти ей въ тылъ и уничтожить ее.

Они громко объявляютъ о своихъ планахъ, открыто составляютъ заговоры, хвастливо и легкомысленно замышляютъ вторженіе и завоеваніе своей родины. Ими же самими распространяемые слухи объ ихъ вооруженіяхъ, объ ихъ заговорахъ и союзахъ, ихъ высокомѣріе, повелительный тонъ, ихъ угрозы распространили мысль, что ихъ возвращеніе будетъ сопровождаться полной гибелью новаго порядка и новыхъ людей. Народъ принимаетъ буквально ихъ грозныя рѣчи, трепещетъ за завоеванныя имъ права и съ яростью обращается противъ тѣхъ, кого обвиняютъ въ желаніи ихъ отнять. Его гнѣвъ падаетъ на дворъ и на знать, оставшуюся во Франціи. Онъ ихъ обвиняетъ въ соучастіи съ эмигрантами. Заграничныя фанфаронады этихъ болтуновъ вызываютъ противъ королевской фамиліи и противъ дворянъ, сохранившихъ ей вѣрность, все усиливающуюся ненависть, подозрѣнія, которыя ежедневно обостряются, и, подъ

предлогомъ предосторожностей или репрессалій, неистовства и насилія. Эта первая эмиграція, вполнѣ политическая и феодальная, самый нелѣпый и роковой анахронизмъ во Франціи 1789 г., повела къ послѣдствіямъ безконечно болѣе важнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая въ соображеніе неспособность ея вождей и тщеславіе, руководившее ихъ намѣреніями. Никакое событіе не было столь бѣдственнымъ для монархіи и не имѣло болѣе гибельнаго вліянія на развитіе революціи.

Король безъ воли, бездарные и безхарактерные министры, правительство въ бѣдственномъ положеніи, раздоры въ судебной средѣ; запуганные администраторы, нерѣшительные офицеры, отбившіеся отъ дисциплины солдаты, дворянство, ревниво оберегающее свои привилегіи и неспособное ихъ удержать за собою; честолюбивая буржуазія, нападающая на власть лишь для того, чтобъ присвоить ее себѣ; безпорядки въ городахъ, тревога въ деревняхъ, бѣдность повсюду, возмущенія, бунты, разбои,—вотъ картина Франціи уже за нѣсколько лѣтъ до собранія Штатовъ. Послѣднее только ускорило кризисъ. Тѣмъ не менѣе этотъ кризисъ, даже въ его страшныхъ размѣрахъ, представлялъ лишь обычныя условія и обыкновенныя послѣдствія революцій. Новизна состояла не въ этомъ.

Особый оттѣнокъ, отмѣчающій французскую революцію, съ самаго ея начала, происходитъ отъ безконечнаго контраста, обнаруженнаго ею между слабостью правительства, ею выбраннаго, и мощью идей, которыя она вноситъ въ міръ. Это Собраніе, которое не умѣло управлять ни Франціей, ни собой, и существованіе котораго зависѣло отъ дерзости нѣсколькихъ бунтовщиковъ, работало для будущаго среди неизвѣстностей настоящаго и кидало въ зыбучіе пески неразрушимые устои. Анархія, не имъ созданная, но имъ увеличенная неосновательными мѣрами, слишкомъ скоро скрыла отъ глазъ современниковъ плодотворность реформъ, которыя могли принести всѣ свои плоды лишь въ времена, менѣе смутныя. Собраніе только отдавало себѣ простую справедливость, когда въ 1790 оно отвѣчало своимъ клеветникамъ яснымъ изложеніемъ дѣла, совершеннаго имъ менѣе, чѣмъ въ восемь мѣсяцевъ [7]).

«Притворялись незнающими, что́ сдѣлало Національное собраніе; мы вамъ это напомнимъ. Права человѣка не признавались, они были возстановлены. Народъ утратилъ право опредѣлять законы и налоги, это право было ему возвращено. Безчисленныя привилегіи составляли все наше общественное право, онѣ уничтожены. Угнетающій феодализмъ царилъ повсюду во Франціи—онъ исчезъ безвозвратно. Вы желали уничтоженія подкупности должностей, это исполнено. Финансы требовали гро-

---

[7]) Прокламація отъ 11 февраля 1790 г. подъ редакціей Таллейрана.

мадныхъ реформъ, мы работали надъ ними безъ отдыха... Вы чувствовали необходимость въ реформѣ, хотя бы временной, главнѣйшихъ недостатковъ уголовнаго кодекса, она была обнародована... Кодексъ гражданскихъ законовъ уничтожитъ всѣ эти неясные, сложные, противорѣчивые законы... Собраніе завершило трудное дѣло дѣленія королевства, которое одно могло стереть послѣдніе слѣды старыхъ предразсудковъ, замѣнить узкій себялюбивый патріотизмъ истинною любовью къ отчизнѣ... Мы закончимъ наши работы составленіемъ уложенія народнаго обученія и воспитанія, которое поставитъ конституцію подъ охрану грядущихъ поколѣній. Вотъ наши труды, французы, или, скорѣе, ваши труды... Какое почетное наслѣдство оставите вы вашему потомству! Возвыситься до званія гражданина... имѣть доступъ ко всѣмъ должностямъ... такъ какъ все дѣлается черезъ васъ и для васъ; быть равнымъ передъ закономъ, свободнымъ дѣйствовать, говорить, писать, отдавая отчетъ не людямъ, а всегда общественной волѣ: какое положеніе можетъ быть прекраснѣе! Найдется ли хоть одинъ гражданинъ, достойный этого имени, который дерзнулъ бы подобрать окружающіе насъ обломки, чтобы видѣть въ нихъ цѣлое зданіе?»

Въ исторіи не найдется другого примѣра такихъ глубокихъ реформъ, основанныхъ на болѣе великодушныхъ мотивахъ, исполненныхъ съ такимъ величіемъ. Для огромнаго большинства въ этомъ заключалась вся революція. Подъ этой формой она стала по преимуществу національнымъ дѣломъ французовъ. Она освобождала людей и имущества; она происходила ради французской земли и ея обитателей, она крѣпче привязывала гражданъ къ почвѣ своей страны; она сдѣлала общественнымъ и популярнымъ то великое понятіе о родинѣ, которое вѣками складывалось въ сердцахъ. Въ этомъ отношеніи революція освятила дѣло монархіи. Разсказываютъ, что при своемъ возвращеніи изъ Италіи, въ 1797 г., Бонапарте сказалъ Сійесу: «Я создалъ *великую* націю». На что Сійесъ ему отвѣчалъ: «Да, но еще ранѣе мы создали самую націю». Тотъ и другой хвастались, приписывая себѣ заслугу исторіи, которая была истинною подготовительницею совершеннаго. Патріотическій характеръ знаменитыхъ декретовъ 1789 г. составлялъ ихъ внутреннюю силу и крѣпость.

Они были вполнѣ національными, французскими; тѣмъ не менѣе источники, изъ которыхъ они проистекали, исчезли слишкомъ много лѣтъ тому назадъ. Если и можно было прослѣдить до нѣкоторой степени происхожденіе идей, которыя теперь находили себѣ наконецъ примѣненіе, то скрытая связь ихъ въ послѣдовательности временъ ускользала отъ вниманія современниковъ [8]). Въ сборникахъ королевскихъ приказовъ они не

[8]) Viollet. *Précis de l'histoire du droit français*. Paris. 1884—1886. Осо-

нашли ни одного принципа, съ которымъ можно было бы связать вводимые законы. Документами, подтверждающими права королей, были завалены архивы; народъ же утратилъ свои. Однако, для такой великой реформы государства и общества, необходимо было какое-нибудь правовое основаніе. За неимѣніемъ правъ историческихъ, оперлись на права метафизическія и, не имѣя возможности провозгласить права французовъ, Собраніе провозгласило права отвлеченнаго человѣка и гражданина міра. Впрочемъ, таково было въ этомъ вѣкѣ направленіе человѣческаго духа и, въ частности,—духа французскаго, явившагося однимъ изъ главныхъ мотивовъ интеллектуальнаго преобладанія Франціи надъ Европой [9]).

Члены Учредительнаго собранія издавали свои законы для человѣчества, подобно тому, какъ ихъ учители-философы писали свои книги для человѣчества. Они гордились этимъ и прославляли тѣмъ свою родину [10]). Они вѣрили во всемогущество идей, въ очевидность справедливости и въ добрыя свойства человѣческой природы. Они хотѣли блага сознательно и со всею искренностью души; они съ энтузіазмомъ трудились надъ этимъ; это и придало тотъ несравненный блескъ, которымъ сіяли первыя времена революціи, несмотря на ошибки въ веденіи дѣлъ и въ управленіи страною [11]). Кажется, что Франція возвѣщаетъ вселенной земное евангеліе, что она готовится основать религію права и счастья среди людей. «Революція, которая совершается у насъ, чревата судьбами міра», говоритъ самый краснорѣчивый и самый чистый изъ свидѣтелей этого энтузіазма [12]). «Взоры окружающихъ насъ народовъ устремлены на насъ: они ждутъ исхода нашей внутренней борьбы съ корыстнымъ нетерпѣніемъ, съ безпокойнымъ любопытствомъ; можно сказать, что въ настоящій моментъ человѣческій родъ производитъ великіе опыты надъ нашими головами. Если намъ удастся, судьба Европы измѣнится: человѣку возвращены будутъ его права; народу вернется его главенство; короли, пораженные успѣхомъ нашихъ трудовъ и увлеченные примѣромъ короля французовъ, примирятся съ народами, которыми будутъ призваны управлять; а, можетъ быть, наученные нами, болѣе насъ счастливые народы достигнутъ справедливой и свободной конституціи, не переживая тѣхъ треволненій и бѣдствій, ко-

---

бенно главы, относящіяся до уничтоженія привилегій, стр. 224—228, и феодальныхъ правъ, стр. 279, 609—641.

[9]) См. т. I.

[10]) Донесеніе Мирабо о декларацiи человѣческихъ правъ, 17 августа 1789.

[11]) См. Tocueville, *Mélanges*, p. 143. Chapitres inédits: *Comment au moment où l'on allait se réunir en Assemblée nationale, les esprits s'aggrandirent tout-à-coup et les âmes s'élevèrent.*

[12]) André Chénier. *Oeuvres en prose.* Paris. 1872. *Avis aux francais*, 28 Août 1790.

торыя привели насъ къ этому первѣйшему изъ благъ. Тогда свобода распространится повсюду, и имя Франціи будетъ навсегда благословенно на землѣ».

Французы были искренни, говоря такимъ языкомъ; Европа имъ повѣрила. Если они заблуждались, желая работать для всего міра, то цивилизованное человѣчество раздѣляло ихъ иллюзіи и ихъ надежды. Европа XVIII вѣка создала себѣ идеалъ добродѣтели, свободы, справедливости; французская революція, казалось, его осуществила. Всемірный характеръ принциповъ этой революціи и отвлеченное свойство ея формулъ дѣлали ее доступной всѣмъ европейцамъ и обусловливали ея распространеніе. Каждый народъ могъ отождествлять эти принципы съ своими собственными стремленіями. Отсюда произошелъ тотъ мощный откликъ, какой встрѣтили первыя декларацiи Собранія во всей Европѣ.

II.

Европейскіе мыслители того времени поняли, что революція, происходившая во Франціи, совершалась для народовъ всего міра и что наступаетъ царство самихъ народовъ [1]). Какъ во Франціи, такъ и повсюду, во взятіи Бастиліи видѣли символъ паденія стараго режима. Англійскій посланникъ заканчиваетъ сообщеніе объ этомъ своему правительству слѣдующими словами: «Такъ совершилась величайшая изъ революцій, память о которыхъ сохранилась въ исторіи, и, относительно говоря, принимая въ соображеніе важность результатовъ, она стоила мало крови. Съ этого момента мы можемъ считать Францію страною свободною, власть короля ограниченною, дворянство—низведеннымъ на одинъ уровень съ остальными сословіями» [2]). Историкъ Швейцаріи, Жанъ Мюллеръ, бывшій въ то время тайнымъ совѣтникомъ курфирста майнцскаго, называетъ эту побѣду народа «прекраснѣйшимъ изъ дней послѣ паденія Римской имперіи». Нѣмецъ Меркъ, считавшій себя великимъ критикомъ, плакалъ отъ радости, видя, что въ этой истинно шекспировской драмѣ полагается «первый

[1]) Въ массѣ мемуаровъ, оставленныхъ намъ современниками, говоритъ Токвилль, я не встрѣтилъ ни одного, въ которомъ зрѣлище этихъ первыхъ дней 1789 г. не оставило бы неизгладимаго слѣда. Вездѣ оно сообщаетъ ясность, живость, свѣжесть, волненія молодости». *Mélanges*: les chapitres inédits de l'Ancien Régime, ch. VII. «Какая-то свѣтлая радость охватила наиболѣе многочисленныя сословія общества, при видѣ этой революціи, которая низвергла старинное правительство Франціи,—пишетъ одинъ женевецъ; какое-то общее броженіе, опьяненіе надеждами...»

[2]) Донесеніе герцога Дорсетъ отъ 16 іюля 1789 г. Flammermont, *Relations inédites de la prise de la Bastille*. Paris. 1885, p. 20.

камень для счастія человѣчества». Въ Петербургѣ «французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы поздравляли другъ друга на улицахъ, обнимались, какъ будто съ нихъ сняли давившую ихъ тяжелую цѣпь». [3]).

Въ теченіе всего 1789 года въ Германіи раздаются восклицанія радости и восторга [4]). Мыслителямъ казалось, что во французской революціи они нашли осуществленіе того отвлеченнаго идеала, за которымъ они гнались по слѣдамъ Пуфендорфа и Вольфа.

Благодаря Руссо, этотъ идеалъ сдѣлался популярнымъ вездѣ, гдѣ встрѣчались любознательные умы, пламенныя души, чувствительное воображеніе. Буржуа восторженно удивляются торжеству средняго сословія и робко желаютъ того же. Просвѣщенное дворянство кокетничаетъ съ революціей, какъ кокетничало съ философіей. Весь литературный міръ привѣтствуетъ начало свободы, царство равенства людей, конецъ злоупотребленіямъ и паденіе предразсудковъ стараго міра. Публицистъ Шлё-

---

[3]) Ségur. *Mémoires*, t. III.—«Мнѣ было 16 лѣтъ,—разсказываетъ одинъ датчанинъ,—когда отецъ мой пришелъ домой (въ Копенгагенѣ) внѣ себя; онъ призываетъ своихъ сыновей:—какъ вы достойны зависти! восклицаетъ онъ, какіе счастливые и блестящіе дни васъ ждутъ впереди! Теперь вы сами будете виноваты, если не создадите себѣ независимаго положенія. Всѣ преграды происхожденія и бѣдности рушатся; отнынѣ послѣдній изъ васъ получитъ возможность бороться противъ самаго сильнаго равнымъ оружіемъ и на одинаковой почвѣ!—и, не имѣя силъ продолжать отъ глубокаго волненія, онъ зарыдалъ... Потомъ, успокоившись, онъ разсказалъ намъ про взятіе Бастиліи и освобожденіе жертвъ деспотизма... Революція начиналась не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Она пустила корни въ милліонахъ душъ: эти первыя минуты радости, за которыми послѣдовало такое ужасное паденіе, имѣли въ себѣ что-то чистое и святое, которое никогда не забудется. Безконечная надежда охватила мою душу». Steffens, *Was ich erlebte*. Breslau. 1840—44, t. I, p. 362, cité par *Tocqueville*, *Mélanges*, p. 173.—Анна Соймонова, будущая Свѣчина, устроила въ своей комнатѣ иллюминацію въ честь 14 іюля; это было наивное выраженіе чувствъ, господствовавшихъ среди «просвѣщенныхъ русскихъ», въ средѣ которыхъ она воспитывалась. Pingaud. *Les français en Russie*. Paris. 1885, p. 165.

[4]) Haeusser, *Deutsche Geschichte*, 4 ed. Berlin 1869, t. I. liv. II. ch. II.—Biedermann, *Deutschland im achtzehnten Jahrhundert*. Leipzig 1880. 2 partie, 3 section, p. 1189—1223.—Perthes, *Politische Zustaende*, 2 ed. Gotha 1862.—Treitschke *Deutsche Geschichte*. Leipzig. 1882, t. I, p. 115.—Hettner, *Literatur-Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts*. Brunswick. 1879. III partie. 2 livre, 3 section: *L'Idéal de l'Humanité*.—Wohlvill, *Weltbuergerthum und Vaterlandsliebe der Schwaben* 1789—1815. Hambourg 1875.—Venedey. *Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik*. Leipzig 1870.—Philippson, *Geschichte des preussischen Staatswesens*, Leipzig 1882, t. II, p. 12—Rambaud. *Les français sur le Rhin*, Paris 1873.—Bossert, *Goethe*. 2 vol. Paris 1882.

церъ, не особенно восторгавшійся американской революціей, восхваляетъ французскую. «Одинъ изъ величайшихъ народовъ на землѣ рѣшительно сбросилъ гнетъ тираніи; несомнѣнно, что это заставило самихъ ангеловъ возликовать на небѣ». [5]) Будущій корифей германской революціи, путешественникъ и натуралистъ Георгъ Форстеръ, библіотекарь въ Майнцѣ, приходитъ въ восторгъ, слушая разсказъ о ночи на 4 августа [6]). Гентцъ, стяжавшій впослѣдствіи извѣстность своей страстной ненавистью къ Франціи и революціи, начинаетъ свое поприще апологіей Учредительнаго собранія. [7]) Кантъ восторгается торжествомъ разума. Вильгельмъ Гумбольдтъ и Кампе [8]) отправляются во Францію, чтобы подышать воздухомъ свободы и присутствовать при похоронахъ деспотизма. Варнгагенъ фонъ-Энзе разсказываетъ, что его сестра наряжалась въ трехцвѣтный шарфъ, и что его отецъ отправился въ Страсбургъ, чтобы принести гражданскую клятву и служить въ національной гвардіи [9]). Опальная и устраненная отъ дѣлъ со времени новаго царствованія, группа «друзей просвѣщенія» въ Берлинѣ оживаетъ подъ вліяніемъ радостныхъ вѣстей. Свѣтскія дамы на прогулкахъ украшаютъ свой костюмъ французской кокардой.

Поэты соперничаютъ въ дифирамбахъ. «Зачѣмъ нѣтъ у меня ста голосовъ, чтобы воспѣвать французскую свободу!» восклицаетъ Клопштокъ [10]). Онъ задаетъ тонъ, и хоръ лириковъ ему отвѣчаетъ. [11]) Странная вещь:

---

[5]) *Staatsanzeigen*, t. XIII. Goettingue 1789.

[6]) Его письма къ тестю Гейне, отъ 15 августа 1789, и къ Жану Мюллеру, отъ 18 іюля 1789. *Werke*. Leipzig 1843, t. VIII, p. 85 и 120.

[7]) Статья эта напечатана въ 1790 въ *Bibliotèque universelle allemande* Biester'a, основанной Николаи, гдѣ уже раньше появилось нѣсколько статей, благопріятныхъ принципамъ революціи. *Berliner Monatsschrift* 1790, t. I, p. 370, цитируемый Biedermann'омъ, стр. 1202.

[8]) Кампе, «нѣмецкій Беркенъ», напечаталъ въ 1790 *Lettres écrites de Paris pendant la révolution*.

[9]) Когда я его увидѣлъ впервые въ мундирѣ, то почувствовалъ, какъ мое сердце забилось отъ радости. Мнѣ казалось, что отнынѣ мы неразрывно связаны съ нашей новой родиной. Я съ гордостью созерцалъ въ нашемъ отцѣ защитника той свободы, которую всѣ окружающіе прославляли какъ высшее благо и говорили, что нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ умереть ради ея защиты. *Французскій народъ, свобода, равенство*—что это были тогда за сладкія и гордыя слова!—*Denkwuerdigkeiten*, Leipzig 1843, t. I, p. 38.

[10]) *Revolutionsoden*: *Die Etats géneraux* 1789; *Ludwig der Sechzehnte* 1789, *à Cramer, le Franc*, 1790. — Nieweyr, *Klopstocks Revolutionsoden*, въ Archiv für die neueren Sprachen, t. XXII. 1857.

[11]) Штольбергъ славитъ взятіе Бастиліи «какъ роскошную зарю свободы»; Бюргеръ хвалитъ геній галловъ: *Gebet der Weihe*, 1790. Фоссъ сочиняетъ въ 1792 на мотивъ «марсельезы пѣснь нео-франковъ въ честь закона и короля»; надо ли прибавить, что Евлогій Шнейдеръ, бывшій тогда профессоромъ въ Боннѣ,

эти страстные поклонники революціи 1789 встрѣчаются преимущественно среди «патріотовъ» Германіи, тѣхъ, которые вызываютъ призракъ ея минувшей славы, пророчатъ ея грядущее могущество; это обстоятельство уже позволяетъ различить зародышъ той неожиданной реакціи революціоннаго духа на нѣмецкій геній. Клопштокъ, авторъ пѣсенъ въ честь Арминія, переходитъ отъ восхищенія воинами херусками и средневѣковыми героями къ восхищенію франкскими законодателями [12]). Ему казалось, что въ цѣломъ мірѣ не было ничего величавѣе германской имперской короны; побѣду Фридриха надъ его союзными соперниками онъ считалъ главнымъ событіемъ вѣка. Блескъ рождающейся свободы внезапно ослѣпилъ его. Онъ, который ранѣе отклонялъ своихъ соотечественниковъ отъ копированія французовъ, теперь приглашаетъ ихъ подражать «нео-франкамъ». Швабскій поэтъ Шубартъ, духовидецъ и провозвѣстникъ единой и побѣдоносной Германіи [13]), проведшій десять лѣтъ въ заточеніи за свои возмутительныя сочиненія, выходитъ изъ темницы въ 1787 и посвящаетъ свою «хронику» пропагандѣ французскихъ идей. Онъ стыдитъ нѣмцевъ за то, что они съ похвальбою называютъ себя «лучшими подданными въ свѣтѣ». Онъ пророчитъ, что Европа подвергнется всеобщему разложенію и преобразованію. Этотъ яростный патріотъ, который не могъ говорить безъ гнѣва и горечи о провинціяхъ, утраченныхъ имперіей, находитъ отнынѣ присоединеніе Эльзаса къ Франціи вполнѣ законнымъ. «Сдѣлаться французомъ такимъ способомъ,—пишетъ онъ въ августѣ 1789 года—есть величайшее торжество для германца, который мечтаетъ о свободѣ, между тѣмъ какъ позади него свищетъ бичъ деспота!» Но не ошибитесь; въ этихъ словахъ больше ироніи, чѣмъ искренняго порыва, и въ сущности швабскаго писателя французская революція привлекаетъ только тѣмъ, что онъ видитъ въ ней наступленіе тѣхъ временъ, которыя онъ предчувствуетъ: когда свободная Германія сдѣлается центромъ европейскихъ силъ и высокимъ ареопагомъ, рѣшающимъ распри всѣхъ народовъ [14]).

однажды началъ свою лекцію одой въ честь взятія Бастиліи? «Французъ сдѣлался свободнымъ человѣкомъ, королевство—отечествомъ».

[12]) Напримѣръ его ода: *Kennt euch selbst*, 1789. *Sie und wir nicht*! 1790.

[13]) Въ сентябрѣ 1774 въ своей *Нѣмецкой хроникѣ* онъ описываетъ свой сонъ: «Львы пробуждаются, они слышатъ крикъ орла, взмахъ его крыльевъ и его боевой кличъ. Они вырываютъ изъ рукъ чужеземца отторгнутыя, Растерзанныя земли, и снова ихъ тучныя пастбища и холмы, покрытые виноградниками,—наши. На нихъ будетъ выситься германская императорская корона и покроетъ своей грозной тѣнью провинціи своихъ сосѣдей... Останемся дружными, какъ теперь, и сдѣлаемся скоро первой націей въ свѣтѣ». Wohlwill, p. 19.

[14]) *Chronique allemande*, juillet 1788, Wohlwill, p. 19—21. См. Biedermann, p. 1195.

Великіе міровые писатели удивляются, молчатъ или тревожно отворачиваются. Изъ писателей, жившихъ въ Веймарѣ, самые старые и наиболѣе проникнутые идеями XVIII вѣка, какъ напр. Виландъ [15]) и Гердеръ, выказываютъ болѣе сочувствія, чѣмъ молодые—Шиллеръ и въ особенности Гёте. Шиллеръ занимался исторіей и эстетикой: исторія освобождала его отъ вліянія Руссо; эстетика заставляла отворачиваться отъ зрѣлища парижскихъ безпорядковъ. Онъ мечталъ вызвысить человѣчество до понятія о справедливости посредствомъ пониманія прекраснаго и въ этотъ идеалъ справедливости влагалъ принципъ свободы. Онъ находилъ, что вѣкъ еще не созрѣлъ для разума, Франція—для равенства, а Германія—для революціи. Онъ пытался, не безъ головокруженія, парить надъ этимъ мрачнымъ и бушующимъ океаномъ человѣчества [16]). Гёте почти враждебенъ: онъ только-что вернулся изъ Италіи и весь отдался изученію метаморфозы растеній и теоріи цвѣта. Эти занятія еще усиливаютъ его природное отвращеніе отъ рѣзкихъ перемѣнъ. Не потому, чтобы онъ очень дорожилъ старымъ порядкомъ вещей и составлялъ себѣ иллюзіи о достоинствѣ стараго режима; Гёте—слишкомъ человѣкъ, слишкомъ великій человѣкъ, слишкомъ человѣкъ своего времени, чтобы заблуждаться насчетъ хода событій и условій, необходимыхъ для развитія новѣйшихъ обществъ, но онъ осуждаетъ французскую революцію потому, что она дѣйствуетъ торопливо, указами и формулами, природа дѣйствуетъ иначе. Туманность декларацій ему кажется противной, демократическій фанатизмъ его бѣситъ; онъ не вѣритъ ни въ прогрессъ, который идетъ снизу, ни въ политическое призваніе низшихъ классовъ. Онъ видитъ въ революціи какую-то чудовищную грозу, которая смущаетъ тишину прекраснаго лѣта новой мысли, подобно тому, какъ Реформація смутила прекрасную весну, наступившую послѣ Возрожденія. Кромѣ того, истинный характеръ событія долго ускользалъ отъ Гёте, и первыя сужденія его о нихъ носятъ ребяческій характеръ [17]).

Позднѣе и въ виду совершившихся фактовъ, ему угодно было думать, что онъ съ самаго начала вполнѣ постигъ ихъ важность и значеніе. Дѣло въ томъ, что тогда онъ ихъ обсуждалъ въ качествѣ философа и въ нѣсколькихъ строфахъ несравненной поэмы резюмировалъ впечатлѣ-

---

[15]) Довольно скептически относясь къ статьѣ *О правахъ человѣка*, Виландъ совсѣмъ по-философски снисходительно смотрѣлъ на мѣры, принимаемыя противъ духовенства. Насилія революціи скоро оттолкнули его, и онъ сдѣлался ея противникомъ и порицателемъ. См. Biedermann. 1195, 1201.

[16]) Hettner, p. 145—146.—Bossert, t. II, p. 206.—Rieger. *Schillers Verhaeltniss zur franzæsischen Revolution.*

[17]) *Der Gross-Cophta*, 1791.—*Der Bürgergeneral*, 1793.

ніе, которое испытало большинство его соотечественниковъ. Это-то впечатлѣніе и должна записать исторія [18]).

Изъ того, что о революціи говорили только восторженные почитатели ея, не должно заключать, что восхищеніе ею было единодушно. Оно уменьшалось по мѣрѣ увеличенія совершаемыхъ ею насилій. Тогда критики стали смѣлѣе и мало-по-малу, особенно съ лѣта 1791, энтузіазмъ сталъ слабѣть, симпатія падать, порицаніе расти, и нерѣдко въ душѣ тѣхъ же самыхъ людей разочарованіе, антипатія и ненависть замѣняли довѣріе и первоначальное восхищеніе. Но въ 1789 были еще далеки отъ этого поворота во взглядахъ [19]). Восторженное удивленіе преобладаетъ и жакеріи, извѣстія о которыхъ еще очень смягчались газетами, являлись въ глазахъ просвѣщенныхъ европейцевъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ вообще переворотовъ [20]).

Съ поэтическими свидѣтельствами Гёте и Клопштока можно сравнить знаменитую оду Вордсворта: *Французская революція, какою она явилась энтузіастамъ при ея началѣ.*

«Чудный взрывъ упованія и радости! Жить во время этой зари было счастьемъ; быть молодымъ — это было самимъ небомъ». Но у англичанъ этотъ энтузіазмъ былъ сентиментальнымъ и литературнымъ энтузіазмомъ. Революція, вызвавшая страстныя пренія въ парламентѣ и политическомъ мірѣ, не могла произвести глубокаго впечатлѣнія на народъ. Она не казалась ему ни очень новой, ни очень соблазнительной. Англичане полагали, что въ дѣлѣ свободы они устроились лучше и притомъ съ давнихъ поръ. Тѣмъ не менѣе приверженцы избирательной реформы и демократы

---

[18]) *Hermann und Dorothea.* Klio, 1796—1797. — *Wahrheit und Dichtung.* IV ч., кн. XVII.—Eckermann. *Gespraeche*, 1836—1848.—Hettner, p. 101.—Biedermann, p. 953—1211.—Bossert, t. II, p. 231.

[19]) Они уже проявляются въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Das neuste aus Frankreich Staatsanzeigen*, t. XIV, 1790, p. 49.

[20]) Форстеръ пишетъ Гейне, отъ 30 іюля 1779. «Еще не бывало революціи, которая была бы такъ глубока и стоила бы такъ мало крови и такъ мало бѣдствій». Жанъ Мюллеръ говорилъ: «Гроза, которая очищаетъ воздухъ, хотя и убиваетъ нѣсколькихъ несчастливцевъ, лучше чѣмъ чума, которая его отравляетъ, и свобода, купленная цѣною нѣсколькихъ преступныхъ головъ, не слишкомъ дорого заплачена». Это же мнѣніе раздѣляетъ и Шлёцеръ: «Гдѣ видали революцію безъ насилій! восклицаетъ онъ. Развѣ лѣчатъ язвы розовой водой? Если есть пролитая кровь, пусть она падетъ на васъ, деспоты, и на вашихъ безчестныхъ соучастниковъ. Вы сдѣлали эту революцію необходимой».—Forster. *Werke*, t. VIII, p. 85, t. III, p. 267, t. IX, p. 64.—Philippson t. II, p. 14.—Hettner, p. 362.—Biedermann, p. 1196.—Энтузіазмъ, возбужденный величіемъ предмета становился почти не чувствительнымъ къ безпорядкамъ, къ которымъ относились, какъ къ несчастнымъ случайностямъ во время народнаго торжества.—Dumont. *Souvenirs*, ch. VII.

получили нравственную поддержку въ своихъ требованіяхъ. Они рукоплескали и волновались; *Общество революціи*, основанное въ память событій 1688, вотировало 4-го ноября 1789, подъ предсѣдательствомъ лорда Стэнгопа, поздравительный адресъ Національному собранію.

Не могу обойти молчаніемъ впечатлѣнія и молодой русской аристократіи. Въ петербургскихъ и московскихъ дворцахъ, равно какъ и при маленькихъ дворахъ и замкахъ Германіи, одно время любили разсуждать о злоупотребленіяхъ феодальнаго режима и о благахъ свободы. Къ этому примѣшивалось великосвѣтское фрондированіе и мода на философію. Самые смѣлые втихомолку говорили объ учрежденіи палаты господъ и составляли туманные планы объ аристократической свободѣ, на манеръ поляковъ. Эти безсильныя стремленія, чисто партійныя и очень скромныя, не переступали предѣловъ общественнаго развлеченія и болтовни хорошаго тона. Этотъ тонъ измѣнился, какъ только обнаружился рѣзко демократическій характеръ революціи [21]).

Напротивъ того въ Италіи, и преимущественно въ сѣверной, наблюдаются движенія, сходныя съ тѣми, которыя происходятъ въ Германіи. Петръ Верри говоритъ о свѣтѣ, сіяющемъ его родинѣ изъ Парижа. Пиндемонте сочиняетъ въ честь реформъ поэму *La Francia* [22]). Но вслѣдъ за этими доказательствами сочувствія, чисто моральнаго свойства, въ Италіи и Германіи вскорѣ послѣдовали внѣшнія волненія очень практическаго и въ то же время очень грубаго характера. Мыслители и поэты прославляли красоту принциповъ, крестьяне требовали выгодныхъ для себя реформъ.

Въ сосѣднихъ съ Франціею странахъ, гдѣ нравы и соціальное положеніе очень сходны, за дифирамбами и деклараціями принциповъ слѣдуютъ также, какъ и во Франціи, народныя возстанія съ требованіями реформъ: народъ по-своему переводитъ на факты аксіомы естественнаго права. Въ Пьемонтѣ, и преимущественно въ Савойѣ, онъ протестуетъ противъ привилегій дворянства. Вездѣ вспыхиваютъ возстанія, наклеиваются объявленія со словами: «Вспомните крикъ, который въ Парижѣ значитъ больше, чѣмъ десять тысячъ людей: на фонарь!» Одинъ дворянинъ не позволилъ процессіи пройти по своей землѣ: «Мы—третье сословіе,—восклицаетъ одинъ крестьянинъ,—и если дворяне не будутъ сидѣть смирно, мы сожжемъ ихъ замки».

Считая желанныя перемѣны какъ бы совершившимися, савойцы отказываются уплачивать оброки. Власть пытается сопротивляться; толпа ста-

---

[21]) Pingaud. *Les Français en Russie*, p. 165.

[22]) Franchetti. *Storia d'Italia.* Ch. II. *Primi effetti della Rivoluzione francese*, p. 48. *Note sur les littérateurs*, p. 41.

новится въ оборонительное положеніе, и власть уступаетъ. Въ Каружѣ, въ 1789 г. бунтовщики грозятъ повѣсить интенданта, который спасается бѣгствомъ. Въ Шамбери, губернаторъ передаетъ свою власть въ руки городского совѣта [23]).

Въ 1790 г. начались возмущенія въ Ливорно, Пистойѣ, Флоренціи. Французскій посланникъ въ Римѣ, Берни, пишетъ по этому поводу [24]): «Регентство исполнило всѣ требованія народа и, несмотря на это, спокойствіе не возстановилось въ этомъ великомъ герцогствѣ. Королю Леопольду [25]) будетъ прискорбно видѣть, какъ въ одну минуту пала та администрація, надъ которой онъ безъ отдыха трудился въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Болѣзнь, терзающая Францію, становится заразительной, и эта зараза будетъ усиливаться, если европейскіе государи не позаботятся поставить преграды ея возрастанію».

Въ Германіи, въ особенности на лѣвомъ берегу Рейна, во владѣніяхъ, непосредственно принадлежащихъ дворянству, и въ особенности на церковныхъ территоріяхъ, волненіе быстро распространяется. Газеты даютъ очень скудныя извѣстія, но достаточно прочесть декреты, они не нуждаются въ комментаріяхъ.

«Нѣтъ вооруженнаго сопротивленія,—говоритъ одинъ современникъ;—но есть недовольство, раздаются громкія жалобы; какой-то высокомѣрный тонъ замѣнилъ обычныя субординацію и повиновеніе». Ходятъ по рукамъ листки, на которыхъ написано: «Мы желаемъ освободиться отъ ига монаховъ!» Послѣднихъ даже выгоняютъ изъ многихъ монастырей. Безпорядки проявились въ Монбельярѣ, гдѣ сосѣдство Франціи разгорячаетъ головы, въ Кельнѣ, Трирѣ и Шпейерѣ. Граждане имперскихъ городовъ вспоминаютъ свои старинныя льготы [26]). Впрочемъ, это лишь поверхностное броженіе; самые пламенные корифеи французской революціи не считали ея распространеніе возможнымъ, даже желательнымъ въ имперскихъ владѣніяхъ [27]).

---

[23]) Bianchi. *Storia della Monarchia piemontese*, t. I, ch. IX, § 2, 3. Rome. 1877.—Franchetti, ch. II, § 2.—Botta. *Histoire d'Italie*, liv. II. Paris. 1824.—Costa de Beauregard. *Un homme d'autrefois*. Paris. 1877.

[24]) Отъ 16 іюня 1790 г.

[25]) Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, сдѣлался съ 20 февраля 1790 г. королемъ Богеміи и Венгріи, вслѣдствіе смерти своего брата Іосифа II.

[26]) Haeusser, t. I, p. 272.—Treitschke, t. I, p. 118.—Venedey, p. 11.—Biedermann, p. 1195—1216.—Remling, *die Rhein Pfalz*, 1792—1797. Spire 1865, t I., p. 1, Introduction.

[27]) Письмо Форстера къ Жану Мюллеру 18 іюля 1790: «Я очень желалъ бы вѣрить, чтобы это распространилось, но мы въ Германіи еще не готовы». *Werke*, t. VIII p. 120.—Шубартъ думаетъ то же самое, сентября 1889, Wohlwill, p. 89.

Зато въ Люттихѣ произошла настоящая революція [28]). Старый демократическій духъ этой безпокойной провинціи внезапно проснулся. По поводу незначительнаго инцидента, недовольные сослались на обычаи, запрещавшіе епископу издавать указы безъ содѣйствія штатовъ. Епископъ отказался ихъ созвать. Жители Спа возстали и изгнали епископскій гарнизонъ. 18 іюля возстали въ свою очередь и жители Люттиха. Епископа ведутъ въ ратушу и принуждаютъ отмѣнить деспотическіе законы, господствовавшіе съ 1684. Вожди инсуррекціи овладѣваютъ властью и сзываютъ штаты. Епископъ бѣжитъ въ Триръ. Здѣсь очевидно вліяніе французской революціи; но волненія не имѣютъ того характера, какъ въ Пьемонтѣ и прирейнскихъ странахъ. Въ Люттихѣ существовала традиція свободы, память о которой еще не исчезла; между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, на Рейнѣ, въ Пьемонтѣ, гдѣ эти воспоминанія унесло время, населеніе видѣло въ революціи только гражданскія реформы и требовало лишь уничтоженія феодальныхъ правъ.

Народы, въ которыхъ вызвано стремленіе освободиться, стряхиваютъ наиболѣе тягостный для нихъ гнетъ, но этотъ гнетъ не для всѣхъ одинаковъ. Они подобны кораблямъ, которыхъ одинъ и тотъ же вѣтеръ гонитъ въ противоположныя стороны, смотря по тому, какъ поставлены паруса и въ которую сторону направленъ руль. Такимъ образомъ революція, уничтожающая старый порядокъ и стремящаяся создать, такъ сказать, сызнова и общество и государство, воскрешаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ тѣ самыя средневѣковыя традиціи, которыя ей желательно упразднить на вѣки. Мы видимъ это напримѣръ въ Люттихѣ, гдѣ мятежный народъ возстановилъ обычай, уничтоженный въ XVII вѣкѣ; то же увидимъ мы на болѣе обширной сценѣ и въ болѣе рѣзкихъ чертахъ въ Бельгіи.

Тамъ все созрѣло для революціи [29]). Реформы Іосифа II, его предпріятія противъ духовенства, нарушенія народныхъ хартій, обманчивыя уступки, за которыми слѣдовала еще болѣе деспотическая реакція, поддерживали раздраженіе, которое не переставало расти съ начала 1789. Взятіе Бастиліи разгорячило всѣ умы. «Частыя извѣстія изъ Парижа усиливали броженіе,—пишетъ одинъ австріецъ;—говорили вслухъ о томъ, чтобы слѣдовать тому же примѣру; хотѣли напугать, объявляя о своемъ намѣреніи рубить головы; паркъ, улицы и церкви были переполнены надписями: «*Здѣсь какъ въ Парижѣ*». Страсти проявляются въ тѣхъ же формахъ,

---

[28]) Juste. *Histoire du règne de Joseph II et de la révolution belge de* 1790, t. I, ch. VI, Bruxelles 1846. 2-ème ed. 1884.

[29]) См. т I, кн. I, гл. II. *Безпорядки и возмущенія.*—Borgnet, *Histoire des Belges*, Bruxelles 1884.—Juste *op. cit.*—Banke, *die deutschen Maechte und der Fürstenbund.* Leipzig 1871, ch. XXVI.

какъ во Франціи, но мотивъ, обусловливающій ихъ проявленіе, очень различенъ. Въ Бельгіи народъ поднимается, чтобы возстановить частью то, что разрушено въ Парижѣ: средневѣковый политическій режимъ и прерогативы духовенства.

Правительство Іосифа II вдохновляется идеями восемнадцатаго вѣка. Въ Бельгіи замѣчается то, что во Франціи назвали впослѣдствіи контрреволюціей, при чемъ бельгійцы гораздо болѣе походили на вандейцевъ, чѣмъ на побѣдителей Бастиліи.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, примѣръ французской революціи вызываетъ въ Ирландіи религіозную и чисто католическую агитацію; въ Венгріи—аристократическую, въ Польшѣ—монархическую. Въ дѣйствительности эти народы преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—свою національную самостоятельность: бельгійскіе патріоты видѣли ее въ возвращеніи вольностей, упраздненныхъ Іосифомъ II, ирландскіе—въ освобожденіи отъ законовъ, навязанныхъ еретической Англіей, венгерскіе—въ возстановленіи собранія штатовъ, что способствовало бы уменьшенію королевской власти, польскіе—въ укрѣпленіи этой самой власти, безсиліе которой дѣлало ихъ беззащитными жертвами заговоровъ партій и покушеній на ихъ самостоятельность со стороны чужеземцевъ.

Именно это разнообразіе первыхъ результатовъ французской революціи было причиной того, что всемірный характеръ ея ускользнулъ отъ глазъ современныхъ государственныхъ людей. Не понимая, что одна и та же причина даетъ столь различныя послѣдствія, они смотрѣли на французскую революцію и на всѣ безпорядки, сопровождавшіе ее въ Европѣ, «какъ на одну изъ тѣхъ періодическихъ болѣзней, которымъ подверженъ государственный организмъ всѣхъ народовъ, и которыя въ результатѣ открываютъ лишь новыя поприща для политики» [30]).

III.

Великія намѣренія Собранія пріобрѣли ему восторженное удивленіе народовъ; безсиліе правительства успокоило кабинеты. Послѣдній прецедентъ способствовалъ ихъ ложному сужденію о французскихъ дѣлахъ. По мнѣнію всѣхъ европейскихъ политиковъ 1789 года, американская революція была неудачна [1]). Имъ казалось, что республика Соединенныхъ Штатовъ лишена жизнеспособности и не имѣетъ будущаго; у ней не было финансовъ; конституція, вотированная въ 1787, представлялась утопіей; сла-

---

[30]) Tocqueville, *l'Ancien Régime*, liv. I ch. I.

[1]) Cornelis de Witt. *Washington*, ch. XII. Paris 1859.

бость, на которую повидимому было обречено правительство, приписывали его формѣ. Политическіе пророки предсказывали ту же участь Франціи, и американцы первые обратили противъ нея то поверхностное сужденіе, какое высказали о нихъ европейцы. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ во Франціи, Говернорь Моррисъ, съ первыхъ же дней предсказалъ банкротство французской революціи [2]).

Этотъ взглядъ раздѣляютъ шведы—графъ де Ферзенъ, роялистъ, очень любимый дворомъ, и посланникъ Густава III въ Парижѣ баронъ де Сталь [3]), зять Неккера, имѣвшій непосредственныя сношенія съ лучшими людьми Учредительнаго собранія. Они произносятъ смертный приговоръ Франціи въ одинаковыхъ выраженіяхъ. «По всѣмъ вѣроятіямъ,—пишетъ австрійскій посланникъ Мерси,—эта монархія надолго разрушена; союзъ съ нею не можетъ принести пользы и должно считать его даже опаснымъ... Франція губитъ сама себя» [4]). Такъ думалъ и Гриммъ, видѣвшій въ революціи лишь страшное изліяніе человѣческой глупости; онъ отвертывается отъ нея съ отвращеніемъ въ силу мнимой утонченности чувствъ, и, несмотря на весь свой умъ, не безъ злорадства нѣмецкаго барона, полномочнаго министра маленькаго князька, пришлеца во Франціи [5]).

Европейскія правительства замѣчаютъ лишь полное затменіе французскаго могущества и, смотря по тому дружески или враждебно относятся онѣ къ Франціи, нуждаются въ ней или боятся ее, они порицаютъ революцію или радуются ей.

---

[2]) *Mémorial et Correspondance.* Paris 1842. «Французская монархія слабѣе и ограниченнѣе всѣхъ европейскихъ монархій». 1-го іюля 1789 г. Черезъ годъ, посвященный наблюденіямъ, онъ повторяетъ то же самое и приходитъ къ такому выводу: «Эта несчастная страна представляетъ въ нравственномъ отношеніи полнѣйшій упадокъ. Чѣмъ это кончится? Одно только очевидно: на этотъ разъ по крайней мѣрѣ революція потерпѣла неудачу». 24 января 1790 г.

[3]) Сталь пишетъ отъ 3 августа 1789 г.: «Надо считать эту державу, если даже она когда-нибудь оправится отъ переживаемаго ею ужаснаго кризиса, какъ бы вычеркнутою изъ списка европейскихъ государствъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе многихъ лѣтъ». Ферзенъ пишетъ 15 августа 1789 г.: «Франція разорена на долго». *Correspondance diplomatique de baron de Staël*, publiée par Léouzon le Duc. Paris 1881.—*Le comte de Fersen et la cour de France*, par le baron de Klinckowström. Paris 1877.

[4]) Донесенія де Мерси отъ 17 августа и 18 ноября 1789, изданныя Вертеймеромъ, *Revue Historique*, t. XXV, p. 331—332.

[5]) «Франція погибла безвозвратно. Анархія такъ велика, что она не можетъ долго просуществовать». *Письма Гримма къ Екатеринѣ II*, изданныя Гротомъ. Петербургъ 1885, стр. 368. Письмо отъ 17 августа 1790.—*Melchior Grimm* par Edmond Scherer. Paris 1886.

Испанія чувствуетъ себя во власти Англіи; она не можетъ болѣе разсчитывать на Семейный Договоръ. Мадридскій дворъ негодуетъ на слабость Людовика XVI. «Я предпочелъ бы умереть во главѣ своихъ войскъ, чѣмъ покинуть такимъ образомъ мою корону», восклицаетъ Карлъ IV, узнавши объ Октябрьскихъ дняхъ.» Онъ упрекаетъ Людовика въ томъ, что онъ забылъ, что онъ король; онъ его понуждаетъ къ сопротивленію и желалъ бы, чтобъ Европа его поддержала. «Все-таки король долженъ показать себя достойнымъ такой поддержки,—говорилъ министръ Флорида-Бланка французскому посланнику,—было бы такъ же безразсудно какъ и невозможно сдѣлать его государемъ противъ его воли». Во всякомъ случаѣ, Испанія не въ силахъ ему помочь; она сокрушается, она раздражается, она порицаетъ, но дальше критики и безплодныхъ пожеланій она не можетъ идти [6]).

Сужденія вѣнскаго двора болѣе сложны. Повидимому революція никого не касается такъ близко, какъ Іосифа II. Занятый на Востокѣ, онъ лишался союзника, который одинъ могъ защитить его противъ вооруженнаго вмѣшательства Пруссіи и Англіи [7]).

Союзникъ этотъ не только парализованъ, но и самый союзъ съ нимъ скомпрометированъ. Партія, торжествующая во Франціи, является непримиримымъ противникомъ такого союза: все показываетъ, что эта партія постарается войти въ соглашеніе съ нидерландскими мятежниками. Наконецъ, королева Франціи—родная сестра императора. Но послѣдній не смущается. Онъ съ презрительнымъ равнодушіемъ относится къ французскимъ дѣламъ. «Мое здоровье не настолько разстроено, чтобы тревожиться событіями, въ которыхъ я не принимаю никакого участія»,—пишетъ онъ Кауницу послѣ взятія Бастиліи. Что люттихцы разыграли съ своимъ властелиномъ «такой же фарсъ, какъ парижане», это обстоятельство также не тревожитъ его ни мало. Единственное, что онъ запомнилъ изъ французскихъ событій—это то, что ему нельзя уже «извлекать» изъ этого королевства ни людей, ни денегъ [8]).

Его братъ Леопольдъ, великій герцогъ тосканскій, судилъ о революціи съ болѣе высокой точки зрѣнія. «Если это прочно установится, писалъ онъ по случаю объявленныхъ реформъ, Франція сдѣлается самой могущественной державой въ Европѣ: наконецъ, въ ней будетъ отечество, ее бу-

---

[6]) Baumgarten. *Geschichte Spaniens zur Zeit der französischen Revolution.* Berlin 1861.—Tratchevsky. *L'Espagne à l'époque de la Révolution française.* Paris 1866. *Revue Historique*, t. XXXI. Paris 1866.

[7]) См. т. I.

[8]) Beer. *Joseph II, Léopold II und Kaunitz*, Vienne 1873, p. 336.—Arneth. *Joseph und Léopold.* Vienne 1872. Письма Іосифа отъ 18 мая и 31 августа 1789.

дутъ любить, и за нее будутъ стоять, станетъ легче и пріятнѣе быть королемъ и министромъ во Франціи... И это возрожденіе Франціи представитъ собою примѣръ, которому вскорѣ должны будутъ волей-неволей послѣдовать европейскіе государи, побуждаемые къ тому собственными подданными; произойдетъ повсюду неисчислимое благо, наступитъ конецъ многимъ неправдамъ, войнамъ, раздорамъ, смутамъ, и это будетъ одною изъ самыхъ полезныхъ модъ, которыя Франція введетъ въ Европу» [9]). Эти слова—дань революціи со стороны просвѣщеннаго правительства; но вскорѣ къ нимъ примѣшивается сомнѣніе, а послѣ сомнѣнія является отвращеніе и презрѣніе [10]). Эти чувства умѣряютъ разочарованіе, испытанное австрійцами отъ потери союзника. Разъ Франція для нихъ безполезна, они помнятъ только о томъ, что она была ихъ постоянной соперницей и еще недавно возбуждала злобу, препятствуя честолюбивымъ планамъ Австріи. Имъ пріятно видѣть, что она такъ низко пала. Старый и коварный Кауницъ, который такъ долго эксплуатировалъ Францію и въ то же время ненавидѣлъ ее, теперь осыпаетъ ее сарказмами. Французскій посланникъ пишетъ: «Въ Вѣнѣ не столько думали о послѣдствіяхъ, могущихъ вытекать изъ нашихъ затрудненій, сколько радовались послѣднимъ» [11]).

Если таково было впечатлѣніе въ Вѣнѣ, то легко вообразить себѣ, что въ Берлинѣ безъ всякой сдержанности высказывали свое удовольствіе. Тамъ зависти не приходилось считаться съ своекорыстіемъ, и пруссакамъ нечего было бояться за себя. Вёльнеръ, Бишофсвердеръ, партія ханжей, теософы и фаворитки, всѣ одинаково враждебно преслѣдовали философовъ, «друзей просвѣщенія», и всѣхъ, кто раздѣлялъ французскія идеи [12]). Изданіе украденныхъ писемъ Мирабо къ Таллейрану во время его секретной миссіи въ Берлинѣ въ 1786 г. доставило имъ случай обнаружить свою ненависть [13]). Эти письма, которыя онъ писалъ изо дня въ день, съ быстротою молніи, не успѣвая перечитывать, носили на себѣ отпечатокъ того состоянія напряженности, въ которомъ постоянно пребывалъ Мирабо. Циничныя остроты перемѣшиваются съ геніальными мыслями. Однѣ страницы напоминаютъ Дидро, другіе—Бонапарта, во всѣхъ находишь ту го-

---

[9]) Beer, *Léopold II, Franz II und Catharina.* Leipzig 1874, p. 216. Письмо къ Маріи-Христинѣ, 4 іюня 1789.

[10]) «Вольтеръ былъ правъ, говоря, что французы—или обезьяны, или тигры». Письмо къ Іосифу, 28 іюня 1789.

[11]) Донесеніе маркиза де-Ноайлль 21 мая 1789.

[12]) См. т. I.

[13]) Ibid. — Bacourt. *Correspondance de Mirabeau,* t. I, p. 343. — Оригинальныя письма Мирабо и «очищенныя, разукрашенныя» версіи ихъ, составленныя Таллейраномъ для Людовика XVI, хранятся въ архивахъ иностранныхъ дѣлъ.

рячность, тотъ пылъ и, къ несчастью, тѣ же недостатки, которые отмѣчаютъ письма изъ Венсенской башни. Этотъ рѣзкій эскизъ, этотъ безпорядочный набросокъ великаго сочиненія *Monarchie prussiene*, которое тогда только что появилось, былъ напечатанъ въ 1788 г. безъ подписи автора подъ названіемъ *Секретная исторія берлинскаго двора*. Дерзкій памфлетъ противъ короля прусскаго, его двора, его фаворитовъ, краснорѣчивая и проницательная критика прусскаго государства и его скрытыхъ слабостей, эта книга, надѣлавшая столько шума въ Европѣ, соединяла въ себѣ всѣ оскорбленія, которыя могли вывести изъ себя Фридриха Вильгельма. Онъ не могъ не возненавидѣть революціи, крестнымъ отцомъ которой былъ авторъ подобнаго пасквиля.

Порочить Францію—значило угождать королю прусскому. Льстецы не упускали этого случая. Въ Берлинѣ жадно собирали всѣ симптомы анархіи во Франціи, всѣ признаки дискредитированья французскаго государства за-границей, и комментировали съ язвительной снисходительностью. Герцбергъ, въ этомъ отношеніи такой же истый пруссакъ, какъ и любимцы его властелина, хвалится тѣмъ не менѣе своей «просвѣщенностью». Вѣдь этотъ кризисъ благопріятенъ его проискамъ и онъ надѣется извлечь изъ него свои выгоды. «Престижъ королевской власти уничтоженъ во Франціи», пишетъ онъ королю 5 іюля, «войска отказались повиноваться. Людовикъ объявилъ королевское засѣданіе недѣйствительнымъ: это—сцена во вкусѣ Карла I. Вотъ положеніе, изъ котораго правительства должны извлечь выгоду» [14]). Берлинское правительство въ этомъ пораженіи королевской власти видитъ не только обезсиленную надолго Францію, оно видитъ то, на что невозможно было надѣяться даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, то, чего Фридрихъ много разъ пытался достигнуть и не успѣлъ, несмотря на свою дипломатичность: распаденіе австрійскаго союза, навсегда погибшее вліяніе королевы, значеніе, пріобрѣтенное приверженцами Пруссіи, и въ результатѣ—всѣ пути, открытые для прусскаго честолюбія. 14 іюля доставляетъ ему несказанную радость. Онъ его привѣтствуетъ по-своему какъ день освобожденія [15]). «Это прекрасный моментъ», объявляетъ Герцбергъ [16]).

---

[14]) Siebel. *Geschichte der Revolutionszeit*, t. I., l. II, ch. II. Düsseldorf 1877. Stuttgard 1879.

[15]) Прусскій посланникъ въ Парижѣ Гольцъ пишетъ 15 мая своему королю: «Взятіе Бастиліи и конецъ вліянію королевы значительно укрѣпили положеніе вашего величества въ Европѣ».

[16]) «Французская монархія низвергнута, союзъ съ Австріей уничтоженъ; это прекрасный моментъ и въ то же время единственный случай, представ-

Фридрихъ Вильгельмъ немедленно поручаетъ своему посланнику Гольцу, въ Парижѣ, войти въ сношеніе съ главарями Національнаго собранія и дѣйствовать противъ королевы и противъ Австріи. Что касается до опасности, которой революція можетъ подвергнуть всѣ троны, что касается до бѣдствій, которыми она можетъ угрожать королевской фамиліи—онъ объ этомъ не заботится. «Эти дѣла, пишетъ онъ Гольцу, интересуютъ меня лишь настолько, насколько они касаются вліянія Франціи въ Европѣ». Посланникъ французскій вполнѣ разгадалъ это чувство подъ оффиціальными фразами соболѣзнованія: «Прусскій король сдѣлалъ мнѣ честь заговорить со мной,—пишетъ онъ 1 августа;—онъ велъ приличныя обстоятельствамъ рѣчи о положеніи короля. Но удовольствіе, испытываемое здѣшнимъ дворомъ, проявляется открыто; навѣрное онъ желалъ бы, чтобъ смуты во Франціи были болѣе серьезны и продолжались бы вѣчно». Мелкіе германскіе князья, низкопоклонные и раболѣпные прежде, завистливые и язвительные теперь, съ такою же радостію, какъ и пруссаки, констатируютъ фактъ затменія того знаменитаго солнца Людовика XIV, которое такъ долго то ослѣпляло, то чаровало, то страшило ихъ [17]).

Англія начала съ чувства боязни. Созывъ Генеральныхъ штатовъ заставилъ ее опасаться одного изъ тѣхъ подъемовъ духа и энергіи, которыми Франція часто разстраивала расчеты своихъ враговъ [18]). «Мы учимся познавать Францію въ ущербъ себѣ», говорилъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей въ Лондонѣ посланнику Людовика XVI и присовокуплялъ: «мы знакомы пока только съ нѣкоторыми сословіями французовъ, и это уже довольно невыгодное знакомство; когда познакомимся со всей націей—будетъ гораздо хуже». «Пусть только ваша революція будетъ удачна,—говорилъ лордъ Лансдоунъ тому же дипломату,—и вы будете такъ сильны и могущественны, что можете предписывать законы Европѣ» [19]). Анархія живо успокоила непріязненно расположенныхъ англичанъ, и они шумно выразили свою радость. Въ англійскихъ журналахъ мы находимъ полную горечи, но слишкомъ часто справедливую

ляющійся вашему величеству, чтобъ поставить свою монархію на прочное основаніе». Донесеніе королю отъ 26 іюля 1789.

[17]) Посланникъ саксонскій пишетъ изъ Берлина 2 октября: «король безъ власти, государство безъ денегъ и безъ военной силы—однимъ словомъ, Франція похожа на корабль во время бури, единственный кормчій котораго—Мирабо. Какое значеніе можетъ отнынѣ имѣть Франція въ Европѣ? Какой вѣсъ могутъ имѣть деклараціи ея дѣятелей?»—Wolff. *Oesterreich und Preussen.* 1780—1790. Глава XII. Вѣна 1880.

[18]) *Correspondance de Londres.* Донесеніе маркиза Люцерна, 23 іюня 1789.

[19]) Донесеніе Люцерна, 15 января 1790.

критику дѣйствій Собранія [20]). Великодушная сторона революціи ускользаетъ отъ большинства изъ нихъ; величіе сцены, происходившей 4 августа, не производитъ на нихъ сильнаго впечатлѣнія.

Только Фоксъ, Шериданъ, лорды Стэнгопъ и Ландсоунъ съ небольшимъ кружкомъ искреннихъ либераловъ высказываютъ свое одобреніе. Они предаются прекраснѣйшимъ иллюзіямъ; они предвидятъ въ будущемъ, что обѣ страны, сблизившись другъ съ другомъ, благодаря своимъ учрежденіямъ, замѣнятъ мирнымъ союзомъ вѣковое соперничество, которое истощаетъ казну, парализуетъ торговлю, задерживаетъ цивилизацію. Такія чисто идеальныя соображенія совсѣмъ не были въ привычкахъ англичанъ, и въ результатѣ въ партіи виговъ оказались несогласія, которыя выразились страстными дебатами. Фоксъ и Боркъ олицетворяютъ эти противоположныя тенденціи англійскихъ политиковъ: ихъ распри сдѣлались классическими. Они начались въ февралѣ 1790 и наполнили отнынѣ своимъ шумомъ Палату Общинъ [21]).

Фоксъ былъ человѣкъ своего времени, пылкій энтузіастъ и настолько европеецъ и космополитъ, насколько можетъ имъ быть истый англичанинъ конца восемнадцатаго вѣка. Въ старой Франціи онъ видѣлъ наслѣдственнаго врага своей родины; но онъ вѣрилъ въ свободу, онъ считалъ ее способной преобразить народы. Поклоненіе принципамъ революціи заставило его полюбить французскую націю. Боркъ ее всегда ненавидѣлъ, революція сдѣлала ее омерзительной въ его глазахъ. Это былъ самый фанатичный англичанинъ во всей Великобританіи: антихристіанская и демократическая революція оскорбляло всѣ его вѣрованія, всѣ убѣжденія, раздражала всѣ его предразсудки [22]). Притязаніе французовъ на свободу казалось ему узурпаціей англійскихъ прерогативъ. Онъ видѣлъ въ французской революціи опасность для европейскаго общества вообще, для англійскаго, въ частности; его отвращеніе къ новымъ принципамъ сдѣлало изъ него почитателя, приверженца старой монархіи. Боркъ тѣмъ свободнѣе ее расхваливалъ, что считалъ окончательно погибшей и, страстно доказывая разрушительный характеръ революціи, онъ въ то же время съ иронической и надменной снисходительностью указывалъ на ея первыя послѣдствія.—Она повергаетъ Францію въ варварство и вычеркиваетъ ее изъ

---

[20]) Сообщеніе англійскихъ газетъ вмѣстѣ съ сообщеніемъ изъ Лондона 1-го сентября 1789.

[21]) Hansard's *Parliamentary History*, t. XXVIII, засѣданія 5 и 9 февраля 1790.—*Moniteur*, t. III, p. 402, 417, 442, 458.

[22]) Taine. *Histoire de la littérature anglaise*, t. III, p. 87—105. –Remusat-*L'Angleterre au dix-huitième siècle.* Paris 1856, t. II, p. 383. — Dumont. Souvenirs, ch. VII.

числа націй, говорилъ онъ. Франція теперь—существо отвлеченное, вещь безъ имени [23]); она перестала существовать въ европейской системѣ. *Gallos quoque in bellis floruisse audivimus*! «Я знаю географію; я только что пробѣжалъ карту Европы. Я дѣйствительно нашелъ на этой картѣ большое пустое мѣсто: это—пространство, нѣкогда занятое Франціей» [24]). «Французы оказались самыми искусными работниками по части разрушенія, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ... Они разрушили у себя все: монархію, церковь, дворянство, законы, казну, армію, флотъ, торговлю и мануфактуры. Они помогли намъ, своимъ соперникамъ, устроить наши дѣла лучше, чѣмъ это сдѣлали бы двадцать сраженій при Рамильи. Еслибъ мы совершенно побѣдили Францію, еслибъ она поверглась ницъ къ нашимъ ногамъ, то и тогда мы постыдились бы послать французамъ, для устройства ихъ дѣлъ, коммиссію, которая навязала бы имъ такой жестокій, такой гибельный, для ихъ національнаго величія, законъ, какой они сами для себя составили».

Король Георгъ раздѣлялъ мнѣніе Борка относительно этого пункта. Онъ въ душѣ поздравлялъ себя съ упадкомъ государства, которому не могъ простить Американской войны. Тѣмъ не менѣе обиды, наносимыя королевскому сану, оскорбляли его, и онъ выражалъ свое негодованіе. Но, не имѣя претензіи на діалектику, онъ очень легко примирялъ эти противорѣчивыя чувства: сожалѣніе къ королю Франціи и радость по поводу паденія французской монархіи [25]). Впрочемъ, какъ его враждебность, такъ и его симпатіи были чисто платоническими. Французскій посланникъ справедливо замѣтилъ, что король Георгъ будетъ дѣйствовать, сообразуясь съ тѣми интересами, какіе выдвинутъ его министры, а отнюдь не съ собственными чувствами [26]).

Настроеніе министерства, т. е. Вилльяма Питта, было вполнѣ миролюбиво. Революція освободила его на время отъ опасной соперницы, обезпечивала ему миръ, необходимый для его финансовыхъ реформъ, и доставляла Англіи всѣ тѣ барыши, которые теряли, благодаря кризису, промышленность и торговля во Франціи. Какъ на рынкахъ, такъ и въ кабинетахъ дипломатовъ, Англія могла вездѣ стать на мѣсто Франціи.

---

[23]) По этому поводу онъ приводитъ стихъ Виргилія:

Jacet ingens littore truncus
Avulsumque humeris caput et sine nomini corpus.

[24]) «На картѣ отъ нее останется та черная дыра, которую мы съ Эдмондомъ Боркъ, да и не мы одни, увидѣли съ самаго начала этой плачевной революціи». Письмо Гримма къ Екатеринѣ. 12 августа 1790 г.

[25]) Докладъ Люцерна, 22 сентября 1799 г.

[26]) Донесенія отъ 9 января и 5 марта 1790 г.

Питтъ вовсе не желалъ мѣшать революціи стать выгодной для его цѣлей. Кромѣ того, онъ предполагалъ, что король Франціи, престижъ котораго утраченъ, права котораго ограничены, власть котораго оспаривается, чрезвычайно удобенъ для Англіи [27]). Но Питтъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ жадныхъ политиковъ, которыхъ ослѣпляетъ зависть и которые, въ своемъ стремленіи удовлетворить своей алчности, гонятся за всякимъ удобнымъ случаемъ. Его берлинскіе союзники удивлялись, что онъ не воспользовался случаемъ напасть на Францію, раздавить ее, овладѣть ея колоніями. Питтъ и не думалъ объ этомъ. Природная возвышенность души и предусмотрительность ума отвращали его отъ такого образа дѣйствій. Подобное вѣроломство было ему противно и казалось опаснымъ. Иностранное вмѣшательство можетъ соединить воедино всѣхъ французовъ и оказаться гибельнымъ для ихъ враговъ. Питтъ это понималъ. Окружающимъ его это было менѣе понятно, и предпріятіе такого рода настолько входило въ нравы Европы, что какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, всѣ приписывали это намѣреніе англійскому министерству [28]).

Во Франціи всѣ были убѣждены—при дворѣ, въ министерствѣ, среди публики,—что этотъ кабинетъ разжигаетъ и поддерживаетъ смуту. Это подозрѣніе сдѣлалось классическимъ; оно само зарождается въ воображеніи и вскорѣ становится настолько серьезнымъ, что англійское правительство считаетъ необходимымъ успокоить умы: герцогъ Лидсъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, объясняется по поводу этого съ Люцерномъ; герцогъ Дорсетъ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, пишетъ съ этою цѣлью два письма предсѣдателю собранія [29]). Французское прави-

---

[27]) Ростопчинъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, пишетъ въ своихъ запискахъ объ этой эпохѣ своей жизни: «Англійское министерство имѣло нелѣпость вообразить, что можетъ существовать конституціонный король и вслѣдствіе слабости своей власти будетъ менѣе опасенъ для Англіи, чѣмъ король въ родѣ Людовика XIV, и ради этого ухаживало за вождями конституціонной партіи». *Бумаги Ростопчина*, напечатанныя въ VIII т. *Архива князя Воронцова*. Москва 1876 г.

[28]) «Слушая и читая все, что пишутъ и говорятъ, нельзя скрывать отъ себя, что Англія сочтетъ себя въ правѣ воспользоваться обстоятельствами и страшною силою своего флота, чтобъ принудить насъ къ жертвамъ прискорбнымъ, если наши распри или наши пренія о торговомъ трактатѣ доставятъ ей предлогъ». Донесеніе Бартелеми 1 сентября 1789 г. «Ради своихъ корыстныхъ разсчетовъ она желаетъ, чтобъ наши дѣла все сильнѣе запутывались и доставили бы ей случай завладѣть нашими островами. Это подозрѣніе не преувеличено мною. Въ виду всего, что здѣсь говорится, я считаю своей обязанностью сообщить Вамъ это подозрѣніе». Донесеніе Люцерна 29 сентября 1789 г.

[29]) Засѣданія 27 іюля и 4 августа 1789.

тельство продолжаетъ сомнѣваться [30]). И самый способъ дѣйствія, принятый англичанами для успокоенія умовъ, кажется Монморену безпричинной и надменной обидой королевскому достоинству. «Я считалъ себя обязаннымъ,—писалъ онъ 10 августа 1789,—согласиться на это сообщеніе Собранію, но я предупредилъ герцога Дорсета, что на будущее время эта метода дѣйствія окажется непрактичной. Я далъ ему почувствовать, что королю приличнѣе рѣшать о томъ, что онъ желаетъ сообщить Національному собранію и что у нихъ не въ обычаѣ посылать въ англійскій парламентъ тѣ мирныя заявленія, которыя мы давали его двору». Монморенъ забывалъ прецеденты. Герцогъ Дорсетъ поступалъ относительно Національнаго собранія, такъ же, какъ послы Мазарини—относительно англійскаго парламента при Карлѣ I. Собраніе было властью de facto и къ нему начали обращаться иноземцы.

Итакъ, сужденія политиковъ и ихъ образъ дѣйствій основывается на одномъ своекорыстіи. И тѣ, которые ненавидятъ революцію, и тѣ, которые къ ней благосклонны, дѣйствуютъ, въ сущности, по однимъ и тѣмъ же мотивамъ. Первое мѣсто между ея самыми пламенными противниками занимаетъ король Швеціи Густавъ III. Задержанный въ своей экспедиціи противъ Россіи нападеніемъ со стороны Даніи и заговоромъ шведскаго дворянства [31]), онъ прогналъ датчанъ и, съ помощью государственнаго переворота въ концѣ февраля 1789, принудилъ бунтовщиковъ къ повиновенію. Дворяне потребовали созванія сейма: онъ созвалъ его только для того, чтобъ подчинить ихъ окончательно. И теперь ему казалось, что нѣтъ ничего легче, какъ овладѣть Собраніемъ и укротить мятежниковъ, и онъ не понималъ, почему Людовикъ XVI не слѣдуетъ его примѣру. Прибавимъ, что финансовый кризисъ во Франціи лишалъ его субсидіи, безъ которой онъ не могъ поддержать свои вооруженія и продолжать задуманныя предпріятія. Срокъ союзнаго договора съ Франціей заключеннаго на шесть лѣтъ въ 1784, истекалъ. Сомнительно, чтобъ Франція захотѣла его возобновить. Этотъ

---

[30]) «По истинѣ, мы должны очень внимательно слѣдить за поведеніемъ англичанъ, по всей вѣроятности лицемѣрнымъ и своекорыстнымъ». Донесеніе Люцерна отъ 21 іюля, послѣ разговора съ герцогомъ Лидсъ.—Монморенъ отвѣчаетъ 3 августа: «Я воздержусь отъ обвиненій англійскаго министерства такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ противъ него, да ихъ и трудно добыть, тѣмъ болѣе, что полиція не существуетъ больше; одно вѣрно, что денегъ разбрасывалось много, какъ между солдатами, такъ и въ народѣ; остается узнать, изъ какихъ рукъ это черпалось. Прошу васъ обратить вниманіе на этотъ предметъ». Мерси предполагаетъ участіе англичанъ въ безпорядкахъ. Донесеніе отъ 23 Іюля. Flammermont, op. cit. p. 22.—Объ этихъ деньгахъ смотри: Taine. *La Révolution*, t. I, p. 126.

[31]) См. т. I.—Geoffroy. Gustave III, ch. VIII. Paris 1867.

король вѣчно нуждался въ средствахъ. Онъ возобновилъ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ только для того, чтобы быть побитымъ ими. Безполезно тратя силы на войну, не имѣвшую никакого обаянія въ странѣ, онъ очутился въ безвыходномъ положеніи.

Революція внезапно открыла передъ нимъ обширные горизонты. У него возникло какъ бы предчувствіе, что возвращаются времена реформаціи съ ихъ смутами, столкновеніями и великими битвами. Въ глубинѣ души его лежало романическое великодушіе и неясныя стремленія къ иллюминатству; ему казалось, что всѣмъ тронамъ грозитъ опасность, и дѣло монархіи олицетворялось въ его умѣ въ прелестныхъ и скорбныхъ чертахъ королевы Франціи. Но въ личности Густава III странствующій рыцарь соединялся съ очень расточительнымъ, а потому вѣчно отыскивающимъ выгодныхъ дѣлъ кондотьеромъ. Идея крестоваго похода королей, въ которомъ онъ сыгралъ бы роль Густава Адольфа, неопредѣленно носилась въ его умѣ. Соединяя въ одно свои вкусы и фантазіи, свои убѣжденія и нужды, онъ, по мѣткому выраженію своего брата, надѣялся во Франціи дѣлать золото съ помощью сабель и набрать сокровища по примѣру храбрыхъ предковъ временъ тридцатилѣтней войны [32]). Эти соображенія сблизили его довольно скоро съ великой Екатериной. Общая обоимъ этимъ монархамъ непріязнь къ революціи погасила вражду между ними.

Какъ только Екатерина поняла революцію, она ее возненавидѣла. Эта революція оскорбляла ея идеи, стѣсняла ея политику. Четверной союзъ, который она задумала заключить съ Австріей, Франціей и Испаніей, не удался. Сходство конституцій, общность идей должны были, по всѣмъ вѣроятіямъ, сблизить Францію съ самымъ свободнымъ государствомъ и съ самой «философической», какъ ее называли, страной на континентѣ: съ Англіей и Пруссіей. Вѣдь партія, которая восторжествовала въ Парижѣ, раздѣляла эти вкусы и тенденціи. Отъ нея Россіи нечего было ждать. Кромѣ того, конституціонный король, по мнѣнію Екатерины, былъ ненадежнымъ союзникомъ [33]). Она осыпаетъ бранью Собраніе, называя его гидрой съ «двумя стами головъ», презираетъ короля, который позволяетъ предписывать себѣ законы, дворянство, которое отказывается отъ своихъ привилегій, этихъ буржуа, которые вмѣшиваются въ государственныя дѣла.

---

[32]) Léouzon Le duc, *Correspondance de Staël.* Introduction.—«Если, какъ герой, онъ принадлежитъ къ семьѣ Ламанчскаго рыцаря, то въ своихъ мелочныхъ проектахъ онъ совершенно раздѣляетъ принципы добраго Санхо, который думалъ о солидномъ».—Изъ письма Гримма къ Екатеринѣ, 5 декабря 1790.

[33]) Письма Екатерины II къ Гримму.

Съ какой презрительной снисходительностью отмѣчаетъ и подчеркиваетъ Екатерина симптомы слабости, упадка и все то, что выдаетъ пробужденіе дикаря изъ-подъ сіянія и расцвѣта этой цивилизаціи. Она постоянно противопоставляетъ блестящее царствованіе Лудовика XIV—позору настоящаго. «Національному собранію слѣдовало бы бросить въ печь всѣхъ лучшихъ французскихъ авторовъ и все то, что способствовало распространенію ихъ языка въ Европѣ, потому что все это свидѣтельствуетъ противъ безобразія, которое они совершаютъ». И вотъ хваленый восемнадцатый вѣкъ! Возвратъ человѣка къ звѣрю, къ *человѣку съ четырьмя ногами*; пожары, грабежи, убійства и бездна глупостей. «Жалобный тонъ очень приличенъ жителю столицы государства, которое желаетъ переродиться, которое два года страдаетъ родильными муками и которое навѣрно или выкинетъ мертваго недоноска, или родитъ вонючее и гнилое чудовище» [34]).

Съ чувствомъ удовольствія обращаетъ она взоры на свои владѣнія, гдѣ царитъ порядокъ и гдѣ монархъ, абсолютный законодатель, одинъ имѣетъ право предписывать законы. Но воспоминаніе о Пугачевскомъ бунтѣ слишкомъ сильно, чтобы не принимать предосторожностей противъ опасности зараженія демагогическими принципами. Она подвергала заключенію и высылкѣ подозрительныхъ писателей; цензура усилила свою бдительность; извѣстія «Петербургскихъ Вѣдомостей», единственной газеты, сообщавшей о событіяхъ во Франціи, редактировались такимъ образомъ, что могли только внушать ужасъ. Французская колонія, десять тысячъ людей, отдана подъ строгій надзоръ полиціи [35]). По ея мнѣнію, каторга для заговорщиковъ, тѣлесныя наказанія для буяновъ, вотъ какъ нужно лечить симптомы болѣзни, когда она проявляется. Что касается до самой болѣзни, это дѣло воспитанія. Царица по-своему ведетъ это дѣло въ Россіи; она думаетъ, что во Франціи было бы достаточно призвать іезуитовъ, чтобы всѣхъ вылечить и все исправить [36]). Такъ разсуждаетъ о французской революціи ученица философовъ, которую Вольтеръ возводилъ въ санъ богини и которую Дидро желалъ въ государыни Франціи.

Подобно королю Швеціи, Екатеринѣ очень бы хотѣлось воевать съ революціею, но она принимаетъ въ соображеніе только свои интересы и довольствуется тѣмъ, что поноситъ революцію и принимаетъ мѣры предосторожности въ собственномъ государствѣ. Она прерываетъ сношенія, ко-

---

[34]) Письма Гримму 25 іюня 1790, 29 апрѣля 1791, сентября 1790.

[35]) Статьи Rambaud въ *La Revue politique* 1877 и 1881. — Pingaud. *Les Français en Russie*, p. 156—168.

[36]) Письмо къ Гримму 25 сентября 1790 г.

торыя, въ ея глазахъ, не имѣютъ смысла. Такъ какъ надежды на союзъ рушились сами собою, то Сегюръ въ октябрѣ 1789 г. покинулъ Петербургъ. Онъ оставилъ повѣреннаго по дѣламъ Жене, брата госпожи де-Жанлисъ. Вслѣдствіе своихъ демократическихъ мнѣній, онъ жилъ въ строгомъ уединеніи своей канцеляріи, какъ бы въ карантинѣ. Собственно говоря, между Петербургомъ и Парижемъ почти не было сообщеній. Кромѣ того, царица имѣла много болѣе серьезныхъ заботъ. Побитые Суворовымъ въ юлѣ и сентябрѣ турки все-таки продолжали сопротивляться; пруссаки грозили вмѣшаться, а Густавъ III готовился возобновить войну весною 1790 г. Прежде чѣмъ соединиться противъ французскихъ революціонеровъ, Густавъ и Екатерина должны были свести свои собственные счеты и ожесточенно преслѣдовали другъ друга.

Итакъ, даже при этихъ двухъ самыхъ враждебныхъ дворахъ, на Францію и революцію смотрѣли только, какъ на предметъ спекуляціи въ будущемъ. Настоящее было занято борьбою, и эта борьба, которая съ своего театра на востокѣ грозила распространиться по всей сѣверной Европѣ, продолжала поглощать вниманіе державъ въ продолженіе 1789 и большей части 1790 гг. Политиковъ интересовало только паденіе Франціи; они старались устроиться такимъ образомъ, чтобы обойтись безъ французовъ или воспользоваться ихъ слабостью. Они ихъ предоставили своему внутреннему кризису и не занимались ими болѣе. Революція шла своимъ путемъ, старая Европа—своимъ; они почти два года не понимали другъ друга: вотъ что характеризуетъ первый періодъ этой исторіи

IV.

Это равнодушіе Европы давало Франціи возможность на досугѣ опредѣлить, какая именно политика приличествуетъ ея новымъ государственнымъ принципамъ, и примѣнить эту политику и къ внѣшнимъ и къ внутреннимъ дѣламъ. Собраніе установило эти принципы,—примѣненіе ихъ было дѣломъ правительства. Людовикъ XVI былъ на это неспособенъ. Среди революціи онъ остался такимъ же, какимъ былъ во время кризиса, подготовившаго ее: безсильнымъ овладѣть ею, какъ былъ безсиленъ и предупредить ее. Онъ могъ избѣжать народной революціи, произведя королевскую революцію; теперь онъ могъ спасти королевскую власть, сдѣлавшись королемъ французской демократіи. Эту смѣлую попытку могъ сдѣлать или великій король, или великій министръ. Короля не было, министръ вызвался, но король его не понялъ; Собраніе парализовало его дѣятельность и всѣ обстоятельства обратились противъ него. Попытка не удалась; но, хотя бы для того, чтобъ объяснить неудачу, необходимо по-

ближе разсмотрѣть цѣли единственнаго государственнаго человѣка, который выдвинулся въ эти смутныя времена, который понялъ ходъ революціи и предчувствовалъ ея судьбы.

Одному свободомыслящему, но очень преданному королевѣ дворянину, графу де Ла-Марку, удалось устроить тайное сближеніе между дворомъ и Мирабо; онъ далъ случай великому оратору сообщить Людовику XVI, подъ видомъ докладной записки, свои сужденія, свои взгляды и правительственные проекты [1]). Мирабо хотѣлъ направить революцію, онъ сознавалъ, что эта задача ему по плечу, и дѣйствительно, если бы она требовала одной геніальности, онъ былъ созданъ для нея. «Онъ зналъ все и все предвидѣлъ», сказала о немъ мадамъ де-Сталь. Онъ желалъ, чтобъ свобода политическая была обезпечена свободой гражданской. Послѣдняя была упрочена, оставалось установить первую; Мирабо не понималъ ея безъ монархіи. Его идеи и его честолюбіе не шли далѣе конституціоннаго королевства, въ которомъ онъ былъ бы первымъ министромъ. Это было вѣнцомъ его жизни, его личной местью, благородной и возвышенной: принуждая короля отдаться въ его руки, онъ былъ убѣжденъ, что спасалъ его отъ неминуемой катастрофы.

«О чемъ же думали эти люди—говорилъ онъ въ концѣ сентября 1789 г. графу Ла-Марку.—Развѣ они не видѣли ту бездну которая разверзается передъ ними? Все потеряно. Король и королева погибнутъ въ ней, и вы увидите, чтъ чернь будетъ еще бить ихъ трупы» [2]). Мирабо ничего уже не ждалъ отъ двора, но ожидалъ всего отъ націи. Онъ питалъ непоколебимую вѣру въ судьбы Франціи, считая ее способной въ одно и то же время организовать свою революцію, устоять противъ всей Европы и создавать кругомъ себя могучія потрясенія [3]). Онъ считалъ возможнымъ побелѣвать и руководить ею. Въ концѣ 1789 г. онъ писалъ: «Монархія находится въ опасности не столько потому, что въ ней составляютъ заговоры, сколько потому, что въ ней не управляютъ. Рессурсы Франціи, самая подвижность нашего національнаго характера, составляющая главный недостатокъ французовъ, представляютъ столько удобствъ и средствъ, что во Франціи никогда не слѣдуетъ ни заранѣе надѣяться, ни заранѣе отчаяваться. Мы находимся въ состояніи слабости, въ которой находится всякая страна,

---

[1]) Bacourt. *Correspondance de Mirabeau*, t. I. Introduction. Первая изъ записокъ, составленныхъ для двора, написана 1 іюня 1790 г. Онѣ напечатаны въ *Correspondance*.

[2]) *Correspondance de Mirabeau et du comte de Lamarck* t. I, p. 112.

[3]) См. его рѣчь 25 августа 1790 г. и проектъ его рѣчи въ маѣ 1790 г.—*Mémoire par* Lucas Montigny. Paris 1834, t. VIII, p. 386. *Correspondance*, t. II, p. 277.—Dumont. *Souvenirs*, ch. XIV.

которая строится заново; цѣлостность королевства не нарушена, и хотя оно страдаетъ, но не лишено ни одного изъ своихъ членовъ» [4]).

Отнынѣ все могло поправиться. Нуженъ былъ только человѣкъ и планъ: этимъ человѣкомъ былъ Мирабо, планъ былъ имъ составленъ давно, ранѣе чѣмъ разразилась революція, и развивался въ его умѣ по мѣрѣ того, какъ событія требовали новыхъ мѣръ [5]). Изъ политическихъ плановъ всѣхъ временъ это самый широкій, рѣшительный и оригинальный; даже въ своихъ отступленіяхъ и наиболѣе странныхъ противорѣчіяхъ онъ поражаетъ насъ своими характеристическими чертами: чувствомъ историческихъ традицій и инстинктомъ будущаго. Къ этому присоединяется пониманіе практическихъ потребностей, реальный взглядъ на вещи, знаніе людей. Смѣсь глубины взглядовъ и безнравственности средствъ поражаетъ и возмущаетъ насъ теперь: это признакъ общества, которое жадно стремится къ своему возрожденію, но обречено считаться съ современною испорченностью нравовъ и вынуждено создавать свободу при внѣдрившихся привычкахъ деспотизма.

Чтобъ судить объ этомъ, надо принимать въ соображеніе не отвлеченный идеалъ, не политическую утопію, которые лелѣяли члены Учредительнаго собранія, но вѣковой импульсъ, завершившійся кризисомъ 1789 года, гражданскимъ кодексомъ, конституціей VIII года, а затѣмъ хартіей 1814 года. На этомъ то предѣлѣ и хотѣлъ остановиться Мирабо въ 1790 году.

«Чего желаетъ французская нація? Она желаетъ воспользоваться выгодами революціи» [6]). Она хочетъ насладиться благами реформъ, не опасаясь крайностей анархіи. Она желаетъ мира, порядка, безопасности, общественнаго благоденствія: только сильное правительство можетъ обезпечить за нею эти блага, но отнынѣ правительство можетъ быть сильнымъ, лишь опираясь на общественное мнѣніе, а послѣднее будетъ поддерживать правительство, если увидитъ въ немъ защитника и организатора революціи. Съ другой стороны, правительство только однимъ способомъ можетъ проти-

---

[4]) *Lettres de Mirabeaux à un de ses amis d'Allemagne.* Brunswick 1792.

[5]) Онъ писалъ 28 декабря 1788 г. Монморену. «Есть ли планъ у министерства?.. у меня онъ есть, господинъ графъ: онъ соединенъ съ планомъ конституціи, которая спасла бы насъ отъ заговоровъ аристократіи, отъ неистовствъ демократіи и отъ анархіи, въ которую власть погрузилась вмѣстѣ съ нами, вслѣдствіе того, что желала быть абсолютной... желаете ли, чтобъ я сообщилъ его? хотите ли показать его королю? хватитъ ли у васъ мужества хоть разъ поставить на постъ гражданина—вѣрнаго подданнаго, мужественнаго человѣка, неустрашимаго защитника справедливости и истины?» *Correspondance* t. I, p. 341.

[6]) 47-я записка, *Correspondance*, t. II p. 432.

виться неистовствамъ революціи. Только въ ней самой найдется необходимая сила для ея обузданія.

Итакъ, важно, чтобъ король Франціи сдѣлался королемъ французовъ и королемъ французской революціи, т. е., чтобъ его власть возродилась въ своемъ собственномъ источникѣ, и чтобъ обновились самыя начала, изъ которыхъ она истекаетъ. «Кто будетъ сопротивляться, когда возстановится довѣріе? кто не захочетъ усилить власть, которая будетъ употребляться для того лишь, чтобъ укрѣпить основы конституціи и исправить ея недостатки» [7])?

Но «Революція завершилась, а конституція не закончена» [8]). Народъ стоитъ за завоеванныя имъ права, онъ стоитъ за принципы конституціи, онъ не стоитъ за формы. Права должны считаться неотъемлемыми; принципы—непоколебимыми; формы могутъ мѣняться. Упраздненіе феодальнаго режима, гражданское и политическое равенство, свобода совѣсти, голосованіе налоговъ, безплатность правосудія, уничтоженіе монашествующихъ орденовъ, продажа церковныхъ земель, новое раздѣленіе королевства, отвѣтственность министровъ—это уже рѣшенные вопросы, стоящіе внѣ обсужденія. Попытка посягнуть на нихъ была бы безуміемъ. «Еслибъ однимъ ударомъ уничтожили цѣлое поколѣніе, отняли память у двадцати пяти тысячъ людей, то и тогда успѣхъ былъ бы невозможенъ... Я считаю всѣ результаты революціи и все, что надо сохранить изъ конституціи завоеваніями, на столько прочными, что никакой переворотъ, кромѣ раздробленія государства, не можетъ ихъ уничтожить. Я не исключаю даже вооруженную контръ-революцію; пусть государство будетъ вновь завоевано—все-таки побѣдитель долженъ будетъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, обезпечить себѣ благосклонность народа, способствовать искорененію злоупотребленій, допустить народъ къ составленію законовъ, дозволить ему избирать своихъ администраторовъ, однимъ словомъ, даже послѣ междуусобной войны пришлось бы вернуться къ единственному плану, который можно привести въ исполненіе безъ потрясеній [9]). Но требовать отъ короля, чтобъ онъ обезпечилъ народу результаты революціи значитъ просто требовать, чтобъ онъ обезпечилъ своей собственной династіи унаслѣдованіе власти болѣе твердой и болѣе обширной. Все, что полезно для государства, полезно для короля, и все, что сдѣлано—сдѣлано ради государства. «Различные пункты, съ которыхъ нельзя отступить, скорѣе укрѣпили, чѣмъ ослабили истинный авторитетъ короля. Этотъ авторитетъ будетъ

---

[7]) *Correspondance*, t. I, p. 367, t. II, p. 223, 246, 423, 218.—[8]) *Ibid.* t. II p. 197.—[9]) *Ibid.* t. II, p. 421—429, 434, 225.

болѣе крѣпкимъ и незыблемымъ при содѣйствіи единаго законодательнаго корпуса, чѣмъ въ государствѣ, переполненномъ привилегіями и промежуточными сословіями, составленными изъ неравныхъ частей, которыя враждуютъ между собою и вѣчно готовы или сопротивляться каждая въ отдѣльности, или вступить въ мятежный союзъ. Совершенно ровная поверхность, требуемая свободой, облегчаетъ работу власти; равенство политическихъ правъ, противъ котораго такъ много кричатъ, составляетъ также одно изъ орудій власти [10]). Развѣ это ничего не значитъ не имѣть парламента, не имѣть сословія духовенства, привилегированныхъ, дворянства? Идея образовать только одинъ классъ гражданъ полюбилась бы самому Ришелье» [11]). Имя этого знаменитаго кардинала попало сюда не случайно. Весь планъ проникнутъ мыслью Ришелье, она сквозитъ повсюду и слѣды ея встрѣчаются даже въ страшныхъ крайностяхъ, къ которымъ приводитъ Мирабо его пониманіе государственной пользы.

За опредѣленными цѣлями слѣдуютъ и мѣры къ исполненію. Первый пунктъ состоитъ въ томъ, чтобъ не оставлять никакого сомнѣнія насчетъ цѣли короля. Ее должно объявить во всеуслышаніе. Если Собраніе окажется непримиримымъ, съ нимъ можно бороться изъ-за популярности, и его безсиліе организовать революцію станетъ очевиднымъ [12]). Главнымъ орудіемъ этой борьбы будетъ министерство, избранное изъ членовъ самого Собранія и составленное изъ популярныхъ элементовъ [13]). Бояться, что отдавая государство въ руки людей, вышедшихъ изъ революціи, мы узакониваемъ анархію, значитъ не знать людей вообще и въ особенности этихъ людей. «Якобинскіе министры не будутъ министрами якобинцами... Самый отчаянный демагогъ, стоя во главѣ управленія дѣлами и видя вблизи бѣдствія государства, понялъ бы недостаточность средствъ королевской власти» [14]).

Между тѣмъ король соберетъ войска въ какой-нибудь преданной ему провинціи, напр. Нормандіи, народъ которой, упрямый и политичный, соединясь съ населеніемъ Бретани и Анжу, можетъ представить несокрушимую силу. Король удалится туда и, объявивши, что онъ не чувствуетъ себя въ безопасности въ Парижѣ, что депутаты тамъ не свободны, пригласитъ Собраніе послѣдовать за нимъ. Въ случаѣ отказа со стороны Собранія, король его распуститъ, обратится къ народу и назначитъ «Національный конвентъ» [15]). Результатомъ могла быть междуусобная война, но это не пугало Мирабо. Онъ помнилъ, что авторитетъ короля, вышедшій изъ на-

---

[10]) *Correspondance*, t. II, p. 197, 433,—[11]) *Ibid.*, p. 75.—[12]) *Ibid.*, p. 227.—[13]) *Ibid.* p. 144—203.—[14]) *Ibid.* p. 228.

[15]) *Correspondance*, t. I, p. 371, t. II, p. 41, 415—416.

родныхъ смутъ при Генрихѣ IV, какъ бы закалился во время несовершеннолѣтія Лудовика XIII и Людовика XIV. Ни одинъ крупный переворотъ не совершался безъ пролитія крови, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей. «Я не увѣренъ даже, что этотъ страшный кризисъ не есть необходимое зло» [16]). А въ запискахъ, составленныхъ для двора, онъ прибавлялъ: «Междуусобная война, вообще худшее изъ всѣхъ золъ, все-таки предоставляетъ много возможностей для общественной свободы, для конституціи, для королевской власти. Важнѣйшее въ этомъ событіи было бы то... что національная партія была бы партія короля» [17]).

Иностранное вмѣшательство погубитъ все. Важно, чтобъ народъ не заподозрилъ короля въ желаніи заключить союзъ съ иноземцами, и чтобъ избѣжать этого подозрѣнія, королю не слѣдуетъ уѣзжать въ пограничный городъ, какъ напр. Мецъ. Это значило бы объявить войну націи и отречься отъ трона. Король, единственная охрана своего народа, не долженъ бѣжать передъ своимъ народомъ, пусть онъ сдѣлаетъ его судьей своего поведенія и своихъ принциповъ; но онъ не долженъ ставить себя въ невозможность вступить въ свое государство безъ оружія въ рукахъ или подвергнуть себя униженію, выпрашивая помощь отъ чужеземцевъ. И кто можетъ разсчитать, до чего дойдетъ изступленіе французовъ, когда они увидятъ, что король покинулъ ихъ, чтобы соединиться съ эмигрантами и сдѣлаться самому изгнанникомъ; и на сколько Франція могла бы приготовиться къ сопротивленію и бороться съ вызванными имъ силами? Я самъ, послѣ такого событія, донесъ бы на монарха [18]).

Сверхъ того, война представляла бы собою опасность для націи. «Вмѣсто того, чтобы служить средствомъ для облегченія бѣдствій государства, она ихъ умножитъ и доведетъ до крайности» [19]). Армія дезорганизована; чтобъ ее поставить на прежнюю ногу, необходимы терпѣніе и порядокъ. А пока Франція должна жить въ мирѣ съ тѣми, кто съ нею въ мирѣ. Миръ—первое условіе реформы и возстановленія государства. «Миръ необходимъ для дѣятелей революціи, такъ какъ во время войны ничто не заканчивается.... Миръ нуженъ королю, потому что во время войны общество переживаетъ тотъ кризисъ, когда правительство всего нужнѣе, а такъ какъ правительство существуетъ и можетъ существовать лишь тогда, когда дѣло Учредительнаго собранія закончено, то тѣ, кто должны бы управлять и не могутъ—будутъ предметомъ всеобщей ненависти, всеобщаго недовѣрія и жертвою всѣхъ партій [20]).

---

[16]) *Lettres à un ami d'Allemagne*, 4 août 1790, p. 517.

[17]) *Correspondance*, t. II, p. 78, 126; t. I, p. 199—200.

[18]) Мемуаръ 15 октября 1789. *Correspondance* t. I., p. 369.—[19]) *Ibid*, t. II, p. 39.

[20]) *Ibid.*, t. II., p. 278.

Не менѣе проницательности обнаружилъ Мирабо и по отношенію къ Европѣ [21]). Онъ не довольствуется составленіемъ плана, онъ указываетъ на человѣка, могущаго привести его въ исполненіе: это будущій посредникъ при составленіи вѣнскихъ трактатовъ, Таллейранъ. Мирабо уже съ октября 1789 г. называетъ Таллейрана единственнымъ человѣка, способнымъ пойти по слѣдамъ Верженна [22]). Вся его политика ограничивается нейтралитетомъ и оборонительными мѣрами. Франція имѣетъ только одного надежнаго союзника, Испанію, у которой одни и тѣ же интересы и одинъ и тотъ же врагъ: Англія [23]). «Непріязнь Англіи будетъ вѣчная: она будетъ расти ежегодно вмѣстѣ съ произведеніями ея промышленности или, лучше сказать, нашей собственной». Мирабо еще недавно питалъ надежду на дружбу съ англичанами: теперь, въ виду враждебности, ими выказываемой, онъ отрекается отъ нея: пріобрѣсти ихъ расположеніе можно только, отдавъ имъ въ руки французскую торговлю. Интересы Австріи противоположны французскимъ, но вѣдь то же самое можно сказать и объ интересахъ Пруссіи. Относительно послѣдней Мирабо не раздѣляетъ увлеченія своихъ соотечественниковъ и друзей. Онъ мало довѣряетъ и Сардиніи: «она готова отнять тронъ у своихъ собственныхъ дѣтей, чтобъ раздѣлить ихъ наслѣдство».

Швеція не имѣетъ никакого значенія, Турція истощена, Польша безсильна: «далеко еще время, когда она будетъ существовать самостоятельно, если только способна существовать». Въ заключеніе онъ говоритъ, что миръ—«дѣло болѣе трудное, чѣмъ то, которое воспламеняетъ честолюбіе, предлагая грабежъ для утоленія страсти къ наживѣ, и завоеванія—для удовлетворенія жажды славы [24]).

Но этотъ миръ, обезпечивающій успѣхъ революціи, не будетъ безславнымъ и безвыгоднымъ: онъ обезпечитъ настоящее и подготовитъ будущее. Франція, однимъ своимъ примѣромъ, покоритъ своимъ принципамъ цѣлые народы; она создастъ себѣ почитателей и друзей, въ переживаемомъ кризисѣ она почерпнетъ элементы для новаго преобладанія [25]). Французской революціи суждено производить совершенно различное дѣйствіе на народы,

---

[21]) Dumont. *Souvenirs*, ch. XIV: «Характеристическая черта его геніальности заключается въ его политической проницательности, предвидѣніи событій и знаніи людей.

[22]) *Correspondance*, t. I, p. 412.

[23]) *Projet de discours*, mai 1790. Lucas de Montigny, t. VII, p. 382.—*Mémoire sur les différents partis à prendre relativement aux puissances étrangères*. Id. t. VIII, p. 40.—XV записка для двора 30 іюля 1790, *Correspondance* t. II, p. 123.—Рѣчь 25 августа 1790.

[24]) Lucas-Montigny, t. VII, p. 390.

[25]) Рѣчь 25 августа 1790. *Moniteur*, t. V, p. 480.

смотря по степени ихъ цивилизаціи; въ результатѣ—великія опасности для Европы и славныя дѣла для Франціи [26]). «Французская революція, группируя большинство націй вокругъ законной власти въ странахъ, хорошо и мирно организованныхъ, въ то же время представляетъ опасность для правительствъ деспотическихъ и абсолютныхъ и для тѣхъ, которыя испытали въ недалекомъ прошломъ большія потрясенія. Такъ, въ Англіи примѣръ, поданный французской революціей, произведетъ только бо̀льшее уваженіе къ законамъ, бо̀льшую суровость дисциплины и соціальной іерархіи. Но надо ожидать серьезныхъ потрясеній въ Батавіи, гдѣ безпорядки были слишкомъ быстро пресѣчены; въ бельгійскихъ провинціяхъ, гдѣ мнѣнія и нравы безпокойны и мятежны, если не ускорить событія могучимъ ударомъ и поддержать стремленіе собственниковъ къ миру и безопасности, возвративши имъ мудрое и твердое правительство; въ кантонахъ Гельвеціи, если аристократы не будутъ дѣйствовать обдуманно и твердо и не составятъ коалиціи съ германцами; въ прекрасныхъ прирейнскихъ провинціяхъ, если не поспѣшатъ затянуть федеративный узелъ, укрѣпить все это готическое зданіе и даже передѣлать по старымъ размѣрамъ нѣкоторыя его части... Каждое изъ этихъ потрясеній породитъ множество другихъ, обширности и предѣловъ которыхъ невозможно опредѣлить заранѣе... Боркъ сказалъ, что Франція въ политическомъ отношеніи представляетъ великую пустоту. Боркъ сказалъ большую глупость. Эта пустота—вулканъ, подземныя колебанія котораго и грядущія изверженія ни на секунду нельзя упускать изъ виду».

Въ этомъ всѣ ошибаются, какъ дома, такъ и за-границей. «Нельзя думать и надѣяться, чтобы во Франціи составили себѣ вѣрную идею о мѣстѣ, которое мы занимаемъ теперь въ Европѣ, точно также, какъ въ Европѣ не составляютъ себѣ вѣрной идеи о нашемъ положеніи. Мы больны горячкой, принимаемъ болѣзнь за энергію; мы больны, а иностранцы считаютъ насъ умирающими; мы обманываемся, и они себя обманываютъ [27])».

Если Франція мудра и умѣетъ желать своего собственнаго блага, она можетъ образовать федераціи, которыя важнѣе всякихъ завоеваній. «Такимъ образомъ, единственно силою хорошаго государственнаго устройства мы пріобрѣтемъ берега Рейна и, что важнѣе, непоколебимое вліяніе на всѣ правительства Европы, вслѣдствіе усовершенствованія и наибольшаго благоденствія человѣческаго рода [28])».

Планъ былъ грандіозно задуманъ, но не было рычага, и средства,

---

[26]) Записка, сообщенная графу ла-Марку 10 мая 1790. Иностранныя дѣла.—См. Lucas-Montigny, t. VIII, p. 153.

[27]) *Correspondance* t. II, p. 276.

[28]) *Lettres à un ami d'Allemangne*, 31 janvier 1790, p. 506.

предлагаемыя Мирабо, были жалки и противорѣчивы. То были: интрига и подкупъ. Возрожденіе монархіи онъ подготовлялъ, какъ подготовляютъ мятежъ. Создать демократическое королевство, обновить династію посредствомъ революціи, положить въ основу вновь установленной власти гражданскую свободу и равенство, обезпеченныя свободой политической—было конечно высокой идеей, но странно создавать демократію и позорить ее при самомъ зарожденіи, гарантировать свободу, злоупотребляя ею и насилуя ее. Никакой пропорціональности между идеей и средствами! И однако, несмотря на ихъ гнусность, эти средства не были нелѣпы и непрактичны. Мирабо не былъ утопистомъ; онъ зналъ своихъ современниковъ и не разсчитывалъ привести ихъ къ своимъ цѣлямъ иными средствами помимо тѣхъ, которыми во всѣ времена пользовался произволъ и которыя англійское правительство проводило на практикѣ [29]).

Мирабо хотѣлъ обратить противъ революціи революціонный же образъ дѣйствій, заимствовать у якобинцевъ ихъ орудія пропаганды, ихъ памфлеты, ихъ организаціи и хотѣлъ направить противъ нихъ полицію и прессу, которая сражалась бы съ ними и побивала ихъ же собственнымъ оружіемъ [30]).

«Единственнымъ спасеніемъ можетъ быть такой проектъ, который сольетъ воедино иностранныя и внутреннія дворцовыя дѣла, комбинаціи государственнаго мужа и происки интригановъ, мужество великихъ гражданъ и дерзость мошенниковъ. Намъ нужна, такъ сказать, политическая

---

[29]) Ла-Люцернъ писалъ изъ Лондона 31 января 1790: «Англичане не могутъ себѣ представить, почему у насъ не защищаются и почему правительство не отвѣчаетъ на эти памфлеты. Милордъ Нортъ говорилъ мнѣ, назадъ тому нѣсколько дней, что съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ должность, видѣлъ въ Англіи много различныхъ администрацій, но не видалъ еще ни одной достаточно сильной, чтобъ стать выше памфлетовъ, что необходимо отвѣчать на все, въ виду того, что въ самое короткое время лучшая администрація становится непопулярной, и что онъ не можетъ себѣ представить, какъ еще французское министерство существуетъ, подвергаясь постояннымъ нападкамъ и никогда не защищаясь.

«Здѣшнее министерство держится вообще того принципа, что толпу надо побивать толпой, *mob contre mob*, т. е., что всякій разъ, когда оппозиція старается возбуждать народъ, чтобъ противодѣйствовать правительству, послѣднее старается возбудить народъ въ противоположномъ смыслѣ. Я вижу дѣйствительно, что всѣ здѣсь убѣждены подъ впечатлѣніемъ событій, совершающихся во Франціи, что партія демагоговъ восторжествуетъ и разрушитъ тронъ и монархію, если послѣдней не удастся привлечь на свою сторону народъ, или хотя часть народа. Это, конечно, плохое средство, но что же дѣлать, если ваши враги имъ пользуются»?

[30]) *Correspondance* t. II, p. 414—504.

аптека, единственный глава которой, имѣя въ своемъ распоряженіи простыя лекарства и ядовитыя травы, составляетъ дозы по своему усмотрѣнію и подъ покровительствомъ вѣрующаго въ него больного [31]).

Разсказанная такъ рельефно и цинично, мысль Мирабо принимаетъ какой-то страшный и отталкивающій характеръ, недостойный человѣчества. Это не парадоксъ, это анахронизмъ. «Я сомнѣваюсь,—писалъ графъ ла-Маркъ г. де Мерси [32])—въ успѣхѣ плана, который вы находите ловкимъ и глубокимъ. Можно сказать, что онъ созданъ для иныхъ людей и иныхъ временъ. Кардиналъ Рецъ, напримѣръ, прекрасно бы выполнилъ его, но мы не живемъ во времена фронды». Мирабо смотрѣлъ не назадъ, а впередъ, когда онъ воскрешалъ и соединялъ воедино Маккіавели, отца Жозефа и Ришелье, онъ лишь предсказывалъ консульство Бонапарта и министерство Фуше. Но чтобъ достигнуть этого, онъ вычеркивалъ десять лѣтъ изъ исторіи, и какой исторіи! Побѣдоносная анархія, цареубійство, тираннія демагоговъ, инквизиція комитетовъ, терроръ, который раздавилъ сильныхъ, директорія, во время которой царили развратники, паденіе иллюзій, нравственное униженіе, всеобщее отвращеніе отъ свободы, неодолимое желаніе мира, порядка, авторитета, словомъ—всѣ послѣдствія той революціи, которою онъ хотѣлъ управлять и которую укротило только собственное истощеніе.

Ни король, ни Собраніе не могли въ 1790 г. проникнуться взглядами Мирабо. Король былъ слишкомъ ограниченъ, Собраніе—слишкомъ мечтательно; тотъ и другое были очень не политичны и слишкомъ добродѣтельны, чтобъ отдаться въ руки этого чудовищнаго оператора. Онъ ихъ пугалъ. Король не смѣлъ пригласить его въ министерство; чтобъ не допустить его туда, Собраніе провело даже новый законъ. «Краснорѣчіе этого геніальнаго человѣка увлекаетъ и подчиняетъ васъ—вскричалъ Ланжюине;—чего онъ не могъ бы сдѣлать, еслибъ былъ министромъ?» «Я былъ бы тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда,—защитникомъ монархической власти, регулируемой законами, и апостоломъ свободы, гарантированной монархической властью», отвѣчалъ Мирабо [33]).

Къ несчастію для страны, Мирабо суждено было оставаться до конца дней только геніальнымъ трибуномъ; самая мощь его генія роковымъ образомъ приводила къ результатамъ, противоположнымъ его собственнымъ цѣлямъ: она возбуждала народъ, который онъ хотѣлъ сдержать, ускорила паденіе монархіи, которую онъ хотѣлъ спасти, наконецъ сдѣлала его подозрительнымъ въ глазахъ двора, вслѣдствіе его вліянія въ Собраніи, и въ глазахъ Собранія, благодаря приписываемому ему вліянію при дворѣ. Онъ глубоко обдумалъ планъ, основанный на подкупѣ, и первый сдѣлался

[31]) *Correspondance*, t. II, p. 510.—[32]) *Ibid* t. III, p. 27.—[33]) *Ibid* t. II. 25.

его жертвою. «Средства для нашихъ цѣлей—деньги и деньги», писалъ графъ ла-Маркъ. Мирабо велитъ сыпать ими безъ счету» [34]). Онъ началъ съ того, что самъ сталъ брать деньги [35]). Онъ не продался, конечно, но, какъ говорили, онъ получалъ плату за свои услуги [36]), и хотя это дѣлалось для проведенія собственныхъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе ложится двусмысленною и печальною тѣнью на важную страницу его жизни, подобно одному изъ тѣхъ пятенъ при вступленіи въ жизнь, которыя омрачаютъ зрѣлый возрастъ.

Мирабо истратилъ свои силы на страсти, тревоги и волненія всегда неугомонной, иногда низменной жизни. Сокровища своею чуднаго генія онъ расточалъ на оргію мысли и на работу изъ-за денегъ. Его характеръ притупился и ослабѣлъ; какъ ни силенъ былъ закалъ—металлъ потускнѣлъ и заржавѣлъ. Онъ серьезно заболѣлъ въ концѣ 1788. «Умственный трудъ, душевныя тревоги, гражданскія бури, усиленная работа изнурили меня, и я уже не могу считать себя неуязвимымъ», пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей, и прибавляетъ: «но еще сохранилась энергія и стихійный огонь» [37]). Этотъ огонь, подобный тому, который тлѣетъ въ вулканѣ, могъ вспыхивать лишь отъ стихійныхъ потрясеній и освѣщать собою разрушеніе и пожары.

Современники Мирабо видѣли только его непослѣдовательность, его слабости и его пороки. Его мысль проносилась надъ ними, не проникая ихъ собою, его слова волновали, не убѣждая. Обращаясь къ страстямъ, онъ увлекалъ ихъ; но обращаясь къ разуму, онъ былъ безсиленъ и не могъ сдерживать ихъ. Наконецъ, онъ былъ слишкомъ извѣстенъ, его имя было замѣшено во многихъ похожденіяхъ; его такъ часто позорили, клеймили, оскорбляли, что не могли довѣрять ему и видѣть въ недавнемъ агитаторѣ будущаго спасителя. Ему недоставало прелести неизвѣстнаго, тайны уединенія и всего этого престижа добродѣтели, которымъ люди любятъ надѣлять тѣхъ, которыхъ они выбираютъ своими властелинами. «Мирабо пользовался своимъ громовымъ краснорѣчіемъ для того, чтобы занять первое мѣсто, откуда былъ изгнанъ вслѣдствіе своей безнравственности»,

---

[34]) *Correspondance*, t. I, p. 175.

[35]) За совѣты и услуги королю, начиная съ 1 іюня 1790 г., Мирабо долженъ былъ получать 6000 франковъ въ мѣсяцъ, уплату долговъ въ размѣрѣ 208000 франковъ и въ концѣ сессіи Собранія болѣе милліона, если честно исполнитъ свои обязательства. Исторію этихъ переговоровъ смотри *La Correspondance*, t. I, p. 159—164.

[36]) Sainte-Beuve. *Causeries du lundi*, t. IV. Статья о корреспонденціи короля и графа ла-Марка.

[37]) *Lettres à un ami d'Allemagne.* 31 октября 1788 г. стр. 423.

сказала г-жа Сталь [38]). Увы! это первое мѣсто, котораго онъ домогался, было недоступно, и онъ это сознавалъ. Его друзья не разъ видали, какъ онъ горькими слезами оплакивалъ грѣхи своей юности, которые, такъ сказать, отлучили его отъ довѣрія французовъ. «Странная судьба выпала на мою долю: быть двигателемъ революціи и всегда оставаться между навозной кучей и дворцомъ!», восклицалъ онъ въ минуты унынія [39]). Во дворецъ онъ могъ входить только въ сумерки, въ потайную дверь и по черной лѣстницѣ. Дворъ, видѣвшій въ Мирабо только конспиратора, требовалъ отъ него однихъ заговоровъ, и все это задуманное имъ великое министерство во вкусѣ Ришелье сводилось на практикѣ къ тайному руководительству тайной полиціей.

Мирабо тщетно боролся съ бездѣятельностью короля во внутреннихъ дѣлахъ; борьба его съ увлеченіями и иллюзіями Собранія въ дѣлѣ иностранной политики была успѣшнѣе.

---

[38]) *Considérations.* 1 partie, ch. XVIII.

[39]) *Lettres à un ami d'Allemagne*, февраль 1779 г., стр. 449. «Я видалъ его плачущимъ какъ ребенокъ,—говоритъ одинъ свидѣтель,—признаюсь я забывалъ всѣ грѣхи его молодости, когда онъ говорилъ трогательнымъ тономъ: «О, какъ вредитъ общественному дѣлу безнравственно прожитая юность моя!» La Marck, *Correspondance*, t. I, p. 108.

ГЛАВА II.

Бельгійская революція. 1789—1790 г.

I

Примѣръ Франціи поднялъ духъ бельгійскихъ патріотовъ [1]). Вожди партій, протестовавшихъ противъ реформъ Іосифа II, защитники старинныхъ льготъ, словомъ, тѣ, которые стояли за штаты противъ государя, *штатисты*, какъ они себя называли, бѣжали въ Голландію, организовались тамъ, составили комитетъ дѣйствія и назвали своего вождя Ванъ-деръ-Ноота *полномочнымъ агентомъ брабантскаго народа*. Этотъ честолюбивый адвокатъ, запальчивый въ рѣчахъ, нерѣшительный въ поступкахъ, предпріимчивый, вздорный, скорѣе агитаторъ, чѣмъ человѣкъ дѣйствія еще менѣе способный быть правителемъ, разсчитывалъ сыграть роль католическаго и аристократическаго Лафайета. Голландцы поощряли его; они радушно принимали бельгійскихъ эмигрантовъ и позволяли имъ интриговать на своей территоріи. Эти республиканцы не видѣли въ этомъ никакихъ неудобствъ, будучи врагами Іосифа II. Такъ поступали во всѣ времена со своими противниками, и въ этомъ же смыслѣ прусскій король возбуждалъ Ванъ-деръ-Ноота и его партію. Бельгійцы разсчитывали также на Англію; они не сомнѣвались, что всѣ соперники Австріи будутъ поддерживать ихъ стремленіе къ независимости, подобно тому, какъ Франція и Испанія поддерживали нѣкогда сѣверо-американцевъ, возставшихъ противъ Англіи. Въ Бельгіи существовала еще другая партія, менѣе многочисленная, но болѣе смѣлая—партія демократовъ: ихъ называли *вонкистами*, по имени ихъ вождя, адвоката Франсуа Вонка. Ихъ идеи были близки къ идеямъ, преобладавшимъ во Франціи. Принужденные также эмигрировать и принятые какъ штатисты республикою Соединен-

---

[1]) См. томъ I.

ныхъ Штатовъ, *вонкисты* вооружались и готовились къ рѣшительному удару. Общая ненависть къ Австріи, общее стремленіе къ національной самостоятельности сближали ихъ съ аристократами. Они соединили свои силы. Въ октябрѣ 1789 ихъ маленькая армія насчитывала около трехъ тысячъ-пятисотъ человѣкъ.

Іосифъ II пытался предупредить это возстаніе энергичными мѣропріятіями. Этотъ соревнователь великаго Фридриха вовсе не претендовалъ на чувствительность. Онъ вѣрилъ въ свой авторитетъ, страстно оберегалъ его и не раздѣлялъ щекотливости и отвращенія къ пролитію крови, какія испытывалъ его зять Людовикъ XVI. Онъ располагалъ восемнадцатитысячнымъ корпусомъ; генералъ д'Альтонъ, командовавшій этимъ корпусомъ, получилъ самыя безпощадныя инструкціи. 19 октября вышелъ манифестъ отъ правительства о разоруженіи жителей. Простая эмиграція наказывалась изгнаніемъ и конфискаціей, присоединеніе къ вооруженнымъ сборищамъ на границѣ наказывалось смертью; доносчикамъ обѣщана премія въ 10000 франковъ и безнаказанность, если они были соучастниками заговора [2]). Это было, такъ сказать, общимъ правомъ и постояннымъ способомъ дѣйствія въ дѣлѣ эмиграціи [3]). Суровость исполненія превышаетъ суровость декретовъ. Подозрительныхъ людей арестуютъ по доносу перваго встрѣчнаго; арестъ сопровождается грабежемъ. Министръ императора, Траутмансдорфъ, обращается къ справедливости государя и пишетъ ему: «Несправедливость, съ какою дѣйствуютъ противъ подданныхъ вашего величества подъ предлогомъ взятія заложниковъ или удаленія вождей заговора, приводитъ въ отчаяніе націю и должна привести къ возстанію. Всѣ боятся насилія, всѣ бѣгутъ, чтобъ не быть захваченными самымъ возмутительнымъ образомъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, жители которой были бы въ такой мѣрѣ лишены безопасности, свободы и собственности, какъ въ этой странѣ [4]).

Эта жестокость только раздражила бельгійцевъ и сгладила дорогу для инсургентовъ. Они перешли границу 23 октября, 24 октября манифестъ, «Брабантскому народу», изданный Ванъ-деръ-Ноотомъ, взываетъ къ «пер-

---

[2]) Приказъ отъ 19 октября 1789.

[3]) См. указъ августа 1669, сдѣлавшійся закономъ во Франціи, приводимый Мерлиномъ въ его *Répertoire*, въ статьѣ объ *Эмиграціяхъ*, какъ резюме стариннаго законодательства. Онъ наказываетъ эмигрантовъ «конфискаціей тѣла и имущества». Эдиктъ 20 августа 1685, направленный противъ реформаторовъ, требуетъ, чтобы половина имуществъ, конфискованныхъ у эмигрантовъ, была отдана тѣмъ, которые ихъ выдали. *Edits, déclarations et arrests concernant la religion prétendue réformée.* Paris 1714, новое изданіе 1885.

[4]) Borgnet, t.. I, глава III.

воначальнымъ и неотъемлемымъ правамъ» бельгійской націи и объявляетъ Іосифа II лишеннымъ власти въ герцогствѣ брабантскомъ за нарушеніе основной хартіи. Д'Альтонъ отвѣчаетъ объявленіемъ, что «онъ сожжетъ всѣ деревни, которыя поднимутъ знамя бунта и въ которыхъ кто-нибудь изъ жителей появится вооруженнымъ съ цѣлью оказать сопротивленіе войскамъ». Войска тѣмъ не менѣе были побиты инсургентами и принуждены были отступить въ Люксенбургъ. 18 декабря Ванъ-деръ-Ноотъ торжественно вступаетъ въ Брюссель. Сопровождаемый «благородными и великими брабантскими штатами», онъ дефилируетъ передъ буржуазной гвардіей и толпой, которыя рукоплещутъ «бельгійскому Франклину». Онъ отправляется въ соборъ, гдѣ поютъ *Te Deum*, потомъ въ театръ, гдѣ даютъ «Смерть Цезаря». Но такъ какъ приличіе требуетъ, чтобы на національномъ торжествѣ воздано было должное не только «добродѣтели», но и «сердечной чувствительности» и чтобы невинность «освятила актъ патріотизма»—то спектакль завершается піесой «La Rosière de Salency»; героиня—ingénue этой пьесы—возлагаетъ вѣнокъ гражданской доблести на чело Ванъ-деръ-Ноота. 7 января 1790 г. мѣстные штаты различныхъ нидерландскихъ провинцій собираются въ Брюсселѣ и составляютъ генеральные штаты. 10-го они вотируютъ федеративный актъ соединенныхъ бельгійскихъ штатовъ: каждая изъ провинцій сохраняетъ независимое существованіе; центральная власть завѣдуетъ лишь иностранной политикой и военной обороной. Эта конституція довольно сходна съ тою, которая принята была ранѣе соединенными провинціями Голландіи. Власть была вручена Ванъ-деръ Нооту.

Новая республика вскорѣ получила поздравленіе и добрыя пожеланія отъ прусскаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ легитимистомъ, подобно большинству королей стараго порядка, но онъ былъ имъ по своему усмотрѣнію и порою откладывалъ легитимизмъ въ сторону: строго оберегая свои собственныя права, онъ весьма свободно относился къ чужимъ. Въ августѣ онъ послалъ своего генерала и войска въ Люттихъ для оказанія поддержки возмутившемуся народу противъ его епископа; онъ уполномочилъ министра своего Герцберга принять довѣренное лицо, посланное Ванъ-деръ Ноотомъ. Болѣе того, онъ отправилъ въ Бельгію одного изъ наиболѣе искусныхъ дипломатовъ своихъ, легаціоннаго совѣтника Брокгаузена, съ цѣлью поощренія бельгійцевъ и въ то же время зоркаго наблюденія за ними. Онъ уполномочилъ одного изъ своихъ офицеровъ, генерала Шенфельда, организовать брабантскую армію. Генералъ Шлиффенъ, занимавшій военный постъ въ Люттихѣ, получилъ приказъ войти въ сношенія съ Брюсселемъ. Наконецъ, человѣкъ, которому поручались темныя дѣла берлинской дипломатіи, интриги и ажіотажъ, человѣкъ, встрѣчав-

шійся повсюду, гдѣ Пруссія замышляла какіе-либо тайные ковы, еврей Ефраимъ, также отправился въ Бельгію, подъ предлогомъ устройства складовъ и снабженія припасами республиканской арміи [5]).

Пруссія склоняла англичанъ и голландцевъ къ признанію республики и гарантированію ея конституціи, лишь только брабантцы оказались бы способными «отстаивать свою независимость».

Ванъ-деръ Ноотъ домогался такого признанія и въ Гагѣ и въ Лондонѣ. Онъ почелъ равно необходимымъ сдѣлать по этому поводу однородныя заявленія и въ Парижѣ. Сторонники его были, однако, далеки отъ подобной политики. Составлявшіе большинство въ конгрессѣ штатисты были преисполены отвращенія къ французскимъ воззрѣніямъ. «Если бы», заявлялъ одинъ изъ главарей партіи, іезуитъ Феллеръ, «пришлось выбирать между установленіемъ у насъ царства «французскихъ сборищъ» и возвращеніемъ подъ власть низложеннаго государя, народъ не сталъ бы колебаться. Я самолично отправился бы ходатайствовать о возвращеніи д'Альтона со всѣми палачами австрійскаго ополченія». Тѣмъ не менѣе необходимо была выяснить положеніе, такъ какъ Франція продолжала еще быть оффиціальною союзницею Австріи. Уступитъ ли она при случаѣ требованіямъ императора, или откажется въ силу своей новой конституціи? Ванъ-деръ Ноотъ написалъ Лудовику XVI и президенту Собранія, заявляя объ актѣ провозглашенія бельгійской независимости. Францію вызывали, такимъ образомъ, къ занятію внѣшними дѣлами и притомъ такими, къ которымъ она не могла оставаться равнодушною: сосѣдняя нація, вдохновлявшаяся ея собственнымъ примѣромъ, обращалась къ ея содѣйствію и сочувствію.

II.

Революція въ Нидерландахъ во всѣ времена считалась во Франціи благопріятною случайностью. Эта дипломатическая традиція вполнѣ согласовалась, въ 1789 г., и съ народными страстями, и съ новыми принципами, заложенными въ основу государства. Австрію ненавидѣли, союзъ съ нею внушалъ отвращеніе: достаточно было того, что бельгійцы возмутились противъ императора, чтобы французы считали ихъ своими союзниками. Охваченные энтузіазмомъ собственнаго освобожденія, французы готовы были горячо сочувствовать всякому народу, подобно имъ стремившемуся къ свободѣ. Горячія головы уже мечтали о всемірной революціи. Имъ показалось, что она начнется съ Бельгіи. Дѣло брабантцевъ возбудило

---

[5]) Juste, t. II, ch. I.—Sybel, 4 édit, t., I, livr. II, ch. I.—Duncker, *Friedrich Wilhelm II u. Graf Hertzberg* въ *Historische Zeitschrift*, 1877, p. 11 и 12.

пламенное сочувствіе и, не вникая даже въ его сущность объявили бельгійскую революцію солидарною съ французскимъ переворотомъ. Одинъ изъ самыхъ пламенныхъ представителей парижской демократіи, Камиль Демуленъ, приступилъ къ изданію журнала, предназначавшагося къ популяризированію такого рода политики. Этотъ органъ: «Les révolutions de France et de Brabant» былъ провозвѣстникомъ той пропаганды, которой предстояло отнынѣ потрясти всю Европу. Онъ оправдывалъ бельгійцевъ отъ обвиненія въ клерикализмѣ: революція очищаетъ все, даже вмѣшивающееся въ нее духовенство. Къ тому же бельгійцы ссылались на Цицерона; это патентъ на правовѣрную гражданственность: «Любезные друзья, если вы читаете Цицерона, я ручаюсь за васъ: вы добьетесь свободы». И разсмотрѣвъ истинное значеніе Ванъ-деръ Ноота и его партіи, увидѣвъ въ ней рѣшительную противницу Франціи и ея принциповъ, онъ отступается отъ нея лишь для того, чтобъ съ еще бо́льшею горячностью стать на сторону Вонка и демократовъ: «Достаточно долгое время Франція считалась убѣжищемъ и опорою королей. О родина, тебя ожидаетъ болѣе славная будущность. Будь отнынѣ убѣжищемъ и опорою народовъ» [6]).

Камиль Демуленъ пропагандировалъ бельгійскую революцію въ народной партіи; Лафайетъ сдѣлался апологетомъ ея въ Національномъ собраніи и предъ правительствомъ. Всѣ революціи міра считалъ онъ своимъ удѣломъ. Онъ дѣлался ихъ оффиціальнымъ крестнымъ отцомъ и естественнымъ опекуномъ. Однако бельгійская революція оскорбляла его своимъ аристократическимъ характеромъ и поспѣшностью, съ которою господствующая партія искала милостей Англіи и покровительства Пруссіи [7]). Онъ предпочелъ бы защищать этотъ народъ отъ мнимыхъ покровителей, стремившихся единственно къ его эксплуатаціи. Ему улыбалась мысль вознаградить Францію за неудачу, претерпѣнную ею, благодаря Пруссіи, во время революціи въ Голландіи въ 1787 г. Быть можетъ, даже мечты внушали ему надежду освободить батавцевъ, по оказаніи поддержки бельгійцамъ, и соединить въ одинъ федеративный союзъ эти оба столь долгое время разъединенные народы. Въ Европѣ образовались бы тогда свои Соединенные штаты, кліенты и союзники свободной Франціи [8]). Къ тому-же Лафайетъ полагалъ, что военная демонстрація на сѣверной границѣ могла бы имѣть весьма благопріятный результатъ, возстановить дисциплину въ

---

[6]) *Révolutions de France et de Brabant*, t. I, p, 164, 364, 117, 134. Первый выпускъ появился 28 ноября 1789 г.

[7]) *Mémoires du général Lafayette,* Paris, 1832—38, t. III, p. 16 et suiv. Sur l'insurrection de la Belgique.

[8]) См. Governor Morris, 22 января 1790.

арміи, доставить правительству предлогъ къ полезной диверсіи и придать ему нѣкоторый престижъ.

Правительство однако не склонялось къ этому. Неккеръ отказывалъ въ ассигнованіи денегъ, а Монморенъ находилъ планъ рискованнымъ. Этотъ министръ желалъ мира и стремился лишь выиграть время, направляя всѣ свои дипломатическія усилія къ тому, чтобы замаскировать достойнымъ образомъ воздержаніе отъ дѣйствія, предписываемое Франціи обстоятельствами. Пытаясь затушить огонь, раздуваемый повсюду прусскимъ королемъ, онъ не довѣрялъ компрометирующимъ инсинуаціямъ, исходившимъ изъ Берлина. Генералъ Шлиффенъ встрѣтилъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гагѣ и много бесѣдовалъ съ нимъ о Турціи. «Смыслъ его бесѣды заключался въ раздѣлѣ, который доставилъ бы намъ Египетъ и Кандію». «Какъ вы можете себѣ представить,—писалъ Монморенъ одному посланнику,—мы не придаемъ никакой цѣны этимъ соображеніямъ» [9]). Напротивъ, онъ придавалъ серьезное значеніе тому, чтобы убѣдить Англію, которую почиталъ враждебною, въ примиряющихъ намѣреніяхъ Франціи въ щекотливомъ бельгійскомъ вопросѣ. Онъ боялся вывести окончательно изъ терпѣнія Австрію, уже крайне недовольную и недовѣрчивую. Наконецъ, онъ чуялъ ловушку въ прусскомъ заигрываніи; ничто не могло ручаться ему, что, вовлекши французовъ въ разрывъ съ Вѣною, Пруссія не нашла бы въ этомъ разрывѣ способа привлечь Австрію къ своей собственной игрѣ. Іосифъ II овладѣлъ Бѣлградомъ [9]), онъ предлагалъ миръ туркамъ; руки у него были развязаны: онъ только и говорилъ, что о походѣ на Пруссію и о томъ, чтобы сбить спѣсь Пруссіи. Монморенъ зналъ по опыту, на какой почвѣ могло послѣдовать улаженіе этихъ нѣмецкихъ ссоръ. Для Франціи было бы опасно поддерживать тѣхъ, кто пытался отнять у Австріи Нидерланды. «Императоръ», писалъ Монморенъ [10]) «быть можетъ почелъ бы себя въ такомъ случаѣ въ правѣ временно согласиться съ прусскимъ королемъ и отодвинуть наши границы, то есть заключить насъ въ предѣлы, существовавшіе до Вестфальскаго мира. Обстоятельства, въ которыхъ находится Франція, къ несчастію, въ значительной мѣрѣ облегчили бы успѣхъ подобнаго плана. Мы должны, слѣдовательно, избѣгать въ нашихъ политическихъ дѣйствіяхъ всякаго къ тому повода».

Соображенія эти были вполнѣ основательны, но не легко было примѣнить ихъ на практикѣ. Такъ какъ партійнымъ страстямъ не удалось по-

---

[8]) Ла-Люцерну, 4 октября 1789 г.

[9]) 8 октября 1789 г.

[10]) Герцогу Орлеанскому 10 декабря 1789.

мѣшать имъ, то за это взялась интрига. Скомпрометированный темными махинаціями, предшествовавшими днямъ 5 и 6 октября, герцогъ Орлеанскій запутался въ страшно скандальномъ дѣлѣ. Лафайетъ, имѣвшій возможность покрыть его позоромъ, согласился пощадить его подъ условіемъ, что принцъ немедленно покинетъ Францію и останется вдали отъ нея вплоть до распущенія Собранія. Чтобы заставить его рѣшиться на такую уступку и замаскировать изгнаніе въ глазахъ общества, Людовикъ XVI пожелалъ поручить ему политическую миссію и вручилъ письмо для передачи англійскому королю. Принцу были даны формальныя инструкціи [11]). Главнымъ предметомъ ихъ были бельгійскія дѣла: было вполнѣ естественнымъ, что, отправляясь въ Лондонъ по приказу короля, герцогъ Орлеанскій имѣлъ возможность высказать свое отношеніе къ бельгійскому перевороту. Нашли удобнымъ даже заинтересовать въ этомъ случаѣ его честолюбіе. «Если бельгійскимъ провинціямъ придется перемѣнить властелина», говорилось въ инструкціяхъ, «то король предпочтетъ для нихъ особаго государя». Герцогъ долженъ былъ осторожно и ловко внушить это англичанамъ и предварить ихъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. «Возможно», прибавлялось въ инструкціяхъ, «что результатъ будетъ выгоденъ для самого герцога Орлеанскаго». Одновременно съ герцогомъ выѣзжалъ курьеръ къ французскому посланнику въ Лондонъ, Ла-Люцерну, которому поручалось руководить принцемъ, слѣдить за нимъ, объяснить англичанамъ совершенно частный характеръ его мнимой миссіи и въ особенности стараться, чтобы Георгъ III не разгнѣвался по поводу того, «что, желая избавиться отъ герцога, рѣшили послать его въ Англію» [12]). Монморенъ не замедлилъ препроводить подобное же разъясненіе въ Вѣну и сообщить императору вмѣстѣ съ оффиціальными инструкціями и контръ-посланіе, ихъ уничтожавшее.

Но предосторожность эта не могла быть достаточною для такого политически неустойчиваго и падкаго на соблазнъ человѣка, какимъ былъ Филиппъ Орлеанскій. Его привлекла къ революціи не столько жажда власти, сколько безпокойное желаніе успѣха, оскорбленное тщеславіе и мелочная, но упорная ненависть къ Маріи Антуанетѣ. У этого мнимаго главаря партіи была душонка сообщника. Онъ поручилъ пользованіе и

[11]) Mémoire pour servir d'instructions à S. A. R. Mgr. le duc d'Orléans, allant à Londres de la part du roi, 13 oct. 1789. Въ этихъ инструкціяхъ имѣется весьма щекотливая статья. Герцогу поручалось выяснить дѣло о проискахъ англичанъ во Франціи. Но если въ обществѣ громко обвиняли Англію въ возбужденіи внутреннихъ смутъ во Франціи, дипломаты втихомолку обвиняли герцога Орлеанскаго въ томъ, что онъ служилъ агентомъ Англіи. *Correspondance de Staël*, 29 août et 17 sept. 1789.

[12]) Монморенъ Ла-Люцерну, 2 ноября. 1789.

своимъ именемъ и своимъ богатствомъ нѣкоему дѣльцу Лакло, вносившему въ конспираціи геніальнѣйшую развращенность вѣка [13]). Лакло погубилъ его; Филиппъ созналъ свое паденіе. Дипломатическое порученіе представляло новую приманку его пресыщенному воображенію. Другой изъ обычныхъ совѣтниковъ и повѣренныхъ его, Лозенъ, герцогъ де-Биронъ, имѣвшій претензію на роль европейскаго интригана, указалъ ему на бельгійскую революцію какъ на средство вознаградить себя за неудачи, претерпѣнныя во французской. Эти щеголи и виверы воображали, что воскрешаютъ фронду. Филиппъ, которому не удалось сдѣлаться генеральнымъ лейтенантомъ королевства, предался иллюзіи пріобрѣтенія фландрской короны. Непріязнь къ королевѣ, стимулъ, общій этимъ дворцовымъ неудачникамъ, превратившимся въ заговорщиковъ, заставляла ихъ желать ослабленія Австріи. Тѣ же расчеты, клонившіе ихъ во Франціи къ союзу съ демагогами, побуждали ихъ въ Европѣ къ заговорамъ съ Пруссіей. Внутри страны они ждали всего отъ внутренней анархіи, извнѣ—они не надѣялись ни на что, за исключеніемъ союза съ Пруссіей. Но Пруссія ничего не стала бы дѣлать въ Нидерландахъ, помимо Англіи, слѣдовательно необходимо было убѣдить англичанъ. Затрудненія не смущали этихъ безпокойныхъ людей, искавшихъ приключеній, и когда герцогъ Орлеанскій отправился въ Лондонъ, онъ повезъ съ собою цѣлую систему союзовъ и дипломатическихъ замысловъ.

Система эта не отличалась новизною; политики Пале-Рояля приспособили лишь сообразно со своими фантазіями минуты замыслы, уже съ давнихъ поръ популярные въ средѣ оппозиціи [14]). «Я думаю,—писалъ герцогъ Орлеанскій одному изъ своихъ близкихъ [15]), что всякій, кто явится къ брабанцамъ, получитъ отъ нихъ титулъ губернатора или герцога». Однако онъ не считалъ благоразумнымъ немедленный разрывъ съ Австріей. «Я предпочелъ-бы союзъ съ Англіей, Пруссіей, Голландіей, союзъ, къ которому мы могли-бы привлечь и Испанію. Такимъ способомъ мы обезпечили-бы себѣ прочный миръ; но дѣла наши недостаточно подвинуты для этого; королева пользуется еще слишкомъ сильнымъ вліяніемъ на правительство». «Несомнѣнно,—прибавляетъ онъ,—что если бы наши министры не продолжали курить ѳиміама предъ «Идоломъ», они нашли-бы возможность вмѣшаться въ нидерландскія дѣла, не сталкиваясь непосредственно съ вѣнскимъ дворомъ; имъ слѣдовало-бы только подстрекать или даже предоставлять Національное Собраніе его собственному теченію, взвалить на него все, если дѣла примутъ неблагопріятный оборотъ, и пользоваться

---

[13]) Taine, *la Révolution*, t. II, p, 60—62.

[14]) См. т. I.

[15]) 2 дек. 1789. Бирону.

имъ, если все пойдетъ хорошо» [16]). Герцогъ намѣревался обойти затрудненіе и овладѣть позиціей, зайдя ей въ тылъ. Онъ расположитъ къ своимъ замысламъ Англію, предложивъ ей приманку «полной свободы торговли между обѣими націями и, слѣдовательно, наитѣснѣйшій союзъ». Одинъ изъ его сыновей могъ-бы жениться на дочери Георга III и заинтересовать такимъ образомъ ганноверскій домъ въ новомъ основаніи бурбонскаго. Что касается Пруссіи, то туда слѣдуетъ послать Бирона, человѣка, могущаго все купить въ странѣ, гдѣ, какъ слышно, все продажно; если не Бирона, то можно отправить Геймана, вкрадчиваго военнаго человѣка и необычайно искуснаго интригана, близко знакомаго съ закулисными дѣлами, и преимущественно берлинскими [17]).

Филиппъ Орлеанскій пріѣхалъ въ Лондонъ въ послѣднихъ числахъ октября, сильно озабоченный своею новою ролью и поглощенный своею новою фантазіей. Иллюзія не была продолжительна. Согласно съ желаніемъ Людовика XVI, Георгъ III принялъ его съ изысканною вѣжливостью. Питтъ и герцогъ Лидскій также были съ нимъ безупречно вѣжливы, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не замѣтить и въ томъ и въ другомъ одно простое соблюденіе приличій. Онъ потребовалъ инструкцій, которыя не были ему присланы. Отстраненный отъ двора, избѣгаемый французскими дворянами, удалившимися въ Лондонъ, онъ получилъ отвращеніе къ дипломатическимъ переговорамъ и искалъ забвенія въ дурномъ обществѣ, которымъ окружалъ себя въ Лондонѣ такъ же, какъ и въ Парижѣ [18]). Самъ по себѣ эпизодъ не имѣлъ-бы серьезнаго значенія и не заслуживалъ бы вниманія исторіи, если бы не представлялъ перваго опыта революціи во французской дипломатіи, необдуманнаго и не твердаго, но весьма рѣзко очерченнаго. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ эта мимолетная интрига, вышедшая изъ козней стараго двора и внушенная доктриной Фавье, связывается съ несравненно болѣе обдуманными и серьезными переговорами Талейрана и Дюмурье въ 1792 г.

Нескромность Филиппа Орлеанскаго и его друзей не преминули придать этой мнимой миссіи болѣе важное, чѣмъ она заслуживала, значеніе. Несмотря на всѣ старанія Монморена, Австрія начала питать подозрѣнія [19]).

---

[16]) Разговоръ съ Ла-Люцерномъ.

[17]) Герцогъ Орлеанскій Бирону, 10 дек. Монморену, 6 нояб. 1789.

[18]) *Correspond. de Londres,* Affaires étrangères. *Political Memoranda of Francis fifth Duce of Lieds*, издан. Оскаромъ Броунингомъ, Вестминстеръ 1884 стр. 145.—Bardoux. *La comtesse de Beaumont.* Paris, 1884. *Lettres d. la marquise de Coigni.* Paris, 1884.—Sainte-Beuve, *Causeries du lundi,* t. IV et XV, articles Lauzun et Madame Elliot.

[19]) *Rapport de Noailles*, 21 nov.—Joseph à Léopold, 3 décembre. Léopold à Joseph, 14 décembre 1789. Arneth, op. cit.

Французское министерство нашло, что во избѣжаніе подозрѣній необходима недвусмысленная манифестація. Случай къ тому данъ былъ пріѣздомъ въ Парижъ бельгійскаго агента, привезшаго королю и Собранію посланіе Ванъдеръ-Ноота. Лудовикъ XVI возвратилъ пакетъ не вскрывая и сообщилъ президенту Собранія, что «ни справедливость, ни его собственное достоинство, ни осторожность не дозволяютъ отвѣчать на подобный шагъ». Собраніе поступило въ такомъ же духѣ и рѣшило безъ преній, что не приметъ посланіе брабанцевъ [20]). Однако Франція не могла отстраняться отъ бельгійскихъ событій до полнаго ихъ игнорированія. Нити прусскихъ интригъ были слишкомъ многочисленны въ Бельгіи для того, чтобы не пытаться, по крайней мѣрѣ, слѣдить за ними. Министерство направило туда съ этою цѣлью своихъ агентовъ; оно попыталось даже расположить умы въ пользу сочетанія конституціоннаго правительства съ возведеніемъ на престолъ австрійскаго принца. Бельгійцы отказались отъ этого, и Франція перестала вмѣшиваться въ ихъ дѣла [21]).

Рвеніе англичанъ также замѣтно ослабѣвало. Главнѣйшею причиною ихъ безпокойства было опасеніе, что Франція вторгнется въ Нидерланды. Во избѣжаніе подобной опасности, они нѣкоторое время имѣли намѣреніе возсоединить Бельгіи и Голландію подъ однимъ штатгальтеромъ и присоединить ихъ къ Германіи посредствомъ созданія новаго курфиршества [22]). Успокоенные съ этой стороны, они выказали менѣе поспѣшности признать новую республику, чѣмъ того желали-бы бельгійцы. Умѣряя даже рвеніе пруссаковъ, Питтъ убѣдилъ ихъ предоставить бельгійцамъ возможность согласія съ Австріей путемъ сдѣлки, которая ставила-бы ихъ права подъ обезпеченіе ихъ союзниковъ. Таковъ дѣйствительный смыслъ договора, подписаннаго въ Берлинѣ 9-го января 1790 г. между Англіей, Пруссіей и Голландіей [23]). «Поглощенный своею политикою гнилыхъ мѣстечекъ и мало знакомый съ континентальными дѣлами, г. Питтъ занимается ими лишь тогда, когда бываетъ къ тому вынужденъ», писалъ одинъ дипломатъ [24]). Эта политика «гнилыхъ мѣстечекъ» была не чѣмъ

---

[20]) Засѣданіе 10 декабря 1789 г.

[21]) Это эпизодъ миссіи Ла-Сонда и Семонвилля. Juste, t. II, p. 83.—Sybel t. I, p. 174.—Lafayette, t. III, p. 19.

[22]) *Rapport de la Luzerne 29 sept. 1789.*

[23]) Союзники обязывались дѣйствовать въ Нидерландахъ совмѣстно; они обезпечивали бельгійцамъ ихъ прежнія льготы; если бы бельгійцы конституировались въ независимое государство, союзники предоставляли себѣ право признать его лишь смотря по обстоятельствамъ и характеру конституціи. Juste, t. II, p. 23.—Borgnet, t. I, p. 156.—Ranke, *Die deutsche Maechte und der Fürstenband*, t. II, p. 177.

[24]) Governor Morris, 22 янв. 1790 г.

инымъ, какъ финансовою реформою и возстановленіемъ англійскаго кредита. Она стоила того, чтобы быть ею поглощеннымъ. Но не отстраняясь вполнѣ отъ Европы, какъ полагали одни, не вмѣшиваясь во всѣ дѣла континента, какъ увѣряли другіе, онъ во всѣхъ дѣлахъ міра обращалъ вниманіе лишь на то, что́ могло быть средствомъ возвышенія престижа собственнаго правительства и служить къ увеличенію благосостоянія собственной страны. Революція продолжала и въ томъ и въ другомъ отношеніи служить цѣлямъ англійскаго правительства. Боязнь, внушаемая распространеніемъ французскихъ воззрѣній, вопреки краснорѣчію Фокса, заставила отвергнуть предложеніе, благопріятное для религіозной свободы, и отложить на неопредѣленное время проекты избирательной реформы [25]). Изолированность Франціи позволила англичанамъ выступить третейскими судьями въ дѣлѣ восточнаго вопроса и безнаказанно преслѣдовать свои цѣли относительно расширенія колоніальныхъ владѣній, которымъ только одна Франція могла явиться препятствіемъ, какъ то казалось одно время. Предъ ними оставалась одна Испанія, и дерзость испанцевъ доставила имъ случай показать, какимъ образомъ они намѣрены обращаться отнынѣ съ мадридскимъ дворомъ. Нооткская бухта въ Калифорніи была предметомъ безчисленныхъ столкновеній между обѣими націями. Весною 1789 г. англійское судно было захвачено испанцами; они водрузили свое знамя на территоріи, которую англичане считали своею собственностью. Послѣдовали переговоры, клонившіеся весною 1790 г. къ прямому разрыву [26]). Новая опасность присоединялась къ тѣмъ, которыя уже грозили европейскому спокойствію: сѣверная война и война на востокѣ; столкновеніе между Австріей, Россіей, Швеціей и Турціей; волненія въ Польшѣ и революція въ Бельгіи; наконецъ Пруссія, подготовлявшая вооруженное вмѣшательство среди всѣхъ поддерживаемыхъ ею смутъ, и война между Австріей и Россіей въ томъ случаѣ, если-бы ихъ дворы отклонили прусскія требованія. Всего этого было бы болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы оправдать тревоги, находившія выраженія во всѣхъ перепискахъ того времени [27]). Смерть Іосифа II внезапно измѣнила положеніе вещей [28]).

---

[25]) Предложеніе Фокса относительно акта о корпораціяхъ и акта о завѣщаніяхъ, отвергнутое 2 марта 1790 г. 294 голосами противъ 105. То же предложеніе было отвергнуто въ 1787 большинствомъ только 20 голосовъ.—Голосованіе 4 марта, которымъ отсрочивалась избирательная реформа.

[26]) Stanhope, t. II, p. 48.—Baumgarten, p. 280.—Sybel, t. I, p. 173.

[27]) См. напримѣръ письмо Governor Morris'a отъ 24 янв. 1790 г.

[28]) 20 февраля 1790 г.

III.

Со времени восточной войны силы Іосифа постоянно слабѣли. Сопротивленіе, оказанное турками, недостаточность его военныхъ силъ, пораженія, имъ испытанныя, уроны арміи, наудача, постигшая его завоевательные планы и замыслы широкихъ политическихъ преобразованій, все способствовало къ подорванію его давно уже расшатаннаго здоровья и угнетенію его отъ природы тревожнаго духа. Дерзость Пруссіи вывела его изъ себя; бельгійская революція доканала его [1]). Марія Терезія передала ему монархію могущественною, примиренною и благоденствующею; онъ покидалъ ее разоренною, взволнованною внутренними смутами, угрожаемою извнѣ, потрясенною и скомпрометированною повсюду. Преемникъ его обладалъ благоразуміемъ, необходимымъ для исцѣленія ото всѣхъ золъ, причиненныхъ излишнею отвагой Іосифа.

У Іосифа II не было дѣтей. Богемская и венгерская короны должны были перейти къ его меньшему брату Леопольду, великому герцогу Тосканскому [2]). Это былъ человѣкъ тонкаго ума, вдумчивый, разсудительный, изобрѣтательный. Мысль его, изощренная въ высшей степени, носила порою печать неопредѣленности и непостоянства, но постоянное преслѣдованіе единой цѣли—блага государства—господствовало у него надъ колебаніями, присущими его характеру. Онъ шелъ на сдѣлки и выжидалъ столько же въ силу нерѣшительности, сколько и вслѣдствіе расчета. Продолжительное пребываніе въ Италіи смягчило его лотарингскій темпераментъ. Онъ изучилъ дипломатію по Маккіавелю и научился угадывать значеніе событій, сообразоваться съ ними и заставлять служить своимъ цѣлямъ. Противники звали его въ насмѣшку «флорентинцемъ». Подобно брату своему Іосифу, онъ ненавидѣлъ и въ то же время восхищался соперникомъ ихъ Фридрихомъ; но Леопольдъ не увлекался имъ какъ завоевателемъ и любителемъ рискованной политики, что̀ такъ долго имѣло опасный престижъ для Іосифа; его образцомъ былъ Фридрихъ второй манеры, Фридрихъ конца царствованія, дѣлежа Польши, конфедераціи

---

[1]) «Все идетъ какъ нельзя хуже». Письмо къ Кауницу, янв. 1790 г. См. письмо къ Леопольду 21 янв. 1790: «Униженный тѣмъ, что только что случилось, видя, что я терплю неудачу во всемъ, что мною предпринимается... я не смѣю болѣе имѣть собственное мнѣніе и заставлять приводить его въ исполненіе. Vivenot, *Quellen zur Geschichte der deutschen Politik Oesterreichs.* Wien, 1873—1885, t. I, p. 447.—Arneth, *Joseph II u. Leopold*, t. II, p. 312.

[2]) Родился въ 1747 г. Онъ оставилъ вел. герц. Тосканское своему второму сыну Фердинанду III.

государей [3]). Ему чужды были химеры и мечтанія, несмотря на то, что онъ заимствовалъ кое-что у философовъ и порою говорилъ на гуманитарномъ жаргонѣ; не было въ немъ и ничего рыцарскаго. Ни малѣйшая, даже самая законная чувствительность, не омрачала его разсудка; никакой духъ системы не стѣснялъ ловкой игры его комбинацій, и всѣ усилія его направлялись къ тому, чтобы извлечь изъ людей и вещей своего времени возможно бо̀льшую выгоду для могущества имперіи и благоденствія народовъ, входящихъ въ ея составъ. Этотъ эгоизмъ высшаго порядка былъ главною основою его правленія. Но политикъ дополнялся и вдохновлялся въ немъ «просвѣщеннымъ государемъ». Онъ полагалъ, что государь долженъ опережать общественное мнѣніе своими преобразованіями и направлять его [4]). Однимъ словомъ, то былъ дипломатъ и государственный человѣкъ; онъ доказалъ это уже первыми шагами своего царствованія.

Онъ полагалъ, что управляютъ государствами лишь управляя людьми, а чтобы управлять людьми, необходимо заинтересовать ихъ. Къ пресловутому единообразію, прельщавшему Іосифа, онъ оставался равнодушнымъ; что за дѣло до нѣкоторой путаницы въ колесахъ машины, если правительство остается ея двигателемъ и центромъ. Онъ объявилъ, что признаетъ провинціи столпами монархіи; что онъ возвратитъ ихъ льготы и будетъ трудиться вмѣстѣ съ ними въ видахъ согласованія интересовъ подвластныхъ ему народовъ съ интересами ихъ государя. Онъ успокоилъ духовенство и попытался привлечь его на сторону престола, отмѣнивъ наиболѣе раздражавшія мѣропріятія Іосифа II, что̀ дало ему самому возможность сохранить наиболѣе дѣйствительныя, какъ напримѣръ запрещеніе объявлять папскія буллы и упраздненіе судовъ духовенства. Въ то же время, чтобы не оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія относительно значенія своихъ обѣщаній, онъ созвалъ въ іюнѣ венгерскій сеймъ. Несмотря на возбужденіе умовъ, онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что эта мѣра расположитъ въ его пользу большинство венгерцевъ. Мы увидимъ, что онъ не ошибся. Относительно бельгійцевъ онъ сдѣлалъ еще болѣе и согласился на всѣ возможныя въ ихъ пользу уступки [5]), но встрѣтилъ

---

[3]) Онъ восхищался также расчетливостью и скупостью Фридриха. Леопольдъ любилъ выставлять напоказъ Тосканѣ простоту жизни, доходившую до цинизма, и крайнюю экономію.

[4]) Ranke, *Die deutsche Mächte,* т. II, стр. 171—2.—Sybel, т. I, кн. II, ч. II. Hæusser, кн. II, ч. II.

[5]) Декларація 2 марта 1790 г.: амнистія, предоставленіе общественныхъ, должностей мѣстному населенію, возстановленіе хартій и обычнаго права. обѣщаніе не издавать ни одного закона безъ содѣйствія штатовъ, возвращеніе управленія семинаріями епископамъ, дозволеніе принять гарантіи въ пользу свободы Бельгіи со стороны иностранной державы, т. е. Англіи.

съ ихъ стороны недовѣріе и мятежъ: Ванъ-деръ-Ноотъ даже не отвѣчалъ на его посланіе. Съ этой минуты Леопольдъ отказался отъ надежды ихъ убѣдить и, не отрекаясь ни мало отъ обѣщаннаго имъ возстановленія старинныхъ вольностей, занялся ихъ усмиреніемъ. Раздоры въ ихъ средѣ расчистили ему дорогу.

Едва успѣвъ возникнуть, республика губила себя внутренними распрями [6]). Партіи, разъединенныя въ силу самой побѣды, боролись изъ-за преобладанія. Штатисты, овладѣвъ властью, объявили, что революція завершена: по ихъ мнѣнію, ея единственною цѣлью было упраздненіе реформъ Іосифа II, возстановленіе старинныхъ обычаевъ и аристократическо-клерикальнаго правительства. Вонкисты требовали конституціи, по которой третье сословіе, какъ и во Франціи, имѣло-бы представительство, равное съ остальными сословіями. Нѣсколько смѣльчаковъ говорили даже о созваніи національнаго конвента. Соперничество между партіями отличалось не меньшимъ ожесточеніемъ, но всѣ роли были измѣнены. Въ силу этого контраста, духъ времени выдѣляется тѣмъ съ бо̀льшею отчетливостью.

Популярною партіей въ Бельгіи была партія католическая: она поступаетъ по отношенію къ заподозрѣннымъ въ приверженности къ философіи вонкистамъ именно такъ, какъ поступали французскіе демагоги съ дворянами и духовными. Іезуитъ Феллеръ и каноникъ Дювивье даютъ тонъ и руководятъ преслѣдованіемъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ монахи. Народу доносятъ на Вонка и его сторонниковъ какъ на послѣдователей Вольтера и сообщниковъ Австріи: «Конфискуйте ихъ имущество», говорится въ одномъ листкѣ, «употребите его на пользу государства: вы овладѣете имуществомъ, безчестно пріобрѣтеннымъ цѣною крови вашихъ соотечественниковъ». 15-го марта 1790 г. расклеенныя по городу объявленія призываютъ *истинныхъ патріотовъ* собраться на большой брюссельской площади, чтобы *защищать противъ интригановъ религію, конституцію и свободу.* Составлены списки подозрительныхъ. На домахъ, которые будутъ пощажены, привѣшивается изображеніе Св. Дѣвы; на остальныхъ расклеиваютъ четверостишіе, объясняющее, что домъ будетъ разграбленъ, а хозяинъ—зарѣзанъ: такова воля народа.

16-го мятежники являются на сборное мѣсто. Члены штатовъ выходятъ на балконъ городской ратуши. Толпа привѣтствуетъ Ванъ-деръ-Ноота, и погромъ начинается. Вонкъ и его приверженцы избѣжали смерти только потому, что имъ удалось скрыться [7]). Городская гвардія получила приказъ не стрѣлять по народу. Брюссель очутился во власти этихъ новыхъ лигистовъ, и монашеская анархія явила зрѣлище, повторяющееся вездѣ,

[6]) Borgnet, ch. IV.—Beer, *Kaunitz*, Leopold u. Kaunitz, 15 ок. 1790.

[7]) Вонкъ нашелъ убѣжище во Франціи въ апрѣлѣ 1790.

гдѣ на сценѣ разнузданная демагогія и побѣдоносный религіозный фанатизмъ. «На каждомъ перекресткѣ,—передаетъ одинъ бельгійскій историкъ,—«поднимали знамя свободы, а между тѣмъ сотни гражданъ всякаго званія были схвачены, арестованы, заключены въ монастыри; ихъ оскорбляли и били среди бѣла дня, передъ глазами полиціи, по одному подозрѣнію, за неосторожно сказанное слово!» Брабантскій совѣтъ учредилъ Комитетъ высшей полиціи, который захватываетъ въ свои руки всю власть. Это *желѣзный годъ*—1790 г., какъ выражаются въ Бельгіи. Почту останавливаютъ, письма вскрываютъ. Роты вооруженныхъ людей, предводимые монахами, обходятъ дома. «Убить вонкиста», говоритъ одинъ капуцинъ, «есть дѣло, угодное Богу». «Въ моментъ революціи», пишетъ іезуитъ Феллеръ въ своемъ «Journal historique» «нѣтъ иного закона, кромѣ общественной безопасности. Что̀ сталось-бы съ Римомъ, если бы Тарквиніи предоставлены были на усмотрѣніе адвокатовъ?... Формальности, конечно, почтенны, когда обезпечиваютъ жизнь гражданъ; но когда онѣ подвергаютъ опасности жизнь всѣхъ, когда онѣ поощряютъ злодѣйство и подлость, когда онѣ даютъ волю убійцамъ и грабителямъ, онѣ никуда не годятся. «Salus populi suprema lex esto».

Изгнаніе демократовъ лишило Бельгію послѣдняго сочувствія со стороны Франціи. Штаты снова обратились къ королю и Національному Собранію. Лудовикъ XVI вторично отказался принять ихъ посланіе. Національному Собранію было сообщено объ этомъ рѣшеніи. Правленіе Ванъ-деръ-Ноота и брюссельскія звѣрства привели Лафайета въ уныніе. 18-го марта онъ предложилъ Собранію положиться на мудрость короля въ виду того, что «внутреннее состояніе Нидерландовъ, конгрессъ нынѣшнихъ штатовъ, повидимому, не носятъ характера народной власти».

Вѣнскому двору не требовалось большой проницательности, чтобы оцѣнить эту оговорку о несообразности съ народною властью. Леопольдъ вѣрно понялъ дѣло, но оставался довольно спокойнымъ. Онъ уже не принималъ въ соображеніе Францію, а такъ какъ ненавидѣлъ ее всею душою, то былъ доволенъ ея неспособностью вредить, на которую, по его мнѣнію, она обречена на долгое время. Сношенія между обоими дворами были какъ-бы временно прерваны. Въ Вѣнѣ не иначе говорили о Франціи, какъ въ ироническомъ тонѣ. Леопольдъ царствовалъ уже въ теченіе шести недѣль и еще не объявилъ оффиціальнымъ образомъ мужу своей сестры о своемъ вступленіи на престолъ, когда посланникъ его Мерси предупредилъ однажды Монморена о томъ, что Австрія нашла удобнымъ сблизиться съ Англіей: она просила ея посредничества въ Нидерландахъ и содѣйствія на Востокѣ. Мерси не скрылъ мотива такого шага,

знаменовавшаго разрывъ союза 1756 г.: то была неспособность Франціи оказывать поддержку австрійской политикѣ [8]). Пруссія стояла подъ ружьемъ, ее необходимо было сдерживать. Леопольдъ нуждался въ сильномъ и дѣйствительномъ союзникѣ и надѣялся найти его только въ Лондонѣ. Въ эту сторону были направлены всѣ его усилія.

IV.

Пруссія закусила удила [1]). Судя по ея образу дѣйствій, можно было ожидать, что она удивитъ весь міръ или какимъ-либо блестящимъ дѣломъ, или громкимъ паденіемъ, о которомъ сохранится память на долгое время.

Самое хитросплетеніе и сложность ея интригъ подвергали ее опасности попасть въ западню, разставленную ловкимъ противникомъ. Герцбергъ все подготовилъ къ тому, чтобы европейская путаница достигла апогея къ веснѣ: событіе превзошло его ожиданія. Онъ самъ начиналъ теряться въ лабиринтѣ своей политики. Нетерпѣніе короля окончательно смутило все. Этотъ государь, честолюбивый и ограниченный, не питалъ довѣрія къ своему министру и ничего не ждалъ отъ его замысловъ. По его мнѣнію, запутанная сѣть интригъ Герцберга могла лишь служить пищею для бесѣдъ старыхъ дипломатовъ въ долгіе зимніе вечера; не на такой основѣ ткутъ ткань, изъ которой создаются герои. Приближеніе весны навѣвало на прусскаго короля духъ воительства и завоеваній. Онъ взялъ бразды въ собственныя руки и пришпорилъ своихъ дипломатовъ. Герцбергъ велъ классическую игру съ турками: онъ натравливалъ ихъ снова на Австрію и Россію, расчитывая на ихъ воинственныя наклонности и неспособность [2]). Турки, своевременно предупрежденные французскимъ посланникомъ Шуазелемъ-Гуфье, отпарировали этотъ манёвръ. Зная, что Фридрихъ-Вильгельмъ стремился во что́-бы то ни стало вовлечь ихъ въ войну, турки потребовали, чтобы Пруссія оказывала имъ военную поддержку до той поры, когда они возвратятъ себѣ утраченныя за послѣдніе годы земли, въ томъ числѣ и Крымъ. Прусскій агентъ Діэзъ изворачивался какъ умѣлъ; но турки настаивали. Діэзъ, уполномоченный вести съ ними

---

[8]) Монморенъ Ноалю 2 апр.; Ла-Люцерну, 8 апр. *Донесеніе Ноаля 7 апр. 1790 г.*

[1]) См. т. I.

[2]) По исторіи этихъ любопытныхъ переговоровъ Пруссіи въ Константинополѣ см.: Zinkeisen, *Geschichte d. osmanischen Reiches*, t. IV. Gotha, 1859, кн. VIII, гл. II, стр. 730—751.—Haeusser, т., кн. II, гл. I, стр. 238—242.—Sybel, т. I, кн. II, ч. II.—Ranke, *Die deutsche Mächte*, т. II, гл. XXVIII, стр. 162 и слѣд.—Bailleu, статья Hertzberg, въ *Allgemeine deutsche Bibliographie.*

переговоры, написалъ все, чего они требовали, и подписалъ договоръ 30 января 1790 г. Когда Герцбергъ ознакомился съ этимъ документомъ, онъ пришелъ въ ярость. «Турецкіе министры обошли васъ», написалъ онъ Дѣзу: «они не приняли на себя никакихъ обязательствъ, а вы согласились на всѣ ихъ требованія». Но не такой былъ человѣкъ Фридрихъ-Вильгельмъ и его новые совѣтники, чтобы смущаться такимъ пустякомъ, какъ договорныя условія. Существуетъ весьма простой исходъ избѣжать послѣдствій слишкомъ смѣлыхъ и щедрыхъ обѣщаній: предоставляютъ себѣ, обѣщавъ все, не сдержать ничего. Это нѣчто въ родѣ тайной статьи, всегда подразумѣваемой въ договорахъ такого рода. Благочестивый наслѣдникъ Фридриха поступалъ именно по такому правилу съ турками, а совѣтникъ его Луккезини въ такомъ же духѣ относился и къ полякамъ.

Слѣдуетъ однакоже отмѣтить и различіе въ только что указанныхъ отношеніяхъ. Съ турками пруссаки ограничивались двоедушіемъ; съ поляками они доходили до коварства [3]). Луккезини требовалъ у нихъ Торнъ и Данцигъ въ обмѣнъ на часть Галиціи, которую имъ уступила бы Австрія: въ награду за это прусскій король обѣщалъ охранять неприкосновенность польской территоріи и конституціи. Поляки, убѣдившись, что этотъ государь нуждался въ нихъ исключительно какъ въ орудіи борьбы противъ Россіи, отказались отъ какихъ-либо территоріальныхъ уступокъ. Пруссія желала заключить трактатъ во что бы то ни стала и подписала его. Такъ заключенъ былъ 29 марта 1790 г. союзъ, которому предстояло занять видное мѣсто въ лѣтописи историческихъ предательствъ и скандализировать даже въ такія времена, которыя видѣли войну за наслѣдство австрійскаго престола. То былъ договоръ «дружбы и единенія». Статья 2 гласила: «Обѣ высокія договаривающіяся стороны сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для взаимнаго обезпеченія спокойнаго владѣнія принадлежащими имъ во время заключенія настоящаго договора государствами, областями и городами». Въ силу статьи 3 Пруссія обѣщала безъ промедленія доставить Польшѣ военную поддержку въ видѣ четырнадцати тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ кавалеріи, въ случаѣ нападенія на эту страну. Союзъ направленъ былъ противъ Россіи; многія изъ статей его носили двусмысленный характеръ, и можно было выводить изъ нихъ всякаго рода заключенія, кромѣ впрочемъ одного, а именно того, которое изъ

---

[3]) См. Ferrand: *Histoire des trois démembrements de la Pologne*, Paris, 1820, t. III, liv. IX.—Angeberg, *Recueil des traités de la Pologne*, Paris, 1862.—Kalinka, *la Diète de quatre ans.* 1881 (на польскомъ языкѣ).—Sybel, liv. II, ch. VI trad. I, p. 285.—Herrmann, *Geschichte des russischen Staats.* Gotga, 1860, t. VI ch. V. Статья: «*Lucchesini*» въ *Allgemeine deutsche Biographie.*

него и вытекло въ дѣйствительности: вторженія и раздѣла Польши, произведенныхъ пруссаками въ союзѣ съ Россіей [4]).

Пока въ Берлинѣ дѣло шло о вторженіи въ Россію: на это готовы были шведы, турки и поляки. Что касается Австріи, то Фридрихъ-Вильгельмъ направлялъ на нее враговъ со всѣхъ сторонъ. Онъ подстрекалъ венгерцевъ, побуждая ихъ требовать покровительства Пруссіи, для гарантіи своихъ хартій, совѣтовалъ имъ отказывать въ войскѣ своему королю и объявлялъ имъ о скоромъ появленіи своемъ съ внушительными военными силами [5]). Бельгійцы волновались насколько хватало силъ. Франція была враждебна Леопольду: въ сущности союзъ былъ расторгнутъ. Гольцъ, по повелѣнію своего государя, возбуждалъ умы противъ Маріи Антуанетты, интриговалъ противъ вѣнскаго двора и не безъ успѣха пытался парализовать мѣры французскаго министерства, при помощи своихъ двусмысленныхъ отношеній къ революціонерамъ [6]). Прусскій король предполагалъ, что при такихъ условіяхъ Австрія вынуждена будетъ капитулировать въ его рукахъ. Онъ мобилизировалъ свою армію, сосредоточилъ ее въ Силезіи и выставилъ слѣдующія требованія: заключеніе немедленнаго перемирія съ турками, которые должны будутъ возстановить границы Австріи, опредѣленныя пассаровичскимъ договоромъ [7]); Австрія уступаетъ Галицію Польшѣ, которая, съ своей стороны, предоставляетъ Пруссіи

---

[4]) Въ 1794 г. графъ Андрей Разумовскій, бывшій посланникомъ въ Варшавѣ, говорилъ Луккезини, что поляки распространяютъ слухи объ одержанныхъ ими надъ русскими побѣдахъ и, повидимому, сами этому вѣрятъ. «Успокойтесь,—отвѣчалъ ему Луккезини:—эти добрые люди вѣрятъ всему: развѣ они не повѣрили всему, что я говорилъ имъ въ 1790 г.?—Я присутствовалъ при этомъ разговорѣ». Графъ де-Ланжеронъ, *Journal des campagnes de 1790. Affaires étrangères.*

[5]) Письма короля къ Якоби въ мартѣ, маѣ и іюнѣ 1790 г. Duncker, op. cit., p. 19—21.

[6]) Гольцу поручено было осуждать передъ демократами всѣ военныя мѣры, подъ предлогомъ, что онѣ могли бы поднять авторитетъ короля. Онъ одновременно интриговалъ и противъ Испаніи, и противъ Австріи. Повидимому, главнымъ орудіемъ его въ этой интригѣ былъ Петіонъ. Въ письмѣ отъ конца мая Фридрихъ-Вильгельмъ приказываетъ ему «не упускать изъ виду этого Петіона и выразить ему удовольствіе по поводу его образа дѣйствій, а также дать знать въ Берлинъ, что не мѣшало бы назначить ему пенсію». Duncker, op. c., p. 21.

[7]) 21 іюля 1718 г. Этотъ договоръ, самый выгодный изъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ Австріей съ Турціей, доставилъ ей Темешваръ, Бѣлградъ, Оршову, весь Банатъ, сѣверную Сербію и Валахію до Алуты. Бѣлградскій миръ 1739 г. сократилъ границы до Оршовы и теченія Савы. Himly, *Formation territoriale des Etats de l'Europe centrale,* Paris, 1876, t. I, p. 422—424.

Торнъ, Данцигъ, Познань, Гнезенъ и Калишъ. Если бы Іосифъ II продолжалъ царствовать въ это время, а старый Кауницъ продолжалъ имѣть рѣшающее вліяніе на дѣла—война оказалась бы неизбѣжной. Австрія покончила бы съ турками и бросилась бы на Пруссію. Но Леопольдъ нашелъ болѣе простымъ и удобнымъ заставить Пруссію отступить путемъ убѣжденія. Онъ вполнѣ постигъ и характеръ, и игру короля и отразилъ ударъ съ неподражаемымъ мастерствомъ [8]).

Онъ написалъ непосредственно Фридриху-Вильгельму и обратился къ его миролюбивымъ чувствамъ; затѣмъ, прекрасно понимая, что безъ поддержки Англіи Пруссія не въ силахъ долго настаивать на выполненіи своихъ требованій, онъ произвелъ нападеніе именно съ этой стороны и, такъ сказать, обошелъ всѣ прусскія позиціи. Уже Іосифъ II задумывалъ искать помощи въ Англіи. Находясь между наслѣдственнымъ врагомъ, т. е. Пруссіей и Франціей, сдѣлавшейся «заклятымъ врагомъ» вслѣдствіе торжества революціонной партіи, Австріи оставалось только надѣяться на поддержку этой классической союзницы [9]). То было первою мыслью Леопольда, по вступленіи его на престолъ. Онъ объявилъ себя готовымъ къ миролюбивой развязкѣ и возстановленію прежней бельгійской конституціи, подъ гарантіей Англіи. На востокѣ онъ готовъ былъ удовлетвориться Оршовой; но если Пруссія объявила бы ему войну, онъ предпочелъ бы предоставить Бельгію на усмотрѣніе Франціи какимъ бы то ни было уступкамъ, а равно и для того, чтобы развязать себѣ руки. Такое заявленіе было какъ нельзя болѣе кстати для англичанъ. Они рѣшились дать энергическій толчокъ своимъ дѣламъ съ Испаніей: они не нуждались въ диверсіи на континентѣ и весьма охотно обѣщали Леопольду оказать ему содѣйствіе по отношенію къ пруссакамъ.

Между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ во главѣ своей арміи. 26-го іюня, двое австрійскихъ уполномоченныхъ, князь Рейссъ и референдарій Шпильманъ, явились въ его главную квартиру въ Рейхенбахѣ. Герцбергъ изложилъ имъ свои планы. Во время ихъ бесѣды пріѣхали англійскій и голландскій посланники и объявили, что не признаютъ иного основанія для мира, какъ возстановленіе statu quo, существовавшаго до войны. Такое отпаденіе союзниковъ разрушало всѣ комбинаціи Герцберга. Въ то же время онъ узналъ, что поляки рѣшительно отказываются отъ уступки

[8]) По подробностямъ этихъ переговоровъ см. Sybel, t. I, liv. II, ch. II. Ranke, *Die deutsche Mächte*, t. II, ch. XXIX.—Haeusser, t. I, liv. II, ch. I.—Beer, *Leopold und Catharina, introduction.*—Philippson, t. I, ch. IV.—Beer, *Leopold und Kaunitz.*—Vivenot, *Quellen*, t. I, p. 489 et suiv.—Herrmann, *Geschichte Russlands*, t. VI. *Allemagne*, p. 144 et s. — Neumann, *Recuil des traités de l'Autriche.* Leipzig, 1856, t. I, p. 414—420.

[9]) Іосифъ Кауницу, 13 ноября 1789 г. Beer, t. I, p. 349.

Данцига и Торна. Великій планъ рушился безъ остатка. Пруссія вынуждена была отступить; оставалось лишь скрасить мотивы и замаскировать униженіе въ глазахъ короля. Фавориты приняли на себя выполненіе этой задачи, и Фридрихъ-Вильгельмъ оказался совершенно готовымъ принять ихъ доводы. Онъ былъ честолюбивъ и вспыльчивъ, но въ то же время отличался и непостоянствомъ: гнѣвъ его обратился на Герцберга, который безразсудно увлекъ его на опасный путь, и онъ сталъ тщеславиться милосердіемъ, попытавшись казаться грознымъ.

Уже съ давнихъ поръ существовала ненависть и открытая вражда между Герцбергомъ и категоріей теософовъ. Эти благочестивые интриганы вытѣснили изъ управленія внутренними дѣлами страны прежнихъ совѣтниковъ Фридриха; они замышляли произвести такую же перемѣну и въ дѣлахъ внѣшней политики. Неудача Герцберга отдавала въ ихъ руки дипломатію. Они поставили на видъ королю, насколько опасенъ разрывъ между двумя великими германскими монархіями въ такое время, когда превратныя идеи французской революціи угрожали и священной имперіи. Инсинуаціи эти, уже начинавшія проникать въ политику, не остались безъ вліянія на Фридриха-Вильгельма. Пока онъ надѣялся на побѣды и завоеванія, онъ мало заботился о принципахъ, о дѣлахъ общественныхъ, о порядкѣ въ Европѣ и о спокойствіи въ священной имперіи. Но когда завоеванія ускользнули отъ него, онъ вспомнилъ, что на немъ лежатъ великія обязанности по отношенію къ міру, королямъ и Германіи. Онъ забылъ о взволнованныхъ имъ венгерцахъ, о бельгійцахъ, которымъ обѣщалъ свободу, о туркахъ, шведахъ и полякахъ, которыхъ вовлекалъ въ войну. Впрочемъ нашлись и дипломаты по профессіи, готовые поддерживать придворную интригу. Луккезини, расчитывавшій въ эту минуту занять мѣсто Герцберга, находилъ для себя болѣе выгодъ въ новой системѣ, чѣмъ въ старой. Этотъ ловкій и хитрый итальянецъ расчитывалъ извлечь болѣе пользы изъ служенія интересамъ государей, чѣмъ извлекалось до сихъ поръ изъ содѣйствія интересамъ народовъ. Онъ разсудилъ, что можно выиграть болѣе, отстаивая правовой порядокъ, чѣмъ возбуждая къ инсуррекціямъ.

Гольцъ внушилъ ему доводы, способные убѣдить государя тѣхъ временъ и политика характера Фридриха-Вильгельма. Этотъ пруссакъ въ душѣ, занимавшійся въ Парижѣ уже около года подрываніемъ престола, нашелъ, что болѣе похвально, болѣе выгодно и удобно перестать подрывать его и, напротивъ, стараться утвердить. Для этого достаточно было принципіальнаго соглашенія съ Австріей. По всей вѣроятности, Австрія потребовала бы за труды,—pro studio et labore—одну или двѣ провинціи, напримѣръ Эльзасъ или Фландрію, и уступила бы Пруссіи въ видахъ под-

держанія равновѣсія,—что также было принципомъ,—равноцѣнныя области въ Богеміи и Моравіи[10]). Такимъ образомъ мысль ограбить Францію внѣдрялась въ умы одновременно съ стремленіемъ бороться противъ революціи. Еще ранѣе заключенія «Священнаго Союза» 1792 г., ранѣе даже предшествовавшихъ ему переговоровъ и когда онъ представлялся отдаленною цѣлью, недостатокъ, имѣвшій парализировать его развитіе, уже поразилъ самый зародышъ; союзъ этотъ былъ плодомъ интриги, онъ заключался ради своекорыстной выгоды, онъ обреченъ былъ потерпѣть крушеніе вслѣдствіе соперничествъ и погибнуть отъ предательства. Старая Европа неспособна была задумать, организовать и вести на иныхъ основаніяхъ «лигу общественнаго блага».

Эти разнородные доводы подѣйствовали и на Фридриха-Вильгельма. Тонкая дипломатія Леопольда ускользала отъ этого увлекающагося и неяснаго ума. Онъ льстилъ себя надеждой навязать австрійцамъ сдѣлку, которую они сами дѣлали для него обязательной. Леопольдъ получилъ изъ прусскаго лагеря, въ видѣ ультиматума, свои собственныя мирныя предложенія. Онъ самъ желалъ, чтобы они были ему продиктованы. Такимъ-то образомъ подписаны были 27 іюля декларацiи, прекращавшія на время конфликтъ между двумя германскими державами. Австрія выражала желаніе заключить перемиріе съ турками и вести переговоры о мирѣ на основаніи statu quo, на конгрессѣ, при посредничествѣ Пруссіи, Англіи и Голландіи; она предоставляла себѣ право потребовать нѣкоторыхъ исправленій своихъ границъ, подъ условіемъ удовлетворить, при случаѣ, Пруссію равноцѣнною уступкою. Пруссія принимала это къ свѣдѣнію и обязывалась не вмѣшиваться въ дѣла Нидерландовъ иначе, какъ совмѣстно съ голландцами и англичанами; она должна была обезпечить конституціи провинцій и гарантировать, вслѣдъ за даруемою Леопольдомъ амнистіею, возстановленіе авторитета Австріи въ Бельгіи. Эти растяжимыя условія оставляли Леопольду полную свободу дѣйствій; столь изобрѣтательный политикъ имѣлъ возможность отклонить то самое посредничество, на которое, повидимому, соглашался.

Въ концѣ-концовъ Пруссія истратила сорокъ милліоновъ червонцевъ, мобилизовала свои войска и сдѣлала имъ смотръ предъ лицомъ всей Европы, и все это лишь для того, чтобы отступить самымъ жалкимъ образомъ и вернуться въ свои казармы, не сдѣлавъ ничего, кромѣ выполненія плана своей соперницы. Европа поняла это. Пруссія внезапно упала съ пьедестала, на который вознеслась съ такою кичливостью; престижъ ея испарился вмѣстѣ съ ея дерзостью, и повсюду перестали относиться къ ней серьезно. Мудрые политики увидѣли въ этомъ паденіи исполненіе

[10]) Депеша Гольца 25 мая 1790 г. Haeusser, t. I, p. 349.

своихъ предсказаній и естественный конецъ широкихъ предпріятій, «порожденныхъ случайнымъ и непрочнымъ могуществомъ, скорѣе раздутымъ, чѣмъ дѣйствительно усиленнымъ» [11]). Напротивъ того, Леопольдъ, послѣ мастерского хода, прослылъ дипломатомъ высшаго качества, и снова пришлось считаться съ Австріей, казавшеюся разоренной въ конецъ еще только три мѣсяца тому назадъ.

Въ то самое время, какъ Леопольдъ нарушалъ наступательное движеніе соперника и принуждалъ его къ соглашенію, Великая Екатерина отдѣлывалась отъ Швеціи и такимъ способомъ довершала разстройство Пруссіи. Она съ честью вышла изъ опаснѣйшаго кризиса. Турки напали на южныя области ея имперіи; Густавъ III грозилъ Петербургу при помощи маленькой арміи и грознаго флота. Русскій адмиралъ Нассау-Зигенъ отразилъ нападеніе этого шведскаго флота при Выборгѣ 24-го іюня. Была минута, когда онъ даже надѣялся заставить его сдаться на капитуляцію. Шведы избавились отъ этого смѣлою аттакою; ихъ моряки одержали верхъ надъ русскими 7-го іюля. Въ Петербургѣ слышенъ былъ громъ орудій. Развѣдчики отошли на двѣ мили отъ города, который не въ состояніи былъ выдержать осаду. Екатерина сохранила твердость духа: «Мы не уступимъ самому чорту» [12]), говорила она. И дѣйствительно, она сдержала слово. Многіе изъ приближенныхъ ея порицали Нассау-Зигена за то, что онъ потерпѣлъ пораженіе. Она обошлась съ нимъ такъ, какъ онъ того заслуживалъ [13]); она написала ему вечеромъ же того дня, когда дано было сраженіе: «Будьте выше событій и нападайте снова на непріятеля. Король прусскій былъ истинно великъ именно послѣ большой неудачи. Петръ I, терпѣвшій пораженіе девять лѣтъ сряду, одержалъ побѣду подъ Полтавой». Она смѣялась надъ врагомъ [14]), чтобы поддержать въ себѣ хорошее расположеніе духа. Въ долгіе часы опасности, чтобы поддержать въ себѣ твердость духа, она вспоминала о стоицизмѣ древнихъ. Запершись въ царскосельскомъ дворцѣ съ молодымъ фаворитомъ

---

[11]) *Grandeurs et décadence des Romains*, ch. XVI. — «Tout l'édifice repose sur le sable; il redeviendra sable et poussière». («Все зданіе покоится на пескѣ и обречено превратиться во прахъ»). Екатерина II Гримму, 24-го іюня 1790 г.

[12]) Письмо къ Гримму, 27 апрѣля, 1791 г.

[13]) «Человѣкъ блестящей доблести и рыцарской честности, одаренный изумительною физическою силой, пламенной душой и смѣлымъ умомъ, онъ рано развилъ въ себѣ страсть къ приключеніямъ и славѣ. Впрочемъ, его скорѣе можно назвать «знаменитымъ авантюристомъ, чѣмъ истинно великимъ вельможей». Ланжеронъ.

[14]) Она сочинила оперу, въ которой Густавъ III былъ гнуснымъ и смѣшнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и велѣла давать эту оперу во дворцѣ. Ланжеронъ.

своимъ Платономъ Зубовымъ, она переводила на русскій языкъ томъ Плутарха [15]). Это былъ геній того вѣка, онъ обладалъ его искренностью и его величіемъ.

Твердость Екатерины спасла ее. Она не имѣла возможности защищаться на сушѣ; но Густавъ не имѣлъ достаточныхъ силъ для нападенія. Самая побѣда, казалось, истощила его. Онъ обладалъ героическимъ воображеніемъ, но ему недоставало характера и послѣдовательности. Онъ утомился войной, не обѣщавшей вѣрныхъ результатовъ и имѣвшей привести къ безвыгодному миру. Шведы волновались и роптали на чрезмѣрныя издержки. Онъ сказалъ себѣ, что, въ случаѣ неудачи, рисковалъ короною и, въ видахъ утѣшенія себя въ неудавшемся приключеніи, онъ создалъ себѣ новыя несбыточныя фантазіи. Около этого-то времени проектъ вмѣшательства во французскія дѣла, съ нѣкоторыхъ поръ смущавшій его воображеніе, окончательно утвердился въ его умѣ. Екатеринѣ хорошо извѣстны были его слабости и недостатки. Романическія затѣи шведскаго короля не только избавляли ее отъ врага; онѣ льстили ея страстямъ и служили ея собственнымъ замысламъ. Она подала Густаву надежду на союзъ, могущій обезпечить успѣхъ замышляемаго имъ крестоваго похода, и предложила ему заключить миръ. Онъ поспѣшилъ принять предложеніе и подписалъ его на другой день послѣ побѣды. Этотъ миръ возстановлялъ положеніе вещей, существовавшее до начала войны. Онъ былъ заключенъ 14 августа 1790 г. въ Верелѣ. «Теперь, когда намъ удалось высвободить правую руку», писала Екатерина Гримму мѣсяцъ спустя, «мы увидимъ то, что увидимъ». Она расчитывала увидѣть пораженіе турокъ и банкротство пруссаковъ. Что касается французской революціи, она продолжала быть для нея еще только предметомъ размышленій и поводомъ изливать избытокъ ненависти къ новой Франціи и ея идеямъ.

Такимъ образомъ Густавъ III получилъ свободу дѣйствій именно въ то время, когда Пруссія и Австрія казались расположенными прекратить свои ссоры. Европейскій кризисъ, дозволявшій до тѣхъ поръ французской революціи развиваться безъ стѣсненій, повидимому, прекращался и начиналось сближеніе державъ, раздоры которыхъ были въ теченіе года истинной охраной для французовъ. О Франціи, правда, не было непосредственно рѣчи ни во время конференцій, ни при деклараціяхъ, послѣдовавшихъ въ Рейхенбахѣ. Тѣмъ не менѣе и о ней подумали, и безпокойство, хотя еще весьма неопредѣленнаго свойства, внушаемое ея волненіями и смутами, проекты, порождаемые ослабленіемъ французской монархіи у людей своекорыстныхъ и честолюбивыхъ, не остались безъ влія-

---

[15]) Письмо Екатерины къ Гримму, отъ 13 сентября 1790.

нія на рѣшенія договаривающихся. 24 іюля, три дня до окончанія переговоровъ, Кауницъ, писавшій австрійскому посланнику въ Лондонѣ о возстановленіи порядка въ Нидерландахъ, сообщалъ ему: «Вы выскажете британскому министру, до какой степени нашъ монархъ принимаетъ къ сердцу это послѣднее обстоятельство, и поставите на видъ, что не только оскорбленная честь его, но и общегерманскіе, если не общеевропейскіе интересы, которымъ грозятъ потрясеніемъ отъ края и до края успѣхи не знающаго границъ мятежа, не могутъ быть совмѣщены ни съ какимъ другимъ устройствомъ, кромѣ возстановленія прежней конституціи» [16]). До сихъ поръ французская революція начинала озабочивать европейскихъ государственныхъ людей лишь, такъ сказать, въ качествѣ диверсіи и дипломатическаго отступленія отъ предмета, а между тѣмъ эта революція уже со всѣхъ сторонъ переходила за предѣлы Франціи, и всѣ великіе поводы грядущихъ столкновеній уже вытекали изъ преній Конституціоннаго собранія.

---

[16]) Vivenot, t. I, p. 9.

ГЛАВА III.

Право мира и войны.

1790.

I.

Конституціонное собраніе увлечено было, какъ бы противъ собственной воли, силою вещей и логикою воззрѣній къ столкновенію съ Европой въ ту самую минуту, когда оно питало иллюзію водворить непрестанный миръ въ средѣ народовъ. Тщетно стремится оно изгладить прошлое; оно считаетъ его уничтоженнымъ, а это прошлое снова охватываетъ его, задерживаетъ, сбиваетъ съ пути и заставляетъ уклониться въ сторону. Такъ первоначальный и существенный актъ революціи, упраздненіе феодальнаго режима, пробуждаетъ и возобновляетъ одинъ изъ классическихъ конфликтовъ дипломатіи стараго времени, вѣковую распрю между Германіей и Франціей, по поводу господства надъ Эльзасомъ [1]).

Со времени отдѣленія этой провинціи и во все время царствованія Людовика XIV, королевство и имперія не переставали бороться: королевство—во имя прямого установленія, а имперія—съ цѣлью возстановленія своего господства. Мюнстерскій договоръ былъ яснымъ и формальнымъ лишь въ томъ, что касалось той части эльзасскаго края, которая принадлежала австрійскому дому. Статьи же, касающіяся эльзасскихъ территорій непосредственно подвластныхъ имперіи, оставались сбивчивыми, неясными и спорными. Среди владѣльцевъ этихъ земель нѣкоторые владѣли исключительно въ Эльзасѣ и находились вслѣдствіе этого въ непосредственной зависимости отъ французскаго короля, другіе же располагали тамъ только долею земельнаго имущества и имѣли главную резиденцію въ имперіи. Людовикъ XIV не успокоился до тѣхъ поръ, пока не подчинилъ ихъ всѣхъ своей власти. Это было главнымъ дѣломъ такъ называемыхъ соединительныхъ палатъ (Chambres de réunion). Понадобились кровавыя войны для того, чтобы подтвердить ихъ рѣшенія; Ризвикскій договоръ торжественно констатировалъ ихъ регистрацію со стороны имперіи. Лудовикъ XIV потребовалъ присяги отъ нѣмецкихъ принцевъ, владѣвшихъ въ Эльзасѣ, и смотрѣлъ на остальныхъ владѣльцевъ въ этой провинціи какъ на своихъ

[1]) См. т. I.—Bougeant, *Histoire du traité de Westphalie*, Paris, 1767, t. III, p. 443 et suiv.—Haeusser, t. I, p. 275 et suiv.—Ranke, *Ursprung und Beginn der Revolutionskriege*, Leipzig, 1875, ch. III.—Himly, *Histoire de la formation territoriale des Etat de l'Europe centrale*, Paris, 1876, t. I, p. 253, 268, 271, 299.

непосредственныхъ подданныхъ. Но лишая этихъ владѣльцевъ прямого подданства имперіи и превращая ихъ въ вассаловъ французскаго короля, онъ утвердилъ за ними права и привилегіи, которыми они пользовались подъ верховною властью Германіи [2]).

Въ 1789 г. эльзасскіе дворяне и нѣкогда вольные города Эльзаса послали депутатовъ въ Генеральные штаты. Земли, принадлежавшія германскимъ принцамъ также выбрали депутатовъ, но сами принцы депутатовъ не прислали. Изъ этого произошло то, что вассалы поступили какъ французскіе граждане, подобно остальнымъ жителямъ Эльзаса, и имѣли представителей въ Собраніи, между тѣмъ какъ ихъ господа держали себя какъ иностранцы и не имѣли представительства [3]).

При такихъ-то условіяхъ появились декреты 4-го августа, декларація верховныхъ правъ народа, акты, предоставлявшіе имущество духовенства въ распоряженіе націи, а равно и тѣ, которыми Франція раздѣлена была на департаменты [4]). Города и владѣльческія земли Эльзаса, приславшіе представителей въ Собраніе, такъ же мало имѣли основаній протестовать противъ этихъ декретовъ, какъ и остальные французы. Нѣмецкіе же принцы отказались подчиниться имъ по двоякой причинѣ: потому что они не изъявляли на нихъ согласія и потому, что сами декреты находились въ противорѣчіи съ договорами. Такова была точка отправленія для столкновенія между этими князьями и французскимъ государствомъ, столкновенія малозначущаго по затрогиваемымъ имъ интересамъ, но важнаго по принципамъ, которые ставились имъ въ противорѣчіе и, наконецъ, неразрѣшаемаго обычнымъ правовымъ способомъ, такъ какъ оно касалось самой сущности установленнаго порядка, который французы намѣревались измѣнить, а нѣмцы—сохранить.

Подчиняя Эльзасъ общимъ законамъ государства, члены Конституціон-

---

[2]) «Верховная власть короля замѣнила въ Эльзасѣ такую же власть императора и имперіи; территоріальныя преимущества дворянъ этой провинціи со всѣми проистекающими почетными и матеріальными правами продолжаетъ существовать подъ суприматіей короля, какъ существовала во времена предшествовавшія вестфальскому миру, при императорѣ». См. т. I.

[3]) Нѣмецкіе князья, владѣвшіе въ Эльзасѣ въ 1789 г. были: изъ свѣтскихъ: герцогъ виртембергскій, герцогъ цвейбрикенскій ландграфъ гессенъ-дармштадтскій, маркграфъ баденскій, князья нассаускіе, ленингенскіе и левенштейнскіе. Изъ духовныхъ: курфюрсты-епископы: майнцскій, трирскій и кёльнскій; епископы: страсбургскій, шпейерскій и базельскій. Орденъ св. Іоанна и тевтонскій. См. Haeussser, t. I, p. 277.

[4]) Декреты 4 августа 1789 г., упразднявшіе феодальное право; 23 сентября, провозглашавшіе верховную власть націи; 2 ноября—объ имуществѣ духовенства; 22 декабря 1789 и 26 февраля 1790 г., замѣнявшіе дѣленіе на провинціи дѣленіемъ на департаменты.

наго собранія дополняли и доводили до конца дѣло ассимиляціи, которое вела монархія въ теченіе полутора вѣка. Они находили, что пользуются безусловнымъ правомъ, такъ какъ законодательство ихъ касалось внутреннихъ отношеній Франціи; къ тому же, расширяя такимъ образомъ высшую власть государства, они не думали, что нарушаютъ европейское обычное право. Они не замѣчали, что отнынѣ французскій правовой порядокъ и европейскій обычай, основанные на совершенно различныхъ принципахъ, становились несовмѣстимыми и непримиримыми. Они не замѣчали, что въ сравненіи съ ихъ мѣрами всѣ предпріятія Людовика XIV, направленныя противъ имперіи, даже самыя дерзкія, въ сущности были не особенно значительны. Имперія воевала съ Людовикомъ XIV изъ-за феодальнаго верховенства; но какъ ожидать, чтобы она уступила Собранію, когда дѣло шло объ уничтоженіи самаго феодальнаго режима? [5]).

Въ семнадцатомъ вѣкѣ, когда Франція спорила съ Германіей, дѣло шло и фактически и по праву лишь о предѣлахъ ихъ обоюднаго господства. Принципъ же самаго господства оставался въ сторонѣ. Такъ какъ общественный строй былъ одинаковъ, сдѣлка, хотя бы временная, была всегда возможна между королевствомъ и имперіей. Договоры, какъ бы ни были затруднительны, имѣли слѣдствіемъ лишь перемѣщеніе господства и перенесеніе правъ.

Провозглашая верховную власть народа и упраздняя феодальныя права, Собраніе измѣняло всѣ прежнія отношенія. Отнынѣ совершенно противоположный режимъ долженъ былъ регулировать отношенія между гражданами и государствомъ, права лицъ и имущественныя отношенія во Франціи и въ Германіи. При старомъ режимѣ феодальный владѣлецъ могъ безразлично владѣть на обѣихъ территоріяхъ, оставаться почти государемъ и членомъ имперіи въ одномъ изъ своихъ имѣній и становиться въ другомъ вассаломъ короля французскаго. Съ той и съ другой стороны, онъ владѣлъ своими землями на одинаковомъ основаніи, на основѣ феодализма, и пользовался одинаковыми правами, правами феодала. Различіе существовало лишь въ размѣрахъ владѣнія и іерархической ступени. Послѣ декретовъ 4-го августа и 23-го сентября 1789 г. всякая общая мѣрка исчезала. Франція могла еще вознаградить за потерю дохо-

[5]) Объ этомъ сообщалъ французскій дипломатъ де-Мустье въ мемуарѣ, обращенномъ къ Монморену въ октябрѣ 1790 г. «Введеніе соединительныхъ палатъ въ Эльзасѣ при Людовикѣ XIV вызвало ненависть къ этому государю по всей Европѣ и породило лигу главныхъ европейскихъ державъ противъ Франціи, что едва не довело ее до погибели. Декретъ Національнаго собранія, уничтожавшій права нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ, есть не что иное, какъ болѣе рѣзкое повтореніе и довершеніе дѣла Людовика XIV. Можно ожидать тѣхъ же послѣдствій».

довъ, которыхъ лишала нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ Эльзасѣ, но не было возможности идти на сдѣлку въ вопросѣ самаго права. Если бы нѣмецкіе князья подчинились декретамъ и приняли денежное вознагражденіе, они тѣмъ самымъ признали бы не только верховную власть французской націи, что въ ихъ глазахъ было наименьшею уступкою, но признали бы, чтó несравненно важнѣе, уничтоженіе феодальнаго права: они уничтожили бы самое условіе и принципъ своего владѣнія какъ въ Германіи, такъ и во Франціи.

Сдѣлка такого рода была тѣмъ опаснѣе для нихъ, что принципы революціи, по самому своему свойству, стремились распространяться и внѣ Франціи, что Франція представляла ихъ какъ примѣнимые ко всѣмъ людямъ вообще и своимъ примѣромъ приглашала всѣхъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Чтобы понять такія рѣчи, нѣмцамъ-крестьянамъ стоило только сравнить свою участь съ участью освободившихся французовъ. Сравненіе же напрашивалось само собою жителямъ черезполосныхъ земель лѣваго берега Рейна, на той окраинѣ, гдѣ имперія и Эльзасъ не столько раздѣлялись, сколько перепутывались. Отношенія между нѣмцами и французами были здѣсь постоянными, и для нѣмца-фермера, эльзасскаго владѣльца, не требовалось особой просвѣщенности для того, чтобы желать избавиться отъ повинностей, которыя продолжали тяготѣть надъ нимъ въ то время, какъ его сосѣдъ, фермеръ того же владѣльца, былъ отнынѣ освобожденъ отъ нихъ [6]).

Германія не созрѣла для ночи 4-го августа. Ни ея дворянство не обладало достаточнымъ безкорыстіемъ, ни ея государственные люди не были достаточно дальновидны для такого рѣшительнаго шага. Германія думала только о противодѣйствіи. Когда нѣкоторые изъ заинтересованныхъ лицъ, правда, наиболѣе слабые и нуждающіеся, а слѣдовательно и наиболѣе теряющіе, выразили желаніе подчиниться, сеймъ сталъ оспаривать у нихъ право заключенія договора. Нѣмецкіе юрисконсульты утверждали, что права, отказа отъ которыхъ требовала Франція—неотъемлемы, и что невозможно отречься отъ нихъ, не нарушивъ имперской конституціи. Они пошли даже далѣе. Такъ точно, какъ французскіе законники ссылались на принципы революціи для окончательнаго рѣшенія тяжбы, начатой палатами, завѣдывавшими присоединеніями, нѣмецкіе сослались на тѣ же принципы для ея продленія. Гдѣ Франція находила мотивъ для примѣненія своего права, тамъ Германія открывала доводы для его оспариванія. По мнѣнію этихъ законниковъ, король обезпечилъ нѣмецкимъ князьямъ всѣ ихъ права и преимущества: таково было условіе уступки Эльзаса, на которую пошла имперія; разрывая эту статью, Франція уничтожаетъ дого-

[6]) См. Remling, op. cit., t. I. Introduction.

воръ и освобождаетъ имперію отъ ея собственныхъ обязательствъ. Принимая такой оборотъ, вопросъ становился крайне важнымъ.

Въ сеймѣ, при мелкихъ дворахъ, жадныхъ паразитахъ и почтительнѣйшихъ клієнтахъ богатой Франціи, превратившихся въ алчныхъ кредиторовъ Франціи ослабленной, шумятъ, поднимаютъ голову и соперничаютъ въ «патріотизмѣ». Приглашаютъ великія германскія державы, Австрію и Пруссію, даже Швецію, гарантировавшія условія вестфальскаго мира, вмѣшаться съ оружіемъ въ рукахъ въ распрю націй, и въ особенности потребовать отторженія Эльзаса и Лотарингіи. «Мы знаемъ, что эта мысль существуетъ въ имперіи, и что съ радостью увидѣли бы ея осуществленіе» писалъ Монморенъ [7]). Австрія и Пруссія были заняты другими дѣлами, а Швеція въ эту минуту не имѣла возможности вмѣшаться. Тѣмъ не менѣе въ Берлинѣ Герцбергъ объявлялъ графу д'Эстерно, «что декреты уничтожали права Франціи», какъ владѣлицы Эльзаса. Въ Вѣнѣ, государственный вице-канцлеръ, повѣренный въ имперскихъ дѣлахъ Колоредо, сообщалъ маркизу де-Ноалю о «броженіи», господствующемъ при маленькихъ дворахъ; онъ выражалъ желаніе успокоить это броженіе, но находилъ, что слѣдуетъ «сообразоваться съ буквой договоровъ, и что вознагражденіе нарушаетъ, однакоже, обязательство въ томъ видѣ, какъ оно было заключено». Кауницъ написалъ въ такомъ же смыслѣ графу де-Мерси, прибавляя, что Франція хорошо бы сдѣлала, уладивъ затрудненія, «послѣдствія которыхъ могли бы быть весьма непріятны» [8]).

Французское правительство нашло умѣстнымъ опередить возможныя случайности. 11 февраля 1790 Монморенъ извѣстилъ Національное собраніе о требованіяхъ, заявленныхъ сейму нѣсколькими владѣтельными князьями. Собраніе передало дѣло комитету, вѣдавшему феодальныя дѣла, и рѣшило 28 апрѣля, что заинтересованные должны представить записки о вознагражденіяхъ за убытки, на которые они могли бы расчитывать. Основательно разсуждая, что принципіальный споръ не могъ ни къ чему привести и желая избѣжать, во что бы то ни стало, преній въ сеймѣ, Монморенъ поручилъ французскому дипломату де Тернану посѣтить владѣтельныхъ князей и побудить ихъ къ заключенію съ Франціей частныхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ постоянный обычай въ дѣлѣ переговоровъ

---

[7]) Къ герцогу Орлеанскому, 10 декабря 1789 г. Въ письмѣ, присланномъ изъ Франкфурта въ «Gazette d'Amsterdam» 5 февр. 1790 г. читаемъ: «Весьма возможно, что это предложеніе подастъ поводъ къ присоединенію Эльзаса къ Германіи, отъ которой его оторвало честолюбіе и которой онъ снова долженъ принадлежать по праву, а равно и въ силу условій, на которыхъ онъ былъ уступленъ Франціи», *Moniteur*, t. III, p. 426.

[8]) *Raports de Berlin*, 9 mars; de Vienne, 13 février 1790. *Kaunitz à Mercy* 9 juin 1790. Vivenot, t. I, p. 488.

съ Германіей; въ данномъ случаѣ примѣненіе его было особенно затруднительно. Матеріальныя выгоды почти всегда преобладали надъ «патріотизмомъ» у этихъ князей; но, на этотъ разъ, эти выгоды согласовались съ «патріотизмомъ» и не только не разъединяли нѣмцевъ, но сплачивали ихъ воедино. Французское министерство прекрасно отдавало себѣ въ этомъ отчетъ, и инструкціи, данныя Тернану, были въ высшей степени затруднительны [9]). Онѣ ставили вопросъ права и обсуждали доводы, заимствованные изъ текста договоровъ. «Слѣдствія, вытекающія изъ всего этого», прибавлялъ Монморенъ, «таковы, что или князья должны сохранить мирное пользованіе всѣми своими правами, или Франція должна отказаться отъ владѣнія Эльзасомъ. Кавалеръ де-Тернанъ поведетъ дѣло въ высшей степени осторожно, потому что дѣйствительно таково положеніе вещей». Но если невозможно было плодотворно обсуждать эту статью, то можно было призвать на помощь другой, не менѣе неоспоримый доводъ: право каждаго государства устраивать внутреннія дѣла по собственному усмотрѣнію. Трактаты обезпечили за князьями лишь такія права, которыя совмѣстимы съ верховною властью Франціи. А Національное собраніе упразднило феодальныя права именно въ силу такой верховной власти. Права, которыми пользовались князья на французской территоріи, не конституировали ихъ политическаго существованія: оно имѣло центромъ Германію. Во Франціи же они, подобно остальнымъ земельнымъ владѣльцамъ, были простыми вассалами короны. Они собственники: на этомъ основаніи они должны подчиняться общей волѣ націи; имъ предлагаютъ справедливое вознагражденіе; сверхъ этого они ничего не въ правѣ требовать, и Франція не согласилась бы на такія требованія.

Если бы Собранію было извѣстно содержаніе инструкцій, оно, безъ сомнѣнія, не могло бы его одобрить. Оно не допустило бы уступокъ, дѣлаемыхъ Монмореномъ какъ относительно основъ права князей, такъ и по отношенію къ синалагматическому характеру вестфальскихъ договоровъ. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы вести переговоры съ князьями, необходимо было говорить на языкѣ имъ понятномъ. Подъ страхомъ разрыва со всею Европою, принуждены были признавать ея правовыя понятія, хотя бы для того, чтобы оспаривать ихъ и уклоняться отъ нихъ. Не было ни одного трактата, заключеннаго монархами, который, подобно вестфальскому, не могъ бы подвергнуться оспариванію, подъ тѣмъ предлогомъ, что новая конституція измѣняла его характеръ, упраздняла самый его предметъ и въ концѣ концовъ подрывала въ корень его значеніе. Имѣетъ ли намѣреніе Франція сообразоваться съ трактатами, въ заключеніи которыхъ принимала участіе, или же упразднить какъ для

[9]) *Instructions de M. de Ternant*, Affaires étrangères, mai 1790.

себя, такъ и для другихъ налагаемыя ими обязательства? Текущій споръ между Испаніей и Англіей, по поводу Ноотской бухты, неожиданно поставилъ Собраніе въ необходимость высказаться по этому важному вопросу.

II.

4 мая 1790 г. англійское правительство отдало приказъ о вербованіи полнаго комплекта матросовъ; 5-го началась насильственная вербовка, и въ тотъ-же день король объявилъ палатамъ о столкновеніи между Англіей и Испаніей. 10-го палата общинъ вотировала милліонъ фунтовъ стерлинговъ на вооруженія. «Если судить о намѣреніяхъ англійскаго правительства по приготовленіямъ, предпринятымъ со всѣхъ сторонъ, писалъ Ла-Люцернъ [1]), то слѣдуетъ ожидать продолжительнѣйшей и серьезнѣйшей войны». Въ Парижѣ дѣйствительно ждали войны и несмотря на то, что Англія увѣряла въ мирныхъ намѣреніяхъ своихъ по отношенію къ Франціи и для большаго подтвержденія ихъ прислала лорда Гоуера посланникомъ въ Парижъ [2]), никто не допускалъ, чтобы такія обширныя приготовленія могли имѣть предметомъ одно устрашеніе Испаніи и дополненіе къ переговорамъ, къ которымъ долженъ былъ приступить въ Мадридѣ Фицъ-Гербертъ. Со стороны Франціи непринятіе мѣръ предосторожности было болѣе, чѣмъ рискованномъ. Испанія могла потребовать приведенія въ исполненіе Семейнаго договора (Pacte de famille); если Франція не желала отречься отъ своего вліянія въ пользу Англіи, необходимо было заявить о томъ открыто. 14-го мая письмо Монморена къ Собранію объявило, что англійскія вооруженія принуждали Францію озаботиться своею безопасностью и что вслѣдствіе того король приказалъ вооружить четырнадцать линейныхъ кораблей.

Монморенъ надѣялся, что вызовъ соперничествующей, ненавидимой и внушавшей опасенія, державы прекратитъ, хотя-бы на время, раздоры партій и соединитъ депутатовъ вокругъ короля въ силу общаго патріотическаго движенія [3]). Но онъ ошибся: посланіе его дало новую пищу страстямъ, разъединявшимъ людей, и доставило Собранію поводъ къ одному изъ тѣхъ торжественныхъ засѣданій, въ которыхъ выражалось и его величіе, и его слабость. Собраніе нашло, что наступила минута опредѣлить и утвердить незыблемыя правила, которыми должна руководствоваться отнынѣ дипломатія возрожденной Франціи. Имѣя передъ собою

---

[1]) *Rapport de Londres*, 25 mai 1790.

[2]) *Le duc de Leeds à M. Fitzgerald, à Paris*, 7 mai. 1790. — См. *The Despatches of Earl Gower*, publiées par M. Oscar Browning, Cambridge, 1885. Instructions de lord Gower. p. 1.

[3]) Монморенъ Берни, въ Римъ, 11 мая; Ла Люцерну, 17 мая 1790.

вопросъ о мирѣ или войнѣ, оно прежде, чѣмъ обсудить интересы и сообразоваться съ необходимостью, нашло нужнымъ установить, на какомъ принципѣ должно быть основано въ новой конституціи право мира и войны, а по опредѣленіи этого предмета рѣшить и какимъ образомъ оно будетъ примѣняться. Таковъ былъ методъ того времени; Собраніе прилагало его ко всѣмъ, подлежавшимъ его обсужденію вопросамъ, и въ пресловутыхъ преніяхъ этого засѣданія проявился самый духъ революціи 1789 г. въ дѣлѣ внѣшней политики.

Весьма химерическая, но и весьма великодушная мысль господствуетъ надъ этими преніями. Франція желаетъ мира; она желаетъ мира прочнаго и согласнаго съ ея достоинствомъ, намѣреваясь на-вѣки основывать его на правѣ. Требуется простое, очевидное, всемірное основаніе, которое признано бы было и Франціей и цѣлой Европой и которое согласовало-бы повсюду выгоду со справедливостью. Этого требуетъ разумъ и самый опытъ: они показываютъ, что Франція не нуждается въ расширеніи предѣловъ, что такое расширеніе повредило-бы ея безусловному могуществу и что расширеніе другихъ государствъ могло-бы нанести вредъ ея относительному могуществу. Необходимость сохранить миръ для упроченія свободы и преобразованія законовъ соединяется здѣсь съ благороднымъ намѣреніемъ—пріобщить цивилизованный міръ къ великому дѣлу возрожденія, совершаемому во Франціи.

Предложеніе это внушено Робеспьеромъ; его поддерживаетъ Петіонъ: «Слѣдуетъ объявить, что Франція отказывается отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, отъ всякихъ завоеваній, что она смотритъ на свои предѣлы, какъ на опредѣленные вѣчными судьбами....» «Вы будете вести ваши пренія передъ лицомъ вселенной; вы созовете, можно сказать, собраніе всѣхъ народовъ» [4]). Дипломаты и военные тщетно пытаются напомнить этимъ восторженнымъ идеалистамъ, что Франція состоитъ не изъ одного духа, что Европа не есть географическая абстракція, а Собраніе засѣдаетъ не въ эмпиреяхъ [5]). «Я спросилъ себя», говоритъ Мирабо, «заставимъ-ли мы другія націи измѣнить свои политическія системы, измѣняя нашу собственную.... А между тѣмъ, до тѣхъ поръ прочный миръ остается мечтою, и мечтою опасною, въ томъ случаѣ, если она побудитъ Францію къ разоруженію предъ вооруженною Европою» [6]). Утописты

---

[4]) *Discours de Robespierre*, 15 mai; *de Pétion*, 17 mai; *de Volney*, 18 mai; 1790.

[5]) *Discours de Custine* 15 mai; *de Biron*, 15 mai; *de Malouet*, 17 mai; *de Praslin*, 18 mai; *de l'abbé de Montesquiou*, 19 mai; *de la Galissonnière*, 20 mai. 1790.

[6]) *Discours du 20 mai 1790.*

отвѣчаютъ, что Франція допуститъ лишь національныя войны, что онѣ по необходимости будутъ имѣть оборонительный характеръ, а слѣдовательно и согласоваться со справедливостью. Барнавъ развиваетъ этотъ парадоксъ съ горячностью и волненіемъ, затмевающими на минуту красноречіе самого Мирабо. «Пусть всѣ націи будутъ свободны, какъ и мы», восклицаетъ священникъ Ролле, «и тогда не будетъ болѣе войны» [7]. Собраніе вѣритъ этому и опьяняется этой фразой. Таково увлеченіе иллюзіями: тѣ же люди, которые три года спустя должны были опираться въ Конвентѣ на самый исключительный и фанатическій патріотизмъ, чтобы заставить вооруженную Францію обратиться въ республику по римскому образцу, не терпѣли теперь напоминанія о томъ, что они французы, что у Франціи есть границы, и что границы эти окружены соперниками и врагами [8]. Рѣчи становятся дифирамбами, пренія теряются въ энтузіазмѣ: это своего рода ночь 4-го августа: отреченіе отъ войны и завоеваній.

Собраніе отвергаетъ принципъ завоеваній и отрекается отъ самой мысли о нихъ. Съ той минуты дипломатія становится безполезной. Къ чему ухищренія, которыя никого не обманываютъ, и трактаты, которыхъ не соблюдаютъ? Пророки того времени объявили: «Не разоряйтесь на посланниковъ при чужеземныхъ дворахъ и не относитесь серьезно къ союзамъ и трактатамъ». «Искусство вести переговоры есть не что иное, какъ искусство интриговать» [9]. Свободная Франція не нуждается въ дипломатахъ. Къ тому-же имъ нельзя довѣрять. Для рѣшенія вопросовъ права они безполезны. Не нужно общихъ союзовъ, а лишь—«національные договоры» съ «справедливыми народами» [10].

Тѣмъ не менѣе и такія основы нуждаются въ гарантіяхъ. Собраніе можетъ найти ихъ только въ самомъ себѣ: оно будетъ вести переговоры, объявлять войну и заключать миръ: оно желаетъ одного лишь блага, оно

---

[7]) *Discours du 16 mai 1790.*

[8]) Депутатъ правой, офицеръ Казалесъ, рѣшился сказать 21 мая: «Родина должна быть исключительнымъ предметомъ нашей привязанности. Любовь къ отечеству создаетъ не только людей, она создаетъ гражданъ. Она создала спартанцевъ. Что до меня касается, то я объявляю, что я люблю не русскихъ, не нѣмцевъ, не англичанъ, что мнѣ дороги французы. Кровь одного соотечественника дороже мнѣ, чѣмъ кровь всѣхъ народовъ въ мірѣ». Казалесу не дали продолжать; громкій ропотъ, почти крикъ заглушилъ его голосъ. Онъ принужденъ былъ извиниться за излишнюю горячность и преувеличенія своей рѣчи.

[9]) Rousseau, *Gouvernement de la Pologne*, ch. XV, Conclusion. — Mably, *Principes des négociations*, ch. I et II; *Le Droit public de l'Europe*, ch. XII. *Oeuvres*, Paris, an III, t. V, p. 17; t. VII, p. 92.

[10]) Dupont de Nemours, 19 mai; Rewbell, 15 mai 1790.

руководствуется одною справедливостью, оно всегда будетъ имѣть за себя право [11]). Ослѣпленные до фанатизма «свѣтлыми упованіями,» считая себя переродившимися, потому что объявляли себя убѣжденными, не вѣдая, что война тлѣла, такъ сказать, въ ихъ душѣ, что наслѣдственный импульсъ французской крови неизбѣжно заставитъ ихъ распространять революцію за своими предѣлами, совершивъ ее у себя, что для возрожденія Европы придется сперва ее подчинить, что при условіяхъ, въ которыхъ находился старый свѣтъ, торжество истины могло осуществиться лишь при помощи желѣза и огня, и что они сами примѣнятъ это средство безпощадною рукою, они забывали уроки исторіи и очевидность фактовъ. Замѣчая между собою и идеаломъ одну тѣнь королевской власти, они съ ожесточеніемъ преслѣдовали этотъ призракъ. Одинъ Мирабо отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ положеніи вещей; онъ разсѣялъ туманъ и на минуту открылъ предъ недовѣрчиво слушающемъ Собраніемъ странное и роковое будущее, которое революція несла въ себѣ и которое никѣмъ не предвидѣлось. Онъ указалъ на воинственное ожесточеніе свободныхъ народовъ и на демократію, отдававшуюся страстямъ болѣе рабски, чѣмъ абсолютнѣйшіе изъ монарховъ [12]). «Посмотрите на политическія собранія, они всегда объявляли войну подъ вліяніемъ страсти. Мы слышали здѣсь, какъ одинъ изъ ораторовъ предлагалъ, въ случаѣ несправедливой войны съ Англіей и Испаніей, перейти границы, вмѣшаться въ дѣло, дойти до Лондона, перебить надменныхъ англичанъ и истощить ихъ казну до послѣдняго червонца [13]). И мы всѣ рукоплескали оратору; я самъ поймалъ себя на этомъ, и ораторской выходки достаточно было, чтобы на минуту парализовать вашу мудрость. Не думаете ли вы, что подобныя увлеченія не приведутъ къ бѣдственнымъ войнамъ, если вы станете обсуждать здѣсь вопросъ о войнѣ, и не смѣшаете ли вы внушенія отваги съ внушеніями опыта? Въ ту минуту, какъ вы будете обсуждать, войну станутъ требовать громкимъ голосомъ; вы увидите вокругъ себя цѣлую армію гражданъ. *Васъ не будутъ болѣе обманывать министры, но не станете ли вы обманывать себя сами?* Указываютъ на общественное мнѣніе! Но кто управляетъ имъ? Кто умѣряетъ его? Можно-ли ждать, чтобы оно само обуздало себя? Посмотрите на свободные народы: они всегда отличались еще болѣе честолюбивыми и жестокими войнами. Боятся, чтобы король не злоупотребилъ этимъ правомъ объявленія войны, чтобы возстановить деспотизмъ! Но какіе писаные законы спасутъ отъ узурпатора народы, которые не съумѣютъ предвидѣть его козни и защитить

[11]) *Discours de Barnave*, 21 мая 1790.

[12]) *Discours*, 20 мая 1790.

[13]) *Discours de Menou*, 15 мая 1790.

себя? Цезарь родился не на тронѣ. Вы приписываете монархіямъ неудобства республикъ; военные успѣхи особенно опасны въ демократическихъ государствахъ. У народовъ, не имѣвшихъ королей—ихъ создали именно эти успѣхи. Аннибалъ и Цезарь представляли опасность именно для Карѳагена и Рима».

Мирабо не убѣдилъ Собраніе, но онъ заставилъ его принять рѣшеніе. Оно предоставило себѣ право обсуждать объявленіе войны и присвоило королю право предлагать вопросъ о войнѣ. Король долженъ былъ вести переговоры и рѣшать, Собраніе—контролировать переговоры и утверждать договоры [14]). Декреты, содержавшіе эти рѣшенія, были включены въ сводъ конституціонныхъ законовъ. Они заканчивались слѣдующею декларацією, быть можетъ, прекраснѣйшей изъ всѣхъ, обсуждавшихся какимъ-либо политическимъ собраніемъ, но и самой неосуществимой. Она составила впослѣдствіи главу VI конституціи:

«Французская нація отказывается отъ какой-бы то ни было войны, имѣющей цѣлью завоеваніе, и не употребитъ никогда своихъ военныхъ силъ во вредъ свободѣ какого-бы то ни было народа».

Этотъ декретъ вотировали среди всеобщаго радостнаго волненія. Платоническое пожеланіе конгресса матафизиковъ, разсуждающаго въ пустомъ пространствѣ о тайнахъ вѣчнаго мира; гибельная утопія французскаго собранія, засѣдающаго на лонѣ Европы! Собраніе забывало, что у Франціи были свои традиціи, являвшіяся историческимъ закономъ для ея интересовъ, и свои притязанія—естественныя условія ея территоріальнаго положенія; что въ королевствѣ оставались нарушающія его единство выемки, а вдоль границъ—черезполосица, препятствовавшая оборонѣ; что за предѣлами ея, не вполнѣ установленными и разорванными, находились соперничествующія державы и завистливыя государства, питавшія противъ Франціи вѣковые, хищническіе замыслы; что въ Европѣ имѣлись честолюбцы, всегда готовые нарушить общее равновѣсіе; что наконецъ революція, вызывая въ средѣ народовъ подражателей, грозила новою непріязнью, предоставляла новые соблазны, создавала новые интересы и налагала новыя обязательства. При тогдашнемъ взаимномъ положеніи Франціи и Европы было-бы справедливо и удобно искренно желать мира, открыто заявить о томъ и честно соблюдать этотъ миръ; но къ чему лишать себя на-вѣки права новыхъ предпріятій и пріобрѣтеній, могущихъ явиться ихъ законнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ? Къ чему принимать на себя предъ лицомъ цивилизованнаго міра рискованныя обязательства, всегда клонящіяся въ ущербу государствъ, потому что неминуемо они влекутъ за собою невыполненіе или погубное отреченіе? Зачѣмъ ставить себя въ

[14]) Статьи конституціи, вотированныя 22 мая 1790.

такое крайнее положеніе, что приходится жертвовать національнымъ интересомъ парадоксу, или нарушать основы конституціи во имя охраненія государственныхъ интересовъ? При новомъ режимѣ должно было явиться противорѣчіе между неосязаемыми отношеніями отвлеченнаго права и частными и реальными интересами государства, подобно тому, какъ при старомъ порядкѣ происходило столкновеніе между правами народа и правами короля. Это были, и еще на долгое время, неразрѣшенные конфликты, которые улаживаются лишь на бумагѣ текста законовъ.

Собраніе весьма рано испытало это, но въ эту минуту никто не обратилъ вниманія на предостереженія Мирабо; никто не хотѣлъ вѣрить опасности, которую война готовила воинствующей демократіи. Европа, хотя и по инымъ мотивамъ, смотрѣла на это совершенно одинаково съ Собраніемъ. Собраніе полагало, что подаетъ великій примѣръ безкорыстія, и оно искренно гордилось этимъ. Европа рѣшила, что Франція блистательно доказываетъ свою слабость, и поздравляла себя съ этимъ. Декреты 22-го мая уничтожили все значеніе военныхъ приготовленій, которыми распорядился Людовикъ XVI. «Въ Лондонѣ убѣждены», писалъ Ла-Люцернъ, «что всякій министръ, взявшійся-бы у насъ за вооруженія, рисковалъ-бы головою.» Всѣ разсужденія англичанъ приводили ихъ къ такому заключенію: «Англіи нечего бояться Франціи, и она можетъ безъ боязни и излишней щекотливости присвоить себѣ главенство въ обоихъ полушаріяхъ» [15]). Это было великое непониманіе намѣреній Франціи и характера ея національнаго Собранія.

III.

Декретируя царство мира, Собраніе декретировало довѣріе и изгоняло страсти. А между тѣмъ страсти были яростнѣе, чѣмъ когда-либо, и подозрѣнія бродили во всѣхъ умахъ [1]). Только и слышалось что о заговорахъ, замышляемыхъ французскими эмигрантами въ сообществѣ съ нѣмецкими князьями и о контръ революціонныхъ проектахъ, подготовляемыхъ королевой совокупно съ Австріей. Общая непріязнь къ австрійскому двору сдѣлала Марію-Антуанетту непопулярной съ самаго пріѣзда ея во Францію. Возрастающая непопулярность королевы дѣлала отнынѣ союзъ съ Австріей еще ненавистнѣе французамъ. Это чувство не разъ прорывалось въ Собраніи. Оно ждало только случая, чтобы вспыхнуть.

Въ концѣ іюля графъ де Мерси испросилъ для своего правительства

---

[15]) *Rapport du 31 mai 1790.*

[1]) См. сочиненіе Андре Шенье: «*Avis au peuple français sur ses véritables ennemis*, 28 августа 1790. *Oeuvres en prose*, p. 1.

дозволеніе провести по французской территоріи военный корпусъ, отправлявшійся изъ Люксамбурга въ Бельгію. Извѣстіе о томъ распространилось въ томъ краѣ, чрезъ который должны были проходить эти австрійцы; населеніе было объято паническимъ страхомъ, оно считало себя отданнымъ во власть врагамъ и обратилось къ Собранію. Одинъ изъ депутатовъ, бывшій военный, соединявшій революціонное настроеніе съ самымъ пламеннымъ старо-французскимъ патріотизмомъ, Дюбуа де Крансе, представилъ 27-го іюля Собранію протестъ своихъ согражданъ — арденцевъ. Какъ и всегда случалось въ этомъ огромномъ и бурномъ Собраніи, возникъ инцидентъ, внезапно обнаружившій глубоко-тревожное настроеніе умовъ и вызвавшій мѣры, тѣмъ быстрѣе рѣшенныя, что онѣ отвѣчали всеобщимъ и давнимъ желаніямъ. Каждый спѣшилъ передавать тревожныя извѣстія, имъ собранныя. Это былъ потокъ страстныхъ вѣстей. Англія вооружается, Испанія слѣдуетъ ея примѣру, Сардинія стягиваетъ свои войска къ Дофине и Провансѣ, Австрія сосредоточиваетъ войска въ Нидерландахъ. «Намъ грозятъ со всѣхъ сторонъ!» восклицаетъ д'Андре. Министерство уводитъ войска изъ Фландріи, прибавляетъ другой депутатъ. Кто-то сообщаетъ, что въ Кобленцѣ открыта фабрика фальшивыхъ ассигнацій. Собраніе назначаетъ комитетъ изъ шести членовъ для выработки мѣръ къ огражденію королевства и обсужденія «политическаго положенія сосѣднихъ державъ». На другой день, 28-го іюля, бывшій членъ парламента Фрето, алармистъ и вздорный человѣкъ, дѣлаетъ докладъ, подтверждающій всѣ подозрѣнія. Онъ указываетъ на постоянное увеличеніе числа эмигрантовъ, на приведеніе въ движеніе «германскихъ войскъ», на совмѣстныя усилія нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ и бѣжавшихъ въ Германію французскихъ принцевъ, стремящихся къ возстановленію феодальнаго права. Передавали вполголоса, что Австрія и Пруссія совѣщаются въ Рейхенбахѣ о французскихъ дѣлахъ и забываютъ свои пререканія, чтобы заключить союзъ противъ Франціи. Собраніе декретируетъ, что будутъ умолять короля о вооруженіи гражданъ и о защитѣ государства. Оно уничтожаетъ данное министерствомъ разрѣшеніе австрійцамъ провести войска по французской территоріи и оставляетъ за собою право принять новое рѣшеніе, когда будетъ выяснено положеніе дѣлъ. Во время преній Мирабо предлагаетъ обратиться путемъ декрета къ «Луи-Жозефу де Бурбонъ, именуемому Конде» и потребовать, чтобы онъ отказался отъ приписываемаго ему контръ—революціоннаго манифеста, подъ страхомъ быть объявленнымъ измѣнникомъ отечества и конфискаціи его имущества. Робеспьеръ находитъ предложеніе мелочнымъ. Зачѣмъ преслѣдовать отдѣльное лице и обвинять его на основаніи, быть можетъ, подложнаго документа. Онъ желаетъ, чтобы Собраніе смотрѣло на вещи шире и

съ болѣе высокой точки зрѣнія, чтобы, однимъ словомъ, «оно занялось средствами обузданія всѣхъ враговъ революціи». Собраніе переходитъ къ обсужденію текущихъ дѣлъ; тѣмъ не менѣе отнынѣ эмигранты подлежатъ суду, а дѣйствія ихъ—обсужденію. Депутаты вызвали необходимость заниматься внѣшними дѣлами, и эти дѣла не перестанутъ озабочивать ихъ. 29-го іюля они рѣшаютъ, что комитетъ изъ шести членовъ долженъ будетъ ознакомиться съ содержаніемъ заключенныхъ Франціей трактатовъ и отдать отчетъ о своихъ занятіяхъ Собранію [2]). Это такъ наз. дипломатическій комитетъ: онъ назначенъ 1-го августа и состоитъ изъ Мирабо, Фрето, Мену, д'Андре, Барнава и Дюшателе.

Немного дней спустя, Собраніе имѣло случай примѣнить полномочія, имъ себѣ присвоенныя. Испанія не безъ желчи требовала немедленныхъ и энергическихъ мѣръ противъ Англіи [3]). Договоръ былъ формальный: Людовикъ XVI не могъ отклонять наложенныхъ имъ обязательствъ. Монморенъ не рѣшался сообщить Собранію: ему было извѣстно, что оно относится къ этому договору неблагопріятно. Договоръ заключалъ статьи наступательнаго свойства: поэтому онъ не могъ не оскорблять утопистовъ. Оппозиція прежде всего видѣла въ этомъ трактатѣ чисто династическое дѣло и потому нападала на него съ ожесточеніемъ. Анархическія стремленія однихъ и великодушныя иллюзіи другихъ согласились такимъ образомъ упразднить союзъ, который считался нѣкогда самыми строгими и справедливыми людьми однимъ изъ лучшихъ трудовъ французской политики за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ [4]).

Между тѣмъ англичане торопили испанцевъ. Фицъ-Гербертъ уже съ половины іюня находился въ Мадридѣ и препровождалъ къ Флорида Бланка угрожающія ноты. Испанія располагала только семьюдесятью военными судами. Англія могла выдвинуть сто пятьдесятъ восемь; и въ то время какъ французскіе министры колебались оказать поддержку Испаніи, Голландія вооружалась, чтобы придти на помощь къ Англіи. Франція отозвала своего посланника де Ла-Вогюйона и оставила въ Мадридѣ только повѣреннаго въ дѣлахъ Бургоана, преданнаго революціи и весьма холодно относившагося къ Испаніи. «Это—негодяи», говорилъ Флорида Бланка шведскому дипломатическому агенту; «съ ними нельзя имѣть дѣла;

---

[2]) Совѣтъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сказалъ Мабли, долженъ все отсылать сенату и отдавать во всемъ отчетъ сейму. «Du gouvernement de la Pologne», 1 partie, ch. XI.

[3]) «Въ противномъ случаѣ его христіаннѣйшее величество не долженъ будетъ удивляться, что Испанія станетъ искать иныхъ друзей и союзниковъ». Графъ Фернанъ-Нунецъ, испанскій посланникъ Монморену, 16 іюня 1790.

[4]) См. т. I.

по моему мнѣнію, слѣдуетъ оцѣпить границу кордономъ, какъ во время чумы!» [5]), Союзъ былъ уже значительно скомпрометированъ, когда 2 августа Монморенъ рѣшился представить Собранію требованія Испаніи. Дѣло было передано дипломатическому комитету. Мирабо былъ всесиленъ въ комитетѣ. Онъ предложилъ назначить его докладчикомъ. Онъ видѣлъ только одно средство спасти полезный въ его глазахъ союзъ и прекратить необдуманную оппозицію, обращавшую вниманіе на одну внѣшность и не понимавшую сущности дѣла: пересмотръ трактата и согласованіе его съ новою конституціей, упраздненіе статьи наступательнаго свойства и замѣна Семейнаго договора (Pacte de famille) договоромъ національнымъ [6]). Въ такомъ смыслѣ онъ и далъ свое заключеніе. 26-го Собраніе предложило королю вооружить сорокъ пять кораблей и начать переговоры съ Испаніей, въ видахъ пересмотра трактата. О вооруженіи отданъ былъ приказъ, а Бургоану посланы были инструкціи. Министерство, руководясь весьма популярными чувствами, предложило испанцамъ возвратить Франціи Луизіану, въ видѣ скрѣпленія новаго союза съ Франціей.

Испанцы, однако, были мало расположены дать французамъ подобное доказательство дружбы. Помощь заставила себя ждать слишкомъ долго. Они перестали не нее расчитывать. Не считая себя въ силахъ противостоять англичанамъ безъ посторонней помощи, испанцы стали будировать союзника и искать сдѣлки съ непріятелемъ. Испанскій посланникъ въ Парижѣ взялъ отпускъ. Флорида-Бланка окружилъ себя по отношенію къ Бургоану такою непроницаемою тайною, что Монморену удалось узнать кое-что о переговорахъ лишь отъ англійскаго двора. Они привели къ заключенію договора, подписаннаго въ Эскуріалѣ 12 октября 1790 г. По этому договору Испанія вознаграждала англичанъ и уступала имъ спорную территорію. Такая уступчивость со стороны Испаніи возвѣщала полный поворотъ въ ея политикѣ. Отнынѣ она будетъ искать въ Англіи той безопасности, которую не доставлялъ ей союзъ съ Франціей. Это было большимъ успѣхомъ для Питта и истинною цѣлью его дипломатіи во всемъ этомъ дѣлѣ: онъ порвалъ Семейный договоръ и держалъ Испанію въ своихъ рукахъ. Франція была унижена и изолирована, а Питту именно это и было желательно. Тонъ переписки между Парижемъ и Лондономъ быстро смягчился, и пришли къ соглашенію относительно разоруженія кораблей, вооруженныхъ тою и другою стороною.

Франція избѣжала войны; но этотъ кризисъ слишкомъ ясно обнару-

---

[5]) Baumgarten, p. 312.

[6]) См. Lucas Montigny, t. VII, p. 442. — *Correspondance de Mirabeau*, 3 et 4 note pour la cour, 23 et 26 juin 1790.—Ségur, *Examen d'un ouvrage intitulé: Extrait du pacte de famille. Oeuvres*, 1825, t. II, p. 306.

жилъ неспособность ея правительства, нерѣшительность Собранія и общій разладъ въ государствѣ. Не время было входить въ столкновеніе съ Европой; однако Собраніе безсознательно шло на это и незамѣтно клонило къ конфликту.

IV.

28 октября Мерленъ де Дуэ представилъ докладъ феодальнаго комитета по поводу нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ Эльзасѣ. Значительное участіе, принятое имъ въ обсужденіи упраздненія феодальнаго режима, поставило его въ первый рядъ среди юристовъ Собранія. Никто не олицетворялъ полнѣе духа того класса людей, которому предстояло оказать преобладающее вліяніе на развитіе революціи. Мерленъ вносилъ этотъ духъ и во внѣшнія дѣла, и съ его появленіемъ реалистическая политика 1795 г. проникаетъ въ идеализмъ 1789 г. Докладъ его начинается торжественнымъ прославленіемъ новыхъ правовыхъ основъ. «Будучи неподкупными глашатаями священныхъ и неотъемлемыхъ правъ націй», представители не признаютъ иныхъ правъ, кромѣ основанныхъ на справедливости. Въ силу этого они отвергаютъ «всѣ эти договоры, конвенціи—плоды заблужденій королей и ухищреній ихъ министровъ». Впрочемъ Мерленъ не останавливается долѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на этихъ ораторскихъ общихъ мѣстахъ. Онъ спѣшитъ перейти къ дѣлу и выказываетъ себя отнынѣ тѣмъ, чѣмъ останется и позднѣе,—самымъ свѣдущимъ, самымъ ловкимъ, самымъ изворотливымъ, но и самымъ твердымъ и послѣдовательнымъ изъ законниковъ; въ особенности же умѣлъ онъ переводить на революціонный языкъ правила монархическаго права, примѣняя съ изумительною ловкостью къ расширенію народной власти всѣ ухищренія, которыя парламенты предлагали къ услугамъ власти королевской. Онъ презрительно положилъ на трибуну тексты прежнихъ договоровъ, чтобы разобрать ихъ съ безпощадностью генеральнаго прокурора, облеченнаго верховною властью народа. Онъ доказалъ, что бывшіе удѣлы Эльзаса, по смыслу самихъ договоровъ, не что иное какъ частныя владѣнія, подчиненныя власти государства, подобно «остальнымъ частямъ, кантонамъ, мѣстечкамъ» Эльзаса. Франція, слѣдовательно, имѣла полное право упразднить ихъ. Остается узнать, имѣютъ-ли владѣльцы право на вознагражденіе. Тѣ изъ нихъ, которые прислали представителей въ Собраніе, не могутъ имѣть такого рода притязанія; что касается нѣмецкихъ князей, ссылающихся на Мюнстерскій договоръ, то Мерленъ ловко проводитъ различіе между старымъ и новымъ правомъ. По старому, они имѣли-бы право на возмѣщеніе убытковъ, такъ какъ Франція, владѣя лишь въ силу трактата, обязана была

сообразоваться съ его статьями: Людовикъ XIV не могъ-бы отказать въ вознагражденіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ французская нація провозгласила свою верховную власть, условія измѣнились. «Эльзасскій народъ возсоединился съ французскимъ добровольно; слѣдовательно, его воля, а не Мюнстерскій договоръ, узаконила союзъ, а такъ какъ онъ не ставилъ при этомъ никакихъ условій относительно владѣльческихъ имѣній, то никто не можетъ имѣть притязанія на вознагражденіе». империи это не касается. Каждое изъ государствъ, входящихъ въ ея составъ, «сохраняетъ отдѣльное существованіе», остается свободнымъ располагать собою и можетъ присоединяться къ кому пожелаетъ. «Различныя части, вошедшія въ составъ Эльзаса, такъ же, мало нуждались въ согласіи имперіи, чтобы сдѣлаться французскими, какъ мало нуждались, напримѣръ, въ согласіи Генуи корсиканцы. Таковъ голосъ «строгой справедливости». Но на практикѣ благоразуміе совѣтуетъ сообразоваться «со справедливостью кроткою и благодѣтельною» и щадить сосѣднія націи. Собраніе приняло эти доводы.

По предложенію Мирабо, оно издало декретъ, подтверждавшій права Франціи [1]), но приглашавшій короля рѣшить, при помощи полюбовной сдѣлки съ заинтересованными лицами, размѣръ слѣдуемаго имъ вознагражденія. Это значило запутаться въ безысходномъ столкновеніи, если имперія, опираясь на такое же право, на которое ссылалась Франція, и не признавая у себя иной верховной власти, кромѣ своей собственной, продолжала-бы настаивать на соблюденіи трактатовъ и не согласилась-бы признать новыхъ основъ права, приводимыхъ Франціей, т. е. воли самаго населенія. Но это было не одно затрудненіе, непосредственно вытекавшее изъ принциповъ, поставленныхъ Мерленомъ, которое вызвалъ докладъ феодальнаго комитета. Изъ него вытекало несравненно болѣе опасное слѣдствіе, потому что оно подвергало сомнѣнію самое существованіе государства и первую основу мира. Франція, утверждалъ Мерленъ, владѣла Эльзасомъ лишь въ силу согласія на то эльзасцевъ, и этотъ народъ могъ свободно присоединиться къ Франціи, потому что составлялъ свободную часть націи. Слѣдовало-ли изъ этого, что каждое населеніе, имѣвшее притязаніе составлять такую свободную часть государства или, освобождаясь, объявило себя таковою, могло-бы въ силу только этого обстоятельства отдѣляться отъ государства, къ которому принадлежало, и присоединяться къ другому, при чемъ глава этого государства не могъ-бы ни противиться, ни протестовать? Не примѣнитъ-ли Франція этого принципа къ территоріямъ съ нею граничащимъ? Допуститъ-ли она, чтобы населеніе ея собственныхъ провинцій ссылалось-бы на тотъ же принципъ, чтобы порвать

[1]) «Considérant qu'il ne peut y avoir dans l'étendue de l'empire français d'autre souveraineté que celle de la nation....» *Décret du 28 octobre* 1790.

съ Франціей и присоединиться къ другимъ государствамъ? Эти послѣдствія порождали одно другое и связывались цѣпью безпощадной логики. Собраніе чувствовало это. Оно уклонялось насколько могло отъ этой задачи, наиболѣе грозной и щекотливой изъ всѣхъ, которыя революція должна была выдвинуть между Франціей и Европой. Мерленъ указалъ данныя, по поводу Эльзаса; авиньонскія дѣла заставили Собраніе обсуждать этотъ вопросъ публично.

V.

Авиньонъ и графство Венессенъ составляли черезполосное владѣніе. Королевскіе законники періодически требовали ихъ возсоединенія съ Франціей [1]), не только по традиціонному честолюбію и страсти къ единству, но и изъ любви къ порядку и ради интересовъ государственныхъ. Они стремились возвратить земли, по ихъ мнѣнію, несправедливо отторгнутыя, упразднить очагъ контрабанды и потушить очагъ анархіи. Авиньонъ существовалъ во Франціи какъ своего рода обломокъ среднихъ вѣковъ. Папское правительство, весьма слабое и въ Римѣ, совершенно утрачивало вліяніе на разстояніи. Общины графства управлялись, приблизительно, по собственному усмотрѣнію, при чемъ каждая тянула въ свою сторону. Въ центрѣ власть относилась благодушно къ честнымъ людямъ и снисходительно къ остальнымъ. Этотъ городъ представлялъ среди Франціи истинный дворъ чудесъ, открытый для всѣхъ судившихся преступниковъ королевства и недоступный для королевской полиціи. Вѣковая вражда разъединяла Авиньонъ и Карпантра, центръ Венессенскаго графства. Волненія, распространенныя революціей, раздули пламень этой вражды и вызвали въ этихъ маленькихъ странахъ жестокій кризисъ. Движеніе началось съ Авиньона.

Мѣстная буржуазія сочувствовала Франціи и новымъ воззрѣніямъ; она естественнымъ образомъ пожелала присоединенія къ королевству, въ надеждѣ воспользоваться пріобрѣтеніями революціи. Сельское населеніе потребовало отмѣны десятинной повинности и феодальныхъ поборовъ; оно выразило свое желаніе упразднить ихъ тѣмъ, что перестало ихъ уплачивать. Авиньонская чернь, контрабандисты, грабители всякаго рода и происхожденія, которыми кишѣла мѣстность, образовали шайки и навели ужасъ на цѣлый край, поджигая замки, грабя монастыри и дѣйствуя за одно съ разбойниками Прованса и Лангедока. Сторонники Франціи просили вмѣшательства короля для возстановленія порядка и введенія ре-

[1]) Объ Авиньонѣ см. Louis Blanc, *Histoire de la Révolution*, t. V, p. 300.—Michelet, t. III, p. 279.—Taine, t. II, p. 168.—Sybel, t. I., p. 348. Masson, *Bernis*. Paris 1884, p. 89, 237.

формъ, которыми уже пользовалась Франція. Но и старый режимъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, несравненно болѣе устрашенныхъ анархіей, чѣмъ прельщенныхъ революціей. Такъ какъ Авиньонъ держалъ сторону Франціи и былъ проникнутъ революціонными стремленіями, Карпантра остался приверженцемъ папы и аристократіи. Противники присоединенія нашли въ немъ убѣжище и организовали сопротивленіе. Провансъ принялъ живое и страстное участіе въ этомъ раздорѣ. Вся Франція была имъ взволнована. И это по той причинѣ, что онъ выдвигалъ вопросъ о національномъ единствѣ, который революція подновила и разогрѣла, такъ сказать, въ умахъ. Этотъ вопросъ вызвалъ старинную враждебность къ духовной власти, издавна поддерживаемую во Франціи законниками и парламентаристами.

Уже съ 12 ноября 1789 г. провансальскій депутатъ Бушъ, адвокатъ экскаго парламента, внесъ предложеніе, клонившееся къ тому чтобы потребовать «ради націи» независимости Авиньона и Венессена. Собраніе въ ту минуту было еще недостаточно смѣло и дипломатическія осложненія внушали ему опасенія: оно перешло къ очереднымъ дѣламъ. Авиньонскіе революціонеры рѣшили побудить его къ рѣшительному дѣйствію при помощи совершившагося факта. Они прогнали папскаго легата, овладѣли городскимъ управленіемъ и образовали муниципалитетъ, который и обсуждалъ вопросъ о присоединеніи къ Франціи 11-го іюля 1790 г. Камюсъ, человѣкъ весьма свѣдущій въ церковныхъ дѣлахъ и ревностный противникъ духовной власти, сообщилъ Собранію о желаніи населенія, а Собраніе передало его въ свою очередь королю. Нѣсколько дней спустя оно получило и также передало королю петицію жителей Венессенскаго графства: они выбрали представительное собраніе и рѣшили принять новые французскіе законы, «не намѣреваясь, однако», какъ они выражались, «нанести ущербъ законной власти своего монарха и благодѣтеля». Довѣрчиво относясь къ заявленію Франціи, которымъ она отреклась отъ завоеваній, они просили французское правительство оказать имъ покровительство и обезпечить за ними, путемъ договора, свободную конституцію, ими выработанную. Они принимали такую предосторожность не столько противъ папскаго престола, сколько противъ сосѣдей своихъ, авиньонскихъ революціонеровъ. Анархія свирѣпствовала въ Авиньонѣ. Національные гвардейцы французской городской общины Оранжъ попытались защитить мирныхъ жителей. Имъ удалось спасти аристократовъ отъ неминуемой рѣзни лишь заключивъ ихъ въ тюрьму; но силы ихъ были недостаточны, Оранжскій муниципалитетъ потребовалъ содѣйствія регулярныхъ войскъ. Собраніе получило извѣстіе о томъ 16-го іюля. Ему предстояло заняться дѣлами Авиньона и графства въ троякомъ отношеніи. Оно назначило, въ

видахъ изученія этихъ дѣлъ, особый комитетъ. Въ то же время оно просило короля послать войска, которыя должны бы были остановиться въ Авиньонѣ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Назначенный 22-го іюля комитетъ поручилъ Тронше представить общій докладъ. Онъ прочиталъ его 27-го августа. Тронше избѣгалъ вмѣшательства въ распрю, но ясно показалъ, что Авиньонъ можетъ быть присоединенъ къ Франціи лишь по добровольному согласію населенія и вслѣдствіе договора, заключеннаго съ папой; въ противномъ случаѣ фактъ могъ быть сочтенъ завоеваніемъ и нарушилъ бы конституцію. Собраніе отложило свое рѣшеніе, по существу дѣла. Правительство, къ которому обратился папа съ просьбой обезпечить и права святого престола и безопасность населенія, не рѣшалось ни на какую мѣру, помимо одобренія Собранія. Но еще болѣе опасается оно совѣщанія съ этимъ Собраніемъ. Оно медлитъ, но отступаетъ, а Собраніе, послѣ нѣкотораго колебанія, мало-по-малу овладѣваетъ почвой. Потребовали мнѣнія дипломатическаго комитета. Онъ не пришелъ къ соглашенію съ авиньонскимъ комитетомъ для составленія общаго доклада, и 16-го ноября начались пренія по поводу петиціи авиньонцевъ [2]).

Въ этомъ, какъ и въ дѣлѣ владѣтельныхъ князей, заключается два вопроса, требующіе рѣшенія: одинъ изъ этихъ вопросовъ касается «естественнаго и неотъемлемаго права народовъ»; другой—положительнаго права, договоровъ и текстовъ ихъ. Первый не подлежитъ спору: достаточно лишь поставить его. Право авиньонцевъ располагать своею судьбою вытекаетъ изъ основного принципа новыхъ французскихъ законовъ. Въ силу этого принципа Франція имѣетъ полное основаніе отвѣчать на выраженное ими желаніе [3]). Но Европа еще не признаетъ такого принципа: она управляется не на основаніи естественнаго права и знаетъ лишь право юридическое и договоры. Слѣдовательно, для узаконенія своихъ требованій Франціи придется опираться по отношенію къ державамъ на гражданское право и трактаты. Уступая Авиньонъ, скажетъ она, корона отдавала то, чего уступать не имѣла права. Папскій престолъ узурпировалъ то, чего не могъ пріобрѣсть законнымъ путемъ. Его права незаконны въ самомъ корнѣ и недѣйствительны. Парламенты, какъ вѣрные хранители народныхъ правъ, никогда не упускали случая высказывать свои оговорки,

[2]) Эти пренія заняли засѣданія 16, 18 и 20 ноября 1790 г. Онѣ продолжались 30 апрѣля 1791 г. Обсуждались тѣ же вопросы, тѣ же ораторы приняли участіе въ преніяхъ, и приведены были тѣ же доводы. Далѣе указаны въ выноскахъ рѣчи 1791, служащія дополненіемъ рѣчей 1790 г.

[3]) *Discours de Pétion*, 16 novembre 1790. *Moniteur*, t. VI, p. 398.—См. *Rapports de Menou* 30 avril 1791 et 17 mai 1791. *Moniteur*, t. VI, p. 264, 483. *Discours de Robespierre*, 18 novembre 1790, *Moniteur* t. VI, p. 419.

когда ихъ принуждали къ регистрированію патентовъ, которыми неоднократно возвращали Авиньонъ папскому престолу. Принципіально нельзя ничего предписывать государству; фактически это предписаніе было прервано формально [4]). Такъ какъ право неоспоримо, то интересы націи повелѣваютъ примѣнять его. Этотъ край находится «въ центрѣ нашихъ южныхъ провинцій», сказалъ Петіонъ, «онъ перерѣзываетъ пути сообщенія; онъ стѣсняетъ Лангедокъ, Провансъ, Дофине, княжество Оранжское въ ихъ сношеніяхъ». Онъ служилъ логовищемъ контрабандистовъ; онъ можетъ сдѣлаться очагомъ контръ-революціи. Возсоединеніе, говоритъ Робеспьеръ составляетъ «твердо выраженное желаніе всѣхъ городскихъ общинъ и всѣхъ національныхъ гвардій департамента Устьевъ Роны» [5]).

Противники присоединенія противопоставляютъ этимъ разсужденіямъ юридическія, практическія и политическія возраженія. Когда ссылаются на европейское народное право, они отвѣчаютъ, что права королевства неопредѣленны [6]); когда обращаются къ естественному праву и конституціи Франціи, они объявляютъ, что желаніе авиньонцевъ сомнительны [7]). Впрочемъ, еслибъ право и было несомнѣнно и желаніе очевидно, Собраніе не могло бы ни опираться на это право, ни отвѣчать тому желанію, не нарушая собственныхъ законовъ. «Законодатели, провозгласившіе права гражданина и не менѣе торжественнымъ заявленіемъ отказавшіеся отъ всякаго рода завоеваній,—сказалъ Малуэ,—не могутъ отобрать земли у иностраннаго государя только потому, что онъ слабъ, и завладѣть ими потому, что эти земли пришлись имъ по вкусу». Говорятъ, что того требуютъ наши выгоды: но развѣ намѣрены завладѣть всѣми странами, ко-

---

[4]) Въ 1673 и въ 1689.—*Discours de Pétion et de Robespierre* en 1790. *Moniteur*, t. VI p. 399, 419.—См. *Rapports de Menou*, 39 avril et 17 mai 1791. *Discours de Pétion*, 3 mai 1791; de *Goupil de Préfeln*, 2 mai 1791; *de Robespierre*, 2 mai 1791; *de Barnave*, 3 mai 1791. Барнавъ сказалъ: «Если Франція объявитъ: этотъ край принадлежитъ мнѣ, я возвращаю его себѣ,—державы не могутъ усматривать въ томъ ничего угрожающаго для ихъ собственныхъ правъ и правъ ихъ народовъ, потому что Франція будетъ дѣйствовать во имя этихъ послѣднихъ правъ». *Moniteur*, t. VIII, p. 297.

[5]) Pétion 16 novembre 1790; Robespierre 18 novembre; Bouche 17 juillet et 27 août.

[6]) «Наши короли неоднократно присоединяли Авиньонъ, но возвращенія его каждый разъ лишь подтверждали власть папы». Malouet, 16 novembre.

[7]) «Этотъ городъ можетъ принадлежать Франціи, сказалъ Малуэ, если могутъ считаться правами народовъ: проскрипція половины жителей, убійства, пожары, рѣзня, все, что клонитъ къ распаденію государствъ». Аббатъ Шарье подтверждаетъ, что на 45000 населенія никакъ не болѣе 1400 человѣкъ желаютъ и требуютъ присоединенія къ Франціи.

торыя было бы выгодно присоединить къ государству? Говорятъ, что Авиньонъ можетъ сдѣлаться контръ-революціоннымъ центромъ; но Люксамбургъ уже и теперь является такимъ центромъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны взять Люксамбургъ? Достаточно ли возстанія города или провинціи для легитимаціи ихъ присоединенія къ чужеземному государству? Это было бы отправданіемъ всякой инсуррекціи и опаснѣйшимъ прецедентомъ. Какого-нибудь безпокойнаго принца, расположившаго къ себѣ народъ притворнымъ благодушіемъ, достаточно было бы для разложенія имперіи! «Если бы сегодня же императоръ сказалъ вамъ: я уступилъ вамъ Лотарингію: народы имѣютъ несомнѣнное право выбирать властителя; лотарингцы желаютъ перейти подъ мою власть. Какъ поступили бы въ этомъ случаѣ?» «Часть Наварры, присоединенная къ Франціи, можетъ слѣдовательно отпасть отъ нея, какъ только того пожелаетъ», прибавилъ аббатъ Шаррье.

Таковъ наиболѣе сильный доводъ. Но онъ не оказывается достаточнымъ, чтобы смутить законниковъ конституціоннаго Собранія. Предшественники ихъ ссылались на raison d'Etat, когда шла рѣчь о какихъ бы то ни было столкновеніяхъ права и юрисдикціи: они ссылались на эту государственную пользу какъ на верховнаго судью королей, націй и законовъ, потому что ея нельзя ни оспаривать, ни доказывать, потому что она зависитъ лишь отъ себя самой и знаетъ лишь себя одну. Юрисконсульты революціи находятъ въ софистикѣ того вѣка не менѣе покорнаго ихъ страстямъ и не менѣе рѣшительнаго въ своихъ приговорахъ третейскаго судью: это чистый разумъ, который непогрѣшимъ, универсаленъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія уже тѣмъ однимъ, что упраздняетъ ихъ. Франція, объявляютъ они, отказалась отъ завоеваній, подготовленныхъ ухищреніями, совершенныхъ посредствомъ насилія, сообразно съ злоупотребленіемъ стараго права; она не запретила себѣ принимать народы, стремящіеся къ ней непосредственно и въ силу новаго права. «Развѣ свободное возсоединеніе одного народа съ другимъ имѣетъ что-либо общее съ завоеваніемъ?», спрашиваетъ Робеспьеръ. Завоеваніе не означаетъ ли угнетенія народа, на котораго налагаетъ цѣпи завоеватель? Слѣдовательно, присоединеніе справедливо; оно не можетъ обусловить репрессалій. То же «естественное» право народовъ, которое позволяетъ Франціи соглашаться на желаніе авиньонцевъ, воспрещаетъ иностранцамъ отторгнуть отъ нея что-либо, пользуясь противъ нея ея же привилами. Авиньонъ можетъ располагать собою и присоединяться, потому что фактически онъ составляетъ отдѣльную страну; эта страна была присоединена къ папской области лишь въ силу личнаго права; населеніе, хотя и имѣло одного властителя съ итальянцами, не составляло однако по этой причинѣ одного

съ ними народа. Подобно этому англичане и ганноверцы представляютъ два отдѣльныхъ народа, подъ властью однаго короля. Это простое различіе дозволяетъ Франціи принимать подданство всѣхъ иностранныхъ народовъ, его желающихъ, и удерживать французскія провинціи, еслибъ онѣ захотѣли отъ нея отдѣлиться. При старомъ порядкѣ различныя провинціи ея могли отдѣляться отъ королевства, какъ то могутъ въ настоящее время провинціи государствъ, продолжающихъ существовать при старомъ режимѣ: но со времени революціи французы добровольно слились въ силу національнаго договора, который отнынѣ дѣлаетъ ихъ союзъ нерушимымъ; это—неизбѣжное слѣдствіе принципа, заложеннаго въ основу ихъ союза [8]).

Пренія затягивались до крайности и выходили изъ скромныхъ предѣловъ авиньонскаго вопроса, которые такъ опасно было переступать. Мирабо заставилъ вернуться къ предмету. «Вашъ дипломатическій комитетъ», сказалъ онъ, «полагалъ, что въ этомъ дѣлѣ рѣчь идетъ ни о правахъ, даруемыхъ хартіями, ни о философскихъ диссертаціяхъ. Исполняя порученное ему соблюденіе вашихъ внѣшнихъ интересовъ, онъ нашелъ также, что въ этомъ вопросѣ вы должны заботиться исключительно объ интересѣ минуты, о вашемъ настоящемъ великомъ преимуществѣ. Но комитетъ не нашелъ, чтобы вашъ интересъ въ настоящую минуту требовалъ вступленія во владѣніе Авиньономъ. Вы имѣете безспорное право и на васъ лежитъ обязанность оказывать покровительство существующимъ въ этомъ городѣ французскимъ учрежденіямъ; вы имѣете право и обязаны охранять въ немъ общественное спокойствіе. Я полагаю, что вы должны просить короля послать войска въ Авиньонъ и отложить рѣшенія остальной части вопроса на неопредѣленное время». Именно это и рѣшило Собраніе 20-го ноября.

VI.

«Я обуздалъ это ненасытное собраніе», писалъ Мирабо [1]). Выраженіе было рѣзко, но знаменательно. Въ примѣненіи къ Собранію оно преувеличено; оно справедливо только по отношенію къ революціонной Франціи. Ее влекли къ пропагандѣ и завоеваніямъ и народная страстность и новые принципы. Принципы были универсальны, страстность—чисто французская. И то и другое деспотически царило надъ умами и наперерывъ увлекало ихъ. Но если умы увлекались въ одномъ и томъ же направленіи, интенсивность увлеченія не была одинакова. Есть ряды и степени, которые необходимо отличать.

Конституціонисты, и я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣхъ, кого, подобно большинству Собранія, воодушевлялъ духъ собственно 1789 г.,

---

[8]) Pétion, 18 novembre; Robespierre, 18 novembre 1790.

[1]) *Ла-Марку*, 21 novembre 1790. *Correspondance*, t. II, p. 346.

естественнымъ образомъ желали распространить на всѣ народы демократическій режимъ, который они основывали во Франціи. Они были убѣждены, что демократія окончательно утвердится во Франція только тогда, когда феодальный режимъ исчезнетъ и на всемъ европейскомъ континентѣ. Необходимо было освободить отъ этого режима и Европу. Французская революція становилась солидарною со всѣми народными революціонными движеніями. «Нѣтъ ни одного француза,—восклицалъ Лафайетъ 17 марта 1790 г.. намекая на вонкистовъ, нѣтъ ни одного друга свободы, который не былъ бы обязанъ пожелать успѣха бельгійскому народу и воздать ему хвалу. Всякая корпорація, всякій деспотъ, противясь революціи, лишь ускоритъ ея наступленіе. Не будемъ сомнѣваться: свобода возстановитъ свои права среди людей [2])».

Расширеніе французскаго вліянія и могущества есть въ то же время условіе и слѣдствіе этого хотя бы и мирнаго распространенія принциповъ революціи. Конституціонисты, не задумываясь, работаютъ надъ этимъ. По ихъ мысли то, что дается добровольно, пріобрѣтается справедливо; что пріобрѣтено Франціей, пріобрѣтено свободой; величіе Франціи связано со счастьемъ человѣчества. Такимъ-то образомъ непредвидѣнными путями и по неожиданнымъ мотивамъ старая политика королей, политика приращенія территоріи и гегемоніи, проникаетъ въ среду революціи, и новая Франція приготовляется оказывать вліяніе на народы подобно тому, какъ старая нерѣдко оказывала давленіе на государства. Люди 1789 г. имѣютъ притязаніе разрушить традицію; они не замѣчаютъ, что возстановляютъ и продолжаютъ ее. Франція повторяется, такъ сказать, въ революціи, безъ вѣдома своихъ законодателей. Противорѣчія, проявляющіяся между деклараціями и дѣйствіями конституціонистовъ, усилія, которыя они дѣлаютъ въ видахъ примиренія интересовъ и принциповъ, подробность ихъ преній, робость декретовъ, безпощадность въ дѣлѣ правъ, покорность по отношенію къ сдѣлкамъ доказываютъ, до какой степени они искренни въ этой идейной революціи. Вполнѣ честно, относительно Европы и себя самихъ, они покрываютъ прекраснѣйшими предлогами мѣры, внушаемыя имъ

---

[2]) Et vous, usurpateurs du monde,
Rois colosses d'orgueil, en délices noyés,
Ouvrez les yeux, hâtez vous. Vous voyez
Qu'un tourbillon divin de vengeances prochaines
S'avance vers vous. Croyez moi,
Prévenez l'ouragan et vos chutes certaines.
Aux nations déguisez mieux vos chaînes,
Allégez leur le poids d'un roi
ANDRÈ CHÉNIER, *Ode sur le serment du Jeu de paume*, mars 1791.

естественнымъ чувствомъ французскихъ интересовъ и скрытымъ инстинктомъ французскихъ традицій. Миръ представляется имъ необходимымъ для совершенія революціи: они расцвѣчиваютъ и украшаютъ его. Изъ необходимости нейтралитета и воздержанія они выводятъ благородный принципъ отреченія отъ завоеваній. Но вотъ, вслѣдствіе самой революціи, представляется случай дополнить единство территоріи подобно тому, какъ дополнили единство національное: вѣковое честолюбіе въ свою очередь окрашивается въ другіе цвѣта и отнынѣ расширенія территоріи будутъ узаконяться великодушнымъ мотивомъ освобожденія народовъ.

Расширеніе остается расширеніемъ. Всѣ доводы справедливости, приводимые Франціей, всѣ благодѣянія, могущія произойти изъ него для народовъ, не перевѣшиваютъ факта распространенія французскаго могущества. Европа, когда она пристальнѣе взглянетъ на дѣло, увидитъ именно это, а не что иное, и новыя цѣли Франціи сдѣлаютъ ея намѣренія тѣмъ болѣе грозными для окружающихъ ее государствъ. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ первыхъ попытокъ 1790 г., слѣдуетъ перемѣнить точку зрѣнія, перейти границу и проникнуть въ европейскіе кабинеты, гдѣ разсуждаютъ не такъ, какъ во Франціи, и гдѣ право покоится на иныхъ основаніяхъ. То, что происходитъ въ Парижѣ, покажется въ тотъ день, когда отдадутъ себѣ отчетъ въ событіяхъ, и весьма страннымъ и весьма опаснымъ. Франція, дѣйствительно, не разрываетъ трактатовъ; она, такъ сказать, измѣняетъ налагаемыя ими обязательства, превращаетъ ихъ причину и видоизмѣняетъ предметъ. Трактаты, подписанные королями, не связываютъ ее болѣе, такъ какъ она владѣетъ и пріобрѣтаетъ отнынѣ въ силу права, невѣдомаго королямъ; но эти трактаты продолжаютъ связывать иностранныя государства, потому что они живутъ еще тѣми самыми правилами, которыя существовали во время заключенія трактатовъ. Они обязаны соблюдать вестфальскій договоръ, но не имѣютъ основанія требовать такого же соблюденія отъ Франціи, такъ какъ она не признаетъ болѣе его основного принципа. Они ничего не могутъ возразить противъ присоединенія Авиньона: оно мотивируется подлиннымъ правомъ, признаваемымъ ими самими. Они же, на основаніи того же права, не могутъ потребовать ни пяди французской земли: Франція уничтожила всѣ хартіи, отмѣнила всѣ конвенціи, и права, которыя предъявили-бы ей на ихъ основаніи, ничтожны и недѣйствительны. Старыя владѣнія королевства неприкосновенны; новыя владѣнія націи—нераздѣльны; и то и другое остается неотъемлемымъ. Франція можетъ предъявлять свои права повсюду и не принимать никакихъ требованій.

Это—логика пользы государства, raison d'Etat; она была весьма свойственна правительствамъ стараго порядка. Такой способъ разсужденія,

самъ по себѣ взятый, не могъ ихъ удивить или оскорбить; новизна заключалась для нихъ не въ методѣ этой политики, а въ примѣненіи къ революціоннымъ принципамъ, котораго можно было ожидать отъ Франціи. Не отказалась-ли она отъ военныхъ завоеваній лишь для того, чтобы удобнѣе и безопаснѣе расширить свои предѣлы мирнымъ путемъ? Развѣ не принесла она эту торжественную клятву отреченія отъ завоеваній лишь для того, чтобы немедленно вслѣдъ за нею обойти ее казуистическою уловкой, и вся эта похвальба безкорыстіемъ развѣ не двусмысленная маска честолюбивыхъ намѣреній, отъ которыхъ она, повидимому, отказывалась? Франція строго порицала притязанія королей, но она заявила другія, въ тысячу разъ болѣе опасныя для ея сосѣдей, чѣмъ всѣ притязанія Людовика XIV. На чемъ остановятся ея посягательства? Не присвоитъ-ли она себѣ всѣ территоріи, права на которыя предъявлялъ король? Духъ французской революціи еще ускользалъ отъ пониманія европейскихъ государственныхъ людей; но они не могли оставаться на долго ослѣпленными. То была, однако, еще не самая крупная опасность, которою грозила имъ революція.

Они обращали вниманіе на одну внѣшнюю сторону событій и видѣли одни признаки. Они еще не различали и замѣтили лишь позднѣе истинную причину и настоящій двигатель всѣхъ волновавшихъ Францію движеній, которыя уже начинали потрясать почву за ея предѣлами. Они видѣли, что французскіе эмиссары призывали сосѣднее населеніе послѣдовать примѣру Франціи и подготовляли, такимъ образомъ, при помощи демократическихъ мятежей, добровольныя присоединенія, на которыя она предоставляла себѣ право соглашаться. Но они не измѣряли невѣроятной мощи оружія, которымъ располагали революціонеры. Они оцѣнивали по правиламъ старой политики революцію, имѣвшую сокрушить самыя эти правила, и судили о ней, какъ могли-бы разсуждать объ огнестрѣльномъ оружіи какіе-нибудь средневѣковые тактики, не испытавшіе собственнымъ опытомъ его дѣйствія. Они занимались еще прецедентомъ палатъ, завѣдывавшихъ присоединеніями (chambres de réunion), которыя были простыми орудіями процедуры: власть ихъ была еще весьма ограничена. Національное же собраніе усиливало свое вліяніе очагомъ пропаганды, и это вліяніе распространялось повсюду, гдѣ существовало волненіе, недовольство и угнетеніе.

Французская революція была страшна въ особенности потому, что она была «понятна всѣмъ и каждому и могла найти подражаніе въ ста мѣстахъ одновременно» [3]). Чтобы понять ее, достаточно было ощущать тяготы феодальнаго режима; чтобы присоединиться къ ней, довольно было

[3]) Tocqueville, *L'Ancien Régime*, liv. I, ch. III.

простого чутья справедливости и желанія освобожденія; для торжества ея стоитъ только желать собственнаго блага, собственной выгоды или же поддаться стремленію къ перемѣнамъ, возмущенію и мятежу, всегда живущему въ средѣ народовъ, не считающихъ себя ни счастливыми, ни хорошо управляемыми, ни сильно сдерживаемыми. Эта самопроизвольная пропаганда французской революціи проявляется въ то время, когда лишь обрисовываются первые замыслы революціонной политики; и та и другіе будутъ идти рядомъ, поддерживая и возбуждая другъ друга.

Рядомъ съ людьми 1789 г., либералами и конституціонистами, возникла масса демагоговъ и анархистовъ; вокругъ умѣренныхъ и робкихъ, мечтающихъ о мирной и чисто нравственной пропагандѣ свободы въ средѣ европейскихъ народовъ и ограничивающихъ свою освободительную миссію историческими предѣлами королевства, поднимаются безпорядочныя волны космополитическихъ ревнителей, намѣревающихся возродить міръ посредствомъ бурнаго переворота. Въ пламенномъ воображеніи этихъ людей вѣра въ права человѣка возбуждаетъ фанатическія призванія и бурную энергію прозелитизма. Революція перестаетъ быть въ ихъ глазахъ исключительно политическою и соціальною реформою, государственнымъ идеаломъ, предлагаемымъ Франціей, и къ достиженію котораго она приглашаетъ сосѣдніе народы, великодушно открывая имъ двери; революція становится міровою религіей, а миссія Франціи—предписать эту религію человѣчеству! Она не довольствуется улучшеніемъ законовъ и положенія гражданъ; она обозначаетъ собою начало новой эры. Она подготовляетъ человѣчеству нѣчто въ родѣ земного рая. Чтобы быть допущеннымъ въ него, человѣку остается лишь объявить себя вѣрующимъ и добродѣтельнымъ; добродѣтель эта легка и заключается для каждаго въ слѣдованіи своимъ наклонностямъ и страстямъ. Такимъ путемъ все облагораживается и экзальтируется, даже зависть, ненависть и самая свирѣпость. Царство справедливости должно быть водворено Франціей для всѣхъ народовъ. Собственно отдѣльныхъ народовъ и не будетъ вовсе: будутъ только люди, исповѣдующіе единый догматъ, провозвѣстникомъ котораго являются французы.

Франція становится, по праву, родиной всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ энтузіастовъ и всѣхъ мятежниковъ [4]). Враги ея полагаютъ, что она стерта съ лица Европы. Человѣкъ, наиболѣе полно олицетворявшій космополитическій духъ революціи, нѣмецъ Анахарисъ Клоотцъ отвѣчаетъ имъ: «Когда я смотрю на географическую карту, мнѣ кажется, что всѣ

---

[4]) См. Louis Blanc, liv. IV, ch. V: *Vision sublime de l'avenir*, t. IV, p. 326.—Michelet, Quinet, passim·—Georges Avenel, Anaharsis Clootz. Paris, 1865.

прочія страны исчезли и я вижу одну Францію». 19-го іюня онъ явился въ Собраніе, сопровождаемый цѣлымъ шествіемъ иноземцевъ; въ этомъ кортежѣ замѣчаются англичане, испанцы, нѣмцы, голландцы, итальянцы и даже персіяне и турки. Устраиваютъ великій праздникъ федераціи. Этотъ праздникъ, воскликнулъ Клоотцъ, справляемый на Марсовомъ полѣ, гдѣ «Карлъ Великій явился въ ореолѣ всей своей доблести, будетъ «праздникомъ всего человѣчества». Чужеземцы найдутъ въ немъ «залогъ близкаго освобожденія своихъ согражданъ». «Римскіе тріумфаторы влекли за своими побѣдоносными колесницами плѣнниковъ побѣжденныхъ народовъ; наши благожеланія и чествованія будутъ узами, которыя привяжутъ насъ къ вашимъ побѣднымъ колесницамъ!» Парижъ опьяняется этими восторгами, и среди этой экзальтаціи пустое тщеславіе примѣшивается къ истинному великодушію. Парижане сочли себя королями Франціи, потому что имъ сказали, что народъ есть верховный владыка; они считаютъ себя королями міра, потому что имъ говорятъ, что міръ желаетъ принять ихъ законы. «Мы разрушили стѣны, раздѣлявшія франковъ между собою, и провинціи уже не существуютъ; будемъ надѣяться, что недалеко время, когда исчезнетъ и дѣленіе на государства; будетъ лишь одинъ народъ, и этимъ народомъ станетъ все человѣчество» [5]).

Среди этого пробужденія народовъ Камиль Демуленъ бодро и весело трубитъ утреннюю зорю. Эти трубные звуки какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ настроенію горячихъ головъ, всегда готовыхъ превратиться въ фанатическое скопище. «Революціи Франціи и Брабанта»—популяризація религіи человѣчества, о которой мечтали ученики Дидро, предложенная читателямъ Рестифа. Это соединеніе фанатизма и вольности языка, бойкій задоръ, горячность души и цинизмъ, апостольская проповѣдь и легкомысленныя выходки. По мнѣнію Демулена, всѣ революціи хороши; онъ признаетъ ихъ уже при видѣ одного ярлыка. Онъ великій мастеръ передавать излагаемыя темнымъ, метафизическимъ языкомъ правила философовъ Собранія короткими и ясными, точными и, такъ сказать, осязательными предложеніями. «Народъ всегда имѣетъ право измѣнить свою конституцію, когда она не хороша, и даже если она хороша, и не обязанъ давать иного объясненія, кромѣ: такова наша воля».

Люди боязливые и контръ-революціонеры возражаютъ, указывая на общеевропейскіе порядки: «съ этими порядками надо поступать, какъ поступалъ Лютеръ съ каноническимъ правомъ, — выбросить бумажье въ печку». Говорятъ о коалиціи королей.... народы поймутъ, что есть также и общее дѣло народовъ. Франція соединится съ народами, уже просвѣт-

---

[5]) Camill le Desmoulin, *Révolutions de France et de Brabant.* T. III, p. 318.— См. *Lettre d'Anacharsis Clootz*, 15 juillet 1790. *Moniteur.* T. V, p. 136.

ленными ея свѣтомъ, откроетъ глаза тѣмъ, которые еще слѣпы, и разгонитъ арміи притѣснителей, солдаты которыхъ дезертируютъ, чтобы стать на сторону Франціи. «Какое намъ дѣло, что тираны Европы заключаютъ союзъ, чтобы объявить намъ войну? Скажу болѣе, быть можетъ, это обстоятельство необходимо для того, чтобы быстрѣе созрѣли и совершились другія подготовляющіеся національные перевороты» [6]).

Надъ этимъ подготовленіемъ работаютъ, и весьма дѣятельно. Провозглашеніе правъ распространяется за предѣлы Франціи. Оно проникаетъ въ Испанію: съ 1789 г. авторитетъ инквизиціи усилился въ этой странѣ, она осуждаетъ и изгоняетъ этотъ революціонный кодексъ. Правительство приходитъ въ ужасъ. Начиная съ марта 1790 г., идетъ рѣчь объ установленіи санитарнаго кордона вокругъ Франціи. Такія же тревоги возбуждаются въ Римѣ, и въ особенности въ Сардиніи, куда свободнѣе проникаютъ и эмиссары и печатныя произведенія [7]). Этими послѣдними кишитъ Германія. Страсбургъ — главное складочное мѣсто подпольной печати. Сторонники революціи пріѣзжаютъ туда подогрѣвать свое усердіе и испрашивать инструкцій. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи образуются второстепенные революціонные центры: они прячутся въ государствахъ праваго берега Рейна и выступаютъ болѣе смѣло на лѣвомъ берегу, а именно въ курфиршествахъ. Слабыя правительства этого края проходятъ въ ужасъ. Впрочемъ парижскія газеты относятся свысока къ сейму Священной Имперіи и отвѣчаютъ въ революціонномъ стилѣ на воинственное ябедничество нѣмецкихъ юрисконсультовъ [8]).

Но, угрожая врагамъ, французы въ то же время испытываютъ и опасенія. Среди переживаемаго ими кризиса ихъ попеременно волнуютъ самыя разнородныя страсти и доводятъ ихъ до крайностей. Умы быстро переходятъ отъ энтузіазма къ паническому страху и отъ упоенія къ го-

---

[6]) *Révolutions* t. I, p. 118, 212, t. II, p. 169; t. III, p. 101.

[7]) — Baumgarten, p. 269, 311.—Bianchi, t. I, p. 523 — 544. — *Rapport de Bernis*, 16 juin 1790.

[8]) Въ одномъ письмѣ изъ Эльзаса, напечатанномъ въ *Moniteur*'ѣ 30 декабря 1789 читаемъ: «Чего желаетъ имперія? Чего желаютъ нѣмецкіе князья и эльзасскіе аристократы? Идетъ-ли дѣло о серьезныхъ причинахъ или о силѣ? Если о серьезныхъ причинахъ, то изъ какихъ принциповъ естественнаго или иного права, изъ какихъ трактатовъ? Ризвикскаго или Вестфальскаго черпаютъ они силы противиться возрожденію Эльзаса?... А если дѣло идетъ о грубой силѣ, то пусть знаютъ, что свобода не боится столкновенія съ рабами. Желаетъ-ли имперія, чтобы свобода, которой она опасается, пробѣжала какъ искра по ея разрозненнымъ членамъ? Пусть въ такомъ случаѣ она коснется нашихъ границъ. Когда такое государство, какъ Франція, овладѣваетъ свободой, не слѣдуетъ думать, чтобы это осталось для остального міра простымъ зрѣлищемъ. Отъ этого потрясаются троны...»

ловокруженію. Одинъ и тотъ же инстинктъ побуждаетъ ихъ распространять революцію въ Европѣ и бояться, чтобы Европа не задушила революціи во Франціи. Имъ кажется, что если они не ниспровергнутъ всѣхъ троновъ, грозная коалиція образуется въ средѣ монарховъ. Необходимо проникнуться этими сложными и безпорядочными чувствами, иначе революція останется непонятною. Отъ буржуа до ремесленника и крестьянина, всѣ, въ пользу кого совершилась революція, угнетены боязнью похищенія только что завоеванныхъ правъ [9]). Мысль, что старый порядокъ можетъ быть возстановленъ со всѣми своими злоупотребленіями, и въ особенности мысль о томъ, что дворяне могутъ побѣдоносно вернуться въ свои владѣнія и отомстить за свое пораженіе, лишаетъ этихъ людей всякаго хладнокровія и всякой разсудительности. Горячіе люди становятся жестокими, умѣренные чувствуютъ себя способными если не совершать, то по крайней мѣрѣ допускать всякія излишества. Имъ кажется, что контръ-революція постоянно виситъ у нихъ надъ головою. Они приписываютъ контръ-революціонныя намѣренія двору, королевѣ и въ особенности эмигрантамъ, которые дерзко похваляются союзомъ съ чужеземцами.

Безпокойные люди сѣютъ тревогу, возбуждаютъ ее, пользуются ею, чтобы скомпрометировать королевскую власть, дискредитовать правительство и овладѣть довѣріемъ народа [10]). Однако не все и безосновательно въ этихъ опасеніяхъ; не все вымышлено въ этихъ вѣстяхъ о заговорахъ. Это-то и придаетъ злокачественность слухамъ и тревожность подозрѣніямъ. Королева съ несомнѣнною ненавистью относится къ революціи и старается внушить Австріи участіе къ судьбѣ французскаго короля; несомнѣнно также, что эмигранты побуждаютъ иностранцевъ къ насильственному вмѣшательству и возстановленію стараго порядка съ оружіемъ въ рукахъ; что при европейскихъ дворахъ нѣкоторые, болѣе дальновидные и болѣе коварные политики, начинаютъ испытывать тревогу по поводу французскихъ дѣлъ, по поводу опасностей, могущихъ произойти отъ нихъ для монархическихъ государствъ, и въ особенности выгодъ, которыя моглибы быть изъ нихъ извлечены. По мѣрѣ развитія революціи, усиленія анархіи, возрастанія вліянія мятежныхъ элементовъ, опасность, грозящая королевской семьѣ, растетъ, а рѣшимость избѣгнуть ея укрѣпляется въ умѣ королевы. Положеніе дворянства въ королевствѣ становится нестерпимымъ; число бѣгущихъ за границу увеличивается; разоренія и утраты близкихъ умножаются, и вслѣдствіе этого растетъ у эмигрантовъ и нетерпѣливое желаніе возвращенія на родину, возстановленія прежняго по-

---

[9]) Taine, *la Révolution*, t. II, p. 39—46, 478.

[10]) См. André Chénier, *Avis aux français*, 28 авг. 1790. — Mirabeau, 47 note. *Correspondance.*

рядка и вознагражденія себя за пораженіе. Революція при такихъ условіяхъ становится пламеннѣе внутри страны, а пропаганда—стремительнѣе извнѣ. Она вызываетъ репрессивныя мѣры, которыя только усиливаютъ съ ея стороны энергію наступательнаго движенія. Попытки двора возвратить себѣ безопасность и вліяніе, интриги эмигрантовъ, подготовляющихъ себѣ возвращеніе, предосторожности нѣкоторыхъ принцевъ, алчность и кичливость другихъ даютъ пищу новымъ подозрѣніямъ, порождающимъ новыя насилія противъ двора и дворянъ, болѣе прямыя угрозы и болѣе дерзкія предпріятія по отношенію къ иностраннымъ государямъ. Всѣ эти страсти подвергаются одновременному броженію и стремятся ускорить разрывъ между народомъ и королевскою властью, между Европою и Франціей.

Между тѣмъ Европа, поглощенная столкновеніемъ интересовъ и ослѣпленная соперничествомъ, быть можетъ еще долгое время не рѣшилась-бы вмѣшаться во французскія дѣла, если бы Лудовикъ XVI не искалъ такого вмѣшательства. Лудовикъ XVI по слабости, а также и по нѣкоторой совѣстливости, не рѣшился-бы обратиться къ содѣйствію Европы, если бы не произошло событія, которое окончательно установило его взглядъ на революцію и сдѣлало ее окончательно для него ненавистной. Его не могли смутить доводы чисто-политическаго свойства. Вопросъ о высшей государственной пользѣ его не касался, и всѣ совѣты Мирабо не въ силахъ были-бы положить конецъ его колебаніямъ. Но обстоятельства дали ему толчекъ и побудили дѣйствовать какъ-бы противъ его собственной воли. Событіе, имѣвшее на него такое вліяніе, подѣйствовало именно потому, что оно было скорѣе религіознаго, чѣмъ политическаго свойства и посягало несравненно болѣе на христіанскія вѣрованія, чѣмъ на авторитетъ короля. Я подразумѣваю свѣтскую организацію духовенства и кризисъ, послѣдовавшій вслѣдъ за тѣмъ во французской церкви.

КНИГА II.

Людовикъ XVI и эмиграція.

ГЛАВА I.

Замыслы двора.

1790 г.

I.

Декреты Собранія о новой организаціи духовенства заставили Людовика XVI прибѣгнуть къ вмѣшательству Европы и вызвали во Франціи гражданскую войну. Только такая рѣзкая мѣра, какъ вторженіе въ заповѣдную область церковнаго міра, могла заставить французовъ поднять оружіе другъ противъ друга послѣ восторговъ 1789 г. и довести столь слабаго характеромъ короля до борьбы, несмотря на отвращеніе его къ кровопролитію и на непобѣдимое недовѣріе его и къ своимъ министрамъ, и къ собственнымъ силамъ. Можно сказать, что это было самое пагубное изъ всѣхъ заблужденій Собранія: оно порвало всѣ связи, оно разъединило націю и государство, оно разверзло пропасть, въ которую устремилась революція. Собраніе было приведено къ этой мѣрѣ не столько ложной оцѣнкой политической необходимости, сколько ослѣпленіемъ своихъ страстей. У конституціонистовъ, какъ и вообще у всѣхъ «просвѣщенныхъ» французовъ XVIII вѣка, была страсть къ анти-религіозности. Церковь не только олицетворяла въ ихъ глазахъ одинъ изъ ненавистнѣйшихъ видовъ угнетенія стараго порядка, но составляла привилегированное учрежденіе, и притомъ весьма богатое и роскошное. Освободить государство отъ всякой церковной опеки казалось не достаточнымъ: желали еще и лишить ее имущества въ пользу націи. Были отмѣнены привилегіи духовенства, отобраны его земли. Само оно подчинено было общему гражданскому праву и закону о равенствѣ. Въ это дѣло внесенъ былъ духъ возмездія и ненависти. Однако, если бы ограничились этимъ, она осталось-бы политическою мѣрою, такъ какъ принципъ ея согласовался съ новою французскою конституціей; такъ какъ она мотировалась требованіями времени и отвѣчала издавна укоренившемуся чувству націи, по всей вѣроятности, она

не повлекла-бы за собою грознаго кризиса. Церковь протестовала-бы, но съ большею или меньшею покорностью судьбѣ подчинилась-бы безвозвратному рѣшенію.

Собраніе впало въ противорѣчіе, которое погубило все. Въ то самое время, какъ оно унижало церковь, оно вознамѣрилось связать ее съ государствомъ, отбиравшимъ у нея имущества. Конституціонисты впали при этомъ въ ту же ошибку, которую сдѣлали по отношенію къ королевской власти. Проникнутые ученіями стараго порядка о конституированіи власти, они столь же далеки были отъ системы Соединенныхъ Штатовъ Америки, какъ и англійской, отъ хартіи 1830 г., какъ и отъ конкордата 1801-го. Они не признавали ни режима полной свободы совѣсти и отдѣленія церкви отъ государства, ни режима радикально-верховной власти народа, то-есть республики. Они желали сохранить короля, но сдѣлать его слугой націи; они желали сохранить церковь, но подчинить ее государству. Не принимая вообще къ свѣдѣнію уроковъ, преподанныхъ имъ англичанами и американцами, они запомнили изъ исторіи этихъ двухъ народовъ лишь преимущества національной религіи въ Америкѣ и королевской церкви—въ Англіи. Прибавьте къ этому у самыхъ фанатичныхъ, такъ же какъ у мистиковъ, женевское понятіе о государственной религіи, которое такъ рѣзко обозначается въ *Contrat Social* и такъ лукаво укрывается въ самыхъ сентиментальныхъ изліяніяхъ «Vicaire Savoyard» [1]).

Они не довольствовались покорною церковью и духовенствомъ, подчинявшимся законамъ; они желали церковь преданную и духовныхъ—гражданъ, вѣрныхъ революціи, подобно тому, какъ духовенство стараго порядка было предано абсолютной монархіи. По отношенію къ составу епископовъ необходимо было скорѣе измѣненіе персонала, чѣмъ преобразованіе догмата и дисциплины. Это преобразованіе, бывшее необходимымъ условіемъ конкордата 1801 г., создало ему и главное затрудненіе. Нельзя отрицать того, что переговоры съ папой представили-бы несравненно болѣе

---

[1]) *Du contrat social*, l. IV, ch. VIII. *De la religion civile*:—«Я думалъ, что такъ какъ Евангеліе одно для всѣхъ христіанъ, а догматъ различенъ лишь въ томъ, что взялись объяснять то, что казалось непонятнымъ, то въ каждой странѣ только государь имѣетъ право опредѣлять и культъ, и подлежащій толкованію догматъ, и что, слѣдовательно, обязанность каждаго гражданина заключается въ принятіи догмата и въ соблюденіи религіи, предписанной закономъ... Я полагалъ, что все, что касается формы и дисциплины, во всѣхъ странахъ подлежитъ опредѣленію закона». *Les Confessions*, part. II liv. VIII, 1754—1756.—«Въ ожиданіи большаго просвѣщенія, сохранимъ общественный порядокъ; во всѣхъ странахъ будемъ уважать законъ, не будемъ нарушать предписываемой имъ вѣры...» *Profession de foi du vicaire savoyard.*

трудностей, чѣмъ десять лѣтъ спустя; тѣмъ не менѣе, какъ ни мало можно было ожидать въ 1790 г. успѣха для сдѣлки между Римомъ и революціонной Франціей, этотъ способъ былъ единственнымъ возможнымъ примиреніемъ между конституціей государства и конституціей церковной. Собраніе пренебрегло имъ. Оно видѣло въ этомъ унизительную для себя капитуляцію. И чтобы оградить свою верховную власть, оно предпочло злоупотребить ею. Встрѣтивъ на своемъ пути враждебную для себя государственную религію, оно уничтожило ее; но желая во что-бы то ни стало имѣть подчиненную и покорную церковь, оно рѣшилось ее создать по своему усмотрѣнію. Держась твердаго намѣренія не обращаться къ Риму, гдѣ они были увѣрены встрѣтить отказъ, конституціонисты рѣшились въ видахъ преобразованія духовнаго персонала измѣнить способъ его назначенія и устройства. Это значило перевернуть церковную дисциплину и рѣшить почеркомъ пера вопросъ объ инвеституре, вызвавшій вѣковую борьбу и заставившій пролить потоки крови.

Предпріятіе прямо вело къ расколу; члены Собранія не отступили передъ этою крайностью. Здѣсь-то проявляется ихъ коренное заблужденіе. Этимъ новаторамъ недоставало главнаго элемента раскола: они не находили схизматиковъ. Духовенство отказывалось отъ этого, а вѣрующіе уклонялись. И это потому, что французская церковь была на столько-же роялистскою и католическою, на сколько галликанскою. Галликанская, по своимъ владѣніямъ, привязывавшимъ ее къ національной почвѣ, роялистская, въ силу привилегій, привязывавшихъ ее къ королевской власти, католическая, по своимъ, связывавшимъ ее съ Римомъ, вѣрованіямъ, эта церковь осталась исключительно католической, т. е. отпала отъ Франціи и слилась съ Римомъ, послѣ того какъ ее лишили и земель и преимуществъ. Конституціонисты полагали, что могутъ оставаться галликанами, уничтоживъ самую причину существованія галликанизма, и заставить Римъ признать новое устройство французскаго духовенства, противъ котораго протестовало само это духовенство. Они нашли возможнымъ декретировать и въ то же время примирить свободу совѣсти, свободу богослуженія, свободу мысли, однимъ словомъ, права человѣка и гражданина съ декларацией 1682 г. Между собраніемъ французскаго духовенства при Людовикѣ XIV и Національнымъ Собраніемъ 1790 г. существовало такое же несовмѣстимое противорѣчіе, какъ между чисто-католическою доктриною какого-нибудь Боссюета и чисто-свѣтскимъ либерализмомъ Талейрана. Свободомыслящіе по профессіи, заклятые противники всякаго религіознаго вѣрованія и всякой господствующей церкви; юрисконсульты, знакомые со всѣми тонкостями каноническаго права, но вполнѣ равнодушные или и прямо враждебные относительно самихъ догматовъ; про-

тестанты, едва успѣвшіе избавиться отъ несправедливыхъ законовъ, вмѣнявшихъ ихъ вѣроисповѣданіе въ государственное преступленіе, и у которыхъ евангельскій духъ съ трудомъ умѣрялъ воспоминанія объ ужасахъ цѣлаго вѣка гоненій, когда шла рѣчь о главенствѣ католической церкви; наконецъ, какъ-бы затерявшіеся въ этой враждебной или скептической толпѣ нѣсколько уцѣлѣвшихъ мечтателей янсенизма и нѣсколько диссидентовъ-священниковъ, несомнѣнно убѣжденныхъ, но изолированныхъ въ церковномъ мірѣ, отвергнутыхъ собственными властями и собратами, покинутыхъ паствой, способныхъ, въ лучшемъ случаѣ, основать въ предмѣстьѣ сектантскую часовню,—таковъ былъ странный соборъ, засѣдавшій въ Парижѣ и возстававшій противъ Рима, заявляя притязаніе на національный расколъ. Государственная церковь, основанная невѣрующими,—вотъ къ какому парадоксу сводится программа Собранія въ церковномъ вопросѣ.

Уже съ первыхъ мѣръ оно высказало намѣреніе отдѣлиться отъ Рима или, точнѣе, считать его какъ бы несуществующимъ. Конституціонисты поступали относительно святого престола такъ, какъ могъ бы поступать англійскій парламентъ, забывая, что для Франціи папа былъ не только главою дружественнаго, союзнаго государства, но и духовнымъ главою всѣхъ французскихъ католиковъ,—званіе, котораго не могло его лишить ни одно государство. Папа узналъ изъ газетъ о декретахъ, отмѣнявшихъ десятинный налогъ, бенефиціи и аннаты [2]). Такимъ же путемъ дошло до его свѣдѣнія намѣреніе Собранія предоставить имѣнія духовенства въ распоряженіе націи [3]). А между тѣмъ въ Римѣ былъ посланникъ, всего болѣе способный предотвращать конфликты и подготовлять компромиссы, если для таковыхъ представилась бы возможность. Осторожный и блестящій посредникъ въ дѣлѣ упраздненія іезуитовъ и авиньонскаго секвестра, Берни, продолжалъ быть при святомъ престолѣ представителемъ государя, котораго продолжали титуловать въ Римѣ христіаннѣйшимъ королемъ [4]). Берни былъ не только вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, «le parfait gentilhomme d'Eglise», и весьма опытнымъ дипломатомъ, онъ оставался и убѣжденнымъ сторонникомъ галликанской церкви, а при условіяхъ тогдашняго момента это было истинною находкой [5]). Какъ послан-

[2]) *Décrets des 4 et 6 août 1789.*

[3]) *Proposition de M. de La Coste,* 8 août 1789.

[4]) О характерѣ Берни и римскаго посольства отъ 1758—1771 г. см. Fr. Masson, *le cardinal de Bernis.*—Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. VIII, art. *Bernis.*

[5]) «Я раздѣляю въ этомъ случаѣ мнѣніе Боссюета.. Двадцать лѣтъ пребыванія въ Римѣ не сдѣлали меня ультрамонтаномъ. Я—французъ до глубины души». Берни Монморену 25 августа 1789.

никъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ могъ безъ преувеличенія и хвастовства писать Монморену: «я всегда второе лице въ Римѣ». Узнавъ путемъ печати о рѣшеніяхъ Собранія, онъ поставилъ на видъ министерству «что конкордатъ могъ бы быть преобразованъ» [6]), что это можетъ быть достигнуто «при нѣкоторомъ благоразуміи и осторожности», но что, если только не идутъ на явный разрывъ, невозможно «уничтожить однимъ почеркомъ пера древнѣйшій изъ нашихъ трактатовъ, помимо согласія договаривающей стороны» [7]). На этотъ доводъ, который затѣмъ въ видѣ возраженія будетъ постоянно повторяться Римомъ, министерство даетъ неопредѣленный отвѣтъ и повторяетъ его до самаго разрыва, къ которому противъ его воли увлекло его Собраніе: «Пусть папа имѣетъ терпѣніе, всякое сопротивленіе безполезно! Умы такъ возбуждены въ эту минуту, что я не отвѣчаю ни за что, если захотѣли бы идти имъ наперекоръ» [8]).

10 октября 1789 г. прелатъ, еще не переставшій носить митру, но давно сдѣлавшійся свѣтскимъ по своимъ воззрѣніямъ и образу жизни, епископъ Отёнскій Талейранъ, предложилъ Собранію завладѣть церковными имѣніями для восполненія дефицита въ финансахъ и спасенія государства отъ банкротства. 20 декабря Собраніе объявило эти имѣнія національною собственностью и декретировало 6-го февраля 1790 г., что комитетъ по церковнымъ дѣламъ [9]) немедленно представитъ «проектъ новаго устройства духовенства».

«Римскій дворъ въ ужасѣ, писалъ Берни 10 марта 1790 г., и ропотъ противъ папы становится всеобщимъ... Долгъ, совѣсть и честь принудятъ Пія VI прервать молчаніе, которое соблюдалъ онъ до сихъ поръ по моему совѣту». Добиться такой сдержанности отъ самовластнаго и славолюбиваго Пія VI было немалою заслугою. Но отнынѣ папа нашелъ, что такая умѣренность не принесла ему никакой пользы. Онъ не могъ долѣе молчать, такъ какъ такое молчаніе, какъ онъ выражался, могло быть принято за одобреніе и повредило бы авторитету церкви въ другихъ католическихъ государствахъ [10]). По этому поводу 29 марта онъ выразился въ тайной консисторіи кардиналовъ слѣдующимъ образомъ: «Намъ мнится слышать пророка Исаію, упрекающаго насъ за молчаніе и говорящаго! «Горе мнѣ, потому что я молчалъ! [11]). Берни добился, что аллокуція не будетъ напечатана. Но къ чему всѣ эти пустыя предосто-

---

[6]) Конкордатъ, заключенный въ 1516 г. между папой Львомъ X и Францискомъ I.

[7]) Берни Монморену 5, 19 и 25 августа 1789 г.

[8]) Монморенъ Берни 1 сентября 1789 г.

[9]) 20 августа 1789 г.

[10]) Докладъ Берни 16 марта 1790 г.

[11]) См. Theiner, *Documents relatifs aux affaires religieuses de France.*

рожности относительно формъ и процедуры? Борьба уже завязалась на трибунѣ Собранія.

10 апрѣля 1790 г. пренія начались по поводу предложенія о замѣнѣ духовенства, владѣющаго имуществомъ, духовенствомъ, оплачиваемымъ государствомъ. Съ той и другой стороны проявлено было много горячности, и уже съ перваго раза бросились въ самыя противоположныя крайности. Домъ Жерль предложилъ декретировать, «что римская, апостолически-католическая религія была и останется навсегда національною религіей и что культъ ея будетъ единственнымъ дозволеннымъ культомъ». Если таково было притязаніе французской церкви, она тѣмъ самымъ объявляла свое существованіе несовмѣстимымъ съ принципами революціи. Собраніе отказалось отъ обсужденія предложенія, принявъ въ соображеніе то, что́ было самой истиной, но что́ скоро забыто было имъ самимъ а именно: «что оно не имѣло и не могло имѣть никакой власти надъ совѣстью людей». Съ этой поры расколъ между большинствомъ Собранія и католиками не переставалъ обостряться. Онъ разразился окончательно во время преній о новомъ порядкѣ церковнаго управленія, начавшихся 29-го мая.

Проектъ комитета учреждалъ церковь, несравненно болѣе сходную съ англиканскою и, въ особенности, пресвитеріанско-шотландскою, чѣмъ съ галликанскою, отъ которой выводили ея происхожденіе. Церковные округа были видоизмѣнены. Въ каждомъ департаментѣ избирается большинствомъ голосовъ епископъ, а на десять департаментовъ—одинъ митрополитъ, посвящающій епископовъ. Епископамъ запрещалось «обращаться къ папѣ за утвержденіемъ какого бы то ни было постановленія»; епископъ могъ писать главѣ церкви лишь для «засвидѣтельствованія единства вѣры и общенія, которое долженъ былъ съ нимъ поддерживать». Священники избирались выборной коллегіей каждаго округа. Такимъ образомъ, конституція переносила право избранія епископовъ и священниковъ на гражданъ, отъ которыхъ однако не требовалось исповѣдыванія ни католической, ни какой-бы то ни было вѣры. Она отрицала и уничтожала одно изъ тѣхъ правъ, которыя во всѣ времена почитались церковью наиболѣе существенною изъ ея прерогативъ: право назначенія на духовныя должности и надзора за ихъ дѣятельностью. На этотъ пунктъ направлены были всѣ усилія преній. Онѣ резюмируются въ слѣдующихъ двухъ противоположныхъ предложеніяхъ: «Вы хотите», сказалъ одинъ епископъ [12]) «возвра-

---

1790—1800. Paris 1857.—Hulot: *Collection des brefs de Pie VI.*—Sciout, *Histoire de la constitution civile du clergé,* Paris, 1872, t. I.—Jager, *Histoire de l'Eglise catholique en France,* t. XIX, Paris, 1873. — De Pressensé, *L'Eglise et la Révolution française.* Paris, 1864.

[12]) М-ръ Де Буажеленъ, архіепископъ экскій, 29 мая 1790.

щенія къ дисциплинѣ церкви первыхъ временъ христіанства, слѣдовало-бы вернуть и ея авторитетъ. Можно ввести ограниченія для церковной власти, но слѣдуетъ спросить ея мнѣнія». И онъ потребовалъ національнаго собора. «Церковь заключена въ государствѣ,—отвѣтилъ ему законникъ [13])—мы національный конвентъ и имѣемъ право измѣнить религію». И онъ отвергъ соборъ. Доводомъ того же рода Собраніе отклонило предложеніе о переговорахъ съ папой. 2 іюня, вслѣдствіе голосованія этого предложенія, всѣ епископы, за исключеніемъ Талейрана, перестали принимать участіе въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса.

Тѣмъ временемъ столкновеніе съ духовенствомъ усложнилось новымъ конфликтомъ. Въ іюнѣ же вспыхнула революція въ Авиньонѣ; потребобовали присоединенія и Собраніе принялось за обсужденіе этого дѣла. Папскій нунцій обратился съ протестомъ къ Монморену [14]). Какъ и при старомъ порядкѣ, оба столкновенія, духовное и мірское, спутываются. И то и другое рѣшаются Собраніемъ въ силу его верховной власти: 12-го іюля оно принимаетъ всю совокупность новаго порядка церковнаго управленія (Constitution civile du clergé); 22-го оно назначаетъ Авиньонскій комитетъ.

Волненіе и тревога удвоиваются въ средѣ духовенства. Епископы аппелируютъ къ папѣ; эльзасскіе же сверхъ того обращаются къ авторитету германскаго сейма, связывая вопросъ о церковной юрисдикціи съ вопросомъ о феодальномъ правѣ. Папа отказывается отъ участія въ этомъ спорѣ, но онъ не можетъ воздерживаться отъ подачи мнѣнія, относительно церковнаго управленія. Онъ препровождаетъ 10-го іюля три посланія; одно—королю, остальныя два—бывшему віеннскому епископу де Помпиньяну, завѣдующему сборомъ бенефицій, и архіепископу бордосскому, хранителю печати, де Сисэ. «Если вы одобрите декреты,—писалъ онъ Людовику XVI, вы тѣмъ самымъ вовлечете весь народъ вашъ въ заблужденіе, королевство—въ расколъ и, быть можетъ, зажжете и всепожирающій пламень жестокой войны». Людовикъ XVI и безъ того былъ въ этомъ увѣренъ. Пій VI совѣтуетъ ему спросить мнѣніе названныхъ духовныхъ сановниковъ. Изъ нихъ одинъ, Помпиньянъ, слабый и больной, молчалъ: другой—Сисэ—лелѣялъ какой-то химерическій планъ сдѣлки со святымъ престоломъ. Монморенъ, естественнымъ образомъ, склонялся къ проволочкамъ. Быть можетъ эти слабые совѣтники надѣялись выиграть время уловками и дождаться момента, когда король, возстановивъ свою власть, уничтожитъ рѣшенія, подписать которыя онъ былъ вынужденъ. Быть можетъ также они полагали, что предъ лицомъ совершившагося факта

[13]) Камюсъ, 1-ое іюня 1790.

[14]) Нунцій Монморену, 20 и 21 іюля 1790.

папа найдетъ какой-либо компромиссъ съ Собраніемъ и что церковь рѣшится на уступки во избѣжаніе раскола, еще болѣе опаснаго для нея, чѣмъ для короля. Они рѣшили не опубликовывать посланій 10-го іюля и совѣтовали королю обѣщать свою санкцію, но дать ее лишь по полученіи согласія французскихъ епископовъ или главы церкви [15]).

Они пытались добиться согласія папы и, съ этою цѣлью, предприняли тайные переговоры, принципъ которыхъ былъ ранѣе горделиво отвергнутъ Собраніемъ. Рѣчь шла собственно о новомъ конкордатѣ, который намѣревались съимпровизировать. Министерство не имѣло никакихъ шансовъ успѣха. Церковь всегда предпочитала медлительность, а французскіе министры требовали быстроты. Чтобы отказаться отъ вліятельнаго положенія, занимаемаго ею во Франціи, церкви надо было-бы считать Францію приблизительно погибшею для католицизма. Но такого условія, дѣйствительно представившагося во время консульства Бонапарта и объясняющаго заключеніе конкордата 1801 г.,—не существовало въ 1790 г. Французское духовенство воинствовало, оно заявляло протестъ и, повидимому, большинство націи расположено было за нимъ слѣдовать. Никто въ Европѣ не зналъ и не въ состояніи былъ измѣрить силу революціи: на нее смотрѣли какъ на преходящій кризисъ. Церковь, испытавшая уже столько грозъ, готовилась перенести и эту. Борьба, предпринимаемая ею во Франціи, напоминала ей ту, которую она только что выдержала въ Австріи. Собраніе повторяло дѣянія Іосифа II; его дѣло ожидаетъ такая же участь. Церковь ждала всего отъ времени; она ничего не хотѣла уступать заблудшему Собранію. Собраніе не имѣло намѣренія ни идти на компромиссъ, ни давать отсрочки. Между этими двумя противниками никакое примиреніе не было возможно.

1-го августа Людовикъ XVI отправилъ папѣ письмо, изготовленное его министрами: отвѣтственность за расколъ, грозившій Франціи, слагалась на св. престолъ. Король объявлялъ, что не можетъ болѣе откладывать свою санкцію. Онъ надѣялся, что папа при помощи какой-нибудь благочестивой мѣры смягчитъ ея послѣдствія. Берни поручено было переговорить по этому поводу съ римскимъ дворомъ [16]). Не ожидая многаго отъ своего посредничества, Берни принялъ однако порученіе. Онъ поставилъ на видъ папѣ, что король не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что онъ утверждаетъ декреты по принужденію и дѣлаетъ это именно для того, чтобы констатировать это принужденіе. Папа потребовалъ времени на размышленіе. Онъ совѣщался съ кардиналами, которые

---

[15]) Masson, *Bernis*, p. 480—482.

[16]) *Instruction du 1-er août* 1790. Massson, p. 481.

побуждали его къ сопротивленію. Пію VI и его совѣтникамъ приходилось считаться съ положеніемъ религіознаго вопроса въ Европѣ: на религію нападали со всѣхъ сторонъ. «То, что сегодня было-бы уступлено нуждамъ Франціи», писалъ Берни, «властно потребовали-бы завтра другіе католическіе дворы, недовольство которыхъ могло внушить опасенія Св. Престолу, а уступки которымъ ниспровергли-бы всю организацію вселенской церкви». Авиньонскія дѣла раздражали умы. Берни готовъ былъ искать въ графствѣ предмета сдѣлки, какъ во времена Шуазелей, іезуитовъ и парламента, но времена эти миновали [17]). Министерство не стало ждать для окончательнаго утвержденія даже срока, въ который могъ быть доставленъ отвѣтъ папы [18]). 24-го августа Людовикъ XVI далъ свою санкцію: министры покорились, «пораженные ужасомъ въ виду грядущихъ опасностей» [19]). Папа былъ горестно взволнованъ и выразилъ это въ посланіи, адресованномъ Людовику XVI 22-го сентября. 27-го октября конгрегація кардиналовъ дала свое заключеніе. Она объявила, что папа «не исполнилъ-бы своего долга и нанесъ-бы смертельный ударъ католицизму, если-бы одобрилъ декреты, касающіеся французскаго духовенства, въ ихъ настоящемъ видѣ». По мнѣнію кардиналовъ, папа могъ только давать разъясненія королю, совѣтоваться съ французскими епископами и призывать ихъ къ пріисканію средствъ согласованія по главнымъ пунктамъ декретовъ съ каноническими правилами. Римъ не вѣрилъ возможности раскола и имѣлъ на это основанія. Въ то время какъ парижское правительство просило папу о внушеніи покорности французскому духовенству, епископы испрашивали у главы церкви поддержки для своего сопротивленія. Несмотря на разногласія по поводу необходимыхъ мѣръ и образа дѣйствій, они были вполнѣ единодушны въ своемъ порицаніи конституціи. Изъ духовныхъ лицъ, преданныхъ революціи, наиболѣе просвѣщенные и искренніе, какъ напримѣръ Грегуаръ, сожалѣли о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ организацію духовенства. Они желали переговоровъ со св. престоломъ [20]). Большая часть приходскихъ священниковъ и другихъ духовныхъ одобрили епископовъ и присоединились къ протесту, обнародованному этими прелатами въ концѣ октября. Этотъ протестъ можетъ считаться какъ-бы завѣщаніемъ національной церкви. «Мы требовали», объявляли епископы, «созванія національнаго собора; мы просили, согласно древнему обычаю галликанской церкви, об-

---

[17]) *Rapports de Bernis* 18, 25 août, 1 et 8 sept. 1790.

[18]) Masson, *Bernis*, p. 484.

[19]) Свидѣтельство Сисэ. Falloux, *Louis XVI*, p. 207.—Jager, p. 211—312.—*Louis XVI au Pape*, 6 sept.—*Montmorin à Bernis* 7—28 sept.

[20]) *Etudes sur Grégoire*, Gazier, *Revue Historique*, t. VIII, p. 287—290.

ращенія къ главѣ вселенской церкви». Галликанская церковь аппелировала къ Риму противъ государства; она осуждала расколъ, отлучая конституціонную церковь еще до ея рожденія.

Государство настаивало на введеніи новаго устройства. Собраніе твердо вѣрило въ свое дѣло. Между тѣмъ, освободилась епископская ваканція въ Кемперѣ, и депутатъ Эксипльи, бывшій приходскимъ священникомъ въ Мортенѣ и членомъ комитета по духовнымъ дѣламъ, былъ выбранъ епископомъ. Епископы того округа отказались отъ посвященія: Собраніе декретировало, что каждый епископъ имѣетъ право посвященія [21]). 26-го ноября Вуадель представилъ донесеніе о противогосударственной лигѣ, образовавшейся подъ предлогомъ отстаиванія религіозныхъ интересовъ. Онъ назвалъ ослушниками (réfractaires) протестовавшихъ епископовъ и предложилъ принять мѣры для принужденія ихъ къ покорности. Мѣры заключались въ требованіи обязательной присяги, предписываемой статьями 21 и 38 гражданской конституціи: «быть вѣрными закону и королю и всѣми силами поддерживать конституцію, декретированную Національнымъ собраніемъ и утвержденную королемъ». Присяга эта влекла за собою подчиненіе новымъ законамъ, регулирующимъ церковные порядки. Священники, отказывающіеся отъ присяги, лишаются своихъ правъ; они будутъ замѣняться другими, а если станутъ продолжать исправлять свою должность, то на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на «нарушителей общественнаго спокойствія, а вмѣстѣ съ ними и на всѣхъ, кто составилъ-бы союзъ съ цѣлью ослушанія декретамъ Національнаго собранія или въ видахъ возбужденія къ ихъ неисполненію».

И вотъ этому собранію философовъ пришлось, въ силу логики собственныхъ воззрѣній, преступить немедленно, вслѣдъ за его провозглашеніемъ, одинъ изъ наиболѣе страстно требуемыхъ философіей того вѣка принциповъ,—принципъ религіозной вѣротерпимости. Это не значило, чтобы сама по себѣ гражданская конституція уничтожала свободу совѣсти и запрещала непризнанныя оффиціально вѣроисповѣданія. Она только лишала отпавшее духовенство его титуловъ и жалованья. Оно сохраняло право священствовать частнымъ образомъ, подобно, напримѣръ, протестантскимъ священникамъ или еврейскимъ раввинамъ. Но диссиденты неизбѣжнымъ образомъ должны были увлечь за собою массу вѣрующей паствы, побуждать ее къ сопротивленію, воздвигнуть, рядомъ съ конституціонной, церковь римскую, что должно было породить неизбѣжныя столкновенія. Государство должно было-бы почувствовать себя оскорбленнымъ, захотѣть положить этому конецъ и, ради покровительства своей привилегированной

---

[21]) 14 ноября, 1790.

церкви, упразднять отпавшую, и затѣмъ преслѣдовать и изгонять ея членовъ.

Это съ достаточною ясностью проявилось въ горячихъ преніяхъ, поводъ которымъ дало предложеніе Вуаделя. Мирабо не мало содѣйствовалъ приданію имъ страстнаго характера. Онъ на нѣсколько часовъ вновь сдѣлался пламеннымъ трибуномъ первыхъ дней. Раздраженный противъ всѣхъ, оскорбленный невниманіемъ двора и всеобщими подозрѣніями, оклеветанный, непризнанный, измученный чрезмѣрными трудами, возбужденный излишествами, въ которыхъ искалъ забвенія своихъ разочарованій, чувствуя, что власть бѣжитъ и ускользаетъ отъ него, видя, что ему измѣняетъ революція и сама жизнь, подорванная излишествами, онъ въ этомъ послѣднемъ кризисѣ своего поприща, очевидно, не сохранилъ полнаго самообладанія. Нерѣдко онъ приписывалъ маккіавелистическому расчету то, что было лишь бурнымъ взрывомъ постоянно взволнованной души. Къ чему стремился онъ? Хотѣлъ-ли, какъ говорилъ онъ самъ, вернуть покидавшую его популярность удвоенною отвагою, «сковать Собраніе, компрометируя его», обуздать духовенство, которое стѣсняло его? [22]). Дѣло въ томъ, что если ему не удалось увлечь Собраніе, самъ онъ невольно испытывалъ его импульсъ. Декретъ о присягѣ былъ вотированъ 27 ноября 1790 г.

Этотъ актъ отодвигалъ, такъ сказать, Людовика XVI въ послѣднія его твердыни. Всѣ, сдѣланныя имъ до сихъ поръ уступки, обусловленныя слабостью или мотивированныя политикою, не имѣли иной побудительной причины, кромѣ продленія кризиса и отсрочки послѣднихъ жертвъ. Настоящая жертва была наиболѣе тяжелою. Тѣмъ не менѣе Людовикъ не чувствовалъ себя способнымъ къ рѣшительному отпору. Ему необходимо было еще выиграть время; но дилемма была для него ужасна: если онъ откажетъ въ своей санкціи, онъ подвергнетъ себя возстанію, революціонному «дню» и преждевременно вступитъ въ борьбу, въ которой неизбѣжно окажется побѣжденнымъ; если уступитъ,—это будетъ ущербомъ для церкви. Потрясенный въ своихъ чувствахъ государя, отца, христіанина, встревоженный за свою корону, дрожа за семью, смущенный въ своей совѣсти, онъ въ послѣдній разъ обратился къ папѣ, умоляя его вмѣшаться въ дѣла французской церкви и облегчить духовенству покорность декретамъ, выполненіе которыхъ нельзя уже было надолго откладывать. Собраніе не разрѣшило ему ждать отвѣта изъ Рима. Чтобы положить предѣлъ его колебаніямъ, вожаки прибѣгли къ послѣднему

---

[22]) Объ отношеніяхъ Мирабо къ этому дѣлу, см. Droz, *Histoire du règne de Louis XVI.* T. III, p. 303. Paris,1839—42.—Lucas Montigny, t. VIII, p.157—214. *Corresp. de Mirabeau avec La Marck*, t. II, p. 361—362, 365, 374.

средству королей и революціонеровъ—къ силѣ. Населеніе заволновалось. Сиэ поставилъ на видъ королю, что дальнѣйшее промедленіе отдастъ духовенство во власть разъяренной толпѣ. Людовикъ XVI сдался. 26 ноября онъ утвердилъ декретъ; но онъ давалъ свою санкцію лишь съ тайнымъ намѣреніемъ взять ее назадъ, какъ только будетъ обладать достаточною для того властью.

Въ дѣйствительности, въ тотъ день онъ подписывалъ объявленіе войны революціи. Революція побуждала его совершить поступокъ, ничѣмъ не оправдываемый въ его глазахъ [23]). Онъ уже не находилъ возможнаго компромисса съ нею: онъ пошелъ на сдѣлку съ «узурпаціей», но не могъ идти на сдѣлку съ расколомъ и безбожіемъ. Ему не оставалось иного рессурса, кромѣ борьбы. До той поры, пока дѣло шло лишь о его власти и личной безопасности, онъ терпѣлъ; въ настоящую же минуту дѣло шло о вѣчномъ спасеніи душъ, по его мнѣнію, довѣренныхъ ему самимъ Богомъ, и онъ уже не считалъ себя господиномъ своей участи. Король вытерпѣлъ униженія, христіанинъ боялся угрызеній совѣсти. Чрезмѣрность жертвы побѣждала его покорность судьбѣ, но не могла побѣдить его нерѣшительности. Людовикъ XVI выказалъ себя настолько же слабымъ въ дѣлѣ обузданія революціи, насколько былъ слабъ въ своихъ усиліяхъ направлять ее.

II.

«Быть королемъ въ Мецѣ было-бы мнѣ пріятнѣе, чѣмъ оставаться королемъ Франціи при такихъ условіяхъ», сказалъ Людовикъ XVI, подписавъ декреты; «но все это скоро кончится» [1]). Онъ заявилъ такое мнѣніе во всеуслышаніе; вокругъ него всѣ повторяли то же самое, а между тѣмъ, ни у него, ни у кого изъ близкихъ ему лицъ не имѣлось ни точнаго плана, ни даже опредѣленныхъ намѣреній. Въ Тюильрійскомъ дворцѣ продолжали получать записки Мирабо; но роль, которую сыгралъ пламенный ораторъ во время преній по поводу присяги, окончательно лишила его всякаго кредита у короля. Людовикъ пересталъ расчитывать на его содѣйствіе и отказался сообразоваться съ его видами, если только когда-нибудь помышлялъ объ этомъ серьезно. Онъ, ни въ какомъ случаѣ, не хотѣлъ быть ему обязаннымъ своимъ спасеніемъ. Мирабо полагалъ,

---

[23]) «Молю Бога принять мое глубокое раскаяніе въ томъ, что я подписалъ своимъ именемъ, хотя и противъ своей воли, акты, могущіе быть противными дисциплинѣ и вѣрованіямъ католической церкви». Завѣщаніе Людовика XVI.

[1]) Droz. T, III, p. 299.

что угрожавшія Франціи религіозныя смуты представляли для короля превосходный поводъ начать борьбу. По его мнѣнію, «не могло быть болѣе благопріятнаго случая объединить большее число недовольныхъ самаго опаснаго свойства и усилить популярность короля, въ ущербъ популярности Національнаго собранія [2]). Онъ совѣтовалъ организовать широкое сопротивленіе декретамъ о духовенствѣ и воспользоваться волненіемъ, которое оно вызоветъ, чтобы вновь овладѣть ускользнувшею властью и обратиться непосредственно къ народу, помимо Собранія. Но религіозная война внушала Людовику XVI еще болѣе сильное отвращеніе, чѣмъ гражданская междоусобица. Изъ всѣхъ предположеній Мирабо дворъ принялъ лишь наиболѣе компрометирующія и наименѣе похвальныя: политику конспираціи противъ Собранія, полицейскій комитетъ и комитетъ прессы, однимъ словомъ, весь планъ интригъ и подкуповъ [3]). Монморенъ присоединился къ этому плану. Мирабо съ помощниками своими, Талономъ и де Семонвилемъ, работалъ надъ проведеніемъ этого плана съ упорствомъ, отличавшимъ его во всѣхъ «рискованныхъ предпріятіяхъ». Ла Маркъ, которымъ были начаты переговоры съ дворомъ, пытался завязать ихъ вновь. Онъ съ ожесточеніемъ трудился надъ этою задачей, мало, впрочемъ, расчитывая на успѣшный исходъ. «Если мы потеряемъ этотъ послѣдній рессурсъ, что-же намъ останется? Не смѣю и подумать объ этомъ», писалъ онъ въ концѣ 1790 г. [4]).

Нашлись люди, сказавшіе себѣ, что въ эпоху борьбы смѣлость рѣшеній могла замѣнить глубину и обдуманность совѣтовъ, что послѣдовательность въ предначертаніяхъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ отважность въ поступкахъ, что, поразивъ воображенія какою-нибудь героическою выходкою, можно поднять мужество; однимъ словомъ, что крайнія мѣры остаются единственнымъ способомъ, а такъ какъ король не способенъ къ ихъ выполненію, то королева должна попытаться спасти монархію и удержать корону въ своихъ рукахъ. «У короля есть только одинъ человѣкъ, этотъ человѣкъ—его жена», заявлялъ нѣкогда Мирабо [5]). Но и тѣ и другіе обманывали себя романическими и историческими фантазіями. Ни характеръ, ни воспитаніе, ни прошлое Маріи-Антуанеты не могли приготовить ее къ такой роли.

Въ Маріи-Антуанетѣ не было рѣшительно никакихъ государственныхъ способностей. Она была прежде всего женщиной. Въ этомъ заключалось

---

[2]) 43-е note, 21 janvier 1791. *Correspondance.* Т. II, p. 374.

[3]) *Correspondance de la Marck.* Т. II, p. 511, 513, 523.

[4]) Декабрь, 1790. *Correspondance.* Т. II, p. 41.

[5]) 2-е Note, 20 juin, 1790. *Correspondance.* Т. II, p. 41.

и ея обаяніе и ея несчастіе. Ни малѣйшихъ слѣдовъ мужественнаго генія ея матери Маріи-Терезіи не замѣчалось въ ней. Въ самой внѣшности ея не было ни одной черты, напоминающей нѣмецкое упорство и тяжеловѣсность. Французская королева была истинною дочерью Австріи, чистовѣнской принцессой. Веселая, отчасти и чувствительная, слишкомъ гордившаяся своимъ высокимъ положеніемъ, слишкомъ презиравшая общественное мнѣніе, чтобы пожертвовать ему самомалѣйшею прихотью; пустая и легкомысленная, но при случаѣ напускавшая на себя важность, въ силу чисто женскаго кокетства или мимолетнаго каприза; мало образованная, ничего не читавшая, своенравная, скучавшая во время серьезныхъ разговоровъ, она видѣла въ политикѣ только лица, а о людяхъ судила по тому, къ какому кружку они принадлежали. Ей былъ вполнѣ чуждъ всякій политическій расчетъ. Обладая смѣлостью, она лишена была разсудительности. Приливъ смѣлости заканчивался у нея гнѣвомъ или слезами. Тѣмъ не менѣе, у нея было благородное сердце и возвышенная душа; ей дорого было понятіе о чести. Когда достоинство короны бывало оскорбляемо въ ея глазахъ, когда оскорбленіе касалось ея личности или-же когда грозила и дерзко вызывала ее опасность, она давала отпоръ нападенію и въ ней узнавали дочь Маріи-Терезіи.

Ни одной женщинѣ не выпадало на долю столько ненависти и злобныхъ преслѣдованій, а между тѣмъ немного было такихъ, которыя заслуживали-бы большаго состраданія. «Рѣшено и доказано», сказалъ однажды баронъ Сталь, «что несчастія этой принцессы будутъ безконечны». Испытанія начались для нея со времени ея замужества. Горькой ироніей звучалъ для нея девизъ счастливыхъ дней ея дома: Felix Austria nube. Марія-Терезія была доброю матерью, нѣжною и снисходительною къ подросткамъ-дочерямъ. Но какъ скоро для нихъ наступала, по ея мнѣнію, пора замужества, мать уступала въ ней мѣсто императрицѣ. Маріи-Антуанетѣ было только пятнадцать лѣтъ, когда она уѣхала изъ Вѣны. Она не видѣла болѣе ни Вѣны, ни матери. При новомъ дворѣ и въ семьѣ мужа она встрѣтила предубѣжденіе и подозрительность. Ее выдавали замужъ исключительно въ видахъ скрѣпленія союза съ Франціей: противъ нея были всѣ враги Австріи: тетки Людовика XVI, его братъ, графъ Прованскій, обѣ сестры мужа, наконецъ, вся клика, вооружившаяся противъ Шуазеля и лотарингцевъ. Она составила свой дворъ изъ членовъ австрійской партіи и безтактно порвала отношенія съ врагами своего дома. Увѣдомлять вѣнскій дворъ о намѣреніяхъ версальскаго, раздавать вліятельныя должности людямъ, почтительно относившимся къ Австріи, вліять на французскую политику въ смыслѣ австрійскихъ интересовъ и въ томъ же смыслѣ направлять союзъ,—таковъ былъ

ея образъ дѣйствій во Франціи и «важнѣйшее дѣло ея жизни»[6]). Марія Терезія предписала ей эту задачу, какъ священнѣйшую обязанность; она безпрестанно напоминала о ней въ письмахъ, отличавшихся властнымъ тономъ, материнскою нѣжностью и въ то же время дипломатичностью. Переписка велась правильно. Сверхъ того, по желанію Маріи-Терезіи, австрійскій посланникъ Мерси, совѣтникъ, повѣренный и опекунъ молодой принцессы, руководилъ ею въ томъ же духѣ и въ то же время состоялъ тайнымъ австрійскимъ агентомъ въ Парижѣ.

Маріи-Антуанетѣ не приходило и въ голову, чтобы, не будучи безчестнымъ или ограниченнымъ, возможно было имѣть намѣренія, противорѣчащія планамъ ея матери; въ глазахъ дочери, эта добродѣтельная императрица, столь же уважаемая, сколько и грозная для близкихъ, могла желать лишь справедливаго, предлагать благое. Королевѣ казалось, что Людовикъ XVI уклоняется отъ ея совѣтовъ лишь вслѣдствіе интригъ; всякое сопротивленіе со стороны короля представлялось ей недостаткомъ уваженія къ императрицѣ и привязанности къ ней самой. Вотъ и вся политика Маріи-Антуанеты; въ ней было болѣе предразсудка и дочерней покорности, чѣмъ дипломатіи; она проявила въ ней болѣе неосторожности и задора, чѣмъ упорства. Вліяніе ея оставалось перемежающимся и проявлялось, такъ сказать, приступами. Людовикъ XVI подчинялся ему порою невзначай, исключая, впрочемъ, дѣлъ внѣшней политики, на которыя смотрѣлъ, какъ на преимущественно-королевскія и которыя одни и имѣли значеніе для австрійскаго дома. Марія-Антуанета принимала участіе въ дворцовыхъ интригахъ, но не играла ни роли, предназначенной ей матерью, ни той, которую ей приписывали враги.

Въ видахъ подорванія вліянія, которое сильно преувеличивали, они старались запятнать ея репутацію. Потокъ грязныхъ памфлетовъ, заливавшій королеву предъ революціоннымъ трибуналомъ, исходилъ изъ дворцовыхъ сферъ. Эберъ раздулъ ими свои донесенія, а Фукье—свой обвинительный актъ: для этого имъ стоило только черпать изъ тайныхъ версальскихъ библіотекъ. Марія-Антуанета была легкомысленна, не болѣе, но она была легкомысленна до крайности и неосторожна выше всякой мѣры. Она позволила себѣ единственныя, недопускаемыя дворомъ, прегрѣшенія, а именно: погрѣшности противъ придворнаго этикета. Тріанонскія сельскія прогулки, маскарады, невинныя продѣлки, которыя привели-бы въ восторгъ почтительное добродушіе вѣнцевъ, скандализировали скептицизмъ парижанъ, которые прощаютъ все, за исключеніемъ недостаточно-серьезнаго отношенія къ нимъ самимъ. Въ то время, какъ развратъ укрывался

[6]) *Marie-Antoinette à Marie-Therèse*, 5 mai, 1773.—Arnkth et Geffroy, *Marie Antoinette*, Paris, 1874. T. III, p. 199.

въ изысканныя формы, эта смѣло и открыто проявляемая веселость, казалось, прикрывала необузданную развращенность. Королева была неосторожна, насмѣшлива и надменна; она поощряла фамильярность, отталкивала слишкомъ назойливое искательство и возбудила самую безпощадную изъ ненавистей: ненависть разочарованнаго тщеславія. Наконецъ, она любила безумные расходы. Объявивъ ее измѣнницей противъ государства, ее обвинили еще съ бо́льшимъ правдоподобіемъ въ его разореніи.

Въ сущности, она искала забвенія и развлеченія: замужество ея не было счастливо. Прекрасная собой, живая, молодая, среди самаго любезнаго двора и самаго распущеннаго общества въ Европѣ, она нашла въ человѣкѣ, съ которымъ была связана ея жизнь, робкаго, застѣнчиваго и холоднаго государя. Примѣръ дѣда заставилъ Людовика XVI относиться къ женщинамъ въ высшей степени недовѣрчиво. Боясь подчиниться ихъ вліянію, онъ уклонялся отъ привязанности къ нимъ. Королевское супружество въ теченіе семи лѣтъ отличалось необычайною холодностью. Позднѣе, общая нѣжность къ дѣтямъ создала болѣе теплыя отношенія между этими столь противоположными характерами. Но слишкомъ долго бракъ этотъ казался чѣмъ-то двусмысленнымъ. Легкомысленная веселость королевы примѣшивала къ почтительности, съ которою относился къ ней король, нѣкоторую долю тревоги и опасеній; чрезмѣрная скромность и робость Людовика XVI придавали чувствамъ королевы по отношенію къ нему оттѣнокъ пренебреженія. Чтобы оцѣнить другъ друга, имъ надо было пройти чрезъ суровыя и тягостныя испытанія. Тогда король увидѣлъ въ Маріи-Антуанетѣ лишь благородную гордость, постоянство и подавляемыя слезы; королева же—ясность и спокойствіе жертвы, величіе покорности неизбѣжному, проявленныя королемъ. Такова была ихъ странная участь; и въ семейной и общественной драмѣ ихъ жизни они были выше событій и на высотѣ своего положенія только тогда, когда постигало ихъ несчастіе. Они были созданы, чтобъ царствовать въ какомъ-нибудь мирномъ и скромномъ уголкѣ Германіи или Италіи. «Добродѣтельный, гуманный, просвѣщенный» Людовикъ и «привлекательная, нѣжная» Марія-Антуанета составили-бы счастіе своихъ подданныхъ и сами прожили-бы спокойно и счастливо. Во Франціи же, гдѣ непокорный, буйный и кажущійся непостояннымъ народъ по странному противорѣчію привязывался всегда лишь къ сильнымъ королямъ и суровымъ королевамъ; они съумѣли лишь умереть съ достоинствомъ.

Первые успѣхи народнаго дѣла были сочтены побѣдами, одержанными надъ Маріей-Антуанетой и австрійскимъ домомъ. «Королева, какъ слышно, подавлена событіями», писалъ Сталь 6 сентября 1789 года. Безъ сомнѣнія, это обусловлено утратою ея вліянія, но въ особенности народною

ненавистью, которая становится несправедливою по своей чрезмѣрности» [7]). Эта ненависть, поражавшая ее въ самое сердце, въ значительной степени объясняетъ ужасъ, внушаемый ей одною мыслью о революціи [8]). Революція вооружала противъ нея всѣхъ ея придворныхъ враговъ: расходясь во всемъ остальномъ, они были единодушны только въ полной презрѣнія враждебности къ королевѣ. Большинство изъ нихъ бѣжало изъ Франціи и составляло заговоры противъ нея за границей. Ее возмущалъ ихъ образъ дѣйствій и ихъ рѣчи. Она находила, что дворянство обязано было оставаться вокругъ короля. По ея мнѣнію, хуже эмигранта могъ быть только перебѣжчикъ, демократъ-развратникъ, въ родѣ Лозена, Талейрана и всей группировавшейся вокругъ Филиппа Орлеанскаго клики. Эта клика ненавидѣла королеву. Марія-Антуанета считала ее низкой и омерзительной. Прибавьте къ этому враждебность дворянъ-либераловъ, какъ Лафайета, Ламета и всей свиты г-жи де Сталь; еще болѣе острую, хотя менѣе осязательную для нея непріязнь великой партіи третьяго сословія, отголоски которой доходили до нея издали и которая бурно приступала къ трону; наконецъ, постоянно растущій потокъ народной ненависти, обвинявшей ее во всѣхъ бѣдствіяхъ страны. Она была королевой и не забывала зла: она чувствовала себя ненавидимой, платила тѣмъ же и думала о возмездіи; она была матерью, страстно привязанною къ дѣтямъ; видѣла ихъ въ опасности и рѣшилась спасти ихъ. Иныхъ мотивовъ не имѣли ея поступки, какъ не было у нея и иныхъ цѣлей и замысловъ.

III.

Всѣ дворцовыя комбинаціи сводились къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: королю слѣдуетъ избавиться отъ унизительнаго затворничества въ Тюильрійскомъ дворцѣ, показаться передъ народомъ и открыть ему свое сердце; и такъ какъ сердце это было исполнено прямодушія, а народъ былъ добръ и довѣрчивъ, то миръ и согласіе установятся сами

---

[7]) Léouson le duc, op. cit.—*Joseph II à Léopold*, 3 août, 1789. Arneth. *Joseph II und Leopold*. T. II, p. 265.

[8]) Графъ Ламаркъ, человѣкъ, преданный королевѣ и болѣе чѣмъ кто-либо замѣшанный въ томъ, что она предпринимала, видѣлъ ее въ маѣ 1790 года.: «Бесѣда продолжалась болѣе двухъ часовъ въ веселомъ тонѣ, свойственномъ королевѣ, по ея добродушію и легкой насмѣшливости ея ума. Какъ только я касался революціи, она становилась озабоченной и печальной; но когда разговоръ переходилъ на другіе предметы, къ ней возвращались ея любезность и хорошее расположеніе духа. Эта черта вѣрнѣе обрисовываетъ ея характеръ, чѣмъ все, что я могъ-бы сказать. Марія-Антуанета нисколько не интересовалась общественными дѣлами». *Correspondance*. T. 1, p. 156.

собою между заблудшими дѣтьми и снисходительнымъ отцомъ. Тѣ, кто отказался-бы отъ примиренія, были-бы безбожниками и мятежниками: ихъ можно будетъ усмирить силою, такъ какъ достаточно дать королю возможность повелѣвать, чтобы армія вернулась къ исполненію своего долга. Смотря издали на эту комбинацію и зная событія 1792 г., она представляется какою-то мечтою, волнуемой скорбію души. Въ 1790 г. она естественнымъ образомъ находила мѣсто въ соображеніяхъ короля Франціи, видѣвшаго въ революціи простое недоразумѣніе между собою и народомъ, волнуемымъ и эксплоатируемымъ шайкою мятежниковъ. Если дворъ питалъ подобныя иллюзіи относительно могущества королевской власти, то главари революціи ошибались въ этомъ отношеніи еще въ болѣе сильной степени. Надежды двора сталкивались съ опасеніями революціонеровъ; эти надежды и опасенія имѣли одинъ и тотъ же источникъ, происходя отъ тождественнаго инстинкта, развитаго десятью вѣками монархическаго правленія [1]). Таковъ былъ престижъ великой французской монархіи, несмотря на разслабленность королевской власти, что среди революціоннаго кризиса, послѣ провозглашенія верховныхъ правъ страны, въ самое время засѣданій въ Парижѣ Конституціоннаго собранія, когда король располагалъ одною номинальною властью и низведенъ былъ на степень простого секретаря постановленій этого собранія, взволнованные умы еще продолжали придавать ему таинственное могущество, которое уже было у него отнято. Людовику XVI оставались отъ королевской власти его предковъ одно имя и внѣшніе признаки; эти признаки огорчали французовъ. Въ 1790 году, какъ и во время малолѣтства Людовика XIV, всѣ думали, что овладѣть особою короля значитъ овладѣть государствомъ и что королю для возстановленія полнаго своего могущества достаточно ускользнуть отъ стражи вооруженнаго парижскаго народа.

Королева постоянно занята была этою мыслью. Всѣ уступки, которымъ подчинялся Людовикъ XVI, были въ ея глазахъ временными сдѣлками, вынужденными необходимостью. Уже съ первыхъ дней графъ де Мерси доказалъ ей, и она легко въ томъ убѣдилась, что въ виду насильственнаго давленія, оказаннаго на короля депутатами, всѣ ихъ рѣшенія заклеймены противозаконностью. Тѣмъ не менѣе, королю всего лучше слѣпо покориться имъ. «Но само собою разумѣется, что позднѣе, смотря по обстоятельствамъ, можно будетъ воспользоваться случайностями, чтобы мало-по-малу, такъ сказать, вѣтку за вѣткой, возвратить себѣ утраченныя уваженіе и власть» [2]). Не существуетъ и не можетъ существовать никакихъ обязательствъ по отношенію въ мятежникамъ и бун-

[1]) См. Quinet, *la Révolution*, liv. VII, ch. IV.

[2]) *Rapport de Mercy*, 23 juillet. 1789. Flammermont, *Bastille*, p. 30.

товщикамъ. Ихъ дѣло—дѣло силы, и сила же должна уничтожить это дѣло. Марія-Антуанета не вѣдала иного ученія о правахъ народа. Планъ избавленія, который она лелѣяла въ умѣ, мысль воспользоваться содѣйствіемъ иностранныхъ державъ и заручиться отъ нихъ необходимою для успѣха предпріятія матеріальною поддержкой казалась ей дѣломъ вполнѣ законнымъ и своевременнымъ. Она пришла къ этому инстинктивно подъ непосредственнымъ вліяніемъ страсти и чувства опасности.

Людовикъ XVI пришелъ инымъ путемъ къ такимъ же заключеніямъ. Его отъ природы прямой и честный умъ далъ себя увлечь неопредѣленной и благовидной діалектикой. Обращеніе къ иностранной помощи не противорѣчило монархическимъ прецедентамъ [3]). Онъ исходилъ изъ того основного правила, что такъ какъ государь и государство тождественны, то враги государя должны считаться и врагами государства. Право и обязанности короля повелѣвали усмирять и карать этихъ враговъ, а потому всѣ средства, клонящіяся къ этой цѣли, вполнѣ законны. Революція взглянула на дѣло съ иной точки зрѣнія. Она перемѣстила центръ власти въ самую страну: всѣ отношенія и выраженія прежняго права тѣмъ самымъ подвергались измѣненію. Вслѣдствіе перенесенія верховной власти съ короля на народъ, оскорбленіе величества перестало быть оскорбленіемъ короля, и создалось такое понятіе объ измѣнѣ государству, что король, который въ былое время могъ быть только жертвою этой измѣны, отнынѣ могъ явиться ея первымъ виновникомъ [4]). Такимъ дѣяніемъ

---

[3]) Относительно стараго порядка фактъ ясенъ и очевиденъ, и вмѣшательство пруссаковъ въ дѣла Голландіи въ 1787 г. подтвердило эти антецеденты. См. т. I. Но чтобы объяснить себѣ законность предпріятій, къ которымъ именно революція внушала намъ отвращеніе, необходимо припомнить современные примѣры вмѣшательствъ, аналогичныхъ съ тѣмъ, котораго французскій дворъ намѣревался потребовать отъ Европы. Договоръ Священнаго союза, 26 сентября 1815 г., и въ особенности Ахенскій протоколъ отъ 15 ноября 1818 г. сдѣлали изъ иноземнаго вмѣшательства въ началѣ нашего столѣтія принципъ международнаго права. На основаніи этого то принципа Австрія вмѣшалась въ дѣла другой державы въ пользу неаполитанскаго короля послѣ конгрессовъ въ Троппау и Лайбахѣ (1821 г.), а Франція—въ пользу испанскаго короля послѣ Веронскаго конгресса (1823). Въ 1849 г. мы видимъ Францію, вмѣшивающуюся въ римскія дѣла, Россію—въ венгерскія, Пруссію—въ саксонскія, съ цѣлью оказанія помощи государямъ противъ возмутившихся подданныхъ и противодѣйствія революціямъ. Шатобріанъ передаетъ (Congrès de Vérone, t. II, p. 191), что послѣ испанской экспедиціи дочь Людовика XVI воскликнула: «теперь доказано, что можно спасать короля въ несчастіи!»

[4]) Чтобъ дать себѣ отчетъ въ этихъ метаморфозахъ понятій, которыя не замедлили повлечь за собою грозныя послѣдствія, достаточно прочесть старинныя опредѣленія криминалистовъ, замѣняя слово *король* словами *государство*

была прежде всего попытка,—съ чьей-бы то ни было стороны, а тѣмъ болѣе со стороны короля—къ узурпаціи возвращенной себѣ націей верховной власти, при помощи силы или иноземнаго содѣйствія.

Отдѣленіе государства отъ особы короля казалось Людовику XVI самымъ пагубнымъ изъ заблужденій революціи; онъ не могъ ни понять его, ни подчиниться ему. Онъ задумалъ привлечь Европу къ участію въ своей распрѣ именно для того, чтобы уничтожить ея основу и исправить послѣдствія. Правда, онъ далъ свою санкцію декретамъ, которые ставили закономъ, какъ для него, такъ и для его собственнаго королевства, эти самыя основныя правила; но если онъ видѣлъ себя вынужденнымъ царствовать на этихъ новыхъ основаніяхъ, то продолжалъ разсуждать обо всемъ по-старому. Признавая, что согласіе, имъ данное, было вынуждено силою, онъ считалъ его гнилымъ въ самомъ корнѣ, ничтожнымъ и недѣйствительнымъ. По его мнѣнію, короли не знаютъ иныхъ правилъ, кромѣ блага государства, надъ ними одна только власть—Божья, а повиноваться они должны одной лишь собственной совѣсти. При такомъ подразумѣваемомъ ограниченіи онъ находилъ возможнымъ все подписывать и не считать себя связаннымъ никакимъ обязательствомъ. Въ началѣ онъ уступалъ въ силу инерціи и благоразумія; теперь онъ дѣлалъ это изъ тактики и расчета. Такимъ образомъ, придя къ подобному сужденію и оправдывая имъ свою слабость, этотъ несчастный государь незамѣтно приближался къ злополучнымъ предпріятіямъ, рѣшившимъ участь монархіи и гибель королевской семьи. Мысль о призваніи на помощь Европу пришла въ голову королевѣ въ началѣ лѣта 1790. Марія Антуанета задумала съ этого времени вызвать представленія со стороны Австріи и Пруссіи не для того,—говорила она,—чтобы «навлечь контръ-революцію», но для того, чтобы показать, что эти дворы «не одобряютъ способа обращенія съ королемъ» [5]). Подозрѣвалъ-ли это Мирабо? Если да, то его подозрѣнія не были клеветою съ его стороны, и никогда не служилъ онъ двору съ такою преданностью какъ въ то время, когда указывалъ на опасность подобныхъ предпріятій [6]). Но дворъ не оцѣнилъ, ни въ этомъ, ни въ другихъ случаяхъ, всего благоразумія его предостереженій. Въ особенности королева, смущенная его гнѣвными выходками, видѣла въ немъ

или *нація*. Въ оскорбленіи величества обвиняли, главнымъ образомъ, «тѣхъ, кто составляетъ заговоры противъ королевской власти... Тѣхъ, кто вступаетъ въ заговоръ, ассоціацію, сношенія, наступательную или оборонительную лигу внутри государства съ подданными короля, и извнѣ—съ чужеземцами...» *Traité des matières criminelles*, par Rousseaud de la Combe. 4 édit. Paris, 1751.

[5]) Слова королевы австрійскому посланнику Мерси 12 іюня 1790 г. Arneth, p. 130.

[6]) См. выше, главу о планахъ Мирабо.

только подкупленнаго демагога, который запугивалъ, чтобы продать себя подороже. По мѣрѣ того, какъ опасность росла вокругъ нея, она сосредоточивала свое довѣріе на старыхъ слугахъ, считая ихъ единственными испытанными и искренними. Ея умъ, отказывавшійся принимать сложныя и запутанныя комбинаціи Мирабо, останавливался на несравненно болѣе простыхъ проектахъ, отвѣчавшихъ ея смѣлому, отважному и опрометчивому нраву. Человѣкъ, бывшій ея совѣтникомъ при этихъ обстоятельствахъ и снискавшій ея довѣренность, олицетворялъ въ ея глазахъ честь и преданность. Онъ обладалъ всѣмъ престижемъ безкорыстія и лойальности, котораго не доставало Мирабо. Рыцарскія качества этого человѣка замѣняли у него политическій геній или, вѣрнѣе, это былъ единственный политическій умъ, доступный пониманію Маріи-Антуанеты.

Графъ Аксель Ферзенъ былъ шведскій вельможа, «высокаго роста, съ правильными чертами лица, съ простыми, но благородными манерами». Его рѣчь не отличалась оживленіемъ; онъ былъ скорѣе разсудителенъ, чѣмъ уменъ. «Осторожный съ мужчинами, сдержанный съ женщинами, серьезный, но не мрачный, его наружность какъ нельзя болѣе подходила къ внѣшности героя романа, но не французскаго; въ немъ не было ни французскаго блеска, ни французскаго легкомыслія [7]). Въ главномъ приключеніи его жизни не было ничего романическаго, по крайней мѣрѣ ничего похожаго на романы, сочинявшіеся по его поводу во Франціи того времени. Быть можетъ, именно серьезность Ферзена, рѣзко отличавшая его отъ версальскихъ щеголей и развратниковъ, и подстрекнула любопытство королевы. Когда въ 1779 г. этотъ аристократъ появился въ ея кругѣ, она была въ полномъ расцвѣтѣ молодости и упоеніи королевской властью. Она не скрывала интереса, возбужденнаго въ ней шведскимъ путешественникомъ. Ферзенъ же имѣлъ претензію быть единственнымъ человѣкомъ при дворѣ, повидимому, не замѣчавшимъ этого. Но если онъ не чванился вниманіемъ королевы, зато онъ сохранилъ къ ней признательность. Вернувшись въ Парижъ въ 1788 г., чтобы оффиціально слѣдить за дѣлами Густава III, онъ нашелъ случай доказать королевѣ свою непоколебимую привязанность. Марія Антуанета чувствовала себя покинутой и была тронута. Ферзенъ предложилъ ей то, въ чемъ она болѣе нуждалась—преданность и дружбу. Онъ выказалъ столько же деликатности въ дружбѣ, сколько выказывалъ ранѣе скромности, принимая милостивое расположеніе.

Онъ былъ не только преданнымъ слугою королевскаго семейства; онъ

---

[7]) Герцогъ Левисъ, Lévis, *Souvenirs et portraits*, Paris 1813. Ферзенъ родился въ 1755 г.; онъ былъ слѣдовательно однихъ лѣтъ съ королевой, въ 1790 г. ему было 36 лѣтъ. См. Geffroy. *Gustave* III, t. I, p. 355.—Klinckowström, *Le Comte de Fersen*, t. I, p. XXXIV et suiv.

былъ горячимъ ройялистомъ по убѣжденію. Впрочемъ, его совѣты придавали лишь болѣе точности стремленіямъ королевы: онъ руководилъ ею на пути, куда увлекали ее инстинктъ и воображеніе. Надо дать Собранію перегорѣть, говорилъ онъ, надо чтобы оно потеряло популярность и перевернуло все по своему. «Оно погибнетъ собственною смертью, и когда народъ еще сильнѣе почувствуетъ свою нужду и все зло, причиненное Собраніемъ, тогда наступитъ минута дѣйствія. Необходимы терпѣніе и послѣдовательность, не слѣдуетъ ускорять ничего, надо поддерживать недовольство, которое замѣтно растетъ, а затѣмъ иностранное вмѣшательство довершитъ остальное [8]).

Осенью 1790 г. минута дѣйствія, повидимому, была близка. Людовикъ XVI, до тѣхъ поръ уклонявшійся отъ внушеній королевы и близкихъ ему людей, оказывался податливѣе по мѣрѣ обостренія церковнаго кризиса. Надлежало выработать планъ и подготовить средства для его выполненія. Ферзенъ занялся этимъ вмѣстѣ съ барономъ де-Брейтель, бывшимъ министромъ Лудовика XVI, сохранившимъ полное довѣріе двора. Дипломатъ по профессіи, Бретейль сдѣлалъ свою карьеру при содѣйствіи Шуазелей; онъ былъ преданъ королевѣ. Онъ обладалъ привычкою къ дѣламъ, умѣньемъ вести дипломатическія интриги, большою самоувѣренностью, надменностью и неуступчивостью, вслѣдствіе чего нажилъ себѣ не мало враговъ. Послѣ неудачи, постигшей попытку контръ-революціи въ 1789 г., онъ удалился въ Швейцарію. Тамъ, живя въ уединеніи, онъ составилъ планъ спасенія своего государя и возстановленія монархіи. Себѣ онъ предназначалъ главную роль при выполненіи этого плана, что вполнѣ согласовалось съ его честолюбивымъ и подвижнымъ характеромъ. Прежде всего, въ этомъ какъ и во всѣхъ предложенныхъ въ то время Людовику XVI проектахъ, совѣтовалось покинуть Парижъ. Бретейль указывалъ на восточный трактъ, потому что войска, тамъ стоявшія, оставались повидимому вѣрными. а также и потому, что Булье, командовавшій въ Трехъ-Епископствахъ, былъ вполнѣ преданъ королю. Наконецъ, эта граница примыкала къ имперіи, гдѣ, въ случаѣ надобности, нашлись бы союзники; во всякомъ же случаѣ можно было расчитывать на убѣжище. Предлагалось начать съ попытки овладѣть управленіемъ при помощи ройялистскаго министерства и опираясь на оставшихся преданными французовъ. Если бы не удалось возстановить порядокъ этимъ способомъ, тогда обратиться къ содѣйствію дружественныхъ державъ. Въ ожиданіи этого и на всякій случай, необходимо узнать ихъ настроеніе. Приготовленіями къ побѣгу долженъ былъ заняться Ферзенъ. Успѣхъ зависѣлъ отъ Булье. Что касается переговоровъ, то ихъ предлагалъ вести Бретейлъ. Планъ былъ

[8]) Письмо къ Густаву III, 1790. Переписка Ферзена, т. I, стр. 80.

рѣшенъ въ октябрѣ. Бретейль передалъ всѣ его подробности Ферзену черезъ посредство памьерскаго епископа, М. д'Агу, возвращавшагося во Францію послѣ поѣздки въ Швейцарію. Ферзенъ сообщилъ планъ королевѣ, которая одобрила его безусловно и обѣщала уговорить короля. Людовикъ XVI все болѣе и болѣе склонялся къ мысли о побѣгѣ; однако онъ продолжалъ еще колебаться. До принятія окончательнаго рѣшенія, онъ пожелалъ убѣдиться въ намѣреніяхъ Булье и написалъ ему 22-го октября письмо, которое было отвезено епископомъ памьерскимъ.

Булье энергически подавлялъ военное возмущеніе въ Нанси. Онъ считался популярнымъ человѣкомъ въ томъ краѣ и пользовался уваженіемъ въ войскѣ. Это не былъ собственно контръ-революціонеръ: онъ склонялся въ пользу конституціи, на манеръ англійской, но прежде всего былъ ройялистомъ. Ради спасенія королевской семьи и возстановленія авторитета короля, онъ не отступалъ даже предъ гражданской войной [9]). По его расчету, король могъ располагать сорока батальонами и ста эскадронами: это были по большей части навербованные за-границей солдаты, и онъ считалъ ихъ болѣе надежными, чѣмъ французскую пѣхоту, которая уже вся перешла на сторону революціи. Чтобы собрать это войско вокругъ короля, Булье придумалъ способъ, который носитъ, въ своемъ родѣ, маккіавелистическій оттѣнокъ, свойственный планамъ Мирабо. Императоръ Леопольдъ сосредоточивалъ въ это время въ Нидерландахъ войска, назначенныя для подавленія возстанія. Слѣдовало его убѣдить двинуть эти войска къ французской границѣ, подъ вымышленнымъ предлогомъ оказанія поддержки нѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ въ Эльзасѣ. Результатомъ такого извѣстія было бы сильное волненіе въ Собраніи и въ обществѣ. Подъ предлогомъ наблюденія за движеніемъ австрійскихъ войскъ, король, въ свою очередь, прикажетъ сосредоточить войска; войска Булье составятъ ядро, и офицеры этой арміи препроводятъ Собранію просьбу о томъ, чтобы король сталъ во главѣ ихъ «въ видахъ поддержанія своимъ присутствіемъ ослабѣвшей дисциплины въ средѣ солдатъ». Булье надѣялся, что Мирабо поддержитъ это предложеніе и проведетъ его въ Національномъ собраніи. Король выѣдетъ изъ Парижа, вступитъ въ переговоры съ императоромъ, добьется удаленія австрійскихъ войскъ и сыграетъ, такимъ, образомъ «роль примирителя въ глазахъ страны». Изложивъ свою комбинацію М. д'Агу, Булье прибавилъ однакоже, что планъ бѣгства представляется ему дѣломъ рискованнымъ, коль скоро не увѣрены въ настроеніе державъ. Д'Агу не остановился на обсужденіи этого пункта: онъ объявилъ, что Леопольдъ и другіе союзники короля «требуютъ его

[9]) Droz, t. III, p. 322 et suiv.—Bouillé. *Mémoires*, p. 181 et suiv.—*Correspondance de Mirabeau* t. I, p. 238.

удаленія изъ Парижѣ, а до того времени не могутъ ничего предпринять въ его пользу». Въ виду такого утвержденія, Булье оставалось только повиноваться. Выполненіе плана было отложено до весны, а Булье получилъ шифръ для переписки съ дворомъ.

Въ это самое время въ Собраніи обсуждался вопросъ о присягѣ духовенства. Людовикъ XVI принялъ рѣшеніе. Наканунѣ того дня, когда внесенъ былъ на обсужденіе декретъ, вотированіе котораго казалось ему неизбѣжнымъ, онъ написалъ Бретейлю. Онъ приглашалъ его начать переговоры съ дружественными дворами и давалъ ему, въ этомъ отношеніи, самыя широкія полномочія. «Я избралъ васъ», писалъ онъ ему, «чтобы довѣрить вамъ интересы моего престола. Вамъ извѣстны мои намѣренія... Я одобрю все, что будетъ вами исполнено, въ виду постановленной мною цѣли, заключающейся въ возстановленіи законной моей власти и счастія моихъ подданныхъ» [10]). Королева, съ своей стороны, написала де Мерси, побуждая его къ воздѣйствію на императора. Испанію также позондировали. «Только четыремъ лицамъ извѣстна тайна; это—вѣрное средство для ея сохраненія», писала Марія-Антуанета графу де Мерси [11]) Она ошибалась: не успѣли начаться приготовленія, какъ уже слухи о нихъ ходили по всей Европѣ. Сталь, которому не была открыта тайна ни французскимъ, ни собственнымъ его дворомъ, уже 16 декабря писалъ о ней своему правительству. Строгое молчаніе было необходимо для успѣха предпріятія, но его не умѣли соблюсти. Содѣйствіе Европы было необходимо, но было весьма мало шансовъ его получить. Съ этой именно стороны королевскую семью ожидали самыя жестокія разочарованія. Въ Парижѣ, при дворѣ, такъ же какъ и въ средѣ общества, полагали, что Европу сильно занимаетъ французская революція. Объ Европѣ судили по Англіи, а объ Англіи—по газетамъ и брошюрамъ несравненно болѣе, чѣмъ по рѣчамъ и поступкамъ министровъ Георга III.

---

[10]) Flammermont, *Négociations secrètes de Louis XVI et du baron de Breteuil.* Paris, 1885, p, 8.

[11]) 11 января 1791. Feuillet de Conches, *Louis XVI et Marie-Autoinette.* Paris, 1860—1872, t I, p. 396.—Fersen, t. I, p. LIX.—Эти четыре лица были: Бретейль, Мерси, Булье и Ферзенъ.

ГЛАВА II.

Настроеніе Европы.

1790—1791.

I.

Первый боевой кличъ противъ французской революціи раздался въ странѣ, уже завоевавшей себѣ свободу, и изъ устъ англичанина, убѣжденнаго вига и горячаго сторонника революціи 1688 г. Боркъ уже указывалъ государямъ на опасный характеръ французской революціи, еще ими не замѣчаемый. Голосъ его, вначалѣ остававшійся изолированнымъ въ его отечествѣ, и въ особенности въ средѣ его собственной партіи, мало-по-малу встрѣтилъ откликъ. По мѣрѣ развитія во Франціи анархіи и духа пропаганды, въ Англіи становилась все болѣе и болѣе замѣтной реакція противъ французскихъ воззрѣній. Эта реакція собрала вокругъ иниціативныхъ противниковъ революціи массу равнодушныхъ, а вскорѣ и нѣкоторую долю восторженныхъ поклонниковъ. «Дворъ», говоритъ Маколей, «дворянство, собственники, духовенство, фабриканты, негоціанты, однимъ словомъ всѣ, у кого «крѣпкая крыша надъ головою и хорошее платье на плечахъ, неизбѣжно сдѣлались яростными анти-якобинцами. Эти чувства были, по крайней мѣрѣ, настолько же сильны среди противниковъ Питта, какъ и въ средѣ его сторонниковъ». Боркъ принялъ на себя роль ихъ выразителя. Онъ облекъ смутно-бродившія въ умахъ мысли въ краснорѣчивую, и, что еще важнѣе, въ чисто англійскую форму.

Его полемика противъ французской революціи была дѣломъ страстно-національной гордости. Онъ польстилъ самомнѣнію соотечественниковъ и помогъ имъ въ то же время разобраться въ путаницѣ мыслей, высокомѣрно отвергая всякое тождество между исторіей обѣихъ странъ. Въ Англіи XVII столѣтія, говорилъ онъ, королевская власть была революціонной, во французскомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ имѣла притязаніе на уничтоженіе обычаевъ и измѣненіе народныхъ вѣрованій, въ силу отвлеченнаго, метафизическаго принципа. Англичане, низлагая Стюартовъ, только возвращались къ прежнимъ традиціямъ; они совершили обратно противоположное тому, что предпринимается во Франціи. «Уже одно помышленіе фабриковать новое правительство,—заявлялъ Боркъ, наполняетъ насъ ужасомъ и отвращеніемъ. Мы всегда желали, чтобы наши пріобрѣтенія исхо-

дили изъ прошлаго, какъ изъ наслѣдства, завѣщаннаго намъ предками. Мы требуемъ нашихъ вольностей не въ качествѣ правъ людей вообще, а какъ права англичанъ... Мы твердо рѣшились сохранить установленную церковь, монархію, аристократію и демократію, каждую въ той степени, въ какой она существуетъ, и не болѣе того» [1]). Онъ усматривалъ въ французской революціи оскорбленіе величія самой Англіи; онъ обрекъ ее на презрѣніе всего свѣта и непріязнь монархической Европы. Въ сущности, онъ предавалъ проклятію всю французскую исторію и духъ французскаго народа, напечатавъ въ октябрѣ 1790 г. свой пресловутый памфлетъ: *Размышленія по поводу французской революціи.*

Боркъ противопоставлялъ традиціонное право—верховной власти народа. Онъ отрицалъ эту власть, забрасывалъ ее грязью и глумился надъ нею. Книга его имѣла громадный успѣхъ. Все высокомѣріе, вся зависть и ненависть англичанъ нашли себѣ въ ней выраженіе. Досада по поводу столкновенія съ Америкой, притязаніе быть единственно-достойными свободнаго правленія, антипатія протестантскаго ригоризма къ галльскому вольномыслію — все вступило, такъ сказать, въ заговоръ для того, чтобы превратить чудовищное обвиненіе въ своего рода манифестъ британскаго патріотизма. Люди группировались или расходились по поводу сочиненія Борка, впрочемъ, всего болѣе породило оно раздоровъ. Нѣсколько наиболѣе знаменитыхъ виговъ, оставшихся либералами, и прежде всего Фоксъ, за нимъ лордъ Стэнгопъ, Шериданъ и докторъ Пристлей, продолжали защищать революцію 89 года. Томасъ Пэнъ напечаталъ, съ цѣлью опроверженія Борка, свой трактатъ *О правахъ человѣка.* Мэкинтошъ написалъ свое *Vindiciae Galliae*; Ричардъ Прайсъ — книгу, проникнутую тѣмъ же духомъ. Но ничто не помогло. Андре Шенье называетъ Борка «дерзкимъ софистомъ»; онъ сравниваетъ его съ гомеровскимъ Терситомъ, «безнаказаннымъ и безтолковымъ говоруномъ, умъ котораго наполненъ нескончаемой и недостойной болтовней» [2]). Напыщенность и язвительность Борка нисколько не вредили успѣху его книги; онѣ отвѣчали духу времени. Боркъ воспламенилъ англичанъ, возстановивъ ихъ противъ французской революціи, подобно тому, какъ Мирабо воодушевлялъ ихъ въ противоположномъ направленіи. «Книга Борка объединила противъ насъ весь англійскій народъ», писалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ появленія памфлета французскій повѣренный въ дѣлахъ [3]).

Всѣ, сколько ихъ ни было на континентѣ, противники политической

---

[1]) Taine, *Histoire de la littérature anglaise.* Paris, 1863, t. 3, p. 97.

[2]) *Sur l'esprit de parti*, 1791.

[3]) *Rapport de Barthélémy.* 4 février 1791.

свободы, конституціонной монархіи и реформированной церкви привѣтствовали борца церкви англиканской, великой хартіи и протестантскаго населенія—какъ боговдохновеннаго пророка [4]). Французскіе эмигранты присылали ему адресы. «Читали ли вы неподражаемаго Борка?» восклицаетъ Жозефъ де Местръ. «Не правда ли, какъ превосходно отдѣлываетъ онъ засѣдающій въ манежѣ притонъ и всѣхъ этихъ младенцевъ-законодателей? Что касается меня, то я былъ пораженъ и не могу выразить, насколько онъ усилилъ мои анти-демократическія и анти-галликанскія антипатіи. Мое нерасположеніе ко всему, что дѣлается во Франціи, переходитъ въ ужасъ и отвращеніе». Въ книгѣ своей Боркъ ограничивается разоблаченіями и проклятіями; въ письмахъ же своихъ онъ шелъ до конца своей мысли, т. е. до уничтоженія и войны. Онъ совѣтовалъ ее французскимъ роялистамъ, проповѣдывалъ европейскимъ государямъ. «Прекратите всякія сношенія съ мятежниками,—писалъ онъ французскому двору въ концѣ 1790 г.;—никакихъ сдѣлокъ съ предателями. Обратитесь съ призывомъ къ сосѣднимъ государямъ и возлагайте ваши надежды въ особенности на поддержку иностранныхъ армій» [5]).

Питтъ судилъ о вещахъ съ несравненно бо̀льшимъ чувствомъ мѣры. На немъ лежала серьезная отвѣтственность. Необдуманное движеніе съ его стороны могло нарушить миръ съ Франціей, а онъ нуждался въ этомъ мирѣ. Безъ сомнѣнія, онъ порицалъ излишества революціонеровъ, но продолжалъ надѣяться на торжество умѣренныхъ. Онъ даже искалъ случая объясниться по вопросу объ этомъ мирѣ съ главарями конституціонной партіи косвеннымъ путемъ и не нарушая нейтралитета, котораго оффиціально держался по отношенію къ двору и Собранію. Гюгъ Элліотъ, бывшій англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ, находился въ то время въ Парижѣ. Онъ держалъ себя демократомъ, бывалъ у Мирабо, Барнава и ихъ товарищей по дипломатическому комитету. Ему поручено было успокоить ихъ. Питтъ желалъ отъ Франціи только возможности безпрепятственно слѣдовать своей политикѣ. Императоръ Леопольдъ также не имѣлъ никакихъ иныхъ замысловъ по отношенію къ французской революціи.

II.

Выбранный императоромъ 30-го сентября и коронованный во Франкфуртѣ 9-го октября, Леопольдъ озабоченъ былъ исключительно внутренними дѣлами своего государства и возвращеніемъ себѣ полной свободы

[4]) «Мы—протестанты не изъ равнодушія, но по религіозному рвенію. Церковь и государство, по понятіямъ нашимъ—нераздѣльны»... «Размышленія по поводу французской революціи».

[5]) Stanhope, *William Pitt*, t. II. p. 69.

дѣйствій. Онъ занимался водвореніемъ мира на востокѣ и въ Нидерландахъ; но онъ поступалъ при этомъ гораздо болѣе по собственному усмотрѣнію, чѣмъ согласно желанію и намѣренію рейхенбахскихъ посредниковъ. 19-го сентября онъ подписалъ перемиріе съ турками. Увѣренный въ томъ, что они не нападутъ на него въ теченіе зимы, онъ затянулъ до конца года прелиминаріи конгресса, собравшагося въ Систовѣ, гдѣ должны были засѣдать, рядомъ съ Австріей и Турціей, представители Англіи, Пруссіи и Голландіи. Эти дипломаты съѣхалась лишь 30 декабря. Леопольдъ же намѣревался при помощи инцидентовъ и промедленій протянуть конгрессъ до весны, когда придется начинать все сызнова и откроется поле для дальнѣйшихъ соображеній.

Онъ отложилъ французскія дѣла такъ же, какъ были имъ отложены восточныя. Графъ д'Артуа прислалъ къ нему изъ Парижа довѣренное лицо, графа Кастельно; онъ встрѣтилъ его «сердечно и съ участіемъ», но только для того, чтобы дешевле отдѣлаться отъ него. Кастельно привезъ Кауницу патетическое письмо брата Людовика XVI: «Нѣтъ, князь Кауницъ не потерпитъ уничтоженія алтаря и престола!» [1]). Кауницъ заботился исключительно о престолѣ собственнаго государя и находилъ, что если и не слѣдуетъ разрушать алтаря, то, во всякомъ случаѣ, полезно отъ времени до времени колебать его. Онъ отвѣтилъ, что проекты графа д'Артуа кажутся ему ребячески-смѣшными и прибавилъ, что Австрія не будетъ ничего предпринимать безъ вѣдома Тюильрійскаго дворца. Но и въ Тюильрійскій дворецъ Леопольдъ препровождалъ лишь одни соболѣзнованія.

Секретарь Маріи-Антуанеты, Ожаръ, пріѣхалъ къ нему отъ имени королевы во Франкфуртъ.—Никакое вмѣшательство невозможно, объявилъ императоръ, развѣ только королевская семья оставитъ Парижъ; въ противномъ случаѣ, пытаясь защитить ее, только отдали бы ее подъ ножи; вмѣшательство возможно будетъ лишь при послѣдней крайности и въ томъ случаѣ, если Собраніе вздумаетъ низложить короля. Остальное не касается императора. «Если король хотѣлъ властвовать деспотически, это не мое дѣло... Нѣтъ ни одного государя въ мірѣ, который имѣлъ бы право спрашивать у націи отчета въ конституціи, ею самою дарованной; если она хороша, тѣмъ лучше для нея, если не хороша, этимъ воспользуются сосѣди». Ожаръ замѣтилъ, что дѣло короля Франціи есть дѣло всѣхъ монарховъ, и что съ ихъ стороны несправедливо было бы воспользоваться его несчастіемъ. Леопольдъ, хорошо знавшій прецеденты, не преминулъ возразить: «Ваше правительство не разъ подавало именно такого

[1]) Beer, *Leopold und Kaunitz.* Переписка Леопольда съ Кауницемъ и графомъ д'Артуа Сентябрь, 1790

рода пагубные примѣры». Онъ не боялся революціонной заразы; ему казалось, что большая часть его государства предохранена отъ французской пропаганды: въ ней не говорятъ по-французски. Что касается Нидерландовъ, то онъ беретъ на себя оградить ихъ. Такъ какъ въ его интересахъ было желать дальнѣйшихъ затрудненій въ королевствѣ, то онъ замаскировывалъ свои расчеты благовидными доводами народнаго права. По такимъ же причинамъ отложилъ онъ и дѣло нѣмецкихъ князей, настаивавшихъ на поддержкѣ своихъ притязаній.

Празднованіе коронаціи, повидимому, разбудило, вмѣстѣ съ патріотическими чувствами, сутяжническіе инстинкты и сварливость нѣмцевъ. Публицисты подливали масло въ огонь и не упускали случая напоминать о старыхъ счетахъ [2]). Случай былъ слишкомъ удобенъ для чернильной войны, и они горячились одинъ передъ другимъ, изливая потоки ядовитѣйшей эрудиціи. Излюбленною темою знатоковъ леннаго права было нарушеніе мюнстерскаго и, по той же причинѣ, вѣнскаго договора, то есть присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи. Шведскій король, въ качествѣ поручителя по первому изъ этихъ трактатовъ, считалъ себя въ правѣ подавать голосъ и становился на сторону нѣмцевъ. Одинъ изъ его посланниковъ, а именно лондонскій, заявлялъ во всеуслышаніе, что «весьма понятно желаніе германской имперіи возвратить себѣ провинціи, которыя были отъ нея отторгнуты» [3]). До своего избранія, Леопольдъ обязался поддерживать права владѣтельныхъ князей. 10 октября, на другой день послѣ коронаціи, избирательная коллегія обратилась къ новому императору съ патетическимъ посланіемъ, предназначаемымъ для побужденія его къ скорѣйшему дѣйствію. «Ваше величество,—писали избиратели,—пріобрѣтете такимъ путемъ неувядаемую славу своего царствованія, исполнивъ горячія пожеланія всего нашего отечества». Но Леопольдъ далеко не раздѣлялъ сутяжническихъ поползновеній имперіи. Онъ обратился къ французскому правительству не ранѣе какъ 14 декабря, причемъ, заявляя свои требованія, увѣдомилъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, при вѣнскомъ дворѣ, «что вовсе не заинтересованъ въ спорѣ князей, а слѣдовательно приметъ въ немъ участіе лишь поскольку это касается его, какъ главы имперіи, и въ случаѣ такой необходимости

---

[2]) См.: напримѣръ, въ *Staatsanzeigen* Schloezer'a, 1789, t. XIII, p. 352—363, 367—376, статьи по случаю столѣтней годовщины вторженія въ Палатинатъ, озаглавленныя: «Людовикъ Великій, поджигатель въ Шпейерѣ и Вормсѣ, въ 1689 году». Въ замѣткѣ XIV тома, стр. 117, 1790 сдѣлана поправка въ этомъ заглавіи и вмѣсто Людовикъ Великій поставлено: Лувуа.

[3]) *Rapport de Barthélemy*, 7 janvier 1791. См. Governor Morris, 22 nov. 1790, t. II, p. 63.

ограничится точнымъ исполненіемъ долга въ этомъ именно качествѣ» [4]). Всѣ эти проволочки имѣли цѣлью дать ему время для укрѣпленія своей власти въ Венгріи и въ Нидерландахъ.

Съ венгерцами все шло какъ нельзя лучше. Они отпраздновали день смерти Іосифа II иллюминаціей и плясали вокругъ костровъ. Потребовали созванія сейма. Имъ было извѣстно, что Леопольдъ ничего противъ этого не имѣетъ: комитаты, не ожидая его приказа, собрались для произведенія выборовъ. Они были довольно бурны. Произнесены были пламенныя рѣчи и дѣлались различныя демонстраціи, внѣшнимъ образомъ напоминавшія первые дни французской революціи, но духъ былъ иной. Если и употребляли одни и тѣ же выраженія, то вкладывали въ нихъ иной смыслъ, и самъ Боркъ, еслибъ заглянулъ въ сердца венгерцевъ, нашелъ бы ихъ неповинными въ заблужденіи и чистыми отъ грѣха. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые ученики философовъ клонили въ сторону демократіи и взывали къ правамъ человѣка и гражданина, но громадное большинство требовало правъ исключительно для мадьяръ, то есть древнихъ хартій, традиціонныхъ вольностей или, проще говоря, привилегій аристократіи, стоявшей за свои собственныя права и преимущества и съ презрѣніемъ относившейся къ народнымъ стремленіямъ и надеждамъ. Бо̀льшая часть говорила о равенствѣ лишь для того, чтобы осуждать его принципъ. Не крестьянамъ приходится жаловаться на господъ, а господамъ на крестьянъ, объявляли въ нѣкоторыхъ венгерскихъ комитатахъ; вмѣсто того, чтобы вводить мѣры для облегченія крѣпостного состоянія, слѣдовало бы скорѣе возстановить его во всей силѣ. Демократическая агитація ограничивалась городами: воинственные и хорошо вооруженные дворяне задушили ее въ средѣ сельскаго населенія. «Эта революція не сближала Венгрію съ Франціей, а напротивъ отдаляла отъ нея. Она имѣла исключительно національный характеръ. Стали снова пѣть и спорить на мадьярскомъ языкѣ. Правда, говорилось о возвращеніи къ естественному состоянію и праву, но подразумѣвались естественное состояніе скиѳовъ и татарское право, истолкованныя венгерскими магнатами, а не древне-греческая жизнь и римское право, переложенныя на французскіе нравы. Вдохновлялись не Ликургомъ, а Арпадомъ-завоевателемъ, Гуніадомъ-освободителемъ, а при случаѣ и Аттилой, легендарнымъ основателемъ королевства. Господствующее теченіе было вполнѣ феодальнымъ, и Венгрія, предоставленная собственному усмотрѣнію, погружалась въ средневѣковье [5]).

Сеймъ собрался 21 іюня среди бурныхъ кликовъ и привѣтствій. Онъ потребовалъ подтвержденія древнихъ вольностей, періодическаго созванія

---

[4]) Вѣнское донесеніе отъ 1 января 1791 г.

[5]) Saxous, *Histoire des Hongrois* de 1790 à 1815, Paris, 1872, p. 15—30.

собраній, права установленія налоговъ, вотированія новыхъ законовъ. Онъ потребовалъ для Венгріи права быть управляемой одними венгерцами и изъятія ея изъ деспотическаго режима, правившаго остальными государствами австрійской имперіи. Леопольдъ спокойно предоставилъ ей излагать пожеланія и даже декретировать ихъ осуществленіе. Онъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, лишь бы только сеймъ оставлялъ ему свободу дѣйствій въ веденіи иностранной политики и безконтрольное распоряженіе венгерскимъ рекрутскимъ наборомъ. Впрочемъ реформаторскій пылъ сейма далѣе этого не пошелъ и умѣрять его правительству не оказалось надобности. Право горожанъ на занятіе общественныхъ должностей было потребовано императоромъ и именно сеймъ-то и отказалъ въ немъ. Крестьяне пріобрѣли право свободнаго передвиженія; но ихъ не избавили отъ тѣлеснаго наказанія. Такимъ образомъ распространеніе французскихъ воззрѣній, поистинѣ, представляло мало опасности въ этой странѣ. Примиреніе между венгерскими ультра-аристократами и уважавшимъ ихъ права государемъ совершилось внезапно и непосредственно. Коронованіе, происходившее 15-го ноября, имѣло блескъ чисто-національнаго торжества; это было какъ бы возобновленіемъ вѣковаго договора, соединявшаго Венгрію съ австрійскимъ домомъ. Стихотворцы воспѣвали воцареніе короля: «весь міръ завидовалъ по этому поводу ихъ прекрасной родинѣ» [6]).

Въ Венгріи Леопольду удалось предотвратить революцію; въ Бельгіи онъ принужденъ былъ подавлять ее. Но такъ какъ онъ уже располагалъ войсками, то и направилъ въ Нидерланды всѣ тѣ, которыя были свободны вслѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Турціей, подчиненія Венгріи и отступленія пруссаковъ. Тѣмъ временемъ конгрессъ, созваніе котораго постановлено было въ Рейхенбахѣ, собирался въ Гагѣ. Леопольдъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ посланника при французскомъ дворѣ графа де Мерси. Этотъ дипломатъ прибылъ въ Гагу 14 октября. Въ тотъ же день Леопольдъ объявилъ бельгійцамъ о намѣреніи своемъ сохранить провинціальныя хартіи, подъ обезпеченіемъ трехъ посредничающихъ державъ: Англіи, Пруссіи и Голландіи [7]). Онъ обѣщалъ всеобщую амнистію и призвалъ къ покорности своихъ мятежныхъ подданныхъ, назначивъ имъ срокъ 21 ноября. Всѣ три двора внушали бельгійцамъ согласиться на предлагаемыя имъ условія. Главари бельгійской революціи отвергли ихъ; но имъ пришлось ограничиться демонстраціями. Союзники покидали ихъ; войска приходили въ безпорядокъ; пруссакъ Шенфельдъ,

---

[6]) Стихотвореніе Песчели, приводимое у Sayous, стр. 39.

[7]) Vivenot, *Quellen*, t. I, p. 63 et s., *Précis des faits relatifs au congrès de la Haye.*—Borgnet, t. I, ch. VI et VII.—Juste, t. II, ch. II, V, VI.

командовавшій частью этихъ войскъ, завершилъ плохо-замаскированной измѣной болѣе чѣмъ двусмысленную роль, которую игралъ все время.

Вся энергія народнаго возстанія таяла и, такъ сказать, испарялась монастырскимъ фанатизмомъ. Брюссель далъ зрѣлище парижскихъ сценъ временъ лиги. Тамъ, какъ позднѣе въ Испаніи, монахи съ бѣшенствомъ призывали чернь къ оружію, поднимая одною рукою кинжалъ, а другою—распятіе. Къ баррикадамъ готовились крестными ходами. Неосторожнаго слова, случайнаго доноса было достаточно, чтобы возбудить толпу къ рѣзнѣ. Какого-то прохожаго обвиняютъ въ оскорбленіи изображенія Св. Дѣвы. Толпа бросается на него. «Смерть ройялисту-безбожнику!»—кричитъ капуцинъ Гюгъ, предводительствовавшій толпою. Виновнаго въ кощунствѣ вѣшаютъ на фонарѣ; веревка обрывается, его ставятъ на колѣни, вѣрнѣе отпиливаютъ, чѣмъ отрубаютъ голову, насаживаютъ ее на пику и, обойдя съ нимъ весь городъ, выставляютъ безобразный трофей въ саду капуцинскаго монастыря. Власти приходятъ въ ужасъ. Охваченное страхомъ Собраніе обсуждаетъ странныя мѣропріятія. Чтобы удовлетворить чернь, недостаточно вернуться къ конституціямъ Маріи-Терезіи, приходится отодвинуться на два-три вѣка назадъ и возстановить средневѣковыя общины.

При такомъ давленіи со стороны уличной толпы, бельгійскій конгрессъ не осмѣливался дать отвѣтъ на ультиматумъ Леопольда. Онъ медлилъ и выжидалъ удобнаго случая. 21 ноября, въ одиннадцать часовъ вечера, за часъ до истеченія послѣдняго срока, назначеннаго императоромъ, конгрессъ провозгласилъ эрцгерцога Карла, третьяго сына Леопольда, наслѣдственнымъ великимъ герцогомъ. Леопольдъ не пожелалъ удовлетвориться такимъ компромиссомъ. Войска его выступили 22 ноября; 24-го Намуръ капитулировалъ; 30-го войска были уже подъ Брюсселемъ. Конгрессъ разошелся, и республика рушилась сама собою. 2 декабря покорность была всеобщая и Леопольдъ снова овладѣлъ Бельгіей. Онъ выказалъ, послѣ побѣды, обѣщанную имъ умѣренность. Указы Іосифа II были отмѣнены, хартіи—возстановлены, и все возвращено было къ тому положенію, которое существовало при Маріи-Терезіи, то-есть во время наибольшаго процвѣтанія тѣхъ провинцій. Договоръ, заключенный въ Гагѣ 10 декабря, положилъ конецъ посредничеству союзниковъ. Бельгійская революція кончилась; Леопольдъ считалъ свою власть обезпеченной на томъ основаніи, что всѣ партіи были заинтересованы въ признаніи его правительства: аристократы, потому что онъ подтверждалъ ихъ привилегіи, демократы, потому что они могли ожидать лишь отъ него одного реформъ въ смыслѣ уравненія правъ.

Лондонскій дворъ воздержался отъ всякаго возраженія. Онъ видѣлъ

въ возстановленіи власти въ Нидерландахъ наилучшее огражденіе отъ самой крупной опасности: союза бельгійцевъ съ французами и вмѣшательства Франціи въ бельгійскія дѣла [8]). Къ тому же Питта серьезно озабочивали успѣхи Россіи, которую онъ пытался сдерживать, а для этой цѣли соглашеніе съ Австріей казалось ему единственнымъ мирнымъ средствомъ. Леопольдъ, прекращая войну съ Турціей, естественно долженъ былъ желать, чтобы и русская императрица не продолжала ея. Расчетъ оказался вполнѣ вѣрнымъ, и когда въ ноябрѣ Питтъ послалъ лорда Эльджена въ Вѣну для соглашенія съ Леопольдомъ, онъ только предупредилъ желаніе самого императора [9]). Подготовлялся цѣлый переворотъ въ европейской системѣ; онъ долженъ былъ нанести ущербъ Пруссіи.

III.

Фридрихъ-Вильгельмъ уже не питалъ никакихъ иллюзій, относительно значенія обязательствъ, принятыхъ въ Рейхенбахѣ: Россія не принимала ихъ въ соображеніе, Австрія обходила ихъ. Пруссія увидѣла себя обманутой врагами, покинутой союзниками, проклинаемой народами, которыхъ подстрекала къ возстанію. Офицеры ея уѣхали изъ Бельгіи, войска очистили Люттихъ, уже занятый австрійцами. Измѣна Густава III и пренебреженіе, съ которымъ Россія отклонила прусское посредничество на Востокѣ, повергли въ уныніе берлинскій дворъ [1]). Въ довершеніе неудачъ, поляки вотировали 6 сентября декретъ, формально воспрещавшій какую бы то ни было уступку территорій республики въ пользу иностраннаго государства. Полякамъ приходилось теперь расчитывать исключительно на собственныя силы: если они и послѣ этого придавали какое бы то ни было значеніе обезпеченію, данному Пруссіей по отношенію къ ихъ территоріи, то впадали въ величайшее заблужденіе относительно цѣнности трактатовъ вообще и въ частности договора, подписаннаго ими съ берлинскимъ дворомъ. Маркизъ Луккецини покинулъ Варшаву, гдѣ ему уже не зачѣмъ было слѣдить, и отправился на конгрессъ въ Систово, искать новыхъ партнеровъ для своей игры. «Я не былъ бы удивленъ»,— писалъ англійскій посланникъ, близко знакомый съ дипломатическими нравами своего времени,—«если бы маркизъ сталъ добиваться, ради Прус-

---

[8]) *Rapport de Londres*, 14 décembre 1790, 4 février 1791.

[9]) Herrmann, t. VI, p. 395.—Stanhope, t. II, ch. XV.—*Correspondance de Londres*, novembre et décembre 1795.

[1]) «Удивленіе пруссаковъ граничитъ съ полнымъ упадкомъ духа».—«Это извѣстіе—громовой ударъ, поражающій прусское самомнѣніе». *Rapports de Berlin,* 31 août et 25 sept. 1790.

сіи, расширенія польской территоріи, посредствомъ соглашенія съ имперскими дворами» [2]).

Громкая неудача, постигшая широкіе замыслы Герцберга, окончательно подорвала кредитъ этого министра. Если онъ и продолжалъ еще держаться на своемъ посту и вести текущія дѣла, важныя политическія тайны уже ускользали отъ него: онъ потерялъ довѣріе короля. Святоша Бишофсвердеръ готовился замѣнить его; но этотъ любимецъ былъ слишкомъ ловкимъ человѣкомъ и слишкомъ хорошо зналъ характеръ своего государя, чтобы домогаться министерскаго поста. Ему довольно было закулиснаго вліянія. Онъ пользовался фактическою властью и охотно предоставлялъ оффиціальные посты дипломатамъ по профессіи. Онъ высказывалъ свое мнѣніе лишь съ глазу на глазъ и велъ исключительно тайные переговоры. Эта таинственность и домашнія отношенія въ правительственной сферѣ льстили взбалмошному и подозрительному нраву Фридриха-Вильгельма, который дѣйствительно вѣрилъ, что онъ одинъ руководитъ всей государственной машиной [3]).

Бишофсвердеръ велъ его къ своимъ цѣлямъ весьма извилистою и скрытою тропой. Эти цѣли заключались въ союзѣ между Пруссіею и Австріей. Цѣлью союза было обузданіе честолюбивыхъ стремленій Россіи и подавленіе революціонной пропаганды, исходившей изъ Франціи. Оцѣнивъ умѣнье Леопольда вести свои дѣла, Бишофсвердеръ нашелъ, что такихъ людей какъ австрійскій императоръ лучше имѣть друзьями, чѣмъ противниками. Но для того, чтобы привлечь на свою сторону такого искуснаго игрока, необходимо было предложить ему крупныя выгоды и привести его къ соглашенію ловкимъ и обдуманнымъ ходомъ. Какая-нибудь неосторожность со стороны французовъ могла бы доставить пруссакамъ желанный поводъ. Они рѣшили вызвать этотъ случай собственнымъ починомъ. Парижскіе государственные люди новой школы казались весьма расположенными къ союзу съ Пруссіей. Бишофсвердеръ сообразилъ, что они соблазнятся первыми предупредительными шагами со стороны Пруссіи и увлекутся какою-нибудь дерзкою и безтактною выходкой противъ Австріи: Пруссія же, указавъ въ Вѣнѣ на явное доказательство измѣны Франціи, несомнѣнно будетъ встрѣчена съ признательностью, если предложитъ послѣ того замѣнить собою вѣроломную союзницу, а при случаѣ даже бороться съ нею.

Французскій посланникъ въ Берлинѣ только что занялъ свой постъ. Графъ д'Эстерно, заболѣвшій въ теченіе лѣта, принужденъ былъ уда-

---

[2]) *Rapport de Hailes*, 29 nov. 1790.—Herrmann, t. VI, p. 331.—См. Ferrand, livre IX.

[3]) Sybel, 4-e éd. t. I, p. 272·—Philippson, t. I, p: 293.

литься. Преемникъ его, графъ де-Мустье, прибылъ въ Берлинъ только въ декабрѣ. Обходительный свѣтскій человѣкъ и преданный роялистъ, Мустье принадлежалъ къ той классической школѣ, которая еще преобладала въ дипломатическомъ мірѣ и смотрѣла на австрійскую систему, какъ на политическую ересь [4]). Такое возрѣніе обусловливало своего рода расположеніе къ нему революціонныхъ сферъ, не взирая на его явно-монархическія симпатіи [5]). Такимъ образомъ, хотя и по весьма различнымъ мотивамъ, онъ рисковалъ попасть въ ту же прусскую ловушку, которую готовили и демократамъ. Весьма холодно принятый вначалѣ, онъ замѣтилъ, что отношеніе къ нему внезапно измѣнилось и запертыя «тройнымъ замкомъ» двери отворились передъ нимъ. Эта неожиданная милость маскировала запутанный маневръ, предпринятый тогда въ Парижѣ наиболѣе лукавымъ маклеромъ темныхъ дѣлъ, которымъ только располагали въ Берлинѣ: «совѣтникомъ комиссіи» Эфраимомъ. Этотъ еврей только что успѣлъ доказать свою ловкость и умѣнье во время революціи въ Нидерландахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ его въ Парижъ, а письмо этого государя къ Гольцу поручало облегчить Эфраиму пути и доставить ему связи [6]). Гольцъ подготовилъ ихъ еще задолго до того времени. Онъ доставилъ королевскому агенту доступъ къ Лафайету, Барнаву, Ламету; онъ свелъ его съ Петіономъ, Бриссо, Женсонне и вообще со всѣмъ ихъ кругомъ. Эфраимъ нашелъ въ этой средѣ сильное неудовольствіе противъ Австріи и большую снисходительность къ Пруссіи. Впрочемъ онъ громче всѣхъ кричалъ противъ Австріи, а циническія рѣчи его о королевѣ показались достаточно вѣрнымъ доводомъ въ пользу симпатій его къ Франціи. Подготовивъ такимъ способомъ почву, Эфраимъ втерся къ Монморену подъ предлогомъ совѣщанія съ нимъ объ экономическихъ интересахъ обѣихъ націй. «Онъ выставилъ предлогомъ для этого торговый договоръ», писалъ Монморенъ, «но у меня есть основаніе думать, что его миссія не ограничивается этимъ и что ему поручено позондировать насъ относительно политическаго сбли-

---

[4]) «*Mémoires de M. de Moustier sur les relations de la France et de la Prusse*», oct. 1790 г. Мустье совѣтовалъ поддерживать прусскую политику на Востокѣ и Сѣверѣ, что возвратило бы Францію къ прежней системѣ покровительства Швеціи и Турціи. «Трудно предположить», заключалъ онъ, «чтобы Пруссія сохранила нейтралитетъ по отношенію къ Франціи. Отсрочка— вотъ все, на что мы можемъ расчитывать при настоящемъ положеніи дѣлъ. Все говоритъ въ пользу союза съ нею, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Судьба королевства можетъ зависѣть отъ успѣшнаго заключенія этого союза».

[5]) Донесеніе Ласурса объ образѣ дѣйствій Монморена, 31 августа 1792 г. *Moniteur*, t. XIII, p. 531.

[6]) 14 сентября 1790 г. Sybel, 4-e éd, t. I, p. 274.

женія». Эфраимъ намекалъ на изолированность Мустье въ Берлинѣ, говорилъ, что «почелъ бы себя счастливымъ доставить ему полезныя связи»; въ концѣ концовъ онъ вручилъ Монморену рекомендательное письмо къ своей женѣ, «еврейкѣ Эфраимъ», какъ ее называли. «У нея есть возможность доставить случай видѣть г. Бишофсвердера и даже самого прусскаго короля [7]), прибавилъ обязательный «совѣтникъ комиссіи». Монморенъ нашелъ удобнымъ доставить это письмо Мустье, но озаботился посовѣтовать ему крайнюю осторожность, такъ какъ и само дѣло и люди, которые его вели, кажутся ему въ высшей степени не заслуживающими довѣрія.

Приходилось, такъ сказать, входить съ задняго двора. Еврейка открывала дверь къ фавориту, фаворитъ впускалъ къ королю. Мустье встрѣтился съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ частномъ домѣ, гдѣ разговоръ ихъ «не могъ быть никѣмъ услышанъ». Король сказалъ, что «судьба такой великой націи не можетъ быть безразличною для Европы». Впрочемъ, по его мнѣнію, «Франція, по своему положенію, рессурсамъ и населенію можетъ обходиться безъ остальной Европы».—«Франція тѣмъ не менѣе не отказывается отъ дружескихъ связей», отвѣчалъ Мустье [8]). Король оставилъ это замѣчаніе безъ отвѣта; но Бишофсвердеръ сдѣлалъ нѣсколько дней спустя визитъ французскому посланнику. Онъ подѣйствовалъ на слабую струну Мустье—враждебность къ Австріи.—Король, внушалъ онъ, «видитъ въ Англіи двусмысленную дружбу, а въ императорѣ—скрытаго врага». Франція, прибавилъ онъ, не заинтересована въ ослабленіи Пруссіи въ настоящую минуту, когда она начинаетъ дѣйствовать противъ Россіи. Мустье вывелъ изъ этихъ словъ заключеніе о желаніи возобновить союзъ съ Франціей. «То, что мы считали желательнымъ, повидимому, напрашивается къ намъ само», писалъ онъ. Однако же онъ отвѣчалъ на эти заявленія неопредѣленными вѣжливыми фразами и просилъ инструкцій у Монморена [9]).

У министра были основательныя причины не довѣрять всѣмъ этимъ прусскимъ манёврамъ. Эфраимъ игралъ въ Парижѣ весьма темную роль. Онъ посѣщалъ клубы и обращалъ на себя тамъ вниманіе яростно-демократическими выходками. «Цѣль его», писалъ Монморенъ [10]), «поссорить насъ съ императоромъ, и онъ думаетъ, что, возбуждая умы противъ королевы, всего вѣрнѣе этого достигнетъ. Онъ занимается темными происками и старается повліять на журналистовъ. Я почти увѣренъ, что онъ сыплетъ деньгами, и намъ извѣстно, что онъ получаетъ

[7]) Письмо Монморена къ Мустье, 20 декабря 1790 г.

[8]) Донесеніе Мустье, 30 декабря 1790 г.

[9]) Донесеніе изъ Берлина 26 января 1791 г.

[10]) Письмо къ Мустье отъ 23 января 1791 г. Sybel 4-e édit t. I, p. 275.

значительныя суммы чрезъ банкирскія конторы [11])». Эти революціонные маневры всего способнѣе были разочаровать графа де-Мустье. Движимый вначалѣ любопытствомъ, не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы оставаться надолго ослѣпленнымъ. Къ тому же свѣдѣнія, которыя ему приходилось собирать въ Берлинѣ, заставили бы остерегаться и менѣе осторожнаго дипломата. При томъ положеніи, въ какомъ находится Франція, повторяли вокругъ него «нельзя ни бояться ея, ни желать дружить съ нею». Получивъ совѣтъ держаться на сторожѣ, онъ нашелъ инструкцію весьма разсудительною и охотно сообразовался съ нею [12]).

На этихъ попыткахъ и остановились переговоры, и о нихъ не стоило бы и упоминать, если бы, позднѣе, они не дали повода къ обвиненіямъ противъ Монморена: люди, сами попавшіе въ ловушку Эфраима, обвинили въ измѣнѣ министра за то, что онъ отвергъ предложенія прусскаго короля [13]). Эмиссаръ Фридриха Вильгельма, уличенный въ своихъ темныхъ дѣлахъ, исчезъ изъ министерскихъ переднихъ. Бишофсвердеръ пересталъ посѣщать Мустье и не показывался даже при дворѣ. Распространился слухъ о его немилости. Мустье заподозрилъ новую махинацію. «Быть можетъ», писалъ онъ Монморену, «что если бы извѣстна была причина немилости Бишофсвердера, мы получили бы ключъ къ загадочной политикѣ Пруссіи». Это мнѣніе не лишено было дальновидности, такъ какъ событія доказали его основательность.

Раздувая въ Парижѣ ненависть къ Австріи и работая въ Берлинѣ надъ окончательнымъ уничтоженіемъ союза между Франціей и Австріей,— Пруссія не менѣе дѣятельно поддерживала контръ-революціонное рвеніе эмигрировавшихъ принцевъ и возбуждала враждебность Австріи къ Фран-

---

[11]) Ферзенъ писалъ Густаву III отъ 8 марта 1791 г., что Эфраимъ доставляетъ денежныя средства агентамъ революціонной пропаганды». «Еще недавно онъ получилъ 600000 ливровъ». Fersen, t. I, p. 87.

[12]) Донесеніе Мустье изъ Берлина отъ 4, 10 и 28 февраля 1791 г. «Нельзя не согласиться», писалъ Мустье «что при берлинскомъ дворѣ имѣютъ настолько ложное понятіе о политикѣ, что легко смѣшиваютъ ее съ искусствомъ интриговать всякими способами. Безнравственность въ этомъ отношеніи доведена здѣсь до весьма высокой степени». Часть документовъ, касающихся тайныхъ переговоровъ Эфраима находится въ національномъ Архивѣ: Донесенія Мустье 30 декабря 1790 г.; 18, 26 января 4 и 19 февраля 1791 г. Депеша Монморена отъ 4 февраля 1791 г.

[13]) «Монморенъ отвергъ союзъ съ Пруссіей и тѣмъ пожертвовалъ французскими интересами въ пользу австрійскихъ.... Напрасно ваши комитеты предполагали, что онъ не довѣряется искренности предупредительныхъ завѣреній берлинскаго двора. Невозможно, чтобы этотъ дворъ не былъ искрененъ».—Донесеніе Ласурса 31 августа 1792 г. *Moniteur*, t. XIII, p. 591. См. Допросъ Монморена, id., p. 493.—См. Masson, *Affaires étrangères*, p. 102, 222.

ціи [14]). Втираясь къ графу Мустье, Бишофсвердеръ въ то-же время посѣщалъ австрійскаго посланника князя Рейсса и держалъ ему рѣчи, совершенно противоположныя тѣмъ, съ какими подходилъ къ агенту французскаго правительства. Мало этого, выходя отъ австрійскаго министра, онъ направлялся къ русскому посланнику и одинаково предлагалъ ему и свои личныя услуги, и дружбу своего короля [15]).

Впрочемъ главное теченіе шло къ Австріи; съ этой стороны представлялись теперь Пруссіи наиболѣе полезныя операціи. Князь Гогенлоэ [16]), герцогъ Брауншвейгскій и другіе вельможи повсюду повторяли, что въ виду опасностей, грозившихъ всѣмъ европейскимъ престоламъ, король прусскій измѣнилъ свои намѣренія; что онъ забываетъ о собственныхъ интересахъ и заботится, главнымъ образомъ, объ интересахъ Европы; что онъ желаетъ сближенія съ Австріей и соглашенія съ нею, въ видахъ возстановленія монархической власти во Франціи. Эти государственные люди не забывали прибавлять, что если французы окажутъ сопротивленіе, союзники вознаградятъ себя на ихъ счетъ за убытки, понесенные вслѣдствіе желанія ихъ усмирить. Если прекрасно стоять за право, то вполнѣ справедливо не упускать изъ вида и собственной пользы. У этихъ борцевъ за святое дѣло уже имѣлся вполнѣ выработанный планъ дѣйствія. Князь Гогенлоэ изложилъ его 13 сентября 1790 г. князю Рейссу; въ случаѣ надобности, Австрія возьметъ себѣ часть Геннегау, а Пруссія присоединитъ Эльзасъ къ палатинату; курфирстъ же уступитъ ей провинціи: Жюльеръ и Бергъ [17]).

Въ Вѣнѣ Кауницъ пожималъ плечами. «Пора, давно пора», писалъ онъ Рейссу [18]) «держаться относительно берлинскаго двора такого способа дѣйствій, который приличествуетъ первоклассной державѣ, какова наша, если только мы желаемъ заставить этотъ дворъ отказаться отъ диктаторскаго тона, въ которомъ онъ осмѣливается говорить съ нами». Кауницъ, также какъ и соперникъ его Герцбергъ, стоялъ за классическую враждебность обоихъ дворовъ. Съ нимъ случилось то же, что и съ Герцбергомъ, то есть, что, пожелавъ измѣнить систему, его государь сдѣлалъ это помимо его вѣдома. Леопольдъ былъ политикомъ безъ предразсудковъ и не отличался упрямствомъ; онъ съ уваженіемъ выслушивалъ совѣты стараго слуги своего дома, но пользовался ими въ мѣру, полагаясь прежде всего

[14]) Sybel 4-e édit. t. I, p. 275—279.—Beer, *Leopold und Catharina*, p. 36 et suiv.

[15]) Мартенсъ, Русскій договоръ, Т. VI, стр. 146.

[16]) Князь Гогенлоэ Ингельфингенъ—генералъ прусской службы.

[17]) Beer, *Leopold und Catharina*, p. 37. Донесеніе князя Рейсса отъ 14 сент. 1790.

[18]) 14 декабря 1791. Beer, p. 40.

на собственное сужденіе. Расшатанность прусской политики побуждала Фридриха-Вильгельма искать союза съ Австріей; послѣдствія, вытекавшія изъ замысловъ Леопольда, заставляли его благосклонно встрѣчать предупредительность Пруссіи. Интриги съ одной и расчетъ съ другой стороны содѣйствовали сближенію обоихъ государствъ.

Екатерина II только что блестяще закончила кампанію. 22 декабря 1790 г. ея войска, которыми командовалъ Суворовъ, овладѣли Измаиломъ. Это было самое громкое и одно изъ кровопролитнѣйшихъ дѣлъ всего XVIII вѣка [19]). Екатерина полагала, что неустрашимость ея войска и чудовищное истребленіе турокъ внушатъ дипломатамъ соображенія миролюбиваго свойства. Поэтому она и выказала большую требовательность и по отношенію къ противнику, и даже по отношенію къ союзнику. Она потребовала Очаковъ и линію Днѣстра. Леопольдъ не желалъ ни воевать съ Турціей, съ цѣлью поддержанія русскихъ требованій, ни дозволить Россіи расширить предѣлы, не воспользававшись при этомъ возможностью исправить собственныя границы. Онъ обѣщалъ въ Рейхенбахѣ договориться съ турками на основаніи statu quo, но эта основа допускала различныя толкованія и сдѣлки. Въ ожиданіи и на всякій случай, чтобы не стѣснять себя въ будущемъ, Леопольдъ прервалъ 10 февраля переговоры, начатые въ Систовѣ 20 декабря. Онъ такъ успѣшно запуталъ тамъ дѣла, что единственнымъ возможнымъ соглашеніемъ оказалась отсрочка конгресса [20]).

Однако нельзя было оставить этихъ промедленій безъ надлежащаго разъясненія. Посланный Питтомъ лордъ Эльдженъ побуждалъ императора къ опредѣленному рѣшенію, то есть къ тому, чтобы онъ высказался противъ Россіи, которая, вслѣдствіе такого заявленія, принуждена будетъ сократить свои требованія. Леопольдъ, желая уклониться отъ такого шага, пріискалъ весьма благовидный предлогъ. Желательная комбинація, сказалъ онъ, не тройственный союзъ противъ Россіи, а великій союзъ четырехъ державъ: Англіи, Пруссіи, Россіи и Австріи, съ цѣлью взаимнаго обезпеченія территорій и сохраненія всеобщаго мира. «Этотъ проектъ», писалъ англійскій делегатъ «созрѣлъ въ его умѣ вслѣдствіе соображеній о свойствѣ и успѣхѣ того, что онъ называетъ французскими воззрѣніями. Онъ настоятельно указываетъ на то, что французскіе эмиссары волнуютъ Европу, что прусскіе гарнизоны переполнены ими, что мелкія нѣмецкія го-

---

[19]) Русскихъ войскъ было 22.000, турокъ 38.000. Русскія войска потеряли 12.000 человѣкъ. Турокъ убито было 28.000, въ томъ числѣ много горожанъ. Городъ былъ разграбленъ. Langeron, *Journal de la seconde campagne en Bessarabie et en Moldavie* 1790.

[20]) Zinkeisen, t. VI, p. 806. — Vivenot, *Quellen*, t. I, *Correspondances du congrès.*

сударства, въ которыхъ, конечно, не мало «тягостныхъ порядковъ», неминуемо сдѣлаются ихъ добычей. При такихъ соотношеніяхъ, союзъ есть единственно-возможная мѣра. Онъ дастъ всеобщему миру наиболѣе прочное основаніе, а члены федераціи, убѣдившись въ неудобствахъ для нихъ военнаго положенія въ Европѣ, предохранили-бы себя отъ козней, самомнѣнія и эгоизма» [21]). Это, такъ сказать, зародышъ Священнаго Союза; но въ умѣ Леопольда онъ былъ не чѣмъ инымъ какъ дипломатическимъ средствомъ; французскія же дѣла хотя и принимались имъ въ соображеніе, но такъ же, какъ и на Рейхенбахской конференціи, лишь въ смыслѣ чего-то добавочнаго и второстепеннаго.

Въ то самое время, какъ Леопольдъ разсуждалъ о положеніи вещей въ Европѣ, князь Рейссъ извѣстилъ его, что Бишофсвердеръ ждетъ только слова, чтобы явиться въ Вѣну. Леопольду показалось, что такой визитъ былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Бишофсвердеру было дано знать, что онъ будетъ хорошо принятъ императоромъ. Тогда-то онъ, уѣзжая изъ Берлина, самъ распространилъ слухъ о мнимой немилости своей, чтобы скрыть свою миссію отъ Герцберга: этотъ министръ, вслѣдствіе своей ненависти къ Австріи, не замедлилъ бы противодѣйствовать планамъ фаворита. Точно также и императоръ почелъ за лучшее скрыть переговоры отъ Кауница. Бишофсвердеръ вошелъ въ сношенія съ вице-канцлеромъ, графомъ Филиппомъ Кобенцлемъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ своего государя. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, требовались новые люди для новой политики, и государи скрывали отъ старыхъ канцлеровъ свои намѣренія, въ ожиданіи того часа, когда придется смѣнить старыхъ слугъ. Бишофсвердеръ былъ принятъ императоромъ 23 февраля. Если Леопольдъ дѣлалъ, такъ-сказать, только абрисъ Священнаго Союза, то Бишофсвердеръ уже говорилъ на его мистическомъ и высокопарномъ жаргонѣ. Его депеши ввели въ дипломатію сентиментальность и прибавили лишній образецъ слоговой напыщенности къ традиціонной галиматьѣ дипломатическихъ канцелярій. «Я въ восхищеніи отъ дарованной мнѣ аудіенціи»,— писалъ онъ на другой день послѣ пріема.—«Какая доброта! какая ясность во всемъ существѣ этого монарха! Онъ созданъ, чтобы царить надъ сердцами!» Бишофсвердеръ утверждалъ, что «голосъ человѣчества говоритъ его устами»; Провидѣніе безпрестанно упоминалось въ его рѣчахъ. Тѣмъ не менѣе говорилось несравненно болѣе о Россіи и Польшѣ, о Торнѣ, Очаковѣ и «усовершенствованномъ statu quo», чѣмъ о французской революціи и распространеніи французскихъ идей. Леопольдъ объявилъ, что

[21]) Донесеніе лорда Эльджена, 9 янв. 1791. — Herrmann, *Diplomatische Correspondenzen* 1791 — 1797, Gotha, 1867, p. 43. — Id. *Geschichte Russland's*, t. VI p. 397.

почтетъ себя счастливымъ согласиться по всѣмъ пунктамъ съ прусскимъ королемъ, что встрѣча съ нимъ доставитъ ему большое удовольствіе, но, что ничего нельзя будетъ достигнуть до тѣхъ поръ, пока Герцбергъ остается на министерскомъ посту. Леопольдъ прибавилъ, что онъ во всякомъ случаѣ намѣренъ оставаться вѣрнымъ своему союзу съ Россіей.

Бишофсвердеръ выѣхалъ изъ Вѣны 4 марта, въ восторгѣ отъ оказаннаго ему пріема. Что касается императора, то успокоенный по отношенію къ Пруссіи и твердо рѣшивъ выжидать дальнѣйшихъ шаговъ съ ея стороны, онъ сталъ приготовляться къ отъѣзду въ Италію, приказавъ своему посланнику при петербургскомъ дворѣ сообщить обо всемъ императрицѣ. Онъ полагалъ, что достаточно предоставить вещи ихъ естественному теченію для того, чтобы все сложилось къ его выгодѣ. Увѣренная въ поддержкѣ Австріи, Россія останется непоколебимой въ вопросѣ объ Очаковѣ; Англія не начнетъ войны изъ-за этого лоскута турецкой территоріи; изолированная и впавшая въ уныніе Пруссія, безъ всякихъ условій, согласится на союзъ съ Австріей, а императоръ, сдѣлавшійся третейскимъ судьею въ вопросѣ мира, безъ лишнихъ заботъ, исправитъ свои восточныя границы. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ, Леопольдъ не принималъ въ расчетъ одной Франціи. Мало того, онъ устранялъ ее изо всѣхъ европейскихъ комбинацій, откладывая спорныя съ нею дѣла и приводя этимъ въ отчаяніе мелкія имперскія государства. Но онъ не имѣлъ возможности ни удалить эмиссаровъ французскаго двора, ни вполнѣ освободиться отъ просьбъ французскихъ принцевъ, бѣжавшихъ изъ Франціи: они преслѣдовали его во все время его путешествія и противодѣйствовали всѣмъ его комбинаціямъ.

ГЛАВА III.

Эмигранты.

1790—1791.

I.

Въ лицѣ эмиграціи старый порядокъ переживалъ, такъ сказать, свое паденіе и произносилъ надъ собою безпощадный приговоръ. Франція упразднила его, онъ попытался возстановить себя на ея границахъ и снова завоевать Францію. Я не говорю здѣсь о злополучной толпѣ бѣглецовъ, изгнанныхъ изъ замковъ крестьянскими возмущеніями, изъ городовъ—водворившейся тамъ анархіей, вынужденныхъ бѣжать изъ отечества отъ преслѣдованій мелкихъ деревенскихъ и городскихъ тирановъ, чтобы избѣжать разоренія, тюрьмы или эшафота. Законъ поставилъ имъ добровольное изгнаніе въ преступленіе лишь послѣ того, какъ беззаконіе обусловило имъ избавленіе путемъ бѣгства изъ родной земли. Этихъ несчастныхъ можно сравнить развѣ только съ людьми, эмигрировавшими послѣ отмѣны Нантскаго эдикта; они были жертвами своего происхожденія и заслуживаютъ не меньшаго состраданія. Но такая вынужденная эмиграція началась лишь съ лѣта 1791 года и приняла обширные размѣры только въ 1792 году. Эмиграція же, о которой пойдетъ рѣчь въ настоящей главѣ, это эмиграція болѣе ранняго времени [1]), образовавшая политическую партію и составившая ядро будущей коалиціонной арміи. Она вполнѣ сходствуетъ со всѣми побѣжденными въ отечествѣ мятежными партіями, которыя, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ міра, отправлялись за-границу въ надеждѣ отомстить за свое пораженіе и пріобрѣсти тамъ союзниковъ.

Большинство французскихъ эмигрантовъ нашло убѣжище на лѣвомъ берегу Рейна, въ Кобленцѣ, Майнцѣ и Вормсѣ. Множество офицеровъ, видя, что войска перестали имъ повиноваться и не желая присягать новымъ законамъ, перешли границу въ 1790 году и сгруппировались вокругъ принца Конде. Для нихъ это было дѣло воинской чести, а также и дѣло военнаго тщеславія. Значительное количество непокорныхъ дворянъ изъ провинцій: Ліонне, Фореца, Виваре и Оверни рѣшило остаться во

---

[1]) См. выше о томъ же.

Франціи и, сгруппировавшись на югѣ, образовало такъ называемый Жалезскій лагерь [2]). Ихъ ройялизмъ былъ недостаточно аристократиченъ и къ нимъ относились свысока, называя провинціальными дворянчиками. Другіе находили, что долгъ повелѣваетъ остаться вмѣстѣ съ королемъ [3]). Пока ихъ не заклеймили обвиненіемъ въ «подлости и трусости», что̀ не заставило себя долго ждать [4]), они вызывали насмѣшки въ высшемъ свѣтѣ. «Въ твои годы», говорилъ одинъ дворянинъ сыну, «надо поступать такъ, какъ всѣ молодые люди твоего возраста» [5]). «Такъ какъ въ этой странѣ всѣмъ правитъ мода», писалъ Ферзенъ, «то теперь считается бонтоннымъ уѣзжать» [6]).

Эмигрантамъ этого разряда казалось, что они очень скоро вернутся и притомъ не иначе, какъ побѣдителями [7]). Они весело шутятъ по поводу своего отъѣзда, своихъ проектовъ и возвращенія. Они весело уѣзжаютъ изъ окруженнаго опасностями государства и, смѣясь, строятъ воинственные планы. Когда наступитъ минута разочарованія, когда придется выносить и терпѣть не военныя лишенія и страданія, которыя имъ не страшны, потому что все-таки они прежде всего дворяне и воины, но неприглядную нужду, унизительныя лишенія, вульгарныя и горькія испытанія изгнаннической жизни, эти люди отнесутся ко всѣмъ этимъ бѣдамъ съ тою же аристократическою бравадой и надменнымъ задоромъ. Они отнесутся къ смерти какъ къ закладчицѣ, требующей выкупа, то есть съ

---

[2]) Ernest Daudet, *Histoire des conspirations royalistes du Midi* 1790—1793, Paris, 1881.

[3]) «Съ перваго же взгляда видно, что покидать родину въ ту минуту, какъ она находится въ опасности, есть плохая комбинація... Мы полагаемъ, что долгъ велитъ остаться на родинѣ и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, возстановленію порядка". (Mémoires du Comte de Chaverny), Paris; t. II, p. 86.

[4]) *Souvenirs du comte de Contades*, Paris, 1885, p. 4.

[5]) «Эмиграція была тогда въ модѣ. Въ глазахъ извѣстнаго слоя общества оставаться во Франціи съ королевской семьей для того, чтобы раздѣлить съ нею опасность и защищать ее, считалось слабостью и почти измѣной. Тѣ немногіе знакомые, съ которыми отецъ мой успѣлъ проститься, и въ особенности женщины, не исключая моихъ сестеръ и матери, радовались его отъѣзду, какъ счастливому событію. Съ нимъ прощались какъ съ человѣкомъ, который долженъ вернуться на другой день». (Le Comte d'Haussonville, *Souvenirs et mélanges*). Paris. 1878.

[6]) 9 мая 1791. *Correspondance*, t. I, p. 120.

[7]) Маркисъ де-Фурнесъ, «бывшій чѣмъ-то въ родѣ вербовщика изъ Кобленца, куда онъ совершалъ частыя поѣздки», совѣтовалъ депутатамъ правой, собиравшимся у Ла-Туръ дю-Пэна—разойтись и эмигрировать. «Онъ увѣрялъ меня, въ сентября 1790 г., что будетъ болѣе чѣмъ достаточно увезти изъ Франціи столько денегъ, сколько требуется, чтобы прожить три мѣсяца». *Papiers d'un émigré*, le baron Guilhermy, Paris, 1886, p. 34.

неизмѣннымъ презрѣніемъ; но всегда и повсюду они останутся неисправимо легкомысленными и высокомѣрными. Чернь вторглась въ Версаль и заняла Тюильри, а старый дворъ собрался въ Германіи и забывался въ вихрѣ собственной суеты.

Рейнскіе князья-епископы, и въ особенности майнцскій курфирстъ, сдѣлали роскошный пріемъ эмигрантамъ. Фридрихъ Эртальскій былъ не знатнаго происхожденія: этотъ съѣздъ именитыхъ гостей льстилъ его тщеславію. Въ былое время онъ искалъ извѣстности, покровительствуя литературѣ и гордясь собственнымъ просвѣщеніемъ. Теперь его обуялъ страхъ, онъ сталъ отлучать отъ церкви философовъ и считать за честь поддерживать тѣхъ, кто боролся противъ нихъ. «Его дворъ былъ блестящъ», писалъ одинъ изъ эмигрантовъ [8]); «я безпрестанно получалъ приглашенія на обѣды или ужины, и не только на торжественные и многолюдные, но и въ обществѣ одного курфирста у госпожъ де-Ф. и де-К., которыхъ, втихомолку, называли его министрами». Въ Кобленцѣ, у трирскаго курфирста, гдѣ сосредоточивается главный штабъ эмиграціи, даются ежедневно «концерты и устраиваются собранія». Этотъ епископскій дворъ принадлежитъ къ истинно великосвѣтскимъ, онъ въ большой модѣ» [9]). Наконецъ въ Брюсселѣ, куда хлынули эмигранты немедленно по возвращеніи австрійцевъ, легко одержанная Леопольдомъ побѣда возбуждаетъ иллюзіи и поддерживаетъ веселое расположеніе духа.

Нѣмцевъ занимаетъ вначалѣ шумъ и суета, внесенные этими живыми и бойкими путешественниками. Ихъ жалѣютъ, въ особенности же эксплуатируютъ, потому что ихъ траты оживляютъ торговлю и усиливаютъ обмѣнъ. Но это первое впечатлѣніе изглаживается весьма быстро. Эмигранты не платятъ долговъ и, что еще хуже, смѣются надъ кредиторами. Они осмѣиваютъ, ни мало не стѣсняясь, не только горожанъ, но и мѣстныхъ дворянъ, притязательныхъ, смѣшныхъ и неповоротливыхъ. Они снисходятъ жить у нихъ на квартирахъ, при случаѣ принимать даже денежную помощь, но желаютъ держать ихъ на извѣстномъ разстояніи. Это придворное дворянство, боявшееся болѣе всего на свѣтѣ «опровинціалиться» [10]), еще болѣе остерегалось прослыть «онѣмичившемся». Насмѣшники не щадятъ самого майнцскаго епископа: они называютъ его отцомъ въ обществѣ, они принимаютъ въ своихъ жалкихъ гостиницахъ обѣды, приготовленные на его кухнѣ, но келейно зовутъ его майнцскимъ аббатомъ и выскочкой. То былъ классическій французскій способъ обра-

---

[8]) Баронъ д'Эскаръ, Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 152.

[9]) Письмо г-жи де-Режкуръ, января 1791 г. См. La Rocheterie, *Marie Antoinette et l'émigration, Correspondance,* t. XCVIII.

[10]) D'Haussonville, op. cit. p. 24.

щенія съ этими добряками-нѣмцами и не менѣе классическимъ было у добрыхъ нѣмцевъ пробужденіе глухой, наслѣдственной ненависти къ французамъ, подъ уколомъ подобныхъ сарказмовъ. Скоро эмигрантамъ пришлось познать это собственнымъ опытомъ, какъ извѣдали отцы ихъ во времена войны за наслѣдство австрійскаго престола и Семилѣтней. Ихъ развлеченія быстро вырождаются въ гарнизонные кутежи, если не въ оргіи на почвѣ завоеванной страны.

Нѣмцы перестали выказывать соболѣзнованіе людямъ, которые сохранили такую надменность въ несчастіи, такъ нагло забавлялись ихъ неловкостью и такъ мало помышляли о деликатности по отношенію къ хозяевамъ. Въ средѣ горожанъ и прирейнскаго сельскаго населенія стали находить, что французская революція не лишена однако же весьма уважительныхъ причинъ. Зрѣлище, представляемое эмиграціей, разъяснило нѣмцамъ эту французскую революцію болѣе успѣшно, чѣмъ то могли бы сдѣлать всѣ революціонныя брошюры и эмиссары-пропагандисты [11]).

Французское дворянство повезло съ собою за-границу всѣ причины своего вырожденія и упадка. Неспособность его къ управленію государствомъ довело его до изгнанія; въ изгнаніи оно выказываетъ такую же неспособность управлять собою, какую выказало ранѣе въ государственныхъ дѣлахъ. Его эмиграція есть только слѣдствіе отреченія отъ своей роли внутри страны. Оно составляло во Франціи лишь группу привилегированныхъ людей; за-границей оно является кучкой партизановъ. Эти дворяне упорно продолжаютъ отрицать важное значеніе революціи, которую собираются разгромить. На берегахъ Рейна готовится не суровый, религіозный и проникнутый энтузіазмомъ крестовый походъ, а безпорядочная, безразсудная и крикливая фронда.

Зданіе, о возведеніи котораго хлопочатъ эти дворяне, есть именно то, которое обрушилось на нихъ послѣ того, какъ они сами подкопали его фундаментъ и допустили распаденіе всѣхъ его составныхъ частей. «Мы забрали себѣ въ голову сумасбродную мысль», пишетъ одинъ изъ нихъ, «что чѣмъ сильнѣе будетъ зло, тѣмъ легче съ нимъ справиться; мы не были въ состояніи что-либо понимать» [12]). Они и слышать не хотятъ объ англійской системѣ управленія и въ особенности о двухъ палатахъ. Правда, нѣкоторые «высоко-просвѣщенные» вельможи соглашаются на это, но они представляютъ лишь исключеніе, а

---

[11]) Biedermann, p. 1219.—Perthes, t. I, p. 65—66, 205—6.—Haeusser, t. I, p. 292—3.—см. о Піемонтѣ, гдѣ замѣчались тѣ же впечатлѣнія, Bianchi, t. I, p. 539 et. suiv.

[12]) *Le baron de Guilhermy au comte de Puisaye*, 1807. *Papiers d'un émigrê*, p. 34.

мелкое дворянство отвергаетъ идею палаты пэровъ, какъ унизительнѣйшую уступку. Наибольшимъ оскорбленіемъ для эмигранта было слово *монархистъ* (*monarchien*) [13]).

Эмигранты ничего не поняли, не понимаютъ и не поймутъ; въ этомъ и заключается ихъ главное несчастіе. Если есть въ мірѣ неотпускаемый грѣхъ, то это грѣхъ противъ разума. Они повинны именно въ немъ, и не эмиграція въ состояніи очистить отъ него. Они страдаютъ отсутствіемъ всякихъ идей, сужденій, опредѣленныхъ намѣреній или, вѣрнѣе, у нихъ одна только идея, одно сужденіе и одно намѣреніе: идея гнѣва, сужденіе ограниченное, намѣреніе мелочное: абсолютная контръ-революція по вопросу о принципахъ; грубо-насильственныя мѣры по отношенію къ людямъ. Они полагаютъ, что все возможно для насилія и все легко, что́ дѣлается силою.

Слабость короля,—его малодушныя сдѣлки, его постоянное отступленіе предъ лицомъ врага,—служитъ неистощимымъ предметомъ ихъ глумленія. Они съ такимъ же презрѣніемъ относятся къ этому добродушному государю, какъ наиболѣе рѣзко оскорблявшіе его парижскіе демагоги. Еще безпощаднѣе они къ королевѣ. Основной элементъ эмиграціи образовался изъ той придворной партіи, которая интриговала противъ Маріи-Антуанеты и преслѣдовала ее клеветами, пасквилями и оскорбительными намеками. Котерія Рогана всѣми мѣрами стремится погубить ее. Враги ея находятъ, что она недостаточно наказана [14]). Они обвиняютъ ее въ демократизмѣ: они объявляютъ, что, одержавъ, побѣду, прежде всего устранятъ ее и лишатъ всякаго вліянія [15]). «Что же сдѣлала моя несчастная сестра вашимъ французамъ, что они позорятъ ее повсюду, даже въ моемъ паркѣ и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ?» спрашивала эрцгерцогиня Христина, регентша Нидерландовъ, у одного изъ слугъ Маріи Антуанеты [16]). Королевская семья и опасности, которымъ они подвергаютъ ее своею дерзкою неосторожностью, ставятся ими ни во что [17]). Они ставятъ выше всего свой принципъ, то есть возстановленіе стараго порядка.

---

[13]) Augeard, *Mémoires secrets*, p. 266—8.—La Rocheterie, op. cit. p. 304.

[14]) *Bombelles à Osterman*, 31 janv. 1792.—Feuillet, t. V. p. 185.

[15]) La Rocheterie, op. cit. p. 291 et 304.

[16]) Augeard, p. 266.

[17]) «Въ этой партіи весьма многіе, желавшіе возвращенія къ старому порядку, согласились бы достигнуть этого хотя бы цѣною жизни самого короля». La Marck, 23 avril 1791, t. III, p. 155.—«Они дорожатъ отнюдь не Людовикомъ XVI, а королевскою властью; для нихъ рѣшительно безразлично царствуетъ ли нынѣшній король, или принцъ Конде, лишь бы возвращены были дворянству его старинныя права». Rapport de Staël, Gerfroy, t. II, p. 165.—

Только въ этомъ отношеніи они—люди своего времени. Они витаютъ въ области отвлеченій; абсолютизмъ поглощаетъ ихъ не менѣе властно, чѣмъ самыхъ узкихъ и фанатичныхъ доктринеровъ изъ среды якобинцевъ. Ни малѣйшаго понятія о ходѣ исторіи, никакого инстинкта монархической традиціи и никакого сознанія французской дѣйствительности. Они судятъ о королевской власти помимо всякаго отношенія къ учрежденіямъ и характеру монарха. Они придерживаются понятія о непоколебимой, неприкосновенной королевской власти, подобной той, которая присвоена народу въ «Contrat Social» и приписываютъ ей внутреннюю силу, независимую отъ времени, людей и обстоятельствъ. Они дѣлаютъ изъ этой пустой и неопредѣленной формулы нѣчто въ родѣ таинственнаго божества, проявляющагося въ прорицаніяхъ оракуловъ и чудесахъ. Король, по ихъ понятіямъ, есть мимолетный образъ королевской власти. Это, такъ сказать, схоластическій король, и онъ такъ же мало похожъ на французскаго короля, какъ французская нація—на «народъ» Руссо, въ которомъ безъимянная толпа—все, а личность—ничто. Упорствуя въ отвлеченіяхъ не менѣе революціонеровъ [18]), эмигранты не менѣе ихъ и космополитичны. «Они смотрятъ на себя скорѣе какъ на соотечественниковъ дворянъ всего міра, чѣмъ какъ на согражданъ французовъ» [19]). По мнѣнію революціонера, дворянинъ есть всеобщій врагъ, а каждый возстающій народъ—братскій народъ. Въ глазахъ эмигранта, каждый борющійся противъ революціи—товарищъ по оружію. Революціонеры слѣдуютъ традиціи религіозныхъ войнъ, во время которыхъ народы группировались, смотря по ихъ вѣрованіямъ, и сливались, взаимно поглощая другъ друга; эмигранты же слѣдуютъ традиціи гражданскихъ войнъ, въ которыхъ каждая партія, отождествляя себя съ государствомъ, тѣмъ самымъ считаетъ своихъ противниковъ врагами, а союзниковъ—друзьями этого государства. Отстаивая послѣдніе обломки феодализма, они прибѣгаютъ и къ способу дѣйствія феодальныхъ лигеровъ.

Имъ нельзя сказать, что они вооружаются противъ собственной родины: родина—это государство, а государство—тамъ, гдѣ находятся они сами. Они уносятъ съ собою «истинную Францію», страну своихъ принциповъ; другая, «дѣйствительная Франція», гдѣ живутъ французы,—беззакона и противоестественна: по праву она не существуетъ. Національ-

«Лишь бы только царствовалъ король, раздавались пенсіи и милости, вотъ все, чего онъ требуетъ (принцъ Конде)». Ферзенъ Таубе, 11 апрѣля 1791 г. t. I, p. 100.

[18]) Витролль, воспитанный на Логикѣ Поръ-Ройяля и Новой Элоизѣ, становится въ 17 лѣтъ страстнымъ эмигрантомъ. *Mémoires de Vitrolles*, Paris, 1884, t. I, p. XV.

[19]) Madame de Staël, *Considérations*, 3 partie, ch. I, *De l'émigration*.

ное собраніе есть не болѣе, какъ мятежная шайка: все, что имъ декретируется, недѣйствительно. Эмиграція судитъ о французской революціи, какъ судилъ Римъ объ еретикахъ. То было странное состояніе ума, но въ тѣ времена оно было естественно и понятно для цѣлаго класса людей. Одно изъ послѣдствій революціи заключалось именно въ томъ, что этотъ взглядъ сдѣлался непонятнымъ для большинства французовъ. «Они такъ грозятъ намъ возстановленіемъ деспотизма», писалъ Мирабо, «что увлекутъ насъ, помимо нашей собственной воли, на путь республики» [20]). Въ то самое время какъ эмигранты отдѣляли, такимъ образомъ, дѣло возстановленія королевской власти отъ національной задачи, народъ порывалъ вѣковыя узы, связывавшія его съ династіей и также отрывалъ свое дѣло отъ дѣла королевской власти.

Впрочемъ и въ этихъ логическихъ крайностяхъ, какъ и въ прирожденномъ легкомысліи, эмигранты оставались настоящими французами, и слѣдуетъ отмѣтить и въ ихъ поведеніи и въ ихъ воззрѣніяхъ тѣ похвальныя непослѣдовательности, которыя смягчаютъ ошибки и искупаютъ ложныя сужденія. Они дѣйствительно воображаютъ, что Европа забудетъ о собственныхъ распряхъ и станетъ поддерживать ихъ въ затѣянной борьбѣ; что государи, бывшіе вѣковыми противниками Франціи, внезапно отрекутся отъ своихъ традиціонныхъ притязаній для того, чтобы поднять престижъ монархіи, внушавшей имъ такія серьезныя опасенія; однимъ словомъ, что иностранцы откажутся отъ тѣхъ правъ на французское государство, которыхъ требовали въ теченіе вѣковъ, для того, чтобы возстановить во Франціи общеевропейскіе порядки. Но, требуя отъ иностранцевъ забвенія старыхъ счетовъ и отреченія отъ честолюбивыхъ поползновеній, сами эмигранты не хотятъ отказаться ни отъ одного притязанія собственной страны. Мы увидимъ не разъ, какъ они рукоплещутъ побѣдамъ республиканскихъ армій, какъ возмущаются предложеніями о раздѣлѣ Франціи, а позднѣе — сожалѣютъ даже о невозможности сохранить для королевской власти блестящія завоеванія республики [21]). Подписавъ договоръ, соединяющій ихъ съ иноземцами, они не замедлили почувствовать тяжесть этой цѣпи и возмущаются противъ своихъ покровителей.

Но они не дошли еще до этого фазиса къ концу 1790 г.; это еще время обманчивыхъ надеждъ. Все кажется легкимъ этимъ опрометчивымъ людямъ, у которыхъ кружится голова отъ самолюбиваго гнѣва. Они вол-

---

[20]) Octobre 1790, 35 note, *Correspondance*, t. II, p. 259.

[21]) См. André Lebon, *L'Angleterre et l'émigration*, Paris, 1882, p. 44, 146, 339, 340, 343, 345.—Chuquet, *La première invasion prussienne*, Paris 1886, p. 281—282 *et Mes Essais d'histoire et de critique*, этюды, озаглавленные: *L'Angleterre et l'émigration*, *l'Alliance russe et la Restauration*.

нуются однакоже въ пустомъ пространствѣ: власть, утраченная ими во Франціи и за которой они гнались по ту сторону ея границы, является призракомъ, постоянно ускользающимъ отъ ихъ преслѣдованій. Они терпятъ недостатокъ во всемъ, по причинѣ собственныхъ внутреннихъ недостатковъ. Они смѣются надъ измѣнчивостью и разъединеніемъ революціонныхъ партій; они проповѣдуютъ повиновеніе, какъ первую изъ государственныхъ добродѣтелей. На самомъ дѣлѣ, они и за предѣлами отечества остаются тѣмъ, чѣмъ были во Франціи — самою разъединенною и лишенною дисциплины партіей: раздоры проистекаютъ у нихъ изъ тщеславія, а отсутствіе дисциплины—отъ ложнаго понятія о чести. Въ ихъ средѣ продолжается антагонизмъ между придворнымъ и провинціальнымъ дворянствомъ; онъ усложняется всѣми столкновеніями и всѣми раздраженіями изгнаннической жизни. Мелочныя отличія, раздѣлявшія ихъ во Франціи, становятся нестерпимыми при ежедневномъ общеніи, такъ какъ они противорѣчатъ самому понятію, составленному ими о дворянствѣ. Въ прирейнскихъ гостиницахъ, гдѣ они нашли пріютъ, вспыхиваетъ война оскорбленныхъ самолюбій, напоминающая версальскіе раздоры изъ за-квартиръ, и личное соперничество не умѣряется къ тому же ни этикетомъ, ни уваженіемъ къ королевской власти.

Эмиграція не сдерживалась ничѣмъ; ея главари не отличались ни нравственнымъ превосходствомъ, ни престижемъ. Графъ д'Артуа, покинувшій Францію ранѣе другихъ, присвоилъ себѣ управленіе «внѣшней Франціей». Этотъ принцъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы изящно проиграть сраженіе и любезно разорить династію. Полный самомнѣнія относительно собственныхъ силъ, онъ съ пренебреженіемъ относился къ чужимъ; онъ не зналъ ни Франціи, въ которой жилъ, ни Европы, по которой ѣздилъ, не изучая ея; абсолютистъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ былъ непостояненъ въ своихъ намѣреніяхъ; слѣпо держался пустыхъ формулъ, которыя называлъ принципами и которыя замѣняли для него ясныя идеи и послѣдовательное сужденіе; доступенъ всевозможнымъ химерамъ и всякому интригантству; снисходителенъ къ мелкимъ людишкамъ и мелочнымъ поступкамъ; лѣнивъ умомъ, нерѣшителенъ, но съ претензіей на энергію; фанфаронъ въ рѣчахъ и связанный въ поступкахъ боязнью отвѣтственности; рыцарски настроенный и склонный къ мимолетнымъ увлеченіямъ, но холодный въ глубинѣ души; разговорчивый, находчивый, но узкій умомъ; безъ зазрѣнія совѣсти вызывая гражданскую войну, онъ не спѣшилъ въ нее вмѣшаться;—во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкомъ, наименѣе способнымъ руководить партіей и отвоевать вновь королевство. Двоюродный братъ его, принцъ Конде, обладалъ, по крайней мѣрѣ, военными качествами главы партіи.

Онъ достойно носилъ свое громкое и славное въ военномъ мірѣ имя. За неимѣніемъ геніальности, онъ пріобрѣлъ опытность, любилъ войну, умѣлъ вести солдатъ и былъ ими любимъ. Но онъ способенъ былъ скорѣе командовать корпусомъ въ регулярной войнѣ, чѣмъ поднять инсуррекцію и организовать партизанскую войну. Доблестный и рѣшительный, онъ лишенъ былъ умѣнья увлекать толпу и не отличался авантюристскимъ задоромъ, что въ значительной мѣрѣ обусловливало обаяніе людей въ родѣ Шаретта, Боншана, Лескюра и Ла-Рошжаклена.

При этомъ, такъ сказать, поддѣльномъ дворѣ и въ этомъ апокрифическомъ государствѣ, графъ д'Артуа облеченъ былъ въ королевскую мантію, принцъ Конде игралъ роль главнокомандующаго, а де-Калоннъ изображалъ собою весь совѣтъ министровъ и все правительство. Это было самое непослѣдовательное изъ министерствъ и самое рискованное изъ правительствъ. Калоннъ развязно распоряжался погребальнымъ шествіемъ монархіи, банкротство которой ускорялось, а самоубійство подготовлялось имъ же самимъ. При безупречной внѣшности, онъ продолжалъ играть двусмысленную и пагубную роль, которую началъ исполнять еще въ Парижѣ. Онъ ненавидѣлъ Бретейля, представителя короля, ненавидѣлъ королеву. Это былъ самый непопулярный человѣкъ во Франціи; эмиграція же поклонялась ему и восхищалась имъ. Онъ ослѣплялъ этихъ неисправимыхъ расточителей фантасмагоріей цифръ и неисчерпаемымъ фейерверкомъ своего воображенія. Вѣруя въ свои панацеи, онъ не щадилъ ни усердія, ни собственныхъ средствъ, и его находили всегда готовымъ подтвердить на собственный счетъ дѣйствительность предлагаемыхъ имъ мѣръ. Несмотря на то, что онъ разстроилъ и собственное состояніе, и государственные финансы, онъ продолжалъ слыть первымъ финансистомъ своего времени. Къ такой славѣ присоединялась еще и репутація самаго ловкаго дипломата въ Европѣ. А такъ какъ онъ еще ничѣмъ не заявилъ себя въ иностранныхъ дѣлахъ, то эмигранты могли принимать его интригантство за искусство, а дерзость—за глубину.

Таковы были люди, которые, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни войскъ, ни денегъ, ни плана, ни кредита, подготовляли завоеваніе Франціи, какъ какую-нибудь сумасбродную политическую и военную игру, льстя себя надеждой подавить революцію и соединить всѣ европейскія державы во имя возстановленія стараго порядка. Поприще, на которое они выступали, не должно было дать имъ ничего, кромѣ цѣлаго ряда унизительныхъ разочарованій. Эти разочарованія дали знать о себѣ уже съ самыхъ первыхъ шаговъ.

II.

Графъ д'Артуа, находившійся въ Піемонтѣ, при дворѣ короля, своего тестя, занимался подготовленіемъ большого возстанія къ декабрю 1790 г. Жалезскій лагерь долженъ былъ служить ему очагомъ; Конде долженъ былъ поддерживать движеніе, направившись къ Ліону, между тѣмъ какъ другой эмигрантскій корпусъ соберется въ Базелѣ. Расчитывали, что Эльзасъ возстанетъ немедленно и что иностранныя державы поддержатъ экспедицію внушительными демонстраціями. Калоннъ увѣрялъ, что Питтъ доставитъ десять милліоновъ и предоставитъ десять кораблей [1]), что Густавъ Ш прибудетъ съ флотомъ и что Екатерина II, заключивъ миръ съ турками, пошлетъ войска свои на Рейнъ. Сардинскій король обѣщалъ двинуть свои къ Дофине. Испанія не высказывалась, но графъ д'Артуа находилъ, что ея молчаніе стоитъ займа и цѣлаго вспомогательнаго корпуса [2]). Слѣдуетъ замѣтить, что эти государи, щедрые на любезности по отношенію къ эмигрантамъ, осыпавшимъ ихъ просьбами, обусловили свое содѣйствіе двумя требованіями: первое, что французскій король долженъ настоятельно просить изъ помощи; второе, что всѣ остальные государи примутъ участіе въ предпріятіи. Однако Австрія упорно отказывалась отъ него, и этого было достаточно для разрушенія всей комбинаціи.

Леопольдъ судилъ объ эмигрантахъ съ большею строгостью [3]). Онъ находилъ, что они неудобны для него, опасны для королевской семьи и, наконецъ, неудобны для всѣхъ. Тонкій маккіавелистъ не могъ не смотрѣть съ глубокимъ презрѣніемъ на этихъ безтолковыхъ политиковъ, докучавшихъ ему своею болтливостью, оскорблявшихъ своей дерзостью и рисковавшихъ уничтожить всѣ его соображенія и замыслы какою-нибудь безразсудною выходкой. Къ тому же онъ располагалъ рѣшительнѣйшимъ мотивомъ для ихъ удаленія: этотъ мотивъ—желаніе французскаго короля.

Какъ только Людовикъ XVI получилъ увѣдомленіе о замыслахъ эмигрантовъ, онъ отправилъ къ нимъ Жорже, съ цѣлью убѣдить ихъ отказаться отъ своего намѣренія и въ этомъ смыслѣ отправилъ письма къ Виктору Амедею и графу д'Артуа [4]).

---

[1]) Augerd op. cit. p. 257.

[2]) Bianchi, t. I, p. 611.—Baumgarten, p. 311.

[3]) Леопольдъ отнесся такъ къ французской эмиграціи съ самаго начала и не измѣнилъ своего мнѣнія о ней.—См. письмо его къ Іосифу II, іюль 1789.—Beer, *Leopold und Catharina*, p. 219.

[4]) Людовикъ XVI королю Виктору Амедею 7 декабря 1790. Bianchi, t. I, p. 613.

Въ то же время, королева отправила письмо къ Леопольду съ довѣреннымъ лицемъ [5]): «Въ настоящую минуту невозможно дѣйствовать и невозможно уѣхать отсюда; это значило бы все потерять и подвергнуть и себя и другихъ величайшей опасности... Надѣюсь, что это ихъ сдержитъ; несомнѣнно, что только здѣсь и только мы можемъ рѣшить насколько благопріятны обстоятельства и удобно время для прекращенія нашихъ бѣдствій и бѣдствій Франціи и тогда, любезный братъ, я расчитываю на вашу дружбу и обращусь къ вамъ...» До сихъ поръ Бретейль еще не пользовался своими полномочіями; онъ извѣстилъ о нихъ де-Мерси, остававшагося въ Бельгіи послѣ гагскаго конгресса и слѣдившаго оттуда за французскими дѣлами. Онъ подтвердилъ слова королевы [6]).

Тогда-то посланный графомъ д'Артуа, графъ д'Эскаръ, пріѣхалъ просить вмѣшательства императора. Этотъ государь далъ отвѣтъ, имѣвшій цѣлью «отнять какую-либо надежду на помощь» [7]). За неимѣніемъ иныхъ средствъ, эмигранты обладали неисчерпаемымъ богатствомъ обманчивыхъ надеждъ. Съимпровизировавъ тактику, къ которой безпрестанно возвращались съ той поры и въ которую входило столько же расчета, сколько и тщеславія, они смотрѣли на эту неудачу какъ на обѣщаніе. Графъ д'Артуа написалъ 1 января Леопольду, благодарилъ его и испрашивалъ свиданія. Калоннъ взялся устроить его и отправился въ Вѣну. Принцъ слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи [8]). То было время карнавала; венеціанскій карнавалъ пользовался заслуженной извѣстностью. Графъ д'Артуа остановился въ Венеціи и весело проводилъ тамъ время, въ ожиданіи отвѣта, который, по его соображеніямъ, не могъ не быть благопріятнымъ. Онъ получилъ рѣшительнѣйшій отказъ. Императоръ имѣлъ непосредственныя извѣстія изъ Тюильрійскаго дворца чрезъ Дюра, пріѣхавшаго къ нему съ поздравленіями по поводу коронованія. Онъ нашелъ возможнымъ отклонить просьбу графа д'Артуа [9]).

Тѣмъ не менѣе Калоннъ рѣшился быть въ Вѣнѣ и продолжалъ свою поѣздку. Онъ имѣлъ неосторожность сообщить о своемъ намѣреніи графу д'Артуа по почтѣ; Леопольдъ, извѣщенный своимъ «чернымъ кабинетомъ», приказалъ канцлеру сдѣлать все возможное, чтобы избавить его «отъ французскихъ каверзъ, которыя могли принести лишь одинъ вредъ, и въ

[5]) 19 декабря 1790. Arneth, *Marie-Antoinette*, p. 143.

[6]) 12 янв. 1791. См. *Mercy à Kaunitz.* 22 janv. Feuillet, t. I, p. 423.

[7]) Леопольдъ Кауницу, 14 янв. 1791. Beer, p. 384.

[8]) Feuillet, t. I, pp. 390, 393.

[9]) Аудіенція дана была Дюра 6 января. *Duras à Montmorin*, 8 janv. 1791. Affaires étrangères. — *Marie-Antoinette à Léopold* 19 décembre 1790. Arneth, p. 142.—*Léopold au comte d'Artois,* Feuillet, t. I, p. 395.—См. *Mercy à la Marck*, 14 janvier 1791, *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 6.

особенности повредить королевѣ». Калонну пришлось бороться съ большими препятствіями. Въ то время, какъ за нимъ слѣдили по дорогѣ, онъ явился въ Вѣну подъ вымышленнымъ именемъ. Онъ везъ новое письмо отъ графа д'Артуа, который, будучи извѣщенъ о предполагавшемся отъѣздѣ императора, объявилъ, что будетъ ожидать его въ Лайбахѣ [10]). Отвѣтъ Леопольда, посланный Калонну чрезъ посредство Кобенцеля, сухо отклонялъ предложеніе «въ силу крайне важныхъ, какъ для императора, такъ и для королевской четы, государственныхъ соображеній [11]). Калоннъ упорствовалъ и оставался въ Вѣнѣ; чтобы заставить его выѣхать оттуда, Кобенцель прислалъ ему формальный приказъ объ отъѣздѣ 23 января [12]).

Какъ ни были легкомысленны эмигранты, они не могли однакоже принимать за поощреніе этотъ полный презрѣнія образъ дѣйствій. Графъ д'Артуа протестовалъ [13]). Императоръ отвѣтилъ ему въ недопускавшихъ ни малѣйшаго сомнѣнія выраженіяхъ и отдалъ письмо непосредственно д'Эскару. «Я объяснилъ ему вполнѣ точно и ясно мое отношеніе къ дѣлу и то, что не желаю, чтобы меня впутывали въ ихъ планы и проекты» [14]), писалъ онъ Кауницу. Графъ д'Артуа выѣхалъ изъ Венеціи и вернулся 3-го марта въ Туринъ [15]). Разладъ между дворомъ и эмиграціей былъ полный. Дворъ имѣлъ серьезныя основанія оградить себя отъ выходокъ эмигрантовъ. Планъ бѣгства былъ уже рѣшенъ, и неосторожность могла все испортить.

III.

Когда приходится говорить о дворѣ того времени, слѣдуетъ подразумѣвать королеву, потому что одна Марія-Антуанета пыталась дѣйствовать [1]). Отнынѣ, она становится душою всѣхъ совѣтовъ, собиравшихся въ Тюильрійскомъ дворцѣ и ей будетъ принадлежать первая роль въ

---

[10]) Feuillet, 15 января 1791, t. I, p. 399.

[11]) Ibid. 19 января 1791, t. I 404.

[12]) Ibid., t. I, pp. 406—418, 422, 434, 437.

[13]) Письмо Леопольду 26 янв. 1791. Feuillet, t. I, p. 441.

[14]) Леопольдъ графу д'Артуа, 6 февр. 1791. Feuillet, t. II, p. 2. — Леопольдъ Кауницу 8 февр.—Beer, p. 391.

[15]) La Rocheterie.

[1]) «Король лишенъ всякой энергіи», писалъ Ла-Маркъ: «Монморенъ сообщалъ мнѣ на-дняхъ, что когда приходится говорить ему о дѣлахъ и его положеніи, онъ относится ко всему этому такъ, какъ будто рѣчь идетъ о дѣлахъ китайскаго императора... Я дѣйствую изъ преданности королевѣ. Все только-что мною сказанное еще болѣе оттѣняетъ печальную судьбу этой государыни. Какъ женщина, она связана съ существомъ, поистинѣ коснымъ; какъ королева, она сидитъ на очень шаткомъ престолѣ». La Marck à Mercy 26 janv. 1791. *Correspondance*, t. III, p. 30.

трагическихъ происшествіяхъ, къ которымъ идетъ королевская семья. Лудовикъ XVI рѣшился на бѣгство, но затѣмъ впалъ въ обычную апатію и предоставилъ королевѣ всѣ заботы и всѣ приготовленія. Она предавалась имъ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; она находила въ нихъ отвлеченіе отъ осаждавшаго ее безпокойства и единственную надежду, за которую могла ухватиться.

3-го февраля она написала Мерси, что рѣшено избрать Монмеди мѣстомъ убѣжища [2]). По прибытіи туда, король издастъ манифестъ: онъ занимается его составленіемъ. «Прежде всего необходимо мотивировать бѣгство», писала королева, «простить народъ, который былъ только увлеченъ, и польстить ему выраженіемъ любви къ нему; исключить изъ помилованія главарей мятежныхъ партій, городъ Парижъ, если только онъ не вернется къ прежнему порядку, и всѣхъ, кто не сложитъ оружія къ назначенному сроку; возстановить парламенты, но придавъ имъ исключительно судебное значеніе для того, чтобы они никогда не могли вмѣшиваться ни въ администрацію, ни въ финансовое управленіе. Наконецъ мы рѣшили принять за основаніе для конституціи декларацію 23-го іюня съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ вызваны обстоятельствами и событіями. Религія должна послужить однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ [3]). Вотъ и все. Они не шли никогда далѣе этихъ поверхностныхъ проектовъ, въ которыхъ замѣчается полное отсутствіе всякой твердости, за исключеніемъ того, что сдѣлало ихъ ненавистными въ глазахъ французовъ, то-есть угрозъ репрессаліями. Эта пагубная мысль, единственная, которая упорно повторяется во всѣхъ дворцовыхъ проектахъ, обрисовывается здѣсь впервые: она утвердится лишь для того, чтобы рѣшить паденіе монархіи.

Полная неизвѣстность и по отношенію къ цѣли, и относительно средствъ. Кто же будетъ управлять въ ту минуту, когда можно будетъ снова овладѣть браздами? Никто не находится на высотѣ задачи. «Не легко найти человѣка и чѣмъ болѣе ищу, тѣмъ болѣе неудобствъ нахожу въ каждомъ» [4]), писалъ Ферзенъ. Въ деньгахъ ощущается недостатокъ: ихъ требуется много и необходима осторожность съ людьми, которые ихъ повезутъ. Ферзенъ посовѣтовалъ попросить въ долгъ *милліардъ* у духовенства и обѣщать за то возвратъ его имѣній.

Людовикъ XVI, повидимому, склонялся къ такой мѣрѣ. Что же касается гражданской войны, онъ продолжалъ порицать ее. Онъ рѣшительно отвергалъ содѣйствіе эмигрантовъ; королева же отвергла эту помощь со

---

[2]) Feuillet, t. I, p. 444.

[3]) Ibid. Письмо королевы къ Мерси, 3 февр., t. I, p. 447.

[4]) Fersen, t. I, p. 123—128.

страстнымъ негодованіемъ. Презрительные отзывы о ней самой и о характерѣ короля, пренебреженіе къ ихъ жизни и жизни ихъ дѣтей, слухи о низложеніи или, по крайней мѣрѣ, объ опекѣ, доходившіе до Тюильрійскаго дворца, все это сѣяло подозрѣніе и давало пищу тревогѣ. Въ этомъ злополучномъ дворцѣ, среди враждебной черни, какъ и въ веселыхъ эмигрантскихъ убѣжищахъ, полагали, что вернулись времена фронды. Въ душѣ Маріи-Антуанеты угадывается отзвукъ того мучительнаго страха, который такъ часто овладѣвалъ Анною Австрійской. Конде были ея врагами; она ненавидѣла графа д'Артуа, не прощая ему призванія въ совѣтъ Калонна [5]). Ихъ планъ,—говорила она,—поведетъ къ тому, что король будетъ «лишенъ всякаго значенія» въ государствѣ. Призвать ихъ на помощь было не только опасно въ настоящемъ, но и значило поставить себя въ зависимость отъ нихъ въ будущемъ [6]).

Она предпочитала поддержку со стороны австрійскихъ войскъ, но лишь въ качествѣ демонстраціи и для доставленія Булье повода сосредоточить войска. При случаѣ, австрійцы должны были дѣйствовать не иначе, какъ въ виду крайней необходимости, рядомъ съ французскими войсками и только въ качествѣ вспомогательнаго корпуса. «Король»,—писала дама, пользовавшаяся довѣріемъ Маріи Антуанеты,—не желалъ завоевывать свое королевство при помощи иностраннаго войска: онъ хотѣлъ только внушить уваженіе своимъ подданнымъ и договориться съ ними» [7]). Людовикъ XVI и Марія-Антуанета постоянно возвращались къ мысли о вооруженномъ конгрессѣ, одно присутствіе котораго должно было, по ихъ мнѣнію, подчинить королю возмутившійся народъ. Они думали, что опасеніе иноземнаго вторженія броситъ его въ объятія короля; король успокоитъ народъ, явится его спасителемъ и благодарность довершитъ дѣло страха [8]).

Несмотря на всѣ ограниченія, которыхъ намѣревался держаться

---

[5]) La Marck, *Correspondance*, t. II, p. 317.

[6]) La Rocheterie, p. 307.—Fersen, t. II, p. 112.

[7]) Г-жа де-Бомбелль. La Rocheterie, p. 308. Она прибавляетъ: «Король успокоилъ бы умы, потому что деспотизмъ не могъ бы уже вернуться во Францію, и надо сказать по справедливости, онъ не желателенъ».

[8]) «Мы не просимъ ни у одной изъ державъ (кромѣ, впрочемъ, въ случаѣ крайней необходимости) ввести къ намъ свои войска. Мы желаемъ только, чтобы въ ту минуту, какъ намъ пришлось бы ихъ потребовать, мы могли имѣть увѣренность, что державы выставятъ войска въ пограничныя съ Франціей мѣстности въ достаточномъ количествѣ для оказанія поддержки благомыслящимъ людямъ, которые пожелали бы присоединиться къ намъ, но не въ состояніи были бы это сдѣлать, вслѣдствіе разстоянія, или иныхъ какихъ-либо причинъ». Письмо королевы къ де-Мерси, 14 апрѣля 1790. Feuillet, t. II, p. 37.

дворъ, и нѣкотораго рода туманъ, которымъ окутано было дѣло, проектъ иностраннаго вмѣшательства велъ къ противопоставленію этой тайной политики оффиціальной, правительственной политикѣ, къ организованію въ тѣни королевской контръ-дипломатіи и контръ-полиціи, къ оправданію, однимъ словомъ, вслѣдствіе малѣйшей неосторожности, случайности или нескромности—самыхъ ужасныхъ обвиненій, которыя могли бы выставить противъ двора его враги. Переписка представляла постоянную опасность, несмотря на всѣ усложненія шифра, химическія чернила и всѣ обычные способы тайныхъ сношеній.

Но всего хуже для двора въ этихъ предпріятіяхъ, къ которымъ вынуждала грозная опасность, было то, что ему приходилось опасаться ройялистовъ, по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и революціонеровъ. Дипломатія короля, подъ руководительствомъ Бретейля, должна была непрестанно сталкиваться съ дипломатіей эмигрировавшихъ принцевъ, руководимыхъ Калонномъ. Агенты этой партіи были самыми безразсудными, эгоистичными и нескромными изъ людей; они вносили въ свое соперничество съ агентами короля весь ядъ придворной распри, они ожесточались нетерпѣливыми ожиданіями людей, томившихся въ изгнаніи, и поддерживали сношенія съ Парижемъ чрезъ своихъ эмиссаровъ, жили бокъ-о-бокъ съ интриганами и отверженцами всѣхъ партій. При такихъ условіяхъ, предпріятія, которыя дворъ считалъ наиболѣе сокровенными, обнаруживались этими подонками полиціи и являлись предъ лицомъ печати, клубовъ и Національнаго собранія въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ.

Между тѣмъ настроеніе Европы, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ, вовсе не имѣло успокоительнаго характера. Бретейль старался повліять на Швейцарію, чтобы обезпечить содѣйствіе швейцарскихъ войскъ [9]). Королева не довѣряла Голландіи еще сильнѣе, чѣмъ Пруссіи: въ этомъ случаѣ въ ней сказывалась австрійская кровь. Она видѣла прусскія козни во всѣхъ поступкахъ своихъ враговъ, какъ изъ среды эмигрантовъ, такъ и изъ среды революціонеровъ. Англія казалась непоправимо-враждебной: въ обществѣ, такъ же какъ и въ Тюильрійскомъ дворцѣ, убѣждены были, что она замышляетъ смуту, въ видахъ завладѣнія островами. Чтобы парализовать злостныя намѣренія англичанъ и пруссаковъ, королева и ея совѣтники пришли къ мысли противопоставить имъ лигу, состоящую изъ Австрійской имперіи, Испаніи, Россіи, Сардиніи, Швеціи и Даніи [10]). Ферзенъ писалъ по этому поводу Густаву Ш, прося этого государя подѣйствовать на Россію и воодушевить Данію.

---

[9]) Письмо Бретейля къ де-Мерси, янв. 1791. Feuillet, t. I, p. 429.

[10]) Ibid. Письмо Маріи-Антуанеты къ де-Мерси, отъ 3 февр. 1791, t. I, p. 448.—Письмо Ферзена къ Таубе, 7 марта 1791, t. I, p. 83.

Пруссія увѣряла въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, и Екатерину считали благопріятно настроенной. Испанія объявила, что окажетъ военную поддержку, если Сардинія и Швейцарія согласятся выставить войска. Швейцарія и Сардинія заявили, что послѣдуютъ примѣру Испаніи; но всѣ опасались Англіи, и никто не желалъ ничѣмъ рисковать, не имѣя увѣренности въ содѣйствіи австрійскаго императора [11]). Императоръ долженъ былъ играть роль главнаго агента этого большого предпріятія, Англія представляла главнѣйшее препятствіе. Всѣ усилія двора обращены были на Лондонъ и Вѣну.

Европа,—писала королева къ де-Мерси,—не можетъ предать Францію алчности прусскихъ и англійскихъ стремленій. Англія и Пруссія воспользовались бы анархіей для разоренія и раздѣла [12]). «То, что происходитъ во Франціи, даетъ слишкомъ опасный примѣръ. Это дѣло, касающееся всѣхъ государей, а не простое политическое дѣло страны». Марія-Антуанета просила Леопольда посовѣтовать европейскимъ дворамъ не принимать новыхъ посланниковъ, которыхъ пришлютъ изъ Франціи, побудить нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ отказаться отъ вознагражденія за убытки, предложеннаго имъ Собраніемъ, однимъ словомъ, она просила поддержать усилія Людовика XVI сдѣлаться посредникомъ между Европой и своими подданными. Но прежде всего она просила не сообщать ничего эмигрантамъ, не довѣрять имъ выпроваживать ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Леопольдъ былъ преисполненъ готовности; что касается всего остального, онъ выказалъ весьма мало желанія исполнить предъявляемыя ему требованія.

Европа полагалась на него; онъ посовѣтовалъ сестрѣ обратиться къ Европѣ. Онъ ничего не можетъ предпринять помимо «содѣйствія и согласія нѣсколькихъ главныхъ державъ» [13]). Письмо его было кратко и сухо; Мерси далъ болѣе пространныя объясненія, не подавая, однако, болѣе обширныхъ надеждъ [14]). Прежде всего необходимо выѣхать изъ Парижа, обезпечить за собою поддержку сильной партіи въ странѣ и необходимыя средства для того, чтобы просуществовать два или три мѣсяца въ провинціи. Тогда Европа можетъ на что-нибудь рѣшиться, въ настоящую же минуту отъ нея нельзя

---

[11]) Письмо королевы къ Леопольду, 27 февр. 1791. Arneth, p. 146.—Письмо Ферзена къ Таубе, 1 апрѣля 1791, t. I, p. 90.—Ферзена къ Бретейлю, t. I, p. 94. (Это письмо, напечатанное 2 апр., было написано послѣ 18-го: оно, по всей вѣроятности, было отъ 20 числа.

[12]) 3-го февраля 1791. Feuillett, t. I, p. 444. — Fersen, t. I, p. 96—98, 100.

[13]) Письмо Леопольда къ Маріи-Антуанетѣ, 14-го марта 1791 г. Arneth, p. 151.

[14]) Письмо де-Мерси къ Маріи-Антуанетѣ, 7 и 29 марта 1791.—Arneth, p. 147, 152.

ничего ожидать. Все находится въ выжидательномъ положеніи. «Невѣрный исходъ русской войны держитъ Европу въ величайшемъ затрудненіи. Черезъ три мѣсяца можетъ загорѣться война между Австріей и Пруссіей и охватить всѣ европейскія государства». Англія задерживаетъ Испанію. Необходимо добиться отъ нея поддержки или, по крайней мѣрѣ, нейтралитета. «Было бы верхомъ дипломатическаго искусства, еслибъ удалось, хотя бы цѣною нѣкоторыхъ жертвъ, побудить лондонскій дворъ не противиться возстановленію королевской власти во Франціи. Безъ такого предварительнаго успѣха, ни одна иностранная держава, какъ бы ни были благожелательны ея намѣренія, не можетъ выступить и оказать дѣйствительную поддержку». Впрочемъ, прибавлялъ этотъ политикъ, «не слѣдуетъ забывать, что великія державы ничего не дѣлаютъ безвозмездно. Эта истина несомнѣнна, хотя и нѣсколько унизительна; ее всегда умѣютъ замаскировывать государственной пользой. Мало или вовсе нѣтъ примѣровъ, чтобы государства отъ нея уклонялись; слѣдуетъ сообразоваться съ этимъ правиломъ, если желаешь добиться серьезнаго политическаго успѣха и примѣненіе его не особенно затруднительно въ настоящемъ случаѣ». Мерси внушалъ, что Испанія будетъ удовлетворена, если ей уступятъ пограничную мѣстность близъ Наварры, и что Сардинія останется довольна, если ей предоставятъ Женеву и полосы французской территоріи вдоль Альпъ и по берегу Вара. Императоръ---единственный государь, отъ котораго можно ожидать «безкорыстной помощи»; но вѣдь необходимо, чтобы Пруссія ему не препятствовала, а поведеніе Пруссіи зависитъ отъ образа дѣйствій англичанъ.

Обычные совѣтники Тюильрійскаго двора нашли, что необходимо принести благоразумныя жертвы, чтобы расположить въ свою пользу Англію. Булье намекнулъ объ «уступкѣ нѣкоторыхъ и даже всѣхъ индійскихъ владѣній;» другіе говорили объ одномъ только островѣ. Король въ высшей степени нерасположенъ былъ къ подобнымъ уступкамъ; онъ отложилъ рѣшеніе, желая узнать сперва мнѣніе Бретейля. Впрочемъ всѣ согласны были съ тѣмъ, что было бы неосторожно рисковать предложеніями такого рода, не освѣдомясь предварительно о томъ какъ они будутъ приняты. Опасались, чтобы англичане, въ видахъ раздуванія огня, не открыли главарямъ демократической партіи тайну сдѣланныхъ имъ предложеній. Рѣшили позондировать ихъ мнѣніе относительно одного только вопроса, а именно: отъѣзда короля. Къ переговорамъ же предполагали приступить, если въ томъ окажется надобность, лишь послѣ того, какъ король выѣдетъ изъ Парижа. Въ этомъ смыслѣ изготовлена была инструкція для Бартелеми, управлявшаго въ то время дѣлами посольства. Инструкцію рѣшено было поручить Шампсенецу, управляющему Тюильрійскимъ дворцомъ; но такъ какъ не были увѣрены, можно ли вполнѣ положиться на

Бартелеми, то отложили отправку эмиссара и инструкціи до полученія болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній [15]).

Королевская семья вращалась въ центрѣ безысходнаго круга, постоянно сжимавшагося и тѣснившаго ее. Иностранцы обѣщали помощь, подъ условіемъ предварительнаго сформированія сильной партіи во Франціи, а вмѣшательство Европы почиталось именно средствомъ для сплоченія такой партіи. Каждая держава подчиняла свое содѣйствіе содѣйствію другихъ, и всѣ признавали, что при настоящемъ положеніи дѣлъ общая поддержка невозможна. Наконецъ, требовались деньги, пятнадцать милліоновъ, чтобы имѣть возможность приступить къ дѣлу. Мерси отвѣчалъ, что въ деньгахъ нуждаются всѣ, исключая англичанъ, которые ихъ не дадутъ. Ландграфъ гессенскій располагалъ нѣсколькими милліонами флориновъ, но онъ хотѣлъ ссудить ихъ не иначе, какъ при «чрезвычайномъ обезпеченіи. Онъ отказалъ уже въ займѣ двумъ большимъ дворамъ!» Мерси приходилъ къ заключенію, что дѣло весьма щекотливо и совѣтовалъ осторожность. «Одна мысль объ ужасахъ, которые могли бы произойти, если бы васъ предали, арестовали, приводитъ въ трепетъ» [16]). Нетвердые совѣты, только усиливающіе нерѣшительность, сомнительныя поощренія, вызывающія одни колебанія; ничего яснаго и несомнѣннаго, кромѣ затрудненій; ничего очевиднаго, кромѣ опасности; ничего постояннаго, кромѣ томительной тревоги,—вотъ весь результатъ этой опасной переписки.

IV.

Болѣе чѣмъ компрометирующее письмо де Мерси къ королевѣ отъ 7 марта было перехвачено и передано «полицейскому комитету» Національнаго Собранія (comité des recherches) [1])». Только и было слуховъ, что о заговорахъ, коалиціяхъ, планахъ иностраннаго вторженія и лигахъ, имѣвшихъ въ виду раздѣлъ Франціи (ligues copartageantes) [2]). Австрія уже выговорила себѣ долю: Эльзасъ и Лотарингію; прусскій король имѣлъ надежду вознаградить себя въ Бельгіи и австрійской Силезіи. «То, что я не переставалъ предрекать, случилось», писалъ Камиль Демуленъ. «Короли заключили союзъ во имя общаго дѣла. Шведскій король является истиннымъ Агамемнономъ осады Парижа» [3]). Памфлеты, направленные про-

---

[15]) См. письма Ферзена къ Таубе 1, 11 и 18 апрѣля 1791, t. I, p. 90, 98, 101; Бретёйлю, t. I, p. 94.—Письмо Маріи Антуанеты къ Мерси, 14 апрѣля. Feuillet, t. II, p. 38.—О Шампсенецѣ см. Lescure, *Rivarol*, p. 147.

[16]) Мерси королевѣ 21 и 27 апрѣля 1791. Arneth, p. 156, 160.

[1]) Arneth, p. 147, note.

[2]) См. наприм. отчетъ Сталя отъ 18 ноября 1790 г., 6 января, 17 марта и 2 мая 1791 г.

[3]) *Révolutions de France et de Brabant*, numéros 71 et 79.

тивъ королевы, сыплются дождемъ [4]). Только что вышедшіе въ свѣтъ [5]) «Тайные Мемуары» Дюкло даютъ публикѣ нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта заднимъ числомъ, романическое повѣствованіе о козняхъ Австріи во время Семилѣтней войны. Марія-Терезія злоупотребляла Франціей, Марія Антуанета предаетъ ее. Все сговорилось, чтобы посѣять смуту въ Тюильри, возбудить тамъ умы и довести ихъ до послѣдней крайности.

Королевская семья уже не внимала увѣщаніямъ Мирабо; но Мирабо продолжалъ ограждать ее и защищать своимъ краснорѣчіемъ. Онъ неожиданно исчезъ со сцены, падая подъ ударами собственной тревожной жизни скорѣе, чѣмъ отъ революціонной бури [6]): онъ кончалъ насильственной смертью существованіе, полное неожиданностей и грезъ. Эта внезапная кончина сопровождалась, по крайней мѣрѣ, соболѣзнованіемъ. Она окружила его могилу всегда обаятельной таинственностью недовершеннаго великаго дѣла. Было что-то безконечно потрясающее въ этомъ внезапномъ молчаніи мощнаго голоса, страстные раскаты котораго были для Франціи то славой, то соблазномъ.

Мирабо ускользалъ отъ испытаній власти и отъ разочарованій побѣды; онъ погибалъ среди битвы и его слава дополнялась всѣмъ тѣмъ, чего еще ждали въ будущемъ отъ его генія.

Онъ желалъ, чтобы дворъ господствовалъ и извлекъ пользу изъ національныхъ разногласій. Потерявъ надежду на успѣхъ, онъ слѣдилъ за этими раздорами съ какою-то томительною тоскою. Декреты о новомъ устройствѣ духовенства вызывали повсюду волненіе, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ и открытое возмущеніе: «Вотъ», писалъ онъ [7]), «еще новая рана, но самая ядовитая; она прибавитъ новый гангренозный центръ ко всѣмъ тѣмъ, которые подтачиваютъ, разъѣдаютъ и разлагаютъ наше политическое тѣло; мы имѣемъ законодательный корпусъ, который судитъ, производитъ слѣдствіе, награждаетъ и караетъ, однимъ словомъ, творитъ все, кромѣ того, что́ долженъ дѣлать. Въ настоящую минуту мы ставимъ религіозный расколъ рядомъ съ расколомъ политическимъ; намъ показалось, что мы испытали не довольно много сопротивленія, мы вызываемъ его съ избыткомъ; изъ опасностей, мы навлекаемъ наиболѣе ужасную; изъ затрудненій—самое безысходное; этого достаточно, чтобы сгубить все, если только Собраніе не устанетъ подчиняться анархіи....»

Собраніе, напротивъ, привыкало къ такому подчиненію и въ резуль-

---

[4]) Staël, 30 mai 1791.

[5]) Объявленіе объ этой книгѣ помѣщено въ Монитёрѣ отъ 12 ноября 1790 г.

[6]) 2 апрѣля 1791 г.

[7]) Въ частной замѣткѣ, январь 1791 г.—Lucas Montigny, t. VIII, p. 248.

татѣ получались такія критическія отношенія между нимъ и дворомъ, которыя уже никто не могъ уладить. Инцидентъ, котораго впрочемъ давно слѣдовало ожидать, обнаружилъ всю опасность кризиса. Приближался праздникъ Пасхи. Людовикъ XVI получилъ отъ папы письмо, въ которомъ заявлялось, что нельзя присягать гражданской конституціи, не впадая въ ересь. Король спрашивалъ себя, имѣетъ ли онъ право причаститься на страстной недѣлѣ [3]). Онъ сообщилъ о своихъ сомнѣніяхъ клермонтскому епископу, монсиньору Бональду, который посовѣтовалъ ему воздержаться отъ причастія. Это было для набожнаго Людовика самымъ тягостнымъ испытаніемъ. Но такое воздержаніе, которое было бы только пользованіемъ права свободной совѣсти и именно въ томъ, что было въ немъ наиболѣе личнаго и священнаго, не подходило подъ воззрѣнія революціонныхъ вожаковъ. Весьма мало религіозные сами, эти свободные мыслители и деспоты находили, что король обязанъ подчиняться церковному расколу, который они заставили его санкціонировать. Они требовали, чтобы, подавая примѣръ повиновенія закону, Людовикъ посѣщалъ свою приходскую церковь, исповѣдывался у священника, присягнувшаго конституціи, и принялъ бы изъ его рукъ, такъ сказать, конституціонное причастіе. Чернь, возбуждаемая клубами противъ духовенства, отказавшагося отъ присяги, принуждала полицію закрывать домовыя церкви. Въ дворцовой церкви служили исключительно не присягавшіе священники. Людовикъ не сомнѣвался въ томъ, что его отказъ отъ посѣщенія приходской церкви подастъ поводъ къ народному волненію. Онъ нашелъ способъ выпутаться изъ затрудненія, рѣшившись провести пасхальныя каникулы въ Сенъ-Клу. 17-го апрѣля, въ Вербное воскресенье, обѣдня въ Тюильрійскомъ дворцѣ послужила поводомъ къ небольшому бунту. Агитаторы объявили о намѣреніи короля уѣхать изъ столицы, истолковывая эту поѣздку какъ маневръ, направленный противъ народа, и какъ первый шагъ къ осуществленію тайныхъ замысловъ, слухи о которыхъ ходили по всему городу. 18 числа, когда Людовикъ XVI захотѣлъ выйти изъ дворца, національные гвардейцы, охранявшіе Тюильри, воспротивились этому. Ихъ поддерживала толпа.

Лафайетъ попытался вмѣшаться, но его не послушали. Онъ обратился къ солдатамъ, которые отказались повиноваться,—къ гражданскимъ властямъ, которыя не захотѣли вмѣшиваться въ это дѣло, наконецъ—къ самому королю, который не пожелалъ отдавать приказаній. Королевская семья принуждена была вернуться въ Тюильрійскій дворецъ. «По край-

---

[3]) Письма Ферзена и Елизаветы, сестры Людовика XVI, Fersen t. I, p. 102.—Feuillet, t. II, p. 448.—Falloux, *Louis XVI*, p. 222.—Staël, *Correspondance*, p. 198.

ней мѣрѣ», сказала королева своимъ приближеннымъ, «вы не можете не признать теперь, что мы не свободны!» [9]).

Съ этой поры они ждали спасенія лишь отъ избытка зла и направили всѣ усилія къ тому, чтобы заставить Европу констатировать лишеніе свободы, которому ихъ подвергали, и обмануть бдительность тѣхъ, кого считали своими тюремщиками, посредствомъ видимыхъ уступокъ. До сихъ поръ ихъ поступки были двусмысленны. Послѣ этого событія они стали двуличными. «Король не измѣнилъ рѣшенія уѣхать во второй половинѣ мая» писалъ Ферзенъ... [10]). «Для болѣе успѣшнаго выполненія плана, его величество рѣшилъ держаться другого способа дѣйствій: чтобы усыпить зоркость мятежниковъ относительно своихъ истинныхъ намѣреній, онъ покажетъ видъ, что созналъ необходимость окончательно перейти на сторону революціи и сблизиться съ ними; онъ будетъ руководствоваться исключительно ихъ совѣтами и постоянно будетъ предупреждать желанія черни, чтобы отнять у нея всякіе поводы къ инсуррекціи, поддержать спокойствіе и внушить довѣріе, что́ безусловно необходимо для выхода изъ Парижа». «Ихъ величества», прибавлялъ онъ [11]), «будутъ присутствовать въ воскресенье при богослуженіи въ приходской церкви, и если отъ нихъ того потребуютъ, будутъ исповѣдываться и пріобщаться у присягнувшаго священника». Коль скоро ихъ совѣсть доведена была до подобной уступки и они не отступили отъ такого святотатства, что значило для нихъ приносить присягу, отъ которой отрекались въ душѣ, слѣпо подписывать декреты, которыхъ не одобряли, и наконецъ вести тайные переговоры объ иноземномъ вмѣшательствѣ? Все это были въ ихъ глазахъ политическія мѣры, оправдываемыя государственной пользой! Въ видахъ противодѣйствія революціи, они опирались на грозное правило общественнаго спасенія, на которое, въ свою очередь, сошлется и революція для ихъ собственной погибели.

Министры потребовали отъ Людовика XVI, чтобы онъ объявилъ, что признаетъ себя свободнымъ: онъ отправился въ Собраніе 19 апрѣля и исполнилъ это. Отъ него потребовали, чтобы онъ подтвердилъ то же самое европейскимъ дворамъ, онъ не противорѣчилъ: 12 апрѣля съ этою цѣлью былъ отправленъ Монмореномъ циркуляръ ко всѣмъ французскимъ дипломатическимъ агентамъ за-границей [12]). Но въ то же время, предупрежденный Ферзеномъ Бретейль увѣдомлялъ всѣхъ европейскихъ государей, что они не должны изумляться никакими поступками короля и королевы.

---

[9]) Fersen, t. I, p. 105.

[10]) Бретейлю въ послѣднихъ числахъ апрѣля, т. I, и стр. 94.

[11]) Таубе, 22 апрѣля 1791 г. т. I, стр. 108.

[12]) *Moniteur*, t. VIII, p. 213.

«Все это—не болѣе какъ послѣдствія ихъ несвободнаго состоянія!» [13]). Всѣ, кто оставался вѣренъ королю за-границей, получили приказъ ускорить свою дѣятельность и увѣрить за-границей, что послѣднія событія доказываютъ необходимость отъѣзда короля изъ Парижа и безотлагательной помощи со стороны его союзниковъ.

V.

Тревога усиливалась во Франціи. Собраніе потребовало предохранительныхъ мѣръ. 28 января оно рѣшило, что войска будутъ поставлены на военное положеніе и вотировало наборъ въ сто тысячъ человѣкъ. Революціонный энтузіазмъ овладѣвалъ всѣми скамьями Собранія. Политическіе ораторы, юристы, и въ особенности военные, присоединялись къ «мятежнымъ патріотамъ», какъ называлъ ихъ Камиль Демуленъ, забившій тревогу въ клубахъ и въ газетахъ и грозившій уничтоженіемъ неосторожнымъ монархіямъ, которыя рѣшатся напасть на Франція [1]). Не одно только министерство казалось подозрительнымъ, но и дипломатическій комитетъ стали считать недальновиднымъ, если не потворствующимъ. Къ чему онъ? спрашивалъ Робеспьеръ: «Онъ вамъ ни на кого не доноситъ» [2]). Дипломатическіе агенты почти всѣ присягнули въ вѣрности конституціи: но такая покорность уже не считается достаточнымъ доказательствомъ преданности. Министерство смѣняетъ однихъ и перемѣщаетъ другихъ: эти перемѣщенія приписываются придворнымъ внушеніямъ и новыхъ агентовъ находятъ слишкомъ аристократичными [3]).

Придавленный, такъ сказать, дворомъ, съ одной, и Собраніемъ—съ другой стороны, Монморенъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ вліяніе и изнемогаетъ подъ бременемъ непосильной задачи. Посвященный отчасти въ противодѣйствіе двора Собранію и уполномоченный этимъ самымъ Собраніемъ приводить въ дѣйствіе нѣкоторыя мѣры противъ двора, подозрѣвая намѣренія, которыя скрываетъ отъ него королева, и между тѣмъ подозрѣваемый въ сообщничествѣ съ нею, онъ принужденъ играть нестерпимую роль человѣка, который проповѣдуетъ довѣріе, не испыты-

---

[13]) Fersen, t. I, p. 94—108.—*Kaunitz à Léopold,* 8 mai 1791.—Beer, *Kaunitz*, p. 401.—La Rochetelle, p. 308.

[1]) См. наприм. рѣчь барона генерала-маіора Мену, депутата отъ дворянства.

[2]) 19 апрѣля 1791 г.

[3]) См. рѣчи Мирабо, отъ 28 января, и Мену, отъ 6 апрѣля 1891 г.—Назначенія 27 марта: Де-Сегюръ, де-Вибре, де-Дюрфоръ, Осмондъ, де-Гуверне, де-Монтескіу, Боннъ-Карреръ, посланные въ Римъ, Стокгольмъ, Венецію, Петербургъ, Гагу, Дрезденъ, Люттихъ. Masson, *Affaires étrangères*, p. 87.

вая его самъ и не внушая его другимъ. Собраніе желало бы покорнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическаго правительства, но само дѣлаетъ невозможнымъ энергическое дѣйствіе стѣсненіями, которыми окружаетъ власть, а покорность—неосуществимою, по причинѣ нетвердости своихъ предписаній и постоянныхъ колебаній въ своемъ настроеніи. Оно путается въ противорѣчіяхъ между провозглашенными имъ самимъ правилами и житейскою дѣйствительностью, возмущающеюся противъ декретовъ, между политическими привычками и провозглашенными имъ принципами. Ни въ чемъ не проявлялись эти противорѣчія съ такою силою, какъ въ преніяхъ по поводу эмиграціи.

Когда, къ концу 1790 г., эмиграція начала казаться опасной, члены Учредительнаго собранія замѣтили, что они уничтожили въ принципѣ и упразднили фактически всѣ законы, которые дозволили бы принять мѣры противъ эмиграціи. Старый порядокъ давалъ суровый законъ и безпощадные прецеденты относительно эмиграцій. Этотъ законъ—не что иное, какъ эдиктъ Людовика XIV августа 1669 г.; кара, предназначавшаяся эмигрантамъ, заключалась въ конфискаціи имущества, лишеніи французскаго гражданства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно для тѣхъ, кто поступалъ на иностранную службу даже въ мирное время — законъ грозилъ смертной казнью [4]). Если къ этому присоединялся заговоръ или замышленіе таковаго въ сообществѣ съ недовольными, проживающими въ предѣлахъ французскаго королевства, или же съ иностранцами, внѣ этихъ предѣловъ, то это считалось оскорбленіемъ величества и влекло за собою смерть и конфискацію. Эти законы были общи всѣмъ монархіямъ. Англичане примѣняли ихъ къ католикамъ въ то время, какъ Людовикъ XIV примѣнялъ ихъ къ протестантамъ. Брабантцы еще недавно испытали ихъ жестокія послѣдствія [5]).

Собраніе, справедливо почитая эти старинные способы прежняго порядка орудіями деспотизма, торжественно отвергло ихъ и уничтожило. 21-го января 1790 года, вслѣдствіе доклада Гильотена, оно вотировало декретъ, имѣвшій цѣлью преобразованіе уголовнаго законодательства. Въ статьѣ 3-й постановлялось: «Ни въ какомъ случаѣ не допускается конфискація имущества осужденнаго». 9-го декабря гасконскій адвокатъ Ба-

---

[4]) Королевскій эдиктъ августа 1669 г. заключающій воспрещеніе всѣмъ подданнымъ удаляться изъ королевства съ цѣлью водворенія въ иноземныхъ странахъ, безъ дозволенія короля.

[5]) Трактатъ по предмету уголовныхъ преступленій, указанныхъ въ ордонансѣ августа 1670. «Traité des matières criminelles suivant l'ordonnance d'août 1670, par Guy du Rousseaud de la Combe», Paris, 1751, 4-e édition, p. 84—90.— Erskine-May, *Histoire Constitutionnelle de l'Angleterre*, traduction de Cornélis de Witt, Paris, 1865, t. I, p. 377—598; t. II, p. 375—376, 393.

реръ, хвастливый, рѣчистый и низкій, пародировавшій всѣ добродѣтели и прославившій всѣ гнусности того времени, прочиталъ докладъ о возвращеніи имущества, конфискованнаго вслѣдствіе религіознаго преслѣдованія. Такое возстановленіе правъ было только справедливо; но унизительно для великодушнѣйшаго изъ собраній выслушивать защиту этого права отъ безстыднѣйшаго изъ сиксфантовъ самой кровавой тиранніи, когда-либо существовавшей во Франціи. Бареръ клеймилъ «ужасный законъ», въ силу котораго «на основаніи простого доноса и безъ суда» предавалось во власть фиска состояніе столькихъ лицъ, виновныхъ лишь въ томъ, что не пожелали отречься отъ своихъ вѣрованій» [6]). Онъ осуждалъ «жестокихъ законодателей», «отнесшихся къ праву выѣзда изъ отечества какъ къ «преступленію противъ націи», между тѣмъ какъ это право принадлежитъ каждому, кто не находитъ у себя на родинѣ счастья и спокойствія» [7]).

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ того дня, какъ Собраніе рукоплескало такимъ рѣчамъ, какъ уже оно искало способовъ обойти собственныя рѣшенія и законъ, имъ же самимъ вотированный. На угрозы, заговоры, приготовленія эмигрантовъ указывали какъ на общественную опасность. Такъ смотрѣло на дѣло большинство, и оно постановило 21 февраля 1791 г., что конституціонный комитетъ озаботится изученіемъ вопроса о томъ, можно-ли препятствовать гражданамъ «покидать отечество въ минуту кризиса». Собраніе было связано въ этомъ случаѣ своею реформою уголовныхъ законовъ, подобно тому, какъ было связано ранѣе въ Авиньонскомъ вопросѣ своей декларацiей отреченія отъ завоеваній. Нашлись казуисты, взявшіеся согласовать общій законъ съ частными необходимостями политики. Уже 25 февраля Бареръ, въ видѣ, такъ сказать, прелюдіи къ своему отступничеству въ эпоху Террора, утверждалъ, что въ минуту кризиса и ради безопасности народа справедливо отмѣнять пользованіе естественнымъ правомъ свободы [8]). 28-го, будущій авторъ закона о лицахъ подозрительныхъ, Мерленъ, ссылаясь на самый законъ, на его пророка Руссо и на «Contrat Social» утверждалъ, что «въ смутное время эмиграція можетъ быть запрещена». Ревбель и Пріёръ высказали такое же мнѣніе. Это были предвѣстники «комитета общественной безопасности». Они, по выраженію, заимствованному Бомецомъ у Монтескье, предлагали «набросить покрывало на боговъ».

---

[6]) Эдикты октября 1685 и декабря 1689; декларація 4 мая 1724; постановленіе совѣта министровъ 15 мая 1751, касающееся переписи имѣній бѣжавшихъ изъ Франціи протестантовъ.

[7]) «Естественное право эмиграціи», такъ выражался Бареръ еще 25 февраля 1791 г.

[8]) *Moniteur*, t. VII, p. 477.

Послѣ горячаго столкновенія, въ которомъ боролся духъ 1789 г. съ духомъ 1793 г., Собраніе рѣшило, что выслушаетъ чтеніе проекта, выработаннаго конституціоннымъ комитетомъ. Докладчикъ Шапелье, порицая заранѣе трудъ комитета, усматривалъ въ немъ «истинную диктатуру и нарушеніе конституціонныхъ законовъ». Дѣйствительно это было не что иное, какъ возстановленіе во всей силѣ эдиктовъ Людовика XIV: въ смутное время, комитетъ, состоящій изъ трехъ лицъ, будетъ облеченъ верховною властью и будетъ рѣшать вопросъ о правѣ выѣзда изъ королевства и объ обязанности возвращенія. Тѣ, кто по предъявленіи приказа о возвращеніи не исполнятъ его, подвергаются конфискаціи. При этихъ словахъ, требовавшихъ взятія назадъ одной изъ мѣръ, которыми оно всего справедливѣе гордилось, Собраніе почувствовало себя оскорбленнымъ. «Оставьте», воскликнулъ Мирабо [9]), рѣчь котораго въ этомъ засѣданіи была однимъ изъ послѣднихъ его огненныхъ лучей, «оставьте подобные законы державамъ, которыя сдѣлали изъ своихъ государствъ обширныя тюрьмы. Самые тиранническіе законы объ эмиграціи никогда не имѣли иныхъ послѣдствій, кромѣ поощренія бѣгства изъ отечества. Человѣкъ не связанъ съ землею корнями, онъ не прирастаетъ къ землѣ. Человѣкъ—не поле, не лугъ, не скотина; поэтому онъ не можетъ почитаться чьею-либо собственностью». Собраніе, какъ то бывало съ нимъ всегда, коль скоро приходилось выбирать между отреченіемъ отъ своихъ принциповъ и послѣдствіемъ ихъ примѣненія, остановилось на компромиссѣ. Оно отложило обсужденіе вопроса по существу, поручило своему комитету подготовить декретъ о паспортахъ и постановило 28-го марта, что всѣ правительственные агенты обязаны оставаться въ странѣ: рѣшеніе благоразумное и законное, но уже въ силу своей умѣренности неспособное ни предупредить, ни сдержать эмиграцію. Чтобы предупредить, необходимо было бы сообразоваться съ закономъ; чтобы сдержать, слѣдовало бы пріостановить его дѣйствіе [10]). Собраніе не обладало ни достаточной энергіей для того, чтобы поддержать свои декреты, ни прискорбной отвагой для ихъ явнаго нарушенія. Оно пришло къ худшему изъ противорѣчій: обязать дворянъ оставаться во Франціи и сдѣлать это пребываніе для нихъ нестерпимымъ; возвратить на родину наиболѣе ожесточенныхъ враговъ революціи и доставить имъ

[9]) Засѣданіе 28 февраля 1791 г.

[10]) «Всѣ хорошіе законы предотвращаютъ эмиграцію», писалъ Андре Шенье. «Позаботьтесь о томъ, чтобы исполнялись существующіе законы; пусть всякая собственность будетъ неприкосновенна; пусть приказываютъ одни представители закона; пусть каждому мирному гражданину обезпечена будетъ безопасность; пусть темныя подозрѣнія не подаютъ повода къ преслѣдованіямъ, и каждый останется у своего очага». «*Sur l'esprit de parti*», André Chénier. Avril. 1791.

новыхъ союзниковъ. Декреты Собранія влекли за собою всѣ неудобства злоупотребленія силой; дѣйствія его приносили всѣ неудобства излишней слабости.

VI.

Гостепріимство, оказанное эмигрантамъ въ Германіи, могло только обострить столкновеніе, возникшее между парижскимъ собраніемъ и ратисбонскимъ сеймомъ, по поводу Эльзаса. Улаженіе конфликта по этой причинѣ нисколько не подвигалось. Франція все болѣе и болѣе запутывалась въ одну изъ безысходныхъ тяжбъ изъ-за господства, которыя во всѣ времена перерождались въ войны, по поводу установленія границъ, и въ національное соперничество. Франція соглашалась даровать нѣмецкимъ владѣтельнымъ принцамъ лишь добровольное вознагражденіе за убытки; она допускала только непосредственныя сношенія съ заинтересованной стороной; она отклоняла компетенцію сейма и, тѣмъ болѣе, вмѣшательство державъ-поручительницъ вестфальскаго мира [1]). Имперія воспрещала принцамъ частныя сдѣлки, она признавала соотношеніе между территоріальными уступками, сдѣланными Франціи въ 1648 г., и обезпеченіемъ правъ принцевъ. 14-го декабря императоръ передалъ королю

[1]) Декретъ 28 октября 1790 г. — Франція предлагала нѣмецкимъ принцамъ «вступить въ переговоры или по предмету вознагражденія, или же въ видахъ полнаго отчужденія ихъ имѣній». Депеша, препровожденная въ Вѣну 4 декабря 1790 г.—«Франція приглашаетъ этихъ принцевъ прислать въ Парижъ довѣренныхъ лицъ ad hoc; французскимъ уполномоченнымъ при европейскихъ дворахъ поручено предложить имъ эту мѣру». Депеша въ Вѣну отъ 24 января 1791 г.—Основы для переговоръ указаны точно и опредѣленно: «Право опредѣленія внутренняго порядка Эльзасской провинціи не зависитъ отъ иностраннаго воздѣйствія. Право это безспорно и изъ него вытекаетъ, по существу, и право подчиненія Эльзаса принципу единообразнаго управленія, составляющаго одну изъ основъ нашей конституціи. Этотъ принципъ собственно распространяется на владѣнія принцевъ, какъ и на всѣ остальныя, на томъ основаніи, что они находятся въ предѣлахъ французскаго господства». Имперскій сеймъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло: «Мы знаемъ принцевъ, владѣющихъ въ Эльзасѣ лишь въ качествѣ вассаловъ, а не какъ членовъ германскаго политическаго тѣла; наша верховная власть независима отъ имперіи въ той же мѣрѣ, какъ и ихъ вассальныя отношенія. Земли, которыми принцы владѣютъ въ Эльзасѣ, сдѣлались чуждыми имперіи съ той минуты, какъ перестали заключаться въ ея предѣлахъ». Депеша въ Вѣну, 4 декабря 1790 г. — «Одна и та же территорія не можетъ имѣть двухъ верховныхъ властей. Наша же таковая власть равно безусловна въ Эльзасѣ, какъ и въ Нормандіи и Шампани. Если имперія намѣрена прибѣгнуть къ вмѣшательству, это будетъ означать, что ни одна территорія, уступленная въ силу трактатовъ, не можетъ сдѣлаться независимою отъ своего прежняго государя». Депеша въ Вѣну отъ 18 апрѣля 1791 г.

подкрѣпленныя его авторитетомъ требованія [2]). Никакія разсужденія въ мірѣ не могли доказать, что Франція не облечена верховною властью, что имперія не обладаетъ таковою же, что каждая изъ этихъ державъ есть единственная истолковательница своей верховной власти и что каждая можетъ истолковывать ее противоположнымъ образомъ. При такихъ условіяхъ не было иного исхода кромѣ войны или сдѣлки путемъ третейскаго суда; именно на этомъ второмъ способѣ остановилось французское министерство и изложило свое требованіе Леопольду [3]). Обратились къ нему какъ къ союзнику Франціи, а не какъ къ императору; это была пустая канцелярская тонкость, потому что въ такомъ чисто нѣмецкомъ дѣлѣ, въ отношеніяхъ своихъ къ нѣмецкимъ принцамъ, Леопольдъ могъ лишь весьма искусственнымъ образомъ раздѣлять то, что соединялось въ его лицѣ—главу австрійскаго дома и главу священной имперіи. «Неужели стоитъ перевернуть вверхъ дномъ Европу изъ-за такого дѣла»! восклицалъ Монморенъ [4]). При Лудовикѣ XIV подобныя потрясенія производились однакоже по несравненно менѣе важнымъ мотивамъ; и ничто не обнаруживаетъ въ такой степени важнаго значенія кризиса, какъ именно это обращеніе къ вмѣшательству императора, къ которому рѣшился прибѣгнуть растерявшійся министръ Людовика XVI. Точно такъ же ничто

[2]) Имѣнія, находящіяся въ Эльзасѣ, писалъ императоръ, были уступлены лишь подъ условіемъ огражденія правъ принцевъ. Это условіе не можетъ быть уничтожено національными декретами. Эти земли не были отнесены къ французскому королевству, онѣ подчинены верховной власти императора и имперіи; ни одинъ изъ членовъ германской монархіи не имѣетъ права передавать эту власть иностранному государству. Изъ этого слѣдуетъ, что декреты недѣйствительны, поскольку касаются имперіи и ея членовъ, и что все должно быть возвращено къ прежнему порядку». Леопольдъ Людовику XVI, 14 декабря 1790 г.

[3]) «Не въ интересахъ императора обострять это столкновеніе», писалъ Монморенъ, «такъ какъ поддержка принцевъ съ его стороны могла бы повлечь за собою серьезныя послѣдствія. Она повлекла бы за собою войну, и войну тѣмъ болѣе опасную, что ее возбудили бы во Франціи, гдѣ народъ увидѣлъ бы въ ней угрозу, направленную противъ французскихъ границъ и конституціи... Рѣшенія, принятыя по вопросу о нѣмецкихъ принцахъ, не могутъ быть измѣнены; ихъ можетъ разрушить только сила, и въ этомъ отношеніи нельзя ждать ни соглашенія, ни сдѣлокъ. На основаніи этихъ рѣшеній вѣнскому министерству представляется двѣ альтернативы: или разрушить ихъ силою оружія, или пригласить принцевъ согласиться на предложенные имъ переговоры, а въ случаѣ отказа съ ихъ стороны не оказывать имъ никакой поддержки». Монморенъ французскому повѣренному въ дѣлахъ Габару, 24 января 1791 г. Нойаль находился въ это время въ отпуску. Въ томъ же смыслѣ составлены депеши, отправленныя въ Вѣну 4 марта, 18 апрѣля и 11 мая 1791 г.

[4]) Депеша въ Вѣну 10 февраля 1791 г.

не показываетъ яснѣе, до какой степени французская революція измѣняла всѣ прежнія отношенія. Въ былыя времена вся политика заключалась въ томъ, чтобы, такъ сказать, нейтрализировать императора чрезъ посредство имперіи; теперь принуждены были обращаться къ императорскому авторитету противъ сеймовыхъ коалицій и союзовъ мелкихъ государствъ. На самомъ дѣлѣ ихъ только сближали, объединяя ихъ интересы во вредъ Франціи.

Подобное же явленіе, и по аналогичнымъ причинамъ, проявилось въ отношеніяхъ французскаго государства къ папскому престолу и галликанской церкви. Французскіе епископы обратились къ папѣ съ просьбой защитить ихъ отъ вторженій государства въ область церкви; министры Лудовика XVI обращались къ нему же, прося совѣта и помощи въ своей борьбѣ съ этими самыми епископами. Такимъ образомъ Пій VI становился верховнымъ судьей между французскими католиками и государствомъ, чего, какъ извѣстно, постоянно домогались папы. Но теперь нечего было и думать о примѣненіи прецедентовъ временъ стараго порядка, то есть объ улаженіи спорныхъ дѣлъ путемъ уступки со стороны духовной власти, во вниманіе къ земнымъ интересамъ. Когда Людовикъ XV потребовалъ у папы упраздненія іезуитскаго ордена, онъ просилъ его лишь о примѣненіи папскаго авторитета, а не объ отреченіи отъ него, что́ неминуемо долженъ былъ бы сдѣлать Пій VI, если бы захотѣлъ терпѣть гражданское устройство духовенства. Когда Людовикъ XIV требовалъ утвержденія правъ своихъ на Авиньонъ, онъ не провозглашалъ правъ авиньонцевъ; онъ секвестрировалъ графство, а не революціонировалъ его. Этихъ существенныхъ различій вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему, послѣ декретовъ Собранія, всякое сношеніе съ Римомъ на прежнихъ основаніяхъ становилось невозможнымъ. Собраніе не хотѣло и слышать о нихъ; Римъ констатировалъ полную безполезность уступокъ, не отвѣчавшихъ ни его вкусамъ, ни его принципамъ, и которыя были бы поставлены ему въ вину и сочтены слабостью всею французскою церковью. Берни, найдя гражданскую присягу несовмѣстимою со своимъ епископскимъ достоинствомъ, отказался принести ее и потерялъ свой постъ посланника при римскомъ дворѣ [5]).

Министерство думало одно время замѣнить его графомъ Сегюромъ, который не могъ вернуться въ Петербургъ и оставался безъ должности.

---

[5]) Берни Монморену, 24 декабря 1790, 22 и 23 февр. 1791. Для Берни это была и отставка и разореніе: прелатъ-дворянинъ перенесъ испытаніе съ покорностью судьбѣ. Крайне легкомысленный въ счастьѣ, онъ съ достоинствомъ кончилъ въ изгнаніи и среди лишеній поприще, въ которомъ свѣтъ, дворъ и правительство всегда занимали болѣе обширное мѣсто, чѣмъ церковь. Masson, *Bernis*, ch. XV, XVI: *La Destitution, les dernières années du cardinal.*

Въ качествѣ либеральнаго ройялиста или, какъ выражались въ то время, «монархиста» (monarchien), онъ былъ невозможенъ при русскомъ дворѣ, гдѣ нѣкогда считался однимъ изъ наиболѣе блестящихъ представителей Франціи. Онъ собирался уже ѣхать въ Италію [6]), когда папское посланіе окончательно осудило гражданскую конституцію духовенства [7]). Ссылаясь на «Изложеніе принциповъ», доставленное ему французскими епископами, папа приказывалъ всѣмъ духовнымъ, присягнувшимъ ей, взять назадъ свою присягу; онъ объявлялъ недѣйствительными, противозаконными и святотатственными всѣ рукоположенія, произведенныя или имѣющія быть произведенными на основаніи новаго порядка, и заклиналъ французскихъ католиковъ не измѣнять вѣрѣ отцовъ. Нѣсколько дней спустя, Пій VI далъ понять, что не приметъ ни одного, присягнувшаго конституціи, посланника [8]). Въ Римѣ остался одинъ повѣренный въ дѣлахъ, Бернаръ, секретарь посольства при Берни; онъ хотя и присягалъ въ вѣрности конституціи, но, не занимая оффиціальнаго поста, продолжалъ оставаться въ Римѣ и вести посольскую переписку [9]). Въ Парижѣ нунцій протестовалъ противъ мѣръ, принятыхъ въ графствѣ [10]). Чернь сожгла 4 мая въ Пале-Ройялѣ манекенъ, изображавшій папу; нунцій потребовалъ паспортъ и выѣхалъ изъ Парижа 30-го числа [11]). Разрывъ былъ полный.

Тѣмъ временемъ междоусобица въ графствѣ приняла особенно жестокій характеръ. Авиньонскія банды наводили ужасъ на страну и осаждали Карпентрасъ. «То была варварская война съ обѣихъ сторонъ; обострившіеся старые счеты и новая свирѣпая вражда; не война, а скорѣе рядъ страшныхъ сценъ убійствъ и засадъ [12]). Мену представилъ Собранію 30-го апрѣля новый докладъ отъ имени дипломатическаго комитета и отъ комитета по авиньонскимъ дѣламъ. Въ заключеніи, онъ приходилъ къ не-

---

[6]) *Instructions de M. de Ségur* (Инструкціи Сегюру, подписанныя королемъ и Монмореномъ въ апрѣлѣ 1791).

[7]) *Caritas quoe docente Paulo apostolo....* 13 апр. 1791. Jacek, t. XIX, p. 355. —Порицая и осуждая принципъ, папа отложилъ окончательное рѣшеніе и спросилъ мнѣніе французскихъ епископовъ въ аллокуціи. *Quod aliquantum*, 10 марта 1791. *Recueil des allocutions consistoriales*, Paris, 1865.

[8]) *Rapports de Rome*, 27 avril, 2 mai, 11 mai 1791.

[9]) Masson, *Bernis*, p. 507.

[10]) *Notes du nonce*, 15 janvier et 12 mars 1791.

[11]) Онъ оставилъ вмѣсто себя викарія, который уѣхалъ 1 іюля. Бернаръ вскорѣ пересталъ вести дипломатическую переписку. Съ 25-го сент. 1791 г. прекратились всякія оффиціальныя и полуоффиціальныя сношенія между Франціей и папскимъ престоломъ.

[12]) Michelet, *Histoire de la Révolution*, t. II, p. 471.—Городъ Кавальонъ разграбленъ 10 января. Осада Карпентраса начинается въ апрѣлѣ. Она была снята 13 мая.

обходимости присоединенія и Авиньона и графства. Пренія, затѣмъ послѣдовавшія, воспроизводили, за малыми исключеніями, тѣ, которыя уже происходили въ ноябрѣ предыдущаго года. Ново было только обсужденіе пресловутой записки, составленной при Шуазелѣ королевскимъ генеральнымъ прокуроромъ при провансальскомъ парламентѣ—Монкларомъ. Эту записку долгое время напрасно искали въ архивахъ; предполагали уже, что она уничтожена по требованію папскаго престола, но, наконецъ, отыскали. Норманскій юрисконсультъ Гупиль де - Префельнъ торжественно принесъ ее на трибуну. Получивъ новую пищу изъ этой «богатой сокровищницы», пренія возобновились ожесточеннѣе прежняго. Прежде, когда шла рѣчь объ эльзасскихъ дѣлахъ, можно было подумать, что находишься въ мецскомъ парламентѣ; теперь въ Національномъ собраніи воскресалъ парламентъ экскій. Революціонеры-идеалисты и наиболѣе смѣлые новаторы прониклись неожиданнымъ уваженіемъ къ прецедентамъ и юриспруденціи. «Дѣло идетъ не о какихъ-либо нововведеніяхъ», воскликнулъ Робеспьеръ, «а о подтвержденіи существующаго права!» [13]). Докладъ Мену опирался на желаніе населенія какъ на главный доводъ [14]). Ораторы правой выражали сомнѣніе въ искренности этого желанія [15]). «Это ничего не значитъ», возражали сторонники присоединенія, «жители этихъ провинцій никогда не переставали быть французами». Оппоненты допускали, что Франція, въ качествѣ дружественной папскому престолу державы, можетъ послать войска для возстановленія порядка въ графствѣ. Лѣвая отвергала такую мѣру: это значило бы вмѣшаться въ дѣла иностранной націи и подать поводъ къ подобнымъ же вмѣшательствамъ въ дѣла самой Франціи. Надо принять рѣшеніе, основанное на правѣ, объявилъ Мерленъ: если жители графства—французы, то Франція и введетъ у нихъ французскіе законы; если же они—не французы, то Франція не будетъ вмѣшиваться въ ихъ раздоры [16]). И снова принялись разсуждать о принципѣ завоеваній.

---

[13]) Рѣчь Робеспьера 2 мая 1791 г.

[14]) «Существуетъ нѣсколько подлинныхъ документовъ, очевидно доказывающихъ желаніе значительнаго большинства авиньонскихъ гражданъ. Въ графствѣ, изъ 95 общинъ 51 доставила вамъ протоколы преній, благопріятныхъ присоединенію; другія заявили, что намѣрены выжидать и присоединятся къ большинству. Населеніе графства равняется 126000; населеніе общинъ, выразившихъ желаніе быть присоединенными — 86817..» Докладъ Мену, 30 апрѣля 1791 г.

[15]) Рѣчи: Клермона Тоннера, Ла-Рошфуко, 2 мая; Малуе, Дюшателе, 3 мая 1791 г.

[16]) Рѣчи Казалеса и Мори, 30 апрѣля; Петіона, 30 апрѣля; Робеспьера, 2 мая; Ламета, 3 мая; Мерлена, 4 мая 1791 г.

Всѣ доводы были уже приведены во время преній, происходившихъ въ 1790 г.; но событія принуждали возвратиться къ нимъ, и сквозь извилины этихъ словопреній можно было прослѣдить возраставшую страстность и постепенное уклоненіе отъ первоначальныхъ воззрѣній. Юрисконсульты и представители военнаго міра, руководившіе преніями, мало-помалу приводятъ ихъ къ прежнимъ формуламъ, отличаютъ завоеваніе, «явившееся слѣдствіемъ открытой войны», отъ возвращенія себѣ несправедливо отторгнутой территоріи. На замѣчаніе правой: «если бы Авиньонъ принадлежалъ не намъ, а другому болѣе могущественному государю, рѣшились-ли бы вы присоединить его?» Мену отвѣчаетъ [17]): «Болѣе сильный не совершаетъ несправедливости, когда возвращаетъ себѣ то, что ему принадлежало... Когда собственность присвоена несправедливо болѣе сильными, тогда ждутъ только благопріятнаго случая, чтобы заявить о своемъ правѣ. Если бы наше собраніе могло породить войну, вы не были бы нападающими; слѣдовательно, въ вашемъ дѣйствіи не было бы противорѣчія съ декретомъ, которымъ вы отказались отъ всякаго завоеванія и враждебнаго намѣренія». Это была не только по своей основѣ, но даже и по выраженіямъ, вся классическая теорія правъ короля. Система комитета вела новую Францію къ требованію наслѣдія Карла Великаго. Указывая на это, Клермонъ Тоннеръ самъ считалъ свои слова только ироніей [18]). Парадоксъ остался незамѣченнымъ; но безпощадная логика исторіи сдѣлала изъ него предсказаніе. Малуе окончательно сбросилъ покрывало [19]). «Собраніе, сказалъ онъ, повидимому, не отдаетъ себѣ отчета въ истинномъ значеніи своихъ декретовъ. Оно должно измѣрить это значеніе. Въ этой революціи есть черта, свойственная ей одной: это свойство обобщенія принциповъ, примѣнимости ихъ ко всѣмъ странамъ и народамъ, ко всѣмъ правительствамъ; это своего рода духъ завоеванія или, скорѣе, апостольства, который охватилъ болѣе страстные умы и стремится къ внѣш-

---

[17]) Докладъ 30 апрѣля 1791 г.

[18]) «Если бы вы прибавили къ приведеннымъ основаніямъ еще и это, то, ссылаясь на принципъ отреченія отъ завоеваній, вы впали бы въ крайнюю иллюзію. Такъ какъ возвращеніе прежнихъ владѣній не есть завоеваніе, а всякое нарушеніе владѣній не можетъ быть дозволяемо, вы могли бы, не нарушая собственной декларацiи, но переступая далеко за предѣлы нашихъ границъ, потребовать владѣнія, несомнѣнно принадлежавшія Карлу Великому, и это нисколько не противорѣчило бы цѣли, указанной докладчикомъ г. Мену, а именно, касательно того, чтобы сообразоваться относительно времени возвращенія прежнихъ владѣній съ большимъ или меньшимъ въ данную минуту могуществомъ державъ, ими владѣющихъ». Клермонъ Тоннеръ, рѣчь 2 мая 1791 г.

[19]) 2 мая 1791 г.

нему распространенію. Это равняется нападенію на иностранныя державы и должно внушать имъ опасенія и вооружить ихъ противъ насъ...»

Эти доводы производятъ на Собраніе потрясающее впечатлѣніе; доводы противоположнаго характера волнуютъ его не менѣе первыхъ и внезапно заставляютъ его переходить отъ благоразумія и осторожности, къ которымъ оно склонялось въ силу политическаго инстинкта, къ беззавѣтной отвагѣ, внушаемой страстями и являющейся логическимъ слѣдствіемъ заложенныхъ имъ въ основу принциповъ. «Если мы отступимъ предъ какимъ-нибудь посланіемъ папы», замѣчаетъ Барнавъ [20]), «державы предположатъ, что и отъ всѣхъ остальныхъ правъ своихъ мы можемъ отказаться съ такою же легкостію. То, что будетъ сдѣлано относительно Авиньона, потребуютъ и для Эльзаса». Собраніе колеблется между разнородными и противорѣчащими одно другому предложеніями, съ которыми къ нему обращаются съ разныхъ сторонъ. Оно не можетъ ни рѣшить, ни отклонить вопроса, оно связано имъ и постоянно къ нему возвращается.

4-го мая оно отклоняетъ [21]) проектъ декрета комитетовъ, объявляющаго, что «Авиньонъ и графство Венессенское составляютъ неотъемлемую часть Франціи». Но на другой же день, подобно парламентамъ, которые принимали къ свѣдѣнію указы о возвращеніи этихъ земель папѣ, подъ оговоркою правъ короля, оно подвергаетъ свою вотировку толкованіямъ и тѣмъ беретъ ее назадъ. «Всѣмъ извѣстно», замѣчаетъ Бушъ, «что Авиньонъ и графство въ настоящее время не входятъ въ предѣлы французскаго господства, но всѣ также знаютъ, что они должны принадлежать Франціи и будутъ принадлежать ей рано или поздно» [22]). Собраніе именно такъ и смотрѣло на дѣло, отвергая текстъ, предложенный комитетами; иначе говоря, оно ничего не рѣшило и отложило вопросъ до другого времени.

Пренія возобновились 24-го, по поводу новаго доклада, авторомъ котораго былъ Мену. Присоединеніе отвергается снова [23]), но 25-го мая Собраніе постановляетъ, что будутъ отправлены посредники для водворенія спокойствія и мира среди жителей графства и авиньонцевъ, «въ видѣ временной мѣры, необходимой въ ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія относительно правъ Франціи на эти земли». Итакъ, заявленіе правъ отложено, а вмѣшательство рѣшено. Присоединеніе же, отвергнутое 4-го мая большинствомъ 171 голоса, отвергается на этотъ разъ только большинствомъ

---

[20]) 3 мая 1791 г.

[21]) 487-ю голосами противъ 316; 67 воздержалось отъ подачи голоса.

[22]) *Moniteur*, t. VIII, p. 306. Собраніе рѣшаетъ, что Авиньонъ и Венессенское графство не входятъ въ составъ Франціи.

[23]) 374 голосами противъ 368

6 голосовъ. Съ этой минуты становится несомнѣннымъ, что Собраніе декретируетъ присоединеніе и что вмѣшательство будетъ лишь средствомъ и способомъ его подготовить. Члены Учредительнаго собранія однако вполнѣ искренни въ своей діалектикѣ; но они напоминаютъ тѣхъ гнѣвныхъ и щепетильныхъ богослововъ, которые, явившись на соборъ съ цѣлью подтвержденія своей ортодоксальности, выходятъ изъ него еретиками и выводятъ свою ересь изъ самихъ преній, начатыхъ ими въ видахъ укрѣпленія основъ своей вѣры.

Объявляя, что возвращеніе несправедливо отнятой территоріи или присоединеніе края, жители котораго сами желаютъ присоединиться — не могутъ считаться завоеваніемъ, Собраніе желало лишь опредѣлить свое принципіальное воззрѣніе на отреченіе отъ завоеваній вообще. Пришлось понасиловать текстъ для того, чтобы растянуть его до такихъ отдаленныхъ послѣдствій; напротивъ, достаточно было слегка коснуться заключенія, чтобы окончательно поколебать самый принципъ. Въ истолкователяхъ не оказалось недостатка. За серьезными и степенными людьми, намѣтившими пути, появились безпокойные ученики, доведшіе до крайностей всѣ установленныя учителями правила. Подобно компиляторамъ, которые переносятъ въ новый текстъ и присвоиваютъ новымъ законамъ всѣ добавленія и всю юриспруденцію старыхъ, изобрѣтательные публицисты немедленно приспособили къ системѣ отреченія отъ завоеваній прецеденты завоеванія.

Предупреждать нападеніе значитъ только защищаться, объявляетъ одинъ изъ нихъ; изъ этого слѣдуетъ, что если нападаютъ во имя самозащиты, то не нарушаютъ тѣмъ принципа, и въ такомъ случаѣ можно завоевывать на законномъ основаніи, хотя бы для того, чтобы вознаградить себя за издержки на справедливую войну и предупредить ея повтореніе [24]). Поддержаніе равновѣсія между державами есть одно изъ условій безопасности государствъ; изъ этого вывели, что если кто-нибудь нарушитъ это равновѣсіе въ свою пользу, или замышляетъ нарушить, то возстановленіе пропорціональности силъ не будетъ нарушеніемъ конституціи: нарушеніе одного

[24]) Камиль Демуленъ пишетъ въ своихъ Révolutions, № 63: «Я увѣренъ, что Гара, Карра, Маратъ, Линге, Горса, Лакло, Бриссо, Оддонъ, Фреронъ, Робертъ и я, также какъ и всѣ воинствующіе патріоты—всѣ мы отправимся зажигать Палатинатъ; но эти пожары заставятъ благословлять французское имя настолько же, насколько проклинали пожаръ Лувуа. Насъ можетъ остановить только декретъ, которымъ французскій народъ отказался бы отъ завоеваній и мы должны желать нападенія со стороны Леопольда, чтобы имѣть право перейти на другой берегъ Рейна. Если феодальная Германія столкнется съ монархической Франціей, сказалъ Карра, одна изъ нихъ должна раздавить другую».

освобождаетъ другого отъ даннаго имъ обѣщанія [25]). На такомъ основаніи одинъ глубокомысленный политикъ предложилъ французскому министерству предпринять реформу Германіи посредствомъ общей секуляризаціи епископскихъ княжествъ [26]) и упорядочить восточный вопросъ при помощи раздѣла и Турціи и Польши. По мнѣнію такихъ дипломатовъ-казуистовъ, подобная операція была бы вполнѣ ортодоксальна. Нидерланды остались бы за Франціей, которая позаботилась бы о томъ, чтобы они сами попросили присоединенія, для согласованія буквы конституціи съ духомъ политики. Другой, еще болѣе смѣлый прожектеръ совѣтовалъ тѣсный союзъ съ Россіей противъ Англіи и Пруссіи и въ ущербъ туркамъ [27]). Пусть Россія возьметъ, что захочетъ, Франція же пріобрѣтетъ Критъ, Лемносъ и въ особенности Египетъ, что́ будетъ «самымъ блестящимъ изъ завоеваній, такъ какъ оно возвратитъ Франціи блескъ, на который она имѣетъ право, и поставитъ ее во главѣ всѣхъ промышленныхъ и морскихъ державъ цѣлаго міра».

Все это—прекрасныя патріотическія мечты, но какъ далеко уносятъ онѣ насъ отъ Учредительнаго собранія, вѣчнаго мира, иллюзій 1789-го и декретовъ 1790 года! Отъ области чистаго права до сферы дипломатическихъ приличій и государственной пользы ведетъ незамѣтно-извилистая тропинка. Старый обычай воскресъ изъ пепла послѣ того, какъ подвергся торжественному сожженію. Въ Европѣ стараго порядка также существо-

---

[25]) Въ меморіи министру иностранныхъ дѣлъ отъ 6 апрѣля 1791 г. читаемъ: «Франція формально отказалась отъ завоеваній; но это отреченіе не настолько обязательно, чтобы отказаться отъ всякаго вознагражденія, необходимаго для возмѣщенія убытковъ войны, предпринятой ради собственной защиты, и въ предѣлахъ котораго каждая держава можетъ и должна принять мѣры для поддержанія должнаго общаго равновѣсія».

[26]) *Projet de modification dans la Confédération germanique,* автора меморіи.

[27]) *Observations sur la position actuelle de la France, avantages auxquels elle pourrait prétendre en s'alliant avec la Russie et en contribuant au demembrement de l'empire ottoman.* 1791 г. Авторъ выбралъ эпиграфомъ слѣдующую фразу Гибера: «Самый бредъ гражданина, мечтающаго о счастьѣ родины, имѣетъ въ себѣ нѣчто заслуживающее уваженія». Эта цитата, заимствованная у автора. «Похвалы Фридриху II» не мѣшаетъ публицисту выказывать относительно Пруссіи замѣчательную и рѣдкую въ то время дальновидность. Онъ ставитъ ее на ряду съ Англіей въ число непримиримыхъ враговъ Франціи и прибавляетъ: «Польша—за Торнъ и Данцигъ; Россія—за Курляндію, Ливонію и проч. Данія—за Гольштейнъ, Швеція за Померанію, Саксонія—за собственную территорію—не должны ли они всего опасаться отъ короля, располагающаго лучшею арміей въ мірѣ, не знающаго иныхъ законовъ, кромѣ собственнаго интереса и собственнаго честолюбія и который рѣшится на все, если можетъ расчитывать на безнаказанность».

вало своего рода отреченіе отъ завоеваній: то были трактаты, подписываемые державами и обязывавшіе ихъ къ взаимному уваженію чужихъ границъ; впрочемъ трактаты подписывались съ оговорками и было придумано не мало способовъ нарушенія обязательствъ, оказавшихся неудобными. Публицисты французской революціи, истолковывая новое право, низвели его до уровня права стараго режима. Собраніе ввело законъ, которому принадлежитъ будущее: въ силу этого закона, желаніе народовъ должно почитаться верховнымъ рѣшеніемъ въ дѣлѣ завоеваній. Но этотъ прекрасный законъ оказался несвоевременнымъ въ тогдашней Европѣ, и онъ извращается, какъ только пытаются примѣнить его къ практикѣ дѣйствительной жизни, которая управляется и еще долго будетъ управляться согласно съ обычаями стараго порядка. Революціи необходимо вернуться къ этому обычаю, подъ страхомъ отреченія отъ всякой роли въ мірѣ. Національный интересъ возьметъ верхъ надъ чистымъ разумомъ и не только вернетъ новую Францію къ обыкновеннымъ войнамъ прежнихъ временъ, но и увлечетъ ее къ самымъ крайнимъ «завоевательнымъ излишествамъ». Такое превращеніе замѣчается уже въ 1791 году, и для полнаго уясненія этого факта предъ лицомъ Франціи и Европы, для того, чтобы духъ конвента проявился уже въ этихъ, такъ сказать, пророческихъ преніяхъ, мы видимъ 3 мая будущаго докладчика Комитета общественнаго спасенія, заставляющаго молчать ораторовъ правой слѣдующею фразой, резюмирующей всю программу Дантона и учениковъ его III года: «Я полагалъ», восклицаетъ Бареръ, «что Франція могла бы, ради собственной безопасности, воспользоваться тѣми же правами, которыми пользовались Людовикъ XIV и Людовикъ XV ради менѣе важныхъ интересовъ».

ГЛАВА IV.

Варенъ.

1791.

I.

Европа мало дорожила трактатами, манифестами, о нихъ объявлявшими, и послѣдствіями, которыя они могли принести въ будущемъ: она занималась исключительно фактами настоящаго. Дѣйствія Собранія казались робкими и неопредѣленными; они не внушали опасеній. Папскій престолъ протестовалъ противъ присоединенія Авиньона, но министерства иностранныхъ дѣлъ привыкли не обращать вниманія на папскія жалобы. Нѣмецкіе принцы интриговали при всѣхъ дворахъ; но и къ ихъ требованіямъ никогда не относились серьезно, а къ дѣламъ сейма Европа была вполнѣ равнодушна. Ничто не казалось весною 1791 года менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ коалиція державъ противъ Франціи, и восточный вопросъ продолжалъ занимать кабинеты несравненно болѣе французской революціи. Снова начали носиться слухи о войнѣ. Прусскій король далеко не раздѣлялъ оптимизма Бишофсвердера и считалъ себя проведеннымъ Леопольдомъ. Мистицизмъ этого короля уступалъ его гнѣвливости. Онъ велѣлъ туркамъ держаться на-готовѣ и двинуть войска къ Дунаю [1]), извѣстивъ ихъ, что англійскій флотъ вооружается для кампаніи въ Балтійскомъ морѣ: какъ только этотъ флотъ появится въ его водахъ, будетъ объявлена война Россіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ твердо увѣренъ въ содѣйствіи англичанъ. Раздраженный австрійскими проволочками и высокомѣрнымъ образомъ дѣйствій Россіи, Питтъ рѣшился подѣйствовать на эти державы военной демонстраціей, расчитывая, что покорность Россіи послужитъ примѣромъ и для Австріи. Онъ пустилъ пруссаковъ впередъ и на совѣтѣ министровъ 27-го марта рѣшилъ, что на другой же день король обратится къ парламенту съ посланіемъ, испрашивающимъ ассигнованія суммъ на вооруженія, въ виду войны съ Россіей. Между парламентомъ и кабинетомъ существовали большія разногласія по этому вопросу. Общественное мнѣніе было единодушнѣе. Мысль о разрывѣ съ Россіей встрѣтила въ Лондонѣ всеоб-

---

[1]) Мартъ 1791. Herrmann, *Geschichte Russland's*, t. VI, ch. VI, p. 388 № 1. —Id. Dip. corr. p. 9.—Beer, *Leopold und Catharina*, p. 59.

щую оппозицію. Союзъ съ Россіей продолжалъ еще считаться въ лондонскомъ Сити основнымъ принципомъ англійской системы. Торговый міръ былъ озабоченъ исключительно дѣловыми сношеніями съ сѣверомъ и торговлею на Балтійскомъ морѣ; этотъ міръ ни мало не думалъ ни о Средиземномъ, ни о Черномъ моряхъ и не подозрѣвалъ переворота въ англійской политикѣ, который долженъ былъ явиться слѣдствіемъ утвержденія англійскаго господства въ Индіи. Посланный въ Англію Ростопчинъ весьма ловко пользовался такимъ настроеніемъ. Онъ ревностно поддерживалъ недовольство. По его указаніямъ печатались статьи въ газетахъ и распространялись брошюры, направленныя противъ Питта. Въ Лондонѣ возбужденіе было такъ сильно, что прохожіе писали мѣломъ на стѣнахъ домовъ: «не надо войны съ Россіей!» [2]). Что касается государственныхъ людей, то и они возставали противъ Питта. Они находили, что министръ увлекается, что онъ покидаетъ традиціонную политику, завѣщанную Чатамомъ, ради пустого желанія отнять у Россіи Очаковъ и усилить вліяніе прусскаго короля [3]).

Пренія въ обѣихъ палатахъ начались 29 марта и, постоянно оживляемыя новыми предложеніями, тянулись въ теченіе недѣль: пренія эти, въ сущности, были довольно монотонны, несмотря на краснорѣчіе ораторовъ, и цифры лились въ нихъ обильнѣе фразъ въ Національномъ собраніи. Нападали и защищались при помощи сомнительныхъ статистическихъ данныхъ и не менѣе сомнительныхъ политико-экономическихъ истинъ. Но въ этихъ преніяхъ проявляется общественное мнѣніе и отношеніе англичанъ къ европейскому кризису. «Россія — наша естественная союзница»,—заявлялъ графъ Карлейль. «Кто заинтересованъ въ ослабленіи Россіи?—восклицаетъ Фоксъ.—Франція, быть можетъ, Испанія, но не мы. Какое намъ дѣло даже до Средиземнаго моря? Если Россія проникнетъ въ него, тамъ будетъ три державы, вмѣсто двухъ: Франція, Испанія и Россія, а такъ-какъ первыя двѣ намъ враждебны, то послѣдняя можетъ быть и союзницей. Предположимъ даже, что онѣ поладятъ, въ такомъ случаѣ мы будемъ удалены изъ Средиземнаго моря, и только»... Относительно Оттоманской имперіи англичане не стѣсняются. Поддерживать турокъ, не значитъ ли это работать для Франціи, которая постоянно дѣлала ихъ орудіемъ собственныхъ козней? Боркъ не допускаетъ, чтобы въ Турціи видѣли одного изъ факторовъ европейскаго равновѣсія. Онъ громитъ ихъ съ такою же яростью, какъ и французскую революцію. «Какое отношеніе къ Европѣ могутъ имѣть эти существа, стоящія ниже дика-

---

[2]) *Автобіографія Растопчина*, въ Архивѣ князя Воронцова.

[3]) Stanhope, *William Pitt*. t. II, p. 110. — Докладъ Ла-Люцерна отъ 1-го апрѣля.

рей и вносящія только войну, разрушеніе и чуму? Все, что есть святого и нравственнаго въ человѣчествѣ, требуетъ, чтобы относились съ ужасомъ и отвращеніемъ ко всему, что́ могло бы усилить эту державу. Всякое христіанское государство должно быть предпочтено этимъ дикарямъ-разрушителямъ. Что до меня касается, то хотя мое мнѣніе можетъ показаться устарѣлымъ, но не въ моемъ вкусѣ этотъ антикрестовый походъ. Я не нахожу, чтобы слѣдовало покровительствовать этимъ варварамъ, угнетателямъ христіанъ, въ ущербъ цивилизаціи и человѣческому прогрессу». [4]). Во время этихъ-то преній Питтъ произнесъ знаменитыя слова, значеніе которыхъ ускользало отъ пониманія его современниковъ и которымъ суждено было сдѣлаться основою англійской политики слѣдующаго столѣтія: [5]). «Намъ говорятъ: предоставьте Россіи сохранить всѣ свои завоеванія; оставьте ее дойти до конца и изгнать турокъ изъ Европы, это не можетъ касаться нашихъ интересовъ! Съ тѣми, кто кладетъ такую основу нашей политикѣ, я отказываюсь спорить».

О Франціи не разъ упоминается въ теченіе преній. Революція является однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ доводовъ для сторонниковъ мира. Она волнуетъ всѣхъ. Консерваторы зачитываются книгой Борка. Демократы распространяютъ сочиненіе Пэна. Ихъ разногласія проявляются въ страшныхъ парламентскихъ стычкахъ. Онѣ повлекли за собою публичный разрывъ двухъ знаменитыхъ ораторовъ партіи виговъ: Фокса и Борка [6]). Фоксъ говоритъ съ восторгомъ о *правахъ человѣка*, Боркъ относится къ нимъ съ явнымъ презрѣніемъ. «Страшитесь французской конституціи»! восклицаетъ онъ и продолжаетъ, приводя Мильтона: «Это мрачный, чудовищный и грозный образъ смерти. Это безобразное чудовище, порожденое адомъ и хаосомъ»!—«По крайней мѣрѣ», сказалъ Фоксъ, обращаясь къ старому товарищу, «наша личная дружба не пострадаетъ отъ этого»!—«Напротивъ», отвѣтилъ ему Боркъ, «наша дружба пришла къ концу: таково вліяніе этой ненавистной революціи, что она отравляетъ все, до чего ни коснется». Фоксъ не сказалъ на это ни слова и залился слезами.

То были громкія ораторскія сцены. Ихъ практическимъ слѣдствіемъ было то, что англичане не пожелали ни нападать на Францію, ни порывать съ Россіей. [7]). Питтъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться

---

[4]) Засѣданія палаты лордовъ и палаты общинъ. 29 марта 1791. Hansard, t. XXIX, p. 35.

[5]) 15 апрѣля. Hansard.

[6]) 6 мая 1791. Пренія по поводу канадской конституціи. Hansard, t.XXIX, p. 364.

[7]) Ла-Люцернъ писалъ 6 мая 1791.—«Англійскій министръ, который за-

во французскую революцію; онъ понялъ также, что его соотечественники отказывались отъ вмѣшательства въ восточный вопросъ, и нашелъ болѣе благоразумнымъ остановиться во́-время. И власть и популярность его были сохранены этою цѣною. Къ тому же онъ былъ сильно озабоченъ индійскими дѣлами: возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Типу-Саибъ, требовало энергическихъ мѣръ [8]). Питтъ рѣзко отказался отѣ всѣхъ начатыхъ въ Европѣ мѣропріятій, не соблюдая при этомъ никакихъ дипломатическихъ предосторожностей и учтивостей. Онъ взялъ назадъ нѣкотораго рода ультиматумъ, съ которымъ обратился къ Россіи, и послалъ въ Петербургъ Фаукнера, чтобы, по словамъ Растопчина, сдѣлать все угодное императрицѣ [9]). Онъ объявилъ, что согласенъ уступить по вопросу объ Очаковѣ, поручилъ лорду Эльджену ѣхать въ Италію для соглашенія съ императоромъ Леопольдомъ и извѣстилъ Пруссію, что англійскій флотъ не пойдетъ въ Балтійское море. Эти мѣры рѣшены были въ концѣ апрѣля. Статсъ-секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, лордъ Лидсъ не одобрялъ ихъ: онъ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ лордомъ Грэнвиллемъ. Этотъ министръ, руководившій англійскою внѣшнею политикою во все время французскаго революціоннаго кризиса, былъ человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ; его со вниманіемъ слушали въ палатѣ лордовъ, но у него былъ недостатокъ, крайне неудобный для дипломата, и онъ самъ признавался въ немъ: «я не умѣю, говорилъ онъ, обращаться съ людьми» [10]).

Поворотъ въ англійской политикѣ равнялся для Пруссіи проигранному сраженію. Фридриху-Вильгельму оставалось только отступить, а искусство его совѣтниковъ должно было замаскировать это отступленіе. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный прусской партіи войны и старой политики, которой только поддержка со стороны Англіи придавала еще нѣкоторую силу. Герцбергъ заболѣлъ и оставилъ министер-

---

хотѣлъ бы напасть на насъ безъ всякаго повода, не только встрѣтилъ бы оппозицію со стороны друзей французской революціи, а такихъ не мало, но и со стороны тѣхъ, кто наиболѣе ей враждебенъ, и это потому, что каждый благоразумный англичанинъ сознаетъ опасность, въ которой находится его отечество; онъ сознаетъ, что если налоги будутъ увеличены, въ народѣ проявится сильное недовольство, и отсюда до того, что̀ произошло у насъ во Франціи,—одинъ только шагъ. Итакъ, я думаю, что Питтъ не имѣетъ въ настоящее время никакихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ намъ; но я полагаю, что онъ чрезвычайно опасается нашего выздоровленія»...

[8]) Отчетъ Ла-Люцерна.

[9]) Автобіографія. Stanhope II, ch. XV.—*Political Memoranda of Duke of Leeds*, 1791.

[10]) Stanhope, t. II, p. 119.

ство [11]). Его замѣнили графы: Альвенслебенъ и Шуленбургъ. Они нашли тамъ Финкенштейна, пользовавшагося довѣріемъ Фридриха и сохранившаго расположеніе его преемника. Эти три министра совокупно занимались государственными дѣлами. Финкенштейну было семьдесятъ семь лѣтъ и онъ почти не оказывалъ вліянія. Альвенслебенъ, дипломатъ по профессіи, находился въ цвѣтѣ силъ, но онъ не отличался ни особеннымъ образованіемъ, ни твердостью характера; онъ былъ извѣстенъ своею враждебностью къ Франціи и слылъ врагомъ Польши. Главную роль въ этомъ совѣтѣ игралъ Шуленбургъ, и онъ, какъ до него Герцбергъ, фактически управлялъ внѣшними дѣлами, Ему было около пятидесяти лѣтъ, онъ близко знакомъ былъ со свѣтомъ и политикой; если ему не доставало геніальности и возвышенности ума, то онъ обладалъ разсудительностью, трудолюбіемъ и большею послѣдовательностью, чѣмъ того требуетъ вѣрноподданническая покорность Всѣ трое, впрочемъ, были истыми пруссаками по воспитанію и привычкамъ: въ высшей степени осторожными совѣтниками и гибкими исполнителями, съ раннихъ лѣтъ дрессированными для всѣхъ ухищреній дипломатическихъ переговоровъ, не имѣвшихъ въ виду ничего, кромѣ непосредственныхъ государственныхъ выгодъ, и болѣе алчными, чѣмъ предусмотрительными въ дѣлѣ опредѣленія этихъ выгодъ. Способные управляющіе, люди, знающіе толкъ въ равновѣсіи, дѣлежахъ, вознагражденіяхъ, смотрящіе на Европу, какъ на обширное поле для прусской эксплуатаціи и полагающіе, что земельная собственность составляетъ лучшее помѣщеніе для капитала, всего вѣрнѣе обезпечивая чистую прибыль. Съ этой-то точки зрѣнія отнесутся они къ революціямъ своего времени, а именно къ французской и польской. Расходясь, порою, въ деталяхъ, они всегда приходили къ соглашенію, по волѣ своего господина. Фридрихъ-Вильгельмъ съ намѣреніемъ выбралъ людей такого нрава. Онъ предоставлялъ имъ исполненіе, оставляя за собою высшее руководительство; иначе говоря, это руководительство перешло въ руки Бишофсвердера, и фаворитъ сдѣлался закулиснымъ министромъ внѣшнихъ сношеній Пруссіи.

Событія принимали оборотъ, оправдывавшій его политику. Принимая въ соображеніе враждебныя отношенія ея къ Россіи, Пруссіи необходимо было заручиться если не дружбой, то, по крайней мѣрѣ, нейтралитетомъ Австріи. Бишофсвердеру поручено было отправиться въ Италію къ Леопольду: предметомъ этой миссіи была попытка сближенія государей, свиданія между ними и, если то окажется возможнымъ, союза. Повидимому, того требовали всѣ важнѣйшіе государственные интересы [12]).

---

[11]) Онъ вышелъ оффиціально въ отставку только 5 іюля 1791 г.

[12]) Sybel 4 изд. I т. Herrmann, *Dip. corr. Instructions de Bischoffswerder* 18 м. 1791 г.—Король прусскій Леопольду 29 мая 1791 г.—Vivenot, *Quellen.*

Германскіе и въ особенности прирейнскіе принцы продолжали шумно волноваться по поводу дѣла о феодальныхъ правахъ. Къ этимъ волненіямъ присоединились теперь столкновенія, вызванныя новымъ порядкомъ устройства французскаго духовенства и явившіяся его результатомъ епархіальныя разграниченія между епископами: трирскимъ, шпейерскимъ, люттихскимъ и базельскимъ, за которыми трактатъ 1648 г. сохранялъ нѣкоторыя права духовной юрисдикціи на французской территоріи. Потревоженные въ своихъ досугахъ и рискуя потерею имущества, возбужденные къ тому же французскими эмигрантами, эти, обыкновенно робкіе, князья становились рѣзкими и задорными [13]). Шпейерскій епископъ отказывался отъ какихъ бы то ни было переговоровъ; епископъ-эрцгерцогъ кельнскій предлагалъ поставить кордонъ вдоль границы, изгнать въ видѣ репрессаліи французскіе товары съ нѣмецкаго рынка, секвестровать имущество французовъ и принять строгія и рѣшительныя мѣры противъ агентовъ французской пропаганды [14]). Курфирстъ майнцскій требовалъ не только отмѣны декретовъ; онъ находилъ, что Германія должна заставить Францію сохранить въ пограничныхъ провинціяхъ «конституцію, сходную съ имперской и которая препятствовала бы французамъ управлять этими провинціями съ такимъ же произволомъ и самостоятельностью, какъ и своими внутренними владѣніями» [15]). Всѣ сходились впрочемъ на томъ, что декреты нарушаютъ трактаты и дозволяютъ сейму, освобожденному по этой причинѣ отъ всякихъ обязательствъ,—объявить недѣйствительность актовъ, путемъ которыхъ были отторгнуты отъ имперіи: Эльзасъ, Лотарингія, Франшъ-Конте и такъ далѣе [16]). Они призывали на помощь Швецію, какъ одну изъ поручительницъ вестфальскаго договора. Курфирстъ трирскій обратился даже къ Россіи, и русскіе агенты въ Германіи внушали мысль о вмѣшательствѣ своего двора на томъ основаніи, что Россія была державою-поручительницею тешенскаго договора, а этотъ договоръ подтверждалъ трактатъ 1648 года.

Среди этого броженія «германскаго патріотизма», императоръ оставался холоднымъ и равнодушнымъ. Однако онъ не желалъ рисковать своею популярностью и нашелъ нужнымъ заявить о себѣ. Онъ написалъ въ Парижъ, жалуясь на революціонную пропаганду, требуя репрессіи и порицанія [17]). Затѣмъ онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и 25 апрѣля оф-

---

[13]) Haeusser, t. I.—Vivenot: *Корреспонденція нѣмецкихъ государей.*

[14]) Кёльнскій епископъ къ епископу майнцскому, 11 апрѣля 1791 г., Vivenot t. I.—Haeusser t. I.

[15]) Письмо къ императору, 21 марта 1791 г. Haeusser t. I.

[16]) Haeusser. t. I, p. 284.

[17]) 12 февраля 1791 г. Vivenot, t. I.

фиціально сообщилъ сейму письмо Людовика XVI отъ 15 марта, которымъ отклонялось вмѣшательство имперіи и предлагались непосредственныя сношенія съ германскими князьями [18]).

Если бы онъ пренебрегъ такою мѣрою, Пруссія не замедлила бы ея выполненіемъ. Князья осаждали берлинскій дворъ тѣми же требованіями, которыя не переставали предъявлять вѣнскому. Они затрогивали наиболѣе чувствительную струну Фридриха-Вильгельма, а именно — его притязаніе на роль покровителя Германіи. Въ то время какъ дѣла Пруссіи подвергались такой полной неудачѣ, они не безъ ироніи напоминали о проектѣ федераціи германскихъ государей, съ такимъ шумомъ нѣкогда предлагавшемся Пруссіей. «Куда же дѣвалась энергія Fürstenbund'a,—восклицалъ кельнскій епископъ-эрцгерцогъ,—если допускаютъ отнимать у столькихъ имперскихъ государствъ, земли права и доходы» [19]).

Вмѣшательство въ пользу князей входило къ тому же въ реакціонный планъ Вельнера, примѣняемый имъ внутри страны въ то время, какъ Бишофсвердеръ пытался проводить его во внѣшней политикѣ Пруссіи. Убѣжденный въ томъ, что Австрія не допуститъ его съиграть роль единственнаго покровителя нѣмецкихъ князей, Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ нею выгоды предпріятія и побуждалъ императора къ дѣйствію, надѣясь за нимъ послѣдовать. Такимъ-то образомъ эти два двора подстрекали другъ друга и вмѣшивали одинъ другого въ конфликтъ, разъединявшій Францію и австрійскую имперію. Ихъ соперничество, побуждавшее къ соглашенію по германскимъ дѣламъ, заставило ихъ, въ силу соображеній подобнаго же свойства, согласиться и по вопросу о Польшѣ; такова была странная судьба этого государства: оно всегда способствовало во вредъ собственнымъ интересамъ союзу тѣхъ, кого призвано было разъединять, ради своего спасенія.

II.

Важный переворотъ только что совершился въ Варшавѣ. Это—прекраснѣйшая страница новѣйшей исторіи Польши и одна изъ лучшихъ чертъ эпохи, богатой великодушными движеніями и благородными рѣчами. Всѣ условія, приведшія къ раздѣлу 1772 года, повторялись повидимому въ 1790. Патріоты, составлявшіе большинство на варшавскомъ сеймѣ, уже въ теченіе трехъ лѣтъ вели смутныя пренія по поводу реформы государственнаго управленія. Они поняли, что наступила минута, настоятельно требовавшая ея осуществленія. Но старая конституція имѣла упорныхъ

---

[18]) Отчетъ Ноаля 13 апрѣля 1791 г.

[19]) Максимиліанъ Леопольду, конецъ іюня 791 г. Vivenot, т. I.

сторонниковъ. Къ тому же ихъ поддерживали извнѣ и совѣтомъ и деньгами... Необходимо было застигнуть ихъ врасплохъ и предупредить ихъ сопротивленіе. Реформа конституціи была подготовлена, какъ подготовляютъ coup d'Etat [1]). Патріотамъ удалось расположить короля въ пользу своихъ проектовъ. Поверхностный и пустой Станиславъ увлекся на минуту мыслью о славномъ царствованіи и ему показалось заманчивымъ связать свое имя съ возрожденіемъ родины.

Третьяго мая сеймъ собрался при громадномъ стеченіи гражданъ, толпившихся вокругъ зданія и у всѣхъ входовъ. По приказанію короля, маршалъ сейма прочелъ донесенія агентовъ польскаго правительства за границей. Они указывали на опасность, грозившую государству. Окончивъ чтеніе, маршалъ повернулся въ сторону короля и сказалъ: «Вашему величеству предстоитъ предложить наиболѣе дѣйствительныя средства для спасенія родины». Тогда Станиславъ-Августъ ознакомилъ сеймъ съ планомъ конституціи, выработаннымъ патріотами: королевскій престолъ становился наслѣдственнымъ; по смерти царствующаго короля онъ долженъ былъ перейти къ саксонскому дому; *liberum veto* отмѣнялось; сеймъ раздѣлялся на двѣ палаты; проекты законовъ вотировались большинствомъ голосовъ; королю присвоивалось право *veto*; шесть отвѣтственныхъ министровъ раздѣляли съ нимъ управленіе; королю принадлежало право назначенія на должности. Онъ же былъ главнокомандующимъ войсками. Введеніе такой конституціи подорвало бы въ корнѣ анархію. Пренія были въ высшей степени одушевленными и краткими. Они носили декламаторскій и театральный характеръ, во вкусѣ времени. Представители русской партіи съ ожесточеніемъ отстаивали древнія привилегіи. Одинъ изъ нихъ, сопровождаемый шестилѣтнимъ внукомъ, становится посреди залы и, опустившись на колѣни, простираетъ руки къ королю: «Я привелъ его,—говоритъ онъ,—чтобы принести его въ жертву свободѣ, если ей суждено погибнуть въ этотъ злосчастный день!» Оппозиція ссылалась на хартіи, на *pacta conventa*, на полномочія, данныя избирателями своимъ депутатамъ. «Я безъ боязни предстану предъ лицомъ моихъ довѣрителей,—отвѣтилъ одинъ изъ патріотовъ—и объявлю имъ, что достоинъ ихъ уваженія, такъ какъ преступилъ наложенное ими на меня обязательство во имя спасенія отечества!» Послѣ семичасовой борьбы, новая конституція была принята единогласно. Король присягнулъ ей въ вѣрности и пригласилъ патріотовъ послѣдовать за нимъ въ соборъ для принесенія въ свою очередь присяги. Депутаты вышли изъ залы, привѣтствуемые восторженными кликами толпы; затѣмъ они направились къ церкви. Тамъ, среди націо-

[1]) Ferrand, t. III, liv. X.—Herrmann, *Geschichte Russland's*, t. VI, ch. VI.

нальныхъ трофей, предъ гробницами польскихъ героевъ, они торжественно подняли руки и пропѣли благодарственный гимнъ.

Этотъ день, ознаменовавшій въ Польшѣ конецъ анархіи, напоминалъ великія сцены, ознаменовавшія нѣкогда паденіе деспотизма во Франціи. Варшавскій сеймъ, подобно французскому Національному собранію, ставилъ во главѣ своей конституціи слѣдующія слова: «Въ человѣческомъ обществѣ всякая власть существенно истекаетъ изъ воли народа» [2]). Вліяніе Руссо даетъ себя чувствовать въ новомъ конституціонномъ законѣ, но это Руссо, истолкованный, такъ сказать, имъ самимъ, *Общественный договоръ*, умѣряемый *Польскимъ государственнымъ управленіемъ* [3]). Жанъ-Жакъ не совѣтовалъ полякамъ ввести у себя непосредственную гражданскую свободу; онъ находилъ, что необходимо приготовить къ ней народъ и вводить ее постепенно; по его мысли, буржуазія должна мало-по-малу подняться до уровня дворянства, на котораго ради общей пользы будетъ возложено управленіе государствомъ. Конституція 3-го мая представляла собою въ этомъ смыслѣ лишь робкій первый шагъ; но она заключала въ себѣ зародышъ, изъ котораго могъ развиться тотъ прогрессъ республики, въ силу котораго, по выраженію Руссо, «постепенно, безъ всякаго видимаго переворота, наиболѣе многочисленная часть націи проникается искреннею любовью къ отечеству и къ правительству» [4]). Была провозглашена полная и безусловная вѣротерпимость, и этимъ вводилось значительное улучшеніе, но прозелитизмъ былъ запрещенъ и католическое вѣроисповѣданіе оставалось государственною религіей. Въ этомъ отношеніи духъ католицизма вполнѣ согласовался съ духомъ «Общественнаго договора». «Каждый, покидающій это вѣроисповѣданіе,—говоритъ польскій законъ,—подвергается наказанію, какъ за отступничество» [5]).

Въ цѣломъ, и въ особенности по своимъ тенденціямъ, польская конституція была проникнута духомъ, господствовавшимъ во Франціи и повѣявшимъ въ XVIII вѣкѣ на всѣ европейскія страны. Польскіе патріоты приводили въ примѣръ Національное собраніе; ораторы этого собранія горячо привѣтствовали польскую революцію. Уже 24 мая Мену прославлялъ въ Парижѣ съ трибуны Собранія великія рѣшенія этого «дотолѣ аристократичнѣйшаго изъ сенатовъ, составленнаго изъ членовъ самаго надменнаго дворянства въ Европѣ, которое, подъ наитіемъ возвышеннаго порыва любви къ свободѣ и уваженія къ правамъ народовъ, приняло глав-

---

[2]) Статья V конституціи 3-го мая 1791 года.

[3]) См. томъ I.

[4]) Срав. статьи конституціи 3-го мая, касающіяся городового положенія и сельскаго населенія съ VI и XIII главами *Gouvernement Polonais* Руссо.

[5]) Статья VII конституціи 3-го мая.

нѣйшія основы нашей конституціи». Но подражаніе совершалось такъ далеко отъ Франціи и ея жизненныхъ условій, что отъ наблюденія современниковъ ускользало различіе въ условіяхъ и было ясно одно тождество идей. Польская революція имѣла рѣдкое преимущество вызвать восторгъ и сторонниковъ революціи, и непримиримѣйшаго ея противника. Боркъ прославлялъ ее слогомъ диѳирамба [6]). Апологія подъ его перомъ не могла казаться подозрительной: но она осталась вполнѣ напрасной и никого не убѣдила. Боркъ порицалъ французскую революцію по той причинѣ, что она разнуздывала анархію, и восхищался польскою, потому что она ее сдерживала; вотъ именно это-то обстоятельство и составило въ глазахъ большинства государственныхъ людей старой Европы величайшее преступленіе этой революціи. Она шла наперекоръ ихъ политикѣ, а такъ какъ эта политика не имѣла иныхъ принциповъ, кромѣ дипломатическихъ приличій, то они и не затруднялись ни различіемъ событій, ни противорѣчіями своихъ сужденій о нихъ.

Первымъ впечатлѣніемъ нѣмцевъ было удивленіе и разочарованіе. Поддерживаніе смутъ въ Польшѣ было одною изъ нѣмецкихъ традицій. Они нашли умѣстнымъ обмѣняться мнѣніями по поводу недавнихъ событій и измѣненій, могущихъ призойти вслѣдствіе того въ политикѣ Россіи.

Занятая одновременною войною съ турками и шведами, Екатерина на нѣкоторое время оставляла Польшу безъ вниманія. Но по мѣрѣ того, какъ затрудненія уменьшались, она стала озабочиваться польскими дѣлами. Потемкинъ, которому не удалось завоевать себѣ королевство на берегахъ Дуная, надѣялся получить его на берегахъ Вислы. Война съ Пруссіей могла доставить ему удобный къ тому случай [7]). Революція 3-го мая противорѣчила всѣмъ русскимъ замысламъ. Не имѣвъ возможности предотвратить ее, Екатерина рѣшила уничтожить ея послѣдстія. Она хорошо знала поляковъ и ихъ короля и не сомнѣвалась въ томъ, что при

---

[6]) «Человѣчество должно радоваться и гордиться при видѣ измѣненій въ управленіи Польши: въ немъ нѣтъ ничего, говорящаго о слабости, и ничего постыднаго. Мы видимъ въ ней уничтоженіе анархіи и рабства; мы видимъ тронъ, укрѣпленный любовью націи безъ оскорбленія свободы... Дворянство, многочисленнѣйшее и великодушнѣйшее въ мірѣ, стало во главѣ гражданъ свободныхъ и благородныхъ, какъ и оно само; никто не потерпѣлъ ущерба и никто не былъ угнетенъ: отъ короля до самаго незначительнаго частнаго лица, каждый обезпеченъ въ своихъ личныхъ и общественныхъ интересахъ; все осталось на своемъ мѣстѣ и все улучшено. «О, счастливая нація, если бы только было дано тебѣ довершить то, что ты начала!» *Burke's Works*, Boston 1839, t. III, p. 442: *Appeal from the new to the old whigs.*—Ferrand, см. прим. выше.

[7]) Beer, *Leopold und Catharina*, p. 101. *Orientalische Politik Oesterreich's.* Prague, 1883, p. 762.—Geffroy, *Gustave III*, t. I, p. 124.

помощи интригъ, денегъ и времени удастся посѣятъ раздоръ въ сеймѣ и разрушить всѣ мѣропріятія патріотовъ. Дипломаты всегда могутъ возбудить мятежные элементы, а солдаты по окончаніи войны съ Турціей— потушить огонь. Съ этой минуты Польша въ глазахъ императрицы заслонила собою всѣ остальные интересы. Она ничего не могла предпринять на Востокѣ, если не будетъ спокойна относительно поляковъ; послѣднія событія вполнѣ подтверждали это. Екатерина, со свойственною ей энергіей, немедленно приняла рѣшеніе. Европа совѣтовала ей прекратить войну и помышляла даже о томъ, чтобы заставить заключить миръ: императрица нашла необходимымъ выказать на этотъ разъ уступчивость и объявила, что удовлетворится Очаковымъ и линіей Днѣстра. Убѣжденная, что Англія согласится на такія условія, что Австрія не будетъ имъ противиться, а Пруссія вынуждена будетъ покориться имъ, она приступила къ сосредоточенію войскъ по направленію къ Польшѣ. Салтыковъ получилъ приказъ вести до сорока тысячъ солдатъ къ Полоцку, въ то время какъ Потемкинъ готовился поддержать это движеніе дунайскою арміей [8]).

Но для того, чтобы смирить Польшу, было необходимо отдалить отъ нея Австрію и Пруссію. Для русской императрицы было крайне важно, чтобы эти державы не препятствовали ея намѣреніямъ и, подъ предлогомъ равновѣсія силъ, не потребовали бы какого-нибудь новаго раздѣла. «Я ломаю себѣ голову,—говорила она,—стараясь заставить вѣнскій и берлинскій дворъ вмѣшаться во французскія дѣла. Я желаю, чтобъ они занялись ими для того, чтобы у меня были развязаны руки. У меня не мало неоконченныхъ предпріятій, и я хочу, чтобы эти оба двора были заняты и не мѣшали бы мнѣ» [9]). Такова сущность ея политики за этотъ періодъ времени, и въ этой политикѣ слѣдуетъ искать причины неожиданныхъ движеній, которыя въ теченіе революціи измѣняли ходы и отклоняли отъ ихъ назначенія всѣ мѣропріятія державъ, коализированныхъ противъ Франціи. Постоянство и несложность русскихъ интересовъ, ясность, съ которою относилась къ нимъ Екатерина, настойчивость, съ которою она стремилась доставить имъ перевѣсъ, преимущество географическаго положенія имперіи и примитивное состояніе народа объясняютъ и характеръ и успѣхъ политики, которой держалась русская императрица во время этого кризиса.

Она не боится революціонной пропаганды. Ей достаточно полицейскаго распоряженія для того, чтобы заставить умолкнуть тѣхъ немногихъ масоновъ, которые являлись единственными представителями агитаціи на

---

[8]) Sybel, t. II.

[9]) Дневникъ Храповицкаго, цитированный у Мартенса въ «Русскихъ договорахъ», т. II.

французскій ладъ [10]). По отношенію къ Франціи она ультра-роялистка и не допускаетъ иного способа дѣйствій, кромѣ полной контръ - революціи. Для нея это не столько дѣло вкуса, сколько политическій расчетъ. Она дорожитъ сильною Франціей и не находитъ для этого иного способа, какъ въ возстановленіи королевскаго абсолютизма [11]). Она побуждала къ тому всѣми силами, постоянно поддерживая самыя суровыя мѣры. Она тѣмъ болѣе горячо стоитъ за такой крестовый походъ, что твердо рѣшилась не принимать въ немъ участія. Французская революція для нея лишь поводъ къ диверсіи: прямая и личная цѣль ея—Польша.

Въ своихъ комбинаціяхъ она не раздѣляетъ ихъ, и не слѣдуетъ удивляться ея сужденіямъ, такъ какъ въ ней говорятъ страсть и интересъ. Такъ, мы видимъ, напримѣръ, что она смѣшиваетъ парижскихъ якобинцевъ съ варшавскими патріотами; рѣзко порицаетъ Національное собраніе, обвиняя его въ разрушеніи королевской власти и въ то же время обвиняетъ польскій сеймъ въ уничтоженіи свободы [12]). Какъ относится она къ собраніямъ, такъ же точно смотритъ она и на людей. Фоксъ находитъ, что ее не слѣдуетъ стѣснять на Востокѣ: она считаетъ Фокса великимъ человѣкомъ и ставитъ его бюстъ рядомъ съ бюстомъ Демосѳена въ той галлереѣ, гдѣ помѣщались ею въ былое время изображенія французскихъ мыслителей [13]). Боркъ отлучаетъ отъ церкви революцію; ей этого достаточно, чтобы пріобщить и его къ храму славы, и онъ въ свою очередь слыветъ Демосѳеномъ. Она не заботится о томъ, согласны-ли въ своихъ сужденіяхъ эти англійскіе Демосѳены: они ей служатъ и этого вполнѣ достаточно для ея цѣлей: Фоксъ, помогая сохранить завоеванное

---

[10]) «Пропаганда, надъ которой смѣюсь». Письма Екатерины къ Гримму, 16, 27 сентября 1791 г. См. Этюды Рамбо о революціи и Екатеринѣ II, *Revue politique*, 1878 и 1881.

[11]) Письма Екатерины къ Гримму въ іюнѣ 1791.

[12]) Въ письмѣ къ Гримму, напримѣръ, отъ 21 мая 1791 г., Екатерина слѣдующимъ образомъ выражаетъ свои, повидимому, противорѣчивыя мнѣнія: «По ремеслу и по долгу я—роялистка и никогда не видѣла, чтобы національное собраніе или сеймъ дѣлали что-нибудь кромѣ ошибокъ». Относительно Польши вотъ что пишетъ она въ томъ же письмѣ: «Ну, вотъ этотъ польскій сеймъ, который вы ставите выше вашего Національнаго собранія, только что довершилъ свое безуміе, такъ какъ изъ любви къ свободѣ отдалъ себя со связанными руками и ногами во власть польскаго короля, отмѣнивъ liberum veto, т. е. паладіумъ ихъ польской свободы, и сдѣлалъ королевскую власть наслѣдственною. Не безуміе ли нарушать такимъ образомъ свой собственный, основной принципъ?»

[13]) Geffroy, *Gustave III*, t. II. p. 170. *Lettres à Grimm*, 23 janv. 1791 p. 505.

на Востокѣ, Боркъ — призывая Европу къ оружію противъ Франціи. «Каждый произведетъ свою контръ-революцію», писала она своему дипломатическому агенту въ Вѣнѣ: нѣмцы—въ Парижѣ, а русскіе—въ Варшавѣ» [14]). Она собираетъ вокругъ себя поляковъ, преданныхъ ея партіи, то есть именно партіи, стоящей за анархію, и французскихъ эмигрантовъ—ярыхъ приверженцевъ абсолютизма. Она отсылаетъ нѣмецкимъ князьямъ всѣхъ французскихъ дворянъ, которые приливаютъ въ Россію, и «настраиваетъ ихъ» [15]). Самихъ князей она осыпаетъ похвалами, сравниваетъ ихъ съ Генрихомъ IV и надѣляетъ обѣщаніями. Въ сущности, она смотритъ на нихъ такъ же, какъ и на поляковъ, то есть съ презрѣніемъ. «Всѣ они не доросли до своей задачи» [16]), замѣчаетъ она; но какое ей до этого дѣло, лишь-бы они служили ея собственнымъ цѣлямъ.

III.

Екатеринѣ II не стоило большого труда найти и двинуть впередъ человѣка, наиболѣе способнаго запутать дѣла и ускорить наступленіе кризиса. Такимъ человѣкомъ былъ Густавъ III, нѣкогда ожесточеннѣйшій изъ ея враговъ, а отнынѣ покорнѣйшій изъ агентовъ. Въ теченіе всей зимы императрица держала его въ неизвѣстности [1]). Шведскій уполномоченный въ Петербургѣ Штедингъ домогался окончательнаго рѣшенія императрицы, побуждалъ ее стать во главѣ союза государей и подавить въ самомъ очагѣ ея «эпидемію народныхъ волненій, распространившуюся отъ Америки до Франціи». Императрица медлила, подтрунивая надъ жалкимъ положеніемъ Людовика XVI. «Только французскій король»,—говорила она,—«можетъ съ такимъ равнодушіемъ смотрѣть на все, что у него дѣлается. Какъ помочь тому, кто не желаетъ, чтобы ему помогали?» Тѣмъ не менѣе, она послала въ Швецію графа Штакельберга съ планомъ совмѣстнаго дѣйствія противъ Франціи. Рвеніе Густава III не нуждалось впрочемъ, въ такомъ поощреніи.

Еще ничѣмъ не заручившись со стороны Россіи, онъ обезпечиваетъ выполненіе рѣшеній императрицы. Онъ предлагаетъ Бретейлю шестнадцать тысячъ шведскаго войска и обѣщаетъ восемь тысячъ русскаго: въ награду онъ проситъ только поста главнокомандующаго этой союзной ар-

---

[14]) Sybel, t. I. p. 307.

[15]) «Я настраиваю всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые попадаются мнѣ въ руки». Письма къ Гримму 7 и 24 сентября 1791.

[16]) *Lettre à Monsieur*, 30 août 1791. Feuillet, t. II, p. 195, 235.—Гримму 27 сентября 1791.

[1]) *Rapports de Stedingk*, janvier 1791. Geffroy, t. II, p. III et s.—Léouzon-le-Duc, *Correspondance de Staël*, p. XXVI et suiv.

міей и возобновленія прежнихъ договоровъ съ дополнительной субсидіей въ размѣрѣ трехъ милліоновъ рублей [2]). Что касается плановъ самого шведскаго короля, то они вполнѣ отвѣчали желаніямъ русской императрицы. Распустить Національное собраніе, объявить всѣхъ его членовъ мятежниками и стоящими внѣ закона, «приказать всѣмъ и каждому въ королевствѣ травить ихъ какъ звѣрей»; вернуть эмигрантовъ, созвать парламенты, «возстановить все въ томъ порядкѣ, какой существовалъ до начала революціи», за исключеніемъ привилегій относительно налоговъ; отвергнуть всякую систему смѣшаннаго образа правленія; приговорить къ смерти герцога Орлеанскаго и для увѣнчанія зданія—разрушить Парижъ, «уничтожить логовище убійцъ и предать забвенію самое мѣсто ихъ существованія» [3]). Принявъ такое рѣшеніе, Густавъ III отправился въ Ахенъ. «Оттуда»,—писалъ онъ Бретейлю,—«мнѣ удобнѣе будетъ слѣдить за событіями и я прибуду въ Ахенъ 17 мая» [4]). «Я буду имѣть возможность вести переговоры съ нѣмецкими принцами, права которыхъ нарушены Собраніемъ, а потому требуютъ покровительства со стороны законовъ имперіи, поручителемъ которыхъ я состою».

Такія рѣчи и намѣренія способны были привести въ восторгъ французскихъ эмигрантовъ; слухи о нихъ сильно встревожили однако же французскій дворъ. Людовикъ XVI и Марія Антуанета не прочь были воспользоваться помощью со стороны Густава Ш. Они находились въ полномъ нравственномъ изнеможеніи и ихъ положеніе казалось имъ столь ужаснымъ, что они готовы были «все поставить на карту» [5]). Они уже рѣшили спасаться бѣгствомъ; но не слѣдовало подавать новыхъ поводовъ къ болѣе зоркому наблюденію и мѣшать приготовленіямъ къ побѣгу, которыя, сами по себѣ, были и весьма сложны, и весьма рискованы. Несвоевременныя демонстраціи Швеціи и хвастливая болтовня эмигрантовъ могли послужить именно такими поводами. Бретейль умолялъ Густава Ш умѣрить свое рвеніе и соблюдать бо́льшую осторожность въ своихъ мѣропріятіяхъ. Ферзенъ пытался разъяснить шведскому королю разногласія, существовавшія между дворомъ и эмиграціей [6]). Бомбелю и Дюрфору поручено было сдерживать графа д'Артуа и предупредить императора по поводу просьбъ, съ которыми графъ могъ къ нему обратиться. Сверхъ

---

[2]) 17 мая 1791.—Geffroy, t. II, p. 132.—Feuillet t. III, p. 353.

[3]) Письмо къ Сталю, Geffroy, t. II, p. 134.—Таубе Ферзену, 6 мая 1791. Fersen, t. I, p. 116.

[4]) Geffroy, t. II. p. 132 et suiv. Онъ выѣхалъ 24 мая.

[5]) Ферзенъ Таубе, 9 мая 1791. Fersen, t. I, p. 119.

[6]) Ферзенъ Таубе, 20 и 31 мая 1791. Fersen, t. I, p. 127—133. Бретейлю 61 мая, Бретейль Густаву Ш, 9 іюня 1791. Feuillet, II, t. p. 365.

того, Бомбель долженъ былъ сообщить Леопольду о послѣднихъ подробностяхъ плана бѣгства и условиться относительно движеній австрійскихъ войскъ, которыя Булье находилъ необходимыми для мотивированія сосредоточенія собственныхъ полковъ [7]). Наконецъ, былъ выработанъ планъ заинтересованія Англіи въ судьбѣ королевской фамиліи. Шампсенецъ получилъ инструкцію, помѣченную 6-мъ мая: онъ долженъ былъ воспользоваться ею не ранѣе, какъ послѣ отъѣзда короля, и лишь въ томъ случаѣ, если найдетъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ Бартелеми заслуживающимъ довѣрія. Шампсенецъ долженъ былъ поручить ему позондировать лондонскій дворъ относительно мнѣнія о лигѣ державъ въ пользу Людовика XVI. Онъ долженъ былъ узнать, можно ли расчитывать на «полный нейтралитетъ Англіи, сдѣлавъ ей уступки въ торговомъ отношеніи и поступившись нѣкоторыми владѣніями въ Индіи и на Антильскихъ островахъ» [8]).

Тѣмъ не менѣе, оставалось уладить еще и соглашеніе съ императоромъ, какъ необходимый прелиминарій. Ничто не могло быть предпринято помимо его согласія и выполнено безъ его содѣйствія. Въ этомъ отношеніи эмигранты были вполнѣ согласны со дворомъ и признавали Леопольда третейскимъ судьею въ своемъ конфликтѣ съ Людовикомъ XVI. Графъ д'Артуа вышелъ изъ себя, когда ему сообщили о желаніи и увѣщаніяхъ короля. «Что такое король?»—воскликнулъ онъ, когда Бомбель передалъ ему возложенное на него порученіе.—«Въ настоящую минуту, милостивый государь, нѣтъ другого короля, кромѣ меня, и вы обязаны дать мнѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ» [9]). И графъ д'Артуа немедленно отправился во Флоренцію съ цѣлію предупредить прибытіе уполномоченныхъ брата. Такимъ образомъ планы бѣгства Людовика XVI, комплоты эмигрантовъ, широкій планъ Густава III, вмѣшательство Англіи въ видахъ поддержанія спокойствія и мира на Востокѣ, комбинаціи Екатерины, предложенія союза со стороны Пруссіи, французскія, германскія, польскія и турецкія дѣла—всѣ эти нити, протянутыя со всѣхъ концовъ Европы, шли въ Италію и завязывались узломъ въ рукахъ Леопольда.

IV.

Англичане явились первыми со своими условіями мира. Леопольдъ принялъ лорда Эльджена во Флоренціи 7 мая. Когда онъ увидѣлъ, что этотъ дипломатъ расположенъ предоставить Россіи Очаковъ, онъ заклю-

[7]) Ферзенъ Бретейлю, 23 мая. Fersen, t. I, p. 124, 126, 132.—Марія-Антуанета Леопольду, 22 мая 1791. Arneth, p. 165.

[8]) Эта инструкція была напечатана въ *Intermédiaire* отъ 10 мая 1875.

[9]) La Rochetérie.

чилъ изъ этого, что англичане отказываются отъ войны, и ему можно будетъ добиться исправленія границъ. Вслѣдствіе этого онъ извѣстилъ своихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ въ Систовѣ, гдѣ только-что возобновились совѣщанія, что они должны требовать не точнаго, а исправленнаго statu quo, что доставляло Австріи Оршову и турецкую Кроацію до Унны [1]). Для этихъ переговоровъ необходимо было нѣсколько продолжительное спокойствіе. Французскія дѣла нарушали его весьма некстати, по мнѣнію Леопольда. Онъ получилъ письма отъ королевы и отчеты Мерси. Они встревожили его болѣе, чѣмъ бы онъ того, быть можетъ, желалъ. Вообще говоря, онъ не отличался чувствительностью и нѣжностью; Францію онъ не любилъ, а сестру почти не зналъ. Когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, ей было десять лѣтъ: присылка портретовъ, довольно холодныя, краткія и рѣдкія письма, вотъ все, что поддерживало въ теченіе двадцати пяти лѣтъ воспоминанія дѣтства, между тѣмъ какъ политическіе интересы постоянно разъединяли брата и сестру. Тѣмъ не менѣе, узы крови давали себя чувствовать: въ Маріи-Антуанетѣ все же текла кровь императорскаго дома, кровь Маріи-Терезіи. Какъ глава этого дома и какъ государь, онъ былъ равно встревоженъ близкой катастрофой, о которой ему сообщали. Но размышляя о возможныхъ случайностяхъ, онъ находилъ несвоевременными и неосуществимыми планы французскаго двора. Планы эти не могли быть выполнены безъ содѣйствія великихъ державъ; а содѣйствіе это зависѣло отъ мира на Востокѣ, быстрое заключеніе котораго противорѣчило австрійскимъ интересамъ [2]).

Эти противоположныя чувства боролись въ душѣ Леопольда, и онъ склонялся къ выжидательному образу дѣйствій, входившему въ его соображенія, когда неожиданно встрѣтилъ, 18 мая, въ Мантуѣ графа д'Артуа и Дюрфора. Императоръ былъ сильно предубѣжденъ противъ брата Людовика XVI; онъ принялъ его только изъ вѣжливости, выслушалъ, чтобы не оскорблять приличій, нашелъ его «романтичнымъ», обошелся съ нимъ сообразно съ этой характеристикой [3]), и такъ смутилъ этого принца, что тотъ обѣщалъ ему сидѣть смирно. Леопольдъ повторилъ ему и Дюрфору, что ничего не предприметъ до тѣхъ поръ, пока король и королева не выѣдутъ изъ Парижа, не возьмутъ назадъ тѣ мѣры, которыя были навязаны имъ силою, не призовутъ оставшихся имъ вѣрными подданныхъ и не потребуютъ помощи у своихъ союзниковъ. Но и въ этомъ случаѣ

---

[1]) Vivenot, *Quellen*, t. I, p. 172. Дневникъ переговоровъ, веденныхъ съ лордомъ Эльдженомъ.—*Леопольдъ Кауницу*, 9 мая..—*Отчетъ Луккезини*. Систово, 19 мая. Vivenot, t. I, p. 126—128.

[2]) Кауницъ Кобенцелю, 8 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 188.

[3]) Леопольдъ Маріи Христинѣ, 12 іюня 1791. Arneth, p. 177.

онъ будетъ дѣйствовать только по соглашенію съ Испаніей, Сардиніей, германскими государствами и, въ особенности, если будетъ увѣренъ, что Пруссія и Англія не будутъ создавать ему препятствій. Если король и королева не успѣютъ выйти изъ Парижа, то, по его мнѣнію, имъ можетъ оказать поддержку только соглашеніе между державами: онѣ обнародуютъ манифестъ, который подтвердятъ военными демонстраціями, и потребуютъ гарантій въ видахъ обезпеченія безопасности королевской фамиліи и противъ распространенія революціонной пропаганды. Такое соглашеніе еще не существуетъ, и оно требуетъ подготовленія. Леопольдъ обѣщалъ взять это на себя.

Дѣйствительно, онъ позондировалъ намѣренія большихъ дворовъ. Онъ объявилъ, что дастъ болѣе быстрое теченіе дѣлу владѣтельныхъ князей и согласился сосредоточить нѣкоторое количество войскъ на нидерландской границѣ; но отказалъ въ 15 милліонахъ, которыхъ просили чрезъ Бретейля [4]). Таковы были отвѣты тонкаго политика на отчаянный призывъ королевской семьи: дипломатія его не находила другихъ средствъ противодѣйствія одному изъ самыхъ болѣзненныхъ кризисовъ, когда-либо испытанныхъ царственной фамиліей. Только событія могли заставить дѣйствовать Леопольда, и именно это и случилось,

Главнымъ предметомъ его заботъ была Пруссія: съ этой стороны онъ весьма скоро былъ успокоенъ. Бишосфвердеръ пріѣхалъ къ нему въ Миланъ 11 іюня [5]). Онъ сообщилъ о желаніи Фридриха-Вильгельма имѣть личное свиданіе съ императоромъ для объясненія и соглашенія по поводу европейскихъ дѣлъ вообще, но главнымъ образомъ по поводу Польши и восточнаго вопроса. Въ Польшѣ Пруссія не имѣла никакихъ притязаній и находила удовлетвореніе въ томъ обстоятельствѣ, что польская корона была присвоена саксонскому дому. На востокѣ она находилась вынужденной поддерживать турокъ, если они будутъ продолжать войну, а война эта будетъ продолжаться, если Австрія откажетъ въ своемъ согласіи относительно соблюденія полнаго statu quo, какъ основы предстоящихъ переговоровъ. Фридрихъ-Вильгельмъ совѣтовалъ Леопольду принять эту основу, предоставляя себѣ право исправленія границъ впослѣдствіи, когда дѣло будетъ идти уже о примѣненіи трактата. Пруссія, освободившись отъ своихъ обязательствъ, не станетъ этому противиться, а турки, предоставленные собственнымъ силамъ, окажутся сговорчивѣе. Эти предложенія показались

---

[4]) Леопольдъ Кауницу, 20 мая 1791. Beer, *Kaunitz*, p. 404.—Письмо къ Мерси, 20 мая. Feuillet, t. II. p. 60.

[5]) Дневникъ переговоровъ. Vivenot, t. I, p. 176.—Кауницъ Кобенцелю, 8 іюля. t. I, p. 187,—Herrmann, Dip. corr., p. 31.– Sibel, t. I, p. 295—297.

императору удобными и своевременными. Онъ только что получилъ извѣстіе о твердомъ рѣшеніи французской королевской фамиліи оставить Парижъ между 12 и 20-мъ [6]). Медлить долѣе было невозможно. Леопольдъ покорился неизбѣжности. 18 іюня онъ извѣстилъ Бишофсвердера, что согласенъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ и присоединяется къ проекту союза; затѣмъ сообщилъ лорду Эльджену, что принимаетъ миръ на условіяхъ statu quo ante и что поддержитъ предложенія союзниковъ при русскомъ дворѣ. Прусскій и англійскій уполномоченные были въ восторгѣ и объявили, что какъ скоро миръ будетъ заключенъ, ихъ дворы доставятъ императору возможность исправить границы въ сторону Кроаціи [7]). Бишофсвердеръ уѣхалъ 24 іюня, съ надеждой заставить императора служить своимъ цѣлямъ.

Рѣшено было, что свиданіе состоится въ теченіе лѣта въ Пильницскомъ замкѣ у саксонскаго курфирста. Это было для Леопольда случаемъ подвергнуть обсужденію проекты союза и конгресса, которые впрочемъ довольно смутно бродили у него въ умѣ. «Прежде всего, мы переговоримъ о французскихъ дѣлахъ», сказалъ онъ Бишофсвердеру въ первой бесѣдѣ съ нимъ. «Необходимо искоренить зло,—прибавилъ онъ въ другой разъ.—Всѣ державы обязаны согласиться по поводу прекращенія этого бѣдствія». Тѣмъ не менѣе онѣ должны приняться за эту задачу съ «чрезвычайною осторожностью»; надо дать созрѣть событіямъ, «подождать, пока самъ французскій народъ почувствуетъ потребность въ перемѣнѣ». Вмѣшательство можетъ принести результатъ лишь въ случаѣ его коллективности. Леопольдъ настойчиво указывалъ на это въ замѣткѣ, врученной Бишофсвердеру. Это предварительное условіе имѣло важнѣйшее значеніе для его политическихъ цѣлей [8]).

И дѣйствительно онъ намѣревался въ предстоящемъ совѣщаніи служить не чему иному какъ этимъ цѣлямъ. Онъ и не думалъ жертвовать своими интересами; интересы же его были крайне сложны въ этомъ дѣлѣ. Конечно, ему было желательно, «чтобы Франція своимъ полнымъ ослабленіемъ не дала простора деспотическимъ видамъ Англіи [9]); но если по такимъ соображеніямъ Леопольдъ находилъ цѣлесообразнымъ противиться распаденію французской монархіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что

---

[6]) Ферзенъ Бретейлю, 30 мая 1791. Fersen, t. I, p. 132.—Марія-Антуанета Леопольду, 1 іюня. Feuillet, t. II, p. 172.

[7]) Vivenot, *Quellen*, t. I, p, 176, 179, 188.

[8]) Ibid., t. I, p. 188. — Herrmann, Dip. corresp., p. 28. — Sybel, t. I, p. 298.

[9]) Кауницъ Кобенцелю въ Петербургъ, 8 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 190 et s.—Кауницъ Мерси, 23 іюня, id., t. I. p. 539.

было-бы неосторожностью идти далѣе. Европейскій концертъ, говорилъ онъ себѣ, «никогда не долженъ приводить къ возстановленію политическаго преобладанія самой Франціи». Онъ долженъ имѣть цѣлью «доставленіе христіаннѣйшему королю, кромѣ должной степени безопасности, уваженія и блеска, извѣстной степени авторитетности и вліянія, чтобы спасти Францію отъ анархіи и недопустимой распущенности. Леопольдъ ожидалъ отъ Россіи, что она раздѣлитъ его мнѣніе по всѣмъ этимъ предметамъ. Испанія, по всей вѣроятности, склонится къ такимъ же чувствамъ и будетъ руководствоваться сходными соображеніями. Ей, безъ сомнѣнія, не желательно, разсуждалъ императоръ, «чтобы Франція вернула себѣ и прежнее благоденствіе, и прежнее преобладаніе, обусловленное ея счастливымъ географическимъ положеніемъ и сравнительною обширностью предѣловъ». Съ Англіей договориться, по всей вѣроятности, будетъ трудно: хотя она и опасается вліянія французской революціи на свою конституцію, на свои колоніи, въ особенности на Ирландію, тѣмъ не менѣе она желаетъ «продолженія внутренней смуты и внѣшней слабости своей соперницы». Напротивъ, со стороны Пруссіи Леопольдъ ждалъ наиболѣе активнаго содѣйствія. «Уничтоженіе политическаго кредита Франціи противно естественнымъ интересамъ Пруссіи; изъ этого слѣдуетъ, что она будетъ согласна и даже охотно станетъ содѣйствовать полнѣйшей контрръволюціи».

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ политика преобладала надъ чувствомъ, а размышленія, порожденныя интересомъ, занимали болѣе мѣста чѣмъ тѣ, которыя имѣли источникомъ право: но такъ смотрѣла на вещи старая Европа. Леопольдъ находилъ, что сдѣлалъ великое дѣло, начертивъ этотъ сложный планъ и согласившись вести переговоры о мирѣ на Востокѣ, чтобы имѣть досугъ озаботиться французской революціей. Комбинаціи австрійскаго императора не были лишены изобрѣтательности, но буря была слишкомъ сильна, чтобы возможно было долгое время лавировать вдоль береговъ. По выраженію Кауница, кризисъ «смутилъ благоразумныя заботы императора».

V.

Отъѣздъ королевскаго семейства затянулся до послѣднихъ чиселъ іюня. Слухи о приготовленіяхъ къ нему начинали проникать въ публику; необходимо было торопиться, въ противномъ случаѣ была-бы пропущена благопріятная минута. Извѣстія, получаемыя дворомъ отъ принцевъ и эмигрантовъ, положили конецъ всякимъ колебаніямъ. Слѣдуя тактикѣ, которая обратилась у нихъ въ привычку, агенты эмиграціи извращали то, что имъ приходилось выслушивать за границей. Вмѣсто правдивыхъ сооб-

щеній о высокомѣрныхъ, презрительныхъ и отнимающихъ всякую надежду рѣчахъ, съ которыми ихъ встрѣчали въ Вѣнѣ и Мантуѣ, они сочиняли рѣчи, полныя заманчивыхъ обѣщаній для ихъ партіи, и угрозъ по отношенію къ мятежной Франціи. Такъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ узнали, что графъ д'Артуа пришелъ къ соглашенію съ императоромъ, что этотъ государь соглашался двинуть сто-пятьдесятъ тысячъ войска, что это войско начнетъ кампанію 15 іюня, что будетъ обнародованъ манифестъ, возлагающій всю отвѣтственность за событія на городъ Парижъ и что вслѣдствіе всего этого королю остается спокойно ожидать своего избавленія [1]). Такой планъ смутилъ королевскую фамилію: онъ подвергалъ ее величайшимъ опасностямъ, въ настоящемъ, и въ будущемъ долженъ былъ привести къ подорванію значенія короля. Вмѣшательство эмигрантовъ раздражало умѣренныхъ, которыхъ нечего было бояться двору, и возбуждало крайнихъ, отъ которыхъ можно было ожидать всего. Король, низведенный до пассивной и нейтральной роли заложника, утратилъ-бы характеръ третейскаго судьи и примирителя, который желалъ себѣ присвоить. Онъ уже не былъ-бы обязанъ возстановленіемъ своей власти народу, вернувшемуся къ долгу въ силу благодарности, но получилъ-бы эту власть благодаря самой непопулярной изъ партій. Дворъ чувствовалъ, что его окружаютъ интриги, и видѣлъ, что дѣла его почти настолько же скомпрометированы извнѣ, сколько и внутри страны. Двойное опасеніе быть задержанными революціонерами и предупрежденными эмигрантами взяло верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, внушаемыми осторожностью, и королевская семья покинула Парижъ.

20 іюня, король, королева, принцесса Елизавета и королевскія дѣти, переодѣвшись, выѣхали въ каретѣ изъ Парижа. Графъ Прованскій и Ферзенъ одновременно выѣхали изъ Парижа по разнымъ дорогамъ. Предосторожности не были достаточны, подозрѣніе возбуждено, и всѣ подробности побѣга вызывали его: карета обращала на себя вниманіе своими огромными размѣрами, ѣхали крайне медленно и подолгу останавливались на почтовыхъ станціяхъ. Повсюду встрѣчали патрули. Французы были убѣждены, что спасеніе Франціи и успѣхъ революціи зависятъ отъ присутствія среди нихъ короля. Бѣглецамъ приходилось остерегаться не однихъ анархистовъ, но каждый прохожій становился для нихъ шпіономъ, и самый наивно-преданный имъ подданный былъ такъ же опасенъ, какъ и жесточайшій врагъ. Людовикъ XVI былъ арестованъ 21 іюня вечеромъ, въ Вареннѣ. Булье не подоспѣлъ во-время, чтобы его освободить; впро-

---

[1]) Марія-Антуанета Леопольду, 12 мая 1791. Arneth, p. 167.—Ферзенъ Таубе, 2 іюня. Fersen, t. I, p. 134.

чемъ и войска отказывались отъ повиновенія мятежному, по отношенію къ Собранію, генералу. Булье оставалось только бѣжать самому за-границу. Графу Прованскому и Ферзену удалось бѣжать въ Бельгію.

Леопольдъ узналъ объ отъѣздѣ сестры, находясь въ Падуѣ. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ, 1-го іюля, получено было имъ извѣстіе и объ арестѣ: оно исходило одновременно отъ трирскаго курфирста и принца Конде. На слѣдующій день оно было опровергнуто: курьеры, пріѣхавшіе изъ Женевы и Турина, сообщали, что король, спасенный генераломъ Булье, прибылъ въ Мецъ и направляется въ Люксамбургъ. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ привезена была и декларація Людовика XVI французамъ [2]). «Бѣгство короля, обнародованный имъ манифестъ и безопасное положеніе королевской фамиліи въ Люксамбургѣ совершенно измѣняютъ положеніе вещей», сказалъ Леопольдъ [3]). Расчетливый и осторожный австріецъ, на минуту, поддался душевному волненію. Въ его политикѣ проявилась сердечность и порывъ великодушія. Онъ написалъ Маріи-Антуанетѣ: «Благодарю небо за ваше счастливое избавленіе. Король, государство, Франція и всѣ прочія монархіи будутъ обязаны своимъ избавленіемъ вашей твердости, вашему мужеству и благоразумію. Все, что имѣю самъ, принадлежитъ вамъ: деньги, войска, однимъ словомъ—все! Располагайте мною, не стѣсняясь» [4]). Онъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія въ Нидерландахъ [5]); онъ побуждалъ Сардинію, Испанію, Швейцарію и Пруссію къ оказанію содѣйствія французскому королю. Онъ извѣстилъ принца Конде, что тотъ долженъ подчиниться Людовику XVI: «Отнынѣ всѣ распоряженія будутъ зависѣть отъ свободнаго короля» [6]).

6 іюля все разстроилось: истина была обнаружена. «Вы можете представить себѣ мое безпокойство по поводу послѣдствій и результатовъ», пишетъ Леопольдъ Максимиліану [7]). Онъ слишкомъ хорошо предвидѣлъ и опасался этихъ послѣдствій; но хладнокровіе не покидаетъ его и съ первой же минуты рѣшеніе его принято. Онъ непосредственно обращается ко всѣмъ европейскимъ государямъ: къ русской императрицѣ, къ королямъ: англійскому, прусскому, испанскому, неаполитанскому и сардинскому [8]).

---

[2]) Arneth, p. 181.—Vivenot, t. I, p. 545.—Feuillet, t. II, p. 95.

[3]) Брату, курфирсту кёльнскому, 5 іюля. Vivenot, t. I, p. 546.

[4]) 2 іюля, Arneth, p. 181.

[5]) 5 іюля, id., p. 182—183. *Инструкція Маріи-Христинѣ, регентшѣ Нидерландской.* 5 іюля. Feuillet, t. III, p. 373—376.

[6]) 4 іюля, Vivenot, t. I, p. 545.

[7]) Подробности взяты изъ писемъ Леопольда курфирсту кёльнскому и и трирскому, 6 іюля. Vivenot, t. I, p. 546—547.—Маріи-Христинѣ, 6 іюля. Feuillet, t. III, p. 385.

[8]) Vivenot, t. I, p. 185.

Ему не трудно было привести доводы, способные на нихъ подѣйствовать. Эти государи, писалъ онъ, «раздѣлятъ негодованіе, вызванное въ немъ самомъ неслыханнымъ посягательствомъ», то есть арестованіемъ королевской фамиліи; они должны раздѣлить также испытываемыя имъ опасенія, по поводу возможныхъ «жестокихъ послѣдствій» этого событія. Этотъ актъ насилія налагаетъ печать противозаконности на все, что было сдѣлано во Франціи, и «непосредственно нарушаетъ честь всѣхъ государей и безопасность всѣхъ правительствъ». Императоръ предлагаетъ союзъ во имя возстановленія свободы и чести христіаннѣйшаго короля и его семейства, а равно и съ цѣлью прекращенія опасныхъ крайностей французской революціи, пагубный примѣръ которыхъ столь важно подавить для всѣхъ правительствъ» [9]).

Въ томъ же духѣ и смыслѣ сдѣлалъ Леопольдъ заявленія всѣмъ имперскимъ государямъ. Въ былое время онъ ихъ сдерживалъ. Теперь онъ приказываетъ своимъ министрамъ «возбуждать умы и настраивать ихъ такъ, чтобы возможно было дѣйствовать быстро и энергично». Онъ продолжаетъ, однако, устранять эмигрантовъ. Онъ совѣтуетъ сестрѣ своей Маріи-Христинѣ и курфирстамъ «препятствовать своеволію этихъ французовъ и графа д'Артуа» [10]). Предупреждаетъ непосредственно и самого графа. Отправивъ письма, онъ возвращается въ Австрію. Онъ желаетъ свиданія съ прусскимъ королемъ, соглашенія съ Россіей, стремится къ сосредоточенію своихъ силъ, въ особенности же къ заключенію мира, такъ какъ этотъ миръ составлялъ необходимое предварительное условіе для образованія лиги державъ, а такая лига являлась отнынѣ необходимостью. «Я ѣду въ Вѣну,—пишетъ онъ брату своему Максимиліану. Давно пора спасти сестру нашу и задушить эту французскую эпидемію» [11]).

---

[9]) Онъ внушаетъ мысль о врученіи дипломатическимъ агентамъ декларацій, «способныхъ образумить вожаковъ крайней партіи», оставляя однако же открытымъ «путь къ честному раскаянію». Надлежало потребовать освобожденія короля, угрожать «рѣшительнымъ возмездіемъ за дальнѣйшія посягательства» и прибавить, что европейскіе государи признаютъ лишь одобренную королемъ конституцію; наконецъ, дипломатическіе агенты должны были-бы заявить, что, въ случаѣ неисполненія такихъ требованій, державы примутъ всевозможныя совмѣстныя мѣры для подавленія мятежа. — Vivenot, t. I, p. 186, проектъ декларацiи, приложенный къ письму Леопольда.

[10]) Леопольдъ трирскому и кельнскому курфирстамъ, 6 іюля. Vivenot, t. I, p. 546—547; Маріи-Христинѣ, 6 іюля. Feuillet, t. III, p. 386.

[11]) 6 іюля, Vivenot, t. I, p. 547.

КНИГА III.

Конфликты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пильницъ.

1791.

I.

Императоръ возвратился въ Вѣну въ концѣ іюля. Канцлеръ Кауницъ предупредилъ де-Ноаля, что онъ не долженъ просить аудіенціи и что ему слѣдуетъ даже воздержаться отъ появленія при дворѣ. Кауницъ грозилъ французскому посланнику репрессаліями, могущими коснуться его личности и имущества въ томъ случаѣ, если императорская миссія въ Парижѣ подверглась бы какимъ-либо оскорбленіямъ.—Къ намъ относятся, какъ къ новому государству, которое вольны и не признавать [1])—писалъ этотъ посланникъ.—До какой степени измѣнилось положеніе вещей въ Германіи послѣ вареннскаго событія, покажетъ слѣдующій эпизодъ. Еврей Эфраимъ, остававшійся въ Парижѣ, былъ арестованъ по обвиненію, впрочемъ, совершенно основательному, въ умышленномъ возбужденіи смутъ. Пруссія потребовала его освобожденія, и онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы: Австрія приняла участіе въ его судьбѣ: «Кто бы могъ подумать прошедшею зимой,—писалъ де-Ноаль —когда прусское министерство платило еврею Эфраиму за его парижскіе происки, что этотъ человѣкъ можетъ встрѣтить участіе со стороны австрійскаго двора. Вообще, здѣсь въ настоящее время скорѣе склонны оправдывать берлинскій дворъ, чѣмъ отмѣчать его вины» [2]). Это зависѣло отъ того, что союзъ съ Пруссіей былъ положенъ въ основаніе союза, который Леопольдъ пытался установить между державами, и безъ котораго, по его мнѣнію, невозможно было никакое вмѣшательство во французскія дѣла. Дипломаты занимались соби-

---

[1]) Отчетъ де-Ноаля, отъ 15 іюля.—Отчетъ Якоби отъ 27 іюля. Herrmann, *Dipl. Corresp.*, p. 60.

[2]) Отчетъ 6 августа 1791 г. Арестованіе Эфраима было однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненій противъ Монморена. *Moniteur*, t. XIII, p. 493.

раніемъ необходимыхъ элементовъ и опредѣленіемъ ближайшаго предмета конференціи.

Циркуляръ и меморія, съ которыми Кауницъ обратился по этому случаю къ дипломатическимъ агентамъ императора, представляли лишь многорѣчивый пересказъ тѣхъ мыслей, которыя были уже выражены Леопольдомъ въ его частныхъ письмахъ къ европейскимъ государямъ [3]). Престарѣлый канцлеръ старался указать на общеевропейскій характеръ предпріятія, установить, что рѣчь идетъ не о семейномъ дѣлѣ или частной комбинаціи австрійской политики. Доводы его поверхностны и многословны. Онъ приводитъ всевозможные аргументы въ пользу совмѣстнаго дѣйствія, но видимо слабо убѣжденъ въ необходимости самаго вмѣшательства. Онъ разсуждаетъ, дѣлаетъ выводы и остается холоднымъ и равнодушнымъ. Сущность французской революціи продолжаетъ ускользать отъ него. Онъ не замѣчаетъ того, что отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ переворотовъ; онъ измѣряетъ ее лишь степенью интенсивности. Онъ усматриваетъ въ ней послѣдствія «своеволія и мятежнаго духа»; онъ опасается только примѣра этой анархіи, естественно соблазнительной для населенія всѣхъ странъ и которую республиканская партія Собранія распространяетъ за предѣлами Франціи «коварными способами, угрожающими спокойствію всѣхъ правительствъ». Державы имѣютъ право предохранить себя отъ подобной опасности. Собраніе дѣйствуетъ вызывающимъ образомъ: оно затрогиваетъ ихъ права, оно нарушаетъ обязательства Франціи по отношенію къ Европѣ, оно узурпируетъ Авиньонъ и обираетъ нѣмецкихъ князей. Всѣ европейскія правительства имѣютъ основаніе для сопротивленія и общихъ усилій, «въ видахъ огражденія общественнаго спокойствія и безопасности государствъ, неприкосновенности владѣній и соблюденія трактатовъ».

Главный интересъ этого оффиціальнаго документа вѣнскаго канцлерства заключается въ томъ кроющемся въ немъ абрисѣ политической Европы, признающей по отношенію къ самой себѣ и права и обязанности. Такое воззрѣніе, развивавшееся не однимъ философомъ, оставалось однако весьма чуждымъ государственнымъ людямъ стараго порядка; оно должно было проникнуть въ ихъ умы какъ отраженный ударъ французской революціи и занять мѣсто въ европейской политикѣ лишь вслѣдствіе этой революціи. Въ названномъ документѣ это воззрѣніе находится въ зачаточномъ состояніи, крайне неопредѣленно и проникнуто философіей того вѣка. Кауницъ признаетъ, что заразительность французской анархіи можетъ

[3]) Циркуляръ канцлера къ посланникамъ и другимъ представителямъ императора. Меморія канцлера посланникамъ и другимъ представителямъ императора. 17 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 203, № 213.

сдѣлаться опасной и что надлежитъ этому противодѣйствовать; но само средство, имъ предлагаемое, кажется ему пагубнымъ. «Необходимость этихъ средствъ противъ зла, распространяющагося, главнымъ образомъ, посредтвомъ злоупотребленія просвѣщеніемъ и общеніемъ, сдѣлается бѣдствіемъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, благоденствіе и преобладаніе которыхъ надъ остальными тѣсно связаны съ общностью всякаго рода учрежденій, внутренней администраціи, мягкости нравовъ, просвѣщенныхъ воззрѣній и очищенной, благодѣтельной религіи, связывающей ихъ какъ бы въ одну семью... [4]). Необходимость принятія мѣръ предосторожности, соразмѣрныхъ съ опасностью соблазна, поощряемаго столькими путями, можетъ повести лишь къ изолированію отдѣльныхъ націй и принудитъ наиболѣе мудрыхъ и мягкихъ государей отказаться отъ дѣйствительно полезныхъ преобразованій и пожертвовать ради главнѣйшихъ основъ порядка и спокойствія новыми шагами на поприщѣ благоденствія и преуспѣянія» [5]). Въ этихъ словахъ не слышатся вопли ненависти эмигрантовъ или проклятія Борка; это протестъ просвѣщеннаго деспотизма противъ революціонной демократіи, тревога аристократическаго ученика Вольтера, въ виду вторженія бурной и парадоксальной республиканской толпы учениковъ Руссо.

Отступленіе въ область публичнаго права и философіи не заставляетъ однако же канцлера терять изъ вида австрійскіе интересы. Не можетъ быть и рѣчи о возстановленіи грознаго правительства Людовика XIV. Необходимо, чтобы державы, принимая свои мѣры, «успокоили бы французскую націю, по поводу ея опасеній насильственной и безусловной контръ-революціи». Онѣ будутъ опираться на умѣренныхъ, составляющихъ большинство и въ настоящее время угнетаемыхъ крайними. Что касается практическихъ способовъ, то Кауницъ указывалъ на тѣ, которые уже ранѣе предлагались императоромъ: конгрессъ или конференція, далѣе, коллективное требованіе прекращенія вооруженій, подавленіе пропаганды, возстановленіе феодальныхъ правъ въ Эльзасѣ или же вознагражденіе нѣмецкихъ князей, возвращеніе Авиньона папскому престолу, возстановленіе внутренняго порядка, обезпеченіе существенныхъ основъ монархическаго правленія, свобода и безопасность короля. Если же подобная декларація не оказала бы надлежащаго дѣйствія, державы отзовутъ своихъ

---

[4]) Сравн. слѣдующія слова Вольтера: «Давно уже можно было смотрѣть на христіанскую Европу, за исключеніемъ Россіи, какъ на обширную республику, раздѣленную на отдѣльныя государства, сносящіяся другъ съ другомъ, исповѣдующія одну и ту же, хотя и раздробленнную на нѣсколько сектъ, религію, признающія однѣ и тѣ же основы политики и публичнаго права...» *Siècle de Louis XIV*, *Introduction*, ch. II.

[5]) Vivenot, t. I, p. 209—210.

дипломатическихъ агентовъ, прекратятъ «всякія личныя и торговыя сношенія» и подтвердятъ эти мѣры выставленіемъ «весьма значительнаго количества войскъ», предназначеннаго въ случаѣ необходимости «дать отпоръ насильственнымъ и враждебнымъ дѣйствіямъ, могущимъ быть предпринятыми Франціей за ея предѣлами». Военные расходы должны возмѣщаться сообща. Австрія и Пруссія доставятъ каждая по 50000 человѣкъ.

Леопольду было уже извѣстно, что такія мѣры были согласны съ желаніями королевской фамиліи. Онъ получилъ подтвержденіе отъ Ферзена [6]), съ которымъ видѣлся 4 августа и извѣстилъ о томъ сестру свою Марію-Христину. «Не вѣрьте ничему,—писалъ онъ ей [7]),—не поддавайтесь ни на что и не исполняйте никакихъ требованій со стороны принцевъ и французовъ, ограничиваясь свѣтскою вѣжливостью и обѣдами; ни войска, ни денегъ, ни поручительствъ за нихъ». Къ этому онъ прибавилъ: «Я заключаю миръ съ турками.:. Я поведу имперію легальнымъ путемъ». Имперія готова была слѣдовать за императоромъ. 6-го августа сеймъ принялъ рѣшеніе (conclusum), приглашающее его поддержать права принцевъ и трактаты, призвать къ вмѣшательству державъ-поручительницъ и вызвать, если въ томъ окажется надобность, вооруженіе другихъ. Курфирстъ трирскій попросилъ о помощи: Леопольдъ отвѣтилъ, что шесть тысячъ пруссаковъ и шесть тысячъ австрійцевъ будутъ двинуты въ Швабію и Франконію. Французское правительство было извѣщено объ этой мѣрѣ [8]). Таковы были ближайшія послѣдствія соглашенія между Австріей и Пруссіей; соглашеніе это было обезпечено и намѣревались скрѣпить его формальнымъ договоромъ.

Бишофсвердеръ вернулся въ Вѣну и велъ непосредственныя сношенія съ Кауницемъ. Старый канцлеръ не любилъ и не уважалъ Франціи; послѣ того, какъ онъ пренебрежительно эксплуатировалъ ее при Людовикѣ XV, временное возвышеніе ея при Людовикѣ XVI встрѣчено было имъ съ досадою; въ лицѣ революціи онъ ненавидѣлъ Францію [9]). Эта ненависть была такъ сильна въ немъ, что заставила его забыть на время антипатію къ пруссакамъ. Къ тому же пруссаки выказывали гибкость и вкрадчивость. Кауницу не приходилось переносить сарказмовъ Фридриха, заносчивости его агентовъ и хвастливости Герцберга. Теперь онъ встрѣчалъ свѣтскаго человѣка, въ высшей степени вѣжливаго, царедворца со

---

[6]) Fersen, *Journal*, t. I, p. 9.

[7]) 30 іюля 1791. Feuillet, t. III, p. 423.

[8]) Haeusser$_2$ t. I, p. 283—285.—Vivenot, t. I, p. 216.

[9]) Fersen, *Journal*, 6 août, 1791, t. I, p. 12.—Beer, *Kaunitz*, p. 419 et suiv.—Sybel, t. I, p. 302—304.—Haeusser, t. I, p. 313.

слащавою рѣчью, переходившею при каждомъ поводѣ въ сентиментальныя изліянія или туманныя хвалы. Болѣе чѣмъ когда-либо преисполненный самомнѣнія, онъ далъ опутать себя ханжѣ. Онъ вообразилъ, что ему такъ же легко будетъ руководить Фридрихомъ-Вильгельмомъ и его любимцемъ, какъ не трудно было вертѣть Людовикомъ XV и его фавориткой. Онъ полагалъ, что найдетъ въ союзѣ съ Пруссіей легкое и плодотворное вознагражденіе за разрывъ съ Франціей. Прелиминарный договоръ былъ подписанъ имъ и Бишофсвердеромъ 25 іюня: онъ былъ «вѣрнымъ сколкомъ» съ трактата 1756 года и представлялъ, по словамъ канцлера, «приблизительно второй томъ Версальскаго договора, въ свое время изумившаго Европу и спасшаго австрійскую монархію [10]). Договоръ ставилъ условіями оборонительный союзъ и обезпеченіе территорій обѣихъ сторонъ: союзники обязывались слѣдовать общей политикѣ во французскихъ дѣлахъ и поддерживать «неприкосновенность свободной польской конституціи». Заключеніе окончательнаго договора зависѣло отъ заключенія мира между Австріей и Турціей [11]). Этотъ миръ послѣдовалъ 5 августа въ Систовѣ и на условіяхъ, рѣшенныхъ еще въ Италіи. Съ той минуты казалось, что ничто не въ силахъ отклонить Австрію отъ ея проекта вмѣшательства; но проектъ этотъ зависѣлъ отъ предварительнаго соглашенія между державами, а получаемые отъ различныхъ дворовъ отвѣты показывали, что такое соглашеніе было весьма мало вѣроятно. Достаточно было пожелать объединенія Европы для того, чтобы констатировать ея безсвязное, хаотическое состояніе [12]).

«Ничего дѣйствительнаго нельзя будетъ предпринять безъ одобренія Англіи», писалъ де Мерси [13]). Онъ отправился въ Лондонъ и нашелъ англичанъ такъ мало расположенными къ конгрессу, какъ только было возможно. Всему міру было ясно, что анархія во Франціи могла только служить англійскимъ интересамъ. Франція разлагалась, колоніи ея дезорганизировались. Англія, желавшая пріобрѣсти Сенъ Домингъ и Иль де Франсъ, ждала, что они неминуемо попадутъ въ ея руки. Англійскіе фонды повышались до чрезвычайности. Нейтралитетъ доставлялъ Англіи,

---

[10]) Письмо къ Леопольду, 26 іюля 1791. Beer, *Kaunitz*, p. 420.

[11]) Neumann, *Traité de l'Autriche*, Leipzig, 1855—59, t. I, p. 452.

[12]) «Несмотря на величайшія предосторожности, съ которыми приступали къ этому дѣлу, въ видахъ избѣжанія препятствій, которыя могли явиться вслѣдствіе противоположности интересовъ и существующей или могущей вновь пробудиться враждебности, слабость успѣха на первыхъ порахъ превратилась въ окончательную неудачу...» *Kaunitz à Cobenzl*, 12 novem. 1791. Vivenot, t. I, p. 272.—Feuillet, t. II, p. 167.

[13]) Письмо къ Маріи-Антуанетѣ, 28 іюля 1791. Arneth, p. 186. *Correspondance de La Marck*, t. III, p. 177.

безъ убытковъ и опасностей, всѣ преимущества удачной войны съ Франціей: «Вамъ извѣстна исторія Англіи, говорилъ одному иностранному дипломату членъ палаты лордовъ; я спрашиваю васъ, развѣ во времена нашихъ междуусобныхъ войнъ Франція находила нужнымъ поддерживать нашу королевскую партію?» [14]). Мерси оставался въ Англіи недолго и уѣхалъ въ весьма уныломъ настроеніи [15]). «Наканунѣ своего отъѣзда, писалъ Бартелеми, онъ сказалъ мнѣ: я всегда полагалъ, что Англія способствовала всѣмъ несчастнымъ раздорамъ вашей родины. Я уѣзжаю отсюда болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденный въ этой печальной истинѣ и въ томъ, что вопреки интересамъ всѣхъ остальныхъ державъ, желающихъ Франціи возстановленія ея могущества, Англія будетъ продолжать втайнѣ подкапываться подъ нее съ цѣлью полнаго разоренія и очищенія для себя самой пути къ всемірному владычеству». Англійскій король написалъ императору въ уклончивыхъ выраженіяхъ [16]). Его министры не ограничивались отклоненіемъ всякаго участія въ конгрессѣ, они побуждали къ тому же и Испанію.

Испанскій дворъ началъ съ патетическихъ возгласовъ. Узнавъ объ арестѣ двоюроднаго брата, Карлъ IV воскликнулъ· «Почему же не освободилъ онъ себя мужественною смертью? Меня никогда не вернули бы живымъ въ столицу!» [17]). Вся эта доблесть вылилась въ напыщенную декларацію Флориды-Бланки, которая была передана Національному Собранію [18]). Поспѣшный и заискивающій отвѣтъ императору [19]), нѣсколько передвиженій войскъ на границѣ и высылка 30000 иностранцевъ, большею частью французовъ, дополнили мѣры, принятыя Испаніей. Затѣмъ гнѣвъ миновалъ и усердіе угасло «Это не значитъ,—говорилъ Леопольдъ,—что Испанія неблагопріятно настроена, но она сама въ плохомъ положеніи [20]). Сосредоточеніе войскъ не производилось. Ощущался недостатокъ въ солдатахъ: мобилизировавъ восемь кавалерійскихъ полковъ, едва могли направить на сѣверъ 3000 человѣкъ. Черезъ три мѣсяца удалось собрать 10000 въ Каталоніи и 2000 въ Наваррѣ. Испанію истощили эти усилія. Всѣ государственныя кассы были пусты; уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ даже Кастильскій совѣтъ не получалъ жалованья. Дворъ попытался заключить заемъ въ Генуѣ и другой—въ Голландіи: съ великимъ трудомъ достали

---

[14]) *Rapports de Barthélémy* août et sept. 1791. Бартелеми резюмируетъ впечатлѣнія де-Мерси и свои собственныя.

[15]) *Rapport* du 2 septembre 1791.

[16]) 23 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 227.

[17]) Baumgarten, p. 322—330.

[18]) Замѣтка отъ 1 іюля 1791. *Moniteur*, t. IX, p. 88—89.

[19]) 7-го августа 1791. Feuillet, t. IV, p. 131.

[20]) Fersen, t. I. p. 10.

400000 піастровъ, которые были обѣщаны графу д'Артуа. Къ этимъ затрудненіямъ присоединялись и натянутыя отношенія съ Марокко, окончившіяся объявленіемъ войны. Но болѣе всего опасались Англіи. Начавъ войну противъ Франціи, не заручившись благожелательнымъ нейтралитетомъ Англіи, Испанія подвергла бы свои колоніи англійскимъ посягательствамъ. Между тѣмъ англичане не переставали спорить по поводу малѣйшихъ предосторожностей, принимаемыхъ испанцами въ приморскихъ пунктахъ. При такихъ затрудненіяхъ и стѣсненіяхъ, Испаніи оставалось только прибѣгнуть къ различнаго рода уловкамъ, что она и сдѣлала и что продолжала дѣлать въ теченіе долгаго времени. Боркъ сравнивалъ эту страну съ китомъ, задыхающимся на морскомъ берегу. Уже съ начала августа Карлу IV показалось, что Людовикъ XVI могъ-бы прекрасно поладить со своимъ народомъ при помощи конституціи.—Это было бы, замѣчалъ онъ, и наилучшею развязкою, такъ какъ, судя по настроенію французовъ и энтузіазму, съ которымъ они относятся къ своей революціи, едва-ли война съ ними приведетъ къ практическимъ результатамъ. Арміи завоевателей ничего не пріобрѣтутъ во Франціи, кромѣ той площади, которую будутъ занимать [21]). Мадридское правительство рѣшило остаться при нейтралитетѣ. Неаполитанское написало нѣсколько прекрасныхъ депешъ, обѣщало нѣсколько кораблей, запретило ввозъ французскихъ газетъ и велѣло сжечь произведенія Филанджіери. Болѣе этого оно не въ силахъ было предпринять. Сардинія объявила, что готова выставить всѣ свои войска, но такъ какъ полагала, что сама находится въ опасности, то попросила помощи для водворенія спокойствія въ собственныхъ предѣлахъ [22]). Что касается русской императрицы, то она прислала императору энергическое воззваніе; она поручила своимъ дипломатическимъ агентамъ возбуждать рвеніе всей Европы во имя общаго дѣла ея государей; эмигрантамъ была послана ею субсидія; но она не предложила коалиціи ни денегъ, ни войскъ [23]): они были необходимы ей для собственныхъ операцій. «Императрица не приметъ участія ни въ чемъ,—писалъ шведскій уполномоченный [24]);—она отвѣчаетъ, что время года неудобно и что слѣдуетъ обождать отвѣтовъ остальныхъ дворовъ». Одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ просилъ ее одолжить, по крайней мѣрѣ, корабли для доставленія шведскихъ войскъ. Она холодно отвѣтила: «Мои корабли разоружаются. Впрочемъ, надо знать, какъ отнесутся къ этой экспедиціи англичане? Имъ

---

[21]) Карлъ IV Густаву III, 3 августа 1791. Fersen, t. I, p. 153.

[22]) Fersen, p. 9—10.—Vivenot, t. I, p. 272.—Franchetti, p. 59—60.—Bianchi, t. I, p. 631.

[23]) Екатерина II Леопольду, 1 августа 1791. Vivenot, t. I, p. 550.

[24]) Geffroy, t. II, p. 177.

нельзя довѣрять. Этотъ проектъ невозможенъ» [25]). Австріи оставалось, слѣдовательно, надѣяться только на одну Пруссію, и европейская лига сводилась на союзъ между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами. Но и въ самомъ Берлинѣ намѣренія были далеко неясны: оставалось не мало заднихъ мыслей. Прежде чѣмъ предпринять крестовый походъ, крестоносцамъ приходилось на этотъ разъ распутать множество страшно переплетенныхъ интересовъ.

II.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ сентименталенъ и очень гордился своей королевской властью. Арестъ Людовика XVI затронулъ въ немъ наиболѣе чувствительныя струны. По словамъ одного дипломата: «онъ былъ задумчивъ въ своемъ домашнемъ кругу и нѣсколько разъ воскликнулъ: какой ужасный примѣръ!» [1]). Прусскій король выказалъ вначалѣ много рвенія и объявлялъ во всеуслышаніе, что поддержитъ усилія императора. Его, всегда тревожное, самолюбіе находило выгоды въ такомъ великодушіи: Пруссія, испытывавшая въ теченіе трехъ лѣтъ однѣ неудачи, подниметъ свой престижъ блестящимъ предпріятіемъ [2]). Но если этотъ государь былъ невоздерженъ на слова, то поступки его не страдали необдуманностью. Къ тому же его удерживали министры. Они сомнѣвались въ выгодѣ предпріятія. Въ Пруссіи царило спокойствіе и благоденствіе; они не боялись для нея вліянія французской пропаганды. Имъ казалось, впрочемъ, что для предохраненія отъ нея всего лучше не обременять народъ новыми налогами [3]). Король мечталъ о войнѣ, во имя принципа; предусмотрительные министры интересовались, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, на кого падутъ военные расходы. Они не находили удобнымъ отнести ихъ на счетъ прусскаго казначейства.

---

[25]) *Rapp. de Stedingk*, 11 août 1791. Geffroy, t. II, p. 179.—Fersen, t, I, p. 28.

[1]) Отчетъ Мустье, 2 іюля 1791. *Mémoires d'un homme d'Etat*, Paris 1828 t. I, p. 122.

[2]) Haeusser, t. I, p. 320.

[3]) Мустье писалъ отъ 2-го августа 1791: «Повидимому, прусское правительство до сихъ поръ весьма спокойно относилось къ вліянію французской революціи на свои владѣнія. Дѣйствительно, если не стремятся къ новшествамъ, если поземельные налоги неуклонно взимаются по самымъ старинымъ кадастрамъ, если богатства справедливо распредѣлены, если государственные доходы превышаютъ расходы до такой степени, что возможны резервные фонды, наконецъ, если армія превосходно дисциплинирована,—то нечего опасаться революціи, въ особенности отъ такого народа, который не отличается ни подвижностью, ни непостоянствомъ». Haeusser, t. I, p. 312.

Таково было ихъ настроеніе въ то время, когда австрійскій посланникъ князь Рейссъ передалъ имъ, 27-го іюля, меморію, редактированную согласно съ инструкціями Кауница. Записка эта имѣла цѣлью установленіе соглашенія по всѣмъ мѣрамъ, которыя должны быть приняты въ виду предстоящаго союза; въ числѣ такихъ мѣръ, Австрія настоятельно указывала на необходимость общей декларацiи союзниковъ, устраняющей всякую мысль о завоеваніи. Прусскіе министры весьма быстро пришли къ рѣшенію. Уже на слѣдующій день они предложили на разсмотрѣніе короля проектъ отвѣта, который былъ одобренъ государемъ и немедленно препровожденъ къ прусскому повѣренному въ дѣлахъ, Якоби [4]). Документъ этотъ отличался свойственнымъ берлинскому министерству практическимъ смысломъ. Тонъ не обличалъ энтузіазма, а духъ не свидѣтельствовалъ о безкорыстіи. Король принималъ въ принципѣ проектъ Австріи относительно соглашенія державъ; но онъ откладывалъ всякія практическія мѣры по отношенію къ французамъ до заключенія мира между Россіей и Турціей. Онъ отказывался прекратить всякія торговыя сношенія съ Франціей, такъ какъ это нанесло бы ущербъ его подданнымъ. Онъ требовалъ извѣстій о намѣреніяхъ прочихъ дворовъ и, въ особенности, англійскаго. Далѣе, раскрывая заднюю мысль, которая вскорѣ сдѣлалась руководящею и преобладающею во всѣхъ этихъ переговорахъ, онъ указывалъ, что система безкорыстія была бы вполнѣ понятна, если бы дѣло шло о спасеніи Людовика XVI и возстановленіи его власти, «но, продолжалъ онъ,—какъ поступимъ мы въ томъ случаѣ, если война не дастъ желаемаго результата и если измѣненіе настоящаго положенія вещей во Франціи встрѣтитъ непреодолимыя препятствія, а союзнымъ державамъ удастся завоевать Эльзасъ и Лотарингію? Въ этомъ случаѣ не было бы никакого основанія возвратить ихъ Франціи. Нѣмецкимъ князьямъ возвращены будутъ всѣ ихъ права; но владѣнія этихъ князей составляютъ не болѣе четвертой части названныхъ провинцій; что же дѣлать съ остальными? Если возвратить ихъ прежнему владѣльцу, то есть австрійскому дому, то очевидно, что такое возвращеніе не будетъ для меня безразличнымъ и, если не послѣдуетъ предварительнаго соглашенія по этому предмету, а равно и по поводу предоставленія мнѣ равноцѣннаго вознагражденія, то могутъ возникнуть разногласія, а быть можетъ—и полный разрывъ между союзниками. Въ виду этого я нахожу, что въ высшей степени важно заблаговременно условиться по этому пункту [5]).

[4]) Фридрихъ-Вильгельмъ Якоби, 28 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 218.—Письмо къ Леопольду, 30 іюля, см. тамъ же стр. 228.—Herrmann, *Dip. cor.*, p. 48 et suiv.

[5]) *Post-scriptum à la dépêche ostensible du 28 juillet,* Herrmann, *Dip. cor.*, p. 57.—Haeusser, t. I, p. 314.—Sybel, t. I, p. 304—305.

Прусскіе министры уже имѣли планъ округленія границъ. Имъ казалось, что самое подходящее для Пруссіи—будетъ присоединеніе къ ней австрійской Силезіи [6]). Имъ еще не былъ извѣстенъ прелиминарный вѣнскій договоръ. Ознакомившись съ нимъ, они нашли, что Бишофсвердеръ дѣйствовалъ недостаточно предусмотрительно: что онъ слишкомъ много заботился о принципахъ и слишкомъ мало объ обезпеченіяхъ. Статья объ ипотекахъ отсутствовала въ черновомъ наброскѣ договора, составленномъ 25-го іюля. Министры стали ждать отвѣта императора, чтобы уже по полученіи его приступить къ поправкамъ и дополненіямъ. Король не препятствовалъ имъ, находя, что осторожность практиковъ не можетъ повредить дѣлу. Вполнѣ увѣренный, что эта осторожность совѣтниковъ предохранитъ его отъ всякихъ необдуманныхъ обязательствъ, онъ предоставлялъ себѣ недорого стоющее проявленіе возвышенныхъ рыцарскихъ чувствъ. Онъ принималъ эмигрантовъ, льстившихъ его тщеславію и слабостямъ; онъ приглашалъ къ своему двору Булье, прося его выработать планъ военныхъ дѣйствій [7]), и, подъ рукою, поощрялъ Бишофсвердера продолжать играть добродѣтельную роль, которую тотъ взялъ на себя въ Вѣнѣ [8]).

Это сплетеніе ханжества, алчности, политическаго расчета и величія души сильно озабочивало императора, который былъ слишкомъ уменъ, чтобы его можно было обмануть. «Они постоянно повторяютъ, что надо подождать, условиться относительно способовъ», — говорилъ онъ Ферзену [9]);—«они желаютъ знать, на кого падутъ расходы; они хотятъ быть увѣренными въ платежѣ, но какъ ихъ убѣдить? Мнѣ кажется, что они желали бы получить что-нибудь подъ залогъ, но когда получатъ, захотятъ ли возвратить? Вы знаете, что то, что удобно взять, удобно и удержать, и мнѣ кажется, что таковъ именно ихъ принципъ. Къ тому же они ожидаютъ отвѣта Англіи...» Это было своего рода бѣличье колесо, и изъ всей этой дипломатической переписки можно было вывести лишь заключеніе о невозможности соглашенія между державами. Но помимо такого соглашенія, Леопольдъ не намѣренъ былъ что-либо предпринимать: онъ находилъ это «безполезною жертвою» [1]) и ни мало не стремился къ ней. Европа отказывалась вѣрить опасности, на которую онъ указывалъ;

---

[6]) *Rapport d'Ewart,* 4 août 1791. Herrmann, *Dip. cor.*, p. 74.

[7]) *Bouillé à Gustave III*, 11 aout 1791. Feuillet, t. III, p. 435.—*Mémoires de Bouillé*, ch. XII, p. 292.

[8]) *Manstein à Bischoffswerder*, 2 août; *Kaunitz à Spielmann*, 14 août 1791. Vivenot, t. I, p. 222.

[9]) Fersen, *Journal*, 14 août. 1791, t. I, p. 14.

[10]) Леопольдъ Маріи Христинѣ, 6 августа 1791 г. Feuillet, t. III, p. 430.

въ сущности онъ и самъ не вѣрилъ въ нее. Всѣ эти прекрасные проекты вмѣшательства, выработанные его дипломатами, были въ его глазахъ лишь упражненіями на политическую тему. Совѣсть брата и государя мирилась въ немъ съ подобными размышленіями, и онъ вернулся къ своей излюбленной выжидательной системѣ. Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, давали ему если не серьезный, то по крайней мѣрѣ благовидный къ тому поводъ.

Марія-Антуанета прислала ему, чрезъ посредство Ноаля, письмо, въ которомъ сообщала, что положеніе дѣлъ во Франціи измѣнилось, что подготовляютъ конституцію, что, принявъ ее, король обезпечитъ себѣ свободу и что онъ надѣется придти къ соглашенію съ Собраніемъ [11]). Отправляя это письмо, королева въ то же время извѣщала де-Мерси, что не слѣдуетъ вѣрить ни одному слову этого письма; что это—простая уловка съ цѣлью усыпить бдительность тюремщиковъ; что истинныя намѣренія ея остаются неизмѣнными, и что, ожидая отъ императора оффиціальнаго извѣщенія, которое могло бы успокоить Собраніе, она надѣется на продолженіе переговоровъ съ цѣлью вмѣшательства [12]).

Леопольдъ понялъ мысль сестры [13]), но ему было удобно притвориться непонимающимъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ выходъ и воспользовался имъ. Онъ старался увѣрить себя, что при помощи покорности судьбѣ, времени и нѣкотораго умѣнья, Людовику XVI удастся спасти и жизнь свою, и признаки власти. Болѣе этого Леопольдъ и не желалъ для своего зятя; можно даже сказать, что изо всѣхъ исходовъ кризиса именно этотъ всего болѣе согласовался съ его собственною политикою. Лишь бы только не совершали покушеній противъ особъ королевской фамиліи, а Франція, низведенная до уровня Польши, нисколько не противорѣчила видамъ австрійскаго дома [14]). Съ той поры Леопольдъ принялъ окончательное рѣшеніе: онъ дѣлалъ видъ, что не понимаетъ и не отвѣчалъ на тайныя письма королевы и принималъ буквально притворныя декларацiи Людовика XVI, предназначенныя для введенія въ заблужденіе Собранія и публики. Леопольдъ совѣтовалъ Маріи-Антуанетѣ дѣйствовать въ духѣ примиренія, прибавляя даже, въ видахъ облегченія соглашенія между Тюильрійскимъ дворомъ и Собраніемъ, что добровольное признаніе королемъ

[11]) 30 іюня 1791 г. Arneth, p. 188.

[12]) Марія Антуанета—де-Мерси, 31 іюля и 1 августа 1791 г. Arneth, p. 193—194.

[13]) Въ дневникѣ Ферзена отъ 14 апрѣля читаемъ: «Онъ (императоръ) понялъ, что письмо было вынужденное и что они продолжаютъ ждать поддержки; повидимому, онъ рѣшился ее оказать, но оградивъ ихъ предварительно отъ буйствъ черни».

[14]) См. депешу Кауница Кобенцелю, 8 іюля 1791 г. Vivenot, t. I. p. 191.

конституціи обезпечило бы монархическій образъ правленія, послужило бы единственнымъ способомъ успокоенія державъ и сдѣлало бы излишними дѣйствія лиги, къ образованію которой онѣ приступали [15]). Таковъ былъ результатъ шестинедѣльныхъ совѣщаній. Европа пришла къ соглашенію лишь для того, чтобы предоставить французскаго короля его злой судьбѣ. Императоръ былъ вполнѣ удовлетворенъ подобнымъ исходомъ затруднительнаго кризиса. Его озабочивала въ эту минуту одна Польша; но онъ полагалъ, что, достигнувъ соглашенія съ Пруссіей, съумѣетъ уладить и это дѣло по собственному желанію.

Эти соображенія Леопольда не входили въ расчеты великой Екатерины. Она только что подписала прелиминаріи мирнаго договора съ Турціей, въ Галацѣ, 11 августа. Она оставляла за собою Очаковъ и полосу земли между Бугомъ и Днѣстромъ. Это было немного сравнительно съ тѣмъ, къ чему она стремилась три года назадъ, начиная эту восточную войну. Этой государынѣ не свойственно было довольствоваться малымъ, и если теперь она покидала такъ называемый «греческій планъ», то лишь на время и для того, чтобы привести въ исполненіе свои намѣренія относительно Польши. Мѣропріятія ея по французскимъ дѣламъ ограничивались дипломатическими заявленіями. Она отдала приказъ парижскому агенту Симолену выѣхать изъ Парижа немедленно вслѣдъ за представителями другихъ державъ. Въ Петербургѣ, канцлеръ Остерманъ объявилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ Женету, что не приметъ отъ него никакого сообщенія и что онъ запретилъ всѣмъ русскимъ подданнымъ принимать изъ его рукъ какое бы то ни было письменное сообщеніе «подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія» [16]).

Екатерина полагала, что ничего не можетъ быть легче обузданія французскихъ революціонеровъ. Она была убѣждена, что если пожелаетъ, то справится съ ними такъ же легко, какъ со шведами и поляками. Она считала французскія идеи пустяками, а революціонеровъ—простыми буянами. Мысль о возможности общаго національнаго отпора не допускалась ею. «Галламъ нуженъ Цезарь, который бы могъ завоевать ихъ», говорила она; «но это дѣло не трудное» [17]). «Бьюсь объ закладъ, что стоитъ только войску овладѣть двумя домишками, и всѣ эти овцы станутъ прыгать черезъ палку въ которую угодно сторону» [18]). Сказать это нетрудно; остается найдти палку и руку, способную ее держать. «Двадцати тысячъ

---

[15]) Леопольдъ Маріи Антуанетѣ 17 и 20 августа 1791 г. Arneth, p 198—200.

[16]) Отчеты Женета, 1 сентября и 14 октября 1791 г.

[17]) Письмо къ Гримму, 27 апрѣля 1791 г. *Corresp.* p. 506.

[18]) Тоже, 7 сентября 1791 г. *Corresp.* p. 551.

козаковъ было бы слишкомъ много, чтобы протянуть зеленый коверъ отъ Страсбурга до Парижа; 2000 казаковъ и 6000 кроатовъ было бы вполнѣ достаточно» [19]). Однако Екатерина не находитъ нужнымъ ихъ доставлять. Она предоставляетъ честь экспедиціи прусскому королю, надъ которымъ смѣется, и императору австрійскому, которому не довѣряетъ. «Это единственный человѣкъ, которому я прощаю его игру», говорила она о Леопольдѣ; «если онъ не обманываетъ, то мнѣ его жаль».

Въ этомъ отношеніи Леопольдъ менѣе чѣмъ кто-либо заслуживалъ сожалѣнія. Онъ весьма ясно угадывалъ намѣренія императрицы, а менѣе проницательный Фридрихъ-Вельгельмъ инстинктивно не довѣрялъ сочувствію могущественной государыни дѣлу, которое она такъ мало поддерживала. Рвеніе обоихъ нѣмцевъ сразиться на Рейнѣ охлаждалось по мѣрѣ того, какъ усиливалось стремленіе Россіи подвинуть ихъ на эту войну. Мало-по-малу они оставили Францію и обратили свое вниманіе на Польшу. Между тѣмъ Екатерина не теряла времени. Поляки, принадлежавшіе къ русской партіи, снова принялись за свои заговоры; шведскій король шумѣлъ во главѣ будущей коалиціи, а французскіе эмигранты, распростертые у ногъ русской царицы, оглашали міръ громомъ своей признательности.

III.

У эмиграціи былъ теперь и король и коннетабль. Королемъ былъ графъ Прованскій, выѣхавшій изъ Франціи въ концѣ іюня; коннетаблемъ—Густавъ III, прибывшій 14 числа въ Ахенъ [1]). Здѣсь онъ держалъ себя главою партіи и главнокомандующимъ монархической Европы, примѣшивая ко всѣмъ своимъ, даже наиболѣе серьезнымъ и благороднымъ, дѣйствіямъ нѣсколько шумливую и комическую торжественность. Онъ устраивалъ блестящіе пріемы эмигрантамъ, съѣзжавшимся въ Ахенѣ съ цѣлью засвидѣтельствовать ему свою признательность. Три раза въ недѣлю онъ давалъ обѣды на сто кувертовъ своимъ благороднымъ французскимъ кліентамъ. Онъ смотрѣлъ героемъ, посредникомъ, въ особенности же покровителемъ и человѣкомъ принципа. Принципы, имъ выставляемые, отличались радикальною простотою. Пропаганда и эмиссары не казались ему важнѣйшею опасностью, которой подвергала Европу французская революція; по его мнѣнію, дѣйствительно серьозную опасность представляли «монархисты» и ихъ «метафизическое» правительство, которое, если ему удастся окрѣпнуть «подастъ еще болѣе опасный примѣръ

[19]) Письмо къ Гримму, 13 сентября 1791 г. *Corresp.* p. 556.

[1]) Geffroy, *Gustave III*, t. II, ch. IX.

и поколеблетъ престолы» [2]). Его логика доводила эти соображенія до ихъ крайнихъ предѣловъ; въ его глазахъ, монархія—все, а монархъ—ничто; лишь бы государь пользовался неограниченною властью, а какое имя онъ носитъ—совершенно безразлично. «Все равно»,—писалъ онъ Екатеринѣ [3]), царствуетъ ли Людовикъ XVI, Людовикъ XVII или Карлъ X, лишь бы тронъ былъ возстановленъ, лишь бы чудовище, засѣдающее въ манежѣ, было побѣждено, а разрушительные принципы уничтожены вмѣстѣ съ гнуснымъ собраніемъ и гнуснымъ логовищемъ, въ которомъ оно возникло. Единственное средство для этого—желѣзо и пушки. Весьма возможно, что въ настоящую минуту король и королева находятся въ опасности, но эта опасность не можетъ равняться съ тою, которою грозитъ французская революція всѣмъ вѣнценоснымъ главамъ».

Это—чистѣйшая доктрина общественнаго спасенія; она вполнѣ совпадала со взглядами, господствовавшими въ средѣ эмигрантовъ и даже въ средѣ приближенныхъ принцевъ крови. «Они внушаютъ мнѣ отвращеніе. Здѣсь замѣчается циничная радость»! писалъ Ферзенъ, пріѣхавъ въ Брюссель, послѣ событія въ Вареннѣ. «Я встрѣтилъ многихъ, говорившихъ, что арестъ короля—истинное счастье», передаетъ въ то же время Ожаръ [4]). Дѣйствительно, эмиграцію уже ничто не сдерживало: арестованіе Людовика XVI освобождало ее отъ повиновенія, которымъ она тяготилась, хотя и ранѣе не особенно соблюдала его. Немедленно по пріѣздѣ въ Брюссель, графъ Прованскій, старшій изъ братьевъ короля, обратился къ высшимъ представителямъ магистратуры, къ пэрамъ, придворнымъ сановникамъ, архіепископамъ и епископамъ. Было единогласно рѣшено, что въ силу французскихъ законовъ, несвободнаго положенія короля и дофина, братъ короля становится по праву и ipso facto—регентомъ французскаго королевства; что онъ можетъ и долженъ принять это званіе и что все отъ него исходящее должно разсматриваться какъ исходящее отъ самой королевской власти; что онъ не нуждается ни въ какомъ актѣ, ни въ какой предварительной формальности и вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ силу своего непосредственнаго права [5]). Принцы и ихъ совѣтники становились властителями «истинной Франціи»; они имѣли возможность слѣдовать исключительно внушеніямъ своего генія, спасать государство по собственному усмотрѣнію и принимать грандіозныя мѣры. Къ этому они и приступили, не теряя времени.

---

[2]) Geffroy, *Lettre à Stedingk*, 10 juillet 1791, t. II, p. 174.

[3]) 9 іюля 1791. Feuillet, t. III, p. 399.

[4]) Fersen, *Journal*, 10 juillet 1791, t. I, p. 4.— Augeard, *Mémoires*, p. 274.

[5]) *Mémoire de Gustave III á Catherine*, 9 juillet 1791. Feuillet, t. III, p. 395.

5 іюля шведскій король собралъ на нѣкотораго рода совѣтъ графа Прованскаго, графа д'Артуа и епископа аррасскаго г. де-Конзье [6]). Густавъ, приказавшій еще 27 іюня Сталю порвать всякія сношенія съ французскимъ правительствомъ, изложилъ, какимъ образомъ онъ полагаетъ его ниспровергнуть для возстановленія прежняго порядка вещей.— Такъ какъ король несвободенъ, сказалъ онъ, то первый братъ короля долженъ принять титулъ регента, составить правительство, назначить посланниковъ, вести переговоры для пріобрѣтенія союзниковъ. Всѣ благомыслящіе французы, которые станутъ на его сторону, не будутъ мятежниками; напротивъ, они будутъ вѣрными подданными, борящимися противъ власти узурпаторовъ. По возвращеніи своемъ во Францію, первый братъ короля созоветъ вокругъ себя пэровъ, высшихъ придворныхъ сановниковъ, епископовъ, парламенты и дастъ слово сохранить старинные законы королевства и прежнія сословныя права. Старый порядокъ будетъ возстановленъ во всей своей цѣлости; будетъ водворена «чистая монархія» [7]).—Съ своей стороны, принцы объявили, что всѣ декреты конституціоннаго Собранія такъ ненавистны, «что невозможно сохранить ни одного, не потерявъ всего». «Король, которому возвращенъ будетъ его авторитетъ, даруетъ своимъ подданнымъ все то, чего они могутъ ожидать отъ его милосердія. Онъ исправитъ злоупотребленія и опредѣлитъ границы разумной свободы»... Но до тѣхъ поръ ни сдѣлки, ни уступки не допускаются. «Не существуетъ ни одной, которая была-бы примѣнима въ настоящую минуту. Нельзя идти на соглашеніе съ преступленіемъ, нельзя довѣриться коварству; нельзя сноситься съ Собраніемъ, не имѣющимъ законнаго значенія»... «Только силою оружія возможно подчинить фанатизмъ общественнаго мнѣнія» [8]). Эта сила должна быть непреодолимой: Густавъ III ручается за нее. Создавъ въ своемъ воображеніи и по политическимъ романамъ Колонна фантастическую Европу, онъ уже видѣлъ какъ 35000 австрійцевъ вторгаются во Францію чрезъ Фландрію, 12000 швейцарцевъ вступаютъ въ нее чрезъ Франшъ-Конте, 15000 сардинцевъ—чрезъ Дофине, 20000 испанцевъ чрезъ Пиренеи; 16000 шведовъ съ 6-ю или 8000 русскихъ высадятся подъ его начальствомъ въ Нормандію, займутъ берега Сены и заморятъ голодомъ Парижъ, между

[6]) Записка, прочитанная шведскимъ королемъ Екатеринѣ II, 9 іюля 1791, Feuillet, t. III, p. 379—391.—*Les princes á Catherine, 31 juillet 1791.* Feuillet.

[7]) La Rocheterie.

[8]) Слова, отмѣченныя кавычками, извлечены изъ письма къ Екатеринѣ. Feuillet, t. II. p. 192—193—.Fersen, t. I, p. 7, *Journal* du 25 juillet: «Графъ д'Артуа не желаетъ никакихъ переговоровъ, онъ стоитъ исключительно за военную силу».

тѣмъ какъ принцы съ эмигрантами и имперскими войсками проникнутъ во Францію чрезъ Брисгау и Эльзасъ. Англія не будетъ препятствовать. Въ случаѣ надобности ей заплатятъ за нейтралитетъ Антильскими островами.

Этотъ планъ былъ принятъ принцами и ихъ союзникомъ. Но принявъ его, надо было найдти денежныя средства и солдатъ, то есть заручиться содѣйствіемъ Европы. Густавъ III взялъ на себя роль представителя регентства, которое было создано почти имъ самимъ. Онъ уже ранѣе написалъ прусскому королю, теперь написалъ и испанскому [9]); онъ поручилъ Ферзену привлечь къ дѣлу императора и послалъ пространную меморію русской императрицѣ, отъ которой ждалъ всего. Затѣмъ онъ призвалъ маркиза Булье для совѣщанія о практическомъ выполненіи своего плана. Булье пріѣхалъ, раздраженный своимъ безсиліемъ спасти короля, возбужденный противъ революціи и съ такою жаждой мести, что утратилъ всякую мѣру и сдержанность. Онъ написалъ Собранію безразсудное письмо [10]): «Я хотѣлъ спасти родину, короля и его семью... Вы отвѣтите за ихъ жизнь не мнѣ, а передъ лицомъ всѣхъ государей; объявляю вамъ, что если тронутъ хотя одинъ волосъ съ ихъ головы, то не останется камня на камнѣ въ Парижѣ. Я знаю пути, я проведу по нимъ иностранныя арміи!».. Булье намѣтилъ вмѣстѣ съ Густавомъ III промежуточныя станціи. Обращая противъ Франціи свѣдѣнія, которыя поручено было ему собрать до того времени въ видахъ ея защиты, онъ указалъ шведскому королю границу, беззащитную по отношенію къ иноземному нашествію, указалъ на французскую армію, обреченную на неминуемую гибель, лишенную офицеровъ, страдающую отсутствіемъ дисциплины, недостаткомъ боевыхъ снарядовъ; укрѣпленные пункты пришли въ ветхость, не имѣютъ артиллеріи и переполнены сообщниками, готовыми предать ихъ въ руки непріятеля. Онъ надѣялся, довѣрившись такимъ образомъ шведскому королю, что этотъ государь не злоупотребитъ этимъ довѣріемъ въ ущербъ Франціи [11]). Онъ видѣлъ въ немъ единственнаго безкорыстнаго союзника Людовика XVI и смѣшивалъ спасеніе своего государя съ избавленіемъ родины и государства: этимъ оправдывали свои поступки предъ исторіей многіе мужественные люди того времени, подобно Булье выбитые изъ колеи революціонной бурей и одинаково съ нимъ неспособные ни измѣрить ея силы, ни понять ея направленія.

---

[9]) Густавъ III прусскому королю, 3 іюля 1791; испанскому—16 іюля 1791. Geffroy, t. II, p. 186., Екатеринѣ—9 іюля, Feuillet, t. III, p. 391; Ферзену—21 іюля, Fersen, t. I, p. 148.

[10]) 26 іюня. *Mémoires de Ferrières*, Paris, 1822, t. II, p. 472.—*Moniteur*, t. IX, p. 6.—La Rochetelie, см. выше о томъ-же.

[11]) Bouillé, *Mémoires*, ch. XII et Appendice: «*Notes sur les affaires de France*».

Густавъ III нашелъ, что ему уже излишне принимать какіе либо новые совѣты и выслушивать чужія мнѣнія; онъ не сомнѣвался ни въ содѣйствіи державъ, ни въ успѣхѣ предпріятія и уѣхалъ въ Швецію, съ цѣлью ускорить военныя приготовленія къ предстоящей кампаніи.

Французскіе принцы старались возбудить у иностранныхъ дворовъ сочувствіе къ своему регентству. Прежде всего они обратились къ великой Екатеринѣ [12]). Эта императрица выполнила такъ много изумительныхъ дѣлъ со времени вступленія своего на престолъ; она выказала въ теченіе своего славнаго царствованія такую рѣдкую геніальность, что ослѣпленіе ея величіемъ, даже со стороны принцевъ славнѣйшаго изъ европейскихъ царственныхъ домовъ, было вполнѣ понятно. Тѣмъ не менѣе, эти внуки Людовика XIV выказали ничѣмъ не оправдываемую угодливость [13]). Графъ Прованскій, редактировавшій посланіе, расточалъ въ этомъ документѣ всѣ сокровища остраго ума, которымъ гордился. Екатерина слыла почитательницею «Генріады». Братъ Людовика XVI не поскупился на намеки по поводу Генриха IV, и притомъ въ такомъ родѣ, который нисколько не соотвѣтствовалъ способу выраженія этого гордаго и насмѣшливаго беарнца: «Когда Генрихъ IV считалъ за честь званіе рыцаря королевы Елизаветы, онъ уже могъ назвать себя героемъ, мы же еще не совершили ничего достойнаго привлечь взоры Екатерины». Всего лучше въ этомъ приторномъ посланіи было слѣдующее мѣсто заключенія, представляющее впрочемъ крайне наивное и полное иллюзій обращеніе къ ученицѣ и сотрудницѣ великаго Фридриха: «Соединенная поддержка Россіи и Швеціи имѣетъ неоцѣненное преимущество: очевидность ея безкорыстія. Безъ сомнѣнія, справедливо, чтобы возстановленная на прежнихъ основахъ французская монархія вознаградила державы, протянувшія ей руку помощи, путемъ ли субсидій, или иного рода уплаты за авансы и военные расходы. Но раздѣлы, которые съузили бы предѣлы королевства и нарушили бы европейское равновѣсіе, не должны быть цѣною великодушной поддержки, обѣщанной принцамъ—братьямъ короля, дѣйствующимъ его именемъ и ради защиты его короны. Отъ нихъ не требуютъ ничего подобнаго... Примѣръ Екатерины II и значеніе ея вліянія достаточны для того, чтобы устранить всякія сомнѣнія, могущія возникнуть у французской націи въ этомъ от-

---

[12]) Меморія принцевъ, посланная Екатеринѣ II, 31 іюля. Feuillet, t. II, p. 189.

[13]) «Нѣтъ такого рода славы, которой ваше величество не были бы причастны: вы раздѣляете съ Петромъ Великимъ великую заслугу созданія обширной имперіи, такъ какъ если онъ первый вызвалъ ее изъ хаоса, то ваше величество, подобно Прометею, достали солнечный лучъ для ея оживотворенія»

ношеніи». Нельзя не признать, что рядомъ съ двусмысленными мотивами, побудившими графа Прованскаго присвоить себѣ регенство, послѣдній, по крайней мѣрѣ, заслуживаетъ уваженія. Этотъ принцъ льстилъ себя надеждой, что если онъ станетъ во главѣ коалиціи, союзники его не оберутъ государя, права котораго отстаивали вмѣстѣ съ нимъ. Такой взглядъ казался принципіально вѣрнымъ, но дѣло въ томъ, что Европа менѣе всего озабочивалась именно принципами, и не такимъ тономъ слѣдовало говорить съ нею, чтобы быть ею выслушаннымъ.

Принцы расчитывали на Россію; они полагали, что весьма не трудно будетъ также добиться содѣйствія прусскаго короля; оставалась наиболѣе трудная часть задачи—повліять на императора [14]). Не теряя энергіи послѣ многихъ неудачъ, испытанныхъ именно съ этой стороны, они рѣшились, на новую попытку. Графъ д'Артуа, въ сопровожденіи Калонна и Эстергази, отправился въ Вѣну, куда и прибылъ 15-го августа [15]). Въ это самое время Леопольдъ собирался въ Пильницъ, для свиданія съ прусскимъ королемъ. Посѣщеніе графа д'Артуа показалось ему въ высшей степени несвоевременнымъ; однако онъ не нашелъ возможнымъ избѣжать его и принялъ принца и его спутниковъ 20-го августа. Графъ д'Артуа изложилъ свои планы и напомнилъ «обѣщанія, данныя ему императоромъ въ Италіи». Леопольдъ отвѣтилъ, что графъ преувеличиваетъ значеніе сказанныхъ тогда словъ; что все зависитъ отъ европейскаго соглашенія, а соглашеніе это встрѣчаетъ серьезныя затрудненія. Графъ д'Артуа настаивалъ, спорилъ по поводу выраженій и такъ горячился, что императоръ, желая положить конецъ разговору, объявилъ, что беретъ назадъ то, что обѣщалъ. При этихъ словахъ французскій принцъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, а въ Вѣнѣ распространился слухъ, что онъ дошелъ до того, что предложилъ императору Лотарингію, лишь бы заставить его подтвердить прежнія обѣщанія [16]). Леопольдъ остался непоколебимымъ. Графъ д'Артуа добился только одного: разрѣшенія пріѣхать въ Пильницъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ его предупредили, что присутствіе его тамъ будетъ совершенно безполезно и ничего не измѣнитъ въ намѣреніяхъ императора [17]). Тонъ рѣчей австрійскихъ министровъ способенъ былъ повергнуть въ еще бо́льшее уныніе; они не скрывали, что «смотрятъ на ослабленіе Франціи какъ на большое преимущество для австрійскаго дома и что было бы не-

---

[14]) *Les princes à Flachslanden*, 2 juillet 1791. Feuillet, t. II, p. 43.

[15]) *Mémoires d'Esterhazy*, extrait publié par Feuillet, t. IV, p. 59.—Sybel tr. f., t. I, p. 308.

[16]) Sybel, t. I, p. 308. — Haeusser, t. I, p. 322. — Herrmann, *Dip. cor.* p. 65—68.

[17]) *Mémoires d'Esterhazy*, Feuillet, t. IV, p. 59.

согласно съ политикою этого дома возвращать Франціи ея прежнее могущество, не получивъ по крайней мѣрѣ въ замѣнъ крупнаго вознагражденія». Кауницъ находилъ, что «французскія дѣла непоправимы». Онъ совѣтовалъ своему государю не принимать въ нихъ никакого участія. «Впрочемъ,—прибавлялъ онъ,—если Людовикъ XVI придетъ къ соглашенію съ Собраніемъ, то война окажется безполезной». Императоръ не только не готовился къ войнѣ, но намѣревался ограничить свои вооруженія [18]). Въ такомъ-то настроеніи отправился онъ 22 августа въ Саксонію. Въ тотъ же день выѣхалъ графъ д'Артуа со свитою, пополненною нѣсколькими вліятельными эмигрантами.

IV.

Пильницъ—замокъ въ окрестностяхъ Дрездена и лѣтняя резиденція саксонскихъ государей. Императоръ прибылъ туда 25 августа съ маршаломъ Ласи и барономъ Шпильманомъ, референдаріемъ дворцовой и государственной канцеляріи, интриганомъ довольно мелкаго разбора, своего рода факторомъ, поднявшимся изъ весьма низкаго общественнаго положенія и пользовавшимся закулиснымъ вліяніемъ, благодаря милости императора. Онъ началъ съ роли наперсника и мѣтилъ теперь на вторыя роли: по своему характеру, происхожденію и наклонностямъ это былъ вполнѣ подходящій партнеръ для полковника Бишофсвердера. Шпильманъ уже сносился въ Вѣнѣ съ любимцемъ прусскаго короля. Онъ снова встрѣтился съ нимъ въ свитѣ этого государя. Фридрихъ-Вильгельмъ явился въ Пильницъ нѣсколькими минутами позднѣе императора; онъ привезъ съ собою одного изъ важнѣйшихъ придворныхъ сановниковъ, князя Гогенлоэ-Ингельфингена и довѣреннаго адъютанта Манштейна, тайнаго соперника Бишофсвердера, выказывавшаго, тѣмъ не менѣе, большое расположеніе къ королевскому фавориту. Наслѣдники прусскаго и австрійскаго престоловъ сопровождали своихъ августѣйшихъ отцовъ. Это было первое изъ послѣдовавшихъ затѣмъ безчисленныхъ свиданій между Францемъ II и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, въ теченіе необычайныхъ событій, подготовлявшихся въ то время и обусловившихъ бурное поприще ихъ обоихъ.

Пріемъ оказанный саксонскимъ курфирстомъ, былъ блестящъ: роскошный банкетъ съ послѣдовавшимъ за нимъ торжественнымъ спектаклемъ, иллюминаціей, блестящимъ вечернимъ собраніемъ и ужиномъ заняли весь день и часть ночи. Среди празднествъ, которыя продолжались и на слѣдующій день, государи могли обмѣняться мнѣніями лишь урывками и въ общихъ чертахъ. Тѣмъ не менѣе эти бесѣды произвели прекрасное впечатлѣніе на обѣ сто-

---

[18]) *Rapports de Jacobi*, 20 et 29 août 1791. Herrmann, *Dip. cor.*, p. 67—69.

роны. «Король прусскій,—писалъ Леопольдъ [1]),—былъ какъ нельзя болѣе прямодушенъ, дружественъ и искрененъ со мною; мнѣ кажется, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ пользѣ союза и дѣйствительно желаетъ его заключенія». Государи ограничились взаимнымъ засвидѣтельствованіемъ довѣрія, въ сущности и не имѣлось иной цѣли при этомъ свиданіи. Министры вели рѣчь о Польшѣ, но не приходя ни къ какому рѣшенію, и весьма вѣроятно, что въ Пильницѣ не стали бы обсуждать никакого серьезнаго дѣла, если бы не явились туда французы [2]). Графъ д'Артуа пріѣхалъ въ замокъ 26 августа, окруженный всѣми дипломатами и всѣмъ военнымъ совѣтомъ эмиграціи: Конде, Калоннъ, Ролль, Эстергази, д'Эскаръ, Полиньякъ, Флоксланденъ, Шатонёфъ и наконецъ Булье—всѣ были на лицо. Булье привезъ планъ кампаніи, выработанный подъ наблюденіемъ графа Прованскаго маршалами: Брольи и де-Кастри [3]). Принцъ Нассау-Зигенскій, оффиціозный агентъ Екатерины, состоявшій при французскихъ принцахъ, присоединился къ ихъ свитѣ. Цѣлью этого шумнаго визита было открыто показать прикосновенность германскихъ государей къ дѣлу французскаго дворянства и увлечь ихъ къ такимъ поступкамъ, которые они впослѣдствіи неминуемо должны были бы подтвердить насильственными дѣйствія, напримѣръ оккупаціей Эльзаса [4]). Король прусскій, повидимому, склонялся къ этому: мысль ввести свои войска во французское королевство льстила его самолюбію; къ тому же за этимъ могли послѣдовать территоріальные обмѣны, къ которымъ онъ не былъ равнодушенъ. Онъ написалъ уже изъ Пильница своему дипломатическому агенту въ Вѣнѣ Якоби [5]): «То, что вы сообщаете по поводу Лотарингіи, о которой шла рѣчь въ Вѣнѣ между императоромъ и графомъ д'Артуа и которая могла бы служить вознагражденіемъ за военныя издержки,—весьма важно и заслуживаетъ величайшаго вниманія». Такъ разсуждалъ этотъ государь въ ту самую минуту, когда эмигранты, убѣжденные въ его великодушіи, обманывали себя надеждой на его безкорыстіе.

Графъ д'Артуа развилъ свой планъ предъ императоромъ и прусскимъ королемъ. «Онъ страшно [6]) настаивалъ», добиваясь ихъ согласія относительно десяти *имѣющихъ быть рѣшенными пунктовъ*, которые онъ представилъ въ письменномъ изложеніи [7]); сущность ихъ заключалась въ

---

[1]) Кауницу, отъ 30 августа 1791. Beer, *Kaunitz*, p. 424.

[2]) Отчетъ Шпильмана, Vivenot, t. I, p. 236.—Sybel, t. I, p. 311.

[3]) Bouillé, *Mémoires*, p. 293.

[4]) *Léopold à Kaunitz*, 30 août, Beer, *Kaunitz*.

[5]) 28 августа 1791. Herrmann, *Dip. cor.*, p. 68.

[6]) Слова Леопольда. Письмо къ Кауницу.

[7]) *Points à fixer*, Vivenot, t. I, p. 231.

признаніи регентомъ графа Прованскаго, въ наборѣ войскъ въ предѣлахъ имперіи, въ организаціи ихъ въ Нидерландахъ, въ вооруженіяхъ для оказанія поддержки дѣйствіямъ принцевъ и въ манифестѣ къ французамъ, грозящемъ мятежнымъ депутатамъ Собранія, въ случаѣ покушенія на жизнь короля,—*страшнѣйшими казнями*, а Парижу—*разрушеніемъ*. Леопольду были извѣстны эти намѣренія и онъ нисколько не одобрялъ ихъ. По уходѣ графа д'Артуа, онъ оспаривалъ ихъ, стараясь убѣдить прусскаго короля. Но планы эмигрантовъ отвѣчали желаніямъ самого Фридриха-Вильгельма, и онъ не оставался равнодушнымъ къ лести, на которую они были весьма щедры; однако же основною чертою его было все-таки благоразуміе, и къ тому же онъ подчинялся вліянію Леопольда. Онъ не обманывалъ себя относительно затрудненій, могущихъ явиться вслѣдствіе войны, предпринятой помимо обезпеченнаго содѣйствія Европы: онъ сознавалъ ея опасности и не былъ увѣренъ въ ея выгодахъ. Союзники рѣшили отвѣтить на требованія графа д'Артуа по пунктамъ [8]): регентство брата короля можетъ привести къ результату, противоположному тому, который былъ бы желателенъ; то есть возвращенію довѣрія народа Людовику XVI; манифестъ можетъ исходить исключительно изъ соглашенія державъ; державы уже приглашены къ образованію союза; надлежитъ ждать ихъ отвѣта; императоръ не имѣетъ возможности облегчить принцамъ вербовку войскъ въ предѣлахъ имперіи, и если онъ дозволяетъ эмигрантамъ «спокойно» проживать въ его владѣніяхъ, то не можетъ допустить ихъ организовываться на военную ногу ранѣе, чѣмъ будетъ установлено по этому поводу соглашеніе между державами.

Затѣмъ, такъ какъ нельзя было прямо выпроводить столь высокорожденнаго принца и всю его блестящую аристократическую свиту, то ихъ пригласили принять участіе въ банкетахъ и празднествахъ. Они не замедлили на нихъ появиться; волновались и выставляли на-показъ свои внѣшнія отличія, что придавало имъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе въ глазахъ ихъ сторонниковъ и публики. Они искали бесѣдъ съ глазу на глазъ, бѣгали за министрами и любимцами, докучали имъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ особенности настаивали они на необходимости манифеста. Шпильманъ находилъ, что графъ д'Артуа и Калоннъ проявляли по этому поводу «безпримѣрную наглость и докучливость».

Впрочемъ съ пруссаками не такъ трудно было ладить, какъ съ австрійцами. Калоннъ имѣлъ дѣловое свиданіе съ княземъ Гогенлоэ и Бишофсвердеромъ; но бесѣда не дала ожидаемыхъ имъ результатовъ [9]). «Гене-

---

[8]) Изустное сообщеніе императора. Vivenot, t. I, p. 233.

[9]) 26 августа. *Mémoires d'Esterhazy.*

ралъ Гогенлоэ сказалъ мнѣ», передаетъ Ферзенъ [10]), «что вспыльчивость, безтактность и легкомысліе г. де-Калонна испугали прусскаго короля и охладили самого Бишофсвердера».

Послѣ усиленныхъ стараній и заискиваній у министровъ, графъ д'Артуа добился, наконецъ, созванія конференціи, которая должна была обсуждать вопросъ о манифестѣ. Это была idée fixe эмигрантовъ, по мнѣнію которыхъ манифестъ однимъ своимъ появленіемъ уничтожитъ революцію и революціонеровъ. Леопольдъ же увидѣлъ въ манифестѣ способъ избавиться отъ стѣснявшихъ его гостей; онъ полагалъ также, что угроза вмѣшательствомъ заставитъ призадуматься французовъ и приведетъ ихъ къ примиренію съ королемъ. Шпильману поручено было изготовить текстъ, могущій примирить всѣ воззрѣнія, не высказываясь опредѣленно ни за одно. Избавиться отъ эмигрантовъ, не отрекаясь отъ нихъ публично, встревожить французовъ, не раздражая ихъ безъ мѣры, поддерживать замыслы двора, не вызывая въ то же время гнѣва революціонеровъ, однимъ словомъ, казаться дѣйствующими и не обязывать себя ни къ чему—такова была цѣль туманной и двусмысленной декларацiи, черновой набросокъ которой сдѣлалъ Шпильманъ [11]).

Леопольдъ одобрилъ его, найдя, что все было расчитано для того, чтобы «графъ д'Артуа не могъ злоупотребить декларацiей, если бы того пожелалъ» [12]). Декларацію должны были подписать: императоръ и прусскій король; въ ней значилось, что оба эти монарха, выслушавъ представленія брата короля и графа д'Артуа, отнеслись къ положенію Людовика XVI а равно и къ возстановленію порядка въ монархіи, какъ къ дѣлу общаго всѣмъ государямъ интереса.

«Ихъ величества надѣются, что общность этого интереса не замедлитъ быть признанной державами, къ *помощи которыхъ обратились*... и что, слѣдовательно, *онѣ не откажутся* прибѣгнуть совокупно съ ихъ величествами къ наиболѣе дѣйствительнымъ средствамъ, по силѣ и возможности каждой... Въ семъ послѣднемъ случаѣ, ихъ величества, императоръ и король прусскій, рѣшили дѣйствовать безотлагательно и по общему согласію въ видахъ достиженія общей цѣли. До тѣхъ же поръ они отдадутъ войскамъ надлежащіе приказы, дабы содержать ихъ въ готовности къ дѣйствію».

Въ этой декларацiи все было гадательно: вооруженія, о которыхъ въ ней упоминалось, были поставлены въ зависимость отъ проблематичнаго соглашенія между державами. О соглашеніи говорилось, какъ о далекой

---

[10]) Отчетъ Густаву III 27 сент. 1791. Feuillet, t. IV, p. 107.

[11]) Vivenot, t. I, p. 234.

[12]) Письмо къ Кауницу. Beer, *Kaunitz*, p. 425.

надеждѣ; его требовали, но ничто не указывало на его близость, или даже вѣроятіе. Дѣло въ томъ, что Леопольдъ, увѣдомленный о намѣреніяхъ Англіи, смотрѣлъ на содѣйствіе Европы, какъ на вещь невозможную, а потому не обязывалъ себя ни къ чему. «Слова *тогда* и въ *такомъ случаѣ*,—говорилъ онъ,—вотъ для меня законъ и пророки; если Англія не будетъ съ нами—*случая* не будетъ существовать» [13]).

Конференція происходила 27 августа. Въ ней участвовали: Калоннъ, Шпильманъ и Бишофсвердеръ. Калоннъ былъ несговорчивый, посредственный и преисполненный самомнѣнія дипломатъ; но онъ былъ истымъ царедворцемъ, былъ опытенъ въ интригахъ, и если ему недоставало инстинкта въ великихъ дѣлахъ, то въ малыхъ онъ обладалъ весьма тонкимъ чутьемъ. Онъ не поддался на нѣмецкія хитрости. Находя декларацію «редактированною въ крайне-неопредѣленныхъ выраженіяхъ и двусмысленныхъ фразахъ, такъ что дѣйствіе ея будетъ очевидно ничтожно» [14]), онъ принялся спорить противъ текста и горячился, желая ввести въ него поправку, могущую измѣнить его смыслъ и значеніе. Противники его были люди упорные, вкрадчивые и изобрѣтательные. Они постоянно находили возраженія, и онъ выходилъ изъ себя. «Онъ выказалъ вспыльчивость и легкомысліе [15]),—говоритъ императоръ.—Когда ему противорѣчили, онъ восклицалъ: «о, мнѣ пришла неожиданная мысль!» И эта мысль была новымъ безразсудствомъ». Спорили въ особенности по поводу послѣдней фразы о вооруженіяхъ. Вынужденный довольствоваться этимъ векселемъ, безъ опредѣленной величины и опредѣленнаго срока уплаты, Калоннъ прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы истолковать его въ смыслѣ обязательства со стороны государей—привести въ боевой порядокъ всѣ свои войска и начать кампанію въ ту же зиму. Несмотря на его «невѣроятную вспыльчивость» и на не менѣе горячую настойчивость графа д'Артуа, нѣмцы не уступили ни на волосъ. Они съ такимъ же упорствомъ отстаивали свой текстъ, съ какимъ французы нападали на него. Нѣмцы одержали верхъ послѣ долгой борьбы. Декларація была подписана 27 августа со всѣми оговорками и подразумѣваемыми условіями, которыя, по мысли самихъ подписавшихъ ее, отнимали у нея всякое практическое значеніе [16]).

V.

Это было полнѣйшею неудачею для эмигрантовъ; но не такіе были они люди, чтобы смутиться отказомъ. Они были очень свѣдущи въ дѣлѣ

---

[13]) Sybel, t. I, p. 311.

[14]) *Mémoires d'Esterhazy.*

[15]) Fersen, *Journal*, t. I, p. 28.

[16]) Леопольдъ Кауницу, 30 авг. Beer, p. 425.

умѣнья себя держать. Такъ и въ этомъ случаѣ они нашлись и выдавали всѣмъ за обѣщаніе союза отказъ, который только что былъ имъ выраженъ въ дипломатической формѣ. Ранѣе они жаловались на неопредѣленность декларацiи; теперь они замѣтили, что двусмысленность можетъ быть обращена ими въ свою пользу. Они задались цѣлью взять съ комментаріевъ то, въ чемъ отказывалъ имъ текстъ, и старались окружать нѣмецкихъ государей, чтобы подтверждать ихъ мнимою милостью слухи, распространяемые ими самими по поводу якобы состоявшагося соглашенія Австріи и Пруссіи съ графомъ д'Артуа.

Леопольдъ держался на сторожѣ. Обмѣнявшись съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ новыми увѣреніями въ полномъ согласіи относительно имперскихъ и польскихъ дѣлъ, онъ уѣхалъ изъ Пильница, твердо рѣшившись держаться самой буквы декларацiи. Онъ отправился въ Прагу для возложенія на себя богемской короны. За нимъ послѣдовали: наслѣдный принцъ прусскій, князь Гогенлоэ и Ферзенъ. Булье и Полиньякъ присоединились къ нимъ, чтобы служить совѣтами, доставлять свѣдѣнія и поощрять рвеніе союзниковъ. Прусскій наслѣдный принцъ не былъ посвященъ въ государственныя дѣла: что касается Гогенлоэ, то король увѣдомилъ Леопольда, что не поручалъ князю никакой миссіи [1]). Гогенлоэ понялъ, что единственный способъ угодить императору — не говорить ни слова о войнѣ [2]). Когда Булье попытался заговорить о войнѣ съ Ласи, маршалъ отвѣтилъ, что не имѣетъ инструкцій для подобной бесѣды, что подобную войну нельзя начинать необдуманно, что Франція владѣетъ обширными средствами и что, по его мнѣнію, границы королевства неуязвимы [3]). Леопольдъ былъ откровененъ только съ Ферзеномъ: онъ находилъ его болѣе разсудительнымъ, чѣмъ эмигранты, болѣе скромнымъ и болѣе преданнымъ интересамъ королевской фамиліи. Онъ показалъ себя взволнованнымъ униженіями, которыя приходилось испытывать его сестрѣ, и опасностью, которая грозила ей; но когда Ферзенъ попытался коснуться вопроса о помощи, императоръ уклонился. Онъ указывалъ на позднее время года, на необходимость единодушія между державами, на Англію, безъ которой нельзя было обойтись и намѣренія которой были неизвѣстны и, наконецъ, на возможность соглашенія между королемъ и Собраніемъ, по поводу конституціи [4]). Идея гипотетическаго концерта оставалась попрежнему неопредѣленной и неуловимой. Императоръ замѣчалъ по временамъ, что имѣющій собраться конгрессъ долженъ быть вооруженнымъ; Кобенцель и

---

[1]) Fersen, *Journal*, t. I. p. 30.

[2]) Haeusser, t. I, p. 322—323.

[3]) Bouillé, *Mémoires*, ch. XII, p. 296—297.

[4]) Fersen, *Journal*, 2—18 sept. 1791, t. I, p. 22—30.

Шпильманъ утверждали, что этого не должно бы быть [5]). Всѣ съ недовѣріемъ относились къ пруссакамъ, въ свою очередь не скрывавшимъ собственнаго недовѣрія къ новымъ союзникамъ. «Они хотятъ воспользоваться этимъ для своихъ происковъ», писалъ Ферзенъ, послѣ разговора съ Гогенлоэ [6]). Ко всему этому присоединились тревожные слухи о замыслахъ Россіи и опасенія, вызываемыя ея приготовленіями по отношенію къ Польшѣ [7]). Ничто, слѣдовательно, не обѣщало близкаго осуществленія пильницкой декларацiи. Императоръ, его канцлеръ и министры, всѣ были согласны въ томъ, что все должно быть отложено до вотированія конституціи. Прусскій король сдался на ихъ увѣщанія и даже написалъ своему вѣнскому агенту, чтобы онъ далъ такое направленіе дѣламъ, которое лишило-бы всякаго значенія конференцію 27 августа [8]). Эмигранты возобновили свои усилія. Князь Полиньякъ жилъ въ Прагѣ на большую ногу, по случаю коронаціи. При дворѣ Леопольда говорили, что «у Полиньяка нѣтъ ничего, кромѣ посуды и повара». Поэтому онъ и извлекалъ изъ этихъ средствъ все, что могъ [9]). Онъ вручилъ императору письмо отъ графа д'Артуа, докладную записку, касавшуюся регентства другого брата Людовика XVI и мнимыхъ пильницскихъ обѣщаній. Императоръ находилъ всѣ эти ходатайства крайне докучными. «Я принужденъ былъ отвѣтить ему рѣзко», писалъ онъ сестрѣ своей Маріи-Христинѣ [10]), «и объявить, что выражу публичное порицаніе всему, что они предпримутъ вопреки нашимъ пильницскимъ рѣшеніямъ. Эти принцы со своими планами и въ особенности руководитель ихъ Калоннъ—большой негодяй, вмѣшивающійся во все,—думаютъ только о себѣ, а вовсе не о королѣ и успѣхѣ дѣла; они желаютъ только интриговать и связать меня и прусскаго короля какимъ-нибудь обязательствомъ, чтобы заставить насъ потомъ поддерживать его всѣми нашими силами... Съ такими людьми невозможно вести дѣло, а королю и королевѣ можно помочь лишь при содѣйствіи всѣхъ дворовъ, что будетъ трудно: Испанія не хочетъ дѣйствовать, а Англія желаетъ мѣшать ея участію». Леопольдъ не ограничился одними заявленіями своихъ мнѣній: онъ санкціонировалъ ихъ,

---

[5]) Ферзенъ Густаву III, 21 сент. 1791. Feuillet, t. IV, p. 105.

[6]) *Journal*, 6 sept., t. I, p. 25.

[7]) Herrmann, *Geschichte Russland's*, t. VI, p. 445; *Dip. corr.*, p. 226.

[8]) Ibid. *Dip. corr.*, p. 99.

[9]) Fersen. t. I, p. 25.—Отчетъ, предст. Густаву III, 21 сент.—Feuillet, t. IV, p. 105.—Haeuser, p. 322.—Vivenot, t. I, p. 235.

[10]) 5-го сентября 1791. Feuillet, t. IV, p. 86.—Императоръ графу д'Артуа, 5 сент. Vivenot, t. I, p. 243.

нѣкоторымъ образомъ, министерскою конференціей, засѣдавшей 10 сентября и совѣщаніе которой было передано въ особомъ протоколѣ [11]).

Онъ побесѣдовалъ со своими офицерами о передвиженіяхъ войскъ, которыя потребовались бы въ случаѣ созванія конгресса и согласія союзныхъ державъ приступить къ мобилизаціи. Но эти военныя соображенія пока не вели ни къ чему. Прочія мѣры также были пріостановлены. Происки штатистовъ въ Бельгіи и интриги ихъ съ венгерскими эксъіезуитами озабочивали императора несравненно болѣе, чѣмъ французскія дѣла. Онъ писалъ сестрѣ своей регенштѣ 5 сентября: «Изъ войскъ, которыя вы имѣете въ Нидерландахъ, не будетъ двинуто ничего противъ Франціи» [12]). Онъ не только не побуждалъ имперію браться за оружіе, но задерживалъ даже ратификацію *conclusum*'а сейма, по поводу Эльзаса [13]). Однимъ словомъ, онъ пускалъ въ ходъ всѣ свои дипломатическіе рессурсы, чтобы затягивать дѣло и облегчить сдѣлку между королемъ и представителями Франціи, что казалось ему самымъ лучшимъ и простымъ исходомъ. Такой исходъ совѣтовалъ онъ Маріи-Антуанетѣ и поручалъ тайно указывать на него умѣреннымъ представителямъ Собранія [14]).

Таково-то было истинное значеніе пресловутой пильницкой декларацiи, которую, по словамъ одного дальновиднаго публициста, можно причислить къ разряду августѣйшихъ комедій [15]). Политическіе дѣятели и не ошибались въ этомъ отношеніи [16]). Но было два разряда лицъ, равно

---

[11]) Vivenot, t. I, p. 245.

[12]) Feuillet, t. IV, p. 85.

[13]) Haeusser, t. I, p. 324.

[14]) Леопольдъ Маріи Антуанетѣ, 17 и 20 августа 1791. Arneth, p. 198—200.—Haeusser, t. I, p. 323.

[15]) Mallet du Pan, *Mémoires et correspondance,* t. I, p. 254.

[16]) См. Письмо Ла-Марка къ де-Мерси, отъ 10 сентября 1791 г. *Correspondance,* t. I, p. 225. «Повидимому, державы приходятъ, прежде всего, къ соглашенію относительно проектовъ, враждебныхъ Франціи, такъ что было бы химерично расчитывать на прочность такого соглашенія...» и проч. Любопытно письмо Наполеона Бонапарта, писанное изъ Валенціи по поводу того же вопроса Нодену, 27 іюля 1791 г. Это письмо заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, первое заявленіе политическихъ взглядовъ Наполеона: «Будетъ ли у насъ война? Я постоянно стоялъ за отрицательный отвѣтъ. Европа дѣлится на государей, повелѣвающихъ людьми, и такихъ, которые повелѣваютъ быками или лошадьми. Первые вполнѣ понимаютъ революцію, они устрашены ею... они никогда не посмѣютъ сбросить маску, изъ боязни, чтобы не загорѣлось и у нихъ. Вотъ исторія Англіи и Голландіи... Что же касается тѣхъ государей, которые повелѣваютъ лошадьми, то они не въ состояніи понять конституцію въ ея цѣломъ; они относятся къ ней съ презрѣніемъ; они думаютъ, что этотъ хаосъ разнородныхъ идей повлечетъ за собою разрушеніе государства фран..... Эти не двинутся; они будутъ ждать начала

заинтересованныхъ въ искаженіи дѣйствительнаго смысла акта 27 августа и его значенія: революціонеры, желавшіе найти въ немъ доказательство измѣны со стороны двора и заговора короля съ иностранными государствами; эмигранты, желавшіе увѣрить, что европейская коалиція въ ихъ пользу—совершившійся фактъ и смутить революціонеровъ ужасомъ, въ который повергнетъ такое событіе все французское населеніе. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, за что они брались, эмигранты работали на погибель королевской власти и во вредъ собственному дѣлу; они оказали услугу одной лишь насильственной революціи. «Эмигранты», замѣчаетъ Ривароль, сами того не подозрѣвая, придавали значительную степень энергіи Собранію: именно то, чѣмъ они стараются напугать, привлекаетъ къ законодательному корпусу всѣ умы и всѣ сердца» [17]). Ничто не могло возстановить и ожесточить противъ королевской фамиліи въ такой мѣрѣ, какъ письмо, которымъ братья короля доводили до всеобщаго свѣдѣнія декларацію 27 августа. Къ отвращенію, возбуждаемому у французовъ мыслью о возстановленіи стараго порядка, присоединился ужасъ предъ чужеземнымъ нашествіемъ, и ненависть къ эмигрантамъ усилилась всѣми опасеніями, внушаемыми патріотическимъ чувствомъ. Французы увидѣли въ принцахъ не только враговъ своихъ политическихъ и гражданскихъ вольностей, но и враговъ самой національной независимости своей. Письмо братьевъ Людовика XVI, помѣченное изъ Кобленца отъ 10 сентября, представляетъ совершенный манифестъ, оскорбительный для Франціи, которой онъ грозитъ порабощеніемъ и завоеваніемъ, и унизительный для короля, публично обвиняемаго предъ цѣлой Европой въ трусости и подвергаемаго нравственному низложенію.

Принцы объявляли, что «державы, къ помощи которыхъ они прибѣгали» ради короля, «рѣшили употребить на это свои силы и что императоръ и король прусскій только что пришли къ обоюдному соглашенію». Они увѣряли, что всѣ европейскіе дворы «раздѣляютъ такое настроеніе». Англійская нація, «слишкомъ великодушная для того, чтобы препятствовать тому, что находитъ справедливымъ», безъ сомнѣнія не будетъ возставать противъ «благороднаго и неопреодолимаго союза». «Безсмертная Екатерина, которой не чуждъ ни одинъ родъ славы, не откажется отъ возможности защитить общее дѣло всѣхъ вѣнценосцевъ». Опираясь такимъ образомъ на всю Европу, принцы объявляли Людовику XVI, что если его принудятъ подписать конституцію, «которую отвергаетъ его сердце и запрещаетъ королевскій долгъ, они будутъ протестовать предъ

гражданской войны». Coston, *Biographie des premières années de Bonaparte*. Paris, 1840, t. II, p. 174.

[17]) *Note au roi*, 4 septembre. Lescure, *Rivarol*, p. 264. Paris, 1883.

лицомъ цѣлаго міра и самымъ торжественнымъ образомъ противъ лишеннаго всякаго законнаго основанія акта и всѣхъ его послѣдствій». И во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, они прибавляли: «Если бы даже вы сами запретили намъ это и вынуждены были объявить, что запрещеніе это дѣлается вами безъ принужденія, то такое запрещеніе, очевидно противное вашимъ чувствамъ, потому что было бы противно первѣйшей изъ вашихъ обязанностей... не могло бы заставить насъ измѣнить своему долгу, пожертвовать вашими интересами и не выполнить того, что Франція въ правѣ требовать отъ насъ при подобныхъ обстоятельствахъ». Декламаторскій манифестъ, напечатанный въ газетахъ, составлялъ болѣе грозный обвинительный актъ противъ королевской семьи, чѣмъ всѣ тѣ обвиненія, которыя могли быть предъявлены ей самыми ожесточенными изъ революціонеровъ. Въ ту минуту, когда единственной охраной Людовика XVI являлась присяга конституціи, братья его заранѣе объявляли такую присягу измѣною и отнимали такимъ образомъ послѣднюю тѣнь искренности у поступковъ короля.

Къ манифесту была приложена, въ качествѣ оправдательнаго документа, пильницская декларація, софистическимъ комментаріемъ которой онъ служилъ. Именно въ такомъ духѣ и смыслѣ прочитала и поняла его цѣлая Франція [18]). Въ сравненіи съ этимъ запальчивымъ комментаріемъ, что сталось съ искусными умолчаніями текста и всѣми кропотливыми оттѣнками, въ которые Шпильманъ завернулъ и какъ бы парализовалъ свои фразы? Чудодѣйственныя слова, *тогда* и *въ такомъ случаѣ*, восхищавшія Кауница и успокоивавшія Леопольда, потеряли всякій реальный смыслъ для французовъ. Они руководились страстью, истолковывая этотъ документъ, редактированный весьма-лукавымъ дипломатомъ и предназначенный для чтенія собратовъ по ремеслу, читающихъ лишь между строками и говорящихъ не иначе, какъ обиняками. Скрытый смыслъ пильницской декларацiи ускользнулъ отъ непосвященныхъ, но вѣдь и не скрытымъ смысломъ воспламеняется народное воображеніе. Народъ желаетъ простыхъ и ясныхъ мыслей; а если онѣ не ясны, онъ упрощаетъ ихъ, хотя бы во вредъ ихъ дѣйствительному смыслу. Именно этому обстоятельству и подвергли себя авторы декларацiи. Принцамъ нельзя было сдѣлать упрека въ недостаточной опредѣленности. Ихъ манифестъ былъ, по крайней мѣрѣ, какъ нельзя болѣе ясенъ; но чѣмъ онъ былъ яснѣе, тѣмъ пагубнѣе становился онъ для тѣхъ, кто его составилъ. Самомнѣніе эмигрантовъ, въ этомъ случаѣ, равнялось казуистикѣ нѣмцевъ. Дерзость плана и несоразмѣрность средствъ, которыми намѣревались остановить по-

[18]) Письмо-манифестъ принцевъ напечатано въ Монитёрѣ 23 сентября, т. IX, стр. 773. О немъ было извѣстно уже 18-го. См. тамъ же, стр. 693.

ступательное движеніе революціи, указываютъ на неспособность понять и оцѣнить ея значеніе. Французская публика увидѣла въ пильницкой декларацiи не уклончивую дипломатическую уловку, чѣмъ она и была на самомъ дѣлѣ, а то, за что выдавала ее опиравшаяся на нее въ собственныхъ интересахъ партія. Такимъ-то путемъ этотъ, скомбинированный въ видахъ отпора и задерживанія событій, актъ въ дѣйствительности послужилъ къ ихъ ускоренію и обостренію. Онъ не только не оказалъ поддержки планамъ Людовика XVI, но, напротивъ того, содѣйствовалъ уничтоженію послѣднихъ средствъ и способовъ, отъ которыхъ ждалъ избавленія этотъ несчастный король [19]).

---

[19]) Это прекрасно опредѣлено было де-Мерси, годъ спустя, когда послѣдствія стали вполнѣ очевидными для всѣхъ. «Циркуляръ, исходящій изъ Падуи, вызвалъ лигу государей, съ цѣлью защиты одного изъ нихъ, и былъ первымъ шагомъ, запутавшимъ державы въ невозможную систему... Пильницкая декларація подтвердила и почти осуществила угрозу крестоваго похода, партіозной войны противъ независимости французскаго народа». Депеша 3 октября 1792 г. *Correspondance de La Marck*, t. III, p. 348.

ГЛАВА II.

Конституція.

1791 г.

I.

Если бы во Франціи 1791 года было много сторонниковъ республики, то не могло бы представиться болѣе удобнаго случая для ея утвержденія, какъ бѣгство Людовика XVI. Но за исключеніемъ Дантона и демагоговъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ авангардѣ демократической партіи [1]), за исключеніемъ Сійеса и нѣкоторыхъ осторожныхъ и тонкихъ политиковъ, замышлявшихъ, главнымъ образомъ, перемѣну династіи [2]), никто не говорилъ о республикѣ и никто не хотѣлъ слышать о ней въ Національномъ собраніи. «При извѣстіи объ отъѣздѣ короля»,—передаетъ очевидецъ [3]),—«общимъ чувствомъ былъ ужасъ. Въ арестѣ короля видѣли спасеніе; декретъ объ арестованіи, согласно съ волей народа, не имѣлъ иной причины» [4]). Темный инстинктъ исторической традиціи еще жилъ въ народѣ. Политическій расчетъ приводилъ умѣренныхъ къ одинаковому заключенію. Они хотѣли короля съ слабою властью, именемъ котораго они могли бы управлять. Минута показалась имъ удобною, чтобы заставить королевскую власть сдаться на капитуляцію. Они были испуганы прогрессомъ анархическихъ идей и чрезмѣрною усталостью умовъ. Собраніе засѣдало уже два года. Франція перенесла на него то безграничное довѣріе и надежды, которыя нѣкогда внушала ей королевская власть. Несмотря на многочисленныя и благодѣтельныя реформы, Собраніе было настолько уже дескредитировано въ общественномъ мнѣніи, насколько была дескредитирована королевская власть наканунѣ созванія генеральныхъ штатовъ, и это потому, что Собраніе не управляло. Нація же не довольствовалась одними прин-

---

[1]) Louis Blanc, t. V, p. 379—381.—Отчетъ лорда Гоуэра, 8 іюля 1791.

[2]) Mallet du Pan, t. I, p. 260.

[3]) Ла Маркъ Мерси, 23 августа 1791. *Correspondance*, t. III, p. 179.

[4]) Dubois-Crancé, *Analyse de la Révolution*, publiée par le colonel Jung. Paris. 1885, p. 60.—Рѣчь Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ 13 іюля 1791. Louis Blanc, t. V, p. 461; id., p. 356 et suiv., les extraits des journaux révolutionnaires.—Hamel, *Histoire de Robespierre*, Paris, 1865—67, liv. V, ch. XX et XXII.—Quinet, liv. VIII, ch. IV.

ципами. Она хотѣла не только реформъ, но и общественной безопасности, доставить которую способно только твердое правительство. Умѣреннымъ показалось, что это желаніе общественнаго мнѣнія, эта, своего рода, реакція въ пользу королевской власти дозволили бы исправить излишества первыхъ конституціонныхъ декретовъ и возвратить, путемъ окончательныхъ декретовъ, если не особѣ государя,—что́ было для нихъ безразлично,—то, по крайней мѣрѣ, исполнительной власти,—что́ касалось ихъ несравненно ближе,—тотъ престижъ, безъ котораго не могло существовать ни одно министерство [5]). Тѣ, которые нѣкогда ожесточенно боролись противъ Мирабо, пытались теперь возобновить его планы.

Этотъ второй періодъ революціи олицетворялъ Барнавъ, подобно тому, какъ Мирабо былъ олицетвореніемъ перваго. Барнавъ обладалъ мужествомъ, въ немъ почерпнулъ онъ великія мысли и тайну своего краснорѣчія. Онъ былъ однимъ изъ трехъ комиссаровъ, назначенныхъ Собраніемъ для возвращенія короля въ Парижъ. Они сѣли въ карету Людовика XVI, вмѣстѣ съ королевой, сестрой короля и двумя королевскими дѣтьми. Страхъ за будущее, униженіе настоящаго, сдержанный гнѣвъ, подавленный стыдъ и, наконецъ, физическая усталость угнетали королевскую семью. Любопытство толпы, оскорбленія, угрозы, сознаніе вынужденнаго сосѣдства въ этой тюрьмѣ на колесахъ придавали что-то жестокое и вульгарное этому горькому испытанію. Комиссарамъ слѣдовало бы держать себя съ уваженіемъ, по отношенію къ своимъ плѣнникамъ. Такъ и поступилъ Латуръ-Мобуръ, державшій себя вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ; Петіонъ выказалъ грубость и недостойную безтактность [6]). Барнавъ почувствовалъ жалость. Ему было тридцать лѣтъ; онъ обладалъ романическимъ воображеніемъ и честолюбиво стремился играть крупную роль, служа родинѣ. У него была одна изъ тѣхъ возвышенныхъ душъ, которыхъ коробитъ дерзкій

---

[5]) Duvergier de Hauranne, *Histoire du gouvernement parlementaire*, Paris 1857, t. I, p. 179 et suiv.—La Marck, *Correspondance*, t. III, p. 127 suiv.—Madame de Staël, *Considérations*, 2 partie, ch. XXI.

[6]) «Латуръ-Мобуръ и Барнавъ держали себя хорошо, Петіонъ же—неприлично», писалъ Ферзенъ, выслушавъ разсказъ королевы (*Journal*, t. II, p. 8) Ему былъ неизвѣстенъ разсказъ самого Петіона. Слово: «неприлично» слишкомъ слабо. Этотъ сентиментальный и похотливый Донъ-Жуанъ мелкаго разбора, драпировавшійся въ плащъ Сенъ-Прё и случайно замѣшанный въ одну изъ наиболѣе трагическихъ сценъ всемірной исторіи, увидѣлъ въ ней лишь поводъ къ неблагопристойной импровизаціи, пародіи на одну изъ невозможнѣйшихъ страницъ *Confessions*. Съ нею можетъ сравниться по развращенности и грубости вкуса развѣ предисловіе Манюэля къ письмамъ Мирабо. Андре Шенье вполнѣ справедливо бичевалъ это произведеніе (Observations aux auteurs du Journal de Paris, 12 févr. 1792. Oeuvres en prose, p. 112).—О Петіонѣ см. Quinet, t. I, liv. VII, ch. V.

успѣхъ, которыя возмущаются грубостью насилія и не могутъ равнодушно присутствовать при зрѣлищѣ чужого горя. Горе королевы привязало его къ ней сразу. Если двору потребовался милліонъ ливровъ, чтобы заплатить за содѣйствіе Мирабо, то на этотъ разъ достаточно было нѣсколькихъ слезъ, чтобы закупить Барнава [7]). Онъ вернулся въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ спасти монархію.

Этотъ планъ былъ великодушенъ, но все было противъ него. Роялисты отрекались отъ конституціонистовъ или фельяновъ, какъ называли ихъ по имени стараго монастыря, гдѣ происходили засѣданія ихъ клуба [8]). Партія чистой монархіи съ снисходительной ироніей смотрѣла на ихъ усилія выплыть изъ бурныхъ волнъ, ими самими взволнованныхъ. Вчерашніе союзники ихъ, демократы, превратившись въ противниковъ, обвиняли ихъ въ измѣнѣ. Въ кампаніи, которую они вели противъ королевской власти, начиная съ 1789, конституціонисты черпали всю свою силу въ содѣйствіи революціонной партіи. Эта партія, нѣкогда ихъ поддерживавшая, нападала на нихъ со всѣхъ сторонъ, а для сопротивленія у нихъ оставалась крѣпость съ разрушенными ими самими укрѣпленіями и разогнанными гарнизонами. Монархія не могла дать имъ никакихъ средствъ сопротивленія: отъ нея осталась одна фикція.

Въ сущности, въ то время какъ Собраніе обсуждаетъ монархическую конституцію, Франція становится уже республикою. Фельяны не замѣчаютъ, что сами влекутъ страну къ этой формѣ правленія въ то самое время, когда полагаютъ, что избѣжали ее навсегда [9]). Облеченное верховной властью, Собраніе правитъ и господствуетъ; министры ведутъ дѣла подъ контролемъ его комиссаровъ; оно разсылаетъ циркуляры дипломатическимъ агентамъ и ноты представителямъ иностранныхъ державъ; оно посылаетъ комиссаровъ въ войска. Такимъ образомъ Конституціонное собраніе даетъ Франціи первый абрисъ Конвента и когда, годъ спустя, провозгласили республику, для организаціи временного правительства стоило только вернуться къ прецедентамъ, установленнымъ Національнымъ собра-

---

[7]) Sainte-Beuve, *Causeries du landi*, t. II, art. *Barnave*. Онъ сказалъ позднѣе, что, «запечатлѣвъ въ памяти этотъ незабываемый примѣръ несчастія, онъ научился легче переносить собственныя невзгоды». «Барнавъ,—замѣчаетъ госпожа Сталь,—которому знакомы были тѣ сложныя чувства, когда сердечныя и политическія страсти одинаково волнуютъ душу, Барнавъ проникся почтительною *жалостью, въ особенности къ судьбѣ королевы*». Оттѣнокъ чувства указанъ здѣсь вѣрно и этимъ и ограничился романъ. *Considérations*, 2 partie, ch. XXI.

[8]) Ferrières, *Mémoires*, Paris, 1822, t. II, p. 417;—Malouet, *Mémoires* Paris, 1868, t. II, p. 159.—Dumont, p. 336.—Guilhermy, p. 32.

[9]) Quinet, liv. VIII, ch. III.

ніемъ. Король, подвергнутый бдительному надзору въ собственномъ дворцѣ, находился въ своего рода предварительномъ заключеніи, и власть его была фактически пріостановлена вплоть до принятія имъ закона, обсуждавшагося депутатами. Во время этого трехмѣсячнаго междуцарствія, республика, новизна которой пугала столь многихъ, фактически уже существовала и изъ утопической, какою казалась вначалѣ, стала казаться естественнымъ завершеніемъ революціи.

Такой исходъ вытекалъ нѣкоторымъ образомъ изъ самой конституціи. Онъ не могъ быть инымъ, если желали доказать невозможность умѣренной монархіи [10]). Всѣ виды власти мѣшаютъ одна другой. Въ государствѣ единственной пружиной является анархія. Обсуждаютъ повсюду и не дѣйствуютъ нигдѣ. Все такъ прекрасно скомбинировано для отпора узурпаціямъ короны, что не остается никакой преграды для вторженія толпы. Король назначаетъ министровъ; но онъ не можетъ ни избирать ихъ изъ среды Собранія для обезпеченія себѣ большинства въ немъ, ни распустить это Собраніе, когда его большинство находится въ разладѣ съ министрами. Непосредственное обращеніе къ народу, являющееся необходимымъ рессурсомъ и законнымъ рѣшеніемъ во всѣхъ кризисахъ конституціонныхъ государствъ, не допускается во Франціи. Этотъ законъ, который организуетъ столкновеніе властей, не оставляетъ имъ иного способа, какъ обоюдную узурпацію, иначе говоря,—революцію. Перепутываютъ самые сложные механизмы, чтобы согласовать неприкосновенность королевской власти съ всемогуществомъ Собранія. Достаточно привести въ дѣйствіе этотъ нелѣпый механизмъ, чтобы доказать его нестройность. Отнынѣ королевская власть необходимо будетъ являться препятствіемъ въ глазахъ Собранія, препятствіемъ стѣснительнымъ и легко разбиваемымъ. Раздѣлить власти казалось легко; еще легче покажется сосредоточить ихъ; обладающее же ими Собраніе захочетъ пользоваться ими непосредственно; король, еще не утратившій ихъ, захочетъ удержать за собою. Собраніе и королевская власть роковымъ образомъ увлекаются къ перевороту и результатомъ явится неминуемый деспотизмъ Конвента или узурпатора.

Повидимому, Національное собраніе предчувствовало такой исходъ. Истомленное чрезмѣрностью труда, оно заканчивало свое поприще среди перемежающейся лихорадки, за каждымъ приступомъ которой слѣдовало глубокое уныніе. Въ два года оно прошло весь путь, сдѣланный старымъ порядкомъ отъ воцаренія Людовика XVI и преобразованій Тюрго до ухищреній Калонна и созванія генеральныхъ штатовъ. Оно исчерпало, подобно монархіи, всю свою изобрѣтательность и всѣ свои средства и, изнемогая подъ бременемъ задачи, обращалось къ странѣ. Въ декретѣ, за-

[10]) Duvergier de Hauranne, t. I, p. 191—220.

прещавшимъ конституціонистамъ участіе въ законодательномъ собраніи и отправленіе какой бы то ни было государственной должности въ теченіе четырехъ лѣтъ, было столько же безсилія, сколько и безкорыстія. «Въ такихъ случаяхъ», говорилъ Ришелье англійской королѣ,—«кто отказывается отъ игры, теряетъ ее» [11]). Люди 89 года совершали, такъ сказать, самоубійство. Конституція, предложенная 5 августа на разсмотрѣніе Собранія, была принята 1 сентября; 3-го депутація представила ее Людовику XVI; въ его санкціи оно не сомнѣвалось: цѣною этой санкціи ставилась его свобода, жизнь его и его дѣтей.

II.

Покинувъ Парижъ бѣглецомъ, Людовикъ XVI возвращался въ него заложникомъ. Заключенная въ тюильрійскомъ дворцѣ королевская семья, подобно всякаго рода заключеннымъ, стремится только къ свободѣ. Исторія этого заключенія представляетъ непрерывный заговоръ, съ цѣлію добиться освобожденія. Вся тяжесть этого заговора падаетъ на королеву. Людовикъ XVI бездѣйствуетъ и духъ его угнетенъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Мысли его застываютъ, такъ-сказать, въ разслабленіи и нерѣшительности. Минута великихъ жертвъ, которая будетъ для него моментомъ подъема духа, еще не наступила. Смиренный и покорный судьбѣ, онъ ждетъ, чтобы королева думала за него, чтобы преданные люди дѣйствовали въ его пользу, а Богъ сжалился бы, наконецъ, надъ французскимъ царственнымъ домомъ.

Королева не теряетъ изъ вида необходимости минуты. Она была тронута почтительностью Барнава. Однако, если она не питала по отношенію къ нему непобѣдимаго отвращенія, которое вызывалъ въ ней Мирабо, то въ глубинѣ души не имѣла къ нему и полнаго довѣрія. Но ей было извѣстно, что Европа не придетъ къ ней на помощь [1]). «У насъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ,—писала она къ Мерси;—мы можемъ только выжидать» [2]). Вынужденная выбирать между эмигрантами и фельянами, она попыталась нейтрализовать однихъ другими. Въ концѣ концовъ фельяны казались ей менѣе ненавистными и менѣе опасными для королевской власти, чѣмъ эмигранты. Притязанія брата короля на регентство глубоко оскорбили ее. Самъ Людовикъ XVI былъ на минуту выведенъ изъ своего равнодушія. Революція смущала его; онъ переносилъ ее какъ болѣзнь, не понимая ея истиннаго значенія. Но въ проискахъ братьевъ и ихъ совѣт-

---

[11]) *Instructions à Montreuil*, février 1641. Guizot, *Charles* I, t. I. p. 464.

[1]) Mercy à la reine, 28 juillet 1791.

[2]) 1-го и 7-го августа 1791. Arneth, p. 186.

никовъ онъ угадывалъ честолюбіе, расчетъ и коварство. Предъ лицомъ дворцовыхъ происковъ онъ становился снова королемъ, ясно судилъ о дѣлахъ и говорилъ еще языкомъ властелина. Онъ высказалъ формальное порицаніе мнимому регентству и одобрилъ только тѣ сношенія съ державами, которыя велись бы по соглашенію съ барономъ Бретейлемъ. Королева поддерживала въ немъ это настроеніе; она присоединяла къ этому негодованіе женщины, которая знаетъ о существующей къ ней ненависти. Происки графа Прованскаго подрывали ея единственную надежду на славу и счастье сына [3]). «Эмигранты,—говорила она,—если даже имъ удастся ихъ предпріятіе, поставятъ насъ въ зависимость отъ ихъ агентовъ, что будетъ новымъ и бо́льшимъ рабствомъ [4]). Ничего для нихъ и ничего съ ними. Необходимо, чтобы этого потребовалъ императоръ; это единственный способъ оказать услугу, и въ особенности мнѣ. Недостойные, покинувъ насъ, требуютъ, чтобы мы одни подвергались опасности и служили ихъ собственнымъ интересамъ» [5]).

Враждебность къ эмигрантамъ была единственнымъ чувствомъ, могущимъ связать Тюильрійскій дворецъ съ фельянами. Людовикъ XVI охотно согласился препроводить къ братьямъ записку, приглашающую ихъ вернуться во Францію. Записка была составлена по совѣту Барнава. Куаньи получилъ 31 іюля приказъ отвезти ее къ графу д'Артуа. Требованія, предъявленныя фельянами королевѣ по поводу императора, оказались не столь легко исполнимыми. Дѣло шло о томъ, чтобы расположить этого государя въ пользу ихъ намѣреній и добиться его содѣйствія въ дѣлѣ успокоенія французскаго народа относительно намѣреній австрійскаго правительства. Королева имѣла основаніе опасаться, что ея братъ не пришлетъ такого рода ходатайства. Тѣмъ не менѣе, она не видѣла иного средства прійти къ соглашенію съ людьми, которыхъ судьба дѣлала ея единственными защитниками; она покорилась необходимости. По замѣткамъ Барнава, написано было ею письмо къ Мерси и къ императору; она присоединила къ этимъ письмамъ меморію фельяновъ, составленную для им-

---

[3]) Эта мысль постоянно озабочиваетъ ее. «Въ жилахъ моего сына течетъ моя кровь, и я надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ достойнымъ внукомъ Маріи-Терезіи». Мерси, 16 августа. Feuillet, t. II, p. 225.—Трагическая судьба внуковъ Маріи-Терезіи, рожденныхъ во Франціи: одинъ изъ нихъ, сынъ короля изъ дома Бурбоновъ, умираетъ въ грязномъ казематѣ Тампля, подъ надзоромъ тюремщика Симона; другой, сынъ корсиканца Цезаря, умираетъ въ Вѣнѣ, подъ развращающимъ вліяніемъ Меттерниха. Fersen, t. I, p. 147. — Arneth, p. 184. — Feuillet, t. II, p. 156, 291; t. IV, p. 167, 469.

[4]) Письмо къ Мерси, 16 августа 1791. Feuillet, t. II, p. 223.

[5]) Тоже, 21 августа 1791. Arneth, p. 204.

ператора; всѣ документы переданы были эмиссару, представленному Ла-Маркомъ, который казался способнымъ не только передать ихъ, но и снабдить надлежащими разъясненіями: то былъ аббатъ Луи, въ то время мало значущій человѣкъ, искавшій случая отличиться, способный и нетерпѣливо желавшій сдѣлать карьеру. Онъ уѣхалъ въ Вѣну, увозя брилліанты, принадлежавшіе королевѣ [6]). Въ то же время другой эмиссаръ, посланный къ Мерси, извѣщалъ его, что письма, врученныя Луи, повидимому, написаны не самой королевой; что Луи—не что иное, какъ интриганъ; что единственною цѣлью этой уловки—выиграть время; что слѣдуетъ принять посланіе фельяновъ, выслушать, даже поощрить благопріятнымъ отвѣтомъ, но, въ сущности, неизмѣнно держаться того плана вмѣшательства, который выработанъ былъ въ іюнѣ [7]).

Обсужденіе проекта конституціи близилось къ окончанію; наступала минута, когда королю пришлось бы ее утверждать, что́ значило для него солгать передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ, или отвергнуть предлагаемую Собраніемъ конституцію, что́ равнялось бы его собственной гибели. «Эта минута ужасна»,—писала королева [8]); и дѣйствительно она была ужасна: Марія-Антуанета не видѣла исхода ни въ какомъ смыслѣ. «Желаютъ, чтобы мы ѣхали въ Фонтенебло или въ Рамбулье, но кто и какъ будетъ охранять насъ? Съ другой стороны, народъ не допуститъ увезти моего сына. Народъ привыкъ смотрѣть на него, какъ на свою собственность. Ничто не заставитъ народъ уступить, а мы не можемъ оставить здѣсь сына одного. Жить такъ долѣе невозможно» [9]). Что же, однако, предпринять такое, чего уже не пытались сдѣлать и что еще не потерпѣло неудачи до отъѣзда въ Вареннъ? За неимѣніемъ помощи, которая заставляла себя ждать, королева просила совѣтовъ и получала ихъ со всѣхъ сторонъ. «Я выслушивала ихъ, насколько могла,—писала она къ Мерси,—и изъ совокупности всѣхъ ихъ совѣтовъ составила себѣ собственное мнѣніе». Совѣты, подаваемые королевѣ, повторяли въ новой формѣ вѣчную утопію конгресса европейскихъ державъ и посредничества короля [10]). «Конституція,—говорила Ма-

---

[6]) Письмо Маріи-Антуанеты къ Мерси, 29 іюля; Леопольду, 30 іюля; Мерси, 1 августа 1791. Arneth, p. 187, 188.—Ла-Маркъ Мерси, 5 и 10 августа. *Correspondance*, t. III, p. 171, 174.—Сталь Густаву III, Geffroy, t. II, p. 456.

[7]) Королева Мерси, 31 іюля и 1 августа 1791. Arneth, p. 193—194.—Ла-Маркъ Мерси, 5, 10 и 23 августа; *Correspondance*, t. III, p. 171, 174, 178.

[8]) Мерси, 7 августа 1791. Arneth, p. 196.

[9]) Тоже, 7 августа 1791, p. 197.

[10]) Марія-Антуанета Леопольду 12-го августа 1791, Feuillet, t. V, p. 21.—Мерси 16 августа. Feuillet, t. II, p. 220.—La Marck, t. I, p. 314;—ко-

рія-Антуанета,—«такъ ужасна и такъ чудовищна, что она не можетъ продержаться. Франція получитъ къ ней отвращеніе вслѣдствіе самыхъ излишествъ, которыя неминуемо изъ нея проистекаютъ. Надо ждать поворота въ общественномъ мнѣніи, а пока подготовлять его. Слѣдуетъ усыпить новыхъ главарей Собранія и внушить имъ довѣріе, чтобы впослѣдствіи разстроить ихъ планы». Необходимѣе всего устранить эмигрантовъ, вмѣшательство которыхъ повлекло бы ужаснѣйшее изъ золъ—междуусобную войну. Королева измѣриваетъ весь ужасъ такой борьбы; передъ ея глазами, подобно мгновенной галлюцинаціи, обрисовывается ожидающая ее будущность, а между тѣмъ, по странному заблужденію, она увѣряетъ себя, что стоитъ только остановить эмигрантовъ, чтобы избѣжать междуусобія, и избѣжать гражданской войны для того, чтобы иностранное вмѣшательство могло спасти все. «Конгрессъ помогъ бы достиженію желанной цѣли. Твердое и единодушное усиліе европейскихъ державъ, подкрѣпленное военной демонстраціей, могло бы имѣть наиболѣе счастливыя послѣдствія: оно сдержало бы дерзость эмигрантовъ, роль которыхъ сдѣлалась бы второстепенною; мятежныя партіи были бы разстроены, и мужество вернулось бы къ благомыслящимъ людямъ, друзьямъ порядка и монархіи». «Военная демонстрація» громадныхъ военныхъ силъ должна была ограничиться нравственнымъ давленіемъ. Она не должна переходить въ рѣзню и преступленіе. Необходимо успокоить страну и не оставить у нея по этому поводу ни малѣйшаго сомнѣнія; манифестъ разъяснилъ бы ей намѣренія европейскихъ державъ; онѣ объявили бы, что не имѣютъ притязаній на вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи, но что онѣ хотятъ знать только короля и желаютъ сноситься съ нимъ лишь по его освобожденіи. Такая декларація должна сопровождаться угрозами по отношенію къ мятежникамъ. Устрашенный народъ сталъ бы умолять короля спасти его отъ чужеземнаго вторженія и войны. «Королю, по возстановленіи его власти, было бы поручено сноситься съ иностранными державами, а принцы, при водвореніи всеобщаго спокойствія, снова заняли бы при дворѣ подобающее ихъ званію мѣсто» [11]).

Все это были смутныя и нестройныя мечты заключенныхъ, подобныя

ролева Мерси 21 и 26 августа, Arneth p. 203, 285;—Леопольду—8-го сентября, id. p. 206, Мерси 12 сентября, id. p. 209.—Mémoire joint à la lettre à Léopold du 8 septembre. Feuillet, t. II, p. 289,—О намѣреніяхъ двора во время кризиса см. Марія-Антуанета Ферзену 26 сентября, 19 октября, 31 октября, 25 ноября и 9 декабря. Fersen, t. I, p. 192, 198, 199, 206, 230, 271.—Объяснительная записка короля, приложенная къ письму отъ 25 ноября. Fersen, t. I. p. 231.

[11]) Объяснительная записка, приложенная къ письму къ Леопольду, отъ 8 сентября 1791, Feuillet, t. II, p. 299—308. Въ этой запискѣ заключается

лихорадочнымъ снамъ, химерическіе замыслы, сто разъ оставляемые, потому что разсудокъ порицаетъ ихъ, и сто разъ возвращающіеся, потому что они овладѣваютъ воображеніемъ и заполоняютъ душу, оцѣпенѣвающую такъ сказать, вслѣдствіе, постояннаго колебанія и перехода отъ отчаянія къ надеждѣ. Королева лелѣяла эти мечты вслѣдствіе малой способности къ послѣдовательному мышленію и глубокаго отвращенія къ постоянному притворству. Открытая борьба болѣе соотвѣтствовала ея мужественному сердцу, но ежечасныя хитрости и уловки, ежедневное маскированіе истинныхъ намѣреній, постоянная конспирація и подземные пути, письма, тайно передаваемыя эмиссарамъ, проникающимъ во дворецъ при помощи переодѣваній, раздражаютъ и утомляютъ ее; она предпочла бы явиться съ сыномъ на рукахъ среди венгерцевъ Маріи-Терезіи.

Въ минуты унынія, призрачность надеждъ является очевидной ея уму и повергаетъ ее въ ужасъ; тогда она взываетъ къ помощи и прибѣгаетъ къ брату: «Убѣдите его, что у насъ нѣтъ другой надежды, что наше счастье, наша жизнь и жизнь моего сына зависятъ отъ него одного» [12]). Когда наконецъ по ея настояніямъ король принялъ рѣшеніе, она объявляетъ объ этомъ съ тоской [13]): «Судьба наша рѣшена. Не думайте, что меня покидаетъ мужество; нѣтъ, ради меня самой, ради моего ребенка я стану принуждать себя и выполню до конца долгъ моей тягостной жизни. Я не различаю болѣе словъ этого письма. Прощайте:» [14]).

13 сентября Людовикъ XVI заявилъ Собранію путемъ королевскаго посланія, что принимаетъ конституцію. Королевское посланіе, редактированное фельянами, было написано съ большимъ достоинствомъ. Депутаты встрѣтили его громкими рукоплесканіями. Слова: «свобода», «миръ», «благоденствіе» неминуемо производятъ впечатлѣніе на всѣ умы. Но на другой день король долженъ былъ явиться въ Собраніе самолично, и пустого случая достаточно было, чтобы обнаружить, до какой степени было непримиримо разногласіе. Людовикъ XVI отправился въ Собраніе для принесенія присяги санкціонированной имъ конституціи. Внѣшній видъ церемоніи согласовался съ новыми принципами. На эстрадѣ, вмѣсто трона, стояло простое кресло по лѣвую сторону отъ предсѣдательскаго. Въ тотъ день предсѣдателемъ былъ норманскій легистъ Турэ, бывшій раньше адвокатомъ при Руанскомъ парламентѣ. Король подошелъ къ назначенному ему креслу; депутаты встрѣтили его стоя и съ непокрытой головой. Ко-

---

все содержаніе позднѣйшаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, а именно, все относящееся до «правилъ, устанавляемыхъ по случаю войны».

[12]) Мерси, 16 августа. Feuillet, t. II, p. 225.

[13]) Тоже, 26 августа. Arneth, p. 206.

[14]) Тоже, 12 сентября. p. 210.

роль, также стоя и безъ шляпы, приступилъ къ произнесенію формулы присяги. Въ эту минуту депутаты надѣли шляпы и сѣли; король не ожидалъ этого; онъ съ минуту колебался, сильно поблѣднѣлъ, затѣмъ вдругъ опустился въ кресло. Онъ закончилъ чтеніе присяги дрожащимъ голосомъ. Рукоплесканія и крики: «да здравствуетъ король» не въ силахъ были утѣшить его; онъ видѣлъ въ поступкѣ Собранія оскорбленіе, а въ собственномъ движеніи—нѣчто унизительное для королевскаго достоинства. Онъ вернулся въ Тюильрійскій дворецъ болѣе взволнованный молчаливымъ проявленіемъ народнаго верховенства, чѣмъ даже буйствомъ парижской черни. Перемѣна въ этикетѣ повидимому обнаружила передъ нимъ глубину французской революціи и его собственнаго паденія. Королева присутствовала при церемоніи, сидя въ ложѣ. «Все погибло»,— воскликнулъ Людовикъ XVI по возвращеніи во дворецъ. «О,—сказалъ онъ королевѣ,— вы были свидѣтельницей этого униженія! Вы пріѣхали во Францію, чтобы видѣть!».... Рыданія не дали ему окончить [15]). Людовикъ XVI извѣстилъ 18-го иностранныхъ государей объ установленіи конституціи [16]). Онъ сообщилъ о томъ же своимъ братьямъ оффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ выражалъ порицаніе ихъ пребыванію въ Пильницѣ и недавнимъ дѣйствіямъ. Онъ приглашалъ вернуться во Францію: «Вспомните»,—говорилъ онъ,— «что побѣда—ничто, если послѣ нея нельзя управлять страной, а управлять великимъ королевствомъ, противясь господствующему настроенію, невозможно [17]). Въ то самое время, какъ онъ держалъ эти благоразумныя и осторожныя рѣчи, дѣйствуя чисто въ конституціонномъ духѣ, его тайные агенты повсюду опровергали оффиціальныя королевскія заявленія. Они утверждали, что все это—пустыя формальности, вынужденныя необходимостью; Европа не должна придавать имъ серьезнаго значенія; она должна видѣть въ нихъ лишь средство усыпить мятежниковъ до того дня, когда вмѣшательство державъ принудитъ ихъ къ покорности. «Безуміе принцевъ и эмигрантовъ заставило насъ поступать такимъ образомъ»,—писала королева [18]); необходимо было отнять всякое подозрѣніе относительно нашей искренности; чѣмъ болѣе зрѣетъ нашъ планъ, тѣмъ болѣе негодяи будутъ чувствовать свои бѣдствія; быть можетъ они сами пожелаютъ прихода иностранцевъ»...

Въ такой то трагической двойственности находила убѣжище эта несчастная королевская чета. Они заставляли себя увѣрять Европу и Францію въ необходимости двухъ противоположныхъ политическихъ уло-

---

[15]) *Mémoires de madame Campan*, t. II, ch. XIX. Louis Blanc, t. VI. p. 92.

[16]) Письмо къ Леопольду 18 сентября. Arneth, p. 212.

[17]) Feuillet, t. II, p. 328.

[18]) Ферзену, 26 сентября. Fersen, t. I, p. 192.

вокъ. Для того чтобы французы признали за королемъ роль посредника, отъ которой онъ ждалъ спасенія, ему необходимо было публичное примиреніе съ французскимъ народомъ, а это дѣлало конгрессъ въ глазахъ Европы совершенно излишнимъ; въ то же время королю необходимо было подготовить вмѣшательство Европы, результатомъ чего была бы невозможность примиренія короля съ народомъ при первомъ подозрѣніи о такомъ вмѣшательствѣ. Вполнѣ искренняя преданность со стороны тѣхъ, которые называли себя союзниками, искренняя покорность со стороны тѣхъ, кто называлъ себя его сторонниками—вотъ что могло уменьшить опасности предпріятія, къ которому съ одинаковою силою влекли Людовика XVI и сила событій и слабость его; но, къ несчастью, государи—союзники заинтересованы были въ томъ, чтобы вѣрить искреннему признанію имъ конституціи, для того, чтобы не имѣть надобности придти къ нему на помощь; между тѣмъ какъ принцы, братья короля, нашли полезнымъ обнаружить его тайну въ видахъ побужденія Европы къ оказанію ему содѣйствія. Результатомъ этого было то, что европейскія державы отложили конгрессъ, что эмигранты объявили о его созваніи, что Франція имъ повѣрила, что Людовикъ XVI сталъ считаться сообщникомъ иностранцевъ въ ту минуту, какъ они покидали его, и что онъ до созванія конгресса утратилъ довѣріе, которое долженъ былъ внушить народу въ видахъ успѣха самаго этого конгресса.

III.

«Трусость и слабодушіе добряка Людовика XVI выпутаютъ насъ изъ затрудненія»,—говорилъ Кауницъ послѣ Пильницкой декларацiи [1]). Извѣстіе о томъ, что король принялъ конституцію, получено было въ Прагѣ 25 сентября и вызвало тамъ наилучшее впечатлѣніе. Императоръ объявилъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ король далъ свою санкцію, не остается болѣе ничего дѣлать» [2]). Въ Вѣнѣ канцлеръ выказалъ не меньшее удовольствіе. «Мы должны благодарить Бога за то, что добрякъ король выпуталъ насъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя мы себя поставили» [3]). Леопольдъ оставилъ Прагу вполнѣ успокоенный. Ферзенъ, остававшійся въ Богеміи до конца пребыванія тамъ императора, впалъ въ уныніе. «Я не ошибся относительно плановъ вѣнскаго кабинета,—писалъ онъ Густаву III;—они будутъ уклоняться и тянуть насъ до весны,

---

[1]) Кауницъ Шпильману, 4 сентября 1791. Vivenot, t. I, p. 241.

[2]) Fersen, *Journal*, t. I, p. 30.

[3]) Кауницъ Шпильману, 28 сентября 1791. Vivenot, t. I, p. 259.

чтобы избавить себя отъ необходимости дѣйствовать». Такое же впечатлѣніе вынесли Гогенлоэ и Булье [4]).

Но вѣнскому двору недостаточно было испытывать удовольствіе, онъ имѣлъ еще претензію согласовать свои интересы съ принципами и украсить свои дипломатическія депеши нѣсколькими отвлеченными разсужденіями. Къ такого рода разсужденіямъ Кауницъ всегда имѣлъ слабость [5]). Дѣло съ конституціей подогрѣло его оцѣпенѣвшее краснорѣчіе. Онъ подробно доказывалъ, что въ этомъ дѣлѣ все вполнѣ согласуется съ публичнымъ правомъ. Вмѣшательство,—писалъ онъ,—могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы французскій король его потребовалъ, но король его не требуетъ, и нѣтъ интереса его желать [6]). Волненіе, господствующее во Франціи, увеличеніе государственнаго долга, всѣ затрудненія, являющіяся результатомъ метафизической и непримѣнимой конституціи, отвратятъ другіе народы отъ подражанія французамъ. Положеніе вещей, устанавливающееся у нихъ въ настоящее время, есть именно то сносное положеніе, которое конгрессъ европейскихъ державъ имѣлъ бы цѣлью достигнуть. Оно преимущественно благопріятствуетъ интересамъ вѣнскаго двора. «Болѣе чѣмъ вѣковой опытъ, который нерѣдко давалъ испытывать цѣлой Европѣ преобладаніе, доставляемое Франціи географическимъ положеніемъ и безконечными рессурсами этого королевства подъ управленіемъ абсолютнаго монарха, убѣдилъ, и въ особенности Австрію, что ничто не согласовалось съ полною и прочною безопасностью ея собственныхъ владѣній, разрозненныхъ и окруженныхъ могущественными врагами, болѣе чѣмъ ослабленіе и осложненіе внутреннихъ пружинъ этой грозной монархіи, которыя должны на будущее время отвлечь ея энергію отъ завоевательныхъ предпріятій» [7]). Вотъ и вся философія стараго порядка по части револю-

---

[4]) Ферзенъ Густаву III, 21 сентября 1791. Feuillet, t. IV, p. 106—109.—Fersen, *Journal*, t. I, p. 28.—Леопольдъ Густаву III, 25 сентября. Feuillet, t. IV, p. 128.—Bouillé, *Mémoires*, ch. XII, p. 297.

[5]) См. *Question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 113; свиданіе въ Нейштадтѣ и *Catéchisme politique*.

[6]) *Reflexions du prince de Kaunitz*. Vivenot, t. I, p, 284—286, 298, 303.—«Собраніе дѣйствовало правильно во все время своихъ засѣданій, и король добровольно сдѣлалъ то, что почелъ за благо:—каково бы ни было достоинство конституціи, ему одному принадлежитъ судить о томъ, какъ о своемъ домашнемъ дѣлѣ. Присвоивать себѣ такое право, значило бы узурпировать его власть... Никогда и никто не почиталъ себя въ правѣ принуждать независимый народъ сохранять собственное правительство или не дозволять ему вносить измѣненія, коль скоро и то и другое не представляются угрожающими и наступательными дѣйствіями, по отношенію къ общей безопасности и всеобщему спокойствію».

[7]) Кауницъ Кобенцелю, въ Петербургъ, 12 ноября 1791. Vivenot, t. I, p. 275.

ціи: если парижское Собраніе оставалось вѣрнымъ обычаю, то вѣнское канцлерство не менѣе того слѣдовало своей традиціи [8]).

Австрія надѣялась, что вѣковая соперница ея, а затѣмъ второстепенная союзница, Франція снизойдетъ до уровня Польши и что надъ нею можно будетъ господствовать такъ, какъ господствовала Россія надъ Варшавою и Стокгольмомъ [9]). Леопольдъ призналъ конституцію, возобновилъ дипломатическія сношенія съ Франціей и снова сталъ принимать Ноаля при своемъ дворѣ [10]). Онъ обратился съ циркуляромъ ко всѣмъ державамъ, которыхъ приглашалъ на конгрессъ [11]), объявилъ, что при настоящемъ измѣненіи обстоятельствъ созваніе конгресса не имѣетъ непосредственной цѣли. Тѣмъ не менѣе будущее оставалось невѣрнымъ, и дворы могутъ обмѣниваться мнѣніями, «на случай необходимости конгресса». Это была отсрочка въ дипломатической формѣ. Французскіе принцы были извѣщены о ней, и Леопольдъ посовѣтывалъ имъ вести себя сообразно съ новымъ положеніемъ дѣла [12]).

Пруссаки остались довольны благоразумнымъ рѣшеніемъ Австріи. Министры сохранили свое достоинство и король нашелъ случай выказать великодушіе, не принося никакихъ денежныхъ жертвъ. 1-го октября онъ далъ прощальную аудіенцію Мустье, котораго отзывали во Францію. Онъ объявилъ, положивъ руку на шпагу, что готовъ идти на помощь къ французскому королю съ 50 тысячами солдатъ, въ томъ случаѣ, если Австрія съ своей стороны выставитъ такое же количество войска; но главной задержкой является императоръ! [13]). Императоръ задерживалъ людей, въ сущности весьма мало спѣшившихъ за нимъ слѣдовать, въ особенности, если не имѣлось въ виду вознагражденіе въ видѣ нѣмецкихъ, французскихъ или польскихъ земель. «Французская королева—сестра императора»,—говорилъ одинъ прусскій дипломатъ Густаву III; «прусскій король боится, что, по возстановленіи власти короля, французская королева

---

[8]) См. т. I.

[9]) «Императоръ желаетъ быть посредникомъ между королемъ, королевою и Собраніемъ, вліять на Францію и управлять ею, чрезъ посредство тѣхъ или другихъ лицъ, расчленить ее и постоянно поддерживать въ ней смуты. Собственная сестра проклятаго «флорентинца», сдѣлалась бы его первою жертвою, если бы онъ нашелъ въ томъ какую-либо выгоду».—Баронъ Таубе Ферзену, 15 ноября 1791. Fersen, t. I, p. 226.

[10]) 17 октября 1791.—Леопольдъ Людовику XVI, 23 октября. Vivenot, t. I, p. 209.—Леопольдъ Маріи-Христинѣ 9 и 25 октября. Feuillet, t. VI, p. 151 и 217.—Отчетъ де-Ноаля, 17 октября.

[11]) Циркуляръ 12 ноября 1791. Vivenot, t. I, p. 270.

[12]) Леопольдъ принцамъ, 12 ноября 1791. Feuillet, t. IV, p. 246.

[13]) Отчетъ Мустье, 1-го октября.—Fersen, t. I, p. 32, 198, 236.

станетъ оказывать слишкомъ много услугъ своему брату» [14]). Такого же рода недовѣріе питалъ и Леопольдъ по отношенію къ Фридриху-Вильгельму [15]). Прелиминарный договоръ, подписанный обоими дворами въ Вѣнѣ 25 іюля, не обѣщалъ, повидимому, превратиться въ дѣйствительный союзъ [16]).

Въ Мадридѣ графъ Флорида-Бланка выказалъ много высокомѣрія и скептицизма, когда французскій уполномоченный Бургоанъ сообщилъ ему объ утвержденіи конституціи. Онъ объявилъ, что она лишена всякаго значенія и вынуждена насиліемъ. Но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ письма изъ Вѣны и Берлина. Тогда онъ принялся осуждать слабость Пруссіи и эгоизмъ Австріи; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ удобнымъ послѣдовать ихъ примѣру и, смягчивъ тонъ своихъ рѣчей, представилъ Бургоана ко двору. «Эта политика непостижима по своей непослѣдовательности», писалъ одинъ дипломатъ. Но дѣло объяснялось очень просто: Испанія не имѣла ни кредита, ни войска, ни союзниковъ; по мѣрѣ того какъ Франція падала, дерзость Англіи по отношенію къ испанцамъ возрастала; какъ ни были они горды, необходимо было соблюдать осторожность [17]).

Что касается оговорокъ, которыя Людовикъ XVI тайно присоединялъ къ своимъ публичнымъ заявленіямъ, то политическій расчетъ совѣтывалъ европейскимъ дворамъ не обращать на нихъ вниманія, и они дѣлали видъ, что ничего о нихъ не знаютъ. Единственными правительствами, интересовавшимися дѣлами французскаго двора, была Швеція, которая впрочемъ

---

[14]) Fersen, t. II, p. 206.—Treitschke, t. I, p. 123.

[15]) Fersen, t. I, p. 214.

[16]) Бартелеми писалъ изъ Лондона отъ 21 октября: «Прусскій уполномоченный въ Лондонъ (Редернъ), бесѣдуя нѣсколько дней тому назадъ о нашихъ дѣлахъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, сказалъ ему, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль опасался, чтобы его государь и императоръ не рѣшились, дѣйствительно, напасть на Францію; что въ настоящую минуту они, безъ сомнѣнія, оставили это намѣреніе; что успокоенные до нѣкоторой степени по поводу опасностей, которыхъ могли-бы ожидать отъ нашей революціи, судя по причиненнымъ ею у насъ бѣдствіямъ, они предпочтутъ, такъ же какъ и остальныя державы, предоставить насъ ослабленію вслѣдствіе нашихъ собственныхъ раздоровъ; что весною они будутъ сообразовать свой образъ дѣйствій съ нашимъ положеніемъ; что если къ этому времени у насъ вспыхнетъ междуусобная война, вмѣшательство ихъ станетъ неизбѣжнымъ; но, что онъ надѣется на то что мы воспользуемся этимъ промежуткомъ времени, чтобы поправить наши дѣла... То, что Редернъ сказалъ о заинтересованности Европы въ нашемъ ослабленіи, можетъ быть сказано съ особою справедливостью объ Англіи, которая обогащается всѣмъ тѣмъ, что̀ мы теряемъ».

[17]) Baumgarten, p. 333—349.—Англія, говорилъ Флорида-Бланка, содѣйствуетъ общему конфликту, «чтобы помѣшать возстановленію могущества Франціи и вознаградить себя за издержки на счетъ богатствъ испанскихъ колоній». *Отчетъ Зиновьева.* Трачевскій.

ничего не могла сдѣлать, и Россія, которая желала побудить къ дѣйствію другихъ. Екатерина негодовала на «недобросовѣстность» императора; она надѣялась заставить его «обнажить шпагу» [18]). Нъ въ то же время она бранила тюильрійскій дворъ и Бретейля, котораго находила непокорнымъ своимъ совѣтамъ и своей дипломатіи [19]). Всѣ дѣйствія державъ,— говорила она,—должны имѣть въ виду несвободное состояніе французскаго короля: «Можно признавать главами государства только тѣхъ государей, которые пользуются полною свободой» [20]). Такимъ образомъ и съ этой стороны все клонилось къ тому, чтобы разстраивать планы королевской фамиліи. Людовикъ XVI просилъ помощи у Екатерины и требовалъ отъ нея ограниченія своевольства эмигрантовъ. Нѣкоторые изъ государей охотно соглашались удалить ихъ изъ своихъ предѣловъ, но не хотѣли ничего дѣлать для короля: другіе выражали готовность начать кампанію, но требовали предварительнаго отреченія короля въ пользу эмиграціи. Образъ дѣйствій принцевъ дѣлалъ это отреченіе болѣе тягостнымъ чѣмъ когда-либо для Людовика XVI.

IV.

Въ то самое время, когда королевская семья переживала въ августѣ и сентябрѣ недѣли томительнаго ожиданія и горькихъ испытаній, въ эмиграціи предавались радужнымъ иллюзіямъ и кружились въ вихрѣ удовольствій. «Заграничная Франція» считала себя государствомъ и выставляла напоказъ Европѣ свой собственный дворъ и свой собственный лагерь, изображавшіе въ уменьшенномъ и искаженномъ видѣ старую французскую монархію.

Резиденціей этого двора былъ Кобленцъ; здѣсь царилъ графъ Прованскій [1]). Остроумный, проницательный, скептикъ, загадочный для другихъ, слишкомъ небрежный и слишкомъ нерѣшительный для того, чтобы вполнѣ сознательно относиться къ самому себѣ; непостоянный и хитрый во всемъ, послѣдовательный только въ своемъ эгоизмѣ, этотъ принцъ не проявилъ еще ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя пріобрѣлъ впослѣдствіи вслѣдствіе опыта. Онъ тѣшился показнымъ престижемъ королевской власти и отличался скорѣе тщеславіемъ, чѣмъ честолюбіемъ [2]). Чтобы

---

[18]) Таубе Ферзену 26 января 1792. Fersen, t. II, p. 151.

[19]) Нота Екатерины II въ концѣ 1791. Feuillet, t. IV, p. 282.

[20]) *Отчетъ Штедина*, 5 ноября 1791. Fersen, t. I, p. 217.

[1]) La Rocheterie, *Correspondant*, t. XCVIII, p. 941. — Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 147.

[2]) «Братъ короля ничего не имѣетъ противъ того, чтобы были убѣждены въ ничтожествѣ короля, такъ какъ именно на этомъ убѣжденіи въ его

дѣйствовать властелиномъ, онъ не сталъ ждать полномочія отъ Людовика XVI. Онъ даже прямо нарушилъ его неоднократныя инструкціи, лишилъ полномочій барона Бретейля и сталъ самостоятельно заправлять дипломатическими сношеніями [3]). Онъ организовалъ правительство, въ которомъ Калоннъ былъ первымъ министромъ, одновременно завѣдывавшимъ и полиціей и финансами; канцлеромъ у него былъ епископъ Аррасскій, де-Конзье, философъ, вольнодумецъ и свѣтскій человѣкъ [4]). Водрелю было поручено военное министерство съ обязательствомъ совѣтываться по всѣмъ военнымъ операціямъ съ главнымъ ихъ руководителемъ—принцемъ Конде. У этого правительства были и свои посланники: баронъ Флаксланденъ въ Вѣнѣ, баронъ Ролль въ Берлинѣ, графъ Эстергази въ Петербургѣ, баронъ д'Эскаръ въ Стокгольмѣ, не говоря уже о цѣлой тучѣ импровизированныхъ секретарей, временныхъ миссій и цѣлаго штата дипломатовъ-волонтеровъ, которыми кишѣлъ этотъ дворъ праздныхъ, безпокойныхъ людей, нетерпѣливо ждавшихъ случая отличиться и разъѣзжать по свѣту хотя бы только въ видахъ собственнаго развлеченія [5]).

Въ довершеніе сходства со старыми дворами, графъ водворилъ въ Кобленцѣ законную супругу и фаворитку. Всѣмъ было извѣстно, что супруга давно покинута. Фаворитка находилась въ штатѣ ея придворныхъ дамъ. Одаренная природнымъ умомъ, болѣе насмѣшливая, чѣмъ привлекательная, высокомѣрная, увѣренная въ себѣ и въ своемъ вліяніи, госпожа Бальби любила держать вокругъ себя царедворцевъ, ненависть которыхъ къ ней была ей прекрасно извѣстна [6]). Окончивъ службу у графини, она принимала въ своемъ салонѣ весь дворъ графа Прованскаго. Сидя у камина, опираясь на трость, на набалдашникѣ которой изображалась голова Людовика XIV, силуэтъ которой рисовался на стѣнѣ, съ расчитаннымъ эффектомъ, братъ короля любилъ упражняться въ остроуміи. О немъ говорили, что онъ не требуетъ отъ своей фаворитки ничего, кромѣ репликъ на свои изысканные діалоги и поводовъ сказать острое словцо. Равно-

---

ничтожествѣ строитъ всю свою политику». *Mémoires de Goguelat*, éd. Lescure, p. 240.—«У него болѣе самолюбія, чѣмъ привязанности къ брату и тѣмъ болѣе ко мнѣ», писала королева. «Онъ всю жизнь печалился о томъ, что ему не придется властвовать, и эта жажда власти только усилилась со времени нашихъ несчастій, потому что они даютъ ему случай выдвинуться». Письма къ г-жѣ Ламбалль, іюль 1791. Feuillet, t. II, p. 148.

[3]) Графъ Прованскій Бретейлю, 2-го іюля 1791 г. Feuillet, t. II, p. 138. Королева Ферзену, 8-го іюля. Fersen, t. I, p. 148.

[4]) Forneron, *Histoire générale des émigrés*, Paris, 1884, t. I, p. 256.

[5]) «Въ Кобленцѣ господствовалъ тотъ духъ, который присущъ всѣмъ сборищамъ праздныхъ и скучающихъ людей». *Souvenirs du comte de Contades*, Paris, 1885, p. II.

[6]) Contades, *Souvenirs*, p. 16—20.

душный къ наслажденіямъ, такъ же какъ и къ дѣламъ, менѣе озабоченный управленіемъ, чѣмъ внѣшнимъ престижемъ, онъ видѣлъ въ любви поводъ къ упражненію въ изящномъ слогѣ; политика его испарялась въ разсужденіяхъ, управленіе государственными дѣлами—въ эпиграммахъ.

Графъ д'Артуа держалъ себя проще. Онъ былъ горячо привязанъ къ страстной женщинѣ, госпожѣ де Поластронъ и былъ поглощенъ этой привязанностью [7]). Каждая изъ фаворитокъ имѣла своихъ преданныхъ людей, жившихъ на ножахъ между собою. Оба брата отрицали другъ въ другѣ всякія достоинства; ихъ министры относились отрицательно къ нимъ обоимъ. Въ маленькихъ кружкахъ, гдѣ онъ обыкновенно ораторствовалъ, Калонъ распоряжался принцами, своими владыками, съ такою же безцеремонностью, какъ распоряжался Франціей и Европою [8]). Франція и Европа оставляли ему большіе досуги; онъ употреблялъ ихъ на происки, направленные противъ соперниковъ, и отдавалъ этому все время, свободное отъ карточной игры или распутства. Бретейль, котораго онъ устранилъ, поносилъ Калонна и всячески старался вредить ему [9]).

Въ роялистскихъ кружкахъ, такъ же какъ и въ революціонныхъ клубахъ, господствовали крайніе. Спорили о принципахъ и весьма скоро стали видѣть добродѣтель въ насиліи и правовѣріе—въ парадоксѣ. Эти большею частью крайне легкомысленные дворяне не имѣли претензіи на философію, но узость ихъ идей не мѣшала ихъ абсолютности. Бонтонный фанатизмъ довелъ у нихъ до крайности привычную нетерпимость и аристократическую дерзость; они отлучали отъ своей церкви всѣхъ, кто не находился на одной съ ними «геометрической линіи» воззрѣній [10]). Въ этомъ обществѣ надо было доказать свою монархическую вѣру, какъ доказывали благородство происхожденія. «Когда встрѣчаются два эмигранта, они взаимно оспариваютъ чистоту своего монархизма»—говорилъ современникъ [11]). «Пре-

---

[7]) «Госпожа де-Поластронъ—любовница графа д'Артуа, видѣла въ немъ героя, забывая, что, проводя у нея все свое время, онъ пренебрегалъ и славой и дѣлами. Кротость и доброта, ее отличавшія, расположили къ ней всѣхъ. Сравнивая графа д'Артуа съ Генрихомъ IV—она весьма естественно приравнивала себя къ Габріэли, но Великій Генрихъ не проводилъ у своей фаворитки по пятнадцати часовъ въ день и не приходилось искать его у нея въ домѣ каждый разъ, когда долгъ призывалъ его въ другое мѣсто». Contades, *Souvenirs*, p. 23—24.

[8]) Contades, *Souvenirs*, p. 26. Штедингъ Ферзену, 20 января 1792. Fersen, t. II, p. 140. *Mémoires d'Esterhazy*. Feuillet, t. IV, p. 58.—[9]) Id, t. IV, p. 194.

[10]) Mallet du Pan, t. I, p. 370.

[11]) «Отъ всѣхъ, отправлявшихся въ Кобленцъ, требовали подписанной четырьмя дворянами аттестаціи, удостовѣрявшей въ преданности дѣлу и надлежащихъ убѣжденіяхъ». Ferrières, t. III, p. 35.—D'Allonville, *Mémoires se-*

быванiе въ Кобленцѣ перенесло меня въ Версаль», передаетъ одинъ отпавшiй отъ партiи королевы эмигрантъ; «это была клоака интригъ, козней всякаго рода, глупостей и обезьянничанiя стараго двора». «Я уѣхалъ изъ Кобленца, отрясая прахъ ногъ своихъ и обѣщалъ себѣ никогда не возвращаться въ такое непотребное мѣсто» [12]).

«Лагерь» находился въ Бормсѣ. Кобленцъ представлялъ въ минiатюрѣ и рельефѣ всѣ пороки дворянства и двора; Вормсъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ недостатки дворянской военщины [13]). Эта военщина тѣмъ не менѣе была несравненно выше придворнаго круга. Въ ней, правда, замѣчалось то же безразсудство, но это безразсудство носило рыцарскiй характеръ, и каждый готовъ былъ заплатить за него цѣною собственной крови. Глава этого мiра командуетъ и всѣ ему повинуются. Конде, не преминувшiй выставлять напоказъ въ епископской резиденцiи свою фаворитку, госпожу Монако, пользовался доходившею до боготворенiя любовью своихъ солдатъ. «Принцъ Конде, — разсказываетъ одинъ изъ нихъ,—обладалъ истинно магическимъ влiянiемъ на дворянъ своей армiи». Но умѣя увлечь ихъ въ битву, онъ не отличался умѣнiемъ ихъ дисциплинировать. Въ концѣ октября насчитывали около 10000 эмигрантовъ изъ дворянъ; къ февралю надѣялись собрать ихъ отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ. Въ этихъ войскахъ было много офицеровъ и весьма мало солдатъ. Большая часть явилась въ надеждѣ на командованiе и не имѣла никакого желанiя повиноваться. Они смѣются надъ своими импровизированными офицерами и находятъ унизительнымъ учиться военному дѣлу у шведовъ-инструкторовъ, употребляя палки за неимѣнiемъ ружей, которыхъ не откуда было взять [14]). Къ тому же всѣ они были недовольны кобленцскимъ дворомъ и принцами и единодушно

---

crets, Paris, 1838—1845, t. II, p. 209.—D'Haussonville, *Mélanges*, p. 23.—Д'Аваре заподозрили въ нѣкоторомъ демократизмѣ. Ему приписывали слѣдующiя слова: «Графъ д'Артуа—чистый монархистъ, а я нѣтъ». Forneron, t. I, p. 257. La Rocheterie, *Correspondant*.—Mallet du Pan, t. I, p. 261.

[12]) Augeard, *Mémoires secrets*, p. 281 — 282. «Это очагъ ужаснѣйшихъ интригъ», писалъ Ферзенъ, 6 августа, Густаву III. Feuillet, t. III, p. 432. La Rocheterie, *Correspondant*, t. XCVIII, p. 948; t. XCIX, p. 278.

[13]) La Rocheterie. *Correspondant*, t. XCVIII, p. 949—952; XCIX, p. 117—126. Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 147. Daudet, *Conspirations royalistes*, p. 121. Chuquet, *La première invasion prussienne*, Paris, 1886, ch. VIII, *les Emigrés*, p. 273—280.—Contades, *Souvenirs*, p. 10—35.

[14]) *Mémoires d'Esterhazy*, Feuillet, t. IV, p. 58. «Графъ Лаваль только что вернулся изъ Кобленца, онъ говоритъ, что отсутствiе субординацiи достигло тамъ высочайшаго предѣла и что мелкое дворянство возмущается противъ двора». Fersen, *Journal*, t. II, p. 2. «Грустно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытно ихъ видѣть и слышать», сказалъ Густавъ III, мечтавшiй однако вести ихъ въ битву. Письмо отъ 16 iюня 1791. Geffroy, t. II, p. 162.

обвиняли ихъ въ медленности, безпечности и слабости. «Дайте имъ вернуться во Францію»,—говорила Екатерина II съ обычною по отношенію къ нимъ ироническою привѣтливостью, — «принцы, если только они достойны крови, текущей въ ихъ жилахъ, прекрасно справятся съ своей задачей и одни... Для этого необходимо не болѣе четырехъ или пяти составныхъ веществъ, которыя найти не трудно: храбрость, твердость, милосердіе, благоразуміе и разсудительность, и все придетъ въ порядокъ» [15]). Великой государынѣ легко было говорить такимъ образомъ. Но за исключеніемъ храбрости, которая всегда оказывалась на лицо, именно въ указанныхъ составныхъ веществахъ ощущался полный недостатокъ въ средѣ французскихъ эмигрантовъ.

До ареста короля они держали себя по отношенію къ нему еще съ нѣкоторой сдержанностью, но со времени ареста потеряли къ нему всякое уваженіе. Монархія ставилась ими выше короля, а дворянство—выше монархіи. Подъ именемъ *провинціальнаго союза* они составили нѣчто въ родѣ лиги, которая должна была развѣтвляться по всей Франціи. Въ случаѣ возстановленія королевской власти, предполагалось поставить Бурбоновъ въ то положеніе, въ которое Гизъ и его партія хотѣли поставить Валуа. Король будетъ главою этой лиги лишь для того, чтобы повиноваться ея приказамъ. Онъ будетъ царствовать, а дворянство—управлять [16]). Въ ожиданіи подчиненія Людовика XVI, они занимаются тѣмъ, что оскорбляютъ его. «*Бѣдняга*, *бревно*, *блаженный*...» всѣ эти эпитеты Людовика, по словамъ Гогелà, были введены въ моду придворными его брата. «Никогда не приходилось мнѣ слышать, чтобы такъ третировали Людовика XVI» [17]). Принцы заранѣе протестовали противъ принятія конституціи Людовикомъ XVI. Письмо, переданное имъ королемъ черезъ посредство Куаньи [18]), заключало въ высшей степени разумныя соображенія и обличало замѣчательный историческій смыслъ. Это письмо дѣлало честь Барнаву, бывшему его вдохновителемъ; на принцевъ оно не произвело никакого впечатлѣнія и ни въ чемъ не измѣнило ихъ настроенія. Преступная нелѣпость союза съ иноземцами [19]), невозможность

[15]) Письмо къ Гримму, 25 августа 1792, стр. 573.

[16]) La Rochetterie, *Correspondant*, t. XCIX, p. 129.—Auceard, p. 277.

[17]) *Mémoires*.—Augeard, p. 180.—La Rochetterie, p. 128.

[18]) См. выше.

[19]) «Можно-ли думать, что графъ д'Артуа, членъ призванной царствовать фамиліи, до такой степени забываетъ о собственномъ интересѣ и славѣ, что первый возбуждаетъ къ междоусобной войнѣ, чтобы предать королевство въ руки чужеземцевъ и причинить его распаденіе? Даже въ случаѣ успѣха, человѣкъ, навлекшій такое зло, сдѣлался бы предметомъ всеобщей ненависти... Слѣдуетъ однако же ждать безпримѣрной въ лѣтописяхъ какого бы ни было

контръ-революціи, необходимость преобразованій въ монархіи, если только желали укрѣпить ее, всѣ эти соображенія, отвѣчавшія требованіямъ минуты и вполнѣ оправданныя послѣдовавшими событіями, развиты были въ письмѣ съ замѣчательною твердостью. «Если принять во вниманіе,— говорилось въ концѣ этого документа,—что, даже въ случаѣ полной побѣды, завоевателю пришлось бы имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, щадить всѣ тѣ пункты, на которыхъ оно было непреодолимо, т. е. возстановить приблизительно все, что ему желательно было бы ниспровергнуть, то придется сознаться, что планъ войны противъ великаго народа, съ цѣлью заставить его измѣнить свои законы, есть, къ счастью, не что иное, какъ чистѣйшее безуміе».

Когда принцы узнали, что Людовикъ XVI присягнулъ конституціи, они высказали ему публичное порицаніе и въ конфиденціальномъ письмѣ, съ которымъ обратились къ нему, прибавляли, говоря о конституціонистахъ: «Если намъ говорятъ отъ имени этихъ людей, мы не станемъ выслушивать: если намъ говорятъ отъ вашего имени, мы выслушаемъ, но пойдемъ прямо къ цѣли своимъ путемъ» [20]). Путь, по которому они намѣревались идти, былъ не чѣмъ инымъ, какъ собственно завоеваніемъ. Средства ихъ крайне несложны: вмѣсто убѣжденія—угроза, а въ видахъ достиженія покорности — насиліе; лозунгъ: «никакихъ сдѣлокъ» [21]). «Война, которую они намѣреваются вести, приметъ характеръ феодальной войны» [22]).

Но именно этой военной силы, въ которой резюмируется вся ихъ политика и на которой сосредоточиваются всѣ ихъ надежды, и не имѣлось на-лицо. Армія ихъ лишена запасовъ, казна ихъ пуста, кредитъ отсутствуетъ. По части финансовъ, принцамъ приходится вѣдаться лишь съ собственными долгами, и все искусство Калонна заключается въ отсрочкѣ платежей. Они принуждены довольствоваться субсидіями, т. е. средствами на покрытіе издержекъ первой необходимости. Начинаются денежныя затрудненія: они бравируютъ ихъ съ презрѣніемъ; но нѣмецкіе кредиторы не соглашаются на отсрочки и не убѣждаются дерзкими и высокомѣрными выходками должниковъ-аристократовъ. Они съ свойственной имъ про-

---

народа войны, войны цѣлаго народа противъ арміи, народа, который ринется къ своимъ предѣламъ, чтобы отстоять не только свои очаги, но и законы и свободу мысли. Его любовь къ свободѣ дошла бы до фанатизма и удвоила бы его силы; чувство собственнаго достоинства соединило бы противъ чужеземцевъ всѣхъ враждующихъ между собою гражданъ». *Mémoire envogé à M. le comte d'Artois*, *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 163.

[20]) La Rocheterie, p. 112—115.

[21]) Mallet du Pan, t. I, p. 261.

[22]) Pellenc à la Marck, 28 décembre 1791. *Correspondance*, t. III, p. 279.

стодушною грубостью заявляютъ, что иностранные гости для нихъ обременительны и убыточны [23]). Эмигранты не обращаютъ на это вниманія и продолжаютъ сохранять свою свѣтскую невозмутимость. Они рѣшили заставить терпѣть себя въ Европѣ и увлечь ее въ свое предпріятіе. Послѣ свиданія въ Мантуѣ они, на каждомъ шагу, хвалятся обѣщанными имъ милліонами и войсками. Послѣ Пильница они хвастаютъ займами, гарантіями, трактатами и коалиціями, направленными противъ Франціи [24]). Когда графъ д'Артуа вернулся изъ неудачной поѣздки, его сторонники устроили ему торжественную встрѣчу, и агенты принцевъ стали разъѣзжать повсюду, требуя выполненія мнимыхъ обѣщаній, отъ которыхъ такъ рѣшительно отказывались европейскіе государи [25]).

Англійское министерство выпроваживаетъ ихъ безъ всякой пощады. Питтъ судитъ объ эмигрантахъ совершенно такъ же, какъ Орасъ Вальполь, находившій ихъ людьми безразсудными. Въ Англіи за нихъ стоитъ только Боркъ, рыцарское воображеніе котораго заставляетъ его раздѣлять ихъ химерическія надежды; но Боркъ предлагаетъ имъ однѣ свои рѣчи и присылаетъ только брошюры: малѣйшій денежный заемъ былъ бы имъ полезнѣе въ эту минуту [26]). Леопольдъ дѣйствуетъ по примѣру Англіи. Прусскій король выказываетъ имъ болѣе вниманія.

Берлинскій дворъ представлялъ наиболѣе удобное поприще для маневровъ эмиграціи. Швейцарскій офицеръ, баронъ Ролль, генералъ-маіоръ французской службы, человѣкъ тяжеловатый и неловкій по внѣшности, но вкрадчивый и опытный въ интригѣ, развертываетъ при этомъ дворѣ большую дипломатическую предпріимчивость и изворотливость. Онъ встрѣчаетъ неожиданнаго помощника въ двусмысленной личности, которую съ той минуты мы встрѣтимъ во всѣхъ подозрительныхъ сношеніяхъ того времени. Это нѣкто Гейманъ, эльзасскій баронъ, служившій въ войскахъ Булье въ чинѣ генералъ-маіора [27]). Вынужденный эмигрировать послѣ Варенна, онъ бѣжалъ въ Пруссію, гдѣ король зачислилъ его въ свой глав-

---

[23]) Perthes, t. I. p. 66, 206. — Haeusser, t. I, p. 292—293. — Philippson, t. II, p. 14.—Varnhagen von Ense, t. I, p. 84—86. — «Меня увѣряли, что на нихъ очень худо смотрятъ въ городахъ Германіи. Они, какъ слышно, много тамъ тратили и никому ничего не платили». Кочубей Воронцову, Бернъ, 17 августа 1791 г. Архивъ князя Воронцова, т. XVIII, Москва, 1880 г., стр. 12.

[24]) Марія Антуанета де Мерси, 12 сентября 1791 г. Arneth, p. 209.

[25]) *Mémoire à l'Empereur et au roi de Prusse*, 29 août 1791. Feuillet, t. II, p. 255.—La Rocheterie, t. XCVIII, p. 968; t. XCIX, p. 111.

[26]) Stanhope, *William Pitt*, t. II, p. 133.—Rémusat, *l'Angleterre au dix-huitième siècle*, t. II, p. 410.—Forneron, *Histoire des émigrés*, t. I, p. 215.

[27]) Chuquet, *l'Invasion prussienne*, p. 119—120.

ный штабъ. Вращаясь во Франціи среди того безпокойнаго дворянства, которое бросилось въ революцію не столько вслѣдствіе идейнаго энтузіазма, сколько изъ стремленія къ новизнѣ и потребности въ движеніи, Гейманъ слылъ орлеанистомъ. Онъ былъ знакомъ съ Мирабо, бывалъ у Бирона и встрѣчался по временамъ съ человѣкомъ еще мало извѣстнымъ, вынужденнымъ довольствоваться закулисными происками, но котораго событія скоро выдвинутъ на аванъ-сцену. Этотъ человѣкъ былъ Дюмурье. Разнообразныя связи позволяли Гейману одновременно служить самымъ противоположнымъ партіямъ. Онъ втирается въ оба лагеря, переходитъ изъ одного въ другой и играетъ самыя противоположныя роли. Настойчивость склоннаго къ интригѣ характера, потребность играть роль, услужливость человѣка, желающаго вмѣшиваться во всевозможныя дѣла, тщеславное желаніе хвалиться дружбой съ знаменитостями, природная услужливость и несомнѣнная искренность въ личныхъ привязанностяхъ, дѣлали изъ этого второстепеннаго политическаго дѣятеля цѣннаго повѣреннаго и въ высшей степени полезнаго сотрудника. Въ сущности, онъ всего болѣе склоненъ былъ сочувствовать эмиграціи и служить прусскому королю.

Бишофсвердеръ доставляетъ доступъ къ своему государю этому апокрифическому посланнику. Любимецъ Фридриха Вильгельма и эмпирики эмиграціи понимали другъ друга на полусловѣ, надували другъ друга и взаимно считали себя вздорными людьми, а то и прямо обманщиками высшаго полета. Они касались въ своихъ бесѣдахъ самыхъ щекотливыхъ пунктовъ. Бишофсвердеръ далъ почувствовать, «что при помощи нѣкоторыхъ жертвъ на счетъ французскихъ границъ можно было легко добиться содѣйствія прусскаго короля». Комбинація состояла въ предоставленіи Пруссіи части Палатината изъ наслѣдства Жюльерскаго княжества, что содѣйствовало бы округленію прусскихъ границъ на Рейнѣ; курфирстъ палатинъ могъ бы при этомъ вознаградить себя частью Эльзаса; императоръ взялъ бы остальное и французскую Фландрію, что удовлетворило бы его съ избыткомъ [28]). Братья короля порицали эти тайные происки; но ихъ агенты выслушивали подобныя предложенія съ крайнею снисходительностью, и этого было достаточно для того, чтобы ихъ повсюду обвиняли въ сообщничествѣ съ людьми, предлагавшими подобныя комбинаціи [29]). Этого

[28]) Замѣтка маркиза Бомбелля о причинахъ несогласій между французскимъ королемъ и принцами—его братьями. Feuillet, t. V, p. 82.

[29]) Бартелеми писалъ изъ Лондона послѣ бесѣдъ съ русскимъ посланникомъ, то есть представителемъ державы, наиболѣе благопріятствовавшей эмигрантамъ и наиболѣе свѣдущей относительно ихъ дѣлъ: «Г. Воронцевъ заставилъ меня дать слово не называть его, но долгъ велитъ мнѣ извѣстить васъ о томъ, что ему самымъ положительнымъ образомъ извѣстно, что наши эмигранты говорили прусскому королю о сдѣлкѣ, которая позволила-бы ему рас-

было также достаточно, чтобы воскресить въ душѣ Фридриха-Вильгельма духъ наживы, характеризовавшій всѣ тевтонскіе крестовые походы. Возвращаясь однажды изъ Потсдама, министръ Шуленбургъ воскликнулъ: «король желаетъ войны!» [30]). Вслѣдствіе всего этого, эмигранты были увѣрены въ содѣйствіи Пруссіи.

Густавъ III былъ вполнѣ искрененъ въ своихъ обѣщаніяхъ, но онъ могъ располагать только своимъ словомъ и мечемъ. Агентъ принцевъ, господинъ д'Эскаръ, испыталъ по пріѣздѣ въ Швецію, въ концѣ сентября, жестокое разочарованіе [31]). Онъ надѣялся найти тамъ флотъ и армію, готовую къ отплытію къ берегамъ Нормандіи. Шведскіе порты были пусты, арсеналы опустошены и въ казнѣ царило безденежье. Русская императрица должна была доставить обозъ, людей и деньги. Густавъ III продолжалъ вести съ ней переговоры по поводу союза, обѣщаннаго ею со времени заключенія мира. Принцамъ оставалось только ждать милостей отъ этой государыни, и они окружали ее самою утонченною лестью. Посланія ихъ становятся диѳирамбами. Они впадаютъ въ восторженное состояніе при мысли о томъ, что она «благоволитъ интересоваться ихъ дѣломъ». «Писать ей—это, такъ сказать, пріобщать ее къ нашимъ совѣщаніямъ». «Если удастся перейти Рейнъ хотя бы съ 10000 человѣкъ, мы будемъ имѣть ихъ скоро 100000: геній Екатерины II поведетъ насъ къ побѣдѣ» [32])! Екатерина принимаетъ при своемъ дворѣ уполномоченнаго брата Людовика XVI, Эстергази; она соглашается признать регентство графа Прованскаго; она посылаетъ къ нему посланника, графа Румянцева; наконецъ она даритъ ему два милліона рублей, совѣтуетъ читать Генріаду и проникнуться геніемъ дѣда, который царствовалъ и по праву завоевателя, и по праву своего рожденія [33]).

ширить предѣлы на Рейнѣ путемъ пріобрѣтеній, часть которыхъ, а именно Эльзаса, послужила-бы вознагражденіемъ курфирсту-палатину». Отчетъ 2-го сентября 1791. Бартелеми возвращается къ этому предмету 30-го сентября: «Онъ (Воронцевъ) повторилъ мнѣ вчера за вполнѣ достовѣрное, что французскіе принцы, съ цѣлью склонить прусскаго короля къ оказанію поддержки войсками, предлагали ему взять Бергъ и Жюльеръ, а палатина вознаградить частью Эльзаса; что прусскій король, восхищенный этимъ планомъ, сообщилъ о немъ императору, давъ понять ему, что онъ съ своей стороны можетъ сдѣлать пріобрѣтенія въ Эльзасѣ и французской Фландріи».

[30]) Haeusser, t. I, p. 322.

[31]) Отчеты Geffroy, t. II, p. 195.

[32]) Принцы Екатеринѣ II, 14 и 23 сентября 1791. Feuillet, t. II, p. 327—359. *Архивъ князя Воронцова*, т. XVIII, стр. 14, письмо Кочубея къ Воронцову 12 октября 1791 г. и адресъ Екатеринѣ, стр. 15.

[33]) *Mémoires et Instruction d'Esterhazy*. Feuillet, t. IV, p. 62; t. II, p. 265. Екатерина принцамъ, 19 августа 1791. Feuillet, t. II, p. 238, 338, 355.

Этимъ однако ограничивается ея содѣйствіе. Не было ѳиміама, хотя бы расточаемаго однимъ изъ Бурбоновъ, когорый способенъ былъ бы отуманить, хотя на минуту, мозгъ достойной ученицы Фридриха Великаго. Политика ея сообразуется исключительно съ государственной пользой: эта польза говоритъ ей, что армія принцевъ существуетъ только на бумагѣ и что всѣ ихъ рессурсы остаются пока однѣми надеждами. Она постарается къ будущей веснѣ подумать о «способахъ оказанія содѣйствія, если то дозволятъ обстоятельства» [34]). Всѣ ея отвѣты не что иное, какъ благовидные, насмѣшливые отказы. Принцы обманываютъ себя на этотъ счетъ, и Калоннъ, проживающій въ Лондонѣ, гдѣ на долю его выпадаютъ однѣ неудачи, пишетъ въ концѣ сентября одному изъ своихъ пріятелей: «наши средства начинаютъ значительно увеличиваться. Принцы только что получили дружественную, рѣшающую и превосходную депешу отъ русской государыни» [35])!

Испанія дѣлаетъ, что можетъ [36]). Карлъ IV удѣляетъ часть испанскаго золота своимъ двоюроднымъ братьямъ. Они получаютъ сначала 400000 піастровъ, а затѣмъ и милліонъ. Король обѣщаетъ десять милліоновъ Густаву III въ видѣ субсидіи. Онъ начинаетъ говорить о своемъ желаніи стать во главѣ войска: у него 15000 солдатъ въ Каталоніи, къ нимъ присоединятся 20000 навербованныхъ швейцарцевъ. Эта экспедиція будетъ поддержана роялистской инсуррекціей. Эмигранты возбуждаютъ броженіе на югѣ. Возстаніе загорѣлось въ Перпиньянѣ, но оно оказалось неудачнымъ, и энтузіазмъ Испаніи охладѣлъ. «Чего ожидать отъ людей, озабоченныхъ болѣе удовольствіями, чѣмъ отстаиваніемъ своихъ правъ»! — говорилъ Флорида Бланка. «Госпожа Монако руководитъ политикой принца Конде, а госпожа Поластронъ ведетъ политическія дѣла графа д'Артуа» [37]). Въ кругу дипломатовъ всѣ говорятъ о затрудненіяхъ, причиняемыхъ повсюду эмигрантами, о назойливости, которая дѣлаетъ ихъ нестерпимыми. «Ихъ не станетъ поддерживать ни одна иностранная держава», говоритъ французскому посланнику Бартелеми прусскій уполномоченный въ Лондонѣ, Редернъ [38]). Но если имъ не удается увлечь Европу и замѣшать ее въ свои распри, зато они вполнѣ успѣваютъ раздражить французовъ своимъ задоромъ и хвастовствомъ. Ослѣпленіе ихъ такъ велико, что они радуются этому, какъ какой-нибудь крупной удачѣ.

---

[34]) Екетерина князю Нассау Зигенскому, августъ, 1791. Feuillet, t. II, p. 329. Отвѣтъ Эстергази, сентябрь 1791. Feuillet, t. II, p. 357.

[35]) Отчетъ Бартелеми, 30 сентября 1791.

[36]) Baumgarten, p. 333—340.—[37]) Id., p. 339.

[38]) Отчеты Бартелеми, 2 октября, 2 и 9 декабря 1791 г.

V.

Королевская семья и эмиграція, такъ много ожидавшія отъ европейскаго вмѣшательства, добивались его, но безъ успѣха; Франція, опасавшаяся такого вмѣшательства, безсознательно навлекала его на себя. Для того, чтобы затронуть за живое европейскихъ государей, революціи должна была коснуться ихъ собственныхъ интересовъ: именно къ этому клонилась революція осенью 1791 года...

12-го сентября, на другой день послѣ того, какъ принятіе конституціи королемъ сдѣлало ее основнымъ государственнымъ закономъ, собраніе декретировало присоединеніе къ Франціи Авиньона и графства Венессенскаго. Собраніе послало эмиссаровъ въ графство для обезоруженія мѣстныхъ партій [1]). Но партіи не соглашались положить оружіе; эмиссары вернулись въ Парижъ и привезли заявленіе большинства жителей, выражавшихъ желаніе быть присоединенными къ Франціи, такъ какъ видѣли въ этомъ единственное средство прекратить жестокую междоусобицу [2]). Дѣло передано было въ комитетъ, завѣдывавшій имъ и ранѣе. Мену представилъ докладъ въ засѣданіе 13-го сентября. Докладъ приходилъ къ заключенію о необходимости присоединенія [3]). Всѣ доводы были исчерпаны. Мори попытался исправить проектъ декрета. Собраніе не захотѣло его выслушивать. Присоединеніе было принято большинствомъ голосовъ. Декретъ санкціонировалъ такимъ образомъ смѣшеніе стариннаго и новаго права, на которое опирались и которое постоянно затемняли предварительныя пренія [4]). Собраніе полагало, что удовлетворило всѣмъ принципамъ, и своимъ и европейскимъ; оно находило себя послѣдовательнымъ, вѣрнымъ себѣ и безукоризненнымъ въ глазахъ Европы. Оно полагало, что положило конецъ всѣмъ возраженіямъ, рѣшивъ, что будетъ приступлено къ переговорамъ съ римскимъ дворомъ «для обсужденія надлежащихъ вознагражденій и возмѣщенія убытковъ». Легисты, переполнявшіе

---

[1]) См. выше о томъ же

[2]) 10 сентября. *Moniteur*, t. IX, p. 633.

[3]) Изъ числа 98 общинъ съ 152919 жителей, подали голоса 71 : 52 подали голосъ за присоединеніе, 19—противъ, 27 воздержались. Общины, высказавшіяся за присоединеніе, представляли 101045 жителей; не принявшія его—51813, изъ которыхъ только 30667 выразили свой отказъ въ отрицательномъ отвѣтѣ.

[4]) «Національное Собраніе объявляетъ, что въ силу правъ Франціи на Авиньонъ и Венессенское графство и согласно съ свободно выраженнымъ желаніемъ большинства общинъ и гражданъ этого края быть присоединенными къ Франціи, Авиньонъ и графство отнынѣ входятъ въ составъ французскаго государства».

комитеты, забывали, что судьею въ этомъ спорномъ вопросѣ не могъ быть парламентъ юрисконсультовъ, передъ которымъ развиваютъ логическія доказательства и который рѣшаетъ дѣло теоретическими опредѣленіями; судьею была Европа. Заботясь не о словахъ, а о конкретныхъ предметахъ, весьма равнодушная въ дѣлѣ принципа и весьма небрежно относившаяся къ текстамъ договоровъ, она судила о намѣреніяхъ по дѣламъ, а о декретахъ—по вытекающимъ изъ нихъ послѣдствіямъ. Люди дальновидные не ошиблись относительно значенія присоединенія, вотированнаго Собраніемъ: пренія, ему предшествовавшія, впрочемъ, достаточно уяснили это значеніе.

«Очевидно», писалъ графъ де-Ламаркъ [5]), «что вслѣдствіе такого образа дѣйствій Франція поставитъ себя на военное положеніе по отношенію ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ; она будетъ непрерывно грозить имъ инсуррекціей въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, а инсуррекціи поведутъ ее къ завоеваніямъ. Римъ, низлагая государей, когда ихъ народы становились подъ его покровительство, слѣдовалъ той же системѣ... Весьма возможно, что нѣсколько сумасбродныхъ головъ въ новомъ Собраніи воспользуются энтузіазмомъ по случаю присоединенія, чтобы декретировать вторженіе въ Нидерланды, отнесясь къ угрозамъ державъ какъ къ заявленіямъ враждебности и въ томъ убѣжденіи, что новая инсуррекція въ Нидерландахъ была бы для Франціи лишнимъ препятствіемъ. Отсюда до инсуррекціи въ Люттихѣ и Голландіи одинъ только шагъ. Можетъ быть, вы сочтете все это безуміемъ, но вы увидите, что въ будущую сессію всѣ эти безумныя мѣры, поддерживаемыя честолюбіемъ Лафайета, покажутся самымъ обыкновеннымъ дѣломъ».

Это мнѣніе свидѣтельствуетъ о дальновидности автора. Нидерланды во всѣ времена были театромъ королевскихъ завоеваній; они же должны были прежде всего сдѣлаться поприщемъ національныхъ присоединеній. Въ то самое время, какъ во Франціи развивали принципъ подобныхъ присоединеній, въ Нидерландахъ подготовлялись поводы примѣнить ихъ на дѣлѣ. Возстановленное тамъ австрійское правительство пыталось лавировать между всѣми партіями; оно достигало лишь возбужденія всеобщаго недовольства. Всѣ единодушно желали новой революціи, аристократы столько же, сколько и демократы, прежніе штатисты столько же, сколько Вонкъ и его сторонники, бѣжавшіе во Францію. Во Франціи поощряли ихъ иллюзіи и благопріятно относились къ ихъ стремленіямъ и приготовленіямъ къ возмездію. Лафайетъ, Бриссо, Камиль Демуленъ старались увѣрить ихъ, что Франція поможетъ основанію республики соединенныхъ штатовъ Фландріи,

---

[5]) Мерси, 4 сентября 1791. *Correspondance*, t. III, p. 234.

что составляло завѣтную мечту всѣхъ бельгійскихъ патріотовъ. Даже французскій посланникъ въ Брюсселѣ считалъ своимъ долгомъ работать вмѣстѣ съ своими секретарями во вредъ австрійскому правительству [6]. Эти подземные маневры отзывались скорѣе интригами стараго порядка, чѣмъ революціонной пропагандой. Болѣе непосредственно проявилась эта пропаганда въ Люттихѣ и тамъ же выступилъ впервые будущій министръ иностранныхъ дѣлъ республики.

Возстановленіе власти люттихскаго епископа послѣдовало за возстановленіемъ австрійскаго правительства въ Нидерландахъ. Поддерживаемый войсками императора, люттихскій епископъ совершилъ полнѣйшую контръ-революцію. Мѣстные патріоты бѣжали во Францію и попытались тамъ организоваться. Во главѣ ихъ стоялъ темный, неизвѣстный авантюристъ, котораго странныя превратности судьбы должны были вскорѣ поставить на постъ, нѣкогда занимаемый Ришелье, Мазареномъ, Ліонномъ Торси, Шуазелемъ, Верженномъ, и сдѣлать руководителемъ французской политики во время одного изъ величайшихъ кризисовъ французской исторіи [7]. То былъ Лебрёнъ-Тондю. Онъ родился въ Нойонѣ въ 1763 г., былъ французомъ по происхожденію, но космополитомъ по своимъ склонностямъ, по воспитанію и карьерѣ, если можно дать такое имя причудливымъ превратностямъ, которыя вернули его на родину въ качествѣ люттихскаго рефюжье. Онъ поступилъ въ коллежъ Людовика Великаго стипендіатомъ Нойонскаго капитула, затѣмъ пробылъ нѣкоторое время въ семинаріи и готовился вступить въ духовное званіе, но такъ какъ выказалъ болѣе склонности къ математикѣ, чѣмъ къ богословію, то семинарское начальство помѣстило его пансіонеромъ короля въ обсерваторію. Онъ оставался тамъ недолго. Отказавшись отъ духовнаго званія, онъ отдался наукѣ; науку оставилъ для войны, а войну—ради путешествій: поступивъ на военную службу онъ дезертировалъ. Случай привелъ его въ Люттихъ. Мы видимъ его здѣсь домашнимъ учителемъ у одного изъ городскихъ старшинъ, а затѣмъ—приказчикомъ у содержателя типографіи, одновременно бывшаго и издателемъ газеты. Онъ основалъ *Journal général de l'Europe*, пользовав-

---

[6]) Меттернихъ писалъ Кауницу изъ Брюсселя 17 сентября 1791 г.: «Французскіе демократы поощряютъ въ Бельгіи и аристократовъ и демократовъ, несмотря на различіе въ воззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ.... Броженіе, поддерживаемое ими среди старыхъ бельгійскихъ мятежниковъ, можетъ быть имъ полезно современемъ; они надѣются, что оно приведетъ къ нѣкоторымъ движеніямъ». Borgnet, t. I, p. 249. — Affaires étrangères: *Correspondance de Bruxelles*,—Wolf, *Marie-Christine*, ch. IX.—Feuillet, *les lettres de Marie-Christine à Léopold en automne* 1791.

[7]) Masson, *Affaires étrangères*, p. 161.—Ernouf, *Maret duc de Bassano*, Paris, 1878. p. 41.—Borgnet, ch. IX et X.

шійся большимъ успѣхомъ въ Нидерландахъ и на Рейнѣ. Въ новомъ званіи своемъ онъ изучаетъ урывками публичное право, исторію, урывками же почерпаетъ изъ чтенія и случайныхъ бесѣдъ нестройное понятіе о вещахъ и людяхъ европейской политической жизни. Ему удалось накопить цѣлый ворохъ безпорядочныхъ знаній. Природный здравый смыслъ и счастливая узость ума помогли ему разобраться въ этомъ безпорядочномъ ворохѣ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ то могло бы удасться болѣе даровитому, болѣе одаренному воображеніемъ, человѣку. Лебрёнъ былъ посредственностью, но не лишенъ былъ экзальтаціи. Посредственность однако же брала верхъ надъ экзальтаціей, и если это не спасло его отъ эшафота, зато спасало отъ трагическихъ сумасбродствъ. Онъ былъ общителенъ, горячъ и откровененъ; ему удалось завязать дружескія сношенія со многими людьми, изъ которыхъ впослѣдствіи онъ извлекъ пользу и на которыхъ основывалась вся его дипломатія.

По возвращеніи въ Парижъ, онъ познакомился съ Дюмурье, который съ перваго же раза произвелъ на него чарующее впечатлѣніе и сохранялъ надъ нимъ постоянное вліяніе. Такимъ образомъ онъ попалъ въ общество революціонныхъ агитаторовъ.

Бриссо стоялъ въ этой средѣ на первомъ планѣ и задавалъ тонъ. Вокругъ него группировались Маре, только что въ ступившій въ это время на поприще журналистики, Геро-де-Сешель, выбитый изъ колеи парламентаристъ, стремившійся вернуть себѣ при новомъ положеніи вещей то положеніе, которое утратилъ при старомъ порядкѣ. У него было большое состояніе, привычка къ свѣтской жизни и умѣніе держать себя въ обществѣ; здѣсь же вращался наконецъ Дантонъ, царившій среди хаоса демагогіи и по временамъ обращавшій на Европу свое грозное любопытство [8]). Здѣсь же встрѣчаемъ мы секретаря якобинскаго клуба, отчасти кліента и приспѣшника Мирабо, назначеннаго нѣкогда вслѣдствіе покровительства великаго оратора посланникомъ въ Люттихѣ; [9]) это былъ отставной лейтенантъ, по имени Боннъ-Кареръ, котораго Верженнъ посылалъ съ различными порученіями въ Англію, Индію и Африку. Посѣщая всевозможные клубы и не принадлежа собственно ни къ одному, онъ исполнялъ во Франціи, по желанію люттихскихъ эмигрантовъ, ту миссію, которую не позволялъ ему выполнить при своемъ дворѣ люттихскій епископъ.

---

[8]) Robinet, *Danton émigré,* Paris 1887, p. 5: *Danton en Angleterre.*

[9]) Masson, p. 156.—Ernouf, p. 41.—«Г. де-Боннъ-Карреръ, джентлеменъ, о которомъ вашей свѣтлости, безъ сомнѣнія, уже пришлось слышать, такъ какъ онъ неоднократно бывалъ въ Англіи, человѣкъ не лишенный умѣнья вести дѣла и опытный въ интригахъ, отправляется въ Люттихъ». Отчетъ лорда Гауэра 1 апрѣля 1791 г.

Между тѣмъ какъ во Франціи и на ея границахъ скоплялось столько горючаго матеріала, избиратели приступали къ назначенію депутатовъ въ законодательное Собраніе и конституція провозглашена была по всему королевству среди выраженія обычнаго восторга, съ которымъ населеніе привѣтствуетъ всякое нововведеніе. То было время восторговъ и изліяній и можно сказать, что цѣлая Франція радостно приносила жертвы невѣдомому Богу! Быть можетъ, утомленные двумя годами революціи, умы старались ободрить себя надеждой, и въ этомъ всенародномъ выраженіи довѣрія было болѣе старанія вѣрить, чѣмъ истиннаго энтузіазма [10]). «Устраивали празднества, какъ будто чувствовали себя счастливыми»,— говоритъ одинъ современникъ [11]); «праздновали, желая убѣдить себя, что революція завершена и свобода установлена. Тѣмъ не менѣе каждый старался почерпнуть въ увѣренности сосѣда чувство безопасности, не ощущаемое имъ самимъ». 30-го сентября Людовикъ XVI отправился въ Собраніе: онъ подтвердилъ уже сдѣланное имъ заявленіе относительно преданности своей народу и рѣшимости заставить уважать права государства. Депутаты привѣтствовали его слова неоднократно повторенными криками: «да здравствуетъ король!» «Государь,—сказалъ ему предсѣдатель Собранія Туре; «ваше величество положили конецъ революціи своимъ лойяльнымъ и искреннимъ признаніемъ конституціи». Онъ прибавилъ, что Собраніе закончило свои труды и депутаты разошлись. Они декретировали миръ внутри и извнѣ; но противорѣчіе господствовало въ воззрѣніяхъ, вражда тлѣла въ душахъ, и извнѣ, какъ и внутри страны, сила вещей неизбѣжно вела къ конфликтамъ. Та же конституція, роялисткая и миролюбивая по своимъ статьямъ, должна была, въ силу естественнаго сочетанія своихъ элементовъ, привести французскій народъ къ республикѣ и войнѣ. Мы видимъ это съ полною ясностью уже во время первыхъ засѣданій законодательнаго Собранія.

---

[10]) *Journal d'une bourgeoise,* publié par Ed. Lockroy, Paris, 1880: 2 авг. 1791. «Изъ всего слышаннаго мною въ частныхъ бесѣдахъ слѣдуетъ, что общественное мнѣніе исполнено довѣрія; думаютъ, что мы близки къ цѣли. Что касается коалиціи державъ то: paturiunt montes, nascetur ridiculus mus». 11 августа «Внѣшнихъ враговъ опасаются мало, надъ внутренними смѣются». 15 августа: «Я совсѣмъ не считаю опасными всѣ эти иностранныя державы, которыми насъ пугаютъ. Разногласіе замѣчается у нихъ во всемъ и пока онѣ совѣщаются по главному вопросу, то есть нападенію, наступитъ зима, которая и защититъ насъ».

[11]) Madame de Staël, *Considérations,* 2 partie, ch. XXIII.

ГЛАВА III.

Партіи и война.

1791.

I.

Законодательное Собраніе открылось 1-го октября. Оно насчитывало 745 депутатовъ. «Никогда не видано было болѣе молодого собранія. Оно явилось подобно однородному отряду людей, которые всѣ были почти одного возраста, принадлежали къ одному классу общества, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ и носили одинаковое платье. За исключеніемъ Бриссо, Кондорсе и нѣкоторыхъ другихъ, все это были люди неизвѣстные» [1]). Можно прибавить, что и посредственные и не обладавшіе никакою опытностью. Правая, то есть тѣ, кого отнынѣ будутъ называть конституціонистами, насчитывала не болѣе ста представителей. Вмѣстѣ съ весьма мало надежными союзниками своими въ центрѣ, эта партія могла собрать 160 голосовъ. Около 250 депутатовъ безъ опредѣленной окраски, составляющихъ обыкновенное большинство всякихъ собраній и рѣшающихъ судьбы государства становясь на ту или другую сторону, обязано было своимъ избраніемъ, въ большинствѣ случаевъ, вліянію якобинцевъ; это большинство связано съ якобинскимъ обществомъ не только своимъ избраніемъ, но и въ особенности своимъ настроеніемъ и своими предубѣжденіями. Оно относится съ ненавистью къ аристократіи, двору и духовенству; оно подозрѣваетъ вездѣ коалиціи и заговоры, имѣющіе цѣлью контръ-революцію; оно увѣрено въ томъ, что для огражденія революціи необходимо ускорить ея ходъ.

Якобинцевъ-депутатовъ было въ Собраніи около 330; они сидѣли по лѣвую сторону: большинство изъ нихъ вышло изъ судебныхъ учрежденій мелкихъ провинціальныхъ городовъ, откуда имъ удалось перейти въ департаментскую администрацію. Эти провинціальные законники не оказывали никакого вліянія на Собраніе. Все вліяніе перешло къ кругу лю-

---

[1]) Michelet, *Histoire de la Révolution.* — «Повидимому, на сценѣ одни актеры на вторыя роли»... «Три четверти депутатовъ—ничтожности; остальные замѣчательны только по своей революціонности». La Marck à Mercy, 16 septembre et 15 octobre, t. III, p. 233, 252.

дей, остававшемуся почти незамѣтнымъ въ Конституціонномъ собраніи и который отнынѣ завладѣваетъ трибуной: это риторы и писатели. Литературный міръ вторгается въ сферу государственныхъ дѣлъ. Это начало царства кружковаго самолюбія, самаго ожесточеннаго и непреодолимаго изъ всѣхъ самолюбій на свѣтѣ; оно-то въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ раздирать Францію, извращать революцію и примѣшивать мелочное соперничество къ благороднѣйшей борьбѣ, когда-либо выпадавшей на долю человѣчества. Общая ненависть къ врагу связываетъ этихъ людей до той поры, пока дѣло идетъ о нападеніи; честолюбіе тотчасъ же разъединяетъ ихъ, когда крѣпость сдается на капитуляцію и приходится дѣлить власть. Личное соперничество, отнынѣ займетъ мѣсто принципіальныхъ преній, ознаменовавшихъ начало революціи.

На крайней лѣвой, наиболѣе экзальтированные изъ якобинцевъ образовали передовой отрядъ республиканской партіи: здѣсь видимъ мы Мерлена-де-Тіонвиля, Шабо, Лекоантра, Базира, Тюріо, Кутона, Камбона и Геро-де-Сешеля. Эта группа имѣетъ болѣе вліянія внѣ Собранія, чѣмъ въ немъ самомъ. Она ведетъ Францію посредствомъ клубовъ и увлекаетъ по своему пути революцію. Робеспьеръ, отсутствующій въ настоящемъ Собраніи, такъ какъ былъ членомъ Конституціоннаго, уже пріобрѣлъ въ якобинскомъ клубѣ преобладающіе вліяніе и стоялъ во главѣ этого общества. Въ то время, какъ онъ уже заявляетъ свои властолюбивыя и инквизиторскія поползновенія, Дантонъ становится будущимъ трибуномъ республики. Онъ-то обезпечиваетъ якобинцамъ, въ критическія минуты, рѣшающую поддержку народныхъ массъ.

Группа, господствующая на лѣвой Собранія, получитъ впослѣдствіи наименованіе Жиронды, въ отличіе отъ болѣе радикальной фракціи республиканской партіи, которая одна сохранитъ названіе якобинской. Въ средѣ жирондистовъ считается главою не наиболѣе блестящій, краснорѣчивый и выдающійся по своимъ нравственнымъ качествамъ, а наиболѣе безпокойный, стоящій всегда на виду, шумящій на сценѣ и отличающійся наибольшею подвижностью за кулисами. По его имени всю фракцію обозначали именемъ бриссотинцевъ (Brissotins).

Бриссо былъ человѣкомъ довольно образованнымъ, не лишеннымъ дарованій, ловкости, горячности и своего рода слезливой гуманности, которая страннымъ образомъ уживалась въ немъ съ самою ядовитою враждою къ нѣкоторымъ людямъ. Вынужденный убѣжать изъ Франціи, вслѣдствіе какого-то литературнаго прегрѣшенія, которое завело его въ Бастилію, онъ провелъ лучшіе годы своей молодости въ Лондонѣ среди достаточно безнравственнаго общества политическихъ и литературныхъ продажныхъ пасквилянтовъ, добровольныхъ изгнанниковъ или высланныхъ изъ отече-

ства людей всевозможныхъ національностей. Бриссо жестоко разоблачилъ ихъ впослѣдствіи [2]); тѣмъ не менѣе онъ жилъ среди нихъ и ихъ профессіей и навсегда сохранилъ пріобрѣтенныя въ этой грязной средѣ привычки. Принимая участіе въ проискахъ всесвѣтныхъ заговорщиковъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ продажными поставщиками свѣдѣній, съ тайными маклерами и апологетами, состоявшими на жалованьѣ у всѣхъ европейскихъ канцлерствъ, онъ ознакомился съ закулисною жизнью Европы. Онъ привыкъ почерпать свѣдѣнія изъ показаній эмигрантовъ, болѣе ошибочныхъ порою, чѣмъ даже свѣдѣнія полиціи; онъ привыкъ къ двусмысленнымъ способамъ дѣйствія и къ связямъ съ темными личностями. Въ тѣ времена, когда и высшее общество отличалось развращенностью и цинизмомъ, онъ вращался среди его подонковъ и усвоилъ себѣ тонъ ихъ рѣчей. Онъ пріобрѣлъ привычку къ поспѣшнымъ сужденіямъ, къ построенію системъ на обрывкахъ идей, къ сочиненіямъ, составленнымъ на скорую руку и при помощи отрывочныхъ историческихъ знаній. Непрестаннымъ упражненіемъ онъ развилъ свои необыкновенныя импровизаторскія способности; но вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ, вслѣдствіе беззастѣнчивой, потому что не налагала никакой отвѣтственности, полемики чутье правды, чувство мѣры, точность въ оцѣнкѣ значенія словъ, правильность сужденія и чуткость въ нравственныхъ вопросахъ. Когда Бриссо вернулся во Францію и основалъ 1789 г. свою газету: «Patriote français», ему было тридцать семь лѣтъ; онъ объѣздилъ Англію, Швейцарію и Америку. О европейскихъ дѣлахъ судилъ онъ съ крайнею самонадѣянностью. Это былъ своего рода экзальтированный Фигаро, жаждавшій движенія, болѣе чѣмъ самой власти, достаточно легкомысленный, чтобы позволить себѣ все сказать, достаточно искренній, чтобы всему повѣрить; достаточно фанатичный, чтобы на все рѣшиться, всегда готовый оказать услугу друзьямъ, мстительный съ противниками, упорно добивавшійся цѣли, безкорыстный лично, а потому считавшій гражданскими доблестями всѣ, даже мелочныя, страсти свои. «У него рвеніе монаха», говорилъ о Бриссо близко-знавшій его человѣкъ. *Бриссотировать*—на языкѣ того времени значило интриговать. Онъ былъ вожакомъ своей партіи, распредѣлялъ роли, держалъ всѣ нити, проповѣдывалъ революцію въ публичномъ правѣ на столбцахъ своей газеты, въ клубахъ, съ каѳедры, пропагандировалъ ученіе Фавье съ безпорядочностью и многословіемъ писателя-авантюриста и соединялъ съ нравами тайнаго агента стараго порядка заразительную восторженность сектанта-философа.

Бриссо будетъ самымъ дѣятельнымъ зачинщикомъ войны, готовой за-

---

[2]) См. *Mémoires de Brissot*, ch. XLI «L'infâm e Morande».

горѣться между старыми монархіями и французской революціей. Его товарищи, даже наиболѣе блестящіе, стоятъ на второмъ планѣ въ этихъ великихъ европейскихъ распряхъ, довольствуясь ролью корифеевъ, какъ Верньо и Иснаръ, или должностью дидактическаго редактора манифестовъ, какъ Кондорсе. Сіїесъ охотно принималъ участіе въ ихъ совѣщаніяхъ, нерѣдко руководя ихъ своими совѣтами и почти всегда вдохновляя ихъ. Человѣкъ тонкаго и остраго ума, непрактичный законодатель, неискусный политикъ, доктринеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ маккіавелистъ, дезертеръ изъ среды духовенства, кочевникъ въ свѣтѣ, этотъ выбитый изъ колеи богословъ, сказавшій первое слово революціи и имѣвшій сказать ея послѣднее слово, воображалъ, что владѣетъ тайной того вѣка. Онъ ждалъ часа открыть эту тайну своимъ современникамъ и торжественно хранилъ въ мозгу ту форму, въ которую должна отлиться новая Франція. По временамъ взглядъ его былъ вѣренъ, но онъ всегда видѣлъ слишкомъ издалека и не принимая въ соображеніе препятствій. Политическая дальнозоркость заставляла его предсказывать событія, которыя спутывали всѣ соображенія, выдвигать людей, которые разрушали его собственныя намѣренія, наконецъ пріискивать дѣйствительныя средства и популярныя формулы только для чужихъ идей. Онъ дѣйствовалъ подобно алхимикамъ, которые искали абсолюта и подготовили появленіе положительнаго знанія, а съ нимъ—и безвозвратное крушеніе собственныхъ притязаній. Ненависть ко двору сближала его въ то время со сторонниками Бриссо: убѣжденный въ томъ, что революція укрѣпится лишь путемъ перемѣны династіи, онъ поддерживалъ и воодушевлялъ людей, которыхъ считалъ наиболѣе пригодными для ускоренія такого переворота [3]). Въ этомъ заключается секретъ ихъ тѣсной связи, но *бриссотинцы* не замедлили разрушить его комбинаціи своею горячностью и опрометчивостью.

Появленіе ихъ на сценѣ было тріумфомъ. Сцена въ настоящемъ случаѣ—не метафора, и если мы говоримъ здѣсь о театрѣ и драмѣ, то именно потому, что несмотря на свою искренность жирондисты представляются намъ несравненно менѣе агентами великаго историческаго кризиса, чѣмъ героями трагедіи, въ которой они движутся подъ руководствомъ невидимаго вліянія, заранѣе распредѣлявшаго имъ роли. Но эти роли они исполняютъ съ глубокой вѣрой и отдаются имъ вполнѣ. Народъ громко привѣтствуетъ ихъ. Они олицетворяютъ всѣ его стремленія, чувства, всѣ противорѣчивыя увлеченія. Отсюда изумительный успѣхъ ихъ первыхъ дебютовъ, быстрота внезапной немилости и глубина пораженія. Тотъ самый народъ, который, привѣтствуя ихъ, рукоплескалъ своимъ собствен-

---

[3]) Mallet du Pan, t. I, p. 260, 430.—La Marck, t. III, p. 260.

нымъ надеждамъ, не проститъ имъ безсилія осуществить эти упованія. Онъ почтетъ себя обманутымъ, вѣроломно-преданнымъ, и жирондисты падутъ жертвами ими самими вызванныхъ иллюзій. Невозможно изучать ихъ судьбу, не проникаясь къ нимъ участіемъ, нельзя порицатъ ихъ, не испытывая въ то же время искренняго сожалѣнія; ихъ отмѣчало горячее увлеченіе молодости, обаяніе пламеннаго краснорѣчія, великодушіе порыва; но исторія судитъ людей по ихъ дѣламъ, а поступки этой партіи представляютъ лишь рядъ непослѣдовательностей и несомнѣнное отсутствіе твердости. Если бы жирондисты довольствовались репутаціей философовъ или славой даровитыхъ ораторовъ, они оставили бы по себѣ память горячихъ друзей человѣчества; но они захотѣли управлять людьми, а для этого недостаточно обладать энтузіазмомъ и великодушіемъ. Для этого требуется именно то, чѣмъ всего менѣе отличались жирондисты: твердость намѣреній, строгая послѣдовательность и то качество, которое въ государственныхъ дѣлахъ господствуетъ надъ самимъ геніемъ—характеръ.

Одною изъ первыхъ заботъ новаго большинства было обезпеченіе за собою власти. Комитеты, которые образовывались со дня на день въ Конституціонномъ собраніи и дѣятельность которыхъ продлилась на неопредѣленное время, дѣлаются въ Законодательномъ собраніи основными учрежденіями. Всѣхъ комитетовъ было двадцать три, и они распредѣлили между собою все управленіе государственными дѣлами. Фактически—это непосредственное, облеченное верховною властью, правительство и болѣе и болѣе отчетливо очерчивающійся абрисъ Конвента. Собраніе сводитъ, такимъ образомъ, къ нулю и министровъ и самую королевскую власть. Оно придаетъ особое значеніе руководительству тѣми дѣлами, которыя составляютъ прерогативу монарха, то есть дѣламъ внѣшней политики. Дипломатическій комитетъ Собранія дѣлается его главнымъ очагомъ. Онъ состоитъ изъ двѣнадцати членовъ и подлежитъ возобновленію чрезъ каждые три мѣсяца. Пятьдесятъ пять депутатовъ записались кандидатами для избранія въ этомъ комитетѣ. Онъ конституировался 16 октября: за исключеніемъ публициста Коха и Бриссо, считающагося компетентнымъ лицомъ по европейской политикѣ, всѣ остальные члены—люди мало извѣстные. Изъ нихъ только три имени остались въ исторіи: Жансонне, Лемонте и Жокуръ. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что вопросы, всего сильнѣе волновавшіе Собраніе, повели и къ дипломатическимъ столкновеніямъ. Первый конфликтъ возникъ по поводу эмигрантовъ.

II.

Двѣ, наиболѣе враждебныя между собою, партіи революціи, якобинцы и эмигранты, ненавидѣвшіе, исключавшіе другъ друга и замышлявшіе взаимное уничтоженіе, не переставали въ дѣйствительности поощрять другъ друга своимъ способомъ дѣйствій и, такъ сказать, работали одни для другихъ. Франція раздѣляла ненависть якобинцевъ къ феодальному порядку и иностранному господству. Якобинцы эксплуатировали въ пользу своего режима эту наивную страстную ненависть. Они предполагали уничтожить дворянъ и произвести экспропріацію ихъ земель, лишивъ ихъ всякихъ преимуществъ. Они клонили къ болѣе и болѣе суровымъ мѣрамъ по отношенію къ дворянамъ, оставшимся во Франціи, принуждали ихъ къ оставленію родины и укрѣпляли эмигрантовъ въ убѣжденіи о невозможности какихъ бы то ни было сдѣлокъ между обществомъ стараго порядка и революціей. Такимъ путемъ они обрекали на отчаянное сопротивленіе цѣлый классъ французовъ и постоянно доставляли новыхъ членовъ партіи, бывшей весьма мало опасной вначалѣ, какъ потому, что она сама осудила себя на изгнаніе, такъ и потому, что вызвала непримиримую ненависть со стороны громаднаго большинства французскаго народа. «Кобленцскіе безумцы не имѣютъ болѣе вѣрныхъ пособниковъ», говорилъ Андре Шенье о якобинцахъ [1]). Съ своей стороны, кобленцскіе безумцы постоянно доставляли парижскимъ крайнимъ поводы къ новымъ обличеніямъ, за которыми слѣдовали и новыя насилія.

Отложенныя на февраль и прерванныя на полумѣрѣ, касавшейся паспортовъ и запрещенія отлучекъ изъ отечества должностнымъ лицамъ, пренія объ эмиграціи возобновились въ іюлѣ, подъ впечатлѣніемъ бѣгства короля и провозглашенія регенства его брата. Послѣ нѣсколькихъ горячихъ стычекъ, во время которыхъ съ обѣихъ сторонъ ссылались на Лудовика XIV, — одни для того, чтобы порицать его эдикты, а другіе, чтобы на нихъ опираться, Собраніе издало 1-го августа декретъ, въ силу котораго эмигранты должны были вернуться въ отечество въ мѣсячный срокъ, а въ случаѣ неповиновенія такому приказу—уплатить тройную пошлину. Декретъ этотъ былъ упраздненъ 15-го сентября общею амнистіей, послѣдовавшей за провозглашеніемъ конституціи. Но снисхожденіе, какъ и репрессія, имѣли одинаковыя послѣдствія. 14-го октября король издалъ прокламацію, приглашавшую эмигрантовъ къ подчиненію. Этимъ способомъ онъ надѣялся избѣжать преній по вопросу объ эмиграціи на трибунѣ Собранія. Предосторожность оказалась напрасной; пренія начались 20-го октября и съ того дня вопросъ этотъ не сходилъ съ очереднаго по-

[1]) *De la cause des désordres*, 26 février 1792. Oeuvres en prose, p. 130

рядка. Болѣе единодушные въ своемъ направленіи и менѣе стѣснявшіеся въ принципіальныхъ вопросахъ, чѣмъ ихъ предшественники, новые депутаты не расточали обильныхъ доводовъ. Государственная польза казалась имъ мотивомъ вполнѣ достаточнымъ, и Лудовикъ XIV съ его эдиктами служилъ основнымъ и главнымъ аргументомъ этихъ преній [2]). 31-го октября Собраніе пригласило регента, брата короля, вернуться во Францію ранѣе двухмѣсячнаго срока, подъ страхомъ отрѣшенія отъ званія регента. 9-го ноября оно объявило всѣхъ собиравшихся за границей французовъ подозрѣваемыми въ заговорѣ противъ королевства французскаго; оно декретировало, что они подвергнутся смертной казни, а имущества ихъ будутъ конфискованы, если владѣльцы не возвратятся во Францію ранѣе 1-го января 1792 года [3]). Доводя до крайняго предѣла примѣненіе къ аристо-

---

[2]) Сравнить рѣчи 1791 съ предисловіемъ къ эдикту 1669 года. «Я не говорю уже о нравственномъ долгѣ, о тѣхъ чувствахъ, которыя хранятъ благородныя и признательныя сердца по отношенію къ родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она оказала имъ несправедливость.... Но я нахожу, что каждый гражданинъ обязанъ спѣшить къ ней на помощь по первому ея призыву; абсолютная свобода свойственна однимъ дикарямъ; гражданинъ и отечество связаны взаимными узами обязательствъ, заботъ, опасностей и любви». Кондорсе, 25 октября 1791 г. Въ іюлѣ, 9-го числа, Барреръ сказалъ: «Тотъ, кто покидаетъ городъ въ минуту опасности, теряетъ свои права». 7-го іюля, докладчикъ Верньe, опредѣляя «преступное отсутствіе», сказалъ, что такимъ слѣдуетъ считать «отсутствіе во времена бурныя и смутныя», и прибавилъ, говоря о тѣхъ, кто перенесъ свое оружіе или дѣла за границу: «Подобное излишество свободы можетъ быть допущено только въ естественномъ состояніи, оно прямо противорѣчитъ общественному договору». — А вотъ текстъ 1669 года: «Хотя узы рожденія, привязывающія подданныхъ къ государямъ и отечеству, принадлежатъ къ числу наиболѣе тѣсныхъ и неразрывныхъ узъ въ гражданскомъ обществѣ; хотя долгъ службы имъ со стороны всѣхъ и каждаго глубоко начертанъ въ сердцахъ даже наименѣе цивилизованныхъ народовъ и признается всѣми первѣйшимъ и необходимѣйшимъ долгомъ человѣка: тѣмъ не менѣе мы были извѣщены, что за послѣднее тревожное время нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ, забывая о томъ, къ чему обязываетъ ихъ происхожденіе, перешли въ чужеземные предѣлы.... и служатъ чужимъ государствамъ, въ противность тому, чѣмъ обязаны намъ и своему отечеству. Сіе заставляетъ насъ.... возобновить прежніе по сему предмету указы....»

[3]) *Edit d'octobre 1685 portant révocation de celui de Nantes, art. X.* (Эдиктъ октября 1685 г., въ силу котораго отмѣняется Нантскій эдиктъ). «Протестантамъ дается четырехмѣсячный срокъ для возвращенія въ королевство; въ случаѣ такого возвращенія, они получатъ право пользованія своими имуществами, въ противномъ же случаѣ эти имущества останутся конфискованными». *Déclaration du Roi du 1 juillet 1686, art. V.* Всѣ протестанты, которые стали-бы собираться для отправленія своего богослуженія, наказуемы смертью.

кратамъ закона, изданнаго нѣкогда противъ еретиковъ, Кондорсе предложилъ предоставить имъ право принесенія гражданской присяги и возвращеніе гражданскихъ правъ тѣмъ, которые согласились-бы присягнуть [4]). Собраніе отказалось дойти до этой степени конституціоннаго правовѣрія по отношенію къ мірянамъ, но не задумалось превзойти ее относительно лицъ духовнаго званія. Такимъ путемъ оно съ крайнею неосмотрительностью доставило эмиграціи то, въ чемъ она болѣе всего нуждалась,— союзниковъ въ средѣ самаго французскаго народа.

Эмигрировавшіе дворяне составляли мятежную партію, имѣвшую притязаніе навязать свою волю Франціи, съ оружіемъ въ рукахъ: было вполнѣ законнымъ и необходимымъ заставить ихъ уважать законы, правильно установленные народнымъ представительствомъ. Свободныя государства, такъ же какъ и государства деспотическія, не могутъ допускать ни государства въ государствѣ, ни государства, враждебнаго законно-существующему; но въ какомъ-бы то ни было свободномъ государствѣ гражданинъ долженъ пользоваться свободою мнѣній и совѣсти. Собраніе погрѣшило противъ самаго духа революціи, смѣшивая поведеніе не желавшаго присягать конституціи духовенства съ образомъ дѣйствій вооруженной эмиграціи. Оно не ограничилось требованіемъ отъ духовенства подчиненія гражданскимъ и политическимъ законамъ; оно изъявило притязаніе на повиновеніе совѣсти въ дѣлахъ вѣры и по отношенію къ истинно-государственной религіи. Присяга, которой требовали отъ священниковъ, налагала обязанность присоединенія къ новому устройству духовенства, торжественно отвергнутому церковью и признаннаго ею схизмой и ересью. 29-го ноября новый декретъ объявлялъ, что каждый, не присягнувшій священникъ, не только лишается права на пенсію и становится внѣ закона конституціонной церкви, но и лишается общихъ гражданскихъ правъ: онъ становится подозрѣваемымъ въ мятежѣ, подвергается надзору властей и можетъ быть удаляемъ изъ своего мѣстожительства по приказу департаментскаго начальства. Именно такова была система стараго порядка, примѣнявшаяся къ диссидентамъ. Лудовикъ XIV придерживался ея по отношенію къ реформатамъ; но не для того же совершала Франція свою революцію, чтобы воскресить нетерпимость и возобновить старый государственный произволъ. Новый декретъ предоставлялъ католическому духовенству выборъ между отступничествомъ, лицемѣріемъ и мятежомъ. Съ точки зрѣнія права, декретъ былъ несправедливостью; практически говоря, онъ былъ безтактенъ.

---

[4]) *Déclaration du 1 juillet 1686, art. VI.* «Повелѣть соизволяемъ... что всѣ, кто возвратятся въ королевство наше ранѣе указаннаго дня, 1-го марта (1687 г.) и отрекутся отъ своей фальшивой вѣры, вступятъ снова во владѣніе своимъ имуществомъ»...

Онъ возстановлялъ и вызывалъ на борьбу противъ революціи все низшее духовенство, то есть именно то, которое сочувственно отозвалось на принципы французской революціи при ея началѣ; далѣе, декретъ возстановлялъ противъ новаго порядка массу вѣрующихъ изъ буржуазіи, ремесленниковъ, крестьянъ, во имя интересовъ которыхъ и совершена была революція. Весь этотъ людъ горячо стоялъ за новый порядокъ вещей, но не допускалъ, чтобы, освободивъ лично и имущественно, посягнули на его вѣрованія. Собраніе связывало и дѣлало солидарнымъ то, что оно, во чтобы то ни стало, должно-бы было разъединить, а именно: дѣло эмигрировавшаго дворянства и дѣло католической вѣры. Единственная серьезная междуусобица, которую пришлось выдержать революціи, была гражданская война въ западной Франціи, и эта война была вызвана ноябрьскимъ декретомъ 1791 года. Это событіе доказало всю ошибочность этого акта Законодательнаго собранія и крайнимъ ожесточеніемъ борьбы, и самой легкостью, съ которою произведено было усмиреніе. Цѣлая Франція встала какъ одинъ человѣкъ, чтобы дать отпоръ эмигрантамъ. Республика истощила свои лучшія войска въ войнѣ съ вандейскими инсургентами. Но эти крестьяне, шайки которыхъ казались одно время опаснѣе наилучше-организованныхъ армій, покорились немедленно послѣ того, какъ имъ возвратили ихъ священниковъ. Они показали этимъ, что хотя бунтовали одновременно съ эмиграціей, но боролись не во имя одного съ нею дѣла, и что если существовалъ непреодолимый антагонизмъ между вооруженной эмиграціей и революціонной Франціей, то его не было между новой Франціей и вандейскими крестьянами-католиками.

Столкновенія, повлекшія за собою серьезныя внутреннія затрудненія, обострили и коллизіи между Франціей и Европой. Озабоченное происками эмигрантовъ, Собраніе не могло терпѣть и допускать безнаказанность ихъ вооруженій у дверей Франціи. По этому поводу Бриссо произнесъ 20 октября свою первую большую дипломатическую рѣчь. Въ ней уже обрисовываются всѣ черты, которыми будетъ отличаться его воинственная полемика. Это тонъ силы и дерзкаго вызова. Не требуется переговоровъ, еще менѣе слѣдуетъ заботиться о пощадѣ: угроза, по мнѣнію оратора, есть единственный языкъ, доступный пониманію властителей.

«Англичане,—сказалъ онъ,—не тѣшили себя мелкими постановленіями противъ эмиграцій: они приказали иностраннымъ государямъ выгнать англійскихъ принцевъ изъ своихъ предѣловъ, и самъ надменный Людовикъ XIV принужденъ былъ выслать своего близкаго родственника». Бриссо,—и это будетъ однимъ изъ любимыхъ пріемовъ его краснорѣчія,—нарисовалъ картину Европы крупными, размашистыми мазками. Изображеніе это переполнено рѣзкими контрастами; ни рисунка, ни правильныхъ

линій, ни перспективы, но краски ярки, эпизоды выбраны замѣчательно удачно. Есть мелкія государства, которыя позволяютъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла Франціи и фрондировать противъ нея; Бриссо говоритъ о нихъ тономъ великаго короля, отзывающагося о генуэзскомъ дожѣ: «Венеціанское правительство, которое есть не что иное какъ пустая комедія!» Генуя «этотъ атомъ республики!» Германскіе князьки, «дерзость которыхъ навлекла бы въ прошломъ вѣкѣ всѣ громы деспотизма Людовика XIV». Ихъ роль—трепетъ. Что касается враждебности крупныхъ державъ, то Бриссо выводитъ изъ нея такое заключеніе: необходимо твердо и рѣшительно заставить Европу или «прогнать французскихъ бунтовщиковъ, или оказывать имъ покровительство явно и открыто». Такой тонъ долженъ быть поддержанъ всѣми силами государства. Если отвѣты не будутъ удовлетворительны, колебанія неумѣстны: «Вы должны сами напасть на державы, которыя осмѣлятся грозить вамъ». Однимъ словомъ, онъ призываетъ къ войнѣ. Какъ ни склонно къ увлеченіямъ Собраніе, такой исходъ можетъ устрашить и его; но Бриссо зоветъ на борьбу лишь для того, чтобы тотчасъ же успокоить относительно легкости успѣха. Это также его любимый ораторскій пріемъ. Эта Европа, которая еще сейчасъ замышляла противъ Франціи грозный союзъ, не что иное какъ призракъ. «Отъ меня далека мысль о внушеніи вамъ страха!...» Если лондонское правительство ненавидитъ насъ, то «англійскій народъ любитъ нашу революцію... Я долженъ успокоить васъ по поводу отношенія къ намъ австрійскаго двора: глава его любитъ миръ, желаетъ мира, нуждается въ мирѣ». О Россіи Бриссо не заботится,—она слишкомъ далеко, слишкомъ поглощена другими интересами для того, чтобы вредить намъ [5]). Къ прусскому королю онъ относится съ оттѣнкомъ презрѣнія, такъ какъ этотъ король разоряется и съ грѣхомъ пополамъ платитъ недовольнымъ солдатамъ. Слѣдовательно, «Франція должна высоко держать свою голову». Она должна «заставить забыть униженіе, до котораго довели ее безпечность или малодушіе». Подобныя рѣчи вполнѣ пригодны для того, чтобы взволновать людей и вызвать то настроеніе, при которомъ гнѣвъ смѣшивается съ самомнѣніемъ и которое тѣмъ легче приводитъ къ крайнимъ рѣшеніямъ, что они начинаютъ казаться и болѣе необходимыми, и менѣе опасными.

Монморенъ попытался вернуть Собраніе къ болѣе точному пониманію положенія вещей. Отъ него требовали отчета объ отношеніяхъ Франціи съ европейскими державами [6]); онъ представилъ его 31 октября. Это былъ дѣловой отчетъ, тяжеловатый по формѣ, правдивый въ смыслѣ фактовъ

---

[5]) «Она озабочена лишь отвлеченіемъ вниманія своихъ соперниковъ и ожиданіемъ владычества своего на Востокѣ».

[6]) 22 октября. *Moniteur*, t. X, p. 178.

и добросовѣстный въ выводахъ. Въ немъ не умалчивалось ни о холодности, съ которой встрѣчено было установленіе французской конституціи со стороны европейскихъ дворовъ, ни о намѣреніи нѣкоторыхъ изъ нихъ составить лигу, направленную противъ Франціи. Онъ приписывалъ причину такой враждебности пропагандѣ, увлеченіямъ печати и дѣйствіямъ эмиссаровъ революціонныхъ клубовъ. Отсюда вся опасность, и только она угрожаетъ Франціи. Эмигранты не должны внушать опасеній ни сами по себѣ, ни своими союзниками: у нихъ нѣтъ оружія и никто ихъ не поддерживаетъ. Докладчикъ дипломатическаго комитета Кохъ также соглашался съ тѣмъ, что эмигранты представляютъ лишь «жалкое сборище» и что въ Европѣ всѣ находятъ «почти проиграннымъ дѣло этихъ мятежниковъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ къ тому заключенію, что Франція можетъ и должна потребовать отъ нѣмецкихъ государей разсѣянія эмигрантскихъ сборищъ, какъ противныхъ международному праву [7]).

Отчетъ Монморена вызвалъ довольно горячія пренія. Собраніе выказало при этомъ случаѣ свою склонность къ той угрожающей дипломатіи, которую уже начинали называть политикой въ римскомъ вкусѣ [8]). Французскихъ агентовъ при германскихъ дворахъ стали обвинять въ недостаточной твердости. Ихъ робость приравнивалась къ измѣнѣ. Эльзасскій депутатъ Рюль, богословъ съ пошибомъ юриста, потребовалъ отозванія убыточныхъ, подозрительныхъ и безполезныхъ посланниковъ. Бриссо ссылался на Людовика XIV; Рюлю также необходимо было опереться на авторитетъ, и онъ сослался на прусскаго короля: «Фридрихъ Великій,—сказалъ онъ,—когда ему приходилось имѣть дѣло съ этими людьми, то есть съ нѣмцами, посылалъ къ нимъ офицера-вербовщика съ письмомъ, въ которомъ и излагались его требованія, которыя затѣмъ не подвергались никакому обсужденію: переговоры такого рода всегда оказывались удачными и не обходились дороже ста луидоровъ» [9]). Собраніе декретировало 29 ноября, что къ королю отправится депутація, которая выразитъ ему озабоченность Собранія по поводу грозящихъ отечеству опасностей, пригласитъ его потребовать разсѣянія эмигрантовъ, ускорить ходъ дѣла о владѣтельныхъ князьяхъ и произвести въ дипломатическомъ корпусѣ перемѣщенія, могущія обезпечить точное и быстрое выполненіе правительственныхъ распоряженій. На другой же день депутація отправилась въ Тюильрійскій дворецъ. Вобланъ прочелъ Людовику XVI рѣчь, предварительно одобренную

---

[7]) *Rapport de Koch*, 22 novembre. *Moniteur*. t. X, p. 441.

[8]) Пресловутый кругъ Попилія становится ходячей метафорой ораторскаго слога. См. рѣчи: Авергульта, 27 ноября (*Moniteur*, t. X, p. 482) и Робеспьера, 28 ноября. Louis Blanc, t. VI, p. 224.

[9]) Рѣчь 29 ноября.

Собраніемъ. Въ этой рѣчи рѣшительно приступали и къ королю, и къ Европѣ; Собраніе обращалось къ нимъ въ одинаково-недовѣряющемъ, высокомѣрномъ и повелительномъ тонѣ:

«Скажите иностраннымъ державамъ, что мы свято сохранимъ клятву отреченія отъ какого бы то ни было завоеванія [10]); что мы предлагаемъ имъ добрыя сосѣдскія отношенія, ненарушимую дружественность свободнаго и сильнаго народа; что мы будемъ уважать ихъ законы, обычаи, конституцію, но желаемъ, чтобы и онѣ, съ своей стороны, уважали нашу. Скажите имъ, что если германскіе государи будутъ продолжать благопріятствовать приготовленіямъ, направленнымъ противъ Франціи, мы понесемъ къ нимъ не огонь и мечъ, а свободу. Имъ предстоитъ расчитать, каковы могутъ быть послѣдствія пробужденія народовъ... Назначьте краткій срокъ, послѣ котораго не будетъ принятъ никакой уклончивый отвѣтъ; ваше заявленіе должно быть поддержано движеніемъ ввѣренныхъ вамъ военныхъ силъ, и пусть узнаетъ народъ, кто ему другъ и кто—врагъ. По этому рѣшительному шагу мы признаемъ въ васъ защитника конституціи».

И далѣе, увлекаемые сходствомъ событій, депутаты, съ такою яростью и ожесточеніемъ преслѣдовавшіе и уничтожавшіе старый порядокъ, ссылаются именно на самый ненавистный изъ прецедентовъ монархіи:

«Если бы французы, изгнанные изъ отечества отмѣной Нантскаго эдикта, собрались бы съ оружіемъ въ рукахъ на границѣ, если бы имъ оказали покровительство нѣмецкіе государи, мы спрашиваемъ васъ, государь, какъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ Людовикъ XIV?... То, что онъ сдѣлалъ бы ради поддержанія собственнаго авторитета, да будетъ сдѣлано вами ради спасенія государства и поддержанія конституціи».

Требованія эти были вполнѣ основательны съ точки зрѣнія права. Но дѣло въ томъ, что при старомъ порядкѣ вопросъ объ эмиграціи и правѣ убѣжища никогда не разсматривался принципіально, а рѣшался сообразно съ выгодой или принятымъ обычаемъ. По отношенію къ Франціи, иностранныя державы не стали бы рѣшать его согласно съ ея доводами, а имѣя въ виду ея тенденціи и поступки. Онѣ не стали бы спрашивать себя, права ли Франція съ точки зрѣнія своихъ принциповъ, а спросили бы, окажетъ ли она имъ справедливость и вниманіе, которыхъ требовала отъ нихъ сама. Миръ между государствами покоится на молчаливомъ соглашеніи: если Франція желаетъ, чтобы Европа уважала ея права, необходимо, чтобы и она гарантировала иностранцамъ такое же уваженіе правъ.

---

[10]) Кохъ сказалъ уже 22 ноября, по поводу требованій нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей и предлагаемаго имъ вознагражденія: «Декларація наша объ отреченіи отъ завоеваній не послужитъ ли имъ достаточнымъ вознагражденіемъ за утрату нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ?»

Собраніе скоро замѣтило, что оно не могло бы и не пожелало бы это выполнить и слишкомъ очевидно доказало, что въ этомъ дѣлѣ уже не существуетъ общей мѣрки между Франціей и ея сосѣдями.

18 декабря, Лебрёнъ-Тондю явился въ Собраніе во главѣ депутаціи люттихскихъ рефюжье: они просили разрѣшенія образовать легіонъ волонтеровъ. На слѣдующій же день правительство объявило, что бельгійскіе эмигранты собираются въ Лиллѣ и Дуэ. Эти эмигранты принадлежали къ аристократической партіи; подъ вліяніемъ брабантскихъ демократовъ, власти Сѣвернаго департамента приняли мѣры противъ организаціи бельгійскихъ аристократовъ. Министерство спросило по этому поводу мнѣніе Собранія [11]). Нѣсколько депутатовъ правой замѣтили, что нельзя требовать отъ императора мѣръ противъ французскихъ эмигрантовъ въ Германіи, если станутъ терпѣть сборища эмигрантовъ-бельгійцевъ. Геро́ предложилъ вернуться къ предварительному вопросу. «Я не вижу, почему мы должны отталкивать и гнать на родину людей, которые бѣгутъ отъ гнета», сказалъ Дюгемъ. Умѣренные добились однако декрета о распущеніи эмигрантскихъ сборищъ; но для этого пришлось мотивировать аристократическимъ характеромъ бельгійской эмиграціи и обратиться къ содѣйствію и вліянію нидерландскихъ демократовъ, бѣжавшихъ въ Парижъ [12]). Такимъ образомъ, бельгійцевъ распускали не потому, что они вооружались противъ Австріи, а потому, что они готовились къ борьбѣ противъ демократіи. Якобинцы громко выразили намѣреніе благопріятствовать тѣмъ рефюжье, которые, какъ напримѣръ батавскіе патріоты, люттихцы и вонкисты готовились поддерживать дѣло демократіи въ Люттихѣ, Голландіи и Бельгіи. Становилось очевиднымъ и несомнѣннымъ, что революціонная партія будетъ сообразовать свой образъ дѣйствій во внѣшней политикѣ исключительно съ интересами революціи, и что отпоръ угнетенію сдѣлается ея конституціоннымъ принципомъ не только внутри страны, но и извнѣ. Это было въ высшей степени послѣдовательно и логично, но и въ высшей степени несовмѣстимо съ европейскимъ спокойствіемъ; не могло быть ничего менѣе успокоительнаго для сосѣдей Франціи и менѣе располагающаго ихъ къ мировымъ сдѣлкамъ. Дипломатическое столкновеніе, завязавшееся бы при такихъ условіяхъ, должно было неминуемо привести къ войнѣ. Только война могла рѣшить споръ, предметомъ котораго было бы уже не примѣненіе, а самая сущность вопроса о правѣ убѣжища. Никто и не обманывалъ себя по этому поводу въ Парижѣ; и въ Собраніи, такъ же какъ и въ клубахъ, начались горячія и необычайныя по своему характеру пренія.

---

[11]) Засѣданія 20 и 21 декабря.

[12]) Рѣчь Рамона, 20 ноября. Bougnet, t. I, p. 255;—Ernouf, p. 44.

III.

Это была первая вспышка знаменитаго разногласія, разъединившаго обѣ фракціи революціонной партіи. Расколъ между жирондистами и собственно якобинцами произошелъ не по существу дѣла. Съ той и съ другой стороны стремились къ одной цѣли: ослабленію, а затѣмъ и уничтоженію королевской власти. Разногласіе же проявилось по поводу средствъ для достиженія общей цѣли. По мнѣнію жирондистовъ, война должна обезпечить успѣхъ революціи; по мнѣнію якобинцевъ, она испортитъ дѣло. Въ этомъ и тѣ и другіе выказали несомнѣнную дальновидность, если не по отношенію къ собственнымъ и государственнымъ интересамъ, то, по крайней мѣрѣ, относительно замысловъ ихъ общихъ противниковъ.

Жирондисты полагали, что королю стоитъ только искренно держаться конституціи и управлять хотя съ нѣкоторымъ авторитетомъ въ смыслѣ общественнаго мнѣнія, чтобы снова завладѣть расположеніемъ народа, который ускользнетъ тогда отъ ихъ вліянія. Они видѣли только одинъ способъ сгруппировать вокругъ себя умы; этимъ способомъ было возбужденіе двухъ присущихъ французамъ чувствъ: страсти къ равенству и любви къ отечеству. Эти чувства слѣдовало отождествить съ революціей и направить противъ королевской власти, причемъ война смѣшаетъ дѣло короля съ дѣломъ иностраннаго вмѣшательства, эмигрантовъ и контръ-революціи [1]). Къ этимъ чисто-политическимъ мотивамъ присоединяются ихъ личныя убѣжденія, ихъ фанатизмъ, горячность пропаганды, страсть къ славѣ, великодушіе: они станутъ во главѣ военныхъ дѣйствій, война поставитъ ихъ во главѣ Франціи, во главѣ революціи, они будутъ освободителями цѣлой Европы и благодѣтелями человѣчества. Пламеннымъ проповѣдникомъ этого крестоваго похода былъ Испаръ, организаторомъ—Бриссо. Испаръ первый принесъ на трибуну, въ засѣданіи 29 ноября, тотъ яростный прозелитизмъ, который до той поры проявлялся въ однихъ клубахъ. Онъ возбуждалъ тотъ ферментъ героизма и гордости, тотъ духъ приключеній, ту потребность въ экспансивности и великодушію, къ которому примѣшивается честолюбіе далекихъ завоеваній, смутно тлѣющее въ душѣ каждаго француза. Никогда еще «великая война» не облекалась въ болѣе ослѣпительныя краски. Ни разу еще не звучалъ призывъ и не будилъ въ людяхъ священнаго трепета великой борьбы съ такою силою и страстью:

«Французы станутъ первымъ народомъ міра: они умѣли быть неустра-

---

[1]) «За четыре мѣсяца до вступленія Дюмурье въ министерство, я высказалъ мое мнѣніе въ якобинскомъ клубѣ и доказалъ, что война есть единственное средство для разоблаченія предательства Людовика XVI». — Рѣчь Бриссо, 3 апрѣля 1793 г. *Moniteur*, t. XVI, p. 54.

шимыми и гордыми среди рабства; могутъ-ли они, сдѣлавшись свободными, выказать робость и слабость? Обращаться со всѣми народами какъ съ братьями, не оскорблять, но и не терпѣть оскорбленія; ополчаться только ради справедливости и успокоиваться только послѣ побѣды; наконецъ, всегда быть готовыми отстаивать свободу съ оружіемъ въ рукахъ, всегда быть готовыми къ смерти ради свободы и предпочесть полное исчезновеніе съ лица земли возвращенію въ цѣпи рабства—вотъ характеръ французскаго народа! Не думайте, что наше настоящее положеніе является препятствіемъ къ великимъ и славнымъ дѣламъ. Народъ, совершающій революцію, непобѣдимъ. Знамя свободы есть и знамя побѣды... Обратимся къ министрамъ, королю, Европѣ съ подобающею намъ твердостью. Скажемъ министрамъ, что до сихъ поръ народъ не вполнѣ доволенъ дѣйствіями каждаго изъ нихъ; что отнынѣ имъ придется выбирать между общественною благодарностью и возмездіемъ законовъ, и что подъ словомъ *отвѣтственность* мы разумѣемъ смерть... Скажемъ Европѣ, что народъ французскій, обнаживъ мечъ, не вложитъ его въ ножны до тѣхъ поръ, пока побѣда не увѣнчаетъ его лаврами. Скажемъ Европѣ, что если ея кабинеты увлекутъ королей въ войну противъ народовъ, то мы увлечемъ народы въ войну противъ тирановъ. Скажемъ, что всѣ битвы, происходящія между народами по внушенію деспотовъ, суть не что иное, какъ борьба въ темнотѣ, когда друзья, не узнавая другъ друга, наносятъ удары, возбуждаемые коварнымъ подстрекателемъ, но стоитъ явиться дневному свѣту, и они бросятъ оружіе, обнимутся и покараютъ того, кто обманулъ ихъ; такъ точно, въ минуту борьбы непріятельскихъ армій съ нашими, свѣтъ мысли осѣнитъ ихъ, и народы бросятся другъ другу въ объятія предъ лицомъ низверженныхъ тирановъ, умиротворенной земли и ликующаго неба... Скажемъ, наконецъ, Европѣ, что десять милліоновъ французовъ, объятыхъ пламенемъ свободы, вооруженныхъ мечомъ, перомъ, разумомъ и краснорѣчіемъ, могли-бы, если ихъ къ тому побудятъ, измѣнить все лице земли и заставить задрожать всѣхъ тирановъ міра».

Собраніе приведено было этою рѣчью въ восторженное состояніе: оно вотировало разсылку ея оттиска по департаментамъ. Французы увѣровали и въ свою человѣчность, и въ свою непобѣдимость. Иностранные приверженцы революціи являлись просить ихъ дружбы и поощрять ихъ надежды. Анахарсисъ Клотцъ, который уже въ прошедшемъ году [2]) представлялся Учредительному собранію въ качествѣ оратора «Комитета иностранцевъ», вновь появился въ Законодательномъ собраніи 13 декабря въ званіи «orateur du genre humain» (оратора человѣчества). Онъ потребовалъ, чтобы 20 января 1792 г. три арміи двинулись чрезъ Брюссель, Люттихъ и Кобленцъ къ устьямъ

[2]) 19 іюня 1790.

Шельды, Мааса и Рейна. «Чудеса восемнадцаго вѣка затмятъ чудеса шестнадцаго». Народы Германіи, Богеміи, каталонцы, аллоброги, батавцы «потрясутъ своими цѣпями и разобьютъ ихъ съ бѣшенствомъ»! Вотъ и вся программа перваго революціоннаго крестоваго похода. Нѣмецкій баронъ, начитавшійся философскихъ сочиненій и сдѣлавшійся ревностнымъ ученикомъ той школы, которая въ XVIII вѣкѣ превращала цивилизованную Европу въ своего рода великую французскую республику, еще въ 1786 году намѣтилъ эту программу въ своемъ странномъ революціонномъ пророчествѣ «Voeux d'un gallophile» (Пожеланія галлофила) [3]. Теперь онъ развиваетъ эту программу съ трибуны якобинскаго клуба и со свойственной его воображенію изобрѣтательностью одновременно открываетъ и цѣль и средство проектируемой войны, — планъ завоеваній Дантона и финансовый проектъ Камбона: естественныя границы и декретъ 15 декабря 1792 г. «Я требую войны, потому что хочу мира. Наши умѣренныя сочиненія—факелы для Германіи. Знаете-ли, какой самый опасный изъ памфлетовъ? Ассигнаціи. Наводнимъ ихъ провинціи нашими ассигнаціями, чрезъ посредство нашихъ армій. Шахматная доска Франціи увеличится двѣнадцатью новыми клѣтками, *краями ихъ будутъ: Рейнъ и вершины Альпъ*»! [4].

Именно та партія, которая въ концѣ 1791 года [5]) проповѣдуетъ эти завоевательные, пропагандистскіе планы, будетъ, чрезъ нѣкоторое время и когда ея проповѣдь одержитъ верхъ, стараться умѣрить принципъ и ограничить его примѣненіе. Напротивъ, люди, которые скоро сдѣлаютъ изъ естественныхъ границъ ненарушимую статью конституціи и возведутъ въ систему вооруженную пропаганду, тогда еще крайне враждебно относились къ той самой политикѣ, которая поставитъ ихъ у кормила власти и позволитъ удержать эту власть за собою. Якобинцы говорятъ себѣ, что въ ту минуту война можетъ оказаться благопріятной только ихъ противникамъ или соперникамъ. Если она будетъ удачна, къ королю вернется покорная армія, а съ нею—сила и престижъ; если она будетъ несчастна, дворъ потерпитъ крушеніе, но власть перейдетъ къ жирондистамъ. Робеспьеру одинаково нежелательны и царствованіе Людовика XVI и регентство Бриссо. И это не потому, чтобы его фанатизмъ уступалъ жирондистскому, а якобинцы были

---

[3]) Онъ предлагалъ измѣненіе въ распредѣленіе европейскихъ владѣній: Австрія должна получить Молдавію и Валахію; Пруссія—Данцигъ и Познань; Голландія—Фризъ; Франція—берега Рейна. «Относительно Кёльна, Люттиха, Трира, Майнца и Шпейера будутъ приняты послѣдовательныя мѣры. Но прежде всего пусть Клевъ, моя долина, моя колыбель, будетъ возсоединена съ Франціей»! Georges Avenel, *Anacharsis Clootz,* Paris, 1865, t. 1, p, 85.

[4]) Рѣчь въ якобинскомъ клубѣ, 1 января 1792. Louis Blanc, t. VI, p. 243.

[5]) 16 декабря. Louis Blanc, t. VI, p. 231.—Buchez и Roux, *Histoire parlementaire*, t. XII, p. 410.

менѣе проникнуты вѣрою въ революцію: они въ этомъ отношеніи равняются съ ними и даже превосходятъ самыхъ экзальтированныхъ жирондистовъ ревностью своего прозелитизма; но они находятъ, что побѣда революціонной партіи должна проистекать изъ рессурсовъ, даваемыхъ самою революціей. Война, которую они ждутъ, порождена будетъ революціей и будетъ вестись ради революціонеровъ. Прежде всего для нихъ важно овладѣть властью внутри. Вотъ почему походъ на европейскихъ властителей представляется имъ безуміемъ до той минуты, пока не приведена къ концу война съ королемъ Франціи.

Робеспьеръ говорилъ теперь исключительно въ клубѣ якобинцевъ: сюда переносится борьба и въ этомъ-то клубѣ, изъ котораго вышелъ впослѣдствіи Конвентъ, образуются отдѣльныя фракціи, сдѣлавшія Конвентъ самымъ разъединеннымъ трагическимъ и кровавымъ изъ собраній. Бриссо является въ клубъ излагать свою политику, а Иснаръ—проповѣдывать свой крестовый походъ.

18 декабря швейцарецъ изъ Невшателя присылаетъ клубу мечъ, предназначенный первому французскому командиру, который одержитъ побѣду надъ врагами свободы. Иснаръ схватываетъ мечъ, цѣлуетъ его и, поднявъ его, восклицаетъ: «Вотъ онъ! Онъ одержитъ побѣду. Боевой кличъ исходитъ изъ Франціи, всѣ народы отвѣтятъ на него: земля покроется воинами, и всѣ враги свободы будутъ вычеркнуты изъ списка людей» [6])! Робеспьеръ умѣлъ расчитывать шансы только въ заговорѣ и былъ глубокъ только въ своей подозрительности; съ властью онъ не справился; онъ выказалъ себя безпокойнымъ, безплоднымъ деспотомъ, и жалкое паденіе его было какъ нельзя болѣе логично; но въ дѣлѣ нападенія онъ проявилъ необыкновенныя способности и умѣнье: проницательность, послѣдовательность, смѣсь коварной хитрости и рѣшимости, софистическое искусство заставать противника врасплохъ, поставить его въ безвыходное положеніе, сбить съ позиціи. Онъ былъ великимъ обличителемъ, и рѣдко ударъ его былъ направленъ съ такою ловкостью какъ тотъ, которымъ поразилъ онъ въ этомъ засѣданіи жирондистовъ. Холоднымъ словомъ, ледянымъ жестомъ онъ прекратилъ всѣ восторги и призвалъ клубъ къ хладнокровію и недовѣрію [7]). Онъ разоблачилъ ловушки, ожидающія неосторожныхъ патріотовъ, которые бросились-бы къ границамъ, не оглядываясь на то, что оставляютъ за собою. Бриссо приводилъ въ примѣръ Людовика XIV; онъ же съ несравненно большимъ смысломъ указалъ на примѣръ американцевъ: «Развѣ они могли бы восторжествовать, если бы ими руководили министры и вели въ битву генералы Георга III?... Не

---

[6]) Louis Blanc, t. VI, p. 234.—[7]) Id. t. VI, p. 235.

слѣдуетъ объявлять войну въ настоящую минуту. Прежде всего необходимо готовить оружіе повсюду и безостановочно; надо вооружить народъ, хотя бы простыми пиками!... Надо наказать виновныхъ министровъ и усмирить мятежныхъ священниковъ [8])! «Я опасаюсь одного,—возразилъ Бриссо—измѣны». «Крупныя измѣны будутъ пагубны только для предателей. Намъ нужны крупныя измѣны»!

Бриссо повторилъ въ Собраніи то, что было уже имъ сказано въ якобинскомъ клубѣ: «Въ настоящую минуту война будетъ національнымъ благодѣяніемъ, и мы должны опасаться какъ бѣдствія ея отсутствія [9]). Геро де Сешель поддерживаетъ его такими доводами, которые приводятъ въ смущеніе Жиронду [10]). Война, сказалъ онъ, будетъ гибелью контръ-революціи: она позволитъ подавить всякое внутреннее сопротивленіе. Приторный демагогъ оказался дальновиднѣе самыхъ отважныхъ трибуновъ: «Во время войны вы можете принимать мѣры, которыя показались бы слишкомъ строгими въ мирное время.... Всѣ мѣры, принятыя вами ради спасенія государства, будутъ справедливы, какъ справедлива была консульская власть, созданная римлянами въ минуту бѣдствія... Настала минута набросить покрывало на статую свободы» [11])! Но это вѣдь диктатура: жирондисты отвергаютъ ее, и большинство Собранія отворачивается отъ нея. Подобно риторамъ, его увлекающимъ, Собраніе ослѣплено иллюзіями: оно надѣется примирить свободу съ войною, потому что война, какъ оно себѣ представляетъ ее, будетъ вестись только ради свободы. Блестящей авангардной стычки достаточно было бы, чтобы разогнать эмигрантовъ, и предпріятіе завершится торжественнымъ дефилированіемъ французскихъ

---

[8]) 30 декабря 1791. Louis Blanc, t. VI, p. 241.

[9]) 29 декабря 1791. *Moniteur*, t. X, p. 753, 754, 759. Онъ постоянно возвращается къ своему двойному тезису, что война необходима и что война не будетъ опасной». «Напрасно искать на картѣ Европы державу, которой еще могла-бы опасаться Франція»... «Ни одна изъ значительныхъ державъ не будетъ въ состояніи напасть на насъ»... «Надо выказать силу для того, чтобы прекратить комедію, которую играютъ вѣнценосцы»!

[10]) Онъ считалъ себя знатокомъ европейскихъ дѣлъ и, какъ и Бриссо, старается успокоить Собраніе послѣ того, какъ его напугалъ. «Существуетъ великій заговоръ противъ міровой свободы. Вездѣ, гдѣ есть тронъ, имѣется у насъ и врагъ». Но, добавляетъ онъ тотчасъ же, эти враги не опасны. «Они обременены долгами или разорены». «Весьма вѣроятно, что прусскій король не станетъ на сторону враговъ Франціи». Леопольдъ—философъ и человѣкъ миролюбивый, онъ долженъ опасаться возбужденія взрыва въ Брабантѣ, потому что этотъ взрывъ перенесъ-бы самый Брабантъ во Францію».—Рѣчь 29 декабря, *Moniteur*, t. X, p. 762.

[11]) Засѣданіе 29 декабря 1791.

войскъ среди народовъ Германіи, восторженно привѣтствующихъ свое освобожденіе.

Эти смутныя и великодушныя мечты находятъ себѣ выраженіе въ манифестѣ, который предлагается Кондорсе и вотируется въ засѣданіи 29 декабря. Это идеальный кодексъ освободительной войны, о которой мечтали жирондисты. Годъ спустя, Собраніе, замѣнившее Законодательное, издаетъ вмѣстѣ съ декретомъ 15 декабря реалистическій и неумолимый кодексъ войны революціонной, войны якобинской, какъ можно назвать ее, чтобы опредѣлить однимъ словомъ и противопоставить взглядамъ и планамъ 1791 года. Предложеніямъ Жиронды суждено было имѣть изумительныя послѣдствія; чѣмъ страннѣе кажутся они по первому взгляду, тѣмъ болѣе важно, и для послѣдовательной связи фактовъ, и для точности сужденія, опредѣлить ихъ утопическій характеръ и указать на лежащій въ ихъ основѣ парадоксъ:

«Французская нація не перестанетъ видѣть дружественный народъ въ населеніи территорій, занятыхъ мятежниками и управляемыхъ государями, имъ покровительствующими. Мирные граждане, страну которыхъ займетъ армія, не будутъ почитаться врагами. Они не будутъ считаться даже и подданными... Гордясь завоеваніемъ естественныхъ правъ человѣка, армія не станетъ попирать ихъ въ другихъ людяхъ; ревниво охраняя собственную независимость.... она не посягнетъ на независимость другихъ народовъ... Она съумѣетъ явить предъ лицомъ Европы націю, дѣйствительно свободную, вѣрную правиламъ справедливости среди военныхъ грозъ и уважающую повсюду, во всякое время и по отношенію ко всѣмъ людямъ—права, которыя должны быть равны для всѣхъ и каждаго... Жестокое право репрессалій, оправдываемое обычаемъ, осуждаемое природой, не заставитъ ее прибѣгнуть къ этимъ средствамъ... Послѣ побѣды она не будетъ искать ни вознагражденія, ни мщенія... Таковъ планъ новой принимаемой ею политики. Давать отпоръ силѣ, противиться угнетенію, все забыть, когда ей нечего будетъ опасаться, и видѣть только братьевъ въ побѣжденныхъ противникахъ, обезоруженныхъ и примиренныхъ: вотъ, что всѣ народы встрѣтятъ въ глубинѣ души французовъ».

Партія войны восторжествовала въ концѣ концовъ и въ Собраніи и въ якобинскомъ клубѣ; но, вовлекая революцію въ это рискованное предпріятіе, жирондисты, надѣявшіеся оставить за собою руководительство имъ, разрушали, напротивъ, самымъ успѣхомъ своей политики всю будущность своей партіи. Они годились только въ проповѣдники крестоваго похода, но неспособны были вести войну и въ особенности ту, которую сами вызвали—войну революціонную. Борьба предстояла безпощадная, полная неожиданностей, неизвѣстности, заговоровъ; чтобы она оказалась по си-

ламъ, нужна была необычайная энергія, мощный импульсъ импровизаціи, здравое пониманіе дѣйствительности, отвага предпріимчивости, неразборчивость по отношенію къ средствамъ, равнодушіе къ вопросу о правѣ, прирожденная властность, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ чудовищнаго государственнаго инстинкта, который вполнѣ отсутствовалъ у жирондистовъ. Не обладалъ этими свойствами и Робеспьеръ; но въ ту минуту, когда возникли для революціи новыя необходимости, появился человѣкъ, для котораго какъ будто и готовилась новая борьба и который одинъ на минуту казался способнымъ вынести ее на своихъ плечахъ. «Якобинскій клубъ высказался, наконецъ, за войну, и за войну наступательную», писалъ 23 декабря одинъ изъ наиболѣе проницательныхъ наблюдателей, людей того времени [12]). «Онъ вызываетъ новую революцію, насколько то въ его власти, и помимо этой власти она распространится по всей Европѣ. Каждое засѣданіе клуба даетъ новыя черты его пропагандистской системы извнѣ и республиканизма внутри страны. Повидимому, въ немъ будетъ отнынѣ играть большую роль Дантонъ».

IV.

Между двумя крайними партіями: вооруженной эмиграціей, желающей возвращенія къ старому порядку, и якобинцами всѣхъ оттѣнковъ, стремящимися къ республикѣ, умѣренные исчезаютъ. Разсѣянные въ Собраніи, они съ великимъ трудомъ успѣваютъ сгруппироваться, но имъ не удается сохранить единодушіе.

Монморенъ былъ исчерпанъ. Онъ оставался на своемъ посту единственно для того, чтобы помочь королю перейти чрезъ опасный водоворотъ конституціи. Отставка его была объявлена Собранію еще 31 октября. Замѣнить его было не легко. Королева указывала на Мустье. Фельяны находили его слишкомъ аристократичнымъ, и дворъ остановился на Сегюрѣ. Сегюръ, котораго позондировалъ одинъ изъ его друзей, объявилъ, что приметъ портфель лишь въ томъ случаѣ, если ему возможно будетъ надѣяться на полное довѣріе со стороны короля и королевы. Онъ понялъ, что на такое довѣріе расчитывать невозможно и отказался. Кое-кто говорилъ о Биго-де Сентъ-Круа, служившемъ съ отличіемъ и въ рядахъ арміи, и въ дипломатіи. Королева не одобрила этого выбора. Спрошенные по тому же поводу Шуазель-Гуфье и Бартелеми отклонили предложеніе. Тогда, утомившись неудачными поисками, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ Лессару. Онъ принесъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ банальный эмпиризмъ, покорность, нерѣшительность посредственнаго и трудолюбиваго

[12]) *Pellenc à la Marck*, *Correspondance*, t. III, p. 272.

приказчика, которому власть кружитъ голову, а отвѣтственность подавляетъ. Морское министерство поручено было бывшему интенданту Бертрану де-Моллевилю; министерство внутреннихъ дѣлъ—адвокату Кайе де-Жервилю; Дюпоръ дю-Тертръ остался хранителемъ печати, а Тарбе—министромъ финансовъ. Наиболѣе важное военное министерство поручено было графу Нарбонну. Всѣ эти министры считались принадлежащими къ партіи фельяновъ; но если они шли къ одной цѣли, то намѣренія и средства, которыя они выбирали, были совершенно у нихъ противоположны. Они плохо ладили и не довѣряли другъ другу, внося уже въ весьма затруднительное положеніе новый элементъ смуты и осложненія. Короче говоря, они составляли кабинетъ, наименѣе способный регулировать общественное мнѣніе, сгруппировать умы, господствовать надъ партіями и руководить дворомъ.

Бертранъ де-Моллевиль дѣйствовалъ отдѣльно отъ своихъ товарищей по совѣту министровъ и былъ единственнымъ его членомъ, къ которому король питалъ нѣкоторое уваженіе. Онъ былъ уменъ, рѣшителенъ, искусенъ; но онъ былъ склоненъ къ интригѣ, вѣрилъ въ ея дѣйствительность и запутался въ ея сѣтяхъ. Онъ раздавалъ деньги, покупалъ продажныхъ писателей, давалъ субсидіи продажнымъ демагогамъ и завязывалъ тайныя двусмысленныя сношенія съ подозрительными эмиссарами: это было убыточное и пустое дѣло, которое, въ концѣ концовъ, ни къ чему не приводило [1]). Остальные министры разбивались на двѣ партіи: одна изъ нихъ, къ которой причисляли Дюпора, Кайе де-Жервиля, Тарбе и Лессара, находилась подъ вліяніемъ Барнава и Ламетовъ. Планъ ихъ заключался въ дескредитированіи Собранія, съ которымъ, по ихъ мнѣнію, невозможно было управлять, въ созваніи новаго Собранія, въ пересмотрѣ конституціи, въ укрѣпленіи королевской прерогативы и въ учрежденіи двухъ палатъ, выбранныхъ народомъ [2]). Они опасались войны, потому что, въ случаѣ неудачи, она разнуздала бы анархію, а въ случаѣ успѣха—укрѣпила бы королевскую власть; но продолжали надѣяться на полезную диверсію, которую могъ бы произвести конгрессъ державъ и посредничество самого короля. Они надѣялись, что Леопольдъ разгонитъ эмигрантскія сборища и что послѣ такого удовлетворенія, даннаго французамъ, онъ заставитъ выслушать себя, когда посовѣтуетъ, отъ имени Европы, пойти на сдѣлку съ королемъ. Эти конституціонисты присоединялись такимъ образомъ, и помимо своего вѣдома, къ замысламъ двора. Но они имѣли противъ себя

---

[1]) Pellenc à la Marck, 23 decemble 1791, 3 janvier 1792. *Correspondance* t. III, p. 271, 284.—Mallet du Pan, t. I, p. 257.

[2]) Mallet du Pan t. I, p. 257, 431.

и въ самой средѣ кабинета опаснаго противника, шедшаго наперекоръ ихъ планамъ, графа Нарбонна.

Нарбонну было въ то время тридцать шесть лѣтъ. Къ обаянію громкаго имени присоединялось въ немъ и обаяніе ума, симпатичность характера и геніальность, приписываемая ему современниками. Въ немъ видѣли второго Гибера, нѣкогда очаровывавшаго высшій свѣтъ и который внезапно исчезъ со сцены, прервавъ въ прологѣ роль, обѣщавшую героя драмы. Нарбоннъ былъ основательнѣе по своему уму, сильнѣе и мужественнѣе по характеру. Онъ повышался въ арміи, благодаря исключительно личнымъ заслугамъ, находилъ время много читать и усвоить множество разнообразныхъ политическихъ знаній. Изучивъ публичное право въ Страсбургѣ, подъ руководствомъ Коха, онъ ознакомился съ дипломатическими дѣлами, служа въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и при содѣйствіи такихъ опытныхъ и свѣдущихъ руководителей, какъ Жераръ де-Рейневаль и Рюльеръ. Однимъ словомъ, Нарбоннъ олицетворялъ совершеннѣйшій образецъ либеральнаго вельможи, котораго легкій оттѣнокъ немилости при дворѣ дѣлалъ тѣмъ болѣе популярнымъ въ глазахъ народа. «Въ его душѣ преобладала воинская честь и французская доблесть», говорила о немъ г-жа де-Сталь, восхищавшаяся имъ, вдохновлявшая его своими идеями и своимъ энтузіазмомъ. «Противиться чужеземцамъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ казалось ему всегда долгомъ гражданина и дворянина». Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ свои дарованія, несмотря на рѣдкую возвышенность ума и чисто-рыцарскую горячность души, Нарбоннъ былъ слишкомъ человѣкъ своего времени для того, чтобы стать выше обстоятельствъ, и слишкомъ связанъ былъ своимъ кругомъ для того, чтобы быть въ состояніи увлечь Францію. Свѣтскій человѣкъ и человѣкъ котеріи слишкомъ преобладалъ въ немъ надъ политическимъ дѣятелемъ; въ его отвагѣ слышалось самомнѣніе, мѣшавшее ему вѣрно оцѣнить опасностъ и съуживавшее, такъ сказать, его планы. Онъ былъ недостаточно вооруженъ противъ скептицизма по отношенію къ людямъ и средствамъ, который господствовалъ въ той свѣтской и испорченной средѣ, гдѣ онъ вращался; онъ слишкомъ поддавался вкрадчивой интригѣ, прикрывающейся изящной формой и проникающей, какъ утонченный пріемъ фехтовальнаго искусства, въ расчеты великихъ міра, даже и такихъ, кто съ крайнимъ презрѣніемъ смотритъ на грубое интригантство.

Близкими людьми у Нарбонна были Биронъ и Талейранъ. Первый былъ его повѣреннымъ, второй—совѣтникомъ. Оба были людьми аристократическаго происхожденія, выбитыми изъ колеи революціей: Биронъ, вслѣдствіе нравственной распущенности, Талейранъ—по развращенности ума; отъ

одного отрекся дворъ, другого отлучила церковь [3]); разорившіеся расточители, оба они скандализировали даже то общество, которое крайне снисходительно относилось къ любовнымъ похожденіямъ и игрокамъ. По мѣткому выраженію одного современника, эти люди «предались честолюбію и стремились сдѣлать карьеру для того, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла» [4]). Биронъ былъ болѣе распущенъ, чѣмъ дѣйствительно безнравственъ. Въ его ошибкахъ нерѣдко руководящимъ мотивомъ было тщеславіе. Послѣ неудавшихся попытокъ очаровать Марію Антуанету и оказать вліяніе на Екатерину, онъ поневолѣ принужденъ былъ довольствоваться ролью выскочки въ революціи, вмѣсто роли Лейстера или Потемкина. Въ этомъ человѣкѣ не уцѣлѣло ничего, кромѣ впрочемъ военной чести, храбрости и патріотизма; въ этомъ заключалась его ставка въ игрѣ, въ которую онъ бросился очертя голову. Онъ изучилъ революціонныя движенія въ Польшѣ и велъ себя во время французской революціи какъ польскій магнатъ: конспирировалъ, воевалъ, не различая цѣлей интригъ, въ которыхъ рисковалъ честью, и цѣли войны, въ которой рисковалъ жизнью. Талейранъ обладалъ болѣе яснымъ пониманіемъ вещей. Въ немъ развивался политическій дѣятель по мѣрѣ того, какъ развертывалась революція, въ которой ему пришлось быть не столько вожакомъ, сколько учителемъ въ началѣ и совѣтникомъ въ моментъ ея зрѣлости.

Если планъ Барнава сближалъ его съ дворомъ, то замыслы Нарбонна и его сторонниковъ заставляли его примыкать къ Жирондѣ и приводили къ подготовленію войны, подобно тому, какъ Барнаву приходилось оказывать содѣйствіе подготовленію конгресса. Они искали средства спасти конституцію и королевскую власть въ возрожденіи арміи [5]). Они намѣревались увезти короля въ Фонтенебло и поставить его во главѣ оставшагося вѣрнымъ ему войска. Блестящая кампанія возстановила бы дисциплину въ полкахъ и возвратила бы престижъ королю. Преобразованная армія, говорилъ Нарбоннъ, сдѣлалась бы для короля «убѣжищемъ, изъ котораго онъ поддерживалъ бы болѣе здравую часть Собранія и устрашалъ бы клубы» Сборища эмигрантовъ въ Трирскомъ курфиршествѣ доставили бы популярный предлогъ для экспедиціи, которая могла бы быть и непродолжительной и легкой. Авторы этого плана расчитывали на то, что Австрія не станетъ дѣйствовать энергически безъ поддержки Пруссіи и

---

[3]) Папское посланіе 26 апрѣля, напечатанное въ Монитёрѣ отъ 1 марта 1791 г.

[4]) Моррисъ Вашингтону, 4 февраля 1792 г. Morris, t. II, p. 109.

[5]) Mallet du Pan, t. I, p. 257.—Письмо Пеленка, отъ 3 января 1792 г. *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 285.—Villemain, *Souvenirs contemporains, M. de Narbonne*, Paris, 1856, t. I, p. 33.

льстили себя надеждой удержать Пруссію, если уже не удастся заставить ее присоединиться къ новой политикѣ Франціи.

Планы, задуманные Барнавомъ, Нарбонномъ и ихъ сторонниками во имя утвержденія свободы и спасенія монархіи, сами по себѣ не были ни нелѣпы, ни неосуществимы; эти планы были только преждевременны. Война, возрождающая армію, армія, становящаяся вершительницею судебъ государства, побѣдитель и миротворецъ-генералъ, укрощающій анархію и регулирующій гражданскія пріобрѣтенія революціи,—все это увидимъ мы восемь лѣтъ спустя, а именно въ 1799 году. Иностранное вторженіе. конгрессъ державъ, государь, посредничающій между коалиціей и Франціей, дающій миръ странѣ, возстановляющій королевскій престолъ и гарантирующій французамъ существенныя и основныя начала, провозглашенныя Учредительнымъ собраніемъ,—именно это и произошло въ 1814 году. Въ томъ и другомъ кризисѣ, Талейранъ, внушавшій необходимость такихъ мѣръ еще въ 1791 году, явился главнымъ орудіемъ. Но каковы бы ни были его дальновидность и умственная проницательность и хотя, какъ тонко выразился онъ самъ о другомъ лицѣ, «въ его умѣ было всего болѣе будущности» [6]), безъ сомнѣнія ему не могло придти въ голову въ то время, когда онъ предугадывалъ судьбы Франціи въ салонѣ г-жи де-Сталь, что для свершенія этихъ судебъ ему понадобится милость артиллерійскаго поручика, котораго онъ не зналъ тогда даже по имени; что этотъ солдатъ, сдѣлавшись его господиномъ, произведетъ его въ камергеры, Нарбонна назначитъ посланникомъ, а г-жу Сталь вышлетъ изъ предѣловъ Франціи за то, что она останется вѣрной идеямъ ихъ общей юности.

Конституціонное министерство становилось у кормила правленія «при такихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы заставить трепетать даже такихъ людей какъ Ришелье, Оксенштирнъ или Чатамъ» [7]). Это министерство не только не было господиномъ положенія, но, разъединенное въ себѣ самомъ, оно представляло своимъ противникамъ бреши, открытыя со всѣхъ сторонъ нестройностью своихъ дѣйствій, безпрестанно давая поводы къ придиркамъ. Нарбоннъ искалъ популярности, отчасти намѣренно, отчасти по склонности и слабости; онъ опирался на сторонниковъ Бриссо; бриссотинцы служили ему, но единственно съ цѣлью ускорить ходъ событій, которыя должны были привести къ его паденію. Союзъ съ ними принуждалъ его къ послабленіямъ, которыя разрушали въ его рукахъ всѣ пружины власти; этотъ союзъ дѣлалъ его подозрительнымъ въ глазахъ двора и его менѣе воинственныхъ товарищей по министерству. Барнавъ

---

[6]) *Essai sur les avantages à retirer des colonies.* Mémoire lu à la séance publique de l'Institut, le 25 messidor, an V.

[7]) Malouet, t. I, p. 245.

дѣйствовалъ заодно съ дворомъ, Нарбоннъ шелъ за Бриссо. Онъ желалъ сохраненія монархіи, но не той, которой желалъ дворъ, а дворъ, пользуясь его услугами, въ то же время глухо подкапывался подъ него. Наконецъ и Нарбоннъ и Барнавъ, собиравшіеся, каждый по-своему, спасать короля, помимо его собственной воли, встрѣтили на своемъ пути препятствія, воздвигнутыя ихъ собственной партіей за послѣдніе три года, между собою и королевскою властью. Они требовали отъ Людовика XVI довѣрія къ себѣ, требовали, чтобы онъ внушалъ довѣріе народу и поступалъ съ надлежащею энергіей, послѣ того какъ все сдѣлали для ограниченія его власти и дискредитированія его въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Собраніе не вѣрило искренности короля; король не довѣрялъ искренности конституціонистовъ. Но та же сила вещей, которая заставляла министровъ подпирать зданіе, фундаментъ котораго былъ разрушенъ ими самими, обрекала и дворъ колебать столбы, на которые онъ пытался опереться. Королевская политика шла въ ногу съ политикою партіи, стремившейся къ ниспроверженію королевской власти.

V.

Въ планы и соображенія двора входило, чтобы министерство подрывало конституцію, а Собраніе доказало бы невозможность и безсиліе министерства. По словамъ близкаго Тюильрійскому двору лица, тамъ не настаивали на предложеніи Мустье поста министра иностранныхъ дѣлъ, единственно «изъ уваженія къ этому человѣку» [1]). Напротивъ того, нѣкоторое время желали видѣть министромъ Сегюра—изъ враждебности къ нему. «Я бы хотѣла, чтобы онъ согласился,—писала королева;—онъ хорошо говоритъ, а это все, что требуется въ настоящую минуту, когда мы не можемъ имѣть своихъ хорошихъ министровъ и, наконецъ, это можетъ и погубить его; въ этомъ не будетъ большой бѣды» [2]). Горечь этихъ словъ указываетъ столько же на безнадежность положенія, сколько и на презрѣніе къ людямъ. Королевская фамилія продолжала смотрѣть на свое пре-

---

[1]) Ла Маркъ, письмо къ Мерси, 30 октября 1791. *Correspondance*, t. III, p. 259.

[2]) Письма королевы: къ Ферзену и Мерси 19 окт. 1791 и въ февралѣ 1792 г. «Между министрами Лессаромъ и Нарбонномъ—открытая война. Лучшій изъ нихъ двоихъ ничего не стоитъ». Fersen, t. I, p. 199.—Arneth, p. 245. Генералъ Сегюръ сообщаетъ, что отецъ его вернулся изъ Тюильри, убѣжденный, что «какой бы то ни было министръ, взявшійся давать совѣты королевѣ, даже ради ея собственной пользы, неизбѣжно потерялъ бы ея уваженіе и лишился бы у нея всякаго кредита. *Histoire et Mémoires*, Paris, 1873, t. I, p. 9.

быванiе во дворцѣ, какъ на заточенiе. Она чувствовала себя какъ бы намѣренно унижаемой и внутренними врагами, и мнимыми приверженцами за границей. Мелкiе уколы растравляли рану и, раздражая ее, поражали въ самое сердце [3]). Въ концѣ сентября, Людовикъ XVI обращался къ своимъ братьямъ съ письмомъ благоразумнымъ и прочувствованнымъ: онъ жаловался, что узналъ объ ихъ манифестѣ изъ газетъ, ранѣе чѣмъ получилъ его отъ нихъ самихъ; онъ доказывалъ имъ несостоятельность ихъ предпрiятiя и приглашалъ прекратить дальнѣйшiе шаги, такъ какъ они могли только вредить его собственному образу дѣйствiй [4]). 16 октября и 11 ноября онъ написалъ имъ вторично въ болѣе твердомъ и настоятельномъ тонѣ [5]). Они не уступили, и непокорность принцевъ нанесла тѣмъ болѣе чувствительный ударъ, что вызвала семейный раздоръ. Сестра короля, принцесса Елизавета, не только не удивлялась и не возмущалась поведенiемъ братьевъ, но оправдывала ихъ и окружала себя ихъ эмиссарами. «Наша домашняя жизнь—это цѣлый адъ... нѣтъ возможности говорить другъ съ другомъ, потому что пришлось бы ссориться цѣлые дни», писала Ферзену Марiя-Антуанета. Король не поддерживалъ ея. «Апатiя Людовика XVI парализовала его до конца» [6]).

Мужество Марiи-Антуанеты не угасало, но оно истощалось въ безплодныхъ усилiяхъ, подобно пламени костра, возбуждаемому и въ то же время разбрасываемому вѣтромъ. По временамъ она выходитъ изъ себя: «Какое счастье, если бы я могла когда-нибудь доказать этимъ негодяямъ, что имъ не удалось обмануть меня!» Но иногда, какъ бы утомившись гнѣвными вспышками, она принимается шутить со свойственною ей природною веселостью: «Графъ Нарбоннъ сдѣлался наконецъ военнымъ министромъ... Какая честь г-жѣ де-Сталь и какое удовольствiе для нея обладать цѣлою армiей!» Это была одна изъ тѣхъ шутокъ, послѣдствiя которыхъ были нѣкогда такъ пагубны для нея въ Версалѣ. Но такая веселость посѣщала ее рѣдко и женщина сказывалась въ ней только утомленiемъ, раздраженiемъ и слезами [7]).

---

[3]) См. *Мемуары г-жи Кампанъ*, томъ II, гл. XIX, и отчетъ князя Нассау-Зигенскаго у Фёлье, т. IV, с. 315.

[4]) Feuillet, t. II, p. 328.—[5]) Ibid., t. IV, p. 201, 241.

[6]) Ла Маркъ, письмо къ Мерси 28 сентября 1791. *Correspondance*, t. III, p. 237.

[7]) «Прощайте! Я утомлена всѣмъ этимъ писаньемъ; никогда не приходилось мнѣ этимъ заниматься, и я постоянно боюсь забыть что-нибудь или напутать... У меня нѣтъ ни минуты свободной; все время распредѣлено между посѣщенiями разныхъ лицъ, писаньемъ и дѣтьми. Послѣднее занятiе, которое отнимаетъ не мало времени, есть моя единственная радость, и когда мнѣ становится очень грустно, я беру на руки моего маленькаго мальчика, цѣлую

Она настойчиво проситъ, умоляетъ брата придти къ ней на помощь [8]); но недоразумѣніе между нею и императоромъ обостряется съ каждымъ днемъ. Мѣры, которыя принужденъ принимать Людовикъ XVI для того, чтобы дать державамъ время приготовиться къ дѣйствію, становятся для нихъ лишь поводами къ бездѣйствію. Такъ, 12 ноября, король, въ видахъ успокоенія умовъ, издалъ прокламацію, въ которой порицался образъ дѣйствій принцевъ. Онъ объявлялъ, что готовъ охранять безопасность королевства «противъ всякаго рода вооруженныхъ сборищъ на границѣ». Австрія приняла это къ свѣдѣнію, чтобы рѣшить, что король свободенъ, и что съ этой минуты «конгрессъ могъ скорѣе повредить, чѣмъ принести пользу Франціи» [9]). «Императоръ обманываетъ васъ,—пишетъ Ферзенъ.— Онъ ничего не сдѣлаетъ, онъ покидаетъ васъ, предоставляя васъ вашей судьбѣ и оставляя совершиться окончательной гибели королевства, подъ благовиднымъ предлогомъ вашей личной безопасности и исполненія вашего желанія лишить принцевъ его поддержки [10]).

Марія Антуанета поражена этими извѣстіями; она видитъ вокругъ себя «адскій заговоръ»; она подозрѣваетъ, что письма ея перехватываются; она отказывается вѣрить подобной измѣнѣ со стороны брата [11]). Между тѣмъ, Ферзенъ предлагаетъ ей планъ, долженствующій разрушить всѣ коварные расчеты; королева слѣдуетъ этому плану и располагаетъ въ его пользу короля. Людовикъ XVI подписываетъ приказы, заготовленные Ферзеномъ, и передаетъ письма, мысль которыхъ принадлежитъ этому неутомимому слугѣ [12]). Король желаетъ имѣть только одного представителя за границей, барона Бретейля; остальные представители будутъ состоять подъ его начальствомъ: Бомбель—въ Петербургѣ, Бриссакъ—въ Берлинѣ, Ла-Вогюйонъ—въ Мадридѣ. Принявъ эту мѣру, Людовикъ XVI пишетъ прусскому королю. Письмо помѣчено 3 декабря. Людовикъ призываетъ на помощь государей. «Я предлагаю имъ созвать конгрессъ, подкрѣпленный вооруженною силой, какъ лучшее средство сдержать здѣсь мятежниковъ, дать возможность установить болѣе желательный порядокъ вещей и не допустить распространенія зла на другія государства [13]). Въ

его отъ всего сердца и это утѣшаетъ меня на минуту». Изъ письма къ Ферзену въ концѣ 1791 г.

[8]) Королева Леопольду 4 окт. 1791. Feuillet, t. II, p. 405.

[9]) Мерси королевѣ, 18 и 30 ноября. Arneth, p. 223—227.

[10]) *Mémoire pour la Reine*, 26 novembre 1791. *Journal*, t. I, p. 34. *Rapport à Gustave* III, t. I, p. 184.

[11]) Письмо къ Ферзену.

[12]) *Mémoire pour la reine*, Fersen, t. I.

[13]) Feuillet, t. IV, p. 269 и t. VI, p. 15.—Flammermont, *Négociations se-*

томъ же смыслѣ написалъ онъ и шведскому королю. Королева переписала и подписала письмо, предназначенное Екатеринѣ [14]). Въ то же время она обращается къ Мерси съ призывомъ, полнымъ отчаянія: «Пусть же убѣдится братъ мой, что мы не можемъ держаться конституціи, которая составляетъ несчастіе и грозитъ гибелью королевству... Наша участь будетъ вполнѣ зависѣть отъ императора... Я надѣюсь, что онъ поступитъ какъ братъ и истинный союзникъ короля... Невозможно болѣе медлить, наступила минута оказать намъ услугу. Если она будетъ упущена, все кончено, и императору останется только позоръ и упрекъ предъ лицомъ всего свѣта въ томъ, что, имѣя возможность отстранить, онъ допустилъ униженіе сестры и зятя».

Людовикъ XVI послалъ къ братьямъ графиню Оссенъ и барона Віоменилъ; но принцы такъ же мало обратили вниманія на изустныя, какъ и на письменныя, увѣщанія короля. Они отвѣтили ему 3-го декабря; письмо ихъ звучитъ насмѣшкой и заканчивается рѣшительнымъ отказомъ въ повиновеніи. «Они убиваютъ, они рѣжутъ насъ!—воскликнула королева;—Каинъ, Каинъ! Братъ короля предаетъ и губитъ насъ,—повторяла она съ рыданіемъ;—какое каменное сердце!.. Намъ остается только умереть!» [15]). Король обратился къ принцамъ съ новымъ посланіемъ, въ которомъ ярко выразились доброта его сердца, слабость характера и наивныя иллюзіи, которыя онъ не переставалъ питать. «Я внимательно прочиталъ письмо ваше; я вижу цѣль, которую вы себѣ ставите; я понялъ, что вы заботитесь о себѣ болѣе, чѣмъ обо мнѣ; я понялъ, что вы намѣрены произвести невозможный переворотъ, что вы требуете возстановленія стараго порядка, которое не обошлось бы безъ пролитія моря крови. О, вы заставляете меня трепетать отъ ужаса. Пусть рухнетъ монархія, это было бы лучше, чѣмъ присоединяться къ подобнымъ планамъ! Вашъ долгъ перестать создавать враговъ Франціи». Преданный человѣкъ, баронъ Гогела уполномоченъ былъ 10 декабря отвезти это письмо братьямъ короля и присовокупить изустно все, что могло бы убѣдить ихъ и привести ихъ къ покорности.

Между тѣмъ королю предстояло высказаться по поводу декретовъ Собранія, направленныхъ противъ эмиграціи и ослушныхъ присягѣ священниковъ. Людовикъ рѣшительно отказался отъ преслѣдованія священ-

---

crètes de Louis XVI et du baron de Breteuil avec la cour de Berlin, Paris, 1885.

[14]) *Louis XVI à Gustave III.* Feuillet, t. IV, p. 271. *Marie-Antoinette à Catherine*, 3 décembre, *à Gustave III*, 8 décembre 1791. Feuillet, t. IV, p. 276, 290.

[15]) *Mémoires de Goguelat.*

никовъ. Ему казалась невозможною уступка по этому вопросу; онъ направилъ всю свою строгость противъ эмигрантовъ. Онъ надѣялся, что мѣры, принятыя противъ нихъ по его приказу, заставятъ державы рѣшиться на вмѣшательство и дадутъ имъ достаточно «сильный и осязательный къ тому поводъ». «Мнѣ кажется,—писала королева Ферзену отъ 9 декабря,—что мы объявимъ войну не сильной державѣ,—для этого у насъ слишкомъ мало мужества,—а курфирстамъ и нѣкоторымъ изъ германскихъ государей въ надеждѣ, что они не въ силахъ будутъ защищаться. Эти глупцы не видятъ, что, поступая такъ, какъ они поступаютъ, значитъ служить намъ, потому что если мы начнемъ войну, то державы принуждены будутъ вмѣшаться каждая для отстаиванья своего права». 14 декабря Людовикъ XVI отправился въ Собраніе и объявилъ, что, продолжая надѣяться на сохраненіе мира и не переставая требовать содѣйствія императора, онъ, тѣмъ не менѣе, заявилъ трирскому курфирсту, что станетъ относиться къ нему какъ къ врагу, если до 15 января не будутъ разсѣяны эмигрантскія сборища.

Въ тотъ же день онъ объяснилъ барону Бретейлю мотивы своего образа дѣйствій и то, чего онъ ждетъ отъ Европы. «Ясно и очевидно для всякаго,—говоритъ онъ,—что внутренно я не могу одобрять революціи и нелѣпой, ненавистной конституціи, которая ставитъ меня ниже, чѣмъ былъ поставленъ король польскій». И однако онъ не желаетъ, чтобы курфирстъ сдался на его требованія: это придало бы новую дерзость революціонной партіи, и подобный успѣхъ «поддержалъ бы машину еще нѣкоторое время». Людовикъ требовалъ отъ державъ взять дѣло въ свои руки, разсѣять сборища, принять безоружныхъ эмигрантовъ и оказать защиту курфирстамъ. Если послѣдствіемъ всего этого будетъ война, то онъ ея не боится. «Вмѣсто междоусобной у насъ будетъ внѣшняя война, и это значительно, улучшитъ положеніе вещей... Нравственное и физическое состояніе Франціи не позволило бы ей долго вести войны; но надо, чтобы казалось, что я дѣйствительно готовъ ее начать, какъ то было бы въ прежнія времена... Мое поведеніе должно быть таково, чтобы въ несчастіи народъ видѣлъ спасеніе только въ моихъ рукахъ».

Это было злополучное стеченіе взаимно уничтожавшихъ себя проектовъ, рискованныя уловки, не имѣвшія иной связи, кромѣ необходимости предпринимать ихъ, и казавшіяся искусными только издали и въ силу иллюзіи, порожденной непониманіемъ современныхъ событій. Страстная женщина-королева, неспособная владѣть своими страстями, апатичный король, въ которомъ личныя добродѣтели заглушаютъ и ослабляютъ понятіе о государственной пользѣ, бросаются, такъ сказать, съ завязанными глазами въ лабиринтъ заговоровъ, способныхъ исчерпать энергію Екатерины

и маккіавелизмъ Леопольда. При иностранныхъ дворахъ появились агенты, объявлявшіе отъ имени французскихъ министровъ, что король требуетъ полнаго нейтралитета державъ; другіе агенты, напротивъ того, заявляли, что не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на требованія этихъ министровъ, что такъ какъ король не свободенъ, люди, говорящіе отъ его имени, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Въ довершеніе всей этой путаницы, министры, въ свою очередь, обзавелись и оффиціальной и тайной дипломатіей, взаимно противорѣчащими одна другой. Декларація 14 декабря, которая, казалось, способна была связать короля съ конституціонной партіей, на самомъ дѣлѣ, и по мысли короля, и по мысли фельяновъ, должна была служить совершенно противоположнымъ намѣреніямъ. И на этотъ разъ соглашеніе носило двусмысленный характеръ. Вступали въ союзъ лишь для того, чтобы вредить другъ другу.

VI.

Разногласія, разъединявшія конституціонистовъ по внутреннимъ вопросамъ, становились еще болѣе рѣзкими, какъ скоро приступали къ дѣламъ внѣшней политики. Барнавъ и его сторонники желали созванія конгресса и не хотѣли войны: вся ихъ комбинація основывалась на соглашеніи съ Леопольдомъ. Они требовали отъ него воздѣйствія на Германію, въ смыслѣ ея обузданія и подчиненія трирскаго курфирста [1]). Отъ Пруссіи требовали невмѣшательства, отъ Англіи—нейтралитета. Нарбоннъ и его партія желали войны, но войны ограниченной; они не только не опасались, но находили желательнымъ вмѣшательство Австріи, полагая, что это могло бы лишь придать популярность предпріятію. По ихъ соображеніямъ, всего важнѣе было нейтрализировать Австрію и расположить въ свою пользу Пруссію. Союзъ съ этою державою составлялъ главнѣйшую статью ихъ проекта; необходимымъ слѣдствіемъ такого союза былъ нейтралитетъ Англіи. Такимъ образомъ Барнавъ предполагалъ видоизмѣнить и сохранить систему 1756 года; Нарбоннъ же намѣревался уничтожить ее и замѣнить другою противоположною системой. Министръ иностранныхъ дѣлъ Лессаръ стоялъ между обѣими котеріями, склоняясь къ тому и другому плану и, подъ предлогомъ примиренія людей и направленій, лавировалъ между ними, принималъ полумѣры, прибѣгалъ къ уверткамъ и отсрочкамъ.

Возрожденіе арміи было основною статьей плана Нарбонна. Необходимо было приняться за него безотлагательно; это послужило поводомъ къ замѣчательно страннымъ переговорамъ, которые лучше чѣмъ что бы

---

[1]) *Mémoire pour l'Empereur*, Arneth, p. 270. Эта меморія была отправлена въ январѣ 1792 г.

то ни было характеризуютъ то смутное время, когда новая Франція съ трудомъ и тягостными усиліями отрывалась отъ старой. Дѣло въ томъ, что для возрожденія арміи по плану, задуманному военнымъ министромъ, недоставало человѣка, главы. Нарбоннъ не считалъ себя достаточно авторитетнымъ; кредитъ Лафайета былъ подорванъ. Требовался военачальникъ, имя котораго внушало бы уваженіе и двору и странѣ и репутація котораго могла бы побѣдить всякую оппозицію. Память о Морицѣ Саксонскомъ еще жила во Франціи; призваніе иностраннаго генерала для командованія французскими войсками не возмущало ничьей совѣсти и не оскорбляло ничьей щекотливости ни въ придворной сферѣ, ни въ средѣ конституціонистовъ. Во всей Европѣ былъ только одинъ государь, казавшійся предназначеннымъ для такой великой роли,—то былъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, одинъ изъ героевъ XVIII вѣка и одинъ изъ полубоговъ философіи [2]). Думали, что призвать его въ Парижъ будетъ верхомъ дипломатическаго искусства: у Германіи былъ бы такимъ путемъ похищенъ знаменитѣйшій изъ ея воиновъ, Франція пріобрѣла бы въ немъ весьма уважаемаго въ Берлинѣ посредника; Австріи же нанесенъ бы былъ жесточайшій ударъ. По довольно странному совпаденію, этотъ «другъ просвѣщенія» пользовался одновременно и милостью въ роялистскомъ великосвѣтскомъ мірѣ, и восторженнымъ поклоненіемъ со стороны наиболѣе пылкихъ революціонеромъ. Карра прославлялъ его добродѣтели, а Ферзенъ совѣтовалъ королевѣ привлечь его въ свою партію [3]) Переговоры были весьма щекотливымъ дѣломъ. Ихъ рѣшились однако поручить молодому человѣку Франсуа, Кюстину, сыну извѣстнаго генерала. Рано поступивъ въ военную службу, въ которой онъ успѣлъ уже отличиться, Франсуа Кюстинъ былъ хорошъ съ Нарбонномъ и принадлежалъ къ числу преданныхъ почитателей г-жи де-Сталь. Ему было въ то время не болѣе двадцати трехъ лѣтъ, но онъ отличался образованіемъ, серьезностью и разсудительностью. Мирабо, встрѣтившій его въ Берлинѣ въ 1786 г., былъ отъ него въ восхищеніи; онъ угадалъ въ немъ одного изъ дипломатовъ, которымъ предстояло играть видную роль въ будущемъ [4]). Самая молодость Кюстина могла быть полезна при такой миссіи, въ

---

[2]) См. Т. I, *Политическіе нравы и традиціи. La mission de Custine à Brunswick*, *Revue historique*, t. I, p. 154. — Chuquet, *Invasion prussienne*, p. 123—127.

[3]) «Герцогъ Брауншвейгскій — человѣкъ умный, даровитый и весьма честолюбивый; онъ пользуется вліяніемъ въ Берлинѣ. Не находите ли вы, что слѣдуетъ расположить его въ нашу пользу: онъ всегда любилъ Францію». 22 декабря 1791 г. Fersen, t. I, p. 317.—Carra, *Annales patriotiques*, 1792. *Précis de la défense de Carra*, 1793. Vattel, *Vergniaud*, Paris, 1872, t. II. p. 454—456.

[4]) *Histoire secrète*, письмо отъ 21 октября 1786 г. Т. I, стр. 251.

которой приходилось убѣждать не столько путемъ логическихъ доводовъ, сколько горячностью чувства. Продолжительное пребыванія въ Германіи, гдѣ онъ изучалъ военное дѣло въ школѣ Фридриха, доставила ему вліятельныя связи, между прочимъ и знакомство съ принцемъ Гейнрихомъ Прусскимъ. Этотъ принцъ былъ друженъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и считался главою того, что еще носило названіе французской партіи въ Берлинѣ.

Лессаръ выказалъ нѣкоторую оппозицію этому рискованному плану. Король не рѣшался его одобрить. «Нарбонну пришла безумная мысль», писала Ферзену королева, постоянно сообщавшая ему о всѣхъ мѣропріятіяхъ министровъ. Нарбоннъ настаивалъ; утомившись сопротивленіемъ, Людовикъ XVI уступилъ, расчитывая, что герцогъ откажется и что эта неудача послужитъ на пользу его собственнымъ намѣреніямъ. Онъ согласился подписать письмо герцогу, редактированное министрами; оно должно было служить вѣрительною граматою Кюстину и дать ему возможность быть принятымъ и выслушаннымъ. Король выражалъ въ письмѣ однѣ миролюбивыя намѣренія. Что же касалось настоящей миссіи Кюстина, то она должна была оставаться тайною до той поры, пока министры узнаютъ о томъ, какъ приметъ ее герцогъ. Въ случаѣ благопріятнаго отношенія, министерство увѣдомитъ Собраніе о предложеніи и обратится къ герцогу уже оффиціальнымъ образомъ. Кюстинъ уѣхалъ въ началѣ января 1792 г.

Удовлетворивъ такимъ образомъ нуждамъ арміи, Нарбоннъ и его друзья занялись собственно дипломатіей. Бриссо и Клавьеръ, оба близко знакомые съ лондонскими политическими интригами и слывшіе знатоками англійскихъ дѣлъ, утверждали, что не только возможно заручиться нейтралитетомъ Англіи, но что при нѣкоторой ловкости можно добиться даже союза съ этой державой. Эти непримиримые противники Австріи находили, что для достиженія союза не слѣдуетъ отступать ни предъ какими жертвами; а такъ какъ можно закупить людей не иначе, какъ предлагая имъ желательное и заманчивое, то Нарбонну и его совѣтникамъ изъ жирондистовъ пришлось возобновить Питту обѣщанія и намеки, которые нѣкогда сдѣланы были ему же Шампсенецомъ отъ имени двора. Но на этотъ разъ національное наслѣдіе рѣзалось еще свободнѣе, чѣмъ на то отваживались въ Тюильри, и въ случаѣ недостаточности Табаго, готовы были обѣщать Иль де-Франсъ и островъ Бурбонъ [5]). Полагаютъ даже, что пошли еще далѣе и намекали, что въ случаѣ необходимости предоставятъ англичанамъ и «нѣкоторые укрѣпленные пункты» [6]). Посредника для такого рода

[5]) Morris, *Journal*, 11 janvier 1792, t. I, p. 235—236. *Pellenc à la Marck*, 8 janvier 1792. Feuillet, t. V, p. 125.

[6]) Отчетъ Сталя: Léouzon le Duc, p. 249. Сталь имѣлъ вполнѣ точныя

переговоровъ не приходилось долго искать: Талейранъ былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для такого порученія. Говернорь Моррисъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совѣтовалъ бывшему отёнскому епископу искать поста посланника. «Это,—говорилъ онъ, — наилучшій способъ сдѣлать карьеру и быть на виду, въ то же время не слишкомъ себя компрометируя. Талейрану былъ вполнѣ по вкусу такой совѣтъ. Англія всегда привлекала его; союзъ съ ней, скрѣпленный торговымъ договоромъ, входилъ въ планы, которые выработывалъ онъ уже ранѣе въ сотрудничествѣ съ Мирабо. Талейранъ надѣялся ловко опутать Питта при содѣйствіи стараго пріятеля своего Бирона.

Подобные замыслы не могли не устрашать своею рискованностью такого робкаго политика какъ Лессаръ. Однако, поддаваясь на лесть и заискиванія, которыми окружили его въ салонѣ г-жи Сталь, онъ готовъ былъ сдаться; но дворъ отнесся къ проекту враждебно. Бертранъ де-Молевилль формально воспротивился талейрановской миссіи, а Барнавъ поддержалъ его. Кончили тѣмъ, что остановились на полумѣрѣ. Въ качествѣ бывшаго члена Учредительнаго собранія Талейранъ не могъ исполнять оффиціальныхъ порученій. Рѣшено было, что онъ отправится въ Лондонъ частнымъ образомъ для того, чтобы слѣдить за событіями, зондировать почву, и соображаясь уже съ отчетами, которые онъ пришлетъ, будетъ приступлено и къ оффиціальнымъ переговорамъ.

Лессара озабочивала, главнымъ образомъ, Австрія. Попытка сближенія съ Англіей не могла не вызвать неудовольствія со стороны Леопольда. Лессаръ поспѣшилъ предупредить его и успокоить.—Поѣздка отёнскаго епископа, писалъ онъ де-Ноалю 16 января 1792 г., не имѣетъ иной цѣли, кромѣ успокоенія общественнаго мнѣнія: когда увидѣли готовность императора поддерживать трирскаго курфирста, то стали упрекать короля за слѣпое довѣріе къ нему и пренебреженіе другими союзниками. Но императору эта поѣздка не должна внушать опасеній; отъ него требуютъ одного—подчиненія трирскаго курфирста: если онъ хочетъ войны, то играетъ въ руку Англіи [7]).—Дипломатія министра иностранныхъ дѣлъ шла въ разрѣзъ съ тактикой военнаго министра въ Лондонѣ и Вѣнѣ. То же самое должно было повториться, и еще въ сильнѣйшей степени, относительно сейма и имперскихъ княжествъ. Надлежало предупредить какое-бы то ни было вмѣшательство сейма и имперіи въ пользу трирскаго курфирста. Барбе-Марбуа, дипломату уже

свѣдѣнія. Моррисъ упоминалъ о Дюнкирхенѣ и Кале. См. его отчетъ отъ 4 февраля 1792, во II томѣ его дневника (Journal).

[7]) «Этотъ дворъ поддерживаетъ наши внутреннія смуты и старается создать для насъ и внѣшнія затрудненія». Ноалю, 23 декабря 1791 г.

не разъ исполнявшему въ Германіи дипломатическія порученія, поручено было успокоить мелкихъ германскихъ государей, по поводу намѣреній Франціи [8]); онъ долженъ былъ указать имъ и на опасность союза между Австріей и Пруссіей для независимости германскихъ государствъ, и на полезность сближенія съ Франціей. Усѣянныя высокопарными отступленіями по поводу новыхъ международныхъ отношеній и новыхъ началъ французской политики, инструкціи, данныя Марбуа, были расчитаны на успѣхъ при прочтеніи ихъ въ дипломатическомъ комитетѣ; но истинная миссія Марбуа, завѣрявшаго въ своей преданности коронѣ, заключалась не въ возбужденіи германскихъ государей противъ Австріи, а въ миролюбивыхъ увѣреніяхъ и сдѣлкахъ, какъ въ Ратисбоннѣ, куда онъ предварительно направлялся, такъ и въ Вѣнѣ. Къ этой оффиціальной миссіи и къ поправкѣ ея полуоффиціальнаго свойства присоединялось еще третье, болѣе секретное порученіе, въ которомъ сказалась рука людей, изучившихъ дипломатическіе переговоры въ кабинетѣ Фавье. Въ лицѣ этихъ людей революціонная дипломатія подавала руку тайной дипломатіи Людовика XV. Послѣдняя можетъ считаться ея источникомъ, и мы увидимъ впослѣдствіи, какъ самые рьяные изъ демократовъ вернутся за свой счетъ къ интригантскимъ способамъ и даже къ комбинаціямъ, задуманнымъ въ 1791 году приспѣшниками Лакло и приверженцами Бирона. Одна изъ наиболѣе остроумныхъ интригъ заключалась въ планѣ подкупа побочныхъ сыновей герцога цвейбрюкенскаго. Повидимому, эти побочные дѣти пользовались большимъ расположеніемъ своего отца. Надѣялись помирить его при помощи ихъ вліянія съ двоюроднымъ братомъ Карломъ-Теодоромъ Баварскимъ, которому онъ долженъ былъ наслѣдовать на баварскомъ престолѣ. Этимъ путемъ расчитывали разъединить Баварію съ Австріей и помѣшать ей поддерживать германскихъ князей. Это было обходное движеніе весьма тонкаго стратегическаго свойства. Но тактика, которую намѣревались примѣнить въ Берлинѣ, была еще несравненно рискованнѣе.

Союзъ съ Пруссіей былъ рычагомъ всѣхъ дѣйствій новой школы; но сторонники этого союза хорошо знали, что французская партія въ большой немилости при берлинскомъ дворѣ. Фавориты и фаворитки наперерывъ возстановляли прусскаго короля противъ Франціи. Враждебность ихъ

[8]) Инструкціи 1 января 1792 г. – Министерство пыталось также успокоить Швейцарію относительно опасности французской пропаганды. Это поручено было Бартелеми, назначенному посланникомъ при швейцарскомъ союзномъ правительствѣ. «Г. Бартелеми долженъ дать понять, что въ конституціи ничего не говорится о томъ, чтобы преданные ей люди должны были стремиться къ введенію у другихъ народовъ нашей собственной правительственной системы». Относительно инструкціи Бартелеми см. у G. Kaulek, Paris. 1886 г. въ его книгѣ: *Les Papiers de Barthelemy* 1792.

къ Франціи была извѣстна всѣмъ и каждому, но не менѣе извѣстна была и ихъ продажность. Въ Парижѣ думали, что обладаютъ вѣрнымъ средствомъ расположить ихъ въ свою пользу. Мирабо въ былое время сообщалъ объ этомъ средствѣ въ своихъ шифрованныхъ письмахъ изъ Берлина; Талейранъ, нѣкогда разбиравшій Верженну эти письма, былъ убѣжденъ въ его дѣйствительности; Биронъ, производившій въ былое время развѣдки берлинской почвы, ручался за успѣхъ операціи [9]); онъ надѣялся къ тому же встрѣтить при берлинскомъ дворѣ агента и пособника въ лицѣ Геймана. Биронъ въ то время командовалъ частью войскъ на сѣверѣ; узнавъ о назначеніи Нарбонна военнымъ министромъ, онъ тотчасъ же сообщилъ ему о своемъ планѣ и развилъ этотъ планъ въ частныхъ письмахъ на имя Талейрана. Онъ предлагалъ подкупить «приближенныхъ короля изъ разряда продажныхъ мистиковъ или, какъ тогда выражались, иллюминатовъ: Бишофсвердера, Вельнера, графиню Денгофъ, дядю ея Линдорфа, вліятельную фаворитку Рицъ, ея мужа, камердинера короля, и самого Геймана, которому можно обѣщать мѣсто министра. Талейранъ горячо принялся за дѣло. Эти прусскіе переговоры казались ему необходимымъ дополненіемъ переговоровъ съ англійскимъ кабинетомъ. «Я сдѣлаю все, что могу, для успѣха этого великаго мѣропріятія,—писалъ Талейранъ Бирону.—Если намъ удастся заручиться поддержкой прусскаго короля, мы будемъ хозяевами положенія; конституція пойдетъ своимъ чередомъ и недовѣрію будетъ положенъ конецъ. Я не сомнѣваюсь, что рѣшеніе прусскаго короля заставитъ рѣшиться и императора».

Такого же мнѣнія были Барнавъ и Лессаръ; но они иначе смотрѣли на способы веденія переговоровъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Опасаясь прежде всего, чтобы этотъ государь, подъ вліяніемъ подстрекательства эмигрантовъ, не выступилъ первымъ, а императору не пришлось бы за нимъ послѣдовать, они старались только сдерживать его. Со времени возвращенія Мустье, въ Берлинѣ оставался только одинъ повѣренный въ дѣлахъ. Министерство нашло необходимымъ безотлагательно назначить туда посланника. Миссія требовала осмотрительности, такта и авторитетности. Лессаръ предложилъ довѣрить ее Сегюру. Этотъ дипломатъ принялъ неблагодарную задачу, которую ему предоставляли. Имъ руководило при этомъ чувство преданности дѣлу: онъ вполнѣ сознавалъ всю его трудность и не безъ основанія опасался со стороны двора писемъ, противорѣчащихъ его инструкціямъ. Инструкціи, полученныя Сегюромъ 22 декабря, носили вполнѣ миролюбивый характеръ: посланникъ долженъ былъ пригласить Пруссію воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія

[9]) *Correspondance intime et politique du général Biron*, 9—10 déc. 1791. Архивъ французскаго военнаго министерства.

дѣла Франціи, не поддерживать военными силами трирскаго курфирста, употребить свое вліяніе для разсѣянія эмигрантскихъ сборищъ и для побужденія эльзасскихъ владѣтельныхъ князей къ принятію вознагражденія за убытки.

Выборъ столь испытаннаго агента и порядочнаго человѣка разстроивалъ соображенія Бирона и его пособниковъ. «Это—мѣра, дѣлающая всѣ остальныя непримѣнимыми», писалъ онъ Талейрану. Дворъ былъ смущенъ и взволнованъ не менѣе самого Бирона. Если бы Сегюръ успѣлъ добиться нейтралитета Пруссіи, весь планъ, изложенный Людовикомъ XVI въ инструкціяхъ Бретейлю, неминуемо былъ бы разрушенъ. «Мнѣ неизвѣстенъ предметъ миссіи Сегюра,—писалъ Ферзенъ,—но эта миссія не можетъ не быть вредной; я полагалъ, что ее необходимо предупредить, если еще не поздно, или, по крайней мѣрѣ, противодѣйствовать ей въ томъ случаѣ, если къ ней уже приступлено». Онъ послалъ эстафету шведскому посланнику въ Берлинѣ Каризьену. Эмигранты, взволнованные не менѣе двора, съ своей стороны предупредили Ролля, агента принцевъ при дворѣ Фридриха-Вильгельма, чтобы онъ немедленно началъ дѣйствовать. Неосторожность придворныхъ уже создавала средство погубить Сегюра.

Биронъ скоро успокоился послѣ первой минуты досады. То, чего не могъ сдѣлать оффиціальный посланникъ, могъ попытаться исполнить тайный агентъ. Биронъ нашелъ у себя подъ рукою необходимое ему орудіе и, нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ писалъ Талейрану «все пропало», онъ посылалъ уже ему человѣка, который, по его увѣренію, способенъ все исправить. То былъ нѣкій Жарри, человѣкъ на всѣ руки, бывшій оффиціознымъ секретаремъ у Ла-Марка, Ліанкура и Ноаля. Проведшій всю жизнь среди всевозможныхъ интригъ, Жарри прослужилъ двадцать лѣтъ въ Пруссіи и принималъ негласное участіе въ прусскихъ проискахъ во время недавней бельгійской революціи. Его еще встрѣчали, по временамъ, въ Брюсселѣ, гдѣ онъ разыгрывалъ роль демократа. Онъ поселился въ Ресмѣ, на границѣ, поблизости отъ замка Ла-Марка. «Этотъ человѣкъ преданъ исключительно мнѣ», писалъ Ла-Маркъ. «Онъ служитъ поневолѣ той партіи, которая пользуется его услугами... Онъ хотѣлъ присоединиться къ принцамъ въ Кобленцѣ, но я не допустилъ, увѣривъ его, что найду для него возможность послужить Тюильрійскому двору». Случай къ тому представлялся теперь. Не вѣря въ добродѣтель людей, какъ всѣ, подобные ему развратники, Биронъ слѣпо вѣрилъ въ интригантство. Онъ встрѣтилъ Жарри, увѣровалъ въ его способности, передалъ ему письмо къ Талейрану и сообщилъ ему обо всѣхъ своихъ планахъ. Два дня спустя, Ла-Марку было уже все извѣстно, и онъ передалъ Мерси извлеченіе изъ мнимыхъ инструкцій графа Сегюра, представлявшихъ

почти буквально планъ, развитый Бирономъ Талейрану въ его письмѣ отъ 17-го декабря. Въ тотъ же день Ферзенъ, съ своей стороны, получилъ копію съ этого извлеченія и переслалъ ее немедленно Каризьену. Между тѣмъ, пріѣхавшій въ Парижъ Жарри переговорилъ съ Талейраномъ, настаивавшемъ на томъ, что «берлинскій планъ—самое спасительное средство въ настоящую минуту». Нарбоннъ не погнушался такими темными путями. Лессаръ отвергъ ихъ, но затѣмъ, какъ и всегда, согласился. «Онъ путается немного съ этими людьми,—писалъ Ла-Марку одинъ изъ его корреспондентовъ;—онъ часто ужинаетъ у г-жи Сталь и его окружаетъ именно эта партія». 5 января 1792 г. все было готово, и Талейранъ писалъ Бирону: «Я надѣюсь, что вы будете довольны мною, любезный Лозенъ (Биронъ). Жарри уѣзжаетъ, по вашему распоряженію, въ Пруссію; инструкціи его будутъ тѣ, которыя вы продиктуете». Талейранъ выказывалъ бы менѣе самоувѣренности, еслибы ему извѣстно было содержаніе писемъ, которыя препроводилъ къ Мерси; нѣсколько дней спустя, Ла-Маркъ: «Новый агентъ, отправившійся, нѣсколько дней тому назадъ изъ Парижа въ Берлинъ, нѣкій Жарри. Онъ только что извѣстилъ меня о порученной ему миссіи и сообщилъ свой берлинскій адресъ». Въ то время, какъ Нарбоннъ подготовлялъ, такимъ образомъ, частную войну съ трирскимъ курфирстомъ и императоромъ [10]), Барнавъ устраивалъ благожелательное посредничество Леопольда, а дворъ хлопоталъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ всѣхъ европейскихъ державъ,—Собраніе и парижане возбуждали дѣйствительную и страстную войну, національную войну, въ которой вѣковая вражда къ Австріи раздувалась пламенемъ революціонной пропаганды. Всѣ шаткія построенія дипломатіи и политическихъ козней какъ во Франціи, такъ и въ остальной Европѣ, будутъ разрушены этимъ грознымъ факторомъ.

---

[10]) 14 декабря, послѣ королевской декларацiи, Нарбоннъ объявилъ о формированіи трехъ армій: одной на сѣверѣ, подъ командованіемъ Рошамбо; другой—на Маасѣ, подъ начальствомъ Лафайета; третьей—на Рейнѣ, порученной Люкнеру. Онъ разослалъ по департаментамъ циркуляръ для ускоренія образованія волонтерскихъ отрядовъ, созванныхъ еще іюньскими декретами, затѣмъ онъ уѣхалъ для личнаго осмотра войскъ и обозрѣнія средствъ обороны. См. Chuquet, *Première Invasion prussienne*, ch. II, L'Armée française.

ГЛАВА IV.

Австро-прусскій союзъ.

1792.

I.

Во Франціи упрекали Леопольда за поддержку трирскаго курфирста; въ Германіи его обвиняли за то, что онъ покинулъ этого самаго государя. Императоръ продолжалъ лавировать. Послѣ приказа о недопущеніи вооруженныхъ эмигрантскихъ сборищъ въ Нидерландахъ, онъ затянулъ до 10 декабря 1791 г. ратификацію декрета, въ силу котораго сеймъ предписалъ еще въ августѣ энергическое требованіе возстановленія правъ нѣмецкихъ князей, нарушенныхъ Франціей. Онъ ограничился тѣмъ, что написалъ 3 декабря Людовику XVI и изложилъ факты. Мелкія нѣмецкія государства жаловались на слабость императора; они серьезно опасались успѣховъ революціи. Въ Саксоніи, Швабіи и имперскихъ городахъ замѣчались признаки безпокойнаго настроенія. Волненія росли въ краѣ на лѣвомъ берегу Рейна и хотя они не были опасны, но уже внушали страхъ слабымъ и плохо вооруженнымъ государствамъ. Городъ Вормсъ потребовалъ изгнанія эмигрантовъ. Штаты трирскаго курфиршества требовали пользованія верховною властью, которую объявляли себѣ присвоенною. Въ Вѣнѣ убѣждены,—пишетъ одинъ дипломатъ,—что если французы перейдутъ черезъ Рейнъ, то «всѣ села отъ Бонна до Базеля станутъ на ихъ сторону и перерѣжутъ всѣхъ князей, графовъ и дворянъ, которые попадутся имъ подъ руку» [1]).

Газеты и письма, получаемыя изъ Парижа, обнаруживали очевидную опасность, грозившую всей Европѣ. Дипломаты начинали замѣчать во французской революціи грозныя новшества, ускользавшія до тѣхъ поръ отъ ихъ наблюденія. «Цѣль мятежниковъ болѣе явно, чѣмъ когда-либо, клонитъ къ окончательному ниспроверженію монархіи и замѣненію ея республиканскимъ правительствомъ», писалъ де-Мерси отъ 24 декабря въ отчетѣ, въ которомъ сказывается вліяніе сочиненій Малле дю-Пана. «Все, что произойдетъ вслѣдствіе революціи, будетъ имѣть совершенно новый характеръ, и тѣмъ болѣе опасный, что принципы французской революціи

---

[1]) Отчетъ Симолена, 17 марта 1792. Feuillet, t. V, p. 310.

и химерическаго правительства, которое она породила бы, могутъ разсматриваться не столько какъ политическіе вопросы, сколько какъ фанатизмъ, способный охватить народъ, обѣщая землю неимущимъ, на подобіе того, какъ христіанство обѣщало небесное блаженство. Права человѣка сдѣлались общимъ для всѣхъ народовъ евангеліемъ, дающимъ имъ непосредственную верховную власть, по праву принципа и опираясь на Бога и природу» [2]).

Императоръ серьезно задумывался надъ этимъ въ то время, когда его извѣстили о требованіяхъ, предъявленныхъ трирскому курфирсту французскимъ правительствомъ. «Все курфиршество проникнуто почти невѣроятнымъ паническимъ страхомъ», писалъ ему этотъ курфирстъ. «Мнѣ грозитъ, съ одной стороны, бунтъ моихъ подданныхъ, зараженныхъ отчасти духомъ своихъ сосѣдей, а съ другой—вторженіе непріятельскихъ французскихъ войскъ». Курфирстъ призывалъ на помощь и Австрію и Пруссію. Пруссія предлагала поддержать его; Леопольдъ, не колеблясь, обѣщалъ свою помощь. «Видя, что ни одна власть не пользуется уваженіемъ, получая ежедневные зловѣщіе отчеты объ успѣхахъ демократическаго духа во Франціи, онъ рѣшился оказать защиту трирскому курфирсту, несмотря на то, что не одобряетъ его образа дѣйствій». Дѣйствительно, императоръ объявилъ, что готовъ защищать этого архіепископа въ случаѣ нападенія, но подъ условіемъ предварительнаго разсѣянія имъ эмигрантскихъ сборищъ, т. е. соблюденія правъ Франціи.

Трирскій курфирстъ немедленно повиновался. Майнцскій почелъ за лучшее послѣдовать его примѣру. Изгнанные изъ Кобленца эмигранты бродили по дорогамъ по снѣгу и грязи. Ихъ отъѣздъ походилъ на бѣгство. Населеніе безнаказанно проявляло свою враждебность по отношенію къ этимъ изгнаннымъ французамъ. Ихъ выгоняли отовсюду. Ландграфъ гессенскій, герцогъ виртембергскій и даже король прусскій запретили бѣглецамъ переступать предѣлы своихъ владѣній. Конде удалился со своими приближенными въ Эттенгеймъ, въ помѣстье кардинала Рогана. У трирскаго курфирста остались только братья Людовика XVI, приходившіеся ему племянниками и которыхъ онъ не нашелъ возможнымъ лишить гостепріимства. 21 декабря курфирстъ оффиціально извѣстилъ французское правительство о принятыхъ имъ мѣрахъ. Въ тотъ же день это извѣстіе было подтверждено Кауницемъ; онъ требовалъ, однакожъ, что если, не взирая на данное Франціи удовлетвореніе, будетъ произведено нападеніе на курфиршество, Австрія окажетъ ему помощь. «Императоръ горячо желаетъ,—писалъ Кауницъ,—избѣжать этой крайности и неизбѣжныхъ по-

[2]) Vivenot, t. I, p. 331, — Sayous: Mallet du Pan, *Extraits du Mercure*, t. I, p. 248. Отчетъ Мерси написанъ былъ по-французски.

слѣдствій, которыя она повлекла бы за собою, какъ со стороны главы и государей германскаго союза, такъ и со стороны остальныхъ европейскихъ государей, соединившихся ради поддержанія общественнаго спокойствія, безопасности и чести вѣнценосцевъ». Союзъ этотъ былъ далекъ отъ своего осуществленія, но королева неоднократно повторяла Леопольду, что одно заявленіе о немъ должно уже произвести благодѣтельное впечатлѣніе на французовъ. Императоръ надѣялся, что угроза заставитъ ихъ одуматься, и онъ подтвердилъ ее кое-какими вооруженіями.

Раздраженіе не ослабѣвало, однако, при дворахъ, гдѣ замышляли контръ-революцію и держали сторону французскихъ принцевъ. Здѣсь со всѣхъ сторонъ раздавались протесты противъ дѣйствій «проклятаго флорентинца». Густавъ III, подписавшій, наконецъ, дружественный договоръ съ Россіей, выражалъ нетерпѣніе по поводу того, что ему не даютъ прославиться. Гнѣваясь на Австрію, онъ доходилъ до подозрѣванія Маріи-Антуанеты въ доставленіи брату предлоговъ для воздержанія отъ дѣйствія. Людовикъ XVI давно уже не внушалъ этимъ дворамъ ничего, кромѣ презрительной жалости. «Постыдное поведеніе французскаго короля,—писалъ Густавъ III,—безъ сомнѣнія превзошло подлостью и гнусностью все, чего можно было ожидать». Употребляя такія рѣзкія выраженія, шведскій король настраивался на ладъ своей союзницы: «Это—дѣйствительно недостойная подлость,—заявляла Екатерина;—можно подумать, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Я страшно взбѣшена; я топнула ногою, читая эти... эти... мерзости» [3]). Дѣло шло пока о конституціонныхъ законахъ; декларація 14 декабря вызвала еще сильнѣйшее негодованіе. Казалось, что ни французскій дворъ не понималъ дѣйствительнаго положенія Европы, ни европейскія канцлерства не отдавали себѣ отчета въ положеніи французскаго двора. Необходимо было, во что бы то ни стало, разсѣять недоразумѣніе. Ферзенъ отправился въ Парижъ. Онъ путешествовалъ подъ вымышленнымъ именемъ съ паспортомъ, выданнымъ португальскимъ правительствомъ.

Всего болѣе надеждъ возлагалъ онъ на Россію. Экспедиція, предположенная Густавомъ III, расчитана была на содѣйствіе Екатерины. Шведскій король не сомнѣвался относительно намѣреній императрицы; онъ ручался за нихъ Людовику XVI. А между тѣмъ эти намѣренія далеко не были ясны. Въ то время, какъ въ Швеціи, Парижѣ и на Рейнѣ питали неосновательныя надежды на ея помощь, Екатерина писала Гримму, отъ 2 ноября: «Новый союзникъ не стыдится просить позволенія явиться

[3]) Густавъ Ферзену, 11 ноября 1791 г. Fersen, t. I, p. 223.—Екатерина Гримму, 25-го сентября. См. у Ферзена, т. I, стр. 278 и 281, письма Густава къ Ферзену и Людовику XVI, 22 декабря 1791.

сюда, чего мы постараемся избѣжать, насколько возможно. Какъ вы хотите, чтобы я поручила ему войска: онъ не умѣетъ ими командовать». Эти войска направлялись тѣмъ временемъ къ Польшѣ и составляли стотридцати-тысячную армію и предназначались для выполненія не столь рискованнаго и рыцарскаго, но несравненно болѣе практическаго и выгоднаго, предпріятія, чѣмъ спасеніе Людовика XVI. Окончательный миръ съ турками только что былъ заключенъ въ Яссахъ [4]) и русскіе генералы получили приказъ вступить въ предѣлы Польши. «Если Австрія или Пруссія будутъ противиться этому плану», писала Екатерина графу Зубову, передавая ему этотъ приказъ, «я предложу имъ вознагражденіе или раздѣлъ» [5]).

Вѣнскіе и берлинскіе дипломаты прекрасно понимали русскую тактику. «Императрица,—говорилъ Кауницъ,—ждетъ только того, чтобы Австрія и Пруссія вмѣшались во французскія дѣла, чтобы все перевернуть въ Польшѣ». Австрійскіе интересы были одинаковы и во Франціи, и въ Польшѣ: во Франціи они требовали установленія извѣстнаго компромисса между партіями монархической конституціи, которая поддерживала бы постоянное броженіе, слабость внутри и отсутствіе всякаго вліянія извнѣ; въ Польшѣ Австрія желала установленія монархіи, довольно прочной для того, чтобы не быть поглощенной сосѣдями, и достаточно немощной, чтобы никому не внушить опасеній, однимъ словомъ, такой державы, которая «существовала бы только для приличія и лишена была самостоятельнаго значенія» [6]).

Но становившіяся все болѣе и болѣе опредѣленными и настоятельными письма Маріи-Антуанеты, парижскія событія, отчеты о засѣданіяхъ Собранія, усиленіе ненависти къ Австріи, о которомъ они свидѣтельствовали, извѣстія о вооруженіяхъ, о дипломатическихъ тайныхъ и явныхъ миссіяхъ, все это не позволяло императору обманывать себя относительно неизбѣжности войны. Министерство считаетъ войну неизбѣжной, писалъ Ноаль 24 декабря. Дѣло о владѣтельныхъ князьяхъ, веденное до того времени довольно мягко, внезапно обостряется. Это—дѣло первостепенной важности, говорятъ австрійцы; императоръ не можетъ пренебрегать имъ, не дискредитируя себя въ имперіи. «Несомнѣнно, что война начнется весной», пишетъ Ноаль. Австрійцы проводятъ мысль о вознагражденіи нѣмецкихъ князей путемъ обмѣна земель. Они не скрываютъ, что вторженіе французскихъ войскъ въ предѣлы имперіи сочтено будетъ германскимъ

---

[4]) 9 января 1792 г., на основаніи галацскихъ прелиминарій.

[5]) Екатерина Зубову. Hermann, *Dip. Corresp.*, p. 231.

[6]) Канцелярская докладная записка, 12 янв. 1792.—*Соображенія Кауница*, см. у Vivenot, t. I, p. 340, 418—420.

союзомъ объявленіемъ войны и что императоръ будетъ поддерживать эту войну всѣми силами [7]). Впрочемъ они опасаются, и не безъ основанія, «соглашенія и заговора» между революціонерами французскими и брабантскими; они боятся внезапнаго вторженія французовъ въ Нидерланды.

Интересы Австріи требовали отъ императора принятія нѣкоторыхъ мѣръ. Совѣтъ министровъ собрался 17 января 1792 г., подъ предсѣдательствомъ Леопольда и эрцгерцога Франца. Снова обсуждали вмѣшательство и опредѣляли ближайшій къ нему поводъ. О возстановленіи абсолютной монархіи не могло быть и рѣчи: Кауницъ положительно заявилъ объ этомъ.—Подобное намѣреніе вовлекло бы насъ въ убыточную войну и успѣхъ его вовсе не былъ бы желателенъ для Австріи. «Жертвовать нашимъ золотомъ и нашею кровью ради возстановленія прежняго могущества Франціи, ея вліянія въ Европѣ, а слѣдовательно и ея соперничества съ нами, это значило бы совершить одну изъ опаснѣйшихъ политическихъ ошибокъ, когда-либо сдѣланныхъ и могущихъ быть сдѣланными австрійскимъ домомъ. Что касается вознагражденія, долженствующаго покрыть военныя издержки и военный рискъ, то всего выгоднѣе было для Австріи обмѣнять Нидерланды на Баварію». Канцлеръ заявилъ въ заключеніе, что находитъ необходимымъ возобновленіе переговоровъ съ державами, прерванныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Державы должны согласиться относительно требованія немедленнаго прекращенія угрожающихъ мѣръ противъ Германіи и, въ особенности, военныхъ приготовленій, о которыхъ было объявлено 14 декабря. Совѣтъ принялъ эти предложенія. Императоръ предлагалъ союзникамъ, для подтвержденія совмѣстнаго дѣйствія, войска, стоящія въ Нидерландахъ, и сорока-тысячную армію, подъ тѣмъ условіемъ, что и Пруссія выставитъ такое же количество войска. Остальныя державы должны указать, сколько именно войска онѣ могутъ предоставить въ распоряженіе коалиціи. Что касается конгресса, то онъ будетъ созванъ лишь въ томъ случаѣ, если французскій народъ выразитъ желаніе видѣть короля своимъ посредникомъ по отношенію къ Европѣ.

Переговоры по поводу договора между Австріей и Пруссіей не прерывались, но въ этомъ дѣлѣ ограничивались до сихъ поръ одними прелиминаріями. Австрія заявила берлинскому правительству о своемъ желаніи возможно скорѣе прійти къ окончательному соглашенію, какъ относительно Франціи, такъ и по поводу Польши. Она предложила составить относительно Польши особый договоръ: Пруссія и Австрія обязались бы этимъ договоромъ щадить цѣлость республики и поддерживать конституцію 3-го мая 1791 г.; эти державы пригласятъ, затѣмъ, и Россію примкнуть къ

[7]) Кауницъ Ноалю, 5 января. Блумендорфу, 11 янв. 1792. Vivenot, t. I, p. 564—567.

этому договору. Инструкціи, препровожденныя Леопольдомъ представителю своему въ Берлинѣ, князю Рейссу, не касались вопроса о вознагражденіи [8]). Леопольдъ намѣревался предоставить иниціативу въ этомъ дѣлѣ пруссакамъ; но въ бесѣдахъ съ Якоби Кауницъ не устранялъ вопроса о вознагражденіи. Шпильманъ же не стѣснялся говорить объ этомъ во всеуслышаніе. «Весьма вѣроятно,—говорилъ онъ,—что Австрія и Пруссія возьмутъ нѣсколько провинцій и слѣдовало бы удержать ихъ до той минуты, когда обезпечено будетъ вознагражденіе за военныя издержки». Что касается высшаго командованія союзными арміями, то оно могло быть ввѣрено лишь испытанному генералу, который стоялъ бы выше всякаго соперничества по происхожденію и репутаціи и авторитетность котораго признавалась бы и австрійскими и прусскими войсками. Всѣ указывали уже на герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Такова была слава этого «героя», что Франція и Германія, въ минуту столкновенія, искали его содѣйствія, какъ залога побѣды, и оспаривали другъ у друга честь сражаться подъ его начальствомъ.

II.

Кюстинъ пріѣхалъ 12 января въ Брауншвейгъ. Герцогъ принялъ его «съ изысканною вѣжливостью, но и крайне сдержанно» [1]). Кюстинъ бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько разъ, не осмѣливаясь объявить о предметѣ своей миссіи. Герцогъ Брауншвейгскій отличался «выдающимся умомъ, чуждымъ какихъ бы то ни было предразсудковъ, онъ стоялъ выше тщеславія и абсолютизма»; честолюбіе его было изъ крупныхъ, холодное и расчитанное. Это былъ государь-философъ, другъ свободомыслія, но одинаково мало клонившійся и въ сторону демократіи, и въ сторону церкви. Глумленіе надъ предразсудками, реформаторское рвеніе и любовь къ человѣчеству соединялись у него, какъ у Вольтера и Фридриха II, съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ невѣжественной народной массѣ и грубой черни. Онъ восхищался принципами революціи и порицалъ безпорядки, ее сопровождавшіе; онъ сожалѣлъ о судьбѣ эмигрантовъ, нисколько, впрочемъ, не уважая ихъ; онъ сожалѣлъ объ уничтоженіи дворянства: Это предразсудокъ,—говорилъ онъ,—но предразсудокъ, распространенный по всей Европѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ ничего не желалъ предпринимать для возстановленія дворянства во Франціи. «Онъ устранялъ всякую мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ въ ея внутреннія дѣла».

---

[8]) Императоръ Кауницу и Рейссу, 4-го января 1792 г. Vivenot, t. I, p. 304.

[1]) Слова, обозначенныя кавычками, заимствованы изъ отчетовъ самого Кюстина. См. *Revue historique*, t. I, p. 162.

20 января, вслѣдствіе разговора, въ которомъ герцогъ былъ менѣе сдержанъ, чѣмъ обыкновенно, Кюстинъ повелъ рѣчь о грандіозности роли, которую могъ бы сыграть въ Европѣ «человѣкъ сильнаго характера, который, съумѣвъ водворить порядокъ во Франціи преобразованіемъ арміи, внушивъ снова уваженіе къ этой странѣ извнѣ, сдѣлался бы богомъ французовъ и благодѣтелемъ потомства». Герцогъ снисходительно слушалъ; Кюстинъ, сдѣлавшись болѣе смѣлымъ и взявъ съ герцога честное слово въ томъ, что разговоръ останется тайною между ними, продолжалъ: «Еслибы французскій народъ, признавъ важное значеніе только что мною изложеннаго, объявилъ чрезъ посредство своихъ представителей, что среди кризиса, грозящаго ему и внутри страны и извнѣ, только одинъ человѣкъ способенъ свершить его великую судьбу и въ силу прошлыхъ заслугъ, и по своимъ высокимъ дарованіямъ; если бы онъ обратился къ этому единственному человѣку, имя котораго принадлежитъ потомству; если бы самъ король присоединился къ такому заявленію и сдѣлалъ рѣшительный шагъ и если бы этимъ великимъ человѣкомъ были вы, ваша свѣтлость, что̀ бы отвѣтили вы на такое предложеніе?» Кюстинъ произнесъ все это глубоко взволнованнымъ голосомъ. Герцогъ казался также взволнованнымъ и въ то же время растроганнымъ; но онъ сталъ дѣлать возраженія, извинялся, требовалъ времени на размышленіе. Возвращаясь изъ герцогскаго дворца, Кюстинъ невольно вспомнилъ сужденіе Мирабо о Фердинандѣ: въ основѣ этого характера лежитъ нерѣшительность, недовѣріе къ себѣ и другимъ, парализующее самую страсть къ славѣ, мелочная осторожность, сдерживающая порывы воображенія и горячность честолюбія. Когда Кюстинъ увидѣлъ герцога на другой день, онъ былъ уже вполнѣ спокоенъ. Отвѣтъ его былъ проникнутъ эгоизмомъ, но разсудителенъ и не допускалъ возраженій. «Въ этомъ дѣлѣ пришлось бы преодолѣть слишкомъ много затрудненій», сказалъ онъ. «У васъ слишкомъ много умныхъ людей, слишкомъ просвѣщенныхъ и слишкомъ строгихъ судей, общественное мнѣніе у васъ слишкомъ измѣнчиво... Повѣрьте, общія мѣста и софизмы тѣхъ, кто сталъ бы увѣрять, что я иду сражаться противъ интересовъ королевской власти, не въ состояніи были бы остановить меня. Я знаю, что слѣдуетъ думать о декламаторствѣ и свожу его къ его истинной стоимости. Въ своей жизни я не избѣгалъ крупныхъ предпріятій и умѣю цѣнить великую роль на первой изъ міровыхъ сценъ. Но съ моей стороны только большое самомнѣніе и бездарность могли бы скрыть невозможность для меня успѣха именно въ этомъ предпріятіи; будучи увѣренъ, что если мнѣ поручатъ командованіе войсками, я съумѣю вести ихъ не хуже другого, я слишкомъ самолюбивъ, чтобы рисковать своею репутаціей въ такомъ рискованномъ и сложномъ пред-

пріятіи». Кюстинъ, однако, продолжалъ надѣяться. Онъ думалъ, что второе письмо короля, болѣе настойчивое и опредѣленное, положитъ конецъ колебаніямъ герцога Брауншвейгскаго. Въ этомъ онъ ошибался вполнѣ, принимая за увертки то, что было простымъ отказомъ. Герцогъ относился къ нему съ симпатіей и вѣжливо выпроваживалъ. Кюстинъ могъ почитать себя еще счастливымъ, что не встрѣтилъ въ Брауншвейгѣ жестокихъ неудачъ, ожидавшихъ въ Пруссіи его коллегу, Сегюра.

Сегюръ выѣхалъ въ Берлинъ 26 декабря [2]). Въ то время, какъ онъ направлялся туда черезъ Страсбургъ, снабженный министерскими инструкціями, кавалеръ Бельзенсъ спѣшилъ въ Берлинъ изъ Брюсселя съ инструкціями, полученными отъ Бретейля [3]). Въ письмѣ къ Шуленбургу, отъ имени Людовика XVI, Бретейль отрицалъ всякое значеніе миссіи Сегюра и заранѣе подрывалъ его полномочія. Онъ инсинуировалъ даже, что миссія конституціоннаго посла связана съ революціонно-пропагандистскими цѣлями въ прусскихъ владѣніяхъ. Сильно компрометирующій доносъ подтвердилъ эти инсинуаціи Бретейля. Сегюръ остановился въ Страсбургѣ. Этотъ городъ сдѣлался главнымъ очагомъ распространенія новыхъ идей въ имперіи; нѣмцы, восторгавшіеся французскими идеями, ѣздили туда подышать воздухомъ свободы, услышать новое слово, прославить федерацію и даже, при случаѣ, и записаться въ ряды демократическихъ обществъ [4]). Сегюра посѣтилъ въ гостиницѣ городской меръ Дитрихъ. То былъ горячій патріотъ. Онъ полагалъ что Эльзасу грозитъ иноземное вторженіе. Онъ говорилъ съ Сегюромъ «о своихъ связяхъ въ Германіи и о готовности народовъ примкнуть къ дѣлу французовъ». Сосѣдній номеръ занималъ какой-то нѣмецъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ любопытныхъ и нескромныхъ путешественниковъ, которые позволяютъ себѣ подслушивать у перегородокъ. Онъ плохо зналъ французскій языкъ, уловилъ отрывки разговора и понялъ на-половину. Но полный патріотическо-нѣмецкаго усердія, онъ немедленно отправилъ доносъ въ Берлинъ. Частную бесѣду Сегюра съ Дитрихомъ онъ изобразилъ въ видѣ «совѣщанія якобинцевъ, обсуждавшихъ способъ пропаганды въ Германіи» [5]).

Прусскій агентъ принцевъ, Ролль, раздулъ клевету; онъ прибавилъ и болѣе коварный маневръ. Во время своего посланничества въ Петербургѣ,

---

[2]) Относительно подробностей миссіи Сегюра и клеветнической легенды, къ которой она подала поводъ, см. статьи, напечатанныя въ *Temps* 10, 12 и 18 октября 1878 г.

[3]) Бретейль Шуленбургу, 4 января 1792 г. Flammermont, p. 10.

[4]) См. Wohlwill, *notes sur Kerner et Schubart*; Venedey, *notes sur Eulogе Schneider*.

[5]) Слова, обозначенныя кавычками, заимствованы изъ отчета Сегюра 12 февраля 1792 г.—Отчетъ Рейсса отъ 14 января. Vivenot, t. I, p. 321.

Сегюръ, упорно добивавшійся союза съ Россіей, дѣятельно боролся противъ прусской политики и дѣлалъ все возможное, чтобы отдалить Екатерину отъ Фридриха-Вильгельма. Не разъ упражнялъ Сегюръ свое саркастическое остроуміе по поводу его кудесниковъ, его многоженства, періодическихъ разводовъ, кабинета привидѣній и гарема ханжей. Въ Берлинѣ гнѣвались на его дипломатическую дѣятельность столько же, сколько и на его ядовитыя насмѣшки. Ролль растравилъ раны уязвленнаго самолюбія, напомнилъ о плохихъ услугахъ Сегюра въ Россіи, передавалъ его эпиграммы, и эмигранты общимъ голосомъ характеризовали его, какъ личнаго врага прусскаго короля и Пруссіи.

Тѣмъ временемъ шведскій и австрійскій посланники получили, одинъ чрезъ Ферзена, другой отъ Меттерниха, и оба изъ Брюсселя, извлеченіе изъ апокрифическихъ инструкцій Сегюра. Они немедленно стали распространять копіи этого извлеченія; весь Берлинъ заговорилъ о нихъ. Заинтересованныя, т. е. лица, на которыхъ указывалось въ этихъ мнимыхъ инструкціяхъ съ обозначеніемъ ихъ подкупной стоимости: морганатическая супруга, Бишофсвердеръ, старшая фаворитка, ея мужъ—камеръ-лакей, однимъ словомъ вся клика кричала громче другихъ и доказывала свою честность, клеймя интригана. Именно Гейманъ, которому Биронъ хотѣлъ поручить «махинацію секретныхъ фондовъ», взялъ на себя сообщить объ этой тайнѣ прусскому королю. Этотъ государь, сильно предубѣжденный уже противъ Сегюра и встревоженный успѣхами пропаганды, отнесся къ миссіи Сегюра, какъ къ явному оскорбленію. Онъ не допускалъ, чтобы его считали «настолько непослѣдовательнымъ, чтобы отказаться отъ системы, принятой восемь дней назадъ» и чтобы его находили способнымъ измѣнить союзнику только потому, что какой-то интриганъ подкупилъ его любовницу. Сегюръ пріѣхалъ 10 января, когда уже все было условлено и рѣшено противъ него. Онъ отправился къ министрамъ тотчасъ по пріѣздѣ. Шуленбургъ долго и откровенно бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ не скрылъ настоящихъ причинъ готоваго вспыхнуть конфликта. «Помѣшать войнѣ можно только въ самой Франціи. Я не вижу ничего способнаго внушать серьезныя опасенія въ кучкѣ эмигрантовъ, которымъ запрещаютъ даже вооружаться. Удовлетворите имперскихъ владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ. Прекратите у себя смуты, тревожащія другіе народы, и не удивляйтесь, если образуется лига королей, министровъ и дворянъ противъ распространенія вашихъ идей, направленныхъ противъ нихъ и причиняющихъ столько безпорядковъ». «Но почему же германскіе князья не идутъ на соглашеніе съ нами?» спросилъ Сегюръ. «Неужели вы хотите, чтобы мы нарушили единство нашихъ законовъ, возмутили народъ, навлекли бы на себя междуусобицу только потому, что имперскіе князья или, вѣрнѣе, имперія (нѣкоторые

князья вѣдь идутъ на сдѣлку) отказывается принять справедливое вознагражденіе?»—«Ваши затрудненія и ваша конституція нисколько не касаются иностранцевъ», возразилъ министръ. «У имперіи также была конституція, запрещавшая уступать какую бы то ни было часть территоріи и, однако, вамъ уступили же Эльзасъ. Имперія не можетъ довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ, потому что деньги проживаются и отъ нихъ ничего не остается; къ тому же, есть права чести, за которыя ничѣмъ нельзя вознаградить». Въ концѣ-концовъ, Шуленбургъ намекнулъ на возможность обмѣна территорій.

Эта первая встрѣча мало обѣщала Сегюру относительно успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ. Онъ чувствовалъ себя окруженнымъ глухою враждебностью и плохо скрываемымъ неодобреніемъ. «Онъ старался подкупить меня лестью,—говорилъ Рейссъ королю;—но я отвѣчалъ ему какъ добрый нѣмецъ».—«Такимъ же способомъ выпровожу его и я», отвѣтилъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Король принялъ Сегюра 12 января только по настоянію министровъ и выказалъ весьма замѣтную холодность. «Франція,—сказалъ онъ,—надолго утратила всякое вліяніе въ Европѣ».—«Да она и не имѣетъ никакого желанія вмѣшиваться въ чужія дѣла; но Франція слишкомъ обширна и слишкомъ населена, чтобы, несмотря на это, не имѣть вліянія», возразилъ Сегюръ. «Надѣюсь, что царствованіе вашего величества будетъ всегда счастливо; однако, если судьба принесла бы вамъ нѣкоторыя превратности, вліяніе Франціи оказалось бы весьма необходимымъ, и ваше величество пожалѣли бы объ ослабленіи этого полезнаго противовѣса». Этотъ доводъ мало подѣйствовалъ на Фридриха-Вильгельма. Онъ былъ, казалось, полонъ надеждъ на будущее. Сегюръ заключилъ изъ этого, что союзъ между Пруссіей и Австріей уже состоялся, хотя ему недостаетъ еще нѣкоторыхъ формальностей. «Можетъ быть,—прибавлялъ онъ, передавая объ аудіенціи Лессару,—если встрѣтится отпоръ, вознагражденіемъ долженъ послужить самъ Эльзасъ». 17 января, убѣдившись въ безполезности своей миссіи и находя въ ней одни поводы къ личнымъ непріятностямъ, онъ просилъ уволить его какъ можно скорѣе. Пріѣздъ Жарри, который явился вслѣдъ за нимъ, далъ новую пищу клеветѣ. Сегюръ узналъ, наконецъ, причины остракизма, которому подвергся въ Берлинѣ. Онъ былъ пораженъ. Здоровье его было потрясено; онъ заболѣлъ. Враги его увѣряли, что онъ сошелъ съ ума отъ стыда и хотѣлъ убить себя. Агенты эмиграціи разослали это извѣстіе по всѣмъ дворамъ и произвели скандалъ во всей Европѣ. Сегюру оставалось только уѣхать, и онъ снова потребовалъ своего отозванія.

Однако, извѣрившись въ успѣхѣ своихъ переговоровъ въ Берлинѣ, Сегюръ не терялъ надежды на сохраненіе мира, хотя соглашеніе съ Прус-

сіей считалъ вполнѣ несбыточнымъ. Въ этомъ случаѣ онъ оказался дальновиднымъ. Дѣло конгресса не двигалось. Фридрихъ-Вильгельмъ съ чувствомъ удовлетворенія принялъ предложенія, сообщенныя его правительству Рейссомъ 10-го января. Но это первое впечатлѣніе было ослаблено дальнѣйшимъ обсужденіемъ. Совѣты министровъ всегда охлаждали рвеніе прусскаго короля. Онъ признавалъ, что «при удачной комбинаціи конгрессъ могъ имѣть желаемый успѣхъ»; но, прибавлялъ онъ, «это было бы трудною и медленною операціей». Король не скрылъ этого мнѣнія въ отвѣтѣ своемъ Людовику XVI, прикрывъ его уклончивою и привѣтливою формой. Онъ требовалъ, чтобы ему обезпечили вознагражденіе за военныя издержки ранѣе, чѣмъ будетъ имъ что-либо предпринято. Прусскіе министры говорили, что война, безъ сомнѣнія, можетъ быть избѣгнута, если Франція удовлетворитъ требованія имперіи, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, не было ничего чрезмѣрнаго.

Подобныя же впечатлѣнія вынесъ и Ноаль изъ бесѣдъ своихъ съ вѣнскими дипломатами. Императоръ казался удовлетвореннымъ меморіей конституціонистовъ. Мерси находилъ эту записку разумной, и въ Вѣнѣ расчитывали еще на переговоры. Но для этого требовалась готовность Франціи. «Я сказалъ бы даже,—писалъ Ноаль 20 января, послѣ свиданія съ Колоредо,—что война будетъ только въ томъ случаѣ, если мы ее объявимъ сами». Марбуа извѣщалъ изъ Мюнхена, что нигдѣ не видѣлъ войскъ и что въ имперіи нигдѣ не думали собирать ихъ. Пребываніе въ Вѣнѣ окончательно утвердило его въ этомъ мнѣніи. «Я думаю,—писалъ онъ 18-го февраля,—что миръ еще въ нашихъ рукахъ». Ему казалось, что этотъ миръ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ дѣла владѣтельныхъ эльзасскихъ князей, и онъ полагалъ, что оно можетъ быть улажено.

Могло ло согласиться французское министерство на условія сохраненія мира, поставленныя императоромъ и прусскимъ королемъ? Могло ли оно возвратить папѣ Авиньонъ, дать князьямъ территоріальное вознагражденіе, подавить пропаганду, возвратить силу королевской власти? Ничто не указываетъ на возможность такого исхода; къ тому же, министерство не имѣло и случая для такой попытки. Слишкомъ много различныхъ теченій стремилось къ разрушенію намѣреній министерства. Самыя противоположныя партіи вступали въ заговоръ, чтобы не допустить ихъ осуществленія. Придворные агенты приглашали эмигрантовъ противиться приказамъ о распущеніи и вновь организовывать сборища, будучи убѣждены, что Франція перейдетъ въ наступленіе, а императоръ вынужденъ будетъ защищать имперію. Жирондисты въ Собраніи побуждали къ войнѣ: мѣры, ими вызываемыя, были такого свойства, что дѣлали всякую сдѣлку невозможною, а разрывъ—неминуемымъ.

III.

31 декабря 1791 г. Лессаръ сообщилъ Собранію оффиціальное извѣщеніе Кауница, объявлявшее, что императоръ окажетъ поддержку трирскому курфирсту, въ случаѣ нападенія на него, и что въ этомъ смыслѣ уже отданъ приказъ по войскамъ, расположеннымъ въ Нидерландахъ. Вслѣдъ за тѣмъ министръ прочиталъ и отвѣтъ короля: Людовикъ XVI объявлялъ императору, что если въ назначенный срокъ не будутъ дѣйствительно распущены эмигрантскія сборища, ему придется обратиться къ оружію. Собраніе рѣшило подвергнуть вопросъ обсужденію. Такимъ образомъ вопросъ о войнѣ перенесенъ былъ на трибуну, съ которой говорились рѣчи, и ораторы принялись обращаться съ государствами, народами и иностранными государями совершенно такъ же, какъ привыкли обращаться во Франціи съ партіями, министрами и дворомъ. Перваго января 1792 г., по предложенію Бриссо и по докладу Жансонне, братья короля и Калоннъ объявлены были декретомъ преданными суду. Пятаго начались пренія по внѣшнимъ дѣламъ. Иснаръ выступилъ первымъ и съ первыхъ же словъ открылъ пальбу со всѣхъ пунктовъ: «Война готова загорѣться, воскликнулъ онъ,—война, необходимая для довершенія дѣла революціи, но которая, быть можетъ, охватитъ своимъ пламенемъ всю Европу». Не слѣдуетъ успокоивать себя обманчивымъ довѣріемъ къ намѣреніямъ императора. «Сущность политики императоровъ заключается въ задушеніи свободы народовъ». Франція изолирована: она лишена союзниковъ, и въ этомъ виновенъ Монморенъ. Правда, она можетъ и обойтись безъ союзниковъ, но король обязанъ ихъ найти, а чтобы успѣть въ этомъ, стоитъ только попытаться.—Иснаръ предложилъ затѣмъ политическую панацею Жиронды, специфическое средство, составляющее основу всѣхъ его дипломатическихъ и военныхъ соображеній, то есть прусскій союзъ.—«О, если бы живъ былъ Фридрихъ! этотъ король-философъ съумѣлъ бы найти во французской революціи основу для установленія на вѣки-сѣвернаго равновѣсія.»

Во время этихъ преній, безпрестанно прерываемыхъ дѣлами болѣе настоятельной важности, Нарбоннъ, только что вернувшійся съ осмотра сѣверныхъ и восточныхъ границъ, прочелъ сенсаціонный и рискованно-смѣлый отчетъ, польстившій иллюзіямъ большинства, которое покрыло его рукоплесканіями. Онъ утверждалъ, что Франція готова къ войнѣ. «Все возможно для насъ, исключая допущенія такого позорнаго договора, который позволилъ бы иностранцамъ вмѣшиваться въ наши политическія пренія!» Это неосмотрительное заключеніе было весьма далеко отъ истины. Булье, къ несчастію, былъ ближе къ ней въ своемъ отчетѣ иностранцамъ о военной дезорганизаціи Франціи. На самомъ дѣлѣ, «ни въ какомъ

отношеніи не были готовы» [1]). Самолюбивый оптимизмъ Нарбонна вызвалъ неожиданное для него послѣдствіе, обратившееся противъ его собственныхъ плановъ. Собраніе, успокоенное его отчетомъ, отказалось утвердить зачисленіе въ линейныя войска волонтёровъ, а также и наборъ въ 51.000 человѣкъ, требуемые министромъ для довершенія боевой готовности. Въ то же время, считая себя способными выдержать борьбу и необходимую и незатруднительную, всѣ готовы были броситься въ нее тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ. Заявленія министра породили недоразумѣніе. Нарбоннъ желалъ войны исключительно противъ курфирста, котораго слабо поддерживала бы Австрія, вслѣдствіе боязни встрѣтить противодѣйствія со стороны Пруссіи. Готовымъ онъ объявлялъ себя именно для такого рода большихъ маневровъ съ пушечной пальбой, или дуэли до первой царапины; но онъ не былъ готовъ для народной, революціонной войны, войны европейской и ожесточенной; а между тѣмъ именно на это шла Франція [2]). Въ клубахъ и газетахъ народная экзальтація сорвала покровы дипломатическихъ соображеній, и война какъ только была объявлена, тотчасъ же потеряла тотъ искусственный и политическій характеръ, который надѣялись придать ей фельяны. Она ускользнула изъ-подъ ихъ вліянія немедленно послѣ того, какъ они попытались урегулировать ее и поставить въ извѣстныя рамки.

«Я также требую войны!—говорилъ Робеспьеръ [3]).—Я громко требую ея, но только такою, какою объявилъ бы ее геній свободы, такою, какою повелъ бы ее самъ французскій народъ, а не низкіе интриганы... Но, что я вижу! Всѣ ораторы, стоявшіе за войну, уже останавливаютъ меня; вотъ г. Бриссо говоритъ мнѣ, что это дѣло долженъ вести графъ Нарбоннъ, что необходимо повиноваться приказаніямъ маркиза Лафайета, что исполнительной власти надлежитъ вести націю къ побѣдамъ и свободѣ. О, французы! Одно это слово разрушаетъ очарованіе, уничтожаетъ всѣ мои планы. Прощай, народная свобода!» Однимъ этимъ ораторскимъ пріемомъ Робеспьеръ сводилъ къ нулю министерство и наносилъ смертельный ударъ

---

[1]) «Не могу постичь, какъ могли объявить войну, не будучи ни въ какомъ отношеніи готовыми». Лафайетъ де Граву, 6 мая. См. Camille Rousset, *Les Volontaires*, Paris, 1870, ch. I—IV.—Chuquet, *Invasion prussienne*, ch. II: *l'armée française*.

[2]) «Патріоты настолько желаютъ войны, насколько опасаются ея аристократы», пишетъ Мерленъ де Дуэ 18 января 1792. Reynaud, *Merlin de Thionville*, Paris, 1860, p. 5.—Моррисъ писалъ Вашингтону 4 февраля: «По разнообразнымъ мотивамъ вся нація желаетъ войны. Слѣдуетъ замѣтить, что духъ этой страны всегда былъ воинственнымъ». Письмо Пелленка къ Ла Марку, *Correspondance*, t. III, p. 278, Mallet du Pan, t. I, p. 247.

[3]) Въ клубѣ якобинцевъ, 11 января. Louis Blanc, t. VI, p. 243.

Жирондѣ. Жирондисты почувствовали, что ихъ уже окружаютъ подозрѣнія. Съ той минуты не слѣдовало ни расчитывать, ни размышлять, ни примѣняться къ событіямъ; слѣдовало отдаться энтузіазму, дать волю пылкости, доходить до крайностей, обличать заговоры и преслѣдовать дворъ съ неумолимою ненавистью: только такою цѣною пріобрѣталась теперь популярность и власть. Жирондисты ревниво стремились и нетерпѣливо добивались и той и другой. Они слѣпо ринулись на приступъ [4]).

14 января Жансонне представилъ отъ имени дипломатическаго комитета общій докладъ объ отношеніяхъ Франціи къ вѣнскому двору. Въ этомъ докладѣ онъ собралъ всѣ накопленныя за тридцать лѣтъ неудовольствія противъ союза съ Австріей. Онъ изобразилъ этотъ союзъ какъ истинно-государственное преступленіе: доводы его задѣваютъ королеву и тотъ таинственный «австрійскій комитетъ», о которомъ говорятъ повсюду, который никому не извѣстенъ, но подъ именемъ котораго революціонеры охватываютъ съ одинаковою подозрительностью: дворъ, конституціонистовъ, императора и всѣхъ противниковъ, къ гибели которыхъ стремятся. Жансонне объявляетъ, что слѣдуетъ предупредить нападеніе и вдохновиться примѣромъ, даннымъ Фридрихомъ Великимъ, въ началѣ Семилѣтней войны. Онъ требуетъ, чтобы императора заставили до 10 февраля объясниться по поводу его намѣреній относительно Франціи. «Война необходима, заключаетъ онъ;—общественное мнѣніе вызываетъ ее; общественная безопасность дѣлаетъ ее обязательной». Въ томъ же докладѣ онъ упомянулъ о проектѣ конгресса, какъ объ измѣнѣ со стороны двора. При этихъ словахъ, предсѣдательствовавшій въ Собраніи Гюаде покидаетъ свое кресло и бросается на трибуну: «Намѣтимъ же заранѣе мѣсто для предателей, сказалъ онъ,—и пусть этимъ мѣстомъ будетъ эшафотъ. Я предлагаю декретировать немедленно, что французскій народъ смотритъ какъ на гнусныхъ измѣнниковъ отечества и оскорбителей національнаго достоинства—на всякаго агента исполнительной власти, на каждаго француза, который, прямо или косвенно, принялъ бы участіе: въ конгрессѣ, имѣющемъ цѣлью видоизмѣненіе конституціи, въ посредническихъ переговорахъ между націей и мятежниками, наконецъ въ сдѣлкѣ съ эльзасскими владѣтельными князьями». Собраніе глубоко потрясено этими словами, депутаты встаютъ и, поднявъ руки по направленію къ трибунѣ, восклицаютъ: «Клянемся въ томъ! Да, да, конституція или смерть!» Декретъ принятъ. Король даетъ свою санкцію въ тотъ же день. Съ этой минуты онъ обреченъ или разорвать декретъ, или подчиниться всѣмъ его послѣдствіямъ.

---

[4]) «Они думали только о томъ, чтобы зажечь всю Европу и провозглашать свои рѣшенія среди сценъ, способныхъ волновать народное воображеніе». Louis Blanc, t. VI, p. 258.

Министерство чувствуетъ, что оно погибло. Напрасно Лессаръ пытается въ засѣданіи 16 числа успокоить умы, увѣряя, съ документами въ рукахъ, что эмигрантскія сборища разсѣяны. Напрасно 17 числа Кохъ объявляетъ отъ имени дипломатическаго комитета, что извѣстія, получаемыя изъ Германіи и Нидерландовъ, принимаютъ вполнѣ успокоительный характеръ. Первоначальный поводъ конфликта, эмигрантскія собранія, уже не существуетъ. Но по устраненіи этого повода возникаетъ другой, несравненно болѣе способный возбудить страстное негодованіе, а именно: конгрессъ и планъ чужеземнаго вмѣшательства, козни министерства и двора. На это-то больное мѣсто направляетъ Бриссо всѣ громы своихъ филиппикъ. «Маска упала наконецъ; мы знаемъ, кто нашъ истинный врагъ!» Онъ ссылается подобно Иснару на великаго Фридриха, котораго возводятъ въ званіе одного изъ пророковъ революціи. — Не ждите, не теряйте времени на переговоры! Леопольдъ будетъ затягивать ихъ и воспользуется ими для того, чтобы вооружиться. Да наконецъ, кто же будетъ вести эти переговоры? Придворные дипломаты, ненавидящіе конституцію и, подобно своимъ предшественникамъ, жертвующіе интересами Франціи ради выгодъ Австріи.—Бриссо заявляетъ, что конституція есть проклятіе для абсолютизма; но вдругъ, по свойственной ему непослѣдовательности и отуманенный собственною горячностью, онъ заговорилъ о Пруссіи, возвращающейся къ своей естественной союзницѣ Франціи, о союзѣ имперскихъ государствъ съ цѣлью порвать чудовищныя узы, связывающія Фридриха-Вильгельма съ Леопольдомъ. Императоръ изолируется и обезоруженный вынужденъ будетъ сдаться ранѣе начала борьбы. «Я боюсь одного», прибавляетъ онъ, обнаруживая всю свою мысль, «боюсь, что у насъ не будетъ войны и, къ несчастію, мои опасенія должны осуществиться, потому что у всѣхъ кабинетовъ желаніе войны было игрою съ цѣлью напугать насъ». Конституціонисты пытаются отвѣчать. Но нѣсколькихъ словъ Верньо достаточно для уничтоженія тяжеловатой аргументаціи Матье Дюма, который, не отваживаясь выступать открытымъ противникомъ войны, проповѣдуетъ какую-то неопредѣленную умѣренность. «Отстаивайте вашу свободу и свободу всего человѣчества!—восклицаетъ жирондистскій ораторъ.—Расторженіе союза настолько же необходимо для свободы Европы, насколько необходимо было для Франціи разрушеніе Бастиліи». «Нападайте, пока все обѣщаетъ вамъ успѣхъ! Если бы во время саксонской войны Фридрихъ позволилъ себѣ медлить, его преемнику пришлось бы, можетъ быть, и теперь оставаться только маркизомъ бранденбургскимъ». Рамонъ возражаетъ, но его рѣчь не убѣждаетъ никого; Беньо не успѣваетъ дойти до заключенія. Фоше проповѣдуетъ всемірную пропаганду, всеобщій союзъ народовъ и отмѣну всѣхъ междуна-

родныхъ договоровъ. Послѣ этой гуманитарной интермедіи, Бекке возвращается къ тезису фельяновъ: «осторожность въ переговорахъ, соединенная съ силой». Тогда Иснаръ разражается такими словами: «Если представители вѣнскаго двора откажутся отъ выполненія нашихъ справедливыхъ требованій, мы понесемъ свободу въ Бельгію, она охватитъ Люттихъ и, можетъ быть, самую Голландію... Римъ всегда держался, приблизительно, такой политики. Когда грозила ему какая-нибудь внутренняя буря, сенатъ переносилъ войну за предѣлы государства, и результатомъ такой спасительной диверсіи являлось спокойствіе въ Римѣ и побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ». Что касается министровъ, если имъ не довѣряютъ, то существуютъ вѣрныя средства вернуть ихъ къ исполненію долга, а именно: «хорошо отточить для нихъ самихъ лезвіе закона». 25 января Собраніе, по предложенію Геро де-Сешеля, декретировало, что императоръ приглашенъ будетъ объявить о своемъ отказѣ отъ какого бы то ни было враждебнаго верховной власти и независимости французскаго народа намѣренія и дѣйствія. Срокомъ для такого заявленія ему назначалось 1-е марта. Молчаніе, равно какъ и неопредѣленный отвѣтъ, сочтены будутъ объявленіемъ войны.

Волненіе росло. 9 февраля Собраніе наложило секвестръ на имущество эмигрантовъ. Составъ парижскаго муниципалитета возобновился: отнынѣ здѣсь преобладаетъ вліяніе Петіона, Манюэля и Дантона. Шаррье предлагаетъ поголовное ополченіе, при звукахъ набата. Пропаганда удвоиваетъ свою дѣятельность и принимаетъ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ оффиціальности и публичности. Въ тѣни дипломатическаго комитета и подъ руководствомъ Кондорсе и Бриссо организуется агентство съ цѣлью изысканія способовъ вызвать революцію въ Бельгіи. Собираются бельгійскіе и люттихскіе легіоны, вооружающіеся подъ наблюденіемъ Лебрена-Тондю, Боннъ-Каррера и Маре. Послѣдній отправляется въ Бельгію. Миссія его заключается въ примиреніи различныхъ, враждующихъ между собою, бельгійскихъ патріотовъ, въ видахъ совокупнаго дѣйствія. Нѣсколько голландцевъ являются въ Собраніе. Въ тотъ день предсѣдательствуетъ одинъ изъ ихъ соотечественниковъ, изгнанникъ 1787 г., сдѣлавшійся французскимъ гражданиномъ, Давергу. «Батавцы,—сказалъ онъ имъ,—вы, которыхъ римскій народъ почтилъ своею дружбою, будете союзниками французскаго народа!» [5]). Въ клубахъ воинственнымъ кликамъ нѣтъ конца. «Veto наложено на декреты противъ эмигрантовъ и ослушнаго духовенства,—восклицаетъ Анахарсисъ Клотцъ въ якобинскомъ клубѣ;—санкціонируемъ же декреты пушечными выстрѣлами, перейдемъ чрезъ Рейнъ!»

---

[5]) Засѣданіе 19 января 1792 г.

Сбитое съ толку министерство изнемогаетъ среди этой бури, грозящей ему со всѣхъ сторонъ. Лессаръ предполагалъ пріобрѣсть, въ видахъ вознагражденія эльзасскихъ князей, земли въ Польшѣ и Германіи. 21 января Кохъ отъ имени дипломатическаго комитета представляетъ декретъ, расчищающій путь для этой мѣры. «Какъ!—говоритъ Майль,—когда Людовики XIV и XV отмѣнили всѣ регаліи, противныя режиму французской монархіи, когда Людовикъ XV и даже Людовикъ XVI сдѣлали то же самое въ Лотарингіи, имперія и императоръ хранили молчаніе. А когда самъ народъ во всей своей совокупности примѣняетъ свою верховную власть, имперія и императоръ захотятъ оспаривать у него это право!» [6]). Майль протестуетъ противъ покупки земель для князей; по его мнѣнію, это значило бы сказать населенію: «Вы рабы, мы покупаемъ васъ лишь для того, чтобы вы перемѣнили господина. Подобная мѣра нанесла бы безчестье французской націи». Онъ предлагаетъ объявить права Франціи на Эльзасъ и Лотарингію путемъ декрета, удовлетворить князей денежнымъ вознагражденіемъ и считать отказавшимися отъ него тѣхъ, которые не согласятся начать переговоры по этому поводу ранѣе 1 апрѣля. Собраніе рѣшаетъ напечатать рѣчь Майля, также какъ и проектъ декрета.

Воспоминаніе о Людовикѣ XIV, парящее надъ этимъ Собраніемъ, имя Фридриха Великаго, которое постоянно у всѣхъ на устахъ, все это обличаетъ затаенные импульсы, двигавшіе депутатами. Въ этихъ смутныхъ признакахъ уже сказывалась грядущая военная имперія, которую революція несла въ себѣ, но эти признаки ускользали отъ наблюденія современниковъ. Вопреки гуманитарнымъ декламаціямъ космополитовъ, Франція близилась къ завоевательному деспотизму якобинцевъ, все болѣе и болѣе отдаляясь отъ мирнаго либерализма конституціонистовъ. Въ то время этого еще не подозрѣвали, а если, по временамъ, при какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ являлось предчувствіе дальнѣйшихъ событій, то это внушало ужасъ и желаніе вернуться назадъ. Такъ, въ 1792 г. Собраніе энергически отвергло мысль о пріобрѣтеніи староствъ въ Польшѣ или имѣній въ Германіи для вознагражденія нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ. Тѣ, кто съ несомнѣнною искренностью выражали совершенно, впрочемъ, законное для людей, проникнутыхъ духомъ начала революціи, негодованіе по этому поводу, не предвидѣли, что въ ближайшемъ будущемъ они посмотрятъ на завоеваніе цѣлыхъ провинцій за предѣлами старой Франціи, какъ на необходимую для спасенія революціи мѣру, а для сохраненія этихъ завоеваній доведены будутъ уже не до обмѣна нѣсколькихъ вотчинъ, а до потрясенія громадныхъ территорій, разчлененія государствъ и участія въ торгѣ цѣлыми народами.

---

[9]) Засѣданіе 25 февраля 1792 г.

Дипломатическіе переговоры становились безполезными. Лессаръ робко пытался отдалить катастрофу: онъ истощилъ всѣ палліативы, стараясь смягчить въ глазахъ иностранныхъ государствъ то, что дѣлалось въ Парижѣ, а въ глазахъ парижанъ умалить степень раздраженія за границей. Онъ передавалъ въ Вѣну всѣ рѣзкія заявленія Собранія, но при этомъ совѣтовалъ Ноалю сообщать о нихъ императору «съ возможно большею осторожностью» [7]). Что касается Пруссіи, то понявъ, что отъ нея нечего ждать, онъ отозвалъ Сегюра. «Напрасно,—писалъ онъ ему,—льстили бы мы себя надеждой убѣдить прусскаго короля отдѣлиться отъ императора въ дѣлѣ, въ которомъ заинтересованъ германскій союзъ. Неизмѣнное рѣшеніе Фридриха-Вильгельма, принятое еще покойнымъ королемъ, заключается въ укрѣпленіи довѣрія имперскихъ государствъ къ берлинскому кабинету, препятствуя императору овладѣть этимъ довѣріемъ». Министерство рѣшило оставить въ Берлинѣ одного только повѣреннаго въ дѣлахъ: Кюстинъ, пребываніе котораго въ Брауншвейгѣ оказывалось уже безполезнымъ, получилъ приказъ отправиться въ Пруссію и вести дипломатическую переписку.

О призваніи нѣмецкаго государя для возрожденія французской арміи уже не было и рѣчи; самъ Нарбоннъ едва ли могъ надѣяться командовать ею долѣе нѣсколькихъ недѣль. Внезапная аттака Жиронды перевернула всѣ его соображенія. Дворъ поздравлялъ себя по этому поводу.

IV.

Королевская фамилія дошла до той степени отчаянія, когда чрезмѣрная и томительная тоска вызываетъ въ воображеніи своего рода миражъ избавленія. «Я предпочитаю,—говорила королева агенту Екатерины II Симолину,—подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ, лишь бы не вести долѣе полную униженія и горя жизнь, которою живу теперь» [1]). Собраніе, объявляя войну, неминуемо заставило бы дѣйствовать императора. «Пусть же почувствуетъ онъ хоть собственныя оскорбленія,—писала Мерси королева;—пусть станетъ онъ во главѣ другихъ державъ, но съ внушительными силами, и я увѣряю васъ, что все задрожитъ здѣсь. Они дерзки отъ избытка страха» [2]).

14 февраля Ферзенъ прибылъ въ Тюильрійскій дворецъ. Онъ напрасно

---

[7]) 21 января 1792. Vivenot, t. I, p. 380.

[1]) Fersen, t. II, p. 4.

[2]) Королева Леопольду и Мерси, 1 февраля 1792 г. Arneth, p. 243—245. Отчетъ Симолина. Feuillet, t. V, p. 165. Бретейль Шуленбургу 1 февраля 1792. Flammermont, p. 14—18.

пытался убѣдить Людовика XVI рѣшиться на отъѣздъ. Король не согласился: онъ обѣщалъ остаться и не желалъ нарушать даннаго имъ слова. Онъ согласился только попытаться бѣжать чрезъ лѣса, при помощи контрабандистовъ и дать встрѣтить себя кавалерійскому отряду, но не ранѣе приближенія союзныхъ войскъ. Онъ продолжалъ надѣяться въ дѣйствительность конгресса, «полагая,—говорилъ онъ,—что ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ мятежникамъ необходимо его посредничество для капитуляціи». Ферзенъ увѣрялъ его, что при содѣйствіи иностранцевъ легко можно возстановить королевскій авторитетъ во всей его полнотѣ; онъ, повидимому, склонилъ его ко всѣмъ своимъ планамъ и уѣхалъ изъ Парижа убѣжденный, что планъ установленъ и что успѣхъ еще возможенъ. На самомъ дѣлѣ онъ увозилъ лишь новыя иллюзіи и далеко не считался съ намѣреніями Европы.

Ферзенъ продолжалъ сильно расчитывать на Пруссію; отъ этой же монархіи ждали наиболѣе дѣйствительной помощи и эмигранты. Странное сближеніе, доказывающее всю силу французскихъ традицій! Въ то время, какъ Бриссо указывалъ на австрійскій союзъ, какъ на причину всѣхъ государственныхъ бѣдствій, и видѣлъ въ союзѣ съ Пруссіей спасительное средство отъ этихъ золъ, наиболѣе преданные друзья французскаго двора обвиняли Леопольда почти въ такихъ же рѣзкихъ выраженіяхъ за измѣну зятю, приписывали его эгоистическимъ заднимъ мыслямъ неудачу, постигшую всѣ попытки вмѣшательства, и побуждали французскаго короля броситься въ объятія Фридриха-Вильгельма [3]). Пруссія очевидно была въ милости у французовъ. Въ Парижѣ и на Рейнѣ французы не иначе говорили объ Австріи, какъ обличая ея коварство, «глухую и вѣроломную политику»; напротивъ, въ революціонной партіи безъ устали хвалили «просвѣщенность» прусскаго правительства, а въ партіи дворянства—рыцарскія чувства прусскаго короля. Эмигранты окружали лестью Фридриха Вильгельма, который выслушивалъ ихъ съ ежедневно возраставшею благосклонностью; дѣло въ томъ, что въ Берлинѣ опасность революціи начинала казаться болѣе грозною и болѣе близкою, чѣмъ когда-либо. Пренія въ Собраніи и въ особенности «дикій декретъ» 25 января, какъ его называли, вызвалъ въ Пруссіи всеобщее волненіе. «Замѣтили,—писалъ одинъ дипломатъ [4]),—что французскія идеи сдѣлали быстрые успѣхи въ народной средѣ и что среди берлинскихъ жителей много демократовъ и даже республиканцевъ. Дворъ и городъ серьезно встревожены. Приближенные короля раздражаютъ его своими, часто преувеличенными, донесеніями.

---

[3]) *Mémoire du roi de Suède envogé au roi de France.* Fersen, t. I, p. 285.

[4]) Кюстинъ, въ своемъ общемъ и ретроспективномъ отчетѣ отъ 1 апрѣля 1792 г.

Затѣмъ послѣдовала миссія Сегюра и съ нею и всѣ сопровождавшія ее клеветы, слухи о подкупахъ, революціонныхъ попыткахъ и всякаго рода козняхъ. Съ той поры враждебность не знаетъ предѣловъ; въ берлинскихъ салонахъ аристократизмъ не уступаетъ теперь аристократизму парижскихъ. То, что до сихъ поръ служило предметомъ лишь слабаго вниманія, сдѣлалось главнымъ и единственнымъ содержаніемъ всѣхъ толковъ. Къ кобленцскимъ агентамъ отнеслись милостиво до чрезвычайности... Видя брата короля у принцевъ и нерѣдко у самого Фридриха-Вильгельма и у г-жи Денгофъ, эти агенты пользуются средствами, въ которыхъ строгость этикета отказываетъ посланникамъ иностранныхъ дворовъ, не допускаемымъ во всѣ эти мѣста».

Въ этомъ подвижномъ и праздномъ мірѣ наперерывъ подстрекали другъ друга къ войнѣ. «Ее представляли себѣ въ видѣ непродолжительной и не трудной экспедиціи: всѣмъ памятна была Голландія» [5]). Прусской арміи достаточно было трехъ недѣль для того, чтобы подавить эту революцію, говорили при берлинскомъ дворѣ; для подавленія французской, ей потребуется мѣсяца два. Польщенный такими рѣчами, король предавался славолюбивымъ мечтамъ. Однако министры продолжали еще сдерживать и умѣрять его воинственный пылъ. Классическая политика еще находила защитниковъ: то была старо-прусская партія, состоявшая изъ учениковъ Фридриха, снисходительно смотрѣвшихъ на французскія идеи и, въ особенности, проникнутыхъ неисправимымъ недовѣріемъ къ Австріи. Они сгруппировались вокругъ принца Генриха; ихъ подстрекалъ Герцбергъ; полный раздраженія и желчи по отношенію къ новой системѣ, досадуя на примѣнявшихъ ее временщиковъ, онъ забывалъ о своей исконной ненависти къ Франціи, предаваясь завистливымъ чувствамъ министра не у дѣлъ. Мнѣнія Герцберга находили многочисленныхъ сторонниковъ среди должностныхъ лицъ, и въ особенности въ войскѣ, гдѣ господствовала большая свобода слова и жила ненависть къ австрійцамъ. Появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Предостереженіе въ интересахъ прусскаго народа», въ которой проповѣдывался союзъ съ Франціей и обличались коварные замыслы Россіи. Герцогъ Брауншвейгскій колебался между этими двумя партіями, пользуясь вниманіемъ той и другой и ревностно заботясь о сохраненіи всеобщаго поклоненія. Онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ опасностяхъ и неудобствахъ войны и не любилъ Австріи; но ему было извѣстно, что на него расчитывали для главнаго командованія германскими арміями, и это льстило его самолюбію. Онъ не простилъ бы себѣ пренебреженія къ

---

[5]) Philippson, t. I, ch. IV—V.—Haeusser, t. I, p. 334.—Chuquet, p. 20.—Custine, 2 mai 1792.—Haeusser, t. I, p. 348—349.

такому почетному отличію, а потому боялся самой тѣни немилости и остерегался противорѣчить наклонностямъ короля [6]).

Но былъ одинъ пунктъ, на которомъ сходились всѣ, король, временщики, министры, и этотъ то пунктъ являлся камнемъ преткновенія для всего дѣла: возмѣщеніе издержекъ предпріятія. Шуленбургъ объяснялся по этому поводу съ Бретейлемъ. Послѣдній, оставаясь въ Брюсселѣ, отправилъ въ Пруссію виконта де-Карамана, выѣхавшаго туда въ началѣ февраля. Повидимому пруссаки уже съ самаго начала дали почувствовать, что потребуютъ за свои старанія территоріальнаго вознагражденія даже въ томъ случаѣ, если имъ удалось бы возстановить французскую монархію. Это обстоятельство произвело непріятное впечатлѣніе въ роялистскомъ лагерѣ, и Шуленбургъ удовольствовался обѣщаніемъ денежнаго вознагражденія [7]). Онъ рѣшился на это однако не безъ мысленной оговорки. Если не удастся реставрація трона Людовика XVI, можно будетъ вознаградить себя натурою. Урегулированіе такой случайности составляло основу переговоровъ между вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами. Король желалъ точныхъ обязательствъ: настаивая на еще ранѣе внушенной Пруссіей комбинаціи, онъ указывалъ какъ на свой пай на Юлихъ и Бергъ; Австрія и палатинатъ могли бы вознаградить себя въ Эльзасѣ или Лотарингіи. Императоръ отказался входить въ подробности, но не отрицалъ принципіально прусскихъ притязаній. Далѣе этого не шли въ Берлинѣ, сознавая, что при болѣе точномъ и ясномъ объясненіи неминуемо возникло бы разногласіе.

Говорить о территоріальныхъ вознагражденіяхъ, значило говорить о Польшѣ, и по этому поводу существовало значительное противорѣчіе въ видахъ обоихъ дворовъ. Въ Вѣнѣ желали сохраненія польской республики, въ Берлинѣ чуяли раздѣлъ. Леопольдъ предлагалъ соглашеніе, направленное противъ Россіи и имѣющее цѣлью огражденіе и нѣкотораго рода нейтрализованіе Польши; Фридрихъ-Вильгельмъ склонялся въ пользу сближенія съ Екатериной, имѣя въ виду долю при новомъ раздѣлѣ Польши. «Если русскія войска вторгнутся въ Польшу и если императрица предложитъ новый раздѣлъ,—писалъ англійскій посланникъ въ Берлинѣ,—здѣсь не затруднятся пріискать благовидные предлоги и доказать политическую необходимость участія въ дѣлежѣ» [8]).

При такихъ обстоятельствахъ договоръ, о которомъ шли переговоры

---

[6]) *Revue historique*, t. I, p. 174—177. Sybel, t. I, liv. I, ch. III.

[7]) Бретейль Шуленбургу 1 и 2 февраля. Шуленбургъ Бретейлю 13 февраля 1792. Flammermont, p. 14—18. Ферзенъ Густаву III, 29 февр., т. II.

[8]) Отчетъ Мортона Эдена, 16 февр. 1792. Herrmann, *Dip. Corres.* p. 246. Sybel, t. I.—Martens, t. II, p. 197.—Haeusser, t. I, p. 352.

между обоими дворами, могъ содержать лишь двусмысленныя условія и неясныя статьи. Таковымъ онъ и оказался по заключеніи его въ Берлинѣ 7 февраля [9]). Имъ устанавливался оборонительный союзъ, какъ и въ версальскомъ договорѣ 1756 года, послужившемъ ему образцомъ. Нидерланды, съ одной стороны, и прусско-вестфальскія владѣнія—съ другой исключались изъ гарантіи. Каждый изъ союзниковъ обязывался доставить другому, по его востребованію, 20000 солдатъ, что́ могло быть замѣнено денежной субсидіей. Въ тайныхъ статьяхъ говорилось о соглашеніи по поводу французскихъ дѣлъ и о приглашеніи Россіи не предпринимать ничего, могущаго нарушить неприкосновенность свободной конституціи въ Польшѣ. Австрія предложила упомянуть въ окончательномъ трактатѣ, какъ то было сдѣлано въ прелиминарномъ—о неприкосновенности и поддержаніи свободной польской конституціи, подъ которой ясно подразумѣвалась конституція 3 мая 1791 г.; Пруссія согласилась упомянуть лишь вообще о конституціи, что не обязывало ее ни къ чему. Такимъ образомъ договоръ 7 февраля не представлялъ въ сущности ничего, кромѣ канцелярской процедуры. Союзъ оставался невыясненнымъ: если хотѣли дѣйствовать, его необходимо было обезпечить.

Фридрихъ-Вильгельмъ казался готовымъ на это, по крайней мѣрѣ относительно Франціи. Австрія предложила, чтобы каждый изъ союзниковъ выставилъ сорока-тысячную армію, изъ этого числа 6000 немедленно; прусскій король согласился, замѣтивъ, что голосованіе Собранія 25 января равнялось объявленію войны. Онъ вызвалъ въ Берлинъ герцога Брауншвейгскаго для выработки плана кампаніи и отправилъ въ Вѣну Бишофсвердера для обсужденія вопроса о вознагражденіяхъ [10]), *существеннаго вопроса*, какъ заявлялось безъ обиняковъ въ инструкціяхъ прусскаго уполномоченнаго. Этотъ документъ обнаруживалъ новый оттѣнокъ въ переговорахъ. До сихъ поръ предвидѣлось только двѣ гипотезы: возстановленіе или паденіе французской монархіи; въ первомъ случаѣ предполагалась уплата денежнаго вознагражденія со стороны Людовика XVI, во второмъ—имѣли въ виду самовольное территоріальное вознагражденіе. Но прусскіе министры усмотрѣли и третью случайность, а именно то, что, даже въ случаѣ возстановленія королевской власти во Франціи, «отчаянное положеніе французскихъ финансовъ сдѣлало бы крайне затруднительнымъ, медленнымъ, а можетъ быть и невозможнымъ какое бы то ни

---

[9]) См. этотъ текстъ у Neumann, t. I. p. 471.—Ranke, *Ursprung und Beginn der Revolutionskriege*, Berlin, 1875, 347.

[10]) Совѣщаніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ происходило 17 февраля; инструкціи Бишофсвердеру помѣчены 18-мъ. См. текстъ ихъ у Ранке въ указанномъ выше сочиненіи, стр. 351.—Sybel, t. I, p. 456 фр. изд.

было денежное вознагражденіе». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, завоеванія «представились бы естественнымъ средствомъ обезпечить себѣ справедливое возмѣщеніе убытковъ». Таковы были успѣхи коалиціи. Трудно было опредѣлить ея руководящее начало. По мѣрѣ того, какъ пытались примѣнить его, измѣнялся весь характеръ предпріятія. Вмѣшательство, предназначавшееся на защиту общаго дѣла монарховъ, публичнаго права и жизни французскаго короля, мало-по-малу преобразовывалось подъ вліяніемъ установившихся политическихъ нравовъ въ барышническое предпріятіе, въ которомъ охраненіе общественнаго порядка фигурировало лишь въ качествѣ благовиднаго предлога, спасеніе французскаго короля являлось придаткомъ, а споліація его королевства станетъ главною, а скоро и единственною цѣлью союзниковъ.

Прусскій король не замедлилъ объявить во всеуслышаніе, что готовъ защищать имперію. 28-го февраля Гольцъ сообщилъ французскому правительству, что въ Берлинѣ посмотрятъ, какъ на *casus belli* на всякое вторженіе въ предѣлы Германіи. Пріѣхавшій 22 февраля Кюстинъ отправился вмѣстѣ съ Сегюромъ къ Шуленбургу. Этотъ министръ увѣрялъ ихъ, что нѣмцы не желаютъ посягать на французскую конституцію. «Но,—съ живостью прибавилъ онъ,—слѣдуетъ же предохранять себя отъ гангрены». Французскіе уполномоченные вынесли изъ этого посѣщенія убѣжденіе, что если французы «ступятъ на нѣмецкую территорію, національная гордость превратитъ всѣхъ нѣмцевъ во враговъ Франціи» [11]). Сегюръ уѣхалъ нѣсколько дней спустя. Онъ видѣлъ теперь только одно средство предотвращенія войны, но не находилъ его примѣнимымъ: подавленіе пропаганды. «Если безпорядки будутъ продолжаться,—писалъ онъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ отъ 25 февраля,—въ насъ будутъ видѣть и опасныхъ сосѣдей, и въ то же время легкую добычу, а при такомъ условіи вся французская доблесть не въ силахъ была бы спасти насъ отъ величайшихъ несчастій». Относительно настроенія Пруссіи невозможны были сомнѣнія. Впрочемъ, прусскіе министры, въ свою очередь, не забывали ссылаться, и не безъ ироніи, на Фридриха Великаго, имя котораго такъ дерзко произносилось съ трибуны французскаго Собранія. Однажды, когда Кюстинъ пытался еще продлить переговоры, Шуленбургъ отвѣтилъ ему: «Если бы Фридрихъ былъ живъ, приглашеніе вашего короля, 25 января, безъ сомнѣнія, повлекло бы за собою немедленное объявленіе войны: достоинство монарховъ должно быть поддерживаемо и отомщаемо» [12]).

Разрывъ задерживали только колебанія Леопольда. На первыхъ порахъ

---

[11]) Отчетъ графа Сегюра, 24 февраля.—[12]) Отчетъ Кюстина, 6-го марта 1792 г.

онъ задѣтъ былъ за живое вызовомъ Собранія. «Французы хотятъ войны,—воскликнулъ онъ въ первую минуту;—хорошо, будетъ война, но они заплатятъ за ея издержки» [13]). Его безпокоила Бельгія. «Вы сослались на такой опасный принципъ,—говорилъ Кобенцель Ноалю по поводу авиньонскаго вопроса,—что въ тотъ же день можно было заставить населеніе Нидерландовъ сказать, что и они желаютъ быть присоединенными къ Франціи [14]). Въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, полагали, что война будетъ скорѣй «бурнымъ вторженіемъ, чѣмъ методическими, опасными и продолжительными военными дѣйствіями» [15]). Но гнѣвная вспышка улеглась, и императору показалось наиболѣе благоразумнымъ ждать до тѣхъ поръ, пока событія не вынудятъ броситься въ это приключеніе. Леопольдъ еще разъ попытался совѣтовать терпѣніе французскому двору и умѣренность французскому правительству. Агентъ Екатерины Симолинъ уѣхалъ изъ Парижа съ письмомъ королевы къ брату. По пріѣздѣ въ Вѣну, 24 февраля, онъ явился къ Кауницу и нашелъ его болѣе сухимъ, педантичнымъ и ироническимъ, чѣмъ когда-либо. «Я не вижу, чего именно желаютъ французскій король и королева: возстановленія стараго порядка? Это невозможно. Если же имъ желательно измѣненіе конституціи, то это должно быть сдѣлано по обоюдному согласію. Иностранныя державы не могутъ вмѣшиваться ни по праву, ни фактически въ домашнія дѣла независимой націи, если ихъ о томъ не просятъ, а ихъ не просятъ». Что касается европейскаго концерта, Кауницъ находилъ его образованіе невозможнымъ. Симолинъ описалъ ему горе королевы, униженія и опасности, которымъ она подвергается. «Это,—сказалъ Кауницъ,—уже слышанныя мною общія мѣста». Императоръ и его министръ полагали, что санитарнаго кордона было бы вполнѣ достаточно для обузданія пропаганды. «Остается одно,—повторялъ старый канцлеръ, — помѣшать переходу французскихъ идей чрезъ границу и оставить Францію опускаться все ниже и ниже».

Его отвѣты на французскія ноты, хотя и отличавшіеся нѣсколько высокомѣрнымъ характеромъ, вызваннымъ обвинительнымъ тономъ декретовъ Собранія, все-таки давали еще нѣкоторую возможность продолжать переговоры. Австрія спорила, но не вооружалась. Такой образъ дѣйствій не походилъ на поведеніе государя, желающаго войны и вызывающаго ее. Леопольдъ продолжалъ откладывать столкновеніе и медлить, когда, 1 марта, умеръ почти скоропостижно. О немъ не сожалѣли противники революціи. «Во всѣхъ сферахъ,—писалъ Ферзенъ,—смерть его произвела весьма слабое впечатлѣніе и ничего не измѣнила въ отношеніяхъ сторонъ. Генералы

---

[13]) Fersen, t. II, p. 3.—Hermann, *Dip. Corresp.*, p. 148.

[14]) Отчетъ Ноаля, 12-го марта 1792.—[15]) Мерси Кауницу, 29-го февраля 1792 г.

не только не были огорчены, но даже радовались; офицеры выражали удовольствіе. Тугутъ сказалъ барону Бретейлю, что очень доволенъ». Мнѣніе, составленное роялистами о преемникѣ Леопольда, вмѣстѣ съ ихъ досадою на покойнаго императора, вызывало радость по поводу его кончины и о замаскированіи этого чувства они не особенно заботились.

V.

Францъ II слылъ «воиномъ въ душѣ»; увѣряли, что онъ неоднократно «порицалъ слабую и нерѣшительную политику отца». Ему не было еще двадцати-четырехъ лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ, и онъ не обладалъ ни малѣйшею опытностью въ политическихъ дѣлахъ. Онъ не отличался широтою взглядовъ, но не лишенъ былъ здравомыслія; упрямый, но способный доводить свое упрямство до степени постоянства, новый король Венгріи и Богеміи умѣлъ держать себя съ достоинствомъ и всѣми внѣшними признаками авторитетности и характера. Весьма склонный, въ сущности, подчиняться чужому вліянію, онъ, сознавъ свою ошибку, благодушно подсмѣивался надъ тѣми, кто вовлекъ его въ нее. Мелочно набожный, исповѣдывавшій въ отношеніи государственной доктрины культъ абсолютной неподвижности; исполнительный въ дѣлѣ обязанностей, ревниво дорожившій любовью народа, падкій на вульгарную популярность, выражающуюся въ уличныхъ оваціяхъ, недовѣрчивый къ людямъ, обсуждающимъ и взвѣшивающимъ свои мнѣнія; смѣшивавшій съ суровостью въ мѣропріятіяхъ и командованіи то поверхностное добродушіе и ту мимолетную чувствительность, которыя не исключаютъ ни эгоизма, ни сухости; не знавшій иныхъ радостей, кромѣ семейныхъ, но вносившій въ семью что-то банальное и безличное, онъ долженъ былъ послѣдовательно обмануть надежды и тѣхъ, кто расчитывалъ на твердость его принциповъ, и тѣхъ, кто довѣрялся силѣ его привязанностей. «Никогда не было монарха съ такимъ *государственнымъ сердцемъ*», говорилъ о немъ позднѣе Меттернихъ. Эти принципы, на которые онъ ссылался, были весьма близки тѣмъ, которыхъ придерживалась нѣкогда Марія-Терезія по отношенію къ Польшѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, угрызеній совѣсти и слезъ. Францъ считалъ несправедливыми исключительно неравные раздѣлы. Рѣдко подвергался монархъ такимъ необычайнымъ превратностямъ вслѣдствіе непониманія своей выгоды и сцѣпленія политическихъ обстоятельствъ. Въ теченіе своего царствованія, длившагося болѣе сорока-трехъ лѣтъ, онъ велъ войну противъ революціи и санкціонировалъ затѣмъ ея тріумфъ семейнымъ союзомъ, работалъ надъ низложеніемъ династіи, съ которой связалъ свой собственный домъ, два раза вступалъ въ Парижъ для довер-

шенія несчастія своего внука, возстановилъ монархію, паденіе которой было имъ самимъ санкціонировано, и видѣлъ новое паденіе ея подъ ударами революціи, съ которой боролся цѣлые полвѣка, не будучи никогда въ состояніи понять ее. Величавый и невозмутимый свидѣтель громадныхъ катастрофъ, среди которыхъ выдающійся по своимъ дарованіямъ министръ создалъ ему одну изъ наиболѣе видныхъ ролей, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ олицетворяется исторія времени, но которые не дѣлаютъ этой исторіи. Тусклая и неопредѣленная фигура его, по странной случайности, стоитъ на первомъ планѣ въ величайшей изъ драмъ исторіи новаго времени.

Австрія внезапно заговорила въ болѣе воинственномъ тонѣ и ускорила свои движенія. Францъ не испытывалъ къ прусскому союзу недовѣрія своего отца. Въ самый день смерти Леопольда онъ извѣстилъ объ этомъ событіи Фридриха-Вильгельма собственноручнымъ письмомъ и выразилъ при этомъ желаніе скрѣпить союзъ. Онъ желалъ этого союза. Всѣ, кто стоялъ за него, были въ милости. Къ тому же Францъ былъ кандидатомъ на императорскую корону; ему надлежало заручиться содѣйствіемъ Бранденбурговъ и не слѣдовало уступать никому защиты германскихъ интересовъ. Самъ старый Кауницъ, заботясь о сохраненіи остатковъ вліянія, которое, какъ онъ сознавалъ, уже ускользало отъ него, испытывалъ приливъ благоволенія къ Пруссіи, какъ во времена перваго раздѣла Польши, и заговорилъ въ берлинскомъ тонѣ. «Настала пора,—говорилъ онъ,—поставить Францію въ необходимость или исполнить предъявленныя ей требованія, или объявить намъ войну, или дать намъ право ее объявить; но,—прибавлялъ онъ,—слѣдуетъ предпочесть нападеніе съ ея стороны, «для того, чтобы право было на сторонѣ державъ и могло дозволить имъ дѣлать завоеванія, если то окажется возможнымъ, и сохранить ихъ законнымъ, въ этомъ случаѣ, путемъ, въ видѣ вознагражденія за военные убытки, которое иначе напрасно старались бы получить». Это значило рѣшиться на войну, обыкновенную войну стараго времени и, такимъ образомъ, ежедневно отдаляться отъ конгресса, на посредничество котораго возлагалъ надежды Людовикъ XVI. Этотъ взглядъ Кауница преобладалъ въ средѣ приближенныхъ Франца и его поручено было изложить въ Вѣнѣ Бишофсвердеру. Послѣдствія такихъ перемѣнъ не замедлили отозваться въ Берлинѣ. Коль скоро король Богеміи сталъ соперничать съ прусскимъ королемъ въ дѣлѣ германскаго патріотизма, ничто не могло уже отнынѣ сдержать пылъ партіи, стоявшей за войну. Тѣ изъ прусскихъ министровъ, которые находили возможность оказывать сопротивленіе, увидѣвъ себя не въ силахъ сдерживать долѣе короля, рѣшились предупредить его. Они перестали создавать затрудненія для союза съ Австріей: они вовсе не были

убѣждены въ его полезности, но думали, что вѣрнѣйшее средство отвратить отъ него короля, это привести къ нему, и полагали, что для разрушенія этой системы нѣтъ иного способа, какъ примѣнить ее на практикѣ. Вотъ почему,—писалъ Кюстинъ,—они «расположены ускорить кризисъ, въ которомъ Австрія рискуетъ болѣе, чѣмъ Пруссія, и конецъ котораго будетъ и концомъ союза». Къ этимъ тонкимъ соображеніямъ присоединились и положительные доводы. Ихъ взялась доставить Россія.

Екатерина находила, что Австрія и Пруссія задерживаютъ выполненіе ея плановъ. Русскія войска были готовы для вступленія въ предѣлы Польши, а пути не были свободны. Очевидно, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ догадались о намѣреніяхъ императрицы. Для Екатерины, безъ сомнѣнія, было бы удобнѣе занять обѣ державы во Франціи и затѣмъ располагать Польшею по своему желанію. Но, полагая, что пруссаки не двинутся до тѣхъ поръ, пока сохранятъ какія-либо опасенія по поводу Россіи, боясь въ особенности, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ не пришелъ къ соглашенію съ Австріей въ видахъ противодѣйствія ея собственной политикѣ, она рѣшилась допустить и эти державы до раздѣла. 28 февраля вице-канцлеръ Остерманъ заявилъ объ этомъ прусскому посланнику въ Петербургѣ, Гольцу.—Если утвердится конституція 3-го мая,—сказалъ онъ ему,—Польша, въ соединеніи съ Саксоніей, образуетъ первоклассную державу; она стѣснитъ Пруссію болѣе, чѣмъ насъ самихъ; наконецъ, послѣдствіемъ всего этого будетъ усиленіе вліянія саксонскаго дома въ средѣ имперскихъ государствъ.—Гольцъ выслушалъ и понялъ на полусловѣ, на что намекалъ Остерманъ. Онъ угадалъ, что Россія готова была бы присоединиться къ Пруссіи, въ виду новаго раздѣла, подъ условіемъ уничтоженія въ Польшѣ конституціи 1791 года и «устраненія наслѣдственности польскаго престола». Въ этой бесѣдѣ Остерманъ говорилъ о Франціи съ полнымъ равнодушіемъ и лишь мимоходомъ. Онъ совѣтовалъ хранить въ тайнѣ все, что относилось до польскихъ дѣлъ. «Это касается только насъ троихъ,—сказалъ онъ;—согласимся между собою, и мы посмѣемся надъ остальными».

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ уже извѣщенъ о намѣреніяхъ Россіи, когда, 10 марта, австрійскій посланникъ Рейссъ вручилъ прусскому посланнику ноту, въ которой настаивалъ на неприкосновенности Польши, огражденіи ея конституціи и принципа наслѣдственности ея престола. «Мы никогда не согласимся на это!» воскликнулъ прусскій король. Австрія предлагала ему «политическое самоубійство» [1]), Россія—расширеніе предѣловъ. Послѣднее было заманчивѣе. Однако Фридрихъ-Вильгельмъ могъ

---

[1]) Sybel, t. I, p. 458 (фр. изд.).

имѣть причины если не обречь себя на самоубійство, то, по крайней мѣрѣ, попытаться жить, оставаясь вѣрнымъ данному слову. Трактатъ 7 февраля 1792 г. не могъ затруднять его: статьи этого трактата дозволяли всевозможныя толкованія; но договоръ съ Польшей, подписанный 29 марта 1790 г. не оставлялъ мѣста для недоразумѣній. Статья 27 формально обезпечивала республикѣ «мирное пользованіе государствами, провинціями, городами и землями, которыми владѣла во время заключенія договора о союзѣ». Это не остановило прусскаго короля и его министровъ. Король, нашедшій въ своей консисторіи казуистовъ для расторженія брака, стѣснявшаго его матримоніальные капризы, зналъ, что найдутся въ его канцлерствѣ и законники, способные расторгнуть союзъ, стѣснительный для его алчности. Онъ и предоставилъ имъ эту заботу, а самъ занялся вопросомъ, не имѣвшимъ никакого отношенія ни къ морали, ни къ принципамъ, а именно: вопросомъ о возможности сопротивленія со стороны Австріи желанной операціи. Онъ заглянулъ въ прецеденты, посовѣтовался съ Финкенштейномъ, которому они были близко знакомы, и сказалъ себѣ, что предъ лицомъ совершившагося факта Австрія, связанная войною съ Франціей, неспособна будетъ оказать серьезное противодѣйствіе его намѣреніямъ [2]). Къ тому же война можетъ дать случай и вознаградить ее. «Если бы можно было расчитывать на успѣхъ,—писалъ онъ 12 марта въ Вѣну, своему дипломатическому агенту,—русскій планъ всего выгоднѣе для Пруссіи: само собою разумѣется, что мы пріобрѣли бы такимъ способомъ весь лѣвый берегъ Вислы». 13 марта министры написали въ Вѣну, что отклоняютъ предложенія Австріи относительно Польши, и въ Петербургъ—что готовы выслушать предложенія Россіи.

Эти рѣшенія, принятыя въ Петербургѣ и Берлинѣ, естественнымъ образомъ единственно въ силу игры интересовъ и подъ вліяніемъ обычая, пріобрѣли впослѣдствіи громадное значеніе. Съ этими глухими движеніями дипломатіи произошло то же, что случается съ незамѣтными волнообразными движеніями почвы, которыя обусловливаютъ на большихъ равнинахъ теченіе рѣкъ. Было рѣшено, что съ того времени монархи не будутъ вести крестовыхъ походовъ. Какъ бы для того, чтобы выразить яркимъ знаменіемъ эту несостоятельность и это клятвопреступничество монархій по отношенію къ себѣ самимъ, единственный государь, принес-

---

[2]) «Что намъ за дѣло—согласится, или не согласится вѣнскій дворъ на это пріобрѣтеніе? Если мы поладимъ съ русскими, они (австрійцы) во всякомъ случаѣ принуждены будутъ хотя и съ ворчаньемъ признать вещи, которыхъ не могутъ измѣнить...» Фридрихъ Финкенштейну. См. *La Question d'Orient au dix-huitième siècle*, ch. XI, p. 168.

шій въ коалицію безкорыстныя намѣренія, погибъ въ тотъ самый моментъ, когда коалиція начала стремиться къ завоеваніямъ.

«Я вернусь въ свою столицу съ высоко поднятою головою», сказалъ Густавъ III, уѣзжая изъ Ахена.—«Меня можно убить, но лишить престола—никогда!» [3]). Онъ былъ убитъ 16 марта въ Стокгольмѣ, во время маскарада. Убійство это было слѣдствіемъ заговора, и событіе это—одно изъ наиболѣе характеристичныхъ для тогдашняго европейскаго смутнаго времени. Государь, вооружившійся во имя возвращенія привилегій французскому дворянству, палъ на пути къ этому дѣлу отъ руки шведскихъ дворянъ, которыхъ онъ же лишилъ ихъ старинныхъ льготъ [4]). Французскіе революціонеры желали его погибели, потому что онъ намѣревался возстановить во Франціи старый порядокъ; шведскіе фанатики погубили его именно за то, что онъ уничтожилъ старый режимъ въ Швеціи. Въ этой странѣ рядомъ съ буйнымъ дворянствомъ образовалась преисполненная энтузіазма демократія: всѣ сознавали, что Густавъ, воюя ради абсолютизма, отправлялся на Рейнъ бороться противъ ихъ собственныхъ вольностей. Наиболѣе рьяные соединились, чтобы не допустить этого. Они нашли поддержку у самыхъ ступеней трона. Братъ короля, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій былъ отдѣленъ отъ короны только четырнадцатилѣтнимъ племянникомъ. Этотъ герцогъ былъ честолюбивъ, угрюмъ и сверхъ того еще и духовидецъ; ясновидцы, его окружавшіе, объяснили ему, что насильственная смерть короля и послѣдующее за нею регентство входятъ въ предначертанія свыше. Онъ повѣрилъ имъ и оказывалъ тайную помощь заговорщикамъ. Въ заговорѣ было пять лицъ: графъ Риблингъ, личный врагъ Густава; графъ Горнъ, мстившій за своего отца, жертву государственныхъ переворотовъ; баронъ Пехлинъ, бывшій душою заговора, семидесятидвухлѣтній старецъ, котораго Густавъ называлъ «первымъ шведскимъ республиканцемъ»; Лиліенгорнъ, капитанъ гвардіи, безвѣстный пособникъ и, наконецъ, самъ убійца Анкастрёмъ, узкій и дикій фанатикъ, экзальтированный уединеніемъ мистикъ, скорѣе иллюминатъ чѣмъ республиканецъ и болѣе сродный по духу Жаку Клеману, чѣмъ Шарлоттѣ Кордэ.

Густавъ прожилъ нѣсколько дней послѣ покушенія. Во время этой

---

[3]) *Journal des campagnes*, *1790—1791*, par le comte de Langeron.

[4]) «Все,—говоритъ Жефруа (Geffroy, t. II, ch. X),—было противъ Густава: недовольство дворянства, которое онъ хотѣлъ принудить къ покорности и которое было только унижено, демагогическія страсти, суевѣрный страхъ, порожденный ниспроверженіемъ всякой религіозной или нравственной доктрины, слабость царствованія, разрушившаго всѣ результаты своихъ прежнихъ либеральныхъ начинаній излишествами неосмотрительнаго и необдуманнаго абсолютизма, безразсудное исканіе славы, сдѣлавшееся очевидною уловкой во избѣжаніе затрудненій, созданныхъ неудачною политикою».

агоніи онъ былъ брошенъ всѣми. Мать его умерла ранѣе,—впрочемъ они всегда ненавидѣли другъ друга. Жена и сынъ почти не подходили къ его изголовью. Волнуемый, подобно всѣмъ современникамъ своимъ, образами римской республики и постоянно питая воображеніе свое трагедіями, онъ и на смертномъ одрѣ бредилъ потрясающими сценами во плутарховскомъ родѣ, которыя такъ часто видѣлъ Парижъ въ революціонную эпоху. «Пусть несутъ меня на носилкахъ!—восклицалъ онъ.—Я пойду на площадь. Я буду говорить народу. Идите, прибавлялъ онъ, обращаясь къ любимцу своему Армфельду,—идите, и какъ второй Антоній покажите окровавленныя одежды Цезаря, чтобы уничтожить его враговъ!»

Въ Парижѣ, между тѣмъ, чествовали гражданскую доблесть Брута-Анкастрема. Въ Европѣ приписывали шведскій заговоръ революціонной пропагандѣ. Всѣ монархи были потрясены. Сама Великая Екатерина была на минуту разстроена. Эмигранты были смущены. Ихъ вождь исчезалъ: подъ предводительствомъ короля они еще могли считать себя силою; отнынѣ роль ихъ сводилась къ пособничеству коалиціи. «Сѣверъ опустѣлъ», говорили въ эмигрантской средѣ. Швеціи предстоятъ смуты регентства: заговорщики убили короля, а шведы дали на то молчаливое согласіе только для того, чтобы избѣжать европейскаго кризиса и возвратить себѣ традиціонныя вольности. Съ исчезновеніемъ Густава, Франція теряла наиболѣе убѣдительный изъ голосовъ, стоявшихъ за конгрессъ.

Это европейское собраніе имѣло теперь значеніе только въ рѣчахъ якобинцевъ, указывавшихъ на него какъ на общественную опасность и измѣну двора. Европа, въ сущности, отказывалась отъ конгресса и все сводилось къ частному германскому вмѣшательству. Испанія отпадала отъ коалиціи одновременно съ Швеціей, но Густава унесла трагическая смерть, Испанія же уклонялась глухо и въ силу собственнаго паденія. Флорида-Бланка не былъ великимъ министромъ, тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ дѣятельнымъ министромъ. Онъ хранилъ традиціи и уваженіе къ государственнымъ дѣламъ. За неимѣніемъ рессурсовъ для крупныхъ политическихъ дѣлъ, онъ обладалъ инстинктомъ и нѣкоторыми стремленіями. За послѣднее время его занималъ проектъ союза между Испаніей, Россіей, Даніей и Швеціей. Этотъ четверной союзъ имѣлъ-бы цѣлью противодѣйствіе морскому деспотизму Англіи. Вмѣшательство во французскія дѣла подразумѣвалось и включалось въ кругъ дѣятельности союза, и эта мысль, исходившая отъ Екатерины, казалась здравой совѣтнику Карлу IV. Но въ то время, какъ онъ мечталъ объ этомъ планѣ, придворныя козни вызвали его опалу. 28 февраля узнали о ней въ Аранжуэцѣ, а нѣсколько дней спустя министръ былъ арестованъ: его обвиняли въ злоупотребленіи властью и въ лихоимствѣ. Но истинная причина опалы заключалась въ томъ, что

онъ пытался открыть глаза королю на придворные скандалы и на близкую опасность, грозившую государству. Королева плакала, грозила, доносила, въ свою очередь, на министра, а смущенный и растерявшійся король пожертвовалъ испытаннымъ слугою своего отца мести женщины, которая позорила его корону и дерзко растрачивала казну. Марія-Луиза не была однако достаточно увѣрена въ своемъ вліяніи, чтобы призвать къ власти Годоя. Графу Аранда поручено было временное управленіе министерствомъ; онъ подготовлялъ путь безсовѣстному авантюристу, обворожившему королеву и околдовавшему короля.

Арандѣ было семьдесятъ пять лѣтъ; онъ принадлежалъ въ былое время къ числу министровъ—«друзей просвѣщенія», которыми гордилась образованная Европа; онъ восхищался Фридрихомъ, ненавидѣлъ Англію, проповѣдывалъ союзъ съ Франціей и посѣщалъ философовъ, пріѣзжая въ Парижъ. Изгнаніе іезуитовъ сдѣлало его знаменитымъ. Во Франціи его назвали «добродѣтельнымъ» Арандой; добродѣтельнымъ онъ былъ настолько же, насколько Помбаль въ Лиссабонѣ, Бернсторфъ въ Даніи, Манфредини во Флоренціи, Меллендорфъ въ Берлинѣ; быть добродѣтельнымъ, это значило быть «порядочнымъ человѣкомъ», какъ выражались во времена Людовика XIV, то есть человѣкомъ хорошаго тона, въ духѣ и во вкусѣ своего вѣка. Онъ обладалъ опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и слылъ независимымъ: Испанія радостно привѣтствовала его возвращеніе въ кормилу правленія. Никто менѣе его не сталъ-бы потворствовать интригамъ королевы, но и никто не сыгралъ-бы съ такимъ успѣхомъ роли ширмъ. Самая репутація безкорыстія Аранды какъ нельзя болѣе благопріятствовала планамъ Маріи-Луизы. Аранда никогда не отличался трудолюбіемъ; состарѣвшись, онъ еще болѣе облѣнился. Онъ предоставилъ дѣйствовать другимъ, и самая слабость его позволила людямъ, которые ею пользовались, дискредитировать его, а при удобномъ случаѣ и избавиться отъ него.

Конституціонный французскій посланникъ Бургоанъ пріѣхалъ въ Мадридъ за нѣсколько дней до опалы Флориды-Бланки: этотъ министръ, горѣвшій желаніемъ образованія коалиціи, отказался принять его. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Аранды, напротивъ, было—принять французскаго посланника. Въ противоположность предшественнику, онъ выказывалъ большую сдержанность, по отношенію къ представителямъ сѣверныхъ державъ, и былъ холоденъ и даже враждебенъ, по отношенію къ французскимъ эмигрантамъ, которыхъ ненавидѣлъ. Сближеніе съ Франціей казалось возможнымъ; во всякомъ случаѣ, нейтралитетъ Испаніи казался несомнѣннымъ. «До тѣхъ поръ, пока Франція будетъ оставаться въ состояніи смуты и разложенія», говорилъ Аранда прусскому посланнику въ

послѣднихъ числахъ марта, «Испанія не можетъ ни быть ей союзницей, ни вести съ нею дружбу. Но я считаю французовъ народомъ, который и по своему положенію, и по своимъ отношеніямъ неразлученъ съ Испаніей, и я отнесусь къ нимъ бережно и гуманно». Ни французскій дворъ, ни нѣмцы не могли расчитывать на содѣйствіе Испаніи. Къ тому же озабоченность Испаніи по отношенію къ Англіи сама по себѣ уже принуждала ее соблюдать крайнюю осмотрительность. Англія хранила внушающее опасенія молчаніе. Въ ея интересахъ было держаться принятой ею наблюдательной системы. Друзья французскаго двора не надѣялись вывести Англію изъ ея сосредоточенности; не болѣе того посчастливилось въ этомъ смыслѣ и повѣренному фельянскаго министерства.

VI.

Георгъ Ш вносилъ въ свою ненависть ко французской революціи всю необузданность своего характера. Въ качествѣ германскаго принца, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ упраздненіемъ феодальныхъ правъ въ Эльзасѣ. Распря владѣтельныхъ князей волновала его такъ, какъ будто касалась его непосредственныхъ интересовъ. Принимая французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Гирзингера, замѣнившаго Бартелеми, перемѣщеннаго въ Швейцарію, Георгъ Ш сказалъ ему: «Отъ всего сердца соболѣзную вашему королю и королевѣ, они очень несчастны. Ваше Національное собраніе—сборище бѣснующихся сумасбродовъ и безумцевъ, которые въ конецъ погубятъ это прекрасное королевство своими глупостями и безразсудствами; поистинѣ, французскому должностному лицу можно жить спокойно только въ Лондонѣ или Константинополѣ. Очень радъ за васъ, что вы здѣсь [1]). Но внѣ этой личной антипатіи, не вліявшей на политику, и сварливыхъ выходокъ, на которыя никто не обращалъ серьознаго вниманія, Георгъ Ш подчинялся мнѣнію Питта, а Питтъ не хотѣлъ войны. Парламентъ собрался 21-го января. Въ королевскомъ посланіи объявлялось, что никогда миръ не былъ настолько обезпеченъ, какъ въ настоящее время; объявлялось о разоруженіи, предлагалось уменьшеніе налоговъ на 200 тысячъ фунтовъ и въ то же время погашеніе государственнаго долга на такую же сумму. Такимъ образомъ подтверждалось то, что Англія не станетъ вмѣшиваться въ дѣла континента. Питтъ находилъ, что у нея достаточно и собственныхъ заботъ: въ Ирландіи происходили волненія; въ Индіи завязывалось опасное столкновеніе съ Типу Саибомъ; наконецъ и движеніе, проявлявшееся въ самой Англіи, побуждало министра поторопиться съ дѣ-

[1]) Отчетъ Гирзингера, 20 января 1792 г.

ломъ финансовой реформы, которое онъ имѣлъ въ виду уже съ давнихъ поръ и которое составляло въ ту минуту главный предметъ его управленія.

Французская революція не оставалась однако же безъ нѣкотораго вліянія и на англійскій народъ. Но вмѣсто того, чтобы, какъ то дѣлалось въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ, прійти къ заключенію о необходимости подавленія революціи во Франціи и распространенія революціонныхъ воззрѣній въ Европѣ, Питтъ заботился о предотвращеніи революціи у себя дома, удовлетворяя желанія большинства англичанъ. Желанія эти не клонились къ французскимъ новшествамъ. По мѣрѣ того, какъ революція принимала характеръ насилія и анархіи, симпатіи, возбужденныя ею вначалѣ среди либераловъ, быстро охладѣвали. Болѣе пылкіе люди, конечно, воодушевлялись примѣромъ Франціи и поддерживаемые этимъ примѣромъ волновались горячѣе прежняго; но число такихъ людей не увеличивалось. Образовалось общество подъ именемъ «*Друзей народа*»; оно насчитывало до сотни членовъ, изъ нихъ двадцать восемь были парламентскими депутатами. Вмѣсто Фокса, который не принадлежалъ къ этому обществу, въ немъ можно было встрѣтить нѣсколькихъ близкихъ ему людей: Грея, Шеридана, лорда Мейдланда и графа Лаудердаля. Было и другое, болѣе революціонное по своимъ тенденціямъ, общество: «*Общество конституціонныхъ изысканій*, но мало дѣятельное и скорѣе напоминавшее ученый клубъ, чѣмъ агентство пропаганды. Французская пропаганда имѣла очагомъ *Общество лондонской корреспонденціи*», которое собственно одно только и могло внушать опасенія. Въ немъ группировалось до шести тысячъ членовъ, руководимыхъ тайнымъ комитетомъ изъ шести лицъ. Дѣятельность его заключалась въ изданіи памфлетовъ, обличеніи тираніи королей, продажности министровъ, лицемѣрія духовенства, несправедливости и утѣснительности законовъ. Питтъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью этихъ обществъ; онъ зналъ, что противники не преминутъ обратить ее въ орудіе противъ него. Кромѣ того, въ министерствѣ замѣчался расколъ: канцлеръ Турлау ненавидѣлъ перваго министра и глухо подкапывался подъ него. Питтъ полагался только на Дундаса и Гренвилля. Всѣ эти причины не позволяли ему примыкать къ коалиціи противъ Франціи, но и не поощряли къ сближенію съ нею. При такихъ-то обстоятельствахъ Талейранъ пріѣхалъ въ Лондонъ, съ цѣлью добиться нейтралитета Англіи и, если то окажется возможнымъ, расположить умы въ пользу союза.

Это были первые дебюты дипломата, которому суждено было играть впослѣдствіи такую крупную роль. Какъ ни блестяща и необычайна была эта роль, въ ней не было однакоже ничего неожиданнаго для этого человѣка. Талейранъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому революція рас-

чистила пути. Напротивъ, она повидимому увлекала его съ широкой дороги для того, чтобы вернуть на нее позднѣе на склонѣ лѣтъ, послѣ необычайныхъ приключеній, которыя, несмотря на блескъ удачи, долгое время низводили его на степень знаменитаго неудачника среди вліятельныхъ выскочекъ. При старомъ порядкѣ все, казалось, обѣщало ему доступъ къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ. Если онъ уступалъ Ришелье въ широтѣ общихъ соображеній и послѣдовательности мышленія, а также въ твердости духа и той высокой геніальности, которая ставитъ человѣка выше его сана и званія, то несомнѣнно равнялся съ авторомъ пиренейскаго мира по гибкости ума, плодовитости и находчивости въ дѣлѣ изобрѣтенія способовъ дѣйствія и выхода изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. На его сторонѣ были также: и знатность происхожденія, недостававшая Мазарини, и кругъ совѣтниковъ, котораго лишенъ былъ Рецъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что онъ вполнѣ проникнутъ былъ духомъ своего вѣка, то есть несравненною тонкостью, изощренностью и обаятельностью ума. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы выдвинуть его на первый планъ. Нося одно изъ благороднѣйшихъ именъ во Франціи, епископъ въ тридцать пять лѣтъ, онъ былъ рожденъ кардиналомъ и министромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рожденъ былъ безпечнымъ, развращеннымъ и скептикомъ; ему было чуждо крупное сосредоточенное въ себѣ честолюбіе, которое медленно накопляетъ силы и ставитъ себѣ отдаленныя цѣли. Въ дѣтствѣ это былъ заброшенный, не согрѣтый нѣжностью ребенокъ; молодость протекла для него печально и болѣзненно. Карьеру свою онъ выносилъ, ненавидя ее, и смотрѣлъ на нее, какъ на опалу; лицемѣріе, котораго требовало его званіе, оскорбляло въ немъ гордость невѣрующаго и дворянское чувство чести; пресыщеніе и скука снѣдали его, порождая душевную тревогу, которую не могла заглушить разсѣянная жизнь: пустота сердца соединялась въ немъ съ безпокойствомъ ума, и онъ чувствовалъ непреодолимую потребность быть унесеннымъ изъ своей сферы волнами жизни. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ признавался, что избѣжалъ полнаго отчаянія лишь оцѣпенѣвъ въ индифферентизмѣ. «Я недостаточно любилъ другихъ,—говорилъ онъ;—но я и себя-то не любилъ и недостаточно интересовался собою... Революція нападала на принципы и обычаи, жертвою которыхъ я былъ самъ; мнѣ казалось, что она способна порвать мои цѣпи, она нравилась моему уму; я ревностно примкнулъ къ ея дѣлу, а затѣмъ мною располагали событія» [2]).

Вначалѣ онъ поддался теченію; позднѣе та же склонность, которая заставляла его отдавать себя на волю событій, заставила его стремиться

---

[2]) *Mémoires de madame de Rémusat*, Paris. 1880, t. III, p. 325—328.

къ направленію ихъ, обращенію въ свою пользу, а затѣмъ и къ созиданію ихъ. Дѣла, въ омутъ которыхъ онъ бросился ради развлеченія, стали для него потребностью. Къ тому же все располагало его къ этому: церковь дала ему первую выучку, Національное собраніе окончательно выработало его. Онъ обладалъ тѣмъ инстинктомъ, который въ каждомъ сцѣпленіи обстоятельствъ угадываетъ существенный элементъ, въ каждомъ кризисѣ—выдающагося человѣка и въ каждой задачѣ ея—практически возможное рѣшеніе; онъ питалъ отвращеніе ко всему парадоксальному, неясному, несоразмѣрному, однимъ словомъ, у него было чувство мѣры и, такъ-сказать, вкусъ въ политикѣ; онъ отличался способностью упрощенія, различенія основныхъ чертъ и умѣньемъ сгруппировать ихъ. Находчивость доходила у него до геніальности: онъ умѣлъ находить удачныя слова и выраженія, что дается только полною отчетливостью мысли, обладалъ искусствомъ держать себя въ свѣтѣ въ той же степени, какъ Вольтеръ владѣлъ искусствомъ писать. Бесѣда его была неподражаема, а умѣнье молчать доведено до изысканнаго совершенства. Безкорыстіемъ онъ не отличался, напротивъ, въ немъ замѣчалась даже алчность; онъ безъ зазрѣнія совѣсти облагалъ данью кліентовъ своей дипломатіи и взималъ десятину съ прибылей республики; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно согласовалъ свои выгоды съ государственной пользой, бралъ только съ тѣхъ, кому считалъ полезнымъ оказывать услуги, находя умѣстнымъ ни у кого не быть въ долгу и оставаясь всегда министромъ, даже въ своихъ поборахъ. Прибавьте къ этому невозмутимую самоувѣренность, которая порою, возвышалась до истинной неустрашимости, изумительную гибкость, съ которой умѣлъ подготовлять поворотъ въ политикѣ, величавое спокойствіе, съ которымъ объявлялъ о немъ. Спокойствіе не измѣняло ему въ самомъ цинизмѣ; порокъ былъ облеченъ у него въ ту обаятельную форму, которая ослѣпляетъ свѣтъ; умѣнье держать себя съ достоинствомъ предупреждало удивленіе и подавляло презрѣніе; соблюденіе внѣшнихъ приличій и неизмѣнный тактъ прикрывали дерзко-скандалезную жизнь: высокая умственная культура обособляла его нѣкоторымъ образомъ въ средѣ дурного общества и ограждала отъ панибратства подчиненныхъ; налетъ его либерализма пережилъ вынужденный и добровольный сервилизмъ; наконецъ, въ основѣ его характера лежала государственная доблесть, которая укрѣпилась со временемъ и до нѣкоторой степени загладила его слабости и недостатки: онъ искренно любилъ Францію [3]).

---

[3]) Ségur; *Histoire et Mémoires*, t. VII, p. 137. — Guisot, *Mémoires*, t. II, p. 266, 268, 269.—Mignet, *Portraits et notices*, t. I, art. *Talleyrand*.—Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis*, t. XII, art. *Talleyrand*.—Henri Litton Bulwer, *Essai sur Talleyrand*. trad. M. G. Perrot, Paris, 1868.

Въ 1792 году, Талейранъ былъ еще начинающимъ, неопытнымъ дипломатомъ; ему предстояло учиться дипломатическому искусству въ Лондонѣ. Онъ выказалъ не мало легкомыслія во время назначенія Жарри въ Берлинъ; еще болѣе опрометчивости проявилъ онъ во время подготовленія къ исполненію своей лондонской миссіи. Онъ избѣгалъ встрѣчъ съ лордомъ Гоуэромъ, интриговалъ противъ Питта, давалъ почувствовать, что онъ въ силахъ лишить его власти, и льстилъ себя надеждой подкупить, немедленно по своемъ прибытіи въ Лондонъ, всѣхъ нужныхъ людей. Эти неосторожныя рѣчи выслушивались, впрочемъ, съ нѣкоторымъ довѣріемъ вслѣдствіе того, что Талейранъ выбралъ себѣ въ товарищи Бирона. Предлогомъ для путешествія была закупка лошадей для французской арміи; но никто этому не вѣрилъ, и миссія приняла характеръ политической интриги, что̀ громко говорилось при дворѣ. Вызвать въ королѣ Георгѣ предубѣжденіе противъ новаго посланника было не трудно. Эмигранты и агенты королевы усердно работали надъ этимъ, выставляя Талейрана англійскому государю въ самомъ отталкивающемъ свѣтѣ. Его называли вельможей-заговорщикомъ противъ короля, прелатомъ, цинично-похваляющимся вѣроотступничествомъ. Еще до пріѣзда его въ Лондонъ 24 января, отъ него отрекался французскій дворъ и въ средѣ людей его касты, пользующихся нѣкоторымъ вліяніемъ и довѣріемъ въ Англіи, онъ былъ окончательно дискредитированъ [4]).

Талейранъ везъ письмо де-Лессара къ графу Гренвиллю. Въ письмѣ объяснялось, что «бывшій отёнскій епископъ ѣдетъ въ Англію по лично касающимся до него дѣламъ». Г. Талейранъ, прибавлялъ министръ,—не можетъ брать на себя никакихъ дипломатическихъ функцій, «вслѣдствіе званія члена Національнаго собранія; но такъ какъ онъ имѣлъ возможность изучить наши политическія отношенія, и въ особенности отношенія наши съ Англіей, то я желаю, чтобы ваша свѣтлость соблаговолили побесѣдовать съ нимъ объ этомъ предметѣ». Повѣренный въ дѣлахъ Гирзингеръ получилъ приказаніе состоять при Талейранѣ; онъ устраивалъ ему свиданія съ Питтомъ и Гренвиллемъ и добился для него представленія ко двору. Сверхъ того у Талейрана были письма къ нѣкоторымъ представителямъ либеральной оппозиціи: лорду Ландсоуну, Фоксу, Шеридану, и онъ попытался втереться къ нимъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ благопріятное настроеніе и подъ первымъ впечатлѣніемъ сдѣланнаго ему пріема онъ писалъ въ Парижъ 27 января: «Сближеніе съ Англіей не химера». Вскорѣ

---

[4]) Ферзенъ Густаву III, 15 янв. 1792, *Мемуары*, т. II, стр. 132. Ла Маркъ Мерси 22 янв., *Corresp.*, t. III, p. 293. Моррисъ Вашингтону, 17 марта 1792. Отчетъ Гирзингера 17 янв. 1792.

вслѣдъ за тѣмъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, что Англія далеко не на пути къ такому сближенію.

Гирзингеръ ввелъ его къ Питту. Талейранъ уже ранѣе встрѣчался съ англійскимъ премьеромъ: они видѣлись въ 1783 г. у епископа Реймскаго, дяди Талейрана, во время поѣздки тогда еще молодого Питта въ Парижъ, вмѣстѣ съ Элліотомъ и Вильберфорсомъ. Талейранъ нашелъ, что Питту слѣдовало первому вспомнить объ этой встрѣчѣ. Этотъ личный оттѣнокъ предупредительности могъ указать на нѣкоторое желаніе прійти къ соглашенію. Питтъ предпочелъ обойтись безъ такой любезности и не сталъ вспоминать о дядюшкѣ, чтобы имѣть возможность не узнать племянника. Во время визита ограничились обмѣномъ свѣтскихъ вѣжливостей. То же самое произошло и у графа Гренвилля. Талейранъ представлялся королю 1 февраля, а королевѣ—2-го. Король сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на него никакого вниманія; королева повернулась къ нему спиною. Пріемъ при дворѣ опредѣлилъ и характеръ пріема его высшимъ обществомъ. Талейранъ увидѣлъ себя исключеннымъ изъ этого круга въ качествѣ опаснаго человѣка, агента мятежной партіи, котораго нельзя оттолкнуть, но и не слѣдуетъ считать за своего. Онъ тѣмъ чаще сталъ посѣщать домъ Лансдоуновъ. Здѣсь искали знакомства съ нимъ. Всѣ, кто не пересталъ тяготѣть къ французскимъ идеямъ, съ нетерпѣніемъ ожидали появленія человѣка, принимавшаго столь дѣятельное участіе въ трудахъ Національнаго собранія. Талейранъ встрѣтилъ въ этомъ обществѣ Дюмона, котораго знавалъ въ Парижѣ и который привелъ къ нему Дюроверэ, своего женевскаго соотечественника, одного изъ финансовыхъ дѣльцовъ Мирабо. Обращеніе и духъ епископа-царедворца, превратившагося въ апологета революціи, нѣсколько сбивали съ толку англичанъ, посѣщаемыхъ Талейраномъ. Они не находили въ немъ ничего, что отвѣчало бы общераспространеннымъ понятіямъ о французахъ: ни легкомыслія, ни болтливости, ни національной веселости. Онъ былъ «сентенціозенъ въ разговорѣ, холодно вѣжливъ и наблюдателенъ, дипломатически скрытенъ. Онъ оставлялъ въ обществѣ впечатлѣніе человѣка замѣчательно молчаливаго и замѣчательно блѣднаго». Все обаяніе свое онъ берегъ для болѣе тѣсныхъ личныхъ сношеній. Тогда онъ очаровывалъ «простотою, ласковостью, внимательностью, угодливостью, умѣлъ посмѣшить и позабавить» [5]).

Дѣловыя сношенія не завязывались; онъ наблюдалъ и, за невозможностью вести на практикѣ переговоры съ англичанами, онъ теоретически рѣшалъ болѣе успѣшные способы вести ихъ. Его письма министру за это время — не столько отчеты, сколько проекты

---

[5]) Dumont, p. 361, 362.—Bulwer, p. 24.

инструкцій. Англія, писалъ онъ, — находитъ свою выгоду въ нейтралитетѣ. Слѣдуетъ заставить ее еще сильнѣе почувствовать его необходимость и подкрѣпить свои разсужденія морской демонстраціей. «Мы бесѣдуемъ съ сѣверными державами, имѣя сто пятьдесятъ тысячъ солдатъ за плечами; я твердо увѣренъ, что для бесѣды съ англичанами требуется эскадра». «Настроеніе болѣе чѣмъ успокоительно, даже благопріятно, чтобы надѣяться на хорошіе результаты». Къ тому же недостаточно того, чтобы Англія оставалась нейтральною, надо, чтобы она объявила о своемъ нейтралитетѣ. Въ этихъ видахъ Франція должна внушить довѣріе, а для этого должна показать увѣренность въ собственныхъ силахъ. Слишкомъ много говорено было о ея слабости и немощности, о томъ, что у нея не имѣется никакой политики. «Франція должна умѣть себя поставить». Посредникъ, преданный революціи, долженъ убѣдить англичанъ въ томъ, что французская конституція обезпечиваетъ ихъ собственную и что интересы англійской торговли находятся въ зависимости отъ соглашенія съ Франціей. «Такой посредникъ долженъ дать почувствовать полезность союза, къ которому надо же намъ когда нибудь прійти...» Талейранъ полагалъ, что имѣетъ возможность приступить къ такимъ переговорамъ. Онъ, впрочемъ, готовъ былъ цѣнить вещи по ихъ настоящей стоимости и, въ случаѣ надобности, предлагалъ въ видахъ убѣжденія англичанъ уступить имъ Табаго, подъ условіемъ гарантированія французскому правительству займа въ размѣрѣ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ фунтовъ. Его послали позондировать почву; онъ это исполнилъ. Теперь онъ ждалъ дальнѣйшихъ указаній и настоятельно требовалъ ихъ. «Вы мнѣ ничего не пишете»,— говорится въ его письмѣ къ Лессару отъ 14 февраля,—«не понимаю, почему вы это дѣлаете и увѣряю васъ, что это не хорошо».

Вскорѣ имъ овладѣло нетерпѣніе и уныніе. Извѣстія, приходившія изъ Франціи, колебали и ту небольшую долю расположенія, какую онъ успѣлъ пріобрѣсти. «Все, что внѣ Франціи,—писалъ онъ,—спрашиваетъ, къ кому же, наконецъ, можно обращаться и на кого расчитывать». Парижскія газеты осыпали его бранью и враги передавали эту брань въ Лондонѣ. Его изображали, какъ агента «орлеанистской шайки». Печатали во всѣхъ подробностяхъ мнимый разговоръ его съ Питтомъ: Питтъ, будто бы, позволялъ себѣ весьма ироническое отношеніе къ Франціи и не скупился на діатрибы по поводу конституціоннаго министерства [6]). Отго-

[6]) Питту приписывали слѣдующія рѣчи, что́ было очевидно грубымъ шаржемъ: «Прощайте; у меня свиданіе съ г. Моррисомъ, который теперь въ Лондонѣ съ порученіемъ работать въ направленіи, прямо противоположномъ вашему. Изъ этого слѣдуетъ, что въ ближайшей бесѣдѣ съ вами вы увидите меня болѣе свѣдущимъ въ вашихъ дѣлахъ.—Прекрасно, отвѣчалъ Талей-

лоски скандала, разразившагося въ Берлинѣ вокругъ Сегюра, дошли и до Лондона. Биронъ доставилъ своимъ врагамъ случай къ еще болѣе громкому скандалу. 6 февраля его арестовали за долги; эту западню устроили эмигранты. Талейранъ освободилъ своего пріятеля на слѣдующей же недѣлѣ, но дѣло успѣло получить огласку и бросило тѣнь на все это французское посольство. Талейранъ, замѣтивъ, что почва ускользаетъ отъ него, рѣшился на слѣдующій шагъ.

15 февраля онъ отправился къ Гренвиллю. Разговоръ вышелъ изъ предѣловъ свѣтской банальности, но говорилъ одинъ Талейранъ. Въ продолженіе трехъ-четвертей часа онъ держалъ рѣчь, начавъ съ апологіи собственнаго образа дѣйствій по отношенію къ революціи. Онъ указалъ на желаніе Франціи—достигнуть соглашенія съ Англіей. «Я всегда утверждалъ,—сказалъ онъ,—что Англія—наша естественная союзница». Затѣмъ, онъ изложилъ положеніе дѣлъ въ королевствѣ, объяснилъ причину смутъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе столь великихъ преобразованій, изобразилъ энергію, проявляемую націей въ дѣлѣ защиты конституціи и отпора иноземному вторженію. Онъ отрицалъ всякое намѣреніе пропаганды. Франція, по его словамъ, въ концѣ концовъ дѣлала только то, что совершала у себя Англія въ предшествующія столѣтія. Въ заключеніе, онъ выразилъ пожеланіе тѣснаго союза, которымъ скрѣпилась бы гарантія обоюдныхъ владѣній въ Европѣ и на Востокѣ; послѣднія слова имѣли цѣлью успокоить лорда Гренвилля относительно Ирландіи. Изложивъ свое предложеніе, онъ просилъ своего собесѣдника не давать немедленнаго отвѣта и обдумать все вышесказанное. Невозможно было болѣе искусно принять въ соображеніе виды англійскаго министра. Гренвилль ограничился тѣмъ, что отвѣтилъ Талейрану, что онъ находитъ нужнымъ, «во вниманіе къ его требованіямъ, повидаться съ нимъ вторично, хотя въ то же время нашелъ, что лояльность заставляетъ его указать на безусловную невозможность входить въ какое бы то ни было дѣловое обсужденіе съ лицомъ, не облеченнымъ оффиціальною функціей». Этотъ отвѣтъ равнялся пораженію; Талейранъ пожелалъ увидѣть въ немъ поощреніе къ дальнѣйшимъ переговорамъ и написалъ Лессару о присылкѣ въ возможно-скоромъ времени формально аккредитованнаго уполномоченнаго. Онъ указалъ для этого на маркиза Шовелена, молодого человѣка, котораго считалъ незначущимъ и котораго надѣялся имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи. «Онъ необыкновенно уменъ,—великодушно прибавлялъ Талейранъ,—онъ искренно и опредѣленно относится къ революціи».

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Талейранъ получилъ

ранъ.—Я, съ своей стороны, отправляюсь къ Фоксу, чтобы онъ просвѣтилъ меня и по части вашихъ». *Moniteur*, 7 févr. 1792, t. XI, p. 313.

инструкцію изъ Парижа. Депеша Лессара помѣчена была 15-мъ февраля. По всей вѣроятности, она исходила изъ министерскихъ канцелярій; отъ нея не вѣяло новымъ духомъ, но зато она преисполнена была здравомыслія. Министръ отвергалъ мысль о морской демонстраціи: такая демонстрація повела бы къ разрыву, такъ какъ англичане не имѣютъ обыкновенія принимать рѣшеній подъ впечатлѣніемъ угрозъ. Слѣдовало откровенно объясниться съ ними по поводу намѣреній Франціи и ихъ собственныхъ. «Если загорится война, Нидерланды, прежде всего, сдѣлаются ея театромъ». По этому-то щекотливому пункту и слѣдуетъ позондировать Англію. Съ другой стороны, король Георгъ—ганноверскій электоръ; какова будетъ его роль въ Германіи? Если онъ ограничится, въ случаѣ надобности, доставленіемъ своего имперскаго контингента, то это не представитъ затрудненій; но если онъ направитъ въ Германію всѣ свои военныя силы, то уже не можетъ считать себя нейтральнымъ, въ качествѣ короля.

Эти инструкціи не отвѣчали вполнѣ желаніямъ Талейрана; онъ подвергъ ихъ нѣкоторымъ измѣненіямъ, но руководился ими при новомъ свиданіи съ лордомъ Гренвиллемъ, послѣдовавшемъ 1 марта. Англійскій министръ считалъ Талейрана «умнымъ и опаснымъ человѣкомъ». Онъ держался съ нимъ самаго сухого лаконизма, повторяя то, что уже было имъ высказано во время первой бесѣды. Это,—утверждалъ онъ,—единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на предложенія Талейрана. Онъ увѣрялъ его однако же, что Англія не относится враждебно къ Франціи и что она отнюдь не желаетъ для нея продленія нынѣ существующихъ тамъ смутъ. Онъ защищалъ свое правительство отъ нареканія, приписывавшаго ему возбужденіе этихъ самыхъ смутъ. «Противъ насъ не можетъ быть выставлено ни малѣйшихъ доказательствъ», прибавилъ онъ. Тогда Талейранъ вернулся къ прежнимъ внушеніямъ, выдавая ихъ за свое личное мнѣніе. Онъ имѣлъ, впрочемъ, осторожность не упоминать болѣе о Табаго, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ компрометировалъ бы себя этимъ совершенно безполезно. Гренвилль уклонялся отъ всякихъ авансовъ. «Наконецъ,—писалъ Талейранъ,—я откровенно сказалъ ему, что для меня ясно и несомнѣнно заключеніе этого союза рано или поздно. На это онъ отвѣтилъ, что и самъ надѣется на такой исходъ». Выслушавъ эти благожелательныя слова, Талейранъ удалился. «Нейтралитетъ не подлежитъ сомнѣнію», писалъ онъ Лессару. Намѣренія Англіи далеко не тревожнаго свойства. Англійское правительство, ради собственныхъ выгодъ, благоразумія и даже по убѣжденію не захочетъ ни безпокоить насъ, ни противодѣйствовать намъ». Въ своемъ оптимизмѣ онъ надѣялся даже, что Англія не станетъ противиться вторженію въ

Бельгію, въ случаѣ войны между Франціей и Австріей, разсуждая слѣдующимъ образомъ: Англія болѣе всего опасается усиленія Австріи и Россіи; гагскій трактатъ 10 декабря 1790 г. никогда не былъ ратификованъ; трактатъ этотъ, обезпечивавшій къ тому же Англіи только внутреннее спокойствіе Бельгіи, предусматривалъ революцію, но не вторженіе. «Могу васъ увѣрить,—писалъ въ заключеніе Талейранъ,—что я, съ своей стороны, желаю только оффиціальнаго положенія и времени, чтобы положить начало и упрочить здѣсь самыя полезныя для Франціи отношенія» [7]).

Поѣздка Талейрана въ Лондонъ сильно напоминала путешествіе туда же герцога Орлеанскаго въ началѣ революціи. Но съ 1790 года событія значительно созрѣли и иллюзіи, которыми обольщалъ себя этотъ принцъ, не могли обмануть надолго проницательность бывшаго отёнскаго епископа. По зрѣломъ размышленіи онъ понялъ, что Англія не желаетъ союза, а если бы она и пожелала его, то условія ея будутъ несовмѣстимы съ видами господствующей во Франціи партіи. Сверхъ того, для успѣха переговоровъ о такомъ союзѣ необходимо, чтобы во Франціи было правительство, представлявшее хоть какое-нибудь обезпеченіе, а именно этого лишенъ былъ Талейранъ. Письма близкихъ ему людей доказывали, что министерство поколеблено и ослаблено во всѣхъ отношеніяхъ. Кризисъ казался неминуемымъ. Талейранъ нашелъ, что не слѣдуетъ ожидать конца этого кризиса въ Лондонѣ. Онъ уѣхалъ, увозя съ собою Дюмона и Дюроверэ: онъ расчитывалъ на кредитъ этихъ двухъ женевцевъ, и въ особенности второго, пользовавшагося репутаціей революціонера, что́ могло подѣйствовать на Бриссо и расположить его въ пользу плановъ Талейрана. Всѣ три путешественника прибыли въ Парижъ 9 марта: они узнали тамъ, что Нарбоннъ лишился своего поста военнаго министра и что Бриссо собирался потребовать преданія суду де Лессара.

---

[7]) Письмо отъ 2 марта.

КНИГА IV

Война.

ГЛАВА I

Разрывъ съ Австріей.

1792.

I.

Жирондисты желали войны и путемъ войны добивались власти. Какъ и всѣ партіи, устранявшія одна другую и замѣщавшія другъ друга во время революціи, жирондисты смѣшивали торжество революціи съ собственнымъ успѣхомъ и общественное спасеніе—съ собственнымъ спасеніемъ. Восторженное стремленіе къ свободѣ, великодушнѣйшій прозелитизмъ, честолюбивое исканіе власти, любовь къ родинѣ, все соединялось и содѣйствовало тому, чтобы увлечь къ гибели эти безпокойные и химерическіе умы. Благородныя стремленія уживались въ нихъ съ весьма узкими страстями, и въ поступкахъ своихъ они руководились настолько же энтузіазмомъ, насколько и расчетомъ. Къ этому присоединялось много неосмотрительности и задорнаго легкомыслія, опьяняемаго борьбою, порывающагося къ славѣ и успѣху и не заботящагося о томъ, что послѣдуетъ на другой день послѣ побѣды. Они не помышляли о томъ, какъ будутъ управлять государствомъ, ставъ у кормила правленія, и ни мало не озабочивались этимъ вопросомъ, полагая, что геній революціи справится съ дѣломъ. Ослѣпленные идеями и самонадѣянно довѣряя своимъ силамъ, они шли въ битву, не безпокоясь о томъ, какая армія шла за ними: для нихъ достаточно было, чтобы эта армія толкала ихъ впередъ, чтобы мнить себя ея вождями. Имъ незнакома была отвѣтственность власти; имъ неизвѣстна была даже осторожность, внушаемая соображеніями государственной пользы. Всѣ средства казались имъ пригодными: такъ, они съ безпримѣрною неосторожностью вооружили тѣ самыя руки, которыя поразили ихъ впослѣдствіи и, такъ сказать, установили всѣ прецеденты собственнаго процесса. Они знали о намѣреніяхъ эмигрантовъ, подозрѣвали планы двора и не отдѣляли первыхъ отъ второго. Всѣ эти планы сводились ими къ полной контръ-ре-

волюціи, то есть уничтоженію ихъ принциповъ, къ проскрипціи и даже личной гибели. Они видѣли себя окруженными заговорами. Однако, несмотря на зловѣщія предчувствія, смущавшія покой нѣкоторыхъ изъ нихъ и доводившія до галлюцинацій [1]), несмотря на «римскую печаль», напускаемую на себя другими, несмотря на постоянное ожиданіе «рѣзни и Варѳоломеевской ночи патріотовъ», поддерживаемое газетами, мы составили-бы себѣ ложное представленіе о томъ времени, если бы изображали его себѣ мрачными красками [2]). Настроеніе Франціи, и въ особенности Парижа, не было ни мрачно, ни уныло: ихъ попеременно волновали страхъ, гнѣвъ и надежда. Такіе рѣзкіе переходы отъ одного чувства къ другому выбивали людей изъ будничнаго строя души и вели ко всякаго рода крайностямъ. То были дни грозъ, давящихъ, но затѣмъ оживляющихъ природу и открывающихъ далекіе и сіяющіе горизонты по своемъ минованіи.

Жирондисты держались тактики, которую унаслѣдовали у нихъ всѣ послѣдующія революціонныя партіи: получить содѣйствіе національной гвардіи, вооруженныхъ секцій и парижской черни. Они восхваляютъ эту чернь; они повторяютъ, что она-то и есть народъ и верховный властитель; они потакаютъ ея инстинктамъ и разнуздываютъ ея вожделѣнія. Они не боятся возбудить ее къ соціальной войнѣ, чтобы сильнѣе воодушевить ее на войну съ внѣшнимъ врагомъ. Они поддерживаютъ ея подозрѣнія, смущаютъ и пугаютъ ее. Всѣ ихъ нападенія имѣютъ въ виду австрійскій комитетъ, неуловимый очагъ постоянно возникающихъ заговоровъ, тѣмъ болѣе страшныхъ, что они скрыты отъ всѣхъ глазъ. Жирондисты видятъ въ этихъ заговорахъ козни всѣхъ своихъ враговъ. Душою этихъ козней являлась королева; вокругъ нея группируются: Монморенъ, фельяны, тріумвиратъ, какъ называли—Дюпора, Барнава и Ламета. Министръ Лессаръ служитъ имъ агентомъ. Нарбонна, нѣкогда восхваляемаго, подозрѣваютъ въ сообществѣ съ ними. «Завтра наступитъ чередъ для принца Орлеанскаго, Дюмурье и Боннъ-Карера!» иронически замѣтилъ одинъ изъ членовъ правой. Этотъ депутатъ высказалъ свое мнѣніе въ видѣ шутки: въ слѣдующемъ году Бриссо, заподозрѣнный въ свою очередь, погибнетъ жертвой той самой паники, которую такъ ревностно вызывалъ во Франціи. Лессаръ занималъ постъ, который жирондисты находили для себя самымъ важнымъ и необходимымъ; у Лессара не было ни престижа, ни твердой почвы: онъ первый былъ преданъ суду.

Перваго марта онъ явился въ собраніе и прочелъ дипломатическую пе-

---

[1]) Шамфору казалось, что онъ стоитъ на готовой взорваться минѣ; Сіейсъ видѣлъ въ своихъ галлюцинаціяхъ, какъ голова его скатывается на коверъ. Dumont, ch. XIX, p. 391.

[2]) *Journal d'une bourgeoise*, p. 85—92.

реписку съ вѣнскимъ дворомъ, согласно съ рѣшеніемъ депутатовъ. Депеша Кауница Блумендорфу, отъ 17-го февраля, съ первыхъ словъ вызвала громкій ропотъ неудовольствія. Канцлеръ входилъ въ этой депешѣ въ пространныя объясненія по поводу прелиминарій конгресса и пильницской декларацiи; онъ крайне строго судилъ о внутреннихъ дѣлахъ Франціи и о пропагандѣ; онъ приписывалъ причину безпорядковъ «вліянію и необузданности республиканской партіи»; онъ обращался для противодѣйствія этимъ опаснымъ элементамъ къ здравой и миролюбивой части націи. Составляя этотъ высокомѣрный и безтактный документъ, Кауницъ расчитывалъ внушить французамъ спасительный страхъ и привести ихъ къ раскаянію; вмѣсто того онъ вызвалъ всеобщее порицаніе. Враждебныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ, когда Лессаръ прибавилъ: «король отвергаетъ всякую мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Франціи; онъ извѣщаетъ о томъ вѣнскій кабинетъ; взамѣнъ своихъ миролюбивыхъ заявленій, онъ ожидаетъ, что Австрія выразитъ свое желаніе сохранить миръ «скорымъ, откровеннымъ и категорическимъ отвѣтомъ», искренность котораго докажетъ возвращеніемъ своихъ нидерландскихъ войскъ къ тому положенію, какое они занимали въ февралѣ 1791 года.—Эти сообщенія заняли все утреннее засѣданіе, на которомъ негодованіе проявилось въ еще болѣе бурной формѣ. Умѣренный тонъ лессаровскихъ депешъ былъ названъ трусостью. Собраніе рѣшило, что будетъ представленъ докладъ объ образѣ дѣйствій министра. Этимъ осуждается все правительство, и этого не скрываютъ. «Собранію слѣдуетъ взять въ свои руки исполнительную власть, или же король долженъ исполнить свой долгъ», сказалъ на другой день Камбонъ.

Министерство было близко къ паденію. Сторонники Барнава обвиняли Нарбонна въ сообщничествѣ съ жирондистами; сторонники Нарбонна обвиняли Барнава въ сообщничествѣ съ Австріей. Королева стремилась погубить однихъ посредствомъ другихъ. Нарбоннъ казался ей наиболѣе опаснымъ, а случай устранить его—удобнымъ. Подъ предлогомъ, что онъ «желалъ сдѣлаться министромъ націи и независимымъ отъ короля», Бертранъ, поддерживаемый товарищами, потребовалъ отъ Людовика XVI отставки военнаго министра [3]). Людовикъ охотно согласился и 9 марта замѣнилъ его полковникомъ де-Гравъ. Фельяны вообразили, что одержали побѣду, избавясь отъ компрометирующаго коллеги, который вовлекалъ ихъ въ безразсудную войну; Собраніе весьма скоро отняло у нихъ эту иллюзію.

Корреспонденція, сообщенная 1-го марта Лессаромъ, была передана дипломатическому комитету. Докладъ поручено было сдѣлать Бриссо. Послѣ засѣданія, какой-то иностранецъ, присутствовавшій при чтеніи доклада,

[3]) Ферзенъ Густава III, 24 марта 1792. Feuillet, t. V, p. 359. Кочубей Воронцову, 12 марта 1792. *Архивъ князя Воронцова*, т. XVIII, с. 28.

замѣтилъ Бриссо и Клавьеру, что обвиненія, выставленныя противъ министра, неопредѣленны и противорѣчивы [4]). Бриссо слушалъ съ насмѣшливою улыбкой. «Это—рѣшающая мѣра!» воскликнулъ онъ. «Небходимо отправить Лессара въ Орлеанъ [5]). Мы должны опередить якобинцевъ, и это преданіе суду докажетъ, что мы ранѣе ихъ сдѣлали то, что они сдѣлали-бы сами. Я знаю, что онъ будетъ оправданъ, потому что у насъ имѣются одни подозрѣнія и никакихъ доказательствъ; но мы будемъ въ выигрышѣ, если удалимъ его изъ министерства. Мы должны спасти Францію и не сможемъ уничтожить иначе австрійскій комитетъ, какъ поставивъ вѣрнаго человѣка во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». «Онъ дошелъ до того», передаетъ очевидецъ, «что я слышалъ, какъ онъ предлагалъ переодѣть нѣсколько человѣкъ солдатъ въ австрійскіе уланскіе мундиры и велѣть имъ произвести ночное нападеніе на какія-нибудь французскія деревни; при полученіи извѣстія объ этомъ можно-бы внести предложеніе въ Законодательное собраніе и добиться восторженнаго декрета». Неспособность двора избавила Бриссо отъ труда прибѣгнуть къ подобной стратагемѣ и доставила Жирондѣ случай, въ которомъ она нуждалась.

Утромъ 10-го марта все способствовало возбужденію въ Собраніи того лихорадочнаго состоянія, которое всегда предшествуетъ парламентскимъ катастрофамъ. Извѣстіе объ отставкѣ Нарбонна и вѣсть о смерти Леопольда одновременно получены были въ корридорахъ Собранія. Междуцарствіе, наступавшее въ имперіи, замѣчали по этому поводу, замедлитъ вооруженія; отъ этого можетъ пострадать соглашеніе между Австріей и Пруссіей; радовались опалѣ Флориды-Бланки въ Испаніи и вступленію въ кабинетъ Аранды, на котораго, какъ думали, можно положиться. Коалиція, повидимому, была разстроена; дворъ терялъ союзниковъ. «Обѣ враждующія партіи одинаково взвѣсили и оцѣнили послѣдствія измѣнившагося положенія вещей, и ужасъ одной изъ нихъ былъ равенъ дерзости другой» [6]). Жирондистская партія немедленно воспользовалась смятеніемъ правой. Едва успѣлъ президентъ прочитать Собранію лаконическое письмо, которымъ Людовикъ XVI извѣщалъ о смѣщеніи Нарбонна, какъ раздались громкіе протесты со скамей лѣвой. Собраніе, которое еще наканунѣ готово было обвинять этого министра въ измѣнѣ, вотировало теперь сожалѣніе по поводу его отставки. Затѣмъ Бриссо приступилъ къ чтенію своего доклада и начали разыгрываться сцены, не разъ съ какимъ-то монотоннымъ трагизмомъ повторявшіяся въ знаменательные дни революціи. Эти сцены и сто лѣтъ спустя еще производятъ впечатлѣніе, благодаря своему нѣсколько теат-

[4]) Dumont, ch. XIX, p. 378—411.

[5]) Мѣстопребываніе верховнаго суда (haute cour de justice).

[6]) Пелленкъ ла-Марку, 11 марта 1792. *Corresp.*, t. III, t. 296..

ральному характеру [7]). Въ тотъ день Бриссо читалъ назиданіе Бареру и ткалъ канву всѣхъ послѣдующихъ обвинительныхъ актовъ: это было патетическое изобличеніе темнаго комплота, въ которомъ инсинуаціи замѣняли доказательства, а окрикъ заступалъ мѣсто обсужденія; въ видахъ поддержанія обвиненія, трибуны покрывали голоса защитниковъ заказанными заранѣе возгласами, приводившими въ ужасъ судей. Если мы сравнимъ докладъ Бриссо со всѣми тѣми, которые выслушивались въ 1793 и 1794 годахъ и подъ ударами которыхъ послѣдовательно погибали министры, король, жирондисты, дантонисты, Робеспьеръ и сами монтаньяры, то увидимъ, что планъ остается неизмѣннымъ, постановка засѣданія совершенно тождественна и измѣняются лишь одни имена обвиняемыхъ. Подобно гильотинѣ, которой оно поставляло жертвы, это инквизиторское краснорѣчіе глухо и слѣпо: оно убиваетъ не слыша и не видя.

Противъ Лессара существовали одни подозрѣнія; но удары, направленные противъ министра, перелетаютъ, такъ сказать, черезъ его голову и поражаютъ королевскую фамилію. Это чувствовалось всѣми; въ этомъ заключался патетическій интересъ того дня. Бриссо предлагаетъ предать суду Лессара и пригласить вѣнскій дворъ объявить, что онъ отказывается отъ плана европейскаго вмѣшательства во французскія дѣла. Жирондисты, поддерживаемые всей лѣвой и трибунами требуютъ немедленнаго голосованія. Фельяны внушаютъ, что слѣдовало-бы отложить его и выслушать министра. «Для того, чтобы декретировать обвиненіе, достаточно и подозрѣній», отвѣчаетъ Верньо. Но что за дѣло до Лессара и его защиты? Это лишь простые инциденты начинающагося процесса. Напоминая о знаменитыхъ словахъ Мирабо, Верньо воскликнулъ: «Съ этой трибуны виденъ дворецъ, гдѣ коварными совѣтами вводятъ въ заблужденіе короля... Страхъ и ужасъ нерѣдко исходили изъ этого дворца; да войдутъ же они въ него сегодня именемъ закона! Пусть всѣ, кто обитаетъ въ немъ, знаютъ, что одинъ король неприкосновененъ, что законъ покараетъ тамъ, безъ различія, всѣхъ виновныхъ и что ни одна голова, преступленіе которой будетъ доказано, не избѣгнетъ законной кары!» Декретъ былъ принятъ при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Между тѣмъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ съ тоскою и страхомъ прислушивались къ отголоскамъ этого страшнаго засѣданія. Королева нахо-

[7]) Современники, свидѣтели и дѣйствующія лица именно такъ и смотрѣли на эти сцены. Госпожа Жюльенъ (де-ла-Дромъ), фанатичная республиканка, но добросовѣстная свидѣтельница, писала по выходѣ изъ одного изъ такихъ засѣданій въ 1792. «Засѣданіе было исполнено постоянно и до конца возрастающаго интереса, точно Провидѣніе создало для этого дня великолѣпную трагедію, жгучій интересъ которой усиливался съ каждой сценой». *Journal d'une bourgeoise*, 30 avril 1792, p 79.

дилась еще подъ впечатлѣніемъ неожиданной смерти брата, когда пришли сообщить ей, что въ тотъ же день долженъ быть приведенъ въ исполненіе давно подготовляемый заговоръ, въ которомъ герцогъ Орлеанскій и Лафайетъ участвовали на ряду съ Бриссо, Сійесомъ, Кондорсе и Нарбонномъ; планъ заговорщиковъ состоялъ въ лишеніи власти короля и секвестрѣ дофина. Но, прибавляли вѣстовщики, маневръ этотъ успѣли предупредить и единственной жертвой будетъ Лессаръ; тѣмъ не менѣе необходимо безотлагательно принять серьозное рѣшеніе. Такія-то рѣчи держали королевской семьѣ единственные выслушиваемые ею приближенные. То, что происходило въ Собраніи, повидимому, подтверждаетъ ихъ разсказы. Къ тому же король и королева готовы на все. Угрозы, раздающіяся вокругъ нихъ, возвѣщаютъ тотъ послѣдній кризисъ, отъ котораго они вынуждены ждать избавленія. Европа принуждена будетъ прійти наконецъ къ нимъ на помощь. Имъ извѣстно, что переговоры въ видахъ коалиціи возобновлены. Они надѣются, что Францъ будетъ дѣятельнѣе и горячѣе отца и что событія заставятъ его дѣйствовать. Они говорятъ себѣ, что война, которою думаютъ погубить ихъ, дастъ имъ случай спастись. Отказываться отъ нея—значило подтвердить справедливость подозрѣній; слѣдуетъ смѣло высказаться за войну и смутить жирондистовъ, отдавшись въ ихъ руки. Они хотятъ власти; имъ дадутъ эту власть и тѣмъ самымъ сразу уничтожатъ ихъ, давъ себѣ возможность и время дождаться прибытія союзниковъ. Королева отправила Гогелà въ Вѣну 13-го марта, поручивъ ему передать Францу записку въ двѣ строки; затѣмъ она сожгла свои бумаги и дала знать Ферзену, что онъ не долженъ писать ей. »Король», передаетъ одинъ очевидецъ, «держитъ себя въ своей домашней жизни какъ человѣкъ, готовящійся къ смерти». «Безъ всякой опоры, безъ совѣта и утѣшенія они съ твердостью и покорностью судьбѣ ждутъ участи, которую имъ готовятъ, не имѣя никакого средства избѣжать ее...» писалъ Ферзенъ, послѣ свиданія съ эмиссаромъ Тюильрійскаго дворца. «Вотъ каково раздирающее душу положеніе Бурбонскаго дома: единственной надеждой является для него помощь иностранныхъ державъ; вся надежда его основана на ихъ великодушіи» [8]).

Людовикъ XVI принялъ отставку своихъ министровъ и обратился къ жирондистамъ для назначенія имъ преемниковъ. Вожди жирондистской партіи, по конституціонному закону, не могли стать непосредственно у кормила правленія. Подобно Барнаву и Ламетамъ, въ фельянскомъ министерствѣ они поставили вмѣсто себя второстепенныхъ лицъ. Де-Гравъ остался военнымъ министромъ; Лакостъ сдѣлался морскимъ, а Дюрантонъ—храните-

---

[8]) *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 278. Feuillet, t. V, p. 361.

лемъ государственной печати. Для министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ необходимы были болѣе извѣстные люди: государственная казна требовала ловкаго министра, а полиція—человѣка съ тактомъ. Финансы были поручены Клавьеру: французъ по происхожденію, женевецъ—по своей второй родинѣ, агитаторъ, журналистъ и неутомимый писатель брошюръ, одинъ изъ сотрудниковъ Мирабо, сдѣлавшійся совѣтниковъ Бриссо, человѣкъ предпріимчиваго ума, не лишенный проницательности и тонкости, не обладавшій истинною отвагой, но упорный и настойчивый въ силу самолюбія выскочки, онъ полагалъ, что во Франціи можно безъ труда установить народовластіе, которое не удалось ему ввести въ Женевѣ [9]). Роланъ, котораго назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ, выказалъ на этомъ посту стоическія добродѣтели, пріемы педагога, безсиліе идеалиста, смущеннаго событіями, и неспособность приказчика, заваленнаго дѣлами. Но несравненно важнѣйшее значеніе имѣлъ въ данную минуту постъ министра иностранныхъ дѣлъ, ради котораго жирондисты и начали борьбу 10 марта. Внѣшнія дѣла были единственною отраслью управленія, отъ которой еще не вполнѣ отказался дворъ, и въ министры иностранныхъ дѣлъ нельзя было предложить королю перваго попавшагося пріятеля. Жиронда остановила свой выборъ на генералѣ Дюмурье, воображая, что ничего болѣе удачнаго невозможно было и изобрѣсти.

II.

Сразу выдвинувшись въ первый рядъ, Дюмурье былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ и главнокомандующимъ. Что всего болѣе изумляетъ въ этомъ внезапномъ возвышеніи, это множество неожиданныхъ рессурсовъ, проявленныхъ этимъ выскочкою, своего рода вдохновеніе, внѣшніе признаки великаго человѣка, чѣмъ онъ вовсе не былъ... Любопытенъ этотъ романъ, сотканный интригою и обманувшій на минуту аллюрами грандіозности въ періодъ своего главнаго кризиса и своихъ перипетій, за которыми послѣдовала измѣна и заключительная катастрофа. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ превратностяхъ, Дюмурье оставался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ всегда. Связь между разнообразными ролями, которыя онъ сыгралъ, слѣдуетъ искать въ его прошломъ.

Отецъ его былъ военнымъ комиссаромъ; въ 1757 году онъ служилъ при войскахъ маршала д'Эстре, дѣйствовавшихъ въ Германіи противъ прусской арміи. Дюмурье, которому было тогда восемнадцать лѣтъ, сопровождалъ отца въ этой экспедиціи и отправился, «желая», по его сло-

---

[9]) Mallet du Pan, t. II, p. 267.—Dumont. p. 398.

вамъ, «всякаго успѣха великому Фридриху» [1]). Онъ дебютировалъ одновременно и на военномъ поприщѣ и на поприщѣ интригъ. Онъ близко видѣлъ непріятеля и имѣлъ случай изучить веденіе большой войны; этимъ впрочемъ и ограничилось его военное образованіе, такъ какъ ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ онъ уже не принималъ участія до самаго того времени, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ. Въ 1763 году по заключеніи мира онъ получилъ чинъ капитана и крестъ св. Людовика съ 600 ливровъ пенсіи. Въ этомъ заключалась для него вся выгода этой кампаніи. Онъ возвратился раненый и разочарованный, но преисполненный восторженнаго поклоненія къ прусскому королю [2]) и жестокой ненависти къ Австріи. Это обстоятельство сблизило его съ Фавье, съ которымъ ему пришлось встрѣтиться по возвращеніи во Францію; они подружились, и эта дружба имѣла рѣшающее вліяніе на будущность Дюмурье [3]). Наживъ себѣ множество враговъ, по причинѣ своего характера, и ведя крайне безпорядочную жизнь, Фавье не успѣлъ сдѣлать карьеры и оказался въ области дипломатіи такимъ же неудачникомъ, какимъ былъ Дюмурье въ военной сферѣ. Оба принадлежали къ разряду недовольныхъ, но такъ какъ Фавье былъ много старше Дюмурье, то онъ былъ болѣе закоренѣлымъ и радикальнымъ недовольнымъ. Онъ внушилъ своему ученику презрѣніе къ оффиціальной дипломатіи, ненависть къ людямъ съ чиновнымъ положеніемъ и суевѣрное пристрастіе къ тайной политикѣ, какъ къ единственному пути, при помощи котораго оба они еще могли попытать счастья. Онъ внушилъ ему свои воззрѣнія, планы и систему.

Между тѣмъ приходилось искать средствъ къ существованію. Дюмурье добивался дипломатическаго порученія въ Италію, а пока присвоилъ себѣ миссію самозваннымъ образомъ. Такъ началъ онъ бродячую жизнь, которую велъ долгое время, съ которой разстался въ краткій періодъ политической грозы и къ которой вернулся для того, чтобы завершить свою жалкую жизнь такъ, какъ и началъ ее—въ трактирахъ и на окольныхъ дорогахъ. Въ Корсикѣ происходила революція, это привлекло его; онъ компрометируетъ себя тамъ и бѣжитъ въ Испанію, затѣмъ перебирается въ Португалію, возвращается въ Парижъ и получаетъ, наконецъ, отъ Шуазёля дипломатическую миссію въ Польшѣ, гдѣ и заканчиваетъ свое конспираторское и партизанское образованіе. Замѣшанный въ послѣдній темный заговоръ тайной дипломатіи Людовика XV, онъ попа-

---

[1]) *Mémoires de Dumouriez*, Hamburg, 1794, Paris 1822.

[2]) «Фридрихъ—величайшій изъ королей міра». *Instructions de Dumouriezà Naillac*, 1 avril 1792.

[3]) О Фавье и его системѣ см. главу: *Политическіе нравы и традиціи*. Также: Senac de Meilhan, *le Gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution*, *éd. Lescure*, Paris, 1862, p. 439.

даетъ въ Бастилію [4]). Здѣсь онъ занимается чтеніемъ серьезныхъ книгъ, смѣется надъ своими судьями и терпѣливо ждетъ помилованія, которое даровалъ ему Людовикъ XVI при вступленіи своемъ на престолъ. Въ 1789 г. онъ состоялъ комендантомъ въ Шербургѣ, составляя безконечныя докладныя записки, имѣвшія цѣлью доказать пользу и указать средства основанія въ шербургскомъ портѣ большой верфи. Работа эта не доставляла ему ни славы ни выгоды, а онъ жадно стремился и къ тому и къ другому.

Въ Шербургѣ онъ съ великимъ трудомъ добился своей невысокой должности, послѣ тридцати лѣтъ тревожной жизни, въ теченіе которыхъ онъ болѣе занимался дипломатическими дѣлами, чѣмъ военными, и еще болѣе всякаго рода кознями и происками. Въ основѣ характера его лежало честолюбіе: его преслѣдовала неудача, и онъ сдѣлался безпокойнымъ фрондёромъ, недовольнымъ. Изъ оставшихся въ живыхъ членовъ тайнаго министерства Людовика XV, нѣкоторые знали Дюмурье и видѣли въ немъ непризнаннаго генія. Въ военномъ министерствѣ его считали взбалмошнымъ человѣкомъ; въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ смотрѣли на него, какъ на сумасброда и опаснаго агента. И вотъ онъ безплодно тратитъ силы въ провинціальной глуши, вѣчно въ долгу, мотъ и нищій въ одно и то же время, считаетъ себя пригоднымъ для всякаго рода должностей, нетерпѣливо грызетъ сковывающую его цѣпь ничтожества, толкается всюду, терпитъ оскорбительныя неудачи и послѣ преисполненной такими неудачами жизни, ждетъ наступленія того возраста, когда и самые отважные и самонадѣянные перестаютъ надѣяться на непредвидѣнные и счастливые повороты судьбы. А между тѣмъ, все это было лишь преддверіемъ его карьеры. Но какъ могъ онъ сознавать это? Судьба, выпавшая на его долю, была изъ тѣхъ, которыя ускользаютъ отъ какихъ-бы то ни было вычисленій и превосходятъ самыя дерзкія мечты.

Революція открыла предъ нимъ какъ бы новый міръ. Ему показалось, что она именно для него то и создана. Вотъ почему онъ сталъ на сторону ея принциповъ, не понимая истиннаго характера и значенія этой революціи ни прежде, ни послѣ. Онъ увидѣлъ въ ней прежде всего поводъ для перемѣщенія должностныхъ лицъ, случай реванша для потерпѣвшихъ крушеніе во времена стараго порядка. Онъ былъ слишкомъ измятъ жизнью, слишкомъ утомленъ своими долгими блужданіями, слишкомъ домогался личнаго успѣха, чтобы понять и оцѣнить чистоту, великодушіе и безкорыстіе перваго порыва французской революціи. Онъ не принадлежалъ къ поколѣнію юныхъ героевъ; между его настроеніемъ и душевнымъ строемъ какого-нибудь Марсо, Гоша, Дезэ не было ничего общаго. Въ его глазахъ

[4]) См. *Le secret du roi*, par le duc de Broglie, Paris, 1879, liv. II, ch. IX.

французская революція не была возрожденіемъ человѣчества. Для него это былъ вопросъ карьеры—и только. Онъ отдался революціонному потоку съ полнѣйшимъ скептицизмомъ, съ полнымъ равнодушіемъ къ выбору средствъ и расчитывая играть съ этой революціей какъ въ былыя времена игралъ съ фрондой Рецъ, какъ Фридрихъ игралъ съ философіей и «просвѣщеніемъ». Дюмурье смотрѣлъ на революцію, такъ сказать, со стороны: онъ судилъ о французскихъ партіяхъ какъ иностранецъ: хитрилъ, договаривался, сносился съ ними, твердо рѣшившись пользоваться всѣми и не отдаваться никому. Тѣмъ не менѣе и онъ былъ человѣкомъ того времени, читалъ Жанъ-Жака, пропитанъ былъ Дидеротомъ, легко приходилъ въ волненіе и проливалъ слезы. Къ тому же онъ былъ во всемъ изумительнымъ импровизаторомъ, и его краснорѣчивый задоръ могъ сойти за истинное вдохновеніе. Необыкновенная гибкость его темперамента, способность ассимиляціи и удивительно-искусная мимика дѣлали изъ него рѣдкаго артиста, умѣющаго создать роль, отождествить себя съ изображаемымъ дѣйствующимъ лицемъ и играть эту роль съ убѣжденіемъ. Онъ могъ говорить языкомъ энтузіазма и по временамъ даже ощущать это чувство; но, сойдя со сцены и очутившись у себя дома, онъ становился тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ: до геніальности ловкимъ дѣльцомъ, лишеннымъ какихъ-бы то ни было нравственныхъ правилъ.

Въ философіи онъ былъ деистомъ, въ политикѣ—конституціонистомъ, но прежде всего былъ онъ солдатомъ, то есть врагомъ безпорядка, презиравшимъ «чернь», стремящимся къ сильному правительству, которое гарантировало-бы реформы, мечтающимъ покончить съ этой революціей, которая разразилась ему на пользу; позднѣе онъ сказалъ Людовику XVI, что необходимо примѣниться къ обстоятельствамъ, «дѣйствовать въ духѣ якобинцевъ, усвоить ихъ духъ, ихъ рѣчь для того, чтобы ловчѣе обмануть ихъ впослѣдствіи». Однимъ словомъ, онъ совѣтовалъ идти съ якобинцами до той поры, когда явится возможность идти противъ нихъ [5]). Онъ задумалъ медленное обходное движеніе и одинъ изъ первыхъ искалъ спасенія государства во вмѣшательствѣ войска.

У него были связи съ вліятельными людьми; при ихъ содѣйствіи лѣтомъ 1790 г. онъ отправился въ Бельгію изучать на мѣстѣ будущее поле своихъ дѣйствій и битвъ [6]). По возвращеніи онъ получилъ чинъ генералъ-маіора и постъ командующаго войсками въ Ніорѣ. Здѣсь онъ сблизился съ Жансонне, который и познакомилъ его съ жирондистами. Ненависть къ Австріи замѣнила ему демократическіе принципы и доставила доступъ къ Бриссо. Но онъ не пренебрегалъ и связями, имѣвшимися у него при дворѣ. Министръ двора

[5]) *Mémoires de Malouet*, t. II, p. 207.

[6]) *Mémoires*, t. II, liv. II, ch. IV, Borgnet, t. I, p. 169.—Juste, t. II, p. 211.

Лапортъ зналъ его уже издавна. Дюмурье увѣрилъ его, что бросился въ революцію съ исключительною цѣлью спасти монархію. Когда партія, стоявшая за войну, одержала верхъ, а маневръ короля въ видахъ сохраненія короны сошелся съ комбинаціей революціонеровъ, имѣвшихъ цѣлью лишить его этой короны, тогда Дюмурье оказался необходимымъ министромъ. Онъ заручился довѣріемъ жирондистовъ и въ то же время тайно выражалъ готовность служить королю. Такимъ-то образомъ, 15 марта 1792 г., Людовикъ XVI назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. «Я буду работать на широкомъ, очень широкомъ поприщѣ», говорилъ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ Дюмурье Шуазёлю, посылавшему его тогда въ Польшу. Онъ долго ждалъ своего часа, часъ этотъ наступилъ. Если война приметъ несчастный оборотъ и королевская власть рушится во время кризиса, онъ станетъ необходимымъ человѣкомъ и ему предложатъ диктатуру; если, напротивъ, война будетъ счастлива и ему удастся спасти монархію,—онъ будетъ коннетаблемъ. Дюмурье игралъ, такъ-сказать, навѣрняка и начиналъ свою грандіозную партію съ невозмутимымъ довѣріемъ къ своей счастливой судьбѣ,

Ему было тогда пятьдесятъ три года: «Это былъ коренастый, приземистый, нервный человѣкъ; лицо его было вульгарно, почти некрасиво, но съ пріятной физіономіей: маленькіе, живые и смѣлые глаза, большой ротъ, кроткая, а порою хитрая и презрительная улыбка... тонъ голоса ясный и твердый, рѣзкія, но не грубыя манеры, нѣкоторая сдержанность въ движеніяхъ». Тщательно напудренные волосы, изысканность въ костюмѣ и ничего напоминающаго наемнаго солдата или выслужившагося офицера; еще менѣе казался онъ фанатикомъ или пуританиномъ; образованный, начитанный, вѣжливый, остроумный, одинаково привычный и къ лагернымъ и къ министерскимъ правамъ, онъ ближе подходилъ къ типу штабнаго офицера Фридриха II, чѣмъ къ типу приближеннаго Кромвеля или Вашингтона [7]).

Онъ дождался наконецъ великой удачи. Жизнь дала ему все для эксплуатированія счастливаго стеченія обстоятельствъ, но ничего для того, чтобы съумѣть стать выше ихъ. Онъ знакомъ былъ съ дѣлами, примѣнялся къ нимъ съ изумительною умственною гибкостью и неусыпною зоркостью, обладалъ глазомѣромъ, находчивостью, изобрѣтательностью. Но ему знакома была одна закулисная, такъ сказать, подпольная дипломатія. Геніальность его была второразрядная. Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе лицамъ, и въ особенности собственной личности, слишкомъ мало считался съ событіями, ожидая успѣха отъ игры мелкихъ страстей, которыми умѣлъ управлять, и теряя изъ вида благородные импульсы, по-

[7]) Roederer, t. III, p. 274.—*Notes de Stahremberg*, Vivenot, t. III. p. 4.

тому что они были ему чужды; онъ былъ слишкомъ искуснымъ интриганомъ, слишкомъ вѣрилъ во всемогущество хитрости. Проницательность его была такого свойства, что онъ ясно видѣлъ только предметы, находящіеся на близкомъ разстояніи, и не различалъ того, что находилось на высотахъ. Самомнѣніе заставляло его обманываться въ выборѣ средствъ и не оцѣнивать по достоинству препятствій; наконецъ, неисправимая опрометчивость портила все и постоянно порывала нить его намѣреній. Въ немъ были несомнѣнныя политическія дарованія, но они являлись въ рамкѣ тайнаго агента, пріемы котораго онъ сохранилъ и сдѣлавшись министромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ военный человѣкъ онъ сохранилъ привычки оратора и партизана. Онъ могъ, въ силу своей даровитости «быть принятымъ за великаго человѣка» [8]), но ему не доставало главнаго свойства, а именно—характера. Бурныя волны, въ которыя онъ бросился, подняли его очень высоко, но, очутившись на берегу, онъ явился такимъ, какимъ выработало его двусмысленное существованіе. Его попеременно и чрезъ весьма краткій промежутокъ времени видѣли героемъ и измѣнникомъ. Въ сущности, въ его натурѣ уживались оба эти элемента: прежде всего онъ былъ авантюристомъ.

III.

Дюмурье занялъ министерскій постъ, вооруженный готовою политическою программою и окруженный людьми, которымъ приходилось доставить мѣста [1]). Онъ смѣстилъ прежнихъ должностныхъ лицъ: Жерара, Рейневаля и Геннена, казавшихся ему недостаточно вѣрными людьми, и замѣнилъ ихъ людьми новаго направленія и на которыхъ, по его мнѣнію, можно было положиться. Боннъ-Карреръ занялъ постъ старшаго директора. Лебрену Тондю, въ качествѣ старшаго секретаря, поручена была переписка съ Англіей, Голландіей и Бельгіей; дипломатическая переписка съ Германіей поручена была одному изъ старыхъ товарищей Дюмурье, а также и Робеспьера, нѣкоему Ноэлю, бывшему тонзурованному клерку, затѣмъ учителю и наконецъ журналисту. Въ посольскомъ персоналѣ Дюмурье готовилъ большія перемѣны, но большая часть выбранныхъ имъ агентовъ уже и ранѣе извѣстны были въ дипломатическихъ сферахъ [2]). Они были простыми орудіями революціи, подготовляемой имъ въ области дипломатіи. Онъ рѣшился произвести из-

---

[8]) Mignet, *Histoire de la Révolution française.*

[1]) Dumouriez, *Mémoires*, liv. III, ch. VI.—Masson, *Affaires étrangères*, ch. IV

[2]) Де Мольде—въ Гагу, Нальякъ—въ Цвейбрюккенъ, Семонвиль—въ Туринъ, Вернинакъ—въ Стокгольмъ, Вибрэ—въ Копенгагенъ, Макко—въ Неаполь· Монтескіу (сынъ генерала)—въ Дрезденъ, Мезоннёвъ—въ Штутгардъ, Кальяръ—въ Ратисбоннъ, Вилларсъ—въ Майнцъ, Понса—въ Кельнъ.

мѣненіе фронта передъ лицомъ непріятеля и осуществить въ самый разгаръ европейскаго кризиса *Conjectures raisonnées* учителя своего Фавье. Планъ былъ остроуменъ въ общемъ и отличался даже глубиною въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Это уже не были робкія комбинаціи Нарбонна или неловкіе и затрудненные пріемы Лессара. Дѣло объ эмигрантскихъ сборищахъ и эльзасскихъ князьяхъ, послужившее исходною точкой конфликта, отодвинуто было на второй планъ и становилось простымъ аксессуаромъ. Главною и прямою цѣлью поставлена была война съ Австріей, и театръ войны переносился изъ Трира въ Нидерланды.

Дюмурье исходилъ изъ того, впрочемъ совершенно вѣрнаго, положенія, что Европа смотритъ на Францію, какъ на разлагающееся государство, какъ на вторую Польшу; что сосѣднія державы желаютъ, какъ и въ Польшѣ, воспользоваться анархіей для вмѣшательства, а вмѣшательствомъ—для раздѣла; что болѣе отдаленныя державы предоставятъ дѣйствовать другимъ, не желая препятствовать предпріятію, или же не имѣя возможности присоединиться къ нему. Возвѣщали о конгрессѣ; это не что иное, какъ предисловіе раздѣла. Необходимо было разстроить образующуюся лигу, отдѣлить Австрію отъ союзниковъ и воспользоваться раздраженіемъ ея бельгійскихъ подданныхъ для смѣлаго перенесенія войны въ ея предѣлы. «Я совѣтовалъ наступательную войну,—писалъ Дюмурье нѣкоторое время спустя по вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ [3]),—потому что я находилъ ее полезною въ Нидерландахъ: 1) въ видахъ удаленія бѣдствія и безпорядковъ на границѣ, находящейся въ пятидесяти лье отъ Парижа; 2) потому что бельгійскій народъ, повидимому, только ждалъ нашего вторженія въ Нидерланды для того, чтобы отдаться дѣлу свободы... потому что я зналъ о недостаточности національныхъ средствъ для веденія войны [4])... Я не обманывалъ себя относительно недостатка дисциплины въ войскахъ, неопытности офицеровъ, и даже нѣкоторыхъ генераловъ; но я полагался на храбрость французовъ»...

Довѣріе это не лишено было основанія; событіе подтвердило мнѣніе Дюмурье. «Мы выдержимъ эту войну съ энергіей и даже съ успѣхомъ,—писалъ онъ 30 марта [5]),—потому что не могутъ быть удачны военныя операціи, комбинированныя совмѣстно столькими державами, а также и по-

---

[3]) Проектъ письма дипломатическому комитету, 1 мая 1792.

[4]) Онъ прибавлялъ, что «важнымъ преимуществомъ этого плана является возможность найти въ богатой странѣ денежныя средства, могущія уменьшать затрудненія, въ которыя поставила бы насъ чисто-оборонительная война». Докладъ Собранію 4 мая 1792. См. Mathieu Dumas, t. II, p. 503.

[5]) *Réflexions pour la négociation d'Angleterre en cas de guerre*, 30 mars 1792.

тому, что жажда свободы овладѣетъ всѣми наемниками, которые придутъ въ соприкосновеніе съ нами». «Каковы-бы ни были наши первыя военныя попытки» [6]), писалъ онъ около того же времени, «если даже превосходство дисциплины доставитъ на первыхъ порахъ нѣкоторый успѣхъ врагамъ Франціи, никогда не будутъ они въ состояніи восторжествовать надъ сопротивленіемъ многолюдной, мужественной и поголовно-вооруженной націи, которая въ два мѣсяца выслала къ границѣ сто тысячъ рекрутъ вмѣсто пятидесяти тысячъ, которыхъ отъ нея требовали, которая владѣетъ поземельною собственностью, достаточною для покрытія всѣхъ своихъ долговыхъ обязательствъ, націи, на которую подданные государей, желающихъ угнетать, смотрятъ уже какъ на свою освободительницу и которая имѣетъ двѣсти тысячъ десятинъ хорошей земли, «отобранной отъ мятежныхъ подданныхъ и могущей быть предложенной непріятельскимъ солдатамъ, если они предпочтутъ гнетущему ихъ ярму званіе свободныхъ людей и солдатъ-гражданъ»... Это была пропаганда въ древне-римскомъ вкусѣ, и государства стараго порядка никогда не отказывались отъ этого способа вербовки сторонниковъ и поощренія друзей. Россія готовилась примѣнить его въ широкихъ размѣрахъ по отношенію къ Польшѣ, и Дюмурье только пользовался въ интересахъ свободы однимъ изъ древнѣйшихъ способовъ обольщенія, практиковавшимся деспотическими правительствами. Всѣ соображенія его проникнуты старымъ духомъ; новый духъ только скрашиваетъ поверхность, и революція по его плану является какимъ-то поводомъ и импульсомъ къ традиціонной войнѣ.

Планъ этой войны былъ обдуманъ Дюмурье издавна. Въ немъ онъ только давалъ практическое примѣненіе весьма распространеннымъ, въ средѣ дипломатовъ и военныхъ людей того вѣка, идеямъ о расширеніи предѣловъ Франціи и о системѣ ея границъ. Въ прежнее время онъ излагалъ свои проекты Лессару, который не обратилъ на нихъ вниманія. Главная мысль заключалась въ томъ, чтобы «держаться строго оборонительнаго положенія повсюду, гдѣ горы, какъ напримѣръ Альпы и Пиренеи, или рѣки, какъ напримѣръ Рейнъ, представляли естественную преграду; тамъ же, гдѣ такой преграды не существовало, переступать границу и вести наступательную войну». На югѣ онъ предполагалъ «захватить всѣ владѣнія сардинскаго короля до самыхъ Альпъ». На сѣверѣ — вторгнуться въ Бельгію и люттихскія земли, а позднѣе, если представится возможность, завладѣть и провинціями, лежащими вдоль лѣваго берега Рейна.

Рѣшивъ предупредить такимъ образомъ непріятельское нападеніе и

---

[6]) *Projet d'instructions pour* M. M. *Chauvelin*, *Talleyrand et Duroverai*, 19 avril 1792.

непосредственно перенести войну на классическое поле битвы Франціи, Дюмурье находилъ, что нечего хитрить съ Австріей и терять время на дипломатическія формальности. Рѣшительный тонъ, котораго требовали его намѣренія, льстилъ его личнымъ антипатіямъ: онъ ненавидѣлъ Австрію и Кауница и самолюбію его доставляло острое удовольствіе унижать австрійскій дворъ и его министра, относившагося къ нему въ былое время съ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ. 18-го марта онъ препроводилъ весьма настоятельныя инструкціи къ Ноалю. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ къ нему пріѣхалъ курьеръ отъ этого посланника; онъ привезъ крайне сухую ноту Кауница, помѣченную 18 числомъ. Австрія и не думала о разоруженіи; она не признавала основательности неудовольствій Франціи, подтверждала свои собственныя и настаивала на необходимости вмѣшательства державъ. Дюмурье отвѣтилъ 27-го марта настоящимъ ультиматумомъ: Франція не уступитъ ни въ чемъ и потребуетъ полнаго удовлетворенія по всѣмъ пунктамъ ранѣе 15-го апрѣля; если же за этотъ срокъ ей станетъ извѣстно, что вооруженія Австріи продолжаются, она посмотритъ на нихъ какъ на объявленіе войны. Онъ прочиталъ ноту Кауница Собранію и объявилъ, что имъ потребованы категорическія объясненія. Увѣренный, впрочемъ, что Австрія не отступитъ передъ войной, онъ занялся подготовленіемъ военныхъ операцій.

Въ Бельгіи онъ хотѣлъ вызвать возстаніе, которое облегчило бы вторженіе французскихъ войскъ. Сосѣднія державы почувствовали бы послѣдствія этого возстанія. Въ Голландіи было множество недовольныхъ; «патріотическая партія», побѣжденная пруссаками въ 1788 г., ожидала только удобной минуты для возмездія. Штатгальтеру и его сторонникамъ пришлось бы призадуматься. Вторженіе въ Бельгію, сверхъ того, не только застало бы врасплохъ Австрію, но парализовало бы и Англію. По старымъ примѣрамъ можно было бы предположить, что наступленіе французовъ должно бы и въ 1792 г. повлечь за собою заступничество Англіи за Австрію. Но Дюмурье расчитывалъ на обратный результатъ. Дѣло въ томъ, что онъ не имѣлъ въ виду присоединять Бельгію. Онъ хорошо зналъ эту страну; ему было извѣстно, что за исключеніемъ демократовъ, представлявшихъ слабое меньшинство, бельгійское населеніе относится къ французской революціи еще болѣе враждебно, чѣмъ къ австрійскому господству. Оно готово было привѣтствовать французовъ, если бы они явились освободителями, но неминуемо возстало бы противъ нихъ, еслибы послѣдніе вздумали «революціонировать». Однимъ словомъ, они желали быть свободными на свой образецъ. Дюмурье предполагалъ установить въ Бельгіи федеративную республику, подъ болѣе или менѣе явнымъ протекторатомъ Франціи. Эта комбинація, примирявшая

принципъ отреченія отъ завоеваній съ интересами, требовавшими ослабленія Австріи, была и весьма естественна и весьма практична. Дюмурье надѣялся также, что Англія покорится ей во избѣжаніе прямого присоединенія Бельгіи и въ особенности роволюціи въ Голландіи. Онъ поручилъ Маре сгруппировать усилія всѣхъ противниковъ Австріи въ Нидерландахъ и держать въ рукахъ всѣ нити. Онъ сблизился съ этимъ человѣкомъ, возлагалъ на него большія надежды и возбуждалъ его честолюбіе. Въ видахъ доставленія опытности, онъ разсказывалъ ему о своихъ кампаніяхъ въ Польшѣ, подготовляя ему, какъ онъ увѣрялъ, аналогичную роль въ Бельгіи, но при лучшихъ условіяхъ и съ бо́льшими шансами на успѣхъ.

Дюмурье совѣтовалъ Маре и другимъ агентамъ Франціи не опираться исключительно ни на какую партію, потому что ни одна изъ нихъ не могла достигнуть преобладанія. Необходимо дѣйствовать на всѣ и если возможно соединить ихъ. «Старайтесь», писалъ онъ одному изъ своихъ эмиссаровъ, «чтобы изъ всѣхъ своихъ теперешнихъ чувствъ они сохранили одну только ненависть къ австрійскому дому и желаніе стряхнуть съ себя его иго». Вотъ все, что ему было нужно въ ту минуту, такъ какъ дальнѣйшіе замыслы зависѣли отъ образа дѣйствій Англіи. Онъ предоставлялъ себѣ всѣ шансы и не обязывался никому. Подготовивъ такимъ образомъ нападеніе на австрійцевъ, Дюмурье сталъ заботиться объ изолированіи Австріи.

Онъ обратился къ Пруссіи. Онъ зналъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ, окруженный эмигрантами, увлеченный своими любимцами, горячо стоялъ за войну и шумно готовился къ крестовому походу королей; но онъ говорилъ себѣ также, что у Пруссіи есть свои традиціи, интересы и историческія необходимости; что соперничество съ Австріей — первое и послѣднее слово ея политики, что если эти два наслѣдственные врага сблизились на нѣкоторое время, то единственно для того, чтобы вѣрнѣе обмануть затѣмъ другъ друга; что въ Берлинѣ, даже при дворѣ, въ канцлерствѣ и въ войскахъ существуетъ партія прусскихъ философовъ, клонящая въ сторону Франціи и враждебная Австріи; что рано или поздно эти причины сблизятъ Пруссію съ Франціей и оторвутъ ее отъ коалиціи. Этотъ результатъ долженъ быть достигнутъ со временемъ; Дюмурье хотѣлъ ускорить наступленіе этого времени. Уже 18-го марта онъ написалъ Кюстину депешу, заключавшую въ себѣ обратно противоположное тому, что содержала посланная въ тотъ же день депеша Ноалю. Онъ извѣщалъ юнаго дипломата, что король назначалъ его уполномоченнымъ посломъ и посылалъ ему вѣрительныя грамоты, полагаясь на него относительно ихъ примѣненія. Кюстинъ не долженъ былъ начинать переговоры неудач-

нымъ приступомъ и худшимъ было бы то, если бы его выпроводили, не пожелавъ выслушать. Онъ долженъ былъ отстаивать правоту французскихъ намѣреній. Онъ долженъ былъ сказать, что все зло проистекло изъ угрозъ, сдѣланныхъ Франціи путемъ эмигрантскихъ сборищъ въ Германіи, у самыхъ французскихъ границъ. Это должно быть прекращено посредствомъ лойальныхъ объясненій: «война между Пруссіей и Франціей была бы противна всѣмъ основамъ здравой политики обѣихъ державъ. Эти-то основы должны были бы руководить на будущее время всѣми переговорами между французскимъ и прусскимъ королями. Обѣ державы—естественныя союзницы; всякій другой союзъ, съ той и другой стороны, могъ бы быть лишь вынужденнымъ и временнымъ и повелъ бы лишь къ непрестаннымъ войнамъ. Такъ и настоящая коалиція является чудовищною съ политической точки зрѣнія и не произведетъ ничего, кромѣ ужасовъ войны, имѣющей разорить всѣ воинствующія державы, и въ которой, даже въ случаѣ успѣха, доля Пруссіи равнялась бы нулю». Итакъ, Кюстину предстояло предлагать Пруссіи не только миръ, но даже прямой союзъ. «Если пруссаки», писалъ Дюмурье, «выкажутъ готовность, я испрошу согласія короля для разрѣшенія вамъ вести переговоры быстро и прямо и для устраненія всѣхъ затрудненій».

Въ видахъ поддержки, а можетъ быть и наблюденія за Кюстиномъ, Дюмурье присоединилъ къ нему двухъ секретарей: Ривальса, у котораго были полезныя знакомства въ Германіи, и де-Бей, хвалившагося личнымъ знакомствомъ съ Герцбергомъ. Оба они должны были ѣхать въ Берлинъ окольнымъ путемъ и останавливаться по дорогѣ при дворахъ мелкихъ германскихъ государей. Впрочемъ ни тотъ ни другой не пользовались безусловнымъ довѣріемъ Дюмурье; единственное лицо, отчасти посвященное въ его тайны, былъ нѣкій Бенуа, писатель и въ то же время агитаторъ, человѣкъ честолюбивый и не лишенный ловкости и интригантства. Этотъ агентъ, бывшій весьма дѣятельнымъ во время революціи, успокоился во время имперіи, а при реставраціи сдѣлался графомъ, государственнымъ министромъ и членомъ королевскаго совѣта. Онъ, дѣйствительно, способенъ былъ понимать на полусловѣ и подготовлять въ тѣни проведеніе весьма сложныхъ замысловъ Дюмурье, расчитывавшаго на престижъ имени Фридриха и на популярность союза съ Пруссіей, чтобы имѣть возможность замаскировывать свои двусмысленные переговоры съ Берлиномъ. Въ то время, какъ въ Парижѣ Дюмурье подготовлялъ для себя роль спасителя отечества, въ Берлинѣ онъ долженъ былъ открыть себѣ путь къ совершенно иной роли, а именно: возстановителя монархіи. Въ этомъ-то и заключалась щекотливая миссія, порученная имъ Бенуа.

Недостаточно было расположить къ себѣ Пруссію; необходимо было

еще и нейтрализовать имперію. Дюмурье надѣялся успѣть въ этомъ, благодаря содѣйствію мелкихъ государствъ юга и центра Германіи. Онъ, не безъ основанія, предполагалъ, что даже тѣ изъ этихъ государствъ, которыя побуждали ранѣе къ конфликту, боятся войны, что они будутъ стараться предотвратить ее, во избѣжаніе сопряженныхъ съ нею расходовъ, и, наконецъ, что союзъ между Австріей и Пруссіей считается ими почти настолько же опаснымъ, какъ и сама французская революція. Дюмурье поручилъ своимъ агентамъ успокоить ихъ. Въ Штутгартѣ, напримѣръ, Мезоннёвъ долженъ былъ объявить, «что французская нація и король прекрасно съумѣютъ отличить германскую лигу отъ деспотической и духовной лиги, имъ угрожающей». Де Бей долженъ былъ повторять повсюду и въ особенности при южныхъ дворахъ, что Франція не перейдетъ Рейна и будетъ нападать на короля Богеміи не иначе, какъ въ Нидерландахъ. Дюмурье старался внушить довѣріе даже курфирстамъ кельнскому и майнцскому. Сейму онъ послалъ профессіональнаго агента, искусившагося въ переговорахъ съ Германіей, Кальяра, которому поручено было пустить тамъ въ ходъ всѣ старыя пружины, разъединить обѣ главныя державы, отдалить отъ нихъ мелкія, просвѣтить и поддержать слабыя, поднять сеймъ на ту высоту, съ которой низвела его Австрія и на которую онъ былъ поставленъ Франціей во времена дю Беллэ, отца Жозефа, Сервіена, де-Ліонна и д'Авò. Относительно нѣмецкихъ владѣтелей въ Эльзасѣ, Дюмурье допускалъ только отдѣльные переговоры на началѣ денежнаго вознагражденія. Французскіе агенты въ Германіи должны были внушать, что было бы совершенно безполезно требовать отъ Франціи отмѣны основныхъ началъ ея новой конституціи. «Князьямъ приходится выбирать между справедливой сдѣлкой и всѣми опасностями войны», долженъ былъ заявить Кальяръ. Почему бы не вернуться имъ къ политикѣ вестфальскихъ трактатовъ? «Франція въ настоящую минуту—единственная держава, могущая спасти германскую свободу». Такія рѣчи относились, главнымъ образомъ, къ Баваріи: Австрія уже хотѣла раздѣлить ее и замышляетъ присоединить, переведя династію въ Нидерланды; Франція не перестанетъ этому противиться; она подняла Пруссію въ ущербъ Австріи,—въ ея интересахъ создать между Пруссіей и Австреій третью державу, которая разъединяла бы и сдерживала ихъ: такая именно роль предназначается баварскому дому, и эта роль можетъ открыть ему блестящую будущность.

Надѣясь на нейтралитетъ Германіи, Дюмурье въ то же время былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что добьется его отъ Даніи и Швеціи: одинъ Густавъ III желалъ войны и его только что убили. Россія хотя и враждебна, но вѣдь она далеко. Дюмурье угадывалъ ея намѣренія и не

боялся ихъ. Итальянскія государства были слабы и ихъ также нечего было опасаться: морская демонстрація принудила бы Неаполь къ нейтралитету. Болѣе трудно было бы привести къ этому Сардинскаго короля, но этотъ государь любилъ приращенія территоріи и не любилъ Австріи. Дюмурье надѣялся, что, предложивъ ему Ломбардію, онъ заставилъ бы его воздержаться отъ рискованной войны, не могущей доставить ему иныхъ пріобрѣтеній, кромѣ именно этого. Взамѣнъ Франція возьметъ Ниццу и Савойю. Голландія слѣдуетъ за Англіей, Испанія боится ея. Голландія не двинется безъ поддержки англичанъ. Пока Англія держится нейтралитета, Испанія не отважится присоединяться къ коалиціи; для того, чтобы выступить противъ Франціи, она должна быть увѣрена, что англичане не воспользуются ея затрудненіями на континентѣ и не аттакуютъ ея колоній. Слѣдовательно воздержаніе этихъ двухъ державъ зависѣло отъ лондонскаго двора. Нейтралитетъ Англіи былъ безусловно необходимъ для успѣха плановъ Дюмурье.

Онъ полагалъ, что успѣетъ его добиться: если не затрогивать англичанъ въ ихъ наиболѣе существенныхъ интересахъ, то не придется бояться нападенія съ ихъ стороны. Можно-ли было ждать большаго, то есть прочнаго сближенія ихъ съ новой Франціей? На это расчитывали нѣкоторые и ихъ поощрялъ Талейранъ. По возвращеніи въ Парижъ въ началѣ марта, онъ еще положительнѣе подтверждалъ то, что писалъ изъ Лондона: «Епископъ Отенскій», передаетъ несомнѣнно свѣдующій Монморенъ, «обнадежилъ людей, здѣсь правящихъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ не будетъ противъ насъ, даже если бы мы напали на Брабантъ». Это вполнѣ согласовалось съ видами Дюмурье, но ему не нравился посредникъ.

Талейранъ былъ не въ его вкусѣ; онъ предпочелъ бы менѣе сложную натуру и человѣка, на преданность котораго могъ бы расчитывать вполнѣ. Талейранъ, съ своей стороны, не особенно восхищался Дюмурье: «Онъ дѣятеленъ въ своемъ вѣдомствѣ,—писалъ Талейранъ пріятелю своему Бирону;—въ сущности его депеши хороши, но имъ недостаетъ благородства языка«. Тѣмъ не менѣе имъ выгодно было сблизиться, у нихъ были общіе друзья и они сговорились. Талейранъ желалъ возвратиться въ Лондонъ менѣе, быть можетъ, ради той роли, которую пришлось бы тамъ выполнить, чѣмъ для того, чтобы избѣжать роли, ожидавшей его въ Парижѣ. Сіейсъ сблизилъ его съ Жирондой. Бриссо не любилъ его, но зналъ, что кредитъ Талейрана при дворѣ подорванъ, и это перевѣшивало всѣ остальныя соображенія. Однако Талейранъ не могъ быть оффиціальнымъ посланникомъ и потому придумали назначить подставное лицо, которому присвоено было бы это званіе, безъ возложенія на него веденія

дѣлъ. «Необходимо», говоритъ Дюмурье въ своемъ докладѣ королю 28 марта 1792 г., «чтобы это лицо зависѣло вполнѣ отъ г. Талейрана и не могло бы ничего дѣлать отъ себя и самостоятельно, такъ какъ это должно быть только подставное лицо. Я предлагаю для этой роли г. Шовелена, какъ подходящаго г. Талейрану человѣка». Дюмурье ошибался. Шовеленъ менѣе чѣмъ кто-либо пригоденъ былъ для такого скромнаго и щекотливаго положенія. Позднѣе этотъ эксъ-маркизъ и эксъ-гражданинъ сдѣлался графомъ имперіи и членомъ государственнаго совѣта. Во время своей миссіи онъ былъ еще очень молодъ, крайне тщеславенъ, полонъ самодовольства и оказался весьма неудобнымъ эмиссаромъ, плохимъ наблюдателемъ и неловкимъ посредникомъ.

Эти переговоры съ Англіей, повидимому, составляли главный предметъ стараній Дюмурье; онъ посвятилъ имъ двѣ обширныя записки: эти документы всего лучше могутъ разъяснить намъ его политическіе виды и надежды. Англія, говоритъ онъ, повидимому, склонна къ нейтралитету, но пока это одно намѣреніе, а словесныя увѣренія въ немъ недостаточны: ихъ нельзя считать обязательствомъ. Намъ нужно большее. Нидерланды будутъ театромъ войны. «Возможно, что Англія будетъ недовольна вторженіемъ въ эти прекрасныя провинціи и покажетъ видъ, что считаетъ это началомъ присоединенія ихъ къ Франціи. Слѣдуетъ предупредить это, указавъ на необходимость, заставляющую насъ переходить въ наступленіе и разоблачить грозящую намъ коалицію... Этотъ концертъ, соединяющій иностранныя державы съ цѣлью повліять на конституцію, которую Франція только что ввела у себя, есть въ сущности не что иное, какъ обширный заговоръ деспотовъ, направленный противъ свободныхъ государствъ. Это—возобновленіе предпріятій, нѣкогда задуманныхъ Людовикомъ XIV и повторенныхъ послѣ него Испаніей и Швеціей съ цѣлью заставить Англію снова призвать Стюартовъ. Мы не думаемъ, чтобы министерство и британская нація пожелали присоединиться къ концерту, нарушающему у сосѣдняго народа тотъ самый принципъ, которому Великобританія обязана своимъ благоденствіемъ и послѣ того, какъ она основала свою конституцію на неотъемлемомъ правѣ народа на преобразованіе своего образа правленія и на измѣненіе порядка престолонаслѣдія. Англія должна успокоиться и по поводу нашихъ намѣреній... Мы заявляемъ, что не желаемъ ни сохранить за собою, ни присоединять Нидерландовъ къ нашему государству. Англія не имѣетъ причинъ противиться нашему предпріятію; она должна пригласить голландцевъ къ сохраненію нейтралитета. Какой интересъ можетъ побуждать ее къ поддержанію коалиціи Австріи, Пруссіи и Россіи, коалиціи, которая сдѣлаетъ ихъ господами Сѣвера и Востока, Балтійскаго и Чернаго морей? Къ тому

же успѣхъ этой лиги не представляется вѣроятнымъ: она разъединена, а французы единодушны. Разсмотримъ вѣроятные результаты. Побѣда коалиціи равнялась бы расчлененію Франціи. Австрія возьметъ, въ такомъ случаѣ, Эльзасъ и Лотарингію; но вѣдь не одна она будетъ брать; прочія державы захотятъ вознагражденія; будутъ произведены раздѣлы въ Германіи, въ Курляндіи, Турціи и Польшѣ; эти раздѣлы нанесли бы ущербъ Англіи, и она должна предупредить ихъ. Кромѣ того, если коалиція восторжествуетъ, она возстановитъ старый порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскій союзъ и «Семейный Договоръ». Вотъ первая гипотеза. Вторая и болѣе вѣроятная, въ виду рессурсовъ страны и благодаря патріотическому порыву, это—успѣхъ Франціи, а вслѣдствіе того развитіе ея громадныхъ торговыхъ богатствъ. Франція выйдетъ изъ борьбы еще болѣе могущественной и цвѣтущей. Англія должна рѣшить: задерживать ли ей или поощрять это развитіе. Если она будетъ противъ насъ, она разоритъ нашу торговлю, но вмѣстѣ съ тѣмъ разоритъ и свою собственную. Она будетъ вынуждена, какъ во время Семилѣтней войны, нанимать арміи въ Германіи; что же можетъ она выиграть? Наши колоніи? Онѣ опустошены, находятся во власти анархіи и, къ тому же, англичане встрѣтятся тамъ съ испанцами и американцами, которые будутъ оспаривать у нихъ господство. Французы въ видѣ компенсаціи оставятъ за собою Бельгію, утвердятся на Рейнѣ и уже однимъ своимъ присутствіемъ вызовутъ революцію въ Голландіи. Будетъ ли безразличенъ для Англіи союзъ съ укрѣпленной и расширенной Франціей? Англійское министерство должно подумать о томъ, «на что способна будетъ Франція, когда преобразованы будутъ ея финансы и когда всѣ части управленія подчинены будутъ строгому режиму свободы... Не удобнѣе ли начать съ того, чѣмъ придется кончить? Не удобнѣе ли положить конецъ ненавистному соперничеству, разъединяющему двѣ націи, созданныя для взаимнаго согласія?

«Расчитайте,—долженъ былъ сказать Талейранъ,—расчитайте, во что̀ обойдется потеря союза съ Голландіей, открытіе свободнаго доступа къ Шельдѣ и все, чего придется опасаться отъ прироста населенія на пять-шесть милліоновъ и отъ обладанія богатой и обильной страной. Если вы нанесете ударъ нашей конституціи, вы сами принудите насъ распространять и наши владѣнія и духъ нашей свободы. Вы сдѣлаете насъ завоевателями, помимо нашей собственной воли, такъ какъ мы должны будемъ оставить за собою эти прекрасныя провинціи въ видѣ залога за то, что вы у насъ отнимаете... Если же вы сохраните нейтралитетъ, мы можемъ быть увѣрены, что разобьемъ многочисленную, но непрочную лигу нашихъ враговъ. Вы можете даже помочь намъ сдержать прусскаго короля и Гол-

ландію. Въ этомъ случаѣ вы становитесь уже нашими друзьями и естественными союзниками; соперничество между нами прекратится, и мы вмѣстѣ съ вами станетъ всемірными владыками мира и войны».

Это уже планъ союза. Талейранъ долженъ былъ предложить его формально. Союзники обезпечили-бы другъ другу всѣ обоюдныя владѣнія въ Европѣ и обѣихъ Индіяхъ. Надлежало условиться относительно континентальной и торговой политики, а также и по поводу колоній. Новый Свѣтъ довольно обширенъ для того, чтобы подѣлить его. Дюмурье открываетъ по этому случаю самыя широкія и блестящія перспективы. Если Испанія окажется враждебной, можно будетъ разсмотрѣть, «не наступила ли минута для Франціи, Великобританіи и, если окажется необходимымъ, для сѣверной Америки создать какую-нибудь обширную комбинацію, могущую открыть этимъ тремъ державамъ торговлю съ испанскими владѣніями, какъ въ Южномъ Океанѣ, такъ и въ Атлантическомъ». Это были выгоды въ будущемъ; а до тѣхъ поръ Франція выказывала готовность подтвердить торговый договоръ, заключенный въ 1786 году. Дюмурье надѣялся, что эта уступка заставитъ англійское правительство согласиться гарантировать французскому заемъ въ 3 или 4 милліона фунтовъ стерлинговъ, который заключатъ въ Лондонѣ. «Если окажется необходимымъ, въ видахъ полученія такой гарантіи, принести нѣкоторыя жертвы», говорилось въ инструкціи Талейрана, «то король разрѣшаетъ вамъ предложить Великобританіи уступку острова Табаго, пріобрѣтеннаго нами по заключеніи послѣдняго мирнаго договора. Жители острова почти всѣ британскаго происхожденія; ихъ нравы и обычаи, языкъ и интересы ставятъ ихъ въ необходимое общеніе съ прежней родиной. Это обстоятельство заставляетъ насъ надѣяться, что британская торговля будетъ дорожить возвращеніемъ названнаго острова. Со своей стороны, его величество полагаетъ, что предлагая его Англіи, *подъ непремѣннымъ условіемъ согласія самого населенія острова*, тѣмъ самымъ даетъ этой державѣ удостовѣреніе въ дружественномъ расположеніи французскаго народа и желаніи уничтожить послѣдніе слѣды неудовольствія между обѣими націями».

Однимъ словомъ, это былъ проектъ соглашенія съ Англіей, на основаніи сходства въ формахъ правленія, скрѣпленный сверхъ того и торговымъ договоромъ; крупное затрудненіе, порождаемое соперничествующими притязаніями обѣихъ державъ на Бельгію, улаживалось установленіемъ въ этой странѣ федеративной республики, по самому своему характеру предназначенной для нейтралитета; далѣе проектировалось освобожденіе испанскихъ колоній; открытіе обширныхъ рынковъ для французской и англійской торговли; миръ на континентѣ гарантировался и предоставлялся на

усмотрѣніе двухъ наиболѣе могущественныхъ государствъ Европы: все это было далеко не пошло и вмѣстѣ съ тѣмъ не сумасбродно. То, что́ Дюмурье предлагалъ съ цѣлью предотвращенія ужасной двадцатитрехлѣтней войны, было именно то, что́ придумали впослѣдствіи для избѣжанія ея повторенія. Эти самыя комбинаціи взяли верхъ въ слѣдующемъ вѣкѣ и обезпечили умиротворенной Европѣ нѣсколько лучшихъ годовъ цивилизаціи и благоденствія. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить въ проектахъ Дюмурье капитальную фразу, въ которой заключалась цѣлая программа будущаго и которая представляетъ дѣйствительное примѣненіе идей 1789 года въ сферѣ публичнаго права: *подъ непремѣннымъ условіемъ согласія самого населенія.* Франція ставила это условіе по поводу возможной уступки одной изъ своихъ колоній, она ставила его также и по поводу своихъ видовъ на Бельгію.

Между тѣмъ какъ Дюмурье обдумывалъ и наскоро набрасывалъ эти инструкціи, событія шли ускореннымъ ходомъ. Коалиція составлялась въ Германіи, а въ Парижѣ съ каждымъ днемъ усиливалась опасность для королевской семьи, смѣлость анархистовъ и сила революціи. Министерство давало свободно протекать потоку, волны котораго принесли его къ власти и который еще держалъ его у кормила. Дюмурье не расчиталъ могущества этого потока: въ этомъ состояла непоправимая ошибка его политическихъ комбинацій. Онъ не принялъ въ соображеніе бури, то есть той самой силы вещей, которая сдѣлала его министромъ Людовика XVI. Онъ здраво судилъ о Европѣ, но ошибался относительно положенія Франціи, сущности революціи и характера патріотизма, къ которому присоединилось фанатическое теченіе, превратившее въ завоевательный прозелитизмъ первый порывъ національной самозащиты. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути революціонную пропаганду, тайную придворную дипломатію и интриги эмиграціи—все это шло наперекоръ его планамъ. Ткань этихъ плановъ была слишкомъ тонка; она не могла противостоять этимъ тремъ теченіямъ.

IV.

Агентъ двора, Гогела̀, пріѣхалъ въ Вѣну ранѣе министерскихъ курьеровъ. Онъ явился съ запиской королевы и письмами отъ Бретейля и де-Мерси, которыя принялъ находясь проѣздомъ въ Брюсселѣ. 30-го ему дана была аудіенція у Кобенцеля. Онъ описалъ ужасающее положеніе королевской фамиліи, сообщилъ о заговорѣ, составленномъ противъ королевы, о неминуемости войны и прибавилъ, что ее начнутъ переходомъ чрезъ Рейнъ и нападеніемъ на Сардинію. Король и королева отрекались отъ всего, что вынуждаемы были дѣлать и говорить; они просили объ одномъ: чтобы

Европа пришла къ нимъ немедленно на помощь, убѣжденные въ томъ, что какъ только будетъ объявлена война, вокругъ нихъ составится большая партія, и эта партія поддержитъ иностранцевъ. Франція отнесется къ союзникамъ какъ къ избавителямъ, лишь бы они не изъявляли намѣренія возстановить неограниченную монархію. Кавалерія, передавалъ Гогела, предана королевской власти; пѣхота стоитъ за войну, но въ ней нѣтъ дисциплины, она лишена рессурсовъ, а въ крѣпостяхъ, подъ угрозой бомбардировки, населеніе заставитъ гарнизоны капитулировать. Эти свѣдѣнія подтверждались письмомъ королевы къ Мерси, отъ 26-го мая: въ немъ сообщалось, что на совѣтѣ, состоявшемся наканунѣ, министерство рѣшило начать наступательную войну и прежде всего двинуть войска на Савойю и люттихскій край.

То, что Гогела передавалъ въ Вѣнѣ, то Бретейль сообщалъ въ Берлинѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ велѣлъ отвѣтить, что ждетъ только Австріи и энергическаго дѣйствія съ ея стороны. «Событія не позволяютъ болѣе колебаться относительно серьезныхъ мѣръ для прекращенія бѣшенства демократовъ», писали прусскіе министры Бишофсвердеру отъ 5-го апрѣля. Курьеръ, везшій эти инструкціи, встрѣтился по дорогѣ съ самимъ Бишофсвердеромъ, возвращавшимся изъ Вѣны съ отчетомъ о намѣреніяхъ Франца. Этотъ государь писалъ 3-го апрѣля герцогу Брауншвейгскому: «Король прусскій и я рѣшили посвятить значительныя силы для осуществленія общаго союза, къ которому приглашены будутъ всѣ державы для спасенія Франціи, нашей дорогой общей родины и Европы отъ успѣховъ анархіи. Никогда еще не было предпріятія съ болѣе важною цѣлью. Оно достойно имѣть во главѣ перваго полководца нашего времени».

Положеніе французскаго посланника въ Вѣнѣ было въ высшей степени критическимъ. Въ Австріи на Ноаля смотрѣли какъ на врага, въ Парижѣ его считали измѣнникомъ. Преданіе суду де-Лессара заставило его остолбенѣть. Онъ написалъ 29-го марта королю, прося объ увольненіи; 1-го апрѣля онъ настоятельно просилъ о томъ же министра: «Время мое прошло», писалъ онъ. «Я принужденъ сознаться въ полной невозможности быть отнынѣ полезнымъ моему отечеству». Онъ не рѣшился передать ноту Дюмурье отъ 18-го марта, находя, что Австрія уже отвѣтила на нее. Ему казалось благоразумнымъ выждать впечатлѣніе, которое произведетъ въ Парижѣ этотъ отвѣтъ. 4-го апрѣля онъ получилъ ультиматумъ Дюмурье. Колебаться стало уже невозможнымъ, и онъ немедленно вручилъ документъ Кобенцелю. Австрія смотрѣла на войну какъ на необходимость. Требованія Дюмурье ускорили обсужденія. Габсбургъ не могъ не поднять перчатки, бросаемой ему этимъ авантюристомъ. Кауницъ почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ. «Всѣ европейскіе интересы въ совокупности не въ

силахъ были бы взволновать его,—писалъ Караманъ;—но онъ вышелъ изъ себя, читая дерзости Дюмурье, и онъ хочетъ доказать, что его старческая рука еще можетъ причинить Франціи много затрудненій». Кобенцель не обсуждалъ требованій Франціи; онъ ограничился объявленіемъ Ноалю, что Австрія держится своей ноты 18-го марта. «Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ согласны съ Пруссіей», прибавилъ онъ. 9-го апрѣля Гогелà выѣхалъ изъ Вѣны съ письмомъ отъ Франца къ Людовику XVI.

Въ Вѣнѣ радовались тому, что французы берутъ на себя роль нападающихъ. Вслѣдствіе совѣщанія кабинета, состоявшагося 13-го числа, занялись болѣе дѣятельно военными приготовленіями и постарались ускорить передвиженія войскъ. Приближенные Франца, тѣ, кого считали выразителями идеи новаго царствованія, пылали усердіемъ. Пруссія предложила взять на себя починъ наступленія; Австрія согласилась. Вѣнское канцлерство старалось взволновать Европу; оно воодушевляло нѣмцевъ, просило Англію и торопило Россію. Оно предлагало даже императрицѣ условиться съ нею относительно Польши, обезпечить «навѣки всѣмъ тремъ сосѣдамъ спокойствіе этой республики» и предотвратить всякіе поводы къ коллизіи между ними. «Сама Франція принимаетъ угрожающее положеніе», должны были говорить австрійскіе агенты, «она вооружается, дѣйствуетъ вызывающе, такъ что по этимъ причинамъ даетъ намъ право, поводъ и случай къ вооруженному вмѣшательству». Тѣмъ не менѣе еще не находили возможнымъ приступать къ дѣйствію. Надлежало двинуть предварительно имперію, а это было всегда довольно сложнымъ дѣломъ, и затѣмъ доставить австрійскую и прусскую арміи въ Голландію, границы которой уже безпокоили французы. Рѣшили затягивать окончательныя формальности объявленія войны и подавать въ дипломатическихъ сообщеніяхъ нѣкоторую надежду на продолженіе переговоровъ, что дало бы возможность выиграть время, въ которомъ такъ нуждались. «Король венгерскій, — писалъ Ферзенъ Маріи Антуанетѣ, велѣлъ сказать, что съ него довольно того, что происходитъ во Франціи; что онъ рѣшился положить этому конецъ и дѣйствовать; что онъ двинетъ свои войска вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ; но что начать дѣйствовать можно только черезъ шесть недѣль или два мѣсяца». Письмо это было послано изъ Брюсселя и оттуда же поѣхалъ агентъ, весьма темная личность, явившаяся во Францію отъ имени графа Меттерниха, бывшаго въ то время австрійскимъ представителемъ въ Нидерландахъ. Агентъ явился подъ предлогомъ открыть пути для примиренія. Но съ такимъ опытнымъ въ пріемахъ закулисной политики человѣкомъ какъ Дюмурье подобная мѣра была совершенно безполезной.

Дюмурье рѣшился ускорить развязку. Колебанія его коллегъ побу-

ждали его къ этому столько же, сколько и проволочки со стороны Австріи. Несмотря на экзальтацію, которую Жиронда поддерживала въ трибунахъ Собранія, въ клубахъ и въ средѣ того празднаго меньшинства парижскаго населенія, которое мнитъ себя рожденнымъ для того, чтобы руководить Франціей, партія войны встрѣчала отпоръ, возраставшій, казалось, по мѣрѣ того, какъ приближалась минута разрыва. Жиронда находила въ средѣ самаго министерства буржуазныя колебанія и сомнѣнія, противъ которыхъ боролась вообще съ такою горячностью и презрѣніемъ: Роланъ и Клавьеръ не рѣшались на такую крайнюю мѣру; ихъ поддерживалъ де-Гравъ. Роланъ и Клавьеръ отступали инстинктивно, изъ боязни отвѣтственности; де-Гравъ, несмотря на то, что былъ лицомъ подчиненнымъ, находилъ болѣе серьезныя возраженія: онъ обладалъ здравымъ смысломъ, зналъ свое дѣло и видѣлъ, что не были готовы. Среди этихъ колебаній, Дюмурье получилъ 13-го апрѣля, въ полночь, письмо Ноаля и отчетъ, въ которомъ посланникъ излагалъ свои сомнѣнія по поводу передачи ноты 18-го марта и настаивалъ на своей отставкѣ. Дюмурье зналъ, что жирондисты не упустятъ случая вызвать одно изъ тѣхъ восторженныхъ голосованій, которое подготовляли въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Проволочки Ноаля и его «подлое и коварное» прошеніе объ отставкѣ доставило-бы имъ слишкомъ много къ тому доводовъ. Онъ не забылъ суроваго урока, полученнаго предшественникомъ. Катастрофа съ де-Лессаромъ, сказалъ онъ себѣ, грозитъ мнѣ такою же участью, если я буду держаться такого же образа дѣйствій [1]). 14-го онъ бросился къ королю и потребовалъ немедленнаго отозванія Ноаля; затѣмъ, въ видахъ успокоенія робкихъ и того, что министерство продолжало колебаться, онъ предложилъ послать въ Вѣну де-Мольда, въ которомъ былъ увѣренъ, снабдивъ его собственноручнымъ письмомъ короля: «Французы поклялись жить свободными, или умереть; я далъ такую же клятву, а г. де-Мольдъ объяснитъ, какими способами возможно еще предотвратить бѣдствія грозящей Европѣ войны». Людовикъ XVI подписалъ это письмо. Принявъ предосторожности относительно умѣренныхъ, Дюмурье занялся крайними и отправился въ Собраніе, чтобы прочитать ему всю дипломатическую переписку. Онъ объявилъ, что не пройдетъ и двадцати дней, какъ полученъ будетъ отвѣтъ Австріи, а въ этотъ промежутокъ времени Франція будетъ продолжать свои вооруженія. Такимъ шагомъ онъ не только ограждалъ себя, но и отрѣзывалъ себѣ отступленіе. Будучи прочитаны публично, требованія, подобныя тѣмъ, которыя онъ предъявлялъ Австріи, не могли уже быть взяты назадъ; а угрозы, съ которыми Австрія обращалась къ Франціи, не могли быть смягчены никакими разъясненіями. Ни французъ-

[1]) Мемуары Дюмурье, т. III, с. 203.

скій народъ, оскорбленный въ своей независимости, ни вѣнскій дворъ, затронутый въ своемъ достоинствѣ, не имѣли никакой возможности къ отступленію. Первый открылъ бы тѣмъ свои границы иноземцамъ, второй утратилъ бы всякій престижъ въ Европѣ.

Собраніе рукоплескало министру и постановило: предать суду посланника. Въ ночь съ 14-го на 15-е, Дюмурье получилъ отчеты Ноаля отъ 5-го и 7-го апрѣля. Въ первомъ сообщалось о передачѣ вѣнскому двору инструкцій 27-го марта; второй излагалъ формальный отказъ этого двора принять во вниманіе требованія Франціи. Послѣдняя депеша имѣла чрезвычайную важность. Дюмурье рѣшилъ обдумать ее; однако немедленно передалъ дипломатическому комитету, что Ноаль выполнилъ свою миссію: декретъ о преданіи суду былъ отложенъ въ засѣданіи 15-го апрѣля. 18-го Собраніе было оффиціально извѣщено о томъ, что отвѣтъ Австріи находится въ рукахъ министра иностранныхъ дѣлъ и что его будутъ обсуждать въ тотъ же день въ совѣтѣ. Между тѣмъ Дюмурье приготовилъ докладную записку, въ которой резюмировалъ переговоры. Онъ представилъ ее товарищамъ по кабинету.

Отправляясь въ совѣтъ, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, какія именно будутъ приняты на немъ рѣшенія. Чтеніе отчета Ноаля отъ 7 апрѣля, краткій, сухой и рѣшительный отвѣтъ Кобенцеля возмутили самыхъ миролюбивыхъ. Совѣтъ одобрилъ записку Дюмурье и объявилъ, что король долженъ предложить Собранію декретъ о томъ, что есть основаніе объявить войну Австріи. Но и принимая такое рѣшеніе, болѣе робкіе продолжали надѣяться на возможность отсрочить начало военныхъ дѣйствій. Они полагали, что Европа испугается и что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ начнутся новые переговоры. Они до такой степени были увѣрены въ этомъ, что поручили агенту, который долженъ былъ везти въ Вѣну ноту о разрывѣ, пробыть тамъ нѣкоторое время, на тотъ случай, если ему будутъ сдѣланы предложенія миролюбиваго свойства. Все это были пустые палліативы въ виду той горячки, которая уже охватила Парижъ! Дюмурье раздувалъ пламя, бросая на сужденіе толпы одно сенсаціонное сообщеніе за другимъ. 19-го онъ прочиталъ съ трибуны отчетъ 7 апрѣля и отвѣтъ Кобенцеля; затѣмъ онъ объявилъ, что на другой день король явится въ Собраніе. Декретъ о преданіи суду Ноаля былъ взятъ назадъ, а засѣданіе закрыто было подъ впечатлѣніемъ негодованія, вызваннаго тономъ австрійскихъ министровъ. 20-го апрѣля Собраніе открыло засѣданіе при громадномъ стеченіи народа; трибуны были переполнены болѣе изысканной, чѣмъ обыкновенно, публикой; замѣчалось множество нарядныхъ дамъ. Видимо ждали интереснаго зрѣлища и явились сюда искать драматическихъ волненій. Къ тому же утромъ того дня странные слухи ходили

по городу. Разсказывали, что русская императрица лишилась престола и заключена въ тюрьму; извѣстіе о смерти шведскаго короля, полученное еще ранѣе, подтверждалось. Фанатики видѣли въ этомъ руку Провидѣнія, политики—счастливую случайность, а масса публики—происшествія, волнующія воображеніе. Король извѣстилъ, что будетъ въ Собраніи въ полдень. Засѣданіе открыто было съ театральною торжественностью. Шарлье предложилъ, «чтобы не терять драгоцѣннаго времени»—выслушать докладъ о народномъ образованіи. Докладъ поручено было сдѣлать Кондорсе, и онъ началъ его читать. Волненіе публики представляло рѣзкую противоположность съ философскою невозмутимостью, которую никто не раздѣлялъ. Прибытіе короля прервало чтеніе. Людовикъ XVI занялъ мѣсто, назначенное ему конституціей, и Дюмурье прочелъ докладъ, одобренный Совѣтомъ. Король прибавилъ къ нему нѣсколько собственныхъ фразъ. «Смѣсь покорности судьбѣ и достоинства подавляли въ немъ всякое внѣшнее проявленіе его чувствъ. Онъ предложилъ войну тѣмъ же голосомъ, какимъ предложилъ бы самый безразличный декретъ» [2]). Предложеніе короля смутило роялистовъ, оно соотвѣтствовало вполнѣ желаніямъ враговъ короны. Роялисты скорбѣли по поводу слабости монарха и молчали; враги королевской власти, хотя и торжествовали, воздерживались отъ выраженій удовольствія, потому что презирали ее. Засѣданіе было прервано по уходѣ короля и должно было возобновиться въ 5 часовъ.

Парижъ былъ въ сильномъ волненіи. Депутаты вернулись въ Собраніе оглушенные, возбужденные или объятые ужасомъ отъ грознаго воинственнаго клича толпы, сопровождавшаго ихъ до самой залы. Благоразумные и робкіе, еще наканунѣ противившіеся войнѣ, теперь въ силу самой своей робости и благоразумія стояли за войну. Жирондисты почувствовали себя превзойденными. Они съ первой минуты увидѣли, что эта война, съ которой должно было начаться ихъ господство, ускользала изъ ихъ рукъ и узурпировалась, такъ сказать, ихъ соперниками. Они дорожили репутаціей государственныхъ людей и соблюденіемъ формы. Ласурсъ предложилъ передать проектъ декрета въ дипломатическій комитетъ; кто-то прибавилъ, что слѣдовало бы разсмотрѣть документы и узнать, между прочимъ, чего приходится ждать отъ Пруссіи. Эти весьма разумныя и своевременныя предложенія были заглушены поднявшимся шумомъ. Потерявъ сочувствіе толпы, наполнявшей трибуны, жирондисты немедленно измѣнили тактику и попытались опередить соперниковъ. Майль потребовалъ безотлагательныхъ преній, не ожидая доклада. Его требованіе было покрыто рукоплесканіями. То, что еще оставалось отъ правой, Матье Дюма и немногочисленные сторонники его, напрасно пытаются противиться. Призываютъ

[2]) Madame de Staël, *Considérations*, t. I, p. 372.

къ порядку и вотируютъ немедленныя пренія почти единогласно. Волненіе охватило даже скамьи центра. За войну высказывается прежде всѣхъ умѣренный, фельянъ, парламентаристъ и дворянинъ—Пасторе; онъ же историкъ, членъ *Академіи надписей*, будущій сенаторъ имперіи, а затѣмъ перъ и канцлеръ королевства: «Или восторжествуетъ свобода, или погубитъ насъ деспотизмъ», говорилъ онъ. «Никогда еще не ожидали французскій народъ болѣе высокія судьбы. Мы не можемъ сомнѣваться въ успѣхѣ войны, предпринимаемой при столь великодушныхъ предзнаменованіяхъ. Побѣда останется вѣрной свободѣ». Одинъ изъ депутатовъ оппозиціи, Бекке, рѣшился заговорить. Онъ выказалъ тѣмъ истинное мужество и изложилъ свое мнѣніе при громкихъ крикахъ неудовольствія. Ему отвѣчали только рѣзкими и краткими восклицаніями. Бекке и его сторонники игнорировали намѣренія державъ и отказывались вѣрить сообщничеству двора; въ этомъ была суть ихъ аргументаціи, и она была неосновательна. Бекке говорилъ такъ, какъ будто война вызвана была столкновеніемъ въ области публичнаго права и не имѣла иной причины, кромѣ происковъ жирондистовъ. «Если начнутъ войну», сказалъ онъ, «кто же сдержитъ мятежъ внутри страны?» Послышался ропотъ.—«Миръ необходимъ для поправленія финансовъ.—Вы не знаете ихъ положенія!» прервалъ его Камбонъ; «у насъ болѣе денегъ, чѣмъ требуется».—Бекке продолжалъ: «Австрія не желаетъ войны; она заинтересована въ наблюденіи за польской революціей и Россіей. Она приняла исключительно-оборонительныя мѣры противъ вашихъ трехъ армій. Вы нападаете на нее потому, что увѣрены въ своей большей подготовленности къ войнѣ».—Оратора призываютъ къ порядку. Онъ продолжаетъ: «Концертъ европейскихъ державъ имѣетъ вполнѣ оборонительный характеръ. Вы объявляете войну на основаніи одного подозрѣнія, которое превращаете въ дѣйствительность. Пруссія выступитъ за-одно съ Германіей. Англія вмѣшается въ дѣло; она смотритъ на Нидерланды, какъ на необходимое огражденіе своей торговли. Я нахожу эту войну опасной!» Продолжительный ропотъ не даетъ оратору продолжать. Какъ только шумъ нѣсколько утихъ, онъ кончаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Ограничимся простой обороной. Война оживляетъ надежды всѣхъ враговъ конституціи. Объявляя ее, вы только исполните ихъ желаніе».

Жирондисты возражаютъ, но не приводя никакихъ доводовъ. Они утверждаютъ, негодуютъ, осыпаютъ противниковъ насмѣшками и имъ рукоплещутъ. Якобинецъ Базиръ требуетъ преній; его почти никто не поддерживаетъ. Майль декламаторствуетъ и его слушаютъ: «Народъ желаетъ войны. Спѣшите дать удовлетвореніе его справедливому и великодушному нетерпѣнію. Тѣмъ самымъ вы, быть можетъ, декретируете сво-

боду цѣлаго міра. Я требую, чтобы Собраніе не расходилось ранѣе, чѣмъ постановитъ декретъ объ объявленіи войны». Со всѣхъ сторонъ раздаются голоса, требующіе закрытія засѣданія и голосованія. «Не бойтесь принять поспѣшное рѣшеніе», говоритъ Оберъ Дюбайе. «Чѣмъ оно будетъ поспѣшнѣе, тѣмъ лучше». Жокуръ предлагаетъ вернуться къ предварительному вопросу. Крики: «на голоса»! раздаются съ удвоенною силой. Матье Дюма проситъ слова; рѣшаютъ, что оно ему не будетъ дано. Самый пылкій изъ корифеевъ вооруженной революціи, Мерленъ де-Тіонвиль, появляется на трибунѣ. Объявляютъ о закрытіи засѣданія. Тогда раздаются съ трибуны грозныя слова, изъ тѣхъ, которыя опережаютъ внушившія ихъ пренія, изумляютъ даже того, кто произнесъ ихъ, и во мгновеніе ока обнаруживаютъ мысль, смутно зародившуюся во взволнованныхъ умахъ. «Я хотѣлъ сказать,—воскликнулъ Мерленъ,—что слѣдуетъ объявить войну королямъ и миръ народамъ!»

Вопросъ пущенъ на голоса. Война рѣшена среди взрывовъ общаго восторга депутатовъ и присутствующихъ. Остается редактировать декретъ; это дѣло поручаютъ дипломатическому комитету. Между тѣмъ Кондорсе принимается читать манифестъ, который долженъ служить изложеніемъ мотивовъ декрета: его не успѣли прочитать Собранію въ свое время, по причинѣ слишкомъ быстраго хода преній. Теперь изложеніе мотивовъ кажется излишнимъ. Мерленъ разсѣялъ всякія недоразумѣнія; его программа одна изъ тѣхъ, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ. Будущее принадлежитъ отважнымъ, сильнымъ, властнымъ. Философы принуждены довольствоваться ролью апологетовъ государственной пользы; ихъ призываютъ разсуждать о совершившихся фактахъ и для того, чтобы оправдывать эти факты; метафизикѣ дается слово лишь въ интермедіяхъ. Кондорсе защищалъ Францію отъ обвиненія въ завоевательныхъ стремленіяхъ, грозящихъ свободѣ народовъ. «Намъ говорили, что желаніе французскаго народа сохранить свою независимость и равенство есть желаніе мятежной кучки людей... Но что такое эта кучка людей, обвиняемыхъ въ заговорѣ съ цѣлью установленія свободы всего человѣчества? Это—само человѣчество, во всей его совокупности». Собраніе одобряетъ эти слова рукоплесканіями, но откладываетъ рѣшеніе о самомъ дѣлѣ. Верньо предлагаетъ установить новое торжество федераціи въ память только что принятаго «великаго и грознаго рѣшенія». Собраніе видимо утомлено и выказываетъ признаки нетерпѣнія. Оно переходитъ къ очередному порядку. Было уже около десяти часовъ вечера, когда Жансонне прочиталъ проектъ декрета, выработанный дипломатическимъ комитетомъ. Дюмурье присутствовалъ при его обсужденіи въ комитетѣ и ввелъ въ текстъ статью, выражающую одну изъ его излюбленныхъ идей: усыновленіе иностранцевъ, которые будутъ сражаться за

Францію. Въ декретѣ намекалось на покровительство, оказанное Австріей эмигрантамъ, на коалицію, составленную ею противъ Франціи, на повторенный ею отказъ прекратить вооруженія, на ея требованія въ пользу владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ, наконецъ на ея старанія поселить раздоръ въ средѣ французскихъ гражданъ и предложеніе недовольнымъ поддержать ихъ путемъ союза европейскихъ державъ. Декретъ обѣщаетъ народамъ уважать личности и имущества: французы не смѣшиваютъ своихъ братьевъ со своими дѣйствительными врагами; они намѣреваются дать ощутить бѣдствія, неразрывно связанныя съ войной, тѣмъ, кто заключаетъ союзъ противъ свободы. Декретъ прибавляетъ, резюмируя въ ихъ первоначальной простотѣ и искренности всеобщія убѣжденія современниковъ:

«Національное собраніе объявляетъ, что французскій народъ, вѣрный освященнымъ конституціей началамъ—*не предпринимать никакой войны съ цѣлью завоеванія и не обращать никогда своихъ силъ противъ свободы какого бы то ни было народа*,—берется за оружіе единственно въ виду защиты своей свободы и своей независимости; что война, которую онъ вынужденъ начать, не есть война одного народа противъ другого, но справедливая оборона свободнаго народа противъ несправедливаго нападенія короля».

Только семь депутатовъ подали голосъ противъ этого декрета [3]).

По объявленіи войны, Дюмурье, не теряя времени, озаботился потребовать средствъ на ея веденіе. 23-го апрѣля онъ потребовалъ шесть милліоновъ секретныхъ фондовъ для министерства иностранныхъ дѣлъ и написалъ президенту дипломатическаго комитета, Коху, слѣдующее знаменательное письмо: «Шесть милліоновъ, запертые въ сундукѣ, который будетъ открываться только въ виду хорошо расчитанныхъ потребностей, ежедневно будутъ увеличивать наши рессурсы; я воспользуюсь при помощи этого средства усердіемъ отважныхъ гражданъ, посвящающихъ себя служенію общественному дѣлу; они не должны краснѣть, принимая милости, даруемыя отечествомъ. Я не обогащу никого, но никто и не обѣднѣетъ, защищая или ограждая великіе интересы народа. Прошу васъ, г. президентъ, изложить настоящія откровенныя объясненія дипломатическому комитету и прибавить только, что я лично горжусь своею бѣдностью и никогда не буду нуждаться въ богатствѣ». Верньо представилъ докладъ по этому поводу 6-го апрѣля; онъ замѣтилъ при этомъ, что такъ какъ вышеуказанный фондъ будетъ расходоваться за границей, то вслѣдствіе потери при промѣнѣ будетъ сведенъ къ тремъ милліонамъ. Было сдѣлано нѣсколько робкихъ возраженій; Жиронда провела декретъ. Голосованіе этого декрета окончательно опредѣлило весьма смѣшанный характеръ предпріятія, въ которое бросалась Франція.

Духъ войны былъ вполнѣ революціоннымъ; но мотивы, средства и

---

[3]) Т. Ламетъ, Жокуръ, Дюма, Бекке, Гюа, Баэръ, Жантиль.

дѣйствующія лица вели свое происхожденіе отъ стараго порядка. Франція нападала на Европу съ цѣлью ея возрожденія; но такъ какъ Европа оставалась тѣмъ, чѣмъ была и ранѣе, то для вторженія въ нее приходилось идти старыми дорогами. Такъ какъ нѣтъ возможности излиться одновременно во всѣ стороны, то были вынуждены избрать поле дѣйствія и сосредоточить на немъ свои силы. Такъ какъ нельзя однимъ ударомъ уничтожить всѣхъ королей, то приходилось, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, щадить тѣхъ, кого нельзя было истребить. Становится неизбѣжнымъ вести переговоры и во время войны. Требуется тайная дипломатія, въ видѣ застрѣльщика народнаго вторженія, и канцелярскіе происки, чтобы открыть пути демократической пропагандѣ. Народныя страсти, гуманитарная проповѣдь, нравы вѣка, въ которомъ руководившіе дѣлами развратники шли рядомъ съ идеалистами, мечтавшими объ усовершенствованіи человѣческаго общества, происки Бриссо, метафизика Кондорсе, секретные фонды Дюмурье, фанатизмъ Мерлена, всеобщая экзальтированность и любовь къ родинѣ,—всѣ эти элементы, которые должны были быть смѣшаны и поглощены войной, пришли въ броженіе въ тѣ дни, когда она была объявлена. Казалось, что всѣ несчастные, которыхъ она должна была погубить, бросались въ нее подъ вліяніемъ одного и того-же головокруженія. Въ Тюильрійскомъ дворцѣ, также какъ и въ Собраніи, смотрѣли на объявленіе войны какъ на побѣду. Королева боялась до послѣдней минуты, чтобы робкіе не взяли верхъ въ совѣтѣ, чтобы министерство не стало тянуть переговоры и Австрія не изъявила на то согласія. «Г. де Мольдъ ѣдетъ въ Вѣну», писала она Мерси 15-го апрѣля; «мнѣ кажется, что это послѣднее письмо короля; здѣсь, во что бы то ни стало, хотятъ войны; тѣмъ лучше, если это можетъ заставить рѣшиться всѣхъ, потому что наше положеніе здѣсь уже совершенно невыносимо». Послѣ засѣданія совѣта, (19-го числа), когда рѣшенъ былъ открытый разрывъ съ Австріей, она снова пишетъ: «Министры надѣятся, что эта мѣра испугаетъ и что переговоры возобновятся недѣли черезъ три. Дай Богъ, чтобы этого не было и чтобы отомстили наконецъ за всѣ оскорбленія, которыя приходится терпѣть въ этой странѣ».

Въ глазахъ королевы, министры, Собраніе и революціонный народъ давно стали преступниками, противъ которыхъ законны всякія средства. Королевское высокомѣріе поддерживалось въ ней еще и материнскимъ чувствомъ, и съ этой-то точки зрѣнія смотрѣла она на государственную пользу. Марія Антуанета безъ всякаго угрызенія совѣсти шпіонила за своими противниками и открывала ихъ намѣренія врагамъ Франціи: Франція для нея это—король, это—ея дѣти; ихъ слѣдуетъ спасти и реабилитировать. Людовикъ XVI не имѣлъ отъ нея тайнъ; у нея не было тайнъ для союз-

никовъ. Изъ военныхъ плановъ ей было извѣстно намѣреніе вторгнуться въ Нидерланды,—она сообщила о немъ Монморену, Ферзену и Мерси. Она написала этому послѣднему 30-го апрѣля, резюмируя еще разъ свои проекты, надежды и желанія [4]). Она прибавляетъ, что министры расчитываютъ на возстанія въ сосѣднихъ странахъ, на дезертирство въ войскахъ, на отпаденіе Пруссіи отъ коалиціи: «На все это тратятъ милліоны». Она старается предупредить переговоры съ Англіей. Дюмурье добился отъ Людовика XVI письма къ Георгу III. Королева поручаетъ увѣдомить этого государя, что если «письмо и написано рукою короля, то слѣдуетъ замѣтить, по крайней мѣрѣ, что это не его слогъ».

Переговоры съ Англіей сильно занимали всѣхъ агентовъ двора. Монморенъ опасался «маккіавелизма» англичанъ. Онъ боялся, что они поддадутся на тѣ выгоды, которыя предложитъ имъ Талейранъ, что вернутся къ старому плану—посадить герцога Орлеанскаго на нидерландскій престолъ и что Англія согласится на это въ видахъ продленія смутъ во Франціи и ослабленія въ то же время австрійскаго дома. Вокругъ Бретейля повторяли, что Англія пытается сдерживать Россію, что она имѣетъ притязаніе на руководящую роль въ Европѣ, на управленіе цѣлой Европой, желая вмѣстѣ съ тѣмъ унизить Францію.

Англія, какъ и можно было ожидать, осталась вѣрна себѣ въ этомъ кризисѣ и, разсѣявъ опасенія роялистовъ, въ то же время обманула и иллюзіи жирондистовъ.

V.

Дюмурье предложилъ объявить войну австрійскому дому; Собраніе же объявило ее въ сущности всей старой Европѣ, и значеніе голосованія опережало смыслъ декрета. Мерленъ въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлилъ наступающую эру борьбы. Этотъ грозный военный кличъ уже съ самаго начала перевертывалъ вверхъ дномъ всю дипломатію Дюмурье. Онъ подготовилъ чисто политическое предпріятіе; а между тѣмъ то, что теперь

---

[4]) Arneth, p. 263. «Вѣнскій дворъ долженъ, насколько возможно, отдѣлить свое дѣло отъ дѣла эмигрантовъ; онъ долженъ побудить ихъ присоединиться къ дѣлу короля, онъ долженъ ясно выразить свои намѣренія въ манифестѣ; но не слѣдуетъ слишкомъ много упоминать въ немъ о королѣ и слишкомъ явно объявлять, что намѣреваются защищать именно его. Слѣдуетъ говорить о народѣ и сказать, что никогда не хотѣли объявлять ему войну... избѣгать вначалѣ обнаруженія намѣренія вмѣшаться во внутреннія дѣла... Французы всегда отвергнутъ всякое иноземное вмѣшательство въ свои дѣла, и національная гордость такъ дорожитъ этою идеей, что королю нельзя не принимать ея во вниманіе, если онъ хочетъ возстановить свою власть».

проповѣдывалось, было революціоннымъ крестовымъ походомъ. Онъ принялъ всѣ мѣры въ виду войны по задуманному имъ плану, а эта война ускользала отъ него въ ту самую минуту, какъ ее объявили.

Главныя усилія были направлены на Лондонъ: но именно здѣсь пришлось уже съ первыхъ шаговъ измѣрить обширность препятствій, возникавшихъ со всѣхъ сторонъ. Космополитическій характеръ пропаганды, призывъ къ общему возстанію народовъ и коренному преобразованію общества ослабили въ Англіи сочувствіе къ французамъ. Продолжавшіе же считать себя сторонниками и поборниками французской революціи только содѣйствовали дискредитированію всего, что имѣло отношеніе къ парижскому правительству своею шумною агитаціей. Пэнъ издалъ вторую часть своего сочиненія о «Правахъ человѣка»; тонъ этой книги показался столь рѣзкимъ, что Питтъ рѣшился вызвать суровую мѣру. Въ это самое время онъ только что потерпѣлъ пораженіе въ палатѣ общинъ, отстаивая принципъ упраздненія торга невольниками; это пораженіе не доказывало большого сочувствія парламента къ тѣмъ началамъ, которыя одержали верхъ во Франціи. Питтъ безъ труда провалилъ избирательную реформу, которую находилъ опасной и несвоевременной. Тѣмъ временемъ послѣдовало объявленіе войны, и курсъ сильно упалъ. Англичане тотчасъ же озаботились Бельгіей и заговорили о вербовкѣ матросовъ. Но ничего изъ этого не вышло. Министерство успокоило торговый міръ, выказало увѣренность въ безопасности и осталось миролюбивымъ. О нежеланіи вести войну оно разослало 28-го апрѣля замѣтку въ газеты. Такимъ образомъ нейтралитетъ Англіи представлялся несомнѣннымъ еще до прибытія новой французской миссіи; но тѣ самыя причины, которыя обезпечивали нейтралитетъ, говорили противъ союза съ Франціей. Если Франція станетъ добиваться союза, ее ждетъ несомнѣнная неудача.

Посольство, составленное Дюмурье, не спѣшило отъѣздомъ въ Лондонъ. 20-го апрѣля оно еще находилось въ Парижѣ, по милости Шовелена, номинальнаго посла, который начиналъ свою роль тѣмъ, что создавалъ препятствія для миссіи. Къ Талейрану присоединили женевца Дюроверэ. Шовеленъ оскорбился этимъ обстоятельствомъ, говоря, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современникъ, «что его, какъ юношу, отправляютъ къ иностранному двору съ двумя гувернёрами». Въ этомъ случаѣ онъ выказалъ проницательность, которой не обнаруживалъ въ другихъ случаяхъ. Дюмурье терялъ терпѣніе. Онъ пригласилъ друга Мирабо, Дюмона, служившаго посредникомъ между французскими уполномоченными и лондонскими либералами: «Г. Талейранъ веселится», сказалъ онъ ему; «г. Шовеленъ будируетъ, а Дюроверэ торгуется. Скажите имъ, что если они не выѣдутъ завтра вечеромъ, то послѣ завтра же будетъ назначено новое посольство,

которое выѣдетъ ранѣе двѣнадцати часовъ дня». Эта угроза привела къ соглашенію всѣхъ трехъ членовъ посольства, и они сѣли въ мальпостъ. Въ качествѣ секретаря они везли съ собою виртембергскаго богослова Рейнгардта, принявшаго французское подданство изъ сочувствія къ революціи. Это былъ образованный человѣкъ, обладавшій и юридическими познаніями. Талейранъ находилъ у него сверхъ того и весьма гибкій и сильный умъ; въ этой миссіи Рейнгардтъ олицетворялъ собою серьезность, трудъ, знаніе, необходимые для письменныхъ работъ посольской канцеляріи. Къ нему присоединили, вѣроятно ради развлеченія, писателя Гара, того самаго, котораго Камилль Демуленъ прозвалъ «ораторомъ Гара», не пототу что находилъ его особенно краснорѣчивымъ, а въ отличіе отъ «соловья Гара», умѣвшаго только пѣть. Гара былъ остроумнымъ собесѣдникомъ, но плохимъ политикомъ. Онъ развлекалъ своихъ спутниковъ во все время пути, былъ въ восторгѣ отъ возможности уѣхать изъ Парижа, путешествовать, освѣжиться. «Настоящій школьникъ отправляющійся на каникулы»! говорилъ о немъ Талейранъ. Пріѣхавъ въ Англію, онъ восхищался всѣмъ, удивлялся всему, въ особенности же тому, что пріѣхалъ сюда при посольствѣ. «Какъ будетъ жаль, если революціонируютъ эту прекрасную страну! когда Франція будетъ наслаждаться такою счастливою жизнью»!

2-го мая Шовеленъ былъ допущенъ на королевскую аудіенцію. Онъ дѣлалъ визиты, Талейранъ руководилъ миссіей и диктовалъ отчеты [1]). Георгъ III принялъ французскаго посланника болѣе, чѣмъ сдержанно. Два дня спустя французскія газеты, полученныя въ Лондонѣ, сообщали текстъ письма Людовика XVI, врученнаго англійскому королю Шовеленомъ. Письмо было напечатано въ Парижѣ ранѣе, чѣмъ его передали монарху, которому оно было адресовано. «Такая нескромность,—писали посланники,—способна подорвать довѣріе къ правительству, повѣряющему свои тайны газетамъ и объявляющему во всеуслышаніе то, о чемъ приходится пока говорить только намеками». Желая смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, вызванное этою оплошностью, и въ особенности стараясь успокоить англичанъ по отношенію къ себѣ самимъ, посланники нашли необходимымъ торжественно заявить, что Франція далека отъ стремленія къ прозелитизму и завоеваніямъ [2]). Эти рѣшительныя заявленія находились въ значительномъ противорѣчіи съ инструкціями. Талейранъ находилъ это полезнымъ. «Какъ могли бы мы назвать», писалъ Талейранъ 23-го мая,

---

[1]) Трудъ былъ нелегокъ: посланники не привезли съ собою никакого дипломатическаго багажа и не нашли никакихъ пособій въ архивѣ французскаго посольства, гдѣ не оказалось даже собранія трактатовъ. Отчетъ Талейрана, посланный Дюмурье 4-го мая.

[2]) Отчетъ 4-го мая 1792 г.

«нарушеніемъ международнаго права вмѣшательство Австріи въ наши внутреннія дѣла, если сами не стали бы строго воздерживаться отъ всякаго поступка того же свойства, по отношенію къ дружественнымъ и даже нейтральнымъ державамъ, которыя, какъ напримѣръ Англія, постоянно уважали законы добраго сосѣдства, не принимая никакого участія въ нашихъ внутреннихъ смутахъ»?

На революцію въ Англіи расчитывать было невозможно; прежде всего не надо было подавать повода къ подозрѣніямъ въ пропагандѣ. Дворъ и само общественное мнѣніе были предубѣждены противъ посольства. «Дворъ принялъ его весьма холодно; лондонская публика отнеслась къ нему почти оскорбительно», сообщалъ Дюмонъ. Французское посольство бывало только у членовъ оппозиціи, Фокса, Шеридана, что компрометировало обѣ стороны. Крайняя сдержанность министровъ по отношенію къ французскимъ уполномоченнымъ не замедлила внушить имъ опасенія. Ихъ положеніе и настроеніе весьма ярко очерчены въ одномъ отчетѣ, гдѣ угадывается перо Талейрана. Подъ предлогомъ изложенія дѣлъ, онъ даетъ разумные совѣты и внушаетъ острые критическіе взгляды. Между прочимъ онъ объясняетъ, что ничего нельзя ждать отъ парламентской оппозиціи и что она не имѣетъ ничего общаго съ революціонной партіей. На эту оппозицію смотрятъ какъ на способъ поддержанія конституціи, и она въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ самого министерства; когда оппозиція сцѣпляется съ министерствомъ, англичане спокойны за свою свободу. Осторожныя разсужденія Талейрана по этому поводу сопровождались не менѣе разсудительными и практическими совѣтами, но въ концѣ концовъ ясно было то, что посольство обречено было на полное безсиліе. Онъ просилъ, чтобы воздержались отъ угрозъ по адресу британскаго мимистерства, отъ оскорбленій и происковъ; чтобы газеты не представляли побѣдой свободы всякое волненіе, которое возникло бы въ Англіи, потому что вѣдь съ министерствомъ приходилось вести переговоры и договариваться. Онъ умолялъ, чтобы не читали съ трибуны посольскихъ депешъ, чтобы не передавали ихъ немедленно по полученіи газетамъ. «Британское министерство дорожитъ своими тайнами болѣе, чѣмъ какое бы то ни было министерство въ Европѣ; за нимъ признается это право, потому что оно—отвѣтственное министерство». Что касается Франціи, то она болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждается въ твердомъ и дѣятельномъ правительствѣ для того, чтобы сохранить тонъ и положеніе державы. Мы также нуждаемся въ такомъ правительствѣ для того, чтобы имѣть возможность смѣло выступать его представителями.

Сомнѣніе въ успѣхѣ сквозитъ и въ «Письмахъ объ англичанахъ», которыя Талейранъ началъ писать въ это время. Эти письма заключаютъ

въ себѣ не столько изложеніе хода переговоровъ, которые постоянно ускользали отъ посланниковъ, сколько мнѣнія и сужденія одного изъ проницательнѣйшихъ наблюдателей, когда-либо служившихъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Поневолѣ приходилось ограничиваться критикой и характеристикой, изложеніемъ и совѣтами; пренебреженіе и осторожность англійскаго министерства обрекали посланниковъ Дюмурье на эти чисто академическія занятія. Заставивъ ихъ прождать цѣлый мѣсяцъ, лордъ Гренвилль ограничился тѣмъ, что вручилъ имъ 24-го мая правительственное сообщеніе, которое было напечатано на слѣдующій же день. Англія выражала въ немъ свое прискорбіе по поводу объявленія войны; она обѣщала соблюдать договоры; выражала желаніе сохранить миръ съ Франціей, а также и надежду, что Франція будетъ съ своей стороны тому содѣйствовать, заставивъ уважать права его величества и его союзниковъ». Послѣдняя фраза намекала на Пруссію и Голландію. Совѣтовать Дюмурье щадить Пруссію было излишнимъ: онъ готовъ былъ сдѣлать въ этомъ отношеніи несравненно болѣе. Онъ желалъ во что бы то ни стало заручиться ея поддержкой. Но было уже поздно: пропаганда, отталкивавшая англичанъ отъ союза, побуждала пруссаковъ къ войнѣ.

Въ Берлинѣ, французская партія была обречена на молчаніе. Извѣстія, приходившія изъ Парижа, дискредитировали ее съ каждымъ днемъ. Высказывать миролюбіе—значило прослыть якобинцемъ. Берлинская буржуазія не стѣснялась однако этимъ соображеніемъ; но, писалъ Кюстинъ, «ея пылкое и тровожное рвеніе къ демократическимъ принципамъ не мало содѣйствуетъ доведенію короля до бѣшенства». Этимъ ловко пользовались французскіе эмигранты. Они привѣтствовали въ лицѣ Фридриха-Вильгельма спасителя монархіи и обѣщали ему союзъ съ возстановленной королевской властью. Они утверждали, что при первомъ появленіи его войскъ, при первомъ звукѣ его трубъ, революціонныя шайки разбѣгутся и двери крѣпостей отворятся сами собою. «Не покупайте слишкомъ много лошадей,—говорилъ Бишофсвердеръ офицерамъ,—эта комедія не продлится. Армія адвокатовъ будетъ скоро уничтожена въ Бельгіи, и мы вернемся къ осени домой». Надѣялись на нетрудную и блестящую кампанію. Сверхъ того расчитывали, что она будетъ и матеріально выгодна: прямо обобрать Францію не намѣревались; въ случаѣ надобности предоставили бы Австріи гнусную и хлопотливую заботу о раздѣлѣ. Пруссія потребовала бы отъ Людовика XVI только покрытія своихъ военныхъ издержекъ и хорошаго трактата о союзѣ, покидая такимъ образомъ Австрію въ ту самую минуту, какъ ее, повидимому, поддерживала. Что касается болѣе крупныхъ матеріальныхъ выгодъ, то Пруссіи нашла бы ихъ въ Польшѣ, въ этой обѣтованной землѣ, гдѣ, какъ говорили въ былыя времена, стоитъ

только нагнуться для того, чтобы взять. Екатерина II подготовляла обширную операцію и выражала готовность пріобщить къ ней Пруссію. Благоразумные совѣтники Фридриха-Вильгельма нашли полезнымъ обезпечить себя отъ риска прежде, чѣмъ поставить на карту наслѣдіе Фридриха Великаго: прусскую армію и военный фондъ. Обезпеченіе явилось изъ Петербурга: дипломаты занимались составленіемъ контракта, и убѣжденные отнынѣ, что, отправляясь на поле чести, они вернутся съ барышемъ, преемники тевтонскихъ рыцарей горѣли нетерпѣніемъ двинуться въ крестовый походъ.

Положеніе Кюстина становилось болѣе и болѣе изолированнымъ. По пріѣздѣ его «терпѣли», благодаря покровительству герцога Брауншвейгскаго, дружбѣ принца Гейнриха и старымъ связямъ, пріобрѣтеннымъ въ 1786 г. Теперь же его держали въ совершенномъ карантинѣ. Убійство Густава III взволновало прусскаго короля и доставило новые доводы врагамъ Франціи. «Это извѣстіе для насъ поистинѣ ужасно, писалъ Кюстинъ. «Я, право, не нуждался въ такомъ добавочномъ затрудненіи». Отъ подкупа и происковъ ничего уже нельзя было ожидать. По части происковъ торжествовали эмигранты: ихъ агенту, барону Роллю, удалось совершить чудо примиренія двухъ враждовавшихъ придворныхъ котерій и помирить фаворитку съ фаворитомъ. «Дѣйствительная фаворитка», графиня Денгофъ, была очень аристократичною особой и боялась вмѣшиваться въ политику. «Отставная фаворитка», госпожа Рицъ, не гнушавшаяся политикой, находилась «на высочайшей ступени контръ-революціонной экзальтаціи». «Одинъ молодой французъ», прибавлялъ Кюстинъ, «взялъ на себя трудъ укрѣплять ее въ этомъ настроеніи». Что касается до Бишофсвердера, то напрасно старались бы его подкупить. Союзъ съ Австріей былъ дѣломъ его рукъ и главнымъ условіемъ его вліянія. «Если онъ и продаженъ, что мнѣ неизвѣстно, если мы предложимъ ему деньги, то вѣдь это будетъ для того, чтобы заставить его защищать партію, которую онъ ненавидитъ, и противодѣйствовать партіи, которой онъ сочувствуетъ, пользуясь уже отъ нея выгодами. Было бы большою опасностью вызвать его на благородное негодованіе и доставить такой дешевый способъ прослыть честнымъ человѣкомъ». Чего нельзя добиться деньгами въ такомъ бѣдномъ домѣ!» говорилъ нѣкогда Мирабо. Деньги ничего не могли сдѣлать для Кюстина, потому что его не допускали къ торгу. Вокругъ его дома поставленъ былъ кордонъ полицейскихъ. «Средства, употребляемыя рѣшительно всѣми дипломатами съ цѣлью быть выслушанными, или получить свѣдѣнія, и которыми въ особенно широкихъ размѣрахъ пользуются здѣшніе посланники, оказываются для меня недоступными». Если бы онъ попытался обратиться къ этимъ средствамъ, его застали бы врасплохъ и выпроводили со сканда-

ломъ. Приходилось пережидать бурю. Если Франція дастъ отпоръ нападенію и расчетъ фаворитовъ окажется невѣрнымъ, Фридрихъ-Вильгельмъ сознаетъ свое заблужденіе. «Они узнаютъ, что сражаться съ нами значитъ сражаться съ самими собой и что наше разореніе будетъ и ихъ разореніемъ». Чтобы отвратить ихъ отъ союза съ Австріей, стоитъ только дать имъ испробовать этотъ союзъ. Сила вещей заставила бы ихъ примириться съ нами. Было бы опасно и преждевременно предлагать имъ это въ настоящую минуту, но полезно приберечь имъ для этого способъ. «Будемъ избѣгать» (такъ заключаетъ Кюстинъ свой отчетъ отъ 1 апрѣля 1792 г.) «того, что могло бы въ случаѣ разрыва слишкомъ раздражить и озлобить два государства, предназначенныя къ сближенію самой природой».

Слѣдовательно о союзѣ не могло быть и рѣчи. Кюстинъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ и получилъ вѣское подтвержденіе когда, по полученіи инструкцій отъ Дюмурье, отправился по этому поводу къ Шуленбургу. Кюстинъ поставилъ ему на видъ, что интересъ державъ требуетъ мира. «Если принимать въ соображеніе интересъ,—отвѣчалъ Шуленбургъ, —то слѣдуетъ принимать въ расчетъ и честь коронъ, а эта честь оскорблена вашими вызывами, вашими требованіями рѣшительныхъ объясненій, сопровождаемыми угрозами и представляемыми въ видѣ условій мира. Зашла рѣчь о смутахъ въ Бельгіи: Кюстинъ отрицалъ подстрекательство со стороны Франціи: «Наши принципы извѣстны всѣмъ, они устраняютъ духъ завоеванія». Тогда Шуленбургъ спросилъ, какъ мирятся эти принципы съ присоединеніемъ Авиньона. «Въ этомъ случаѣ», возразилъ Кюстинъ, «мы только возвратили себѣ то, что принадлежало намъ ранѣе». Разговоръ принималъ неудобный оборотъ, и Кюстинъ вернулся къ своей темѣ. Онъ настаивалъ на очевидности для Пруссіи прямой выгоды щадить Францію. Шуленбургъ остановилъ его: «Безъ сомнѣнія, разореніе Франціи не было бы выгодно ни одной изъ державъ, исключая, быть можетъ, Англіи. Пруссіи оно повредило бы болѣе, чѣмъ кому-либо другому... Ваши принципы,—прибавилъ онъ,—и ваша конституція ея нисколько не касаются до тѣхъ поръ, пока они примѣняются только у васъ; ихъ неудобство можетъ безпокоить короля только со стороны отпора этому духу прозелитизма, грозящему, повидимому, всѣмъ монархамъ и склонному распространяться во всѣхъ странахъ».—Но, возразилъ Кюстинъ, «если бы Франція представила по всѣмъ этимъ пунктамъ успокоительныя объясненія?» «Кто же ихъ гарантируетъ? — спросилъ Шуленбургъ. На кого же можно положиться у васъ теперь, когда двѣ или три партіи оспариваютъ другъ у друга побѣду и преобладаніе?—Можно положиться на конституцію, отвѣтилъ Кюстинъ. Если насъ принудятъ вести войну, то увидятъ, что пар-

тіи, ожесточенно стремящіяся, какъ вамъ это кажется, къ взаимному уничтоженію, сольются во имя защиты конституціи.—Въ такомъ случаѣ война была бы для васъ счастьемъ.—Разумѣется, это весьма возможно».

Шуленбургъ былъ вѣжливъ и внимателенъ во все время бесѣды и обѣщалъ передать ея содержаніе Фридриху-Вильгельму. Отвѣтъ послѣдовалъ 6 апрѣля: король велѣлъ передать Кюстину, что не имѣетъ ничего прибавить къ тому, что уже было сказано Сегюру. Шуленбургъ совѣтовалъ не настаивать на аудіенціи у короля, въ качествѣ посланника, такъ какъ время было въ высшей степени неудобное: Фридрихъ-Вильгельмъ получалъ письма, въ которыхъ ему предсказывали судьбу Густава Ш. Въ рѣчахъ Собранія онъ видѣлъ «причину фанатизма, грозившаго его жизни». Амнистія, дарованная авиньонскимъ убійцамъ, окончательно смутила послѣднихъ сторонниковъ Франціи. «Ничто не повредило намъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія и не лишило насъ сочувствія въ такой степени, какъ именно эта мѣра», писалъ Кюстинъ 10 апрѣля. «Негодовали даже друзья наши, и многіе изъ наиболѣе цѣнныхъ защитниковъ нашей конституціи въ средѣ ученаго и литературнаго міра открыто заявили, что не могутъ стоять на сторонѣ правительства, которое обезчещиваетъ себя подобными мѣрами».

Кюстинъ потерялъ всякую надежду на возможность переговоровъ въ ту минуту, когда получено было извѣстіе объ объявленіи войны. Она была объявлена одной Австріи; но вѣдь существовалъ союзъ между Пруссіей и Австріей, и Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ объявленіе войны и на свой счетъ. 29 апрѣля, немедленно по полученіи извѣстія, онъ вернулся въ Берлинъ и отдалъ приказъ объ ускореніи военныхъ приготовленій, «не скрывая своего гнѣва и страшнаго волненія». Перваго мая Кюстинъ отправился къ Шуленбургу, который сообщилъ ему, что Пруссія начинаетъ кампанію. Прусскій министръ былъ очень взволнованъ рѣчами Собранія и обстоятельствами, сопровождавшими объявленіе войны. Когда же Кюстинъ замѣтилъ, что, и въ случаѣ успѣха и въ случаѣ неудачи, предпріятіе не принесетъ счастья Пруссіи, Шуленбургъ сказалъ: «Этого хотѣли. Вотъ уже десять мѣсяцевъ, какъ съ французскихъ трибунъ раздаются оскорбленія вѣнценосцамъ; съ этимъ надо было покончить». Онъ не скрылъ, что «единственными двигателями рѣшенія прусскаго правительства было равнодушіе къ дальнѣйшей судьбѣ Франціи, къ бѣдствіямъ, ожидающимъ ее въ случаѣ контръ-революціи, наконецъ и желаніе отомстить за прошлое и обезпечить въ будущемъ спокойствіе правительствъ». Оставаться долѣе въ Берлинѣ было безполезно. «Всѣ согласны», писалъ Кюстинъ, «устранить Францію изъ европейскаго равновѣсія и основываютъ свои политическія расчеты на новыхъ элементахъ». 13 мая онъ прибавляетъ: «Положеніе не-

стерпимо и лишено единственной надежды, которая могла бы помочь переносить его,—надежды быть полезнымъ».

Если Кюстина выживали изъ Берлина, не взирая на его имя, званіе, личныя связи и безукоризненный образъ дѣйствій, то эмиссары Дюмурье, которымъ оставалось только интриговать и быть, слѣдовательно, заподозрѣнными въ пропагандѣ, не имѣли никакихъ шансовъ быть выслушанными. Бенуа пріѣхалъ въ Берлинъ 24 апрѣля. Онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Гейманомъ. Шуленбургъ отказался принять его, не желая, какъ онъ выразился, «компрометировать короля сношеніями съ этими негодяями»; однако онъ согласился прочесть составленную Бенуа записку и выслушалъ отъ Геймана отчетъ о бесѣдахъ съ французскимъ агентомъ. Бенуа просилъ въ своей запискѣ, чтобы прусскій король взялъ на себя роль посредника между Франціей и имперіей въ эльзасскихъ дѣлахъ, а ровно и въ дѣлѣ возстановленія порядка во Франціи. Въ частныхъ бесѣдахъ онъ сказалъ и болѣе того, такъ что странность его рѣчей изумила пруссаковъ. Если бы прусскій король, котораго всѣ боятся, говорилъ Бенуа, согласился прибѣгнуть къ миролюбивымъ мѣрамъ, то посредничество его встрѣчено бы было съ готовностью. «Можно бы было даже возстановить дворянство, лишь бы только этотъ пунктъ, какъ и вообще всѣ сколько-нибудь важныя измѣненія въ конституціи, которыя оказались бы желательными, не слишкомъ выдвигались вначалѣ, чтобы не испугать народа». Только одинъ пунктъ не подлежитъ обсужденію, а именно вопросъ объ имуществѣ духовенства. Шуленбургъ вывелъ изъ этихъ внушеній то заключеніе, что французское министерство сильно опасалось Пруссіи и желало отдѣлить ее отъ Австріи. Онъ даже прекрасно угадалъ заднія мысли Дюмурье. Дальнѣйшія событія доказали, что онъ не ошибся, предположивъ, что «въ виду критическаго положенія дѣлъ генералъ хотѣлъ показать, что именно онъ подаетъ поводъ къ возстановленію королевской власти, надѣется, что это поставятъ ему въ заслугу и извлечетъ для себя пользу». Прусскій министръ нашелъ удобнымъ передать обо всемъ въ Вѣнѣ, куда, быть можетъ, и Мольдъ привезъ аналогичныя предложенія; но въ интересахъ Людовика XVI и королевы онъ нашелъ, что не слѣдуетъ отталкивать Бенуа. Полезно заинтересовать его въ безопасности королевской фамиліи; не лишнее также приберечь для Пруссіи, на всякій случай, посредника для сношенія съ революціонной партіей. Шуленбургъ велѣлъ отвѣтить Бенуа, что Пруссія твердо держится концерта, что она не покинетъ Австріи и не начнетъ никакихъ переговоровъ съ Франціей до тѣхъ поръ, пока найдетъ тамъ правительство, способное подавить анархію и возстановить королевскую власть. Истинный смыслъ этого сообщенія выдалъ себя въ комментаріи Геймана. «Уѣзжайте ско-

рѣй», сказалъ онъ Бенуа 29-го апрѣля, передавая ему слова Шуленбурга; «постарайтесь избѣжать открытія военныхъ дѣйствій. Затѣмъ, спасите короля, устройте у себя правительство, мы будемъ ваши, и дѣлайте что хотите съ духовенствомъ и дворянствомъ». «Выказывайте особую предупредительность къ Пруссіи», прибавилъ Гейманъ, «продолжайте ругать Австрію, если это необходимо для вашей популярности; Пруссія объяснитъ въ Вѣнѣ, что́ должно объ этомъ думать».—Бенуа уѣхалъ на другой день, объявивъ, что послѣднее слово еще не сказано, что онъ вернется, когда и куда пожелаетъ Пруссія.—Быть можетъ, прибавилъ онъ, что для успѣха переговоровъ было бы удобнѣе, чтобы прусская армія находилась на французской территоріи.—Дѣйствительно, на этихъ условіяхъ Бенуа возобновилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и именно въ Шампаньѣ, бесѣду, прерванную въ Берлинѣ.

Остальные два эмиссара Дюмурье пріѣхали въ Берлинъ, когда уже ничего нельзя было исправить. Ривальсъ и Бей только что посѣтили югъ Германіи. Тамъ они встрѣтили настроеніе тѣмъ болѣе миролюбивое, чѣмъ усерднѣе оба путешественника увѣряли, что французы не перейдутъ черезъ Рейнъ. Въ Берлинъ они явились 12-го мая. Ривальсъ объявилъ о своемъ званіи секретаря посольства; Бей почелъ за лучшее умолчать о своемъ. Герцбергъ, къ которому онъ отправился, принялъ его «весьма любезно», но объяснилъ, что ни во что не вмѣшивается, что его сочувствіе къ Франціи только содѣйствуетъ немилости, въ которой онъ находится, и что онъ ничего не можетъ выслушивать безъ согласія короля. Въ заключеніе онъ посовѣтовалъ собесѣднику уѣзжать изъ Берлина, что тотъ и исполнилъ 4-го іюня. Эти прибытія и отъѣзды агентовъ довершали затруднительное положеніе Кюстина. Онъ думалъ уже искать пріюта, до формальнаго своего отозванія, въ Рейнсбергѣ, у принца Генриха; но Шуленбургъ извѣстилъ, что его продержатъ въ Берлинѣ до той минуты, когда задержанные въ Парижѣ Блумендорфъ и прусскій курьеръ получатъ также возможность оттуда выѣхать. Кюстинъ, слѣдовательно, долженъ былъ служить заложникомъ за австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ: вотъ все, что оставалось отъ грандіознаго плана союза съ Пруссіей. Тѣмъ не менѣе Дюмурье еще не могъ покориться необходимости отступленія съ поля берлинскихъ происковъ, въ которыхъ считалъ себя великимъ знатокомъ, и на которомъ надѣялся на такіе крупные выигрыши. Онъ былъ дѣйствительно близко знакомъ со всѣми ухищреніями старой дипломатіи и не хотѣлъ отказываться ни отъ одной карты, не пустивъ ее въ ходъ. Ему ассигновали шесть милліоновъ секретныхъ фондовъ; на эти средства можно было дѣйствовать, и онъ попытался. Въ Цвейбрюккенъ былъ посланъ имъ совѣтникъ посольства Нальякъ, одинъ изъ «постоян-

ныхъ странствующихъ агентовъ» прежней дипломатіи. Агентъ принадлежалъ къ числу весьма искусныхъ; онъ нашелъ маленькій дворъ въ страхѣ и волненіи. Малодушный, расточительный, алчный и обремененный долгами герцогъ и безтолковый хлопотунъ министръ Эзебекъ дрожали въ ожиданіи вторженія французовъ. Если бы они попытались дать имъ отпоръ, ихъ удалили бы безъ промедленія; если же выказали бы хоть нѣкоторую покорность, Германія сочла бы ихъ врагами. Наконецъ, герцогъ былъ наслѣднымъ принцемъ Баварскимъ, Австрія грозила ему экспропріаціей; онъ крайне нуждался въ томъ, чтобы Франція обезпечила ему наслѣдство. Нарбоннъ намѣревался подѣйствовать на этого герцога посредствомъ подкупа его побочныхъ дѣтей. Дюмурье думалъ найти въ въ немъ убѣжденнаго посредника при прусскомъ дворѣ. Куртажъ за это предлагался не малый. «Вы можете», писалъ онъ Нальяку 19 мая, «объявить министру, что если ему удастся задержать выступленіе прусскихъ войскъ и убѣдить берлинскій дворъ держаться нейтралитета, подобно остальной имперіи, то герцогъ Цвейбрюккенскій получитъ милліонъ, а двѣсти тысячъ ливровъ будетъ дано тому или той, кто приведетъ это дѣло къ успѣшному концу». Дѣло не увѣнчалось успѣхомъ. На сдѣланныя имъ предложенія, прусскіе министры отвѣчали 7-го іюня, что Пруссія не отдѣлится отъ Австріи, и прибавили: «Невозможно вступать въ какіе-либо переговоры ранѣе возстановленія во Франціи законнаго правительства, единственнаго, съ которымъ возможно вступать въ сношеніе».

Въ тотъ же день Кюстинъ, узнавъ о пріѣздѣ въ Брюссель графа Гольца и извѣщенный о томъ, что ему выдадутъ паспорты, потребовалъ ихъ и, уѣзжая 9-го, написалъ Дюмурье: «Берлинскій дворъ болѣе остальныхъ желаетъ теперь скорѣйшей и непремѣнной экспедиціи во Францію... Соглашеніе съ Россіей уже не подлежитъ сомнѣнію. Все это предвѣщаетъ и рѣшитъ, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ полагаютъ, раздѣлъ Польши». За четыре дня передъ тѣмъ, 5 числа, Блумендорфъ выѣхалъ изъ Парижа, а Ноаля пригласили выѣхать изъ Вѣны. Все посольство уѣзжало одновременно, въ томъ числѣ и Мезонъ, который привезъ объявленіе войны. Онъ уже успѣлъ убѣдиться, что пребываніе его въ Вѣнѣ было бы безполезно; къ тому же ему формально выразили желаніе отъ него избавиться.

Переговоры съ Пруссіей не удались. Въ Сардиніи къ нимъ оказалось невозможнымъ и приступить. Король горѣлъ сочувствіемъ къ коалиціи. Онъ ждалъ отъ нея именно той выгоды, которую предлагала ему Франція: присоединенія къ своимъ владѣніямъ Ломбардіи; но вмѣсто того, чтобы получить ее, вопреки Австріи и въ обмѣнъ на Савойю и Ниццу, которыя пришлось бы уступить Франціи, онъ надѣялся пріобрѣсти Ломбардію изъ рукъ самой Австріи въ вознагражденіе за завоеванія, которыя помогъ

бы ей совершить на счетъ Франціи. Въ такомъ-то настроеніи находился сардинскій король, когда его извѣстили, что парижское правительство присылаетъ къ нему агента и назначило для этой миссіи г. Семонвилля, аккредитованнаго до тѣхъ поръ въ Генуѣ. При одномъ имени агента, Викторъ-Амедей вышелъ изъ себя: «Я его не приму,—закричалъ онъ;— я не унижусь до того, чтобы принять въ своемъ королевствѣ подобнаго якобинца». Выборъ былъ дѣйствительно не совсѣмъ удаченъ, если принять во вниманіе, что сардинскій дворъ былъ близокъ и французской королевской фамиліи, и эмиграціи. «Дѣятельный, ловкій, умный, необыкновенно способный къ политическимъ интригамъ и склонный къ нимъ помимо выгодъ, которыя онѣ могли ему доставить, Семонвилль, — говоритъ о немъ Ла-Маркъ,—былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ адептовъ и опытнѣйшихъ провизоровъ пресловутой «политической аптеки» Мирабо. Послѣ смерти своего покровителя и друга, великаго трибуна, онъ пустился въ дипломатію и внесъ туда ту же привычку къ проискамъ, ту же склонность къ агитаціи и полицейскимъ средствамъ. Въ Генуѣ, какъ было слышно, онъ работалъ надъ революціонированіемъ Италіи, и эмигранты, съ которыми онъ велъ ожесточенную борьбу, давно уже доносили на него туринскому двору. Подъ предлогомъ недостаточной оформленности его назначенія, Викторъ Амедей приказалъ губернатору Александріи задержать Семонвилля и отказать ему въ выдачѣ паспорта, что и было исполнено 19 апрѣля. Дюмурье объявилъ 21-го съ трибуны Собранія, что потребуетъ громкаго удовлетворенія. На самомъ дѣлѣ онъ потребовалъ его весьма спокойно и отложилъ дѣло въ долгій ящикъ. Дѣло въ томъ, что онъ надѣялся возобновить сношенія съ Викторомъ-Амедеемъ и пытался при посредничествѣ жившаго въ Парижѣ сардинца, барона Трикетти, препроводить къ королю другого посланника, а именно бывшаго генеральнаго консула Одибера Кайля. Этотъ новый агентъ долженъ былъ уладить столкновеніе изъ-за Семонвилля и добиться нейтралитета Сардиніи. Сардинцы не отказывали, но и не изъявляли положительнаго согласія; они заставили Одибера ждать паспорта до той поры, когда нашли удобнымъ объявить о полномъ разрывѣ съ Франціей. 2 іюля графъ Виретти, секретарь короля, къ которому обращался Одиберъ, отвѣтилъ ему формальнымъ отказомъ: «Невозможно,—сказалъ онъ,—вступать въ переговоры съ правительствомъ, основанномъ на пескѣ, и въ ту минуту, когда Франція стоитъ на краю пропасти и близка къ своему разрушенію». Это былъ отвѣтъ, тождественный съ берлинскимъ. Испанія согласилась принять французскаго посланника Бургоана, но пріемъ былъ холоденъ со стороны короля и королевы и почти оскорбителенъ—со стороны придворныхъ. Испанія боялась вмѣшиваться въ войну; она надѣялась, что Австрія и

Пруссія успѣютъ возстановить во Франціи королевскую власть; Испанія выжидала. Къ тому же самая обыкновенная осторожность заставляла ее воздержаться, такъ какъ Англія сохраняла нейтралитетъ. Этотъ англійскій нейтралитетъ начиналъ принимать однако же довольно замѣтный оттѣнокъ недоброжелательности и тревоги. Причиною тому была яростность пропаганды въ Парижѣ и открытая организація ея на бельгійской границѣ.

24 мая лордъ Гренвилль въ миролюбивой нотѣ, врученной Шовелену, указывалъ на уваженіе правъ Англіи и ея союзниковъ, какъ на условіе англійскаго нейтралитета. Кого же слѣдовало понимать подъ именемъ союзниковъ Англіи? Подразумѣвалась ли Голландія? Или, можетъ быть, рѣчь шла о Пруссіи? И не думали ли въ Лондонѣ, что Франція будетъ уважать ихъ права даже въ томъ случаѣ, если они сами не будутъ платить ей тѣмъ же? Шовеленъ попробовалъ заставить объяснить это обстоятельство, но лордъ Гренвилль не выказывалъ готовности къ подобному разъясненію. Онъ сказалъ только, что имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, Голландію. «Но,—замѣтилъ Шовеленъ,—если Англія озабочена преимущественно Голландіей, то въ соображеніяхъ Франціи первое мѣсто занимаетъ Пруссія». Гренвилль согласился, что такъ какъ Англія имѣетъ исключительно оборонительные союзы, то *casus foederis* поставится для нея лишь въ случаѣ нападенія на ея союзниковъ; онъ не можетъ имѣть мѣста, если «кто-либо изъ союзниковъ ея произведетъ нападеніе». Эти неопредѣленныя объясненія заставили призадуматься Дюмурье. Со времени Утрехтскаго и Барьерскаго договоровъ до Гагской конвенціи 1790 г., Англія заключила не мало оборонительныхъ трактатовъ и неоднократно гарантировала Бельгію австрійскому дому множествомъ различнаго рода договоровъ. «Будетъ ли она считать себя въ правѣ воспротивиться вторженію французскихъ войскъ въ Нидерланды?» Для Дюмурье было необходимо выяснить этотъ пунктъ такъ, чтобы не оставить ни малѣйшихъ недоразумѣній. Онъ немедленно написалъ Шовелену и прибавилъ по поводу Голландіи: «Мы желаемъ продолжать жить въ наилучшемъ согласіи съ республикой, и всѣ наши переговоры въ Гагѣ вполнѣ направлены къ этой цѣли; но необходимо, чтобы и Голландія гарантировала намъ полнѣйшій нейтралитетъ». Послѣдствіемъ торжества французскихъ войскъ въ Бельгіи будетъ революція. Франція обязана будетъ, «въ силу законовъ чести и справедливости, поддержать эту независимость, а слѣдовательно и новую форму правленія, которая будетъ введена въ этихъ провинціяхъ». Если Голландія вмѣшается въ силу своихъ договоровъ съ Австріей, отнесется ли Англія въ этомъ случаѣ къ Франціи, какъ къ нападающей сторонѣ? Наконецъ, если ратисбоннскій сеймъ объявитъ войну Франціи, а король

Георгъ приметъ въ ней участіе въ качествѣ ганноверскаго курфирста, сочтетъ ли себя Англія связанной такимъ обстоятельствомъ?

Депеша Дюмурье имѣла весьма настоятельный характеръ. Французскіе уполномоченные не нашли для себя возможнымъ заговорить съ англичанами такимъ рѣшительнымъ тономъ. Они полагали,—и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія Талейрана,—что не слѣдуетъ ставить вопросы съ такою ясностью и развивать ихъ съ такою строгою послѣдовательностью; что лучше приходить къ основанному на недоразумѣніи соглашенію, чѣмъ подвергать себя неудобствамъ разрыва, стараясь о разъясненіи недоразумѣнія; что весьма важно не выказывать сомнѣнія ни въ себѣ, ни въ другихъ; что нѣтъ надобности настаивать на разъясненіи эластическаго слова *союзники* и что полезнѣе просто требовать отъ Англіи, чтобы она посовѣтовала своимъ друзьямъ держаться одного съ нею образа дѣйствій. Такимъ путемъ ей былъ бы доставленъ поводъ отклонить отъ содѣйствія Австріи Голландію, Пруссію и германскій союзъ. Талейранъ и Шовеленъ расчитывали, что Англію заставитъ рѣшиться на такую политику вторженіе русскихъ въ Польшу, что должно было возбудить тревогу и въ Лондонѣ и въ Берлинѣ.

Въ такомъ смыслѣ редактирована была ими меморія, которую Шовеленъ передалъ 18-го іюня Гренвиллю. Обстоятельства, впрочемъ, казались имъ настолько серьезными, что въ видахъ освѣдомленія о нихъ французскаго министерства, они отправили къ нему вѣрнаго агента, которому было поручено дополнить свѣдѣнія, заключавшіяся въ ихъ корреспонденціи, словесными разъясненіями. Дѣло шло о пропагандѣ и создаваемыхъ ею для ихъ дѣятельности затрудненіяхъ. Въ то самое время, какъ они принимали въ Лондонѣ обязательство уважать права Голландіи и требовали отъ этой республики безусловнаго нейтралитета, въ Парижѣ открыто вербовали «батавскихъ патріотовъ» и говорили о революціонированіи Соединенныхъ Провинцій. «Мы всегда возставали противъ этого злополучнаго духа прозелитизма, создавшаго Франціи столько внѣшнихъ враговъ», писали французскіе уполномоченные. Они просили декларацiи, объявившей бы, что Франція подавитъ эти подстрекательства иноземцевъ къ возстанію: это произвело бы наилучшее впечатлѣніе въ Англіи и Голландіи. «Мы настаиваемъ на томъ мнѣніи,—прибавляли они нѣсколько недѣль спустя,—«что если бы вмѣсто одобренія людямъ, сѣявшимъ смуты въ иностранныхъ государствахъ, громко объявили бы во Франціи о величайшемъ уваженіи къ правительствамъ другихъ странъ и рѣшеніи не допускать ничего враждебнаго по отношенію къ нимъ, то легче было бы предотвратить укрѣпленіе грозной лиги, образовавшейся противъ французской революціи».

Такое мнѣніе было несомнѣнно политично, но въ то же время оно обличало полнѣйшее непониманіе характера и интенсивности революціоннаго движенія. Дюмурье находился, такъ сказать, въ бѣличьемъ колесѣ. Онъ расчитывалъ на переговоры для облегченія успѣшности войны, а между тѣмъ выходило, что объявленіе войны препятствовало веденію переговоровъ. Онъ надѣялся, что быстрое объявленіе войны, за которымъ послѣдовалъ бы славный миръ, подниметъ значеніе правительства и задушитъ демагогію; но оказалось, что безсиліе правительственной власти отдавало Францію на произволъ демагоговъ, а торжество ихъ превращало войну съ Австріей въ европейскую войну, въ которой изолированная предъ лицомъ коалиціи Франція ставила на карту свою судьбу. Но событія никогда не смущали Дюмурье. Необычайная подвижность его ума, подвергавшая его столькимъ неудачамъ, въ то же время помогала ему находить исходъ изъ затруднительныхъ положеній. Ему оставалось еще испробовать послѣднее средство старой дипломатіи, примѣняемое въ отчаянныхъ случаяхъ: онъ попытался взволновать турокъ и вызвать диверсію на Востокѣ.

По поводу политики Екатерины II, которую понималъ съ достаточною ясностью, Дюмурье писалъ Женету 10-го іюня: «Я думаю, что озабоченная скорѣе своими планами относительно Польши, чѣмъ войною въ Нидерландахъ, она отвлечетъ вниманіе вѣнскаго и берлинскаго двора заманчивыми обѣщаніями, для того, чтобы помѣшать Пруссіи раздѣлить Польшу». Открывъ эти замыслы туркамъ, онъ полагалъ, что побудитъ ихъ объявить войну. Посланникъ, находившійся въ Константинополѣ, Шуазёль Гуфье, слылъ роялистомъ во внутренней и руссофиломъ во внѣшней политикѣ. Этотъ человѣкъ менѣе всего пригоденъ былъ для дипломатической миссіи, задуманной Дюмурье. Поэтому онъ рѣшился поручить ее Семонвиллю, вернувшемуся, послѣ своей александрійской неудачи, въ Геную. Онъ написалъ ему 12-го іюня, чтобы тотъ готовился къ немедленному отъѣзду въ Константинополь. Въ инструкціяхъ Семонвиллю предписывалось разъяснить туркамъ причины, заставляющія Францію измѣнить свою систему. Въ былое время имъ съ великимъ трудомъ объяснили, что, переставъ воевать съ Австріей, Франція приглашаетъ ихъ жить въ мирѣ съ своей новой союзницей. Теперь приходилось объяснять имъ, какимъ образомъ вернулись къ прежнимъ традиціямъ, доказать, что, новая конституція не ослабляла рессурсовъ государства, убѣдить, что Франція останется ихъ вѣрною союзницею, наконецъ пригласить ихъ произвести диверсію, соединившись съ поляками для нападенія на Россію. Туркамъ желательно было отомстить за свое пораженіе. Семонвилль долженъ былъ «внушить имъ желаніе возвратить себѣ всѣ утраченныя выгоды». Это значило косвеннымъ образомъ указывать на Крымъ. Семонвилль долженъ

былъ намекнуть также и на готовность Франціи содѣйствовать Портѣ въ этомъ предпріятіи. «Онъ долженъ положительно утверждать, что Франція вооружаетъ въ настоящую минуту въ Тулонѣ пятнадцать кораблей и что этотъ флотъ предназначается для недопущенія русскихъ въ Средиземное море». Роскошные подарки должны были расположить Диванъ къ выслушанію и признанію мудрости только что указанныхъ совѣтовъ.

Эти предложенія являются дополненіемъ военныхъ и дипломатическихъ плановъ Дюмурье. Онъ впадалъ въ ошибку, и притомъ довольно странную: импровизованный министръ вѣдь не грѣшилъ незнаніемъ Европы, но Франція спутала всѣ его расчеты. Выскочка революціонной эпохи всего менѣе понималъ ту революцію, которая доставила ему власть. Онъ судилъ о ней какъ дипломатъ стараго порядка и въ этомъ отношеніи ошибался совершенно такимъ же образомъ, какъ и государственные люди старой Европы. Но если характеръ революціи, вслѣдствіе своей новизны, ускользалъ отъ пониманія даже тѣхъ людей, которые плыли по ея теченію и имѣли претензію направлять ее, то Европа оставалась неизмѣнной; вотъ почему комбинаціи Дюмурье въ существенной ихъ части должны были снова примѣняться ранѣе или позднѣе, что̀ и случилось въ весьма скоромъ времени. Имъ противодѣйствовала, главнымъ образомъ, Пруссія. Но именно эта держава первая оправдала ихъ и положила въ основу своей политической системы. Миръ подписанный въ Базелѣ въ 1795 г. былъ лишь слѣдствіемъ предложенныхъ въ 1792 г. условій. Событія, сдѣлавшія этотъ миръ необходимымъ, подготовлялись именно въ то время, когда Дюмурье объявлялъ его возможнымъ. Коалиція уже была подорвана въ самомъ основаніи. Едва успѣли воздвигнуть зданіе, какъ оно растрескалось и уже обозначилось то мѣсто, въ которое пробьетъ брешь осаждающій.

ГЛАВА II.

Низложеніе.

1792 г.

I.

28-го апрѣля всѣ три колонны сѣверной арміи, которымъ предстояло вторгнуться въ Бельгію, выступили въ походъ. Генералъ Диллонъ встрѣтился съ австрійцами; его кавалерія не выдержала даже вида непріятеля, повернула лошадей, бросилась въ разсыпную и, объятая паникой, добѣжала до самаго Лилля, крича объ измѣнѣ. Раненный собственными солдатами, Диллонъ былъ убитъ городскою чернью. Биронъ потерпѣлъ такую же неудачу и избѣжалъ участи Диллона только благодаря энергіи судебнаго персонала города Валансьенна. Лафайетъ, шедшій къ Намюру съ главнымъ корпусомъ, остановился, какъ только узналъ объ этихъ бѣдствіяхъ, и отступилъ. Унизительная неудача обличала нестройность въ командованіи, недостаточную организацію, отсутствіе дисциплины въ войскахъ и подтверждала вполнѣ увѣренія эмигрантовъ и надежды нѣмцевъ. Если бы союзники были готовы въ это время, они нанесли бы французской арміи пагубные удары; но австрійскія войска, стоявшія въ Нидерландахъ, были способны только защищаться: ожидавшіяся ими подкрѣпленія еще не явились къ мѣсту назначенія и даже пруссаки, хотя и болѣе подготовленные и расположенные драться, еще не перешли чрезъ свою границу. Медлительность союзниковъ позволила Франціи оправиться отъ плачевной неудачи и исправить ея послѣдствія. Уже съ самаго начала проявилась спасительная для Франціи медленность союзническихъ войскъ, которая и позднѣе постоянно задерживала ихъ наступленіе. То же препятствіе, которое задержало ихъ выступленіе, мѣшало впослѣдствіи и успѣшности ихъ дѣйствій.

Въ ту минуту какъ Австрія и Пруссія отдавали приказъ своимъ войскамъ двинуться на Францію, Екатерина II двинула свои войска въ Польшу. Нѣмцы шли во Францію съ цѣлью прекратить анархію, русскіе отправлялись въ Польшу, чтобы возстановить ее; первые намѣревались разрушить конституцію, ослаблявшую королевскую власть, вторые боролись противъ конституціи, имѣвшей цѣлью утвердить власть короля. Полное отсут-

ствіе принциповъ, характеризующее Европу стараго порядка, никогда не проявлялось болѣе ярко, чѣмъ въ этомъ великомъ кризисѣ. Одной и той же эпохѣ предстояло увидѣть Людовика XVI низложеннаго его народомъ и погибшаго на эшафотѣ за то, что вступилъ въ заговоръ съ европейскими государями въ видахъ возстановленія королевской власти во Франціи, и Станислава-Августа, лишеннаго престола царственными союзниками Людовика XVI и умирающаго въ изгнаніи за то, что вмѣстѣ со своимъ народомъ конспирировалъ въ пользу утвержденія монархіи въ Польшѣ. Это противорѣчіе не было порождено случайнымъ совпаденіемъ противоположныхъ намѣреній. Оба предпріятія, вызвавшія эти слѣдствія, были задуманы въ одно и то же время и развивались одновременно. Между ними существовала связь, образующая, такъ сказать, самую основу этой исторіи, и ихъ взаимодѣйствіе опредѣлило всѣ дѣйствія Европы въ эпоху французской революціи.

Несмотря на горячность и патріотизмъ авторовъ революціи 3-го мая 1791 года, преобразованіе польскаго государства шло слишкомъ медленнымъ путемъ. Сеймъ довелъ составъ арміи до 100.000 человѣкъ. Но только 50.000 удалось поставить на военную ногу и весьма посредственно снабдить всѣмъ необходимымъ. Побѣжденные 3 мая, то есть старая русская партія и вожди аристократической котеріи, на минуту смущенные, вскорѣ оправились. Не видя иного способа возстановленія прежняго режима какъ слѣдованіе прежнимъ обычаямъ, они обратились къ Екатеринѣ. Они требовали традиціонныхъ вольностей, разумѣя подъ этимъ *liberum veto* и *право конфедераціи*, представлявшія, въ сущности, лишь конституированіе анархіи и право на гражданскую усобицу. Французскіе эмигранты ставили свои привилегіи выше самой жизни своего короля; поляки— удалившіеся въ Россію, также считали свои преимущества первымъ и единственнымъ дѣломъ государства. Екатерина держала ихъ на почтительномъ разстояніи, подавая имъ нѣкоторыя надежды, до того времени, пока не заключила мира съ турками; но послѣ утвержденія ясскаго договора, она приняла ихъ въ Петербургѣ. Здѣсь они подготовили при ея помощи планъ конфедераціи. Близкіе императрицѣ люди находили выгоднымъ поддерживать польскихъ магнатовъ. Потемкинъ умеръ. Онъ мечталъ о польской коронѣ. Честолюбіе Зубова не простиралось такъ далеко; онъ искалъ въ Польшѣ однѣхъ матеріальныхъ выгодъ; въ подчиненіи республики онъ усматривалъ лишь возможность удаленія магнатовъ изъ ихъ помѣстій и завладѣнія староствами...

Увѣренная въ нейтралитѣ Пруссіи, считая неизбѣжною войну между Франціей и Австріей, Екатерина двинула 8-го апрѣля обѣ арміи, назначенныя ею для подчиненія поляковъ. Одна изъ этихъ армій, только что

пришедшая съ Дуная, насчитывала 64000 человѣкъ; другая, шедшая съ сѣвера—32000. Въ то же время императрица дала знать въ Вѣну и Берлинъ о своемъ отказѣ присоединиться къ признанію тайной статьи договора 7 февраля, установлявшей обязательство «ничего не предпринимать противъ цѣлости и сохраненія въ Польшѣ свободной конституціи».

Сеймъ собрался въ Варшавѣ 16-го апрѣля, подъ впечатлѣніемъ извѣстій самаго грознаго свойства. Онъ поручилъ королю главное командованіе войсками, рѣшилъ поднять ополченіе, въ случаѣ недостаточности регулярной арміи, и вотировалъ заемъ въ 30 милліоновъ флориновъ. Ни одинъ польскій король не пользовался еще такою обширною властью и не располагалъ такими широкими средствами. Станиславъ-Августъ не оказался достойнымъ чести, которую ему оказывали сограждане... Его уступчивость во время раздѣла 1772 г. должна бы предостеречь ихъ относительно слабости его характера. Онъ дрожалъ за свои помѣстья; смерть Густава Ш испугала его. Блестящій и любезный дворянинъ, Станиславъ-Августъ не принадлежалъ къ людямъ того закала, которые спасаютъ свой народъ, становясь во главѣ его въ минуту опаснаго кризиса.

Еще ранѣе окончательнаго конституированія конфедераціи, 30 апрѣля Екатерина написала своему дипломатическому агенту Булгакову, что ея войска вступятъ въ Польшу между 12 и 22 мая, съ цѣлію оказанія поддержки конфедератамъ. Послѣдніе собрались въ Тарговицѣ. Манифестъ, которымъ они призывали Польшу къ междуусобной войнѣ, былъ написанъ на декламаторскомъ жаргонѣ того времени и его слогъ напоминалъ слогъ парижскихъ революціонеровъ. Эти мятежные магнаты объявляли народу о заговорѣ противъ его вольностей, составленномъ «ненасытной въ дѣлѣ господства» королевскою властью. «Тираннія куетъ цѣпи для Польши». «Сердце гражданина затрепетало отъ горести!» Времена анархіи восхвалялись диѳирамбическимъ слогомъ: «То было время, когда царилъ законъ! Тогда не бывало столкновеній между силой и свободой... При видѣ такого равновѣсія затрепетало честолюбіе, жадно стремящееся къ обширной власти; оно вознамѣрилось поработить доблестныхъ республиканцевъ при помощи ихъ собственной доблести».—Инсуррекція является въ глазахъ конфедератовъ священнѣйшимъ долгомъ; они объявляютъ сеймъ закрытымъ, дѣла его недѣйствительными, конституцію 3 мая упраздненной. Они ставятъ народныя вольности подъ охрану Екатерины II; они довѣряются въ дѣлѣ своей независимости «великодушію этой государыни». 18 мая Булгаковъ передалъ сейму полученную изъ Петербурга декларацію. Екатерина обвиняла польскій сеймъ въ томъ, что онъ «узурпировалъ, совмѣстилъ въ себѣ всѣ роды власти», нарушилъ законы, возбудилъ народъ къ мямятежу», «привелъ въ исполненіе всѣ свои пагубные замыслы, разру-

шивъ до основанія правительственную власть», замѣнилъ, однимъ словомъ, республиканскій режимъ наслѣдственною монархіей.

Въ минуту грозившей имъ опасности, поляки обратились къ Пруссіи. Они видѣли въ своей средѣ, въ залѣ засѣданій сейма, присутствующимъ при ихъ дебатахъ того самаго Луккезини, который нѣкогда поощрялъ ихъ стремленія къ независимости. Они получили изъ его рукъ договоръ, въ которомъ Фридрихъ-Вильгельмъ гарантировалъ своимъ королевскимъ словомъ неприкосновенность республики. Но Луккезини дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, когда ему напоминали объ этомъ. «Этотъ хитрецъ Луккъ», какъ называлъ его Гриммъ, не отличался излишнею стыдливостью.—Мой государь,—сказалъ онъ полякамъ 4 мая,—не считаетъ себя обязаннымъ, въ силу договора 29-го марта 1790 г., къ вооруженной защитѣ наслѣдственной монархіи, установленной конституціей 3 мая 1791 г.—Дѣйствительно эта конституція не удовлетворяла Фридриха-Вильгельма, и берлинскимъ законникамъ, повидимому, достаточно было того, чтобы государство перешло отъ республиканскаго строя къ монархическому, чтобы освободить прусскаго короля отъ гарантіи, данной имъ самимъ этому государству. Несмотря на такое предостереженіе, поляки имѣли простодушіе сослаться на договоръ 1790 года; этимъ они вызвали нахальный отвѣтъ Луккезини: «Король громко свидѣтельствуетъ о своей лойяльности, отказываясь отъ своихъ обязательствъ 1790 г.». Небольшая армія патріотовъ, тѣснимая со всѣхъ сторонъ превосходившимъ ее непріятелемъ, принуждена была отступить. Поляки увидѣли, что имъ не остается ничего другого, какъ послѣдовать совѣту засѣдавшихъ въ Тарговицѣ конфедератовъ, то есть «возложить надежды на великодушіе и безкорыстіе Великой Екатерины».

Императрица также связана была договорами и, повидимому, болѣе важными, чѣмъ договоры прусскаго короля и польской республики. Союзъ, заключенный съ Австріей въ 1781 г., былъ возобновленъ и продолженъ на восемь лѣтъ въ 1789 г. Въ случаѣ нападенія на Австрію со стороны Франціи, Австрія имѣла право требовать поддержки Россіи. Екатерина ожидала этого; она только что получила изъ Вѣны и Берлина приглашеніе принять участіе въ союзѣ, составленномъ обоими дворами по поводу французскихъ дѣлъ. Императрица отвѣчала Францу: «Безъ сомнѣнія, прекрасно начинать свое поприще предпріятіемъ, цѣль котораго предохраненіе всей Европы отъ заразы примѣра въ одно и то же время пагубнаго и скандалёзнаго». «Я вполнѣ сочувствую этому благородному намѣренію», пишетъ она далѣе. Но если то, что происходитъ въ странѣ, находящейся на далекомъ разстояніи отъ моего государства, въ сильной степени обращаетъ на себя мое вниманіе, то насколько болѣе должна я

озаботиться тѣмъ, что происходитъ въ самомъ непосредственномъ сосѣдствѣ моемъ!» «Переворотъ, внесенный въ польскую республику конституціей 3 мая, вызоветъ въ ней безпорядки, аналогичные французскимъ. Пора дать отпоръ злу, которое такъ быстро распространяется во всѣхъ странахъ. Я займусь этимъ дѣломъ, а потому имѣла бы право потребовать отъ Австріи для борьбы съ поляками содѣйствія, условленнаго нашимъ союзомъ; но я признаю, что среди настоящихъ затрудненій своихъ, Австрія не можетъ легко выполнить такое требованіе, и, уважая эти затрудненія, я согласна ничего не требовать. Къ тому же союзъ 1781 г. заключенъ былъ формально и въ общей формѣ; слѣдовательно излишне было бы приступать къ новому союзу изъ-за Франціи». Такой взглядъ предупреждалъ всякія возраженія со стороны Австріи... Между тѣмъ, эмигранты продолжали надѣяться на помощь Екатерины. Братья французскаго короля только и говорили, что о восемнадцати тысячахъ русскихъ солдатъ, готовыхъ двинуться къ Рейну, и о швейцарскихъ наемныхъ войскахъ, которымъ будетъ платить русская императрица. «Они выступятъ черезъ три недѣли», писалъ Ферзенъ 10 іюня. Эти три недѣли означали для Екатерины время, необходимое для окончанія польской кампаніи; результатомъ было то, что ни русскіе, ни швейцарцы не появились на берегахъ Рейна. Эмигранты тѣмъ не менѣе продолжали стоять за императрицу и осыпать бранью австрійскій эгоизмъ. Дѣло въ томъ, что Екатерина ставила оффиціально четыре условія для принятія участія въ коалиціи, и эти условія приводили въ восторгъ эмигрантовъ: ничего не слѣдовало предпринимать помимо принцевъ; никакія сдѣлки съ мятежниками не должны быть допускаемы; французское королевство не будетъ расчленено и монархія не получитъ конституціи. Австрія выражала совершенно другіе взгляды и потому ею были недовольны. Уклоняясь отъ предложеній Австріи и Пруссіи, Екатерина внушала французскимъ принцамъ, что эти двѣ державы замышляютъ раздѣлъ Франціи и дѣлаютъ невозможнымъ для нея оказаніе помощи. «Почему вы полагаете», писала она Гримму 20 мая 1792 г., «что польскія дѣла не могутъ быть поставлены наравнѣ съ французскими и идти съ ними рядомъ? Повидимому, вамъ неизвѣстно, что якобинское гнѣздо въ Варшавѣ поддерживаетъ постоянныя сношенія съ парижскими якобинцами... И вы хотите, чтобы я бросила свои интересы и интересы моей союзницы республики и моихъ друзей республиканцевъ для того, чтобы заниматься исключительно парижскимъ якобинскимъ гнѣздомъ? Нѣтъ, я побью его и буду бороться въ Польшѣ; но я вслѣдствіе этого не перестану заниматься и французскими дѣлами и помогу разогнать скопища санкюлотовъ такъ же, какъ то будутъ дѣлать и другіе».

Саркастическій умъ императрицы выразился вполнѣ въ ея дипломатіи за этотъ періодъ времени. Пруссаки не могли не оцѣнить тонкости этого ума. Но они, безъ сомнѣнія, не могли считать этого для себя достаточнымъ. Впрочемъ, въ Берлинѣ были отчасти расположены къ Россіи. Пруссія уже рѣшила покончить съ Польшей. Въ Берлинѣ признавали, что установленная Фридрихомъ система союза съ Россіей доставила, въ былое время, монархіи прекраснѣйшую провинцію, что союзъ съ Польшей принесъ одни убытки, а потому естественнымъ образомъ возвращались къ системѣ Фридриха Великаго. 24 мая русскій посланникъ предложилъ прусскимъ министрамъ обсудить планъ отдѣльнаго союза; союзъ имѣлъ бы цѣлью принципіальную борьбу противъ французской революціи. Прусскій король ничего не имѣлъ противъ такой борьбы, а также и противъ возможности казаться безкорыстнымъ относительно Франціи, если будетъ имѣть случай вознаградить себя изъ другого источника. Къ тому же агентъ Екатерины, князь Нассау-Зигенскій, внушалъ, что въ концѣ концовъ лучше было бы отнять у Франціи нѣсколько провинцій, чѣмъ ослабить королевскую власть. Итакъ, были увѣрены, что убытка ни въ какомъ случаѣ не послѣдуетъ, а раздѣлъ будетъ имѣть мѣсто во всякомъ случаѣ. Но прежде заключенія сепаратнаго союза съ Россіей, Пруссія, по смыслу договора 7 февраля, должна была сообщить о немъ Австріи: всѣ затрудненія возникли вновь.

Австрія упорно стояла за исключеніе изъ коалиціи французскихъ принцевъ и эмигрантовъ; она противилась возстановленію абсолютной монархіи; что касается завоеваній, то не рѣшалась еще высказаться по этому поводу категорически. Правда, Кауницъ находилъ удобнымъ взять на всякій случай у Франціи то, что въ случаѣ надобности можно было оставить за собою и такимъ путемъ обезпечить себѣ, хотя въ видѣ залога, покрытіе военныхъ расходовъ. Но онъ настойчиво требовалъ сохраненія независимой, хотя бы теоретически, Польши: она раздѣляла бы своихъ троихъ сосѣдей въ видѣ нейтральной территоріи, которую они обязались бы уважать. Въ этомъ отношеніи антагонизмъ между Петербургомъ и Вѣной былъ полный, и въ Вѣнѣ это вполнѣ сознавали [1]).

[1]) Вице-канцлеръ Филиппъ Кобенцель писалъ 12 апрѣля своему двоюродному брату, Людвигу Кобенцелю, бывшему въ то время посланникомъ въ Петербургѣ: «Мы не знали, что и думать объ отношеніяхъ Россіи къ нашему двору. Начать съ того, что въ Петербургѣ стали на сторону принцевъ и эмигрантовъ и противъ насъ. Выслушиваютъ ихъ гасконнады и нелѣпые планы... Почти при всѣхъ дворахъ жалуются на насъ по поводу того, что мы не двинули войскъ въ ихъ пользу среди зимы... И во все это время ни слова не говорятъ о Польшѣ и поощряютъ насъ хорошенько скрѣпить союзъ съ Пруссіей... Неужели Россія старалась только ввязать насъ во фран-

Пруссаки подозрѣвали это; они нашли, что спорить со старымъ канцлеромъ было бы напрасною тратою времени. Они знали, что кредитъ Кауница идетъ на убыль, что императоръ Францъ, несмотря на все свое уваженіе къ нему, выслушиваетъ уже другіе совѣты и довѣряетъ другимъ людямъ. Они послѣдовали примѣру Леопольда, когда онъ желалъ прійти къ соглашенію съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, помимо графа Герцберга. Они зашли съ задняго крыльца и обратились къ Шпильману. 21 мая Шуленбургъ отправился къ князю Рейссу и просилъ доставить секретное сообщеніе Францу чрезъ посредство этого придворнаго наперсника.—Россія, сказалъ Шуленбургъ, хочетъ завладѣть Украйной и подчинить себѣ остальную часть Польши; настоятельно-необходимо, чтобы Австрія и Пруссія приняли рѣшеніе и послали бы въ Польшу, каждая по десяти тысячъ человѣкъ; Пруссія возмѣститъ на счетъ Польши свои расходы на войну противъ Франціи, Австрія получитъ вознагражденіе въ Эльзасѣ.

Шпильманъ казался польщеннымъ придаваемымъ ему значеніемъ. Эти спекуляціи землями соотвѣтствовали его наклонностямъ. Онъ сообщилъ о таинственномъ порученіи вице-канцлеру графу Филиппу Кобенцелю, а затѣмъ и самому императору. И государь и министръ нашли, повидимому, предложеніе достаточно соблазнительнымъ. Они сказали себѣ, что въ случаѣ нападенія Франціи, Австрія не въ силахъ будетъ противиться вторженію въ Польшу Россіи и Пруссіи; единственнымъ результатомъ ея оппозиціи въ такомъ случаѣ было бы исключеніе изъ дѣлежа, казавшагося неизбѣжнымъ; она не могла обойтись безъ Пруссіи и въ Нидерландахъ и на Рейнѣ; Пруссія ждала территоріальнаго вознагражденія; пусть же беретъ его въ Польшѣ. Оставалось опредѣлить вознагражденіе, слѣдуемое Австріи. Завоеваніе Эльзаса представлялось операціей, трудно оправдываемой въ отношеніи къ принципамъ и еще труднѣе осуществимой путемъ насилія. Могло показаться страннымъ похищеніе этой провинціи у французскаго короля въ ту самую минуту, когда намѣревались его спасать. Но и взявъ Эльзасъ, пришлось бы еще сохранить его за собою, а на это Франція могла бы и не изъявить согласія. «Наконецъ,—говорилъ Шпильманъ,—къ чему пріобрѣтенія, если они не служатъ къ округленію?» Если бы, по крайней мѣрѣ, взять Фландрію и Геннегау?—Но и здѣсь встрѣтились бы такія же затрудненія. Оставалось одно рѣшеніе: отдать Нидерланды и взять вмѣсто нихъ Баварію. Въ прежнее время Пруссія заставила Австрію отказаться отъ такого обмѣна; теперь она сама предлагаетъ случай вернуться къ этому вопросу: Австрія ухватилась за него.

цузскія дѣла, не желая помогать намъ въ нихъ и съ намѣреніемъ воспользоваться этимъ для приведенія въ исполненіе какихъ-то замысловъ по отношенію къ Польшѣ?» Vivenot, t. I, p. 447.

Это было тѣмъ менѣе затруднительно, что русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Разумовскій, замѣтилъ вскользь, бесѣдуя съ Кобенцелемъ, «что если Австрія имѣетъ еще намѣреніе обмѣнять Нидерланды на Баварію, то настоящія обстоятельства могли бы осуществить это желаніе». Кобенцель не оставилъ этихъ словъ безъ вниманія. «Австрія думаетъ объ этомъ,—сказалъ онъ,—но ее останавливаетъ соображеніе о томъ, что ея союзница Пруссія противилась бы этому, если бы не предложить ей эквивалента».—«Я это знаю,—отвѣтилъ русскій посланникъ;—поэтому слѣдовало бы дать ей пріобрѣсти что-нибудь.—Но что именно?—спросилъ Кобенцель; если предположить даже, что мы оторвемъ у Франціи какой-нибудь клочокъ ея обширной монархіи, то прусскій король не захочетъ его взять при условіи округленія нашихъ границъ у него по-сосѣдству.—Конечно, но вы знаете, что онъ постоянно косится въ сторону Данцига и Торна; этимъ и можно расположить его.—Очень можетъ быть; но это вещь, которой вы никогда не допустили бы. — Въ былое время, да,—отвѣтилъ Разумовскій. — Прекрасно, возразилъ Кобенцель, но полагаете ли вы, что если бы мы пожелали этого, императрица согласилась бы, не требуя также и для себя чего-нибудь? — О, конечно нѣтъ, отвѣчалъ русскій посланникъ; я полагаю, что и она пожелала бы пріобрѣсти что-нибудь». И онъ указалъ на Украйну.—Хорошо,—продолжалъ Кобенцель,—но по какому праву можно бы взять теперь Данцигъ, а затѣмъ и другія польскія провинціи? — Украйна могла бы быть выгодною для насъ, отвѣчалъ Разумовскій, что касается способовъ пріобрѣтенія, то въ архивахъ не трудно отыскать документы, которые позволили бы приступить къ раздѣлу. Впрочемъ, — сказалъ онъ, — поляки могли бы и сами согласиться на это: одни—въ видахъ сохраненія конституціи 1791 года, другіе—въ видахъ ея упраздненія; та партія, которая одержитъ верхъ, расположена будетъ и заплатить за свое торжество цѣною раздѣла республики».—Кобенцель не противорѣчилъ, и когда они разстались, соглашеніе было уже почти достигнуто.

Увѣдомленная о сговорчивомъ настроеніи Австріи, Пруссія стала высказывать со своей стороны готовность и любезность. Фридрихъ-Вильгельмъ увѣрялъ, что если его допустятъ округлить границы въ Польшѣ, то онъ ничего не будетъ имѣть противъ присоединенія къ Австріи Баваріи. Кауницъ, остававшійся въ полной неизвѣстности, продолжалъ докучать Россіи ракетами своей дипломатіи. Русскія войска подвигались къ Польшѣ. Императрица могла потерять терпѣніе и въ минуту досады прервать переговоры съ Австріей. Францъ рѣшился открыть тайну старому канцлеру, прибавивъ, что надѣется послѣ имперскихъ выборовъ встрѣтиться съ прусскимъ королемъ и уладить все дѣло при личномъ свиданіи. Кауницъ

былъ весьма самолюбивъ и дорожилъ своими взглядами. Извѣстіе оскорбило его до послѣдней степени. Онъ увидѣлъ въ этомъ опалу и, что еще хуже, увидѣлъ себя одураченнымъ. Его оставляли вести переговоры о пустякахъ, между тѣмъ какъ крупные интересы ввѣрены были его подчиненнымъ. Гнѣвъ, который имъ овладѣлъ по отношенію къ соперникамъ, лишавшимъ его довѣрія государя, помогъ ему оцѣнить по достоинству ихъ замыслы. Въ скептикѣ, улаживавшемъ прежній раздѣлъ Польши, экспропріацію, а затѣмъ обмѣнъ Баваріи, вдругъ заговорила совѣсть. Достаточно было ему видѣть, какъ другіе играли ту роль, которую онъ въ теченіе полувѣка исполнялъ въ Европѣ, чтобы тотчасъ же отнестись къ ней съ порицаніемъ. Планъ несбыточенъ во всѣхъ частяхъ, говорилъ онъ; онъ ничѣмъ не оправдывается по отношенію къ Польшѣ: нельзя «честно» расчленить эту республику, подъ тѣмъ предлогомъ, что она ввела у себя конституцію, которую къ тому же обѣщали ей уважать; планъ невозможенъ и относительно Баваріи: царствующій въ ней домъ не согласится, а, съ другой стороны, Австрія формально отказалась отъ обмѣна въ статьяхъ гагскаго трактата; наконецъ, это было бы неосторожно и несправедливо, такъ какъ раздѣлъ былъ бы неравенъ и Пруссія получила бы уже свою долю, тогда какъ Австріи пришлось бы довольствоваться однѣми надеждами. «Ваше величество», писалъ онъ Францу, «рѣшите согласно со своею мудростью; что касается меня, то я прошу не предоставлять мнѣ въ этомъ дѣлѣ никакого участія, не желая въ противность всѣмъ моимъ убѣжденіямъ завершать мое поприще такого рода актомъ». Это была отставка. Кауницъ шелъ къ ней, окруженный знаками внѣшняго уваженія и вниманія новаго двора. Онъ попросилъ и получилъ оффиціально отставку только въ августѣ; но уже съ конца мая пересталъ руководить канцлерствомъ.

Курфирсту саксонскому первому пришлось испытать послѣдствія поворота въ австрійской политикѣ. Австрійское правительство, въ былое время настоятельно убѣждавшее его принять польскую корону, дало ему понять, что отнынѣ считаетъ себя обязаннымъ отговаривать его отъ такого поступка.

II.

Пруссія видѣла въ войнѣ съ Франціей предварительное условіе для раздѣла Польши: она готовилась къ этой войнѣ съ искреннимъ усердіемъ, такъ какъ предпріятіе не требовало уже ни малѣйшаго безкорыстія. Австрія проявляла значительно менѣе усердія не потому, что была болѣе совѣстлива или самоотверженна, но та же забота о выгодѣ, которая возбуждала пруссаковъ, заставляла ее, напротивъ, соблюдать сдержанность

и осторожность. Всегда медленный въ своихъ движеніяхъ столько же по характеру, сколько и вслѣдствіе расчета, австрійскій дворъ остерегался проявлять свои замыслы относительно Польши въ то время, когда ея соперницы начинали тамъ дѣло, въ которомъ ея собственные шансы казались ей еще весьма сомнительными. Военныя приготовленія Австріи подчинены были улаженію безконечнаго спора о вознагражденіи. Къ тому же существовало столько же сомнѣній относительно плана предстоявшей кампаніи, сколько и по поводу истинной цѣли и возможныхъ результатовъ коалиціи.

Герцогъ Брауншвейгскій, согласившійся принять главное командованіе войсками, не одобрялъ идеи войны и не могъ прійти къ соглашенію ни съ самимъ собою, ни съ другими, по поводу способа ея веденія. Лично-храбрый, невозмутимый и неустрашимый на полѣ сраженія, изобрѣтательный въ дѣлѣ подробностей, болѣе упрямый, чѣмъ предпріимчивый, и лучше оцѣнивающій затрудненія, чѣмъ смѣлый въ ихъ преодолѣніи, этотъ военный герой старой Европы отличался недостаткомъ рѣшимости и въ особенности послѣдовательности въ крупныхъ мѣропріятіяхъ. Онъ прекрасно разсуждалъ, тревожно проектировалъ и колебался при исполненіи. Герцогъ сознавалъ это; сознаніе имъ своей нерѣшительности удвоивало затрудненія и нерѣдко парализовало его волю. Онъ былъ изъ тѣхъ, которымъ не удается побѣда вслѣдствіе того, что они слишкомъ много заботятся объ обезпеченіи отступленія. Гордясь знаніемъ военнаго дѣла и зрѣло обсужденными планами, презирая случайности, онъ сознательно пренебрегалъ тѣмъ, что ускользаетъ отъ вычисленія: порывами отваги, геніальнымъ вдохновеніемъ и всѣми эмпирическими тайнами побѣдъ, одержанныхъ выскочками-генералами противъ всѣхъ правилъ военнаго искусства. Этотъ воинъ-философъ былъ одаренъ въ высокой степени критическимъ умомъ, столь несвойственнымъ духу войны. Къ этому присоединялся у него духъ царедворчества, пагубный для армій, чрезмѣрная забота о своей репутаціи и о томъ, что̀ скажутъ о немъ въ свѣтѣ, страсть спрашивать у другихъ совѣта и скептически къ нимъ относиться, тревожное самолюбіе, побуждающее никому не довѣрять и въ то же время подчиняться волѣ своего государя. То была привычка военнаго человѣка, традиція феодальной зависимости, и герцогъ Брауншвейгскій, несмотря на глухое возмущеніе своей гордости и тайный протестъ разсудка, всегда уступалъ желаніямъ прусскаго короля.

Первою мыслью его было не рисковать, давая сраженія, въ которыхъ слѣпое счастье имѣетъ слишкомъ большую долю, а занять французскія границы съ значительными военными силами, прочно установиться на этой линіи и «ждать пораженія французовъ отъ ихъ внутреннихъ смутъ и ихъ банкротства». Однако, когда Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ ему

постъ главнокомандующаго и сообщилъ ему собственный взглядъ на способъ веденія войны, герцогъ измѣнилъ свой планъ и предложилъ быстрое наступленіе.—Но, прибавилъ онъ, этотъ планъ имѣетъ смыслъ только при дезорганизаціи, въ которой находится французская армія; если бы у этой арміи были еще опытные и искусные генералы, предпріятіе сдѣлалось бы въ высшей степени сомнительнымъ и рискованнымъ; даже и при настоящихъ условіяхъ не слѣдуетъ давать имъ времени опомниться. «Могутъ произойти событія, послѣдствія которыхъ были бы неисчислимы, и головы, нынѣ правящія во Франціи, находятся въ состояніи такого горячечнаго возбужденія, что можно ожидать самыхъ необычайныхъ результатовъ». Съ такою же оговоркою присоединился онъ къ плану идти на Парижъ чрезъ Шампанью.

Планъ этотъ былъ одобренъ въ принципѣ на совѣтѣ, засѣдавшемъ въ Санъ-Суси, 12 мая. Прусскій король предсѣдательствовалъ, а генералъ-аншефъ австрійской арміи, князь Фридрихъ фонъ-Гогенлоэ Кирхбергъ, былъ представителемъ своего государя. Настоящимъ вдохновителемъ этого плана былъ Булье; ему поручено было подготовить выполненіе, по соглашенію съ союзниками. Что касается эмигрантовъ, то герцогъ Брауншвейгскій ограничивалъ ихъ участіе операціями въ верхнемъ Эльзасѣ, то есть на весьма далекомъ разстояніи отъ театра войны. Союзники надѣялись привести въ движеніе около 174000 человѣкъ войска; изъ нихъ 42000 пруссаковъ, 106000 австрійцевъ, 20000 эмигрантовъ, 6000 гессенцевъ. Они полагали, что, не считая нидерландскихъ войскъ, гарнизоновъ, отдѣльныхъ и вспомогательныхъ корпусовъ, могутъ сосредоточить на Маасѣ 110000 человѣкъ, при помощи которыхъ они подчинятъ Францію, овладѣвъ Парижемъ. Но эту армію еще приходилось довести до границы. Пруссаки хвастали, что будутъ въ Кобленцѣ уже въ послѣднихъ числахъ іюня; но Австрія потребовала лишній мѣсяцъ сроку и объявила, что главная часть ея войскъ не можетъ прибыть ранѣе конца іюля. Именно на это время назначены были выборы императора и его коронованіе. Торжество должно было собрать государей, а ихъ дипломаты и генералы могли совѣщаться въ ихъ присутствіи. Согласились отложить до этого срока окончательныя рѣшенія, какъ относившіяся до плана войны, такъ и до ея результатовъ, то есть установленія цифры вознагражденія.

Австрія старалась воодушевить Германію. Но священная имперія, повидимому, забывала вмѣстѣ со всей Европой, что защита ея правъ была первоначальною цѣлью войны. Имперіи грозила большая опасность, несравненно бо̀льшая чѣмъ та, которой могли ожидать Австрія и въ особенности Пруссія. Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что рево-

люція, совершенная въ Эльзасѣ, неминуемо распространится и на лѣвый берегъ Рейна и повсюду, куда проникнутъ французскія войска. Но духовные князья не въ силахъ были защищаться и тратили всю свою энергію на крики о помощи, на грубое обращеніе съ французскими посланниками и проклятія революціи. Изъ свѣтскихъ правительствъ, нѣкоторыя, какъ напримѣръ цвейбрюккенское, принимали во вниманіе, что находившаяся у самыхъ ихъ дверей Франція обѣщала уважать ихъ права и потому находили болѣе удобнымъ щадить ее, чѣмъ призывать Австрію, которая далеко и уже начала говорить объ ихъ экспропріаціи и обмѣнѣ. Государи праваго берега выказывали менѣе безпокойства, чѣмъ государи лѣваго. Они полагали, что Рейнъ защититъ ихъ отъ вторженія, а характеръ населенія ихъ края оградитъ его отъ пропаганды. Дѣйствительно, если здѣсь мѣстами и восхищались французскою революціей, то нигдѣ не пытались ей подражать. Самые горячіе приверженцы новыхъ идей продолжали оставаться вѣрноподданными своихъ властителей. Обнаруживалось даже въ области публицистики довольно замѣтное движеніе въ смыслѣ критики и отпора [1]. Нѣкоторые патріоты думали противопоставить правамъ зарейнскаго человѣка права обитателя праваго берега [2]. Первыя пораженія французскихъ войскъ дали робкимъ предлогъ для успокоенія: эти пораженія привели въ уныніе энтузіастовъ, ожидавшихъ сцены во вкусѣ спартанца Леонида и прочитавшихъ въ газетахъ лишь повѣствованіе о постыдной паникѣ [3]. Тѣ, которые подобно Клопштоку, продолжали находиться во власти чаръ революціи и умоляли королей не порабощать благороднаго народа, выказывали въ своихъ увѣщаніяхъ болѣе сомнѣнія въ успѣхахъ дѣла свободы, чѣмъ въ торжествѣ деспотизма [4]. Одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ германскихъ государей, Августъ

---

[1]) Biedermann p. 890, 1203—1212; Schlözer, *Staatsanzeigen* t. XIV p. 100.

[2]) Статьи Schirach'а въ альтонской «*Политической газетѣ*»; Reichardt (въ Готѣ) «*Призывъ нѣмца къ прирейнскимъ соотечественникамъ.—Права человѣка по сю и по ту сторону Рейна.* См. у Biedermann, стр. 1210.

[3]) «Тотъ, кто не умѣетъ умирать за свободу, достоинъ носить цѣпи.— Онъ заслуживаетъ того, чтобы священникъ и дворянинъ кнутомъ прогнали его изъ собственнаго его очага.—О, французы! не думаете ли вы, что трусость можно скрыть подъ свирѣпостью тигра?—Позоръ вамъ, убивающимъ своего начальника и рѣжущимъ плѣнниковъ! — Я мечталъ быть вашимъ Тирцеемъ, даже забывая о родинѣ Арминія.—Я желаю побѣды и успѣха тому, кто понесетъ вамъ цѣпи —Burger, *Straflied*, 1792. «Непріятель бьетъ кулакомъ, а не фразой». Того же, *Unmuth*, 1792.

[4]) Ода *Der Freiheitskrieg*, апрѣль 1972, противъ войны. Письмо къ Лафайету, 22 іюня 1792, герцогу Брауншвейгскому, 2 іюля. Ода была послана ему въ апрѣлѣ вмѣстѣ съ приглашеніемъ отказаться отъ поста главнокомандующаго.

Готскій, писалъ: «Я не могу еще отчаиваться въ торжествѣ свободы. Безуміе и бѣшенство нѣсколькихъ тысячъ не могутъ перевѣсить участія, принимаемаго мною въ двадцати-пяти милліонахъ людей» [5]). Въ Германіи всѣ были согласны только въ одномъ: въ маломъ расположеніи драться по мѣрѣ того, какъ близился часъ битвы.

Сеймъ билъ отчаянную тревогу. Австрія и Пруссія приглашали его перейти отъ словъ къ дѣлу и образовать лигу по образцу той, которая боролась съ Людовикомъ XIV во время войны за наслѣдство испанскаго престола. Но тѣ времена давно миновали, и имперія постарѣла на цѣлый вѣкъ. Тѣ самые государи, которые нѣкогда ускоряли разрывъ съ Франціей своими притязаніями и отказомъ отъ сдѣлокъ, теперь прятались по угламъ; они умѣли только дрожать и жаловаться, когда ихъ приглашали явиться для дѣятельнаго участія въ борьбѣ. Мелкія государства, такъ страстно требовавшія возвращенія имперіи отторгнутыхъ отъ нея провинцій, выказывали несравненно менѣе готовности къ войнѣ съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что она не принесетъ имъ выгоды. Слухи о раздѣлахъ, покрытіи военныхъ издержекъ, обмѣнахъ, ходившіе при второстепенныхъ дворахъ, парализовали ихъ усердіе. Никто не желалъ разоряться или компрометироваться ради увеличенія предѣловъ Австріи и Пруссіи, иначе говоря, ради собственнаго уменьшенія, а можетъ быть и порабощенія. По зрѣломъ размышленіи, швабскій округъ предложилъ организовать временную оборонительную лигу. Франконскій выразилъ боязнь, что прохожденіе австрійскихъ войскъ можетъ породить голодъ въ краѣ. Курфирстъ ганноверскій, слѣдуя совѣтамъ своихъ англійскихъ министровъ, объявилъ, что останется нейтральнымъ въ войнѣ между Франціей и Австріей, прибавивъ только, что если имперія оффиціально объявитъ войну, то онъ вышлетъ свой контингентъ, чего, впрочемъ, не могъ не сдѣлать безъ нарушенія обязательства. Онъ склонилъ къ нейтралитету Саксонію и мелкія сѣверныя государства. Баварскій курфирстъ отвѣтилъ, что политика его заключалась всегда въ поддержаніи дружественныхъ отношеній съ Франціей. Одинъ ландграфъ гессенскій, любившій кичиться своими войсками, предложилъ ихъ на служеніе общему дѣлу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ для себя званія курфирста и уплаты военныхъ издержекъ; подъ такимъ условіемъ онъ доставилъ коалиціи шесть тысячъ гессенцевъ, и сеймъ назвалъ его единственнымъ патріотомъ въ семьѣ германскихъ государей. «Не слѣдуетъ», говорилъ въ былыя времена Кауницъ прусскому посланнику въ Вѣнѣ: «не слѣдуетъ давать непріятелю времени собраться съ духомъ; необходимо быстро наносить рѣшительные удары». Эти удары были отложены на двухмѣсячный срокъ. Этого было болѣе

[5]) Письмо его къ Гердеру, напечатанное въ 1792 въ *Goethe Jahrbuch.*

чѣмъ достаточно для революціи, чтобы противопоставить Европѣ грозный и неожиданный фактъ.

III.

Колебанія союзниковъ приводили въ отчаяніе королевскую фамилію. Эти колебанія казались ей необъяснимыми. Каждый потерянный день уносилъ часть надеждъ и удалялъ отъ той химерической мирной пристани, въ которой надѣялись найти спасеніе Людовикъ XVI и Марія Антуанета. По мѣрѣ того какъ обострялся кризисъ, скала, къ которой ихъ несло и теченіе волнъ, и сила бури, и ихъ собственное заблужденіе, постепенно выходила изъ тумана и обнажалась передъ ними все ближе и грознѣе. Тѣмъ не менѣе они еще полагали, что могутъ обойти ее и что въ минуту окончательнаго крушенія какое-нибудь чудо внезапно вернетъ ихъ въ фарватеръ. Болѣе чѣмъ когда-либо старались они отдѣлить свое дѣло отъ дѣла эмиграціи. Монморенъ и Малуэ, продолжавшіе служить имъ совѣтами, находили необходимымъ имѣть по этому поводу рѣшительное объясненіе съ союзниками и съ братьями короля. Несмотря на множество писемъ и эмиссаровъ, между королемъ и его союзниками продолжали существовать недоразумѣнія, и эти недоразумѣнія были пагубны для Людовика XVI. Малуэ предложилъ отправить въ Германію человѣка, на проницательность и характеръ котораго можно было-бы положиться, а именно: женевца Малледю-Пана, съ которымъ онъ былъ близокъ. Роялистская кампанія, которую велъ Малле въ газетѣ «*Mercure*», вызвала своею рѣзкостью большую враждебность къ ея автору; онъ былъ вынужденъ уѣхать изъ Парижа, во избѣжаніе грозившихъ ему опасностей. Вмѣстѣ съ Малуэ и Монморено мъ имъ выработаны были инструкціи, данныя ему королемъ.

Главною цѣлью было убѣдить принцевъ не принимать участія въ коалиціи. Война должна была сохранить характеръ внѣшней войны вслѣдствіе столкновенія съ державами. Принцы не должны были брать на себя роль судей въ спорѣ между Франціей и союзниками, такъ какъ эту роль предоставляется съиграть его величеству, когда свобода и королевская власть будутъ возвращены королю. Всякій иной образъ дѣйствій породилъ-бы гражданскую войну, угрожалъ-бы жизни короля и его семейства, навлекъ-бы гибель на роялистовъ, заставилъ-бы присоединиться къ якобинцамъ всѣхъ отпавшихъ и ежедневно отпадающихъ отъ нихъ революціонеровъ и придалъ-бы бо́льшую силу отпору, который напротивъ уступитъ передъ первыми рѣшительными мѣрами, если при этомъ будетъ казаться, что судьба революціи не зависитъ отъ тѣхъ, противъ кого она была направлена и кто былъ ея жертвами. Во избѣжаніе недоразумѣнія, король просилъ союзниковъ редактировать свой манифестъ «въ такомъ

смыслѣ, чтобы выдѣлить якобинцевъ и всякаго рода мятежниковъ изъ среды остальной націи... и успокоить всѣхъ тѣхъ, которые, не желая установленія нынѣшней конституціи, боятся возвращенія къ прежнимъ великимъ злоупотребленіямъ». Союзники должны высказаться относительно удержанія «цѣлости королевства», подтвердить, что объявляютъ войну противообщественной партіи мятежниковъ, а не французскому народу. Они должны объявить, что не намѣрены «ни навязывать, ни предлагать никакой системы правленія», и что они имѣютъ въ виду одно «возстановленіе монархіи и законнаго королевскаго авторитета въ предѣлахъ, имѣющихъ быть установленными самимъ его величествомъ». Коль скоро это будетъ объявлено и характеръ вмѣшательства опредѣленъ въ только что указанномъ смыслѣ, то мѣры, которыя будутъ приняты для приведенія въ исполненіе этого плана, не могутъ не быть дѣйствительными. Король приглашалъ союзниковъ «энергически заявить Національному собранію, административнымъ вѣдомствамъ, министрамъ, муниципалитетамъ и отдѣльнымъ лицамъ, что они отвѣтятъ и лично и имущественно за всякое покушеніе противъ особы короля, королевы и ихъ семейства. а равно и противъ собственности и жизни гражданъ вообще». Въ заключеніе союзники должны были выразить готовность къ заключенію мира, но не иначе какъ вслѣдствіе переговоровъ съ свободнымъ королемъ, который и обсудитъ «общій планъ реставраціи, подъ покровительствомъ державъ».

Воззрѣнія, развиваемыя въ этихъ инструкціяхъ относительно эмигрантовъ, полной контръ-революціи, прямого вмѣшательства иностранцевъ во французскія государственныя дѣла, наконецъ и неприкосновенности королевства, не были лишены основанія, почерпнутаго изъ сознанія настоящаго положенія вещей; но нельзя было, не впадая въ колоссальное заблужденіе, воображать, что достаточно нѣсколькихъ фразъ, расклеенныхъ по стѣнамъ и напечатанныхъ въ газетахъ, для того, чтобы заставить французовъ повѣрить этой декларацiи и чрезъ то подвергнуть риску свою національную независимость, свои политическія и гражданскія вольности, однимъ словомъ, судьбу своей родины и своей революціи. Французы находили короля равнодушнымъ и подчиняющимся чужому вліянію, королеву — враждебною Франціи, дворянство — безпощаднымъ, Австрію—ненавистною; а между тѣмъ предполагали убѣдить ихъ, что эта вѣковая соперница вторгается въ страну со 100000 нѣмцевъ съ единственнымъ намѣреніемъ установить во Франціи ограниченную монархію и изумить міръ величіемъ своего безкорыстія; что, получивъ изъ рукъ чужеземцевъ возстановленіе своей власти, король будетъ пользоваться ею исключительно въ видахъ поддержки реформъ; что королева не станетъ

опираться на австрійскія войска для доставленія преобладанія своему вліянію; что эмигранты, по возвращеніи, станутъ соблюдать тѣ самые законы, которые такъ рѣзко осуждали; что они забудутъ о старомъ режимѣ, а если выкажутъ сопротивленіе новымъ порядкамъ, то король принудитъ ихъ къ покорности. Требовать отъ французовъ такого слѣпого повиновенія, значило ожидать съ ихъ стороны неслыханнаго легковѣрія и такого довѣрія къ монарху, которые неспособны были внушить имъ ни характеръ Людовика XVI, ни репутація его совѣтниковъ, ни образъ дѣйствія послѣднихъ съ самаго начала революціи. Большинство французовъ видѣло для себя пользу отъ совершенныхъ реформъ; они страстно дорожили ими, мало страдали отъ анархіи и во всякомъ случаѣ считали ее временной. Они съ полнымъ довѣріемъ и оптимизмомъ смотрѣли впередъ. И какъ же возможно было расчитывать, что этотъ народъ, проникнутый еще энтузіазмомъ къ революціи, измѣнится по приказу, осядетъ и покорится по первой командѣ и унизится до страха предъ неопредѣленными угрозами наказанія; что этотъ народъ, въ силу непонятнаго заблужденія, ввѣритъ защиту своихъ правъ той самой коронѣ, въ борьбѣ съ которой онъ ихъ завоевалъ и которую общественное мнѣніе обвиняло въ намѣреніи взять ихъ назадъ; что этотъ народъ оттолкнетъ отъ себя людей, которые, совершивъ революцію, казались наиболѣе заинтересованными въ ея поддержаніи противъ дворянъ, двора и иностранцевъ! И, наконецъ, какое странное понятіе имѣлось о самихъ этихъ революціонерахъ, если считали ихъ столь опасными и въ то же время такими трусами и глупцами! Имъ предлагали выбирать между смертью, конфискаціей, изгнаніемъ и властью. Сохраненіе этой власти становилось для нихъ единственнымъ спасеніемъ и декларація могла имъ только въ этомъ помочь. Въ ней указывали французскому народу на нихъ, какъ на истинныхъ защитниковъ отечества, жесточайшихъ враговъ эмиграціи и иноземнаго вторженія; въ ней приглашали Францію высказаться или за этихъ новыхъ людей, окруженныхъ престижемъ революціи, или за возвращеніе дискредитованнаго и заслужившаго всеобщую ненависть правительства, воспоминаніе о которомъ пробуждало одни подозрѣнія и негодованіе. Допустить, хотя-бы на минуту, что французскій народъ станетъ колебаться при такой альтернативѣ, значило не понимать не только силы революціи, но и самаго духа всей исторіи Франціи.

Доказательствъ тому не пришлось долго ждать. Малле-дю-Панъ уѣхалъ 21 мая; 23-го Жансонне и Бриссо объявили о новыхъ заговорахъ австрійскаго комитета и требовали преданія суду Монморена. Въ ихъ декламаціяхъ было не мало фантасмагорій: Бриссо нагромождалъ обвиненія и съ одинаковымъ негодованіемъ указывалъ на проектъ возстановленія коро-

левской прерогативы, на раболѣпіе министерства передъ Австріей, на враждебность его къ Пруссіи и Англіи, на снисходительность короля къ эмиграціи, на равнодушіе короля къ войнѣ и на проектъ его совѣтниковъ касательно учрежденія парламента съ двумя палатами. Но рядомъ съ этими ораторскими ухищреніями было не мало и мѣткихъ ударовъ, бившихъ прямо въ цѣль. Такъ, указывалось на то, что коалиціи державъ благопріятствовали и искали ея, иностраннаго вторженія желали, тайну военныхъ операцій сообщали непріятелю, внутреннія козни подготовляли и поддерживали внѣшнее нападеніе, наконецъ, намѣревались распустить Собраніе, а конституцію—измѣнить. Съ этой минуты Собраніе принимаетъ одну мѣру за другою, съ цѣлью заставить Людовика XVI обнаружить свои истинныя намѣренія, поставить его въ безвыходное положеніе и обезоружить. 27 мая Собраніе декретируетъ высылку неприсягнувшихъ конституціи священниковъ; 29-го оно распускаетъ конституціонную гвардію короля; 8-го іюня оно рѣшаетъ образованіе подъ Парижемъ лагеря въ 20000 федералистовъ. Король покоряется распущенію своей гвардіи, но противится декретамъ о высылкѣ священниковъ и объ образованіи лагеря: совѣсть не позволяла ему подписать первый, а здравый смыслъ заставлялъ его наложить свое *veto* на второй.

Это сопротивленіе вызвало раздоръ, уже ранѣе подготовленный въ средѣ министерства. Дюмурье отдѣлился отъ своихъ коллегъ-жирондистовъ. Власть была въ его рукахъ; у него было слишкомъ много гордости, честолюбія и смѣлости, чтобы служить орудіемъ партіи, которую онъ, въ глубинѣ души, презиралъ, потому что угадалъ ея слабыя стороны. Онъ понялъ, что вліяніе Жиронды, созданное народными движеніями, приходило къ концу. Поддержки, слѣдовательно, ожидать было нечего, и онъ нашелъ удобнымъ порвать съ этою партіей. Полковникъ Серванъ, замѣнившій де-Грава въ военномъ министерствѣ съ 10 мая, поддерживалъ декретъ объ образованіи лагеря подъ Парижемъ. Дюмурье высказался противъ декрета, и «споръ такъ обострился, что если бы не присутствіе короля»—говоритъ Дюмурье въ своихъ мемуарахъ,—«онъ имѣлъ-бы кровавую развязку». Роланъ прочелъ длинную и педантическую диссертацію, которую называлъ «суровымъ голосомъ истины». Онъ заканчивалъ ее слѣдующими знаменательными угрозами: «Революція совершилась въ умахъ; она завершится цѣною крови и будетъ скрѣплена кровью, если благоразуміе не предотвратитъ несчастій, которыя еще могутъ быть избѣгнуты». Людовикъ XVI, несмотря на всю свою покорность судьбѣ, не могъ вынести этого наставленія въ обвиняющемъ и высокомѣрномъ тонѣ. Дюмурье воспользовался неудовольствіемъ короля съ цѣлью вызвать рѣшеніе, входившее въ его планы: Роланъ, Серванъ и Клавьеръ были удалены изъ

министерства. Собраніе отъ имени націи выразило сожалѣніе по этому поводу. 14 іюня король объявилъ, что Мургъ замѣнитъ Ролана въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Нальякъ будетъ призванъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а Дюмурье переходитъ въ военное министерство. Дюмурье могъ разсчитывать на первенствующее значеніе въ управленіи; но уже весьма скоро онъ потерялъ эту иллюзію. Дѣло въ томъ, что, покидая министерство иностранныхъ дѣлъ ради арміи, онъ утрачивалъ вліяніе на дипломатію.

Особенно жестокимъ испытаніемъ для него было сознаніе своего безсилія спасти Польшу. Французскій агентъ въ Варшавѣ Декоршъ просилъ инструкцій: тѣ, которыми его снабдили при отъѣздѣ, были слишкомъ неопредѣленны. «Если вы находите,—писалъ онъ Дюмурье отъ 2-го мая,— «что слѣдуетъ принять участіе въ защитѣ этой страны, то быть можетъ не безполезно выразить это польскому посланнику въ Парижѣ, даже ранѣе принятія какихъ-либо мѣръ, для того, чтобы поддержать бодрость людей, которые, какъ вы легко поймете, весьма нуждаются въ томъ, чтобы не чувствовать себя всѣми покинутыми». Дюмурье быстро и вѣрно понималъ вещи; онъ уважалъ поляковъ и не хотѣлъ обмануть ихъ ожиданія. Онъ отвѣтилъ 10-го іюня, что Франція не можетъ принять никакого рѣшенія.—Если Австрія заступится за поляковъ, говорилъ онъ, союзъ съ Франціей можетъ только повредить имъ; если Австрія пойдетъ противъ Польши, то война Франціи съ Австріей будетъ дѣйствительнѣе всякаго договора. Сужденіе было вѣрно; но что стоило послѣдователю Фавье и бывшему агенту Шуазёля при Барской конфедераціи отказаться отъ такого прекраснаго случая взволновать сѣверную Европу!

Потерпѣвъ неудачу во всѣхъ попыткахъ дипломатическихъ переговоровъ, Дюмурье долженъ былъ довольствоваться подпольной пропагандой, и онъ пользовался ею, по крайней мѣрѣ, въ видахъ подготовленія вторженія въ Нидерланды. По его приказанію распространены были тамъ прокламаціи въ народѣ и войскѣ. Онъ говорилъ народу: «Наши войска стоятъ на вашей границѣ; они несутъ войну тиранамъ и свободу гражданамъ. Выбирайте! Пусть пробудится бельгійскій левъ! Бельгійское населеніе, мы клянемся освободить тебя»! И солдатамъ: «Французы свободны; хотите ли свободы и для себя? Приходите во Францію... Дезертируйте толпами. Какъ васъ кормятъ? Хуже, чѣмъ кормятъ во Франціи собакъ. Ваши командиры смотрятъ на васъ, какъ на дикихъ звѣрей и бьютъ, какъ имъ угодно. Приходите, храбрые солдаты! испытайте мягкость нашихъ законовъ и раздѣлите между собою земли принцевъ д'Артуа, Конде и всей шайки негодяевъ, участвующихъ въ ихъ злодѣйствахъ и пре-

ступленіяхъ. Истребите ихъ, очистите міръ отъ этихъ чудовищъ и приходите жить и умирать съ вашими братьями-французами!»

Маре, назначенный *главнымъ правительственнымъ агентомъ по бельгійскимъ дѣламъ*, не могъ пріѣхать въ Брюссель. Онъ ограничился изданіемъ манифеста, которымъ брабантскій народъ приглашался къ созванію Учредительнаго собранія, и самъ оставался въ Валансіеннѣ, выжидая новаго наступленія войскъ. Здѣсь получалъ онъ депеши отъ Дюмурье и Боннъ-Каррера. Въ этихъ депешахъ подтверждались прежнія инструкціи, то есть говорилось о «возбужденіи духа инсуррекціи» въ Бельгіи и необходимости объединенія этимъ духомъ всѣхъ партій. Боннъ-Карреръ сознавалъ, что бельгійцы на цѣлое столѣтіе отстали отъ французовъ; онъ понималъ, до какой степени опасно встревожить этотъ народъ, нападая на его обычаи, духовныя братства и духовенство; однимъ словомъ, онъ зналъ, что возобновить въ этомъ краѣ неудавшіяся попытки Іосифа II, притомъ еще преувеличивая ихъ и употребляя при этомъ насиліе, было бы весьма плохимъ средствомъ поднять Бельгію противъ Австріи. Боннъ-Карреръ въ такомъ духѣ и набросалъ чернякъ своей депеши, но она показалась ему неудобною и компрометирующею: въ окончательной редакціи были опущены совѣты благоразумія. А между тѣмъ они были необходимымъ условіемъ успѣха плановъ Дюмурье по отношенію къ Бельгіи. Миссія, порученная Маре, была нелегкаго свойства. Надежда на возобновленіе революціи, правда, оживила всѣ партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оживила ихъ взаимную вражду. Вонкисты, которыхъ не безъ основанія сравнивали съ французскими фельянами, ужасались революціонному жару *соединеннаго бельгійскаго и люттихскаго комитета*, дѣйствовавшаго въ Парижѣ подъ покровительствомъ якобинцевъ. Они боялись также, что Франція покинетъ ихъ. Маре всячески старался обнадежить и успокоить ихъ; ему удалось наконецъ убѣдить ихъ организовать партизанскій отрядъ и поддержать французское вторженіе. Но вторженіе заставляло себя ждать, и пока оно подготовлялось, якобинская пропаганда встревожила наиболѣе многочисленную изъ бельгійскихъ партій, такъ называемыхъ штатистовъ, которые возставали противъ Австріи только для того, чтобы отстаивать свои религіозныя привилегіи и старинныя политическія вольности. Эта пропаганда, направленная не только противъ королей, но и противъ всѣхъ властей, учрежденій, установленныхъ правъ, духовенства, дворянъ, буржуазіи, собственниковъ, возвѣщавшая народамъ демагогическое царство, шла въ разрѣзъ съ министерскою политикою. Дюмурье, своимъ проектомъ бельгійскаго Учредительнаго собранія и призывомъ къ дезертирству, пускалъ въ ходъ лишь классическій маневръ и пользовался имъ совершенно такъ, какъ то практиковалось при старомъ

режимѣ, когда, по выраженію Сенъ-Симона, «заваривали у сосѣда странныя революціи». Якобинскій прозелитизмъ со своею фанатическою стремительностью затоплялъ всѣ эти незначительные заговоры министерства.

Та же причина, которая обусловила неудачу дипломатическихъ плановъ Дюмурье, еще съ большею быстротою разрушала его проекты по части внутренней политики. Возвращаясь къ плану Мирабо, заключавшемуся въ уступкахъ настояніямъ Собранія съ цѣлью возвращенія королю довѣрія со стороны публики, онъ посовѣтовалъ Людовику XVI дать санкцію декретамъ 27-го марта и 8-го іюня. Дюмурье желалъ отправить федералистовъ къ границамъ, и онъ надѣялся, пожертвовавъ священниками, смутить якобинцевъ и заручиться содѣйствіемъ независимыхъ. Король выигралъ бы этимъ способомъ нѣсколько недѣль, затѣмъ началась бы серьезная война, и достаточно было бы одной побѣды, чтобы связать армію съ короной: побѣдоносный генералъ сдѣлался бы неизбѣжно популярнымъ и имѣлъ бы возможность направить свои войска противъ мятежниковъ. Этотъ планъ постоянно занималъ Дюмурье до самой катастрофы, и онъ пытался провести его всѣми мѣрами. Первая, сдѣланная имъ въ этомъ направленіи, попытка уже позволила предвидѣть исходъ послѣдующихъ. 13 іюня онъ явился въ Собраніе въ качествѣ военнаго министра. Онъ старался взволновать и объединить умы, разоблачая опасности, грозившія Франціи въ военномъ отношеніи. Правительство, говорилъ онъ, нуждается во всемъ; укрѣпленія разрушены; не хватаетъ 40.000 солдатъ и 10.000 лошадей. Нужны энергическія и практическія мѣры: главнѣйшая изъ нихъ—возстановленіе дисциплины. Дюмурье изложилъ свои проекты увеличенія дѣйствительнаго состава арміи и доставленія оружія. Прежде всего онъ не безъ высокомѣрія и мужества потребовалъ довѣрія Собранія: «Пора умолкнуть партіямъ въ виду опасности для отечества. Законодательному собранію надлежитъ охранять неприкосновенность существующихъ властей; слѣдовательно, оно обязано поддержать авторитетъ исполнительной власти. Мы испытаемъ всевозможныя бѣдствія и заслужимъ ихъ, если съ этой же минуты Франція не будетъ имѣть твердаго законодательства и дѣятельнаго правительства». Но законодательная власть была тверда лишь въ парализованіи правительства. И притомъ депутаты весьма основательно упрекали Дюмурье за объявленіе войны при столь глубокой неурядицѣ въ арміи. По ихъ мнѣнію, объявляя войну онъ доказалъ или великое легкомысліе, если не потрудился заранѣе навести справки, или крайнее коварство, если, зная истинное положеніе войска, не принялъ этого въ соображеніе. Дюмурье вышелъ изъ засѣданія, внушивъ къ себѣ недовѣріе и подозрѣніе большинству, какъ своими неожи-

данными разоблаченіями, такъ и задними мыслями о государственномъ переворотѣ, сквозившими въ его рѣчи.

Депутаты приняли его какъ заговорщика; король продолжалъ видѣть въ немъ интригана. Людовикъ XVI воспользовался имъ только для того, чтобы освободиться отъ Ролана и Клавьера. Теперь онъ отказался слѣдовать его совѣтамъ. Дюмурье понялъ, что онъ напрасно погубитъ себя, если будетъ настаивать на сохраненіи власти. Онъ подалъ въ отсгавку 15-го іюня и уѣхалъ въ сѣверную армію, гдѣ принялъ командованіе частью войскъ. У него не было кредита среди народа и авторитета въ арміи; вмѣшательство его вызвало только неудовольствіе революціонеровъ, но не внушило имъ особыхъ опасеній.

Напротивъ, вмѣшательство Лафайета не только раздражило, но и испугало ихъ. Лафайетъ еще окруженъ былъ престижемъ: онъ попытался воспользоваться имъ, съ цѣлью спасти монархію. Онъ написалъ Собранію письмо, которое было прочитано въ засѣданіи 18-го іюня. Лафайетъ указывалъ на якобинцевъ какъ на злѣйшихъ враговъ общественнаго спокойствія, потому что они составляютъ государство въ государствѣ, «партію, организованную какъ особое государство;» онъ обвинялъ ихъ въ возбужденіи анархіи и смутъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція; требовалъ закрытія клубовъ, возстановленія королевской власти, обезпеченія свободы вѣроисповѣданія. Правая и центръ рукоплескали и добились голосованія въ пользу напечатанія письма, несмотря на громкіе протесты лѣвой. «Г. Лафайету не безъизвѣстно,» воскликнулъ Гюаде, «что когда Кромвель заговорилъ въ такомъ тонѣ, свобода погибла въ Англіи». Конституціонисты, повидимому, ободрились. Революціонеры увидѣли себя окруженными заговоромъ и думали, что они наканунѣ новаго «королевскаго дня». Они рѣшили предупредить его, перейдя въ наступленіе и подѣйствовать на дворъ и Собраніе посредствомъ страха. Дворъ самъ доставилъ имъ къ тому случай.

19-го іюня Людовикъ XVI объявилъ о наложеніи своего *veto* на декреты о священникахъ и о лагерѣ федералистовъ. На слѣдующій же день рѣшено было произвести возмущеніе. Жирондисты взяли на себя починъ и руководительство. Они расчитывали, что испуганное Собраніе предоставитъ имъ власть, а король, не имѣя другой поддержки, сдѣлается пассивнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Якобинцы помогали Жирондѣ, убѣжденные, что движеніе унесетъ ее и что она сдѣлается плѣнницей своихъ союзниковъ. Вожаки демагогіи, располагавшіе средствами дѣйствія и отъ которыхъ все собственно и зависѣло, служили обѣимъ партіямъ по такому же мотиву. Впрочемъ всѣ чувствовали себя связанными въ эту минуту однимъ и тѣмъ же интересомъ и одушевленными одною страстью.

Они пустили въ ходъ всѣ свои рессурсы и выказали то искусство въ организаціи бунта, которое отличаетъ «дни» революціи. 20-го іюня восемь тысячъ вооруженныхъ петиціонеровъ, въ сопровожденіи громадной толпы народа, явились къ дверямъ Собранія: требовали отставки министровъ и утвержденія декретовъ. Верньо предложилъ Собранію капитулировать. Въ теченіе трехъ часовъ чернь наполняла залу засѣданія, и бунтовщики дефилировали передъ трибуной. Новый деспотъ—возмутившаяся парижская толпа осуществила легенду Людовика XIV: она съ бичемъ въ рукахъ вошла въ залу законодательнаго Собранія и заявляла смущеннымъ представителямъ закона дерзкую и грубую формулу: «государство, это—я».

Послѣ такого подчиненія Собранія, казалось, что еще менѣе затруднительно будетъ заставить уступить короля. Организаторы «дня» не знали Людовика XVI. Видя его всегда робкимъ и нерѣшительнымъ, когда приходилось прибѣгать къ силѣ, они предполагали въ немъ личную трусость и въ этомъ ошиблись. Людовикъ увѣрялъ себя, что онъ согрѣшилъ по слабости и изъ политическихъ соображеній, давъ санкцію нечестивымъ законамъ; онъ жестоко упрекалъ себя; онъ готовъ былъ все вытерпѣть, лишь бы только не грѣшить отнынѣ противъ совѣсти, и тутъ его покорность судьбѣ становилась добродѣтелью. Къ тому же онъ держалъ себя на этотъ разъ съ достоинствомъ; скромный въ проявленіи власти, небрежный въ дѣлахъ, онъ чувствовалъ себя королемъ только предъ лицомъ опасности, и его природная кротость придавала трогательный оттѣнокъ его мужеству. Христіанинъ поддерживалъ въ немъ государя. Онъ нисколько не боялся смерти; онъ приготовился къ ней и наканунѣ писалъ духовнику: «я покончилъ съ людьми, я долженъ обратиться къ Богу!» Бунтовщики овладѣли Тюильрійскимъ дворцемъ и прошли мимо пустого трона короля, какъ прошли мимо кресла президента Собранія. Отодвинутый къ окну, едва охраняемый четырьмя вѣрными гренадерами, съ красной шапкой на головѣ, осыпаемый бранью и угрозами, Людовикъ оставался невозмутимымъ, между тѣмъ какъ около него Марія Антуанета загораживала испуганныхъ дѣтей своихъ столомъ, за которымъ обыкновенно засѣдалъ совѣтъ министровъ. Королева не выказала слабости, король не уступилъ. Онъ далъ отпоръ толпѣ, встрѣтившей съ его стороны самоотверженіе побѣжденнаго и обезоруженнаго короля. Толпа ушла, не добившись отреченія отъ *veto*, котораго добивалась. «День» оказался неудачнымъ, и весь маневръ Жиронды не привелъ ни къ чему, кромѣ униженія закона и народнаго представительства, что было пагубно и для этой партіи, и для цѣлой Франціи. «Этотъ день имѣлъ болѣе роковое значеніе для республики, чѣмъ для королевской власти», сказалъ одинъ

республиканецъ, «Республику поразили ранѣе ея рожденія» [1]). Разъ войдя въ Собраніе, мятежъ уже не покидалъ его; жирондисты открыли ему доступъ. Этимъ же путемъ, годъ спустя, народъ ополчился на нихъ, вырвалъ изъ залы засѣданій и повлекъ къ мѣсту казни, причемъ ихъ осыпали оскорбленіями тѣ же люди, которыхъ 20-го іюня 1792 г. они вели противъ конституціонистовъ и королевской семьи.

Послѣдствія дня 20-го іюня и преній, за нимъ послѣдовавшихъ, были особенно неблагопріятны за границей. «Я представлялъ народную массу, обожающею короля,—писалъ Депортъ, бывшій мэръ Монмартра, стоявшій за революцію и бывшій дипломатическимъ агентомъ въ склонномъ къ нейтралитету Цвейбрюккенѣ;—но, прибавлялъ онъ, я не могъ скрасить ужаснаго событія 20-го іюня. Эта жестокость уничтожила всякое благопріятное о насъ мнѣніе. На насъ смотрятъ какъ на *цареубійцъ, людоѣдовъ*, съ которыми немыслимъ никакой союзъ».—Лондонское посольство пришло въ смятеніе. Событія противорѣчили всѣмъ его увѣреніямъ. «Наилучше настроенные къ намъ люди смутились. Восхищаясь твердостью, съ какою король поддержалъ и оградилъ предоставленную ему конституціей власть, они видятъ во всемъ случившемся признакъ безусловной дезорганизаціи; пока остается неизвѣстнымъ въ точности, кому принадлежатъ власть и авторитетъ во Франціи, наше положеніе здѣсь можетъ быть только крайне затруднительнымъ». Узнавъ, что назначенъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, де-Шамбона, Талейранъ просилъ позволенія пріѣхать для совѣщаніи съ нимъ, что и было тотчасъ разрѣшено. Переговоры съ англійскимъ правительствомъ прекратились на неопредѣленное время.

Мѣсто правительства оставалось вакантнымъ. Жиронда еще льстила себя надеждой овладѣть имъ: она полагала, что для этого достаточно было одного болѣе искусно расчитаннаго удара и не скрывала, что подготовляетъ его. Въ поводахъ возмущенія парижскаго населенія и населенія всей страны недостатка не было. Опасность казалась достаточно настоятельной и реальной. Иностранцы вооружались. Всѣ полагали, что они достаточно подготовлены; несогласія, замедлявшія ихъ дѣйствія, были неизвѣстны, и всѣ повторяли зловѣщія слова, приписываемыя одному изъ командировъ арміи, старому Люкнеру: «При томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находятся войска, я не могу ручаться, что не пройдетъ и шести недѣль, какъ австрійцы будутъ въ Парижѣ». Эмигранты обѣщали страшную месть. Они хвалились обширными связями внутри страны и казалось, что гражданская война со всѣхъ сторонъ поддержитъ иноземное вторженіе. Роялисты собирались въ Севеннскихъ горахъ. Въ Бретани, Ван-

[1]) Quinet, liv. X ch. I, p. 277.

деѣ и Пуату возставали крестьяне, требуя возвращенія своихъ священниковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что южныя провинціи хотятъ отдѣлиться отъ Франціи и образовать особую федеративную республику. Опасность грозила не только революціи, но и самому національному единству, единству государства, однимъ словомъ,—всему отечеству. Со времени царствованія послѣднихъ Валуа не приходилось Франціи переживать столь опаснаго кризиса.

Жиронда сложила всю отвѣтственность за этотъ кризисъ на короля и его приближенныхъ. 3-го іюля, Верньо, въ одной изъ самыхъ патетическихъ рѣчей за время революціи, обвинилъ Людовика XVI въ заговорѣ съ иностранцами, съ цѣлью порабощенія и расчлененія Франціи, и объявилъ его лишеннымъ всѣхъ своихъ преимуществъ. 4-го Собраніе декретировало, что когда найдетъ необходимымъ принять чрезвычайныя мѣры, оно объявитъ о томъ слѣдующею формулой: *отечество въ опасности*, и тогда всѣ общественныя власти будутъ засѣдать непрерывно, всѣ граждане возьмутся за оружіе, всѣ проявленія мятежа будутъ наказываться смертью. На другой день, конституціонный епископъ Торне изъ Шера предложилъ, чтобы въ такомъ крайнемъ случаѣ Собраніе предоставило-бы себѣ «сообразоваться исключительно съ высшимъ конституціоннымъ правиломъ: общественная безопасность есть первѣйшій изъ всѣхъ законовъ». Отъ министровъ потребовали отчета о положеніи королевства; онъ былъ представленъ ими 9-го іюля. Отчетъ производилъ крайне-тревожное впечатлѣніе; подписавъ его, министры подали въ отставку. Бриссо потребовалъ разсмотрѣнія образа дѣйствій короля. 11-го іюля, по предложенію Героде-Сешеля, Собраніе объявило, что отечество находится въ опасности. Тюильрійскій дворецъ осаждался тѣснѣе и тѣснѣе; брешь была пробита и каждый день можно было ожидать приступа. Слуги короля трепетали за его жизнь; но какова-бы ни была опасность, всѣ согласны были въ томъ, что ей надо дать отпоръ. Лафайетъ и г-жа де-Сталь предложили увезти королевскую фамилію. Проектъ г-жи Сталь показался слишкомъ романическимъ; проектъ Лафайета не внушалъ никакого довѣрія. Генералъ утратилъ всякую популярность: его поддержка была безполезна и могла только компрометировать. Королевская фамилія увидѣла въ предложеніи конституціонистовъ одну тонкую интригу съ цѣлью овладѣть королемъ; къ тому же она ненавидѣла ихъ и слишкомъ радовалась ихъ паденію для того, чтобы пожелать подняться вмѣстѣ съ ними. «Главное, необходимо выиграть время», писалъ Мерси. «Войска вступятъ въ первыхъ числахъ августа; тогда можно все спасти въ какой-нибудь мѣсяцъ времени».

Людовикъ XVI уже не стѣснялся средствами. Онъ соглашался на все: на декларацiи, продиктованныя министрами, на декреты, навязываемые

ему Собраніемъ, на клятвы, требуемыя подъ страхомъ низложенія: насиліе, принуждавшее его давать согласіе, дѣлало ихъ незаконными въ его глазахъ и оправдывало его передъ совѣстью. 6-го іюля онъ возвѣстилъ депутатамъ объявленіе войны со стороны прусскаго короля. «Я возлагаю надежду на мужество и единодушіе всѣхъ французовъ для борьбы и отраженія враговъ отечества и свободы», сказалъ онъ. 14-го числа онъ, ни мало не колеблясь, отправился на праздникъ Федераціи, чтобы публично подтвердить свою присягу конституціи. Это былъ крайне тревожный день для Тюильрійскаго дворца. Ходили слухи о томъ, что мятежники намѣреваются убить короля. Тѣмъ не менѣе, королевская фамилія выѣхала изъ дворца, желая несмотря ни на что импонировать своимъ присутствіемъ на Марсовомъ Полѣ. Громадная, вооруженная и угрожающаго вида, толпа встрѣтила короля криками: «Да здравствуетъ Петіонъ»! Въ то время эта ничтожная личность была идоломъ парижанъ: они считали его честнымъ и вѣрили, что онъ въ качествѣ парижскаго мэра защититъ ихъ. Его присутствіе, напротивъ, успокоивало дворъ, считавшій его низкимъ и уже закупленнымъ. «Выраженіе лица королевы никогда не изгладится изъ моей памяти», передаетъ г-жа де-Сталь. «Глаза ея были заплаканы; великолѣпіе ея наряда, достоинство ея осанки представляли рѣзкую противоположность съ окружавшимъ ее кортежемъ... Король дошелъ пѣшкомъ до алтаря, воздвигнутаго въ концѣ Марсова Поля. Здѣсь онъ долженъ былъ вторично присягнуть конституціи... Я слѣдила издали за его напудренной головой среди черноволосыхъ головъ; его вышитый по старинному костюмъ рѣзко отличался отъ платья тѣснившихся вокругъ него простолюдиновъ. Когда онъ взошелъ на ступени алтаря, онъ казался жертвою, добровольно приносящею себя на закланіе. Онъ сошелъ и, пройдя сквозь безпорядочные ряды, сѣлъ рядомъ съ королевой и дѣтьми. Съ этого дня народъ не видѣлъ его до той минуты, когда король взошелъ на эшафотъ».

Жирондисты предложили королю вручить имъ власть, обѣщая спасти монархію, какъ только они будутъ у кормила. Они въ свою очередь пытались укрыться за той самою фикціей, престижъ которой сами разрушали въ глазахъ народа. Въ своемъ самомнѣніи они воображали, что король можетъ забыть нанесенныя ему ими оскорбленія; что Людовикъ XVI достаточно смиренъ несчастіемъ, чтобы поддаться на такую игру, а революціонная партія достаточно ослѣплена своимъ торжествомъ для того, чтобы дать обмануть себя подобнымъ маневромъ. Но то, что не удалось ни генію Мирабо, ни прямодушію Барнава, ни доблести Лафайета, ни ловкости Дюмурье, того не добилась отъ Людовика XVI и дерзкая интрига жирондистовъ. Отказавшись затѣмъ отъ возможности управлять именемъ короля, Жиронда рѣшилась управлять помимо его и низложить его. Все

возвѣщало о новомъ и, на этотъ разъ, рѣшающемъ днѣ. Королевская фамилія надѣялась уже только на то, что ея союзники предупредятъ враговъ.

Въ Тюильрійскомъ дворцѣ не скрывали отъ себя, что минута вступленія иностранныхъ войскъ во Францію будетъ «чрезвычайно критической», и что за нею послѣдуетъ взрывъ бѣшенства и негодованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, что страхъ скоро смѣнитъ гнѣвъ, и именно на это расчитывали для усмиренія мятежниковъ. «Надо стараться остаться въ Парижѣ», писалъ Ферзенъ королевѣ. «Это главное; тогда не трудно будетъ дойти до васъ, и именно таковъ планъ герцога Брауншвейгскаго. Онъ предпошлетъ своему появленію энергическій манифестъ отъ имени союзныхъ, державъ и этимъ манифестомъ отвѣтственность за безопасность королевской фамиліи возложена будетъ на всю Францію и, въ особенности, на Парижъ». Марія-Антуанета, болѣе чѣмъ когда-либо вѣрила въ дѣйствительность такого устрашенія. «Все пропало, если не остановятъ мятежниковъ страхомъ близкаго наказанія,—писала она Мерси.—Они во что бы то ни стало хотятъ республики; чтобы достигнуть этого, они рѣшили умертвить короля. Необходимо возложить отвѣтственность за его жизнь и жизнь его семьи на Національное собраніе и Парижъ». Королева упорно слѣдовала за призраками, которые влекли ее къ безднѣ, и отуманивала себя послѣдними иллюзіями надежды. «Наше положеніе ужасно,—извѣщала она Ферзена;—но не безпокойтесь чрезмѣрно: я чувствую въ себѣ мужество и что-то говоритъ мнѣ, что мы скоро будемъ спасены».

IV.

Во время этой агоніи французской монархіи, германскіе дворы пировали. Священная имперія въ минуту открытія войны, которая должна была принести ей гибель, сіяла послѣдними лучами своего блеска. 5-го іюля Францъ былъ выбранъ императоромъ; 14-го послѣдовалъ торжественный въѣздъ его во Франкфуртъ. Торжество напоминало наиболѣе блестящія императорскія коронованія. Духовные избиратели въ послѣдній разъ исполнили свои функціи по ритуалу «Золотой Буллы». Послѣдній императоръ старой Германіи явился во всѣхъ готическихъ доспѣхахъ своего могущества, среди представителей Европы и предъ лицомъ народа, привѣтствовавшаго его въ тотъ самый день, когда послѣдній французскій король приносилъ на Марсовомъ Полѣ присягу, напоминавшую всенародное покаяніе, и въ его устахъ равнявшуюся отреченію. Вечеромъ того дня, когда въ Тюильри всѣ были полны тоски и униженія, во Франкфуртѣ проходили торжественныя процессіи, горѣли огни иллюминацій и давался великолѣпный праздникъ, устроенный въ честь государя графомъ Эстергази, посланни-

комъ-избирателемъ Богемской короны. Графъ Клементъ Меттернихъ открылъ балъ съ молодою мекленбургскою принцессою, красота, грація и оживленіе которой вызывали всеобщій восторгъ: то была будущая королева прусская Луиза, одна изъ благороднѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ жертвъ начинавшейся войны. Между тѣмъ полки Фридриха-Вильгельма проходили по городу и ихъ воинственный видъ, прекрасная дисциплина, репутація ихъ командировъ возбуждали въ умахъ стремленіе къ славѣ. Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ кампаніи, начинавшейся съ такимъ веселымъ одушевленіемъ. За ужиномъ, вокругъ императорской фамиліи и принцевъ, собрались знатнѣйшіе вельможи Германіи. Кто-бы изъ нихъ могъ повѣрить въ то время, что банкетъ ихъ—похоронная трапеза; что священной имперіи не остается и двадцати лѣтъ существованія; что французскій король и королева, которыхъ они похвалялись освободить, погибнутъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на эшафотѣ; что эта «армія санкюлотовъ», которую они собирались разогнать ударами хлыста, прогонитъ всѣ ихъ войска; что изъ нея выйдетъ могучій Цезарь, которому они будутъ поочередно союзниками, кліентами и данниками; что этотъ демократическій солдатъ возстановитъ въ свою пользу монархію Карла Великаго и что самъ императоръ вынужденъ будетъ выдать за него свою дочь?

Прусскій король назначилъ свиданіе императору въ Майнцѣ. Его поѣздка была чѣмъ-то въ родѣ тріумфальнаго шествія. Германія восполняла горячностью своихъ воинственныхъ демонстрацій малое усердіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Повсюду слышались залпы орудій и патріотическіе клики. На транспарантахъ свѣтился слѣдующій девизъ: «*Wilhelmus sibi vivat, neo Francos deleat, jura regis restituat*». Курфирстъ майнцскій почелъ за честь развернуть всю свою роскошь. Вся Германія явилась на его зовъ. Отъ 19-го до 21-го іюня австрійскій и прусскій монархи прожили въ его дворцѣ. Пятьдесятъ государей, сто графовъ и бароновъ составляли ихъ военный и феодальный дворъ. Рядомъ съ молодымъ императоромъ, Фридрихъ-Вильгельмъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своею величественною наружностью, любезными манерами и гигантскимъ ростомъ, господствовавшимъ надо всѣми окружающими. Въ лицѣ герцога Брауншвейгскаго нѣмцы привѣтствовали *рейнскаго героя, освободителя Франціи*. Французскіе принцы, августѣйшіе приспѣшники этихъ ополчившихся во имя ихъ распри воиновъ, подогрѣвали усердіе послѣднихъ и окруженные свитой изъ эмигрантовъ придавали этому великолѣпному двору еще болѣе видъ выставки тщеславія и легкомыслія. Городъ переполненъ былъ офицерами въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, дворянами въ парадныхъ костюмахъ и участниками всякаго рода процессій. Владѣтели Германіи показывали себя Европѣ: они должны были снова встрѣ-

титься въ томъ же блестящемъ и многочисленномъ составѣ пятнадцать лѣтъ спустя, въ городѣ Эрфуртѣ, но только для того, чтобы санкціонировать собственное разореніе и привѣтствовать своего побѣдителя! Государи объявляли, что будутъ творить великія дѣла и подавать прекрасные примѣры. Они обмѣнивались увѣреніями въ дружбѣ, вѣрности и постоянствѣ. Ихъ министры разсуждали о барышахъ предпріятія. Коронаціонныя празднества, королевскія изліянія дружбы, банкеты, смотры и парады,—то была показная сторона предпринимаемаго крестоваго похода; дѣйствительная его цѣль была предметомъ министерскихъ совѣщаній. На этихъ совѣщаніяхъ всего менѣе упоминалось о монархическихъ принципахъ, о публичномъ правѣ или уваженіи къ престоламъ; основою всѣхъ бесѣдъ этихъ странныхъ защитниковъ стараго порядка было расчлененіе одного изъ древнѣйшихъ христіанскихъ государствъ Европы!

Польша была порабощена, спорили лишь объ ея останкахъ. Быстрое вторженіе русскихъ войскъ и превосходство ихъ силъ потрясло Рѣчь Посполитую до основанія. «Сеймъ не существуетъ болѣе», передаетъ одинъ англійскій дипломатъ [1]), «нѣтъ болѣе правительства и нѣтъ конституціи 3 мая; никто не знаетъ, что́ нужно дѣлать». Станиславъ-Августъ обратился къ прусскому королю со слѣдующими строками: «Никогда не существовало болѣе праваго дѣла. Вслѣдствіе того, что достоинство вашего величества, какъ союзника, такъ тѣсно связано съ независимостью моего народа, я питаю надежду узнать ваши чувства». Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ своему союзнику: «Ваше величество поймете, что такъ какъ положеніе вещей совершенно измѣнилось со времени заключенія мною союза съ вами, и такъ какъ вызванныя конституціей 3-го мая усложненія этого положенія непримѣнимы къ условіямъ нашего союза, то мнѣ невозможно удовлетворить ожиданіямъ вашего величества». Тѣмъ не менѣе Фридрихъ-Вильгельмъ сохранилъ изъ прежнихъ отношеній своихъ къ Польшѣ нѣкоторую снисходительность къ полякамъ. Онъ предложилъ открыть совѣщаніе съ императрицею и вступить въ соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ для того, чтобы условиться относительно мѣръ, могущихъ возвратить Польшѣ спокойствіе. Покинутый такимъ образомъ Пруссіей, Станиславъ-Августъ обратился къ Россіи: онъ полагалъ, что для Польши благоразумнѣе отдать себя на волю императрицы, чѣмъ на растерзаніе прусскимъ королемъ. 22 іюня онъ просилъ о перемиріи и предложилъ польскую корону великому князю Константину вмѣстѣ съ договоромъ вѣчнаго союза между республикою и Россіей. Императрица отвѣчала 13 іюня требованіемъ, чтобы Станиславъ примкнулъ къ тарговицкой конфедераціи.

Небольшая армія патріотовъ была совершенно разбита. Вся доблесть

[1]) Отчетъ Эссена, 6 іюня 1792 г. Herrmann, *Dip. corr.* p. 276.

командовавшаго ею Костюшки, все геройство польскаго войска не въ силахъ были возмѣстить несоразмѣрности средствъ борьбы. О возбужденіи народнаго возстанія нельзя было и думать: народъ не ставился ни во что въ Польшѣ, онъ присутствовалъ при борьбѣ своихъ господъ съ тѣмъ апатическимъ равнодушіемъ, къ которому они пріучили его на свою собственную гибель. Республика оцѣпенѣла отъ ужаса, Станиславъ согласился на исходившія изъ Петербурга требованія и 24 іюня присоединился къ конфедератамъ. Остатки вооруженныхъ патріотовъ были разсѣяны русскими. Польша была сокрушена. Русскіе одни справились съ нею. Екатерина достигла своей цѣли: она подчинила себѣ всю Польшу и поставила ее въ вассальныя отношенія къ Россіи. Вся политика русской императрицы клонилась къ избѣжанію, или по крайней мѣрѣ къ отсрочкѣ, раздѣла, въ видахъ ограниченія насколько возможно доли Германіи. Съ Берлиномъ ничто не было окончено по вопросу о раздѣлѣ съ Вѣной, даже и не намѣчено условій его; тѣмъ временемъ австрійскія и прусскія войска направлялись къ Рейну, а Пруссія и Австрія не только не грозили Россіи вмѣшательствомъ въ ея дѣла, но просили ее присоединиться къ ихъ союзу. Екатерина воспользовалась и алчностью нѣмцевъ, и ихъ затрудненіями: она расчитывала, что война доставитъ ей возможность отказаться отъ выполненія требованій Пруссіи и Австріи. Такъ какъ въ дѣйствительности все дѣло шло о пріисканіи земель и о раздѣлѣ ихъ, то годныя къ тому земли могли быть найдены и за предѣлами Польши. Къ тому же Пруссія заранѣе успокоила русскую императрицу; Австрія дѣйствовала съ большею медленностью, но не съ меньшею ясностью.

Графъ Людвигъ Кобенцель, австрійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, получилъ во второй половинѣ іюля депешу, помѣченную 2 іюля, въ которой ему предписывалось начать переговоры съ русскими министрами. —Справедливо было бы, сказалъ онъ имъ, вознаградить себя на счетъ Франціи за издержки войны, которую она сама вызвала и которую Австрія предпринимаетъ въ видахъ благополучія французской монархіи. Но это дѣло представляетъ нѣкоторыя затрудненія, и вѣнскій кабинетъ находитъ болѣе удобнымъ вернуться къ проекту обмѣна Нидерландовъ, предоставляя пруссакамъ пріобрѣсти на свой пай одну изъ польскихъ провинцій. Такимъ образомъ Россія становилась третейскимъ судьей на европейскомъ рынкѣ. Русскіе отвѣчали Кобенцелю, что вознагражденіе германскихъ державъ никогда не встрѣтитъ затрудненій со стороны Россіи, но что предоставленіе Пруссіи польской провинціи—дѣло довольно затруднительное. Обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію, замѣчали они, не доставитъ Австріи существенныхъ выгодъ, могущихъ равняться съ подобнымъ территоріальнымъ приращеніемъ Пруссіи. Но и къ чему заранѣе обсуждать этотъ

вопросъ? Война, по всей вѣроятности, рѣшитъ дѣло.—Австрія ничего такъ не опасалась, какъ сепаратнаго договора между Россіей и Пруссіей; она легко согласилась съ доводами и рѣшила отложить рѣшеніе вопроса до времени окончанія конференцій, которыя должны были открыться въ Майнцѣ. Пользуясь такою сговорчивостью Австріи, императрица возобновила съ нею договоръ. 14 іюля [2]) обѣ державы обѣщали другъ другу взаимную поддержку въ размѣрѣ 12000 человѣкъ солдатъ и обезпечили существованіе Польши въ томъ видѣ, въ какомъ конституировали ее трактаты 1773 года.

Столь же успѣшна была тактика Россіи относительно Пруссіи. 21 іюня Остерманъ отправилъ въ Берлинъ депешу, въ которой предлагалось возобновленіе трактата 1764 года; онъ прибавлялъ, что по мысли его государыни Франція не должна быть раздѣлена союзниками. «Императрица признаетъ однакоже, что они должны получить вознагражденіе и рѣшилась помочь имъ въ пріобрѣтеніи таковаго, коль скоро ей будутъ извѣстны ихъ намѣренія болѣе точнымъ образомъ». Такъ какъ пруссаки не скрывали своихъ желаній, они приняли это заявленіе за согласіе и безъ всякихъ колебаній согласились на заключеніе договора. Они озаботились однакоже указаніемъ на то, что лучшимъ способомъ вознагражденія было бы для Австріи — пріобрѣтеніе Баваріи взамѣнъ Нидерландовъ, а для Пруссіи—польскія провинціи. Русскіе министры отвѣчали, что это дѣло должно быть обсуждено предварительно между самими нѣмцами и что Россія заявитъ о своемъ мнѣніи впослѣдствіи. Договоръ о союзѣ былъ подписанъ 7 августа. При такихъ-то условіяхъ приходилось совѣщаться вѣнскимъ и берлинскимъ дипломатамъ. Они готовились къ этому совѣщанію весьма серьозно. Прусскіе министры смотрѣли на статью о вознагражденіи какъ на «важнѣйшую изъ всѣхъ». Они не отказались отъ надежды возвратить имперіи Эльзасъ и Лотарингію: эти провинціи предполагалось раздѣлить между Австріей и Палатинскимъ домомъ, который могъ бы уступить Пруссіи Юлихъ. Но такой обмѣнъ былъ бы только дополнительнымъ. Главнымъ предметомъ оставалась Польша. Пруссаки полагали, что въ этомъ случаѣ достаточно соглашенія съ Россіей. «Вѣнскій дворъ,—писалъ агентъ Фридриха-Вильгельма въ Вѣнѣ,—начнетъ съ того, что будетъ прикидываться великодушнымъ и безкорыстнымъ;... но я совершенно увѣренъ, что онъ все это оставитъ, если мы первые покончимъ съ нашимъ дѣломъ». Какого вознагражденія потребуетъ Австрія? Фландріи и французской части Геннегау? Кобенцель уже намекнулъ объ этомъ въ недавней бесѣдѣ съ Гаугвицемъ, въ Вѣнѣ. Такая комбинація, очевидно, связана была съ проектомъ обмѣна на Баварію. Пруссія не на-

[2]) Мартенсъ, т. II, стр. 198.

мѣрена была этому противиться, но она желала предоставить Австріи улаженіе этого дѣла, чтобы «вся его гнусность пала на нее одну».

Министры Фридриха-Вильгельма предполагали у Австріи тѣ намѣренія, которыя сами имѣли бы на ея мѣстѣ, и судили о нихъ весьма здраво. 17-го іюля собралась конференція во Франкфуртѣ, имѣвшая цѣлью обсужденіе этихъ вопросовъ въ присутствіи императора. Въ ней приняли участіе: Штарембергъ, Ласій, Розенбергъ, Коллоредо, Филиппъ Кобенцель и Шпильманъ. Всѣ смотрѣли на обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію, какъ на *summum bonum;* но для приведенія въ исполненіе этого проекта слѣдовало считаться съ Пруссіей. Поэтому занялись расцѣнкой долей. О денежномъ вознагражденіи Пруссіи за военныя издержки, причемъ пришлось бы ждать возможности для Людовика XVI уплатить таковое, упомянули только для порядка, находя его достаточно неправдоподобнымъ, развѣ только прибѣгнуть къ залогу французскихъ земель. Конференція не останавливалась на такой нелестной для Франціи гипотезѣ и сосредоточила все свое просвѣщенное вниманіе на баварскомъ проектѣ. Кобенцель изложилъ его подробности въ докладѣ, который, и по формѣ и по содержанію, принадлежитъ къ числу документовъ, наиболѣе характеризующихъ дипломатію того времени. Вице-канцлеръ прежде всего установляетъ тотъ принципъ, что оба двора должны идти «равномѣрнымъ шагомъ» по пути желаемыхъ пріобрѣтеній. Если Пруссія пріобрѣтаетъ польскую провинцію, Австрія не можетъ довольствоваться простымъ обмѣномъ; для возстановленія равновѣсія она потребуетъ въ этомъ случаѣ маркграфства Ансбахское и Байрейтское, смежныя съ Баваріей. Если Пруссія не согласится, останется только отвоевать у Франціи Фландрію, Геннегау, Артуа со всѣми пограничными крѣпостями, отъ Тіонвиля до Дюнкирхена. «Лучше сдѣлать лишнюю кампанію или двѣ,—говорилъ Кобенцель,—чтобы, воспользовавшись французскою междуусобицей, пріобрѣсти солидныя выгоды, присоединивъ къ Нидерландамъ нѣкогда отвоеванныя у нихъ Франціей провинціи, чѣмъ спѣшить заключеніемъ мира, отказываясь отъ всякаго вознагражденія за убытки». Коль скоро заговорила корысть, желаніе грабить Францію вселяется во всѣ умы, и Кобенцель кончаетъ тѣмъ, что не безъ тайнаго чувства удовлетворенія принимается спекулировать на гибель Людовика XVI и его монархіи. «Въ этомъ случаѣ,—продолжаетъ онъ,—возстановленіе порядка во Франціи не должно быть главнымъ пунктомъ операцій нашихъ войскъ. Продленіе смутъ и гражданской войны должно даже считаться обстоятельствомъ, благопріятствующимъ нашему дѣлу, и водвореніе мира, при помощи установленія какой-либо конституціи, должно быть куплено Франціей цѣною пожертвованія провинціями, которыя были бы нами

завоеваны» [3]). Конференція одобрила воззрѣнія Кобенцеля, и этотъ министръ возымѣлъ блестящія надежды. «Въ настоящую минуту», писалъ онъ двоюродному брату своему въ Петербургъ,—обстоятельства складываются такъ благопріятно для всѣхъ трехъ дворовъ, какъ, быть можетъ, никогда не сложатся».

Австрійскіе и прусскіе делегаты собрались въ Майнцѣ 20-го іюля при такихъ-то счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Со стороны Австріи прибыли: Ласій, Кобенцель и Шпильманъ; со стороны Пруссіи—Шуленбургъ и въ качествѣ предсѣдателя и суперъ-арбитра — герцогъ Брауншвейгскій. Они быстро покончили съ военными вопросами, чтобы скорѣе приступить къ статьѣ о вознагражденіяхъ. Относительно принципа и общихъ положеній соглашеніе не представило затрудненій. Общія положенія заключались въ томъ, что пріобрѣтенія должны быть какъ можно обширнѣе; принципъ состоялъ въ томъ, чтобы пріобрѣтая соблюдать строгую равномѣрность. Такого «принципа» принято было держаться при сѣверныхъ дворахъ со времени польскаго раздѣла: принципъ не вызвалъ возраженій. Ничего не имѣли также противъ того, чтобы Пруссія искала себѣ вознагражденія въ Польшѣ, Австрія же—въ Баваріи, которую обмѣняла бы на Бельгію. Людовикъ XVI былъ еще королемъ, вооружались, чтобы придти къ нему на помощь, слѣдовательно нельзя было говорить оффиціально о томъ, чтобы его обобрать, а потому ограничились союзниками Пруссіи — поляками и сотоварищами Австріи по федераціи — баварцами. Оставалось опредѣлить качество и количество. Здѣсь уже началось разногласіе. Пруссаки заговорили о нѣсколькихъ палатинатахъ, напримѣръ о всей Познани. Австрійцы не согласились: вѣдь Пруссія такимъ образомъ получила бы чистую прибыль, Австрія же своимъ обмѣномъ получила бы только относительную выгоду; она потеряла бы два милліона дохода; если Пруссія возьметъ такое множество поляковъ, то необходимо слѣдовало бы «доставить Австріи дополнительное вознагражденіе». «Потому что», говорилъ Кобенцель «оба двора предполагаютъ двойную цѣль: округленіе границъ и приращеніе дохода, *принципъ равенства былъ бы нарушенъ*, если бы доля, присужденная Австріи въ видахъ восполненія недостаточности обмѣна, не выполняла и того и другого условія».

Въ такомъ-то тонѣ и въ такихъ выраженіяхъ велись эти серьезныя и важныя совѣщанія; торгашескій жаргонъ былъ языкомъ дипломатіи того времени. Австрія потребовала Ансбаха и Байрейта. На этотъ разъ запротестовалъ Шуленбургъ: онъ не такой былъ человѣкъ, чтобы поступаться наслѣдіемъ своего короля. Онъ высказалъ это австрійцамъ и написалъ своимъ коллегамъ въ Берлинъ. Коллеги объявили, что «возму-

[3]) Vivenot, Zur Genesis der zweiten Theilung Polens. Wien, 1874, p. 43.

щены ужаснымъ, чтобы не сказать, дерзкимъ предложеніемъ». Однако ихъ скоро успокоило опасеніе, довольно впрочемъ химеричное, что Австрія въ видахъ прекращенія спора откажется отъ принципа вознагражденій. Они безусловно стояли за него. «Мы предприняли войну исключительно подъ этимъ условіемъ, писали они. Это значило бы дать себя одурачить: сдѣлать такія громадныя затраты, ради чужого дѣла, и не получить ничего взамѣнъ».

Итакъ въ этомъ «важнѣйшемъ дѣлѣ» все зависѣло отъ исхода войны, котораго нельзя было предвидѣть, и отъ расположенія Россіи, заявившей, что выскажется не ранѣе окончанія этой войны. Оба союзника не нашли удобнымъ сообщить другъ другу свою корреспонденцію съ Петербургомъ. Они не хотѣли признаваться въ сдѣланныхъ ими русской императрицѣ авансахъ, еще менѣе готовы были они сообщать ея ни къ чему ее не обязывавшіе отвѣты. Конференція привела къ взаимному недовѣрію и къ общей подозрительности относительно Россіи. Боязнь такого раздѣла Польши, изъ котораго былъ бы исключенъ одинъ изъ союзниковъ, не переставала ихъ волновать, и это отозвалось на самыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Пруссія стала выказывать менѣе усердія въ наступленіи, Австрія—болѣе медлительности въ доставкѣ контингентовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ началъ серьозно озабочиваться опасностью, которую могла навлечь на его государство безусловная гегемонія Россіи въ Польшѣ. Онъ нашелъ несвоевременнымъ двинуть всѣ свои войска противъ французовъ, тогда какъ, не сегодня завтра, придется отправить главныя силы къ Вислѣ, хотя бы для защиты границы и ограниченія притязаній русской императрицы. Австрія, естественнымъ образомъ, склонялась къ направленію военныхъ операцій въ сторону Фландріи, гдѣ намѣревалась искать своихъ выгодъ; Пруссія противилась этому и желала получить предварительно увѣренность въ вознагражденіи польскими землями. Всѣ эти пререканія о гипотетичныхъ завоеваніяхъ и вызываемыя ими столкновенія препятствовали движенію завоевателей.

Остальныя державы воздерживались отъ участія. Неаполитанскій дворъ относился враждебно къ французской революціи, но безсиленъ былъ бороться съ нею: онъ довольствовался лишь усмиреніемъ собственныхъ подданныхъ. Фердинандъ сдѣлалъ попытку образованія итальянской лиги, но потерпѣлъ неудачу повсюду; Генуя и Венеція испугались; Тоскана объявила себя нейтральной; Модена и Парма соблюдали нейтралитетъ по необходимости. Папа могъ сдѣлать только одно, и онъ это сдѣлалъ: отлучилъ отъ церкви всѣхъ французовъ, которые признали бы новое устройство духовенства. Пьемонтъ продолжалъ требовать поддержки, обѣщая, въ случаѣ удовлетворенія этого требованія, совершить чудеса. «Пусть импе-

раторъ пришлетъ мнѣ пятнадцать тысячъ человѣкъ, и я вторгнусь во Францію», говорилъ Викторъ-Амедей австрійскому резиденту. Австрія заставила его ждать до середины лѣта. Кончили тѣмъ, что обѣщали ему десять тысячъ солдатъ и еще продолжали обсужденіе формы союзнаго договора, когда французы уже напали на Савойю. Что касается до Испаніи, то она увѣряла, что если дѣла примутъ слишкомъ неблагопріятный для французскихъ Бурбоновъ оборотъ, то ихъ кузены не могутъ оставаться къ тому равнодушными. Аранда же льстилъ себя надеждой, что ничего подобнаго не случится, и пока воздерживался отъ всякаго вмѣшательства. Мадридскій дворъ посылалъ французскимъ принцамъ милліонную субсидію, но министерство приглашало находившихся въ Каталоніи эмигрантовъ выѣхать изъ Испаніи. Страхъ передъ Англіей продолжалъ связывать руки испанской монархіи. Онъ связывалъ также Швецію и Данію, нисколько о томъ впрочемъ не сожалѣвшихъ.

Такъ какъ Россія твердо рѣшилась не посылать своихъ войскъ противъ Франціи, коалиція, въ концѣ концовъ, ограничивалась двумя германскими державами, крайне несогласными между собою и крайне слабо поддерживаемыми германскимъ союзомъ. А между тѣмъ часъ начать кампанію уже пробилъ, если желали спасать Людовика XVI. Союзники готовились къ вторженію во Францію и должны были открыто высказаться о томъ, какую именно войну будутъ вести: завоевательную или принципіальную. Вопросъ объ этомъ также подлежалъ обсужденію на майнцской конференціи. Но союзники принесли туда одни смутныя и неопредѣленныя воззрѣнія. Забота о вознагражденіяхъ и завоеваніяхъ препятствовала ясному сужденію. Предметъ требовалъ высшей точки зрѣнія и для его рѣшенія слѣдовало бы отрѣшиться отъ рыночныхъ дипломатическихъ соображеній, въ которыя погружены были и Австрія и Пруссія. За неимѣніемъ принципіальной точки зрѣнія, онѣ по этому пункту обратились къ эмигрантамъ, которыхъ выслушали однако безъ малѣйшаго сочувствія и одобрили безъ всякой искренности.

V.

Объявленіе войны возвратило эмигрантамъ нѣкоторую энергію и увѣренность въ своихъ силахъ. Они направились къ Кобленцу и Триру изъ всѣхъ мѣстностей, по которымъ были разсѣяны. Совѣщанія слѣдовали у нихъ за совѣщаніями. Но лагерь нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, и совѣщанія носили совершенно химерическій характеръ. Эмигранты утѣшали себя въ неимѣніи денегъ, мечтая о близкой побѣдѣ, о радостномъ возвращеніи во Францію, о возмездіи, которымъ вознаградятъ себя за из-

гнанническую жизнь, и о мести, которая должнап остигнуть мятежниковъ. Они хотѣли вѣрить, что нѣмцы ополчаются единственно ради ихъ славы, и въ глазахъ ихъ легковѣрнаго тщеславія великія австрійскія и прусскія арміи являлись помощницами ихъ собственной малочисленной группы. Фридрихъ-Вильгельмъ оставлялъ ихъ въ этомъ пріятномъ заблужденіи: онъ предоставлялъ графу Прованскому именоваться регентомъ королевства, и субсидіи его доходили до пяти милліоновъ. «Король прусскій въ высшей степени любезенъ и привѣтливъ съ нами,—писалъ Конде отъ 22-го іюня. Онъ обѣщаетъ намъ первое мѣсто и въ его оффиціальномъ сообщеніи ясно выражено, что войска его пойдутъ позади нашихъ, въ видѣ вспомогательнаго отряда». Однако Австрія, также весьма ясно выражавшаяся въ своихъ сообщеніяхъ, заявляла нѣчто обратно-противоположное. Она отказывалась признать регенство брата Людовика XVI, а что касается воинскаго порядка, то приглашала, и весьма сухо, принцевъ ждать «окончательнаго рѣшенія союзниковъ, чтобы затѣмъ и сообразоваться съ таковымъ рѣшеніемъ». Вѣнскій дворъ дѣлалъ даже болѣе, чѣмъ высказывалъ: онъ отнялъ у принцевъ залогъ, предоставленный имъ для займа, возвратилъ собственной казнѣ 1.500.000 ливровъ, имъ предназначавшихся, и препятствовалъ всѣмъ сношеніямъ ихъ съ прусскимъ королемъ.

Францъ II быстро упалъ во мнѣніи эмигрантовъ до уровня Леопольда, и Конде не стѣснялся называть австрійскаго императора «разбойникомъ Мандриномъ». Австрія не только разрушала ихъ планъ кампаніи, она противилась и ихъ проекту контръ-революціи, то есть именно тому дѣлу, которымъ они всего болѣе дорожили. Во всѣхъ этихъ враждебныхъ маневрахъ они усматривали вліяніе королевы и разражались противъ Маріи Антуанеты и ея семейства ругательствами, отъ которыхъ не отказались бы сами «санкюлоты». Въ Кобленцѣ обличали австрійскій комитетъ не менѣе желчно, чѣмъ то дѣлалось въ Парижѣ. Вѣнскій дворъ обвиняли въ намѣреніи раздѣлить Францію: онъ желаетъ пріобрѣсти Эльзасъ, Лотарингію и Фландрію, а потому и отказывается признавать брата короля регентомъ и союзникомъ, говорили французскіе эмигранты. Они негодовали по этому поводу, но не ограничивались одними этими обвиненіями. Призракъ парламента съ двумя палатами, тревожившій Бриссо и Жансонне, безпокоилъ и воображеніе эмигрантовъ. «Величайшимъ изъ золъ для насъ было бы получить изъ рукъ Австріи конституцію, внушенную ея неисправимою завистью,—писалъ Бомбелль.—Лучше потерять провинцію, чѣмъ получить конституцію». Эти дворяне, подобно публицистамъ изъ среды Жиронды, прошли дипломатическую школу Фавье; они слѣпо исповѣдывали всѣ ея предразсудки. Одинъ изъ роялистовъ-офицеровъ, служившій въ Россіи, Ланжеронъ, находился въ Брюсселѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Онъ составилъ «За-

писку о настоящемъ положеніи дѣлъ» («Mémoire sur les affaires présentes»), въ которой утверждалъ, что все зло проистекало въ прошломъ отъ несчастнаго союза 1756 г., а въ настоящемъ происходитъ отъ «чудовищнаго союза между Австріей и Пруссіей. Опытъ достаточно ясно показалъ, до какой степени французскіе государи были обмануты вѣнскимъ дворомъ: повидимому и въ настоящую минуту слѣдуетъ относиться къ нему болѣе недовѣрчиво, чѣмъ когда-либо». Средство, предлагавшееся Ланжерономъ съ цѣлью огражденія монархіи отъ австрійскихъ козней, было именно то, къ которому прибѣгалъ Дюмурье для предохраненія революціи отъ нападеній со стороны Австріи. «Если бы можно было заручиться согласіемъ Людовика XVI, или же, если окажется невозможнымъ, дѣйствовать отъ его имени, то слѣдовало бы предложить прусскому королю разорвать союзъ съ Австріей на другой же день по совершеніи контръ-революціи и заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ, если онъ пожелаетъ возстановить монархію во всей ея цѣлости и побудить къ тому вѣнскій дворъ». Эмигранты расчитывали, главнымъ образомъ, на Пруссію и Россію въ дѣлѣ избавленія отъ двоякаго зла: раздѣла Франціи и парламента съ двумя палатами. «Будьте увѣрены, что этого не случится,— писалъ Конде 4-го іюня.—Мы совершенно довѣряемъ въ этомъ отношеніи Пруссіи». А Бомбелль писалъ, съ своей стороны, 8-го мая: «Теперь, когда императрица склоняется къ тому, чтобы двинуть свои войска къ намъ на помощь, я позволяю себѣ надѣяться, что возможно будетъ вернуться къ нашему прежнему образу правленія и сохранить неприкосновенными наши границы». Въ сущности, несмотря на туманъ, затемнявшій ихъ сужденіе, двусмысленность ихъ роли и несостоятельность ихъ политики минутами сознавались ими. Они, правда, надѣялись, что появленіе ихъ разгонитъ національную гвардію, но неохотно допускали въ этомъ случаѣ помощь сопровождавшихъ ихъ иностранцевъ. «Берегитесь,—говорилъ старшій братъ Людовика XVI одному прусскому офицеру, позволявшему себѣ презрительно относиться къ французамъ по поводу ихъ первыхъ пораженій,—ихъ не всегда били; они съумѣютъ постоять за себя» [1]). Онъ и его дворяне могли называть мятежныхъ французовъ негодяями и поступать съ ними по своему усмотрѣнію, но нѣмцы не должны были, по ихъ мнѣнію, позволять себѣ того же.

Не всѣ эмигранты относились съ одинаковою довѣрчивостью къ своимъ чужеземнымъ доброжелателямъ и совѣтчикамъ. Если вожди упорствовали въ своихъ надеждахъ на эту помощь совершенно такъ же, какъ польскіе патріоты 1790 г. и конфедераты 1792 г., то многіе изъ фран-

---

[1]) *Бумаги Ланжерона.* Министерскій архивъ. См. письмо Монморена къ Ла Марку.

цузскихъ дворянъ, просвѣщенные испытаніями и неудачами изгнанія, ощущали пробужденіе національнаго инстинкта и, въ минуту выбора между чужеземцами и родиной, становились на сторону послѣдней. Нѣкоторые изъ этихъ дворянъ плакали, слушая разсказы о позорномъ разгромѣ при Монсѣ [2]) и, быть можетъ, горько сожалѣли, что ихъ тамъ не было для того, чтобы остановить бѣгство французскихъ солдатъ. Въ замѣткѣ Дюмурье отъ 10-го іюня, читаемъ: «Г. де-Нальякъ получилъ точныя свѣдѣнія о настроеніи большинства эмигрантовъ, окружающихъ принцевъ или находящихся въ трирскомъ курфиршествѣ. Съ тѣхъ поръ какъ они не могутъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что союзъ Пруссіи съ Австріей не имѣетъ предметомъ ни возстановленіе прежняго положенія дворянства, ни водвореніе порядка во Франціи и, напротивъ, видятъ, что обѣ эти державы честолюбиво стремятся воспользоваться анархіей съ цѣлью расчлененія королевства, они приходятъ въ ужасъ, а мысль, что они дезертировали лишь для того, чтобы сослужить службу врагамъ, имѣющимъ въ виду позоръ и опустошеніе ихъ родины, приводитъ ихъ въ бѣшенство». Нальякъ находилъ даже возможнымъ образованіе легіона изъ тѣхъ, «кто явится искупить защитою отечества преступное бѣгство изъ Франціи». Но эти кающіеся эмигранты не могли надѣяться на хорошій пріемъ, а мѣры, принимаемыя противъ нихъ на родинѣ неспособны были поощрить ихъ патріотическія поползновенія. Къ тому же вожаки ихъ успокоивали угрызенія совѣсти, увѣряя, что присутствіе принцевъ въ арміи союзниковъ устраняетъ всякую мысль о допущеніи завоеванія: братья Людовика XVI первые войдутъ въ королевство, они заявятъ о своихъ правахъ, отъ имени короля, и достаточно имъ явиться, чтобы «на всѣхъ колокольняхъ взвилось бѣлое знамя» [3]). Событіе 20-го іюня окончательно убѣдило принцевъ въ томъ, что они одни способны поднять государство. Униженіе, претерпѣнное въ этотъ день Людовикомъ XVI, усиливало, если только то было возможно, ихъ неуваженіе къ его особѣ. «Я вполнѣ удовлетворенъ принцами въ отношеніи принциповъ,—писалъ Конде 4-го іюля. Они будутъ держаться началъ, изложенныхъ въ нашемъ письмѣ полгода тому назадъ, вопреки всему, что могутъ или будутъ говорить въ Тюильри и несмотря ни на какой манифестъ державъ. На мое возраженіе: а если король, освободившись, пожелаетъ чего-нибудь другого? Старшій братъ короля прекрасно отвѣтилъ: онъ можетъ быть свободнымъ только послѣ того, какъ мы пробудемъ нѣкоторое время во Франціи, а тогда партія наша будетъ слиш-

---

[2]) Sybel, t. I, p. 479 (Франц. изд.).

[3]) Metternich, *Mémoires*, p. 479.

комъ сильна для того, чтобы мы могли отступить, а онъ могъ намъ противорѣчить» [4]).

Тѣмъ временемъ пріѣхалъ Малле дю-Панъ со своими инструкціями, совѣтами, планомъ манифеста и всѣми возраженіями, исходившими изъ Тюильрійскаго дворца. Онъ остановился во Франкфуртѣ, гдѣ просилъ, но не добился аудіенціи у императора. Меморія, посланная имъ въ Кобленцъ, произвела тамъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Потребовалось собственноручное письмо Людовика XVI для того, чтобы посланный могъ выполнить свою миссію у союзниковъ. 15, 16 и 17 іюля онъ бесѣдовалъ съ Гаугвицемъ, Гейманомъ и Кобенцелемъ, которымъ излагалъ мнѣніе королевской фамиліи. Кобенцель заявилъ, что его дворъ не переставалъ развивать это самое мнѣніе. Пруссаки, повидимому, убѣдились его доводами. Гаугвицъ и Кобенцель объявили, что никакія честолюбивые или своекорыстные виды, касающіеся раздѣла Франціи, не входятъ въ планъ войны. Гаугвицъ простеръ свою обязательность до того, что предложилъ Малле сдѣлать резюме бесѣды. Малле удовлетворился разъясненіями, и нѣмцы перестали имъ заниматься. Его оставили во Франкфуртѣ, гдѣ онъ пробылъ до 23 іюля въ полномъ бездѣйствіи. Всѣ разсужденія Малле сводились къ тому, что Франція не желаетъ возстановленія стараго порядка и что для ея усмиренія, въ манифестѣ, съ которымъ къ ней обратятся, необходимо дать мѣсто и «устрашенію и довѣрію». Довѣріе показалось въ Кобленцѣ совершенно излишнимъ; тамъ ограничивались желаніемъ устрашить. Къ тому же наиболѣе авторитетные представители Людовика XVI приписывали ему рѣчи, значительно отличавшіяся отъ тѣхъ, которыя были заявлены Малле дю Паномъ. «Король,—писалъ Бретейль, — не сомнѣвается въ томъ, что прусскій король не надѣется ни на какія мѣры противъ мятежниковъ, кромѣ насильственныхъ». То же самое говорилось въ послѣднихъ письмахъ королевы къ Ферзену и Мерси. Эти несложныя предложенія нетрудно было согласовать съ намѣреніями эмигрантовъ; несравненно труднѣе было примирить планы принцевъ съ внушеніями Малле. Этотъ журналистъ разсуждалъ въ духѣ кальвинистскаго резонёрства, отзывавшагося женевскою педагогикою, и казался вельможамъ нестерпимымъ. Къ тому же его подозрѣвали въ либеральномъ монархизмѣ и въ «ереси двухъ палатъ»; однимъ словомъ, Малле вооружилъ противъ себя всѣхъ. Ферзенъ уговорился съ Каллономъ, чтобы избавиться отъ женевскаго публициста и отъ его манифеста.

Они распорядились возстановленіемъ декларацiи, соотвѣтствовавшей ихъ общимъ видамъ. Имъ показалось, что всего лучше съумѣетъ обра-

---

[4]) La Rocheterie.

титься къ Франціи отъ имени Европы бывшій интендантъ герцога Орлеанскаго, нѣкій Лимонъ, перешедшій отъ происковъ Пале-Рояля къ проискамъ эмиграціи. Онъ написалъ проектъ манифеста, который былъ признанъ превосходнымъ Ферзеномъ и Калонномъ. Затѣмъ его представили на разсмотрѣніе Франца II и прусскаго короля; оба государя также одобрили и передали манифестъ герцогу Брауншвейгскому, который долженъ былъ подписать его, въ качествѣ главнокомандующаго. «Герой» былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Къ вопросамъ политики онъ, само собою разумѣется, относился какъ подобаетъ философу; къ военнымъ вопросамъ прилагалъ мѣрку военачальника; но когда дѣло шло о сохраненіи собственнаго кредита, онъ рѣшалъ и тѣ и другіе какъ царедворецъ. Онъ не любилъ эмигрантовъ и находилъ ихъ содѣйствіе прямо пагубнымъ для дѣла, во главѣ котораго стоялъ; онъ желалъ бы удалить ихъ изъ своей арміи; а между тѣмъ еще недавно онъ согласился дать имъ мѣсто въ этой самой арміи и даже дать имъ блестящую роль, на которую они имѣютъ такъ много правъ. Прусскій король пожелалъ этого, и герцогъ согласился въ угоду ему. Точно также изъ угожденія Фридриху-Вильгельму и для того, чтобы заслужить похвалы большого свѣта, онъ рѣшился, скрѣпя сердце, подписать свое имя подъ манифестомъ французскихъ принцевъ. «Я отдалъ бы жизнь за то, чтобы не было этой подписи», говорилъ онъ годъ спустя одному изъ своихъ приближенныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ подписалъ его въ угоду людямъ и изъ тщеславія нѣмецкаго герцога.

Этотъ актъ, знаменитый въ лѣтописи дипломатическихъ дерзостей, помѣченъ 25 іюля 1792 г. [5]). Въ немъ объявляется, что Австрія и Пруссія вмѣшиваются въ дѣла Франціи съ цѣлью защиты нарушенныхъ въ Эльзасѣ правъ нѣмецкихъ князей, подавленія анархіи, возстановленія законной власти, прекращенія оскорбленія престола и алтаря, возвращенія королю возможности пользоваться принадлежащею ему законною властью. Державы обращаются къ здравой части французскаго населенія. Онѣ не имѣютъ намѣренія ни обогащаться завоеваніями, ни вмѣшиваться во внутреннее управленіе Франціи; онѣ окажутъ покровительство всѣмъ, кто подчинится королю; онѣ сочтутъ врагами и накажутъ какъ бунтовщиковъ тѣхъ изъ національныхъ гвардійцевъ, которые попытались бы оказать сопротивленіе. Жители, которые осмѣлились бы защищаться, подвергнутся военному суду: дома ихъ будутъ сожжены и разрушены. Администраторы отвѣтятъ жизнью и имуществомъ за всѣ преступленія, которыя были бы ими допущены. Городъ Парижъ и все его населеніе, безъ различія, обязано заявить о своемъ подчиненіи королю. Члены Собранія и управленіе города Парижа отвѣтятъ

[5]) *Moniteur*, 3 авг., т. XIII, стр. 305.

головою за всѣ событія: они будутъ «наказаны военнымъ способомъ и не могутъ рѣсчитывать на пощаду». Если Тюильрійскій дворецъ подвергнется вторженію мятежниковъ, если малѣйшее насиліе, малѣйшее оскорбленіе будетъ оказано королевской фамиліи, союзники «отомстятъ примѣрнымъ и на вѣки памятнымъ образомъ, предавъ городъ Парижъ военной экзекуціи и полному разрушенію; бунтовщики же подвергнуты будутъ страшнѣйшимъ казнямъ. Союзники признаютъ лишь тѣ законы, которые будутъ исходить отъ свободнаго короля; они приглашаютъ его прибыть въ укрѣпленный пограничный пунктъ, пригласить туда тѣхъ совѣтниковъ и созывать тамъ тѣ собранія, которые найдетъ цѣлесообразными для возстановленія порядка въ своемъ королевствѣ.

Екатерина II одобрила слогъ манифеста. «Я нахожу манифестъ энергическимъ и яснымъ,—писала она Гримму;—именно такимъ языкомъ слѣдуетъ говорить съ чернью, въ особенности, когда она осмѣливается разсуждать». Дѣйствительно манифестъ былъ ясенъ, но французы взглянули на него иначе, чѣмъ смотрѣли на него въ Майнцѣ и Петербургѣ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на французовъ, замѣчаетъ одинъ проницательный наблюдатель той эпохи [6]), можетъ быть передано въ слѣдующихъ словахъ: «Будьте всѣ противъ меня, потому что я противъ васъ всѣхъ, и окажите хорошее сопротивленіе, потому что вамъ не остается никакой надежды». Именно въ такомъ смыслѣ и былъ понятъ манифестъ всею Франціей. Народъ былъ вооруженъ и экзальтированъ подготовленіемъ къ войнѣ въ ту минуту, когда ему предъявлено было это требованіе полной покорности. 22-го іюля въ Парижѣ объявлено было, что отечество въ опасности. Съ глубокимъ волненіемъ и суровою рѣшимостью встрѣчено было это объявленіе парижанами. Всѣ были потрясены до глубины души и никогда не было минуты болѣе благопріятной для государственнаго переворота. Жиронда спѣшила привести въ исполненіе тотъ планъ который замышлялся ею противъ короны и конституціи. Ея открытое стремленіе къ власти, которая уже почти находилась у нея въ рукахъ, возбудило подозрѣнія со стороны демагоговъ. Жирондистамъ слѣдовало или овладѣть этою властью немедленно, или предоставить ее соперникамъ. Якобинцы вполнѣ ясно сознавали и распутывали замыслы Жиронды. Непопулярность уже заливала ее. Эта партія была обойдена во всѣхъ своихъ позиціяхъ и покинута собственной арміей. 24-го іюля Бриссо встрѣченъ былъ въ Собраніи ропотомъ и свистомъ, которые до той поры составляли удѣлъ ораторовъ, правой. Съ трибунъ кричали: «Долой злодѣя Барнава! Долой двуличнаго!» Жирондисты продолжали бороться. Они составили декретъ о пріостановленіи власти короля, о созваніи національнаго конвента, о томъ, что Со-

[6]) Письмо Говернорь Моррисъ, 17 августа 1792 г.

браніе назначитъ воспитателя королевскому принцу и что министры, смѣненные Людовикомъ XVI, будутъ возвращены. Это было провозглашеніемъ регенства; жирондисты намѣревались взять его въ свои руки. Если потребуется бунтъ, они допустятъ его въ надеждѣ, что среди анархической неурядицы общественное мнѣніе обратится къ нимъ и всеобщая паника предоставитъ имъ власть, которою они воспользуются какъ спасители.

Эти маккіавелисты-фантазёры мечтали о республиканскомъ «днѣ обманутыхъ». Но всѣ эти «дни» — принадлежность дворцовыхъ революцій, и не съ такими образцами сообразуются въ своихъ кризисахъ возставшіе народы. Толпа, которая сражается, принадлежитъ тому, кто ведетъ ее къ побѣдѣ, и взятое укрѣпленіе остается за тѣмъ, кто руководилъ приступомъ. Въ то время какъ Жиронда обсуждаетъ, разсуждаетъ и ухищряется, а Робеспьеръ скрывается въ тѣни, приготовляясь дѣйствовать на другой день послѣ сраженія, человѣкъ, который изумитъ и опередитъ ихъ всѣхъ, выступаетъ на первый планъ и съ той же минуты беретъ себѣ первое мѣсто. Со времени Мирабо на сценѣ великаго театра не было первокласнаго актера. Мирабо былъ прирожденнымъ министромъ монархической демократіи, вдохновителемъ и руководителемъ перваго періода революціи. Второй періодъ еще ждалъ своего вождя. Республиканская демократія нашла своихъ приспѣшниковъ, пророковъ и первосвященниковъ; ей недоставало трибуна. Люди дальновидные давно впрочемъ разсмотрѣли человѣка, который восполнитъ этотъ пробѣлъ. У Дантона былъ свой клубъ въ Кордильерскомъ монастырѣ, не столь многочисленный какъ якобинскій, но болѣе сплоченный, болѣе близко стоявшій къ народной массѣ и составленный изъ людей фанатическихъ, людей дѣйствія, а не слова, не любившихъ терять драгоцѣннаго для борьбы времени на тонкія разсужденія и ораторское соперничество; здѣсь ничто не напоминало ни аѳинскаго краснорѣчія, ни инквизиторскаго трибунала; это былъ живой, олицетворенный заговоръ, вооруженный и полный мощной отваги. Дантонъ былъ его общепризнаннымъ главою. Онъ ждалъ своего часа; теперь онъ рѣшилъ, что часъ этотъ насталъ, и онъ воспользовался случаемъ съ тѣмъ вѣрнымъ инстинктомъ и тою быстротою дѣйствія, которые дѣлаютъ его однимъ изъ наиболѣе грозныхъ демагоговъ всей исторіи революцій.

Жиронда подготовила почву для битвы. Декларація герцога Брауншвейгскаго дала поводъ къ нападенію. Манифестъ сталъ извѣстнымъ уже съ 28-го іюля. Немедленно вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ Дантона, парижскія секціи вотировали низложеніе короля. 30-го іюля марсельскіе федералисты прибыли въ Парижъ. 3-го августа Людовикъ XVI нашелъ полезнымъ еще разъ высказаться предъ лицомъ Франціи. «Никогда,—сказалъ онъ,—не увидятъ, чтобы я поступился славой и интересами моего

народа, чтобы я принялъ законъ отъ иностранцевъ или отъ какой-либо одной партіи: я принадлежу націи и составляю съ нею нераздѣльное цѣлое... я буду поддерживать до послѣдняго издыханія моего національную независимость Франціи». Въ такомъ именно смыслѣ Людовикъ XVI намѣревался вести переговоры на конгрессѣ державъ и именно такимъ образомъ согласовалъ онъ, въ своей королевской совѣсти, обязательства, принимаемыя имъ по отношенію къ Франціи съ декларацiями, которыхъ требовалъ отъ иностранцевъ. Но его слова поняты были въ буквальномъ смыслѣ; ихъ сопоставили съ манифестомъ союзниковъ и вывели то заключеніе, что король обманываетъ французскій народъ. Рѣчь Людовика была принята за публичное сознаніе въ измѣнѣ. Онъ полагалъ, что угрозы иностранцевъ оградятъ его и что изъ страха предъ репрессаліями мятежники ве рѣшатся ничего предпринять противъ него. Революціонеры держались противоположной точки зрѣнія: овладѣвая особою короля, они надѣялись обезпечить себя отъ насилій, которыми грозили имъ чужеземцы. Они находили необходимымъ для собственнаго спасенія, чтобы манифестъ герцога Брауншвейгскаго сдѣлался мертвою буквою ранѣе вступленія нѣмецкихъ войскъ во Францію и чтобы революція имѣла своихъ заложниковъ ранѣе, чѣмъ успѣла бы заручиться ими коалиція. По такимъ-то соображеніямъ рѣшенъ былъ бунтъ 10 августа.

Дантонъ подготовилъ его съ необыкновеннымъ искусствомъ. Руководили движеніемъ съ рѣдкою энергіей. О немъ объявили наканунѣ; всѣ мѣры приняты были открыто. Утромъ секціи двинулись къ Тюильри тѣсно сплоченными колоннами, сопровождаемыми пушками. Королевская фамилія просила убѣжища у Собранія. Собраніе не имѣло ни силы, ни воли для собственной защиты. Оно было объято ужасомъ. Отвращеніе, безсиліе, страхъ помѣшали явиться многимъ депутатамъ. Изъ 630 въ этотъ день явилось только 284, и почти всѣ они принадлежали къ лѣвой; враждебно относясь къ королю, они сочувствовали инсуррекціи. Людовику XVI отвели ложу журналистовъ, подъ предлогомъ невозможности вести пренія въ его присутствіи. Здѣсь, за рѣшеткой, сидя на чемъ-то въ родѣ душныхъ и мрачныхъ палатей, присутствовалъ онъ при паденіи своей монархіи. Собраніе декретировало при громѣ битвы. Швейцарская стража, небольшая группа дворянъ и національныхъ гвардейцевъ попытались отстоять Тюильрійскій дворецъ. Они были перебиты: въ одиннадцать часовъ утра мятежники овладѣли дворцомъ. Депутаты рѣшили пріостановить власть короля, заключить его въ тюрьму и созвать національный конвентъ. Образованъ былъ *временной исполнительный совѣтъ*, въ составъ котораго вошли уволенные Людовикомъ министры: Роланъ, Клавьеръ и Серванъ, къ которымъ присоединили Монжа, по морскому вѣ-

домству, Лебрена-Тондю—по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, и Дантона—по министерству юстиціи.

Жиронда считала себя побѣдительницею. Планъ ея былъ выполненъ. Декреты ея были изданы; но они уже не могли имѣть никакого значенія. Планъ предполагалъ конституцію, правительство, обсуждающее дѣла Собранія и законы, которымъ повинуются. Но ничего подобнаго уже не существовало. Между властью и жирондистами стояла уже не фикція, которую они разсѣяли, не призракъ короля, котораго они свели къ ничтожеству, а всемогущій трибунъ, фанатическая и ревниво оберегавшая свою власть мятежная партія и опьяненная успѣхомъ толпа, нетерпѣливо жаждавшая воспользоваться своимъ торжествомъ. Отнынѣ революція принадлежитъ революціонерамъ; они будутъ оспаривать другъ у друга господство. Открывается новый періодъ этой исторіи: первый наполнялся борьбою революціи противъ королевской власти; слѣдующій за нимъ выразится въ борьбѣ революціи противъ Европы и противъ себя самой. Въ минуту возникновенія этой новой борьбы, осмотримъ поле битвы, взглянемъ на покрывающія его арміи, на пути, по которымъ онѣ шли, на руководившія ими намѣренія, на вождей, которые направляютъ ихъ и, наконецъ, на одушевляющія ихъ нравственныя силы, на волнующія ихъ страсти и на управляющія ими идеи. Таково заключеніе этого періода революціи и предисловіе къ слѣдующему.

ГЛАВА III.

Франція и Европа въ 1792 г.

I.

Французы произвели переворотъ въ образѣ правленія и въ общественной жизни. Они глубоко измѣнили права личныя и поземельныя, взаимныя отношенія гражданъ и отношенія ихъ къ государству, наконецъ, самыя начала государства и его конституціи. Они упразднили феодальный строй, провозгласили гражданскую и политическую свободу, установили равноправность гражданъ и основали всѣ національныя учрежденія на верховной власти народа. Они дѣйствовали на основаніи своего права, и право это безспорно. Европейское публичное право зиждется именно на взаимномъ признаніи всѣми государствами права каждаго изъ нихъ конституироваться по собственному усмотрѣнію въ предѣлахъ своихъ границъ. Но пользованіе этимъ правомъ налагаетъ и обязанность, составляющую его неизбѣжное начало: ничего не предпринимать противъ чужой независимости и не нарушать чужихъ предѣловъ. Франція требуетъ отъ европейскихъ государствъ соблюденія этой обязанности и, съ своей стороны, обязуется ее выполнять: самою своею конституціей она отрекается отъ вмѣшательства, нападенія и завоеваній. Это обязательство прекрасно: Франціи было бы крайне полезно имѣть возможность къ его выполненію; но для этого потребовалось бы много осторожности, добродѣтели и сцѣпленія обстоятельствъ весьма различныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто въ Европѣ временъ французской революціи.

Общественный строй и политическое устройство, уничтоженное у себя Франціей, продолжали господствовать на всемъ европейскомъ континентѣ. Начала же, во имя которыхъ совершились во Франціи великія и коренныя преобразованія, начала универсальныя; имъ учили всю Европу французскіе мыслители. Всѣ европейскія націи подготовлены къ ихъ пониманію. Идеалъ справедливости и братства, предлагаемый Франціей всему міру, понятенъ всѣмъ и каждому. Прообразованія, ею совершаемыя, желательны для всѣхъ народовъ. Нѣтъ человѣка, какъ бы онъ ни былъ забитъ нуждою и неволею, который при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ не стремился бы облегчить свою участь, освобождаясь отъ тяготѣющихъ на немъ повинностей, отъ давящей его барщины, наконецъ отъ такого ре-

жима, при которомъ его личность, семья и трудъ предоставлены во власть чужого произволенія. Въ очевидности и простотѣ этихъ идей и заключается непосредственная мощь ихъ распространенія. Соблазнъ овладѣваетъ самъ собою сосѣдними съ Франціей странами; нѣтъ достаточно глубокихъ рвовъ, не существуетъ довольно толстыхъ стѣнъ для препятствованія этой подземной инфильтраціи водъ. Всѣ европейскія государства глухо подрываются ими и колеблются въ своихъ основахъ. Эта отказывающаяся отъ завоеваній французская революція подвергаетъ Европу несравненно сильнѣйшей опасности чѣмъ та, которой когда-либо грозили ей французскіе короли.

Но Европа не замѣчаетъ, или не хочетъ замѣчать этого. Франція встрѣчаетъ неожиданную удачу: въ то самое время, какъ она совершаетъ свою революцію, Европа находитъ для себя удобнымъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Тѣмъ не менѣе для Франціи опасно слишкомъ долго расчитывать на ослѣпленіе, невниманіе, эгоизмъ или безсиліе европейскихъ правительствъ. Франція должна была предвидѣть, что онѣ встревожатся. Если она желаетъ мира, она должна ихъ успокоить. Деклараціи недостаточны, нужны поступки. Поступки эти могли и не противорѣчить принципамъ и интересамъ Франціи. Франція, представляя отнынѣ свободное общество въ ограниченной монархіи, сохраняетъ свое мѣсто въ старой Европѣ и можетъ расчитывать въ ней на достойную всей своей исторіи роль. Самымъ распространеніемъ духа своихъ законовъ она пріобрѣла бы громадное вліяніе на всѣ народы; она возобновила бы однимъ примѣромъ своей свободы и узаконила бы новыми правами то воздѣйствіе на другія націи, которое составляетъ ея лучшую славу. Она заставила бы другихъ соблюдать тотъ миръ, котораго требовала для себя; она содѣйствовала бы утвержденію европейскаго равновѣсія на всеобщей пользѣ цивилизаціи, между тѣмъ какъ до той поры оно покоилось лишь на противопоставленіи частныхъ интересовъ. Можно представить себѣ дѣятельное, сильное и склонное къ преобразованіямъ правительство, способное сдерживать и регулировать французскую страстность, предохранять французовъ отъ утопій, приключеній и завоевательной политики; можно предположить появленіе государя или министра, одареннаго геніемъ, обращающаго на пользу страны, пріурочивающаго къ условіямъ государства и къ прочному его величію всѣ смутныя силы, порожденныя въ Европѣ французскою революціей, на подобіе того какъ Генрихъ IV и Ришелье воспользовались нѣкогда Реформаціей.

Была минута, когда выполненія такой задачи можно было ожидать отъ Мирабо, но онъ умеръ, не встрѣтивъ случая привести ее въ исполненіе. Послѣ него не осталось человѣка, способнаго руководить револю-

ціей, и она увлекла за собою французовъ. Они предались мечтѣ о возрожденіи всего міра. Они почли себя иниціаторами золотого вѣка. Отвергая политику за ея эгоистичность и опытъ за его испорченность, они стали судить обо всемъ на основаніи инстинкта и рѣшать, руководствуясь исключительно страстью. Но страсти и инстинкты имѣли источникомъ восемь вѣковъ воинственной и стремившейся къ завоеваніямъ монархіи. Помимо ихъ вѣдома, прошлое сказалось въ ихъ намѣреніяхъ и планахъ въ ту минуту, когда они считали себя освобожденными отъ прежнихъ традицій, и французская исторія овладѣла той самой революціей, которая должна была нарушить ея преданія.

Пропаганда была результатомъ французскаго духа и самаго свойства новыхъ началъ. Она возникла внезапно и непосредственно. Ничто не препятствуетъ и не задерживаетъ ее, и она одновременно разливается повсюду широкой волной. Однако, какъ ни могуче ея теченіе, она принуждена разливаться по старымъ русламъ: она можетъ заливать только тѣ долины, которыя издавна прорыты водой, она переступаетъ границы только чрезъ давно пробитыя бреши. Революція явилась какъ бы стремительнымъ и безпорядочнымъ возрожденіемъ классическо-честолюбивыхъ французскихъ стремленій. Европейскіе политики, не понявшіе вначалѣ значенія и силы новыхъ началъ, изумлены были тѣмъ чисто-національнымъ примѣненіемъ, которое сдѣлала изъ нихъ Франція. Революція во всемъ, что было въ ней дѣйствительно оригинальнаго и изумительнаго, ускользала отъ ихъ пониманія, потому что они судили о ней, руководясь обычными предразсудками; но предразсудки эти не помѣшали оцѣнить по достоинству практическіе результаты. Они очень хорошо поняли опасность, имъ угрожавшую когда увидѣли, что верховная власть народа присвоиваетъ себѣ всѣ притязанія власти королевской: Авиньонъ присоединяется къ Франціи въ силу желанія населенія, а проповѣдники правъ человѣка овладѣваютъ тѣми самыми окраинами у подошвы Альпъ, у береговъ Рейна и въ Нидерландахъ, гдѣ во всѣ времена искала господства и старая Франція. Тогда Европа приходитъ въ ужасъ, и сосѣднія съ Франціей державы пытаются предотвратить опасность. Онѣ исполняютъ это по старому обычаю, ради собственнаго интереса и въ размѣрѣ только этого интереса. Пропаганда принимаетъ наступательный характеръ: онѣ уничтожатъ ее, возстановляя королевскую власть; Франція грозитъ ихъ границамъ: онѣ отодвинутъ ее. Такимъ образомъ, для подавленія революціи, европейскія державы принуждены вернуться къ планамъ, составленнымъ ранѣе въ видахъ ослабленія французской монархіи, и онѣ, въ свою очередь, подъ новыми предлогами вспоминаютъ о своихъ правахъ на Дофине, Эльзасъ, Лотарингію, Франшъ Конте, Фландрію, Геннегау и Артуа. Вмѣшательство

и завоеваніе неразрывно связаны въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ союзниковъ. Французы, въ видахъ отраженія вмѣшательства Европы и узаконенія своей пропаганды, ссылаются на публичное право, ими самими установленное, но Европа отказывается его признавать. Европа, намѣреваясь вторгнуться во Францію, навязать ей правительство по своему усмотрѣнію и расчленить ея территорію, также опирается на публичное право, признаваемое всѣмъ континентомъ, но отвергаемое Франціей. А такъ какъ невозможно согласовать эти противорѣчащія одно другому права и эти противоположные интересы, война становится неизбѣжной. Она загорается именно потому, что Франція и Европа уже не имѣютъ общаго публичнаго права. Такова основа конфликта; все же остальное: споръ эльзаскихъ князей, эмигрантскіе заговоры, тюильрійскіе замыслы, происки жирондистовъ, дипломатія сѣверныхъ дворовъ, интриги однихъ, алчность другихъ, химерическія надежды всѣхъ—все это только форма, предлогъ и случайность этого столкновенія. Самъ Людовикъ XVI играетъ въ этой трагедіи лишь эпизодическую роль. Если бы онъ проявилъ созидающій и предпріимчивый геній нѣкоторыхъ изъ своихъ знаменитыхъ предковъ, напримѣръ Филиппа Красиваго, Карла V, или Гейнриха IV, или Людовика XIV, онъ могъ бы быть великимъ королемъ революціи и посредствомъ нея сдѣлаться однимъ изъ могущественнѣйшихъ королей Франціи. Но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ благодушныхъ людей, духъ которыхъ преисполненъ колебаній и которые видятъ исходъ для себя въ одномъ самоотреченіи. У него былъ характеръ христіанскаго мученика въ то время, какъ онъ нуждался въ темпераментѣ Цезаря. Онъ былъ связанъ съ своими предками лишь для того, чтобы искупить ихъ ошибки своими страданіями и добродѣтелью. Онъ искалъ, такъ сказать, отреченія отъ собственной судьбы. Революція была чисто національнымъ дѣломъ, а онъ искалъ неосуществимой сдѣлки съ мятежными партіями, которыя могли придти къ соглашенію не иначе, какъ въ ущербъ его собственнымъ интересамъ; когда конфликтъ распространился на всю Европу, онъ задумалъ парадоксальное посредничество вооруженныхъ державъ между нимъ и его возставшимъ народомъ. За невозможностью выдержать роль суперъ-арбитра партій, онъ долженъ былъ сдѣлаться ихъ заложникомъ. Такой исходъ уже можно было предвидѣть 6-го октября 1789 года. Къ нему привели событія 10-го августа 1792 г. Голова Людовика XVI является всеобщей ставкой въ борьбѣ, завязывающейся въ Европѣ. Это борьба отваги и упорства; остается узнать, кто окажется болѣе грознымъ, болѣе отважнымъ и чье существованіе окажется болѣе продолжительнымъ.

II.

Правительства уже не существовало во Франціи. Собраніе сосредоточило въ себѣ всю власть для того, чтобы отречься отъ нея въ пользу мятежа. Оно находится въ самомъ унизительномъ положеніи. Оно уже ничего не обсуждаетъ, а только декретируетъ подъ вліяніемъ угрозы. Якобинцы господствуютъ надъ нимъ, какъ господствуютъ и надъ цѣлою Франціей. Имъ удалось стать во главѣ революціи, потому что они одни обладали достаточною для этого смѣлостью и средствами господства. Среди государственной анархіи и пораженія властей, они представляютъ единственный, уцѣлѣвшій организованный союзъ во Франціи. Ихъ клубы, обладая безчисленными развѣтвленіями, одни въ состояніи давать всѣмъ частямъ Франціи единообразный и обдуманный импульсъ. Главари ихъ поставили себѣ задачей добиться, во что бы то ни стало, торжества революціи. Они рискуютъ собственною жизнью, они хотятъ добиться власти, и все имъ содѣйствуетъ. Ихъ поддерживаетъ вооруженное парижское населеніе. Для нихъ это населеніе есть сама Франція, народъ, по преимуществу, народъ въ античномъ смыслѣ, диктаторъ и законодатель въ одно и то же время, тотъ народъ, о которомъ говорили нѣкогда, а многіе говорятъ и теперь, что его гласъ—гласъ Бога [1]).

Но если вожаки якобинцевъ руководятъ Собраніемъ и Франціей, ими, въ свою очередь, двигаютъ вожди парижской демагогіи, и сами эти демагоги сильны только слѣдующею за ними мятежною арміей. Если о якобинцахъ можно сказать, что они — единственный организованный союзъ, эта армія, съ своей стороны, есть единственная фактическая сила. Безъ ея поддержки партіи безсильны; онѣ, въ сущности,—кліенты безвѣстныхъ анархистовъ, ими командующихъ. Это люди дѣйствія, не останавливающіеся ни передъ чѣмъ, люди, которымъ нечего терять, нечего бояться и которые могутъ выиграть все среди безпорядковъ. Такіе люди есть во всѣхъ крупныхъ центрахъ: при первомъ призывѣ мятежа, они самостоятельно приходятъ въ движеніе и отдаются во власть перваго смѣльчака, который ведетъ ихъ къ добычѣ. Парижъ кишѣлъ людьми безъ занятій, выбитыми изъ колеи, бродягами, распущенными наемными солдатами, бѣглецами всевозможнаго происхожденія; то была смѣсь голодныхъ авантюристовъ и бандитовъ, ждавшихъ только случая, чтобы начать кампанію. Къ толпѣ злодѣевъ, возбужденныхъ надеждой на обѣщанный грабежъ,

---

[1]) „Народъ, мой другъ, о немъ можно судить по этой пословицѣ: „Гласъ народа—гласъ Божій!“ *Journal d'une bourgeoise,* p. 187. Taine, La Révolution, t. II, p. 120, 177, 193, 195.

присоединяется фанатизированное войско бѣдняковъ, которымъ обѣщаютъ счастливую жизнь; къ тѣмъ, кто собирается грабить Францію и дѣлить добычу, примыкаютъ тѣ, кто хочетъ разрушать во имя возрожденія. Во всѣ времена и вѣки, честолюбцы, добивавшіеся власти путемъ мятежа, должны были считаться съ этими факторами гражданской войны. Они-то образуютъ первоначальное ядро, наносящее и принимающее первые удары; только за ними идетъ нерѣшительная толпа, натискъ которой, подобно тарану, рушитъ стѣны.

Эта армія анархіи уже собиралась и упражнялась; ей какъ бы дѣлали смотръ во время смутъ, предшествовавшихъ выборамъ 1789 года. У нея были свои коноводы, которые вскорѣ составили себѣ имя въ средѣ инсургентовъ. Уже съ самаго начала революціи, вожаки народныхъ группъ, а затѣмъ и Собранія искали союза съ нею и вмѣстѣ съ нею устроивали заговоры. Политикамъ нужна матеріальная сила, которую можно было бы противопоставить остаткамъ правительства, королю, затѣмъ Собранію и наконецъ собственнымъ соперникамъ-революціонерамъ. Съ этими кондотьерами анархіи вступаютъ въ союзъ: Лакло и герцогъ Орлеанскій противъ двора, Мирабо—противъ короны и Собранія, Барнавъ—противъ Мирабо, жирондисты—противъ конституціонистовъ. Послѣ 10-го августа, къ этому же способу будетъ прибѣгать Дантонъ противъ жирондистовъ, а позднѣе Робеспьеръ противъ Дантона. Анархистамъ необходимъ трибунъ, который покрывалъ бы ихъ своимъ именемъ и доставлялъ бы имъ доступъ къ мѣсту дѣйствія. Они сознаютъ, что если бы явились одни, во всей своей непригляднoсти и со своимъ краснымъ знаменемъ, они внушили бы только ужасъ почтеннымъ людямъ и были бы разбиты. Но они идутъ рука объ руку съ трибунами, увлекая остальныхъ до того дня, когда, сдѣлавшись парижскою коммуной, почтутъ себя властителями Франціи.

Между тѣмъ вожаковъ анархіи буквально прогоняютъ пиками безвѣстные люди, входящіе въ составъ этой арміи. Эти люди ждутъ добычи, и для нихъ нуженъ предѣлъ кроваваго приключенія. Они призываютъ, они требуютъ этого царства народа, о которомъ имъ такъ хорошо говорятъ и которое постоянно отодвигается, по мѣрѣ того какъ они двигаются впередъ. Единственное средство держать ихъ на готовѣ, обуздывать ихъ пылъ, ихъ подозрительность и готовность взбунтоваться, это постоянно указывать имъ на новыхъ враговъ, которыхъ требуется уничтожить, на новыя измѣны, требующія разоблаченія, на новыя препятствія, имѣющія быть разрушенными; однимъ словомъ, надо постоянно поддерживать ихъ свирѣпый пылъ. Эта необходимость, обозначающаяся съ самаго начала революціи, неизбѣжно ведетъ къ преобладанію наиболѣе неистовыхъ людей, ведомыхъ наиболѣе фанатичными. Всѣ вожаки революціи будутъ послѣ-

довательно поглощаемы волнами, которыя выносили ихъ впередъ. Никто не въ силахъ былъ противостоять натиску этихъ анархистовъ; никто не могъ возвыситься помимо ихъ поддержки. У демагогіи будутъ свои преторіанцы, свои стрѣльцы и мамелюки, которые и будутъ рѣшать перемѣну царствованія. Отнынѣ все искусство возвышенія будетъ состоять въ расположеніи къ себѣ мятежной толпы, и тѣ, которымъ удастся возвыситься, принуждены будутъ щадить тайную власть, которая ихъ поддержала. Неизвинительная снисходительность послѣдуетъ за ничѣмъ не оправдываемымъ сообщничествомъ. На другой день послѣ бунта, побѣдители желаютъ получить свою долю въ торжествѣ; всякое сопротивленіе имъ почтено будетъ измѣною и предательствомъ; союзникъ становится ихъ врагомъ и если онъ не пожелаетъ уступить имъ своего мѣста, его ниспровергаютъ. Отсюда странное зрѣлище, представляемое Франціей, начиная съ 1790 г., и изумительный контрастъ между величіемъ революціи и жалкимъ положеніемъ тѣхъ, кто имѣетъ притязаніе на руководящую роль.

III.

Эти характерныя черты революціи особенно ярко проявились 10-го августа, которое было, такъ сказать, вѣщимъ днемъ въ ея исторіи. Этотъ день имѣетъ значеніе не столько по насильственному исходу столкновенія между народомъ и короной, сколько потому, что въ этотъ день опредѣлилась политика одержавшей верхъ партіи. Отношенія между революціей и королевской властью дошли до той степени напряженности, при которой ихъ могла разрѣшить только сила. Королевская власть призывала иностранныя войска: революція призвала къ себѣ на помощь народныя силы, и онѣ, поддерживаемыя національнымъ чувствомъ, восторжествовали безъ труда. Но 10-е августа не только довершило паденіе монархіи, оно рѣшило и судьбу революціи. Оно подтвердило то, что было начато 20-го іюня: режимъ народныхъ переворотовъ и обдуманное примѣненіе инсуррекціи, замѣну права силой и импульсъ безъимянной толпы, вмѣсто свободно обсуждаемаго рѣшенія законодателей. Сила сдѣлалась высшимъ закономъ революціи.

Не будемъ себя обманывать, не станемъ увѣрять себя, что побужденіе опредѣляетъ справедливость дѣйствія. Этотъ софизмъ покрывалъ всѣ узурпаціи и маскировалъ всѣ злодѣйства. Тотъ, кто допускаетъ, что сила можетъ быть судьею права, смѣшиваетъ силу съ правомъ и обрекаетъ себя на подчиненіе въ свою очередь тому, кто окажется сильнѣе. Партіи испробовали противъ короля силу мятежа; онѣ возведутъ его въ систему по отношенію къ Собранію. Средство, употребленное для

уничтоженія верховной власти короля, послужитъ и для узурпаціи власти самого народа. Столкновенія между партіями будутъ отнынѣ регулироваться лишь капитуляціями побѣжденнаго властителя въ пользу побѣдившаго. Жиронда, намѣревавшаяся воспользоваться результатами дня 10-го августа, первая испытаетъ на себѣ его послѣдствія.

Революція овладѣла государственною властью; въ средѣ революціонеровъ возникнутъ фракціи, которыя будутъ оспаривать ее другъ у друга. Въ то же время послѣдуетъ полное измѣненіе условій борьбы для вожаковъ этихъ фракцій. До сихъ поръ, во всѣхъ кризисахъ они имѣли предъ собою противника, противъ котораго и возбуждали народную вражду и на которомъ сосредоточивались всѣ подозрѣнія и вся ненависть. Этого противника не стало. Монархія ниспровергнута. Между тѣмъ, сдѣлавшіеся всесильными, революціонеры увидятъ вокругъ себя обостреніе затрудненій и опасностей, которыя ранѣе приписывались ими исключительно заговорамъ двора и эмиграціи. Для нихъ станетъ необъяснимою невозможность управленія страной и осуществленіе утопіи мира и благоденствія. Такъ какъ человѣкъ, по ихъ ученію, добродѣтеленъ отъ природы, то если добродѣтель не торжествуетъ, виною тому являются тѣ, кто ей противится. Это—злодѣи, они составляютъ единственное препятствіе торжеству добродѣтели: достаточно будетъ устранить ихъ, чтобы водворилось царство добродѣтели. Такимъ образомъ каждый будетъ приписывать сопернику порокъ, который носитъ въ себѣ и парализуетъ его самого; всѣ будутъ думать, что освобождаются, уничтожая противниковъ. Революціонеры привыкли къ свирѣпой инквизиціи, по отношенію къ двору и дворянамъ; они будутъ практиковать ее и по отношенію къ соперникамъ. Ненависть ихъ будетъ возбуждаться даже тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе стоятъ къ нимъ соперники по своимъ воззрѣніямъ. Враждебность третьяго сословія 1789 г. къ аристократіи ничто въ сравненіи съ враждою демократовъ 1792 г. къ умѣреннымъ и конституціонистамъ; ожесточеніе жирондистовъ противъ австрійскаго комитета было превзойдено отвращеніемъ якобинцевъ къ Жирондѣ.

То же самое можно сказать и о фракціяхъ, порожденныхъ соперничествомъ изъ-за власти въ средѣ самихъ якобинцевъ. Внѣшнія проявленія этихъ несогласій разовьются только послѣ 10-го августа; но они подготовлялись задолго до этого дня, обнаружившаго ихъ съ особенною яркостью. Необходимо выяснить этотъ переходный моментъ. Если упустить изъ вида нить, связывающую его съ послѣдующимъ, и не различить тѣсной зависимости, ихъ взаимно обусловливающей, то приходишь если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ объясненію чрезвычайными обстоятельствами тѣхъ мѣръ, которыя хотя и вызваны были этими обстоятель-

ствами, но истинная причина которыхъ возникла давно и имѣла болѣе общее и глубокое значеніе.

Апологеты террора представляютъ его необходимымъ слѣдствіемъ національной войны, дѣломъ, совершеннымъ нѣсколькими колоссами ради спасенія отечества, такъ что невозможно клеймить его, не отрекаясь въ то же время отъ всѣхъ великихъ дѣлъ революціи. Но терроръ не былъ новымъ явленіемъ въ исторіи. Подчинять людей путемъ устрашенія было всегда грубымъ пріемомъ деспотизма. Террористы революціи прибѣгнутъ къ этому средству для того, чтобы удержаться у власти, такъ какъ иного способа у нихъ не имѣлось. Они будутъ пользоваться этимъ средствомъ, ради собственнаго спасенія, а затѣмъ станутъ мотивировать его государственною пользою. Ранѣе чѣмъ стать правительственною системою, терроръ будетъ лишь средствомъ удержаться у власти, а въ систему возведутъ его лишь въ видахъ оправданія этого средства. Царство устрашенія будетъ во время революціи только формою торжества крайнихъ, но торжество это проистекаетъ изъ причинъ, задолго предшествовавшихъ 1792 году.

Начиная съ Варенна, король и его правительство въ глазахъ громаднаго большинства французовъ—не болѣе какъ сообщники эмигрантовъ и иностранцевъ. На защиту короля вооружилось только нѣсколько ничтожныхъ кучекъ людей, разсѣянныхъ по провинціямъ; большинство націи привѣтствуетъ всѣ ограниченія королевской власти какъ мѣры общественной безопасности. На сторонѣ революціонеровъ были не только страсти, но и самое малодушіе и боязнь. Имъ довѣрялись всѣ заурядные, смиренные, всѣ испуганные и смущенные. Среди опасностей, грозившихъ Франціи отъ вторженія иностранныхъ войскъ и контръ-революціи, эти люди болѣе всего опасались мести со стороны эмигрантовъ. Этому ужасу они предпочитали даже самую анархію. Они говорили себѣ, что безпорядки—дѣло временное и потому не мѣшали революціонерамъ послѣдовательно овладѣть всѣми твердынями власти. Послѣдніе овладѣли ею, потому что обладали смѣлостью и потому что трусы, уступая имъ ради собственнаго спасенія воображали, что спасаютъ такимъ образомъ революцію и Францію. Къ тому же терроръ примѣнялся не одними революціонерами. Вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ, ихъ противники могли бороться съ ними не иначе, какъ тѣмъ же способомъ. Безсиліе сторонниковъ стараго режима, не умѣвшихъ ни понять значенія революціи, ни обуздать ее, побуждало ихъ единственно къ ея подавленію. Неспособные убѣдить революціонеровъ сторонники стараго режима мечтали объ ихъ уничтоженіи. Эмпиризмъ старой власти поглощается тою же бездной банкротства, какъ и утопія власти новѣйшей. Ни та ни другая сторона не отвергаетъ этихъ злоупотребленій силою; обѣ одинаково ищутъ ея зловѣщаго престижа. «Я полагаю,

что парижанъ необходимо устрашить»,—пишетъ Монморенъ Ла Марку.— «Страхъ будетъ двигать этимъ Собраніемъ въ томъ направленіи, по которому оно идетъ, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока страхъ иного рода толкнетъ его на другой путь. Будьте увѣрены, что эти люди уже неспособны ни къ какому иному побужденію, кромѣ страха». Рѣшено ихъ устрашить. Манифестъ 25-го іюля и не имѣлъ другой цѣли, а въ главномъ штабѣ эмиграціи намѣревались выполнить его буквально. Въ Кобленцѣ только и рѣчи, что о карахъ разнаго рода: «вѣшать, истреблять, подавлять,—вотъ что собирались дѣлать», передаетъ одинъ роялистъ. «Надо истребить это логовище убійцъ», говоритъ одинъ изъ представителей Густава Ш. «До тѣхъ поръ пока существуетъ Парижъ, во Франціи никогда не будетъ королей». Весьма понятно, что революціонеры не захотѣли ждать Варѳоломеевской ночи и драгонадъ, которыхъ имѣли основаніе опасаться, а напротивъ нашли нужнымъ предупредить ихъ. «Кровь польется рѣкой», писала мать одного изъ террористовъ. «Желая достигнуть цѣли, нельзя отворачиваться отъ средствъ; не надо впадать въ дурно понятую гуманность»...

Все содѣйствовало кровавой диктатурѣ. Люди, которые среди анархіи достигли власти, были наиболѣе способны къ организаціи насилія и систематизаціи террора, какъ по своему темпераменту, такъ и по своимъ воззрѣніямъ. Якобинцы были и сектой и партіей: они олицетворяли и довели до высочайшей степени развитія тотъ духъ фанатизма, который проявился уже съ самаго начала революціи и отнынѣ сдѣлался господствующимъ, благодаря ихъ вліянію. Нельзя сказать, чтобы этотъ духъ былъ свойственъ доктринамъ, служившимъ исходной точкой революціи, ни также самой этой революціи. Особый оттѣнокъ якобинскаго фанатизма былъ приданъ литературой; существенная черта его принадлежитъ фанатикамъ всѣхъ временъ. Мысль ихъ узка, жестка, безплодна, но сурова и прямолинейна. Якобинцевъ не смущаетъ и не колеблетъ критика ихъ принциповъ; препятствія или чувство не въ силахъ отвлечь ихъ отъ цѣли. Возраженія они считаютъ кощунствомъ; они отвергаютъ ихъ, не стараясь понять, и пренія для нихъ заключаются въ устраненіи аргумента путемъ уничтоженія противника. Если они не могутъ устранить препятствія, то бросаются на приступъ съ такимъ бѣшенствомъ, что или опрокидываютъ ихъ, или гибнутъ сами. Что касается гуманныхъ соображеній, то они смотрятъ на нихъ какъ на слабость или даже какъ на вѣроотступничество. Тотъ, кто споритъ, считается нечестивцемъ, кто колеблется—измѣнникомъ. Жирондисты и Дантонъ поочередно узнаютъ, чего стоитъ быть государственнымъ человѣкомъ или просто человѣкомъ среди этихъ ревнителей. Они не только убѣжденные догматики, они люди, одержимые *idée*

fixe: догматъ ослѣпляетъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что ихъ богословіе есть не что иное, какъ апоѳеозъ своего я; идея влечетъ ихъ къ цѣли тѣмъ непреодолимѣе, что цѣль эта въ сущности—не что иное, какъ торжество ихъ собственной гордости. Ихъ вѣра преисполнена пожирающаго соперничества и самолюбія. Нетерпимость становится у якобинцевъ острою формою соперничества. Но они не сознаютъ этого, и побужденія эгоизма сливаются у нихъ съ пламенною горячностью вѣры.

Это броженіе наиболѣе интенсивныхъ страстей должно привести къ страшному взрыву; якобинцы сосредоточивали въ себѣ то, что духъ секты и партіи можетъ внушить самаго ужаснаго. Лига возродилась въ іерархіи ихъ афильяцій [1]); инквизиція—въ ихъ тайной полиціи, въ доносахъ, безаппеляціонныхъ трибуналахъ, безпощадныхъ судьяхъ и эшафотахъ. Прозелитизмъ ихъ организовался по плану Игнатія Лойолы [2]); онъ будетъ навязываться вооруженною силою, по примѣру Магомета [3]). Это сходство якобинскаго фанатизма съ фанатизмомъ религіознымъ поражало всѣхъ

---

[1]) «...Грозное общество, созданное съ цѣлью разрушенія всего, что не захотѣло бы къ нему присоединиться. Его главною пружиною была клятва взаимопомощи и вѣрности до гроба, режимъ устрашенія и повиновенія высшему главѣ, подлежавшему избранію.... Образовавшись въ одномъ пунктѣ королевства и объявивъ о своемъ конституированіи манифестами, эта лига быстро распространилась». *Augustin Thiery*, *Histoire du tiers état*, Paris, 1853, p. 102.—У нея есть своя мятежная армія. «Все, что было безпутнаго въ этой столицѣ, передаетъ де Ту, всѣ, кто находилъ въ междуусобной войнѣ возможность дать волю своей разнузданности или своей алчности и честолюбію, завербовывались въ эту милицію». У нея были и свои демагогическіе ораторы. «Парижъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—не знаетъ себѣ цѣны. Онъ довольно богатъ для того, чтобы вести войну съ четырьмя королями. Франція больна; она не поправится, если не дать ей кроваваго питья». Guizot, *Histoire de France*, Paris 1874, t. III, p. 383, 401, 407.

[2]) «По своимъ дарованіямъ и способностямъ», пишетъ Андре Шенье, «они походятъ на Общество Іисуса. Ихъ общество есть та же конгрегація»: развѣтвленія подчинены центральному кружку. Такимъ же образомъ римская церковь насаждала вѣру и управляла міромъ при посредствѣ монашескихъ братствъ. Одно принятіе въ этотъ союзъ, подобно крещенію Константина, омываетъ отъ всякаго преступленія, стираетъ кровь и убійства. Ученіе о доносѣ, какъ о похвальномъ и полезномъ поступкѣ, независимо отъ его ложности или справедливости,—не только практикуется въ немъ, но преподается, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ того, что іезуиты называли «opinion probable». André Chénier *Oeuvres en prose*, p. 311, 122, 124, 125.

[3]) «Эта опасная секта распространяется на подобіе исламизма, посредствомъ оружія и убѣжденія... Конвентъ и якобинскій клубъ организовали свои прозелитическія миссіи въ странѣ и за границей, подобно тому, какъ организованы были іезуитами ихъ миссіи въ Америкѣ и Китаѣ». Mallet du Pan, t. II, p. 135.

современниковъ. Пытаясь опредѣлить партію, овладѣвшую Франціей и грозившую овладѣть Европой, современники постоянно возвращались къ перечню религіозныхъ преслѣдованій и способовъ религіозной пропаганды. Это сходство можно назвать, по справедливости, классическимъ, не впадая притомъ ни въ злоупотребленіе словами, ни въ извращеніе смысла [4]).

Все это, разъясняя царство террора и мрачныя, жестокія и банальныя стороны революціи, не объясняетъ однако ни ея величія, ни ея новизны. Двадцатипятимилліонный народъ внезапно подпадаетъ власти партіи фанатиковъ, допускаетъ фанатизировать себя, слѣпо подчиняется ихъ законамъ, отдаетъ имъ свою кровь, свое богатство, забывая о всѣхъ внушеніяхъ и расчетахъ благоразумія, и притомъ проявляетъ искреннее воодушевленіе; эта обширность власти, это чудо покорности, вотъ что дѣйствительно превосходитъ все то, что было при прежнихъ мятежахъ, но все это не противорѣчитъ духу исторіи Франціи. Особенности зависятъ здѣсь не отъ характера ученій, ни отъ интенсивности кризиса: онѣ коренятся въ душахъ, воспринимающихъ эти ученія, въ той средѣ, гдѣ происходитъ кризисъ, т. е. въ самой Франціи, въ ея населеніи, общественномъ складѣ, а равно и въ ея историческомъ прошломъ. Въ этомъ весь секретъ революціи. Тотъ, кто сталъ бы искать его въ чемъ-либо другомъ, рисковалъ бы остаться при поверхностномъ сужденіи и затеряться въ симптомахъ. Онъ смутился бы посредственностью отдѣльныхъ личностей, скудостью ученій, грубостью способовъ и не понялъ бы ни громадности авторитета новыхъ деспотовъ, ни мощныхъ событій, совершившихся при ихъ господствѣ: національной обороны, возрастанія французскаго вліянія въ западной Европѣ и грандіознаго начала завоеванія стараго свѣта французскими идеями.

---

[1]) Жозефъ де Местръ, который глубоко ненавидѣлъ якобинцевъ, и понималъ ихъ, быть можетъ, вѣрнѣе, чѣмъ всѣ остальные мыслители, относился къ нимъ совершенно такимъ же образомъ, какъ смотритъ церковь на лжепророковъ и еретиковъ: онъ указываетъ на ихъ «адскую геніальность» и на «сатанинскій характеръ» ихъ дѣятельности. Онъ видитъ въ нихъ безсознательное орудіе Провидѣнія и приходитъ къ такому заключенію: «Революція могла восторжествовать только энергіей и обширностью революціоннаго духа или, если можно такъ выразиться, вѣрою въ революцію». *Considérations sur la France.* Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ замѣчаетъ, по поводу тѣхъ же якобинцевъ-террористовъ: «Родъ человѣческій можно сравнить съ деревомъ, вѣтви котораго постоянно подстригаетъ рука невидимаго садовника, и которое нерѣдко только выигрываетъ отъ такой операціи».—Вѣрующіе въ революцію, напротивъ, видѣли «сатанинское дѣло» въ постоянномъ заговорѣ контръ-революціи. «Я свято вѣрю въ чудесный промыселъ Божій по отношенію къ народу». «По истинѣ, Святой Духъ снизошелъ на апостоловъ конституціи». *Journal d'une bourgeoise.*

Если вмѣсто болѣе глубокаго изслѣдованія ограничиться внѣшнимъ сцѣпленіемъ фактовъ и пустою игрою литературной антитезы и видѣть только палачей и войско, правительство, которое истребляетъ, и героевъ, жертвующихъ собою, то неизбѣжно придешь къ парадоксальному выводу—приписать наиболѣе величавое дѣло, совершенное Франціей, унизительнѣйшей тиранніи, когда-либо ею испытанной. Историческая цѣпь порывается; нѣтъ болѣе послѣдовательности, а слѣдовательно и правды. Но если, вмѣсто того чтобы установлять произвольное отношеніе зависимости между этими разнородными явленіями, мы поищемъ тождества ихъ происхожденія и общей точки отправленія, тогда цѣпь возстановляется, причины выдѣляются и послѣдствія, изъ нихъ вытекающія, становятся ясными. Эти причины коренятся въ самой Франціи и въ ея національномъ духѣ, достаточно мощныхъ, чтобы породить и одновременно развивать столь противоположные элементы.

IV.

Революція вызываетъ во французахъ все, что въ нихъ есть хорошаго и дурного. Личный интересъ и національное чувство, честолюбіе и безкорыстіе, ненависть къ цѣлому классу людей и любовь къ человѣчеству, зависть къ знатнымъ и состраданіе къ бѣднякамъ, увлеченіе новыми истинами и инстинктъ наслѣдственныхъ традицій,—все это вмѣстѣ бродитъ въ народѣ и поднимаетъ его единымъ мощнымъ порывомъ. Французы были убѣждены, что овладѣли секретомъ возрожденія человѣчества и жертвовали жизнью за такое убѣжденіе; они вѣрили, что возрождаютъ міръ, завоевывая его, что французскій патріотизмъ и міровая справедливость—одно и тоже, что, наконецъ, революція водворяетъ эту справедливость и что всѣ разнузданныя ею страсти—добродѣтели. Путемъ этой пропаганды якобинцы овладѣли французами. Впрочемъ они пропагандировали и собственнымъ примѣромъ. Несмотря на педантическій формализмъ, на пустую патетичность реторики и узость взгляда, якобинцы обладали тою глубокою вѣрой, которая превращаетъ инквизитора въ миссіонера и пророка. «Хорошо!—восклицаетъ Робеспьеръ по опубликованіи манифеста герцога Брауншвейгскаго,—надо, чтобы французы вынесли на своихъ плечахъ тяжесть всего міра. Надо, чтобы они были въ средѣ народовъ тѣмъ, чѣмъ былъ Геркулесъ въ средѣ героевъ!» [1]). Народъ, которому трибуны держатъ такія рѣчи, уже въ теченіе вѣковъ поставлялъ свою гордость въ національномъ прозелитизмѣ. Такимъ образомъ, по словамъ глубочайшаго

[1]) Рѣчь, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 29 іюня 1792 г.

изъ изслѣдователей французской революціи, «она дѣйствовала по отношенію къ земному міру совершенно такъ же, какъ дѣйствовали религіозныя революціи въ виду другого міра..... или, вѣрнѣе, она стала сама своего рода новой вѣрой, правда неполной,—безъ Бога, безъ культа и надежды на загробную жизнь,—но подобно исламизму наводнившей всю землю своими солдатами, апостолами и мучениками» [2]).

Исламизмъ распространялся, порабощая народы и опустошая страны. Ни по своей цѣли, ни по совершеннымъ дѣяніямъ французская революція не можетъ быть поставлена рядомъ съ нимъ. Если революціонерами овладѣваетъ духъ завоеванія, одушевлявшій и арабовъ, если соціальные догматы, исповѣдуемые первосвященниками якобинства, повидимому, способны раздавить человѣческую свободу тою же тяжестью, которою давилъ ее Коранъ, то въ устахъ ихъ послѣдователей пропаганда со всѣхъ сторонъ прорываетъ узкую рамку новой государственной религіи. Не богословъ обращалъ въ новую вѣру, а апостолъ; апостоломъ же являлся гуманный, горячій и любвеобильный сынъ Франціи. Онъ истолковывалъ «Права человѣка» своимъ сердцемъ и воображеніемъ, а его сердце было проникнуто горячностью *Савойскаго Викарія* несравненно болѣе, чѣмъ его разумъ былъ пропитанъ жесткими софизмами *Общественнаго договора.* Предпринятая во имя освобожденія народовъ война была не мусульманскимъ вторженіемъ, а крестовымъ походомъ, такимъ, какъ проповѣдывалъ его святой Бернардъ, когда восклицалъ: «Спѣшите взяться за оружіе, и да прогремятъ въ христіанскомъ мірѣ слова пророка: горе не омочившему въ крови меча своего!» Если мы присмотримся къ французамъ 1792 г., то въ этой толпѣ бѣдняковъ, идущихъ къ границѣ сражаться за свободу Франціи и во имя свободы стараго міра, мы увидимъ потомковъ пламенныхъ средневѣковыхъ воиновъ, неустрашимыхъ и необузданныхъ, шедшихъ на призывъ своихъ монаховъ и ждавшихъ совершенія чуда. Мы увидимъ также и бѣшеныхъ пастуховъ, которые, оставаясь въ королевствѣ въ то время, какъ ихъ земляки гибнутъ по пути къ Востоку, грабятъ и расхищаютъ, ищутъ Іерусалима въ замкахъ своихъ господъ и думаютъ, что спасаютъ душу свою, избивая дворянъ. Мы увидимъ возрождающихся безпощадныхъ пропагандистовъ юга и рядомъ съ народнымъ крестовымъ походомъ—походъ инквизиторовъ и грабителей, походъ альбигойцевъ, страшный идеалъ террористовъ. Мы услышимъ изъ устъ легендарнаго легата Каррье слѣдующія слова: «Бейте, бейте, Богъ распознаетъ своихъ»! Ни одна изъ ужасающихъ чертъ прошлаго не будетъ опущена на картинѣ; но эти черты не будутъ преобладающими,

---

[2]) Tocqueville, *l'Ancien Régime et la Révolution*, liv. I, ch. III.

и образъ, въ своемъ цѣломъ, останется, какъ и въ былыя времена, героическимъ образомъ.

Къ традиціоннымъ чувствамъ и страстямъ присоединяются новыя, которыя удвоиваютъ силу первыхъ. Война является не только національнымъ призваніемъ и блестящимъ приключеніемъ, она требуется общественнымъ спасеніемъ. Прежде чѣмъ избавлять и обращать иностранцевъ, французамъ приходится заботиться о собственномъ спасеніи. Дѣло идетъ о независимости Франціи, о свободѣ ея гражданъ. Это дѣло первой важности и касается всѣхъ французовъ. Имъ извѣстно, что̀ такое иноземное нашествіе и что̀ такое старый порядокъ. Они не хотятъ ни того, ни другого. Отечеству грозитъ расчлененіе, ихъ ожидаетъ порабощеніе: они рѣшились бороться до послѣдней капли крови, скорѣе, чѣмъ уступить хотя-бы одну провинцію или отказаться отъ своихъ гражданскихъ правъ.

Якобинцамъ будутъ повиноваться, потому что они приказываютъ воевать, а всѣ хотятъ войны, а также и потому, что всѣ привыкли повиноваться тѣмъ, кто приказываетъ сверху и обладаетъ при этомъ достаточною твердостью. Якобинцы навяжутъ правительство странѣ, въ которой оно только что исчезло, которая не можетъ безъ него обойтись и болѣе чѣмъ когда-либо въ немъ нуждается. При старомъ порядкѣ, Франція пріучена была молча переносить власть абсолютизма, сосредоточенную въ рукахъ нѣсколькихъ начальниковъ, которые изъ Парижа или Версаля передавали во всѣ части государства, посредствомъ сѣти агентовъ, приказы, оспаривать которые не полагалось. Такого рода правительство приспособлено было къ веденію войнъ и къ завоеваніямъ. Слуги короля до такой степени упростили механизмъ власти, что даже неискусные и грубые начальники могли пользоваться имъ, лишь-бы только знали чего хотятъ и умѣли быть постоянными въ своихъ намѣреніяхъ. Якобинцы нашли вмѣстѣ съ орудіемъ и работниковъ, которыхъ оно требовало. Администраторы, интенданты, легисты, совѣтники, чиновники,—всѣ, кто направлялъ государственную работу королевства и всѣ, кто ее исполнялъ, выходили изъ рядовъ той самой образованной, честолюбивой и властолюбивой буржуазіи, которая совершила революцію и стремилась эксплуатировать ее въ свою пользу. Эти люди примкнули къ якобинцамъ или потому, что раздѣляли ихъ фанатическое увлеченіе, или же потому, что привыкли служить правительству и дорожили властью. Изъ этой среды вышли: оба Мерлена, Камбонъ, Пріёръ, Карно, Ревбель, Жанъ-Бонъ-Сентъ Андре, Дюбуа-Крансе, Кошонъ, Трельяръ, Тибодо и всѣ будущіе министры общественнаго спасенія. Это были люди дѣла, неукротимая энергія и находчивость которыхъ превратили пламенные призывы Дантона, декламаторскія абстракціи Робеспьера

и буйные декреты Конвента въ цѣлесообразные приказы и дали вооруженныхъ солдатъ, пушки, боевые снаряды и припасы.

Такимъ-то путемъ уже съ 1791 г. лагери пополняются отважною и смѣлою молодежью. Они приносятъ туда страсть, сосредоточивающую всѣ политическія доблести, т. е. патріотическое чувство. «О, вы всѣ», восклицалъ Андре Шенье среди бѣдствій и горечи политическихъ раздоровъ, «вы, чья душа умѣетъ распознавать честное и доброе; вы, у кого есть родина и кто знаетъ, что̀ такое родина; кто зналъ, что̀ говорилъ, когда клялся защищать ее и для кого слова: *жить свободнымъ или умереть* что нибудь значатъ; граждане французскіе, вы всѣ, у кого есть сыновья, жены, родители, братья, друзья, съ которыми и ради которыхъ вы хотите побѣдить, съ кѣмъ и ради кого вы рѣшились умереть, до какихъ же поръ будете вы говорить о своей свободѣ для того, чтобы оставаться рабами безбожныхъ партій? Возвысьте же голосъ, откройтесь! Пусть проявитъ себя Франція!..» И Франція явила себя. Ея образъ отразился всего полнѣе въ ея арміяхъ. Нигдѣ не проявилось въ такой степени національное чувство и благородная гордость. Въ этихъ арміяхъ олицетворилось національное единство, которое въ теченіе вѣковъ подготовляла монархія. Короли слили воедино всѣ элементы отечества; революція освободила его отъ формы, въ которую оно было отлито. Форма была разбита, но содержимое вышло вполнѣ законченнымъ и несокрушимымъ. «Господинъ генералъ, король уѣхалъ, онъ спасается бѣгствомъ!» отвѣчалъ во время вареннскаго событія растерявшійся агентъ администраціи на требованіе мѣръ безопасности. «Если онъ уѣхалъ—Франція остается», возразилъ генералъ. «Обсудимъ, что̀ слѣдуетъ предпринять».

Порваніе всѣхъ узъ, завязанныхъ съ самаго начала французской государственной жизни, не могло совершаться безъ неурядицы. Большинство дворянъ-офицеровъ покинуло своихъ солдатъ, отказавшихся имъ повиноваться, и эмигрировало, чтобы въ тѣни изгнанія гоняться за призракомъ той Франціи, которая исчезла навѣки. Нѣкоторые остались. Нарбоннъ подалъ имъ благородный примѣръ. Мотивы ихъ поведенія всего яснѣе обозначаютъ нить, связывающую новую Францію съ ея прошлымъ. «Вы должны, генералъ», писалъ Булье одинъ изъ его пріятелей [2]), «вспомнить, что вы французъ, какъ бы взволнованы вы ни были! Нѣтъ, вы никогда не послужите своими знаніями и своимъ мужествомъ расчлененію или порабощенію государства. Не таковы были ваши планы, когда вы намѣревались отвезти короля въ Монмеди. Вы хотѣли, напротивъ, избавить королевство отъ позора чужеземнаго ига; возможно ли̇, что теперь вы могли бы содѣйствовать такому порабощенію! Вы хорошо знаете, генералъ, въ

[2]) Графъ де-Гуверне, 15 іюля 1791 г. Bouillé, *Mémoires*.

чемъ заключается истинная слава, и вы не можете не знать, что это не славное дѣло» [3]). Викторъ Брольи, вернувшійся на службу по выходѣ изъ Учредительнаго собранія, остался на своемъ посту, «чтобы участвовать въ отпорѣ иностранному нашествію». «Мѣсто всякаго честнаго человѣка въ арміи», писалъ одинъ только что окончившій образованіе молодой дворянинъ. «Хотя бы вся армія эмигрировала», говорилъ Ла Туръ д'Овернь, «я бы остался во Франціи».

Но армія не эмигрировала. Напротивъ, она давала отпоръ попыткамъ вербовки со стороны прежнихъ офицеровъ, перешедшихъ въ партію принцевъ, и пропагандѣ агентовъ эмиграціи. Она отказываетъ Булье, какъ откажетъ позднѣе Лафайету и Дюмурье. Арміи нѣтъ дѣла до того, что̀ происходитъ въ государствѣ; она не освѣдомляется объ именахъ тѣхъ, кто правитъ. Она сражается не за нихъ, а за Францію. Она смотритъ впередъ, на чужеземцевъ, грозящихъ отечеству расчлененіемъ, а не назадъ, не туда, гдѣ находятся раздирающія его партіи. Она идетъ къ наиболѣе настоятельному дѣлу, она спѣшитъ на помощь всей своей странѣ и не колеблется въ выборѣ средствъ, потому что выбора этого нѣтъ и остается только одно: идти на врага. Долгъ ясенъ и очевиденъ. До той поры, пока коалиція будетъ напирать на границы, пока эмиграція будетъ вооружаться для отмщенія, пока Франціи и революціи будетъ грозить опасность, армія будетъ сражаться, не требуя отъ своихъ начальниковъ ничего, кромѣ того, чтобы ее вели въ битву. Ею руководитъ таинственный и священный инстинктъ. Она непосредственно дѣлаетъ то, что могла продиктовать Франціи сама мудрость. Кто не проникнется патріотическимъ чувствомъ, читая ту страницу, гдѣ Жозефъ де-Местръ вызываетъ передъ французскими солдатами духа ихъ родины и заставляетъ сказать имъ: «Въ ту минуту, когда армія станетъ вмѣшиваться въ политику, государство распадется, и враги Франціи, пользуясь этимъ распаденіемъ, проникнутъ въ нее и раздѣлятъ ее. Мы должны дѣйствовать не для настоящей минуты, а для будущихъ временъ: прежде всего слѣдуетъ сохранить цѣлостность Франціи, а этого мы можемъ достигнуть только сражаясь за правительство, каково бы оно ни было; потому что такимъ образомъ Франція, несмотря на свои внутреннія распри, сохранитъ свою военную силу и свое внѣшнее вліяніе». «Такъ могъ говорить великій философъ», прибавляетъ Жозефъ де-Местръ, и именно такъ думалъ французскій народъ. «Отовсюду спѣшили къ ору-

---

[3]) Эмигрантъ де-Галерми, по прочтеніи *Précis de la Révolution* Лакретелля, строго осуждающаго братьевъ Людовика XVI, такъ какъ «ничто не искупаетъ войны, навлеченной на отечество», писалъ Луи Филиппу: «Много ночей не спалъ я изъ-за этихъ словъ. Мнѣ казалось, что я слышу сужденіе самой Франціи». *Papiers d'un émigré.*

жію», передаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ воиновъ революціонной эпохи; «всѣ, кто былъ въ силахъ, отправлялись къ лагерямъ. Каждый бросалъ свое дѣло, и вотъ образовались цѣлыя арміи, обезпечившія торжество Франціи. Патріотизмъ замѣнилъ собою все...» Онъ же упростилъ, поглотилъ и облагородилъ все.

Среди бѣдствій государства и анархіи въ странѣ, арміи возстановятъ сплоченное, сильное и дисциплинированное общество. Въ то время, какъ изступленные люди будутъ профанировать и заливать кровью родину, войска олицетворятъ предъ лицомъ Европы славный и непорочный образъ Франціи. Революція останется здѣсь на степени идеала. Энтузіазмъ сохранится въ своей первоначальной чистотѣ [4]). Между тѣмъ какъ въ государствѣ царятъ тираннія и партійный раздоръ, республика получаетъ осуществленіе въ лагеряхъ. Но эта республика только по чисто внѣшнимъ пріемамъ напоминаетъ Римъ: всѣ ея помыслы, чувства и доблести—чисто французскіе. Хотя классическія метафоры были въ большомъ ходу у воиновъ революціи, въ лицѣ ихъ воскресали не древняя Греція, не плутарховскій Римъ, а Франція временъ пѣсни о Роландѣ [5]). Правда, они говорятъ о Фокіонѣ, Аристидѣ, Сципіонѣ, Цинциннатѣ и гордятся тѣмъ, что повторяютъ ихъ дѣла: но это только мода, отзвукъ условной литературы. На самомъ дѣлѣ они воскрешаютъ Дюгескленовъ, Байярдовъ, Тюренновъ и Вобановъ. Ихъ національность проявляется въ способѣ веденія войны, въ способѣ завоеванія и въ томъ представленіи, которое составили они себѣ о республикѣ, за которую сражались. Они—главнѣйшая опора Франціи въ этомъ кризисѣ и истинное орудіе общественнаго спасенія. Если бы Фран-

---

[4]) «Въ 1794 г.,—говорилъ Стендаль,—всѣ наши искреннія чувства заключались въ стремленіи быть полезнымъ родинѣ. Все остальное—одежда, пища, повышеніе—было въ нашихъ глазахъ жалкою эфемерною потребностью... Мы собирались только на такія празднества, которыя возбуждали въ насъ любовь къ родинѣ. Наши глаза наполнялись слезами при видѣ надписей въ честь маленькаго барабанщина Барра на улицахъ. Эти чувства были нашею единственною религіей». *Vie de Napoléon*, Paris 1876, p. 2. *Mémoires de Lavalette.*—Chuquet. Taine, *la Révolution*, t. II, p. 478.

[5]) См. Gaston Paris, *la Poésie au moyen âge*, Paris 1885. La chanson de Roland et la *nationalité française*. «Французское отечество было основано (въ половинѣ одиннадцатаго вѣка), національное чувство уже существовало въ самомъ благородномъ смыслѣ». Въ немъ преобладали двѣ отличительныя черты: «стремленіе къ единству и стремленіе къ распространенію. Франція смотритъ на себя какъ на носительницу христіанской миссіи... Она уже видѣла свою истинную задачу въ проявленіи нравственной гегемоніи надъ остальною Европой, съ цѣлью совершенія великаго общаго дѣла». Въ ней замѣчалась уже «потребность осчастливливать по-своему народы, помимо ихъ желанія», p. 102—106.

ція для веденія этой гигантской борьбы не дала такого особеннаго поколѣнія воиновъ, ее не спасли бы и благороднѣйшія убѣжденія, и сознаніе необходимости войны, и вся открывшаяся возможность къ проявленію доблести и генія.

V.

Въ то время, когда Франція съ такою смѣлостью бросалась въ наступательную войну, она едва была въ силахъ и защищаться. Вмѣсто 300000 линейныхъ солдатъ и волонтёровъ, которыхъ сторонники войны льстили себя надеждой противопоставить непріятелю, Франція, если не считать гарнизоновъ, могла двинуть противъ нѣмцевъ только 82000 человѣкъ, разбросанныхъ на протяженіи отъ Дюнкирхена до Базеля: 24000 во Фландрію, 19000 въ Седанѣ, 17000 въ Мецѣ, 22000 на Рейнѣ. Армейскія войска отличались патріотизмомъ и преданы были новому порядку; но они только что вышли изъ казармъ, ихъ приходилось обучать на мѣстѣ. Въ офицерахъ ощущался большой недостатокъ: изъ 9000 армейскихъ офицеровъ, эмигрировало 6000. «Съ точки зрѣнія физической силы и патріотическаго духа, волонтеры не оставляли желать ничего лучшаго» говоритъ Гувіонъ де-Сенъ-Сиръ. Эти волонтеры 1791 г.—единственные, дѣйствительно заслуживавшіе этого имени и въ общемъ оправдывавшіе славную легенду, съ ними связанную—принесли въ армію превосходный рекрутскій элементъ; но они еще ничего не знали о военномъ ремеслѣ. Они выказывали большое одушевленіе, но ихъ энтузіазмъ легко переходилъ въ отсутствіе дисциплины; паника таилась въ ихъ душѣ, ее порождала подозрительность. «Это—истинные французы. Натура у нихъ хорошая,—писалъ одинъ изъ генераловъ,—но легкость обязательствъ привела множество людей, не привыкшихъ къ повиновенію и дисциплинѣ, требуемой службой. Безъ повиновенія же немыслимо и командованіе». Въ полномъ порядкѣ была одна только артиллерія, первая въ Европѣ, какъ утверждали иностранцы; она, конечно, была слишкомъ малочисленна, но прекрасно снабжена и обладала хорошими командирами. «Люди были прекрасно обучены и въ нихъ замѣчался превосходный духъ». Офицеры, недавно выпущенные изъ военно-учебныхъ заведеній и отъ которыхъ не требовалось дворянскаго происхожденія, эмигрировали въ несравненно меньшемъ количествѣ, чѣмъ армейскіе. То же самое можно сказать и о корпусѣ инженеровъ. Все остальное, то есть бо́льшая часть пѣхоты и кавалеріи, сохранила только кадры нижнихъ чиновъ. Несмотря на прекрасныя качества унтеръ-офицеровъ, въ особенности кавалерійскихъ, возстановленіе командованія было затруднительно и шло медленно. Пополнить составъ офицеровъ можно было не иначе, какъ допуская два разряда людей, одинаково

неудобныхъ: уволенныхъ изъ прежнихъ войскъ и военныхъ, бросившихся въ революцію въ силу своихъ политическихъ воззрѣній.

Генералы, стоявшіе во главѣ арміи въ моментъ объявленія войны, быстро исчезли со сцены: Рошамбо не поладилъ съ товарищами и вышелъ въ отставку; Лафайетъ былъ вынужденъ перейти границу и былъ взятъ въ плѣнъ; Люкнеръ, баварецъ, служившій по найму, былъ посредственностью и отличался лукавствомъ; къ тому же онъ былъ старъ и съ годами потерялъ мужество: его уволили [1]). Пришлось обратиться къ опальнымъ старой арміи. Генералы этого разряда приступали къ революціонной войнѣ, сохранивъ привычки, рутину и способы веденія политическихъ войнъ восемнадцатаго вѣка. Самымъ молодымъ изъ нихъ тридцать восемь, самымъ старымъ шестьдесятъ лѣтъ; умственный складъ ихъ уже вполнѣ опредѣлился. Въ военномъ дѣлѣ они соотвѣтствуютъ тому, чѣмъ были конституціонисты въ политикѣ. Таковы: Биронъ, котораго мы уже встрѣчали въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ; Мену, докладчикъ авиньонскаго комитета, экзальтированный, но въ сущности хорошій солдатъ; Кюстинъ, рожденный для смѣлыхъ военныхъ подвиговъ, оригинальныхъ выходокъ и завоеваній; Монтескьу, свѣтскій человѣкъ; Ла Бурдонне, вздорный и посредственный человѣкъ; Канкло—galant homme и превосходный офицеръ: всѣ они сразу перешли отъ генералъ-маіорства къ высшему командованію [2]). Къ этимъ дворянамъ-философамъ, обоготворявшимъ свободу, большею частью фрондерамъ и недовольнымъ придворнымъ, примкнули офицеры, избравшіе военную службу по призванію, но которымъ не везло по службѣ или которые подверглись неудачамъ, удалившимъ ихъ отъ военнаго поприща.

Первымъ явился Дюмурье; но въ немъ политикъ преобладаетъ, сбиваетъ съ пути и уничтожаетъ военнаго. Его товарищи, менѣе смѣлые и геніальные, обладаютъ болѣе полезными для возрожденія арміи военными качествами. Отщепенцы-дворяне, каковы Биронъ и Кюстинъ, авантюристы стараго порядка, какъ Дюмурье, учились дипломатіи и военному дѣлу въ школѣ Фридриха II: они вносили въ армію обычаи другого времени, а именно Семилѣтней войны. Офицеры съ менѣе бурной карьерой, болѣе правильною жизнью и болѣе умѣренными желаніями вернутъ армію къ героической эпохѣ старой Франціи. Это—школа Фабера, всего болѣе спо-

[1]) Jomini, t. II. Chuquet, p. 48—57, 192—201. Рошамбо умеръ въ отставкѣ въ 1809; Лафайетъ взятъ въ плѣнъ въ 1792; умеръ въ 1834 г.; Люкнеръ погибъ на эшафотѣ въ 1794 г.

[2]) Биронъ былъ казненъ въ 1793 г.—Мену умеръ губернаторомъ въ Венеціи въ 1810 г.; Кюстинъ казненъ въ 1793 г.—Монтескьу эмигрировалъ въ 1792 г.; умеръ въ изгнаніи въ 1798 г.—Ла Бурдонне былъ уволенъ, умеръ въ 1793 г.—Канкло сдѣлался сенаторомъ имперіи и пэромъ Франціи, 1814 г.

собная передать молодымъ, исполненнымъ энтузіазма, поколѣніямъ традиціи древне-французской чести: ей мы обязаны Дагоберомъ де Фонтениль и Дюгоммье, суровыми и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательными героями Пиренейской войны [3]); подъ ихъ начальствомъ служилъ Периньонъ, ставшій затѣмъ ихъ достойнымъ преемникомъ; Ла Туръ д'Овернь, принесшій въ ряды республиканскихъ войскъ чистосердечіе и рыцарскій духъ старыхъ временъ [4]). За ними слѣдовали менѣе стоическіе, менѣе честолюбивые, но не менѣе патріотичные, неустрашимые, твердые люди, приведенные въ уныніе ордонансами о дворянскихъ правахъ, но оживленные революціей; опасность отечества внезапно возвысила ихъ надъ всѣми соотечественниками, а можетъ быть и надъ ихъ собственнымъ достоинствомъ. Здѣсь мы видимъ Келлермана, которому принадлежитъ честь перваго импульса и первой побѣды [5]); Клебера, котораго несправедливость французскаго министерства принудила искать службы за границей [6]); Серюрье [7]) и Шерера [8]); первый былъ подполковникомъ, второй—капитаномъ.

Рядомъ съ этими главными начальниками, увлекающими и приводящими въ восторгъ войска, стоятъ болѣе скромные военные дѣятели, организующіе ихъ, сплачивающіе и чертящіе планы: Серванъ, которому вмѣстѣ съ Дюмурье принадлежитъ составленіе плана аргонской кампаніи; Дюбуа де

---

[3]) Fervel, *Campagnes de la Révolution française dans les Pyrénées Orientales*, Paris. 1861. Дагоберъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ. «Старый офицеръ изъ дворянъ, превратившійся въ самаго бодраго изъ республиканскихъ генераловъ; исключительно преданный военному знамени и родинѣ; безъ заднихъ мыслей, безъ особаго честолюбія; онъ можетъ быть не понималъ, куда идутъ, но спѣшилъ наверстать потерянное время, какъ всѣ мужественные люди, и ознаменовать конецъ своей жизни доблестными дѣлами и яркими подвигами». Онъ былъ убитъ непріятелемъ въ 1794 г. Sainte-Beuve, *Nouveaux lundis*, t. II.—Дюгоммье, род. въ Гваделупѣ въ 1738 г., въ 1758 г. былъ прапорщикомъ пѣхоты, въ 1792 г. генералъ-маіоромъ, убитъ непріятелемъ въ 1794 г. Въ 1791 г. онъ писалъ: «Я прожилъ пятьдесятъ лѣтъ подъ военнымъ деспотизмомъ... Побужденіе, мною двигающее, давно таилось въ сердцѣ, но ему не было выхода; революція вывела его на свѣтъ и я умру патріотомъ». *Revue Historique*, t. XXX, Vauchelet, *le Général Dugommier*.

[4]) Ла Туръ д'Овернь, *первый французскій гренадеръ*, убитъ непріятелемъ, 1800 г.—Периньонъ, впослѣдствіи маршалъ, сенаторъ и графъ имперіи; пэръ Франціи въ 1814; маркизъ въ 1815 г.

[5]) Ему было въ 1792 г. 57 лѣтъ, генералъ-маіоръ; въ 1814 г.—маршалъ, герцогъ де Вальми, пэръ.

[6]) 39-ти лѣтъ; служилъ въ австрійскихъ войскахъ до 1783 г., затѣмъ былъ инспекторомъ общественныхъ зданій въ Страсбургѣ; генералъ республики, убитъ въ Каирѣ въ 1800 г.

[7]) 50-ти лѣтъ, маіоръ пѣхоты; въ 1816—маршалъ, графъ и пэръ Франціи.

[8]) 45-ти лѣтъ, военный министръ въ 1797 г.

Крансе, слившій пѣхоту съ корпусомъ волонтёровъ и такимъ образомъ содѣйствовавшій образованію новой арміи [9]); Карно, начальникъ республиканскаго главнаго штаба, готовившійся къ главному командованію изучая сочиненія Вобана [10]); наконецъ весь контингентъ инженеровъ, артиллеристовъ, сотрудниковъ Карно по военному комитету, «способныхъ головъ и людей твердой воли» [11]), истинный очагъ войны и обороны. Здѣсь обладали военными знаніями, знаніемъ мѣстности и военнымъ опытомъ. Грибоваля уже не было въ живыхъ, но онъ образовалъ артиллерію и оставилъ послѣ себя учениковъ: д'Абовиля, командовавшаго впослѣдствіи артиллеріей при Вальми; Гальбо, заслужившаго изумленіе и похвалы герцога Брауншвейгскаго; Гримоара, работавшаго надъ составленіемъ плановъ въ кабинетѣ короля; онъ вынужденъ былъ исчезнуть въ 1793 г., но также образовалъ учениковъ: д'Арсона, Лафитта-Клаве, Лакюэ де Сессака, Менье, Фавара, продолжавшихъ его дѣло и смущавшихъ иностранцевъ выдержанностью своихъ плановъ сильнѣе, чѣмъ интенсивность натиска республиканскихъ армій приводила въ замѣшательство ихъ войска [12]).

Благодаря такимъ рессурсамъ и такому компетентному руководству, армія возродилась, пріобрѣла увѣренность въ своихъ силахъ, а новые генералы изучили военное дѣло, какъ и всѣ великіе полководцы—на поляхъ сраженій. Это—народное ополченіе 1792 г., поколѣніе молодежи, которую ожидали эпическія судьбы. Самымъ старшимъ изъ нихъ было тридцать лѣтъ; они стекаются со всѣхъ концовъ и выходятъ изъ всѣхъ слоевъ французскаго населенія [13]). Нѣкоторые изъ нихъ прошли чрезъ королевскія школы; между ними самое изумительное явленіе представляетъ Бонапартъ, артиллерійскій поручикъ, отставленный отъ должности за то, что отпра-

---

[9]) Серванъ, 51-го года, генералъ-маіоръ; военный министръ 1792 г.—Любуа де Крансе, 45-ти лѣтъ, бывшій мушкетеръ; членъ Конвента, военный министръ въ 1799 г.

[10]) 39-ти лѣтъ, инженеръ-капитанъ; членъ Конвента, подвергся проскрипціи 1797—1816; умеръ въ изгнаніи въ 1823 г.

[11]) Mallet du Pan, t. II, p. 44.

[12]) Бывшій французскій офицеръ, эмигрантъ, вступившій въ русскую военную службу, Ланжеронъ приписывалъ успѣхи генераловъ, «не подготовленныхъ ни своимъ происхожденіемъ, ни своимъ образованіемъ къ командованію войсками», единственно ихъ смѣлости и искусству, съ которымъ они приводили въ исполненіе планы этого комитета, «состоявшаго изъ артиллерійскихъ офицеровъ и инженеровъ, превосходно изучившихъ и мѣстность театра войны, и коллекцію замѣчательныхъ мемуаровъ генераловъ Людовика XIV и XV».

[13]) Бываютъ изумительные года: въ 1769 родились Бонапартъ, Гошъ, Марсо, Ней, Сультъ, Ланнъ, Жуберъ; въ 1768: Дезэ, Мюратъ, Мортье, Бессьеръ, Доммартенъ.

вился интриговать въ Корсику, вмѣсто того чтобы находиться при своемъ гарнизонѣ; онъ прозябаетъ въ Парижѣ, наблюдаетъ и съ большимъ трудомъ добивается возвращенія въ армію въ чинѣ капитана. Знаменитѣйшій послѣ него воинъ той же эпохи, Даву, также былъ принятъ въ Парижскую военную школу, но онъ дебютировалъ нарушеніемъ дисциплины и долженъ былъ удалиться; онъ снова появляется на сцену, но уже въ главѣ батальона волонтеровъ и такимъ-то обходнымъ путемъ возвращается къ арміи, гдѣ проявляетъ свое изумительное хладнокровіе, осторожность и упорство—качества, доставившія ему ту громадную славу, которой онъ пользовался у современниковъ [14]). Дворянами были также и слѣдующіе, весьма различные по своему характеру, люди: Дезэ,—«Байярдъ французской арміи, искусный генералъ, воинъ безъ страха и упрека», по выраженію Сегюра [15]), Доммартенъ, его ученикъ; Кларкъ, Макдональдъ, Груши, Мармонъ; Друо (Drouot) былъ сыномъ ремесленника, явился въ военную школу въ деревянныхъ башмакахъ и вызвалъ восхищеніе Лапласа своимъ чистосердечіемъ и раннимъ развитіемъ выдающагося ума [16]).

Все это были офицеры, и они могли сдѣлать болѣе или менѣе скромную, смотря по своему происхожденію и обстоятельствамъ, но почтенную карьеру и при старомъ порядкѣ. Тѣ, кто служилъ рядовыми, не могли ждать для себя ничего, и однако война обнаружила въ ихъ сердцѣ первоклассныхъ воиновъ, равныхъ по качествамъ ума и характера всему, что давало самаго доблестнаго французское дворянство. Предпріимчивость, страсть къ приключеніямъ и борьбѣ, пылкость, отвращеніе къ замкнутой, не представлявшей никакихъ перспективъ, жизни въ мастерскихъ или конторахъ, ошибки молодости, наконецъ возмущеніе противъ общественныхъ стѣсненій, такъ легко примиряющихся съ военной дисциплиной,—вотъ что во всѣ времена было главными побужденіями людей, случайно попадавшихъ на военную службу и при старомъ порядкѣ томившихся во мракѣ казармъ.

---

[14]) Даву было 22 года въ 1792 г. Въ 1819 г. онъ былъ маршаломъ, герцогомъ Ауэрштедскимъ, княземъ Экмюльскимъ, пэромъ. Stendahl, *Vie de Napoléon*, p. 228.

[15]) Дезэ (Desaix) было 24 года, генералъ республики, убитъ непріятелемъ въ 1800 г.

[16]) Доммартенъ, 24-хъ лѣтъ; генералъ республики; убитъ непріятелемъ въ 1799 г.—Кларкъ, 27-ми лѣтъ, капитанъ; въ 1817 г.—пэръ и маршалъ.—Макдональдъ, поручикъ, 27-ми лѣтъ; 1815 г.—маршалъ, герцогъ Тарентскій, пэръ.—Груши, полковникъ, 26-ти лѣтъ; въ 1830 г.—пэръ и маршалъ.—Друо, 18-ти лѣтъ, былъ въ артиллерійской школѣ; въ 1830 г. генералъ, графъ и пэръ.—Мармонъ, 18-ти лѣтъ, подпоручикъ и въ 1815 г. маршалъ, герцогъ Рагузскій, пэръ. Эмигрируетъ въ 1830 г. Умеръ въ Венеціи въ 1852 г.

Прежде всего назовемъ солдатскаго сына Лазаря Гоша, [17]) воспитавшагося въ средѣ огородниковъ, обязаннаго первоначальнымъ образованіемъ благотворительности сельскаго священника, вынужденнаго одно время, ради куска хлѣба, состоять конюхомъ въ придворной конюшнѣ. Случайно попавшая ему въ руки книга, какое-то путешествіе, пробудила у него жажду неизвѣстнаго и страсть къ завоеваніямъ. Онъ хотѣлъ уѣхать въ Индію и повторить подвиги товарищей Дюплекса. Вербовщикъ обманулъ его, и вмѣсто Индіи онъ былъ зачисленъ во французскую гвардію. Онъ жилъ скромно, пользуясь свободными часами для того, чтобы трудами рукъ своихъ заработывать деньги на покупку книгъ, которыя читалъ по цѣлымъ ночамъ. Онъ, такимъ способомъ, инстинктивно готовился къ той будущности, которая была бы для него недоступной, если бы революція неожиданно не открыла къ ней пути. Объявленіе войны застало его фельдфебелемъ національной гвардіи, и Серванъ послалъ его на границу, произведя въ поручики. Руссо сдѣлалъ его республиканцемъ; онъ родился для командованія войсками. Назовемъ Марсо [18]), судьба котораго напоминаетъ судьбу Гоша внезапностью возвышенія и печальною неожиданностью конца. Онъ служилъ писцомъ у прокурора, поступилъ на военную службу шестнадцати лѣтъ, съ 1789 г. былъ въ отставкѣ съ унтеръ-офицерскими нашивками; въ 1792 г. вернулся въ армію и, по словамъ одного современника, «воскресилъ въ республиканскомъ лагерѣ тотъ рыцарскій духъ, который въ былое время смягчалъ свирѣпость войны». Далѣе: Виктора [19]), сына судебнаго пристава, артиллерійскаго рядового, вышедшаго въ отставку въ 1791 г. потому что служба наскучила ему: Удино [20]), «истиннаго богатыря, прямодушнаго, откровеннаго и скромнаго», вышедшаго въ отставку вслѣдствіе того, что пересталъ надѣяться на повышеніе; Лекурба [21]), замѣчательнаго тактика; Журдана [22]), побѣдителя при Флёрюсѣ, также оставившаго службу послѣ Американской войны и превратившагося въ торговца суровскимъ товаромъ въ Лиможѣ; Массена [23]), бывшаго сержанта, обезкураженнаго при старомъ порядкѣ неудачами и внесшаго въ революціонную армію вмѣстѣ

---

[17]) Гошу было 23 года въ 1792 г., онъ былъ въ то время фельдфебелемъ; генералъ республики, умеръ въ 1797 г. См. Albert Duruy, *Hoche et Marceau.* Paris 1885.

[18]) 23 года; генералъ республики; убитъ непріятелемъ въ 1796 г.

[19]) 26 лѣтъ въ 1792 г.; впослѣдствіи маршалъ, герцогъ Беллюнскій и пэръ въ 1815.

[20]) 25-ти лѣтъ, маршалъ, герцогъ Реджіо, пэръ въ 1814. Слова Сегюра.

[21]) 33-хъ лѣтъ, отставной солдатъ; генералъ республики.

[22]) 30-ти лѣтъ; маршалъ, графъ и пэръ въ 1819 г.

[23]) 34-хъ лѣтъ, маршалъ, герцогъ Риволи, князь Эсслингскій.

съ нравами крупнаго кондотьера доблесть, находчивость и сообразительность великаго полководца; Фріана, крестьянскаго сына, сержанта инструктора французской гвардіи, находившагося въ отставкѣ съ 1787 г. [24]); Лефебвра, простого, но неустрашимаго солдата: онъ служилъ во французской гвардіи и, подобно Гошу, съ радостью перешелъ въ національные гвардейцы [25]); Ожеро, хитраго стараго солдата, способнаго на смѣлыя выходки и даже блестящіе подвиги, но лишеннаго умственнаго развитія, постоянства и характера; онъ служилъ въ гарнизонахъ и зналъ одно фехтовальное ремесло [26]). Мюрата [27]), вышедшаго изъ самыхъ низкихъ слоевъ и имѣвшаго претензію на литературность; онъ декламировалъ монологи изъ трагедій, любилъ внѣшній блескъ, охотно проявлялъ театральную экзальтацію и говорилъ рѣчи въ казармахъ. За эти рѣчи онъ былъ лишенъ званія квартирмейстера. Этотъ будущій преемникъ неаполитанскихъ Бурбоновъ былъ выбранъ въ 1791 г. своими земляками Лотскаго края въ контингентъ конституціонной гвардіи Людовика XVI. Бессьеръ, бывшій въ то время парикмахеромъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы поступить на одну съ нимъ службу [28]). Другіе, какъ напримѣръ Ней, Сультъ, и въ особенности Пишегрю были болѣе образованы, но оставались капралами или унтеръ-офицерами во время войны. Монсей, сынъ адвоката, и получившій юридическое образованіе Шампіоннэ дослужились, одинъ до капитанскаго, а другой—до чина поручика [29]). Образованнѣе всѣхъ остальныхъ былъ Бернадоттъ [30]); онъ отличался гибкостью ума, но меньшею искренностью, чѣмъ его товарищи. Однако духъ вѣка коснулся и его, и онъ достойно началъ свое поприще; но онъ былъ великодушенъ лишь по неопытности; жизнь испортила его; честолюбіе брало верхъ въ его побужденіяхъ: онъ одаренъ былъ и многими высокими ка-

---

[24]) 34-хъ лѣтъ, генералъ, графъ имперіи.

[25]) 37-ми лѣтъ, маршалъ, герцогъ Данцигскій, пэръ въ 1819 г.

[26]) 35-ти лѣтъ, маршалъ, герцогъ Кастигліоне, пэръ въ 1814 г.

[27]) 24-хъ лѣтъ, маршалъ, неаполитанскій король, разстрѣлянъ въ 1815 г.

[28]) 24-хъ лѣтъ въ 1792 г.; маршалъ, герцогъ Истріа, убитъ непріятелемъ въ 1813 г.

[29]) Ней, 23-хъ лѣтъ, унтеръ-офицеръ; маршалъ, герцогъ Эльхингенъ, князь Московскій, растрѣлянъ въ 1815 г.—Сультъ, 23-хъ лѣтъ; унтеръ-офицеръ инструкторъ; маршалъ, герцогъ Далматскій, пэръ въ 1827 г.—Пишегрю, 31-го года, унтеръ-офицеръ; генералъ республики, кончилъ самоубійствомъ въ 1804 г.—Монсей, 38-ми лѣтъ, капитанъ; маршалъ, герцогъ Корреглiано, пэръ въ 1814 г.—Шампіоннэ, 30-ти лѣтъ, поручикъ; генералъ республики, умеръ въ 1799 г.

[30]) 28-ми лѣтъ, фельдфебель, военный министръ въ 1799 г., маршалъ, князь Понте Корво, умеръ королемъ шведскимъ подъ именемъ Карла XIV въ 1844 г. Цитата Сегюра.

чествами, и многими недостатками; и тѣ и другіе коренились въ его честолюбіи. Болѣе политикъ, чѣмъ военный, перебѣжчикъ революціи и Франціи, съ цѣлью занять престолъ иностраннаго народа, онъ однако съумѣлъ оказаться достойнымъ этого престола и благородно правилъ Швеціей. «Опасный подчиненный, плохой товарищъ по оружію, плохой гражданинъ, но хорошій властитель», такъ охарактеризовалъ его одинъ современникъ.

Большая часть этихъ случайныхъ воиновъ поступила въ 1792 г. въ волонтерскіе отряды; здѣсь и получили они свои первые чины. Требовались инструкторы и колонновожатые; они явились и ихъ выбрали. Въ средѣ рекрутъ они нашли помощниковъ. Эти новоприбывшіе не сознавали своего призванія; оно было вызвано событіями. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Ланнъ,—простолюдины, невѣжественные, но храбрые какъ легендарный Роландъ, съ которымъ его сравниваютъ [31]). Они возвысились единственно своими подвигами и величіемъ души, изучая и жизнь и войну среди битвъ. Себастіани, сынъ ремесленника; образованіе его самое элементарное, но у него душа воина и государственнаго человѣка [32]). Жюно, Мортье, Моранъ, Мэзонъ, люди, получившіе нѣкоторое образованіе [33]). Франчески былъ художникомъ, когда пошелъ въ солдаты [34]). Гувіонъ, также художникъ, оказался не только находчивымъ и храбрымъ, но тактикомъ, организаторомъ, спокойнымъ и методическимъ военоначальникомъ. Сверхъ того онъ отличался точностью слога, какъ писатель, дѣловитостью, какъ ораторъ, и былъ первоклассным министромъ [35]). За этою категоріей слѣдуютъ люди средняго сословія, которыхъ война заставила покинуть либеральныя профессіи: Моро [36]), хорошій адвокатъ, неожиданно проявившій качества полководца; одинъ изъ лучшихъ стратеговъ, обладавшій упорствомъ, осторожностью умнѣйшихъ генераловъ; но какъ человѣкъ онъ не отличался стойкостью, былъ злопамятенъ, не терпѣлъ соперниковъ и склоненъ былъ къ софизмамъ. Сюше былъ фабрикантомъ въ

[31]) 23-хъ лѣтъ въ 1792 г.; маршалъ, герцогъ Монтебелло, убитъ непріятелемъ въ 1809 г. Sainte-Beuve. *Causeries du lundi*, t. VIII статья: Le prince de Ligne—Ségur t. III.

[32]) 17-ти лѣтъ; маршалъ, графъ, посланникъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ 1830 г.

[33]) Жюно—21-го года; генералъ, герцогъ Абрантесъ, умеръ въ 1813 г.—Мортье, 24-хъ лѣтъ; маршалъ, герцогъ Тревизскій, пэръ, 1814 г.—Моранъ, 21 годъ, генералъ, графъ имперіи, пэръ въ 1820 г.—Мэзонъ, 21 годъ, генералъ, графъ, пэръ въ 1814 г., маркизъ въ 1817 г., посланникъ въ 1837 г.

[34]) 25 лѣтъ; генералъ, умеръ въ 1810 г.

[35]) 28 лѣтъ; маршалъ, военный министръ, маркизъ, пэръ въ 1815 г.

[36]) 29-ти лѣтъ; генералъ республики; съ 1804 г. изгнанникъ; перешелъ въ ряды непріятельской арміи въ 1813 г.; убитъ въ рядахъ русскихъ войскъ подъ Дрезденомъ.

Ліонъ; Брюнъ—литераторъ и журналистъ; Пелльпортъ готовилъ себя къ духовному званію, но, увлекшись великими классическими примѣрами, отправился на войну съ намѣреніемъ подражать древнимъ римлянамъ: Лассаль—дворянинъ; Шеренъ—сынъ королевскаго генеалога—провелъ раннюю молодость въ архивахъ; Жуберъ, одинъ изъ самыхъ искреннихъ энтузіастовъ, скошенный въ расцвѣтъ молодости и славы и сохранившій, подобно Дезэ, Гошу и Марсо ореолъ перваго порыва республиканскаго патріотизма [37]).

Въ то время этимъ патріотизмомъ проникнуты были всѣ. «Ядра встрѣчали криками: «Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ свобода и равенство!» [38]), писалъ самый холодный и суровый изъ тогдашнихъ дѣятелей, Даву.—Мормонъ, котораго политическое честолюбіе отвлекло отъ прямого пути, вспоминая на закатѣ дней о своей молодости, чувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ «въ лучезарную атмосферу». «Одно воспоминаніе объ этомъ,—говорилъ онъ,—согрѣваетъ меня теперь, въ пятьдесятъ пять лѣтъ, какъ тогда—въ первый день».

VI.

Все содѣйствовало усиленію наступленія со стороны революціи; все клонило къ ослабленію обороны стараго порядка. Тѣ самые историческіе импульсы, которые побуждали французовъ нести въ Европу свой захватывающій прозелитизмъ, заставляютъ континентальные народы воспринимать его вліяніе, или подчиняться его господству. Пропаганда успѣшна, а завоеваніе не представляетъ затрудненій только въ силу вѣковой подготовки, такъ сказать, располагавшей къ нимъ сосѣднія съ Франціей страны.

При отсутствіи національной сплоченности, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ, и въ особенности у нѣмцевъ лѣваго берега Рейна, революція окончательно разсѣваетъ у нихъ и безъ того крайне смутное понятіе объ отечествѣ. Во Франціи есть отечество: французы отождествляютъ его съ революціей. На лѣвомъ берегу Рейна нѣтъ отечества: тѣ, кто мечтаетъ о немъ, ищутъ его въ революціи и находятъ среди французовъ. Франція приглашаетъ человѣчество къ болѣе счастливому, свободному существова-

[37]) Сюше, 22-хъ лѣтъ, герцогъ Альбуфера, пэръ, 1814 г.—Брюнъ, 29-ти лѣтъ; маршалъ, умеръ отъ руки убійцы въ 1815 г.—Пелльпортъ, 19-ти лѣтъ, генералъ, виконтъ, пэръ въ 1841 г. См. у Сентъ-Бёва въ *Causeries du lundi*, t. XIII, *Pelleport*.—Лассаль пошелъ въ волонтёры 17-ти лѣтъ въ 1792 г.; генералъ, убитъ непріятелемъ въ 1809 г.—Шеренъ 30-ти лѣтъ; генералъ республики; умеръ отъ ранъ въ 1799 г.—Жуберъ, 23-хъ лѣтъ; генералъ республики; убитъ непріятелемъ въ 1799 г.—Sainte-Beuve, *Causer. du lundi*, t. XV, статья *Joubert*.

[38]) Davout, письмо 4 сентября 1792 г. Madame de Blocqueville, *Davout*, Paris, 1879, t. I, p. 299.

нію. «Она, такъ сказать, представляетъ надъ отдѣльными національностями интеллектуальное общее отечество, гражданами котораго могутъ быть люди всѣхъ націй [1]). Франція обладала гигантскою силою воздѣйствія; а свойство почвы, на которую направлено было это воздѣйствіе, удесятеряло его результаты. «Миръ хижинамъ, война замкамъ,—это открытіе не равняется ли по своему значенію изобрѣтенію пороха!» восклицаетъ одинъ современникъ.

Европейскіе властители принуждены довольствоваться старымъ оружіемъ: козырекъ ихъ касокъ не позволяетъ имъ видѣть приближеніе непріятеля; ихъ массивныя кирассы мѣшаютъ движенію подъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Натискъ долженъ смутить ихъ, пораженіе—разстроить въ конецъ. Они готовились усмирять классическими способами прошлаго времени народъ, находившійся въ состояніи анархіи, подвергнутый внутреннимъ распрямъ, разложенію нравовъ, неспособный къ дисциплинѣ и послѣдовательности въ своихъ планахъ, беззащитный противъ интригъ. Вмѣсто того, они очутились лицомъ къ лицу именно съ тѣмъ, что объявлено было невозможнымъ всѣми ихъ совѣтниками: съ тѣсно сплоченнымъ народомъ, громаднымъ войскомъ, зрѣло обдуманными планами и еще болѣе изумительною геніальною находчивостью. Для старой Европы это было чудовищнымъ видѣніемъ, политическимъ и военнымъ Апокалипсисомъ, который смутилъ и перевернулъ всѣ ея замыслы и намѣренія. «Старческое слабоуміе государей! писалъ великій историкъ той эпохи; они были разбиты ранѣе, чѣмъ поняли то новое, что совершалось въ мірѣ» [2]). Но если бы имъ и удалось понять, они тѣмъ не менѣе не въ силахъ были бы выдержать такой борьбы. Только одна Англія владѣла необходимыми средствами; она—единственная держава, мощь которой была бы опасной для революціи, потому что она могла противопоставить ей однородную силу: народъ, борющійся во имя своихъ принциповъ, интересовъ и традицій; но изолированное островное положеніе, оберегая Англію, въ то же время и задерживало ее. Морская война невозможна для нея, вслѣдствіе отсутствія французскаго флота. Для континентальной же войны она недостаточно вооружена. У нея есть великій министръ, но армія ея находится въ зачаточномъ состояніи. Она могла бы напасть и побѣдить французовъ только на твердой землѣ. Но здѣсь ей приходится ограничиваться дипломатіей и субсидіями, она вынуждена заключать союзы и давать плату наемникамъ. Ступая на континентъ, Англія утрачиваетъ свою твердость и заражается всѣми недугами старой Европы.

Ни австрійцы, ни пруссаки, какъ націи, не заинтересованы въ борьбѣ. Обѣ германскія державы предпринимаютъ чисто политическую экспедицію.

---

[1]) Tocqueville, *l'Ancien Régime*, liv. I, ch. III.

[2]) Ibid. ch. I. *Mélanges*, p. 189.

Этимъ обстоятельствомъ обусловливается ихъ слабость сравнительно съ Франціей, и эту слабость не восполняютъ ни болѣе совершенная организація ихъ войскъ, ни ихъ лучшая подготовленность. Взамѣнъ отсутствующаго національнаго мотива, онѣ не располагаютъ даже безусловною покорностью своихъ подданныхъ, которая могла бы быть наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ мятежнаго народа.

Австрія переживала кризисъ. Въ видахъ исправленія ошибокъ Іосифа, Леопольдъ снова преобразовалъ свое государство сверху до низу. Онъ устранилъ безпорядочность въ управленіи, но не имѣлъ времени перестроить монархію. Чисто искусственная централизація Іосифа II распадалось; аристократія снова заняла посты, отъ которыхъ устранилъ ее этотъ императоръ; но возвращаясь къ рутинѣ, она дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и въ царствованіе Маріи-Терезіи. Возвращая провинціямъ часть ихъ привилегій, Леопольдъ открылъ двери духу непокорства разносоставного населенія и требовательности своихъ, обремененныхъ налогами, подданныхъ. Въ Богеміи, Штиріи и Карніоліи, крестьяне требуютъ представительства въ сеймахъ. Венгерцы хотя и примирились, но остаются безпокойными и непокорными; они спорятъ о количествѣ солдатъ, которыхъ требуетъ съ нихъ государь и безъ которыхъ продолженіе войны становится невозможнымъ. Въ Вѣнѣ замѣчаются нѣкоторые признаки броженія; полицію это тревожитъ превыше всякой мѣры. Она безъ труда усмиряетъ недовольныхъ, но совершенно безсильна противъ болѣе серьёзнаго зла, а именно противъ безпечности и равнодушія населенія къ общественнымъ интересамъ. Вѣнское населеніе дорожитъ болѣе всего независимостью въ дѣлѣ развлеченій и раздражается, когда серьёзныя заботы отвлекаютъ его отъ удовольствій. Миръ встрѣтитъ всегда одобреніе въ Вѣнѣ; война вызоветъ недовольство и фрондированіе.

У Франца нѣтъ иного государственнаго ученія, кромѣ неподвижности абсолютизма. Онъ полагалъ, что исполнитъ долгъ свой, если добьется отъ своихъ народовъ молчаливаго повиновенія. Онъ упраздняетъ зрѣло обдуманные и введенные Леопольдомъ законы, имѣвшіе въ виду реформу подвластныхъ ему государствъ и требовавшихъ нѣсколькихъ лѣтъ для достиженія желаемыхъ результатовъ. Францъ возстановилъ централизацію Іосифа II, но исключительно въ видѣ орудія управленія и безъ всякихъ возвышенныхъ идей, одушевлявшихъ этого государя. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, три раза измѣнялась австрійская правительственная система. Лишенная внутренней связи, эта монархія держалась единственно благодаря сложнымъ административнымъ узамъ; эти узы связывались и развязывались столько разъ, что наконецъ ослабли. Правительство чахнетъ; органы управленія расшатаны и находятся какъ бы

въ оцѣпенѣніи. Народы слабо и вяло повинуются сбитымъ съ толка администраторамъ. Отъ нихъ уже нельзя требовать новыхъ жертвъ. Недоимки взимаются туго; дефицитъ въ казнѣ становится хроническимъ недугомъ. Австрія не имѣетъ даже возможности заключать займы. Если война продлится, правительство вынуждено будетъ прибѣгнуть къ разорительному способу, такъ часто отдававшему его политику во власть произвола союзниковъ, и низводившему его армію на зависимую роль наемныхъ войскъ, а именно: къ субсидіямъ. Правда, въ рекрутахъ нѣтъ недостатка въ странѣ; но они не одушевляются патріотическимъ чувствомъ. Провинціи взволновались бы лишь въ случаѣ опасности, грозящей династіи, и вторженіемъ въ ихъ предѣлы. Войска исполняютъ свой долгъ; они даютъ государству только то, что отъ нихъ требуется: храбрость и дисциплину. Одушевленія, страстнаго порыва, убѣжденія въ правотѣ дѣла у нихъ не имѣется, а слѣдовательно отсутствуетъ и выносливость при неудачахъ. Въ концѣ концовъ, въ этой войнѣ для нихъ дѣло идетъ только о чести оружія. Этого, конечно, достаточно для того, чтобы выйти съ честью изъ поединка между двумя государствами, но этого слишкомъ мало для истребленія народа, отличающагося бурностью натиска и упорствомъ въ оборонѣ. Генеральные штабы, составленные изъ знающихъ офицеровъ, подробно обсуждаютъ и выработываютъ на своихъ совѣтахъ сложные планы, которые и приводятся въ исполненіе со всею точностью и осмотрительностью. «Нетрудно было предвидѣть, замѣчаетъ Жомини, что императорскія войска подвергнутся большимъ бѣдствіямъ, если только непріятель приметъ систему наступленія и энергично выполнитъ ее». Однимъ словомъ, государственное устройство Австріи дѣлало ее слабой и легко уязвимой на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ національный характеръ и характеръ революціи давали французамъ непреодолимую силу.

Пруссія была устойчивѣе; но ее гложетъ внутренній недугъ, подрывающій жизненную силу организма. Она находится во власти эмпириковъ. Они пришли къ тому блестящему открытію, что просвѣщенное правительство подрываетъ въ самой основѣ авторитеты государей; что всѣ государственныя бѣды проистекаютъ отъ излишняго просвѣщенія; что Франція испытываетъ послѣдствія именно этого зла и что единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ можетъ служить реакція въ сторону деспотизма и ханжества. Они принялись за это дѣло съ полнымъ ослѣпленіемъ. Пруссія экспериментировала на себѣ великую панацею стараго порядка и то мѣстное леченіе, въ которомъ заключалась вся мудрость эмиграціи: безконтрольную королевскую власть. Не надо Собраній, не надо парламентовъ; слѣдуетъ постоянно усиливать армію и давать ей дѣло; для недовольныхъ и мятежниковъ—инквизиторскую полицію; для философовъ—

неумолимую цензуру, а для народа—ровно столько благочестія, сколько требуется для отупленія умовъ, не стѣсняя однако развлеченій высшаго класса. Такими-то политическими пластырями намѣревались коблентскіе мудрецы задушить гидру революціи и предупредить развитіе ея вліянія. Эти пластыри прикладывались къ Пруссіи, гдѣ еще не бродили зловредныя идеи, гдѣ народъ еще сохранилъ покорность, утраченную во Франціи, гдѣ все было еще примитивно, однимъ словомъ, гдѣ революція еще не оказала воздѣйствія. Результатомъ эмпирическаго леченія было ускореніе паденія и расчистка пути для той самой революціи, которую желали предотвратить.

Прусскій народъ еще не возмущался и даже никогда не волновался серьёзно; однако онъ созрѣлъ настолько, чтобы нельзя было безнаказанно подвергать его вздорному управленію. Онъ вяло повиновался тѣмъ, кто не умѣлъ искусно командовать. Люди просвѣщенные осмѣивали эту инквизицію распущенныхъ педантовъ, декретировавшихъ добродѣтель и уживавшихся со всевозможными пороками. Каждый по своему усмотрѣнію распоряжался общественными дѣлами: правительство требовало уваженія, котораго не заслужило; ему платили должнымъ равнодушіемъ. Въ сущности, кризисъ въ Пруссіи былъ еще опаснѣе австрійскаго. Въ Австріи государство пребывало въ летаргическомъ снѣ; въ Пруссіи оно разлагалось. Особенно пагубные симптомы обнаруживались въ арміи; здѣсь фрондируютъ и интригуютъ: это своего рода республика, гдѣ всѣ громко разсуждаютъ и заявляютъ свое мнѣніе. За неимѣніемъ возможности бесѣдовать о философіи, о конечной причинѣ и системѣ мірозданія, какъ-то дѣлалось при Фридрихѣ II, въ прусской арміи разсуждаютъ о дипломатіи и спорятъ о планѣ веденія войны. Въ этой арміи можно было встрѣтить болѣе противниковъ Австріи, чѣмъ враговъ французской революціи. Всѣ, кого выводитъ изъ терпѣнія назойливый гнётъ ханжей, кого возмущаетъ ихъ грубое шарлатанство, кто питаетъ отвращеніе къ ихъ интриганству, однимъ словомъ, всѣ, кто не утратилъ мужества и проницательности, возвращаются къ традиціямъ прошлаго царствованія, то есть къ соперничеству съ домомъ Габсбурговъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ проявляется болѣе или менѣе явно склонность къ союзу съ Франціей. Такъ какъ война носитъ чисто-политическій характеръ, то они начинаютъ уяснять себѣ истинные интересы государства и находятъ, что союзъ съ державою, на которую велятъ нападать, былъ бы выгоднѣе союза съ тою державою, которую велятъ поддерживать. Въ Пруссіи отсутствуетъ не только патріотическое одушевленіе, но и самая вѣра въ полезность предпріятія и желаніе его совершить.

Австрійскій военный міръ болѣе возбужденъ противъ Франціи: его

склоняетъ къ этому традиція; но въ то же время та же традиція возстановляетъ его противъ Пруссіи. У обѣихъ союзницъ, вслѣдствіе весьма различныхъ побужденій, развивается соперничество, способное разстроить наилучше задуманные планы. Впрочемъ плановъ и не было. Нѣтъ людей ни для ихъ выработки, ни для приведенія ихъ въ исполненіе; нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы, въ силу престижа своей геніальности, привлечь, собрать эти разрозненныя войска и превратить въ благородное соревнованіе разлагающее соперничество между обѣими германскими арміями. Безучастность народа заранѣе ослабляла коалицію; слабость вождей парализовала ее.

Фридрихъ-Вильгельмъ и Францъ, первый запальчивый и взбалмошный, второй—упрямый и чопорный, оба роковымъ образомъ принуждены были опираться на своихъ совѣтниковъ. И въ арміи и въ канцлерствѣ имъ попадались только посредственности; изъ нихъ они довѣряли наиболѣе раболѣпнымъ и нижепоставленнымъ. Взрыву военнаго и завоевательнаго генія Франціи они противопоставляютъ шаблонныхъ дипломатовъ и стратеговъ-формалистовъ. Герцогъ Брауншвейгскій въ Пруссіи, Маккъ—въ Австріи, вотъ вся военная интеллигенція Германіи въ этомъ первомъ военномъ кризисѣ. Имѣлось, правда, не мало дивизіонныхъ генераловъ, образованныхъ, знающихъ свое ремесло, храбрыхъ, осторожныхъ, способныхъ дать импровизованнымъ противникамъ хорошій урокъ тактики и выдержки, но совершенно лишенныхъ высшихъ военныхъ дарованій: находчивости, огня, вдохновенія. Единственному замѣчательному австрійскому генералу, эрцгерцогу Карлу, было въ ту пору шестнадцать лѣтъ; онъ выступитъ на военную сцену только въ 1796 г. Грозные пруссаки войны за независимость: Блюхеръ, изумительный партизанъ, фанатическій въ аттакѣ, неутомимый въ переходахъ; Шарнгорстъ и Гнейзенау, патріоты-инструкторы національной арміи, скромно служатъ пока въ ея частяхъ и остаются неизвѣстными. Чтобы вывести ихъ изъ неизвѣстности, должна грянуть опасность, грозящая всей ихъ родинѣ, должны явиться тѣ самые импульсы и та же необходимость въ защитѣ, которыми такъ сильно была уже воодушевлена Франція и которые выдвинули знаменитыхъ незнакомцевъ ея королевскихъ войскъ.

Что касаетея министровъ, то всѣ они принадлежали къ разряду посредственныхъ. Исторія сохранила ихъ имена только для того, чтобы указать на несоотвѣтствіе между ихъ бездарностью и задачей, выпадавшей на ихъ долю. Австріи придется ждать десять лѣтъ до появленія тонкаго и ловкаго дипломата, который поправитъ ей дѣла: Меттерниху еще только девятнадцать лѣтъ въ 1792 г. Пруссія готовитъ себѣ выдающагося канцлера въ лицѣ Гарденберга и величайшаго изъ германскихъ государ-

ственныхъ людей, Штейна; но и тотъ и другой проявятъ свои дарованія только въ годину испытаній прусской монархіи; пока они занимаютъ второстепенныя должности подъ начальствомъ людей, неспособность которыхъ ускоряетъ приближеніе катастрофы. Государственные люди, Финкенштейнъ, Альвенслебенъ, Шуленбургъ, въ Берлинѣ,—не болѣе какъ приказчики, посредственные, дряхлые, несамостоятельные; въ Вѣнѣ, они чопорны, надменны и самонадѣянны, какъ напримѣръ Коллоредо и Кобенцель. Но за тѣми и другими стоитъ шайка интригановъ, наперсниковъ и разныхъ второстепенныхъ, но вліятельныхъ людей: въ Вѣнѣ—Шпильманъ, въ Берлинѣ—Бишофсвердеръ, Маншейнъ, Луккезини. Есть еще Тугутъ и Гаугвицъ, два обломка царствованій Маріи-Терезіи и Фридриха; одинъ, выбравшійся въ люди изъ низшихъ слоевъ и сдѣлавшій карьеру при помощи извилистыхъ путей тайной дипломатіи; другой—дворянинъ-развратникъ, съ оттѣнкомъ теософіи, добившійся милости посредствомъ розенкрейцеровъ и фаворитокъ. Оба ловкіе, опытные въ дипломатическихъ ухищреніяхъ, но болѣе алчные, чѣмъ честолюбивые, не столько собственно дипломаты, сколько политики-торгаши, неспособные къ крупнымъ дѣламъ и широкимъ замысламъ; узкіе и близорукіе, они имѣютъ въ виду при переговорахъ только обмануть, обойти, и рискуютъ сами быть обойденными и эксплуатированными каждымъ, кто при одинаковой съ ними безсовѣстности окажется предусмотрительнѣе, стремительнѣе, послѣдовательнѣе и энергичнѣе ихъ самихъ.

Среди союзниковъ и вообще на всемъ европейскомъ континентѣ имѣется только одинъ крупный политикъ, способный обнять все поле дѣйствія, намѣтить себѣ цѣль и твердо идти къ ея достиженію, это—Екатерина II. Имѣется также только одинъ генералъ, достаточно неустрашимый, смѣлый, рѣшительный, способный воодушевить, фанатизировать своихъ солдатъ и помѣряться отвагой съ республиканскими генералами: это—Суворовъ. Но Екатерина занята исключительно Польшей, и ея войска подойдутъ къ Франціи не ранѣе 1799 г., т. е. когда будутъ уже нанесены всѣ рѣшительные удары, когда Франція давно уже пробьетъ всѣ свои бреши въ Европу, а ея войско выдвинетъ, въ лицѣ Жубера и Массена, противниковъ, способныхъ дать отпоръ самому Суворову.

У союзниковъ имѣются канцеляріи, архивы и агенты; у нихъ есть магазины, арсеналы, войсковая организація, дисциплина и боевые снаряды, однимъ словомъ, всѣ кадры дипломатіи и арміи; но для оживленія этихъ органовъ власти недостаетъ души. У французовъ патріотическое чувство замѣняетъ собою все, а у союзниковъ ничто не въ силахъ замѣнить отсутствія общаго плана и взаимнаго согласія. Сплоченнымъ общею опасностью и наэлектризованнымъ революціей французамъ они противопо-

ставляютъ разъединенную Европу, взаимную ненависть и деморализацію стараго порядка. «Европа не существуетъ болѣе!» восклицаетъ Малле дю Панъ уже въ январѣ 1792 г. Эти государи, вооружившіеся во имя права короны, не стоятъ даже за монархическій принципъ: среди принциповъ, на которые они ссылаются, напрасно было бы искать такихъ, которыхъ они не нарушили вчера и не нарушатъ завтра. Мы видѣли, какъ уважали монархическій принципъ въ Польшѣ. Уваженіе къ договорамъ? Но Фридрихъ-Вильгельмъ отрекается отъ договоровъ, заключенныхъ съ Польшей. Или, быть можетъ, уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ? Но на совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ коалиціи, только и рѣчи, что объ узурпаціяхъ, обмѣнахъ и дѣлежахъ чужой собственности. Не болѣе того заботились, какъ извѣстно, о чести и безопасности французской королевской фамиліи; нерѣдко, при нѣкоторыхъ иностранныхъ дворахъ, несчастіе Людовика XVI возбуждало однѣ насмѣшки.

Право оказывалось безсильнымъ въ борьбѣ съ интересами. Узы крови не принимались къ сердцу, коль скоро дѣло шло о выгодѣ. Родная сестра французской королевы, вышедшая замужъ за Бурбона, двоюроднаго брата Людовика XVI, Марія-Каролина, громко заявляетъ о своей ненависти къ французамъ и ихъ революціи; но вся энергія этого двора ограничивается реторикой. У королевы иныя заботы, ей не до войны, и ея скандалезное поведеніе производитъ въ Европѣ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ея заявленія. Мадридъ находится въ состояніи еще бо́льшаго нравственнаго упадка, чѣмъ Неаполь: тамъ даже не волнуются. Марія-Луиза правитъ государствомъ на подобіе того, какъ распущенная женщина управляетъ домомъ подвластнаго мужа. Она поглощена своею страстью къ Годою, а эта страсть, въ свою очередь, поглощаетъ казну, правительство и самую честь Испаніи. Въ мартѣ, Марія Луиза подарила своему супругу тринадцатаго ребенка; въ ознаменованіе этого событія, Карлъ IV возводитъ ея любовника въ званіе гранда первой степени, маркиза и герцога. Старый добрякъ Аранда добровольно отстраняется отъ всего, кромѣ иностранныхъ дѣлъ, но и здѣсь заботится исключительно о предотвращеніи конфликтовъ. Марія-Луиза желала отъ него избавиться. «Королевѣ и Годою нуженъ былъ миръ для того, чтобы свободно располагать государственною кассою», писалъ прусскій агентъ Баумгартенъ. Годой уже стоялъ во главѣ финансоваго совѣта; фактически власть была въ его рукахъ. Королева нашла, что настало для него время обладать этою властью и по праву, и 14 іюля онъ сдѣлался членовъ государственнаго совѣта. Вотъ все, что испанскіе и неаполитанскіе Бурбоны совершали для крестоваго похода королей лѣтомъ 1792 г., т. е. въ минуту величайшей опасности, грозившей французскому королю.

Крестовый походъ этотъ можетъ быть, по справедливости, названъ нечестивымъ, и сравненіе съ средневѣковыми походами этого имени есть не болѣе, какъ жестокая иронія: это—крестовый походъ безъ вѣры, безъ апостоловъ и рыцарей. Революція пропагандируетъ религію безъ Бога; Европа противопоставляетъ ей религію безъ вѣры и безъ вѣрующихъ. Эти крестоносцы-ренегаты не будутъ изнемогать, стремясь къ Святой землѣ; они сдѣлаютъ поворотъ и остановятся въ Византіи. Въ дѣйствительности, несмотря на благовидность юридическихъ мотивовъ и лицемѣрность манифестовъ, коалиція не что иное, какъ политическій союзъ, и именно такой, какой могли заключать государи конца восемнадцатаго вѣка, т. е. самый двусмысленный, непрочный, обильный взаимнымъ недовѣріемъ, преисполненный ловушекъ и соперничества. Союзникамъ слѣдовало бы сплотить свои войска, прорваться чрезъ французскую границу и дружными силами броситься на Парижъ. Но именно отъ этого они и нашли нужнымъ отказаться. Ихъ связывалъ интересъ, и связывалъ лишь для того, чтобы яснѣе обнаружить существовавшій между ними антагонизмъ. Австрія и Пруссія остаются непримиримыми въ самой своей лигѣ; онѣ руководствуются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ исключительно задними мыслями, и эти мысли постоянно идутъ въ разрѣзъ съ идеей союза. Ихъ менѣе озабочиваетъ желаніе побѣдить совокупными силами, чѣмъ боязнь видѣть изолированное торжество одной изъ нихъ. Зависть по поводу ожидаемыхъ пріобрѣтеній такъ интенсивна, что если бы не отмѣнили на время совѣщанія о вознагражденіи, само заключеніе союза и война остались бы одними проектами. Но съ самыхъ первыхъ движеній армій, непрочность союза дастъ себя чувствовать. Французы узнаютъ объ этомъ по медленности маршей и нестройности военныхъ операцій; они съумѣютъ этимъ воспользоваться.

Столкновенія между австрійцами и пруссаками не только задерживаютъ движеніе ихъ войскъ, но препятствуютъ и въ другихъ дѣлахъ коалиціи. Союзники подчиняютъ всѣ свои мѣропріятія вопросу объ ожидаемыхъ прибыляхъ; если они не добьются ихъ во Франціи, они станутъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Не найдя искомаго у врага, они возьмутъ его у своихъ союзниковъ. Если не удастся раздѣлъ Франціи, они подѣлятъ Польшу, которая не при чемъ въ ихъ ссорѣ, и даже самую Священную имперію, изъ-за которой вооружились и которая уплатитъ своимъ расчлененіемъ издержки войны, предпринятой во имя огражденія неприкосновенности ея правъ. Не слѣдуетъ поэтому удивляться уклончивости германскаго союза и тому, что онъ одинаково опасается и своихъ враговъ и своихъ защитниковъ. Впрочемъ монархическое рвеніе второстепенныхъ германскихъ государей регулируется усердіемъ крупныхъ государей; глав-

ною заботою ихъ, послѣ охраны своего существованія, является жажда обогащенія на счетъ достоянія еще болѣе мелкихъ государствъ. Эти послѣднія стараются заставить забыть о себѣ, чтобы сохранить право на существованіе. Повидимому, имперія прежде всего желаетъ остаться нейтральною въ собственномъ дѣлѣ и ждетъ вознагражденія за этотъ нейтралитетъ изъ своихъ собственныхъ средствъ. Эгоизмъ и алчность преобладаютъ во всѣхъ замыслахъ Европы. По отсутствію идеи и принципа, она могла подавить революцію только силою, а сила измѣняетъ ей.

VII.

Эмигранты возлагали всѣ свои надежды на эту силу; отъ нея ждали они успѣха, на ней была основана вся ихъ политика. Европа не ссужаетъ имъ этой силы; сами они не владѣютъ ею. Они вносятъ въ лигу лишній элементъ разлада и слабости. Несмотря на личную храбрость отдѣльныхъ лицъ, эмигрантское войско состоитъ изъ волонтерскихъ отрядовъ, не подчиняющихся дисциплинѣ и претендующихъ на главную роль въ средѣ коалиціи, которая въ свою очередь допускаетъ ихъ не иначе, какъ въ качествѣ пособниковъ. Во всякомъ случаѣ, приходится считаться съ ними и выслушивать, хотя бы для того, чтобы избавиться отъ нихъ. Претензіи эмигрантовъ раздражаютъ союзниковъ. Къ тому же ихъ громадная непопулярность можетъ только вооружить противъ арміи поголовно всѣхъ крестьянъ тѣхъ деревень, по которымъ ей придется проходить. Эмигранты не сознаютъ этого; они до конца будутъ отказываться вѣрить такому факту. Дерзко судя о Франціи — по примѣрамъ Голландіи, Бельгіи и Польши,—они обольщаютъ себя иллюзіями и опьяняются фанфаронадами. Ослѣпленіе ихъ по отношенію къ революціи такъ велико, что они неспособны отдать себѣ отчета въ ея оборонительныхъ средствахъ, разсмотрѣть ея уязвимые пункты, однимъ словомъ, составить себѣ понятіе о той крѣпости, на приступъ которой идутъ. Они воображаютъ, что имъ достаточно явиться, чтобы принудить ее къ сдачѣ; на самомъ же дѣлѣ ихъ появленіе удесятеряетъ силы революціи, дѣлаетъ ее неодолимой и прибавляетъ къ ожесточенію войны за независимость всѣ ужаса соціальной борьбы. Они кончаютъ самоубійствомъ длинный рядъ ошибокъ и заблужденій.

Въ самой Франціи у эмиграціи нѣтъ партіи, которая могла бы ее поддержать. Единственная серьёзная междуусобица,—гражданская война въ западной Франціи—велась не ради эмиграціи и не эмигрантами. Они встрѣтятъ только народъ, неумолимо враждебный къ нимъ, какъ личностямъ и къ ихъ предпріятію. Они вѣдь отрицаютъ все то, что утверждаетъ Франція; они грозятъ разрушить все, что она создала; они хвалятся, какъ замѣтилъ де Мерси въ своей депешѣ отъ 3 окт. 1792 г., «возста-

новить навѣки разрушенный порядокъ вещей и уничтожить неразрушимое»; и такія намѣренія они желаютъ осуществить не просто грубою силою, но самою ненавистною для благородной и сознающей свои права націи—силою чужеземцевъ. Этого вполнѣ достаточно для ихъ собственной безвозвратной гибели. Возстановленіе стараго порядка и расчлененіе отечества становятся, естественнымъ образомъ, синонимами въ умѣ французовъ. Война объединила въ одну партію всѣхъ, кому дорога неприкосновенность Франціи и торжество революціи, противъ всѣхъ, кто, ради уничтоженія революціи, вступилъ въ союзъ съ врагами Франціи. Этимъ самымъ эмигранты придали характеръ народнаго бунта и сепаратистской войны всѣмъ происходившимъ во Франціи роялистскимъ или религіознымъ инсуррекціямъ; они возбудили противъ своей монархической экспедиціи всѣ патріотическія страсти и чувство національнаго единства, которое монархія вѣками поставляла себѣ за честь развивать во французскомъ народѣ.

Въ этомъ отношеніи они преимущественно извратили ту традицію, на которую сами ссылались, и отреклись отъ великаго Генриха, котораго безпрестанно приводили какъ примѣръ, достойный подражанія. Генрихъ IV слѣдовалъ за поступательнымъ ходомъ французской исторіи; они же желали поворотить его назадъ; Генрихъ увлекалъ за собою народъ; они думали гнать его передъ собою; Генрихъ обезпечивалъ народу преобразованія, которыхъ этотъ народъ желалъ, но не могъ осуществить; они стремились отнять у народа права, имъ самимъ завоеванныя, и реформы, которымъ онъ положилъ начало. Генрихъ собиралъ націю противъ партіи иностранцевъ; они объединили Францію противъ себя. Наконецъ, Генрихъ боролся противъ лиги, они же пытались ее воскресить; но и это имъ не удалось. Не Филиппъ II и его испанцы составляли могущество партіи Гизовъ; эта партія сильна была «Шестнадцатью» и ихъ сподвижниками, возставшей парижской коммуной и всею плебейскою и сектантскою экзальтаціей, внушенной монахами-демагогами. Духъ старинныхъ лигистовъ перешелъ къ якобинцамъ и фанатизмъ сталъ на сторону революціи. По словамъ г-жи Сталь, «эмигранты были горстью французовъ, затерявшеюся среди европейскихъ штыковъ». На нихъ падаетъ отвѣтственность за союзъ съ иностранцами, который однако не принесъ имъ пользы. Тѣ изъ иностранцевъ, которые имъ сочувствовали, ничего не сдѣлали для нихъ. Тѣ же, которые явились на поле сраженія, нетерпѣливо желали отъ нихъ отречься. Россія требовала, чтобы коалиція признала ихъ чѣмъ-то въ родѣ временной державы, отдала бы имъ завоеванные пункты и ничего не удерживала въ свою пользу изъ территорій французскаго короля; но для подтвержденія этихъ требованій не было русскихъ войскъ въ коалиціонной арміи. Въ этой арміи были только нѣмцы, а они не намѣ-

рены были ссужать безъ залога и работать безъ вознагражденія. Французскимъ принцамъ приходилось или дать согласіе на расчлененіе Франціи, или устраниться. Нѣмцы находятъ болѣе удобнымъ не ставить ихъ въ такое щекотливое для ихъ совѣсти положеніе и просто-на-просто перестаютъ съ ними совѣщаться.

Принцевъ это привело въ негодованіе и они наполняютъ Европу громомъ своихъ протестовъ. Они, въ сущности, не знаютъ ни Европы, ни Франціи. Ихъ заблужденіе присуще всѣмъ эмиграціямъ [1]). Сторонники Стюартовъ обманывали себя въ теченіе цѣлаго вѣка; тарговицскіе поляки-конфедераты даютъ этому новый и плачевный примѣръ.

Въ то же самое, время какъ французскіе эмигранты искали помощи за границей, другіе добровольные изгнанники искали убѣжища и содѣйствія на территоріи своего исконнаго врага, мечтали вернуться на родину побѣдителями, доставить преобладаніе въ государствѣ своимъ привилегіямъ и возстановить, вмѣстѣ съ старыми законами, господство своей партіи. Тарговицскіе конфедераты вступили въ союзъ съ русскими для того, чтобы уничтожить конституцію 3-го мая 1791 г. такимъ же образомъ, какъ французскіе принцы соединились съ нѣмцами въ видахъ уничтоженія законовъ, установленныхъ во Франціи съ 1789 г. Обѣ коалиціи происходили одновременно; одна оказалась удачной, другая не удалась, и эта противоположность результата резюмируетъ причины двухъ крупныхъ событій, тѣсно связанныхъ между собою и отнынѣ господствующихъ во всей этой части исторіи: торжество Франціи и уничтоженіе Польши.

Во Франціи, патріоты даютъ отпоръ иностранному нашествію и отражаютъ его. Польскіе патріоты пытаются остановить его и погибаютъ, несмотря на свою доблесть. И это произошло потому, что во Франціи національная традиція, сознательная въ людяхъ образованныхъ и инстинктивная у самыхъ невѣжественныхъ, внушаетъ всѣмъ и каждому охранительныя, такъ сказать, чувства: любовь къ независимости, отвращеніе къ иноземному вмѣшательству. Напротивъ того, въ Польшѣ гражданская война, союзъ съ иностранцами, мятежность партій, по отношенію къ государству, и непокорство отдѣльныхъ лицъ, по отношенію къ партіямъ,

[1]) Меттернихъ, близко знавшій французскую эмиграцію и не могущій быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ новой Франціи и французской революціи, писалъ двадцать лѣтъ спустя: «Мы были поражены сходствомъ роли, которую поляки играли и играютъ въ настоящей кампаніи относительно Франціи, съ ролью, которую постоянно и во вредъ себѣ играли французскіе эмигранты по отношенію къ союзнымъ державамъ во время первыхъ революціонныхъ войнъ. Это сходство естественно, потому что духъ эмиграціи былъ и будетъ всегда одинъ и тотъ же». Oncken, *Oestreich und Preussen in Befreiungskriege*, Berlin, 1876, t. I, p. 431.

сдѣлались какъ бы пагубнымъ импульсомъ и неизбѣжнымъ внушеніемъ самой исторіи. Послѣ кризиса, во время котораго народъ былъ предоставленъ самому себѣ, Франція непосредственно возвращается къ навыкамъ, усвоеннымъ въ продолженіе болѣе чѣмъ шести вѣковъ монархіи и національнаго объединенія; Польша же возвращается къ привычкамъ, созданнымъ двухъ-вѣковыми раздорами и анархіей. Во Франціи, позади партій, раздирающихъ на поверхности другъ друга, остается невредимымъ здоровый, однородный слой населенія. Когда объявляютъ о нераздѣльности націи, говорятъ о самой душѣ ея. Она объявляетъ себя свободной и обладающей верховною властью: каждый французъ готовъ отдать жизнь и за свою собственную свободу, и за свободу всѣхъ. Ничего подобнаго не видно въ Польшѣ. Нація въ ней заключается въ нѣсколькихъ тысячахъ дворянъ, раздѣленныхъ на мятежныя партіи, раздирающихъ свою Рѣчь Посполитую и спорящихъ изъ-за ея остатковъ; но эти мутныя и бурливыя воды не глубоки: почва остается безжизненной, и волны проходятъ по ней, не колебля ея. Тамъ не было ни буржуазіи, которая стремилась бы къ образованію и домогалась власти третьяго сословія, ни крестьянъ-собственниковъ, съ ожесточеніемъ защищающихъ землю, завоеванную трудомъ и только что ими самими освобожденную. Масса въ Польшѣ остается равнодушною къ революціи, потому что ничего отъ нея не выигрываетъ. Польская революція совершалась дворянами для дворянъ; она потерпѣла крушеніе потому, что ее не поддерживала вся совокупность націи.

«Чего требовали роялисты, когда стремились къ контръ-революціи, путемъ насилія?» спрашивалъ Жозефъ-де-Местръ въ эпоху великаго торжества революціи въ Европѣ. «Они требовали завоеванія Франціи, а слѣдовательно ея раздѣла, уничтоженія ея вліянія и униженія ея короля». Отстаивая свои права, французы лишь продолжали дѣло французской исторіи. Вотъ почему понятіе о родинѣ отождествилось съ понятіемъ о революціи; дѣло же короля слилось съ дѣломъ коалиціи, и эта послѣдняя, въ силу самаго существованія своего, ускорила паденіе королевской власти и обезпечила успѣхъ революціи. Исконныя, вѣковыя вліянія руководили и Европой: коалиція, образовавшаяся во имя обще монархическихъ интересовъ, разбилась въ конфликтѣ интересовъ отдѣльныхъ монархій. Интересы королей извратили и разрушили крестовый походъ, предпринятый ради спасенія одного изъ нихъ.

Эти послѣдствія выступаютъ съ полною ясностью и очевидностью въ августѣ 1792 г. и проявляются уже съ самаго начала войны. Я не строю гипотезъ о могущей иначе сложиться Европѣ и о возможности иныхъ сцѣпленій обстоятельствъ. Я изучаю совершившіяся событія и дѣйствительно существовавшихъ людей: въ этомъ заключается задача исторіи; остальное—пустыя и

произвольныя разсужденія. Если я съумѣлъ ясно высказать свою мысль, то, надѣюсь, можно будетъ признать, что вслѣдствіе установляемыхъ фактовъ и наличныхъ силъ отдѣльныхъ людей того времени, слѣдуетъ изумляться не тому, что событія совершились, а тому, если бы они не произошли. Война между Франціей и Европой была неизбѣжна. Франція объята революціей. Элементы этой революціи сложились такъ, что власть должна была неминуемо перейти къ крайнимъ, а эти, имѣя возможность овладѣть ею только силою, не могли удержать ея иначе, какъ посредствомъ террора. Ошибочно было бы предполагать, что терроръ, порожденный своего рода свирѣпымъ вдохновеніемъ въ минуту національной опасности, былъ ненавистнымъ, но неизбѣжнымъ условіемъ общественнаго спасенія. Терроръ былъ необходимъ для однихъ террористовъ, для узурпаціи власти и устраненія соперниковъ. Для того, чтобы защищать свою страну и отстоять свою революцію, французы не нуждались въ томъ, чтобы имъ приставляли ножъ къ горлу, чтобы ихъ били саблями или стегали розгами. Они будутъ сражаться свободными людьми, а не вооруженными рабами или гладіаторами. Не зрѣлище гильотины воспламенитъ въ ихъ душахъ тѣ чувства, которыя рѣшатъ успѣхъ общаго дѣла, любовь къ родинѣ, ненависть къ чужеземцу, отвращеніе къ старому порядку. Французы, напротивъ, до такой степени проникнуты этими чувствами, что забываютъ обо всемъ ради нихъ и жертвуютъ всѣмъ ради условій борьбы. Они требуютъ отъ своихъ правителей только продолженія войны. Народъ идетъ за тѣми, кто всего фанатичнѣе стремится къ битвѣ, потому что считаетъ ихъ наиболѣе заинтересованными въ побѣдѣ; онъ идетъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, ихъ происки, ихъ ученія или ихъ соперничества. Не террористы возбудили эти чувства, они злоупотребляли ими и превратили въ орудіе своей власти. Франція несла въ самой себѣ средства къ спасенію. Идеи, во имя которыхъ она боролась, давно уже стали популярными, люди, оказавшіе рѣшительное вліяніе на побѣду, давно уже находились въ рядахъ ея арміи, когда началось господство террористовъ. Интенсивность распространенія этихъ идей и доблесть воиновъ не зависѣли отъ внушеній нѣсколькихъ безпокойныхъ людей, или горсти безпощадныхъ софистовъ: эти идеи и эти доблести, какъ и сама развившая ихъ революція, имѣли источникомъ все историческое прошлое Франціи. Таковы главныя, основныя линіи, которыя прежде всего необходимо опредѣлить и не упускать изъ вида, если хочешь разобраться въ событіяхъ и выяснить ихъ взаимное отношеніе. Если же мы уклонимся въ сторону съ этого простого и прямого пути, то рискуемъ заблудиться на проселочныхъ дорогахъ, принять слѣдствія за причины, исключенія—за правило, и незначительныя извилины почвы—за разграничительныя линіи водораздѣловъ.

Конецъ второго тома.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	35,	строка	5	человѣка	вмѣсто	человѣкомъ
„	39	„	10	своею	„	своего
„	44	„	11	преисполнены	„	преисполены
„	50	„	19	Бельгіи	„	Бельгію
„	52	„	3	наудача	„	неудача
„	76	„	18	воруженія	„	вооруженія
„	119	„	1	Парижѣ	„	Парижа
„	139	„	32	онѣмичившемся	„	онѣмечившемся
„	146	„	16	изъ	„	ихъ
„	158	„	13	Франція	„	Францію
„	166	„	2	восроизводили	„	воспроизводили
„	247	„	4	революціи	„	революція
„	250	„	20	въ ступившій	„	выступившій
„	305	„	10	оспариватъ	„	оспаривать

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 042691045